

STRATUM plus

ВАШ — археологический журнал

Время денег

- **П.О.Карышковский-Икар (Ad memoriam)**
- **Ольвийские монеты — история и искусство**
- **Варварские подражания чеканке македонских царей**
- **Античные монеты Тавриды**
- **Балканы. Тайны сокрытых фоллисов**
- **Куфические эмиссии в Молдове**
- **Знаки Рюриковичей из Дрогичина**
- **Золотая Орда сквозь призму нумизматики**
- **Деньги средневекового Крыма**
- **Монеты Молдавии XIV-XVI вв.**
- **Л.С.Клейн об археологическом факте**

Санкт-Петербург • Кишинёв • Одесса

1999 № 6

Журнал распространяется в розницу и по почте. Заказы, рукописи и вопросы направлять по адресу:

MD 2024. Республика Молдова, Кишинев, ул.Зимбрулуй 10 а,
Высшая антропологическая школа,
журнал STRATUM plus.
Тел./факс (3732) 438-342;
E-mail: root@rm.moldova.su

РЕДКОЛЛЕГИЯ

И.А.Борзияк — канд.ист.наук (Международный Свободный Университет Молдовы (ULIM), Кишинев, Молдова)
И.В.Бруяко — канд.ист.наук (Археологический музей, Одесса, Украина)
П.П.Бырня — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Л.Б.Вишняцкий — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
А.П.Городенко — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Е.Ю.Гиря — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
В.А.Дергачев — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
А.О.Добролюбский — докт.ист.наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина)
В.Ю.Зуев — канд.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
В.П.Кирилко — научн. сотрудник Института Археологии НАНУ (Симферополь, Украина)
С.И.Коваленко — канд.ист.наук (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
И.В.Манзура — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
К.К.Марченко — докт.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Р.А.Рабинович — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Н.Д.Руссев — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
М.Е.Ткачук — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
О.В.Шаров — канд.ист.наук (Издательство “Фарн”, Санкт-Петербург, Россия)
О.А.Щеглова — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
М.Б.Щукин — докт.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
П.В.Шувалов — канд.ист.наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь — Л.А. Мосионжник (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)

STRATUM *plus*

- **STRATUM *plus*** — международный археологический журнал. Издается университетом “Высшая антропологическая школа” в Кишиневе, Республика Молдова.
- Журнал выходит шесть раз в год на русском языке в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается либо отдельной археологической эпохе, либо отдельной достаточно актуальной проблеме археологической науки.
- Тематика статей журнала не ограниченна ни регионально, ни хронологически.
- Все статьи содержат резюме на английском языке.

Редактор номера — Николай Д. Руссев
Заместитель редактора – Владимир П. Кирилко
Ответственный секретарь – Леонид А. Мосионжник

Редколлегия выпуска:

Г.Атанасов
И.В.Бруяко
П.П.Бырня
А.О.Добролюбский
Р.А.Рабинович

Санкт-Петербург • Кишинёв • Одесса

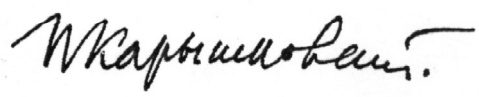
ISBN 9975-9559-4-0

Все права защищены!
© Высшая антропологическая школа
© Оригинал-макет: Л.А.Мосионжник
© Оформление обложки: Д.А.Топал, Л.А.Мосионжник
© Компьютерная верстка: Л.А.Мосионжник, Е.Ю.Зверев, И.А.Шипунова

«ВРЕМЯ ДЕНЕГ»

Памяти Петра Осиповича Карышковского посвящается

С О Д Е Р Ж А Н И Е

AD MEMORIAM

И.Б.Клейман (*Одесса, Украина*). Профессор Петр Осипович Карышковский (12.03.1921 — 06.03.1988) 8

Н.Д.Руссев (*Кишинев, Молдова*). Возвращение Икара Счастливого (субъективные заметки) 11

НАШ АРХИВ

П.О.Карышковский-Икар. Автобиография 19

П.О.Карышковский. Ольвийские монеты: производство и метрология 20

1. Монетные металлы и их источники 20
2. Изготовление монеты 26
3. Органы финансового управления Ольвии 29
4. Задачи и методы метрологического изучения ольвийских монет 32
5. Метрологическая классификация золотых и серебряных монет догетской Ольвии 36
6. Монетно-весовые системы догетской Ольвии 41
7. Метрологическая классификация медных монет догетской Ольвии 48
8. Метрологическая классификация монет и монетные системы послегетской Ольвии ... 55

Список опубликованных научных работ П.О.Карышковского 68

ТАЛАНТЫ И ЛЕПТЫ АНТИЧНОГО МИРА

В.П.Алексеев (*Одесса, Украина*). О монетном искусстве Ольвии классического и раннеэллинистического времени 74

А.Е.Терещенко (*С.-Петербург, Россия*). О монетах с надписью ΣΙΝΔΩΝ 84

С.Г.Демьянчук (*Севастополь, Украина*). Роль храмов в монетном деле городов Северного Причерноморья 90

А.Н.Левинский (*Кишинев, Молдова*). Столниченский клад: культурно-хронологическая интерпретация монет типа Хушь-Вовриешть 92

Н.А.Алексеенко, Е.Я.Туровский (*Севастополь, Украина*). Монетное монисто из окрестностей Херсонеса 100

ВИЗАНТИЯ ОТ СОЛИДОВ ДО НУММИЕВ

П.В.Шувалов (*С.-Петербург, Россия*). Случайные флуктуации или преднамеренный отбор? (Три клада фоллисов последней четверти VI в.) 104

Г.Атанасов (*Силистра, Болгария*). Анонимные византийские фоллисы класса В и нашествие печенегов в Добруджу 1036 г. 111

В.Л.Мыц (*Симферополь, Украина*), С.Б.Адаксина (*С.-Петербург, Россия*). Находки золотых византийских монет из раскопок Алустона 123

И.А.Баранов, В.В.Майко (*Симферополь, Украина*). Византийские монеты середины X в. из Сугдеи 128

ЗВОНКИЕ ЦВЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С.Г. Бочаров (*Симферополь, Украина*). Генуэзско-татарские медные монеты Каффы 130

В.П.Кирилко (*Симферополь, Украина*). Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации 137

Е.Николае (*Бухарест, Румыния*). Две монеты финальной стадии золотоордынского господства к западу от Днестра 142

Л.Л.Полевой (*Нью-Йорк, США*). Неизвестные болгарские монеты? 147

Г.А.Козубовский (*Киев, Украина*). Клад пражских грошей с контрмарками из Киева 153

А.П.Городенко (*Кишинев, Молдова*). Две монеты чеканки Аспрокастро 156

В.Л.Мыц (*Симферополь, Украина*), С.Б.Адаксина (*С.-Петербург, Россия*). Клад серебряных платежных слитков XV в. из Алустона 159

Н.А.Кухар-Онишко (*Николаев, Украина*), С.Н.Травкин (*С.-Петербург, Россия*). Об одном монетном кладе из Молдавии 170

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

П.П.Бырня, Н.Д.Руссев (*Кишинев, Молдова*). Монеты средневековой Молдавии (Историко-нумизматические очерки) 176

От авторов 176

Предисловие. Изображения на молдавских монетах — памятники средневекового мышления 177

Глава 1. Господари «Земли Молдавской» в монетной чеканке 182

Глава 2. Молдавские монеты в денежном обращении на современных территориях Молдовы и Украины 202

Глава 3. Денежное хозяйство и некоторые вопросы истории Молдавии конца XIV — первой трети XVI вв. 223

Послесловие. Окончательное прекращение монетной чеканки в средневековой Молдавии 241

Приложение 1.Краткое описание некоторых господарских установлений XV в. о порядке иноземной торговли и денежных платежах в Молдавии 244

Приложение 2. Документы конца XIV – XV вв. о товарно-денежных отношениях в монетном деле Молдавии 247

МОНЕТЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ

Р.А.Рабинович (*Кишинев, Молдова*). Дирхемы на территории Молдовы: культурно-исторический контекст 263

Ю.Е.Варваровский. «Мамаева Орда» (по данным письменных источников и нумизматики) 276

ЗНАКИ ДОСТОИНСТВА

С.В.Белецкий (*С.-Петербург, Россия*). Знаки Рюриковичей на пломбах из Дрогичина (по материалам свода К.В.Болсуновского) 288

И.Е.Гончарова (*Кишинев, Молдова*). Медаль в память Полтавской битвы 331

Ю.А. Добролюбская, А.О.Добролюбский (*Одесса, Украина*). «Храни меня, мой талисман…» 334

ТЕОРЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Л.С.Клейн (*С.-Петербург, Россия*). Глубина археологического факта и проблема реконверсии 337

ИСТОРИЯ НАУКИ

Е.В.Власова (*С.-Петербург, Россия*). И.К.Суручан и его музей 362

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 369

CONTENTS 371

Уважаемые коллеги! 373

AD MEMORIAM

ПРОФЕССОР ПЕТР ОСИПОВИЧ КАРЫШКОВСКИЙ (12. 03. 1921 — 06. 03. 1988)

О феноменальной одаренности этого человека уже много написано в некрологах, сказано на научных чтениях в его память, прошедших в 1990, 1991, 1996 и в 1998 годах, доклады на которых в тезисах публиковались в серии сборников «Древнее Причерноморье» за указанные годы.

Уже более 12 лет его нет с нами, и все более трудно примириться с этим, и все кажется, что он еще среди нас...

Эпоха, да и повседневное окружение, в котором ему довелось жить и работать в зрелые годы, не позволили ему реализовать полностью свои способности. Из опубликованных около 170 работ — монографий, статей, публикаций, рецензий, популярных очерков по проблемам древней истории, нумизматики, эпиграфики античного Причерноморья — только одна работа была помещена в иностранном издании. И это при том, что П.О. Карышковский был членом-корреспондентом Германского Археологического института, членом Нью-Йоркского археологического общества, и для него не существовало проблем для написания статьи на немецком или английском языках. Ни на одном собрании коллег-специалистов, проходившем, как теперь говорят, в дальнем зарубежье, ему не позволялось побывать, и не потому, что его не приглашали. Он был «невыездной» и не мог принять приглашение. Ему не было позволено познакомиться с зарубежными коллекциями древностей, которые он изучал, посетить музеи Европы и США. Вина его была в том, что (и тут я повторю фразу из очерка И.А. Болдырева «Учитель», посвященного Петру Осиповичу) «он жил нелегкой жизнью... что значило существовать человеку... оставшемуся в оккупации, учившемуся в университете «при румынах», не сражавшемуся на фронте, не знавшему ни комсомола, ни партии...».

Эта сторона его положения не могла оставлять его безупречно сдержанным, и нервы иногда не справлялись с напряжением...

Внешне, если не знать его глубже, казалось, он полностью реализовал свои возможности: окончив исторический факультет Одесского университета, он становится ассистентом кафедры истории древнего мира, защищает кандидатскую, а позднее и докторскую диссертации. Вскоре он профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, которую занимал до самой кончины. Все это, при выдающихся его способностях, достигнуто титаническим трудом, увлеченностью наукой, которая, к слову, не пользовалась почетом у руководящих партийно-административных кругов, считавших ее «неактуальной». Эта наука о Древнем мире требовала изначального классического образования: знания древнегреческого и латинского языков, а также современных иностранных, что для получивших начальные знания в массовой советской школе и у преподавателей гуманитарных факультетов вузов нового времени — редко встречалось.

Учителями П.О.Карышковского в университете, а затем и старшими коллегами были известные ученые: проф. Б.В.Варнеке, знаток классических языков, истории театра; М.Ф.Болтенко, известный археолог, комментатор сочинений древних авторов; А.Г.Готалов-Готлиб, руководитель его аспирантской подготовки по истории Древнего Рима, Византии и южных славян. «Так, благодаря воспитанию и не в меньшей степени самообразованию, П.О.Карышковский достиг в себе гармонии лучших начал античной, русской и западной культур» — писал о нем Ю.Г.Виноградов — московский его коллега по специальности и друг.

П.О.Карышковскому предстояло быть свидетелем надругательства над своими учителями: Б.В.Варнеке, после освобождения Одессы в 1944 г., в возрасте 70 лет был арестован по обвинению в «измене Родине», умер в тюрьме и позднее реабилитирован посмертно; М.Ф.Болтенко еще до войны был арестован по обвинению в «шпионаже», осужден и отправлен в Сибирь на лесоповал, а вернувшись, будучи преподавателем университета, был «избиваем» на политкампаниях, следовавших одна за другой, то как украинский националист, то как «безродный космополит».

Эти уродства жизни того времени не могли не ложиться тяжким бременем на ум и сердце, не травмировать поэтическую натуру, которая дана была природой Петру Осиповичу.

Это были последние годы, когда тон на фа-

© И.Б.Клейман, 1999.

культете еще задавало старшее поколение профессоров-ученых, среди которых К.П.Добролюбский — декан факультета, Н.Н.Розенталь, А.Г.Готалов-Готлиб, М.Ф.Болтенко.

Уже тогда, в конце 40-х и начале 50-х годов, П.О.Карышковский выглядел достойным продолжателем традиций высокообразованной старой профессуры, но такого плана смену составляли одиночки.

В конце 40-х гг. началась усиленная политизация гуманитарных факультетов, кампании по борьбе с различного рода «врагами», в которую втягивали и студенчество. Старшее поколение профессуры начали теснить, подвергая грубой критике. Делали это люди, как требовалось, рабоче-крестьянского происхождения, воспитанники партии и комсомола, пришедшие из армии политработники, для которых читающие иностранную литературу люди другого происхождения не могли пользоваться полным доверием.

Мне посчастливилось многие годы сотрудничать и общаться в домашней неофициальной обстановке с Петром Осиповичем, будучи заведующим античным отделом Одесского археологического музея, секретарем редколлегий, изданий музея и Одесского археологического общества (их редактором он был), а впоследствии работать и готовить к изданию монографию о Тире, раскопки которой довелось мне вести. Петр Осипович теснейшим образом был связан с Археологическим музеем — хранилищем памятников, которые он изучал, постоянным членом ученого совета, многие годы возглавлявшим правление Археологического общества, одним из организаторов которого он был. Замечу, что монографии о Тире и нумизматике Ольвии были изданы не университетом, где он всю жизнь работал, а Одесским археологическим музеем. Это штрих к тому, о чем говорилось выше. В других условиях ученый калибра П.О.Карышковского оставил бы многотомное сочинение.

Однако не только за письменным столом проявлялись его удивительные способности: он был лектором, обладателем редкой памяти, «блистательного красноречия; он умел буквально завораживать аудиторию, превращая свою лекцию в исполненное тонкого артистизма действо» — писал Ю.Г.Виноградов. Помнится, еще в конце 40-х годов на лекции молодого преподавателя по истории Греции и Рима, кроме нашего курса из более чем 80 студентов, приходили по собственному желанию (а это было редким явлением) студенты филологического и других факультетов. Долго не забывались и позднее его яркие выступления на научных конференциях местных, республиканских и союзных, на собраниях Одесского археологического общества, а также оппонентом или рецензентом при защите диссертаций. Без его знаний трудно было обходиться, и он привлекается для работы постоянным членом специализированного Ученого совета по защите диссертаций Института археологии АН УССР.

Поддержание огня в очаге знаний, науки и культуры было природной и, может быть, полностью не осознанной миссией Петра Осиповича. «Это Прометеево пламя, — писал Юрий Германович Виноградов в своем «Слове об ученом, человеке, друге», — воспринятое из рук учителей, Карышковский заботливо хранил, не давая загаснуть на ледяных ветрах начала 50-х годов, ни в оттепель конца 50-х, ни в застойном мареве второй половины 60-х, 70-х и первой половины 80-х годов». Эта миссия дорого обходилась, заставляя сближаться с малокультурными и тем более малоинтеллигентными руководителями Обществ знаний и охраны памятников, новыми преподавателями, деканами факультетов, да и не лучшими были вышестоящие...

Отдохновением были поездки в археологические экспедиции, где встречи с коллегами и друзьями проходили в романтической от соприкосновения с древностью обстановке, часто за стаканом терпкого бессарабского вина, где работа и общение было лишено малейшей официозности. Петр Осипович посещал раскопки Ольвии, работал на острове Березани, где на раскопках древнейшего на Северном Причерноморье античного поселения собиралась элита археологов-античников. Бывал он и на раскопках Тиры и останавливался не в городской гостинице, а в башне Пушкина Аккерманской крепости... Эти посещения уводили в другой мир, который хотелось постичь, и выводили за пределы тесного коридора повседневной жизни.

В очерченном образе Петра Осиповича Карышковского не является неожиданностью еще одна грань его личности — дар поэтического творчества. Он любил и почитал поэзию. Бывало, находясь в гостях по поводу какого-либо события или даты, уединившись от шумных разговоров на бытовые темы, слушал записи на старых пластинках стихотворений поэтов от Пушкина до Мандельштама или, находясь в хорошем расположении духа, читал нам наизусть стихи не очень хрестоматийных, малоизвестных поэтов.

Уже после смерти в многотиражке одесского университета, а затем в сборнике стихов и песен поэтов-археологов «Пыль золотая», автором и составителем которого являлся Сергей Буйских, были опубликованы несколько березанских сонетов Петра Осиповича. В предисловии С.Буйских к этим стихам он был назван «миссионером духовности»:

Здесь может каждый встретиться с природой,
Услышать, как песком шуршит прибой,
Увидеть в небе звезды над собой,
Касаться тайны и дышать свободой...

Человек общительный, Петр Осипович с удовольствием участвовал в праздничных встречах с нечужим для себя коллективом Археологического музея. Чего греха таить, он любил застолья, и я думаю — эта форма общения отвлекала его, уводила в другой мир... Забытье во хмелю — тоже своего рода способ изоляции, ухода людей такого склада от окружающих реалий. О его современнике, музыканте и поэте автор очерка о нем заметил: «Наверное, есть социальные обстоятельства, в которых только алкоголь или иные пути психологической самоизоляции позволяют сохранить талантливому человеку свое естество». Потому-то вхождение в круг уединившихся на острове Березань позволило «дышать свободой».

В судьбе П.О.Карышковского, подлинного интеллигента, человека талантливого как в образе яркой личности в полной мере отразилась трагичность положения в послереволюционное время не только гуманитариев, но трагичность самой эпохи, в которой прошла его жизнь.

* * *

Вот-вот подходило время, когда станет свободно дышать, думать, говорить, жить, в конце концов, рядом не просто женщина, а жена-товарищ. Наконец получено почти человеческое жилье, где была комната-кабинет с полками расставленных нужных и любимых книг. Шла работа над второй частью труда по ольвийской нумизматике. И когда тело оставалось еще стройным и красивым — главные жизненные центры не вынесли нагрузки...

Ничего бесследно не проходит.

И.Б.Клейман

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИКАРА СЧАСТЛИВОГО

(субъективные заметки)

Отец! Что облака! Что море!
Удел наш — воля мощных птиц:
Взлетать на радостном просторе,
Метаться в далях без границ!
Валерий Брюсов

Осознание темы

Не думал, что когда-нибудь буду специально писать о Петре Осиповиче. По приблизительным подсчетам, о нем уже напечатано никак не меньше десятка статей. Не могу сказать, что очень близко знал его — я лишь один из сотен студентов истфака Одесского университета, слушавших лекции профессора. Теперь понимаю: глубокими знаниями об этом человеке могут похвастать далеко не все даже из тех, кто долго находился рядом. Быть может, правильно сказать, что он был и остается непостижимым… Однако по этой-то причине о П.О.Карышковском надо писать вновь и вновь, чтобы дать шанс разрозненным моментам истины соединиться в цельный, близкий к действительности облик. Если такой подход справедлив для всякой личности, то для незаурядной — и подавно.

Близкие и едва знакомые люди звали его «П.О.». От этого, так сказать, имени, порожденного революционными новшествами, веяло чем-то казенным и обезличенным. Слышал не раз я, как студенты между собой называли профессора «Корыш», прозвищем, которое звучало почти как «кореш». И это при том, что полная фамилия Петра Осиповича — «Карышковский-Икар» — была известна далеко не всем. Ее если и не скрывали от народа, то уж, во всяком случае, не афишировали.

Нисколько не сомневаюсь, что древнее имя ему нравилось. Откуда оно взялось, толкуют поразному. По одной версии, вероятно, близкой к действительности, его отец, названный Иосифом, расписывался сокращенно: «ИКар». Для сына, с детства плененного античностью, это, конечно же, был знак! Вглядитесь в автограф Петра Осиповича образца 1986 г. под портретом в нашем журнале. Первые буквы, словно пытающиеся взлететь с листа, складываются в воздушное «ИКАР…».

Стихией Петра Осиповича, как и подобает Икару, был полет. Полет в античность, мир неправдоподобно красивый и далекий для простых смертных. Достичь его сияющих далей и легко парить в них способны только окрыленные. Талант отделяться от земли даровала ему природа, но он сам избрал для полетов небо Счастья, древнее имя которому — «ОЛЬВИЯ». Под ее светящейся сенью и прожил свою жизнь ИКАР СЧАСТЛИВЫЙ.

Источники

Размышляя о возможных ракурсах моих заметок и источниках информации, я определил три, как мне кажется, наиболее традиционные точки зрения, которым свойственны свои краски и тона, стили и каноны. Их условные имена — Молва, Крест и Песня.

Молва обычно далека от истины, но преследует всю жизнь и даже после смерти своего Героя не успокаивается, а продолжает гулять по белу свету. О Петре Осиповиче говорили на студенческих вечеринках с завидной регулярностью. Из года в год старшекурсники доверяли «салагам» секреты истфаковских саг, в которых он был одним из главных действующих лиц. Некоторые сказы доводилось слышать в разных вариантах по несколько раз. Часть из них удалось проверить — они в общих чертах соответствуют реальности. В истинности других сильно сомневаюсь. Однако это общее правило: фольклорный жанр не строится на фактах, но всегда позволяет оценить масштаб личности героя и те его качества, которые питают любовь главного хранителя устного творчества — народа. Поэтому я решился поделиться частью известных мне рассказов.

Крест — взгляд на тему изнутри, попытка

© Н.Д.Руссев, 1999.

приблизиться к самооценке Героя, понять его ощущение собственных взлетов и падений. Эту группу фактов следует искать в «нетворческих» бумагах — документах, авторских записях для себя, рассказах очень близких людей. Здесь я должен выразить огромную признательность Алле Ивановне Карышковской, а также Ирине, дочери Петра Осиповича. Их воспоминания, возможность познакомиться с некоторыми документальными материалами и согласие на публикацию рукописей во многом определили облик этого номера «Стратума».

Два документа — список научных работ и автобиографию — читатель найдет целиком в журнале. Еще об одном источнике следует сказать особо. Это школьная 12-страничная тетрадь в клетку. На оборотной стороне выгоревшей от времени зеленоватой обложки, ниже традиционной таблицы умножения, значится место и время выпуска: г. Одесса, 2-й квартал 1952 г. Другая примета эпохи — типографская надпись о том, что продажа тетради в 16 коп. «дороже указанной цены карается законом».

В тетради чернильной ручкой слово в слово переписана заполненная по форме № 1 анкета. Скорее это форма автодоноса. Вот три иезуитских пункта инструкции к нему:

«1. Прежде чем заполнить анкету, необходимо ознакомиться с вопросами для правильного ответа на них.

2. Ответы писать подробно, четко и разборчиво, прочерков делать не разрешается.

3. На вопросы, не предусмотренные анкетой, но имеющие существенное значение, лицо, заполняющее анкету, должно обязательно ответить в конце анкеты».

В анкету рукой Петра Осиповича внесены по терминологии известных инстанций «объективные данные», судя по всему, приходящиеся на конец 1952 — начало 1953 гг. Поскольку характеристики запрашивались часто, а на 38 вопросов надо было отвечать «развернуто» и так, чтобы не накликать самому на себя беду, естественно, автор позаботился составить копию. Эти записи «для памяти», которые представляют интереснейший материал для специального исследования, также использованы мною.

Песня, в сочетании с лирическим Героем, чаще всего, является идеальным словесным (в единстве красоты смысла и звука) воплощением Мечты. Песня — прорыв из круга предопределенности в сферу дерзновенных Полетов и возвышенного над буднями Творчества. Обычно люди с годами поют все меньше. Голос Петра Осиповича, напротив, звучал много сильнее. Его Песнями были стихи, лекции и научные занятия. Они заглушали злые сплетни и жестокий быт. Ему удавалось, вопреки всему, превращать свою жизнь в Песню. Однако куда было деться от чужой Молвы и своего Креста?

Впечатления

С книгой его можно было увидеть везде: на улице, в общественном транспорте, на открытых партсобраниях, собиравших в те времена в добровольно-принудительном порядке всех студентов и преподавателей. Вот Петр Осипович близоруко приближает книгу к лицу. Чтение позволяет заслониться от бренной суеты хмурой повседневности.

Он читал так же быстро, как и ходил. Его пребывание на улице чаще всего превращалось в чтение-хождение. Посмеивались, что, задевая столб, он не останавливался и не поднимал глаз от книги, а вежливо извинялся. Стремительность его почерка гармонировала с натурой, не уступая скорости походки и чтения. Он что-то писал и на многолюдных собраниях, ни на кого не обращая внимания. Согласно Молве, сноски расставлял по памяти. С завистью и без тени сомнения ему приписывали способность ничего из прочитанного не забывать…

Преподаватели у студентов-историков Одесского университета были разные. Даже по манере одеваться. Вспоминается профессор, который во время лекции делал паузы, многозначительно разглядывая носки своих лакированных штиблет или стряхивая невидимые пылинки с великолепного бежевого костюма. Запечатлелась тяга молодой преподавательницы к ярко-зеленой оригинальности. В условиях хронического советского дефицита ей удавалось подбирать одинаково сочных оттенков все — от одежды и обуви до шляпки, перчаток и портфеля.

За Петром Осиповичем никаких излишеств такого рода не водилось. Одевался он элегантно, но скромно. Его демисезонное пальто и берет наверняка помнят выпускники одесского истфака. Однажды кафедру обобрали воры. Злоумышленники унесли одежду сотрудников, не тронув вещей заведующего... В университете его можно было увидеть в джинсах, клетчатой рубашке-ковбойке и в легких сандалиях на босу ногу, а то и кусающим в раздумье ногти. Он был так далек от преуспевающих профессоров брежневской эпохи, приезжавших на работу и уезжавших исключительно на такси.

Проще всего сравнить П.О.Карышковского с представителями западной профессуры. Однако, есть одно «но»… Европейские и американские коллеги, по общему убеждению, как на подбор выглядят всего лишь постаревшими студентами. Петр Осипович запомнился иным. Как он был одет, не имело никакого значения. Его все равно выдавали характерный сосредоточенный профиль лица и красиво вьющиеся стального цвета волосы. Для полноты образа можно еще добавить очки. Всякому хватало первого взгляда, чтобы безошибочно определить — перед ним профессор.

Иосиф Титович

Родословная легенда рассказывает, что дед Петра Осиповича — Тит служил лесничим под Каменец-Подольским у крупного земельного магната графа Потоцкого. Случилось так, что во время зимней охоты барин заглянул в дом лесничего, жена которого только разрешилась от бремени сыном. Граф стал крестным отцом мальчика, рожденного 8 января 1882 г. (по другим данным — 1880 г.), взяв заботу о его будущем. Графский крестник смог стать студентом Варшавского университета, но получить высшее образование ему не удалось. За участие в студенческих волнениях времени первой русской революции Иосифа Титовича исключили из университета и только заступничество Потоцкого спасло от царской тюрьмы. Ему предоставили единственное право — отправиться на японскую войну.

Известное дело, война — это тоже проявление человеческой жизни. Образованный, деятельный и азартный И.Т.Карышковский стал в действующей армии под Мукденом завсегдатаем офицерского собрания. Одна из немногих и традиционных радостей досуга в полевых условиях — карты. Бывало, резались ночи напролет. Накануне того ужасного дня бывшему студенту шла карта — он сорвал банк.

А утром была вражеская атака. Вольноопределяющийся Иосиф Титович едва успел рассовать по карманам огромную сумму. Он еще не знал, что останется лежать на поле боя с тяжелым ранением головы. Таких добивали. Только купюры, которыми он был буквально набит, спасли ему жизнь. Японцы отправили его в госпиталь, сделали сложную черепную операцию и, спустя несколько месяцев, поставили на ноги.

«Японские невзгоды» закончились, а путь домой лежал через… Западную Европу. Практически совершив кругосветное путешествие, он вернулся в Варшаву. Строй жизни одного из самых европейских городов Российской империи не располагал к покою, который обычно предписывают инвалидам. Молодой человек, побывавший в гостях у Смерти, поборол недуг. События тех лет известны плохо — в анкете сына о его занятиях до революции написано: «Счетный работник». Кажется, Иосиф Карышковский вел тогда весьма разгульную жизнь. Сам Петр Осипович в зрелые годы не раз заговаривал о своих очень вероятных старших братьях, хотя в анкете отметил: «Сестер и братьев не имею».

В Первую мировую или, как тогда говорили, «Государственную» войну Иосиф Титович вновь оказался на фронте, хотя по ранению не подлежал призыву. Участвовал в Брусиловском прорыве. Дослужился до унтер-офицера. События революции 1917 г. застали его в полтавском госпитале, где он приходил в себя после очередного ранения.

Дальнейшую жизнь перевернули революция и гражданская война. Умы миллионов людей были дезориентированы. Вольнодумец по образу мыслей и солдат по судьбе, он пошел в Красную армию, хотя на его теле было уже более десятка боевых шрамов.

После демобилизации из РККА он с семьей навсегда остался в Одессе. В анкете из тетради 1952 г. Петр Осипович писал об отце: «В настоящее время является пенсионером (инвалид 2 группы), проживает вместе со мной». Адрес: ул. Микояна 3, кв. 15.

Иосиф Титович умер глубоким стариком в 1965 г. В марте 1988 г. в его могилу на 2-ом кладбище опустили Петра Осиповича.

Ольга Федоровна

О матери известно еще меньше. Родилась в Киеве, в семье священнослужителя высокого сана. По некоторым данным, Федор Радзиевский руководил семинарией и был приятелем отца Михаила Булгакова, который, как известно, до самой смерти в 1907 г. преподавал в Киевской духовной академии. Кстати, будущий писатель был всего на два года младше Ольги.

Ольга Федоровна учительствовала уже до революции. В гражданскую войну она, подобно многим тысячам людей своего положения, оказалась на юге — в Одессе. Однако не эмигрировала, а вышла здесь замуж. Продолжала учить школьников младших классов. Судя по всему, не отличалась крепким здоровьем. Петя был ее единственным ребенком.

В начале войны мать Петра Осиповича тяжело болела. Это не позволило семье эвакуироваться на восток. Ольга Федоровна умерла в 1942 г. в оккупированной Одессе. Ей было 53 года.

На пути в науку

Петр Осипович вспоминал, как в детстве бабушка по матери водила его в церковь, учила бить поклоны Богородице. Она очень хотела увидеть внука архиереем. Ей казалось, что для карьеры священника Петя обладал всеми необходимыми достоинствами — от семейной традиции до прекрасного голоса. Но на дворе уже была другая эпоха, да и другие миры манили мальчика.

Одессу довоенной поры плотно окружал

пояс немецких селений. Петя вырос в немецкой слободе. Ходил в немецкую школу. Это отчасти объясняет некоторые подробности его последующей биографии.

Как многих городских мальчишек, его увлекало коллекционирование. Помню, среди студентов истфака ходили разговоры, что у Петра Осиповича имеется богатейшее собрание …пивных этикеток довоенного и военного времени.

А еще он писал стихи. Судя по их содержанию, любовь к античности жила в нем с детских лет. Это предопределило профессиональный выбор Петра Осиповича.

В 1939 г. он поступил на исторический факультет университета. Был комсомольцем. А как иначе быть студентом идеологического факультета? Фраза из анкеты 1952 г.: «состоял членом ВЛКСМ с 1939 по 1946 год, выбыл механически по возрасту» — выдает не вполне комфортные впечатления от пребывания в рядах «боевого резерва партии».

О том, каким был тогда Петр Осипович, я в 80-е гг. пытался разузнать у его соученицы А.М.Тарадаш, которая работала в археологическом музее. К сожалению, разговор не получался. Пожилая, несколько чопорная дама каждый раз просто-таки задыхалась от восклицаний, сопровождая имя «Петя» всякого рода восторженными междометиями.

Петр Осипович в армии не служил из-за слабого зрения. Однако с началом войны, как и десятки тысяч горожан, он пошел копать окопы под Одессой. По его более поздним признаниям, с тех пор он и возненавидел лопату и земляные работы. Это, должно быть, как-то связано с его снисходительным отношением к полевой археологии.

В анкете из тетради о жизни в период оккупации сказано: «Находился со всей семьей (отец, мать) в Одессе с 16 октября 1941 г. по 10 апреля 1944 года. Работал с декабря 1941 по март 1942 в библиотеке университета, затем состоял студентом». Он чудом не был отправлен на работы в Германию — судьба миловала. В накопителе на Слободке встретился сосед-полицейский, который попросту дал ему сбежать.

В год Победы учеба в университете была успешно завершена. Но радоваться особенно не приходилось. В высшей школе продолжались «чистки», жертвой которых пал учитель Петра Осиповича проф. Б.В.Варнеке (см. статью И.Б.Клеймана). Зная партийно-комсольские нравы тех лет, можно только догадываться, что стоит за сухой фразой из анкеты: «Имел взыскание (выговор), наложенный ксм организацией ОГУ в 1945 г. за утерю (уничтожение) ксм билета во время оккупации». В трудную годину ему пришлось съесть комсомольский билет… Знаменательно, что это «преступление» он обязан был показывать в анкетах как компромат на самого себя, по меньшей мере, до 1953 г. Тем не менее, жизнь продолжалась.

Начало карьеры

Несмотря на все невзгоды, надо было выживать достойно. Он читал лекции в университете, давал уроки в вечерней школе, упорно занимался научной работой в заочной аспирантуре. О его напряженной деятельности тех лет свидетельствует составленный им самим послужной список:

«25 апреля 1944 г. — 15 декабря 1946 г. научный работник Одесского историко-археологического музея;

1 сентября 1946 г. — 31 августа 1947 г. Одесский госуниверситет, ассистент;

1 сентября 1947 г. — 31 августа 1949 г., преподаватель;

1 сентября 1949 г. — по н.в., старший преподаватель».

С 1 сентября 1947 г. по 31 августа 1952 г. он одновременно работал учителем в Школе рабочей молодежи № 21 для слепых по ул. Чкалова, 9. Оставил школу из-за «загруженности основной работой в Университете».

В 1951 г. Петр Осипович защитил в Москве кандидатскую диссертацию «Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 967-971 гг.». Вскоре на вопрос анкеты об основной профессии и специальности он написал: «Историк (история древнего мира и Византии)».

Свои филологические познания оценивал скромно: «Пишу, читаю, говорю более или менее свободно (без словаря) по-немецки; со словарем читаю по-французски, по-болгарски и весьма слабо — по-английски. Знаю также латинский и греческий языки». На самом деле, вопреки отсутствию разговорной практики, он знал все европейские языки, кроме финно-угорских и баскского.

Защита диссертации выдвинула молодого ученого в ряд ведущих специалистов по средневековой истории Балкан. В 1951-1953 гг. был опубликован целый ряд статей в таких престижных столичных изданиях, как «Византийский временник», «Вестник древней истории», «Вопросы истории». Ему прочили блестящую академическую карьеру в Москве. Говорят, что Петр Осипович значился не на последнем месте в штате Института византиноведения, открытие которого ожидалось со дня на день. Указ об этом якобы вот-вот должен был подписать Сталин. Однако 5 марта 1953 г. наступило быстрее. «Отец народов» ушел к предкам, отказав Советскому Союзу в праве иметь такой Институт.

Похоже, Петр Осипович быстро оценил сложность ситуации. Заниматься проблемами Византийской империи в послевоенной Одессе было невозможно. Несмотря на давние традиции, соответствующая научная среда здесь

уже отсутствовала. В глазах власть предержащих такая наука выглядела сомнительной, новая зарубежная литература по проблематике даже в Москву поступала не очень регулярно.

Зато в Причерноморье расширялись археологические раскопки памятников древности, в частности Ольвии и Тиры, ежегодно дававшие исследователям огромное количество античных вещей. Вовсе не случайно, что уже с 1953 г. он публикует работы по истории античности, прежде всего по нумизматике, а затем и эпиграфике (см. список работ). В 1956 г. выходят сразу три работы о монетах Ольвии, которые отныне становятся его постоянной привязанностью.

Учитель — ученик

Петр Осипович был достойным учеником и не забывал о своих учителях. Вступительную часть к докторской диссертации он завершил словами: «Считаем своим долгом выразить глубокую и сердечную признательность памяти наших учителей, профессоров Б.В.Варнеке, А.Г.Готалова-Готлиба и доцента М.Ф.Болтенко». Память двух из них, умерших в период хрущевской оттепели, он почтил публикацией некрологов, хотя о трудной и трагической судьбе этих людей стало возможным писать только в последние годы (см. статью И.Б.Клеймана).

Представляется, что учителем П.О.Карышковского с полным на то основанием следует считать и А.Л.Бертье-Делагарда (1842-1920) — руководителя знаменитого Одесского общества истории и древностей. Будучи по профессии военным топографом, он стал крупнейшим знатоком старины Северного Причерноморья и одним из первых использовал метрологический метод исследования античных монет. В своей диссертации Петр Осипович выступает как ревностный продолжатель его дела и обстоятельный оппонент. Кажется, более всего он по-доброму завидовал этому человеку, умершему за год до его рождения. Александр Львович казался необыкновенным счастливцем, ведь он собственноручно взвешивал монеты в Британском музее! Именно А.Л.Бертье-Делагарду посвящена единственная статья П.О.Карышковского, написанная для Советской исторической энциклопедии. По всей вероятности, его подвижническая деятельность вдохновила Петра Осиповича на создание Одесского археологического общества, которое заявило о возрождении традиций ООИД. Не случайно два тома Записок продолжают нумерацию знаменитого издания.

П.О.Карышковский был самым ненавязчивым учителем из всех, кого мне пришлось знать. Он искренне удивлялся, когда кто-то из студентов проявлял желание заниматься темой, близкой его профилю. Таких волонтеров он встречал совершенно ошарашивающими заявлениями. Прочитав первый студенческий опус, мог, например, заявить: «Что ж, пора тебя лишить нумизматической невинности».

С первых лет работы в университете он руководил работой студенческих научных кружков, но очень серьезно относился к этому делу. Внимательно слушал выступления студентов на заседаниях СНО, конференциях, читал курсовые и дипломные, редактировал, оппонировал.

Как-то в одном из приватных внеаудиторных разговоров близкие люди пытались убедить его, что один из подвизавшихся у него бывших студентов — человек сволочной. Он не спорил с характеристикой личностных качеств, но активно возразил. Хорошо помню слова: «Я не могу отказать в помощи тому, кто взялся всерьез заниматься моим ремеслом». В этом, на мой взгляд, был весь Петр Осипович.

Учениками Петра Осиповича называются многие. В каком-то смысле — это все студенты истфака за более чем 40 лет — со второй половины 40-х по конец 80-х гг. Вместе с тем, я знаю, по крайней мере, несколько человек, которые объявили себя его «последними учениками». Рискну утверждать, что собственно учеников (тех, кого в злобе обзывают «выкормышами») у него и не было. Он ни с кем не носился и ни над кем не дрожал. Верно ли поступал, нет ли — сказать трудно. Но таков был его стиль.

Среди студентов всегда находились те, кто ему откровенно подражал. Копировали манеру говорить отчетливо, но приглушенно. Повторяли излюбленные им фразы, вроде «Итак, говорю я» или обращения «Так вот, друзья мои».

Была категория ребят, которые хвастали, как они в экспедиции запросто «раскручивали П.О. на четвертак». Это бывало правдой. В те времена за 25 руб. можно было напоить вином целый взвод. Он был щедр, не брезговал выпить со студентами…

К нему можно было запросто прийти домой. Многие сюда приносили работы на суд и даже «одаривали» Петра Осиповича авторским чтением вслух. Профессор был терпелив, помогал подсказками, советовал, потом ему становилось скучно и он сам «доводил до ума» беспомощные произведения.

В большой комнате с высоким потолком, находившейся в коммунальной квартире на ул. Островидова, бывало столько людей... Ее стены были заставлены сотнями редких книг. В углу стоял столик с пишущей машинкой, на которой профессор довольно лихо печатал …одним пальцем. Некоторые студенты старались быть здесь частыми гостями. Таким «ученикам» казалось, что они очень близки с ним. Некоторые и теперь гордятся тем, что «П.О. прямо с порога» отправлял их за бутылкой!.. Однако правомерен вопрос: не было ли для них это равнозначно окончательному приговору Петра Осиповича?

Стихи

Юношеские стихи — напасть многих. Они, как правило, искренни, но вторичны. Первые известные опыты стихосложения П.О.Карышковского относятся к 13-18-летнему возрасту. Уже опубликованные строфы вряд ли можно считать неудачными. Античная тематика в них представлена очень ярко. Тут и переправа Цезаря через Рубикон, и Архимед в развалинах Сиракуз, смелые аргонавты и страшный пожар Рима в 64 г. до н.э. Сюжеты, что и говорить, хрестоматийные и стихотворно отчасти разработанные (например, вождем русского символизма В.Брюсовым). Однако Поэзии всегда было важно не столько, что говорят, сколько как…

Трудно представить из каких тайников добывал он слова. Они точны и красивы. Тут и начитанность, и наблюдательность, и вдумчивость. Словом, дар небес. Думаю, строка «Облака, багровые медузы» могла бы стать гордостью многих признанных поэтов. А что стоит за определениями «пьяный» и «потный», которые дал одесский паренек древнему солдату? Это в годы, когда военную тематику отличали совсем иные штампы.

Если верно, что стихи выражают мечту, действительное стремление к несбыточному, то следует приглядеться к ситуациям, которые влекут автора. В сожжении Рима он увидел не только театр абсурда, устроенный «для собственной забавы», но и протест против богов, нежелание человека покоряться бессмертным. Аргонавты в его трактовке отправляются в дальнее плавание, «чтобы вздохнулось привольно, чтобы печали забыть, чтобы заботы развеять». Налицо явный синдром Икара, пренебрегающего всеми запретами. Можно поверить, что юный поэт не знал строки Овидия «Начал тут отрок Икар веселиться отважным полетом», но нельзя пропустить зрелища отчаянного веселья полетом в его стихах.

И в стихах 50-х гг. он верен себе. Конечно, слова звучат в чем-то по-другому, а темы прямо не восходят к античным сюжетам. В голосе автора можно уловить успокоенность и даже осознанную обреченность. Но это только первый план, бросающийся в глаза при знакомстве со стихами. Перечитайте наиболее известные «Березанские сонеты». В них многократно обыгрына тема Острова. Остров, как метафора, интересен оторванностью от мира, идеальными условиями для воплощения сокровенных замыслов. «Островов недоставало, и их мечтой творили небывалой» — говорит автор. Однако для него выжженный солнцем клочок земли вовсе не райский причал, а взлетное поле, за которым обрывается то, о чем «сказать несложно уже заране». Именно на таком Острове вдруг понимаешь, что «небо с морем неразличимы, и радость с горем неразлучимы». Тут опять прямые реминисценции из Икара — падение с неба в море и обернувшаяся горем радость. Вроде бы его восхищает на острове возможность «касаться тайны и дышать свободой». Но это скорее идеал, а в жизни получалось наоборот — он «дышал» одному ему ведомыми тайнами, а свободы робко касался…

Только с ярко выраженными способностями Икара, вопреки неотвратимому суду Мойр, можно было по-достоинству оценить «краткий путь вне будничного круга». И уже совсем парадоксально-жертвенно и жизнелюбиво-мудро звучат слова: «Миг прощанья дан нам щедрым роком — этого немало…».

Стихи настоящего поэта говорят гораздо больше, чем хочет сказать автор. На мой взгляд, для него стихи были способом определить свои отношения со Стихией. Однако, чтобы это доказать, предстоит опубликовать и изучить поэтическое наследие П.О.Карышковского.

Лекции — реликты — рукописи

Он читал лекции интересно и легко. На разные темы. Часто по 3-4 пары в день. Его авторская речь была умело украшена фразами из классики. Особенно часто цитировал басни И.А.Крылова. Случалось ему выручать неожиданно заболевших коллег. Вспоминают, что както он прибежал на лекцию прямо с пляжа. Извинился за внешний вид. Спросил у студентов название последней из данных основным преподавателем тем. А затем прочитал великолепную лекцию по истории Древнего Востока. Приходя на замену, он всякий раз подчеркивал, что не является специалистом, но был готов прочитать любой курс, проходивший по его кафедре — от истории первобытности до средних веков.

На лекциях умудрялся держаться просто и в то же время изысканно. Не припомню, чтобы он громко смеялся. Шутил и иронизировал Петр Осипович почти всегда по принципу «умный поймет». Тонкая, будто слегка смущенная улыбка подкупала. Не случайно, каждый учебный год 1 сентября в расписание выносилась его лекция «Введение в специальность», которую он читал всем истфаковцам от первокурсников до дипломантов одновременно, на одном дыхании.

В него, в его образ и даже в его голос были влюблены многие студентки. Отношения с прекрасным полом — особая тема. Он и здесь хорошо узнаваем. Одна из романтических историй повествует, что профессор однажды поло-

мал руку, когда лез в окно общежития к любимой… Он не лицемерил по «женскому вопросу». На ежегодных факультетских праздниках студенты устраивали пресс-конференцию с преподавателями. К Петру Осиповичу всегда было много вопросов, иногда довольно каверзных. Один из них звучал так: «Какие девушки Вам больше нравятся — брюнетки или блондинки?». Он моментально и с юмором отреагировал: «И шатенки тоже».

Прирожденный оратор, он чувствовал себя в аудитории свободно. Несмотря на эту легкость, говорят, что самый замечательный свой спецкурс — об образе жизни людей античности — он читал один лишь раз в жизни. Послушать приходили студенты и преподаватели других факультетов. Однако в следующем году Петр Осипович изъял его из учебного плана. Тематика забирала слишком много духовных и физических сил.

Придя домой, занимался монетами. Предложения отдохнуть отвергал, утверждая, что лучшего отдыха не знает. Тысячи монет, проходя через его руки, становились настоящими историческими свидетельствами. Не менее увлеченно он занимался эпиграфикой, хронологией и другими т.н. вспомогательными историческими дисциплинами. Его интересовали самые неожиданные вещи. Например, он рассказывал, как изучал дальность полета стрел по записям, которыми один из турецких султанов отмечал свои лучшие достижения в стрельбе из лука. За годы работы у него накопился огромный архив слепков, рисунков, фотографий, описаний. Он пока не востребован в научном плане, хотя уже не год находятся лица, без стыда заявляющие о том, что Петр Осипович ...завещал им бесценные материалы.

Если нужно было, он ездил за десятки километров к самым разным, чаще всего незнакомым людям, чтобы посмотреть очередную монету. Часто бывал на раскопках: в Тире, Ольвии, на Березани… Гордился своим участием в экспедициях М.Ф.Болтенко. Великолепный специалист по источниковедению, он очень хорошо разбирался в разных категориях археологического материала. Монография «Древний город Тира», изданная им в соавторстве с И.Б.Клейманом, могла бы стать полноценным учебным пособием по причерноморским полисам. При этом, надо сказать, П.О.Карышковский всегда несколько дистанцировал себя от археологов. Его как-то не вдохновляли «жара и ветер в раскопе пыльном». При разговорах об археологии в нем часто проявлялось снисходительное отношение к коллегам-«раскопщикам». Не упускал случая слегка подтрунить.

Рассказывают, что как-то хранитель фондов ОАМ Э.И.Диамант, которого все дружно звали «Ноликом», посетовал на утерю обломка керамического сосуда. Петр Осипович решил «выручить» приятеля. Недолго думая, он на его глазах раздавил взятый неведомо откуда черепок и предложил на выбор любой из полудюжины осколков, а остальные советовал сохранить на будущее, до следующего подобного случая. Он был горазд на розыгрыши.

Случалось на него выливали целые ушаты помоев. Слухи о его выходках на праздничных банкетах отдельные «коллеги» доводили до студентов, которые понимали факты по-своему и злорадствовали, подсчитывая, скольких преподавателей истфака «уже послал» Петр Осипович. Не исключаю, что в такой своеобразной, но доступной сослуживцам форме он честно указывал на достойное их место. Что бы там ни было, его профессиональная репутация оставалась безупречной. Это признавали даже недруги.

П.О.Карышковского радостно встречали коллеги в Москве, Петербурге, Киеве, Кишиневе и Тбилиси. При всей любви к Одессе здесь ему не хватало должного профессионального общения. Без всякого преувеличения, его работы ценили специалисты всего мира. Можно только удивляться, как в советское время университетский преподаватель, загруженный выше головы часами, читавший лекции в других вузах, успевал писать такое количество статей. Часто объемы его работ совершенно не подходили изданиям тех лет, строго лимитировавшим авторов. Он находил выход, печатая продолжающиеся из номера в номер статьи. Ко времени защиты докторской диссертации, издал более 100 научных работ, главным образом по ольвийской тематике. В среднем у него выходило по 5-6 работ в год. Отдельные рукописи не изданы до сих пор, в том числе и труд, который сделал его таким, каким знали профессора тысячи людей.

Докторская диссертация

Сочинение «Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. — IV в. н.э.)», помимо основного текста с большим количеством статистических таблиц, включает приложения со списками и характеристикой находок, перечнем легенд и библиографией. Отдельный том составляет атлас с иллюстрациями, в котором «представлены с наиболее возможной полнотой монеты Ольвии». О скрупулезности автора свидетельствует отрывок из вступительной части: «Оформление настоящей работы было завершено к началу 1968 г., так что литература, опубликованная в этом году, была использована лишь частично при ее окончательном редактировании; тогда же было добавлено и дополнение к списку литературы, включающее также несколько случайно пропущенных ранее названий. Отметим также, что, несмотря на зат-

раченные усилия, некоторые зарубежные издания все же оказались для нас недоступными (ср. стр. 36, прим. 108); хотелось бы надеяться, что это не нанесло непоправимого ущерба целям настоящего исследования».

К сожалению, этот солидный труд и через 30 лет после защиты диссертации в Ленинградском университете, имеется лишь в нескольких машинописных копиях. Советские научные издательства не брались печатать такую большую монографию. Скорее всего, не обходилось и без козней. Предложения о публикации из-за границы (ходили слухи, что с ним не раз пытались договориться об этом англичане, немцы, американцы) профессор, находившийся на карандаше в органах, принять не мог. Только в конце жизни Петра Осиповича появилась надежда, что его книги увидят свет.

Правда, монография «Монеты Ольвии» была сдана в печать в сильно урезанном виде. Как признавался автор, из-за ограниченности объема писать ее приходилось «телеграфным языком». Ему тут же заказали вторую. Петр Осипович взялся за дело с привычным для него легким азартом. Он подшучивал, что следующую книгу придется по примеру нашумевшего итальянского телесериала «Спрут-2» назвать «Монеты Ольвии-2». Однако этому не суждено было сбыться… Первая книга вышла в 1988 г., уже посмертно. Оказалось, что почти небывалый для киевского издательства «Наукова думка» тираж в 18 тыс. экз. быстро исчез с книжных прилавков.

Передо мной на столе диссертационное исследование Петра Осиповича. Некоторые результаты работы, конечно, устарели. К тому же многие страницы рукописи пестрят поправками самого автора. Однако, новая редакция осталась незавершенной и вряд ли может быть полностью учтена при публикации.

В настоящем томе журнала с любезного согласия А.И.Карышковской публикуются две главы из первой части работы. В машинописном оригинале они называются: «Техника и организация производства монеты в Ольвии» (гл. 1) и «Монетно-весовые системы Ольвии» (гл. 2). В публикуемом варианте члены редколлегии сочли возможным объединить их под общим заголовком «Ольвийские монеты: производство и метрология», при том, что последовательность и названия параграфов остались неизменными (с. 65-186 рукописи). При подготовке к изданию по возможности сохранена авторская редакция текста. Полагаю, что отдельные выводы, не выдержавшие испытания временем, не снижают ценности данной публикации.

Хочется надеяться, что это только первый шаг к полному изданию работы. Труд Петра Осиповича, имеющий не только научно-познавательную, но методико-методологическую значимость, несомненно, должен быть опубликован целиком. Он писал для людей, и его труды достойны того, чтобы вопреки неумолимому времени дойти до них. Тогда, я уверен, читая исследования П.О.Карышковского, многие молодые люди с радостью расстанутся с модной теперь научной невинностью.

* * *

В отличие от мифического Икара, он возвращался из полетов. Земные лики роднили его с тысячами людей, рядовых и начальственных, симпатичных и не очень. Они толпились вокруг него, вовлекая в свои заботы. Он без особого сопротивления поддавался и, казалось, становился на какое-то время своим... Однако, по-моему, даже исходившие ненавистью высокопоставленные глупцы-администраторы принимали его дорогим гостем из мало кому доступной туманности. Дорогим потому, что на всякого оказавшегося рядом падали живые блики заповедных миров. Для многих из знавших его людей, какое бы то ни было общение с ним являлось единственным способом прикоснуться к Тайне истории. Публикации рукописей возвращают драгоценные плоды его трудов людям и умножают число осчастливленных его знаниями. Им, прозревшим, будет легко понять, что феномен П.О.Карышковского сам избрал себе имя — ИКАР СЧАСТЛИВЫЙ.

Николай Руссев,
студент П.О.Карышковского 1975-1980 гг.

АВТОБИОГРАФИЯ. КАРЫШКОВСКИЙ-ИКАР ПЕТР ОСИПОВИЧ

Я родился 12 марта 1921 г. в г. Одессе, в семье военнослужащего. Мой отец Карышковский-Икар Осип Титович, уроженец гор. Каменец-Подольска, родился в 1880 г., был участником русско-японской войны, первой империалистической и гражданской войн; после демобилизации из рядов РККА (1923 г.) работал на различных предприятиях гор. Одессы на административно-технических должностях; умер в 1965 г. Мать, урожденная Радзиевская Ольга Федоровна, 1889 года рождения, киевлянка, была учительницей младших классов.

После окончания начальной школы я поступил в 1939 г. на исторический факультет Одесского университета, к началу Великой Отечественной войны был студентом II курса. В Советской Армии не служил, будучи снят с учета по зрению при первом призыве. Во время обороны Одессы в июне-сентябре 1941 г. работал на сооружении противотанковых рвов, так как в армию меня снова не взяли. Эвакуироваться из осажденной Одессы наша семья не сумела, так как тяжело болела мать (умерла в начале 1942 г.). Во время румынской оккупации безвыездно находился в Одессе; отец нигде не работал, я сначала работал в библиотеке университета, затем был студентом.

После освобождения Одессы продолжал учиться на историческом факультете, который и закончил в 1945 г. С апреля 1944 до конца 1946 г. работал в Одесском археологическом музее на должности научного сотрудника. С 1 сентября 1946 г. работал ассистентом в университете на кафедре истории древнего мира и тогда же поступил в аспирантуру без отрыва от производства по специальности «История Древнего Рима и Византии» (научный руководитель А.Г.Готалов-Готлиб). В 1951 г. защитил в Москве при Институте истории АН СССР кандидатскую диссертацию по истории русско-византийских отношений в X в. и с тех пор работаю на историческом факультете. Читал и читаю общие и специальные курсы по истории древнего мира и средних веков, историографию и источниковедение этих дисциплин, а также курсы истории первобытного общества, этнографии и археологии.

С 1963 г. руковожу кафедрой истории древнего мира и средних веков. За это время круг моих интересов несколько изменился: от истории Византии и южных славян я постепенно перешел к истории и археологии античного Причерноморья и в 1969 г. защитил при Ленинградском университете докторскую диссертацию по истории Ольвии.

Опубликовал монографию «Древний город Тира», более сотни статей в общесоюзных и республиканских журналах и сборниках, около 20-ти рецензий на советские и иностранные работы по специальности. Участвовал во многих научных конференциях и сессиях, являюсь членом редколлегии республиканских сборников «Археология», принимаю активное участие в издательской деятельности Одесского археологического музея АН УССР. Под моим руководством подготовлено и защищено около десятка кандидатских диссертаций.

С момента создания Общества по охране памятников истории и культуры принимаю участие в его деятельности, являюсь членом президиума областной и республиканской организации. Веду пропагандистскую работу как по линии Общества охраны памятников, так и через общество «Знание». Опубликовал несколько популярных брошюр: «Куликовская битва», «Восстание Спартака», «Миф о Христе».

13 июня 1986 г.
Карышковский П.О.

* Принимал участие в раскопках с.Усатово и на о.Березани (под руководством М.Ф.Болтенко).

© П.О.Карышковский, 1999.

НАШ АРХИВ

П.О.Карышковский

ОЛЬВИЙСКИЕ МОНЕТЫ: ПРОИЗВОДСТВО И МЕТРОЛОГИЯ

P. O. Karyshkovski. Olbian Coins: Mint and Metrology.

The publication is the first two chapters of the PhD dissertation defended in the Leningrad University in 1969. They elucidate some very important peculiarities of coinage development in Olbia, the biggest ancient polis of the Northern Black Sea region during about eight centuries.

Having considered the composition of the coinage material, the author proved the opinion of A.A. Bertier-Delagarde that precious metals were brought to Olbia "...from those places where the Pont raw materials and cereals were exported" rather than from the Urals and Kolkhida. Study of technique of coinage and organisation of monetary exchange allowed to characterise, for the first time, the activity of the local mint. Attention is focused upon the role of the financial control agencies, special boards and individual officials.

Rich actual base allowed to study in detail the matters of use and change of ancient weight standards in the coin system of Olbia. Metrological classifications of gold, silver and copper coins of local types for the pre-Getian and post-Getian periods in the history of the city-state are developed.

К моменту появления первых ионийских поселений на берегах Днепровско-Бугского лимана социально-экономическое развитие общества греческой метрополии достигло такого уровня, который обусловил появление во многих городах Ионии, материковой Греции и Архипелага металлической монеты — был открыт «товар товаров, который в скрытом виде содержит в себе все другие товары» (Маркс, Энгельс. Т.21: 166). Наличие сравнительно развитого денежного обращения являлось и в дальнейшем одной из существенных черт античного способа производства вплоть до его кризиса и гибели. Монеты принадлежат поэтому к числу важных вещественных источников древней истории; состав и происхождение монетных металлов, технические особенности монет, их вес, типы и легенды, а также данные о монетных кладах и находках представляют выдающийся интерес и значительно обогащают сообщения письменных источников об экономике и культуре греко-римского мира.

Древняя Ольвия не являлась исключением среди античных государств, и здесь выпуск монеты начался, по всей вероятности, несколькими десятилетиями позже утверждения милетских колонистов на берегу Гипанида. С перерывами, обусловленными всем ходом хозяйственного, политического и культурного развития города, монеты выпускались ольвиополитами до первой трети III в.н.э. включительно, то есть на протяжении примерно восьми столетий. Что же дает историку изучение нумизматических памятников Ольвии в качестве источника, чем дополняет этот источник весьма немногочисленные и немногословные данные литературной традиции, скупые сообщения эпиграфических документов и те заключения, к которым приводит исследование архитектурных остатков и других памятников материальной культуры?

1. Монетные металлы и их источники

«In numismate tria quaerentur, — писал на закате античной культуры один из ее образованнейших представителей, Исидор Севильский, — metallum, figura et pondus; si ex iis aliquid defuerit, numisma non erit» (Babelon 1897: 140). Из этих трех признаков, образующих в своей совокупности понятие древних о монете, — то есть из доброкачественности металла, определенного наружного вида и установленного веса — в посвященной античному миру нумизматической литературе ранее всего стали изучать внешний вид монет, значительно позже было обращено внимание на весовые данные, а исследование состава монетных металлов можно считать едва лишь намеченным. По отношению к Ольвии это положение сохраняет полную силу и в настоящее время, так как систематических анализов ольвийских монет никогда не производилось.

© П.О.Карышковский, 1999.

Золотые монеты Ольвии и их металлическое содержание

В зарубежной нумизматической литературе XIX и начала XX вв. господствовало представление, будто северные побережья Черного моря отличались в древности необыкновенным обилием золота; в соответствии с этим часто утверждали, что Ольвия на протяжении едва ли не всей своей истории в изобилии чеканила золото и электр (Lenormant 1878: 151 suiv.; cp. Babelon 1897. I, 1: 779-780; Head 1911: 281). Несмотря на то, что еще П.О.Бурачков специально отмечал редкость ольвийских золотых монет (Бурачков 1884: 6-7), а А.Л.Бертье-Делагард подверг основательной критике всю теорию об обилии и дешевизне золота на северных берегах Понта Евксинского (Бертье-Делагард 1911: 1-14, 47, 58, 60, 62, 95-99), отголоски этого мнения и сейчас можно встретить на страницах многих изданий (Gardner 1918: 263, 339; Burns 1927: 476; Seltman 1955: 180). Правда, Бертье-Делагард несколько преувеличил, как кажется, бедность Скифии драгоценными металлами (Погребова 1953: 286), но подчеркнутую также и им редкость ольвийских золотых монет и отсутствие в ее чеканке электра следует считать прочно установленными фактами (Бертье-Делагард 1911: 62). Действительно, найденный около ста лет назад великолепный золотой статор раннеэллинистической эпохи (табл.XI=A 6) остается до настоящего времени единственным известным представителем своего сорта (Бертье-Делагард1911: 58). Мелкие золотые монетки несколько более позднего времени (табл. XI=C 1-4) известны в незначительном числе; наконец, относящиеся уже к римскому периоду золотые монеты с именем царя Фарзоя (табл. XX=C 1-2, 12-14; XXII=A 1-4) также представлены в собраниях единичными экземплярами. Иных золотых монет — например, широко распространенных в Причерноморье посмертных эмиссий с именем и типами Лисимаха — ольвиополиты, насколько возможно судить, не выпускали никогда.

О качестве золота перечисленных видов ольвийских монет можно сказать крайне немного — их редкость и ценность надежно предохраняли эти монеты от химических анализов. Во всяком случае, мелкие золотые монетки эллинистической эпохи изготовлены, судя по данным пробирного анализа монет из собраний ГИМ и Одесского музея, практически из чистого золота (пробы указанных монет в промилях составляют соответственно 992, 990 и 989) [1]. Монеты Фарзоя иногда обозначались в литературе термином «электровые» (Бурачков 1884: 78, №252), но экземпляр, хранящийся в ГИМ, имеет пробу 990. По-видимому, только монета из собрания ГЭ, принадлежавшая прежде П.О.Бурачкову (табл. XXII=A 4) и отличающаяся от остальных монет Фарзоя безграмотностью надписей и художественной беспомощностью резчика штемпелей, изготовлена из низкопробного золота. Это, впрочем, не дает монете права именоваться электровой — здесь, как и в монетном деле Боспора II—III вв. н.э., мнимый электр есть лишь ступень в порче первоначальной чистой золотой монеты и как особый вид монетного металла рассматриваться не может (Зограф 1951: 24).

Металлическое содержание серебряных монет Ольвии

Серебряная монета появилась в Ольвии прежде золотой, еще в последней четверти V в. до н.э. Однако, в дальнейшем выпуск серебра не был регулярным: серебряную монету чеканили бесперебойно только на протяжении примерно сотни лет, во второй половине IV и в первой половине III вв. до н.э. После этого можно указать лишь один относительно интенсивный выпуск серебряной монеты, приходящийся примерно на вторую четверть II в. до н.э., и, наконец, совершенно непродолжительные и слабые эмиссии во второй четверти I в. до н.э. и в третьей четверти I в.н.э. Состав монетного металла во всех этих случаях был не вполне однороден, как это видно из имеющихся данных о пробирных анализах 70 ольвийских монет (табл.1) [2].

Из приведенных выше данных следует, что нередко отмечавшееся в литературе низкое качество металла ольвийских серебряных монет (CBM, Thrace, 1877: 11, №1; KMB, Deschreibung der antiken Münzen, I, Berlin, 1883: 18, Anm. №31; Бертье-Делагард 1911: 59; Robinson 1937: 94, 100) свойственно лишь некоторым их группам. Монеты V и IV в. до н.э. (табл.1, №№1-8) чеканены практически из чистого серебра (6 экз. из 8 имеют пробу выше 960). В III в. до н.э. наблюдаются резкие изменения состава металла — только отдельные экземпляры имеют в это время пробу выше 850 (6 из 17), проба остальных колеблется, понижаясь до 770, 600, 550 даже до 450 — 400 (табл.1, №№9-25). Монеты II в. до н.э. (табл.1, №№26-68) отличаются низким составом монетного сплава — 16 экз. из 43 имеют пробу ниже 400 и только 7 — выше 500. Напротив, проба редких монет I в.н.э. (табл.1, №№69-70) снова безукоризненна — 960. Все это может быть наглядно продемонстрировано следующей таблицей (табл.2).

Устанавливаемое таким образом ухудшение ольвийского монетного серебра в III и особенно во II вв. до н.э. тесно связано с особенностями денежного обращения в эллинистической Ольвии. Несколько забегая вперед, можно отметить, что в те периоды, когда серебряная монета была деньгами по существу или, во всяком случае, претендовала на роль денег наряду с золотом, ее чеканили из превосход-

Таблица 1. Содержание серебра в ольвийских монетах

№ п/п	Краткое описание, изображения	Количество монет	Содержание серебра в промиллях	Номера опробованных монет
1	Геракл с луком -- колесо и дельфины (тб.V=A 1-4)	1	более 960	21
2	То же	1	900	2
3-4	Деметра -- орел и дельфин (тб.X=C 5; XI=C 8)	2	более 960	46, 85
5	То же (тб.XI=C 10)	1	900	88
6-7	То же (тб.XI=A 7)	2	более 960	98, 100
8	Деметра - дельфин (тб.XI=A 11)	1	более 960	108
9	То же (тб.XVI=A 13)	1	900	162
10	То же (тб.XVI=A 9)	1	900-875	155
11	То же (тб.XVI=A 17 рев.)	1	865	170
12	Деметра - дельфин (тб.XII=A 14)	1	800	164
13	Деметра в венце - лучник (тб.XVI=A 6)	1	900-875	117
14	То же	1	770	115
15	То же	1	600-550	118
16	Деметра - орел и дельфин (таб.XVI=B 6)	1	870-860	127
17	Деметра - дельфин (тб.XVI=B 14)	1	450-400	249
18	Геракл - венок (тб.XVI=C 5)	1	500-450	135
19	Геракл - оружие (тб.XVI=C 14-15)	1	более 900	207
20	То же (тб.XVI=B 10)	1	850-840	188
21	То же (тб.XVI=C 10)	1	800	213
22-23	То же (тб.XVI=C 9, 12-13)	2	600	190, 197
24-25	То же (тб.XVI=C 15, 18)	2	450-400	204, 225
26	Геракл - палица (тб.XX=A 9)	1	500-450	275
27-30	То же (тб.XIX=B 2; XIX=C 2, 9)	4	450-400	258, 261, 263, 270
31-32	То же (тб.XX=A 3, 12)	2	400	266, 278
33	Аполлон - лира (тб.XIX=B 10)	1	915-875	303
34-37	То же (тб.XIX=C 1; XX=A 11)	4	450-400	318, 320, 322, 365
38-46	То же (тб.XIX=B 4, 7, 8, 10; XIX=C 3, 5, 8; XX=A 10)	9	440	287, 297, 304, 313, 319, 323, 328, 334, 350
47-57	То же (тб.XIX=B 4, 9; XIX=C 10; XX=A 6, 7, 13, 14)	11	400-350	282, 286, 302, 305, 315, 336, 342, 348, 374, 378, 383
58	Артемида - оружие (тб.XIX=B 16)	1	900-875	435
59-60	То же (тб.XIX=B 12; C 7)	2	840	408, 440
61-63	То же (тб.XIX=B 12, 14; XIX=C 7)	3	720	404, 422, 439
64-68	То же (тб.XIX=B 12, 14; XIX=C 4)	5	400-350	400, 423, 433, 437, 448
69	Царь Инисмей -богиня (тб.XXII=A 10)	1	960	466
70	Аполлон - орел и дельфин (тб.XXIII=B 2)	1	960	473

Таблица 2. Колебания содержания серебра в монетах Ольвии

Период	Дата	Количество опробованных монет (по содержанию серебра)			
		более 900	от 900 до 500	менее 500	ВСЕГО
I	Последняя четверть V в. до н.э.	2			2
II	Вторая половина IV в. до н.э.	6			6
III	Первая половина III в. до н.э.	2	11	4	17
IV	Вторая четверть II в. до н.э.		7	36	43
V	Вторая половина I в. н.э.	2			2

ного высокопробного металла. Напротив, когда серебро являлось лишь вспомогательным средством обращения, проба его неуклонно снижалась и во II в. до н.э. монетный сплав превратился в низкопробное серебро или биллон.

Состав ольвийской монетной бронзы

Если золотые и серебряные монеты выпускались ольвиополитами далеко не всегда, то медь — точнее, бронза — использовалась в ольвийском монетном деле с самых древних времен и до прекращения монетной чеканки, то есть примерно с половины VI в. до н.э. до второй трети III в.н.э. Необходимость изучения сплава ольвийских бронзовых монет различных эпох была очевидна уже А.С.Уварову и Б.В.Кене (Уваров 1851: 118-119; Кене 1856: 410-414), но до настоящего времени такие анализы производились чрезвычайно редко и включали считанные экземпляры монет. Имеющиеся по этому вопросу сведения настолько немногочисленны, что легко могут быть сопоставлены на небольшой таблице (табл.3) [3].

Из таблицы следует, что сплав ольвийских монет не отличается, насколько можно судить по такому небольшому количеству анализов, от обычной монетной бронзы других греческих городов, где, впрочем, количество меди порой опускается до 85-90 и даже до 65-60 процентов (Caley 1939: 86). Основной примесью к меди здесь являлось олово; почти всегда присутствуют свинец, нередко цинк; железо и никель встречаются относительно часто, но всегда в виде следов; иногда встречаются также следы серебра, мышьяка и висмута. Все эти составные части ольвийской монетной бронзы, за исключением одного только олова, являются случайными примесями. Несколько неожиданным оказывается наличие сурьмы: это обстоятельство показывает, по мнению Э.Кэли, что медные руды, которыми пользовались ольвиополиты, происходили не из средиземноморских месторождений (Caley 1939: 85-86).

Еще П.О.Бурачков высказал мысль о том, что в более поздних ольвийских монетах «наблюдается преобладание красной меди, может быть, от прекратившегося подвоза олова» (Бурачков 1875: 87). Это наблюдение, высказанное мимоходом и без всяких доказательств, не подтверждается имеющимися данными. Можно было бы, однако, счесть неслучайным, что в монетах первых веков н.э. (табл.3, №№15-23) всегда имеется цинк, появляющийся в виде следов уже в позднеэллинистическое время. В бронзовых изделиях римской эпохи также отмечено наличие сравнительно большого количества цинка и уменьшение количества олова (Фурманська 1962: 69). Было бы заманчиво построить на результатах химического анализа металла ольвийских монет их датировку или, по крайней мере, проверить таким путем полученные иными способами хронологические заключения. Однако для этого, очевидно, нужны длительные и систематические анализы значительного количества монет (Уваров 1851: 118-119; Caley 1939: 83-84). Материалом для таких исследований могли бы послужить плохо сохранившиеся монеты из раскопок Ольвии, которые могут быть определены по видам и разновидностям, но не представляют музейной ценности. Организация массовых анализов ольвийских монет методами современных точных наук является делом будущего.

Происхождение монетных металлов в Ольвии

Было бы преждевременным стремиться в настоящее время и к исчерпывающему решению другого часто обсуждавшегося вопроса — откуда попадали в Ольвию использовавшиеся при производстве монет металлы. Сторон-

Таблица 3. Состав ольвийской монетной бронзы

Краткое описание изображение	Вес	Химический состав в процентах										
		Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	Fe	Ni	As	Bi	Всего
Дельфин (тб.I=B 2)		77,64	12,19	9,5	сл.			0,16		сл.		99,49
То же (тб.I=B 7-8)	2,04	91,16	8	0,84				сл.				100,00
То же (тб.I=C 3-5)	1,40	90,67	3,34	5,89			0,1	сл.	сл.			100,00
Асс (Горгона-колесо, тб.IV=B 1-2)	16,25	91,96	3,75	4,27			сл.	сл.		сл.	сл.	100,00
Асс (Горгона-орел, тб.V=A 7 сл.)	-	90	9,82	сл.								99,82
Деметра-орел и дельфин (тб.VIII=A сл.)	-	98	1,75	сл.					сл.			99,75
Аполлон-дельфин (тб.X=A, B)	0,89	96,03	2,95	1,12			сл.	сл.				99,97
Борисфен (тб.XIII=A 8)	11,60	93,27	5,18	1,55			сл.			сл.		100,00
То же (тб.XIII=C 5)	-	91,99	1,17	4,52	1,35			1,35		сл.		99,03
То же (неопред.)	-	94	5,89	сл.								98,89
То же (тб.XV=C 14)	6,45	95,4	3,38	1,22				сл.		сл.		100,00
Аполлон-лучник (тб.XVII=B 7-8)	4,95	92,08	6,32	1,6				сл.	сл.			100,00
Аполлон-орел и дельфин (тб.XVIII=C 1)	8,65	96,35	3,44	0,51	0,05		0,24			сл.		100,00
Геракл-палица (тб.XX+A5=B 1-6)	5,35	94,28	3,9	1,72	0,1	сл.				сл.		100,00
Зевс-орел (тб.XXI=B 12)	-	73,69	10,72	17,33	сл.			сл.		сл.		101,74
То же (тб.XXI=C 14)	5,48	90,88	6,2	2,52	0,4			сл.				100,00
Аполлон-орел и дельфин (тб.XXII=B 4)	-	91,23	5,85	1,81	сл.			сл.		сл.		98,89
То же (тб.XXII=B 6)	-	89,65	4,58	6,6	сл.			сл.		сл.		100,83
То же (тб.XXII=C 5)	7,42	95,75	3,06	0,59	0,6			сл.	сл.	сл.		100,00
Аполлон-орел и молния (тб.XXIII=C 12)	4,20	94,8	0,72	3,96	0,3		0,12	сл.	сл.			100,00
Зевс на троне - Тихе (тб.XXIV=A 1)	-	97,95	0,55	0,3	сл.			сл.	сл.	сл.		98,80
Каракалла - Зевс на троне (тб.XXIV=A 8)	-	98,73	сл.	сл.	сл.			сл.	сл.	сл.		98,73
Манея - Тихе (тб.XXIV=B 11)	5,14	97,01	2,27	0,63	1,09		0,1	сл.				100,00
Неопределенная	8,50	91,92	0,7	6,55	сл.		0,89	сл.	сл.			100,00
То же	4,30	93,66	0,68	4,41			0,37	0,88	сл.	сл.		100,00
То же	4,00	93,94	2,48	0,97	2,12		0,41	сл.	0,08			100,00

ники старых воззрений указывают — по крайней мере, по отношению к золоту — на Урал и Алтай, иногда на Фракию или Колхиду; А.Л.Бертье-Делагард в противовес этому подчеркивал значение торговли с греческой метрополией — драгоценные металлы притекали на северные берега Черного моря, по его мнению, из тех мест, куда направлялся вывоз понтийского сырья и зерна, то есть «из бассейна Средиземного моря, бывшего если и не исключительным, то во всяком случае важнейшим источником золота, электра и серебра» (Бертье-Делагард 1911: 96). Этот радикальный взгляд на источники монетных металлов для Ольвии мог бы быть принят, если бы существовали основания полагать, что зерно, заготовленная впрок рыба и другие вероятные товары ольвийского экспорта оплачивались в основном металлической монетой, которая к тому же накоплялась в государственной казне ольвиополитов. Между тем, навстречу груженным хлебом судам, направляющимся от берегов Понта в Элладу, плыли другие корабли, везшие в Причерноморье вино, оливковое масло и различные изделия греческого ремесла (Онайко 1966: 12, 14, 36, 47; ср. Бондар1954: 69, 71, 74-75; Коцевалов 1929: 12, 15, 23, 25, 37). С другой стороны, весьма вероятно, что Ольвия уже в ранние времена была связана речными и сухопутными путями со многими областями Ев-

ропы (Граков 1947: 23-37). Если бронзовые зеркала и, быть может, некоторые другие изделия ольвийского бронзолитейного производства действительно проникали уже в VI — V вв. до н.э. в степи Южного Приуралья или на территолрию нынешней Венгрии, было бы затруднительно отрицать возможность проникновения в обратном направлении золота в виде изделий, слитков или даже самородков [4]. Дело мало меняется и в том случае, если упомянутые бронзовые зеркала изготовлялись в мастерских Ионии и лишь поступали к древним обитателям указанных областей через Ольвию [5]. Не приходится, однако, забывать, что Ольвия была расположена не так уж далеко от Фракии, богатство которой благородными металлами и ранняя разработка золотых и серебряных руд делают вполне возможным проникновение драгоценных металлов на берега Гипанида именно из прославленных в древности фракийских рудников (Шмидт 1935: 228, 235; Манцевич 1949: 218; Манцевич 1950: 235). В силу этого решение вопроса о происхождении золота и серебра в Ольвии возможно лишь на основании массовых анализов находимых здесь ювелирных изделий и монет местной чеканки. Такие анализы, к сожалению, не производились даже для золотых вещей (Протоколы 1879: 17-20). Пример Протогена, во всяком случае, позволяет ориентировочно оценить размеры сокровищ, накоплявшихся в руках богатых ольвиополитов, а денежная форма этого богатства с достаточной определенностью указывает — по крайней мере, для III — I вв. до н.э. — на торговую прибыль как на главный его источник [6].

Труднее решить вопрос о происхождении металлического серебра, из которого чеканены ольвийских монеты. Отсутствие находок наиболее распространенных сортов древнегреческой торговой монеты на территории Ольвии, — например, аттических тетрадрахм, тетрадрахм Александра и Лисимаха, фасоских тетрадрахм или малоазийских кистофоров, — не приходится считать случайностью — ведь известны кизикины и золотые статеры эллинистических монархов, обнаруженные в Ольвии случайно или во время раскопок. Поэтому трудно согласиться с А.Л.Бертье-Делагардом и разделяющим в данном случае его точку зрения К.Реглингом, которые полагают, будто чуть ли не все серебро притекало на северное побережье Черного моря в виде серебряных монет греческой метрополии (Бертье-Делагард 1911: 99; Regling 1931: 43-44, 46). Скорее, на наш взгляд, можно было бы думать о завозе серебра в посуде и других изделиях, которые со временем шли в переплавку (Прушевская 1955: 331, 332; Погребова 1953: 290). Нельзя, добавим в заключение, и слишком преуменьшать реальную массу благородных металлов, служивших в Ольвии средством обращения или приобретавших форму сокровища, эту специфическую для античного мира зримую — или, напротив, скрытую — форму общественного или частного богатства (Маркс, Энгельс. Т. 23: 141, 144). Ведь и в римское время, когда материальное благосостояние города и граждан, по общему мнению, не идет ни в какое сравнение с их богатством эпохи расцвета древней Ольвии, должностные лица систематически посвящали Ахиллу, Аполлону и Гермесу золотые ожерелья, пояса, венцы, золотые или серебряные изображения божеств, серебряные чаши и т.п. (IPE, 1 (2), №№80, 82, 83, 85, 86, 89, 91, 94, 96, 101, 105-107, 113, 116, 128, 129). Ввиду этого, небольшое количество находимых в Ольвии изделий из золота и серебра не может рассматриваться как решающее доказательство их исключительной редкости, как это, по-видимому, предполагал Бертье-Делагард (Бертье-Делагард 1911: 8) [7]. О деятельности ольвийских золотых дел мастеров свидетельствуют, заметим мимоходом, не только находки самих драгоценных предметов, но и косвенные данные: к их числу относится найденный здесь пробирный камень со следами золота (Протоколы 1900: 122).

Уже в VI — V вв. до н.э. Ольвия была центром развитого бронзолитейного производства, традиции которого отразились и на ее монетном деле. Здесь изготовлялись наконечники стрел, различные украшения, зеркала, домашняя утварь и всевозможные мелкие поделки (Фурманська 1963: 61; Фурманська 1958: 40). Все это требовало значительного количества сырья, доставка которого из метрополии могла иметь место лишь в самую раннюю пору существования города (Прушевская 1955: 327). В дальнейшем, как полагают, ольвиополиты получали медь из Донецких месторождений (Фурманська 1963: 68; Прушевская 1955: 329) — известны, в частности, указания на остатки древних медеплавильных печей, открытых близ Кривого Рога, где встречались в древних рудных выработках ольвийские монеты (Бурачков 1877: 133-134; Хмыров 1875: 12-14, 16, 27-28, 31). Из Криворожья получали руду, по всей вероятности, и металлурги скифского Каменского городища (Граков 1954: 115, 118). Доставка металла — скорее всего в форме слитков — могла осуществляться по речным путям; однако бронзовые сплавы изготовляли на месте, руководствуясь при этом назначением изделий (Фурманська 1963: 69). Для монет, как показано выше, предпочитали примесь олова [8], но всегда в меньших количествах, чем для зеркал или украшений.

2. Изготовление монеты

Техника отливки дельфинов и ассов

Высокий уровень развития ольвийского бронзолитейного ремесла уже в раннюю эпоху и отсутствие регулярно действующих источников снабжения города драгоценными металлами приводят к тому, что к моменту сложения в Ольвии местного городского рынка, нуждавшегося в собственной разменной монете, в качестве монетного металла ольвиополитами была избрана бронза. Монеты, имевшие первоначально форму двусторонних рельефных рыб или дельфинов, изготовлялись долгое время посредством отливки в особых формочках. Сама техника отливки упомянутых фигурных монет и пришедших им на смену круглых «ассов» [9] в существеннейших чертах повторяет хорошо известный ольвиополитам способ изготовления других поделок в двусторонней форме. Обе ее половинки с соответствующими углубленными изображениями — индивидуальными либо групповыми — совмещались таким образом, чтобы негативные изображения по возможности точно совпадали. Это достигалось при помощи специальных соединительных штифтов, которые входили концами в высверленные в нужных местах в обеих половинах формы гнезда через канал, также углубленный в обе половины соединенной и закрепленной формы, заливался расплавленный металл; другой канал или узкое отверстие служили для отвода воздуха. Если форма была групповой, то каждый изготовляемый предмет мог иметь отдельный канал, или они соединялись между собой особыми канальцами (Фурманська 1958: 40-41; Зограф 1911: 26-27). При не вполне точном совмещении углублений одна половина отливки оказывалась несколько смещенной по отношению к другой, как это нередко наблюдается у крупных ассов (табл. III=A 1; VI=C 2). Кроме того, при недостаточно плотном соединении половинок формы жидкий металл образовывал вокруг готового изделия своеобразный фон в виде пластинчатого выступа или нескольких выступов самой причудливой формы, как это хорошо видно у одного из литых дельфинов из собрания ГИМ (табл. I=C 8). Известны, наконец, случаи, когда в форму поступало недостаточное количество металла и изготавливаемая в ней монета оказывалась дефектной (табл.VI=C 1; VII=A 1 и мн.др.).

А.Н.Зограф предполагал, что литейные формы для изготовления дельфинов и ассов могли оттискиваться при помощи готового изделия на мягком формовочном материале; каждая половина формы представляла собой, по его предположению, ящичек с глиной, на поверхности которой выдавливалась по нескольку раз монета или ее модель (Зограф 1951: 26). Не отрицая возможности такой техники, укажем, что в этом случае можно думать не только о глине, но и о гипсе или алебастре, которые после отвердевания не нуждались в особой рамке или ящичке. Но не исключено, что при изготовлении дельфинов широко применялись индивидуальные формы, как это имело место при отливке различных мелких поделок; материалом для таких форм служили амфорные ручки или керамиды. Во всяком случае, никаких следов соединительных каналов при изучении внешнего вида дельфинов обнаружить не удается; металл заливался в соответствующие формы, скорее всего через канал, служивший продолжением хвоста. Одна из найденных в Ольвии форм для отливки бляшек с изображением Горгоны (диаметр бляшки 2,5 см) показывает, что, и ассы малых размеров могли изготовляться в формах, вырезанных в мягком известняке (Фурманська 1958: 52, №9, табл.VI, 4); не приходится, наконец, совершенно отрицать и возможность литья ассов по восковой модели (Фурманська 1958: 57, №7).

Все виды ольвийского монетного литья — и дельфины, и ассы — отливались в двусторонних формах. Однако рельеф обеих половинок формы не всегда был одинаково высок, чем и объясняется подмеченное А.Н.Зографом различие между ассами с изображением Афины и всем и остальными: первые отливались в формах, у которых одна из половин имела вид почти плоской крышки, тогда как все остальные имели примерно одинаково углубленные половинки формы. Поэтому «монеты первой группы получают значительную выпуклость лишь с одной стороны и имеют скошенный край; монеты второй группы равномерно выпуклы на обеих сторонах и имеют заостренный край» (Зограф 1951: 123). К этому наблюдению следует прибавить, что ассы среднего и малого размера по рельефности их форм стоят как бы посередине между обеими охарактеризованными группами — лицевая их сторона всегда отлита в более глубокой форме, чем оборотная. Нельзя не отметить также, что мы не располагаем никакими доказательствами того, что ольвийские ассы изготовлялись в групповых формах — у них всегда заметен только один литник [10] . Указываемые А.Н.Зографом смещения половинок формы (Зограф 1951: 27) могут быть и результатом недостаточно аккуратной или поспешной работы при индивидуальной отливке монет.

Отливка кружков и подготовка их к чеканке монет

Техника литья применялась в Ольвии также и после перехода к выпуску чеканеной монеты, и недавние находки полуфабрикатов монетного производства во время раскопок восточной части агоры позволяют существенно уточнить представления об изготовлении монет. Прежде всего надо отметить, что монетные кружки отливали как поштучно, так и целыми сериями, причем эти кружки соединялись общими литниками и представляли собой своеобразные линейные заготовки по несколько кружков в каждой. До настоящего времени среди находок известны, правда, лишь парные кружки, но со следами литников или разломов на обоих противоположных концах их общего диаметра. Иногда кружки отливали и в индивидуальных, притом односторонних, формах; в этих случаях они имеют резко скошенный край и характерную фактуру одной из плоских сторон. В дальнейшем кружки слегка расплющивали и подвергали их проковке по гурту.

Л.П.Харко, подвергший монетные кружки из раскопок 1946 и 1947 гг. специальному изучению и разработавший их классификацию, разделяет известные ему кружки (60 экз.) на 6 групп, отличая при этом внутри некоторых групп кружки, подвергшиеся дополнительной обработке (Харко 1964: 335-344; Зограф 1951: 27-28). В последующие годы в Ольвии было найдено еще немало подобных заготовок, например, в 1948 г. — 55 штук, в 1949 г. — 2 штуки, в 1951 г. — 3 штуки, в 1953 и 1954 гг. — по одному, в 1955 г. — 5 штук, в 1956 и 1959 гг. — снова по одному, то есть 69 экземпляров.

Сравнивая эти заготовки с опубликованными Л.П.Харко, которые также были изучены нами по оригиналам, необходимо, как нам представляется, несколько видоизменить его классификацию. Так, мы затруднились бы признать правильными определения двух первых групп; среди указанных Л.П.Харко 9 кружков первой группы нет ни одного, о котором бы можно было положительно утверждать, будто он расплющен из шарообразного слиточка, к тому же отлитого индивидуально. Все кружки должны бы были при расплющивании растрескаться у гурта, а этого нельзя проследить ни на одном из них, так как у всех гурт расклепан для удаления следов литников (Харко 1964: 335, 342). Что касается кружков второй группы, которые, согласно гипотезе Л.П.Харко также расплющены из шариков, но с помощью приложения к шарообразному слиточку особого штампа с плоским ободком и закраинами (Харко 1964: 335, 337), то для объяснения их внешнего вида нет необходимости прибегать к столь усложненному и не находящему аналогий в монетной технике античного мира предположению. «Оттиск вдавленного монетного круглого ободка» на одной стороне указанных 7 кружков второй группы, явившийся для Л.П.Харко отличительным признаком этой группы и послуживший, вне сомнения, поводом ко всему приведенному выше объяснению, представляет след округлой вдавленности, образовавшейся при расплющивании монеты, чеканенной в прошлом круглым штемпелем реверса. Другими словами, перед нами в данном случае заготовки, изготовленные из вышедших из употребления монет. Цель проковки гурта состояла при этом в том, чтобы уменьшить размеры кружка, раздавшегося при расплющивании прежних изображений и надписей далеко за пределы штемпелей, которыми ему предстояло быть перечеканенным заново.

С указанными оговорками классификация Л.П.Харко может быть использована при изучении ольвийских монетных заготовок, среди которых различаются:

а) расклепанные заготовки от индивидуально отлитых (?) кружков с перпендикулярным по отношению к плоскостям аверса и реверса гуртом;
б) двусторонние заготовки с литниками, свидетельствующими об их коллективном изготовлении, с ребром по середине гурта и иногда с шаровидными бугорками в центре кружка;
в) такие же заготовки, дополнительно подвергнутые плющению поверхностей аверса и реверса и проковке гурта, получающие в результате вид, очень близкий разновидности а);
г) односторонние заготовки с литниками и со скошенным гуртом, образующим острое ребро при пересечении с плоскостью реверса, иногда с бугорками в центре кружка;
д) такие же заготовки, подвергнутые незначительному плющению поверхностей аверса и реверса, но без проковки гурта;
е) заготовки, полученные путем расплющивания вышедших из употребления монет без переливки последних;
ж) тонкие пластиновидные кружки, монетное назначение которых сомнительно.

Чеканка ольвийских монет

Что касается самого процесса чеканки, то он осуществлялся на ольвийском монетном дворе теми же методами, что и во всем античном мире (Зограф 1948: 257-264; Зограф 1951: 28-34; Babelon 1901: 897-966; Hill 1921: 1-42; von Bahrfeldt 1904: 433 ff.). При этом использовались либо обычные парные штемпеля, нижний из которых утапливался в гнезде, специально сделанном в теле наковальни, а верхний

приставлялся вручную к монетному кружку, либо прибегали к более сложной технике. Именно, для ускорения трудоемкого процесса чеканки на поверхности наковальни вырезался ряд одинаковых нижних штемпелей, к одному из которых в каждый данный момент прикладывался подвергаемый чеканке кружок. Только при таком предположении можно объяснить тот вид, который имеют некоторые ольвийские монеты III в. до н.э. Так, в одном случае вместо обычного типа — головы бородатого и украшенного рогами речного божества — видны затылок и пышные локоны одного изображения и вслед за ними на некотором расстоянии профиль точно такого же другого изображения, причем совершенно ровное монетное поле не допускает мысли о возможности двойного удара (табл.XII=B 10)[11]. Об этих же монетах с изображением речного божества можно с уверенностью утверждать, что с той же целью ускорения их изготовления некоторые их группы чеканились на извлекаемых из монетных форм полосах или цепочках кружков, соединенных между собою литниками. Последние разрубались особыми резцами дугообразного сечения (это помогало избежать повреждения краев готовых монет) уже после завершения чеканки (Зограф 1951: 33, 133; Зограф 1948: 257-258). Такая особенность изготовления описанных монет была установлена А.Н.Зографом на основании экземпляра из собрания Государственного Эрмитажа (табл. XIV=C 4), на котором часть штемпеля оборотной стороны с сокращением имени ольвийского магистрата MOI отпечаталась вторично, поверх уже однажды выбитого изображения горита с луком и секиры с той же надписью. Это возможно лишь при допущении того, что при недостаточно аккуратном наложении штемпеля реверса на соседний кружок им был захвачен главным образом соединительный литник, так что края штемпеля распространились на два смежных кружка, соединенные вышеупомянутым литником (Zograph 1932: 50-51, Taf.V, 3).

В некоторых случаях ольвийские монетные мастера, отвечая быстро возрастающей потребности в звонкой монете, исключали отдельные звенья производственного процесса. Так, не смущаясь явной дефектностью своей продукции, они пускали прямо под новые штемпеля старые монеты не только без переливки кружков, но даже порой и без расплющивания или изглаживания прежних типов и надписей; любопытно, что так поступали не только с медными, но и с серебряными монетами (см. табл.XVI=B 8; C 3). В первые века н.э. такие случаи сплошных перечеканок неизвестны, да и монетные кружки готовили в римское время более тщательно, придавая огромному их большинству правильную круглую форму и старательно удаляя следы литников.

Касаясь ольвийских монет, изготовленных путем чеканки, следует подчеркнуть, что при изучении достаточного числа вполне однотипных экземпляров среди каждой такой группы нетрудно выделить монеты, происходящие от одной пары или, по крайней мере, от одного общего штемпеля. Это обстоятельство, равно как и восстановление прежних типов впоследствии перечеканенных монет, представляет исключительную важность при разработке классификации и установлении хронологии монет Ольвии.

Монетный двор древней Ольвии

В дополнение к сказанному выше отметим, что находки монетных кружков, особенно многочисленные в 1946 и 1948 гг., сосредоточены в одном и том же районе агоры — в здании А, расположенном в юго-восточной части раскопа Е-1, прилегающей к склону по направлению к Нижнему городу (Леви 1956: 53-86; Карасев, Леви 1958: 129-130). Указанное здание относится к IV — II вв. до н.э. и по характеру находок в его сохранившихся подвальных помещениях (всего раскопано 8 подвалов и часть девятого) определяется как торговый ряд. Планировка здания, вытянутого вдоль восточного края агоры, прямолинейная; оно тянулось не менее чем на 50 м по направлению с севера на юг. Подвальные помещения служили, надо полагать, складами товаров; в некоторых из них предполагают также культовые помещения. К востоку от южной части описанного здания и частично в самих подвалах было обнаружено необычно большое количество монет, заготовок для изготовления монет, а также медных шлаков; это дает основание надеяться, что дальнейшими раскопками в этой части агоры будет открыт монетный двор эллинистической Ольвии (Карасев, Леви 1958: 129).

Чтобы не возвращаться к вопросу об ольвийском монетном дворе отметим тут же, что мы не располагаем никакими конкретными сведениями о его персонале, о магистратах, ведавших плавкой монетных металлов, отливкой заготовок, резкой штемпелей и чеканкой монеты, а также и о социальном составе работников, занятых ее непосредственным изготовлением. По аналогии с другими греческими городами (Зограф 1951: 34-35; Марков 1901: 54-56; Babelon 1901: 832-846) можно, впрочем, предполагать, что значительная часть операций по превращению слитков металла в монету выполнялась рабами, а заведовали работой монетного двора магистраты из числа граждан, причем заведование монетным двором не принадлежало к числу первостепенных городских магистратур.

Эволюция ольвийской монетной техники

Заканчивая настоящий очерк монетной техники ольвиополитов, имеющий, к сожалению,

несколько фрагментарный характер, добавим, что различные методы изготовления монетных кружков не могут послужить надежной основой для периодизации ольвийского монетного дела. Так, например, ассы, отмеченные сокращением одного и того же имени APIX, изготовлены в не вполне одинаковых по их техническим особенностям формах. При этом крупные монеты (62 — 68 мм) отливались, как правильно указал А.Н.Зограф, в равноуглубленных половинках форм и напоминают двояковыпуклую линзу. Монеты среднего и малого размера изготовлялись в формах, одна из половинок которых была значительно более углубленной, чем другая, в результате чего они скорее напоминают плосковыпуклую или даже вогнутовыпуклую линзу (табл.III=A — IV=C). Равным образом, внутри большой группы сравнительно ранних монет с изображениями Деметры и орла с дельфином в лапах часть монет отчеканена на хорошо подготовленных ровных кружках с отвесным гуртом (например, табл. IX=B), тогда как другая часть чеканилась на небрежно отлитых кружках с редко скошенным гуртом и сильно вступающими за край литниками (например, табл. IX=A). Такие кружки в виде усеченного конуса применялись и в III в. до н.э., попеременно с цилиндрическими кружками, а во II в. до н.э. кружки первого типа стали господствующими (табл. XVIII=C — XIX=A). Во времена Митридата, однако, у ольвиополитов в ходу снова ровные цилиндрические кружки (табл. XX= C 15 сл.; XXI=A 1 сл.). В послегетской Ольвии сначала применялись снова кружки со скошенным гуртом (табл. XXI=B 5), но с третьей четверти I в.н.э. ольвийские монеты чеканились на ровных, аккуратных кружках с отвесным гуртом, для большей части которых можно предполагать индивидуальную отливку либо очень тщательное удаление литников (табл. XXII=A 5—8; XXII=B 1 сл.). Такие переходы обуславливались, надо полагать, не эстетическими требованиями, предъявлявшимися в разное время к внешнему виду монет. Разнообразные надчеканки, хорошо известные на ольвийских монетах эллинистического и римского времени, наглядно показывают (табл. XIV=a 2; XIV=B 7; XV=C 9, 17, 18; XVI=A 16 и мн.др.), насколько мало смущали ольвиополитов художественные недостатки их монет. Нельзя связывать это и с техническим прогрессом: уже в VI — V вв. до н.э. ольвийские мастера овладели тем комплексом приемов обработки бронзы, далее которого они не продвинулись ни в какое время (Фурманська 1963: 63; Прушевская 1958: 326). Такие перемены объясняются стихийно возникавшими и сравнительно быстро проходившими потребностями в увеличении выхода готовой продукции монетного двора. Этот последний, заметим попутно, работал в разные периоды далеко не равномерно — «монету не чеканили равномерно и непрерывно; проходили времена, иногда очень большие, года, когда ничего не чеканили; затем, приступив, сразу начеканивали сколько было надобно, многими штемпелями» (Бертье-Делагард 1911: 308). Это наблюдение справедливо, если говорить об Ольвии, как по отношению к монете из драгоценных металлов, так и по отношению к разменной бронзовой монете.

3. Органы финансового управления Ольвии

Коллегии Семи и Девяти

Если при рассмотрении техники монетного дела приходится опираться исключительно на нумизматический материал, то для изучения организации производства монеты и городских финансов Ольвии источником первостепенной важности являются эпиграфические документы (Латышев 1887: 283 сл.). Из особого постановления о жертвоприношениях (IPE 1 (2), №76) и из прескриптов некоторых других надписей (IPE 1 (2), №№26, 31, 32 A-2) известно, в частности, о существовании в Ольвии в эллинистическое время коллегии Семи (οἱ ἑπτά); существуют и медные монеты с соответствующей надписью (ΟΙ ΕΠΤΑ), чеканенные, очевидно, от имени или при участии этой коллегии (табл. XVII=C 1—10). В ту же эпоху упоминается и коллегия Девяти (οἱ ἐννέα), одним из членов или даже главой которой был известный Протоген (IPE, 1 (2), №32 A-39). Полагают, что первая из названных коллегий заведовала священной сокровищницей (ὁ θεσαυρός), а вторая — общественной казной ольвиополитов (τὰ κοινά), представляя в этом отношении параллель к истрийской коллегии Десяти (Латышев 1887: 291-4; Блаватская 1948: 57-58).

«Верховный распорядитель финансами»

Из декрета в честь Протогена можно заключить и о существовании в Ольвии должности верховного распорядителя городскими финансами, который ведал «самыми важными доходами города» (χειρίσαι τᾶς μεγιστάς τῆς πόλεως προσόδους, IPE 1 (2), №32 B-65/66) и вообще большинством отраслей государственного хозяйства (ср.ниже — B-72 — πλεῖστα δὲ χειρίσας τῶν κοινᾶν), в том числе отношениям с откупщиками (IPE 1 (2), №32, B-66/72) (Латышев 1887: 189-191). В.В.Латышев показал также, что в Ольвии, как и в соседней Истрии, существовала должность τοῦ ἐπιμηνίον, которая была, по-видимому, экстраординарной. В единственном случае, когда ее наличие можно предполагать, ее носителю, то есть тому же Протогену, декрет в честь которого является главным источником во всем,

что относится к финансовому управлению Ольвии, вменялось в обязанность регулировать отношения должников и заимодавцев (IPE 1 (2), №32, B-79; Латышев 1887: 294-297).

Экономы и казначей

Эпиграфические документы позволяют в настоящее время остановиться несколько более подробно на упомянутой выше должности главного распорядителя городскими финансами, которую Протоген занимал три года подряд, «управляя всем, по словам посвященной ему надписи, честно и справедливо» (IPE, 1(2), №32 B-72/74). В.В.Латышев считал ее обычной ежегодно замещаемой магистратурой (Латышев 1887: 290-291). Однако вполне вероятно, что упоминаемая в декрете должность ἐπί τῆς κοινῆς οἰκονομίας καὶ ταμιείας (IPE 1 (2), №32, B-64/65) была экстраординарной магистратурой, обусловленной напряженным экономическим положением Ольвии в эпоху Протогена (Леви 1963: 12). В таком случае имеются все основания полагать, что Протоген лишь временно и в чрезвычайном порядке объединял в своих руках функции, принадлежавшие обычно τοῦ οἰκονόμου и τοῦ ταμίου (либо целым коллегиям экономов и казначеев). В Истрии, сходство финансового управления которой с ольвийским не ускользнуло от исследователей (Латышев 1887: 297, прим. 25, 299, прим. 2; Блаватская 1948: 59), должность экономов в зависимости от обстоятельств бывала то единоличной, то коллегиальной. Однако ταμίας упоминается в истрийских документах всегда лишь в единственном числе (Pippidi 1962: 39-40).

В.В.Латышеву были неизвестны ольвийские экономы или казначеи, но обе эти должности с большой степенью вероятности могут быть восстанавливаемы в надписях, найденных в последние десятилетия. Так, в надписи II в. до н.э., найденной в Нижнем городе в 1947 г., расход, связанный с начертанием документа на мраморной плите, вменяется в обязанность оплатить экономам (Леви 1963: 9; ср. НО, №36). Хотя на обломке плиты читается только окончание gen. plur. должностного обозначения соответствующих лиц (то есть …ΟΥΣ), весь контекст надписи не оставляет сомнений, что речь идет именно о коллегии экономов, существование которой в соседней Истрии и в других городах засвидетельствовано многими эпиграфическими текстами (Pippidi 1962: 39-40, 58; SIG: 470). С другой стороны, из декрета римского времени, изданного С.С.Дложевским (Дложевський 1927: 310-315; ср. НО, №45), следует, что аналогичные функции были поручены единолично исполнявшему свою должность магистрату (на камне читается καὶ τὸ [γενόμενον] εἰς αὐτὸ ἀνάλωμα ἐξοδιάσαι τὸ[ν...]). Судя по числу отсутствующих букв и по аналогиям [12] (Pippidi 1962: 582-583), восстановление τὸ[ν ταμίαν], предложенное Г.Клаффенбахом (SEG, III, 2, №584) и принятое в дальнейшем первым издателем документа (Дложевський 1930: 49), следует считать весьма вероятным, особенно если принять во внимание указанное выше место (B-65) из декрета в честь Протогена.

Архонты

Из других ольвийских должностных лиц, ведавших не только финансами города, но и имевших непосредственное отношение к чеканке монеты, следует, прежде всего, назвать архонтов. Эта коллегия верховных магистратов состояла, как это устанавливается на основании надписей римского времени, из пяти ежегодно сменявшихся лиц (Латышев 1887: 265-269). Она распоряжалась, как это видно из декрета в честь Протогена, расходами, связанными с удовлетворением требований царя Сантафарна (IPE, I, №32, A-45 сл.; 82 сл.), а также закупала за счет общественных сумм вино (A-19 сл.); архонты могли также закладывать священную храмовую утварь (A-14 сл.). В последнее время подтвердилось и предположение В.В.Латышева относительно того, что архонты ведали суммами, которые были ассигнованы народным собранием на определенные конкретные цели. Из надписи, найденной в 1951 г., видно, что им вменялось в обязанность оплатить расходы, связанные с оформлением документа и установкой его в храме Аполлона (Леви 1963: 7; Леви 1956: 103). Наконец, монетные легенды свидетельствуют, что в первых веках н.э. архонт, возглавлявший коллегию, выставлял на монетах свое имя.

Ситоны

Кроме архонтов к управлению городскими средствами имели отношение также ситоны, о существовании которых в эллинистической Ольвии стало известно из недавно обнаруженной надписи (Карасев, Леви 1965: 93; ср. Кастанаян 1963: 118; НО, №72). Коллегия ольвийских ситонов состояла из 5 членов, считая и секретаря. Из указанной надписи их служебные функции не усматриваются, но аналогии с Истрией и другими городами позволяют заключать, что ситония была своеобразным институтом, долженствовавшим смягчать острую нужду городской бедноты и тем самым укреплять стабильность полисного строя. Ситонам вменялось в обязанность снабжать неимущих граждан съестными припасами, в первую очередь зерном, и притом по льготным ценам, а порой и бесплатно (Thalheim 1927: 397 ff.) [13]. Типичным проявлением деятельности, выражаемой глаголом σιτωνεῖν, но не связанной, по-видимому, с отправлением должности ситона,

могут служить те факты из деятельности Протогена, когда он уступал народу зерно по ценам, намного уступавшим рыночным (IPE, 1 (2), №32 A-28/29; 71/76), или предоставлял средства для закупки зерна у других купцов (A-66/71). Подобный поступок истрийца Диогена, судя по всему — современника Протогена, прямо обозначен термином σιτωνεῖν (Pippidi 1962: 477), тогда как составитель ольвийского декрета предпочел описательный оборот (ἐπηγγείλατο εἰς τὴν σιτωνίαν χρυσοῦς χιλίους, A-72/73; ср. σιτωνῆσαι, A-65).

Агораномы

Приведенные выше данные о финансовых органах Ольвии характеризуют ее государственный строй в эллинистическое время. Для послегетской Ольвии подобных материалов почти нет — можно указать лишь на скупые сообщения о расходовании общественных сумм (τά δημοσία) на постройки (IPE, 1(2), №№174, 177) и на упоминания в эпиграфических документах коллегии агораномов (IPE, 1(2), №№128, 129, 685). Агораномы составляли в Ольвии ежегодно сменявшуюся коллегию из 5 членов (Латышев 1887: 296-299; НО, №90), но их посвятительные надписи содержат слишком мало сведений об обязанностях этих магистратов, так что круг их занятий приходится определять по аналогии с тем, что известно об агораномах в других городах. Обычно они ведали порядком и благоустройством рынков, а также всеми делами, связанными с организацией розничной торговли (Ochler 1894: 883 ff.; Frencotte 1901: 141 suiv.; ср. Латышев 1897: 245). В соседней Истрии агораномы следили за продажей зерна, вина и прочих съестных припасов (SIG, II (3), №708, lin.38 sqq.).

Время существования коллегии агораномов

Надписи ольвийских агораномов относятся к эпохе Антонинов и Северов; судя по особенностям письма, они могут быть датированы временем от второй четверти II до первого десятилетия III вв.н.э. Из этого не следует, однако, что сама коллегия появилась только в указанное время. В.В.Латышев полагал, к примеру, что агораномы существовали в Ольвии еще на раннем этапе истории города и лишь в силу случайности не упоминаются в уцелевших древних документах (Латышев 1887: 298). Такой взгляд представляется не только правильным по существу, но и может быть подтвержден некоторыми материалами, не привлекшими внимания исследователей Ольвии.

Укажем прежде всего, что круг немногочисленных сведений об ольвийских агораномах несколько расширился благодаря находке в 1908 г. свинцовой гири римского времени с надписью ΑΓΟΡΑΝΟΜΟΥΝΤΟΣ ΑΓΑΘΟΚΛΕΟΥΣ Β ΛΕΙΤΡΑ (ОАК 1908: 75-76, рис.55; Гайдукевич 1955: 47, рис. 8; Чуистова 1962: 84, №36, табл. 31, рис.27) [14]. В связи с этим следует вспомнить, что в обязанности агораномов входила во многих греческих городах проверка правильности употребляемых рыночными торговцами мер и весов, так что контрольные гири часто помечались именами этих должностных лиц (Pernice 1894: 60, №622, 70, №707 и мн. др.); примеры такого рода могут быть указаны и в Северном Причерноморье — гири из Пантикапея (Чуистова 1962: 51-52, №7; 73, №9; 73-74, №11). В Афинах, впрочем, где аппарат полисного управления отличался особой разветвленностью, наряду с агораномами существовали метрономы, специально следившие за правильностью практически применявшихся мер, весов и гирь. В Ольвии этих последних, надо полагать, не было вовсе, и надпись на гире с именем Агафокла является доказательством того, что в римское время ольвийские агораномы наблюдали за правильностью весов и гирь.

В Ольвии известны и другие гири, отмеченные именами, но без указаний на должностное положение владельцев. Еще П.О.Бурачков издал четырехугольную литую гирю из бронзы с изображением плывущего дельфина и двустрочной надписью ΟΛΒΙΟ ΚΡΙΤΟΒΟΥ (Бурачков 1884: 41, №17, табл.III, 16) [15]; она хранится в настоящее время в ГИМ вместе с другим таким же экземпляром; третий находится в Одесском музее (Протоколы 1900: 147, №I(1)). В собрании покойного херсонского коллекционера Е.Ф.Мамаенко находилась еще одна точно такая же гиря, но с именем ΧΑΡΙΝΑΥ. Далее, в 1957 *г.* в одном из помещений западного торгового ряда на ольвийской агоре была найдена свинцовая гиря с изображением дельфина и надписью ΟΛΒΙΟ ΑΡΙΣΤΟ (Чуистова: 65, №4, табл. 29, рис. 144). Из Ольвии происходят, наконец, бронзовые гирьки несколько меньшего размера с изображением дельфина и сокращениями имен ΑΠΟ (НСІУ 1957: 252, рис. в тексе) и ΔΙΟΝΥ (Карасев, Леви 1965: 87, рис.29, 5).

Отметим сразу, что на гирях читаются с полной несомненностью имена Критобул и Харинавт, оба не зарегистрированные прежде среди ольвиополитов. Весьма велика также вероятность дополнения последнего из сокращений как имени Дионисий, которое принадлежало к числу самых распространенных как в Ольвии, так и во всем греческом мире. Впрочем, среди ольвийских граждан известны и более редкие теофорные имена этой группы (Дионисофан и Дионисерм; IPE, I. №№76 и 216). Что касается сокращений «Апо…» и «Аристо…», то дополнение их затруднительно: даже ограничиваясь именами, засвидетельствованными в эллинистической Ольвии, мы получаем в каждом из этих случаев слишком большую свободу выбора (Книпович 1956: 152, №№19-28). Все эти гири отно-

сятся, судя по форме букв, к III в. до н.э. (свинцовая гиря с именем «Аристо…», по всей вероятности, несколько древнее прочих). Такой датировке не противоречат и имеющиеся сведения об условиях находки некоторых из этих своеобразных памятников (Славин 1964: 194; Карасев, Леви 1965: 10 сл.).

Отличительным признаком рассматриваемых гирь является то, что на них имеется сокращение этникона ΟΛΒΙΟ, хорошо известное именно в такой форме на монетах IV — II вв. до н.э. Существенным представляется изображение дельфина, являющееся одной из разновидностей городской эмблемы, также использовавшееся в указанное время в качестве монетного типа. Это придает рассматриваемым гирям официальный, а не частный характер; но в таком случае и сокращения имен принадлежали, можно полагать, не простым торговцам, а тем магистратам, которые контролировали правильность применявшихся на городском рынке весов и гирь. Эта обязанность возлагалась в римской Ольвии на агораномов. Таким образом, имеются все основания считать гири с изображением дельфина и с именами Критобула, Харинавта и прочих служебными гирями агораномов. Другими словами, можно утверждать, что коллегия агораномов существовала в Ольвии еще в эллинистическое время.

4. Задачи и методы метрологического изучения ольвийских монет

Особенности монетной метрологии

Народы античного мира не знали государственных бумажных денег с принудительным курсом, этой законченной формы знака стоимости, вырастающей непосредственно из металлического обращения (Маркс, Энгельс. Т.13: 99); у них существовала только металлическая монета. Это заставляет с особенной тщательностью изучать весовые системы древней монеты [16]. По отношению к монетам Ольвии необходимость использования весовых данных была осознана более ста лет назад, но только труды А.Л.Бертье-Делагарда, собравшего и систематизировавшего сведения о весах золотых и серебряных монет Ольвии и других древних городов Северного Причерноморья, а также подвергшего рассмотрению веса полноценной ольвийской литой меди и находимых в Ольвии гирь (Бертье-Делагард 1913: 49; Бертье-Делагард 1911: 72, 78-79) поставили изучение монетных систем античных центров Скифии и Таврики на твердую почву.

В настоящее время необходимость привлечения весов многих однотипных и одновременных монет для получения представления о действительном весе того или другого их сорта представляется настолько естественной, что даже простое упоминание об этом может считаться излишним. Не так, однако, обстояло дело еще на рубеже XIX — XX вв., когда даже ученые такого ранга, как Т.Моммзен или К.Ф.Леманн-Гаупт, считал возможным входить в рассуждения о монетных системах, располагая крайне ограниченным числом монетных весов или даже сознательно ограничиваясь весами нескольких экземпляров «безукоризненной сохранности». Еще в 1914 г. Г.Фритце был вынужден специально подчеркивать, что так называемый нормальный вес любой группы античных монет может с известной вероятностью быть получен лишь путем взвешивания очень многих однотипных экземпляров одного времени и номинала. Наряду с этим Г.Фритце выдвинул и второе требование, согласно которому полученные таким путем нормальные веса отдельно взятого города или страны должны быть сравниваемы со столь же тщательно выверенными монетными весами всех центров, с которыми был связан в данное время занимающий нас город. Наконец, он требовал, чтобы прежде всякого метрологического исследования монеты изучаемого центра были по возможности точно датированы (Fritze 1914: 53-54; Fritze 1911: 31 ff.) [17].

Нельзя не признать, что строгое и полное соблюдение совершенно правильных в своей основе положений Г.Фритце представляет значительные трудности, тем более что точное выполнение второго требования явно превосходит возможности каждого отдельного исследователя. Отсюда не вытекает, разумеется, будто перед современной наукой вообще не может быть поставлена задача исследования систем того или иного центра. Речь должна идти, во всяком случае, о привлечении максимума доступного материала, о полном отказе от необоснованных, необъективных и слишком поспешных заключений и о необходимости комплексного изучения монет как источника. Важно при этом, чтобы ни один сорт монет рассматриваемого центра не был оставлен в стороне, а обработка всех видов данных велась в соответствии с требованиями научной методики.

Методика обработки метрологических данных

В свете сказанного приходится особенно подчеркнуть значение трудов А.Л.Бертье-Делагарда в области метрологии античных городов Северного Причерноморья. Ему приходилось не только доказывать невозможность получения сколько-нибудь надежных результатов путем взвешивания отдельных экземпляров самой превосходной сохранности (Бертье-Делагард 1906: 226-231), но и самостоятельно разрабатывать методику изучения весовых

данных. Эта методика в основных своих чертах не расходится с применяющимся в настоящее время приемом составления «таблиц частотности», предложенным английскими учеными начала текущего столетия (Hill 1924: 76-85) и принятым многими, в том числе советскими нумизматами-античниками (Zograph 1925: 29 ff.; Зограф 1951: 40; Шелов 1956: 56-60). Если в упомянутых таблицах, имеющих преимущество наглядности, самый длинный ряд индивидуальных весов прямо указывает ступень шкалы, наиболее близкую к среднему весу данного сорта, то А.Л.Бертье-Делагард отбрасывал веса «экземпляров, слишком отличающихся от большей части известных» (Бертье-Делагард 1911: 29). В его расчетах имеется даже некоторое преимущество, так как он учитывал также, какова была терпимость при чеканке того или другого сорта. «Если в ряде, — писал А.Л.Бертье-Делагард (Бертье-Делагард 1906: 230), — заметна хорошая работа с небольшими отступлениями от средних величин, придется отбросить даже и довольно близкие к средним; когда работа небрежна, разница велика, надобно отбрасывать только монеты, имеющие очень большое отступление от среднего веса». Этим самым принимались во внимание не только арифметические, но и исторические данные, и в дальнейшем мы корректируем показания «таблиц частотности» расчетами, учитывающими особенности каждого сорта ольвийских монет.

Источники и трудности изучения ольвийской метрологии

При изучении монетно-весовых систем Ольвии приходится ограничиваться данными, которые дает непосредственное взвешивание самих монет — по ольвийской монетной метрологии нет письменных источников, а весьма немногочисленные гири, найденные в разное время на территории Ольвии, предоставляют лишь возможность проверки выводов, получаемых при рассмотрении других данных. Эти гири, во-первых, крайне редко несут на себе надписи, прямо удостоверяющие их вес. Во-вторых, в результате окисления и механических повреждений их нынешние веса не обладают надлежащей степенью точности. В-третьих, системы торгового веса, к которым приноровлены гири в силу своего прямого назначения, обнаруживают гораздо большую степень устойчивости, чем занимающие нас системы специально монетного веса. И, наконец, не следует упускать из виду, что если вес гири должен являться эталоном или нормой, то полученный как средний результат взвешивания многих однородных монет вес данного номинала представляет собой не норму, а величину, неизбежно отклоняющуюся от этой нормы. Отклонение — и притом в сторону понижения — неизбежно по многим причинам: даже идеально изготовленные монеты изнашиваются в процессе обращения (Маркс, Энгельс: 91-94). Дошедшие до нас экземпляры подвергались, как правило, окислению во время пребывания в земле и последующей очистки (Бертье-Делагард 1911: 23). Кроме того, при чеканке древние монетные дворы почти всегда удерживали определенную часть металла для покрытия расходов, связанных с изготовлением монеты, а порой стремились извлечь таким путем некоторую прибыль в пользу государственной казны (Бертье-Делагард 1911: 18-19). Отметим также, что, «вводя у себя какую-либо систему монеты, брали ее вес не из каких-либо чужих постановлений, которых вероятно и не знали, а с натуры, принимая ее себе за норму и в свою очередь, несколько убавляя» (Бертье-Делагард 1911: 19). В силу этого всякий средний вес, полученный непосредственно путем взвешивания любого количества античных монет, ниже теоретических норм. Для получения последних его считают возможным несколько увеличивать, однако величина такого увеличения определяется на основании общих соображений и для ее вычисления невозможно выработать общие правила (Бертье-Делагард 1911: 19-20, 29-30; Bahrfeldt 1923: 10). Несомненно, правда, что систематическое исключение весов наиболее маловесных экземпляров каждого сорта при сохранении весов, отклоняющихся от массы в противоположную сторону, «несколько увеличивая средний вывод, приближает его к истинному» (Бертье-Делагард 1918: 56). Однако нормальный вес древних монет только в особенно благоприятных случаях может быть вычислен с точностью, превышающей десятые доли грамма, так что все расчеты, основанные на более детальных данных обладают лишь мнимой точностью и могут иметь только значение рабочих гипотез (Regling 1930: 6).

К сказанному следует добавить еще два замечания. С одной стороны, степень точности при изготовлении монеты не была одинаковой даже по отношению к различным номиналам одной и той же серии — монеты невысокого достоинства выпускали, как правило, тем более отклоняясь от нормы, чем мельче была монета. Отсюда ясно, что для определения веса основной счетной единицы данной системы надлежит исходить по возможности из самых крупных номиналов (Бертье-Делагард 1911: 19). С другой стороны, одно из уязвимых мест нумизматической метрологии состоит в том, что в настоящее время приходится в большинстве случаев довольствоваться обработкой весовых данных без надлежащего учета качества монетного металла (Бертье-Делагард 1918: 51). Не приходится подчеркивать, как это затрудняет решение многих спорных вопросов.

Изучение ольвийской монетной метрологии в XIX — XX вв.

Первая попытка охарактеризовать монетную систему Ольвии, если не считать беглых замечаний Ж.А.Летронна (Letronne 1823: 285-287), принадлежит Б.В.Кене. Хотя последнему были известны веса только восьми серебряных монет, он щедро наделял издаваемые им экземпляры наименованиями дидрахм, драхм, тетроболов, триоболов и диоболов, даже не указывая их веса (Кене 1856: 46-48, 55, 64, 65, 67, 76). В денежном хозяйстве Ольвии он усматривал во все времена, выражаясь его словами, «монетный аттический фут, немного уменьшенный» (Кене 1856: 50). Для подкрепления этого тезиса Б.В.Кене систематически называл рядом с немногими приводимыми им весами серебряных монет Ольвии также их «первоначальные веса», произвольно подобранные таким образом, чтобы подкрепить приведенное выше утверждение. В результате монета с изображениями Деметры в фас и дельфина (ср. Табл. XVI=B 12—15), которую Кене знал в двух экземплярах весом 1,7 и 1,9 *гг*, отнесена к аттической «системе Солона» и определена как триобол, причем ее «первоначальный вес» показан 2,1 *г* (Кене 1856: 42, №15); монета с изображениям Деметры (по Б.В.Кене — Аполлона) и орла с дельфином, весящая 3,6 *г* (см. табл. XVI=B 4), описана как «драхма аттической системы Солона», «первоначальный вес» которой 4 *г* (Кене 1856: 50-51, №72). Подобным образом вес монеты с изображениями Аполлона и лиры (см.табл. XIX=B 2 сл.), равный 3 *г,* «должен быть значительно увеличен», так как она, равно как и другая подобная весом 3,2 *г*, объявлены «аттическими уменьшенными драхмами» (Кене 1856: 53-54, №81). Такими же замечаниями и прибавлениями сопровождается публикация монеты с изображениями Аполона и орла с дельфином (табл. XVI=A 1), которая при весе 7,9 *г* должна изображать с соответствующей поправкой аттическую дидрахму (Кене 1856: 50, №71). Недопустимость подобного произвола при обращении с весовыми данными едва ли может требовать доказательств, а полная беспочвенность выводов обнаруживается самым наглядным образом, если добавить, что монета весом 2,2 *г* с изображениями Геракла и оружия (табл. XVI=C 8 сл.) определяется как «тетробол Солона» (Кене 1856: 47, №50), а монета весом 2,1 *г* с изображением Артемиды (табл. XIX=B 12) — как «диобол той же чеканки» (Кене 1856: 441) [18].

Неубедительность аргументации и итогового заключения Б.В.Кене была, по-видимому, очевидна уже П.О.Бурачкову, который имел значительно больший весовой материал — 35 весов серебряных монет. Тем не менее он предпочел воздержаться от каких бы то ни было определений сортов ольвийского серебра и высказался в том смысле, что Ольвия «имела свою собственную систему, независимую от иноземной» (Бурачков 1884: 79). В работах А.В.Орешникова нам также не удалось отыскать ни одного замечания о весовой системе ольвийских монет, а в трудах многих других нумизматов отдельным экземплярам присваивались порой совсем не соответствующие им наименования [19]. Даже такой крупный ученый, как В.Диттенбергер, находил в Ольвии монетную систему ее метрополии Милета, к тому же с небывалой основной единицей весом 11,28 *г* (Dittenberger 1881: 189-190), и только Б.Хэд усмотрел здесь в III в. до н.э. эгинскую или редуцированную финикийскую систему, что ведет к основной единице, согласно данным автора, около 12,5 или около 14,5 *гг* (Head 1911: 272, ср.р.XL, XLV; 1887: 233). Первое предположение Хэда было поддержано также Т.Рейнаком, который отнес время существования в Ольвии эгинской системы к IV в. до н.э. и определил на основании четырех известных ему весов среднюю норму статеров этой системы как 12,57 *г* (Reinach 1897: 329). Эта точка зрения не стала, однако, господствующей и Дж.Хирст, например, полностью поддержала Б.В.Кене, полагая, будто «в древнейшее время узаконенной монетной системой в Ольвии была афинская» (Хирст 1908: 117).

Ольвийская монетная метрология в трудах А.Л.Бертье-Делагарда

Для обоснованного суждения о монетных системах Ольвии нужны были, прежде всего, весовые данные, собирание и систематизация которых для всех центров Северного Причерноморья являются заслугой А.Л.Бертье-Делагарда. Согласно его выводам, на Боспоре и в Ольвии сменились две монетно-весовые системы. Первой из них, начиная с конца VI или начала V вв. до н.э, была эгинская; она продержалась до III в. до н.э., когда и Боспор, и Ольвия перешли к единственной тогда возможной системе — аттической. В первые века н.э. монеты в Ольвии чеканили цари Фарзой и Иненсимей; их золото и серебро, равно как и редчайшие серебряные монеты, битые от имени города, выпускались уже в эпоху полного господства римской монетной системы и не связаны генетически с прежними монетно-весовыми системами Ольвии (Бертье-Делагард 1911: 35-36, 56, 62).

Эта концепция, подкрепленная систематическими сводками весов городских и царских монет Северного Причерноморья по сериям и номиналам (Бертье-Делагард 1918: 62-67, №№2-24), явилась значительным вкладом в изучение древней нумизматической метрологии вообще и античных городов Юга СССР в частности. Выводы А.Л.Бертье-Делагарда были

Таблица 4. Распределение известных в начале XX в. золотых и серебряных монет Ольвии по собраниям

Место хранения или владелец	Количество монет		
	золотых	серебряных	Всего
Вел.кн.А.М.Романов (Петербург)	7	71	78
Одесское Общество истории и древностей	2	42	44
Исторический музей (Москва)	2	35	37
Эрмитаж (Петербург)	2	24	26
Л.И.Курис (Одесса)		16	16
Берлинский музей	2	8	10
И.А.Терлецкий (Керчь)	1	7	8
Ф.И.Прове (Москва)	1	7	8
Парижская Национальная библиотека	1	5	6
П.С.Уварова (Поречье)	1	2	3
Мелкие собрания, торговцы монетами и т.п.	3	11	14

приняты многими специалистами (Minns 1913: 485-486; Rostovtzeff 1922: 223, 229; Жебелев 1953: 143-146; Коцевалов 1929: 4-7; Зограф 1951: 126-129, 134, 164, 180; Шелов 1956: 54 сл., 60 сл., 69 сл., 81 сл., 113 сл., 159 сл.; Голенко 1956: 158 сл.) и прочно закрепились в науке. При этом единственная существенная поправка в отношении Ольвии состояла в том, что ее серебряные монеты III — II вв. до н.э. должны быть отнесены не к аттической, а к хиосско-родосской системе монетного веса (Карышковскй 1961: 9-14).

Бертье-Делагард свел на своих таблицах веса 22 золотых и 231 серебряной монеты Ольвии. Выраженная им надежда на удвоение весового материала в течение 50 лет (Бертье-Делагард 1918: 51) не оправдалась в полной мере. Но все же приращение материала настолько существенно, что повторное рассмотрение всей совокупности весовых данных следует признать целесообразным. Это тем более необходимо, что А.Л.Бертье-Делагард вводил в свои таблицы целые типы монет, не считая возможным подразделить их по вариантам изображений и надписей (Бертье-Делагард 1918: 56). При этом в одном случае в рамки одной группы попали монеты, представляющие неоднородные выпуски и принадлежащие не только к различным номиналам, но даже к разным весовым системам (Бертье-Делагард 1918: 64, №9; Каришковський 1957: 53-54). В другом случае подобное объединение стирает разницу между двумя выпусками одного номинала, заметно отличающимися друг от друга в метрологическом отношении (Бертье-Делагард 1918: 62-63, №3; Карышковский 1956: 69-77). Кроме того, из таблиц А.Л.Бертье-Делагарда должны быть исключены 3 веса: один принадлежит поддельной монете (Бертье-Делагард 1918: 64, №13) — вес 5,07 *г*, хранится в ОАМ, издана как подлинная (Праці ОДУ. Т.149 : 144, №7), а два включены в его сводку дважды (Бертье-Делагард 1918: 64, №14) [20].

Известные, таким образом, А.Л.Бертье-Делагарду 250 весов золотых и серебряных монет Ольвии распределялись в его время по следующим собраниям (табл.4).

Пополнение ольвийской монетной метрологии после А.Л.Бертье-Делагарда

При проверке монет, веса которых были включены в сводку А.Л.Бертье-Делагарда, оказалось невозможным изучить de visu все

Таблица 5. Количество учтенных золотых и серебряных монет Ольвии

	Количество монет					
	золотых		серебряных		всего	
	извест-ных	неиз-вестных	извест-ных	неиз-вестных	извест-ных	неиз-вестных
	Бертье-Делагарду		Бертье-Делагарду		Бертье-Делагарду	
Проверено и дополнено по оригиналам или по слепкам	11	4	128	170	139	174
Проверено и дополнено по изданиям	10	3	56	55	66	58
Не проверено	1		44		45	
Итого	22	7	228	225	250	232
	29		453		482	

250 экземпляров (впрочем, и сам автор собственноручно взвесил лишь около 80% материала). Тем не менее нам удалось проверить по оригиналам, слепкам или надежным воспроизведениям примерно те же 80% известных А.Л.Бертье-Делагарду монет, к которым прибавлено еще 232 экземпляра (табл.5) [21].

Заметим далее, что при повторном взвешивании веса некоторых известных А.Л.Бертье-Делагарду монет оказались несколько отличающихся от приводимых им данных. То же можно сказать и о некоторых монетах, переменивших за последние 50 лет свое местопребывание и подвергнутых повторному взвешиванию при публикации в разных зарубежных изданиях. Впрочем, расхождения этого рода только в нескольких случаях оказываются существенными [22], в остальных они выражаются сотыми долями грамма и легко объяснимы различием весов и условий взвешивания. Во избежание путаницы нами принят для всех монет, взвешенных лично нами, их нынешний вес, а для монет, недоступных взвешиванию, наибольший из весов, указанных в литературе, если он лишь не на много отклоняется от веса, указанного в сводке Бертье-Делагарда.

5. Метрологическая классификация золотых и серебряных монет догетской Ольвии

При классификации золотых и серебряных монет Ольвии по их величине и типам они разбиваются, не считая редких сортов, представленных единичными экземплярами каждый, на пять больших групп, а именно:

а) крупные монеты с изображениями Геракла, натягивающего тетиву на лук и окруженного четырьмя дельфинами колеса (табл.V=A 1-4);

б) монеты разных размеров с изображениями головы Деметры и орла с дельфином в лапах или одного дельфина (табл.X=C 1, 4-7; XI=A 2, 4-5,7-8; XI=B 1-2, 7-14; XI=C 5-11; XVI=A 2-17; XVI=B 1-5, 12-15);

в) монеты двух размеров с изображениями Геракла на одной стороне и венка, палицы или лука с секирой на другой (табл.XVI=B 8-10; XVI=C 1-18; XIX=B 1-2; XIX=C 2, 9; XX=A 1-3, 9,12);

г) монеты с изображениями Аполлона и лиры (табл.XIX=B 9-11; XIX=C 1, 3, 5, 6, 8, 10, 12-13; XX=A 4-8, 10, 11, 13-16);

д) мелкие монетки с изображениями Артемиды и лука с колчаном (табл.XIX=B 12-17; XIX=C 4, 7, 11, 14).

Монеты с именем Эминака

Наиболее ранними из указанных выше ольвийских монет являются монеты первой группы, лишенные имени города, но имеющие надпись EMINAKO. Они относятся к последней четверти V в. до н.э. (Карышковский 1960: 182-189). А.Л.Бертье-Делагарду были известны веса 18 экземпляров, из которых он, отбросив один маловесный, получил средний вес 11,43 *г* (Бертье-Делагард 1918: 62, №2). Весовой материал в его метрологически важной части с тех пор не увеличился, а ограниченное число монет и хорошая юстировка всего выпуска не позволяют прийти к другому выводу и при помощи весовой шкалы, на которой веса располагаются компактно, без отчетливо выделяющейся вершины (ср. табл.6). Поэтому средний вес монет с именем Эминака определяется арифметически и составляет для 17 экземпляров 11,45 *г* или, с округлением до первого знака, 11,4 *г*.

Таблица 6. Весовая шкала серебряных монет с именем Эминака

11,8	11,73-11,72-11,71	(3)
11,7	11,65	(1)
11,6	11,58-11,54-11,53	(3)
11,5	11,48-11,44	(2)
11,4	11,38-11,32-11,31	(3)
11,3	11,29-11,28 (2)-11,25	(4)
11,2	11,17	(1)
< 10,3	(10,24-9,80-8,48-7,85)	(4)
		(21)
Арифметический средний вес 11,45 г. (17 экз.)		

Старший номинал с изображением Деметры

Самые крупные из монет с изображениями Деметры и орла с дельфином близки по размерам и весу к монетам Эминака (табл. X=C 1, 4-7; XI=A 2, 4, 8; XI= B 1-2, 7-14; XI=C 5-10; о дате см.: Карышковский 1960: 182-189).

А.Л.Бертье-Делагард привел в своей сводке 22 веса таких монет и получил, не прини-

Таблица 7. Весовая шкала серебряных монет с изображениями Деметры и орла на дельфине

12,8	12,78	(1)
12,7	12,65	(1)
12,6	12,56-12,53	(2)
12,5	12,47 (2)-12,46-12,42-12,41	(5)
12,4	12,4	(1)
12,3	12,30-12,28 (2)-12,26-12,25-12,22	(6)
12,2	12,16-12,15-12,12	(3)
12,1	12,06-12,05-12,03	(3)
12	11,97 (2)-11,96-11,92	(4)
11,9	11,88-11,85(2)-11,82-11,81	(5)
11,8	11,78-11,75-11,73	(3)
11,7	11,68-11,67-11,61	(3)
11,6	11,57-11,51	(2)
11,5	11,5	(1)
< 10,2	(10,13-10,10-10,07-9,75 (2))	(5)
		(45)
Арифметический средний вес 12,08 г. (40 экз.)		

мая во внимание 5 маловесных, средний вес 12,23 *г* для всех (Бертье-Делагард 1918: 62-63, №3). В настоящее время известны веса 52 экземпляров, из которых, однако, 7 значительно меньше всех остальных и не могут приниматься в расчет при определении среднего веса всего сорта. Оставшиеся 45 весов распределяются по шкале таким образом, что еще 5 оказываются далеко отброшенными от основной массы (табл.7); последняя состоит, таким образом, из 40 весов, арифметический средний которых составляет 12,14 *г.* При более внимательном рассмотрении видно, однако, что на шкале выделяются две группы: первая заключена между весами 12,47 и 12,22 *г,* а вторая — между 11,97 и 11,81 *г.* Это обстоятельство оказывается не случайным — если разделить занимающие нас монеты по стилю и принять во внимание наличие или отсутствие на них сокращений личных имен, они распадаются на две группы с арифметическими средними весами 12,09 *г* для 30 монет (табл. X=C; XI=A, B) и 12,28 *г* для 10 (табл. XI=C); если добавить, что во второй группе две монеты намного легче остальных, то для нее правильнее будет принять средний вес 12,42 *г* (Карышковский 1956: 69-78).

Младшие номиналы с изображением Деметры

Каждая из выделенных выше групп крупного серебра с изображением Деметры имеет свой младший номинал: для первой им являются монеты, во всем подобные своему старшему сорту и отличающиеся только размером и весом (табл. XI=A 7); для второй группы младший номинал представлен небольшими монетами с изображением дельфина на обороте (табл. XI=C 11). Монеты первого типа были известны А.Л.Бертье-Делагарду лишь в двух экземплярах (Бертье-Делагард 1918: 63, №4). Сейчас этот сорт представлен восемью экземплярами, а если принять во внимание во всем подобную монету с изображением Деметры en face (табл.XI=A 5), то девятью. Веса этих монет составляют следующий ряд: 6,12—5,88—5,62—5,59—5,57—5,51—(4,97—2,97). Не считая трех последних весов, получаем средний арифметический вес прочих 5,72 *г.*

Значительно сложнее обстоит дело при рассмотрении веса мелких монет с изображениями Деметры и дельфина. А.Л.Бертье-Делагард привел в своей сводке 20 весов и получил средний вес 3,39 *г.*; с другой стороны, для тесно примыкающих к этому сорту монет с изображениями орла и дельфина на обороте (табл. XVI=B 3-5) он вычислил средний вес 3,72 *г* (Бертье-Делагард 1918: 63-64, №8-9). Рассматривая все эти монеты вместе, мы располагаем 48 весами, средний арифметический которых равен 3,47. Однако изучая распределение этих

Таблица 8. Весовая шкала серебряных монет с изображениями Деметры и дельфина или орла с дельфином

> 4,2	(4,50-4,41)	(2)
4,2	4,17	(1)
4,1	4,07-4,01	(2)
3,9	3,90(2)-3,88-3,83	(4)
3,8	3,80-3,77-3,75(2)-3,72-3,71	(6)
3,7	3,70(2)-3,67-3,64-3,62-3,61	(6)
3,6	3,60(2)-3,55(2)	(4)
3,5	3,50-3,48-3,46	(3)
3,4	3,40-3,38	(2)
3,3	3,30-3,26-3,23	(3)
3,2	3,16-3,15	(2)
3,1	3,08-3,07-3,04(2)	(4)
3	3,00(2)-2,97-2,96	(4)
2,9	2,90-2,88	(2)
2,8	2,77-2,74	(2)
< 2,4	(2,34)	(1)
		(48)
Арифметический средний вес 3,45 г (45 экз.)		

монет на шкале (табл.8), можно видеть, что они образуют две весовые группы — для одной большинство весов находится между 3,80 и 3,61 *г,* тогда как для другой характерно преобладание монет, тяготеющих к норме около 3,08 — 2,96 *г.* Неслучайность этого обнаруживается при более близком изучении самих монет: основная их масса имеет сокращения магистратских имен (табл. XVI=A 2-17; XVI=B 1-5), тогда как среди легких экземпляров большинство, напротив, лишено всяких именных сокращений (табл.XI=C 11). Исключая две монеты, отнесение которых к одной из указанных групп представляется невозможным (они известны нам только по включенным в сводку А.Л.Бертье-Делагарда весам, нетрудно видеть, что перед нами две весовые группы со средними весами соответственно 3,59 *г* и 2,96 *г* для монет с сокращениями имен и для монет, лишенных таких сокращений [23] .

Из других монет с изображением Деметры следует упомянуть сравнительно немногочисленные мелкие монетки с изображением Деметры в фас (табл. XVI=B 12-15). А.Л.Бертье-Делагард включил в свою таблицу лишь 6 весов таких монет, получив при этом средний вес 1,72 *г* (Бертье-Делагард 1918: 64, №11). Мы располагаем 16 весами; они образуют следующий ряд: (2,37)—1,91—1,90—1,78(2)—1,70—1,68—1,66—1,65—1,62—1,58—1,56—1,43—1,41—1,36—(1,08); отсюда средний вес всего сорта оказывается несколько меньшим, чем у А.Л.-Бертье-Делагарда, — 1,64 *г*. Практически к такому же весу (1,65 г) приходим, вычисляя средний вес всех известных экземпляров.

Монеты с изображением Геракла

Переходя к рассмотрению весов монет с изображением юного Геракла в львиной шкуре, следует, прежде всего, остановиться на основной массе таких монет, — т.е. на средних по размеру монетах с горитом и секирой на обороте (табл. XVI=B 8-10; XVI=C 8-18). А.Л.Бертье-Делагард получил для известных ему 25 (фактически 24) экземпляров средний вес 3,43 *г* (Бертье-Делагард 1918: 65, №15), и хотя весовой материал увеличился с тех пор более чем в два раза, значительная терпимость при чеканке этих монет затрудняет уточнение этого результата. В самом деле, веса 57 монет располагаются вдоль шкалы недостаточно компактно, причем повышения без всякой системы сменяются спадами (табл.9); поэтому в данном случае нельзя принять, будто самая длинная горизонталь шкалы прямо указывает на средний вес всей группы. Арифметический средний вес всех известных монет составляет 3,28 *г,* а, не принимая во внимание веса наиболее тяжелых и легких монет — 3,23 *г* (Карышковский 1960: 19-21, 25, прим.31-32, 37-38).

Еще более рассеянно располагаются на шкале веса крупных монет с изображениям такой же головы Геракла и венка или палицы. Бертье-Делагард рассматривал оба сорта раздельно и определил для 8 (фактически 7) монет первой разновидности (табл. XVI=C 1-7) средний вес 7,23 *г,* а для 18 (фактически 17) монет второй группы (табл. XIX=B 1-2; XIX=C 2, 9; XX=A 1-3, 9, 12) — 7,25 *г* (Бертье-Делагард 1918: 64-65, №№13-14). При размещении всех известных в настоящее время весов (15 первой и 25 второй группы) на шкале (табл.10) легко увидеть, что основная масса весов обеих групп располагается между 8,24 и 5,93 *г* (или даже между 7,99 и 6,33 *г*) с небольшим скоплением примерно между 7,00 и 6,53 *г.* Однако в данном случае ближе к истинному оказывается средний арифметический вес, который составляет для первой группы около 7,20 *г,* а для второй — только 7,02 *г.* Средний вес всех вообще известных крупных монет с изображением Геракла равен 7,10 *г.*

Таблица 9. Весовая шкала серебряных монет с изображениями Геракла и оружия

> 4,4	(4,75-4,46-4,42(2))	(4)
4,4	4,37	(1)
4,3	4,22	(1)
4	3,99-3,98-3,93	(3)
3,9	3,88-3,86	(2)
3,8	3,80-3,78-3,71	(3)
3,7	3,69-3,68-3,67(2)-3,65-3,61	(6)
3,6	3,59	(1)
3,5	3,48-3,42-3,41	(3)
3,4	3,38(2)-3,34(2)-3,32	(5)
3,3	3,29-3,28(2)-3,27	(4)
3,2	3,20-3,19-3,18-3,11	(4)
3,1	3,05	(1)
3	2,97-2,94-2,93-2,92	(4)
2,9	2,82	(1)
2,8	2,78-2,75	(2)
2,7	2,70-2,68-2,61	(3)
2,6	2,58-2,51	(2)
2,5	2,49-2,46-2,45	(3)
2,2	2,2	(1)
2,1	2,10-2,05	(2)
< 1,9	(1,87)	(1)
		(57)
Арифметический средний вес 3,23 г (52 экз.)		

Таблица 10. Весовая шкала крупных серебряных монет с изображением юного Геракла

> 9,3	(9,42-9,37)	(2)
8,5	8,46	(1)
8,3	8,24	(1)
8	7,99-7,95	(2)
7,9	7,88	(1)
7,8	7,76-7,71	(2)
7,7	7,65	(1)
7,6	7,55-7,53	(2)
7,5	7,46-7,45	(2)
7,3	7,30-7,21	(2)
7,2	7,18	(1)
7,1	7,01	(1)
7	7,00-6,97(2)-6,95	(4)
6,9	6,88-6,85	(2)
6,6	6,60(2)-6,53(2)	(4)
6,5	6,50-6,43	(2)
6,4	6,33	(1)
6,2	6,15-6,12	(*2)
6	5,93	(1)
< 5,4	(5,31-5,06-4,73-4,72-4,66-4,60)	(6)
		(40)

Монеты с изображениями Аполлона и Артемиды

Монеты с изображениями Аполлона и лиры (Табл.XIX=B 3-11; XIX=C 1, 3, 5-6, 8, 10, 12-13; XX=A 4-8, 10-11, 13-16) чеканены также с большой терпимостью веса, но так как в этом случае в нашем распоряжении имеется более сотни весов — 121 экз., то они дают на шкале хорошо выраженную вершину между весами 3,27 и 3,11 *г* (табл.11). А,Л.Бертье-Делагард, располагавший 59 весами, определил их средний вес как 3,33 *г* (Бертье-Делагард 1918: 65-66, №17); впрочем, арифметический средний вес оказывается несколько меньше (3,24 *г* для 115 монет).

Таблица 11. Весовая шкала серебряных монет с изображениями Аполлона и лиры

> 4,2	(4,91-4,35)	(2)
4,2	4,15(2)-4,12	(3)
4,1	4,08-4,07(2)-4,04(2)-4,03	(6)
4	3,97-3,94	(2)
3,9	3,90-3,88-3,86-3,85-3,83-3,82(2)	(7)
3,8	3,79-3,76-3,75(3)-3,72	(6)
3,7	3,70-3,69-3,68-3,63-3,62	(5)
3,6	3,60-3,59-3,58-3,57(2)-3,56(2)-3,54-3,51	(9)
3,5	3,46(2)-3,45-3,44-3,43(2)-3,41	(7)
3,4	3,38(2)-3,37(4)-3,31	(7)
3,3	3,27-3,26(2)-3,25(4)-3,24-3,22(2)-3,21	(11)
3,2	3,20(4)-3,18-3,17-3,16(2)-3,11(2)	(10)
3,1	3,06-3,05(3)-3,02	(5)
3	3,00(4)-2,98-2,97-2,91	(7)
2,9	2,88-2,84-2,83	(3)
2,8	2,80(2)-2,79(3)-2,78-2,76-2,72	(8)
2,7	2,68(2)-2,67-2,63-2,62	(5)
2,6	2,58-2,56-2,52	(3)
2,5	2,50-2,42	(2)
2,4	2,40-2,35-2,32	(3)
2,3	2,30-2,25	(2)
2,2	2,20-2,14	(2)
2,1	2,07-2,04	(2)
< 2	(1,95-1,92-1,81-1,27)	(4)
		(121)
Арифметический средний вес 3,34 г (115 экз.)		

Таблица 12. Весовая шкала серебряных монет с изображениями Артемиды и оружия

> 2,2	-2,37	(1)
2,2	2,2	(1)
2,1	2,10 (2)	(2)
2	1,94-1,93	(2)
1,9	1,89-1,88-1,87-1,86(2)	(5)
1,8	1,80-1,77-1,76-1,74(2)-1,73	(6)
1,7	1,69-1,66-1,65-1,64-1,63	(5)
1,6	1,59-1,58-1,57-1,53	(4)
1,5	1,50-1,49(2)-1,48-1,45-1,44	(6)
1,4	1,40-1,39-1,37-1,35-1,34-1,32-1,31	(7)
1,3	1,30-1,25-1,24(2)	(4)
1,2	1,18-1,15-1,14-1,13-1,11(2)	(6)
1,1	1,08-1,07-1,04	(3)
< 1	(0,96-0,78)	(2)
		(54)
Арифметический средний вес 1,52 г. (51 экз.)		

Небольшие монетки с изображениями Артемиды и оружия (табл. XIX=B 12-17; XIX=C 4, 7, 11, 14) были известны А.Л.Бертье-Делагарду в количестве 27 (фактически 26) экземпляров и их средний вес составляет по его вычислениям 1,68 *г* (Бертье-Делагард 1918: 66, №18). Имеющиеся в нашем распоряжении 54 веса размещаются на шкале тесной группой (табл.12), причем внутри последней нет отчетливо выделяющейся вершины. Арифметический средний вес всего сорта равен, однако, лишь 1,52 *г* (для 51 экз.).

Итоги метрологической классификации серебряных монет догетской Ольвии

Рассмотренные выше 12 сортов ольвийского серебра охватывают 414 весов из числа известных 453, то есть около 92% доступного изучению материала. Сопоставляя полученные выше данные, получаем таблицу 13 [24].

Если не принимать во внимание монеты с именем Эминака, которые вообще занимают особое место среди всех других серебряных монет Ольвии, то остальные 11 сортов могут быть объединены в серии, объединяющие монеты разных номиналов. Основой для такой группировки является не только сходство фактуры и стиля, но и наличие на одновременных монетах разных размеров и веса одних и тех же сокращений личных имен. При этом выделяются следующие серии:

а) одна из крупных монет сорта №2 имеет общую монограмму с большинством известных монет сорта №4 (табл.XI=A 5, 7-8), что при сходстве типов и стилистическом единстве позволяет видеть в них серию из двух номиналов со средними весами 12,0 и 5,7 г;

б) монеты сорта №3 очень близки по фактуре и стилю к мелким монеткам сорта №5; и те и другие одинаково лишены всяких сокращений (табл.XI=C 5-11). Вполне вероятно, что перед нами серия из двух номиналов, старший со средним весом 12,4 *г,* а младший — 3,0 г;

в) несколько сложнее обстоит дело при рассмотрении сортов №№6-9; фактурные и стилистические признаки всех этих монет по существу одинаковы и не могут служить критерием для их классификации; необходимо, однако, принять во внимание, что по крайней мере одно из сокращений (ΕΔΝΙ), находящееся на монетах сорта №9, встречается и на большинстве монет сорта №8 (табл. XVI=C), тогда как монеты сорта №7 имеют два общих сокращения (ΚΡΙ и ΚΛΕ) с другими монетами сорта №8 (табл.XVI=B 8-10, 13-15); отсюда можно заключать, что монеты сортов №№7 и 8 чеканились одновременно, а другая часть монет сорта №8 выпускалась параллельно монетам сорта №9;

Таблица 13. Средние веса серебряных монет Ольвии

NN п/п	Краткое описание типов	Количество монет	Вес
1	Геракл с луком - колесо и дельфины	21	11,4
		17	11,73 - 11,17
2	Голова Деметры - орел и дельфин,сокращения	30	12
		30	12,78 - 11,50
3	То же - то же,без сокращений	10	12,4
		8	12,56- 12,28
4	Подобна N 2	8	5,7
		6	6,12 - 5,51
5	Голова Деметры - дельфин,без сокращений	9	3
		8	3,16 - 2,74
6	То же - дельфин или орел и дельфин,сокращения	37	3,6
		35	4,17 - 2,96
7	Голова Деметры в фас - дельфин	15	1,6
		13	1,90 - 1,36
8	Голова Геракла - секира и лук в горите	57	3,2
		52	4,37 - 2,05
9	То же - венок или палица в венке	15	7,2
		13	7,95 - 6,43
10	То же - палица	25	7
		18	8,46 - 5,93
11	Голова Аполлона - лира	121	3,2
		115	4,15 - 2,04
12	Голова Артемиды - лук и колчан	54	1,5
		51	2,20 - 1,04

г) монеты оставшихся сортов №№10-12 связываются в одно целое шестью одинаковыми или незначительно различающимися сокращениями, которые встречаются и на монетах с Гераклом, и на монетах с Аполлоном; три из этих сокращений имеются и на мелких монетках с Артемидой (табл.XIX=B, C; XX=A); здесь налицо три номинала с весами 7,0 *г.*, 3,2 *г.* и 1,5 *г.*

При изучении монет группы в.) следует учесть и некоторые из ранее не упоминавшихся редких разновидностей серебряных монет догетской Ольвии, связанные общностью сокращений с монетами сортов 6-9. Так, известна уникальная монета с изображениями Аполлона и орла с дельфином, имеющая сокращение ΑΓΑ, встречающееся и на некоторых монетах сорта №6 (табл. XVI=A 1-2); вес ее 7,90 *г.* Далее, с сокращениями KPI и ΚΛΕ также существуют крупные монеты с изображениями Деметры под покрывалом и орла с дельфином (табл. XVI=B 6-7); веса их 7,40 и 7,25 *г.* С сокращением KPI зарегистрирована, наконец, единственная монета с изображениями бородатой головы и дельфина (табл.XVI=B 11); она весит 3,40 *г.* Это дает основание выделять из числа монет сортов №№6-9 вышеупомянутых редких экземпляров три серии, а именно:

в-1) из двух номиналов весом 7,9 *г* (уникальная монета с Аполлоном) и 3,6 *г* (сорт №6);

в-2) из трех номиналов: старший с изображением Деметры под покрывалом (средний вес двух известных монет 7,3 *г*); средний, в котором различаются монеты двух типов — с бородатой головой и с Гераклом (часть монет сорта №8 с сокращениями KPI и ΚΛΕ; средний вес всех относящихся сюда монет составляет 3,30 *г*); младший с изображением Деметры в фас (сорт №7 со средним весом 1,6 *г*);

в-3) из двух номиналов — сорт №9 (средний вес 7,2 г) и оставшиеся после выделения предыдущей серии монеты сорта №8 (средний вес 3,28 г).

При сравнении охарактеризованных выше шести серий легко убедиться, что по крайней мере четыре последние серии состоят из одних и тех же номиналов, как это наглядно представлено в таблице 14.

Изучая систему номиналов по сериям, можно установить, что в серии «а» перед нами номиналы, относящиеся друг к другу как 2 : 1, в серии «б» — как 4 : 1, в остальных четырех сериях номиналы относятся как 4 : 2 : 1. Расхождения не превышают при этом обычного в таких случаях отставания весовых норм, вычисленных на основании монет убывающих номиналов (Бертье-Делагард 1911: 35, примечание).

Таблица 14. Средние веса серебряных монет Ольвии по номиналам

Серия	Дата	Средние веса по номиналам (в граммах)						
		I	II	III	IV	V	VI	VII
а	IV в. до н.э.		12		5,7			
б		12,4					3	
в-1	III - II вв. до н.э.			7,9		3,6		
в-2				7,3		3,3		1,6
в-3				7,2		3,3		
г				7		3,2		1,5

6. Монетно-весовые системы догетской Ольвии

Эгинская система в Ольвии (V — IV вв. до н.э.)

Принадлежность ранних сортов ольвийского серебра к эгинской монетно-весовой системе была установлена А.Л.Бертье-Делагардом и не вызывала никаких сомнений у последующих ученых. Номиналы I и II (табл.14) представляют собою основную счетную единицу этой системы, то есть статер (дидрахму), существование которого в Ольвии засвидетельствовано для IV в. до н.э. особым постановлением о денежном обращении (IPE. 1 (2), №24); номинал IV является в таком случае драхмой, а номинал VI — гемидрахмой (триоболом). Однако с чисто метрологической стороны в этом предположении имеются некоторые трудности, требующие дополнительных разъяснений. Отметим, прежде всего, что сам вес эгинского статера вызывает разногласия между специалистами: Б.В.Хэд ищет его нормальный вес между 13,96 и 12,57 *г* (Head 1911: XLIV-XLV); Э.Бабелон и С.Милбэнк принимают в качестве нормы нижнюю границу колебаний предыдущего автора, то есть 12,57 *г* (Babelon 1901: 491; II, 1: 646; Milbank 1924: 11); П.Гарднер определяет вес эгинского статера как 12,44 *г* (Gardner 1918: 114-115; Segre 1928: 143-144); К.Реглинг считает его равным 12,4 *г* (Regling 1930: 4-5); Ч.Селтмэн полагает, что за норму следует принять 12,20 *г* (Seltman 1955: 38, note 1); А.Н.Зограф указывает 12,14 *г* (Зограф 1951: 42); у А.Л.Бертье-Делагарда находим 12,13 *г* (Бертье-Делагард 1911: 34, прим.2; 41); Ф.Гульч оперирует весом 12,10 *г* (Hultsch 1882: 198, 502). Наконец, Дж.Хилл определяет нормальный вес статера эгинской системы границами колебаний между 12,12 и 11,96 *г* (Hill 1897: 291). Так как вопрос о норме веса эгинского статера имеет немаловажное значение для монетной метрологии Северного Причерноморья, на нем следует остановиться подробнее.

В монетной системе Эгины, как и во всякой иной древнегреческой монетной системе, следует отличать установленную законом норму монетного веса и ее фактическое выполнение. Для определения нормы как таковой представляется возможным использовать соотношение между эгинской и гораздо более изученной аттической (эвбейской) системой. Аттическая мина, вес которой (436,6 *г*) не вызывает сомнений, приравнивалась, как правило, к 70 эгинским драхмам (Ridgeway 1892: 217-221; Никитский 1901: 25-33), откуда вес статера (то есть дидрахмы) равен:

$$(436{,}6 \times 2) : 70 = 12{,}44\ г.$$

Полученный таким путем вес эгинского статера должен, однако, рассматриваться лишь как некая идеальная норма, и потому его нельзя использовать для прямого сравнения с монетами Ольвии или любого другого центра, относительно которого мы располагаем сведениями не о норме, а об ее выполнении, то есть о среднем весе известных монет. Обращаясь для получения последнего к монетам Эгины, можно видеть, что хотя между ними попадаются отдельные экземпляры, вес которых превосходит 13,5 *г,* но немало и монет, весящих менее 11,5 *г*. По А.Л.Бертье-Делагарду, который произвел соответствующе вычисления по материалам коллекции Британского музея, получается, что древнейшие статеры (до половины VI в. до н.э.) весят в среднем 12,12 *г,* статеры, чеканенные между 550 и 480 гг. до н.э. — 12,20 *г,* статеры 480 — 431 гг. до н.э., только 12, 05 *г* (Бертье-Делагард 1911: 37, прим.3; СВМ 1888: 126-139). При проверке этих данных по более полным данным (Babelon II. 1. 1901: 647-660; II 3.: 151-166) получаются довольно близкие цифры (табл.15).

Сходные ряды цифр получаются при аналогичных расчетах и для других центров, чеканивших свое серебро по эгинской системе, причем чем больше расстояние от Эгины до соответствующего города и чем позже монеты, тем более заметно уменьшение веса. В таблице 16 в качестве примера взяты данные для Фив (табл.16) (Babelon. II. 1. 1901: 941-946; II.3.: 219-258).

Из приведенных данных видно, что даже принимая нормальный вес статера эгинской системы равным 12,44 *г,* при сравнении с весами ольвийских номиналов следует исходить из гораздо более низких цифр, поскольку даже

Таблица 15. Средние веса серебряных монет Эгины (VI – IV вв. до н.э.)

Номинал	Средний вес монет по периодам							
	Количество монет	Вес	Количество монет	Вес	Количество монет	Вес	Количество монет	Вес
	до 520 г. до н.э.		520-480 гг. до н.э.		480-431 гг. до н.э.		404-346 гг. до н.э.	
статер	27	12,08	13	12,23	8	12,20	4	11,9
драхма	5	6,32	2	5,95	3	5,46	4	5,74
триобол	5	3,09	4	3,07	8	2,87	1	2,81
обол	9	1,00	9	1,06	2	0,75	4	0,85

Таблица 16. Средние веса серебряных монет Фив (VI – IV вв. до н.э.)

Номинал	Средний вес монет по периодам							
	Количество монет	Вес	Количество монет	Вес	Количество монет	Вес	Количество монет	Вес
	до 480 г. до н.э.		458-426 гг. до н.э.		426-387 гг. до н.э.		379-338 гг. до н.э.	
статер	11	12,16	26	12,09	33	12,12	267	12,20
драхма	8	6	3	5,93	-		-	
триобол	5	2,72	6	3,02	7	2,57	-	
обол	6	0,98	3	1,01	-		68	0,92

в самой Эгине средний вес реальных монет не достигал идеальной нормы. Полагаем, что такой реальный вес эгинского статера наиболее близок к цифрам, указанным А.Н.Зографом и А.Л.Бертье-Делагардом, т.е. равен примерно 12,14 *г.* Ольвийские номиналы серии «а» со средними весами 12,0 и 5,7 *гг* вполне соответствуют весам статеров и драхм эгинской системы и должны рассматриваться как таковые, впрочем, идеальная норма указанных номиналов была в Ольвии, как и следовало ожидать, несколько выше; об этом позволяют догадываться небольшие ольвийские бронзовые гирьки квадратной формы, хранящиеся в коллекции ГИМ среди монет. На обеих гирьках находятся чеканенные изображения — на одной стороне голова Деметры в профиль, на другой дельфин, под которым помещено обычное сокращение имени города, то есть ΟΛΒΙΟ; над дельфином на обеих гирьках имеется начало личного имени ΑΡΙΣΤΟ (табл.XI=C а-б). По аналогии с монетами указанные гирьки должны датироваться второй половиной IV в до н.э. (см. табл.X=C и следующие). Гирьки был известны еще П.О.Бурачкову (Бурачков 1884: 65, №174. Табл.VI, 136); веса их — 12,78 *г* для большей и 6,63 *г* для меньшей — дают основание предполагать, что перед нами не торговые гири и не гири-эталоны, служившие агораномам, а эксаги, соответствующие весовым нормам эгинского статера драхмы; максимальные веса последних среди известных в настоящее время ольвийских монет (12,78 и 6,12 *гг*) не противоречат высказанному предположению, вероятность которого подкрепляется наличием среди ранних ольвийских статеров экземпляра с сокращением ΑΡΙΣ (табл.XI=A 2; вес 12,53 *г*).

Если практически соблюдавшейся нормой ранней группы ольвийских статеров с изображениями Деметры и орла с дельфином можно признать примерно 12 *г,* то несколько более поздние однотипные представители того же номинала соответствуют, как показано выше, более высокой норме — около 12,4 *г.* Это объясняли ухудшением монетного сплава (Бертье-Делагард 1911: 59), но приведенные выше данные о пробирных анализах не подтверждают такого мнения, так что для такого повышения приходится принимать иные причины.

Особого замечания заслуживают монеты с именем Эминака. Они, несомненно, старше самых ранних статеров с изображением Деметры, между тем средний их вес значительно отстает от последних и составляет всего около 11,4 *г.* По качеству серебра монеты Эминака не отличаются от монет с Деметрой. Вместе с тем средний вес монет Эминака не подходит для других монетных систем, исторически возможных для Северного Причерноморья. Можно было бы, вообще говоря, думать, к примеру, о монетной системе Абдеры, широко распространенной во Фракии. Однако абдерский статер, значительно превосходивший в начале чеканки 14 *г* (его принимают равным 14,9 *г*), в последней трети V в. до н.э., когда были выпущены монеты Эминака, уже был практически неотличим от эгинского, а на рубеже V и IV вв. до н.э. упал до нормы около 10,35 *г* (Зограф 1951: 44; Seltman 1955: 65; Head 1911: XLII-XLIII). Не подходят и монетные системы фракийских племен с их тяжеловесными октодрахмами (Babelon 1901: 1033-1078), равно как и система метрополии ольвиополитов, Милета, где статер соответствовал норме примерно 14 *г,* тем более, что в IV в. до н.э. в самом Милете серебро чеканили по другим системам (Зограф

1951: 40; Seltman 1955: 27, 30; Head 1911: XXXVIII, 826). Отпадает, наконец, и так называемая персидская система, так как ее статер весил в среднем лишь 10,8 *г* (Зограф 1951: 41-42; Seltman 1955: 62-63; Head 1911: XXXVIII, 826). Таким образом, А.Л.Бертье-Делагард был, по-видимому, прав, относя чекан Эминака также к эгинской системе; ведь пантикапейские драхмы, битые по этой системе, не превышают 6,05 *г,* а в среднем весят лишь 5,61 *г* (Бертье-Делагард 1918: 72, №54; Зограф 1951: 164, 174; Шелов 1956: 61); драхмы Тиры, несколько более поздние, чем монеты Эминака, чеканились со средним весом 5,7 *г* [25]. В самой Греции можно указать для монет эгинской системы даже более низкие веса. В критской Кидонии, к примеру, где как раз в то же время выпускали крупное серебро с таким же натягивающим лук воином, какой представлен на статерах с именем Эминака, средний вес составляет всего 11,3 *г* (Babelon II, 3: 1023-1026). В таком случае повышение веса при переходе к выпуску крупной серебряной монеты от имени города ольвиополитов может объясняться тем, что последние стремились учесть колебания цен благородных металлов, как это предполагают при частых изменениях средних показателей веса основной единицы монетной системы в уже упоминавшейся Абдере (Head 1911: XLII-XLIII, 254-255; Gardner 1918: 274-281).

Аттическая система в Ольвии (конец IV в. до н.э.).

Прежде чем перейти к рассмотрению ольвийского серебра серий «в» и «г» (табл.14), целесообразно остановиться на немногочисленных золотых монетах Ольвии. По содержанию и стилю изображений это золото одновременно рассмотренному выше серебру эгинской системы с изображение Деметры (Карышковский 1960: 134-139). При этом уникальная крупная золотая монета (табл. XI=A 6) находит ближайшие аналогии среди серебра серии «а», тогда как мелкие золотые монетки с изображением дельфина на обороте (табл. XI=C 1-4) весьма близки к статерам и триоболам серии «б». Весовая система ольвийского золота, однако, не эгинская [26] — большая монета весит 8,51 *г,* а мелкие распределяются по весу следующим образом (табл.17).

Таблица 17. Весовая шкала золотых монет с изображениями Деметры и дельфина

2,13	2,13-2,13-2,13	(3)
2,12	2,12-2,12	(2)
2,11	2,11-2,11-2,11-2,11-2,11	(5)
2,1	2,10-2,10-2,10	(3)
2,09	2,09-2,09	(2)
2,01	(2,01)	(1)
		(16)
Арифметический средний вес 2,11 *г*		(15 экз.)

Средний вес мелких монет показывает, что старший номинал относится к ним как 4 : 1, нет никакого сомнения, что оба сорта принадлежат, как показал А.Л.Бертье-Делагард (Бертье-Делагард 1911: 57, 62; 1918: 63, №№5-6), к аттической монетно-весовой системе и представляют собою золотой статер и золотую гемидрахму (тетарту). Последний номинал принадлежал в греческом мире, вообще говоря, к числу редких. Однако примерно в ту же эпоху, к которой относится ольвийское золото, тетарты выпускали Филипп и Александр (Babelon 1901: 441; Head 1911: 223, 226; Gardner 1918: 422 ff.). Параллельный выпуск золота и серебра по разным весовым системам также не представлял собою чего-либо исключительного — так чеканили, не говоря о лидийских или персидских царях, Филипп Македонский, а также Фасос, Родос и другие центры.

Для дальнейшего изложения существенно определить, насколько точно придерживались ольвиополиты норм аттической весовой системы. Исходя из того, что мина весом в 436-437 *г.* делилась здесь не на 70 (как в эгинской), а на 100 драхм (Seltman 1955: 44 ff.; Sandys 1912: 39 ff.), теоретический вес аттической драхмы принимают обычно равным 4,36 или 4,37 *г.* (Зограф 1951: 43; Head 1911: 366-367; Gardner 1918: 125-127; Babelon 1901: 695-698). На практике, однако, вес мины составлял лишь около 425 *г* или немногим больше (Seltman 1924: 122 ff.; Viedebantt 1923: 34 ff.). Поэтому, хотя дидрахма аттической системы должна была иметь вес 8,72 или 8,74 *г,* уже в VI в. до н.э. веса большинства этих афинских серебряных дидрахм колеблются в пределах 8, 6 — 8, 4 *гг.* (Seltman 1924: 127, табл.XI, col. IV-V). По отношению к золотым монетам точные весовые нормы аттической системы также не соблюдались во всей их строгости: даже в самих Афинах чеканили в IV в. до н.э. статеры со средним весом 8,58 *г* (Babelon II, 3: 103-110, №43), а в огромном Анадольском кладе, который дает реальное представление о золотых монетах, обращавшихся в Причерноморье на рубеже IV и III вв. до н.э., встретился, — очевидно, случайно — всего один статер, в точности соответствующий норме 8,72 *г.* В то же время веса подавляющего большинства экземпляров (издатель приводит веса 931 экз.) (Придик 1902: 64), заключены в пределах колебаний от 8,50 до 8,45 *г* включительно, как это видно на прилагаемой таблице (табл.18).

Но если на различных монетных дворах державы Александра или Фракийского царства Лисимаха практически чеканили статеры весом по 8,5 *г* и даже ниже, то следует подчеркнуть, что и ольвиополиты поступали, насколько позволяет судить наличный материал, точно таким же образом: единственный сохранившийся статер весит 8,51 *г,* а тетарты ведут, как и следовало ожидать, к несколько более легко-

Таблица 18. Распределение золотых статеров Анадольского клада по весу

Вес	Количество монет						
	Филипп II	Александр	Филипп III	Лисимах	Селевк I	Деметрий	Всего
8,72				1			1
8,66		1					1
8,65		1		1			2
8,61	1	2		2			5
8,6	2	18	1	11		1	33
8,59		3	1	3			7
8,58		4		6		1	11
8,57		11	1	3			15
8,56	1	10		3			14
8,55	1	29	3	8			41
8,54	1	10	1	7			19
8,53		15	4	14			33
8,52		28	2	16			46
8,51	1	36	1	16			54
8,5	3	128	3	71	1		206
8,49		35	3	17			55
8,48		23	1	17			41
8,47		27		9			36
8,46		27					27
8,45		103		2			105
8,44	1	44		2			47
8,43		23		3			26
8,42		11					11
8,41		13					13
8,4		34		6			40
8,39		10		1			11
8,38		8		2			10
8,37		3					3
8,36		1					1
8,35		9					9
8,34		6					6
8,33				1			1
8,27		1					1
	11	674	21	222	1	2	931

весной единице (2,11 *г* × 4 = 8, 44 *г*).

Из сказанного видно, что в Ольвии были известны нормы аттической системы, и они применялись при чеканке золота. Но существовали ли серебряные ольвийские монеты, также выпущенные по аттической системе? А.Л.Бертье-Делагард относил к ней серебро эллинистического времени, считая сорта серий «в» и «г» (табл.14) соответственно дидрахмами, драхмами и триоболами (Бертье-Делагард 1911: 63-66, №№7-20). Это определение не вызывало до самого последнего времени возражений в нумизматической литературе. Тем не менее, отнесение указанных монет к аттической системе весьма сомнительно с метрологической точки зрения, так как средние веса ольвийских номиналов значительно отклоняются не только от идеальных норм аттической системы, но и от их фактического выполнения. Действительно, средний вес всех известных дидрахм оказывается равным всего 7,1 *г,* драхм и триоболов соответственно только 3,3 и 1,5 *г.* Между тем, хотя и в самих Афинах тетрадрахмы никогда не чеканились в точности по норме (то есть по 17,44 *г*), но их средний вес все-таки никогда, по-видимому, не падал ниже 16,5 *г.* Так, по данным А.Л.Бертье-Делагарда, произведшего соответствующие подсчеты по богатой коллекции Британского музея, средний вес тетрадрахм составлял в 594 — 527 гг. до н.э. 17,08 *г,* в 527 — 430 гг. до н.э. — 17,04 *г,* в 430-322 гг. до н.э. — 16,96 *г,* в первой половине II в. до н.э. — 16,68 *г* и во второй половине II — в начале I вв. до н.э. — все еще 16,56 *г* (Бертье-Делагард 1911: 26; ср. СВМ: 1 — 77)[27]. Из этого видно, что афинские «совы» действительно заслужили ту высокую репутацию, которой они пользовались в греческом мире. На протяжении трех веков эти тетрадрахмы, выпускавшиеся в огромном количестве, упали в весе немногим больше, чем на 0,1 *г,* что составляет едва 0,7% их первоначального веса. С другой стороны, уже во вре-

Таблица 19. Средние веса аттических тетрадрахм Причерноморья

Место чеканки, правитель	Средние веса по периодам					
	III в. до н.э.		II в. до н.э.		I в. до н.э.	
	Количество монет	Вес	Количество монет	Вес	Количество монет	Вес
Одесс	6	16,86 17,10 - 16,54	24	16,44 17,15 - 15,70	65	16,08 16,62 - 15,15
Митридат Евпатор	-		-		241	16,43 17,21 - 14,60

мена Писистрата вес этих монет отставал от теоретической нормы примерно на 3%. В остальном греческом мире вес монет аттической системы опускался порой еще ниже — на рубеже V и IV вв. до н.э. вес родосских тетрадрахм, чеканившихся в это время по указанной системе, составлял около 16,7 *г*; в Эносе монеты того же номинала весили лишь по 16,5 *г*; в Аполлонии веса тетрадрахм колеблются между 16,90 и 14,6 *г* (Head 1911: 247, 277, 638). Средний вес тетрадрахм нигде, однако, не опускался до нижней границы таких колебаний. Более того, Александр поддерживал вес своих тетрадрахм на уровне лучших афинских образцов (по Кляйнеру, вес тетрадрахм Александра равен 17,09 *г* — Kleiner 1949: 5), а в Причерноморье вес посмертных эмиссий с его типами не падал ниже 16 *г*; это хорошо иллюстрируется данными по Одессу (табл.19). Для сравнения приводим и средний вес тетрадрахм Митридата (Inhoof-Blumer 1910: 529-540; Babelon, Reinach 1925: 14-20).

Из сказанного следует, что ольвийские монеты со средними весами 1,5 *г,* 3,3 *г* и 7,1 *г* могли бы быть в аттической системе разве лишь диоболами, пентоболами и декоболами (теоретические средние веса 1,45 *г,* 3,63 *г* и 7,26 *г*). Однако если первые чеканили повсюду, а вторые в виде исключения, то последние были вообще только счетной монетой (Babelon 1901: col.421, §§10, 15; col.424, §18).

Хиосско-родосская система в Ольвии (III — II вв. до н.э.)

Если, таким образом, ольвийские серебряные монеты серий «в» и «г» не находят себе места в рамках аттической системы, то следует сразу отметить, что имеется и такая древнегреческая монетно-весовая система, в которой все полученные выше средние веса ольвийских номиналов находят себе естественное место. Исторически эта система также возможна в Ольвии в эллинистическое время. Речь идет о монетно-весовой системе Хиоса, которая быстро распространилась после Пелопоннесской войны среди греческих государств Малой Азии и Архипелага. Решающую роль в распространении хиосского монетного веса сыграл Родос, величайшая торговая держава этой эпохи, и потому указанную систему нередко называют просто родосской (Gardner 1918: 298 ff.; Seltman 1924: 146 ff.; Burns 1927: 212 ff.; Segre 1928: 231 sqq.). С чисто метрологической точки зрения переход именно к этой системе от эгинской облегчался тем, что на Хиосе основой монетного веса была та же «тяжелая» или фейдоновская мина, что и на Эгине. Однако, если в эгинской системе эта мина весом около 622 *г* делилась на 100 драхм (точнее, на 50 статеров, так как единицей денежного счета здесь был статер, то есть дидрахма), то на Хиосе она подразде-

Таблица 20. Средние веса серебряных монет Хиоса и Родоса

Номинал	Средний вес монет по центрам и периодам							
	ХИОС				РОДОС			
	Количество монет	вес	Количество монет	вес	Количество монет	вес	Количество монет	вес
	478-412 гг. до н.э.		412-334 гг. до н.э.		407-333 гг. до н.э		333-305 гг. до н.э.	
тетрадрахма	5	15, 04	28	14, 49	6	14, 88	-	
дидрахма	5	7, 81	-		13	6, 75	12	6, 57
драхма	26	3, 57	24	3, 56	6	3, 41	3	3, 08
тетробол	6	2, 55	-		-		-	
триобол	6	1, 48	-		12	1, 77	-	

лялась на 160 драхм (Gardnet 1918: 175-176, 288)[28], что дает для драхмы норму, близкую к 3,89 *г*, а для тетрадрахмы — 15,56 *г* (Зограф 1951: 44-45; Lehmann-Haupt 1918: 637 ff.). Впрочем, и на Хиосе, и на Родосе практически чеканили монеты гораздо более низкого веса, как это видно из сопоставления в таблице 20 (Babelon 19..: col.1011-1028; Mavrogordato 1915: 364-411).

Быстрое распространение хиосско-родосской системы в Малой Азии и на островах сопровождалось столь же быстрым падением ее исходных весовых норм, так что тетрадрахмы весом по 14 — 13 драхм здесь вполне обычны; вес драхм практически также колебался в пределах от 3,9 до 3,0 *г* (Segre 1928: 231-235; Hultsch 1905: 1618 ff., 9). К моменту возобновления чеканки афинских тетрадрахм «нового стиля», то есть в начале II в. до н.э. (Thompson 1961: 107) драхма этой системы — ἀργυρία Ῥοδία λεπτὰ δραχμὴ эпиграфических документов[29] — упала в весе до 2,9 — 2,8 *г* и стала приравниваться к аттическому тетроболу. Такое удобное для повседневной жизни счетное отношение между обычными номиналами двух наиболее распространенных монетных систем окончательно закрепило вес упавшей родосской драхмы около указанного уровня и на такой основе городами Малой Азии был начат чекан кистофоров, обращавшихся наряду с аттическими тетрадрахмами как тридрахмы той же системы (Noe 1950: 29 ff.; Regling 1921: 524-525).

Возвращаясь к ольвийскому серебру III — II вв. до н.э., необходимо заметить, что оно без малейшей натяжки может быть, отнесено к хиосско-родосской монетной системе (Каришковський 1959: 73-79). При теоретической норме драхмы около 3,9 *г* перед нами несомненные дидрахмы со средними весами, правильно понижающимися от серии к серии, такие же драхмы и вполне соответствующие им гемидрахмы (триоболы): первые весят в среднем, как показано выше, 7,9—7,3—7,2—7,0 *гг*, вторые — 3,6—3,3—3,2 *гг*, третьи — 1,6 и 1,5 *гг* (табл.14). Другими словами, ольвиополиты выпускали все главные номиналы за исключением тетрадрахмы, отличаясь в этом отношении от соседнего Херсонеса, где, нелишне заметить, в ходу была именно хиосско-родосская система (Зограф 1951: 146-147).

К той же системе должны быть отнесены, по-видимому, и сравнительно нечасто встречающиеся ольвийские серебряные монеты с изображениями Гермеса и керикея (табл. XVII=B 1-3), датирующиеся, по всей вероятности, временем, близким к середине III в. до н.э. (Карышковский 1967: 260-263). А.Л.Бертье-Делагард определил их вес по трем экземплярам и получил 2,4 *г* (Бертье-Делагард 1918: 66, №19); сейчас материал количественно удвоился, но установить их средний вес нелегко, так как наряду с весами 3,47, 3,25 и 3,23 *г* известны также вес поврежденного экземпляра (2,93 *г*) и еще двух, включенных в сводку Бертье — 2,31 и даже 1,67 *г*. Если оставить эти последние в стороне, то перед нами все та же драхма со средним весом 3,2 *г*.

Дополнительные замечания о метрологии серебряных монет догетской Ольвии

Определение монетных систем эллинистической Ольвии дает возможность перейти к обозрению тех немногих серебряных монет указанного времени, метрологические показатели которых не отличаются, к сожалению, необходимой определенностью. Все эти монеты довольно редки, некоторые уникальны; это, естественно, затрудняет их метрологическое изучение. Представляется все же, что с известной вероятностью можно все-таки указать их место в денежной системе ольвиополитов.

Наиболее ранней группой среди занимающих нас монет следует признать мельчайшие монетки с изображениями букрания и тирса (табл.V=A 5-6). А.Л.Бертье-Делагард, знавший только один экземпляр этого сорта весом 0,53 *г,* определил его как аттический обол (Бертье-Делагард 1918: 66, №20); имея второй экземпляр весом 0,91 *г* и учитывая, что эти монетки следует датировать рубежом V и IV вв. до н.э. (Карышковский 1960: 301-305), мы позволяем себе узнавать в них оболы эгинской системы, выпущенные за несколько десятилетий до начала чеканки крупного серебра с изображением Деметры.

Здесь уместно вспомнить, что при рассмотрении весовых данных статеров с изображенем Деметры нами была оставлена в стороне довольно значительная их группа, состоящая из семи экземпляров. Первая монета, впрочем, не имеет отношения к этой группе и ее низкий вес случаен. Но этого нельзя утверждать по отношению к шести остальным; они распределяются по ранее выделенным сериям (табл.14) следующим образом:

серия «а» — 8,55; 8,51; 8,38; 8,32 *г*;

серия «б» — 8,25; 8,16 *г.*

При ознакомлении с оригиналами этих монет можно установить, что все четыре монеты серии «а» происходят от одной пары штемпелей, которой чеканились и монеты обычного для этой серии веса (см. табл. XI=B 13-14). Известна также монета обычного веса, выбитая тем же штемпелем реверса, но другим штемпелем аверса. Обе монеты серии «б» также изготовлены общей парой штемпелей и отличаются от всех прочих серебряных монет с изображением Деметры тем, что голова богини обращена здесь вправо (табл.XI=C 5). Тем же штемпелем оборотной стороны выбита и одна из полновесных монет серии «б». Весьма су-

щественно при этом, что маловесные монеты серии «а» принадлежат к числу самых последних эмиссий данной серии, а столь же необычно легкие монеты серии «б», напротив, должны рассматриваться как самый ранний ее выпуск. На основании этого можно наметить следующую последовательность монет с изображением Деметры:

1. Обычные статеры серии «а» со средним весом 12,0 *г* (табл. X=C 1, 4-7; XI=A 2,4,8; XI=B 1, 2, 7-13) и соответствующие им драхмы со средним весом 5,7 *г* (табл. XI=A 5, 7);

2. Облегченные статеры серии «а» (табл.XI=B 14);

3. Облегченные статеры серии «б» (табл.XI=C 5);

4. Обычные статеры серии «б» со средним весом 12,4 *г* (табл.XI=C 6-10) и соответствующие им триоболы со средним весом 3,0 *г* (XI=C 11).

Нетрудно увидеть, что средние звенья этого ряда представляют метрологически однородный выпуск со средним весом 8,36 *г* или, с округлением, 8,4 *г.* Сохранность этих монет не позволяет видеть в таком значительном и резком снижении веса следствие их изношенности; трудно усматривать здесь и простую случайность. Можно предполагать, что переходу от статеров весом по 12,0 *г* к более тяжеловесным статерам со средним весом 12,4 *г* предшествовала попытка чеканить серебро по аттической системе. Нелишне напомнить, что уникальный золотой статер Ольвии принадлежит к одному из выпусков серии «б» (табл. XI=A 6), а мелкие золотые монеты — к серии «б» (табл.XI=C 1-4). Вполне возможно, что ольвиополиты, следуя примеру Александра, попытались начать чеканку золота и серебра по одной монетно-весовой системе. Именно в связи с этим может быть объяснен и переход к выпуску утяжеленных статеров серии «б»: они почти в точности соответствуют ожидаемому весу тридрахм аттической монетно-весовой системы (вес тридрахмы = (8,36 × 3) : 2 = 12,54 *г,* или около 12,5 *г*) и в то же время остаются вполне приемлемыми статерами эгинской системы. Равным образом становится понятным и переход от выпуска эгинских драхм со средним весом 5,7 *г* (табл. XI=A 5,7) к триоболам весом по 3,0 *г* (табл.XI=C 11) — такие монеты органически включаются в ряд аттических номиналов и могут рассматриваться в этой системе как тетроболы. Такие номиналы, одновременно входящие в разные монетно-весовые системы и являющиеся связующими звеньями между ними, хорошо известны в монетном деле античного мира. Аттические тетроболы, в частности, нередко приравнивались к эгинским триоболам (Зограф 1951: 47), при том, что к аттическому тетроболу приравнивали и персидский полусикл (West 1929: 99). Редким и необычным номиналом должна быть признана аттическая тридрахма, но и такие монеты чеканились иногда в немалых количествах. Укажем в качестве примера на союзную чеканку Родоса, Книда, Самоса, Эфеса и Византии в IV в. до н.э. (Зограф 1951: 47, 147; Regling 1905: 207-214). Тридрахмы в качестве переходного номинала от одной системы к другой выпускал примерно в ту же эпоху и Херсонес Таврический (Зограф 1951: 147; Бертье-Делагард 1906: 233, 240).

К статерам серии «а» стилистически близка и уникальная серебряная монетка с изображениями Деметры и орла с поднятой головой и прижатыми к корпусу крыльями, стоящего на дельфине (табл. XI=B 5). Вес этого экземпляра 1,68 *г,* но монета несколько повреждена. С другой стороны, к статерам серии «б» тяготеют небольшие монеты с изображениями Деметры в стенном венце и лучника, пускающего стрелу (табл.XII=A 6-7). А.Л.Бертье-Делагарду было известно 9 таких монет, и он вычислил для всего сорта средний вес 1,65 *г* (Бертье-Делагард 1918: 64, №10). В настоящее время мы располагаем 15 весами, которые распределяются следующим образом на шкале (табл. 21).

Перед нами, таким образом, два близких по времени друг к другу сорта одного номинала со средним весом около 1,7 *г.* На первый взгляд этот номинал мог бы быть уже известными нам триоболами хиосско-родосской системы, средние веса которых в Ольвии равны 1,6 и 1,5 *г* (табл.14). Однако стиль, фактура и такая особенность как отсутствие сокращений личных имен сближает эти монеты со статерами и триоболами эгинской системы и золотыми тетартами аттической (табл. XI=C 1-11; XII=A 6), так что наиболее вероятной датой для монет с лучником оказывается конец IV или начало III в. до н.э.[44]. Монетка с Деметрой и орлом на дельфине несомненно принадлежит еще IV в. до н.э. Вместе с тем в рамках эгинской системы номинал со средним весом 1,7 *г* не находит себе вполне удовлетворительного места; такие монеты можно примерно с тем же основанием относить и к аттической системе. Не исключено, на наш взгляд, что эти мелкие номиналы серебра одновременны рассмотренным выше редким статерам аттической системы, причем монетка с Деметрой и стоящим на дельфине орлом принадлежит к одному выпуску с облегченными статерами серии «а», тогда как монеты с

Таблица 21. Весовая шкала серебряных монет с изображениями Деметры в венце и лучника

2	1,91	(1)
1,9	1,86-1,83	(2)
1,8	1,80(2)-1,74	(3)
1,7	1,70-1,64	(2)
1,6	1,60-1,57(2)	(3)
< 1,5	(1,32-1,30-1,23-0,78)	(4)
		(15)
Арифметический средний вес 1,73 *г* (11 экз.)		

лучником чеканились параллельно с облегченными статерами серии «б», с которыми их объединяет такой признак, как поворот Деметры вправо (табл. XI=C 5; XII=A 6). В этом случае вес мелкого серебра, не соответствующий в точности ни эгинской, ни аттической системе, определялся, быть может, стремлением создать номинал, который мог бы служить связующим звеном между ними. С некоторой натяжкой монеты со средним весом 1,7 *г* могли бы рассматриваться как эгинские тригемиоболы и в то же время как аттические диоболы.

7. Метрологическая классификация медных монет догетской Ольвии

Переходя к изучению весов ольвийской бронзовой или, следуя обычному словоупотреблению, медной монеты, необходимо отличать полноценные литые ассы от обычной чеканенной разменной монеты. Для определения номинала полноценной монеты целесообразно применить те же методы, какими была произведена выше обработка данных о серебре. Для разменной меди, ценность которой определялась не ее металлическим содержанием, а устанавливалась принудительным законом, сравнение средних весов может способствовать лишь выяснению соотношения номиналов внутри одновременных серий, но не может указать ни наименования номиналов, ни те системы, к которым они принадлежали, — во всяком случае, эти сведения не указываются весами прямо и непосредственно. Нельзя также забывать, что монеты из дешевой бронзы выпускались с гораздо большей терпимостью по отношению к индивидуальным весам, чем даже наиболее небрежно чеканенные сорта серебра.

Классификация ассов

Ольвийские ассы изучались и классифицировались многими учеными. Сходство изображений и тождество надписей на различных номиналах их последовательных серий делают классификацию этих необычных монет вполне надежной, так что мы должны только добавить к ранее известным четырем сериям пятую — как можно предполагать, самую раннюю — с изображением совы и без каких-либо надписей (табл. II=A 1, 2, 4)[30]. Уникальность монет этой серии, о существовании которой стало известно лишь в самое последнее время (Карышковский 1962: 210-215), делает ее метрологическое изучение крайне затруднительным. По-видимому, перед нами два номинала со средними весами около 55 *г* и около 15-20 *г*; другими словами, отношение между номиналами первой серии определяется примерно как 3 : 1.

В следующих сериях ассов намечается старший номинал — крупные монеты (до 70 мм) с изображениями Афины (табл.II=B), Горгоны (табл.III=A, B, C; IV=A) или Деметры (табл. VI=B, C; VII=A, B, C). Бертье-Делагард определил средние веса этих трех типов соответственно как 117, 116 и 112 *г* (Бертье-Делагард 1911: 72). Размещая известные нам веса на шкале, получаем лишь незначительно отклоняющиеся от приведенных цифр показатели — 120, 113 и 103 *г* (табл.22-24).

Крупные монеты с Афиной имеют во всем им подобные монеты меньшего размера и веса (табл.II=A 3; II=C). Они располагаются на шкале, как и монеты старшего номинала, без определенно выраженного максимума (табл.25). Средний вес этого сорта составляет около 35 *г* (по А.Л.Бертье-Делагарду — около 38 *г*). Равным образом, и крупные монеты с горгонейоном имеют два младших номинала (табл. IV=B,

Таблица 22. Весовая шкала крупных ассов с изображениями Афины и колеса

140	136	(1)
135	134	(1)
130	129-127	(2)
125	125-123-121	(3)
120	119-118-116	(3)
115	112(2)	(2)
110	107	(1)
105	102	(1)
< 100	(97-92)	(2)
		(16)
Арифметический средний вес 120 *г* (14 экз.)		

Таблица 23. Весовая шкала крупных ассов с изображениями Горгоны и орла с дельфином

140	138-136	(2)
135	134-132(2)	(3)
130	130-127(3)-126	(5)
125	125-124(4)-123-122-121(2)	(9)
120	120(2)-119(2)-118(2)	(6)
115	115(7)-114(2)-113(8)-112(3)-111(7)	(27)
110	110(2)-109(5)-108(2)-107-106	(11)
105	105(5)-104(4)-103-102(2)-101	(13)
100	100-98(2)-97	(4)
95	95-93	(2)
90	90-88	(2)
< 85	(77-75-72)	(3)
		(87)
Арифметический средний вес 113 *г* (84 экз.)		

Таблица 24. Весовая шкала крупных ассов с изображениями Деметры и орла с дельфином

125	124(2)	(2)
120	120-118-116	(3)
115	115-114-113-112-111(3)	(7)
110	110(3)-109-108-107-106(2)	(8)
105	105(3)-104(2)-103(4)-102	(10)
100	100-99-98(2)-97(2)-96(2)	(8)
95	95-94(2)-93(2)-92-91(2)	(8)
90	87	(1)
85	85(2)-84-81	(4)
< 80	(78-67)	(2)
		(53)
Арифметический средний вес 103 *г* (51 экз.)		

Таблица 25. Весовая шкала средних ассов с изображениями Афины и колеса

45	43(3)-42-41	(5)
40	40(2)-39(3)-37(3)-36	(9)
35	35(2)-33(4)-32(2)-31	(9)
30	30(3)-29(2)-28-27	(7)
< 25	(23)	(1)
		(31)
Арифметический средний вес 35 *г* (30 экз.)		

Таблица 26. Весовая шкала средних ассов с изображениями Горгоны и колеса

35	34-33	(2)
30	29(2)-28(3)-27(2)-26(3)	(10)
25	25(5)-24(2)-23(4)-22(3)-21(3)	(17)
20	20(3)-19(3)-18(2)-17(2)-16(2)	(12)
< 15	(15-14)	(2)
		(43)
Арифметический средний вес 23 *г* (41 экз.)		

Таблица 27. Весовая шкала малых ассов с изображениями Горгоны и колеса

20	19-17-16	(3)
15	15(2)-14(5)-13(4)-12(8)-11(9)	(28)
10	10(12)-9(7)-8(4)-7(10)-6(1)	(34)
< 5	(5(4))	(4)
		(69)
Арифметический средний вес 11 *г* (65 экз.)		

Таблица 28. Весовая шкала средних ассов с изображениями Горгоны и орла с дельфином

30	29-27(2)	(3)
25	24-23(9)-22(8)-21(9)	(27)
20	20(17)-19(16)-18(9)-17(7)-16(8)	(57)
15	15(5)-14-13(2)-12(2)-11(4)	(14)
< 10	(10(4)-8)	(5)
		(106)
Арифметический средний вес 19 *г* (101 экз.)		

С), средние веса которых близки к 23 и к 11 *г* (табл.26-27); по А.Л.Бертье-Делагарду эти веса составляют соответственно 28 и 12 *г.*

В стороне от этих групп стоят монеты средней величины с изображениями Горгоны и орла с дельфином в лапах (табл.V=A, B, C; VI=A). Их вес не достигает в среднем и 20 *г* (табл.28); А.Л.Бертье-Делагард получил и в этом случае несколько более высокую цифру (22 *г*).

Таким образом, все рассмотренные разновидности ольвийских ассов образуют следующую систему весовых номиналов (табл.29).

Монетно-весовая система ольвийских ассов

Монетно-весовая система полноценных литых монет Ольвии занимала еще А.С.Уварова и Б.В.Кене; последний попытался установить соотношение между различными номиналами этой меди и серебра (Кене 1856: 37-40; Уваров 1851: 106-109). Ход рассуждений Б.В.Кене и его выводы были повторены Ленорманом, который стремился определить таким путем относительную стоимость меди и серебра (Lenormant 1878: 156-159). Весовой материал, находившийся в распоряжении этих ученых, был, однако, невелик; к тому же Б.В.Кене произвольно округлял известные ему индивидуальные веса и, ошибочно читая на одной из монет старшего номинала знаки $K\Delta$ (на самом деле первая «буква» представляет собой изображение ветви, ср. табл.VII=A 3), полагал, что таким обозначением выражен номинал крупных ассов в халках — 24 халка или 3 обола. В мелких подразделениях ассов Б.В.Кене узнавал номиналы достоинством в 1 обол (8 халков), 6 и 4 халка (Кене 1856: 38). Однако уже в конце прошлого века было отмечено, что ввиду несомненной полноценности ольвийских ассов в самом крупном их сорте следовало бы скорее видеть «эквивалент аттического обола» (Babelon 1897: 371-372). А.Л.Бертье-Делагард, убедительно показавший ошибочность заключений Кене, также считал самые крупные ассы оболами, но не аттической системы, а эгинской (Бертье-Делагард 1918: 75-76); с таким определением согласился и А.Н.Зограф (Зограф 1951: 125). Впрочем, другие нумизматы пытались найти другие решения вопроса: А.В.Орешников, например, приравнивал самые тяжелые из литых монет к серебряным статерам Эминака (Орешников 1921: 224-225); Э.Миннз усматривал в них монеты достоинством в десять единиц, воздерживаясь, правда, от наименования последних (Minns 1913: 482-484). Автор видел в ассах ряд номиналов достоинством в 10, 7, 5, 3, 2 и 1 счетную единицу. Сравнительно не так далеко находились и сторонники взглядов Б.В.Кене и Ф.Ленормана (Burns 1927: 146).

Следует заметить, что предположения А.В.Орешникова и Э.Миннза не выдерживают

Таблица 29. Средние веса ольвийских ассов

NN п/п		Краткое описание типов	Количество монет	Средние веса по номиналам				
				I	II	III	IV	V
1	А	Сова - колесо, без надписи	1 1		56(?)			
2		То же	2 1					15(?)
3	Б	Афина - колесо, ΠΑΥΣ	16 14	120 136-102				
4		То же	31 30			35 43-27		
5	В	Горгона - орел и дельфин, APIX	87 84	113 138-88				
6		Горгона - колесо, APIX	43 41				23 34-16	
7		То же	69 65					11 19-6
8	Г	Горгона - орел и дельфин, OΛBI	106 101				19 30-11	
9	Д	Деметра - орел и дельфин, OΛBIH.	53 51	103 124-81				

критики. Приравнивая крупные ассы к статерам эгинской системы, смысл изготовления тяжелых литых монет вообще нельзя понять — они оказываются в этом случае неполноценными, а стоимость меди в серебре выразилась бы невозможной величиной (11,45 *г* серебра приравниваются к 120 *г* меди, то есть последняя получается примерно в десять раз дешевле серебра). С другой стороны, децимальное подразделение номиналов чуждо монетному делу древней Греции (Никитский 1901: 101-103). Все эти трудности устраняются, если предположить, что мелкие серебряные монетки с изображениями букрания и тирса (табл. V=А 5-6), старший номинал которых по содержанию расположению надписи OΛBI на обороте находят единственную во всем монетном деле Ольвии аналогию только в средних по величине ассах серии «г» с горгонейоном и городской эмблемой (табл.V=А 7 сл.), одновременны этим последним и входят в одну серию с ними (Карышковский 1960: 301-305). Это подтверждает догадку А.В.Орешникова о том, что отсутствие крупного номинала в этой эмиссии литых монет объясняется тем, что его заменяли серебряные монеты (Орешников 1921: 223, 225).

Серебро с изображениями букрания и тирса крайне редко. Выше показано, что это, скорее всего, обол эгинской и гемиобол персидской систем. В таком случае и самые крупные литые монеты второй, третьей и четвертой серий также являются оболами, как это предполагали Э.Бабелон, А.Л.Бертье-Делагард и А.Н.Зограф. Первая серия состояла из диоболов и гемиоболов, вторая — из номиналов в 1/2 и 1/6 обола, третья — из монет достоинством в 1 и 1/3 обола. Здесь налицо, таким образом, шестиричное деление основной единицы. Напротив, и для самой ранней, и для третьей, и для последующих серий характерно восьмеричное деление: монеты с буквами APIX представляют собой 1 обол, 1/4 и 1/8 обола, монеты с Деметрой — 1 обол (Зограф 1951: 125). В ассах с горгонейоном и городской эмблемой А.Н.Зограф, считавший их самыми поздними из всех ольвийских литых монет, склонен был видеть ту же основную единицу, то есть обол, но после редукции, уменьшившей его вес в пять раз (Зограф 1951: 124, 128). Такое предположение не подтверждено, однако, никакими су-

щественными аргументами. Так что прав, по-видимому, А.Л.Бертье-Делагард, отождествлявший эти монеты с точки зрения метрологических данных со средним номиналом серии APIX, несколько уменьшенным в весе (Каришковський 1959: 55-56).

Таким образом, для ассов двух первых серий можно говорить о четырех номиналах — здесь налицо 1 обол, 1/2, 1/3 и 1/6 обола, а для остальных ассов о трех — здесь встречаем 1 обол, 1/4 и 1/8 обола. Но можно ли, следуя примеру Б.В.Кене и А.Л.Бертье-Делагарда, определить достоинство всех этих номиналов в халках? Нам представляется, что для этого не достаточных оснований, так как переходы от восьмиричного деления обола к шестиричному и снова к восьмиричному не указывают сами по себе на количество халков в оболе до и после таких переходов. В самом деле, в греческом мире известно деление обола на 6, 8, 12, 16, 18 и даже 20 халков (Babelon 1901: 460 sqq.; Ridgeway 1892: 346 ff.; Kubitschek 1897: 2098 ff.; Tod 1946: 47 ff.; Никитский 1901: 101 сл.), а сколько их было в ольвийском оболе остается неизвестным. Если учесть, что все категории литых монет были в Ольвии полноценными номиналами, их наименования, выраженные в долях обола, следовало бы заменить обозначениями мелких номиналов серебра, так что 1/4 обола оказалась бы бронзовым тетартеморием, 1/8 обола — гемитетартеморием и т.п.

Особенности метрологического изучения чеканенных медных монет

Еще тогда, когда в обращении находились литые ассы, в Ольвии началась чеканка мелких номиналов разменной меди. В дальнейшем медные монеты выпускали в весьма значительных количествах, хотя и не всегда строго регулярно, а с перерывами, продолжавшимися порой по несколько десятилетий. Эти медные монеты чеканились в подавляющем большинстве случаев с ощутимой разницей между индивидуальными весами экземпляров одного и того же выпуска. Так что лишь взвешивание достаточно большого количества экземпляров дает возможность ориентировочно судить о среднем весе данного сорта. Кроме того, относительная дешевизна меди и отчетливо сознававшаяся древними условность веса разменной монеты имеет своим следствием и отсутствие строгой пропорциональной последовательности между эмпирически получаемыми средними весами номиналов внутри одновременных серий. Следует, наконец, отметить, что при длительном выпуске медных монет одного номинала их средний вес постепенно уменьшается, порой настолько заметно отклоняясь от исходной нормы, что лишь при наличии дополнительных данных можно с уверенностью утверждать, что речь идет об одном номинале (Зограф 1951: 49). Эта тенденция к падению веса усложняется порой стремлением городских властей увеличить выгоды, извлекаемые из монетной чеканки или, напротив, желанием укрепить пошатнувшийся курс того или другого номинала временной стабилизацией, либо даже некоторым увеличением его веса.

Изучение весов и системы номиналов медной монеты догетской Ольвии связано еще с одной трудностью. К сожалению, в самых ранних выпусках ольвийской чеканенной меди нелегко выделить серии одновременных номиналов, так как единственным критерием для объединения монет разного размера оказывается стиль изображений. Во избежание выдвижения плохо обоснованных гипотез весовые данные этих монет оставлены без рассмотрения. Впрочем, со второй половины III в. до н.э. состав серий устанавливается твердо, так как монеты разного достоинства связываются одинаковыми сокращениям имен. Однако и для монет III — I вв. до н.э. наименования отдельных номиналов внутри, несомненно, одновременных серий определяются только с известной вероятностью, причем приходится принимать во внимание такие обстоятельства, как распространенность тех или иных номиналов в эллинистическом монетном деле и типичность тех или других их комбинаций внутри серий. Только в римское время к заключениям по косвенным данным прибавляются и прямые обозначения достоинства на самих монетах.

Добавим, что при рассмотрении серий разменной ольвийской меди эллинистического и римского времени, мы воздерживаемся от приведения всех индивидуальных весов в виде таблиц, как это сделано выше по отношению к золоту, серебру и полноценной меди. Средние веса каждого сорта получены точно таким же путем, но было бы излишним загромождать изложение длинными рядами цифр. Отметим, однако, что весового материала здесь несравненно больше и количество его продолжает возрастать гораздо быстрее, чем при изучении литых монет. Поэтому средние веса здесь почти всегда получаются непосредственно по весовой шкале. Средний вес номиналов меди определен с точностью до 0,1 *г.*

Метрологическая классификация разменной меди эллинистического времени

Первой группой ольвийских медных монет, о которой можно с уверенностью утверждать, что она представляет серию из нескольких последовательных номиналов, являются монеты, объединяемые указанием на то, что они чеканены от имени коллеги Семи (табл.XVII=C).

По сходству типов сюда же должны быть отнесены во всем подобные монеты двух старших номиналов с сокращениями имен (табл.XVII=B 4-11). Средние веса трех номиналов этой серии составляют соответственно 7,8 *г,* 3,6 *г,* 1,9 *г.* Вторая подобная серия состоит также из трех номиналов — на старшем изображены Аполлон и орел с дельфином в лапах, на среднем Артемида и колчан с перевязью, на младшем Афина и сова; объединяются они сокращением ΒΣΕ (табл.XVIII=C; XIX=A). Веса здесь 7,6 *г* для старшего номинала, 3,7 *г* для среднего и 1,8 *г* для младшего. Среди монет третьей, столь же несомненной серии различаются четыре разных типа: Геракл и палица (средний вес 7,2 *г*), Аполлон и лира (средний вес 3,6 *г*), Артемида и лук с колчаном (средний вес 3,0 *г*), Артемида (Афродита?) и дельфин (средний вес 2,2 *г*). На всех имеется надпись ΕΙΡΗΝΑ или ΒΑΕΙΡΗ с ее вариантами (табл. XX=B). Следующая серия принадлежит царю Скилуру — здесь на крупных монетах помещена бородатая голова в скифском уборе, на средних — женская голова в покрывале, на мелких — голова Гермеса (Табл.XX=C 1-12); средние веса их 6,0 *г,* 3,1 *г* и 2,7 *г.* Монеты с изображением Гермеса известны и без имени царя (табл.XX=C 13-14); принадлежность их к той же серии не вызывает, впрочем, сомнений (Фролова 1964: 49-50), их средний вес 2,0 *г.* Наконец, последняя из таких серий ольвийской меди объединяет уже пять разнотипных сортов (табл.XXI=A 1-9): Зевс — скипетр (средний вес 6,1 *г*), Аполлон — дельфин (средний вес 4,3 *г*), Афина — копье и щит (средний вес 3, 4 *г*), Деметра (Кибела?) — тимиан и кроталы (средний вес 2,9 *г*), Гермес — керикей (средний вес 2,3 *г*).

Если принять во внимание, что самую позднюю серию отделяют в этом ряду от самой ранней не менее, чем полтора столетия (Карышковский 1962: 87 сл., 97 сл., 100 сл.), можно принять, что старший номинал всех серий оставался, несмотря на падение веса, одним и тем же. Это дает некоторое основание для сопоставления других номиналов, как это показано на табл. 30.

Таблица 30. Средние веса ольвийской меди III – I вв. до н.э.

	Серия и дата	Средние веса по номиналам									
		a		b		c		d		e	
		количество монет	вес	количество монет	вес	количество монет	вес	количество монет	вес	количество монет	вес
1	Серия коллегии Семи (третья четверть III в. до н.э.)	17	7,8 12,08-4,38	-	-	111	3,6 7,39-2,15	-	-	12	1,9 2,45-1,10
2	Серия с сокращением ΒΣΕ (первая четверть II в. до н.э.)	413	7,6 12,50-4,35	-	-	69	3,7 5,10-2,10	-	-	57	1,8 2,27-1,31
3	Серия с сокращением ΕΙΡΗΝΑ (середина II в. до н.э.)	50	7,2 9,45-5,38	-	-	82	3,6 5,05-2,25	41	3 4,53-1,99	47	2,2 3,90-1,25
4	Серия Скилура (вторая половина II в. до н.э.)	8	6 7,26-4,62	-	-	14	3,1 3,54-2,32	5	2,7 3,07-2,45	31	2 2,87-1,15
5	Серия без всяких обозначений (первая половина I в. до н.э.)	47	6,1 10,37-4,19	21	4,3 5,45-2,19	33	3,4 4,56-1,65	29	2,9 4,00-2,19	26	2,3 2,97-1,50

Система номиналов разменной меди эллинистического времени

В двух первых сериях средние веса нечетных номиналов, обозначенных в таблице буквами «a», «c» и «e», относятся почти в точности как 4 : 2 : 1. В дальнейшем эта четкость нарушается: в сериях с сокращением ΒΑΕΙΡΗ и с именем Скилура заметно увеличивается вес младшего номинала «c» и появляется еще промежуточный номинал «d»; строгая пропорциональность средних весов нарушается и в серии первой половины I в. до н.э., где находим еще один новый номинал «b». Средние веса для монет всех трех последних серий, взятых вместе, выражаются рядом 6,6—4,3—3,5—2,8—2,2 *г,* что могло бы лишь весьма приблизительно передано при двенадцатиричном делении старшего номинала как 12, 8, 7, 5 и 4 счетных единиц. Но такое соотношение не соответствует никакой системе греческих медных номиналов, и потому, учитывая условность веса разменной меди, представляется два возможных решения — в зависимости от того, являются ли все сорта меди в самой младшей группе одним и тем же номиналом или нет. Если допустить, что разница между средними весами мелких монет двух первых и трех последних серий слишком велика, младший номинал «e» пришлось бы разделить; в соответствии с этим для двух первых серий оказался бы ряд с монетами достоинством в 4, 2 и одну счетную единицу, а для трех последних — ряд с монетами достоинством в 8, 5, 4, 3 и 2 единицы. Такому решению препятствует, однако, то обстоятельство, что старшие номиналы ранних и поздних серий оказываются различными. Между тем, вряд ли можно полагать, например, что в сериях с сокращениями ΒΣΕ и ΕΙΡΗΒΑ веса 7,6 и 7,2 *г* или 3,7 и 3,6 *г* принадлежат различным номиналам. Но с другой стороны, у нас нет, в сущности, оснований отвергать тождество всех номиналов, включенных в последнюю графу таблицы. Если же принять, пренебрегая возрастанием среднего веса от 1,8 *г* до 2,2 *г,* самый младший номинал за единицу денежного счета, то можно без особой натяжки усмотреть в третьем по порядку номинале две таких единицы, в номинале «b» — три, а в номинале «a» — четыре. Номинал «d» оказался бы, правда, хотя и возможным, но мало распространенным номиналом в полторы единицы. Вместе с тем, можно принять номинал «e» не за одну, а за две счетные единицы ольвийской денежной системы. В таком случае весь ряд номиналов получит следующий вид: 8 единиц (номинал «a»), 5 единиц (номинал «b»), 4 единицы (номинал «c»), 3 единицы (номинал «d») и 2 единицы (номинал «e»).

Нельзя не отметить, что, оставаясь на чисто метрологической почве, затруднительно и даже невозможно установить, должны ли мы видеть в ольвийской меди эллинистической эпохи, согласно сказанному выше, тетрахалк, трихалк, дихалк, тригемихалк и халк либо обол, пентехалк, тетрахалк, трихалк и дихалк. Единственное, что определяется с полной точностью, это то, что обол делился в Ольвии на 8 или на 16 халков, а не на 6 или 12 (Зограф 1951: 47-48). О переходе к такому подразделению обола позволяют судить и ассы серии «в», в которой наряду с полноценным литым оболом выпускали бронзовые тартемории и гемитетартемории.

Установив, что обол делился в Ольвии на 8 или на 16 халков, добавим, что для точного определения достоинства занимающей нас разменной меди III — I вв. до н.э. было бы чрезвычайно важно установить, какой номинал представляли собой те сорта ольвийской меди, которые занимают первую графу в таблице 30. Практически речь должна идти о выборе между оболом и полуоболом, причем последний может быть, согласно сказанному выше, и тетрахалком, и октохалком. Но для того, чтобы иметь возможность приблизиться к ответу на поставленный вопрос, следует обратиться к рассмотрению некоторых медных монет конца IV и начала III вв. до н.э.

Наиболее распространенными ольвийскими монетами указанного времени являются сравнительно крупные медные монеты с изображениями головы бородатого речного божества и оружия (табл. XII=B—XV=C). Они известны со многими сокращениям имен и выпускались, по всей вероятности, на протяжении многих десятков лет. Не останавливаясь здесь на подробной характеристике и классификации этих монет, подчеркнем лишь, что А.Л.Бертье-Делагард и А.Н.Зограф видели в них монеты особого рода, пришедшие на смену полноценным ассам и унаследовавшие курс последних (Бертье-Делагард 1911: 91-93; Зограф 1951: 130-132). Но это означало бы, что монеты с изображением речного божества являлись — по крайней мере, в начальный момент их чеканки — медными оболами с принудительным курсом. Этим и объясняется привлечение этих монет к размену золота в декрете в честь Протогена, а также и то, что в декрете коллегии Семи они выступают в роли счетных денег (Зограф 1951: 132). Подобным образом медная драхма была счетной монетой в Птолемеевском Египте (Heichelheim 1930: 12 ff., 19 ff., 29 ff.; Rostovtzeff 1941: T.I, 398-404; T. III, 1635-1639).

Важной особенностью занимающих нас монет с изображением речного божества является своеобразная эволюция их веса: разделив упомянутые монеты по ряду признаков на несколько групп, объединяемых не только стилистическим сходством, но и общностью штемпелей, можно представить весовые данные следующим образом (табл.31).

Из приведенных цифр видно, что монеты с

Таблица 31. Изменение веса монет с изображениями речного божества и оружия

Группа	Количество монет	Вес	Изображение
Ia	94	10, 1	Табл.XII=B 1-7
	83	12, 66-6, 77	
I b-II b	110	9, 2	Табл.XII=B 8; XII=C 12
	98	13, 17-6, 30	
II c	142	8, 7	Табл.XIII=A 1-10
	129	11, 95-6, 23	
III	116	8, 9	Табл.XIII=A 11; XIII=B 4
	104	11, 82-6, 20	
IV	213	8, 9	Табл.XIII=B 5; XIII=C 10
	190	13, 54-6, 05	
V a-c	468	8, 7	Табл.XIII=C 11; XV=A 3
	418	12, 11-5, 80	
V c1-VI	141	8, 8	Табл.XV=A 4; XV=B 4
	128	12, 80-5,51	
VII	26	6, 8	Табл.XV=B 5-7
	22	10, 02-4, 31	
VIII	184	6, 1	Табл.XV=B 8; XV=C 5
	165	9, 10-3, 10	
IX	94	5, 8	Табл.XV=C 6-9
	85	8, 01-3, 42	
X	192	4, 5	Табл.XV=C 10-18
	172	6, 63-2, 47	

изображением речного божества имели первоначально вес, несколько превышающий 10 *г*; затем он понизился до 9,2 *г,* а потом до 8,9 — 8,7 *г.* На этом уровне вес их оставался довольно долго, а после этого происходит быстрое и неуклонное падение, так что средний вес монет заключительной серии не достигает и половины первоначальной нормы. Естественно, что и курс занимающих нас монет не оставался неизменным: в Протогеновом декрете они расцениваются по 1/400 золотого статера (IPE, 1(2), №32, A 66-71, B 41-44), причем принятие меди по этому курсу рассматривалось как одна из заслуг Протогена перед городом. Нельзя, однако, не заметить, что такой рыночный курс является свидетельством полного разрыва стоимости указанных медных монет с их первоначальным счетным наименованием — ведь обол составляет 1/120, а не 1/400 часть статера аттической системы [31] . Поэтому вполне вероятно, что в условиях переполнения рынка обесценившейся медью вес новой медной монеты, пришедшей на смену монетам с речным божеством, был значительно увеличен. Позволительно, однако, усомниться в том, что повышение среднего веса крупной меди до 7,8 или 7,6 *г* могло укрепить ее первоначальный курс; вероятнее, что этот утративший доверие номинал вовсе перестали чеканить, и если первоначально крупные медные монеты были действительно оболами, то теперь менее полновесная крупная медная монета уже представляла собой только половинный номинал.

Подтверждением изложенных соображений являются и некоторые особенности денежного обращения Ольвии в I в. до н.э. В первой половине указанного столетия в Ольвию проникает весьма значительное количество медной монеты городов Понтийского царства. Показательно при этом, что основную массу найденных в Ольвии понтийских монет представляют тетрахалки, то есть монеты достоинством в половину обола (Зограф 1940: 294-295; Карышковский 1965: 64, табл.1). Эти понтийские тетрахалки тяготеют к весовой норме около 8 *г* (Imhoof-Blumer 1912: 184), и то обстоятельство, что ольвиополиты не только приняли их в свою систему, но и чеканили в течение известного времени лишь младшие номиналы, приспособленные к размену понтийских тетрахалков, также заставляет видеть в монетах со средними весами 7,8 — 7,6 *гг* скорее полуоболы, чем оболы. В таком случае в сериях коллегии Семи и с сокращением ΒΣΕ чеканились монеты достоинством в 1/2, 1/4 и 1/8 обола, в сериях с сокращением ΒΑΕΙΡΗ и с именем царя Скилура к ним прибавились монеты достоинством в 3/16, а в серии I в. до н.э. — в 3/8 обола.

Если приведенное определение номиналов ольвийской меди III — I вв. до н.э. можно признать вероятным, то представляется возможным высказать некоторые предположения и о других сортах медной монеты указанного времени. Так, относящиеся еще к III

в. до н.э. монеты с изображениями Деметры и оружия (табл.XVIII=A 1-3, 5-6, 8, 10-11; XVIII=B 1-3, 5-8), часто перечеканенные штемпелями с изображениями головы Гелия и передних половин его коней (табл.XVIII=A 7, 9; XVIII=B 4, 9-14), следует признать также полуоболами — их средний вес составляет 7,4 *г* (207 экз.). Одна из групп этих монет имеет и свой младший номинал (табл.XVIII=A 4), судя по весу (средний вес 2,0 *г*; 23 экз.) — 1/8 обола. Полуоболами оказываются и монеты с изображениями Геракла и оружия (табл.XVII=A 3, 4, 7-14), средний вес которых равен 7,3 *г* (81 экз.), а монеты с изображениями Деметры в покрывале и колоса (табл.XVIII=A 1-2, 5-6), выпущенные примерно в то же время, что предыдущие или несколько позже, являются, скорее всего, номиналом в 1/4 обола (средний вес 4,0 *г*; 14 экз.). Также и мелкие монетки с изображениями дельфина и треножника (табл.XX=C 15-16) или Аполлона и лука в горите (табл.XX=C 18-19), относящиеся, по всей вероятности, к эпохе Митридата, представляют собой 1/8 обола (средний вес первых 1,9 *г,* вторых 1,8 *г*; 27 и 21 экз.). Наконец, лишенные всяких надписей монеты той же эпохи, на которых представлены Аполлон и лира со звездой (табл. XXI=A 10-13) или лира и звезда (табл.XXI=A 14, 16) должны рассматриваться как монеты достоинством в 1/2 и 1/8 обола (средние веса 6,1 *г* для 22 экз. и 2,1 *г* для 19 экз.).

Наименования счетных номиналов ольвийской меди эллинистического времени

При сравнении всех приведенных данных мы имели дело с пятью номиналами, достоинство которых в долях обола выражается дробями 1/2, 3/8, 1/4, 3/16 и 1/8. Если обол делился в Ольвии, как в Аргосе, на 16 халков, то перед нами октохалки, гексохалки, тетрахалки, трихалки и дихалки. Было бы, однако, удивительно, что ольвиополиты на протяжении всего рассматриваемого времени не выпускали монет в одну счетную единицу своей системы: ведь даже для ассов наименьшим номиналом являлся бы в таком случае дихалк. С другой стороны, пришлось бы допустить, что тетрахалки понтийских городов первой трети I в. до н.э. считались в Ольвии октохалками. Если учесть к тому же, что деление обола на 8 халков может рассматриваться как одно из самых обычных во всем греческом мире (Hultsch 1882: 133, 153; Head : 390-391), имеются основания предполагать, что оно могло быть усвоено и ольвиополитами. Такое допущение устраняет указанные выше трудности, а наименования приведенных подразделений обола оказываются следующими: тетрахалк (1/2 обола, номинал «a»), трихалк (3/8 обола, номинал «b»), дихалк (1/4 обола, номинал «c»), тригемихалк (3/16 обола, номинал «d») и, наконец, халк (1/8 обола, номинал «e»).

8. Метрологическая классификация монет и монетные системы послегетской Ольвии

Переходя к характеристике монетных систем послегетской Ольвии, следует подчеркнуть, что выпускавшиеся от имени города или царей золотые и серебряные монеты этой эпохи настолько редки, что отнесение их к той или другой системе возможно лишь на основании сравнения их средних весов с весами, существовавшими в других государствах поздеэллинистического и римского времени.

Таблица 32. Средние веса золотых статеров III – I вв. до н. э., обращавшихся в Причерноморье

Место чеканки, правитель		Средние веса по периодам*			
		III-II вв. до н.э.		II-I вв. до н.э.	
		количество монет	вес	количество монет	вес
Византий	Лисимах (посмертные эмиссии)	29	8, 38		
Одесс		8	8, 40		
Каллатия				27	8, 25
Томи				51	8, 27
Истрия				7	8, 18
Тира		3	8, 37		
Боспор	Гигиэнонт	1	8, 38		
	Перисад	11	8, 39		
	Митридат			1	8, 47
	Фарнак II			14	8, 15
Понт	Митридат			23	8, 38

** Весовые данные приведены по : Zograph 1925: 41 — 44; Imhoof-Blumer I, 1 1898: 170; I, 2 1910: 530; Babelon, Reinach 1925: 13; Зограф 1957: 71 — 72; Бертье-Делагард 1918: 104; Загинайло 1963: 113.*

Золотые монеты царя Фарзоя

По отношению к золоту Фарзоя А.Л.Бертье-Делагард, собравший веса десяти монет (Бертье-Делагард 1918: 66, №21), констатировал «небывало большую для этого металла терпимость веса» (Бертье-Делагард 1918: 128, прим.10) и определил средний вес всего сорта — 7,42 *г.* Представляется, однако, что дело тут не в небрежности чеканки; располагая эти монеты в соответствии с их классификацией по стилю и другим признакам (Каришковський 1962: 105-108), получаем следующую группировку:

А. 8,48—8,36—8,26 (табл.XXI=C 1-2); средний вес 8, 37 *г*;

Б. 7,80—7,65—7,64 (табл.XXI=C 12); средний вес 7,70 *г*;

В. 7,15—7,05—6,98—6,97—6,95—6,93 (табл. XXI=C 13, 16; XXII=A 1-4); средний вес 7,00 *г.*

Таблица 33. Средние веса * римских ауреусов в середине I в.н.э.

Правитель, дата		по Барфельдту (1923)		по Маттингли (1923-1930)		по Весту (1941)	
		количество монет	вес	количество монет	вес	количество монет	вес
Тиберий (14-37 гг.)		42	7, 72	29	7, 76	160	7, 71
Калигула (37-41 гг.)		29	7, 70	29	7, 72	63	7, 71
Клавдий	41-45 гг.	86	7, 71	104	7, 63	363	7, 65
	46-54 гг.	56	7, 67				
Нерон	54-63 гг.	74	7, 63	40	7, 64	169	7, 58
	64-68 гг.	82	7, 24	37	7, 31	268	7, 26
Гальба (Рим; 68/69 гг.)				25	7, 26	69	7, 26
Отон (69 г.)				17	7, 24	58	7, 26
Вителлий (69 г.)				35	7, 28	83	7, 26
Веспасиан (69-79 гг.)				142	7, 27	666	7, 26
Тит (79-81 гг.)				25	7, 23	88	7, 19

** Весовые данные для таблицы см.: West 1941: 17, pl.B; Bahrfeldt 1923: 184-185; ср. Mattingly 1923: LI-LII; 1930: XIV.*

Веса монет первой группы тесно примыкают к нормам посмертных эмиссий с именем Лисимаха, а также к золоту боспорских царей и Митридата (табл.32). Поэтому ранние монеты Фарзоя следует считать статерами аттической системы.

Со времен Августа в Причерноморье все более интенсивно проникает римская монета, и этот процесс достигает своего апогея во II в. н.э. (Кропоткин 1961: 17 сл.). В таких условиях запоздалый выпуск золотых статеров по аттической системе оказывался невыгодным — вес римских ауреусов в соответствии с нормами, установившимися к концу правления Августа, составлял лишь около 7,8 *г* (West 1941: 34-43, pl. F; Bahrfeldt 1923: 109-170). Медленное, но неуклонное понижение веса ауреусов продолжалось и при преемниках Августа, вплоть до резкого падения при Нероне, когда норма была понижена примерно на 0,5 *г* (табл.33).

Если, таким образом, первые монеты с именем Фарзоя могут рассматриваться как статеры аттической системы, то вторая их группа со средним весом 7,7 *г* (при максимальной 7,8 *г*) в точности соответствует весовым нормам римских ауреусов 14 — 63 гг. н.э.; с другой стороны, монеты третьей группы со средним весом 7,0 *г* (максимальный вес 7,15 *г*) являются теми же ауреусами, но чеканенными после нероновской реформы. Эти наблюдения подтверждают, следует заметить, установленную А.В.Орешниковым хронологию монет Фарзоя (Орешников 1890: 14 сл.).

Серебряные монеты послегетской Ольвии

Серебряные монеты с именем царя Иненсимея или Инисмея (Зограф 1951: 137) и близкие к ним по времени чеканки серебряные монеты города настолько редки, что высказаться сколько-нибудь определенно об их весовой системе весьма трудно. Вот индивидуальные веса известных экземпляров:

а) старший номинал Иненсимея (табл.XXII=A 9) — 11,73 *г*;

б) младший номинал Ининсмея (табл.XXII=10) — 3,90—3,72—3,69—3,57—3,47—3,36—3,07—2,98; ср. вес — 3,72 *г*;

в) городские монеты (табл.XXII=A 11; XXIII=B 1-2) — 9,27—8,97—8,81; ср. вес — 9,02 *г.*

Средний вес мелких монет с именем царя не находится ни в каком точном кратном отношении к весу единственного экземпляра старшего номинала или к среднему весу городского серебра. Поэтому для определения номиналов и системы этих монет их следует сравнивать с весами малоазийского серебра. Здесь можно указать в I в. н.э. сильно уменьшившиеся в весе кистофоры, провинциальную монету с легендами COMM.ASIAE и COM.BIT, мелкое и редкое серебро провинции Ликии и некоторые другие (Pinder 1855: 578 ff.; Mommsen 1873: 301ff., 311 ff.; Imhoof-Blumer 1905: 168 ff., 181 ff.; Babelon, Reinach 1908: 239 sqq.). Наиболее значительными были выпуски серебра в Каппадокийской Кесарии, они фактически удовлетворяли потребности всей малой Азии в серебряной монете (Sydenhame 1933: 10-11; Рановичч 1949: 124-125; Голенко 1964: 24-25); находки кесарийских монет известны и на территории СССР, в том числе в Ольвии (Кропоткин 1961: 64, №606; 65, №626; 69, №715). По сравнению с этим чеканка понтийских Полемонидов и эпизодический, хотя и интенсивный выпуск городского серебра в Амисе имели лишь локальное значение (Babelon 1925: 21 sqq., 80 sqq.) [32] .

Таблица 34. Средние веса серебряных монет Малой Азии, чеканенных по системе Кистофоров в I – II вв. до н.э.

Место и время чеканки	Средние веса по номиналам									
	тетрадрахма		тридрахма		дидрахма		драхма		гемидрахма	
	количество монет	вес	количество монет	вес	количество монет	вес	количество монет	вес	количество монет	вес
АЗИЯ										
Август (30 г. до н.э.-14 г. н.э.)	12	11,73 12,17-10,89	-		-		-		3	1,44 1,51-1,39
Клавдий (41-54 гг.)	6	10,26 10,73-9,15	-		-		-		-	
Флавии (69-96 гг.)	8	10,28 10,88-9,30	-		-		4	2,88 3,15-2,55	-	
Нерва и Траян (96-117 гг.)	35	10,09 11,30-10,09	-		-		-		-	
Адриан (117-138 гг.)	35	10,21 11,19-8,40	-		-		-		-	
ЛИКИЯ										
Клавдий (41-54 гг.)	-		-		-		5	2,43 2,95-2,10	-	
ВИФИНИЯ										
Адриан (117-138 гг.)	6	10,64 11,03-10,25	-		-		-		-	
АМИС										
Адриан (117-138 гг.)	-		16	8,41 10,53-7,20	30	5,53 6,50-4,25	86	2,6 3,15-2,05		

Сравнивая весовые данные о малоазийских серебряных монетах I и начала II вв. н.э., можно видеть, что перед нами по существу две тесно связанные между собою монетные системы. В основу чеканки провинций Малой Азии и амисейской городской чеканки положена драхма системы кистофоров (табл.34).

В то же время верные стражи римских интересов, понтийские цари, а также Кесария выпускали монеты, в точности соответствующие весовой системе римского денария (табл.35). При этом упавшая в весе тетрадрахма системы кистофоров приравнивалась к трем денариям (Regling 1921: 525; Lenormant 1878: 107-108;

Таблица 35. Средние веса серебряных монет Кесарии Каппадокийской*

Правитель, дата	По Сэйденжему и Весту (1933, 1941)						по данным Герзеульского клада			
	3 денария («тетрадрахма»)		2 денария («дидрахма»)		1 денарий («драхма»)		2 денария («дидрахма»)		1 денарий («драхма»)	
	количество монет	вес	количество монет	вес	количество монет	вес	количество монет	вес	количество монет	вес
Тиберий (14-37 гг.)	-				7	3,44	-		-	
Калигула (37-41 гг.)	-		1	7,32	6	3,41	-		-	
Клавдий (41-54 гг.)	-		10	7,33	-		-		-	
Нерон (54-68 гг.)	5	14,52	19	7,65	12	3,4	-		-	
Веспасиан (69-79 гг.)	-		24	6,87	6	3,48	16	6,28	5	3,12
Домициан (81-96 гг.)	-		17	6,77	2	3,48	6	6,34	1	3,4
Нерва (96-98 гг.)	-		20	6,22	-		22	6,51	-	
Траян (98-99 гг.)	-		16	6,74	9	3,31	43	6,36	55	3,32
Траян (100-117 гг.)	25	10,52	35	6,61	22	3,27	-		-	
Адриан (117-138 гг.)	1	9,3	33	6,18	9	3,27	-		11	3,44

** Весовые данные первой части таблицы составлены по Весту (West 1941: 45, 50-59, 51, 53, 55, 66, 73, 76, 80, 91), использовавшему данные Сэйденжема (Sydenhate 1933: 137); для второй части суммированы доступные данные о монетах Герзеульского клада 1926 г. (Иващенко 1931: 2-15; Голенко 1964: 94, №№3-5, 11, 14, 18-19, 27, 36, 47) остальные монеты описаны автором повторно. Укажем для сравнения, что старший номинал Полемона II (38 — 64 гг.) имеет средний вес 7, 13 г (6 экз.), а младший — 3, 33 г (147 экз.); веса этих монет использованы по сводке Бабелона и Рейнака (Babelon, Reinach 1925).*

Babelon 1901: 513, 547). По всей вероятности, А.Л.Бертье-Делагард правильно считал монеты Иненсимея номиналами достоинством в три денария и в один денарий (Бертье-Делагард 1913: 67, №№22-23; 128, прим.10); не исключено, что и городское серебро также должно рассматриваться как сильно уменьшенная в весе монета того же достоинства, что и старший сорт Иненсимея. Это, во всяком случае, не тридрахма системы кистофоров, как предполагал Бертье-Делагард (Бертье-Делагард 1918: 67, №24).

Заканчивая рассмотрение ольвийских серебряных монет римского времени, нелишне заметить, что сам факт выпуска серебра должен быть отнесен скорее к I, чем ко II в. н.э., так как со времен Траяна и Антонинов на территорию современной Украины начинается массовое поступление римских денариев (Кропоткин 1967: 26-27; Брайчевський 1959: 15), делавшее чеканку собственной серебряной монеты не только излишней, но и невыгодной. С другой стороны, весовые нормы царского серебра соответствуют установившейся еще во времена Республик и закрепленной Августом норме денария, приравнивавшегося к 1/84 римского фунта (3,89 *г*), а не к 1/96 фунта, как это было со времени Нерона, когда легальный вес денария был понижен до 3,41 *г* (West 1941: 53 ff.; Sydenham 1920: 16 ff.; Mommsen : 27-29). Последнее обстоятельство не должно, впрочем, рассматриваться как исчерпывающее доказательство того, что монеты Иненсимея чеканены ранее нероновской реформы, так как в провинциях не соблюдали, по-видимому, новых весовых норм серебра (Lenormant 1878: 106-109).

Классификация и весовая система медных монет I в.н.э.

В предшествующем изложении было показано, что во времена Фарзоя ольвиополиты перешли от своей прежней системы денежного счета к римской. Это, разумеется, должно было отразиться и на медной монете I в. н.э. А.Н.Зограф относит к указанному времени три группы разменной меди — в одной представлены монеты двух номиналов: большие с изображением богини в стенном венце и мелкие с головой Аполлона в лавровом венке (табл.XXI=C 8-11); вторую группу образуют многочисленные варианты монет среднего размера с изображениями бородатого Зевса и орла (табл.XXI=B 1 сл.; XXI=C 3-7, 14-15); к третьей группе относятся сравнительно крупные монеты с очень характерными и выразительными, хотя порой грубыми и схематичными изображениями головы Аполлона и орла с дельфином в лапах (табл.XXII=A 5-8; XXII=B, C). Первую группу А.Н.Зограф датирует временем Тиберия (14-37 гг.), вторую — годами правления Клавдия (41-54 гг.), а третью относит ко времени Флавиев (69-96 гг.). При этом он не касается вопроса о том, какие номиналы и какой системы образуют первую группу; в монетах второй А.Н.Зограф признает римские ассарии, а монеты третьей группы определяет как дипондии (Зограф 1951: 140-142).

Необходимо сразу же заметить, что статеры Фарзоя, то есть самые ранние монеты с его именем (табл. XXI=C 1-2), находят точные аналогии среди некоторых выпусков монет с изоб-

Таблица 36. Вес ольвийских медных монет с изображением Зевса

Серия	Весовая группа	Сокращение	Числовой дифферент	Количество монет	Вес	Изображение
1	I	ΔI–TAY		7	4,72 6,14-4,43	Табл.XXI=B 2
2		ΠA		17	4,53 5,18-2,84	Табл.XXI=B 1,3,4
3		⊠		65	4,36 6,30-3,27	Табл.XXI=B 5-15
4		⊠	ς (=6)	21	4,07 4,74-3,07	Табл.XXI=B 12-13
5		⊠	Z (=7)	19	4,03 5,30-2,90	Табл.XXI=B 14-15
6		⊠	H (=8)	33	4 5,22-2,82	Табл.XXI=C 3-4
7	II	⊠EY	Θ (=9)	24	5,36 8,08-3,03	Табл.XXI=C 6-7
8	III	⊠	KA (=21)	28	3,67 4,51-2,35	Табл.XXI=C 14-15

ражением Зевса, тогда как поздние ауреусы этого царя (табл. XXII=A 1-4) очень близки к меди третьей группы. Но в таком случае было бы неосторожно относить все варианты монет с Зевсом и орлом к римской монетной системе. По крайней мере, те из них, которые связываются со статерами Фарзоя по фактуре, стилю и даже имеют общие сокращения с последними (табл. XXI=B 1 — XXI=C 7), должны быть еще номиналами традиционной ольвийской системы. Вполне вероятно, что переходом к новой, то есть римской системе следует объяснять малопонятные при ином подходе колебания веса последних выпусков монет с Зевсом, отраженные в соответствии с их классификацией (Каришковський 1962: 108-111) в табл.36.

Из приведенных в таблице цифр видно, что в ряду монет без числовых обозначений и монет, отмеченных знаками 6, 7 и 8 (оба последних знака, то есть Z и H, известны и на монетах Фарзоя, см.табл. XXI=C 1), наблюдается постепенное и неуклонное падение веса, достигающее в конце более чем 15% исходной величины. Вслед за этим вес монет внезапно возрастает, заметно превосходя не только вес предшествующего выпуска, но и самого раннего из них. Между тем, предпоследняя серия тяжелых монет отмечена знаком Θ, то есть принадлежат они девятому году этой эры, что не позволяет выдвинуть экземпляры с изображениями Зевса и орла на первое место во всем ряду. В дальнейшем происходит неожиданное и чрезвычайно ощутительное падение веса, так что средний вес монет последней серии составляет лишь 75% первоначальной весовой нормы.

При рассмотрении этих данных нужно учесть, что монеты первой группы с Деметрой и Аполлоном, которые А.Н.Зограф считал наиболее ранними среди всех монет I в. н.э., связываются общностью сокращений с наиболее тяжелым выпуском монет с изображением Зевса (табл.XXI=C 6-11) и относятся, скорее всего, к началу одиннадцатилетнего промежутка между двумя последними выпусками монет с Зевсом, отмеченными соответственно 9 и 21 годами неизвестной эры (Каришковський 1962: 109, 117 сл.). При этом вес монет с изображением богини в стенном венце (табл.XXI=C 8-10) составляет 5,86 *г* (28 экз.), а монет с изображением Аполлона — 2,72 *г* (9 экз.), так что первые представляют двойной номинал по отношению ко вторым.

Все перечисленные особенности медных монет первой и второй групп могли бы получить объяснение, если допустить, что резкое увеличение монет с Зевсом, отмеченных знаком 9, было вызвано переходом к римской монетной системе — возрастание веса от 4,00 до 5,36 *г* (то есть на 34%) позволяет предполагать, что более ранние и легковесные выпуски принадлежали к другой системе, а так как они одновременны статерам Фарзоя, то следует полагать, что это еще греческая, а не римская счетная система. Однако, весовая норма была избрана, по-видимому, не слишком удачно, да и попытка сохранить для новых тяжелых монет внешний вид их легких предшественников ставила успех реформы под угрозу. Поэтому при том же магистрате, ставившем на монетах сокращение EY, была предпринята попытка начать выпуск меди с новыми типами и притом в двух номиналах. Вес старшего был снова несколько повышен (от 5,36 до 5,86 *г,* то есть примерно на 11%) и одновременно появились монеты половинного достоинства. В дальнейшем в чеканке медных монет наступил перерыв, во время которого находившиеся в обращении медные монеты были надчеканены. Монеты с изображениям богини в венце — овальным клеймом с изображением орла (табл.XXI=C 9-10), а все варианты монет с Зевсом и монеты с Аполлоном — прямоугольным клеймом с изображением керикея (табл.XXI=B 4, 6, 8, 12, 13, 15; XXII= C 4, 5, 7, 11). Этим общим для разнотипных монет клеймом подчеркивалось, надо полагать, что оба сорта при надчеканке рассматривались как один и тот же номинал (половинного достоинства по сравнению с монетами, на которых налагалось клеймо с орлом). После возобновления выпуска меди с изображением Зевса керикей был включен в основной штемпель (табл.XXI=C 14), а вес их был понижен почти на треть (от 5,36 до 3,67 *г*) и приближен таким путем к равноценным монетам с Аполлоном. На этом, впрочем, колебания веса ольвийской меди не прекратились — уменьшение веса ауреуса и денария при Нероне и связанное с ним снижение веса последних монет Фарзоя приводят к новому изменению внешнего вида и размеров ольвийской меди. Новые монеты (то есть монеты третьей группы с Аполлоном и городской эмблемой) значительно крупнее и тяжеловеснее всех предыдущих (табл.XXII=A 5 сл.; XXII=B, C); их средний вес (6,7 *г* для 472 экз.) почти вдвое больше, чем средний вес последней эмиссии с изображениями Зевса и орла.

Что касается достоинства всех перечисленных выше сортов медной ольвийской монеты, то определить его можно лишь на основании привлечения еще одной группы крупной меди — тут изображены голова Аполлона и орел, но последний держит в клюве венок, а в лапах перун (табл.XXIII=A, XXIII=B 3 сл.). Она является несомненным подражанием римской меди (CBM, Roman Empire, I, 1923: pl. 26, 5-6; II. 1930: 25, 8; 38, 9; 39, 9; 41, 3; 54, 5-8; 81, 5; 82, 9). Средний вес этих крупных монет равен 9,8 *г* (144 экз.).

Обе группы крупных монет с изображением Аполлона находились в обращении весьма долго: они были сначала надчеканенны изображением керикея (табл.XXII=B 14; XXII=C 7, 11,

15; XXIII=A 7; XXIII=B 9), затем счетными обозначениями, которые выражены знаками A, B, Δ и H (то есть 1, 2, 4 и 8). При наложении указанных клейм с цифровыми знаками соблюдалась строгая закономерность: на монетах с изображением орла с дельфином в лапах ставились знаки A и Δ (табл.XXII=A, B, C), а на монетах с орлом, держащим в лапах перун — знаки B и H (табл.XXIII=A, B). Из этого следует с полной уверенностью, что более тяжеловесные монеты расценивались как двойной номинал по отношению к более легким; такому предположению соответствует, в общем, и соотношение их средних весов.

А.Н.Зограф, от внимания которого не ускользнули особенности распределения клейм между двумя рассматриваемыми группами ольвийской меди, признавал монеты с орлом и дельфином на обороте дупондиями, а монеты с орлом римского типа — тетрассариями (Зограф 1951: 142). Это подтверждается при сопоставлении с весами соответствующих номиналов Боспора и Херсонеса Таврического (табл.37) [33] .

Если узнавать, таким образом, в крупных монетах второй половины I в. н.э. тетрассарии и дупондии, то ассариями следует признать не все серии монет с изображением Зевса, как это допускал А.Н.Зограф, а лишь предпоследний их выпуск (табл.36, серия 7; табл.XXI=C 6-7) и, в соответствии со сказанным выше, также монеты с изображениями богини в стенном венце. Средние их веса значительно ниже не только нормы римского асса (10,92 *г*), но боспорских монет с обозначением IB , в которых также видят асс (8,06 — 6,66 *г*) (Зограф 1951: 207; ср. ВДИ 1938: 292-296; Willers 1909: 169). Тем не менее, сравнивая вес ольвийских монет (5,36 и 5,86 *гг*) с весом монет соседней Тиры, где ассарии Домициана весят в среднем по 3, 99 *г*, а ассарии Адриана лишь 3,16 *г* (Зограф 1957: 79-80, №47; 82, №50), нельзя отрицать возможность того, что указанные монеты Ольвии должны рассматриваться как ассарии. Еще более показательно сравнение с медными монетами Хиоса, где в I — III вв. н.э. чеканились монеты с обозначением ценности: ассарии эпохи Флавиев и Траяна весят в среднем 5,77 *г,* ассарии Адриана — 5,15 *г* (Mavrogordato 1918: 71-72, appendix I) [50] .

Если все изложенные соображения ведут нас к заключению о том, что предпоследний выпуск монет с изображением Зевса (табл.XXI=C 6-7) и монеты с изображением богини в стенном венке (табл.XXI=C 8-10) являлись ассариями, то вполне очевидно, что монеты с Аполлоном (табл.XXI=C 11) и последний выпуск монет с Зевсом (XXI=C 14-15) представляли собою полуассарии. Труднее определить, каким номиналом традиционной местной системы являлись монеты с Зевсом, чеканенные до согласования их веса с римскими нормами. При недостаточности данных решение этого вопроса не представляется возможным, но нельзя считать исключенным, что они являлись — по крайней мере, номинально — тетрахалками. В самом деле, на востоке Римской империи обол греческих монетных систем обычно приравнивался к двум ассариям, причем ассарий состоял из шести халков [51]. Если в Ольвии система денежного счета была такой же, то увеличение веса медных монет с Зевсом примерно на одну треть при переходе к римской системе косвенно подтверждает предположение о том, что первые их выпуски были тетрахалками, которые в таком большом количестве выпускались ольвиополитами прежде.

Классификация и весовая система медных монет второй половины II — первой трети III вв. н.э.

В первой половине II в. н.э. в Ольвии, по-видимому, вовсе не чеканили монеты (к этому времени относится обращение тетрассариев и дупондиев предшествующего периода с клеймами). Однако ко второй половине II в. относятся выпуски с именами архонтов Сатира (табл.XXIII=C 1-4) и Гикесия (табл.XXIII=C 5-6), а также серии с именами Анаксимена (табл.XXIII=C 7, 8, 10, 12, 13) и Дада (табл.XXIII=C 9, 11) и со сложным сокращением, в котором скрыто имя Каллисфена (табл.XXIV=A 1-5). На трех последних выпусках проставлены знаки ценности — A, B и Δ, то есть 1, 2 и 4 ассария. Редкие монеты Сатира и Гикесия составляют один номинал (средний вес 4,4 *г*; 14 экз.), скорее всего ассарий. Веса последующих серий приведены в таблице 38 вместе с весами монет соседних причерноморских центров той же эпохи. Из этого можно заключить, что вес ольвийских тетрассариев в общем соответствует нормам, применявшимся в других государствах Причерноморья, а вес младших номиналов даже выше, чем в Херсонесе и в Тире. Таким образом, в Ольвии, не входившей, надо заметить, в союз западнопонтийских городов (Gardner 1876: 307-314), не применялись и установленные в этих городах нормы монетного веса, которые составляли соответственно около 2-3 *г* для ассариев, около 5-7 *г* для дупондиев и около 10-13 *г* для тетрассариев (Imhoof-Blumer 1898: 74-78).

Веса медных монет с изображениями и менами римских императоров династии Северов (табл.XXIV=A 6 — XXIV=B 11), выпускавшихся в Ольвии в первой трети III в., остаются примерно на том же уровне, как это видно из данных, приведенных в таблице 39.

Следует оговориться, что А.Н.Зограф рассматривает оба младших номинала серии Севера Александра как две разновидности одного номинала достоинством в два ассария (Зограф 1951: 144). Поскольку, однако, эти мо-

Таблица 37. Средние веса медных монет государств Северного Причерноморья (вторая половина I и начало II вв.н.э.)*

Место чеканки, правитель, дата	Средние веса по номиналам			
	тетрассарий		дупондий	
	количество монет	вес	количество монет	вес
БОСПОР				
Нерон (62-63 гг.)	9	13,37 15,52-10,66	12	10,43 12,80-7,44
Котий I (ок. 68 г.)	-		16	7,45 10,65-4,60
Ев(ника?) (ок. 68 г.)	-		28	7,94 12,56-4,24
Рескупорид (ок. 68/69 гг.)	7	14,62 16,75-12,35	21	6,22 8,17-5,28
Он же (69-79 гг.)	74	12,78 22,59-6,93	-	
Он же (81-91 гг.)	26	11,25 17,05-7,87	21	6,35 8,84-4,26
Савромат I (93-103 гг.)	177	11,87 21,74-6,32	2	5,72 6,87-5,57
Он же (103-123 гг.)	244	11,78 18,22-6,47	-	
Котий II (123-132 гг.)	177	9,67 15,14-6,00	-	
ХЕРСОНЕС				
Без даты (69-79 гг.)	12	12,94 19,64-6,79	-	
104-111 г. х.э. (79/80-86/87 гг.)	11	11,37 19,00-8,39	-	
120 г. х.э. (95/96 гг.)	19	11,37 14,31-9,38	-	
Вторая элевтерия (ок.138-145 гг.)	12	9,33 13,95-5,11	-	
ОЛЬВИЯ				
Табл.XXII=A 5-8	-		78	8,59 14,05-5,15
Табл.XXII=B	-		201	6,72 12,80-3,71
Табл.XXII=C	-		193	5,91 9,80-2,90
Табл.XXIII=A	17	12,3 17,57-7,38	-	
Табл.XXIII=B 3-10	127	9,47 18,27-5,30	-	

** Монеты Ольвии разделены на серии по именам архонтов; данные о монетах Боспора (Зограф 1938: 304-305), о монетах Херсонеса (Анохин 1968: 60-65).*

Таблица 38. Средние веса медных монет государств Северного Причерноморья (вторая половина II в. н.э.) *

Место чеканки, правитель, дата	Средние веса по номиналам					
	тетрассарий		дупондий		ассарий	
	количество монет	вес	количество монет	вес	количество монет	вес
БОСПОР						
Евпатор (161-170 гг.)	8	8,42 9,80-6,30	-		-	
Савромат II (174-186 гг.)	30	7,55 11,47-4,40	-		-	
Он же (186-196 гг.)	5	5,93 8,58-4,15	-		-	
ХЕРСОНЕС						
Серия ок.180-185 гг.	33	6,52 10,91-4,20	41	3,58 5,56-1,52	10	2,32 3,40-1,71
ОЛЬВИЯ						
Архонт Анаксимен	-		13	5,31 7,28-3,95	14	3,24 3,93-2,12
Архонт Дад	-		37	4,92 7,35-2,55	31	3,16 5,00-1,86
Архонт Каллисфен	29	6 8,76-3,35	28	4,78 6,75-3,05	22	3,63 4,32-3,03
ТИРА						
Коммод (ок.180 г.)	21	5,26 7,22-3,65	4	3,27 3,47-3,05	1	2,69 ?
Он же (ок.190 г.)	29	5,93 7,27-3,92	15	4,18 5,63-3,30	4	2,2 3,35-1,29

* *Таблицы 38-39 составлены по источникам, указанным в примечании 150; для Тиры учтены веса монет из клада 1958 г. (Фурманская 1963: 76-86).*

Таблица 39. Средние веса медных монет государств Северного Причерноморья (конец II – первая треть III в. н.э.)

Место чеканки, правитель, дата	Средние веса по номиналам							
	тетрассарий		трессис		дупондий		ассарий	
	количество монет	вес	количество монет	вес	количество монет	вес	количество монет	вес
ХЕРСОНЕС								
Выпуски 185-211 гг.	72	6 11,39-3,99	35	4,01 5,58-2,93	38	3,31 4,30-2,44	-	
Выпуск 211-217 гг.	81	5,57 7,87-3,55	32	4,4 5,85-2,92	7	3,52 4,94-2,85	-	
ОЛЬВИЯ								
Септимий Север (193-211 гг.)	59	6,17 7,31-4,78	24	5,88 7,00-4,70	27	4,52 5,41-3,47	41	2,86 3,61-1,27
Север Александр (222-235 гг.)	44	6,89 10,40-3,75	32	5,18 6,48-3,90	25	3,72 4,58-2,89	23	2,38 3,56-1,64
ТИРА								
Септимий Север (ок.198 г.)	36	7,34 9,07-6,25	1	5,28 ?	8	4,03 5,57-2,80	4	2,56 2,82-2,20
Он же (203-205 гг.)	92	7,34 9,40-5,00	10	4,67 5,60-3,55	15	3,25 3,82-2,45	1	2,5 ?
Он же (209-211 гг.)	44	7,4 11,05-5,00	9	5,59 6,55-5,04	14	3,76 4,54-2,77	2	2,96 3,20-2,72
Каракалла (211-217 гг.)	62	7,75 9,90-5,08	11	6,09 6,62-5,17	6	3,5 4,63-2,84	12	2,73 3,60-1,26
Север Александр (222-235 гг.)	17	7,08 11,38-4,85	-		2	3,52 4,85-2,20	2	2,53 2,67-2,40

неты имеют различные типы реверса (табл.XXIV=В 10, 12) и значительно отличаются по весу, имеются все основания видеть в них два различных номинала достоинством в два и один ассарий.

Из приведенных данных видно, что в последних десятилетиях II и в первой трети III вв.н.э. в Ольвии выпускались обычные номиналы городской разменной меди, характерные для Восточных провинций Римской империи. Ольвийские монеты чеканились хотя и по невысоким, но все же по терпимым весовым нормам. Об условном характере этой меди можно судить по той немаловажной ее особенности, которая прямо противоположна закономерности, наблюдаемой при изучении городского серебра эллинистической эпохи. Если там наиболее близкий к идеальной норме вес единицы денежного счета получается на основании монет старших номиналов, то здесь вес ассария, исчисленный на основании монет достоинством в 2, 3 и 4 ассария, оказывается тем более низким, чем более высокий номинал использован для расчета (Зограф 1938: 299). Эта черта, характерная и для медной монеты других городов римского Востока, убедительно показывает, что разменная медь являлась простым знаком стоимости, «нормальный» вес которого не находился в прямой связи с металлическим содержанием отдельных номиналов, а произвольно устанавливался законом.

Примечания

[1] Данные о пробе монет сообщены Н.А.Фроловой (ГИМ) и Г.И.Дубиным (ОАМ).

[2] В последней графе таблицы указаны номера монет по Приложению 1 к настоящей работе, где приведен список всех известных золотых и серебряных монет Ольвии и дана полная библиография каждого экземпляра.

[3] При составлении таблицы использованы данные Б.В.Кене (№ 5, 6, 10 — по Гебелю) и А.С.Уварова (№№1, 9, 15, 17, 18, 21, 22); первые повторены Кэли (Caley 1939: 83, табл.XV) вместе со сведениями об одном дельфине (№3) и трех неопределенных ольвийских монетах (№№24-26 — по Бибра); анализ 12 монет (№№2, 4, 7, 8, 11-14, 16, 19-20, 23) выполнен в 1956 — 1957 гг. лабораторией качественного анализа Одесского университета.

[4] П.О.Бурачков отмечает находку в Ольвии золотого самородка весом 5,5 золотников (23,46 г) и прямо говорит об его алтайском происхождении (Бурачков 1875: 78). Хотя такое определение не поддается проверке, самый факт находки самородка в Ольвии не вызывает сомнений.

[5] Установившийся взгляд на ольвийское происхождение рассматриваемых зеркал отчасти пересмотрен В.М.Скудновой, отрицающей, в частности, что массивные дисковидные зеркала с вертикальной закраиной и плоской реберчатой ручкой изготовлены в ольвийских мастерских (Скуднова 1962: 5, 22-24). Это заключение сочувственно встречено Н.А.Онайко (Онайко 1966: 21-22), которая, по-видимому, склонна расширить рамки наблюдений В.М.Скудновой и исключить из числа предметов ольвийского производства также и другие группы зеркал (Онайко 1966: 18-19). Представляется, однако, что в настоящее время невозможно выделить вполне точно зеркала ольвийского происхождения (Онайко 1966: 33-34), но нет оснований начисто отрицать возможность их изготовления в Ольвии.

[6] О социальном облике Протогена и ему подобных см.: Колобова 1933: 52-53, 58-59.

[7] «В Ольвии не находят почти ничего или самые пустяки. Подлинная золотая вещь оттуда была и есть большой редкостью, да и то еще можно сомневаться, не появилась ли она из Керчи и только выдается продавцами за ольвийскую» (Бертье-Делагард 1911: 8).

[8] Этот необходимый для изготовления бронзы металл проникал в Ольвию, как, впрочем, и в греческую метрополию, скорее всего, из Фракии (Максимова 1948: 17).

[9] Не приходится говорить о неверности наименования ольвийских литых монет ассами (Зограф 1951: 121). Но если понимать этот термин как родовое обозначение любых полноценных бронзовых монет, изготовленных путем отливки, не становиться на путь аналогий с историей италийских ассов — а этому рискованному сопоставлению отдали дань даже А.Л.Бертье-Делагард (Бертье-Делагард 1911: 67-68, 92-93, 100) и А.Н.Зограф (Зограф 1951: 124, 126, 132) — и не усматривать в ольвийских монетах представителей тех же номиналов, которые известны в Риме (Уваров 1851: 107-109), то традиционное обозначение имеет за собой преимущества краткости, общераспространенности и общепонятности. Если пользоваться, например, просто термином «литая монета», то такой важный признак ольвийского монетного литья, как полноценность этих монет, не находит себе отражения. Поэтому нам представляется, что термин «асс», при том сопровождаемый в большинстве случаев определениями «большой», «средний» или «малый», подчеркивающими, что перед нами nomen generis, а не наименование конкретного номинала, не содержит ничего одиозного и должен быть предпочтен многословным описательным определениям. С этими оговорками везде в дальнейшем круглые литые монеты Ольвии именуются ассами. Там же, где речь идет о поздних монетах достоинством в один римский асс, эти монеты именуются не ассами, а ассариями, как это и было принято на востоке Римской империи.

[10] Он всегда расположен над головой Горгоны или Деметры и ориентирован по оси монетного кружка (Табл.IV=С 1; V=И 1, 3; V=С 1-3; VI=И 1-2; VII=И 2 и др.).+

[11] Аналогичное объяснение дается и аналогичной монете Византия (Zograph 1932: 49, табл.V, 1).

[12] Например, в одной из истрийских надписей читается: δοῦναι τὸν τ[αμίαν].

[13] Хорошее представление о круге обязанностей ситонов в греческих городах эллинистической эпохи дает надпись с о. Самоса (SIG, III (3), №976) и ряд других эпиграфических документов (Pippidi 1962: 47, Anm.68).

[14] Вес гири — 295 *г* — не позволяет отнести цифровой знак к обозначению веса, как это делает первый издатель. Этот знак является сокращенным

обозначением патронимика Агафокла, совпадающего в данном случае с его именем (ср. примеры таких аббревиатур — CIRB, №№36, 76, 81, 84, 98, 102 и мн.др.), и надпись переводится «при агораноме Агафокле, сыне Агафокла; либра». В надписях Ольвии известен стратег Агафокл, сын Агафокла (IPE, I, №136), но для отождествления его с этим агораномом нет оснований.

[15] Л.И.Чуистова, воспроизводящая рисунок П.О.Бурачкова в табл.20, рис.142, ошибочно называет в тексте гирю свинцовой (Чуистова 1962: 65-66, №9).

[16] Из огромной литературы, посвященной проблемам общей и нумизматической метрологии античного мира, кроме классических, хотя и несколько устарелых трудов Авг.Бека, И.Брадиса, Т.Моммзена, Ф.Гульча и других (см. в особенности: Lehmann-Haupt 1918: 588-654; Viedebantt 1923; Giesecke 1938) специальные работы по отдельным частным вопросам указаны ниже.

[17] Возражения Леманн-Гаупта (Lehmann-Haupt 1913: 119 ff.) следует признать несостоятельными.

[18] В описании типа назван Аполлон.

[19] Так, в одних и тех же крупных монетах с изображениями Деметры и орла с дельфином в лапах (ср. табл.X=C 1, 4 и др.), представляющих в действительности статеры эгинской системы, видели и тетрадрахмы, и тридрахмы аттической системы, и даже драхмы (в этом случае, правда, без указания системы).

[20] Бертье-Делагард 1918: 64, №14; (вес 7,00 *г* подлежит исключению); 65, №15 (вес 3,24 *г* ошибочно повторен); Бурачков 1884: 49, №67; 57, №111; Бертье-Делагард 1907: 3, №67, 4, №№111, 138.

[21] Вес 7,00 *г* подлежит исключению, стр. 65, №15 (вес 3,24 *г* ошибочно повторен) (Бурачков 1884: 49, №67; 57, №111; Бертье-Делагард 1907: 3, №67; 4, №№111, 138).

[22] Таковы следующие случаи:

1) А.Л.Бертье-Делагард приводит среди весов эрмитажных монет с изображениями Деметры и дельфина вес 3,41 *г* (Бертье-Делагард 1918: 64, №9) не приводит веса такой же монеты, находящейся в коллекции по крайней мере со середины XIX в. весящей 3,04 г; между тем, монеты с весом 3,41 *г* в Эрмитаже нет и не было — речь должна идти, повидимому, об описке.

2) Редчайшая монета с изображениями Геракла и венка весит, по А.Л.Бертье-Делагарду, 4,35 *г* (Бертье-Делагард 1918: 64, №14), тогда как Гиль и Робинсон приводят для нее веса 4,73 и 4,72 г; ошибка очевидна.

3) Для двух монет с изображениями Аполлона и лиры из бывшей коллекции Бурачкова А.Л.Бертье-Делагард дает веса 2,34 и 3,24 *г* (Бертье-Делагард 1918: 65, 66, №17), тогда как они весят в действительности 2.63 и 3,56 *г.*

[23] При выведении среднего веса монет с именами отброшены два тяжеловесных экземпляра, веса которых оторваны от остальных весов их группы, и один слишком легкий экземпляр отброшен по той же причине от монет без имен (с учетом этих монет средние веса для обеих групп составляют 3,64 *г* для первых и 2,89 *г* для вторых). О классификации и датировке этих монет см.: Каришковський 1957: 53-54, 58.

[24] В предпоследней графе этой и подобных по характеру данных таблиц в числителе показано общее количество монет, а в знаменателе количество фактически использованных для вычисления средних весов; в последней графе в числителе приведен средний вес, а в знаменателе — самый большой и самый малый из числа фактически использованных при вычислении среднего веса.

[25] А.Н.Зограф принимает средний вес драхм Тиры всего 5,38 *г* (Зограф 1957: 20); указанная в тексте цифра вычислена по Дороцкому кладу, в составе которого было более ста таких монет.

[26] А.Л.Бертье-Делагард предполагал, будто известной крупной золотой монете Ольвии предшествовал выпуск таких же, но более тяжеловесных монет, чеканенных по нормам эгинской системы (Бертье-Делагард 1911: 57, 58; 1918: 127, прим.5). Это предположение не подтвердилось находками соответствующих тяжеловесных монет и маловероятно по существу.

[27] Проверка этих данных для раннего периода (Seltman 1924: 126-127) и для тетрадрахм «нового стиля» (Thompson 1961: 642-648) лишь незначительно меняет приведенные в тексте цифры.

[28] На практике эгинский статер часто принимали за три родосские драхмы (Regling 1932: 27).

[29] CIG. II. №2693 e=f наряду с этим документально известны и «старые родосские драхмы» (SIG. II.(3). №633, lin.95).

[44] О дате серебряных монет с лучником см. Карышковский 1962: 96-97.

[30] Ассы с изображениями Афины и с шариками между спицами колеса, равно как и подобные изданному Бурачковым экземпляру с ретроградной надписью [Σ]ΥΑΓΙΓΕ на обороте (Общий каталог: 37, №39, ср. табл.11, 12) следует считать поддельными (Зограф 1951: 125, прим.1).

[31] Статер равен 20 серебряным драхмам по шести оболов в каждой, то есть 120 оболам. Если же предполагать, что ассы и пришедшие им на смену монеты с изображением речного божества были оболами эгинской системы, то их приходилось на золотой статер аттической системы даже не 120, а только 90. Это следует из обычного приравнивания аттического тетробола к триоболу эгинской системы.

[32] Серебряные монеты Полемонов и Амиса также известны среди находок на территории СССР (Кропоткин 1961: 40, №27, 105, №1576).

[33] Ремиассарии времени Юлиев-Клавдиев весят на Хиосе в среднем 2,79 *г,* времени Флавиев и Траяна — 2,84 *г,* времени Адриана — немногим более 2 *г.*

[34] Кроме монет Хиоса (Mavrokordato 1918: 2-6) укажем на любопытную монету сирийской Селевкии, на двух сторонах которой указана ценность в ассариях и в оболах (CBM, Galatia: 277): о денежном счете на востоке Римской империи — см: Lenormant 1878: 164 sqq.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В.А. 1963. Монетное дело Херсонеса I — III вв.н.э. // НЭ. IV. С.3-88.

Бертье-Делагард А.Л. 1906. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. XXVI. С.226-231.

Бертье-Делагард А.Л. 1907. Поправки «Общего каталога монет» П.О.Бурачкова. М.

Бертье-Делагард А.Л. 1911. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в первой половине IV в. до н.э. // НС, МНО. Т. I. С. 1-100.

Бертье-Делагард А.Л. 1911. Дифференты на боспорских царских монетах римского времени // НС, I.

Бертье-Делагард А.Л. 1913. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // НС, МНО. Т. I. С. 49-134.

Блаватская Т.В. 1948. О финансовых коллегиях Ольвии и Истрии // КСИИМК. Вып.XXII. С. 57-58.

Бондар М.М. 1954. До питання про торговельні зносини Ольвії у VI — I ст. до н.э. // Археологія. Т.XI.

Брайчевський М.Ю. 1959. Римська монета на території України. Київ.

Бурачков П.О. 1875. О местоположении древнего города Керкинитиса и монетах, ему принадлежащих // ЗООИД. Т.XI.

Бурачков П.О. 1877. Опыт исследования о куманах или половцах // ЗООИД. Т.X.

Бурачков П.О. 1884 Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на Северном берегу Черного моря. Одесса. Ч. 1.

ВДИ. 1938. Т 2.

Гайдукевич В.Ф. 1955. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. I. М.-Л.

Голенко К.В. 1956. К датировке пантикапейских тетрадрахм // КСИИМК. Вып.63.

Голенко К.В. 1964. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л.

Граков Б.М. 1947. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаічну і класичну епохи? // Археологія. Т. I.

Граков Б.Н. 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. №36.

Дложевський С.С. 1927. Новий ольвійський декрет на честь Агатокла-Евоката // Збірник ІФИ ВУАН. №51. Київ. С. 310-315.

Дложевський С.С. 1930. Епіграфічні дрібнці // ВОКК УАН. Серія археологічна. Вип.4/5. Одеса.

Жебелев С.А. 1953. Северное Причерноморье: исследования по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.-Л.

Загинайло А.Г. 1963. Золотая боспорская монета Митридата Евпатора // КС ОАМ за 1961 г. Одесса.

Зограф А.Н. 1938. Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II // ВДИ. №2.

Зограф А.Н. 1940. Находки понтийских монет мифрадатовского времени в Ольвии // Ольвия. Т.1. Киев. С. 293-299.

Зограф А.Н. 1948. Монетная техника // ЭТ. М.-Л. С.257-264.

Зограф А.Н.1951. Античные монеты // МИА. №16.

Зограф А.Н. 1957. Монеты Тиры. М.

ЗООИД. Т. XX. 1897.

ЗООИД. Т.XXII. 1900. Протоколы.

Иващенко К.В. 1964. Герэсульский клад монет Кесарии Каппадокийской // Изв. ГАИМК. Т. VII . №10. С.2-15.

Карасев А.Н., Леви Е.Н. 1958. Ольвийская агора // СА. №4. С.129-130.

Карасев А.Н., Леви У.И. 1965. Работы ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960 — 1962 гг. // КСИА. Вып.103.

Карышковский П.О. 1956. О классификации серебряных статеров Ольвии IV в. до н.э. // КСИИМК. Вып.66. С.69-77.

Каришковський П.Й. 1957. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії: «ольвійське срібло» з напису IPE, I², №24. // Археологія. Т.XI.

Каришковський П.Й. 1959. З історії зовнішньополітичних зв'язків Ольвії: Ольвія та Родос // МАПП. II.

Каришковський П.Й. 1959. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії: ольвійські «аси» // Праці ОДУ. Т.149. Серія іст.наук. Вип.7. С. 47-68.

Карышковский П.О. 1960. Заметки о монетах Ольвии // СА. №3. С. 301-309.

Карышковский П.О. 1960. Заметки по нумизматике античного Причерноморья // ВДИ. №3. С.134-139.

Карышковский П.О. 1960. Серебряные монеты Ольвии из раскопок 1957 г. // НЭ. II. С. 14-27.

Каришковський П.Й. 1960. Доповнення до історії монетної справи Ольвії наприкінці IV ст. до н.е. // МАСП. III. С. 234-242.

Карышковский П.О. 1960. О монетах с надписью EMINAKO // СА. №1. С.179-195.

Карышковский П.О. 1961. Ольвия и Родос по нумизматическим данным // КСИА. Вып.83. С.9-14.

Каришковський П.Й. 1962. З історії греко-скіфських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї // АП УРСР. XI. С. 102-121.

Карышковский П.О. 1962. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма // МАСП.IV. С. 87-107.

Карышковский П.О. 1962. Ольвийские ассы с изображением совы // СА. №2. С. 210-215.

Карышковский П.О. 1965. Денежное обращение Ольвии в конце II и в первой половине I вв. до н.э. // НЭ. V. С. 62-71.

Карышковский П.О. 1967. Ольвийские монеты с изображениями Гермеса // ЗОАО. II (35).

Кастанаян У.Г. 1963. Группа античной археологии ЛОИА в 1960 — 1961 г. // КСИА. Вып.95.

Кене Б.В. 1856. Музей кн. В.В.Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России. СПб. Т. I.

КИАМ. №3. 1962.

Книпович Т.Н. 1956. Население Ольвии в VI — I вв. до н.э. по данным эпиграфических источников // МИА. №50.

Колобова К.М. 1933. К вопросу о судовладении в древней Греции // ИГАИМК. Вып.61.

Коцевалов А.С. 1929. Нариси з історії економічного життя грецьких колоній на північному узбережні Чорного моря // Збірник заходознавства. Київ.

Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г4-4. М.

Кропоткин В.В. 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тыс.н.э. М.

Латышев В.В. 1887. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.

Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч.I изд.3.

СПб.
Леви Е.И. 1956. Ольвийская агора // МИА. №50. С.53-86.
Леви Е.И. 1963. Две ольвийские надписи с упоминанием храма Аполлона // КСИА. Вып.95.
Максимова М.И. 1948. Сырьевая база и первичная обработка материалов // Эллинистическая техника. М.
Манцевич А.П. 1949. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // ВДИ. №2.
Манцевич А.П. 1950. Гребень и фиала из кургана Солоха // СА. Т. XIII.
Марков А.Н. 1901. Древняя нумизматика. Ч.1. СПб.
Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. Т.13. Т.21, Т.23.
НСІУ — Нариси стародавньої історії Української РСР. 1957. Київ.
Никитский А.В. 1901. О долях обола // ЖМНП. Кн.XII. отд.5.
Никитский А.В. 1901. О мине в 70 драхм // ЖМНП. Кн.1. отд.5. С.25-33.
Онайко Н.А. 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII — V вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-27. М.
Орешников А.В. 1890. О монетах скифских царей с именем города Ольвии // ЗРАО. Новая серия. Т.IV. С. 14-24.
Орешников А.В. 1921. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. Т. 1, ч. 1. С. 217-240.
Орешников А.В. 1922. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. Т. 2, ч. 2. С. 113-138.
Погребова Н.Н. 1953. К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов // СА. №XVII.
Праці ОДУ. Т.149.
Придик У.М. 1902. Анадольский клад золотых статеров 1895 г. // ИАК. Вып.3. С. 58-92.
Прушевская Е.О. 1955. Художественная обработка металла // АГСП. Т. X. М.-Л.
Ранович А.Б. 1949. Восточные провинции Римской империи. М.-Л.
Скуднова В.М. 1962. Скифские зеркала // ТКЭ. Т. VII..
Славин Л.М. 1964. Раскопки западной части ольвийской агора // ОТА. М.-Л.
Уваров А.С. 1851. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, I. СПб.
Фролова Н.А. 1964. Монеты скифского царя Скилура // СА. №1. С. 45-55.
Фурманська А.І. 1958. Ливарні форми з розкопок Ольвії // АП. VII.
Фурманська А.І. 1963. Бронзоливарне ремесло в Ольвії // Археологія. Т.XV. С. 61-70.
Фурманская А.И. 1963. Клад монет из Тиры // НСФ. I. С.76-86.
Харко Л.П.1964. Монеты из раскопок Ольвии в 1946-1947 гг. // ОТА. М.-Л. С.321-379.
Хирст Дж. 1908. Ольвийские культы // ИАК. Вып.27.
Хмыров М.Д. 1875. Металлы, металлические изделия и минералы в древностях России. СПб.
Чуистова Л.И. 1962. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // АИБ.II.
Шелов Д.Б. 1956. Монетное дело Боспора VI — II вв. до н.э. М.
Шмидт Р.В. 1935. Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции // ИГАИМК. Вып.108.
Babelon E. 1897. Les origines de la monnaie considérées au point de vue économique et historique. Paris.
Babelon E., Reinach T. 1908. Recueil general des monnaies grecques d'Asie Mineure. I,2. Paris.
Babelon E., Reinach T. 1925. Recueil general des monnaies grecques d'Asie Mineure. Paris.
Babelon E. 1901. Traité des monnaies grecques et romaines. Paris. P.1, t. 1.
Babelon E. 1932. Traité des monnaies grecques et romaines. Paris. P.2, t. 1-4.
Bahrfeldt M. von. 1904. Antike Münztechnik, Berliner Münzblattor.
Bahrfeldt M. von. 1923. Die römische Goldmünzpragung während der Repubik und unter Augustus. Halle.
Burns A.R. 1927. Money and monetary policy in early times.- London, New York.
СИМ. Thrace, London, 1877.
Caley E.R. 1939. The composition of ancient Greek Bronze Coins. MAPhS. XI.
CBM. 1888. Attica. London.
CBM. 1923. Roman Empire. I. — London.
CBM. Galatia.
Dittenberger W. 1881. Kritische Bemerkungen zu griechischen Inschriften // Hermes. XVI. S 189-191.
Frencotte H. 1901 L'industrie dans la Grèce ancienne.-II. Bruxelles.
Fritze H. von. 1911. Aufgaben der griechischen Münzwissenschaft // Nomisma. VI. S. 24-33.
Fritze H. von. 1914. Die Silberpragung von Kyzikos // Nomisma. IX. S. 34-56.
Gardner P. 1876. A monetary league on the Euxin Sea // NC. XVI.
Gardner P. 1918. A history of ancient coinage 700 — 300 BC. Oxford.
Giesecke W. 1938. Antikes Geldwesen. Leipzig.
Head B.V. 1887.Historia nummorum. Oxford.
Head B.V. 1911. Historia nummorum. Oxford.
Heichelheim F. 1930. Wirtschaftliche Schwankungen der Zeit von Alexander bis Augustus. Jena.
Hill G.F. 1897. Solon's reforme of the Attic standart // NC. XVII.
Hill G.F. 1921. Ancient methods of coining // NC. IX. P.1-42.
Hill G.F. 1924. The Frequency-table // NC.VI. P.76-85.
Hultsch F. 1882. Griechische und römische Metrologie. Berlin.
Hultsch F. 1905. Drachme // RE. V.
Imhoof-Blumer F.1898. Die antiken Munzen Nord-Griechenlands, unter beitung. I,1.; I, 2. Berlin.
Imhoof-Blumer F. 1905. Zur griechischen und romischen Munzkunde // RSN. XIII.
Imhoof-Blumer F. 1910. Die antiken Munsen Nord-Griechenlands, unter Leitung. Berlin.
Imhoof-Blumer F. 1912. Die Kupferprägung des Mithradatischen Reiches und andere Münzen des Pontus und Paphlagoniens // NZ. Bd. 45. S. 169-192.
IPE. 1(2).
Kleiner G. 1949. Alexanders Reichsmünzen. Berlin.
KMB, Beschreibung der antiken Munzen, I, Berlin, 1888.
Kubitschek W. 1897. Chàlkus // RE. Кн.XII. отд.5.
Lehmann-Haupt C.F. 1913. Historisch-Metrologische Forschungen // Klio. XIII. S. 119-166.
Lehmann-Haupt C.F. 1918. Gewichte. — RE. Suppl.III.
Lenormant F. 1878 La monnaie dans l'antiquité. I.-Paris.
Letronne J.A. 1823. Lettres sur quelques locutions relatives à l'expression des comptes monetaires // NAVGH. XIX. P. 282-289.
Mattingly H. 1923. CBM, Roman Empire. T.1. London.
Mattingly H. 1930. CBM, Roman Empire. T.II. London.
Mavrogordato J. 1915. A chronological arragement of the coins of Chios // NC. XV. C.364-411.

Mavrogordato J. 1918. A chronological arragement of the coins of Chios // NC. XVIII. P. 1-79.
Milbank S.R. 1924. The coinage of Aegina // NNM. №24.
Minns E.H. 1913. Scythians and Greeks: A survey of ancient history archaeology on the North coast of the Euxine. Cambridge.
Mommsen Th. 1873. Histoire de la monnaie romaine. III. Paris.
Noe S.P. 1950. The beginning of the Cistophoric coinage // MN. IV.
Ochler J. 1894. Agoranomoi // RE. X.
Pernice E. 1895. Griechische Gewichte. Berlin.
Pinder M. 1855. Uber die Kaiserlichen Silbermedaillons der romischen Provinz Asia, ABA.
Pippidi D.M. 1962. Epigraphische Beitrage zur Geshichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit. Berlin.
Pippidi D.M. 1970. Monumente epigrafice inedite // Histria. I.
Regling K. 1905. Ein Tridrachmon von Byzantion // ZfN. XXV. C.207-214.
Regling K. 1921. Kistophoren // RE. XI.
Regling K. 1930. Münzkunde // EA. II, 2. Leipzig-Berlin.
Regling K. 1931. Der griechische Goldschatz von Prinkipo // ZfN. T. XLI.
Regling K. 1932. Silberpragung und Silberwahrung // RT. III-A.
Reinach T. 1902. L'Histoire par les monnaies. Paris.
Ridgeway W. 1892. The origine of the metallic currencey and weight standarts. Cambridge.
Robinson E.S.C. 1937. Coins of Olbia // NC, XVII.
Rostovtzeff M. 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford.
Rostovtzeff M. 1941. The social and economic history of the Hellenistic world. T. I, III. Oxford.
Sandys J.E. 1912. Aristotle's constitution of Athens. London.
Segre M. 1928. Metrologia e circolazione monetaria degli antichi. Bologna.
Seltman C.T. 1924. Athens: its history and coinage before the Persian invasion. Cambridge.
Seltman C. 1955. Greek coins: a history of metallic currency and coinage down to the fall of the Hellenistic kingdoms. London.
SIG. IV. 2 (3).
Sydenhame E.A. 1920. The coinage of the Emperor Nero. London.
Sydenhame E.A. 1933. The coinage of Caesarea in Cappadocia. London.
Thalheim Th. 1927. Sitonia // RE. III-A.
Thompson M. 1961. The new style silver coinage of Athens. New York.
Tod M.N. 1946. Epigraphical Notes on Greek coinage // NC.
Viedebantt O. 1923. Antike Gewichtsnormen und Münzfüsse. Berlin.
West A.B. 1929. Fifth and fourth century gold coins from the Thracian coast // NNM. №40.
West L.C. 1941. Gold and silver coin standards in the Roman Empire // NNM. №94. New York.
Zograph A. 1925. The Tooapse hoard: with some notes on the Lysimachean staters struck at Byzantium // NC. P. 29-52.
Zograph A. 1932. Zur antiken Münztechnik // Numismatik. X. №3.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ П.О.КАРЫШКОВСКОГО *

1951

1. Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 967 – 971 гг.: Автореф. канд. дисс. — Институт истории АН СССР, 1951. — 17 с.

2. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава // ВИ. N 8. С. 101-105.

1952

3. К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава // КСИС АН СССР. Вып. 9. С. 53-61.

4. О хронологии русско-византийской войны при Святославе // ВВ. Т. 5. С. 127-138.

1953

5. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // ВВ. Т. 6. С. 36-71.

6. К истории Балканских войн Святослава // ВВ. Т. 7. С. 224-243.

7. Боспор и Рим в I в. н.э. по нумизматическим данным // ВДИ. N 3. С. 179-190.

8. (Рецензия на кн.:) Зограф А. Н. Античные монеты. МИА ССР, 1951. Вып. 16 // ВДИ. N 1. С. 105-111.

1954

9. О мнимом болгарском источнике древнейших русских летописных сводов // ТрОГУ. Т. 144. Сер. ист. наук. Вып. 4. С. 175-182.

10. (Рецензия на кн.:) Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М. Л.: изд. АН СССР, 1953 // ВДИ. N 1. С. 69-71.

1955

11. К истории Балканских походов Руси при Святославе // КСИС АН СССР. Вып. 14. С. 26-30.

12. Куликовская битва. М.: Госполитиздат. 63 с.

1956

13. З історії Ольвії в IV ст. до н. е. // ПрОДУ. Т. 146. Сер. іст. наук. Вып. 5. С. 167-174.

14. О классификации серебряных статеров Ольвии IV в. до н.э. // КСИИМК. Вып. 66. С. 69-77.

15. Из истории монетного дела и денежного обращения Ольвии в V – III вв. до н.э. // Тезисы научн. конференции ИИМК АН СССР, посвященной истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1956. С. 45-50.

16. Восстание Спартака. М.: Госполитиздат. 63 с.

1957

17. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. 1-3 // ВДИ. N 2. С. 138-146.

18. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії. I // Археологія. Т. XI. С. 45-69.

19. Находка римских монет в бассейне реки Кодымы // СА. N 2. С. 250-253.

20. Несколько неизданных монет античного Причерноморья // Труды ГИМ. Вып. 26. С. 27-31.

21. (Рецензия на кн.:) Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI – II вв. до н.э. М.: изд. АН СССР, 1956 // СА. N 1. С. 276-279.

1958

22. Восстание Ивайла: крестьянская война в средневековой Болгарии // ВВ. Т. 13. С. 107-135.

23. Селянська війна у середньовічній Болгарії // ПрОДУ. Т. 148. Сер. іст. наук. Вып. 6. С. 147-160.

24. Стоимость монетных металлов в Северном Причерноморье в IV в. до н.э. // ВДИ. N 3. С. 121-136.

25. Утерянная ольвийская надпись // СА. Т. 28. С. 151-161.

26. (Рецензия на кн.:) Зограф А. Н. Монеты Тиры. М.: изд. АН СССР, 1957 // ВДИ. N 2. С. 181-184.

27. (Рецензия на кн.:) Mazard J. Corpus nummorum Numidiae Mauretaniaequae. Paris // СА. N 1. С. 282-285.

28. (Рецензия на кн.:) Studii şi cercetări de numismatică. Vol. I. Bucureşti, 1957 // СА. N 3. С. 271-273.

29. Восстание Спартака. М.: Госполитиздат. 63 с. (переиздание N 16).

* Данный перечень публикаций (№№1—176) составлен и подписан самим автором 12 июня 1986 г. П.О.Карышковский счел уместным сопроводить его примечанием: «Список включает все научные материалы и не включает методических и учебных пособий». Дополнения к этому документу, сделанные другими лицами, очевидно, не являются исчерпывающими. — Н.Р.

1959

30. З історії зовнішньополітичних зв'язків Ольвії: Ольвія та Родос // МАПП. Вип. 2. С. 67-79.

31. З історії монетної справи на Боспорі в III ст. н. е. // МАПП. Вип. 2. С. 177-186.

32. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії. 2 // ПрОДУ. Т. 149. Сер. іст. наук. Вип. 7. С. 47-68.

33. Из истории монетного дела и денежного обращения Ольвии в V – III вв. до н.э. // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: изд. АН СССР. С. 220-234 (полный текст доклада, тезисы которого см. N 15).

34. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. 1-2 // ВДИ. N 4. С. 111-131.

35. Ольвійські монети, знайдені поблизу Одеси // ПрОДУ. Т. 149. сер. Іст. наук. Вип. 7. С. 136-140.

36. (Рецензия на статью:) Szemiotowa A. Monety Olbii // Buletyn numizmatyczny. Warszawa, 1954. N 4 // ПрОДУ. Т. 149. Сер. іст. наук. Вип. 7. С. 167-169.

37. М. Ф. Болтенко (1888 – 1959) (некролог) // ПрОДУ. Т. 149. Сер. іст. наук. Вип. 7. С. 171 – 173.

38. Пам'яті М. Ф. Болтенка // МАПП. Вип. 2. С. 197-198.

1960.

39. Доповнення до історії монетної справи Ольвії наприкінці IV ст. до н. е. // МАПП. Вып. 3. С. 234-242.

40. Заметки о монетах Ольвии // СА. N 3. С. 301-309.

41. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. 4–6 // ВДИ. N 3. С. 132-141.

42. Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в до н.э. // ЗОАО. Т. 1 (34). С. 112-123.

43. Лев Диакон о Тмутараканской Руси // ВВ. Т. 17. С. 39-51.

44. Монеты острова Березань // КСИА АН УССР. Вып. 9. С. 85-89.

45. Об обращении кизикинов в Ольвии // НЭ. Т. 2. С. 3-13.

46. Ольвия и Афинский союз // МАСП. Т. III С. 57-100.

47. О монетах с надписью EMINAKO // СА. N 1. С. 179-195.

48. О некоторых вифинских тетрадрахмах 183 года вифинской эры // ЗОАО. Т. 1 (34). С. 327-333.

49. Серебряные монеты Ольвии из раскопок 1957 г. // НЭ. Т. 2. С. 14-27.

50. (Рецензия на сборник:) Histria: monografie arheologica. Vol. I. Bucureşti, 1954 // МАПП. Вип. 3. С. 279-281.

51. Миф о Христе. Одесса: Одесское областное изд., 1960. 30 с.

52. М. Ф. Болтенко (1888 – 1959) (некролог) // СА. N 1. С. 323.

53. А. Г. Готалов-Готлиб (1866-1960) (некролог) // ЗОАО. Т. 1 (34). С. 375-376.

1961

54. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. 7-9 // ВДИ. N 4. С. 109-119.

55. Из истории ольвийско-афинских связей // Научный ежегодник ОГУ за 1960 г. Историч. факультет. С. 179-182.

56. Об эре Херсонеса Таврического // КСОАМ за 1960 г. С. 107-114.

57. Ольвия и Родос по нумизматическим данным // КСИА АН СССР. Вып. 83. С. 9-14.

58. Селевкидские монеты, поступившие в 1960 г. в Одесский археологический музей // КСОАМ за 1960 г. С. 85-88.

59. Bemerkungen zur Numismatik des antiken Schwarzmeergebietes // Bibliotheca classica Orientalis. Jg. 6. N 3. S. 132-136 (краткое изложение статьи, помещенной выше под N 17).

60. До історії повстання Івайла в Болгарії // Тези доповідей Четвертої межвузівської славістичної конференції. Одеса. 1961. С. 113-114.

61. Монета одрісського царя Севта, знайдена в Ольвії // Тези доповідей Четвертої межвузівської славістичної конференції. Одеса. 1961. С. 114.

62. (Рецензия на кн.:) Dittrich K. Antike Münzen aus Olbia und Pantikapäum. — Prag: Artia, 1959 // ВДИ. N 1. С. 175-177.

63. Великое восстание рабов в Риме // Детская энциклопедия. Т. 7. С. 108-111.

1962

64. Балканські походи Русі при Святославі у пізньому руському та слов'янському літописанні // ПрОДУ. Т. 152. Сер. іст. наук. Вип. 9. С. 105-112.

65. З історії греко-скіфських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї // АП УРСР. Т. XI. С. 102-121.

66. Золоті монети Лісімаха, знайдені в Ольвії // АП УРСР. Т. XI С. 97-101.

67. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма // МАСП. Вып. 4. С. 87-107.

68. Из истории отношений Селевкидского государства с городами Северо-Западного Причерноморья // ПС. Вып. 9. С. 105-114.

69. Клад римских монет из бассейна реки Тясмин // НЭ. Т. 3. С. 105-114.

70. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. 3-5 // ВДИ. N3. С. 141-154.

71. Монеты западнопонтийских династов, найденные в Северном Причерноморье // СА. N 4. С. 49-58.

72. Ольвийские ассы с изображением совы // СА. N 2. С. 210-215.

73. О надписях на ранних монетах Ольвии // МАСП. Вып. 4. С. 220-227.

74. «Повесть временных лет» про Балканські походи Русі при князі Святославі // ПрОДУ. Т. 152. Сер. іст. наук. Вып. 9. С. 96-104.

75. (Рецензия на сб.:) Херсонесский сборник. Вып. 5. Крымиздат, 1959; Сообщения

Херсонесского музея. Вып. 1-2. 1960-1961 // СА. N 4. С. 281-283.

76. (Рецензия на сб.:) Известия на Варненското археологическо дружество. Варна 1951-1961. Кн. 8-12 // ВДИ. N 2. С. 146-148.

77. Племена и государства Северного Причерноморья (II в. до. н.э. – III в. до н.э.) // Хрестоматия по истории древнего Рима (Под ред.: С. Л. Утченко). Учпедгиз. С. 326-352 (подбор документов, проверка переводов, примечания).

78. А. Г. Готалов-Готлиб (1866-1960) (некролог) // ВВ. Т. 21. С. 275-276.

79. А. Л. Бертье-Делагард (1842–1920) // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. С. 378.

1963

80. Находки римских монет в Одесской области // КСОАМ за 1961 г. С. 60-67.

81. Эпиграфические памятники Белгород-Днестровского музея // КСОАМ за 1961 г. С. 102-109.

82. (Рецензия на кн.:) Thompson M. The new style silver Coinage of Athens. — New York, 1961. Vol. 1-2 // ВДИ. N 1. С. 141-144.

1964

83. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. 10-11 // ВДИ. N 1. С. 130-139.

84. Ольвия и Боспор по нумизматическим данным // КСОАМ за 1962 г. С. 139-145.

85. Обращение римских монет в Ольвии // Тезисы докладов конференции Отделения истории АН СССР по изучению проблем античности. Ленинград. 1964. С. 58-59.

86. Племена и государства Северного Причерноморья (VI — II вв. до н.э.) // Хрестоматия по истории древней Греции. (Под ред.: Д.П. Каллистова). Мысль. С. 624-656 (подбор документов, проверка переводов, примечания).

87. Велике повстання рабів у Римі // Дитяча енциклопедія. Т. 7. С. 104-108 (Переклад на українську мову статті, вміщеної вище під N 63).

1965

88. Денежное обращение Ольвии в конце II и в первой половине I вв. до н.э. // НЭ. Т. 5. С. 62-74.

89. Находки монет Римской империи в Ольвии // НС. Вып. 2. С. 50-74.

90. Ольвия и Херсонес по нумизматическим данным. КСОАМ за 1968 г. С. 156-167.

91. Вивчення стародавньої історії Північно-Західного Причорномор'я на сучасному етапі // Тези доповідей ювілейної наукової сесії, присвяченої сторіччю Одеськ. Держ. університету: суспільні науки (Одеса, 1965). С. 60-62.

92. До питання про періодизацію історії грошового обігу та монетної справи Ольвії // Тези доповідей іст. факультету Одеськ. Держ. університету до наукової ювілейної сесії, присвяченої сторіччю університету (Одеса, 1965). С. 87-90.

93. Имена магистратов на ольвийских монетах римского времени // Тезисы докладов Объединенной научной сессии Одесск. археологич. музея, Одесск. Гос. университета и Одесск. археологич. общества, посвященной итогам полевых археологич. исследований 1964 г. (Одесса, 1965). С. 42-44.

94. О классификации ольвийских монет с изображением речного божества и скифского оружия // Тезисы докладов Института археологии АН СССР и Отделения археологии АН Азерб. ССР, посвященной итогам археологич. исследований 1964 г. (Баку, 1965). С. 163-164.

1966

95. К вопросу о древнем названии Роксоланского городища // МАСП. Вып. 5. С. 149-162.

96. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. 6-7 // ВДИ. N 2. С. 149-157.

97. Основі проблеми дослідження монетної справи I грошового обігу Ольвії // Тези доповідей секції сусп. та іст. наук на XXI Науковій конференції Одеськ. Держ. університету (Одеса, 1966). С. 96-97.

98. Невиданий напис Ізмаїльського музею // Тези доповідей наук. конференції Ізмаїльськ. Держ. Педіну, присвяченої 25-річчю Інституту (Ізмаіл, 1966). С. 47-51.

99. О классификации ольвийских монет с изображениями речного божества и скифского оружия // Тезисы докладов на секции «Нумизматика» Пленума Института археологии АН СССР, посвященного итогам археологич. исследований 1966 г. (Москва, 1966). С. 6-7 (Тезисы переработанного доклада на Бакинской сессии, см. N 94).

100. И.Д.Головко (1920-1963) (некролог) // МАСП. Вып. 5. С. 158-159.

1967

101. Заметки об Ольвии и Борисфене // ЗОАО. Т. II (35). С. 75-90.

102. Ольвийские монеты с изображением Гермеса // ЗОАО. Т. II (35). С. 260-263.

1968

103. До питання про дату ольвійського декрету на честь Протогена // Археологія. Т. 21. С. 95-105.

104. Из истории поздней Ольвии // ВДИ. N 1. С. 167-179.

105. Історичні науки (всесвітня історія) // Історія Одеськ. Держ. університету за сто років (Під ред.: О.І.Юрженка та інш.). С. 317-346.

106. Новые данные о связях Ольвии с Малой Азией во II в. н.э. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. М. — Л.: Наука. С. 172-177.

107. Ольвйские «борисфены» // НС. Вып. 3. С. 62-85 (полный текст докладов см. N 94 и 99).

1969

108. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – IV в. н.э.): Автореф. докт. дисс. — Ленинградский Гос. университет. — 35 с.

109. Білгород-Дністровський (нарис. історії міста до 1917 р.) // Історія міст і сел Українськ. РСР: Одеська обл. — Київ: Рад. енциклопедія.

С. 283-290.

110. (Рецензия на кн.:) Надписи Ольвии (1917-1965) / Под ред. Т.Н. Книпович и Е.И. Леви. Л.: Наука, 1968 // ВДИ. N 2. С. 111-116.

1970

111. (Ответств. ред.:) МАСП. Вып. 6. Одесса: Маяк, 1970. – 184 с.

1971

112. Из истории монетного дела Ольвии в I – II вв. н.э. // НЭ. Т. 9. С. 51-61.

113. Из истории Тиры в I – II вв. н.э. // МАСП. Вып. 7. С. 149-158.

114. Истрия и ее соседи на рубеже III – II вв. до н.э. // ВДИ. N 2. С. 36-55.

115. Находки позднеримских и византийских монет в Одесской области // МАСП. Вып. 7. С. 78-86.

116. Скіфи на Дунаі // УІЖ. N 9. С. 54-60.

117. Срібні монети післягетськоі Ольвіі // Археологія. N 4. С. 79-84.

118. Ольвийская коллегия Семи и ее монеты // Тезисы докладов конференции, посвященной столетию со дня рождения Б. В. Фармаковского (Ленинград, 1971). С. 37-38.

119. (Ответств. ред.:) МАСП. Вып. 7. Одесса: Маяк, 1971. 248 с.

1972

120. Вторая крупная монета царя Иненсимея // Советский коллекционер. Вып. 10. С. 143-152.

121. The Gold coinage of King Pharnaces of the Bosporus // The Numismatic Chronicle. 7th series. Vol. XII. С. 25-38 (В соавторстве с К.В.Голенко).

122. О времени появления сарматских племен в степях Северного Причерноморья // Тези доповідей П'ятнадцятоі конференціі Інституту археологіі АН УРСР (Одеса, 1972). С. 31-34.

123. Скифские сюжеты в типологии монет античного Причерноморья // Тезисы докладов на сессии Института археологии АН СССР, посвященной итогам археологических исследований 1971 г. (Москва, 1972). С. 309-310.

1973

124. Про державний устрій Ольвії // УІЖ. N 2. С. 98-101.

125. Про так звані портретні монети скіфського царя Скілура // Археологія. Вип. 9. С. 28-33.

126. Царські сармати у Страбона // Іноземна філологія. Вып. 32. (Питання класичн. філологіі, Вип. II). С. 88-93.

127. Сарматские тамги на античных монетах Причерноморья // Тезисы докладов конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир» (Ленинград, 1973). С. 15-16.

1974

128. (Рецензия на кн.:) Belin de Ballu E. Olbia: cité antique du littoral nord de la mer Noire. Leiden: Brill, 1972 // ВДИ. N 4. С. 134-142 (В соавторстве с И.Б.Брашинским).

1975

129. Древнейшая ольвийская проксения херсонесита // Тезисы докладов конференции «150 лет Одесск. археологич. музею АН УССР». Одесса. 1975. С. 126-127.

130. (Ответств. ред.:) Тезисы конференции «150 лет Одесск. археологич. музею АН УССР». Киев: Наук. думка. С. 196.

1976

131. Из истории Ольвии в раннеэллинистическое время // МАСП. Вып. 8. С. 212-215.

132. Монеты ольвийской коллегии Семи // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука. С. 109-117.

133. Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимость драгоценных металлов на Понте в IV в. до н.э. // ВДИ. N 4. С. 20-42 (В соавторстве с Ю. Г. Виноградовым).

134. Находки античных и византийских монет в Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев, Одесса: Вища школа. С. 172-177.

135. (Ответств. ред.:) МАСП. Вып. 8. Киев: Наук. думка, 1976. 240 с.

1977

136. К вопросу об обращении статеров лисимаховского типа в Причерноморье // Нумизматический сборник памяти Д.Г.Капанадзе. Тбилиси: Мецниереба. С. 15-26.

137. Ольвийские эксагии из собрания Гос. Историч. музея (Москва) // Тр. ГИМ. Вып. 49; НС. Ч. 5. N 1. С. 110-120.

138. Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г. // Материалы симпозиума по проблемам греч. колонизации и структуре раннеантичных государств Сев. и Вост. Причерноморья (Тбилиси, 1977). С. 35-36. (В соавторстве с В. В. Лапиным).

1978

139. Из истории монетного дела Ольвии в первой половине IV в. до н.э. // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка. С. 83-99.

140. Ольвийские эпонимы // ВДИ. N 2. С. 82-88.

141. Белгород-Днестровский (исторический очерк) // История городов и сел УССР: Одесская обл. Киев: Гл. ред. УСЭ. С. 244-266 (В соавторстве с А.Д.Бачинским).

142. (Ответств. ред.:) Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1978. 280 с.

1979

143. Античные монеты из раскопок Тиры // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев: Наук. думка. С. 88-98 (В соавторстве с А.С.Коциевским).

144. Новые тирасские надписи // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев: Наук. думка. С. 76-88.

145. Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба. С. 105 (В соавторстве с В.В. Лапиным).

146. (Ответств. ред.:) Античная Тира и средневековый Белгород. Сб. науч. ст. Киев: Наук. думка, 1979. 147 с.

1980

147. Из истории Тиры в первой трети III в. н.э. // Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР. Киев: Наук. думка. С. 72-83.

148. Тира и Рим в эпоху раннего принципата // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии» (Харьков, 1980). С. 17-19.

149. Новая монета царя Фарзоя // Тез. док. Восемнадцатой конференции Института археологии АН УССР (Днепропетровск, 1980). С. 120-121.

150. (Ответств. ред.:) Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР. Сб. науч. ст. Киев: Наук. думка, 1980. 146 с.

1981

151. Золотые и серебряные монеты Ольвии из собрания Одесского общества истории и древностей // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка. С. 119-134.

152. Новые находки архаических золотых монет в Ольвии // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка. С. 95-97.

153. (Рецензия:) Две книги советских нумизматов в английском переводе (Зограф А. Н. Античные монеты. 1951; Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора в VI — II вв. до н.э. 1956) // СА. N 3. С. 297-299.

154. (Ответств. ред.:) Лейпунская Н.А. Керамическая тара из Ольвии. Киев: Наук. думка, 1981. 120 с.

155. (Ответств. ред.:) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Сб. науч. ст. Киев: Наук. думка, 1981. 148 с.

1982

156. Каллиник, сын Евксена: проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии во второй половине IV в. до н.э., часть I // ВДИ. N 4. С. 26-46 (В соавторстве с Ю.Г.Виноградовым).

157. Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии // Нумизматика античного Причерноморья. Киев: Наук. думка. С. 80-98.

158. Ольвия и Рим в I в. н.э. // Памятники римского времени и средних веков в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка. С. 6-28.

159. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка. С. 66-82.

160. О титуле Митридата VI Евпатора и его преемников в Понте и на Боспоре // Материалы Третьего Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1982). Тбилиси: Мецниереба. С. 31-41.

161. (Ответств. ред.:) Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н.А. Ольвия: память тысячелетий. Одесса: Маяк, 1982. 118 с.

1983

162. Каллиник, сын Евксена. Часть II (см. N 156) // ВДИ. N 1. С. 21-39 (В соавторстве с Ю.Г. Виноградовым).

163. Ольвийские монеты, найденные на острове Левке // МАСП. Вып. 9. С. 153-173.

164. (Ответств. ред.:) Корпусова В.Н. Некрополь Золотое: к этнокультурной истории Европейского Боспора. Киев: Наук. думка, 1983. 184 с.

1984

165. Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка. С. 78-89.

166. Клад ольвийских монет из долины реки Кучурган // Новые археологические исследования на Одесчине. Киев: Наук. думка. С. 111-119.

167. Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье: материалы по археологии. Киев: наук. думка. С. 42-51.

168. (Рецензия на кн.:) Inscriipţiile din Scythia Minor greceşti şi latine V. J.: Histria şi împrejurimele. Culese, traduse, însoţite de comentării şi indiri de D.M.Pippidi. Buc. Editura Academiei RSR, 1983, 544 p., 94 pl. // ВДИ. N 3. С. 174-183 (В соавторстве с Ю.Г.Виноградовым).

1985

169. Древний город Тира: историко-археологический очерк. — Киев: Наук. думка. — 160 с (В соавторстве с И. В. Клейманом).

170. Новые монетные находки в Северо-Западном Причерноморье // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. дума. С. 33-36.

171. Новые находки античных и византийских монет в степной части Прутско-Днестровского междуречья // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка. С. 180-183.

172. Новые данные по эпиграфике и просопографии Ольвии в первой половине II в. н.э. // Тез. док. научного семинара «Проблемы исследования Ольвии» (Парутино, 1985). С. 34-35.

173. Значение эпиграфических источников для истории Карпато-Дунайского региона в III в. до н.э. — III в. н.э. // Тезисы докладов и сообщений совместной школы-семинара «Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. на юго-западе СССР и в сопредельных регионах». Ужгород, 1985. С. 21-22.

1986

174. Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев: Наук. думка, 1986. С. 25-36.

175. О монетном искусстве догетской Ольвии // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка. С. 96-105.

176. (Ответств. ред:) Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев: Наук. думка, 1986. 140 с.

177. Посвятительная надпись римских врачей из Тиры // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев. Наук. думка. С. 52-56.

1987

178. Тирасские драхмы Эрмитажа и серебряные эмиссии Тиры // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа). Л., 1987. С. 10-11.

1988

179. Монеты Ольвии: Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев: Наук. думка, 1988. 168 с.

180. Новые эпиграфические находки в Нижнем Поднестровье и Подунавье // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888-1988 гг. Тезисы докладов юбилейной конференции, посвященной 100-летию начала исследований Херсонеса. Севастополь, 1988. С. 57-58.

181. Предисловие // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца. 1988. С. 3.

1989

182. Два ольвийских посвящения из собрания Одесского археологического музея // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев: Наук. думка, 1989. С. 118-125.

183. К истории правления Асандра на Боспоре (49/48 — 21/20 гг. до н.э.) // Древнее Причерноморье (чтения памяти профессора П.О.Карышковского). Тезисы докладов конф. (9-11 марта 1989 г.). Одесса, 1989. С. 31-32 (В соавторстве с Н.А.Фроловой).

1990

184. Монеты Скифского царя Скила // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 3-15. (В соавторстве с А.Г.Загинайло).

185. К истории правления Асандра на Боспоре // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 89-100 (В соавторстве с Н.А.Фроловой).

186. Правление Асандра на Боспоре (по нумизматическим данным) // Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюзных чтений памяти проф. П.О.Карышковского. Одесса, 1990. С. 89-112.

1994

187. The City of Tyras. A Historical and Archaeological Essay. Odessa: Polis. 399 p.

1999

188. Ольвийские монеты: производство и метрология // Stratum plus. N 6. СПб.-Кишинев-Одесса. С. 20-67.

ТАЛАНТЫ И ЛЕПТЫ АНТИЧНОГО МИРА

В. П. Алексеев

О МОНЕТНОМ ИСКУССТВЕ ОЛЬВИИ КЛАССИЧЕСКОГО И РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

V.P. Alexeev (Odessa). About Olbia's Monetary Art in the Classical and Early Hellenistic Time.

The article classifies Olbian coins of this time by type of artistic interpretation of their images: traditional interpretation ("A") and non-traditional one (innovative) ("Á") and by level of professional graphic realisation of images: craftsman's realisation (р) and master's (ĕ) one (Tables I – АрАĕ and II – ÁđÁĕ). Most distinctive are original works realising the principles of some artistic styles of Hellenistic epoch: grotesque (table II – Áĕ, 1-4) and fine decorative (table II – Áĕ, 6-8), expressive dynamic (table II – Áĕ, 9, 10) and naturalistic (table II – Áđ, 1-4). The fine artistic analysis of the eagle with extended wings depicted on the asses with Demeter and on the silver staters led to two conclusions contradicting the ones established in the literature. The originality of this motive does not consist in a special "Olbian pose" of the eagle, but in an original, specific for Hellenistic art, interpretation of archaic composition at its basis (table II – Áĕ, 6-10). The first emissions of the silver staters with the aforementioned motive (tables Ар, 6; Аĕ, 11, 12) were made before the asses of the same type (table I – Ар, 7, 8), as their constructive peculiarities are much more similar to the principles of archaic composition than those of the asses. The Olbian mono-typological monetary emissions suggest a system in alternation of styles and its coincidence with the structure of one of the cyclic models of artistic styles evolution in the European art: archaic – classic – decorative – naturalistic – stylisation. The cause for such alternation of styles is explained by a different position of the stimulator of image and fight between alternatively active contents and form, canonical and personal principles. The Olbian monetary art in the period from the last third of V to the last quarter of IV centuries B. C. is characterised by the phenomena typical for the Hellenistic epoch: secularisation (table I – Ар, 2, 3, table II – Áđ, 2-4), promotion of aesthetic principles (table I – Аĕ, 6, 13, 14; table II – Áĕ, 6-8) and spread of archaistic style enhancing the sacred nature of the depicted image (table I – Ар, 4-8, Аĕ, 11, 15).

В изучении монетного дела Ольвии наименее исследованным остается вопрос об искусстве ее монетных мастеров. Художественно-стилистические особенности ольвийских монет затрагивались в нумизматической литературе в той или иной мере различными исследователями (Зограф 1951: 126—132; Каришковський 1957: 49—51, 55—57; 1959: 49—52, 57—69; Карышковский 1968: 62—70, 79—82; 1978: 83—99; Анохин 1984: 5—16). Однако специальных работ, посвященных целиком монетному искусству Ольвии, кроме одной статьи П. О. Карышковского (Карышковский 1986: 96—105), не существует. В недавно появившемся исследовании в большей мере уделяется внимание символике и семантике ольвийских монетных типов, а не художественным их особенностям и новым стилистическим признакам, определяющим самобытность монетных изображений (Русяева А., Русяева М. 1996: 179—183; 1997: 29—37).

В предлагаемой статье, развивая в отдельных случаях некоторые положения П. О. Карышковского, вносим в них дополнения и уточнения, выявляем новые художественные особенности ольвийских монет и стремимся показать, как общегреческие принципы изобразительного искусства, трансформируясь в творчестве местных мастеров, приводили нередко к созданию оригинальных произведений искусства. Исследуем эволюцию изображений на монотипологических монетных выпусках Ольвии и выясним причины смен художественных стилей в этом процессе.

Монеты Ольвии V – первой трети III вв. до н. э. можно распределить по типу художественных трактовок их изображений по двум группам: с традиционной (А) и нетрадиционной (Б) для греческого искусства указанного времени трактовками представленных на них образов. Каждую из этих групп разделим по уровню профессионально—изобразительного воплощения мотивов на две подгруппы – с ремесленным и мастерским их исполнением – $А_рА_м$ и $Б_рБ_м$ (табл. I, II).

Традиционность художественного мышления в изображениях монет первой группы и контрастность в профессионально—изобразительном мастерстве при их воплощении ($А_рА_м$) очевидны, но все же прокомментируем отдельные случаи. Если ремесленный характер некоторых изображений Деметры на ассах и Борисфена объясняется недостаточной профессионально—художественной подготовленностью и

© В. П. Алексеев, 1999.

бесталанностью создавших их монетариев (табл. 1—$А_р$, 2, 3, 9—12), то при констатации такого же характера мастерства, проявившегося в изображениях Афины на ассах (табл. I — $А_р$, 1) и Деметры на большинстве первых чеканенных медных монетах (Голубцов 1914: табл. XVI—XXVI), следует учитывать и некоторые объективные обстоятельства. Это недостаточный опыт при литье первых монет со сложной конфигурацией изображаемого и при выпусках первых чеканенных медных монет, осложненных к тому же возникшей необходимостью обильного их тиражирования.

В изображениях крестообразно распластанных орлов на ассах с Горгоной все исследователи отмечают архаический характер их композиции (табл. 1—$А_р$, 4, 5). Наряду с этим следует заметить, что в данных изображениях орлов еще в большей степени, чем в показе таковых на монетах Олимпии (аналогия А. Н. Зографа), части их тела представлены в противоречащих друг другу ракурсах. Изображения головы, шеи и ног показаны в профиль, крылья орла, расправленные в противоположные стороны, фронтально повернуты к зрителю, а задняя часть корпуса и хвост орла представлены так, что допускают рассматривать их под различными углами зрения – и в профиль (как части боковой стороны), и фронтально сверху (как лежащие в одной с крыльями вертикальной плоскости). Такое распадение частей конструкции в позе орла по различным пространственным площадям (как следствие несовместимости объемно-пространственного и плоскостного решений формы) свидетельствует о неумелом подражании архаической композиции. Такой же ремесленный характер исполнения присущ изображениям орлов на некоторых ассах с Деметрой (тела орлов тяжелые и грузные, крылья укорочены, клювы увеличены – табл. 1—$А_р$, 7, 8) и статерах (поворот линии от туловища орла к его голове начинается не от груди, а от середины шеи, крылья короткие, а тело дельфина имеет неестественно изогнутую форму (табл. 1—$А_р$, 6).

Среди монет второй подгруппы ($А_м$) мы различаем два уровня художественного мастерства. Первый проявляется в тех произведениях, в которых гармонично сочетаются красота формы и одухотворенность благородно—возвышенного содержания. Наиболее ярко это демонстрирует изображение Деметры на серебряном статере с сокращенным именем **ΑΡΙΣ...** Этот подлинный шедевр ольвийского монетного искусства стоит в одном ряду с самыми высокими достижениями греческого искусства – со знаменитыми изображениями Персефоны и Аретузы на монетах Великой Греции (табл. 1—$А_м$, 6). Близко к ним примыкают такие вдохновенные создания, как изображения Деметры на некоторых ассах, серебряных драхмах и на крупных чеканенных монетах, а также монеты с типами Деметра в короне – лучник (табл. 1—$А_м$, 3—5, 9, 10). Среди изображений Борисфена данной подгруппы выделим те, которые выдержаны в духе суровой архаики – нечеловеческое начало, поражающее своим грозным величием и монументальностью, акцентируется с особой силой – низкий лоб, широкие и мощные затылок и шея, густая борода с тяжелыми длинными прядями, копна плотно переплетенных волос на голове (табл. 1—$А_м$, 15). Отметим также и те изображения, которые характеризуются яркой декоративностью и необычной экспрессивностью. Извивающиеся пряди волос божества, подобно языкам пламени, неистово перекрывая друг друга, разрастаются в своем бушующем хаосе и сливаются с такими же буйными прядями бороды. В сочетании с этим выпученные под некоторым углом вверх глаза, вторящие воздетым в ту же сторону рогам, подчеркивают в речном божестве неукротимую устремленность и необузданность его нрава (табл. 1—$А_м$, 17, 18). Эти приемы художественной гиперболизации по силе экспрессии и патетики близки стилю великого Скопаса.

Второй, менее высокий уровень художественного мастерства проявляется на тех монетах, изображения которых хотя формально выполнены на хорошем профессиональном уровне, однако образы их отличаются определенной отстраненностью и сухостью, а иногда и безжизненностью. Примерами этого академического стиля являются изображения Деметры на многих серебряных и золотом статерах, на ассах и крупных чеканенных монетах, а также немалое число изображений Борисфена (табл. 1—$А_м$, 7, 8, 16). По этому поводу заметим, что вообще искусно сделанная в формально-техническом отношении вещь, к какому бы времени она не относилась, еще не означает, что перед нами произведение подлинного высокого искусства[1].

Говоря об изображении орлов на первых эмиссиях серебряных статеров (табл. 1—$А_р$, 6; $А_м$, 11, 12), следует отметить, что они выполнены не в реалистической манере, «близко к натуре» или с оттенком легкой стилизации (табл. 1—$А_м$, 13), как полагал П. О. Карышковский (1957: 49, 50; 1988: 59), а в духе архаического искусства, так как в основе их позы лежит каноническая композиция, зародившаяся еще в эпоху геометрического стиля[2]. Вследствие того, что художественную манеру, которая подражает архаическому стилю, называют стилем архаистики, то и стиль изображения этих ольвийских ор-

[1] В этом отношении показательны такие внешне с блеском выполненные изделия как, например, золотой гребень из кургана Солоха со сценкой поединка трех воинов, но лишенной внутренней силы и драматизма смертельной схватки, или продукция фирмы Фаберже.

[2] Анализ конструктивных деталей этой композиции см. Блаватский 1953: 83, 107.

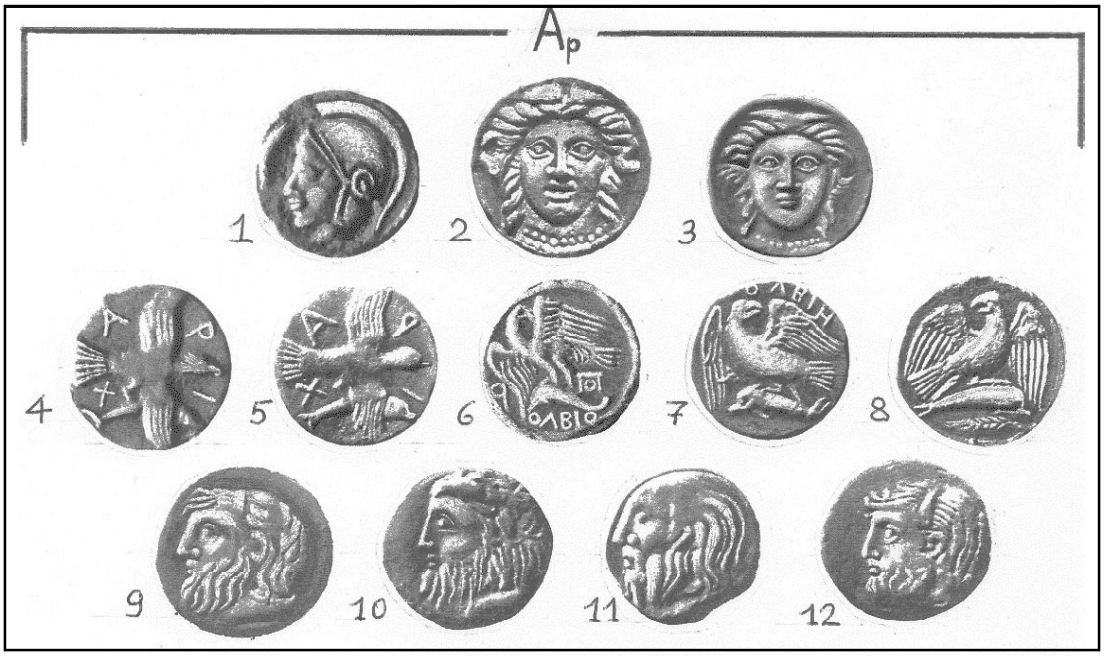

Таблица I – $А_р$

Группа ольвийских монет с традиционной трактовкой изображений в ремесленном исполнении (масштабы разные). № 1 – Зограф 1951: Табл. XXX, 3. № 2 – Анохин 1989: Табл. VIII, 77. № 3 – Голубцов 1914: Табл. IX, 2. № 4 – Зограф1951: Табл. XXXI, 1. № 5 – Анохин 1989: Табл. II, 12. № 6 – Каришковський 1957: Табл. 1, 5. № 7 – Голубцов 1914: Табл. XIV, 3. № 8 – Анохин 1989: Табл. IX, 79. № 9 – Карышковский 1968: Табл. 1, 4. № 10 – Карышковский 1968: Табл. II, 9. № 11 – Карышковский 1968: Табл. III, 5. № 12 – Карышковский 1968: Табл. III, 9.

лов, как и орлов на ассах с Горгоной и изображения речного божества на первых эмиссиях «борисфенов», следует определить как архаистический стиль[3]. Источником заимствования позы орла на первых выпусках серебряных статеров для ольвийских мастеров послужила, по нашему мнению, не только конструктивная основа изображений крылатых существ на вазах т. н. ориентализирующего (или коврового) стиля (Блаватский 1953: 80), но и композиция подобных изображений на изделиях чернофигурного стиля, который возник, как полагают, в Коринфе (Блаватский 1953: 105, 108). О знакомстве ольвиополитов с подобными изделиями могут свидетельствовать торговые отношения их полиса с этим крупным центром, которые были установлены в начале VI в. до н. э., а со второй его половины значительно расширились (Бондар 1954: 70; Брашинский 1966: 47—51; 1968: 263; Корпусова 1987: 53—56). Некоторые коринфские изделия, обнаруженные в Ольвии, датируются серединой IV в. до н. э. (Брашинский 1968: 263).

В пользу предполагаемого заимствования может свидетельствовать следующее наблюдение. На реверсах ольвийских статеров середины и второй половины IV в. до н. э. орлы всегда изображены влево (от зрителя), а на известных нам различных изделиях коринфского и аттического производства крылатые существа, как правило, обращены вправо, причем нередко головы их повернуты так же, как у ольвийских орлов, назад (см. Борисковская 1971: рис. 1, 6а, 7—10; 1972: рис. 6, 7, 11, 14; Горбунова 1983: 18, рис. 2, 41, рис. 2, 58, рис. 38; Алпатов 1987: рис. 230). Отмеченная особенность наводит на мысль, что ольвийские резчики монетных штемпелей при выпусках первых эмиссий статеров с орлами работали не только под воздействием художественных принципов коринфских и аттических мастеров вазописи, а, вероятно, даже копировали (но в духе своего времени) конструктивные основы композиции крылатых существ, помещенных на этих керамических изделиях. Поэтому изображения, вырезанные на ольвийских верхних штемпелях вправо, при чеканке, естественно, оказывались на монетах обращенными в противоположную сторону – влево. О реальности такой возможности косвенно могут

[3] Подробно о сущности этого термина см. Кобылина 1986:24сл. Распространенное в искусствознании представление о том, что архаистический стиль возник в эпоху Августа, опровергается исследованиями, показавшими, что данное направление в искусстве появляется уже в эллинистическую и даже классическую эпохи (см. Фармаковский 1914; 327; Каришковський 1959: 57; Кобылина 1986: 24). См. также дискуссию по данному вопросу: Harrison 1981: 496-498; Fuchs 1984: 79-81). Важным аргументом в доказательстве того, что квазиархаический стиль существовал в классическую эпоху, может служить то, что сознательная архаизация отчетливо обнаруживается в творчестве ученика Фидия Алкамена, в частности в его работе «Гермес Пропилейский» (см. Куманецкий 1990:120).

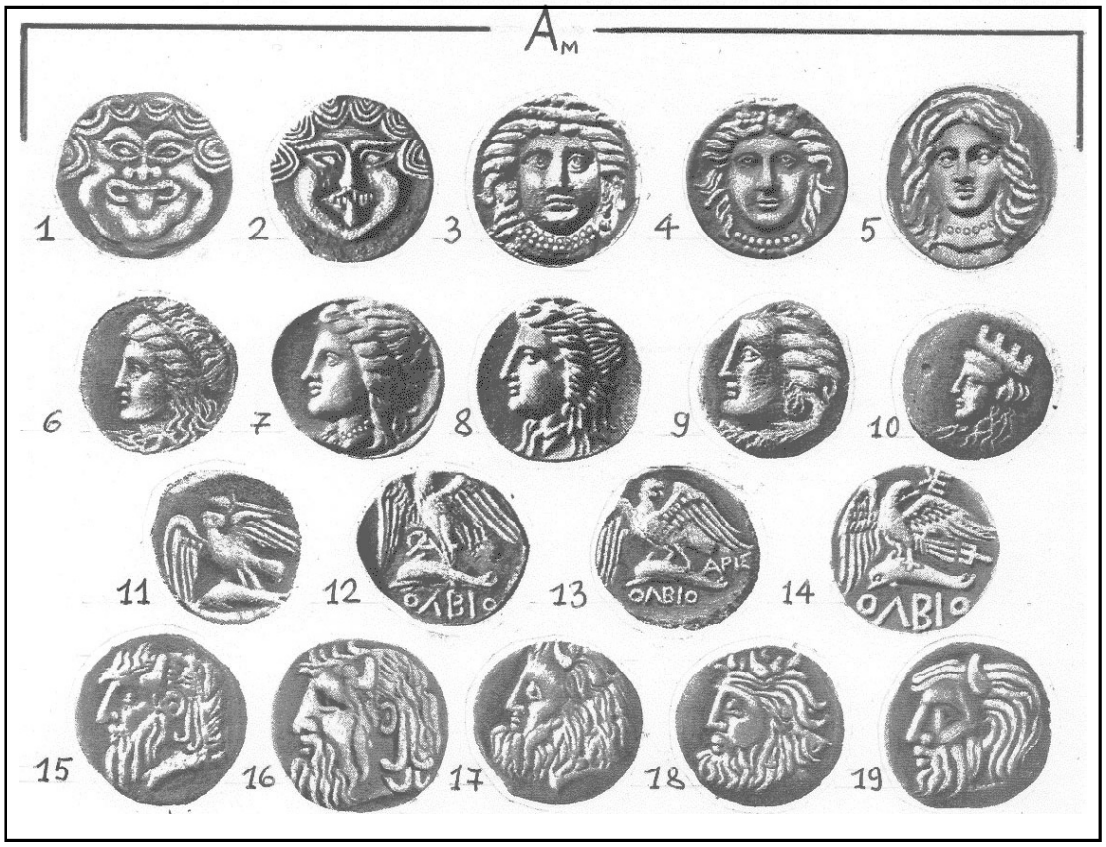

Таблица I – $А_м$

Группа ольвийских монет с традиционной трактовкой изображений в мастерском исполнении (масштабы разные). № 1 – Русяева, Мазарати 1986: С. 58. № 2 – Зограф 1951: Табл. XXXI, 1. № 3 – Анохин 1989: Табл. IX, 79. № 4 – Голубцов 1914: Табл. X, 3. № 5 – Анохин 1989: Табл. X, 96. № 6 – Каришковський 1968: Табл. I, 7. № 7 – Анохин 1989: Табл. X, 108. № 8 – Анохин 1989: Табл. X, 94. № 9 – Карышковский 1986: Рис. 2 № 15. № 10 – Карышковский 1986: Рис. 2, № 17. № 11 – Каришковський 1968: Табл. I, № 1. № 12 – Каришковський 1968: Табл. I, № 3. № 13 – Каришковський 1968: Табл. I, № 7. № 14 – Анохин 1989: Табл. X, 117. № 15 – Карышковский 1986: Табл. I, № 1. № 16 – Анохин 1989: Табл. X, 128. № 17 – Карышковский 1986: Табл. II, № 7. № 18 – Карышковский 1986: Табл. II, № 10. № 19 – Карышковский 1986: Табл. IV, № 5.

свидетельствовать факты находок коринфских изделий с такими же изображениями крылатых существ на Березани, Ольвии и ее округи (см. Корпусова 1987:56; Блаватский 1953:260; Борисковская 1976:62, рис. 3, 65 прим. № 12; Карасев, Леви 1976:32 № 10).

Рассмотрим художественные особенности монет второй группы – с нетрадиционной трактовкой изображаемых образов. Обратимся к монетам ее первой подгруппы (табл. II, $Б_р$ – 1—8). В изображениях Горгоны на старшем номинале ассов, относимых к так называемому «среднему» типу горгонейонов (Карышковский 1986: 100), процесс смягчения отталкивающих ее черт (в результате «гуманизации» ее образа в греческом искусстве) привел не только к менее звериному облику этого чудовища, с проступающими отдельными чертами человеческого лица. На рассматриваемых ассах перед нами уже предстают доброжелательные и наивные, улыбающиеся и смеющиеся человеческие лица, с достаточно выявленными их индивидуальными особенностями, которые позволяют трактовать эти изображения почти как «портреты» (табл. II – $Б_р$, 1—4). Это ярко выраженное стремление отразить без идеализации облик простого смертного предвосхищает одно из течений эллинистического искусства – натурализм.

Интерес к живой натуре, увлеченность мастеров собственными эстетическими задачами и новыми поисками источников вдохновения оказались сильней того явно возникающего противоречия в созданном ими образе Горгоны – между содержанием и формой – страшное чудовище показано через доброжелательные и смеющиеся человеческие лица. К тому же, этот предпринятый эксперимент, представляющий новую трактовку образа Горгоны, в профессионально—изобразительном отношении не поднялся выше ремесленного уровня. Подобной противоречивостью и боль-

Таблица II – $Б_р$

Группы ольвийских монет с нетрадиционной трактовкой изображений в ремесленном исполнении (масштабы разные). № 1 – Казаманова 1969: Табл. XXXIX, 2. № 2 – Голубцов 1914: Табл. V, 2. № 3 – Анохин 1989: Табл. II, 12. № 4 – Карышковский 1986 III – Рис. 2, № 2. № 5 – Голубцов 1914: Табл. VII, 1. № 6 – Анохин 1989: Табл. X, 96. № 7 – Анохин 1989: Табл. X, 108. № 8 – Анохин 1989: Табл. X, 122.

шей художественной беспомощностью отличаются на поздних ассах с этниконом обрюзгшие и расползающиеся к самым краям монетного поля изображения безучастных физиономий Горгон. Окаменевшая леность губ и вяло свисающий язык еще сильней подчеркивают характер усталого безразличия (табл. II – $Б_р$, 5).

Изображения орлов на монетах данной подгруппы свидетельствуют о новом этапе в их художественной эволюции. На серебряном статере с монограммой **АР** (табл. II – $Б_р$, 7), хотя сохраняется плоскостное решение архаической композиции, но ноги у орла уже не сомкнуты плотно друг к другу, а энергично расставлены в разные стороны, крылья симметрично расположены по обе стороны от его головы. На драхме (табл. II – $Б_р$, 6), хотя положение ног возвращается к трактовке, присущей архаической композиции, корпус орла приобретает вертикальное положение, а крылья симметрично и широко расправлены так же, как на рассмотренном статере, что усиливает в этом варианте изображения декоративное начало. Не отрицая самобытной трактовки данной позы орла, мы все же не исключаем воздействия на появление этой модифицированной архаической композиции и некоторых норм искусства варварских племен. Близкими по времени аналогиями являются, на наш взгляд, золотой эгрет в виде орла, терзающего козла (IV в. до н. э.) (Артамонов 1973: 191 № 241), орел из Александропольского кургана (IV в. до н.э.) (Членова 1967: табл. 30, № 38) и более раннего времени орел на пластинке из Семибратнего кургана (V в. до н.э.) (Черненко 1981: 47, 54, рис. 35).

Проводимая нами параллель еще заметнее проявляется при рассмотрении изображений орлов на поздних серебряных статерах III в. до н.э. (II—ой группы по классификации П. О. Карышковского) (табл. II – $Б_р$, 8). Свойственное искусству скифо-сакских племен стремление к геометричности (Раевский 1985: 128—132) с достаточной силой и яркостью проявилось в изображениях орлов на этих монетах. В их фигурах обобщение формы приводит к обнажению каркаса архаической композиции, моделировка крыльев орла сводится только к двум простым элементам – точкам и полупрямым линиям. Все это свидетельствует о типичной стилизации. Давно замечено, что легкое восприятие подобных упрощенных конструкций и их деталей открывало широкую дорогу для проникновения в сферу деятельности творцов ремесленников (Раевский 1985: 129). Вместе с тем, в нашем примере нельзя не отметить и смелого обращения с формой, активного обобщения изображаемого и резкий отход от рабского копирования натуры. Поэтому, думается, не совсем верно мнение, акцентирующее только ремесленный характер исполнения орлов на этих статерах (Каришковський 1957: 49) и оставляющее в тени новый подход к восприятию натуры и какие-то позитивные стороны эстетической оценки этого творческого эксперимента.

Ко второй подгруппе второй группы ($Б_м$) мы относим те ольвийские монеты, изображения которых отличаются не только нетрадиционной трактовкой, а и ярко выраженным новаторским типом художественного мышления, и высоким профессионализмом изобразительного воплощения. Это те ассы старшего номинала с Горгоной, на которых устрашающий вид этого чудовища передан не с помощью звериных черт, а благодаря деформации и гипербо-

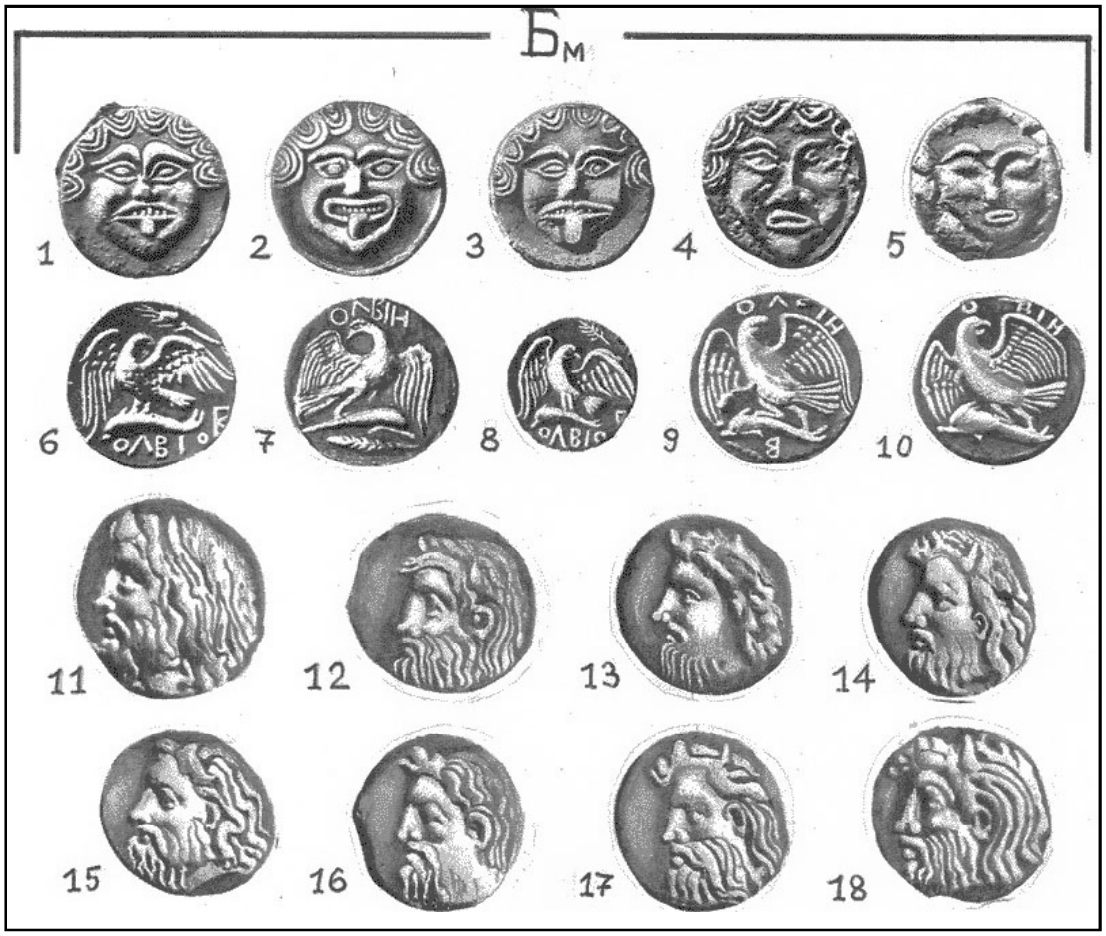

Таблица II – $Б_м$

Группы ольвийских монет с нетрадиционной трактовкой изображений в мастерском исполнении (масштабы разные). № 1 – Голубцов 1914: Табл. V, 1. № 2 – Казаманова 1969: Табл. XXXIX, 1. № 3 – Карышковский1986: III – Рис. 2, № 3. № 4 – Голубцов 1914: Табл. VII, 2. № 5 – Карышковский 1986: III – Рис. 2, № 8. № 6 – Анохин 1989: Табл. X, 94. № 7 –Анохин 1989: Табл. VIII, 78. № 8 – Анохин 1989: Табл. X, 96. № 9 – Голубцов 1914: Табл. IX, 1. № 10 – Голубцов 1914: Табл. XIV, 2. № 11 – Анохин 1989: Табл. XII, 163. № 12 – Анохин 1989: Табл. XII, 161. № 13 – Анохин 1989: Табл. XIV, 192. № 14 – Анохин 1989: Табл. XIV, 188. № 15 – Анохин 1989: Табл. XIV, 191. № 16 – Анохин 1989: Табл. XIV, 189. № 17 – Анохин 1989: Табл. XIV, 195. № 18 – Анохин 1989: Табл. XII, 157

лизации некоторых деталей уже вполне человеческого лица (табл. II – $Б_м$, 1—5). На первом ассе из представленных на таблице II – $Б_м$, у Горгоны овал лица и некоторые его детали вполне человеческие – отсутствуют резко выпирающие скулы и чрезмерно раздутые щеки, нос также показан без искажений. Но зато брови непомерно широкие, как бы вздутые, и сросшиеся на переносице, зрачки глаз не круглые, а растянутые в эллипсовидную форму, толстые веки грубо очерчены и уголок одного глаза накладывается на середину носа, верхняя губа вздернута вплотную к носу и приоткрывает ряд торчащих редко поставленных и больших зубов. На втором экземпляре в утрированном виде представлен только один рот – в неистовом напряжении он до предела раздвинут в виде прямоугольника с закругленными углами и обнажает длинный ряд яростно стиснутых зубов, прикусивших в своей злобе толстый, свисающий до подбородка язык. На третьем нашем примере Горгона изображается не агрессивно—отпугивающей, а показана в пассивном, почти дремотном состоянии. Однако выражение ее лица настолько омерзительно—гадливое, что одним только этим видом оставляет в оцепенении смотрящих на нее. Один глаз выпучен, другой – провален (брак литья?), рот непомерно растянут почти до самых скул, вследствие чего расстояние между губами резко сузилось, верхняя губа немного оттянута к носу, окончания бровей имеют различную направленность, скулы круто поворачивают к заметно выдающемуся тяжелому подбородку, щеки, потеряв упругость, дрябло свисают на продолговатом лице. Если на средних номиналах изображение Горгоны в принципе остается таким же (табл. II – $Б_м$, 4), то на младших номиналах ее лицо приобретает иногда, как точно подметил П. О. Карышковский, вид погребальной маски

(Карышковский 1986: 100, рис. 2, № 8) (табл. II – $Б_м$, 5).

Таким образом, Горгона на выделенных нами ассах выражает различные негативные чувства – от яростной злобы и затаенного презрения до состояния тихого ужаса, порождаемого покоем смерти, – благодаря трактовке ее облика как таких человеческих лиц, у которых экспрессивно и гротескно деформированы отдельные их детали, без придания им звериных черт. Именно такая трансформация традиционного для греческого искусства изображения Горгоны, по нашему мнению, и составляет специфическую особенность ольвийского его варианта. Она заставляет вспомнить одну из характерных черт искусства эпохи эллинизма – тягу к воплощению болезненного, искаженных страданием лиц и физического уродства.

Творческие искания ольвийских мастеров монетного дела венчают, на наш взгляд, изображения орлов на золотом статере, серебряных драхмах и на некоторых ассах (с Деметрой на аверсах) (табл. II – $Б_м$, 6—10). Несмотря на то, что на указанных чеканенных монетах основа конструкции позы орлов и положение их ног (они сомкнуты и параллельны) остаются почти такими же, как в изображениях орлов на первых эмиссиях статеров с сугубо архаической композицией (табл. I – $А_р$, 6; $А_м$, 11, 12), все остальные детали трактуются по—новому и весьма оригинально. Очертания крыльев орла на золотом статере и многих драхмах, а также на одном из ассов (табл. II – $Б_м$, 6, 8, 7) испытывают давление формы монеты – в соответствии с линиями ее круглых сторон получают плавноизогнутые контуры, шея вместе с головой орла жеманно изгибается в сторону хвоста, вследствие чего линия, идущая от кончика хвоста через туловище к клюву орла почти повторяет часть круглой стороны монеты. Благодаря этим чертам поза орла приобретает оттенок изнеженной декадентской расслабленности, ей придается не свойственный этой могучей птице характер изысканной грациозности (табл. II – $Б_м$, 6—8). В этих элегантных изгибах линий слышатся отголоски певучих контуров знаменитых цапель Дексамена, их копий, распространенных длительное время в Северном Причерноморье (Неверов 1973: 52, 55, № 6, 58 № 6). В сфере монетного искусства аналогию композиции ольвийских орлов на рассматриваемых монетах находим среди монет Олимпии последней трети V в. до н. э. (Seltman 1965: 163, pl. XXXV, 2). Но художественный стиль ольвийских орлов в целом иной – их изображения пронизаны эстетизацией, любованием формой. Это сугубо ольвийский вариант мотива, произведение изящного стиля типично эллинистического искусства, его декоративно—элегической ветви, определяемой иногда как «женственное искусство» (Алпатов 1987: 116).

Следующим этапом в эволюции изображений орлов явились ассы, на которых форма монеты определяет контуры и правого, и левого крыла орла – они симметрично вторят ее сторонам (табл. II – $Б_м$, 9, 10). Линия, идущая от головы через изогнутую шею и туловище к повернутому слегка вверх хвосту, образует дугу, которая на другом уровне также повторяет часть круглого контура монеты, корпус орла и его крылья имеют заметный наклон влево, а голова повернута в противоположную сторону – вправо, одна нога выдвинута в сторону головы дельфина, другая – резко отставлена назад, к его хвосту. Такой учащенный ритм изогнутых линий на разных уровнях, вторящих контурам формы монеты и противоречивость в направленности различных частей тела орла свидетельствуют о возросшем динамизме всей композиции, которая усиливает в изображении данной позы энергию взлета орла. На этих ассах заметно проявилось и декоративное начало. Конец правого крыла неестественно заложен за приподнятый кверху и распущенный веером хвост, чем эффектнее выставлены его раздвинутые перья. Все отмеченные выше детали формы свидетельствуют о возросшей ее сложности, композиционной изощренности в изображении орлов на ассах по сравнению с их вариантами на серебряных и золотом статерах. Этот стиль можно определить как декоративно—экспрессивный. В связи со сказанным уместно напомнить, что вообще, как показывает анализ произведений искусства – камей, инталий, печатей – влияние в той или иной мере различных форм этих изделий на форму (ее части) помещенных на них изображений обнаруживается не на ранних, а на развитых и поздних этапах их художественной эволюции. Поэтому в силу приведенных наших наблюдений полагаем, в противоположность утвердившемуся в нумизматической литературе мнению, что первые эмиссии серебряных статеров, с менее модифицированной архаической композицией в изображении орлов (табл. I – $А_р$, 6; Ам, 11, 12), были выпущены раньше ассов с теми же типами, отличающимися более развитым ее вариантом (табл. I – $А_р$, 7, 8)[4]. И впоследствии эволюция изображений орлов на ассах оказывается более сложной (табл. II – $Б_м$, 7, 9, 10), чем на статерах (табл. I – $А_м$, 13, 14; табл. II – $Б_р$, 7, 8). Однако возможно, что после первых эмиссий статеров выпуски статеров и ассов осуществлялись параллельно (ср. табл. I – $А_р$, 6 и $А_м$, 11 с $А_м$, 13 и $А_р$, 7).

Признавая изображения орлов, помещенных на таблице II – $Б_м$, 6—10, шедеврами ольвийского монетного искусства, подчеркнем, что эстетическая ценность их заключается не в осо-

[4] Косвенное подтверждение нашего предположения мы находим в мысли П. О. Карышковского о том, что наиболее совершенные образцы изображений «нельзя использовать для установления начальной даты развитой монетной чеканки», ибо они оказываются результатом развития монетного производства (Карышковский 1986:98).

бой, как обычно считают, «ольвийской позе» орла (ведь основу ее составляет архаическая композиция), а в оригинальной ее транскрипции, предвосхищающей художественные принципы стилей нового, нарождающегося эллинистического искусства — декоративно-изящного и декоративно-экспрессивного. Поэтому эти стили орлов, изображенных на исследованных монетах — ассах, отлитых в середине, начале третьей четверти IV в. до н. э., золотом статере и серебряных драхмах, чеканенных в 340—30 гг. до н. э. (Зограф 1951: 124, 127—129; Карышковский 1988: 58, 59, 61; Анохин 1989: 33, 106, №№ 70—79)[5], а также натурализм «очеловеченных» изображений Горгоны, черты лица которых индивидуализированы и иногда гротескно утрированы до уродства, можно определить как разновидности протоэллинистического стиля. Такому пониманию мы находим поддержку не только в мысли В. Д. Блаватского о протоэллинистических явлениях в искусстве Боспора (Блаватский 1985: 117—119), но и в положении основателя иконологического метода А. Варбурга о том, что в ряде случаев в качестве документов для выяснения определенных тенденций в общем историко—культурном процессе имеют не столько шедевры крупных центров, сколько периферийные и маргинальные явления мира искусства[6].

К рассматриваемой подгруппе ($Б_м$) относим те изображения Борисфена, черты лица которых несут отпечаток явно выраженных индивидуальных особенностей лиц, современных резчикам монетных штемпелей. Некоторым мастерам удалось создать в сущности своеобразные «портреты» своих сограждан, ольвиополитов и возможно даже отдельных представителей из варварской среды (табл. II – $Б_м$, 11—18).

Достойны внимания, по нашему мнению, явления, которые обнаруживаются при исследовании стилистической эволюции на монотипологических монетных выпусках Ольвии. Мы сознаем справедливость мнения, отводящего (и при классификации подобных выпусков) стилистическому анализу незначительную роль, из—за неизбежно присутствующего в нем субъективизма (Зограф 1951: 65; Анохин 1984: 5). Поэтому для внесения в этот вид анализа определенной доли объективности, мы предлагаем сравнить систему смен обнаруженных стилей со структурой одной из стабильных циклических моделей эволюции художественных стилей, типичной для европейского искусства. Степень совпадения с этой структурой может явиться, по нашему мнению, одним из критериев при выяснении истинности проведенной классификации. Структура одной из таких моделей такова: архаический стиль, классический, барочный, импрессионистический, архаизирующий (см. Шапиро 1989: 400, 402, 407) (последний стиль в сущности – стилизация). Существует и близкий ее вариант – архаический, классический, декоративный, натуралистический, стилизация (Мириманов 1973: 143—151, 244).

Прослеженные П. О. Карышковским этапы эволюции художественного стиля изображений Горгоны и Борисфена (Каришковський 1959: 49—54; 58—60; 1986: 99; 1968: 64—72, 79—82) после наших дополнений и уточнений (Алексеев 1995: 64—68, 70—72) совпали с последовательностью стилей в системе указанной модели: табл. I – $А_м$, 1 – архаический стиль, 2 – классический, табл. II – $Б_м$, 1—4 – барочный, $Б_р$, 1—4 – натуралистический; табл. I – $А_м$, 15 – архаический, 16 – классический, 17, 18 – барочный (декоративный), табл. II – $Б_м$, 11—18 – натуралистический, табл. I – $А_м$, 19 – стилизация. Особая устойчивость концептуальной (архаический и классический стили), декоративной (или барочной) и фигуративной (натуралистический стиль) фаз находит объяснение в существовании первых исторических этапов становления и развития художественного сознания человека (Столяр 1972: 38, 45, 48, 67, 72; Формозов 1980: 31, 69, 80). В нумизматической литературе не было дано объяснения причинам смен художественных стилей в процессе их эволюции на монетах, поэтому мы попытаемся восполнить этот пробел.

Возникновение стиля архаистики в изображении орлов на старшем номинале ассов с Горгоной, на первых эмиссиях серебряных статеров и на некоторых ассах с Деметрой, а также в изображении речного божества на первых выпусках «борисфенов» объясняется прежде всего тем, что данный стиль был связан в наибольшей мере с концептуальными, религиозно-мировоззренческими представлениями общества (как и отчасти классический стиль). Подтверждением этому служит то, что не существует ни одной реалистической темы, которая была бы исполнена в стиле архаистики (Кобылина 1986: 23, 26). Обращение к этому стилю подчеркивало особый сакральный характер в изображении и служило таким образом в первую очередь прагматическим целям[7]. Поэтому план содержания в нем доминировал над планом выражения.

В каноническом искусстве мастер, не имея возможности явно изменять сакральный характер содержания ради выражения собствен-

[5] Золотой статер и серебряные драхмы В. А. Анохиным датируются несколько более поздним временем – 330-300 гг. до н. э. (Анохин 1989:106, №№ 94-96, 111).

[6] Данная мысль А. Варбурга приведена в статье: Попов 1989:252.

[7] О том, что монетному типу «орел на дельфине», этому символу, превратившемуся в «герб» Ольвии, присущи сакральный характер и связь с космогоническими представлениями, как и «священным монетам» Олимпии, с изображением орлов, терзающих различных животных, см. Русяева 1992:67.

ных идей и чувств, все усилия по реализации своих творческих импульсов переносил в область формы. Элементы ее трансформируются, утрируются и детализируются, процесс украшения превращается в цель, которая состоит в любовании, наслаждении красотой формы и направлена на усиление эстетического содержания образа. С этого момента деятельность мастера оказалась направленной (хотел он того или нет) на деидеологизацию канонического содержания, на снижение его религиозно-прагматического начала. План выражения стал превалировать над планом содержания.

Исчерпав выразительные возможности этого стиля, мастер находит источник обновления непосредственно в живой натуре, как в новом стимуляторе, чем и объясняется появление натуралистического стиля. Придавая облику богов черты лиц простых смертных, мастер тем самым снижал силу религиозного воздействия высокого содержания. Вместе с тем, оттесняя религиозное начало в содержании с ведущих позиций, последнее заполнялось новым смыслом. План содержания начинает доминировать над планом выражения.

Возникновение стилизации искусствоведами объясняется тем, что стимулятор искусства перемещается из живой действительности в само искусство, на определенный его продукт, воспроизводятся не образы этой «действительности, а ранее созданные художественные образы, ставшие постоянным эталоном» (Мириманов 1973: 186, 208). План выражения стал превалировать над планом содержания. Если тенденция к стилизации в каноническом искусстве проявляется прежде всего тогда, когда имеется массовое производство однотиповых изделий, то упадок, деградация их искусства происходит в том случае, когда художественный процесс превращается в обычный труд (Мириманов 1973: 184, 186).

Обобщая изложенное, можно сказать, что причина смен художественных стилей в эволюции изображений на монотипологических монетных выпусках Ольвии заключается в меняющемся положении стимулятора изображения и борьбой попеременно активных содержания и формы, канонического и личностного начал.

В завершении нашего исследования выделим некоторые положения. В подтверждение мнения, отстаивающего тезис о том, что в Ольвии существовала прочная художественная культура (Карышковский 1986: 97), могут свидетельствовать следующие наблюдения. В течение длительного периода времени на многих монотипологических монетных выпусках образовалось обилие художественных стилей, выполненных на хорошем и нередко на высоком профессиональном уровне. Процесс чередования стилей на этих выпусках сложился в устойчивую систему. Ее стабильная основа совпала со структурой одной из моделей эволюции художественного стиля, типичной для европейского изобразительного искусства. В кульминационный период развития ольвийского монетного искусства последняя треть V в. – конец IV в. до н. э. – были созданы произведения, которые по своему художественному мышлению и выразительным средствам предвосхитили такие стили эллинистического искусства – декоративно-изящный и экспрессивно-патетический (барочный), натуралистический и академический (см. Левек 1989: 131—133). На некоторых ольвийских монетах этого времени достаточно ясно проступили явления, которые станут характерными для искусства раннего периода эллинистической эпохи – секуляризация (обмирщение) религиозного чувства и усиление эстетического начала (Зелинский 1996: 117). С другой стороны, обращение в творчестве ольвийских мастеров к образцам и художественным нормам архаического искусства указывает на явление, которое в полной мере раскроется в искусстве зрелого и позднего эллинизма – в стиле архаистики, способствующем усилению в изображаемом сакрального начала. Поэтому изображения монет, содержащие в себе отмеченные черты, можно определить как «ольвийско-протоэллинистические», оригинально модифицирующие традиционные образцы архаического и классического искусства. Все эти черты, проступавшие с различной степенью четкости в произведениях ольвийских мастеров монетного дела, явились частью общегреческого процесса кристаллизации принципов нового, эллинистического искусства, который заметно интенсифицировался со второй половины IV в. до н. э. (Кобылина 1986: 24, табл. I, 2, 4; 27, табл. II, 2, 3).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П. 1995. Опыт стилистического анализа монотипологических монетных выпусков и метод определения их продолжительности // Старожитності Причорномор'я. Вип. 2. Одеса.

Алпатов М. 1987. Художественные проблемы искусства Древней Греции. М.

Анохин В. А. 1984. «Борисфены» и их место в монетной системе Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. Киев.

Анохин В. А. 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Артамонов М. И. 1973. Сокровища саков. М.

Блаватский В. Д. 1953. История античной расписной керамики. М.

Блаватский В. Д. 1985. Период протоэллинизма на Боспоре // Блаватский В. Д. Античная археология и история. М.

Бондар М. М. 1954. До питання про торгівельні зносини Ольвії в VI—I ст. до н. є. // Археологія. Т. IX.

Борисковская С. П. 1971. О некоторых стилистических группах и мастерах ориентализирующих коринфских ваз первой четверти VI в. до н. э. // Культура и искусство античного мира. Л.

Борисковская С. П. 1972. Мастера и стилистические

группы позднекоринфских ориентализирующих ваз // ТГЭ. Т. XIII.
Борисковская С. П. 1976. Группа раннекоринфских алабастров ориентализирующего стиля в Эрмитаже // Художественная культура и археология античного мира. М.
Брашинский И. Б. 1966. Новые архитектурные терракотовые украшения из Ольвии // Культура античного мира. М.
Брашинский И. Б. 1968. Материалы к изучению торговых связей Ольвии // СА. № 2.
Голубцов В. В. 1914. Монеты Ольвии по раскопкам 1905-1908 годов // ИАК. Вып. 51.
Горбунова К. С. 1983. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л.
Зелинский Ф. Ф. 1996. Религия эллинизма. Томск.
Зограф А. Н. 1951. Античные монеты // МИА. № 16.
Карасев А. Н., Леви Е. М. 1976. Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского (1927-1970 гг.) // Художественная культура и археология античного мира. М.
Каришковський П. Й. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії // Археологія. Т. XI.
Каришковський П. Й. 1959. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії. Ольвійські аси // ПОДУ. Т. 149. Вип. 7. Одеса.
Карышковский П. О. 1968. Ольвийские «борисфены» // НСф. № 3.
Карышковский П. О. 1978. Из истории монетного дела Ольвии в первой половине IV в. до н. э. // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев.
Карышковский П. О. 1986. О монетном искусстве догетской Ольвии // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев.
Карышковский П. О. 1988. Монеты Ольвии. Киев.
Кобылина М. М. 1986. Роль традиции в греческом искусстве // Проблемы античной культуры. М.
Корпусова В. Н. 1987. Коринфская керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев.
Куманецкий К. 1990. История культуры Древней Греции и Рима. М.
Левек П. 1989. Эллинистический мир. М.
Мириманов В. Б. 1973. Малая история искусств. Первобытное и традиционное искусство. М.
Неверов О. Я. 1973. Дексамен Хиосский и его мастерская // Памятники античного прикладного искусства. Л.
Попов Ч. 1989. Эстетические проблемы иконологии // Советское и искусствознание. № 25. М.
Раевский Д. С. 1985. Модель мира скифской культуры. М.
Русяева А. С. 1992. Религия и культы античной Ольвии. Киев.
Русяева А. С., Русяева М. В. 1996. Символика и художественные особенности монет Ольвии VI-V вв. до н. э. // Мир Ольвии. Киев.
Русяєва А. С., Русяєва М. В. 1997. Символіка та художні особливості монет Ольвії пізньоархаїчного та класичного часів // Археологія. № 4.
Столяр А. Д. 1972. О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания // Ранние формы искусства. М.
Фармаковский Б. В. 1914. Колонна Фидия // Сб. к 40-летию профессорской деятельности Н. И. Кареева.
Формозов А. А. 1980. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.
Черненко Е. В. 1981. Скифские лучники. Киев.
Членова Н. Л. 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.
Шапиро М. 1989. Стиль // Советское искусствознание. № 24.
Fuchs W. 1984. Zum Beginn des archaistischen Kunst // Boreas. Bd. 7.
Harrison E. B. 1981. Rez.: Willers D. Zu den Anfdngen der archaistischen Plastik in Griechenland // Gnomon. Bd. 53. Ht. 5.
Seltman C. 1965. Greek coins. Methuen coltd. London.

А.Е.Терещенко

О МОНЕТАХ С НАДПИСЬЮ ΣΙΝΔΩΝ

A.E. Tereshchenko. The Coins with the Inscription ΣΙΝΔΩΝ.

The author analyses three types of Bosphorus coins, identification of which is debatable. Typological and stylistic study of the coins with the inscription ΣΙΝΔΩΝ allowed dating them by the last quarter of V century B.C. – the time of formation of the state of Spartokhids. The coinage is associated with the history of city states on the Taman peninsula led by Pantikapeum, and in particular, with the city state of Phanagoria.

В монетном деле Боспора V в. до н.э. группа монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ до сих пор вызывает острую дискуссию по поводу их идентификации. Единственный пункт данной проблемы, не вызывающий разногласий, — это то, что чеканка производилась на одном из монетных дворов Боспора. На сегодняшний день известны три типа «синдских» монет, все они отчеканены в серебре.

Первый тип (не в хронологическом смысле):

Л.с. — голова Геракла в львиной шкуре вправо. О.с. — вдавленный квадрат с головой коня вправо, вверху надпись ΣΙΝΔΩΝ. Этот выпуск включает четыре номинала: триобол, диобол, гемиобол и тетартеморий. На триоболе имеется еще и дополнительный дифферент — справа от головы Геракла помещена восьмиконечная звезда. Тетартеморий, при идентичном реверсе, на аверсе имеет изображение головы быка вправо (рис. 1: 1-4).

Второй тип:

Л.с. — сидящий грифон вправо, справа зерно. О.с. — вдавленный квадрат с головой коня вправо, вверху надпись ΣΙΝΔΩΝ. Существуют два номинала этой серии — диобол и гемиобол (рис. 1: 6, 7).

Третий тип:

Л.с. — коленопреклоненный Геракл с луком и стрелой вправо. О.с. — вдавленный квадрат с совой с распростертыми крыльями в фас, вверху надпись ΣΙΝΔΩΝ. Известен только один номинал этого типа — тригемиобол (рис. 1: 5), хотя В.А.Анохин (Анохин 1986: 138), ссылаясь на А.Л.Бертье-Делагарда, включил сюда также и тетартеморий: Л.с. — голова коня вправо, О.с. — сова (Бертье-Делагард 1913: 195). Однако указанный экземпляр вызывает серьезные сомнения в своей подлинности, до сих пор нет ни находок, ни официального подтверждения существования подобной монеты.

До недавнего времени существовало две точки зрения на происхождение «синдских» монет. Первая — данная чеканка принадлежит греческому полису азиатского Боспора, именуемому Синд, Синдика или Синдская Гавань (Грач 1972; Анохин 1986). Вторая — эмиссия производилась для государства синдов (Орешников 1922; Мошинская 1946; Шилов 1951; Крушкол 1971; Шелов-Коведяев 1985). Наконец, в последние годы появилась третья версия по поводу принадлежности интересующих нас монет. Предполагается, что это союзный выпуск греческих городов, расположенных в Синдике (Завойкин, Болдырев 1994).

Обратимся к собственно типологии. Обычно изображение головы Геракла в львиной шкуре трактовалось как следствие влияния Гераклеи Понтийской на политическую историю Боспора (Шелов 1949: 111; Зограф 1951: 169; Сапрыкин 1986: 74-75). С другой стороны, этот сюжет достаточно широко распространен по всему греческому миру уже с начала V в. до н.э. (рис. 1: 8-12), что позволяет считать предположение о влиянии Гераклеи Понтийской на монетную чеканку Боспора Киммерийского некоторым преувеличением (Шилов 1951: 207; Завойкин, Болдырев 1994: 45).

В этой связи можно вспомнить, что Страбон сообщает о существовании в Фанагории святилища Афродиты Апатуры («Обманчивой»). Объясняя это прозвище, он приводит местное предание, в котором Геракл помогает богине избавиться от гигантов, напавших на нее (Strabo XI, II. 10). Таким образом, Геракл, по-видимому, являлся популярным героем в Синдике (Шилов 1951: 207).

Относительно младшего номинала — тетартемория, рассматриваемой серии, на аверсе

© А.Е.Терещенко, 1999.

которого помещено изображение головы быка, сказать что-либо определенное гораздо сложнее. Сторонники гипотезы заимствования из монетного дела Гераклеи Понтийской толкуют этот факт как еще один аргумент в свою пользу. Против подобной интерпретации, однако, выступает хронологическое несоответствие «синдских» и гераклейских (Л.с. — голова *бородатого* Геракла в львиной шкуре влево; О.с. — фигура бодающегося быка влево, вверху и внизу надпись ΗΡΑΚΟΛΕΙΑ) монет. Все «синдские» выпуски относятся к концу V в. до н.э., а указанный гераклейский тип — к началу IV в. до н.э. (Wroth 1889: 139; Зограф 1951: 237; Завойкин, Болдырев 1994: 45). С другой стороны, некоторые исследователи считают, что упомяну-

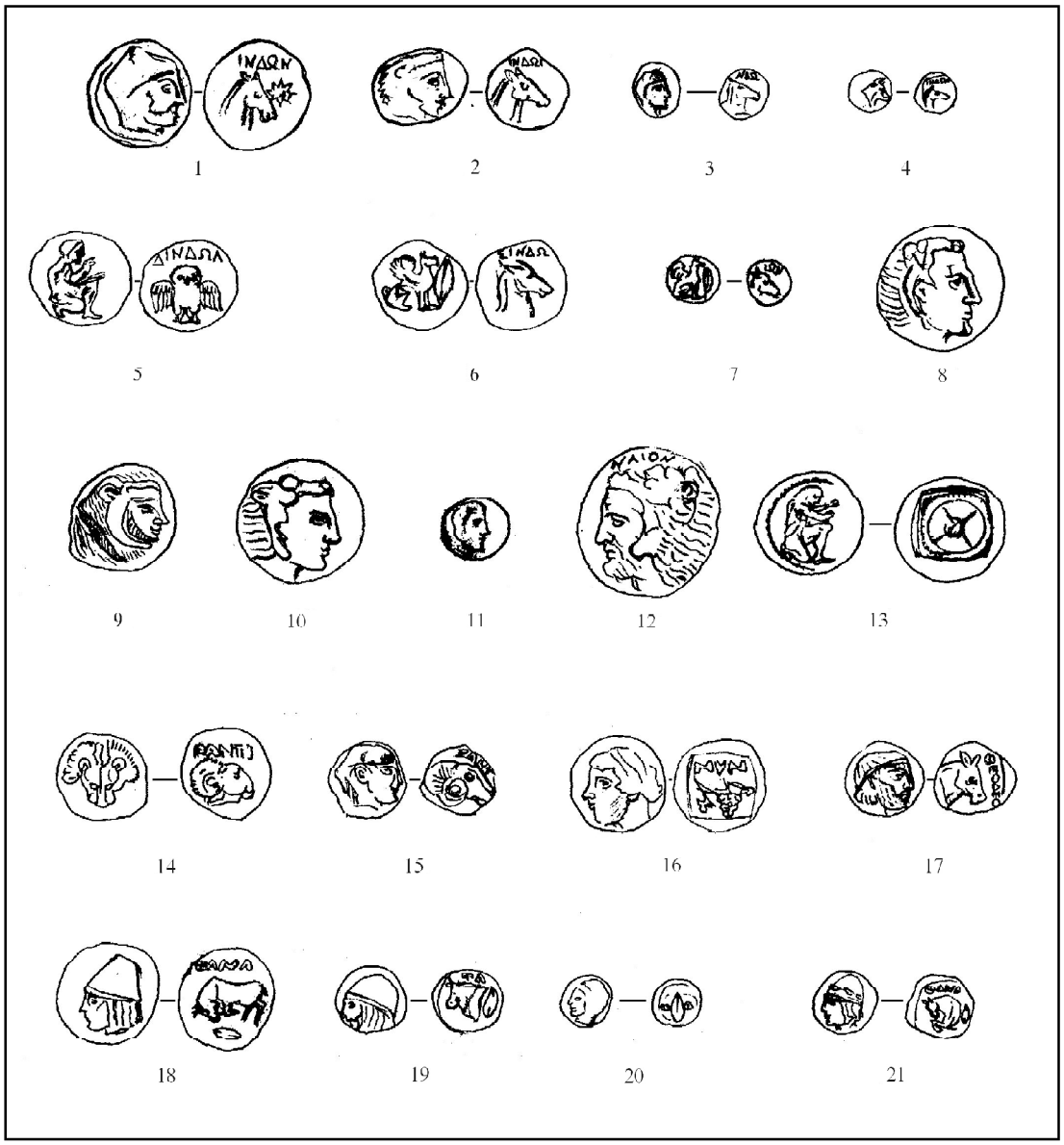

Рис. 1. Монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ и некоторые аналогии эмиссиям.

1. «Синдская». Последняя треть V в. до н.э., триобол.
2. «Синдская». Последняя треть V в. до н.э., диобол.
3. «Синдская». Последняя треть V в. до н.э., гемиобол.
4. «Синдская». Последняя треть V в. до н.э., тетартеморий.
5. «Синдская». Последняя треть V в. до н.э., тригемиобол.
6. «Синдская». Последняя треть V в. до н.э., диобол.
7. «Синдская». Последняя треть V в. до н.э., гемиобол.
8. Метапонт. 430 г. до н.э., 3 драхмы.
9. Дикея. 530 г. до н.э., статер.
10. Метапонт. 430 г. до н.э., статер.
11. Гераклея. 425 г. до н.э., диобол.
12. Камарина. 420 г. до н.э., тетрадрахма.
13. Ольвия. 460-440 гг. до н.э., статер.
14. Пантикапей. Последняя четверть V в. до н.э.
15. «Аполлонийская». Последняя четверть V в. до н.э., диобол.
16. Нимфей. Последняя треть V в. до н.э., драхма.
17. Феодосия. Последняя треть V в. до н.э., диобол.
18. Фанагория. Рубеж V-IV вв. до н.э., драхма.
19. Фанагория. Начало IV в. до н.э., диобол.
20. Фанагория. Начало IV в. до н.э., гемиобол.
21. Фанагория. Рубеж IV в. до н.э., диобол.

тый чекан Гераклеи Понтийской также можно отнести к последней четверти V в. до н.э. (Шелов 1949: 111), или даже более точно — к 415 г. до н.э. (Сапрыкин 1986: 42-43). Тем не менее, отсутствие вдавленного квадрата на реверсе гераклейских экземпляров позволяет считать датировку А.Н.Зографа и согласных с ним авторов более вероятной.

Кроме того, аналогичный сюжет — голова быка вправо — мы находим и на первом выпуске (последняя четверть V в. до н.э.) феодосийских монет (см. рис. 1: 17). Подобные изображения появляются уже в конце VI в. до н.э. на монетах Самоса, который являлся соседом Теоса — метрополии Фанагории (Scimn. 886-889) — и Лесбоса (см. Kraay 1976: pl. 5, №97, 98, 108; pl. 52, №878, 879). Все это дает возможность еще раз поставить под сомнение гипотезу о заимствованиях из монетного дела Гераклеи Понтийской.

Что касается типа «сидящий грифон с зерном», то давно уже было отмечено, что ближайшая параллель данному сюжету имеется в монетной чеканке Теоса и Абдеры (Кене 1857: 445). Напомним, что Абдера, как и Фанагория, была теосской колонией (Her. I, 168). Указанные чеканки относятся к концу VI — V вв. до н.э. (см. Kraay 1976: pl. 5, № 95; pl. 30, №528-538). Это позволяет утверждать, что прототипом «синдского» грифона являлись именно теосская и абдерская чеканки (Зограф 1951: 168-169; Завойкин, Болдырев 1994: 44-45).

Изображение головы лошади на реверсе двух вышеназванных типов до сих пор не имеет аргументированного толкования, в целом же следует согласиться с мнением А.Н.Зографа, что это некий символ Синдики (Зограф 1951: 168).

Серию с «совой» практически все исследователи относят к влиянию Афин. «Сова с распростертыми крыльями в фас», очевидно, заимствована с афинских тригемиоболов начала Пелопонесской войны (Зограф 1951: 169). Аналоги изображения коленопреклоненного Геракла с луком и стрелой, помещенного на оборотной стороне данной серии, имеются на кизикских статерах (Орешников 1922: 124), а также в монетном деле Ольвии (Орешников 1922: 123) и Фив (Завойкин, Болдырев 1994: 44). Способствовало ли появлению этого сюжета знакомство с чеканкой указанных полисов, сказать трудно, непосредственные доказательства отсутствуют. Но, как показывает пример ольвийской эмиссии с изображением коленопреклоненного Геракла (табл.1, рис. 13), относящийся к середине V в. до н.э. (Карышковский 1988: 49-50), мифы о главном греческом герое были весьма популярны во всем Северном Причерноморье.

Теперь перейдем к хронологии. Стилистически и сюжетно «синдская» серия с изображением головы Геракла в львиной шкуре на аверсе и головой коня вправо на обратной стороне имеет несомненное сходство с феодосийской (Л.с. — бородатая голова вправо, О.с. — вдавленный квадрат с головой быка вправо, по правому краю надпись ΘΕΟΔΕΟ — диобол: рис. 1: 17), нимфейской (Л.с. — женская голова влево, О.с. — вдавленный квадрат, в центре виноградная гроздь, вверху надпись NYN: рис. 1: 16), «аполлонийской» (Л.с. — голова Аполлона в лавровом венке вправо, О.с. — вдавленный квадрат с головой барана вправо, вверху надпись ΠANTI: рис. 1: 15) и, наконец, пантикапейской (Л.с. — голова льва в фас, О.с. — вдавленный квадрат с головой барана вправо, вверху надпись ΠANTI: рис. 1: 14). Практически одинаково композиционное заполнение монетного поля. Во всех случаях, кроме феодосийского экземпляра, надпись идет вдоль верхнего края quadratum incusum, выродившегося в декоративное обрамление, буквы надписей также имеют идентичный характер. Все это дало возможность предположить синхронность данных эмиссий и, следовательно, отнести их, подобно пантикапейской, на последнюю четверть V в. до н.э. (Зограф 1951: 168; Анохин 1986: 138). Две другие «синдские» серии, благодаря наличию неглубокого, но четкого вдавленного квадрата на аверсе, характерного размещения надписи вдоль верхнего края, также можно отнести к последней четверти V в. до н.э. (Зограф 1951: 168; Анохин 1986: 138).

Относительная же датировка «синдских» выпусков, по всей видимости, зависит в первую очередь от выяснения места их чеканки. Как показано выше, все перечисленные эмиссии боспорских полисов, несмотря на свой откровенно декларативный характер, долженствующий подчеркивать их независимость по отношению к Пантикапею, тем не менее, находились под влиянием пантикапейского монетного дела. Изображение голов животных или сюжеты с человеческими профилями — все это мы находим на монетах Пантикапея. В данной ситуации важен сам принцип работы, типологическая близость, а замена изображений одной человеческой головы на другую или одного животного на другого, как представляется, особых затруднений не должна вызывать. Более того, в нашем случае весьма многозначительным выглядит факт помещения на триоболе первого «синдского» типа восьмиконечной звезды. Подобная звезда, как я пытался показать в одной из своих работ, является, вероятно, отличительным знаком пантикапейской городской эмиссии.

Вполне возможно, что вышеуказанный триобол был чеканен в Пантикапее, и, следовательно, звезда на этой монете присутствует как «фирменный знак» пантикапейского монетного двора. Подчеркну, однако, что это не более чем предположение, поскольку данный триобол существует лишь в одном экземпляре (Анохин 1986: 138), к тому же он депаспортизован. Кро-

ме того, как говорилось, на остальных номиналах серии с головой Геракла звезда отсутствует, и по этой причине остается лишь надеяться, что будущие находки смогут подтвердить или опровергнуть эту версию.

Для пояснения развития «синдской» чеканки необходимо кратко напомнить ключевые моменты боспорской истории V в. до н.э. Как представляется, эти монетные выпуски могли быть связаны с ними самым тесным образом.

Как нам известно из сообщения Диодора Сицилийского, в 480/479 гг. до н.э. на Боспоре к власти приходит династия Археанактидов, которые царствовали 42 года, впоследствии их сменяет некий Спарток (Diod. XII 31).

Как считает большинство исследователей, на рубеже VI — V вв. до н.э. усилилось военное давление кочевых скифов на античные центры Северного Причерноморья (Виноградова 1983: 405; Толстиков 1984: 25; Шелов-Коведяев 1985: 67; Виноградов 1992: 107). Эти события способствовали объединению боспорских полисов в симмахию-амфиктионию, во главе которой оказался некий Археанакт. Именно на время правления Археанактидов приходится выпуск так называемых «аполлонийских» монет (монеты с надписью ΑΠΟΛ), которые, по мнению Ю.Г.Виноградова, являлись платежным средством симмахии, наряду с собственно пантикапейской полисной эмиссией, и чеканились в Пантикапее (см. Толстиков 1984: 47, прим. 95).

В 438/437 гг. до н.э. на исторической сцене появляется династия Спартокидов, которая вскоре, по-видимому, начинает проводить по отношению к своим союзникам по симмахии жесткую политику. В результате этого, скорее всего, начинается отход союзников от Пантикапея. Яркий пример тому — нимфейская чеканка последней четверти V в. до н.э. Вероятно, еще несколько лет после воцарения Спартокидов по инерции продолжается выпуск союзной «аполлонийской» монеты (Терещенко 1998: 22-23), но сам союз уже окончательно распался (Виноградов 1983: 416-418; Шелов-Коведяев 1985: 72). Не исключено, что процесс распада начинается сразу же после отражения скифского натиска и начала процесса стабилизации положения в регионе в середине V в. до н.э. (Виноградов, Марченко 1995: 83). Во всяком случае, к концу 430-х гг. до н.э. этот союз вряд ли еще существовал. В подобной ситуации Сатир I (433/432 — 389/388 гг.), чья агрессия была направлена, в первую очередь, на европейскую часть Боспора, мог пойти на такой шаг, как создание нового союза, включавшего в себя только полисы Таманского полуострова, с Пантикапеем во главе. Таким образом, «синдская» союзная эмиссия должна была заменить «аполлонийскую». Напомню, что один из «синдских» выпусков (голова Геракла в львиной шкуре) включает в себя практически весь набор номиналов, полностью соответствующих пантикапейской и «аполлонийской» эмиссиям.

Предполагается, что подобный союз мог существовать уже в первой половине V в. до н.э. (Завойкин, Болдырев 1994: 46). В этом случае Сатиру тем более требовалось заручиться его поддержкой.

Как видим, у Пантикапея имелись и причины, и, что немаловажно, материальные возможности для осуществления «синдской» чеканки. С другой стороны, резкое отличие двух типов из трех с надписью ΣΙΝΔΩΝ от пантикапейских, а также наличие некоторых сюжетов, которые безоговорочно связывают с Фанагорией, как-то: фигура грифона, зерно, а также изображение головы быка на младшем номинале серии с головой Геракла в львиной шкуре (в дальнейшем изображение как головы, так и полностью туловища быка и зерна появляется на монетах собственно фанагорийской чеканки: рис. 1: 18-21), позволило предполагать местом изготовления «синдской» эмиссии именно Фанагорию (Зограф 1951: 170; Завойкин, Болдырев 1994: 46; Абрамзон, Горлов 1998: 144). Однако и у этой версии имеются серьезные недостатки. Так, А.Л.Завойкин и С.Н.Болдырев в своей работе, посвященной данному вопросу, совершенно справедливо критикуют ситуацию, в которой полис, *не имеющий собственной монеты*, строит монетный двор, чтобы чеканить ее для кого-то другого, в данном случае — для синдского государства (Завойкин, Болдырев 1994: 144). Но далее эти же авторы совершают подобную ошибку, заявляя, что «синдские» серии выпускались в Фанагории для предполагаемого союза полисов азиатского Боспора (Завойкин, Болдырев 1994: 46), хотя, как известно, собственно фанагорийская полисная монета появляется только в начале IV в. до н.э. (Зограф 1951: 169-170). Следовательно, опять получается та же самая несообразность, против которой выступали вышеупомянутые авторы. Таким образом, весь исторический опыт монетного дела Древней Греции и здравый смысл подсказывает нам, что монета с надписью ΣΙΝΔΩΝ могла появиться только в двух случаях:

1. Если это полисная чеканка, то в таком случае необходимо продолжать поиски с целью точного установления, какое из греческих поселений могло носить название Синдская Гавань (Синд, Синдика). Однако необходимо отметить следующий нюанс: поскольку монеты чрезвычайно чутко реагируют на политические изменения в жизни общества, то следует признать, что смена трех типов «синдской» эмиссии за весьма краткий период времени (последняя треть V в. до н.э.) должна была отражать какие-то важные события в жизни полиса, чеканившего эти монеты. В то же время письменные источники не сообщают нам ничего, что можно было бы сопоставить с данной ситуацией.

2. Если же это союзный выпуск или заказ от государства синдов, то данная эмиссия могла производиться только в полисе, *уже имеющем свою монету*, свой монетный двор и, соответственно, навыки в этой работе. По таким параметрам в нашем случае больше всего подходит именно Пантикапей.

Тем не менее, можно предположить еще один вариант появления «синдской» эмиссии. По данным, основанным на коллекции в дублетном фонде Государственного Эрмитажа, а также экземплярах, приведенных в работе М.А.Фроловой (Фролова 1996: 54-67), в третьей четверти V в. до н.э. на Боспоре происходит всплеск «аполлонийской» чеканки, тип: Л.с. — голова льва в фас; О.с. — вдавленный квадрат, рассеченный на четыре части, в каждой по букве: Α — Π — Ο — Λ (Шелов 1956: 212; Фролова 1995: 208). Их насчитывается 115 штук, это самая многочисленная серия Боспора V в. до н.э. В связи с этим можно предположить, что в указанный период в Фанагории, по ее инициативе, мог быть построен монетный двор для обеспечения Таманского полуострова союзной «аполлонийской» монетой.

С приходом к власти в амфиктионии династии Спартокидов в Фанагории, вероятно, могли усилиться сепаратистские тенденции. Впоследствии политические амбиции фанагорийцев могли также подвигнуть их на то, чтобы занять лидирующее положение хотя бы только на азиатском Боспоре. Если согласиться с этими допущениями, то следует признать, что условия для подобного маневра были вполне благоприятными. Такими условиями следует считать, во-первых, устремление сил Сатира I на запад; во-вторых, возможное наличие монетного двора в Фанагории.

Помимо этого, нельзя отбрасывать и вероятность определенного вмешательства Афин в дела Боспора. Как известно по сообщению Плутарха, в 430-х гг. до н.э. происходит экспедиция Перикла в Понт (Plut. Pericl. 20, 1). Не исключено, что Фанагория, заручившись поддержкой Афин или в надежде на такую поддержку, после экспедиции могла попытаться ввести новую союзную монету для Тамани. Этим, кстати, можно объяснить наличие изображения совы с вытянутыми крыльями в фас на одном из типов «синдской» чеканки (Берзин 1958: 127). В таком случае указанный тип должен быть самым первым в ряду выпусков с надписью ΣΙΝΔΩΝ и датироваться концом 30-х гг. V в. до н.э., приблизительно 431-430 гг. до н.э., т.е. временем после прихода к власти Сатира I. Необходимо отметить, однако, что этот выпуск весьма немногочислен, известны пока только четыре экземпляра (Анохин 1986: 138), тетартемориев этой серии не учитывается по причинам, упомянутым вначале.

По-иному обстоит дело с серией, носящей изображение головы Геракла в львиной шкуре. Общее количество всех номиналов, входящих в нее, составляет 55 экземпляров[1]. Как видим, столь обширная чеканка сопоставима только с пантикапейской и союзной «аполлонийской» Если считать «синдскую» эмиссию полисной, то мы вынуждены заключить, что чеканивший ее полис был весьма богат и влиятелен.

В связи с этим предположение о производстве вышеуказанного типа на пантикапейском монетном дворе не кажется слишком невероятным. Возможно, этой серией Пантикапей отреагировал на вызов, брошенный ему Фанагорией. Не исключено также, что пантикапейская «синдская» чеканка была кратковременным эпизодом и производство серии с головой Геракла было перехвачено фанагорийским монетным двором. По этому поводу необходимо отметить тот факт, что из четырех экземпляров данного типа, чье происхождение нам достоверно известно, один найден при раскопках Мирмекия (Грач 1972), а три других в Фанагории: два в раскопе (Абрамзон, Горлов 1998: 142), еще один — случайная находка в прибрежной части (Розов 1983: 113). Таким образом, все они найдены в непосредственной близости от предполагаемых мест чеканки. С другой стороны, как совершенно справедливо отмечал А.Н.Зограф, точная топография монетных находок ничего не дает, «поскольку она свидетельствовала бы лишь о сфере обращения монет» (Зограф 1951: 169). Поэтому мы вправе ожидать находок «синдских» экземпляров именно в азиатском регионе Боспора.

Кроме того, на Тамани продолжалось хождение и собственно пантикапейской городской монеты: Л.с. — голова льва в фас; О.с. — голова барана вправо, вверху надпись ΠΑΝΤΙ (Розов 1983: 114).

Помимо вышеизложенного, необходимо обратить внимание на характер букв в надписи ΣΙΝΔΩΝ. На типах с совой и головой Геракла «омега» рисуется более широкой и приземистой, а буква «ню» как бы задирает свой правый край. На экземплярах с грифоном «омега» более вытянута и несколько заостряется кверху, «ню» имеет ровное начертание. В связи с этим можно с уверенностью говорить, что серии, имеющие изображения совы и головы Геракла, практически одновременны, а серия с грифоном явно следует за ними.

Появление серии «грифон с зерном», по-видимому, связано с усилением роли Фанагории. Показатель — помещение на аверсе изображения грифона, который, как уже говорилось, имеет аналогии в монетном деле Теоса и Абдеры, при сохранении на реверсе «общесиндской»

[1] 50 экземпляров отмечено у В.А.Анохина (Анохин 1986: 138) и 5 шт. из неопубликованного дублетного фонда Государственного Эрмитажа: один диобол №1341 (1,01 *г*) и четыре гемиобола — №1342 (0,26 *г*), №1343 (0,23 *г*), №1344 (0,22 *г*), №1345 (0,18 *г*).

эмблемы — головы коня, которая появляется на реверсе серии с изображением головы Геракла. В это же время, вместе со сменой типов, происходит и количественное сокращение: серия с грифоном насчитывает всего 18 экземпляров (Анохин 1986: 138). Можно предположить, что смена типов связана с перенесением активных действий Пантикапея далеко на запад, т.е. с походом Сатира I на Феодосию. Поскольку это предприятие происходило между 410-405 гг. до н.э. (Шелов-Коведяев 1985: 113), то этим же временем можно, вероятно, датировать и начало выпуска серии с грифоном. Прекращение этого выпуска, скорее всего, можно приурочить к рубежу V-IV вв. до н.э. — началу первого десятилетия IV в. до н.э., а именно — времени свержения синдского царя Гекатея (Шелов-Коведяев 1985: 90), откровенного вмешательства Сатира I в дела данного региона и последовавшей затем упорной борьбой с бывшей женой Гекатея — меотинкой Тиргатао (Poluaen. 8, 55).

Возможно, подобное положение дел не могло оставить безразличными полисы азиатского Боспора — кто-то поддержал Сатира I, а кто-то мог демонстративно самоустраниться (если не встать в открытую оппозицию). Думается, что к числу последних прежде всего можно отнести Фанагорию. Таким образом, предполагаемый синдский союз должен был распасться. Как представляется, именно с этого момента прекращается «синдская» чеканка и начинается собственно фанагорийская (Зограф 1951: 169).

Следует, однако, заметить, что А.Л.Завойкин в одной из своих работ предполагает несколько удревнить фанагорийскую городскую чеканку (410/5—400 гг. до н.э.) и, соответственно, передвинуть на 410/5 гг. до н.э. верхнюю границу «синдской» эмиссии (Завойкин 1995: 91-92). Тем не менее, сам характер чеканки, изображение букв в надписи ΦΑΝΑ и их размещение ни в коем случае не позволяют передвинуть нижнюю границу фанагорийских монет далее рубежа V-IV вв. до н.э. В любом случае, фанагорийскую городскую эмиссию следует считать чисто декларативным актом, направленным главным образом на демонстрацию своей независимости по отношению к Пантикапею.

Такой, в общих чертах, мне представляется проблема «синдской» чеканки, на примере которой, в определенной степени, можно проследить некоторые из важнейших процессов, происходивших на Боспоре Киммерийском в период становления государства Спартокидов.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамсон М.П., Горлов Ю.В. 1998. Два синдских диобола, найденные в Фанагории // РА. №3.

Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.

Бертье-Делагард А.Л. 1913. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // НС. №2.

Берзин Э.О. 1958. Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н.э. // ВДИ. №1.

Виноградов Ю.А. 1992. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 1995. Греки и скифы в северо-западном Причерноморье в V в. до н.э. // ВДИ. №1.

Виноградов Ю.Г. 1983. Полис в северном Причерноморье // Античная Греция. Т.1. М.

Завойкин А.Л. 1995. О времени автономной чеканки Фанагории // Боспорский сборник. 6.

Завойкин А.Л., Болдырев С.И. 1994. Третья точка зрения на монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ // Боспорский сборник. 4.

Зограф А.Н. 1951. Античные монеты // МИА. №16.

Карышковский П.О. 1988. Монеты Ольвии. Киев.

Кене Б.Н. 1857. Описание музеума князя В.В.Кочубея и исследование об истории и нумизматике греческих колоний в России, как и царств Понтийского и Босфора Киммерийского. СПб. Т. 1.

Кружкол Ю.С. 1971. Древняя Синдика. М.

Мошинская В.И. 1946. О государстве синдов // ВДИ, №3.

Орешников А.В. 1922. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. II.

Розов В.Н. 1983. Боспорские монеты VI-V вв. до н.э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975-1980) // СА. №2.

Сапрыкин С.Ю. 1986. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колоний в VI-V вв. до н.э. М.

Терещенко А.Е. 1996. К вопросу об относительной хронологии пантикапейской чеканки VI-V вв. до н.э. // Древние культуры и технологии. СПб.

Терещенко А.Е. 1998. Еще раз о монетах с надписью ΑΠΟΛ // Тезисы VI Всероссийской нумизматической конференции. СПб.

Фролова Н.А. 1995. О проблеме чеканки монет с надписью ΑΠΟΛ // Боспорский сборник. 6.

Фролова Н.А. 1996. Монетное дело Боспора середины VI-V вв. до н.э. // РА. №2.

Шелов Д.Б. 1949. Монеты синдов // КСИИМК. XXX.

Шелов Д.Б. 1956. Монетное дело Боспора. М.

Шелов-Коведяев Ф.В. 1985. История Боспора в VI-V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М.

Шилов В.П. 1951. Синдские монеты // СА. №1.

Wroth W. 1889. Catalogue of Greek coins. London.

С.Г.Демьянчук

РОЛЬ ХРАМОВ В МОНЕТНОМ ДЕЛЕ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

S.G. Demyanchuk. Use of Temples for Coinage Purposes in the Northern Black Sea Towns

The author points out at a big importance of the temples for development of coinage system in Olbia, Hersones, Pantikapeum and other ancient Greek towns of the region. Possessing large riches, the temples served as guarantors of full value of the local coins and took their own part in the emission activities. Particularly active were the Apollo's temples.

Греческие колонисты, пришедшие к берегам Северного Причерноморья, принесли с собой все многообразие Эллады и тот многовековой опыт, что могла дать им метрополия. В то же время каждая колония старалась выразить свою специфику и индивидуальность. Идеи, когда-то рожденные лучшими представителями греческой мысли, колонисты стремились реализовать на новых территориях. Несомненно, что одной из главенствующих сил колонизационного процесса были храмы олимпийского пантеона. Храмы как носители духовного и культурного опыта предыдущих поколений выступали связующим элементом между колонистами и новым, еще неизведанным миром.

Заинтересованность храмов в успешном освоении новых земель ойкумены была слишком велика. Жречество шло даже на такие неординарные меры, как создание нового культа, примером чему может служить учреждение культа Аполлона Врача для милетских колонистов в Северном и Западном Причерноморье (Русяева 1992: 31), неизвестного прежде в других областях Эллады. Создание религиозной амфиктионии в Боспорском царстве (Толстиков 1984: 24-48), исполнение высших жреческих должностей членами правящего дома Археанактидов, воспитание наследников в храме Аполлона Спартокидами (КБН. 25), активное участие в политической деятельности жреческих родов Ольвии и Херсонеса несет на себе следы непосредственного воздействия храмов на жизнь вновь созданных полисов. Только что образовавшиеся колонии, вероятно, обладали очень незначительным капиталом, который можно было бы использовать для нужд полиса. Состояния, вывезенные самими колонистами, не всегда были доступны государству.

Возникает вопрос, кто мог финансировать нарастающие потребности колоний. Характерной областью, отображающей подвижки в экономике молодых городов, является их монетное дело. На самых ранних этапах чеканки ясно прослеживается воздействие храмов на монетное обращение. Для Березани это денежные знаки в виде двулопастной стрелы, символизирующей один из атрибутов Аполлона Врача, для Ольвии монеты в виде дельфина — атрибута Аполлона Дельфиния, в Боспорском царстве в чеканке Пантикапея монеты с изображением головы льва также отражают культ Аполлона Врача (Русяева 1986: 544-560), поскольку лев всегда считался солнечным животным и отображал солярные свойства Аполлона. Появление же монет с надписью АПОЛ с большой долей вероятности позволяет сделать вывод о периоде храмовых выпусков (Анохин 1986: 26-27).

Однако на современном уровне исследований довольно рискованно говорить о создании монетных дворов непосредственно при храмах или же финансировании ими каких-либо выпусков в Северном Причерноморье. Скорее всего, храмы выступали определенного рода гарантами при различных кредитных операциях, осуществлявшихся между полисом и частными лицами. На протяжении веков в храмах скапливались огромные сокровища в виде разнообразных приношений и пожертвований. Храмы выступали «священными банками» (Маркс 1988: 143), хранилищами для целых союзов (в 478-477 гг. до н.э. Делос стал финансовым центром Афинского морского союза, казна которого находилась в храме Аполлона), что позволяло жречеству активно вмешиваться в политику колоний. Со временем полисы обретали экономическую независимость и храмы уже не могли так сильно влиять на властные структуры. Однако во времена тяжелых потрясений их могущество проступало с особой ясностью. Денежный кризис, охвативший в первой половине III в. до н. э. все основные города Северного Причерноморья, явился ярким тому

© С.Г.Демьянчук, 1999.

подтверждением. Полисам катастрофически не хватало монеты как для использования во внешнеторговых операциях, так и для внутреннего обращения. Монета обесценилась. Государство не могло обеспечить ее конвертируемости. Происходит массовый отток золотой и серебряной монеты. А при существующих тогда законах — к примеру, декрет Каноба (IOSPE I^2: №24), согласно которому исключалась возможность покупки или продажи товаров на иностранную монету, ксенам было невыгодно менять свое полноценное золото или серебро на резко падающую в цене и весе монету городов Северного Причерноморья. Вот тогда и пришлось государству обращаться за помощью к богатым горожанам. Но не везде существовали личности вроде Протогена: например, херсонесские граждане предпочитали одалживать деньги Ольвии, а не родному полису. Данные меры не привели к ожидаемым результатам, и тогда на сцену выходили храмы.

Появление надчеканок на городских монетах прослеживается в денежном обращении всех крупных городов Северного Причерноморья. И что примечательно, все контрмарки являются атрибутами определенных божеств олимпийского пантеона. Храмы за счет существовавших у них накоплений смогли дать гарантию полноценности обращавшейся монеты. Кроме того, операции по надчеканиванию монеты приносили храмам неоспоримый доход и возможность более активно влиять на политические реалии того времени. Некоторая стабилизация в монетном деле Херсонеса, Боспора и Ольвии была отчасти также заслугой храмов. Выпуски Коллегии Семи, царский выпуск Левкона II (не следует забывать, что он был воспитанником храма Аполлона), появление типа, подобного левконовскому (голова Афины — грифон) на херсонесской меди — все это выпуски, считающиеся заключительными в процессе кризиса денежного обращения. Практически весь II век до н.э. в монетном деле городов Причерноморья проходит под эгидой Аполлона — его изображений и атрибутов в монетных типах.

Еще раз хотелось бы подчеркнуть то огромное влияние, которое оказывали храмы на финансовую политику региона. Выступая своеобразными банками и имея достаточные силы и возможности, храмы олимпийского пантеона могли играть роль трапезидов в колониях. По-видимому, наиболее активную позицию в этом отношении во всех государствах Северного Причерноморья занимали храмы Аполлона.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.

Маркс К. 1988. Капитал. Т. 1. Москва.

Русяева А.С. 1986. Религия // Археология Украинской ССР. Киев

Русяева А.С. 1992. Религия и культы античной Ольвии. Киев.

Толстиков В.П. 1984. К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ № 3.

А.Н.Левинский

СТОЛНИЧЕНСКИЙ КЛАД: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОНЕТ ТИПА ХУШЬ-ВОВРИЕШТЬ

A.N. Levinski. Stolniceni Hoard: Cultural and Chronological Interpretation of Coins of Huşi-Vovrieşti Type.

A hoard of the ancient silver coins was found on the Getian settlement of Stolniceni in the summer of 1996. The hoard contained 44 drachmas of Histria and 10 tetradrachmas of Huşi-Vovrieşti type. Of these coins, twelve Histrian drachmas, dated within IV c. B. C., and four tetradrachmas, usually dated by the end of III c. B. C. and not earlier, came to the Moldavian National Museum of History.

A detailed analysis of the findings in the hoard and the context in which these were found, allow a conclusion that the coins of Husi-Vovriesti type are imitations of Philippe II's tetradrachmas of the first series, and thus they can be dated by the second half of IV c. B. C. The area of imitations of the first series without the cuts embraces the region of the Triballs's domination (by M.E. Tkachuk). They were the ones that minted the coins. The Getians, who were politically dependent of the Triballs, would cut the coins to check the quality of silver or accept them for circulation in their own area. The tetradrachmas of Huşi-Vovrieşti type were the «national» coin of the Getians at most till the Bastarns appeared in the lands to the East of the Carpathians.

Летом 1996 г. в фонды Национального Музея Истории Молдовы поступили 16 серебряных монет, в том числе 12 драхм Истрии и 4 так называемые варварские подражания тетрадрахмам Филиппа II типа Хушь-Вовриешть. Все монеты составляли часть клада, обнаруженного в окрестностях родного мне села Столничень, ныне уезд Лэпушна. С помощью родственников мне удалось установить подробности обнаружения и лично ознакомиться с основной частью клада, который еще не успел разойтись по рукам. Я приношу глубокую благодарность своей сестре, отыскавшей и передавшей в музей обломки сосуда, в котором хранился клад.

Таким образом, удалось установить, что в сосуде, закупоренном глиной и разбитом при обнаружении, находилось 54 монеты: 44 драхмы Истрии и 10 тетрадрахм типа Хушь-Вовриешть.

Предварительные данные о находке уже были опубликованы (Levinschi 1997), однако повторное обследование местности ранней весной 1997 г. позволяет внести некоторые уточнения и дополнения к представленной информации.

Клад был найден в лесу, приблизительно в 3 км к востоку от с.Столничень и 150-200 м к востоку от вала одноименного гетского городища. Несколько лет назад там был вырублен лес, а слой чернозема был снят бульдозером и сдвинут к краям образовавшейся поляны. На зачищенной площади была посажена ель, со временем вырубленная на продажу. Сосуд был обнаружен группой рабочих, которые грузили чернозем для хозяйственных нужд. При повторном обследовании места обнаружения клада оказалось, что тезаврация была совершена на восточной окраине посада городища. На площади, очищенной от леса, отмечены скопления обмазки — характерные признаки наличия наземных жилищ, а также многочисленные фрагменты лепной типично гетской керамики и несколько фрагментов стенок и ручек греческих амфор. В 10 м к юго-востоку от точки находки на пахоте, в пределах пятна слегка золистого грунта, вместе с фрагментами керамики был обнаружен неполной сохранности бронзовый браслет в два оборота. Он изготовлен из овальной в сечении проволки толщиной до 0,3 см, концы которой были расплющены и гравировкой оформлены в виде змеиной головы. Диаметр браслета 5-6 см (рис. 1,1).

Результаты обследования позволяют сделать вывод, что монетный клад является принадлежностью гетского комплекса — городища и посада «Столничень». Первые раскопки на памятнике были проведены еще в 1933 г. А.Адиасевичем, преподавателем Кишиневского Высшего Торгового Училища (Dimitriu 1933), хотя в современной научной литературе он фигурирует как обнаруженный разведками Г.Д. Смирнова в 1946 г. (Смирнов 1949).

Сосуд, в котором были спрятаны монеты, представляет собой лепную кружку усеченно-биконической формы, с отбитой в древности ручкой, слегка возвышающейся над краем. На внешней поверхности сосуда сохранился очень

© А.Н.Левинский, 1999.

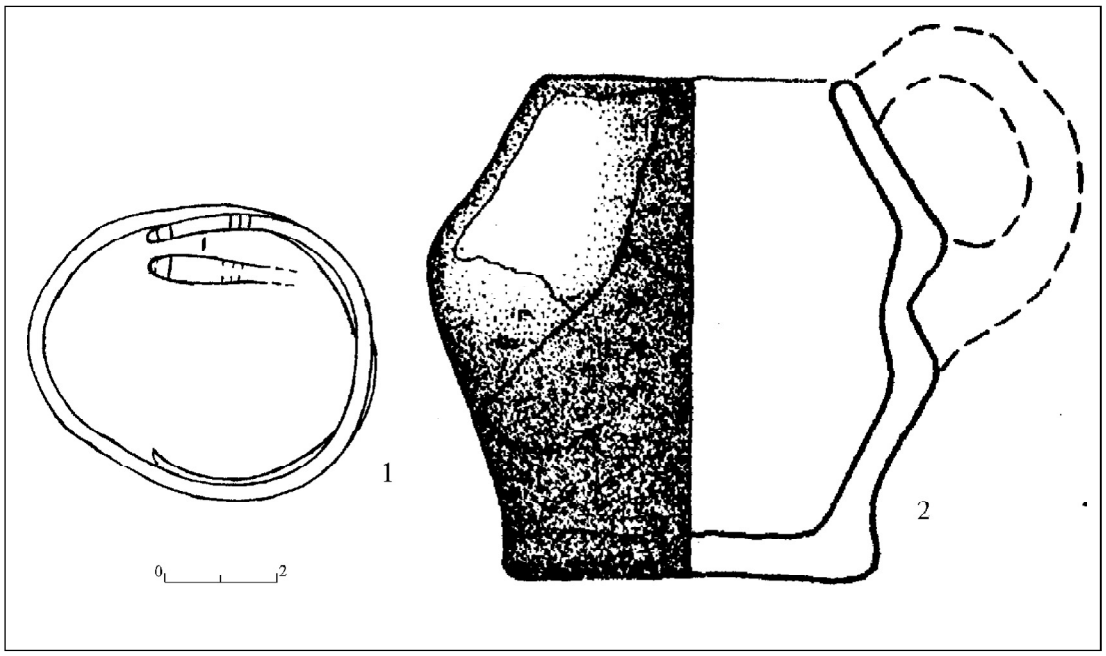

Рис. 1. 1 — бронзовый браслет с посада городища Столничень; 2 — сосуд, в котором был спрятан клад.

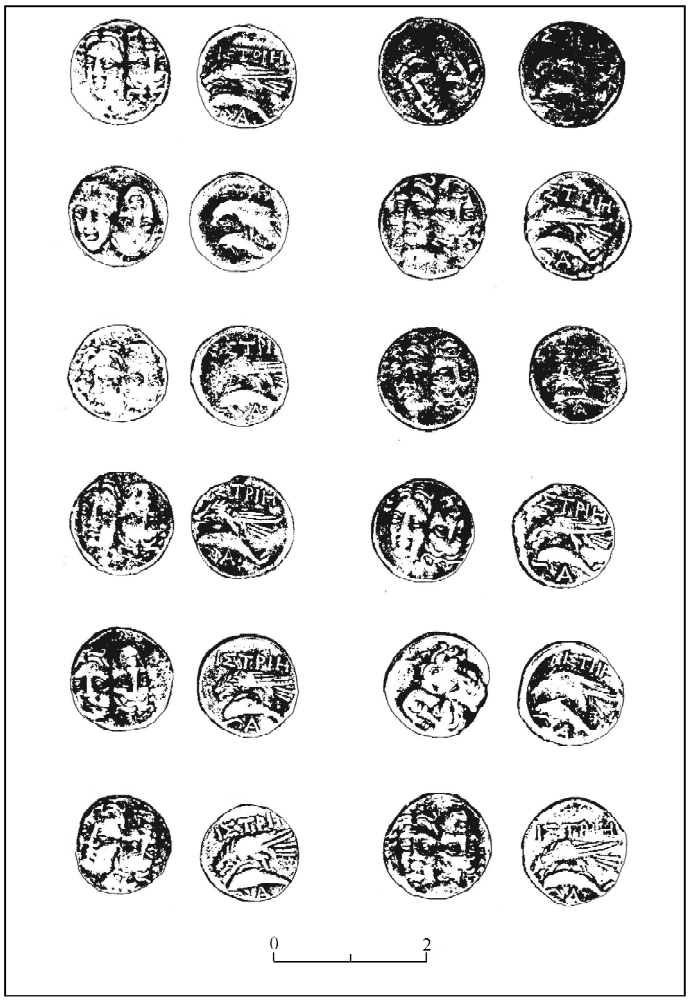

Рис. 2. Монеты Истрии из Столниченского клада.

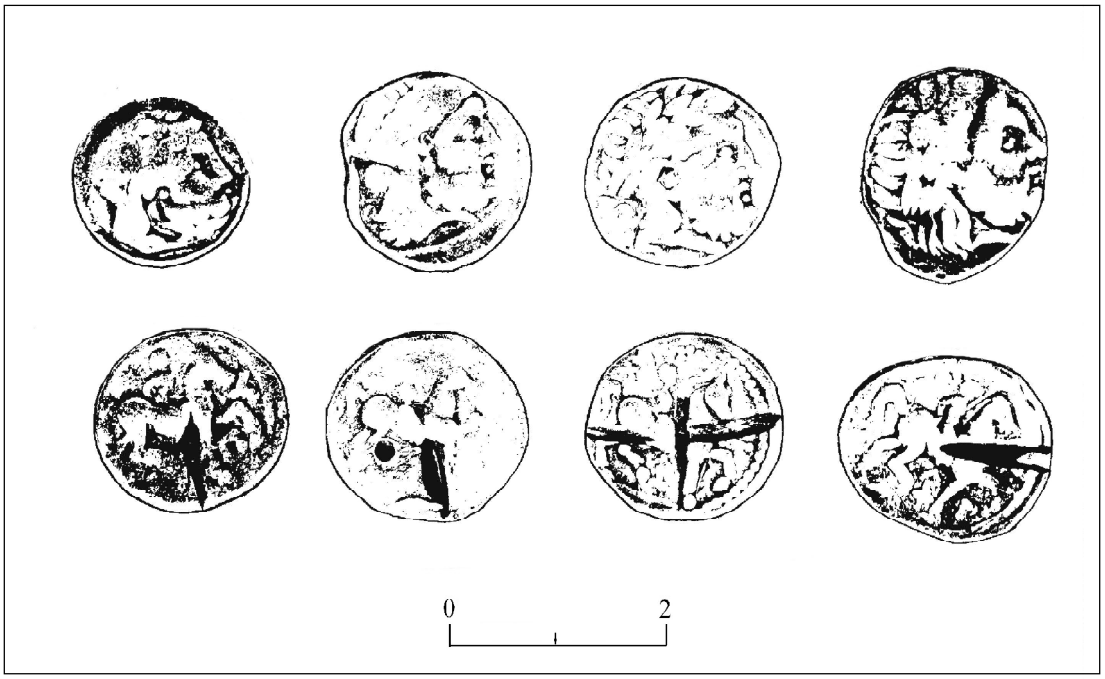

Рис. 3. Тетрадрахмы типа Хушь-Вовриешть из Столниченского клада

тонкий слой сырой глины, нанесеный при его закупоривании. Высота кружки 8,5 см, диаметр по венчику 6,2 см, максимальный диаметр 9 см и дно — 6 см (рис. 1.2). По типологии фракогетской керамики, разработанной Е. Москалу, сосуд относится к неорнаментированым кружкам типа XIV, вариант XIV/d, известным по находкам из Енисалы и Фэкэу, в археологических комплексах IV в. до н.э. (Moscalu 1983: 79: pl. LIX/16).

Монеты Истрии представлены одним типом и номиналом: 12 серебряных драхм (рис. 2). На аверсе изображены Диоскуры, правый перевернут (исключение N 35678). На реверсе — традиционно изображен орел, терзающий дельфина; влево, над орлом расположена горизонтальная легенда — **«IΣTPIH»,** под дельфином — эмиссионный дифферент «А». Вес монет варьирует от 4,74 г до 8,07 г, диаметр — от 15,5 мм до 18,8 мм. Следует уточнить, что вес основной части монет колеблется между 4,74 г и 6,62 г и только одна имеет 8,07 г (№ 35683) — номинал близкий к дидрахме. Однако эта особенность является ее единственным отличием от остальных. По стилю, легенде, эмиссионному дифференту и диаметру она ничем не выделяется из числа других экземпляров.

Монеты Истрии, с точки зрения классификации и датировки, являются еще очень дискуссионными (Preda, Nubar 1973: 19-31; Preda 1975: 72-85; Mihrilescu Borliba 1990: 47-50). Относительно монет с дифферентом «А» высказывается мнение, что они являются самыми поздними эмиссиями, однако уточняется, что стиль у них упрощенный и слегка небрежный (Preda 1998: 50). С другой стороны, по стилю монеты из Столниченского клада можно с уверенностью отнести к VI-ой группе по В. Канараке (Canarache 1968: 165: pl. 23-26), типология которого остается спорной, хотя никто еще ее не опроверг. По его мнению, эта группа монет выпускалась в начале IV в. до н.э. (Canarache 1968: 165). Если помимо стиля, слегка отличающегося от классического, учесть и вес монет, в том числе наличие весовой единицы, соответствующей дидрахме (8,07 г), то В. Канараке недалек от истины. Даже по Б. Пикку монеты с весовым номиналом дидрахмы выпускались до середины IV в. до н.э. (Pick 1898: 147-148), а во времена Лисимаха—после 313 г. до н.э. Истрия полностью прекратила выпуск серебряных монет (Pick 1898: 147-148). Таким образом, серебряные драхмы с дифферентом «А» были выпущены не позднее середины IV в. до н.э., а их наличие в Дороцком кладе (Нудельман 1969: 123: таб. 1), тезаврация которого отнесена к 30-м гг. IV в. до н.э. (Нудельман 1985: 14), указывает на постэмиссионный период обращения монет. На взгляд А. Нудельмана, дату тезаврации Дороцкого клада можно условно принять за верхний порог хронологического диапазона проникновения истрийских и тирасских серебряных монет в междуречье Прута и Днестра (Нудельман 1985: 14). Как долго находились в обращении истрийские серебряные драхмы можно судить по тому, что из 44 кладов с оригиналами монет Филиппа II, обнаруженных на территории Болгарии, в 6-и присутствуют и истрийские драхмы (Preda 1973: 31-32). В этом же контексте следует упомянуть клад истрийских монет Скэришоара (уезд Илфов), в составе которого и 2 тетрадрахмы типа Филипп II — по-

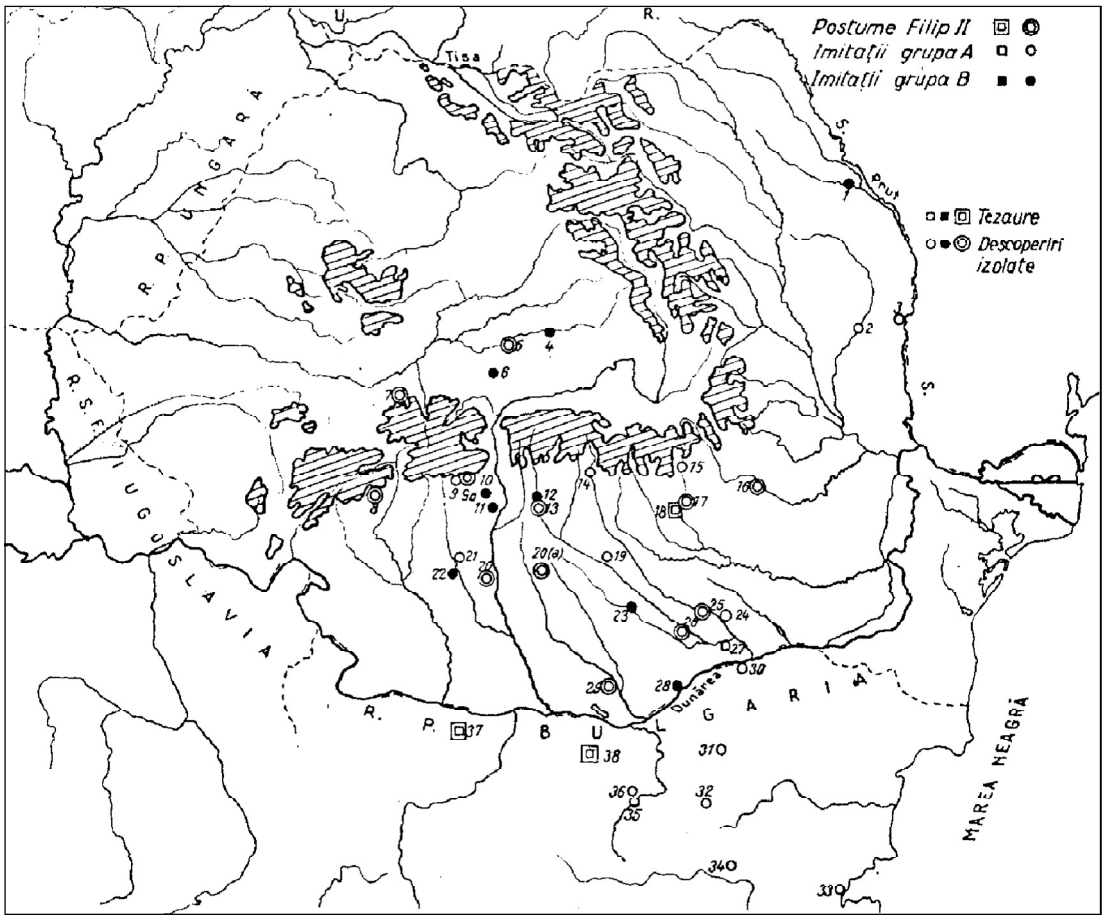

Рис. 4. Ареал находок имитаций первых серий находок типа Филипп II (по К.Преда 1973)

смертные эмиссии или имитации первых серий, датированных серединой — второй половиной IV в. до н.э. (Preda 1966), а также небольшой клад из Роксолан с двумя истрийскими драхмами, тетрадрахмой Филиппа II и драхмой Амисоса, который был зарыт ближе к концу IV в. до н.э. (Загинайло 1966: 105-111).

Пожалуй, это самые поздние находки истрийских драхм, совместно с одновременными монетами. Во всяком случае, к северу от Дуная они отсутствуют среди кладов с оригиналами и имитациями Александра III — Филиппа III. Такое положение вещей позволяет утверждать, что нахождение в обращение истрийской серебряной монеты вряд ли выходит за пределы конца IV в. до н.э.

Монеты типа Хушь-Вовриешть — 4 серебряные тетрадрахмы (рис. 3). На аверсе трех из них помещено довольно реалистичное изображение профиля бородатого Зевса с лавровым венком, вправо; на четвертой (№ 35673) — тот же профиль, но стилизованный. На реверсе — стилизованный олимпийский всадник с пальмовой веткой в руке, вправо. Сверху легенда +ЛІГV/V (№ 35676), +ЛІПV/OV (№ 35675) или остаток легенды V (№ 35673). Под конем — на всех монетах — факел, а между передними ногами — амфорка (№ 35676), лук (№ 35675), буква П (№ 35673). На реверсе трех монет — по одному глубокому надрубу, на четвертой — три. Вес монет 13,97-14,36 г, диаметр подовальной формы варьирует между 23,5 и 27 мм.

По единодушному мнению исследователей монеты типа Хушь-Вовриешть «...ставят серию очень спорных вопросов, с важными историческими взаимосвязями» (Preda 1973: 111-131; Mihăilescu-Bîrliba 1990: 65-74; Сергеев 1990: 73-82). Основной принцип выделения этого типа — специфические глубокие надрубы на реверсе (от одного до пяти), а также наличие на большей части находок, в особенности из состава кладов Хушь и Вовриешть, неполной легенды или ее остатков и различных символов (Preda 1973: 111-112: pl. XXI-XXVII). Не подлежит сомнению, что их общим прототипом была серебряная тетрадрахма Филиппа II Македонского (359-336 гг. до н.э.), чеканенная по фрако-македонской стопе весом около 14,6 г. Что касается датировки монет типа Хушь-Вовриешть, основная часть современных исследователей принимает точку зрения К.Преда, согласно которой данный тип монет относится к первой основной фазе развития «варварских» имитаций которые, предположительно, были выпущены и находились в

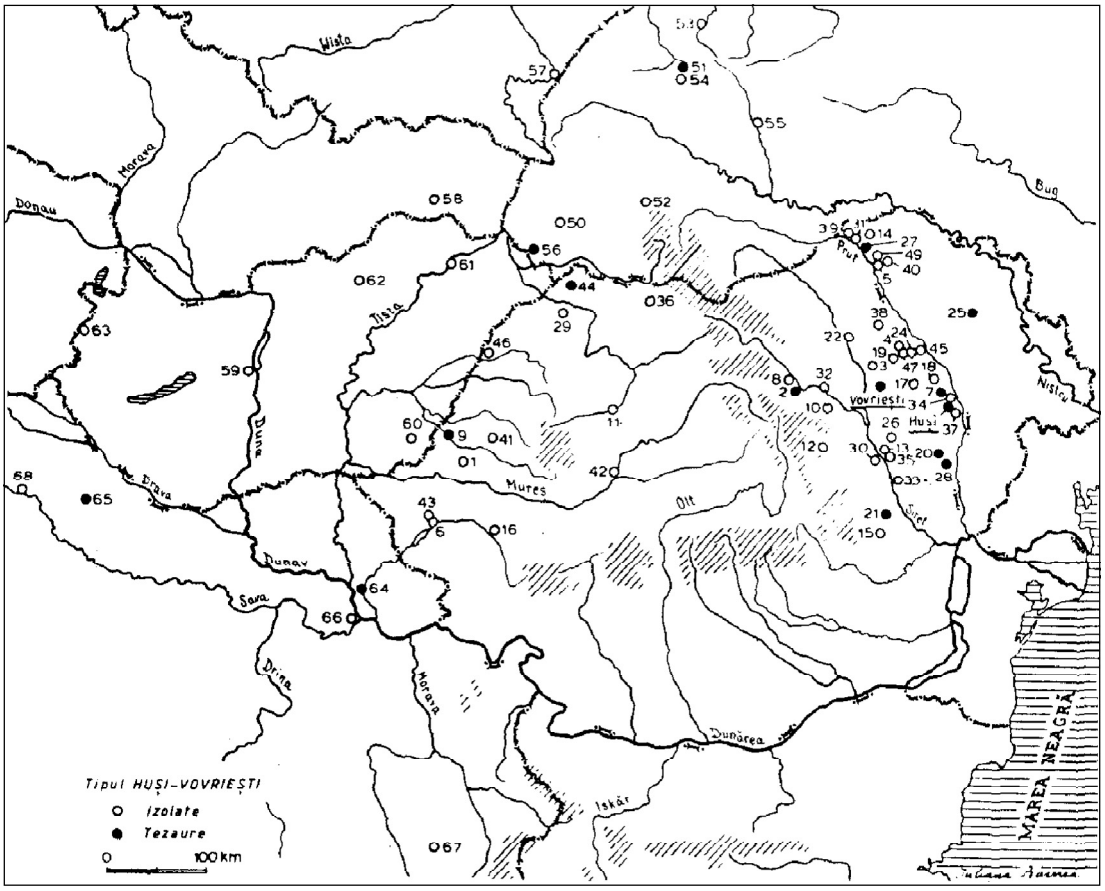

Рис. 5. Ареал находок типа Хушь-Вовриешть (по К.Преда 1998)

обращении между концом III и серединой II в. до н.э. Настаивая на этой интуитивной или предположительной датировке, автор исходил из факта, что между «...историческими данными и монетными находками... должна существовать несомненная взаимосвязь...» (Preda 1973: 126). Чтобы оправдать взаимосвязь, он приводит в качестве аргумента тот факт, что ареал находок типа Поянешть-Лукашовка «...почти полностью соответствует границам ареала, в котором мы констатировали присутствие монет типа Хушь-Вовриешть» (Preda 1973: 127). По К. Преда, монетные эмиссии типа Хушь-Вовриешть принадлежат кельто-бастарнским племенам, осевшим на центрально-молдавской возвышенности...» (Preda 1973: 130).

Взяв за основу те же соображения и новейшие данные относительно начальной даты культуры Поянешть-Лукашовка в восточно—карпатском регионе, В.Михэйлеску-Бырлиба ограничивает время появления и обращения этого типа монет между 150 г и концом I в. до н.э. (Mihăilescu-Bîrliba 1990: 74).

Таким образом, если исходить из единодушного мнения исследователей, то с монетами типа Хушь-Вовриешть все ясно, а их датировка зависит от времени появления и присутствия бастарнов к востоку от Карпат. Если все выглядит именно так, то Столниченская находка не поддается никакому логическому объяснению — в лепном сосуде IV в. до н.э. спрятаны истрийские драхмы середины — второй половины IV в. до н.э. и «варварские» имитации серебряных тетрадрахм Филиппа II, которые отчеканены не ранее конца III в. до н.э. или даже 150 г. до н.э. Хронологический разрыв между обеими типами монет составляет минимум (!!!) одно столетие.

Чтобы как-то объяснить ситуацию целесообразно допустить, что истрийские серебряные выпуски находились в обращении хотя бы до конца III в. до н.э., когда они могли стыковаться с монетами типа Хушь-Вовриешть. Однако, как уже упоминалось, самые поздние достоверные находки такого рода, относятся к комплексам с имитациями тетрадрахм Филиппа II первых серий (вторая половина — конец IV в. до н.э.) В Столниченском кладе истрийские монеты найдены также вместе с имитациями тетрадрахм Филиппа II, но последние почему-то датируются намного позже.

В таком случае, есть смысл в попытке пересмотреть датировку этих «варварских» монет.

Вернемся к анализу тетрадрахм из Столничень и ко всем находкам подобного типа. Уже было сказано, что одна из определяющих особенностей монет типа Хушь-Вовриешть — наличие глубоких надрубов на реверсах монет,

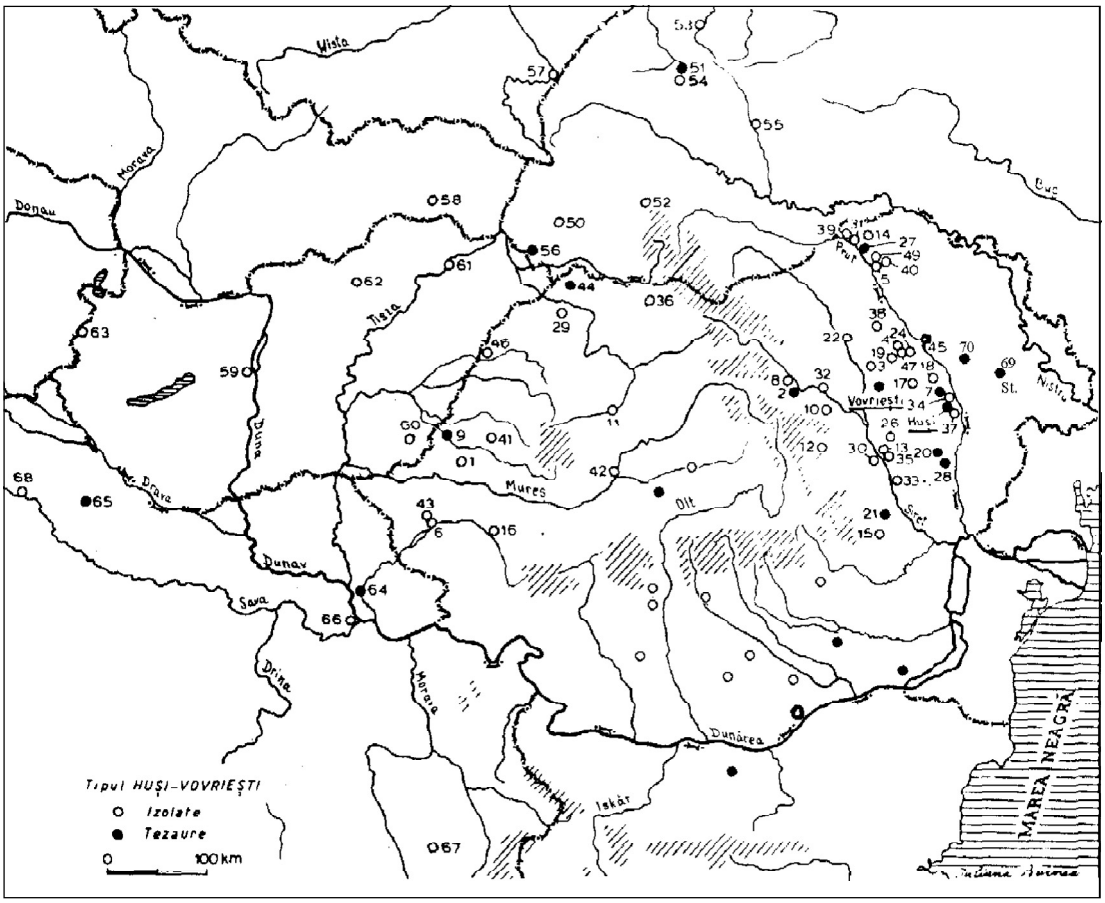

Рис. 6. Распространение имитаций тетрадрахм Филиппа II без надрубов и с надрубами (по К.Преда 1973 и К.Преда 1998, с уточнениями и добавлениями автора).

присутствие которых исследователями объясняется по-разному (Preda 1973: 112-115). Попробуем абстрагироваться от них и остановимся на других деталях.

Монеты из Столничень несут на аверсах профиль бородатого Зевса. На трех монетах (№№ 35674/76) изображение довольно четкое и, судя по каталогу К.Преда, оно почти идентично профилю некоторых оригиналов и имитаций первых серий из коллекции Института археологии — Бухарест (Preda 1973: pl. I/5-8,10). На четвертой профиль сильно стилизован.

Реверсы отличает более или менее четкое стилизованное изображение олимпийского всадника, ошибочно написанная легенда (№ 35675-76) или ее остатки (№ 35673) — сверху. Под конем — факел, между его передними ногами — различные символы.

Цитируя К. Преда, который пытается провести грань между посмертными эмиссиями Филиппа II и иммитациями первых серий, видим, что группа монет «...с неполной легендой должна быть включена в серию первых имитаций...» (Preda 1973: 28). С другой стороны, он акцентирует внимание на деталь, отмеченную К.Пинком еще в 1939 г. (Pink 1939: 33-35): «Почти все имитации первых серий представлены на реверсе олимпийским всадником, и имеют факел в качестве преобладающего символа» (Preda 1973: 42).

Напрашивается вывод, что, если бы не надрубы, то находки из нашего клада можно определить как посмертные эмиссии Филиппа II или их иммитации первых серий. Ставить знак равенства между обеими категориями находок пока невозможно, так как их ареалы практически взаимоисключаются. Посмертные эмиссии и их имитации сосредоточены в районе Нижнего Дуная, не проникая на юг вглубь Балкан и на север вглубь Карпат. В то же время находки типа Хушь-Вовриешть в основном сконцентрированы к востоку от Карпат, заходя в Пруто-Днестровское междуречье с дальнейшим все более дисперсным распространением на север, а также на запад (рис. 4—5).

Только совместив на одной карте находки обеих типов монет (рис. 6), мы получаем цельную картину проникновения и хождения имитаций выпусков Филиппа II в варварской среде примерно в тех же границах, в которых отмечены находки оригинальных эмиссий того же Филиппа II (рис. 7). Отсюда следует закономерный вывод, что монеты типа Хушь-Вовриешть являются не чем иным, как имитациями тетрадрахм Филиппа II первых серий. Другими словами, их

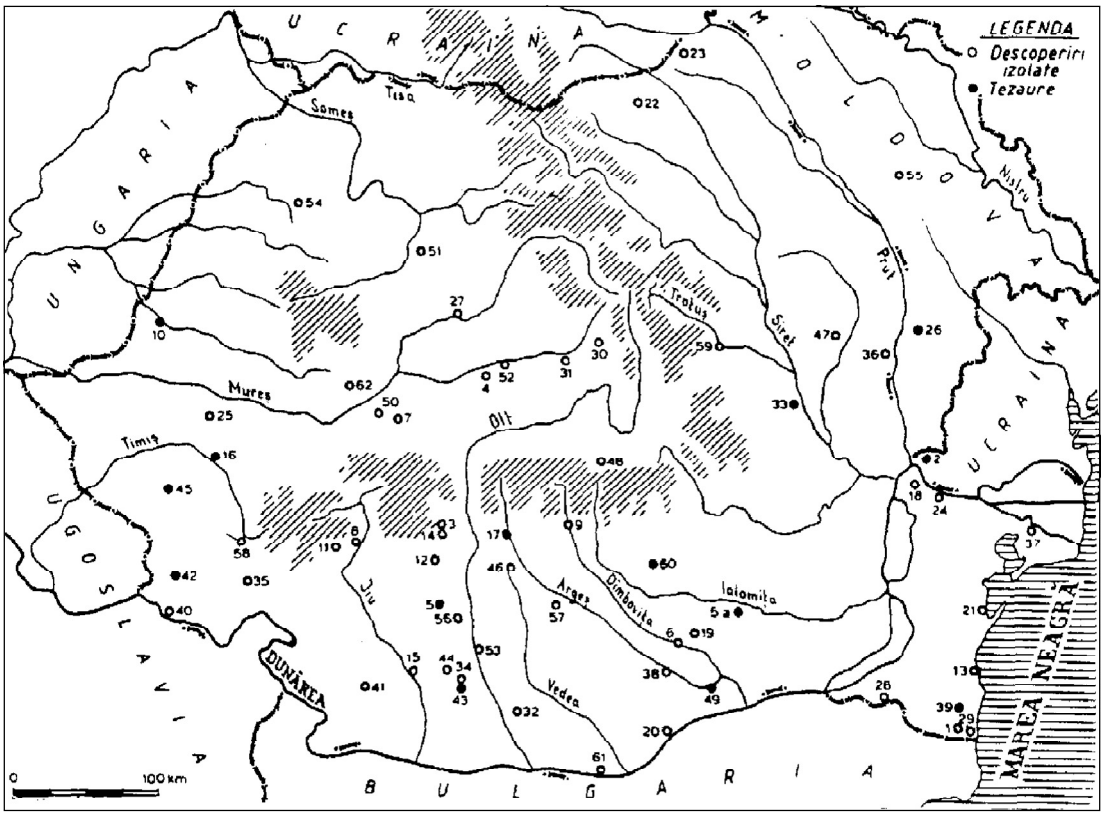

Рис. 7. Распространение находок монет Филиппа II (по К. Преда 1998)

появление нужно отнести ко второй половине IV в. до н.э. Только принимая эту позицию, можно объяснить состав находки из Столничень и устранить хронологический разрыв между периодом обращения истрийских драхм и монет типа Хушь-Вовриешть. Если это так, то Столниченскую тезаврацию нужно признать аналогичной кладам Скэришоара и Роксоланы, о которых мы уже упоминали.

Для пополнения карты находок имитаций тетрадрахмам Филиппа II первых серий (или Хушь-Вовриешть) отметим четыре монеты из частной коллекции, являющиеся частью клада, обнаруженного в окрестностях города Ниспорень. С этими подражаниями мне вместе с Н.П. Тельновым удалось познакомится весной 1999 г. Имитации хорошего качества, несомненно, первых серий, три с надрубами и одна без надруба.

Следует отметить, что датировка монет типа Хушь-Вовриешть второй половиной IV в. до н.э. была предложена еще К.Мойсилом в 1920 г. (Moisil 1920: 68-69). Такую же датировку приводит и П.Сова-Гмитров при публикации клада варварских монет из Великой Гораздовки (Sova-Gmitrov 1961: 138). Однако эта хронологическая интерпретация была объявлена «недоказанной», поскольку в составе клада присутствовали и три монеты типа Александр III, и несостоятельной (Preda 1973: 126)

Еще два момента требуют некоторых объяснений. Во-первых, кто чеканил первые имитаций тетрадрахм Филиппа II? Во-вторых, почему надрублены монеты типа Хушь-Вовриешть?

Описывая ареал находок качественных имитаций Филиппа II (рис. 4), К. Преда «...предлагает нам усмотреть в северо-балканской и дунайской зоне один из основных центров... первоначального процесса «варварской» чеканки монет типа Филипп II» (Preda 1973: 43). Так как здесь преобладали фрако-геты и иллирийцы, естественно, для К. Преда, эти монеты чеканились фрако-гетами, которые господствовали в балкано-дунайском регионе как экономически, так и политически (Preda 1973: 45). Не ставя под сомнению констатацию, сделанную на основание монетных находок, следует учесть что геты, в качестве силы, достойной внимания в данном регионе, впервые упоминаются Геродотом. Во времена похода против скифов, «не доходя до Истра, Дарий сперва покорил гетов...» (Геродот, IV, 93). Только спустя сто лет геты вновь удостоились чести быть упомянутыми в письменных источниках. Весной 335 г. до н.э. они выставили против Александра, нового царя Македонии, около четырех тысяч всадников и более десяти тысяч пехотинцев. Однако их город был захвачен и геты были вынуждены уйти в пустынные степи (Арриан, I, 4, 1-5).

Происходили эти события, как вполне аргументированно утверждает М.Е.Ткачук, на левобережье Нижнего Дуная, у городищ Орлов-

ка или Новосельское (Ткачук 1999: 289). Естественно, в ограниченном К.Преда регионе геты не могли господствовать, а «фракийское и иллирийское население» —понятие слишком общее.

Выход из создавшейся ситуации опять-таки был подсказан М. Е.Ткачуком. Дело в том, что в том же походе 335 г. до н.э., на расстоянии трех дней пути от Истра, Александр выиграл битву с трибаллами у Лигины и царь трибаллов Сирм укрылся на дунайском острове Певка (Ткачук 1999: 288). Четырьмя годами раньше отец Александра Македонского Филипп, нанеся поражение грозным скифам Атея, сам пострадал в столкновении с трибаллами (Юстин, IX, 3, 1-3). По М. Е.Ткачуку, именно, трибаллы в тени в течение ста лет держали былую славу гетов (Ткачук 1996). Анализируя письменные и археологические данные к моменту упомянутых уже событий, он определил сферу их господства на Дунае — от Железных Ворот и до острова Певка (Tkačiuk 1996: 216-218). Она в основном показывает ареал находок первых и качественных имитаций тетрадрахмам Филиппа II без надрубов. Приведенные факты не оставляют у нас сомнений, что чеканили эти монеты именно трибаллы. Причем они, видимо, начали их выпускать еще при жизни Филиппа или сразу после его кончины.

Что касается монет типа Хушь-Вовриешть или имитаций первых серий с надрубом, то наличие надруба можно объяснить, если учесть что область господства трибаллов включала и территории за Истром, заселенные гетами (Страбон, VII, 3, 8). Получая монеты от трибаллов, геты надрубали их для проверки качества или для приема к обращению в своей среде.

В качестве «национальной» гетской монеты тетрадрахмы с надрубом находились в обращении довольно долго, возможно, до середины III в. до н.э. или чуть позже, о чем можно судить по сильной изношенности многих из них. Для поддержания в обращении таких монет их время от времени надчеканивали различными штемпелями, как в случае с монетами из кладов Кишинэу-Криш и Вовриешть (Preda 1973: pl. XXIV-XXVII). Вместе с тем вряд ли можно допустить, что они пережили время появления бастарнов в землях к востоку от Карпат. Даже если культура Поянешть-Лукашовка географически перекрывает основной ареал имитаций с надрубами, такие монеты полностью отсутствуют в поянешть-лукашовских комплексах. Археологический контекст обнаружения «варварских» эмиссий названного вида достоверно связан с памятниками гетов.

ЛИТЕРАТУРА

Загинайло А.Г. 1966. Монетные находки на Роксоланском городище (1957-1963) // МАСП Вып, 5. Киев.

Нудельман А.А. 1969. Монеты Истрии и Тиры из с.Дороцкое (предварительное сообщение) // Труды ГИКМ, вып. II. Кишинев.

Нудельман А.А. 1985. Очерки истории монетного обращения в днестровско-прутском регионе (с древнейших времен до образования Молдавского государства). Кишинев.

Сергеев А.Я. 1990. О варварских подражаниях тетрадрахмам Филиппа II типа Хуши-Вовриешти // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев.

Смирнов Г.Д. 1949. Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. // Ученые записки ИИЯЛ, т. II. Кишинев.

Ткачук М. 1996. Тень трибалов (из антологии хронологических разрывов // Seminarul cu statut permanent. Probleme actuale ale istoriei, economiei si culturii moldovenilor de la Est de Prut, caietul 1. Chişinău.

Ткачук М.Е. 1999. Гетика, которую мы потеряли (Из антологии хронологических разрывов) // Stratum plus, 3. Санкт-Петербург - Кишинев - Одесса.

Canarache V. 1968. Sistemul ponderal si tipologia drahmelor istriene de argint // Pontice, I.

Dimitriu C. 1933. Câteva obiecte preistorice găsite in Basarabia // Arhivele Basarabiei, IV, ą 4. Chişinău.

Levinschi A. 1997. Un tezaur monetar de la Stolniceni (consideraţii preliminare)// Tyrageţia, IV-V. Chişinău.

Mihăilescu Bîrliba V. 1990. Dacia răsăriteană în secolele VI-I î.e.n. Economie si monedă. Iaşi.

Moisil C. 1920. Monedele dacilor // BSNR, 15. Bucureşti.

Moscalu E. 1983. Ceramica traco-getică. Bucureşti.

Pick B. 1898. Die antiken Münzen Nord-Grechenland. Dacien und Moesien. I, 1. Berlin.

Pink k. 1939. Die Münzprägung der Ostkelten und ihrer Nachbarn. Dissertationes Pannonicae, II, 15. Budapesta.

Preda C. 1966. Aspects de la circulation des drachmes d'Histria dans la Plaine Getique et la datation des premieres imitations de tipe Philippe II (Trésor de Scarisoara) // Dacia, X.

Preda C. 1973. Monedele geto-dacilor. Bucureşti.

Preda C. 1975. Über die Silbermunzen der Stadt Istros // Dacia, XIX.

Preda C. 1998. Istoria monedei in Dacia preromană. Bucureşti.

Preda C., Nubar H. 1973. Histria III. Descoperirile monetare 1914-1970. Bucureşti.

Sova-Gmitrov P. 1961. Poklad barbarskych minci z Vel'kej Gorazdovky // Studijné zvesti AVSAV, 4. Nitra.

Tkaciuk M. 1996. Du facies culturel de la dynastie royale des Triballes au Bas-Danube aux Ve-Ive siécles av. J.-C. // The Thracian World at the crossroads of Civilizations. The 7 th International Congress of Thracology. Bucharest.

Н.А.Алексеенко, Е.Я.Туровский

МОНЕТНОЕ МОНИСТО ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ХЕРСОНЕСА

N.A. Alexeenko, E.Y. Turovskii. A Coin Necklace from the Suburbs of Hersones.

The article studies a coin necklace from a burial devastated by the robbers in 1997. According to the authors, five out of the six preserved copper coins are of Hersones coinage of IV-III centuries B.C., and one of the Bosphorus king Sauromates I (93-124 A.D.). Although a few centuries separate these issues, the wear shown by the later element demonstrates that the necklace was produced as early as the second half of II century B.C.

В 1997 г. при грабительских раскопках одного из древних могильников в окрестностях Херсонеса среди погребального инвентаря была обнаружена необычная нумизматическая находка, представлявшая собой бронзовый обруч с подвешенными на нем несколькими монетами античного времени (Алексеенко, 1998: 30). К сожалению, точный контекст находки не известен. Монеты сразу же попали на черный рынок и поменяли нескольких владельцев-коллекционеров. Это обстоятельство в значительной степени осложнило работу над этим интересным памятником.

Из разграбленного погребения удалось познакомиться лишь с шестью медными монетами-подвесками, сохранившимися от украшения, со слов очевидцев имевшего вид ожерелья — мониста. Фрагмент обруча, как не представляющий антикварной и нумизматической ценности, вскоре после находки был выброшен. В ходе дальнейшего исследования находки, к сожалению, уже не было возможности выяснить обстоятельства обнаружения ожерелья и уточнить количество найденных монет. Вместе с тем, дошедшие до нас памятники несомненно представляют огромный интерес не только для истории развития денежного обращения Херсонеса и его округи, но и для характеристики украшений местного населения Юго-Западной Таврики в первых веках н. э.

Скорее всего, с учетом наиболее вероятного размера мониста, ожерелье состояло из семи монет-подвесок: в центре крупная, по сторонам по три более мелких. Вполне возможно, что во время раскопок погребения одна из монет была пропущена грабителями и не попала к коллекционерам.

Как уже отмечалось, для изучения поступило шесть сохранившихся монет. По выпускам они распределяются следующим образом:

Первая серия — 3 экземпляра: Херсонес — Дихалк. Медь.

1. Аверс. Голова Афины в коринфском шлеме вправо. Надчеканка «звезда».

Реверс. Грифон, бегущий вправо, вверху — начальные буквы имени города: ΧΕΡ, внизу — имя магистрата: [ΑΡ]Ο[ΛΟΔΩ]ΡΟ[Υ] (рис. 1.1).

2. Аверс. Голова Афины в коринфском шлеме вправо. Надчеканка — «птица»?.

Реверс. Грифон, бегущий вправо, вверху — начальные буквы имени города: ΧΕΡ, внизу — имя магистрата: [Η]ΡΑΚΛΕΙΟ[Υ] (рис. 1.2).

3. Аверс. Голова Афины в коринфском шлеме вправо. Надчеканка — ?.

Реверс. Грифон, бегущий вправо, вверху — начальные буквы имени города: ΧΕΡ, внизу — имя магистрата, которое не попало в поле монеты (рис. 1.3).

Аналогии: Зограф 1951: табл. XXXVI, 3; Анохин 1977: табл. XI, 159—160; Туровский 1997: 161—161.

Монеты первой серии хорошо известны в нумизматике античного Херсонеса. Они представлены уже в каталоге П.О. Бурачкова (Бурачков 1884: табл. XV, 64-65). А.Н. Зограф относил эти монеты к III в. до н. э. (Зограф 1951: 150). В.А. Анохин датирует данную серию в пределах 70-х гг. II в. до н. э., не приводя, впрочем, какой-либо аргументации в пользу такой датировки (Анохин 1977: 31). На наш взгляд, в силу ряда обстоятельств, прежде всего в связи с параллелями в боспорской нумизматике, монеты с изображением Афины и Грифона следует датировать последней четвертью III в. до н. э. (Туровский 1997: 29).

На рассматриваемых экземплярах представлены оба известных для этого номинала имени магистрата: Аполлодор и Гераклей. Обычной является и надчеканка «звезда», присутствующая на значительной части монет этой серии. Вместе с тем, надчеканка второго типа — «птица» ранее на них не встречалась.

Вторая серия — 2 экземпляра: Херсонес. Дихалк? Медь.

© Н.А.Алексеенко, Е.Я.Туровский, 1999.

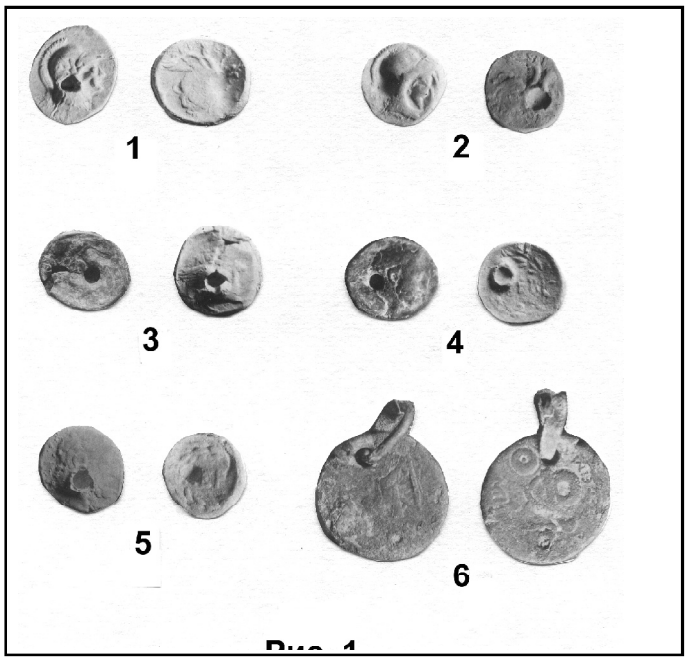

Рис. 1. Монеты из мониста, найденного под Херсоном

4. Аверс. Голова бородатого Геракла в лавровом венке вправо.

Реверс. Венок, внутри которого начальные буквы имени города: ХЕР (рис. 1.4).

5. Аверс. Голова бородатого Геракла в лавровом венке вправо.

Реверс. Венок, внутри которого начальные буквы имени города: ХЕР (рис. 1.5).

Повышенный интерес представляет именно эта серия. Примечательно то, что данный тип монет не имеет прямых аналогий среди херсонесских монет. В каталоге А.В. Анохина и других отечественных сводках монет античного Херсонеса подобных монет нет. Между тем, данный тип все же удалось обнаружить в одном из недавних британских изданий, где он датирован II—I вв. до н .э. (SNG 1993: IX; 830).

В этой связи встает вопрос об атрибуции и датировке этих монет. Иконографический тип обоих экземпляров, несмотря на отдельные отличия, позволяет предполагать в персонаже, представленном на аверсе монет, одного из наиболее почитаемых в Херсонесе древнегреческих богов и героев — Геракла. Изображение его головы на наших монетах напоминает изображение Геракла в памятниках херсонесской античной скульптуры и коропластики (Иванова 1976: № 57; Белов 1976: 203—208), повторяющих образ героя, известный по популярным творениям школ Скопаса и Лисиппа (Waldhauer 1928: taf. VIII, s. 27; taf. X. s. 30). Однако, в иконографии монет Херсонеса нетрадиционны типы с изображением бородатого героя. Абсолютное большинство монет второй половины IV — первой половины III в. до н. э. изображают безбородого Геракла в львиной шкуре. Этот тип, вне всякого сомнения, был заимствован с монет Александра Македонского (Sear 1979: 6712—6725). На херсонесских же монетах второй половины III до н. э. хотя и присутствует изображение Геракла в лавровом венке, но мифологический персонаж всегда представлен без бороды.

Совершенно не характерен для этого времени и тип оборотной стороны. Он не находит аналогий ни на одной из херсонесских серий эллинистической эпохи. Подобное изображение венка с именем города встречается только на монетах более позднего времени, выпуск которых В.А. Анохин относит к первой четверти I в. н. э. (Анохин, 1977, 63, табл. XIV, 214). Однако, наши экземпляры резко отличаются от этих серий по стилистике изображений. Прежде всего это касается портрета Геракла, выполненного с большим мастерством в высокохудожественном и реалистичном стиле, в отличие от несоразмерного и весьма примитивного изображения героя на монетах I в. н. э. Существенно различаются и изображения реверса. На наших экземплярах венок выполнен из отдельных листьев, в то время как на монетах римского времени листья расположены по обе стороны круглого обруча.

Кроме того, данная серия имеет еще одно существенное своеобразие, что отличает ее от основной массы эллинистических монет Херсонеса. В составе легенды на ней отсутствует обязательное для этого времени имя магистрата. В этой связи возникает вопрос: не могли ли монеты этой серии чеканиться в более ранний период, до введения практики маркировки городских монет именем ответственного за их выпуск чиновника? В пользу такого предположения, очевидно, свидетельствует тот факт, что на одном из выпусков херсонесской меди около второй четверти IV в. до н. э. (Анохин 1977: табл. I, 14) венок выполнен по тому же принципу, что и на наших монетах — блоками по три

листа. Вес этих монет почти вдвое уступает нашим экземплярам, что позволяет предполагать в них старший и младший номиналы. Отметим в качестве косвенного аргумента в пользу ранней датировки выпуска, что в первой половине IV в. до н. э. изображение бородатого Геракла широко применялось в нумизматике Гераклеи Понтийской — метрополии Херсонеса (SNG 1993: IX; 1573—1587, 1594). Мы далеки от мысли настаивать на окончательности данной гипотезы, полагая, что новые данные об этом редком типе херсонесской меди позволят судить о ее хронологии более основательно.

Последняя монета: Боспорское царство. Савромат I (93—124 гг. н. э.). Сестерций. Медь

6. Аверс. [TIBERIOC IOYΛIOC BACIΛEYC CAYPOMATHC]. Царь, восседающий на курульном кресле, вправо, держащий в руке скипетр с бюстом императора.

Реверс. TEIMA [I BACIΛEΩC CAYPOMATOY]. Курульное кресло с венком, слева круглый щит, справа скипетр с бюстом императора, внизу MH (рис. 1.6).

Аналогии: Анохин 1986: Табл. 17, 428; Фролова 1997: Табл. XLIII, 11—12.

Младшая монета, рассматриваемого комплекса имеет более узкую датировку, чем все предыдущие. Она принадлежит второй серии медных монет боспорского царя Савромата I (IV группа) выпуска 98-103/104 гг. н. э. (Фролова 1997: 249). Эта датировка дает terminus post quem находки. Вместе с тем, сильная степень изношенности последнего экземпляра свидетельствует об его весьма длительном обращении, прежде чем он попал в монисто. Этим же обстоятельством определяется и возраст нашего украшения, которое могло быть изготовлено не ранее второй половины II в. н. э.

В связи с вышеизложенным возникает закономерный вопрос: как попали в одно монисто с боспорским сестерцием херсонесские монеты, выпущенные не менее чем за триста лет до него? В качестве ответа можно предложить множество различных версий. Остановимся лишь на трех, на наш взгляд, наиболее вероятных вариантах. С одной стороны, все монеты могли участвовать в обращении непосредственно до времени изготовления нашего украшения. С другой — появление здесь поздней боспорской монеты могло быть обусловлено ее добавлением в уже достаточно давно существовавшее ожерелье. В пользу первой версии можно было вы привести факты, характеризующие качественный состав денежного рынка Херсонеса и его округи, например, в ранневизантийский период, когда мы имеем многочисленные случаи монетных комплексов и кладов, содержащих херсонесские, боспорские, римские и византийские монеты, выпускавшиеся на протяжении предшествовавших пяти-шести столетий (Косцюшко-Валюжинич 1902: 34; Кропоткин 1962: № 217; Алексеенко 1988: 231—232; Алексеенко 1995: 25—26). Однако, эта версия представляется нам маловероятной, поскольку старшая серия монет с изображением Афины и Грифона больше напоминает кладовые монеты, изъятые из обращения вскоре после их эмиссии.

На наш взгляд, более реально рассматривать монисто как некую семейную реликвию, передававшуюся по наследству несколькими поколениями владельцев. Возможно, конечно, и то, что изготовитель мониста мог найти древний клад и так как монеты, находившиеся в нем уже успели выйти из обращения приспособил их в качестве подвесок для украшения. Этим может быть и обусловлена обратная степень сохранности ранних и младшей монеты мониста.

К сожалению, обстоятельства находки не позволяют сопоставить нумизматические данные с погребальным инвентарем захоронения. Сопутствующий монетам керамический комплекс, характер погребального сооружения и другие хронологические индикаторы остались для нас неизвестными. Все это значительно усложняет датировку и атрибуцию находки. Однако, принимая во внимание монетные находки из крымских могильников первых веков н. э., отметим, что в погребения чаще попадали монеты хронологически близкие времени захоронения. Несмотря на отсутствие в монисте монет второй половины II в. н.э., значительная изношенность боспорского сестерция позволяет предположить, что наше ожерелье следует датировать временем не позднее рубежа II-III вв. н.э.

Данный памятник представляет определенный интерес и как весьма своеобразное украшение. Как элемент древнего костюма монетное монисто не является характерным для местного населения первых веков н. э., скорее наоборот, оно как бы выпадает из общего круга ожерелий-бус, в составе которых лишь изредка встречаются только отдельные монеты. Здесь же мы, по всей видимости, имеем украшение, представленное исключительно монетами-подвесками. Сведений о присутствии на нем в момент обнаружения каких-либо других предметов нет. Вполне возможно, наличие именно такого украшения могло означать определенную значимость его владельца, его финансовое благополучие и благосостояние, или же владелец нашей находки таким образом хотел подчеркнуть свою индивидуальность. Все это, на наш взгляд, дает благодатную почву для размышлений искусствоведам и историкам костюма, изучающим вопросы развития индивидуальных особенностей одежды и присущих ей аксессуаров у населения древней Тавриды в эпоху, когда здесь появляются римские легионеры, принесшие с собой, вероятно, и какие-то новые веяния моды.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеенко Н.А., Ковалевская Л.Н. 1988. Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округи Херсонеса // Тезисы докладов крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». III. Симферополь.

Алексеенко Н.А. 1995. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Тезисы докладов Третьей всероссийской нумизматической конференции. М.

Алексеенко Н.А. 1998. Монетное монисто из округи Херсонеса // Тезисы докладов Шестой всероссийской нумизматической конференции. СПб.

Анохин В.А. 1977. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. - XII в.). Киев.

Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.

Белов Г.Д. 1976. Терракотовая голова Геракла из Херсонеса // СА. № 4. 1976.

Бурачков П.О. 1884. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней России. Ч. 1. Одесса.

Зограф А.Н. 1951. Античные монеты // МИА. № 16.

Иванова А.П., Чубова А.П., Колесникова Л.Г., Щеглов А.Н., Бабинов Ю.А. 1976. Античная скульптура Херсонеса. Киев.

Косцюшко-Валюжинич К.К. 1900. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 году //. ИАК № 2.

Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ- Е 4-4.

Туровский Е.Я. 1997. Монеты независимого Херсонеса. Симферополь.

Фролова Н.А. 1997. Монетное дело Боспора. Москва.

Sear D.R. 1979. Greek coins and their values. II. London.

SNG. 1993. Vol. IX. Part 1. London.

Waldhauer O. 1928. Die antiken Sklpturen der Ermitage. T. 1. Berlin-Leipzig.

ВИЗАНТИЯ ОТ СОЛИДОВ ДО НУММИЕВ

П.В.Шувалов

СЛУЧАЙНЫЕ ФЛУКТУАЦИИ ИЛИ ПРЕДНАМЕРЕННЫЙ ОТБОР?

(Три клада фоллисов последней четверти VI в.)[1]

P.V. Shuvalov. Incidental Fluctuations or Deliberate Selection? (Three Hoards of Follis Coins of the Last Quarter of VI Century).

The article tells that the selection criteria for assemblages of bronze coins of big value were determined, for some of the assemblages, by the societal concepts about worth of the coins produced in a certain, relatively short – three-ten years period. Though each of the periods had its own scale of relation of value of the coin to its weight, the scales were strictly related to each other. In other words, there was a certain general scheme of relations between the value of the coin and its weight, period and place of coinage. All the definitions of the coins, except of Thessalonican coinage before 562, are given in this article according to MIB I, II. A rapidly emerged structure of monetary circulation is related to the same.

В традиционной нумизматике, как правило, подразумевается, что структура монетного комплекса, кроме клада длительного накопления, более или менее должна отражать структуру обращения. При анализе структуры монетных комплексов обычно обращается определенное внимание и на индивидуальные особенности, т.е. на отличие структуры данного комплекса от реконструируемой структуры монетного обращения. Основным вопросом, на который должен при этом ответить исследователь, является вопрос побудительных мотивов и принципов сознательного отбора монет в этот комплекс. Это неразрывно связано с другим вопросом, а именно с вопросом местной специфики структуры монетного обращения в данный период времени. Отсюда и главная сложность, встающая перед исследователем при анализе любого монетного комплекса: какие особенности структуры анализируемого комплекса отражают местную специфику, а какие — вкусы и пристрастия хозяина? Если с региональными особенностями дело обстоит не так уж и безнадежно (нужно только сравнить местные клады друг с другом и с общей картиной), то с личными пристрастиями хозяина дело обстоит сложнее. Однако и личные пристрастия зачастую оказываются не столько индивидуальными, сколько типичными для определенного типа или слоя людей. И тогда за этими, казалось бы, индивидуальными чертами проступают контуры господствующих общественных представлений. Влияние части из этих представлений ограничено лишь узкими рамками, но некоторые могут лежать в основе даже всех закономерностей рынка данного времени.

Клад из окрестностей Фив Беотийских 1932 г. (Ἀθανασοπούλου-Πέννα 1981)

Этот комплекс, судя по публикации, является случайной находкой (возможно, кладом), поступившей в нумизматический музей в Афинах в январе 1933 г. от некоего Т. Зубулаки (Θ. Ζουμπουλάκη). На тот момент комплекс насчитывал 235 монет. На конец же 70-х гг. в музее значилось лишь 219 медных монет, принадлежащих к данному комплексу (1 монета Коринфа августовского времени[2], 8 монет Анастасия, 7 — Юстина I, 87 — Юстиниана I, 116 — Юстина II). Самая поздняя монета чеканена в 11-м году правления Юстина II (575/576 г.) и несет на себе следы средней потертости.

Данный комплекс по своей структуре[3] в це-

[1] Данная статья представляет собой часть большой работы, выполненной мною за время моей стажировки во Франкфурте на Майне (Frankfurt am Main, Seminar für griechische und römische Geschichte, Abteilung II) на средства Немецкой Службы Академических Обменов (Deutscher Akademischer Austauschdienst, стипендия A/94/12276). Текст был написан позже (уже после моего возвращения из Германии) в Славяно-сарматской экспедиции Гос. Эрмитажа в селе Рудь. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить за помощь при написании этого текста руководителей экспедиции М.Б.Щукина и О.В.Шарова.

[2] BMC 510 по определению Афанасопулу-Пенна (Ἀθανασοπούλου-Πέννα 1981: 200, scol. 3). Автор публикации почему-то считает, что эта монета явно не принадлежала к данному комплексу (ποὺ προφανῶς δὲν ἀνήκει στὸ εὕρημα — s.200). Основания для столь сурового приговора, однако, остаются для читателя не ясными.

[3] Все определения монет, кроме minimi и фессалоникийской чеканки до 562 г., даны в данной статье по MIB I — II (Hahn 1973).

© П.В.Шувалов, 1999.

лом типичен для Балкан времени Юстина II (565-578) и относится к числу монетных комплексов типа «Фасос»[4]. К этому же типу относятся известные монетные комплексы из Фасоса 1957 г., Белово 1977 г. №1, Белово 1978 г., Гоце-Делчева 1983 г., Долно-Сахране 1981 г., Ново-Махалы 1984 г., Силистры. Комплексы этого типа отражают в общих чертах структуру обращения крупных (М и К) бронзовых монет на Балканах времени Юстина II. В комплексах типа Фасос присутствуют в определенной пропорции фоллисы (М) и полуфоллисы (К) практически всего VI-го в. (начиная от 512 г.). Любопытно также, что в кладе из Фив, так же как и в других кладах типа Фасос, отстутствуют т.н. minimi и монеты вандалов и остготов.[5] Составление кладов типа Фасос датируется временем Юстина II (565-578), точнее, временем до начала реформ Тиберия II в 578 году, т.е. до того момента, когда был изменен фактический вес фоллиса с 16...11 или даже с 14...11 *г* до 18...15 *г*. Т.о., дата нашего клада из Фив лежит в пределах 575/.../579 гг.[6]

Если посмотреть на временное и весовое распределение монет из нашего комплекса и сравнить его весо-временную структуру с весо-временным распределением монет из крупных музейных каталогов[7], то отчетливо проясняются следующие особенности комплекса из Фив:

- Весовое распределение фоллисов до 538 г. и после 565 г. чеканки в комплексе из Фив более или менее соответствует тому, что мы имеем в каталогах, — т.е., видимо, составитель нашего комплекса не производил специального отбора этих монет по весу.
- Монеты, чеканенные в Антиохии (ANT — см. рис. 1) и Карфагене (CAR), явно подчиняются своим собственным закономерностям весового отбора в комплекс, поскольку в этом отношении они никак не коррелируют с монетами, чеканенными в других мастерских (CON, NIK, KYZ).
- Зато монеты, чеканенные в промежутке между 538 и 565 гг. в пропонтидских мастерских (Константинополь, Никея, Кизик), дают совершенно особую картину. Эти монеты распадаются на три четкие весо-временные группы: (для фоллисов) 24[8]...22 *г* (538-542 гг.), 22...19 *г* (542-552 гг.), 19...16 *г* (552-565 гг.). Бросается в глаза, что минимальный вес предыдущей весо-временной группы практически равняется максимальному весу последующей группы: переход от одного хронологического периода автоматически означает переход к другому весовому диапазону. По материалам же музейных каталогов отчетливо видно, что в каждом из этих периодов в пропонтидских мастерских чеканилось также и значительное количество фоллисов более легкого веса — например, фоллисов весом 20-22 *г* в 538-542 гг. Следовательно, составитель нашего комплекса отбирал из каждой хронологической группы монеты определенного большого веса, отбраковывая более легкие: грубо говоря, отбраковываться должна была каждая вторая — третья монета![9] При этом составитель комплекса должен был учитывать целый ряд параметров: номинал, город чеканки, год чеканки и период, в который попадает этот год, вес монеты. Например, константинопольский фоллис весом в 18 *г* составитель брал в комплекс в случае его чеканки до 538 г. или после 552 г., и не брал, если такой же фоллис был чеканен в период между 542 и 552 гг.; но такой же фоллис, чеканенный в Антиохии, видимо, попадал в комплекс в любом случае.
- Из полуфоллисов наш составитель явно предпочитал фессалоникийские (TES), отбраковывая из них те, которые весили менее 4,5 *г*. Некоторым доверием пользовались у него пореформенные юстиниановские (после 538 г.) полуфоллисы, чеканенные в Константинополе.

Можем ли мы определить смысл такого отбора? Во-первых, ясно, что составителя комплекса не интересовала номинальная стоимость одного грамма металла (иначе бы он просто брал бы любые монеты, весившие более определенного веса). Во-вторых, его не интересовали просто наиболее тяжелые монеты из всех монет в пределах одного определенного года чеканки (т.к. тогда у нас не было бы тождества минимального веса предыдущей весо-временной группы с максимальным весом последующей группы, и общая картина весо-временного рапределения монет не имела бы дискретного характера). В-третьих, очевидно, что в его сознании ценность монет не была свя-

[4] Детальному обоснованию всей системы типологии балканских монетных комплексов бронзовых монет крупных номиналов VI в. я надеюсь посвятить последующие статьи.

[5] Ἀθανασοπούλου-Πεννα 1981: 202.

[6] Дата, предлагаемая Афанасопулу-Пенна (ca. 580-583: Ἀθανασοπούλου-Πεννα 1981: 203, 213), на мой взгляд, неприемлема, т.к. основывается не на нумизматических аргументах, а на отнесении этого клада к реконструированному Меткалфом горизонту кладов, связанных, по его мнению, со славянскими вторжениями на Балканы. Отнесение это, как и сам горизонт кладов, весьма спорны, т.к. построения Меткалфа не обоснованы надежной сериацией имеющихся монетных комплексов.

[7] Мною были учтены монеты двух каталогов: Думбартон Окс (DOW) и Эрмитажа (Толстой) — исключая ломанные, сильно коррозированные, продырявленные и порченные экземпляры.

[8] Может быть, верхняя граница веса фоллисов этой группы была не 24, а ок. 25 *г*: в каталогах фоллисы весом более 23,6 *г* чрезвычайно редки и отсутствие таких монет в нашем кладе может объясняться просто их редкой встречаемостью в обращении. В таком случае любопытно, что все весо-временные группы имеют разницу между максимальным и минимальным весом примерно в 3 *г*.

[9] См. на рис. 1 «параметры отбора монет» и «параметры отбраковки монет».

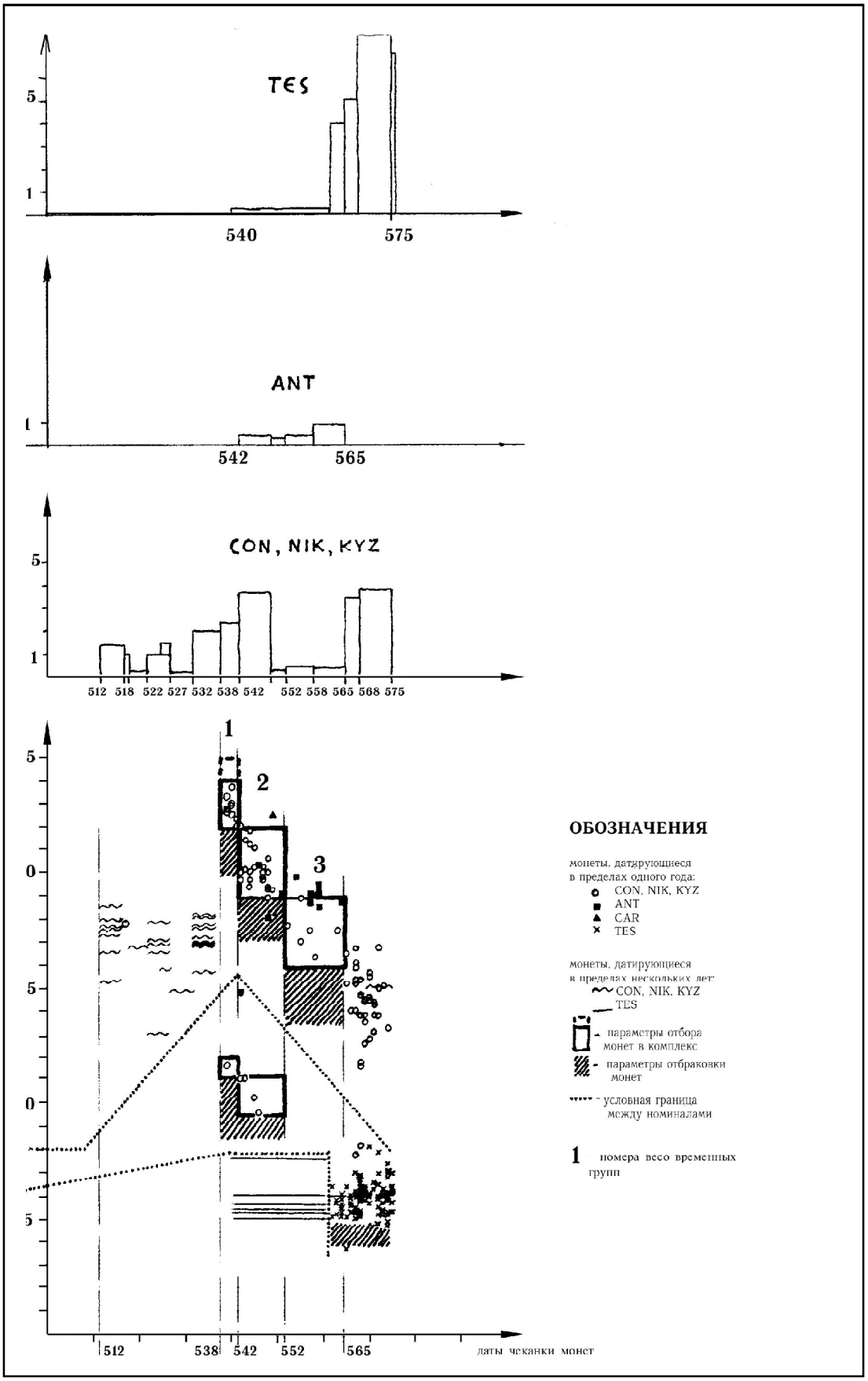

Рис. 1. Распределение монет из клада Фивы 1932 г. по весу и годам чеканки.

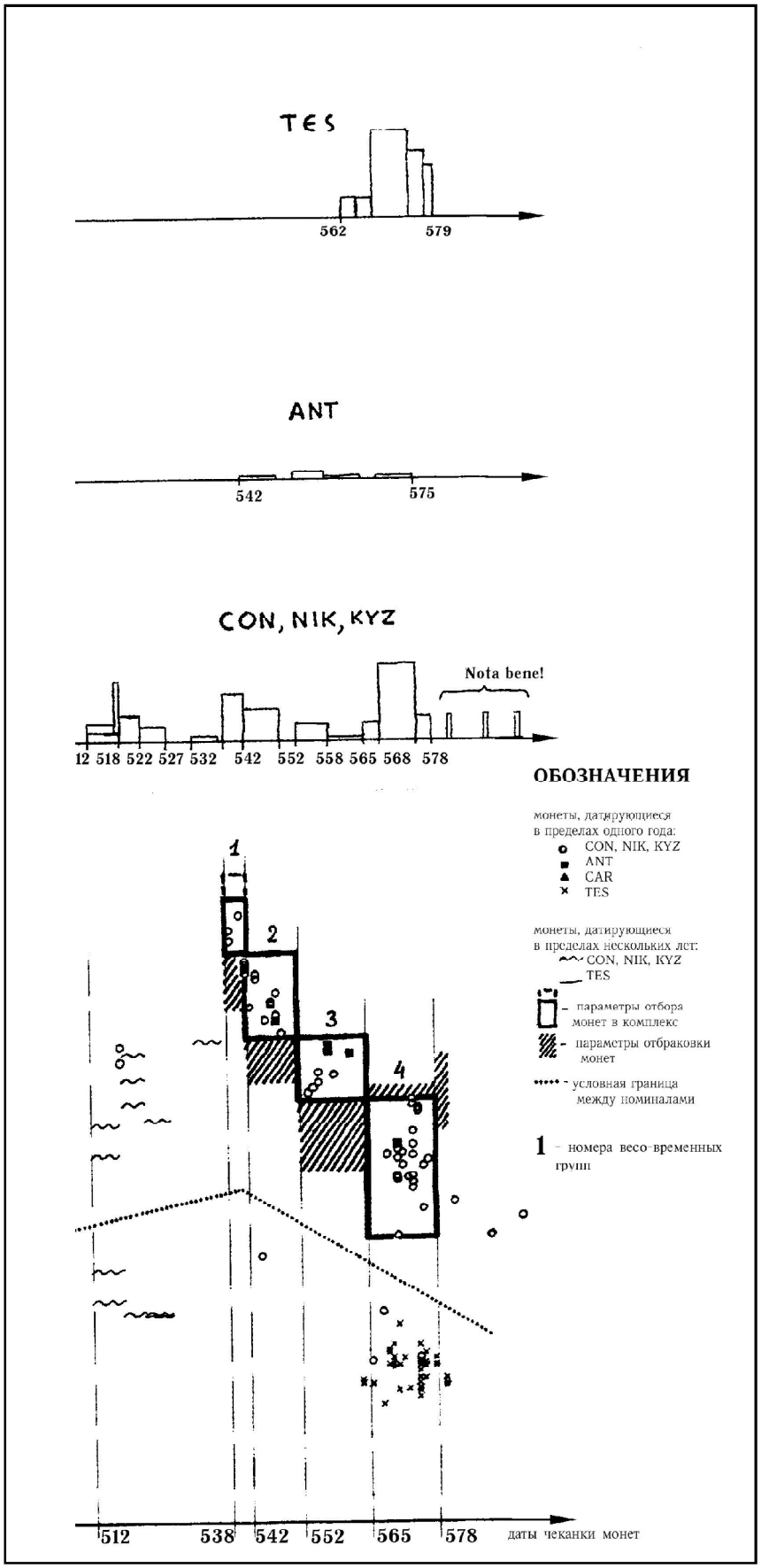

Рис. 1. Распределение монет из клада Велики Градац 1966 г. по весу и годам чеканки.

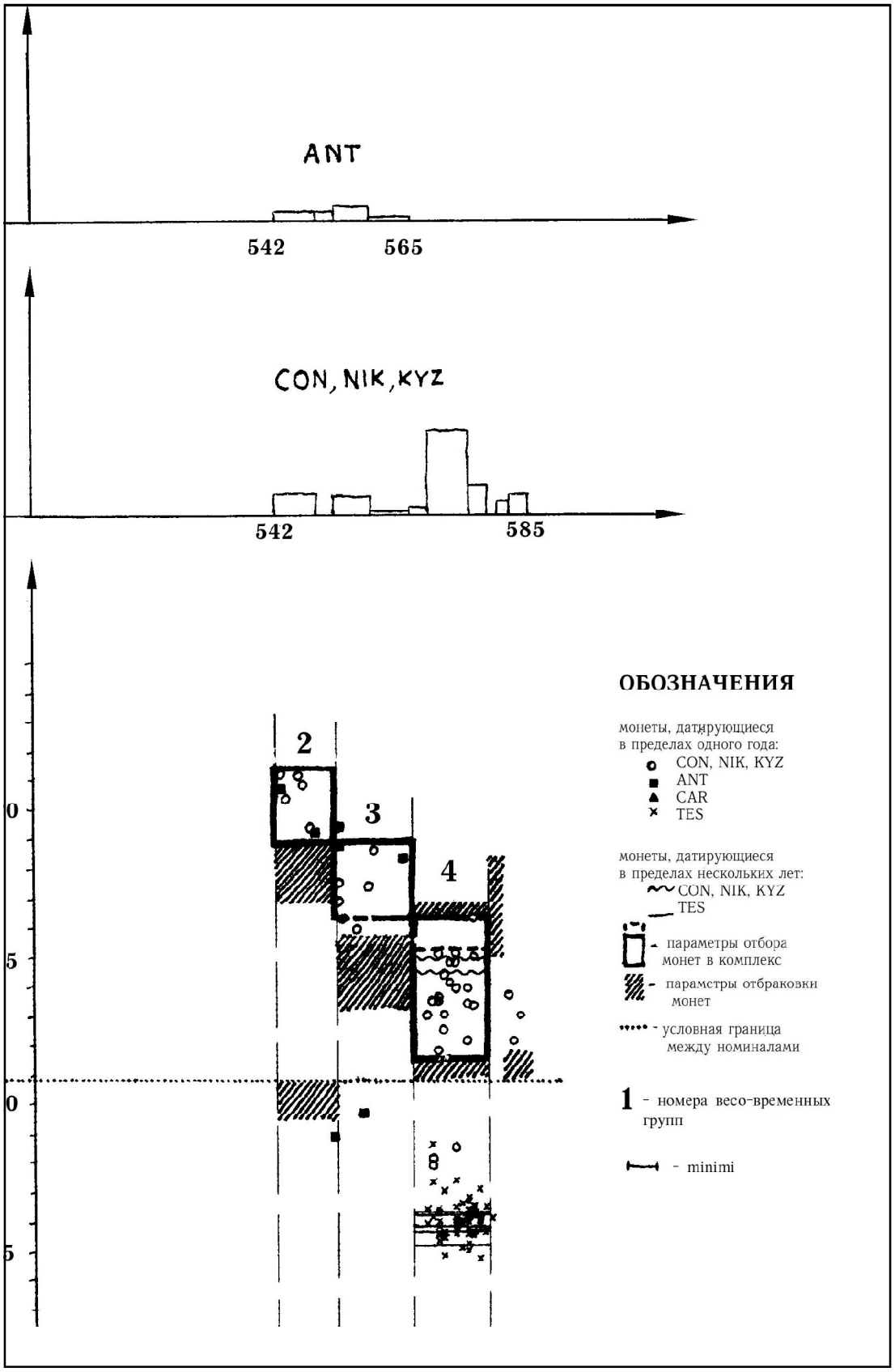

Рис. 1. Распределение монет из клада Приолиф 1979 г. по весу и годам чеканки.

зана напрямую не только с номиналом и местом чеканки, но также и с определенным периодом чеканки:

- Так , фоллисы, чеканенные до 538 г., т.е. фоллисы, не имевшие характерной для последующих лет надписи ANNO на реверсе монеты, обладали безусловной ценностью: это большие фоллисы Анастасия, фоллисы Юстина I и дореформенные фоллисы Юстиниана I.
- Зато пореформенные фоллисы Юстиниана I с характерной для этих лет надписью ANNO на реверсе монеты (в силу чего они сразу же легко отделялись от всей массы!) после отделения от них антиохийской и карфагенской чеканки, делились на две группы: фоллисы правящего императора Юстина II (отбор мог производится по аверсу или по датам правления на реверсе: числа от I до X) и фоллисы Юстиниана (даты правления на реверсе от XII до XXXVIII). При этом фоллисы Юстина II вызывали полное доверие, а из фоллисов Юстиниана I отбраковывалось до половины экземпляров.
- Из полуфоллисов (K) Фессалоники (TES) брались только те, вес которых (5...8 *г*) равнялся отбираемым в тот же комплекс 16-ти нуммиевым монетам (IS) той же Фессалоники: видимо, они обладали одинаковой стоимостью. Скорее всего, их вес при удвоении должен был быть равен весу соответствующих по годам фоллисов Юстина II (11...17 *г*).
- Из полу-фоллисов пропонтидских мастерских в комплекс попали (правда, в незначительном количестве!) только те, вес которых при удвоении равняется весу отобранных в комплекс фоллисов тех же хронологических групп: нет полуфоллисов весом менее 11 *г* 538-542 гг. чеканки, нет полуфоллисов весом менее 9,5 *г* 542-552 гг.

Клад из позднеримского укрепления Велики Градац 1966 г. (Minić 1984)

Это укрепление расположено на правом берегу Дуная в районе Джердапа при входе реки в самое узкое место (ущелье Казане перед 4-м порогом Дуная). Это была одна из тех крепостей, которые наглухо запирали путь из Среднего Подунавья в Нижнее. Крепость эта, судя по раскопкам, была разрушена пожаром в конце VI-го в., скорее всего, в результате аварского похода 599-600 гг. (Шувалов 1991: 44-45; 1989: 6-7), и более не восстанавливалась. Внутри восточной башни северных ворот в слое этого пожара и был найден клад в виде россыпи монет — в 1966 г. во время археологических раскопок. Клад включает в себя 108 медных монет, из них: 1 римская (без более точного определения), 6 Анастасия, 7 Юстина I, 29 Юстиниана I, 59 Юстина II, 4 Тиберия II и 2 Маврикия. Самая поздняя монета в данном кладе — это фоллис Маврикия XIII-го (594/5) года правления.

Данный комплекс имеет уникальную структуру, не имеющую аналогий в других монетных комплексах этого же времени: основная масса монет из него чеканена до 579/80 г. и лишь три монеты отчеканены в период между 579 и 595 гг. В кладе явственно выделяются две части: *ранняя* (монеты 512 — 579 гг.) полностью соответствующая структуре монетных комплексов типа Фасос[10] , и *поздняя часть* (три монеты, чеканенные в 581/2, 587/8 и в 594/5 гг.), которая была, видимо, добавлена в клад позднее. Не исключено, конечно, что и значительная часть монет 512-579 гг. чеканки также относится к этой же более поздней части клада (они ведь продолжали обращаться и после 579 г.), но надо иметь в виду следующее: (1) их доля должна быть не велика, т.к. и монет 579-595 гг. всего три, (2) в основном это должны быть монеты Юстина II, т.к. монеты предыдущих лет чеканки практически вышли из обращения к концу 80-х гг. VI в.

Итак, мы имеем перед собой редкий случай клада длительного накопления, который начал формироваться во второй половине 70-х гг. (тогда же, когда и клад из Фив 1932 г.) и был закончен в промежутке между 594/5 и 599 гг.

При сравнении весо-временного распределения монет из этого клада с данными крупных каталогов получается картина, сходная с кладом из Фив 1932 г.: выделяются те же весо-временные группы. При этом, однако, наблюдаются следующие отличия:

- В комплексе из Велики Градац присутствуют полуфоллисы ранней группы (512-537 гг.) и отсутствуют фесаллоникийские 16-и нуммиевые (IS) монеты.
- Граница между первой и второй весо-временными группами формально проходит не по 542, а по 541 г.: скорее всего,ы это ошибка при определении монет (составителем клада?), т.к. монеты 542/3 и 541/2 гг. чеканки имеют схожие обозначения года чеканки на реверсе монеты (XG и XЧ соответственно), — поэтому, наверное, в клад и попали монеты 541/2 г. чеканки с весом менее 22 *г*.
- Все антиохийские монеты подчиняются общим требованиям отбора.
- К трем весо-временным группам добавилась четвертая: монеты 565-578 гг. чеканки с весом от 16 до 11 *г* (монеты весом более 16 *г*, судя по всему, были отбракованы).

[10] Мы имеем здесь наиболее поздний вариант этого типа. Дата этой части комплекса из Велики Градац: 579 год или вскоре после 579 г. (579...'). Любопытно, что монеты Фессалоники обрываются в данном кладе на том же 579 г., что лишний раз указывает на особую судьбу этой ранней части комплекса.

Клад из Приолифа 1979 г. (Οἰκονομίδου 1980)

Комплекс был найден в урочище Кокор у деревни Приолиф (Πριόλιθος) в северном Пелопоннесе недалеко от известного города Клитор. Комплекс был передан в музей А. Контойорги (Κοντογιώργη) в 1979 г. Тогда в комплексе насчитывалась 121 монета (1 антониниан Галлиена[11], 1 AE 4 Валентиниана III[12], 4 minimi Юстиниана I[13], 1 монета Бадвилы-Тотилы, 10 неопределенных minimi V-VI вв.[14]; и 114 фоллисов и полуфоллисов: 17 Юстиниана I, 84 Юстина II, 2 Тиберия II, 2 Маврикия). Самая поздняя монета в комплексе — это константинопольский фоллис второго года правления императора Маврикия (583/4) со следами потертости.

По структуре основной части[15] (см. рис. 3) комплекс из Приолифа следует отнести к монетным комплексам **типа Афины** (комплексы Афины-Дипилон 1908 г., Афины-Панафинейский Путь 1971 г., Эфес 1917 г., Садовско кале 1934 г.). Комплексы этого типа датируются началом правления Маврикия, т.е. 582-585 гг. Т.о. дата последней монеты (583/4 г.) из комплекса из Приолифа мало отличается от возможной даты закрытия всего комплекса (583-585 гг.).

При анализе весо-временного распределения монет выясняются следующие любопытные отличия этого комплекса от двух выше рассмотренных (помимо тех отличий, которые отличают в принципе комплексы типа Афины от комплексов типа Фасос):

- Антиохийские монеты, так же как и в комплексе из Фив 1932 г., подчиняются своим собственным закономерностям отбора, отличным от таковых для пропонтидских мастерских.
- Одна монета[16] контстантинопольской чеканки не укладывается в общую картину весо-временного распределения: ее вес 15,91 *г,* и чеканена она в 29-м (XXЧIIII = 555/556) году правления Юстиниана. Ее вес выпадает на 0,5 *г* из общей картины весо-временных групп. — Впрочем, возможно, что за время, прошедшее с тех лет, когда формировались клады типа Фасос, уже изменилась весовая граница между 3[ей] и 4ой весо-временными группами: вместо 16 *г* теперь граница стала проходить по 15 *г*.

***

Итак, мы рассмотрели три клада, датирующихся последней четвертью VI в. Все они имеют схожую весо-временную структуру: монеты, чеканенные после 538 г. распадаются на 4 весо-временные группы. Границы между ними более или менее стабильны. Это явление явно отражает отношение их владельцев (а значит, и рынка) к бронзовым монетам в условиях неуклонного падения веса текущей бронзовой монеты и спекуляционных игр на этом. В условиях все возрастающей сложности перерасчета ценнности различных групп одновременно обращавшихся монет, рынок вынужден был оценивать каждую монету по совокупности многих признаков, в особенности веса и года чеканки.

ЛИТЕРАТУРА

Толстой И.И. 1912-14. Византийские монеты. СПб. 3 т.

Шувалов П.В. 1991. Северо-восток Балкан в V-VI вв. Города лимеса и варварские вторжения // Из истории Византии и Византинистики. Л.: изд. ЛГУ. С. 39—47.

Шувалов П.В. 1989. Этнокультурные процессы на территории Днестро-Дунайского междуречья в сер. I тыс. н.э. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Л.: ЛОИА АН СССР. 16 с.

Bellinger A. 1966. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection, vol. 1. Washington.

Hahn W. 1973 sq. Moneta imperii Byzantini, 3 vol. Wien.

Kent J.P.C. 1988. The Italian Bronze Coinage of Valentinian III and a Hoard of 5th Century Roman Bronze Coins from El-Djem, Tunisia // Situla, 26: P. 185-195.

Minić 1984. Le trésor de monnaies de bronze de la fortresse protobyzantine de Veliki Gradac // Нумизматичар, 7: P. 39 — 50.

Ἀθανασοπούλου-Πεννα Β. 1981. Θησαυρὸς νομισμάτων 6ου μ.Χ. αἰῶνα ἀπὸ τὴν περιοχὴ τῶν Θηβῶν // Ἀρχαιολογικὴ ἐφημέρις, 1979· 200-213.

Οἰκονομίδου 1980. Βυζαντινὸ εὕρημα Πριολίθου Καλαβρύτων // Ἀρχαιολογικὰ ἀναλέκτα ἐξ Ἀθηνῶν, 12 (1979),1· 63-71.

[11] Эта монета была исключена из клада по неясным для читателя обстоятельствам (ὅτι εἶναι ἐκτὸς τοῦ εὑρήματος — Οἰκονομίδου 1980: 63) и вес её не известен. Остальные же находятся в музее.

[12] Это скорее всего тип Kent 44: 45/46: 49 = 440-450 гг. В диаграмме (рис. 3) эта монета мною не учтена. Вес её 1,07 *г*.

[13] Их дата спорна и в диаграмме (рис. 3) эти монеты даны мною в пределах всего царствования Юстиниана.

[14] К сожалению, эти 10 монет совсем не отражены в каталоге (Οἰκονομίδου 1980: 64-66) и вес их не известен. Скорее всего они (как типичные minimi) должны иметь вес от 0,5 до 1 *г*.

[15] Отсутствуют фоллисы и полуфоллисы, отчеканенные до 538 *г*, относительно мало или отстутствуют чеканенные до 542 гг. нет монет весом более 21,5 *г*, почти нет фоллисов Юстина II весом более15,1 *г*.

Г.Атанасов

АНОНИМНЫЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ ФОЛЛИСЫ КЛАССА «В» И НАШЕСТВИЕ ПЕЧЕНЕГОВ В ДОБРУДЖУ 1036 г.

G. Atanasov. Anonymous Byzantine Follises of «B» Class and Pechenegs' Invasion in Dobrogea in 1036.

According to numismatic and archaeological data, during the Pechenegs' invasion into the Byzantium's domain in 1027-1036, Dobrogea's and North Eastern Bulgarian lands were devastated in the last turn (map 2). As one can suppose, the nomads preferred to avoid the nearest to them but very well fortified region (map 1).

The layers showing destruction on the monuments in Dobrogea and Ludogorie are dated by the Byzantine anonymous follises of A-2 and B classes. A very small number of the coins of the second group, however, shows that majority of Dobrogea's fortresses ceased to be at the beginning stage of the coins' spread. This allows dating the appearance of the follises of B class by 1034-1035.

Despite of a short term of the Pechenegs' presence on the right shore of the Danube (spring-autumn of 1036), a demographic vacuum appears on the internal territories of Dobrogea since that period. Permanent settlements are recorded again only since the beginning of XVI century.

Благодаря продолжающимся уже полвека системным археологическим исследованиям в Добрудже и Северо-Восточной Болгарии стало очевидным, что эта обширная территория оказалась опустошенной к середине XI в. После этого возник демографический вакуум[1], продолжавшийся до начала XVI в. (Атанасов 1991: 75-89; 1998: 4-5). На основе письменных источников (главным образом Скилица), монетных находок, печатей, мелких металлических предметов и некоторых типов керамики можно считать, что причиной тому стало одно из больших печенежских нашествий 30-х гг. XI в. (Skylitzes-Cedrenus 1839: 483-484, 499, 512, 514-515; ГИБИ 1965: 298-300; Атанасов 1991: 79-80). И все же мелкие находки и керамика не могут точно датировать этот катаклизм, а основной письменный источник — Скилица называет пять больших вторжений в земли, лежащие к югу от Дуная, — в 1027, 1032, 1034, 1035 и 1036 гг. (Skylitzes-Cedrenus 1839: 483-484, 499, 512, 514-515; ГИБИ 1965: 298-300). Единственная надежда определить, которое из них было фатальным для Добруджи и Лудогория, связывается с византийскими монетами (главным образом анонимными фоллисами), найденными в виде кладов и единичных находок в горизонтах пожарищ крепостей и селищ.

Рассмотрим нумизматические находки из крепостей внутренней части Добруджи (сельские поселения, кажется, были оставлены еще во время событий 968-972 гг.) (Атанасов 1991: 79-91; 1998: 4) и Лудогория. На памятниках Скала (Йотов, Атанасов 1998: 126-133, обр. 89), Царь Асень (Jordanov 1987: 206), Средиште (Атанасов 1991: 77; Парушев 1993: 164), Долина (Парушев 1993: 156), Преселници (Парушев 1993: 156) самыми поздними монетами являются анонимные фоллисы класса В (1028-1034 гг. по Д.Меткалфу и 1030/35-1042 по Ф.Грирсону), а в укреплениях Беловец (МК 1995: 165), Окорш[2] (Атанасов 1991: 77; МК 1995: 165), Балик (Парушев 1993: 150), Руйно (Атанасов 1991: 77; МК 1995: 271), Кладенци (Ваклинов, Станилов 1981: 83), Апиария — Долно Оряхово (Атанасов 1991а: 20) и Войниково (МК 1995: 194) — это фоллисы класса А-2 (976-1030/35 гг. по Ф.Грирсону). В крепостях по Дунаю, таких, как Доростол (Ангелова 1988: 42-43; Атанасов 1991а: 21-23; МК 1995: 274-276), Диногеция (Ştefănescu, Barnea, Comşa M., Comşa E. 1967: 376; Diaconu 1970: 45, 49), Тулча (Mănucu-Adameşteanu 1995: 364) и Капидава (Diaconu

[1] Эта идея недавно нашла подтверждение в материалах одного из турецких регистров 1526-1527 гг., по которым Добруджа и Северо-Восточная Болгария были заселены в начале XVI в. малоазийскими заключенными (в основном шиитами). Публикация данных проф. Стр.Димитровым ожидается в сб. «Добруджа», т.14 и 15.

[2] Два новых фоллиса А-2 открыты в ходе археологических исследований в 1977-1978 гг., которые я проводил совместно с коллегой В.Йотовым.

© Г.Атанасов, 1999.

1970: 44, 48-49), отмечены слои горения с монетами классов А-2 и В, но на них, в отличие от оборонительных центров внутренней территории, жизнь возродилась. Действительно, как в Доростоле, Диногеции, Тулче и Капидаве, так и в остальных придунайских и черноморских крепостях и сельских поселениях — Тутракан, Попина, Ветрен, Пэкуюл луй Соаре, Остров, Кынлия, Чернавода, Хыршова, Печеняга-1, Берое, Троезмис, Мачин, Диногеция, Исакча, Никулицел, Телица, Нуфэру, Баштепе, Махмудия, Сулина, Бабадаг, Енисала, 6 Марта, Истрия, Туркоаз, Констанца, Печеняга-2, Мангалия, Калиакра, Каварна, Балчик, Варна, Девня, Плиска, Преслав и др. (Атанасов 1991а: 13-31; МК 1995: 190-191, 264-265, 285; Атанасов, Йорданов 1994: 65-72; Ştefănescu, Bârnea 1971: 326 etc.; Jordanov 1987: 182-207; Mitrea 1961: 591-593; 1963: 597-599; 1965: 500; Vertan, Custurea 1982: 282-284; 1983: 311-317; Popeea, Bauman 1977: 207-224; Florescu Gr., Florescu R., Diaconu 1958: 241; Mănucu-Adameşteanu 1991: 498-500; Oberländer-Târnoveanu 1994-1995: 71-85;1980: 507-511;1984: 274-277; 1991: 575-586; 1994; 1996: 295-309; Diaconu, Vîlceanu 1972: 181-212). Кроме фоллисов класса А-2 и В, открыты и монеты следующих классов: С (1042-1055 гг.), D (1052-1062 гг.) и пр. (рис. 1, табл. 1).

Этот фон дает основания для вывода, что опустошение крепостей внутренней Добруджи и Северо-Восточной Болгарии, а также и некоторых придунайских городов и сел, произошло в период циркуляции анонимных фоллисов классов А-2 и В. Несколько кладов, наиболее поздние монеты которых принадлежат классу А-2 — Скала, Преслав, Гречи (Йотов, Атанасов 1998: 130, обр. 89; Джингов 1966: 44-45; Mitrea 1965: 500) и особенно классу В — Скала (Йотов, Атанасов 1998: 130, обр. 89), Средиште (Парушев 1993: 164) и Генерал Киселово (Парушев 1993: 164), являются новым подтверждением этому. Однако именно о датировке рассматриваемых фоллисов классов А-2 и В уже десятилетия ведется оживленная дискуссия, и до сих пор нет единого мнения о хронологической границе между ними. Этот, на первый взгляд, чисто нумизматический вопрос актуализируется, тесно переплетаясь с историко-демографическими проблемами Добруджи и Лудогория. В этом смысле без четкой фиксации начальной даты фоллисов класса В невозможно уточнить время опустошительного для Северо-Восточной Болгарии нашествия печенегов, и наоборот.

Согласно М.Томпсону, распространение фоллисов класса А-2 следует связывать с временем Василия II и Константина VIII вплоть до конца самостоятельного правления Константина VIII (то есть 976-1028 гг.), а фоллисы класса В относить к правлению Романа III Аргира (1028-1034) (Thompson 1954: 109-115). С этими датировками согласен С.Моррисон (Morrisson 1970: 596-600) и в какой-то мере Д.Меткалф (Metcalf 1970: 199-219; 1979: 56 sq.). Последний, однако, разделяет фоллисы класса А-2 (по М.Томпсону) на классы А-2 и А-3, датируя их соответственно 989-1016/20 и 1016/20-1028 гг. Принципиально отличается хронология фоллисов Ф.Грирсона, относящего чеканку фоллисов класса А-2 (по М.Томпсону) к 976-1030/35 гг., а фоллисов класса В к 1030/35-1042 гг. (Grierson 1973: 534 sq.; 1982: 208 sq.). Недавно по данной проблеме высказался сербский нумизмат В.Иванишевич, попытавшийся создать внутреннюю хронологию фоллисов класса А-2. Однако в общих чертах его датировки близки предложенным Д.Меткалфом, т.е. класс А-2 приходится на 976-1028 гг., а класс В — 1028-1034 гг. (Ivanisevic 1989: 19-40). Эта неопределенность заставляет исследователей ссылаться одновременно на две главные хронологии Д.Меткалфа и Ф.Грирсона, хотя в последнее время Э.Оберлендер-Тырновяну, Г.Мэнуку-Адамештяну, В.Парушев и др. стали отдавать предпочтение датировке Д.Меткалфа (Mănucu-Adameşteanu 1991: 500; Oberländer-Târnoveanu 1994-1995: 74-76, 83-85; Парушев 1993: 146-148, табл. 1).

Совершенно ясно, что отсутствие точной хронологии фоллисов классов А-2 и В мешает исследователям определить, которое из пяти нашествий печенегов было роковым для региона и привело к полному обезлюдению огромной территории Добруджи и Лудогория между Дунаем и предгорьями Балкан, от Черного моря до р.Белый Лом (рис. 1). К сожалению, письменные источники не дают однозначной информации по этому вопросу. Согласно Скилице, еще в 1027 г. варвары совершили нападение на Болгарию, истребив множество рядовых людей, а также стратегов и тагмархов. П.Диакону прав в том, что это нашествие не затронуло Добруджу (а на мой взгляд, и Лудогорие) по простой причине — они не относятся к феме Болгария (Diaconu 1970: 39-41). Очевидно, печенеги действительно опустошили район Видина, Белграда, Браничево, Ниша, поскольку были разбиты и отброшены только дукой Болгарии и архонтом Сирмиума Романом Диогеном (Skylitzes-Cedrenus 1839: 483-484; ГИБИ 1965: 298).

Новое большое нашествие, по Скилице, имело место в 1032 г., «когда печенеги перешли Истр и опустошили Мезию» (Skylitzes-Cedrenus 1839: 499, 512; ГИБИ 1965: 298-299 Diaconu 1970: 43-44). Не совсем понятно, какая территория пострадала от этого нашествия, но мне представляется, что П.Диакону правильно считает его только репетицией следующего нападения варваров 1034 г., при котором они опустошили всю Мезию до Салоник. По всей вероятности, и на этот раз нашествие не затронуло Добруджу, потому что направление Мезия — Салоники предполагает пересечение Дуная

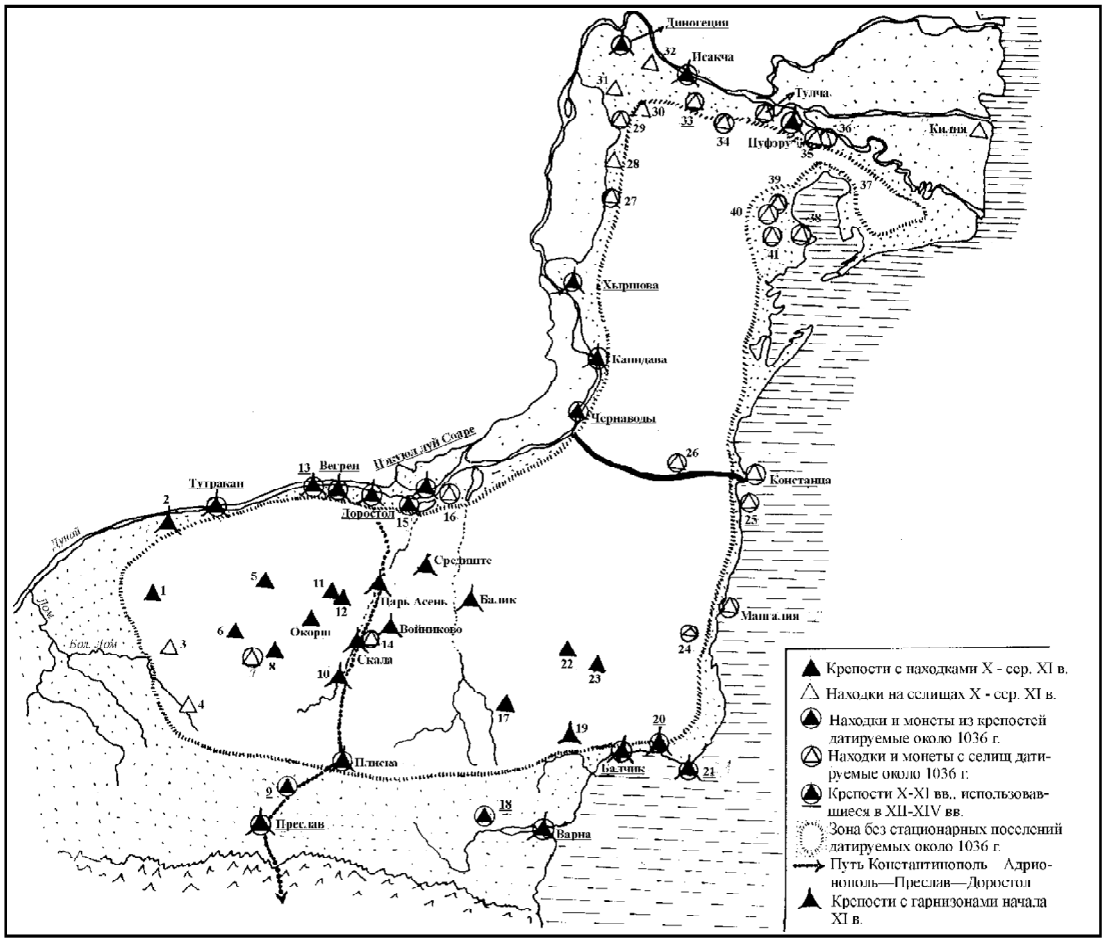

Рис.1. Крепости и сельские поселения в Добрудже и Северо-Восточной Болгарии 2-й половины X — XI вв. и наиболее важные крепости XII —XIV вв.

Условные обозначения:
1. Беловец
2. Ряхово
3. Топчин
4. Разград
5. Подлес
6. Завет
7. Г. Извор
8. Владимировци
9. Шумен
10. Волнари
11. Руйно I
12. Руйно II
13. Попина
14. Кладенци
15. Дервент
16. Остров
17. Долина
18. Девня
19. Одырци
20. Каварна
21. Калиакра
22. Преселницы
23. Василево
24. Печеняга I
25. Скиту
26. Меджедия
27. Печеняга II
28. Черна
29. Иглица
30. Гречь
31. Мэчин
32. Лункавица
33. Никулицел
34. Телица
35. Баштепе
36. Махмудия
37. Мургьол
38. 6 Марта
39. Енисала
40. Бабадаг
41. Истрия

печенегами где-нибудь в Северо-Западной Болгарии и далее движение через перевалы Старой Планины, район Софии, вдоль р.Струмы (карта 2).

Особенно опустошительным стало нашествие 1035 г., когда по замерзшему Дунаю варвары двинулись на юг, «...причиняя немалый вред в Мезии и Фракии и до самой Македонии» (Skylitzes-Cedrenus 1839: 512; ГИБИ 1965: 300; Diaconu 1970: 45-47). Согласно П.Диакону, и это вторжение обошло Добруджу, но в данном случае, в отличие от трех предыдущих, затруднительно определение маршрута печенежского набега. Проблема заключается в том, что в своем сочинении Скилица помещает Македонию то в районе Адрианополя (Skylitzes-Cedrenus 1839: II, 303, 308, 602; ГИБИ 1965: 253, 256, 322), то в современной Македонии (Skylitzes-Cedrenus 1839: I, 548; II, 239, 257; ГИБИ 1965: 201, 239, 257), а иногда, как в случае с нападением 1035 г., вообще непонятно, о каком из регионов идет речь. Если отмечен район Адрианополя (это наиболее вероятно), то не исключено, что при этом вторжении пострадали Юго-Восточная Добруджа и Лудогорие, но если имеется в виду сегодняшняя Македония, то более вероятно продвижение через Мезию к западу от р.Русенский Лом. Однако в обоих случаях Добруджа, похоже, остается в стороне (по крайней мере, к востоку от линии Силистра — Плиска), поскольку в результате пяти печенежских походов Пэкуюл луй Соаре не был разрушен. А согласно П.Диакону, единственную возможность для варваров добраться до островной крепости предоставил замерший Дунай в 1035 г., но и тогда это не произошло (Diaconu 1970: 46). Поэтому мне представляется, что он близок к истине, называя роковыми для Доб-

руджи (добавлю — и для всей Северо-Восточной Болгарии с Лудогорием) три весенних нашествия печенегов 1036 г., во время которых они уничтожали поголовно всех схваченных людей и подвергали пленников неслыханным мучениям (Skylitzes-Cedrenus 1839: II, 515; ГИБИ 1965: 300). Примечателен факт пленения при этом пяти ромейских стратегов: Иоанна Дермокаита, Варда Печа, Льва Халкотува, Константина Птерота и Стравотрихара Михаила.

П.Диакону уже отмечал использование печенегами обдуманной тактики разграбления и опустошения балканских провинций империи по направлению с запада — северо-запада на восток — юго-восток (Diaconu 1970: 47-49). Первым был атакован самый северо-западный угол ромейских владений, т.е. северная половина фемы Болгария. В 1032 и 1034 гг. пострадала южная часть этой провинции по линии София — Салоники. В 1035 г. пришел черед Мезии, Фракии и Македонии (район Адрианополя). И, наконец, в 1036 г. опустошению подверглись Добруджа и Северо-Восточная Болгария, которых обошло несчастье четырех предыдущих вторжений (рис. 2).

До сих пор не обсуждался вопрос, почему варвары атаковали Балканы с запада на восток, хотя логично было бы ожидать, что их первый удар придется на Добруджу, граничащую с т.н. «Печенегией». Согласно письменным источникам — Константин Багрянородный (Constantine Porphyrogenetius 1967: 1-5, 15, 182; Константин Багрянородный 1989: 40/41, 42/43, 170/171), Повесть временных лет (ПВЛ 1950: 31-35) и др. (Diaconu 1970: 22-24, 34-38; Moravcsik 1958: 87), а также археологическим исследованиям (Diaconu 1970: 22-24, 34-38), во второй половине X — начале XI вв. владения печенегов действительно включали Бессарабию, Южную Молдавию и Восточную Влахию, т.е. территории, пограничные с Добруджей (рис. 2). Однако благодаря долгому обитанию в соседних с Добруджей районах печенеги хорошо знали, что лучше всего организована и плотна именно система крепостей по правому берегу Нижнего Дуная. Здесь в конце X — начале XI вв. функционируют такие большие и хорошо укрепленные форпосты, как Доростол-Силистра (Ангелова 1973: 83-93; Атанасов 1991а: 18; Кузев 1981: 177-186), Ветрен (Атанасов, Йорданов 1994: 47-53), Попина (Атанасов 1991а: 14), Тутракан (Атанасов 1991а: 27; Кузев 1981: 171), Апиария (Атанасов 1991а: 20), Пэкуюл луй Соаре (Diaconu, Vîlceanu 1971),

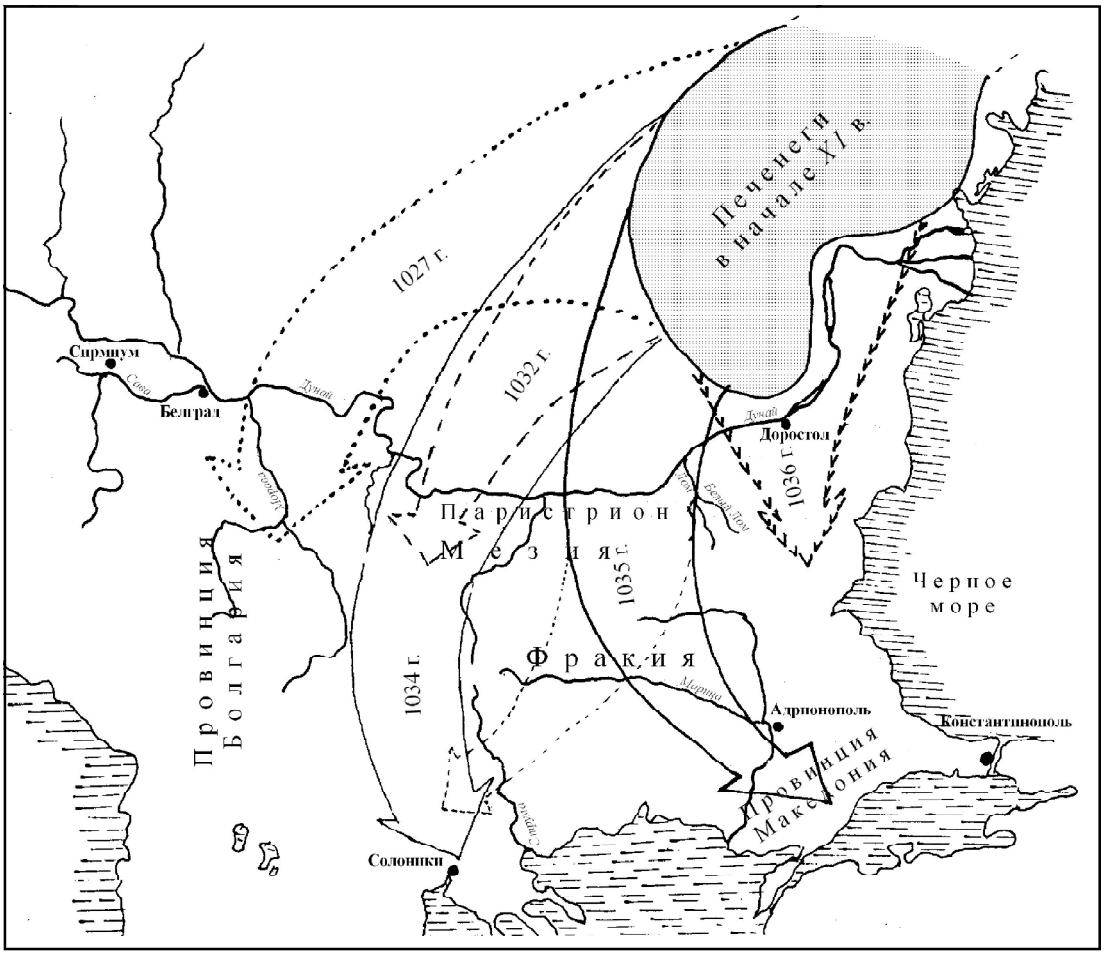

Рис. 2. Примерные направления печенежских нашествий на Балканы в первой половине XI в.

Дервент (Diaconu 1969: 43; 1970: 44, 46, 48), Чернавода (Ştefănescu, Barnea 1971: 80, 116; Кузев 1981: 202), Капидава (Florescu Gr., Florescu R., Diaconu 1958: 135-138; Diaconu 1969: 43-50; 1970: 44-48), Хыршова (Diaconu 1969: 45; 1970: 44-48; Aricescu 1971: 331), Диногеция (Ştefănescu, Barnea, Comşa M., Comşa E. 1967: 9-16; Diaconu 1969: 45; 1970: 44-48;), Исакча (Barnea 1984: 103-105; Кузев 1981: 211-213) и Нуфэру (Вичина?) (Baraschi 1991: 399-409; Atanasov 1994: 109-128). Кроме того, между Дунаем, морем и балканскими предгорьями имеется другая плотная система крепостей с находками начала XI в.: Скала (Йотов, Атанасов 1998: 135-137), Царь Асень (Димова 1993: 54-75; Рашев 1982: 103), Средище (Рашев 1982: 133; Атанасов 1991: 37; МК 1995: 279), Руйно 1 и 2 (Рашев 1982: 141-143; Атанасов 1991: 30-37; МК 1995: 271), Подлес (Рашев 1982: 137), Окорш[3] (Рашев 1982: 141; Атанасов 1991: 77), Одырци[4] (Дончева-Петкова 1981: 19-28; МК 1995: 240), Долина (МК 1995: 203), Преселници[5] (МК 1995: 266), Беляково (МК 1995: 165), Завет (?) (МК 1995: 208; Рашев 1982: 134-137), Вылнари[6] (Рашев 1982: 104), Владимировци (МК 1995: 192-193), Василево (МК 1995: 174), Балик (МК 1995: 162), Войниково (МК 1995: 194), Девня (МК 1995: 200-201), Плиска (Овчаров 1982: 95 сл.; Рашев 1982: 126 сл.), Преслав (Овчаров 1982: 95 сл.; Рашев 1982:126 сл.), Варна (Кузев 1981: 296; МК 1995: 171-174), Каварна (Мирчев, Тончева, Димитров 1962: 57), Балчик (Димитров 1988: 71-88; 1990) и Калиакра (Джингов 1979; Калиакра 1990: 22 сл.). Во всех перечисленных крепостях и в некоторых крепостях во внутренней Добрудже (Скала, Царь Асень, Вылнари, Балик (?), Войниково, Средище (?), Одырци, Балчик, Плиска и Варна) найдены серьезные свидетельства квартирования после 1000 г. византийских гарнизонов (рис. 1) — монеты, моливдулы ромейских чиновников, керамика, сделанная на быстром круге, и тара, культовые предметы и, конечно же, поддерживаемые в порядке фортификационные сооружения[7].

Считается, что начало созданию этой глубоко эшелонированной обороны (укрепленной каменным валом между Констанцей и Чернавода) положено еще при царе Симеоне Великом (893-927) после венгерских набегов на Северо-Восточную Болгарию 894-896 гг. (Рашев 1982: 174). Однако, на мой взгляд, она была расширена и обновлена при царе Петре (927-970) главным образом по причине поселения печенегов (ненадежных федератов Болгарского царства за Дунаем) в непосредственной близости от Добруджи, или точнее, в Южной Молдавии и Восточной Влахии.

Согласно археологическим исследованиям, западнее Добруджи и Лудогория (точнее, от линии Апиария — Беловец — Разград — Преслав) до Белграда и Сирмиума, на протяжении 800 км в начале XI в. были обитаемыми только несколько дунайских крепостей — Никополь (Аспарухов 1996: 53-54), Свиштов (?) (Кузев 1981: 150), Видин (Вълов 1987: 23-25; Кузев 1981: 103-105), Белград (Калић 1982) и Браничево (Динић 1978: 92; Поповић, Иванишевић 1988: 125-179). В районе Ниша и Мезии между Дунаем и предгорьями Балкан, укреплений очень мало, а количество открытых в них моливдулов, монет, керамики, тары и других находок, иллюстрирующих присутствие гарнизонов в первой половине XI в., совсем мало[8] (см. Александров 1977: 286; Генова 1974: 14-16; Станчева, Дончева-Петкова 1972: 22-31; Иванов 1977: 65-77; 1996: 73-81; Аспарухов 1992). Именно на этом фоне впечатляющей выглядит мощная эшелонированная оборона Добруджи, а в известной степени и Лудогория (рис. 1). На мой взгляд, это и является главной причиной направленности первых четырех печенежских волн, накативших за Дунай западнее Добруджи, где противостоящие силы Византии были намного слабее. Не случайно, когда в 1036 г. варвары все же вторглись в Северо-Восточную Болгарию (атаковать вновь другие, уже ограбленные регионы не было смысла), они встретили тут наибольшее сопротивление и проявили особенную ожесточенность в своих действиях. И действительно, согласно Скилице, это нашествие явилось самым опустошительным из всех пяти, поскольку печенеги безоглядно убивали и уничтожали все, что встречали на своем пути. Картину вторжения фиксируют мощные пожары и разрушения, отмеченные как раз в тех крепостях, в которых найдены надежные свидетельства присутствия ромейских гарнизо-

[3] Речь идет о результатах археологических раскопок, проведенных в 1997-1999 гг. ст.н.с. Г.Атанасовым и н.с. В.Йотовым.

[4] Впервые идея о том, что Одырци, в сущности, является средневековой крепостью, в которой позднеантичные фортификационные сооружения были использованы вторично, высказана мною (см. Атанасов 1991: 77).

[5] Раскопки В.Йотова 1995 г.

[6] Прежде всего, имеются в виду результаты археологических раскопок ст.н.с. Р.Рашева и ст.н.с. Ст.Станилова 1995 г., в ходе которых были открыты комплексы X — начала XI в. Выражаю им благодарность за возможность ознакомиться с находками.

[7] В числе самых надежных признаков присутствия гарнизонов находятся моливдулы. Они найдены на памятниках Силистра, Ветрен, Пэкуюл луй Соаре, Попина, Тутракан, Царь Асень, Скала, Средиште, Балик, Войниково, Нуфэру, Диногеция, Исакча, Балчик, Мангалия и Одырци.

[8] О поселениях и крепостях с находками конца X — начала XI вв. в этом районе см.: Александров 1977: 286; Генова 1974: 14-16; Станчева, Дончева-Петкова 1972: 22-31; Иванов 1977: 65-70; 1996: 73-81; Аспарухов 1992. В них зарегистрировано оседание печенегов.

нов: Скала (Йотов, Атанасов 1998: 136-137), Царь Асень (Димова 1993: 73), Доростол (Ангелова 1988: 42; Атанасов 1991а: 21-22), Диногеция, Капидава, Хыршова (Diaconu 1970: 44-49). Об апокалипсисе 1036 г. можно судить по факту превращения района между Дунаем, предгорьями Балкан, р.Белый Лом и Черным морем в зону совершенно необитаемую (речь идет о постоянных поселениях внутренней части) до XVI в., тогда как земли, атакованные в 1027, 1032, 1034 и 1035 гг., возрождаются к новой жизни к концу XI и в XII-XIV вв. (см. Дремсизова-Нелчинова, Иванов 1983; Митова-Джонова 1979; Димитрова 1985; Джингов, Машов 1985: 65; Александров 1985: 27-30; Иванов 1977: 70; 1996: 80; Миланов 1979: 57-81; 1981: 37-54; 1982: 9-27; МК 1995: 159 сл.).

Особого внимания заслуживает замечание Скилицы о том, что в ходе весенних нашествий 1036 г. в плен попали пять ромейских стратегов — случай, не имеющий аналогов в предыдущих нападениях. Согласно специальным исследованиям с начала XI в.(период, касающийся темы) стратеги превращаются из провинциальных администраторов в управляющих городов или крупных крепостей с прилегающих к ним округами (Ahrweiler 1960: 36-51; Oikonomides 1972: 341-347; 1976: 148-150). А именно Добруджа является частью обширной фемы Паристрион (Мезия), в которой археологически зафиксировано так много городов и крепостей с гарнизонами (выше я перечислил около 20), вероятно, управляемых т.н. «малыми» стратегами. Факт пленения в 1036 г. пяти из них подсказывает, что были убиты или спаслись, по меньшей мере, еще столько же. Наконец, Скилица пишет не об одном, а трех (!) весенних набегах печенегов — это новое указание на сильное сопротивление достаточно многочисленных гарнизонов. Оборона Добруджи в 1036 г. действительно была самой упорной по сравнению с другими прежде атакованными регионами, поскольку некоторые дунайские и черноморские крепости смогли устоять и варварам не удалось перейти Стару Планину. Кроме Пэкуюл луй Соаре (Diaconu 1970: 46), я отношу к ним Нуфэру, Капидаву и Балчик, однако аргументы приведу ниже.

Помимо данных новых археологических исследований в пользу тезиса П.Диакону об атаке печенегов на Добруджу в 1036 г. и, как мне видится, на часть Лудогория можно привести и собственно нумизматические. Из прилагаемой таблицы 1 видно, что в крепости Скала, изученной лучше других пунктов внутренней Добруджи (точнее, находящейся близ границы между Добруджей и Лудогорием) отношение фоллисов класса А-2 к В, являющихся самыми поздними монетами на памятнике, составляет 286 к 24 или приблизительно 92% к 8% (Йотов, Атанасов 1998: 126-131, обр. 89). Подобное соотношение прослежено и в соседней частично исследованной крепости близ с.Царь Асень в Силистренском округе[9] (Jordanov 1987: 206). В другой группе крепостей внутренней Добруджи Окорш[10], Беловец (МК 1995: 165), Кладенци[11] (Ваклинов, Станилов 1981: 83), Руйно (Атанасов 1991: 77; МК 1995: 271) и не указанных в таблице Балик, Войниково и др. (Парушев 1993: 150; МК 1995: 271) найдены только фоллисы до класса А-2 и вообще отсутствуют фоллисы класса В. Одновременно в придунайских, приморских и подбалканских крепостях и поселениях Северо-Восточной Болгарии и Добруджи — Доростол, Ветрен, Тутракан, Пэкуюл луй Соаре, Хыршова, Диногеция, Капидава, Никулицел, Тулча, Троезмис, Констанца, Нуфэру, Балчик, Варна, Каварна, Калиакра, Плиска, Девня, Преслав и др.(карта 1), где после нашествия 1036 г. произошло восстановление монетного обращения (отмечены фоллисы следующих классов или хотя бы класса С), соотношение фоллисов класса А-2 к В примерно равно 62 % к 38 % (табл. 1). Аналогичную картину соотношения этих двух классов монет наблюдается в Шуменском регионе в Преславе (Jordanov 1987: 200, tabl. II), Коринфе (Metcalf 1979: 72, 112-114, tabl. 8) и Афинах — Агора (Thompson 1954: 109-115; Metcalf 1979: 72, tabl. 8). Если иметь в виду, что по классификации Ф.Грирсона и Д.Меткалфа фоллисы класса А-2 (или А-2 плюс А-3) чеканились около 50 лет, а класса В — около 7 лет, то в существовавших непрерывно или восстановивших после нашествия 1036 г. монетное обращение крепостях среднегодичное поступление фоллисов класса В, очевидно, не уступало и даже превышало таковое для фоллисов класса А-2. Однако в крепостях внутренней части Добруджи положение другое. В частности, Царь Асень и Скала являлись значительными крепостями с гарнизонами на наиболее важном пути в Восточные Балканы (Константинополь — Адрианополь — Маркели — Преслав — Плиска — Скала — Царь Асень — Доростол и на север к Капидаве, Диногеции, Исакче и Нуфэру/Вичине). По этой причине ***малый процент фоллисов класса В по отношению к доле А-2 может означать только одно: Скала, Царь Асень с окружавшими их крепостями внутренней Добруджи были разрушены и оставлены в самом начале распространения фоллисов класса В.*** Это подтверждает клад из Скалы (98 фоллисов класса А-2 и

[9] Кроме названных автором 16 экз. фоллисов класса А-2 и 3 экз. — класса В, найденных при раскопках 50-х гг., в музее Силистры хранятся еще 2 фоллиса класса А-2, а в музейной коллекции г.Алфатар — еще 3 фоллиса класса А-2.

[10] Два фоллиса класса А-2 найдены в ходе археологических раскопок 1997-1998 гг., а два других хранятся в музее Силистры.

[11] Кроме фоллисов, о жизни на памятнике Кладенци в начале XI в. свидетельствуют фрагменты керамики, сделанной на быстром круге, и тара. См. Ваклинов, Станилов 1981: 53-67.

Табл. 1. Места находок, количественное и процентное соотношение анонимных фоллисов классов А-2, В и С в наиболее значительных укреплениях и городах Добруджи (По Д.Меткалфу, Ив.Йорданову, Э.Оберлендер-Тырновяну, Г.Мэнуку-Адамештяну, Б.Митря, Г.Атанасову, В.Йотову, В.Парушеву и Г.Дзаневу).

С	В %	средний A_2 %	С - по Д.Меткалфу 1034 - 1041 С - по Грирсону 1042 - 1050	В 1028 - 1034 по Д.Меткалфу В ≈ 7г. 1030/35-1042 по Грирсону	$A_2 + A_3$ 989 - 1028 по Д.Меткалфу A_2 ≈ 50г. 976 - 1030/35 по Грирсону	Класс анонимных фоллисов / Местонахождение и кол-во %
	38%	62%				
	В	A_2	23	24 ≈ 34%	47 ≈ 66%	Доростол до 1985 г.
			114	64 ≈ 34%	123 ≈ 66%	Исакча
			93	60 ≈ 38%	98 ≈ 62%	Нуфэру (Вичина?)
			183	93 ≈ 57%	71 ≈ 43%	Пэкуюл луй Соаре
			76	72 ≈ 37%	122 ≈ 63%	Диногеция
			5	5 ≈ 30%	12 ≈ 70%	Капидава
			16	12 ≈ 41%	17 ≈ 59%	Тулча
			534	259 ≈ 36%	468 ≈ 64%	Тулча и регион
			216	142 ~ 42%	194 ~ 58%	Констанца и регион
			6	64 ≈ 40%	255 ≈ 60%	Плиска до 1985 г.
			35	236 ≈ 35%	429 ≈ 75%	Преслав до 1965 г.
			4	9 ≈ 75	3 ≈ 25%	Балчик
			Константин IX 1042 - 1055	38 ≈ 53%	34 ≈ 475	Одырци
			—	24 ≈ 8%	286 ≈ 92%	Скала
			—	3 ≈ 12%	21 ≈ 88%	Царь Асень
			—	—	7	Кладенци
			—	—	3	Руйно
			—	—	4	Окорш
			—	—	2	Беловец
			750	401 ≈ 38%	662 ≈ 62%	Северная Добруджа (по Г. Мэнуку-Адамештяну)
			314	253 ≈ 37%	428 ≈ 63%	Добруджа до 1985 по Ив. Иорданову
			43	246 ≈ 26%	710 ≈ 74%	Шуменский регион до 1985 по Ив. Йорданову
			96	154 ≈ 21%	594 ≈ 79%	Коринф
	61	A_2	154	218 ≈ 30%	530 ≈ 70%	Афины Агора

1 — В) и факт полного отсутствия в отдаленных от дороги, не располагавших ромейскими гарнизонами внутренних укреплениях, вроде Окорш, Беловец, Кладенци, Руйно, Балик (?) и др. (табл. 1), фоллисов класса В. Кроме того, в гораздо слабее укрепленных и меньших по размеру крепостях и поселениях типа Одырци (Парушев 1993: 158; МК 1995: 240), Тулча (Poreea, Bauman 1977: 208-211), Печеняга (Jordanov 1987: tabl. I, bl. 8) и др. (хотя бы и расположенных на берегу Дуная), где после 1036 г. существует монетное обращение, процент фоллисов класса В в несколько раз выше по сравнению с памятниками Царь Асень и Скала и приближается к таковому в городах с непрерывавшейся жизнью — Нуфэру, Пэкуюл луй Соаре и др. (табл. 1). Совершенно ясно, что не величина и расположение укреплений имели решающее значение для процентного соотношения фоллисов двух классов. Определяющим является то, были ли они разрушены и оставлены в 1036 г. или же жизнь (непрерывная или восстановленная) продолжалась на них позднее.

На этом рельефно очерченом фоне следует вглядеться в существующие варианты хронологии рассмотренных класс фоллисов по Д.Меткалфу (который тяготеет или к которому тяготеют М.Томпсон, С.Морисон, Э.Оберлендер-Тырновяну, В.Иванишевич и Г.Мэнуку-Адамештяну) и Ф.Грирсону. Если Д.Меткалф прав, что фоллисы класса В чеканили между 1028-1034 гг., а нашествие печенегов в Добруджу явно произошло в 1036 г., то непонятно, почему в крепостях типа Царь Асень — Скала нет ни одного фоллиса класса С (1034-1041 гг. по его датировке), а фоллисов класса В так мало или они вообще отсутствуют? Даже если на мгновение представить, что описываемый регион опустошен в 1035 г., то и тогда вопрос остается открытым. Если же гипотетически допустить, что Добруджа подверглась нападению в 1034 г., то на памятниках Скала и Царь Асень следовало бы ожидать близкий к нормальному процент фоллисов класса В — 38 %. Если вслед за этим пренебречь сообщением Скилицы о том, что печенежское вторжение 1027 г. касалось северной половины фемы Болгария (район Белграда и Ниша), и связать его с Добруджей, то и тогда хронология фоллисов класса В по Д.Меткалфу оказывается неверной. Было показано, что в крепостях внутренней части Добруджи (Скала, Царь Асень, Средиште, Долина и Преселници) все же известны фоллисы класса В, которые известный нумизмат датирует после 1028 г., т.е. на год позже данного нашествия (табл. 1). Все это приводит меня к предположению, что предложенная Д.Меткалфом датировка фоллисов А-2 (точнее А-2 плюс А-3) и В неточна или, по меньшей мере, противоречит археологическим и письменным источникам.

Обратимся к хронологии анонимных фоллисов, предложенной Ф.Грирсоном, по которой класс А-2 относится к 976-1030/35 гг., а класс В — к 1030/35-1042 гг. В рассматриваемом ракурсе более важной оказывается проблема временной границы между двумя группами монет, поскольку именно здесь американский нумизмат выказывает наибольшие колебания, помещая ее в интервале между 1030 и 1035 гг.

Из сделанных выше наблюдений о сравнительно большом среднегодичном поступлении фоллисов класса В (речь идет о процентном отношении к классу А-2) можно заключить: при условии, что граница между двумя классами приходилась примерно на 1030-1033 гг., на памятниках Скала, Царь Асень и в кладе из Скалы нужно было бы ожидать больший процент таких монет. Однако, поскольку крепости Скала и Царь Асень разрушены и окончательно оставлены в 1036 г.[12] (Йотов, Атанасов 1998: 137; Димова 1993: 73), а фоллисов класса В здесь очень мало, я принимаю в качестве хронологического рубежа между классами А-2 и В 1034-1035 гг. В плане историческом и сообразно традициям византийской монетной чеканки более вероятен 1034 г., когда на трон в Константинополе взошел новый василевс Михаил IV (1034-1041). В соответствии с археологическими реалиями и монетным обращением во внутренней части Добруджи (низкий процент или даже полное отсутствие фоллисов класса В в крепостях), на данном этапе не следует полностью отбрасывать 1035 г. Однако только будущие раскопки и находки кладов будут способствовать окончательному разрешению возникшего вопроса. Тем не менее результаты последних археологических исследований во внутренней Добрудже и публикации новых монетных кладов приводят к выводу, что хронология для Ф.Грирсона фоллисов класса А-2 В заслуживает большего доверия, но «растянутую» границу между ними (1030-1035 гг.) следует свести к 1034 г. и, быть может, к 1035 г.

В итоге обращусь к поднятому выше вопросу: действительно ли заодно с крепостями во внутренней части Добруджи в 1036 г. были разрушены все придунайско-приморские укрепления и сельские поселения? В настоящее время бесспорные археологические факты о пожарищах имеются только в Силистре и Тулче (Ангелова 1973: 42; Mănucu-Adameşteanu 1995: 364) и предположительно — в Диногеции, Капидаве, Дервенте и Хыршова (Diaconu 1970: 44-49). П.Диакону категорично утверждает, что крепость на Пэкуюл луй Соаре избежала катаклизма 1036 г., а Капидаву считает классическим примером сожженной и оставленой после этой атаки крепости (Diaconu 1970: 46-49). Его основной аргумент — наиболее поздние фоллисы класса С, которые по использовав-

[12] В некоторых ранних публикациях (напр., Атанасов 1991) я считал более верным мнение В.Тыпковой-Заимовой о том, что Добруджа опустошена в 1034/35 г. (Тъпкова-Заимова 1976: 72 сл.).

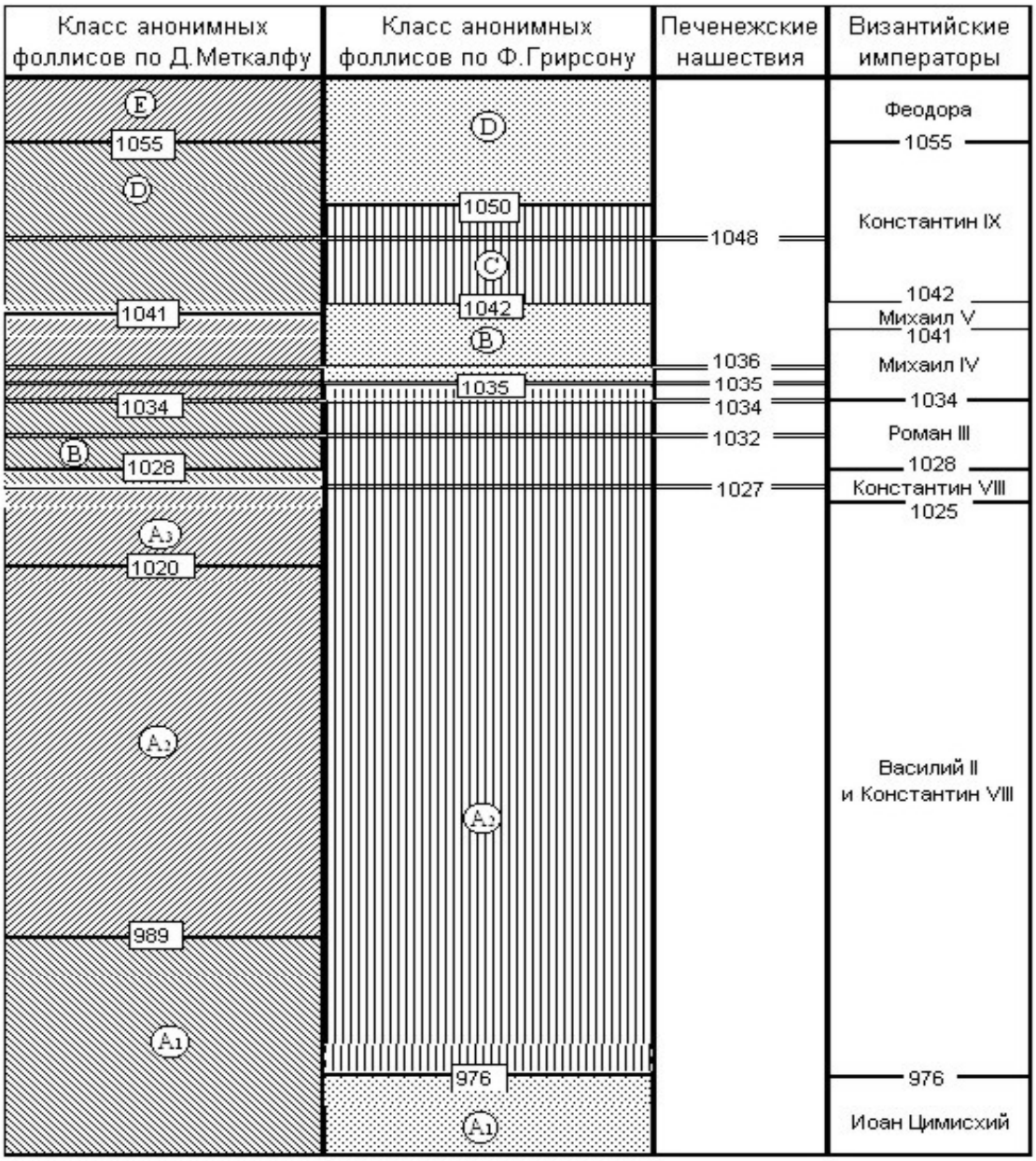

Таблица 2. Корреляционная таблица хронологии анонимных фоллисов классов А-1, А-2, В, С, D, Е (датировки по Д.Меткалфу и Ф.Грирсону) и печенежские нашествия начала XI в. по периодам правления византийских императоров.

шейся тогда хронологии М.Томпсона (позднее С.Морисона и Д.Меткалфа) датировались 1034-1041 гг. Если же обратиться к табл. 1, можно отметить, что процент анонимных фоллисов класса С по отношению к А-2 и В в Капидаве примерно такой же, как в городах с непрерывавшимся тогда монетным обращением (Коринф, Афины, Нуфэру и др.). Но даже если бы и была верна датировка фоллисов класса С Томпсона-Морисона-Меткалфа (1034-1041), и при этом прав П.Диакону насчет разрушения и оставления Капидавы в 1036 г., т.е. спустя год-полтора после начала выпуска фоллисов класса С, то процент этих монет должен был бы быть намного меньшим. Исходя из сделанного выше заключения о том, что крепости внутренней Добруджи и Лудогория бесспорно оставлены в 1036 г., т.е. в начале распространения фоллисов класса В (1034/35-1041 по Ф.Грирсону и Г.Атанасову), очевидным становится факт продолжения (или восстановления?) жизни в Капидаве после 1036 г. Поскольку более достоверной можно считать хронологию фоллисов класса С по Ф.Грирсону — 1042-1050 гг., самым вероятным является предположение, что Капидава была сожжена и оставлена при следующем набеге печенегов в 1046 г. (Skylitzes-Cedrenus 1839: II, 582-585; ГИБИ 1965: 313; Diaconu 1970: 56 sq.; Тъпкова-Заимова 1976: 75-78). Монетные находки указывают, что тогда

же брошены еще Плиска и Одырци (табл. 1, 2). Наличие значительного количества фоллисов классов В и С в Исакче, Нуфэру, Диногеции, Балчике, Констанце при сходном соотношении монет классов А-2, В и С в городах с непрерывной жизнью (Коринф и Афины) вновь ставят под вопрос идею П.Диакону о том, что в 1036 г. произошло тотальное разрушение крепостей Добруджи. Это утверждение совершенно верно для внутренней части региона, но едва ли в полной мере относится ко всем придунайским и приморским крепостям, сельским поселениям и городам. Так, например, исследователями Нуфэру (Baraschi 1991: 399-409) не обнаружены слои пожарищ и монетные клады, которые бы указывали на то, что этот крупный центр, соотносимый мною с Вичиной[13] (Atanasov 1994: 109), пострадал в 1036 г. Тот же вывод напрашивается и при взгляде на картину монетной циркуляции в Исакче (табл. 1). Одновременно в Силистре и Тулче, где археологически засвидетельствованы следы пожара 1036 г., найдено сравнительно большое количество анонимных фоллисов класса В и С, в процентных выражениях близкое к ситуации в названных выше городах и крепостях с непрерывавшейся жизнью (табл. 1). Очевидно, во время трех весенних атак 1036 г. печенеги едва ли полностью смели дунайский лимес, но местами прорвали оборону и сумели взять некоторые форпосты, такие, как Доростол, Тулча и Дервент. Предполагается, что это также относится к Диногеции и Хыршова, хотя сведения об этом однозначно не подтверждены. Однако во взятых в 1036 г. придунайских центрах (в частности, в Доростоле и Тулче) монетная циркуляция не пресекается (табл. 1). Это может означать только одно: в течение непродолжительного времени после своих опустошительных рейдов весны 1036 г. варвары покинули Добруджу. После их ухода во взятых ими стратегических пунктах на Дунае, каковыми являются Силистра и Тулча, и в Причерноморье (?) жизнь возобновилась, а поэтому хиатус в монетном обращении не фиксируется. При этом во внутренних районах Добруджи, то ли из-за слабости крепостей, не имеющих большого стратегического значения, то ли из-за уменьшения человеческого потенциала, укрепления не были восстановлены. По этой причине в них отсутствуют анонимные фоллисы класса С (и следующих классов), а монеты класса В составляют незначительный процент. Следует не забывать и о том, что в случае угрозы нападения византийский флот всегда мог оказать продовольственную и военную помощь прибрежным крепостям (Ahrweiler 1966: 150-152; Тъпкова-Заимова 1976: 116-117; Атанасов 1991а), в то время как крепости, отдаленные от пристаней, были лишены такой возможности. Нет сведений о том, не привели ли землетрясения 1037 г. и другие природные катаклизмы к засухам и похолоданиям во внутренних степных районах, которые могли бы стать дополнительным препятствием на пути их прочного освоения населением (Тъпкова-Заимова 1976: 116-117; Атанасов 1991а). Как бы то ни было, очевидно, что в результате действия целого комплекса причин в интервале между 1036 г. и началом XVI в. во внутренних частях Добруджи и Лудогория постоянные поселения и крепости не создавались (рис. 1). Отдельные изолированные монеты из этого региона, выпущенные позднее середины XI в. (классы С, D, E, F и пр.), к тому же попавшие в коллекции случайно и не имеющие точно установленного местонахождения[14] (Парушев 1993: 151, 153, 156-164), на данном этапе не в состоянии поставить под сомнение сделанный вывод.

Наконец, следует сказать о продолжительности пребывания печенегов в Добрудже и Северо-Восточной Болгарии после трех нашествий весной 1036 г. Археологические наблюдения на памятниках Скала и Царь Асень оставляют впечатление, что оно было кратким (Йотов, Атанасов 1998: 58, обр. 49, 69, 90-91, 110, 119-120, 137; Димова 1993: 73; Димитров 1993: 105-109), поскольку процент печенежской керамики и типично печенежских украшений мал по сравнению с крепостями, в которых пришельцы обитали долго, в течение 40-80-х гг. XI в. — Плиска, Диногеция, Одырци[15], Силистра (Дончева-Петкова 1971: 32 сл.; 1993: 142; Балабанов 1992: 166 сл.; Donceva-Petkova 1987: 77-82; Angelova 1987: 96-98; Ştefănescu, Barnea, Comşa M., Comşa E. 1967: 180-185). Моя констатация хронологически совпадает с фактом похода печенегов в 1036 г. на Киев, когда дружины русского князя Ярослава Мудрого (1019-1054) наголову разбили и рассеяли кочевников[16] (Moravscik 19: II, 89-90; Пархоменко 1929-1930: 138). После этого крупного поражения печенеги настолько утратили свою мощь, что вплоть до 1048 г. не отмечен ни один набег степняков в направлении Византии и Киевской Руси (Тъпкова-Заимова 19: 74-75; Diaconu 1970: 50-55). Как это известно, кочевники обычно нападали на русские земли ранней осенью с целью завладения только что

[13] Со своей стороны, П.Диакону считает, что Вичина должна идентифицироваться с Пэкуюл луй Соаре (Diaconu 1970: 409 etc.).

[14] Ни одна из указанных монет, датированных позже фоллисов класса В, не найдена во время археологических раскопок.

[15] Верно, что крепость Одырци сожжена в 1036 г., однако позднее тут вновь поселяются люди. Это подтверждает большой процент фоллисов класса В (по сравнению с памятниками Скала и Царь Асень) и находки миллиарисиев Константина IX Мономаха (1042-1055).

[16] Согласно В.Тыпковой-Заимовой, Византия укрепила дунайскую границу после 1036 г. (Тъпкова-Заимова 1976: 74), а по П.Диакону, прекращение печенежских нашествий после 1036 г. следует объяснять заключением мира (Diaconu 1970: 50-55).

собранным урожаем земледельцев[17], поэтому, вероятно, печенеги пребывали во взятых ими добруджанских крепостях с марта-апреля по август-сентябрь 1036 г., т.е. на протяжении примерно шести месяцев. Вот почему следы их стоянок на памятниках Скала и Царь Асень, где печенеги отсутствовали после нашествия 1048 г., столь малы. И все же разорения 1036 г. имели вековые катастрофические последствия для монетного обращения и жизни десятков поселений (главным образом крепостей) на огромной территории от Дуная до предгорий Балкан и от Черного моря до р.Белый Лом (рис. 1).

ЛИТЕРАТУРА.

Александров Г. 1977. Резултатите от разкопите на калето в Михайловград // ИМСЗБ. 1.

Александров Г. 1985. Средновековен некропол до Михайлов град // ИМСЗБ. 10.

Ангелова Ст. 1973. Крепостната стена Дуростроурум — Дръстър — Силистра // Археология. 3. С. 83-93.

Ангелова Ст. 1988. Археологическото проучване на средновековния Дръстър (резултати и перспективи) // Дуростроурум — Дръстър — Силистра (Сборник с изследвания). Силистра, 1988.

Аспарухов М. 1992. Проучвания върху топографията на средновековното селище при античния и късноантичния град Colonia Ulpia Oescensium // ИМСЗБ. 19.

Аспарухов М. 1996. Хронологическа и етническа характеристика на калето край град Никопол // ИМСЗБ. 24.

Атанасов Г. 1991. Етнодемографски промени в Добруджа X-XVI в. // ИПр. 2. С. 75-89.

Атанасов Г. 1991а. Поглед към добруджанския дунавски бряг през средновековието // ИПр. 8-9.

Атанасов Г. 1998. Средновековни крепости и селища в Крайдунавска Добруджа в светлината на археологическите проучвания // Сто години Исторически музей — Силистра. Юбилейно издание. Силистра.

Атанасов Г., Йорданов Ив. 1994. Средновековният Ветрен на Дунав. Шумен.

Балабанов Т. 1992. Жилища край северната и източна крепостна стена на Плиска // Плиска — Преслав. 5.

Ваклинов Ст., Станилов Ст. 1981. Кладенци. Ранносредновековно българско селище. Варна.

Вълов В. 1987. Седалище и териториален обхват на Видинска област от края на IX до началото на XI в. // ИМСЗБ. 13.

Генова Е. 1974. Средновековна църква в с.Гиген // МПК. 1.

ГИБИ 1965. — Гръцки извори за българската история. Т. VI. София.

Джингов Г. 1966. Принос към културата на Преслав и неговата околност // Археология. 2.

Джингов Г. 1979. Калиакра. София.

Джингов Г. 1990. Калиакра. I. София.

Джингов Г., Машов Сп. 1985. Археологически паметници край Лютиброд, Врачански окръг // ИМСЗБ. 10.

Димитрова Д. 1985. Археологически паметници във Врачански окръг. София.

Димитров М. 1988. Приноси към историята на град Балчик // Добруджа. 5. С. 71-86.

Димитров М. 1990. Балчик — Древност и Съвремие. София.

Димова В. 1993. Ранносредновековната крепост до с.Цар Асен, Силистренско (Крепостни съоръжения, жилища и църковна архитектура) // Добруджа. 10. С. 54-75.

Динић М 1978. Браничево у средњем веку. Српске земље у средњем веку. Београд.

Дончева-Петкова Л. 1971. Средновековни глинени съдове с вътрешни уши // Археология. 4.

Дончева-Петкова Л. 1981. Средновековното селище при с.Одърци, Толбухински окръг // ИНМВ. 17. С. 19-28.

Дончева-Петкова Л. 1993. Средновековен некропол при село Одърци, Добричко // Добруджа. 10.

Дремсизова-Нелчинова Цв., Иванов Д. 1983. Археологически паметници в Русенски окръг. София.

Йотов В., Атанасов Г. 1998. Скала. Крепост от X-XI в. до с.Кладенци, Тервелско. София.

Иванов П. 1977. Археологически разкопки в местността Градището при Враца // ИМСЗБ. 14. С. 65-70.

Иванов П. Крепостта «Големия град» при Старо село, община Мездра // ИМСЗБ. 24. С. 73-81.

Калић Ј . 1967. Београд у средњем веку. Београд.

Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей (Под ред. Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева). М.

Кузев А. 1981. Български средновековни градове и крепости. I. Варна.

Миланов М. 1979. Археологически обекти и находки // ГМСЗБ. 3. С. 57-91.

Миланов М. 1981. Археологически обекти и находки // ГМСЗБ. 5. С. 37-54. Миланов М. 1982. Археологически обекти и находки // ГМСЗБ. 7. С. 9-27.

Мирчев М., Тончева Г., Димитров Д. 1962. Бизоне — Карвуна // ИБАД. XIII.

Митова-Джонова Д. 1979. Археологически паметници в Плевенски окръг. София.

МК 1995. — Материали за картата на Средновековна българска държава (Територията на днешна североизточна България) // Плиска — Преслав. 7.

Овчаров Д. 1982. Византийски и български крепости V-X в. София.

Парушев В. 1993. Непубликувани средновековни монети от Южна Добруджа VIII-XIV в. // Добруджа. 10.

ПВЛ 1950. — Повесть временных лет. I. М.

Поповић М. 1982. Београдска тврђава. Београд.

Поповић М., Иванишевић В. 1988. Град Браничево у средњем веку // Старинар. XXXIX.

Рашев Р. 1982. Старобългарски укрепления по Долния Дунав VII-XI в. Варна.

Станчева М., Дончева-Петкова Л. 1972. Средновековна битова керамика от Ескус при с.Гиген // Археология. 1. С. 22-31.

Тъпкова-Заимова В. 1976. Долни Дунав — гранична територия на византийския запад. Към историята на Северните и Североизточни български земи в края на X-XII в. София.

Ahrweiler H. 1960. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe-XIe siècles // BCH. 84. P. 36-51.

[17] На это обстоятельство обратил мое внимание доц. Пл.Павлов.

Angelova St. 1987. Sur la caracteristique de la céramique du Haut Moyen âge provenant de Drăstăr (Silistra) // Dobrudša. Etudes ethno-culturelles. Sofia.
Aricescu A. 1971. Noi date despre cetate Hîrşova // Pontica. IV.
Atanasov G. 1994. La Vicina médievale et la fortresse de Nufăru // EB. 1. P. 109-128.
Baraschi S. 1991. Unele probleme despre Proslavița // Peuce. X. P. 399-409.
Barnea I. 1984. Săpăturile de salvare de la Noviodunum // Peuce. IX.
Constantine Porphirogenitus. 1967. De administrando imperio (ed. by C.Moravcsik, transl. by R.J.Jenkins). Washington.
Diaconu P. 1969. Une information de Skylitzes-Cédrénus à la lumiere de l'archéologie // RESEE. VII. 1.
Diaconu P. 1970. Les petchénegues au Bas-Danube. Bucarest.
Diaconu P. 1976. Păcuiul lui Soare — Vicina // Byzantina. 8.
Diaconu P., Vîlceanu L. 1971. Păcuiul lui Soare. I. Bucureşti.
Donceva-Petkova L. 1987. Sur la chronologie du site bulgare médiéval près du village Odarci, département de Tolbuhin // Dobrudša. Etudes ethno-culturelles. Sofia.
Florescu Gr., Florescu R., Diaconu P. 1958. Capidava. I. Bucureşti.
Grierson P. 1973. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. III. 2. Washington.
Grierson P. 1980. Byzantine Coins. London.
Ivanisevic V. 1989. Interpretation and Dating of the Folles of Basil II and Constantine VII — the Class A-2 // ZRVI. XXVII-XVIII. P. 19-40.
Jordanov Iv. 1987. Dobrudša (491-1092) — selon les données de la numismatique et de la sphragistique // Dobrudša. Etudes ethno-culturelles. Sofia.
Mănucu-Adameşteanu G. 1991. Circulația monetară la Nufăru în sec. X-XIV // Peuce. X.
Mănucu-Adameşteanu G. 1995. Raportul final asupra locuirii medievale timpurii de la Aegyssus-Tulcea (secolele X-XV) // Peuce. XI.
Metcalf D. 1970. Interpretation of the Byzantine «Rex Regnantium» Folles of the Class «A» // Numismatia chronicle, 3th series, 10.
Metcalf D. 1979. Coinage in South-Est Europe (820-1396). London.
Mitrea B. 1961. Découvertes récentes et plus anciennes de monnaies antiques et byzantines sur le territoire de la RPR // Dacia. V.
Mitrea B. 1963. Découvertes récentes et plus anciennes de monnaies antiques et byzantines sur le territoire de la RPR // Dacia. VII.
Mitrea B. 1965. Découvertes récentes et plus anciennes de monnaies antiques et byzantines sur le territoire de la RPR // Dacia. IX.
Moravcsik C. 1958. Byzantinoturcica. I. Berlin.
Morrisson C. 1970. Cathalogue des monnaies byzantines de la Bibliotheque Nationale. II. Paris.
Oberländer-Târnoveanu E. 1980. Cronica descoperirilor monetare din Nordul Dobrogei // Peuce. VIII. P. 507-511.
Oberländer-Târnoveanu E. 1984. Cronica descoperirilor monetare din Nordul Dobrogei // Peuce. IX. P. 274-277.
Oberländer-Târnoveanu E. 1991. Cronica descoperirilor monetare din Nordul Dobrogei // Peuce. X. P. 575-586.
Oberländer-Târnoveanu E. 1994. Cronica descoperirilor monetare din Nordul Dobrogei // Peuce. XI.
Oberländer-Târnoveanu E. 1994-1995. Monede antice şi bizantine descoperite la Nufăru (jud. Tulcea) păstrate în colecția Muzeului militar Național // BSNR. LXXXIX-LXXXX. P. 71-85.
Oberländer-Târnoveanu E. 1996. Cronica descoperirilor monetare din Nordul Dobrogei // Peuce. XII. P. 295-309.
Oikonomides N. 1972. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris.
Oikonomides N. 1976. L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire byzantin au XIe siècle (1025-1118) // Travaux et Mémoires. 6.
Popeea Al., Baumann V. 1977. Monede bizantine anonime şi skifate în colecția muzeul din Tulcea // Peuce. VI. P. 207-224.
Skylitzes-Cedrénus. 1839. Historiarum compendium. II. Bonn.
Thompson M. 1954. The Athenian Agora. II. Coins. From the Roman Through the Venetian Period. Princeton, New Jersey.
Ştefănescu Şt., Barnea I., Comşa M., Comşa E. 1967. Dinogeția. I. Bucureşti.
Ştefănescu Şt., Barnea I. 1971. Din istoria Dobrogei. III. Bucureşti.
Vertan A., Custurea G. 1982. Descoperiri monetare în Dobrogea // Pontica. XV.

В.Л.Мыц, С.Б.Адаксина

НАХОДКИ ЗОЛОТЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК АЛУСТОНА

V.L. Myts, S.B. Adaksina. The Findings of Golden Byzantine Coins from Aluston Excavations

The article is dedicated to publication of two golden Byzantine coins found during excavation in citadel of Middle Age Alushta by the Mining-Crimean expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Science of the Ukraine in 1990-1991 years (Site No. 9). The findings represent a nomisma of Nicephorus II Phocas (963-969) and a hyperpyron of John III, Ducas-Vatatzes (1222-1254). The first coin was found in 1990 when clearing the passage between the chambers 47 and 98, where a part of cultural layer of X century was discovered preserved after the reconstruction held in citadel in XI-XIV centuries. The layer belonging to X century was formed due to a fire and destruction of a tiled house. The tiles were later used for II paving the Longitudinal street. The nomisma is well preserved and had been circulating for a relatively short period of time. Its closeness to the standard weight 4.42 gr., whilst the standard weight of nomisma was 4.55 gr.) allows qualifying it as nomisma-hystamenon, which after Nicephorus Phocas' reform was different from the lighter coin, tetarteron, by 1/10 of the weight.

The finding of a hyperpyron (4.36 gr.) of John III, Ducas-Vatatzes can be considered still more rare, if unique for Crimea. The coin was found in the chamber No. 99 built in XIII century and which severely suffered of a fire. The ash layer and the fire signs were sorted out already at the beginning of XIV century. That is how the hyperpyron, together with the remains of the fire, happened to be under the floor of the XIV-XV century house.

The published Aluston coins can be classified as rare ones, because till recently in Crimea and in the North Black Sea region they are represented by unique copies. Their findings provide evidence on the fact that this fortified place was subject to military, political and economic influence of Byzantium in X-XIII centuries. In editors' view, Nicephorus II Phocas' solid has its origins in the fire layer of 60-70s of X century, which can be presumably connected with the concluding phase of Byzantine fight with Khazar Khaganate to dominate over Gotia Clymats, whilst John III, Ducas-Vatatzes' hyperpyron, according to the accompanying archaeological context, from the Aluston's destruction layer left by the Mongols in spring – summer 1278.

В ходе археологических раскопок средневековой Алушты, проводившихся Горно-Крымской экспедицией Института археологии НАН Украины с 1984 г., к сезону 1991 г. в нумизматической коллекции насчитывалось всего 25 находок монет, которые представлены 4 группами:

1) позднеантичные – 1 (медная монета Боспорского царя Иненфимея 327 г.н.э.);

2) византийские – 7;

3) золотоордынские – 2;

4) Крымского ханства – 15 [1]. При условии, что к этому времени была полностью или частично изучена площадь около 3000 тысяч кв. м (глубина раскопов при этом составляла 1,5 – 3,2 м), становится очевидной крайняя малочисленность монет бывших в употреблении у обитателей этого небольшого приморского укрепления, которое на протяжении X – XV вв., согласно свидетельств различных письменных источников, являлось городом. Если учесть хронологический диапазон монетных находок – III – XVIII вв., то можно говорить о значительной степени натурализации хозяйства Алустона, как провинциального центра Таврики.

Из 7 найденных в разные годы раскопок византийских монет 3 оказались плохой сохранности (условно их удалось определить, как чеканенные до XIII в.). Одна медная монета относится к херсонесо-византийским с монограммой «РО» и по сопутствующему археологическому контексту может быть отнесена к XII – XIII вв. В 1987 г. в помещении 47 на дне пифоса № 5 найдена медная монета (тетартерон), чеканенная в Константинополе во время правления Андроника I Комнина (1183 – 1185 гг.), на лицевой стороне которой изображена стоящая фигура Богоматери, а на оборотной – Христос, коронующий императора. Помещение 47 погибло в результате пожара. Здесь, в слое завала и мощного горения, найдено несколько десятков керамических сосудов и других предметов, аналогичных изделиям из слоя гибели Херсонеса, произошедшего в результате нападений монголов в 70-90-е гг. XIII в. Таким образом, данная монета примерно на сто лет «отстает» от реального времени гибели городского дома, располагавшегося в цитадели Алустона, и находилась в обращении относительно длительное время.

Особый интерес из этой группы нумизматических находок представляют две золотые монеты, обнаруженные при раскопках Алустона. Это солид Никифора II Фоки (963 – 969) и пер-

[1] Определение монет выполнено ст.н.с. Отдела нумизматики Гос.Эрмитажа М.Б.Северовой. За эту любезность авторы ей весьма признательны.

© В.Л.Мыц, С.Б.Адаксина, 1999.

Рис.1,1.Номисма Никифора II Фоки (963 - 969) а) лицевая сторона; б) оборотная сторона;

2. Перпер Иоанна III Дуки Ватаца (1222 - 1254) а) лицевая сторона; б)оборотная сторона.

пер Иоанна III Дуки Ватаца (1222 – 1254).

1. Никифор II Фока (963 – 969) (рис. 1,1).

Л.С.+ΦEOTOC'B.HE'NICHF,DECH'. Помещены поясные изображения Богоматери и императора, держащих правыми руками шестиконечный крест (рука императора расположена ниже руки Богоматери). По сторонам изображения Богородицы (на уровне плеч) буквы М и Ф. Император одет в мантию (или пластинчатый панцирь), расшитую квадратами, украшенными драгоценными камнями. На голове императора корона, увенчанная крестом и препендулиями.

О.С.+INSXISREXREVINANTIhM. Погрудное изображение Спасителя, который правой рукой отворачивает край хитона, а левой у груди придерживает Евангелие. Голова Христа окружена нимбом с крестообразным делением.

Вес: 4,42 г; диаметр – 19 мм.

Wroth 1908:271 N2 Pl. LIV,4; Grierson 1973: Pl. XLI,6,1; Толстой 1991: 49-50 № 1-5 [2].

Монета найдена в 1990 г. в раскопе № 9 при расчистке прохода между помещениями 47 и 98. Здесь был открыт участок культурного слоя X в., сохранившийся после перестроек, происходивших на территории цитадели Алустона на протяжении XI – XIV вв. Слой X в. образовался в результате пожара и разрушения дома, перекрытого черепичной кровлей, которую впоследствии использовали для вымостки II Продольной улицы [3].

2. Иоанн III Дука Ватац (1222 – 1254) (рис. 1,2).

Л.С. Изображение императора и Богородицы в полный рост. Иоанн в короне без креста с препендулиями. Облачен в долматик и лоран, конец которого перекинут через левую руку. Правой рукой держит лабар. Богородица венчает императора, правой рукой касаясь короны. Вокруг головы Богородицы нимб. По сторонам фигур императора и Богородицы надпись:

Iω V
- C ↓
- П П
Ф

О.С. Изображение Спасителя на троне с высокой спинкой. На сиденье уложена подушка. Правая рука поднята, вероятно, благословляет двумя перстами, отворачивая при этом край гиматия. Левая рука опущена на колени и придерживает Евангелие. Под ногами ковер или скамейка. С правой стороны нимба видна буква X, а у левого плеча – C. С левой стороны буквы IC из-за смещения штемпеля не просматриваются: - X
- C

Вес: 4,36 г; диаметр 25 мм.

Идентичные нашей находке монеты происходят из раскопок цитадели Червена (Димова 1985: 273, 283, табл. 3,1-3) [4]. Рассматриваемая находка происходит из раскопа № 9 и обнаружена в помещении 99 у восточной стены здания. Помещение было построено в XIII в. и силь-

[2] С нашей находкой совпадает надпись и изображение на оборотной стороне монет под № 1 – 4, а на лицевой стороне с монетой № 5, которая по типу наиболее близка находке из Алустона, потому что при их чеканке использовался практически один штемпель. Аналогичные экземпляры номисм хранятся в нумизматической коллекции Эрмитажа (Толстой 1991: 121, прим. 36, 37).

[3] В 1991 г. местным жителем нам была представлена совершенно аналогичная монета, которая якобы была найдена зимой при планировке грунта у западной оборонительной стены цитадели. Но мнения "очевидцев" находки не совпадали: одни настаивали на том, что монета была обнаружена при прокопке не выбранного археологами грунта в самом раскопе № 9 осенью после завершения на Алустоне работ экспедиции, а другие утверждали, что монету вымыло дождями на западном склоне Крепостной горки в том месте, куда археологи ссыпали отвал из раскопа № 9 в 1990 г. В любом случае у нас есть основания считать, что из цитадели Алустона происходят две однотипные золотые монеты Никифора II Фоки: одна – найденная археологами – поступила на хранение в фонды Института археологии НАН Украины (кп. № 692), а другая – из раскопок кладоискателей – попала в частную коллекцию и ее дальнейшая судьба нам не известна.

[4] Следует отметить, что мастер при подготовке штемпелей для перперов Иоанна III Дуки Ватаца, вероятно, использовал в качестве прототипа монеты Иоанна II Комнина (1118 – 1143), поэтому сходство сюжетов на обеих сторонах монет и некоторых деталей нельзя считать случайностью. Монета хранится в фондах Института археологии НАН Украины (кп. 691).

но пострадало во время пожара, после которого слой завала и следы пожара разбирались уже в начале XIV в. Монета найдена под полом дома XIV – XV вв. вместе с остатками неубранной части пожара, приведшего к разрушению дома, произошедшего в последней трети XIII в.

Публикуемые монеты из Алустона относятся к разряду редких, потому что до настоящего времени представлены в Крыму, как и в районе Северного Причерноморья, единичными экземплярами (Кропоткин 1962). Например, единственный солид Никифора II Фоки происходит из раскопок Херсонеса, проводившихся на территории городища еще до революции — найден в 1904 г. во время раскопок Д.Н.Косцюшко-Валюжинича в склепе № 1568, открытом рядом с крестообразным храмом (ИАК 1906: 79). За последние десятилетия здесь найдено еще 5 монет различного номинала, чеканенных в период правления этого императора (Белова 1953: 263, № 206; 275 № 205; Богданова 1991: 157, табл. 1). Находки номисм известны в крупных торговых центрах X в.: Киеве (Зоценко 1991: 64 – 65, табл. на с. 75) и Саркеле (Кропоткин 1962: 27; № 87, 89), хотя и отмечено проникновение монет более мелкого номинала относительно далеко на северо-запад – в Юго-Восточную Прибалтику, а также в Эстонию и Латгалию (Зоценко 1991: 70 – 71). Милиарисий Никифора II Фоки обнаружен в кочевническом погребении у с. Ижицкое (Очаковский р-н Николаевской обл.) совместно с 4 монетами Иоанна Цимисхия (969 – 976) (Карышковский 1971: 84, № 24; Дзиговский 1981: 142, № 20; Столярик 1992: 95). Среди 5 монет Никифора II Фоки, известных на территории Добруджи, отмечена находка только одной номисмы (Stoljarik 1993: 168, Tabl. 14).

Еще более редкой, если не уникальной для Крыма, можно считать находку перпера Иоанна III Дуки Ватаца (1222 – 1254). Среди публикаций нумизматических материалов из Херсонеса имеются сведения только об одной (или двух) монетах этого императора, причем номинал монет не определен (Алексеенко 1988: 77; Калашник 1989: 186; Романчук 1991: 234; Богданова 1991: 158, табл. 1). Еще один перпер, относящийся к чекану Никейской империи, принадлежит сыну Иоанна III Дуки Ватаца – Феодору II Ласкарису (1254 – 1258) и происходит из слоя гибели Эски-Кермена, датируемого последней третью XIII в. (Веймарн 1982: 76).

Находки золотых византийских монет из цитадели Алустона свидетельствуют о том, что этот укрепленный пункт в X – XIII вв. находился в системе военно-политического и экономического влияния Византии. Для нас особый интерес представляет их обнаружение в слоях, связанных с периодами тотальных разрушений, происходивших на памятнике в последней трети X и XIII вв., что позволяет определить место средневековой Алушты в общем контексте исторических событий, происходивших в Таврике в эти периоды.

В научной литературе уже неоднократно отмечалось, что X в. был наполнен событиями военно-политического характера, приведшими к гибели многих памятников, открытых в ходе раскопок на территории полуострова. До настоящего времени исследователи расходятся во мнении о причинах, приведших к этим катастрофическим последствиям. Например, при исследовании цитадели Алустона в 1987 – 1990 гг. выявлено 4 слоя пожара и разрушения X в. В то же время за пределами крепостных стен открыт только один слой пожара с материалами X в. Солид Никифора II Фоки происходит из самого верхнего слоя гибели крепости, произошедшей в X (?) столетии. Слабая потертость монеты указывает на то, что она находилась в обращении относительно недолго. Следовательно, данная находка позволяет определить время, не ранее которого в цитадели крепости произошел пожар – 963 – 969 гг. Е.А.Паршина отмечает значительные разрушения в Партените, датирует эти события X в. и связывает их со стихийным бедствием — землетрясение, сель (Паршина 1991: 95). В известных нам источниках действительно фиксируется несколько сильных землетрясений, затронувших, прежде всего, район Константинополя: в 908 г., когда «…паде града некая часть, и много палат разсыпася» (ПСРЛ 22: 157); в 989 г., произведшее большие разрушения в столице империи (Мушкетов, Орлов 1893: 115), но каковы были последствия этих катаклизмов в Таврике – неизвестно. Наиболее мощное землетрясение, охватившее практически весь земной шар, произошло 29 марта 1000 г. (Мушкетов, Орлов 1893: 241).

Большинство исследователей склонно считать причиной гибели многочисленных поселений (в том числе и некоторых городов) Северного Причерноморья изменение военно-политической обстановки в этом регионе, связанное с хазаро-печенежскими и хазаро-византийскими войнами, в которых активное участие принимали и дружины руссов. Воспользовавшись походом руссов под предводительством Хельгу на Тамань (?) в 932 г., Византия попыталась восстановить свою власть в Таврике. Роман I (920 – 944) направил в Крым войска, которые овладели Климатами (Mosin 1931: 313). Но в 933/34 г. византийцы потерпели поражение у крепости Вилендар от тюрок, обитавших к западу от Алании (Брун 1877: 18). В следующем (935 г.) союзники хазар — черные булгары — под предводительством Пейсаха предприняли опустошительный поход в Таврику: «… А захватил он (Пейсах – В.М.) три города и, кроме того, много селений» (Mosin 1931: 313; Gold, Pritsak 1982: 117; Новосельцев 1990: 216). Согласно Кембриджскому документу, уже около

940 г. русы (очевидно, не без влияния Византии) совершили нападение на хазар в районе Боспора и захватили крепость Самкерц (Коковцев 1932: 118; Новосельцев 1990: 216).

Войны 30 – 60-х гг. X в. в конечном итоге привели к ослаблению власти хазар в Таврике. Но о том, что хазары еще в 50 – 60-е гг. X в. сохранили под своим контролем часть Крымского полуострова, свидетельствует переписка между визирем Кордовского халифа Абдурахмана III Хасрай Ибн Шапсутом и каганом Иосифом — время его правления определяется в пределах 920 – 960 гг. (Gold, Pritsak 1982: 137). Пространная редакция письма Иосифа дает представление о границах хазарских владений, достигавших районов горного Крыма и его побережья: «С западной стороны Ш-р-кил (Саркел), С-м-к-р-ц (Самкерц), К-р-ц (Боспор, Корчев), Сургай (Судак), Алус (Алустон), Л-мб-т (Ламбат), Б-р-т-нат (Партенит), Алубиха (Алупка), Кут(?), Манк-т (Мангуп), Бурк(?), Ал-ма(?), Г-ризин(?)» (Коковцев 1932: 98 – 102). Приведенный отрывок позволяет говорить о том, что Алушта и ее окрестности до 60-х гг. X в., вероятно, входила в состав владений кагана.

В 70-е гг. X в. Византия, во время правления императора Иоанна Цимисхия (969 – 976), прилагает новые усилия для установления контроля над побережьем Таврики. Согласно «Тактикону Икономидеса» (971 – 9745), к ранее существовавшей в Крыму феме Херсона дополнительно создается фема Боспора во главе со стратигом (Oikonomides 1972: 267). Климаты Готии (территория Горного Крыма от Алушты до Гераклейского полуострова) и Сугдея в это время, видимо, уже были включены в состав фемы Херсона. Таким образом, можно предположить, что окончательно Климаты Готии вошли в состав владений Византии в 60 – 70-е гг. X в. во время правления Никифора II Фоки (963 – 969) или Иоанна I Цимисхия (969 – 976). Военные успехи Никифора Фоки на Востоке создали необходимый базис для закрепления империи в Таврике, что было реализовано, вероятно, уже при Иоанне Цимисхии.

Восстановительные работы на территории цитадели Алустона (строительство трехнефной базилики, жилых и хозяйственных построек), которые датируются последней третью X в., предположительно можно связать с системой мероприятий, проводившихся в период правления Никифора Фоки. Так, например, епископ Кремонский Лиутпранд (был направлен Оттоном I послом в Константинополь) отмечает, что по распоряжению Никифора вокруг многих городов восточных провинций были возведены стены с целью безопасного сохранения в этих укрепленных пунктах запасов продовольствия для войска (Liutprandus 1915: 198). Как показали исследования последних лет, к этому времени в горном Крыму появляется около 30 укрепленных поселений, некоторые из которых существуют до XIII в. (Мыц 1991: 104). Значительные расходы на содержание армии и неурожаи, случившиеся несколько лет подряд, вынудили Никифора провести монетную реформу. В оборот было введено две номисмы – близкий к эталону гистаменон и облегченный примерно на 1/10 часть тетартерон. (Дашков 1997: 188). По замыслу реформаторов, уплата налогов должна была производиться полновесной монетой (гистаменонами), а расходы казны погашались облегченными номисмами (тетартеронами). Солид Никифора Фоки их Алустона близок к эталонному весу монеты – 4,42 г (при «идеальном» весе номисмы 4,55 г), следовательно, опубликованную монету можно отнести к типу номисма-гистаменон.

После X в. в Таврике на протяжении длительного времени (XI – XII вв.) не отмечается каких-либо военных столкновений, которые могли бы привести к разрушению городов и поселений. К резкому изменению военно-политической обстановки в Северном Причерноморье приводит в 1223 г. появление монголов, хотя, надо признать, большая часть Таврики и Херсон еще на протяжении нескольких десятилетий оставались в стороне от основных направлений их завоеваний. Первоначально монгольские удары были направлены на районы Восточного Крыма, прежде всего на Сугдею, как самый богатый и густонаселенный город, подвергавшийся нападениям в 1223 и 1238 гг. В 1249 г. монголами проводится перепись населения Сугдеи с целью сбора дани. Вполне вероятно, что именно в это время Херсонес и Климаты Готии попадают в зависимость от ордынцев. Население Юго-Западного Крыма и Южнобережья с укрепленными городами, замками, монастырями и сельскими поселениями сохранило автономию, выплачивая им дань. Об этом свидетельствует В.Рубрук, прибывший в Сугдею 21 мая 1253 г. (Rubruc 1838: 4-216-217). С этого момента почти на протяжении четверти столетия в Таврике не отмечено каких-либо военных акций со стороны монголов. В условиях относительно длительного мирного существования три архиепископии Крыма (Херсона, Готии и Сугдеи) после 1275 г. получают статус митрополий. К этому времени в Каффе генуэзцы учреждают консульство, но успешному развитию их торговли препятствует жесткая конкуренция со стороны старых торгово-ремесленных центров – Херсона и в особенности – Сугдеи, где обосновались венецианцы и которая находится на расстоянии дневного перехода от будущей столицы Крымского улуса – Солхата. К 1277 г. на периферии джучидского государства оставались незавоеванными часть Предкавказья и Горный Крым (Климаты Готии и Херсонес). В 1277/78 гг. при хане Менгу была завоевана и разрушена столица алан – Верхний Джулат (Дедяков). Весной 1278 г. монголы начинают завоевание горной части Таврики

(28 мая ими была разгромлена Сугдея). Есть основания предполагать, что этим походом, в результате которого были разрушены византийские города и замки Таврики (Херсонес, Эски-Кермен, Сюйрен, Тепе-Кермен, Бакла, Алустон и др.) руководил Ногай (Мыц 1997: 66), ставший еще при хане Берке беклярибеком и занимавший ключевые позиции в административном аппарате Золотой Орды (к этому времени в его управлении находилась и западная часть государства Джучидов, располагавшаяся между Дунаем и Днепром). Завоевание Херсонеса и Климатов Готии в 1278 г. позволило Ногаю включить эти территории в состав Крымского улуса, который был передан ему ханом Токтой в 1291 г. Таким образом, вероятнее всего, представленный в публикации перпер Иоанна III Дуки Ватаца (1222 – 1254), происходит из слоя разрушения Алустона монголами весной – летом 1278 г.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеенко Н.А. 1988. К вопросу о торгово-экономических связях византийского Херсона в XIII в. (по нумизматическим данным) // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М.

Белова Л.Н. 1953. Монеты из раскопок кварталов XV – XVIII // МИА. – М. – Л. – Т. 34.

Богданова Н.М. 1991. Херсон в X – XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М.

Брун Ф. 1877. О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и средних веках. Одесса.

Веймарн Е.В. 1982. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // Византия и ее провинции. Свердловск.

Дашков С.Б. 1997. Императоры Византии. М.

Димова В. 1985. Монетите от цитаделата // Средновековният Червен. София. Т. 1.

Дзиговский А.Н. 1981. Памятники кочевников IX – XIV вв. на западе черноморских степей (материалы к археологической карте) // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Зоценко В.Н. 1991. Византийская монета в Среднем Поднепровье // Южная Русь и Византия. Киев.

Карышковский П.О. 1971. Находки позднеримских и византийских монет в Одесской области // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса. Вып. 7.

Калашник Ю.П. 1989. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982 – 1988 гг.) // Итоги археологических экспедиций. Л.

Кропоткин В.В. 1962. Клады византийских монет на территории СССР // Археология СССР (САИ Е4-4). М.

Косцюшко-Валюжинич Д.Н. 1906. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1904 год // ИАК. Т. 20.

Коковцев П.К. 1932. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.

Мушкетов И., Орлов А. 1893. Каталог землетрясений в Российской империи // Зап. Русск. Геогр. О-ва. СПб. Т. 26.

Мыц В.Л. 1991. Укрепления Таврики X – XV вв. Киев.

Мыц В.Л. 1997. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Византия и Крым. Симферополь.

Новосельцев А.П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Паршина Е.А. 1991. Торжище в Партените // Византийская Таврика. Киев.

Романчук А.И. 1991. Хроника раскопок в Херсонесе // ВВ. Т. 51.

Столярик Е.С. 1992. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеантичное и византийское время, конец III – начало XIII в. Киев.

Толстой И.И. 1991. Византийские монеты. Барнаул. Вып. 10.

ПРСЛ. 1914. Хронограф западно-русской редакции. СПб. Т. 22. Ч. 2.

Grierson Ph. 1973. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Washington.

Golb N., Pritsak O. 1982. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; London.

Liutprandus. 1915. Liutprandus von Cremona. Die Werke. Leipzig.

Mosin V. 1931. Les Khazares et les Byzantins. D'après l'Anonyme de Cambridge // Byzantion. V. 6.

Oikonomides N. 1972. Les listes de présence Byzantines des IX et X siècles. Paris.

Rubruc W. 1838. Recueil de voyages et de memories, public par la Societe de Geographie de Paris. V. IV.

Stoljàrik. 1993. Essays on Monetary Circulation in the North-Western Black Sea Region in the Late Roman and Byzantine Periods, Late 3rd Century — Early 13th Century AD. Odessa.

Wroth W. 1908. Catalogue of the imperial Byzantine coins in the British Museum. London. V. I – II.

И.А.Баранов, В.В.Майко

ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ СЕРЕДИНЫ X В. ИЗ СУГДЕИ

Baranov I. A., Maiko V. V. Byzantine Coins of Middle X c. from Sudak.

The article considers Byzantine coins originating from Sudak and dated within the period of Conctantine Porphyrogenitus' reign and the period when his co-ruler was Romanus II.

Как известно, для второго периода византийской монетной системы (Гурулева,1991) монетные выпуски периода длительного правления Константина VII являются одними из сложных для датировки и атрибуции. Вместе с тем, из раскопок Сугдеи происходит одна из самых представительных и хорошо документированных для Крымского полуострова, не считая, конечно, Херсонес, коллекций монет как херсоно-византийской, так и константинопольской чеканки времени первого и второго периодов самостоятельного правления Константина VII и периода, когда соправителем императора являлся его сын Роман II (913-919 и 945-959 гг.). В Сугдее подобных монет, в основном в закрытых комплексах, обнаружено 9 экз. Это достаточно хорошо изученные типы монет. Однако, практически все они не введены в научный оборот (Майко 1997: 109; его же 1998: 10).

Во-первых, это шесть литых медных, не отличающихся высоким качеством исполнения херсоно-византийских монет с крестообразными монограммами Константина VII и Романа и относимых к V монетному выпуску Константина Багрянородного — 948-959 гг. (Анохин 1977: 428, 430, табл. XXVIII). Все они найдены на территории Судакского городища (раскопки 1985 и 1994 гг.) в жилых комплексах (Баранов 1990: 21-223). При этом три монеты обнаружены в одном комплексе (Баранов, Майко, Джанов 1997). Подчеркнем, что монограмма имени Романа на этих монетах, особенно в написании буквы М, действительно отличается от подобной монограммы на т.н. монетах с крестом периода регентства, а фактически царствования Романа I. По мнению специалистов, описываемых монет насчитывается не менее трех разновидностей.

Во-вторых, на участке раннесредневекового Судакского городища, так же в жилом комплексе (т.н. раскоп III М.А.Фронджуло), обнаружена бронзовая херсоно-византийская монета Константина VII с изображением императора с одной стороны и его монограммой в виде двух расположенных одна под другой букв К и W — с другой (Толстой 1991: 136,табл.77, 473). По следняя монета, относимая к первому монетному выпуску императора — 913-919 гг. (Анохин 1977: 397-400, табл. XXVI), — имеет отверстие для подвешивания, что свидетельствует о ее длительном употреблении. Первоначально эти монеты относили ко второму периоду самостоятельного правления Константина VII (944-959 гг.). Однако по написанию на обратной стороне буквы w в монограмме имени, особенно по начертанию средней черты в виде петельки, исследователи склонны относить ее к первому периоду самостоятельного правления императора. Тем не менее, отмечено, что в Херсоне наблюдается обильный выпуск монет от имени Константина VII даже в то время, когда он уже был отстранен от власти Романом I. Последний не мог лишить права Константина выпускать монеты (Анохин 1977: 127).

На участке куртины XV Судакской крепости в культурном слое, содержащем находки, характерные для материальной культуры юго-восточного Крыма второй половины X в., обнаружена крупная медная монета Константина VII чеканки Константинополя. На лицевой стороне поясное изображение императора в короне и покрытом драгоценными камнями дивитисии. В правой, прижатой к груди руке — «маппа», а в левой, приподнятой — сфера с крестом. На обороте — очень плохо сохранившаяся четырехстрочная надпись +CONST' / ЄNOЄOЬA/SILЄVSR/OMЄON (Толстой 1991: 136,табл.77, 463). По мнению большинства специалистов, эта довольно редкая, в том числе и для Таврики, монета была выпущена в обращение после 945 г. Не исключено, что это произошло до того момента, когда соправителем Константина VII стал его сын Роман II.

Там же, на южном склоне крепостной горы слева от дороги на пляж в подъемном материале в 1964 г. найден золотой солид Константина VII и Романа II — 945-959 гг. (D - 19-20 мм; толщ.- 0.8 мм). На лицевой стороне — поясное изобра-

© И.А.Баранов, В.В.Майко, 1999.

жение Константина и Романа, держащих правыми руками длинный шестиконечный крест и круговая надпись: CONSTѰANT' CЄROMANAЧҀЬR'. На обороте — погрудное изображение Христа, благославляющего правой и придерживающего левой рукой Евангелие у груди, и круговая надпись: + INSXPSRЄXRЄҀNANTIЧM (Толстой 1991: 136, табл.77, 52).

В синхронном вышеописанным комплексам культовом объекте обнаружена литая медная херсоно-византийская монета. Это монета Василия I — II типа (Соколова 1983) или II выпуска, относящаяся к самым последним выпускам времени правления этого императора с 867-886 гг. На лицевой стороне — буква В, на оборотной — крест на голгофе с двумя точками (Анохин 1977: 397-400, табл. XXVI). По мнению исследователей, разновидности монет с точками обнаруживают наиболее яркие признаки деградации и относятся к заключительным выпускам императора 867-886 гг. (Анохин 1977: 116). Кроме того, по мнению Б.А.Анохина, херсоно-византийские монеты этих выпусков имели очень длительный период бытования (Анохин 1977: 162). Как, свидетельствуют исследования, они присутствуют даже в составе кладов конца X в. (Гилевич 1974: 91-94). Вероятно, и анализируемая монета Василия I, имеющая сильные следы потертости, находилась в обращении вплоть до середины X в.

Таким образом, все указанные монеты существуют в середине X в. и служат ценным источником для выяснения времени появления в юго-восточном Крыму новой материальной культуры, сменяющей салтово-маяцкую культуру Таврики.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В.А. 1977. Монетное дело Херсонеса. Киев.

Баранов И.А. 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев.

Баранов И.А., Майко В.В., Джанов А.В. 1997. Раскопки в средневековой Сугдее // Археологические исследования в Крыму 1994 г. Симферополь.

Гилевич А.М. 1974. Клад херсоно-византийских монет (IX-X вв.) из округи Херсонеса // НС. Вып. 5.

Гурулева В.В. 1991. Византийские монеты // Византия и византийские традиции. Л.

Майко В.В. 1997. Крим и Северен Кавказ през периода от средата на X — до началото на XI в. (проблеми на етнокултурните връзки) // Българите в Северното Причерноморие. В. Търново. Т. VI.

Майко В.В. 1998. Етнокультурні зв'язки Криму з Подніпров'ям і Північним Кавказом у VII-X ст. - Автореф. дис. к.і.н. Київ.

Соколова И.В. 1983. Монеты и печати византийского Херсона. Л.

Толстой И.И. 1991. Византийские монеты. Вып. 10. Вступ. статья и примечания В.В. Гурулевой. Барнаул.

ЗВОНКИЕ ЦВЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С.Г. Бочаров

ГЕНУЭЗСКО-ТАТАРСКИЕ МЕДНЫЕ МОНЕТЫ КАФФЫ

S.G. Bocharov. Caffa's Genoese–Tatar Copper Coins.

The article reveals new data concerning the coins with Caffa's countermark and copper folleri, which were found during the archaeological studying of Caffa in 1994 – 1996. According to the previous publications data are suggested of different types of copper coins. Countermark of copper Djuchid's pul of the early 20s up to the early 30s of XV century, probably, preceded the issue of Caffa's own small coins value. In circulation of different copper folleri's series it was possible to determine four chronological periods, each of them marked by a specific type of coin. First: 1434 –1442 obverse side – the emblem of Genoa – portal, the other – Djuchid's tamga (Fig. 1: 7, 8). The second: 1443 –1453 obverse side – the emblem of Genoa – portal, the other – Girey's tamga (Fig. 1: 9). The third: 1453 – 1466 obverse side – Saint George, the other – Girey's tamga (Fig. 1: 13).

The Fourth 1466 –1475 obverse side – the emblem of Genoa – portal, the other – Saint George (Fig. 1: 10 – 12, 14).

Медные монеты, чеканенные в генуэзской Каффе, впервые были опубликованы Н.М.Мурзакевичем в четвертом томе Записок Одесского Общества Истории и Древностей в статье « Медные монеты города Каффы» (Мурзакевич 1860: 387 — 388. Таб. IX).

В 1872 г. те же монеты были вновь приведены в работе В.Н. Юргевича «О монетах генуэзских, находимых в России» (Юргевич 1872: Таб. III: 3 — 8).

О. Ф. Ретовский публикует в 1897 г. восемь типов медных монет и три джучидские монеты с контрмарками (Ретовский 1897: 97 — 104. Таб. III).

В итоговой работе того же автора «Генуэзско-татарские монеты» мы находим ранее опубликованные восемь монетных типов медных монет и две новые каффийские надчеканки (Ретовский 1906: 64 — 68, 71 — 72. Таб. VI).

Серебряные генуэзско-татарские монеты — аспры привлекают внимание исследователей до сих пор (Еманов 1986: 158 — 166; Лебедев 1990: 149; его же 1995: 64 — 67), в то время как медным монетам посвящена только одна статья (Еманов 1998: 71 — 77).

В настоящей работе представлены монеты с каффийскими надчеканками и бронзовые фоллери, которые найдены во время трех археологических кампаний Феодосийской экспедиции Крымского филиала Института археологии НАНУ 1994 — 1996 гг. в Каффе. Все монеты происходят из средневековых культурных напластований, паспортизированы и стратифицированы.

В 1994 — 1995 гг. проводились исследования на восточном склоне Карантинного холма, с внешней стороны юго — восточной стены цитадели, в 20 м от куртины А X, между так называемыми башнями Климента VI (А 12) и Криско (А 13) (Бочаров 1998). Раскопан участок площадью 200 кв. м. при глубине культурного слоя от 1,50 до 3,00 м (Айбабина, Бочаров 1994; их же 1995; их же 1997).

При исследовании слоя темно-коричневого суглинка, датируемого началом — концом XV в. (мощность слоя от 0,10 до 1,40 м), была зачищена прямоугольная в плане постройка (ориентирована по линии северо-восток — юго-запад, внутренние размеры 6,14 х 5,10 м, толщина кладок 0,70 — 0,74 м, стены сохранились на высоту до 1,33 м), интерпретируемая как бронзолитейная мастерская (Бочаров 1997). С северо-востока и юго-запада от помещения находились две выровненные на склоне холма площадки размером 5,60 х 5,40 и 9,80 х 6,20 м. С северо-запада исследована гончарная печь для обжига поливной керамики и связанные с ней две хозяйственные ямы, куда помещался производственный брак.

В культурных напластованиях на этом участке найдено всего 187 монет. Из них в различных археологических комплексах слоя темно-коричневого суглинка (начало — конец XV в.) — 102 монеты, из которых 6 медных монет с надчеканками и 6 фоллери (Айбабина, Бочаров 1994: 58 — 63; их же 1995: 31 — 32)[1].

[1] Определения монет В.А.Сидоренко.

© С.Г. Бочаров, 1999.

Надчеканки Каффы

Все надчеканки, представленные в данной публикации, нанесены на медные монеты плохой сохранности, изображения на которых практически стерты.

1. Монета медная (Рис. 1: 1). Шифр: Ф — 95. ко. 252. Диаметр — 12,0 — 10,5 мм. Вес — 1,22 г.

Надчеканка большая круглая (диаметр надчеканки — 8,0 мм), герб Генуи — портал (5,5 х 4,0 мм). Сохранность контрмарки плохая, верхняя часть утрачена почти полностью, в нижней имеются механические повреждения. Гербовая фигура имеет вид трехбашенного сооружения. Изображение герба изящное, с тщательной проработкой деталей, пространство между горизонталями ничем не заполнено. Горизонтали выступают наружу: верхняя в виде треугольников, нижняя — в виде массивных прямоугольников. Башни имеют завершение в форме «ласточкиного хвоста».

2. Монета медная (Рис. 1: 2). Шифр: Ф — 94. ко. 232. Диаметр — 13,0 — 12,0 мм. Вес — 2,29 г.

Л. с. Надчеканка маленькая, прямоугольная (размер надчеканки 4,0 х 3,0 мм.), герб Генуи — портал (3,0 х 2,5 мм). Изображение фигуры схематичное, оно имеет вид прямоугольника, образованного взаимным пересечением трех горизонтальных и трех вертикальных линий с равными по величине ячейками. Вертикальные линии немного выступают над верхней горизонталью, подобно башням.

Такая же надчеканка опубликована О.Ф. Ретовским в каталоге под № 5 (Ретовский 1906: Таб. VI, 5).

О. с. Золотоордынская круглая надчеканка (город Крым?) — «звезда с шестью лучами» (диаметр надчеканки — 6,0 мм).

3. Монета медная (Рис. 1: 3). Шифр: Ф — 94. ко. 224. Диаметр — 17,5 х 16,5 мм. Вес — 2,33 г. В монете пробиты два отверстия: одно — круглое в центральной части монетного поля, другое — овальное у нижнего края.

Надчеканка средней величины, прямоугольная (размер надчеканки 6,5 х 6,0 мм), герб Генуи — портал (3,5 х 3,5 мм), схематичное изображение, образованное пересечением трех горизонтальных и трех вертикальных линий, из которых боковые — выпуклые, а все остальные — прямые. Ячейки между ними разной формы и величины. Все вертикальные линии фигуры выступают над верхней горизонталью, имити-

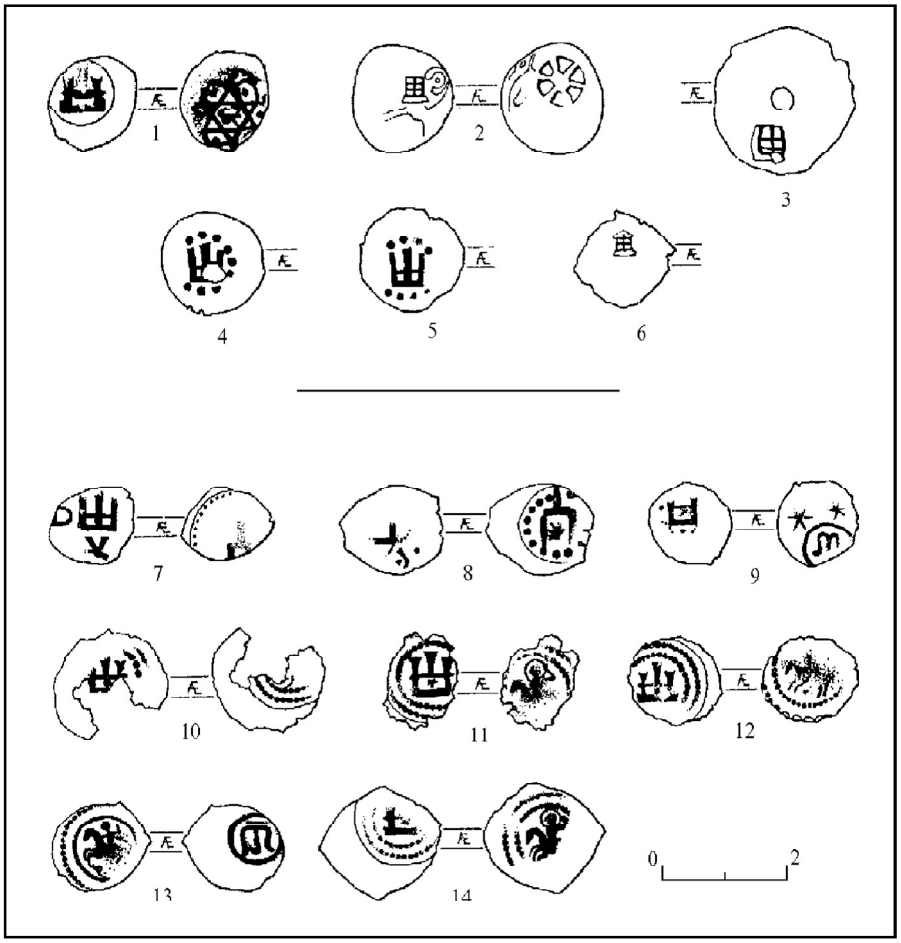

Рис. 1. Джучидские монеты с надчеканками Каффы (1 — 6). Медные монеты — фоллери Каффы (7 — 14).

руя равные по высоте башни. Надчеканка подобна вышеописанной, но отличается от нее особенностями начертания фигуры.

4. Монета медная (Рис.1: 4). Шифр: Ф — 95. ко. 251. Диаметр — 12,0 мм. Вес — 0,71 г. В центре монетного поля пробито овальное отверстие.

Надчеканка большая круглая (диаметр надчеканки — 9,0 мм), герб Генуи — портал (4,5 х 4,0 мм), окруженный большими, широко расставленными точками. Фигура слегка расширяется кверху. Завершение башен ровное. Центральная башня имеет незначительный наклон влево, верх скошен под углом.

5. Монета медная (Рис. 1: 5). Шифр: Ф — 94. ко. 226. Диаметр — 12,5 мм. Вес — 0,82 г.

Надчеканка большая, круглая (диаметр надчеканки — 9,0 мм), герб Генуи — портал (4,5 х 4,0 мм), окружен большими широко расставленными точками. Линия «центральной башни» доведена до нижней горизонтальной черты. Завершение башен ровное, центральная башня имеет незначительный наклон влево.

Форма надчеканки подобна контрмарке монеты № 4, незначительно отличается от нее меньшей толщиной вертикальных линий.

Вероятно, обе надчеканки выполнены одним штемпелем, контрмарка № 5 была нанесена, когда штемпель был менее сработан.

Изображение портала на этих надчеканках подобно изображению контрмарки № 2 по каталогу О.Ф.Ретовского (Ретовский 1906: Таб. VI, 2), различия — в размере и частоте размещения точек обрамления гербовой фигуры. На экземпляре, опубликованном О.Ф.Ретовским — сплошной точечный ободок.

6. Монета медная (Рис. 1: 6). Шифр: Ф — 94. ко. 222. Диаметр — 12,0 — 10,0 мм. Вес — 0,81 г.

Надчеканка маленькая, прямоугольная (размер надчеканки 4,0 х 3,0 мм.), герб Генуи — портал (3,0 х 2,5 мм). Изображение схематичное, образовано пересечением трех вертикальных и трех горизонтальных линий.

Надчеканка подобна № 2, отличается от нее неровно вырезанной на штемпеле средней горизонтальной чертой (на штемпеле надчеканки № 2, все три горизонтальные линии выполнены параллельными).

Все известные надчеканки сделаны на джучидских монетах. Зафиксирована единственная маленькая надчеканка — портал в круге, применявшийся для контрмаркирования золотоордынских серебряных монет — дирхемов. Три таких монеты происходят из Старо-Крымского клада 1892 или 1894 гг. — относительно даты находки имеются разночтения. (Ретовский 1906: 72, Таб. VI: 4; Федоров-Давыдов 1960: 177), три из Кугурештского клада в Молдавии 1957 г. (Еманов 1995: 154) и три из Старо-Крымского клада 1983 г. (Северова 1990: 44). Все остальные надчеканки монетного двора Каффы ставились на медные монеты — пулы. К одной каффийской надчеканке, приведенной Н.М.Мурзакевичем (Мурзакевич 1860: Таб. IX: 6) и пяти, опубликованным О.Ф.Ретовским, (Ретовский 1906: Таб. VI: 1 — 5) мы можем добавить еще три (Рис. 1: 1, 3, 4 — 5). Вес публикуемых монет колеблется от 0,71 до 2,33 г. На всех надчеканках изображен герб Генуи — портал в различном графическом исполнении[2], по величине их можно разделить на три группы: большие круглые (диаметр 8,0 — 9,0 мм), малые прямоугольные (размер 4,0 х 3,0 мм), прямоугольная средней величины (размер 6,5 х 6,0 мм).

Фоллери Каффы

Все публикуемые монеты изготовлялись по проволочной технологии чеканки монет, когда слитки меди перерабатывались в проволоку, из отрезков которой изготавливались монетные пластинки.

1. Монета медная (Рис.1: 7). Шифр: Ф — 95. ко. 234. Размер — 12, 0 х 14,0 мм. Вес — 1,39 г. Соотношение осей составляет 1,5 ч.

Л.с. Герб Генуи — портал, по его сторонам находятся отдельные буквы легенды. Частично сохранились две буквы — внизу **A**, слева **D** (зеркальное изображение литеры **C**) слова **D** A F **A**. В верхней и левых частях монетного поля имеются механические повреждения. Знак портала отличается изяществом. Все вертикальные элементы фигуры параллельны друг другу, горизонтальных черты — две. Линия центральной башни доведена до нижней горизонтали. Это основное отличие аверса нашей монеты от экземпляра № 259 каталога О.Ф.Ретовского (Ретовский 1906: Таб. VI: 259), где линия центральной башни пересекает верхнюю горизонталь, образуя небольшой выступ снизу. Но расположение букв вокруг гербовой фигуры и написание D вместо C на обоих экземплярах совпадает.

О.с. Сохранность плохая, изображение практически полностью утрачено. У нижнего края монеты сохранились незначительные остатки прямой линии, позволяющие предполагать, что здесь было изображение джучид ской трехчастной тамги. Вокруг знака — ободок, состоящий из мелких, часто расположенных точек.

На наш взгляд, публикуемый фоллери представляет собой новый вариант этого монетного типа, выполненный двумя ранее не-

[2] Г.А.Федоров-Давыдов упоминает о наличии в Феодосийском кладе 1929 г. медной монеты «с надчеканкой банка Св.Георгия» (Федоров-Давыдов 1960: 181). Сложно сказать о каком номинале идет речь, возможно, это не надчеканка, а фоллери с изображением святого (?).

известными чеканами.

2. Монета медная (Рис. 1: 8). Шифр: Ф — 94. ко. 229. Размер — 9,7 x 17,0 мм. Вес — 0,80 г. Соотношение осей составляет 6 ч. Данный монетный тип опубликован О.Ф. Ретовским под № 260 (Ретовский 1906: Таб. VI: 260).

Л.с. Сохранность плохая, большая часть изображения утрачена. Просматриваются: нижний правый угол портала, правая и нижняя дуги четырехлепестковой розетки, окружающей портал и буква **F** надписи C: A: **F**: F: A.

Нижняя черта литеры **F** на нашей монете выполнена в виде треугольника, а на аверсе номинала в каталоге О.Ф.Ретовского она выполнена как простая линия. Видимо, лицевая сторона публикуемого номинала была сделана чеканом, аналогичным штемпелю серебряного аспра № 182 (Ретовский 1906: Таб. III: 182).

О.с. Изображение смещено в правую часть реверса. В кольце из больших, редко расположенных точек джучидская трехчастная тамга, внутри которой изображение звезды (?) Н.М. Мурзакевич интерпретировал этот знак следующим образом: «Воткнутая в тамгу лавровая ветвь, означающая мир, заключенный с татарами» (Мурзакевич 1860: 388).

3. Монета медная (Рис. 1: 10). Шифр: Ф — 94. ко. 248. Размер — 17,5 x 18,5 мм. Вес — 0,33 г. Анэпиграфная. Соотношение осей составляет 5 ч. Сохранность монеты плохая, третья часть монетного кружка утрачена. Данный монетный тип опубликован О.Ф. Ретовским под № 264 (Ретовский 1906: Таб. VI: 264).

Л.с. В центре размещен генуэзский герб-портал в двойном кольце из точек. В левой части поля аверса — механические повреждения. Правая башня геральдической фигуры имеет завершение в виде «ласточкиного хвоста». В промежутке между двумя горизонталями посередине помещена точка.

О.с. Изображение смещено в правую часть монетного поля реверса, видны задние ноги коня и сегмент двойного кольца из точек.

Несмотря на тождество монетного типа, монеты из каталога О.Ф.Ретовского и нашего экземпляра в графическом исполнении портала есть различия. Их три: меньше внутреннее пространство между двумя ободками из точек, одна точка вместо трех в промежутке между двумя горизонталями и иная форма завершения боковых башен. Возможно, аверс этой монеты был выполнен другим штемпелем.

4. Монета медная (Рис.1: 11). Шифр: Ф — 94. ко. 245. Размер — 11,5 x 15,0 мм. Вес — 0,41 г. Анэпиграфная. Соотношение осей составляет 10,5 ч. Края монеты утрачены по всему абрису. Данный монетный тип опубликован О.Ф. Ретовским под № 264 (Ретовский 1906: Таб. VI: 264).

Л.с. В левой части имеются механические повреждения. В центре монетного кружка генуэзский герб — портал в двойном кольце из точек. Башни фигуры имеют расширения в верхней части. Завершение башен слегка выпуклое. Верхняя горизонталь выступает за линии крайних башен. В пространстве между горизонталями — знак в виде треугольника из трех слившихся точек.

Монетный чекан аверса отличается от монеты в каталоге О.Ф.Ретовского и публикуемых монет № 3 и 5 пропорциями гербовой фигуры и характерной формой башен, расширяющихся кверху и имеющих ровное завершение.

О.с. Нижняя часть утрачена почти полностью. Изображение Св. Георгия в двойном кольце из точек. Святой на коне изображен в левостороннем развороте, вокруг головы нимб, левая рука поднята вверх, согнута в локте и сжимает древко копья.

5. Монета медная (Рис. 1: 12). Шифр: Ф — 94. ко. 261. Размер — 14,0 x 15,2 мм. Вес — 0,85 г. Анэпиграфная. Соотношение осей составляет 4,5 ч. Данный монетный тип опубликован О.Ф. Ретовским под № 264 (Ретовский 1906: Таб. VI: 264).

Л.с. Изображение смещено в левую часть монетного кружка, в центре имеются механические повреждения. Генуэзский герб — портал в двойном кольце из точек. Все три башни имеют завершение, в виде «ласточкиного хвоста». Обе горизонтали выступают за линии крайних башен. Нижняя горизонталь гораздо массивнее и толще верхней, отождествить знак в пространстве между горизонталями невозможно.

Изображение аверса выполнено тем же штемпелем, что и монета № 3.

О.с. Верхняя часть монетного поля реверса утрачена. В двойном кольце из точек (внешний ободок практически сливается с краем монеты) изображение Св.Георгия. По всему полю имеются механические повреждения. Просматриваются контуры фигур всадника и коня, повернутых влево.

6. Монета медная (Рис. 1: 14). Шифр: Ф — 94. ко. 253. Размер — 16,5 x 18,0 мм. Вес — 0,57 г. Анэпиграфная. Соотношение осей нормальное (12 ч). Данный монетный тип опубликован О.Ф.Ретовским под № 264 (Ретовский 1906: Таб. VI: 264).

Л.с. Изображение смещено в правую и верхнюю части монетного кружка, в верхней части имеются механические повреждения. Просматривается нижний левый угол портала в двойном кольце из точек. Обе горизонтали выступают за линию левой башни. Нижняя горизонталь гораздо массивнее и толще верхней, определить знак расположенный между горизонталями невозможно.

Изображение аверса выполнено тем же чеканом, что и монета № 4.

О.с. Правая и нижняя части поля реверса утрачены почти полностью. Изображение Св.Георгия в двойном кольце из точек, святой на коне изображен в левостороннем разворо-

те, над головой нимб, левая рука поднята вверх, согнута в локте и сжимает древко копья.

Теперь попытаемся проиллюстрировать монетный комплекс из узкодатированного культурного слоя XV в., этого участка средневековой застройки городища, чтобы определить место в этом монетном комплексе монет собственно каффийской чеканки. Интересно отметить тот факт, что в течение десяти экспедиционных сезонов при раскопках на территории юго-восточного района Каффы (современный феодосийский Карантин) не найдено ни одного аспра — серебряной монеты чекана Каффы. Общее количество серебряных монет в культурных слоях исследованного участка периода генуэзского господства составляет шесть экземпляров из ста двух. Остальные девяносто шесть монет медные, из них : шесть монет с каффийскими надчеканками, шесть фоллери, одна монета чекана Генуи второй половины XV в., одна Трапезундской империи первой трети XV в., одна римская монета I — III вв. н.э., шесть монет Османидов (одна — 858 г.х, вторая — 897 г.х, четыре — второй половины XV в). Остальные семьдесят пять монет джучидские, из них, с достаточной степенью достоверности удалось определить шестнадцать (две — чеканены в Сарае, в первой четверти XIV в. и второй половине XIV в, две — чекана Сарай ал-Джедида третьей четверти XIV в. и второй половины XIV в., двенадцать монет чеканены в городе Крым, из них три имеют даты 692, 720, 786 гг.х, остальные монеты анонимного городского чекана последней четверти XIV в.), две неопределенные монеты имеют надчеканки — «крест в круге» и «звезда с шестью лучами» (Айбабина, Бочаров 1994: 58 — 63; их же 1995: 31 — 32). Так в культурном слое этого участка средневекового городища Каффы количество фоллери и монет с генуэзскими надчеканками составляет 11,7 % против 73,5 % джучидских монет, на номиналы других государств приходится 14,8 % нумизматического комплекса. Что отчасти может объяснить контрмаркирование именно джучидских монет.

В 1996 г. исследовался средневековый храм Святых Феодоров Тирона и Стратилата, принадлежавший греческой общине. Первое упоминание в письменных источниках об этой церкви в Каффе относится к 1381 г. (Balard 1978: 213). Церковь находилась на юго — восточной оконечности города в пределах внешнего оборонительного кольца, в 6 метрах западнее куртины В XXIII, на террасе крутого южного склона гористого мыса Св.Ильи. В культурных напластованиях второй половины XIV — XV вв. найдены ãðàô ïëèòêè (Àéâàçîâñêèé, Áî÷àðîâ 1996: 30 -31)[3].

7. Монета медная (Рис. 1: 9). Шифр: Ф — 96. ко. 125. Размер — 13,0 х 14,0 мм. Вес — 0,93 г. Соотношение осей составляет 2 ч. Данный монетный тип опубликован О.Ф.Ретовским под № 261 (Ретовский 1906: Таб. VI: 261).

Л.с. Изображение смещено в верхнюю часть аверса. Сохранность лицевой стороны плохая, большая часть изображения утрачена. Просматриваются: нижняя часть портала — две крайние башни, две горизонтальных черты, из которых нижняя гораздо толще, левая и нижняя дуги четырехлепестковой розетки, окружающей портал. Между каждой из дуг и геральдической фигурой поставлены точки. Знак в пространстве между горизонталями неразборчив. Буквы легенды не видны.

О.с. Изображение смещено в нижнюю часть реверса. В линейном ободке — гиреевская тамга, с западиной в верхней части центральной черты. Ободок окружают большие шестилучевые звезды. Графическое исполнение тамги отличается оригинальностью, нет прямых углов, все линии плавные.

8. Монета медная (Рис. 1: 13). Шифр: Ф — 96. ко. 79. Размер — 13,5 х 15,0 мм. Вес — 0,87 г. Анэпиграфная. Соотношение осей нормальное (12 ч). Данный монетный тип опубликован О.Ф. Ретовским под № 263 (Ретовский 1906: Таб. VI: 263).

Л.с. В нижней части аверса имеются механические повреждения. В двух концентрических кругах изображение Св.Георгия. Внешний круг — ободок из слившихся мелких точек. Внутренний — простой линейный ободок. Святой воин изображен на коне в левостороннем развороте, левая рука согнута в предплечье и направлена вверх, как бы сжимая копье, которое не вырезали на штемпеле, за спиной всадника развевается плащ. Нимб вокруг головы отсутствует. Между передними и задними ногами коня помещена фигура извивающегося змея.

О.с. Изображение смещено в правую часть реверса. В линейном ободке — гиреевская тамга с горизонтальной чертой. Тамга без прямых углов, центральная линия знака ромбовидная.

Среди каффийских медных монет, обнаруженных во время археологических исследований городской территории в 1994 — 996 гг., новые типы не выделены. Однако в пределах типов, опубликованных О.Ф.Ретовским, появилась возможность установить новые монетные чеканы. Так, ранее неизвестными штемпелями выполнены аверс и реверс монеты № 1 (Рис. 1: 7) и лицевые стороны экземпляров № 2, 4, 5 (Рис. 1: 8, 11, 12).

Какова была стоимость медного каффийского номинала, нам найти в письменных источниках не удалось. Единственное свидетельство относится к городу Тана первой половины XIV в. В справочнике Франческо Балдучи Пеголотти «La Pratica della Mercatura», составленном между 1338 и 1342 гг., находим: «И обращается в Тане монета, которая целиком без примеси серебра, называемая фоллери, из которых 16 фоллери приравниваются к одному аспру; и эти названные фоллери не принимаются и не упла-

[3] Определения монет А.В.Ефимова.

чиваются при крупных торговых сделках (mercatantia), но обращаются только на зеленом рынке (in erbe?) и используются в мелких делах, необходимых для земли (или страны, города, per la terra)» (Федоров-Давыдов 1958: 69; Мухамадиев 1983: 77). Распространялось ли подобное соотношение меди и серебра на Кафу в XIV в. неизвестно. Тем более сложно сказать, каково было соотношение каффийских фоллери и аспра на городском товарном рынке во второй половине XV в.

Датировка периодов эмиссии различных серий медных монетных номиналов в Каффе, практически не освещена в генуэзских письменных источниках, что ставит перед исследователями значительные затруднения. В начале XVв в Каффе начал работу новый золотоордынский монетный двор (Лебедев 1990: 149), самый ранний из датированных, известных дирхемов относится к 802 г.х. — 1399 — 1400 гг. (Еманов 1995: 140). Видимо, это происходит при содействии эмира Едигея, так как эмитентами выступали его ставленники — ханы Шадибек и Пулад (Греков, Якубовский 1950: 391 — 399; Еманов 1995: 140). Со смертью Едигея выпуск дирхемов с легендой Каффа ал-Джедид прекращается. При новом хане Улу-Мухаммеде, утвердившимся на престоле в конце 824 г.х. (1421 г.) (Тизенгаузен 1884: 533; Греков, Якубовский 1950: 410; Мухамадиев 1983: 122) появляются первые двуязычные монеты — аспры (Ретовский 1906: 13; Лебедев 1990: 149). Вероятно, при этом хане, в начале 20-х гг. XV в. начинает работу собственно генуэзский монетный двор в Каффе. Исходя из того факта, что для надчеканок на серебряных дирхемах известен только один чекан (Ретовский 1906: Таб. VI: 4; Северова 1990: III: 9), в то время, как для надчеканок на пулах уже известно, девять штемпелей, мы полагаем, что эмиссия медных фоллери началась позже появления первых каффийских аспров. Сложно точно определить время выпуска серии фоллери с джучидской тамгой на реверсе (экземпляры №№ 258 и 259 по О.Ф.Ретовскому и № 1 публикуемый нами (Рис 1: 7). Гипотетически мы относим появление этих монет к периоду между 1434 г., когда Хаджи-Гирей, укрепившийся в Крыму, потерпел поражение от Сеид-Ахмета, после чего был вынужден бежать в Литву (Герцен, Могаричев 1993: 66) и 1441/1442 г. (845 г.х.), когда Хаджи-Гирей, возвращается из Литвы и становится главой независимого Крымского ханства и в этом же году начинает эмиссию собственных монет (Лебедев 1990: 149). В этой связи особый интерес представляет вариант монетного типа на лицевой стороне, которого помимо портала и надписи CAFFA есть две буквы VV (видимо эти инициалы принадлежали управляющему монетным двором города (Ретовский 1906: 15), а на обратной стороне изображение либо джучидской, либо гиреевской тамги. По нашему мнению, выпуск фоллери этой серии, (Рис. 1: 8) (Ретовский 1906: Таб. VI: 260) начинается в 1441 — 1442 гг., когда крымский улус еще находится под властью золотоордынского хана Сеид-Ахмета (Греков, Якубовский 1950: 419), и продолжается после 1442 г., но уже с тамгой Хаджи - Гирея (Ретовский1906: Таб. VI: 261). Все медные монеты различных серий, где на аверсе нанесено изображение герба Генуи — портала, а на реверсе гиреевская тамга, мы относим к периоду между 1442 и 1453 гг. В 1453 г. права на владения Генуэзской республики в Причерноморье переходят к банку Св. Георгия. С этим событием большинство исследователей связывают появление изображения святого воина на каффийских медных монетах (Юргевич 1872: 156; Ретовский 1906: 68; Еманов 1997: 38)[4]. Монеты серии, где на лицевой стороне изображался Св.Георгий, а на обратной — гиреевская тамга (Рис.1: 13) (Ретовский 1906: таб. VI: 263), мы относим к периоду между 1453 и 1466 гг., отмеченными соответственно переходом Каффы под юрисдикцию банка Св. Георгия и смертью Хаджи-Гирея (Смирнов 1887: 250). К последнему периоду, длившемуся с 1466 по 1475 гг., вплоть до захвата Каффы османскими войсками (Cazacu, Kevonian 1976: 495 — 522), по нашему мнению, принадлежат фоллери с изображением портала и Святого Георгия.

Завершая рассмотрение новых нумизматических находок, полученных при археологическом изучении Каффы в 1994 — 1996 гг., с учетом ранее опубликованных материалов, на данном этапе исследования можно сделать некоторые предварительные выводы. Надчеканка медных джучидских пулов, по всей видимости, предшествовала выпуску каффийским монетным двором собственных мелких номиналов и относилась ко времени с начала 20-х по начало 30-х гг. XV в. В обращении различных серий медных фоллери удалось выделить четыре хронологических периода, для каждого из которых отмечено появле-

[4] Позднее автор изменил нижнюю дату монет серии на конец 30-х гг. XV в. Основываясь на особенностях иконографии Св.Георгия автор отмечает, что«...в геральдике собственно Генуи и на фоллери Кафы также обнаруживаются существенные различия: если в первом случае святой изображался на вздыбленном коне в правостороннем развороте, то во втором случае он уподобляется размеренно едущему «триумфатору», движущемуся справа налево. Последний иконографический тип воспроизводил один из византийских канонов, культивировавшийся в местной греко — понтийской среде» (Еманов 1998: 71 — 72). По нашему мнению, аналогии графическому исполнению Св.Георгия на фоллери следует искать не в геральдике Генуи, а в символике банка Сан Джорджо, в качестве примера можно привести печать банка XV в., хранящуюся в Гос. архиве Генуи (Лигурия-Крым Б.Д.: Таб.5: 5). На этой печати святой представлен в левостороннем развороте, изображение практически тождественно графической и пропорциональной схеме образа всадника на каффийских монетах.

ние конкретных монетных типов. Первый: 1434 — 1442 гг., лицевая сторона — герб Генуи — портал, обратная сторона — джучидская тамга (Рис. 1: 7, 8). Второй: 1442 — 1453 гг., л.с. — герб Генуи — портал, о.с. — гиреевская тамга (Рис. 1: 9). Третий: 1453 — 1466 гг., л.с. — Св. Георгий, о.с. — гиреевская тамга (Рис. 1: 13). Четвертый: 1453 — 1475 гг., л.с. — герб Генуи-портал, о.с. — Св. Георгий (Рис. 1: 10 — 12, 14). Нумизматические материалы археологических исследований средневековой городской территории, представленные группой джучидских монет с надчеканками и каффийскими фоллери, иллюстрируют одну из основных сторон работы монетного двора Каффы, ориентированного на обеспечение потребностей денежного обращения на внутреннем рынке в мелкой разменной монете.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. 1994. Отчет о раскопках Феодосийской экспедиции в 1994 году. Научный архив КФ ИА НАНУ. Папка 652. Инв. 323.

Айбабина Е.А. Бочаров С.Г. 1995. Отчет о раскопках средневековой Каффы в 1995 году. Научный архив КФ ИА НАНУ. Папка 759. Инв. 410.

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. 1996. Отчет об археологических исследованиях средневековой Каффы в 1996 году. Научный архив КФ ИА НАНУ. Папка 852. Инв. 495.

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. 1997. Раскопки в Феодосии // АИК — 1994. Симферополь. с. 16—18.

Бочаров С.Г. 1997. Бронзолитейная мастерская XV века в Каффе // V міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Наукові матеріали. Київ. с. 283—285.

Бочаров С.Г. 1998. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII — вторая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. 3. М. с. 82—117.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. 1993. Крепость драгоценностей. Кырк - Ор, Чуфут - Кале. Симферополь.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1950. Золотая Орда и ее падение. М., Л.

Еманов А.Г. 1986. Проблема аспра в итальянской торговле в Северном Причерноморье XII —XV вв. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л. с. 158 —166.

Еманов А.Г. 1995. Север и юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII — XV вв. Тюмень.

Еманов А.Г. 1997. Городская символика на монетах Кафы 20 — 70-х гг. XV в. // Пятая Всероссийская нумизматическая конференция. М. с. 36 — 38

Еманов А.Г. 1998. Святой Георгий на фоллери Кафы XV века // Нумизматический сборник 1998. СПб. с. 71 — 77.

Лебедев В.П. 1990. Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода // Нумизматические исследования по истории юго-восточной Европы. Кишинев. с. 139 — 156.

Лебедев В.П. 1995. Фальшивый феодосийский клад татаро-генуэзских монет 1992 г. с известными и несуществующими раритетами // Монета. Международный нумизматический альманах. Вологда. с. 64 — 67.

Лигурия — Крым. Б.Д. Моменты истории в изображении. Побратимство Генуи — Одессы. Каталог выставки. Genova.

Мурзакевич Н. 1860. Медные монеты города Кафы // ЗООИД. IV. с. 387 — 388. Таб. IX.

Мухамадиев А.Г. 1983. Булгаро-татарская монетная система XII — XV вв. М.

Ретовский О. 1897. Генуэзско-татарские монеты города Каффы // ИТУАК. Т. 27. с. 49 — 104.

Ретовский О. 1906. Генуэзско — татарские монеты // ИАК. Т.18. с. 1 — 72.

Северова М.Б. 1990. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа (по материалам Старо-Крымской археологической экспедиции) // СГЭ. LIV. с. 43 — 46.

Смирнов В.Д. 1887. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до XVIII века. СПб.

Тизенгаузен В. Г. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.

Федоров-Давыдов Г.А. 1958. Денежно — весовые единицы Таны в начале XIV в. (По данным Франческо Пеголотти) // СА. №3. с. 65 — 72.

Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клады джучидских монет // НЭ. 1. с. 94 — 193.

Юргевич В. 1872. О монетах генуэзских, находимых в России // ЗООИД. Т. VIII. с. 147 — 160. Таб. III.

Balard M. 1978. La Romanie Genoise (XIII — début du XV-e siècle). Roma, Genova.

Cazacu M.,Kevonian K. 1976. La chûte de Caffa en 1475 à la lumière de nouveaux documents // CMRS. XVII 4. p.495 — 538.

В.П.Кирилко

АСПРЫ С БОЛЬШИМ «Т» НА ЛИЦЕВОЙ СТОРОНЕ: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

V.P.Kirilko Aspres with Capital T on the Obverse: the Experience of Interpretation

The T formed symbol, which was the constant basic element of all official monograms of the princes of Crimean Gothia could be a full semantic equivalent of capital T on aspres. The possible genetic relations of the Mangup rulers with Circassians of Taurika cannot be excluded.

В 1899 г., классифицируя генуэзско-татарские аспры Каффы, Э.Ф.Ретовский впервые выделил в самостоятельную группу три монеты (рис. 1: 1, 6, 7), на лицевой стороне которых вместо традиционного изображения портала была помещена большая буква Т в круге (Ретовский 1899: 50 – 52, табл. V, 18 – 20). Обрамлявшие знак остатки латинской легенды, по мнению ученого, указывали на то, что монеты чеканены западными европейцами, владеющими какой-то территорией в пределах Золотой Орды, конкретизировать которую не позволяла плохая сохранность надписи. Наличие на аверсе большой буквы Т дало исследователю основание с определенными оговорками высказать предположение о возможной связи данной серии аспров с Таной. Впоследствии им были опубликованы новые варианты этого монетного типа (рис. 1: 2 – 5), общее число которых достигло семи (Ретовский 1906: 69-71, табл. VI.1-5; 1914: 16, табл. 1. 6-7). Сопоставляя все известные экземпляры монеты, нумизмату удалось реконструировать легенду лицевой стороны: IMPERATOR. Однако и этого оказалось недостаточным, чтобы выяснить их происхождение.

На реверсе указанных монет в таком же круге, обрамленном арабской надписью, помещена тамга Золотой Орды, в нумизматической литературе известная как «главная, великая тамга», или «тамга дома Бату» (Лебедев 1990: 140 – 145). В одном из вариантов номинала используется джучидская (общекипчакская) тамга. Легенду реверса ученый прочесть не смог, но им было отмечено определенное сходство этого монетного типа с генуэзско-татарскими аспрами Каффы времени правления золотоордынского хана Улуг Мухаммеда (1419 – 1426, 1428 – 1436 гг.) и миланского герцога Филиппо Мариа Висконти (1421 – 1435 гг.).

Э.Ф.Ретовский вопрос атрибуции аспров с большим Т в круге на лицевой стороне оставил открытым, но с легкой руки нумизмата и другие ученые вскоре стали связывать их эмиссию с Таной (Якобсон 1964: 111; Lunardi 1980: 36 – 37, 120 — 121). Тем не менее в самой Тане монеты этой группы до сих пор не найдены (Фомичев 1991: 334 — 335)[1]. Не известны они и в других местах вне Крыма, что, учитывая замкнутый характер денежного обращения Таврики в XV в. (Федоров-Давыдов 1960: 129; Слепова 1986: 22 – 30; Еманов 1997: 39), дает основание ограничить круг поиска возможного эмитента территорией полуострова. К тому же на хронологически близких монетах генуэзских колоний в соседних регионах большая буква аверса в качестве основного элемента композиции обычно соответствует первой букве имени монетного сеньора, но никак не города (Lunardi 1980: G 6, 8, 12, 15, 23. Ср.: P 1, 2; S 19 – 25; F 1).

В Хазарии смысловым эквивалентом большого Т аспров вполне мог быть Т-образный знак, который является неизменной основой всех официальных монограмм князей Крымской Готии (рис. 2: 1 – 5, 8 – 10). Его семантика не ясна.

По мнению В.Л.Мыца, этот знак представлял собой лигатуру Т и Г – начальных букв фамилии правящей на Мангупе династии Гаврасов-Тиронинов, появившихся в Крыму на рубеже XII – XIII вв. и ставших в XIV в. во главе феодального государства Феодоро (Мыц 1985: 53 — 54). Но последнее, из гипотезы А.А.Васильева со временем превратившееся в аксиому, как, впрочем, и предположение Я.Ф.Фальмерайера о родстве Гавров с Таронитами, пока не находит подтверждения ни в одном из известных источ-

[1] Сердечно благодарю Н.М.Фомичева за консультацию по вопросам монетного дела Таны.

© В.П.Кирилко, 1999.

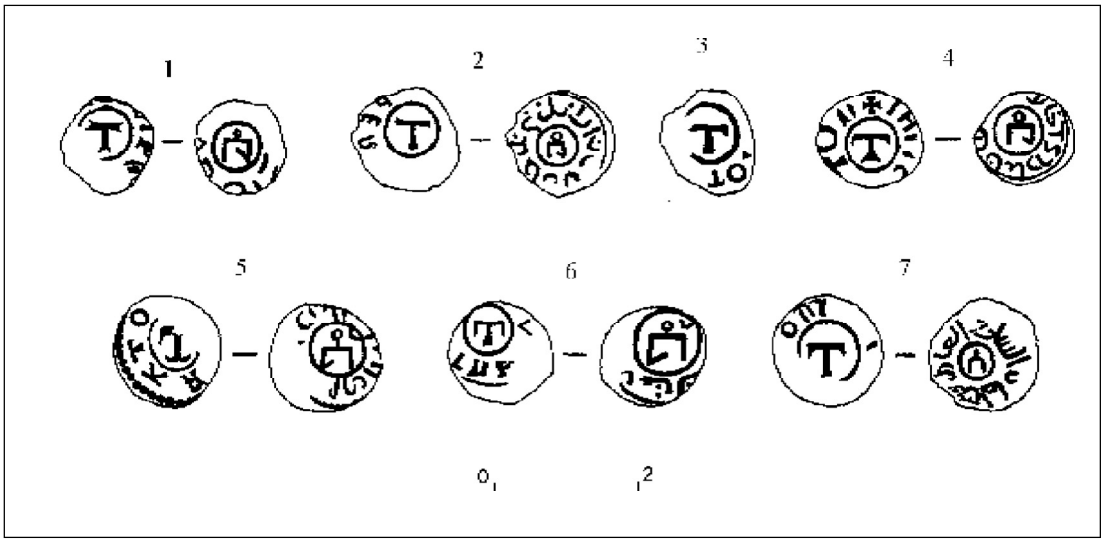

Рис. 1. Основные варианты аспров с большим Т (по Э.Ф.Ретовскому)

ников (Степаненко 1990: 87 — 95). К тому же указанные семейства принадлежали к числу достаточно знатных родов, чтобы не быть упомянутыми номофилаксом Иоанном Евгеником в «Песне над гробом княжича» при представлении ближайших мангупских родственников усопшего (Спиридонов 1928: 94-96).

В.А.Сидоренко аналогичный знак функской надписи (рис. 2: 1-3) a priori трактует как «сокращение титула деспот». Подобная интерпретация вызывает лишь недоумение, равно как вне всякой критики и предложенная им же расшифровка двух монограмм херсонесской плиты (рис. 2: 9, 10), в которых он умудрился увидеть имена татарского хана Менгли Гирея и «некоего Михаила Дуки, представителя знатного византийского рода» (Сидоренко 1993: 159)[2].

О правителях Крымской Готии из того, что хоть как-то позволило бы приблизиться к разгадке закодированной в знаке информации, известно очень мало.

Итальянские источники, сообщая о захвате Алексеем Чембало в 1433 г., говорят о нем как о «некоем благородном муже греческого происхождения, который в народе зовется владыкой Лотедоро и имя которого Алексей» или как о «благородном греке, именуемом Алексеем, князем Феодоро», или же просто называют его «Алексей, некий грек, князь Феодоро» (Vasiliev 1936: 206).

Ненамного конкретнее и Иоанн Евгеник (Спиридонов 1928: 93 — 95). В эпитафии умерший княжич представлен им как «отпрыск от благородного корня». При этом Иоанн и Алексей, соответственно отец и дед покойного, наделяются самыми лестными эпитетами и сравнениями, риторический поток которых не содержит даже малейшего намека на их фамилию. В очередной раз подчеркивая благородство и древность рода, номофилакс, тем не менее, явно не без веских на то оснований, обходит стороной вопрос происхождения мангупских князей, тог-

[2] Не менее спорны и другие выводы автора указанной статьи, в частности, о принадлежности средней монограммы функской плиты (рис. 2: 2) Хаджи Гирею. Исходя лишь из общих соображений, исследователь придает своей версии качества аксиомы. Но даже если, допустим, можно согласиться с его утверждением, что Александр признавал вассальную зависимость от Хаджи Гирея, то это отнюдь не свидетельствует о неизбежности помещения монограммы (?) последнего, да еще в сопровождении титула деспот (?), на строительной надписи 1459 г. из Фуны. К тому же для образующих данную монограмму букв (М, А, Х, Л или Д) более естественной и приемлемой является их трансформация в имя Ἀχματος (Мыц 1991а: 192) либо Μάλχος(Μάλαχιος), чем Ἀτζικερίες. Справедливости ради следует отметить также и то, что предположение о заключенном в первой монограмме херсонесской плиты (рис. 2: 8) имени ICAAK задолго до В.А.Сидоренко высказал А.Л.Якобсон (1950: 44), о чем многие, к сожалению, уже успели позабыть. Позднее, публикуя чаши Исаака из раскопок мангупского дворца, А.Л.Якобсон испытал некоторые затруднения с интерпретацией титула этого правителя Феодоро, представленного на сосудах аббревиатурой (рис. 2: 7). Из двух возможных вариантов чтения AYΘ·ϕ(KPA)Tŏ и AYΘЄTŏ ученый отдал предпочтение первому, обосновывая свой выбор тем, что в надписи «буква Є не имеет горизонтальной черты, а буква N недостаточно ясно выражена» (Якобсон 1953: 414 – 415, Рис. 13.3; 32). Вскоре эту точку зрения приняли и другие исследователи (Мыц 1991а: 183). Тем не менее, ее нельзя признать достаточно убедительной, поскольку незаконченный вид имела также буква Т на одной из чаш (Якобсон 1953: Рис. 13.3), а в последнем знаке второй строки и в обоих случаях изображена не ω, но именно лигатура Є и N, причем N прочерчена вполне отчетливо и не вызывает никаких сомнений. Следовательно, на данных изделиях Исаак, подобно правившим до него Алексею и Иоанну, представлен как (αὐθέντης). В этом качестве он упомянут также еще одним источником – эпитафией Влада из Сучавы (Batariuc 1993: 230).

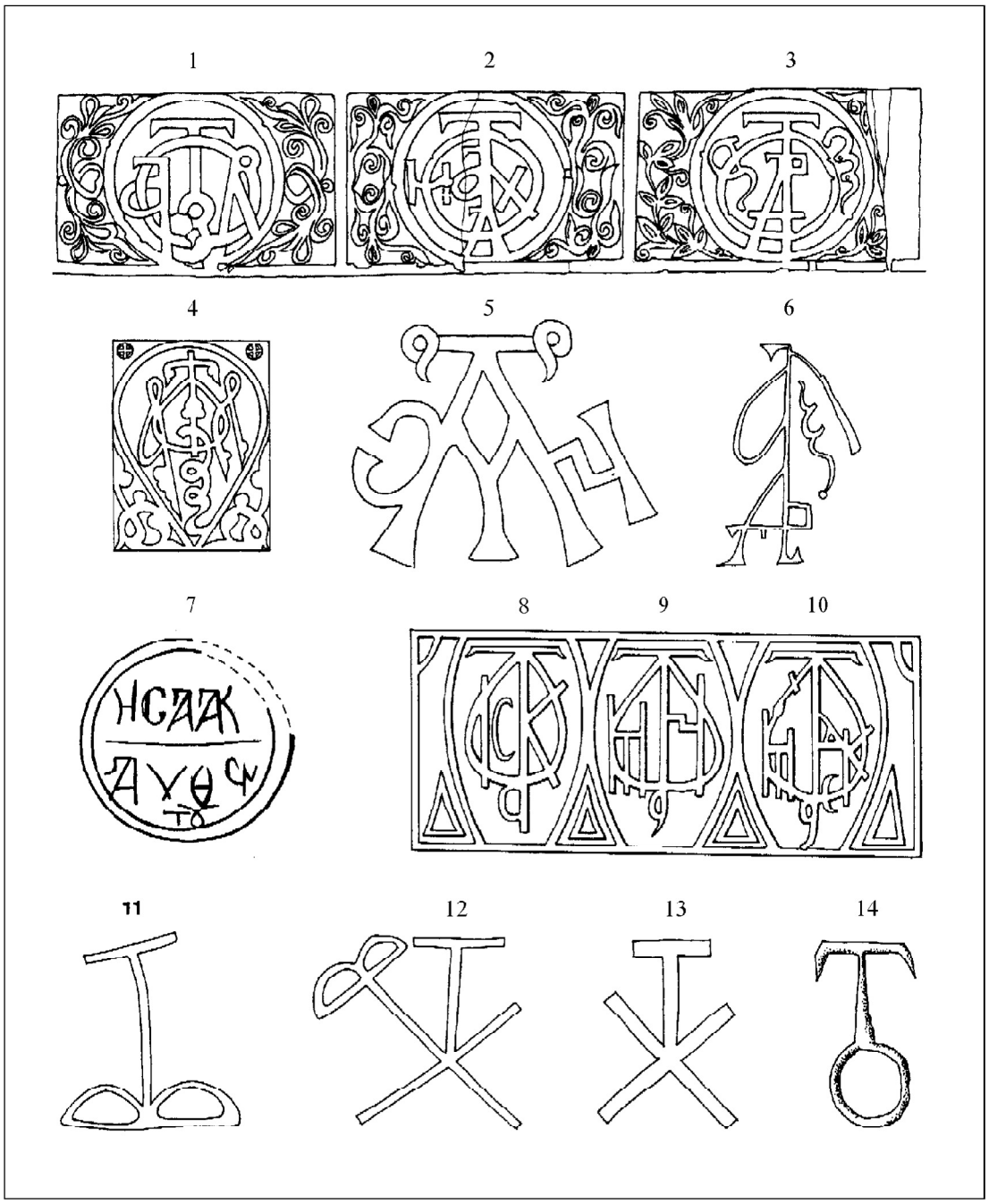

Рис. 2. Монограммы строительных надписей Фуны (1 – 3), Мангупа (4) и Херсонеса (8 – 10), надгробной пелены Марии из Путны (5), поливной керамики из раскопок Фуны (6, 11) и Мангупа (7, 12, 13), метка на одном из камней гробницы VII у Мангупской базилики (14): 1 – 3, 6, 11 – 13 – по В.Л.Мыцу, 5 – по Э.Тафрали, 7 – по А.Л.Якобсону, 8 – 10 – по Палласу, 14 – по М.А.Тихановой.

да как родословная матери усопшего, хотя в песне речь идет собственно и не о ней, дана и по мужской линии, и по женской, причем особо отмечено ее родство с императрицей. Браки детей Алексея, около 1425 г. – Иоанна и в 1426 г. – Марии, в какой-то мере приблизили его к порфирородным, что вскоре нашло отражение в геральдике феодоритов (Степаненко 1997: 76 — 77), а позднее позволило М.Броневскому со ссылкой на одного старого священника утверждать, что последние греческие правители княжества «верно происходили от крови Константинопольских или Трапезундских государей» (Описание Крыма 1867: 344). Несколько неожиданную информацию содержит молдавско-немецкая летопись 1457 – 1499 гг. (Славяно-молдавские летописи 1976: 49). В этом документе мангупская княжна Мария, которая, судя по гербам и монограммам (рис. 2: 5) ее надгробной пелены из Путны (Tafrali 1925: 51 –

55, pl. XLIII; Buchtal 1984: 97) и надписи в наосе католикона афонского монастыря Григориу (Божилов 1994: 416), к тому времени уже считала себя Асаниной Палеологиной, названа черкешенкой. Странное только на первый взгляд свидетельство хроникера получает логическое продолжение в письме Заккариа Гизольди от 12 августа 1482 г. (Vasiliev 1936: 240 — 241). Жалуясь протекторам Банка св. Георгия на каких-то готских князей, нашедших убежище в Матреге, одного из них он иногда называет черкесом, что для адресанта, самого — сына адыгской княжны (Некрасов 1990: 66 — 67), вряд ли было случайным. Замыкает цепочку сообщение М.Броневского о том, что Мангуп турки именовали «Черкессигерменом, то есть новою Черкесскою крепостью» (Описание Крыма 1867: 344). Даже если польским послом была неправильно истолкована полученная информация либо ошибся переводчик, в целом это особо не меняет сути дела, поскольку до недавнего времени греческое село с аналогичным названием имелось неподалеку, у Эски-Кермена. Более важным является другое. Сейчас в Крыму известно 14 топонимов с компонентом «черкес», основная часть которых сосредоточена в юго-западном регионе полуострова («Крымская Кабарда»), где, судя по материалам археологических раскопок, уже в XIV – XV вв. могла проживать компактная группа адыгов (Мыц 1991б: 81 – 82; Суперанская, Исаева, Исхакова 1995: 17, 95). В принципе, нет ничего необычного и невероятного в эвентуальной генетической связи мангупских князей с черкесами Таврики, появление предков которых здесь, видимо, следует относить ко времени Хазарского каганата. По крайней мере, в этом случае становится более понятным и несколько объяснимым ряд аспектов средневековой истории Мангупа, а именно: северокавказское происхождение части меток на известняковых блоках из оборонительных стен (Герцен 1990: 116 – 118, рис. 16 — 18); негреческие имена сотников Хуйтани и Чичикия, во второй половине XIV в. восстанавливавших крепость, причем последнее имеет грузинские параллели (Латышев 1896: 54; Успенский 1929: 113); приоритетность топонима Мангуп по отношению к Феодоро при внешних контактах феодоритов, тогда как генуэзцы отдавали предпочтение новому названию города; особый статус княжества в Хазарии: мангупские правители, если и не состояли в родственных отношениях с крымскими ханами (а косвенно об этом свидетельствует появление тамги Гиреев на монограмме Александра — рис. 2: 6) (Мыц 1991а: 192, рис. 3, 4—5), то, безусловно, находились под их покровительством, о чем в августе 1455 г. консул Каффы в донесении с жалобой на Алексея и его братьев довольно красноречиво сообщает протекторам Банка св. Георгия: «Они хвастают, что пока жив их отец и владыка хан татарский, они никого не боятся» (Малицкий 1933: 39 - 40). В этом ключе, видимо, следует рассматривать и семантику геральдики феодоритов. Тем более, что сочетание Т-видной фигуры с кругом является основным формообразующим элементом многих фамильных знаков западнокавказских горцев (Фелицын 1889: 56, др.), причем у Абуко, одного из дворянских родов племени Кабертай Адыгского народа, тамга имеет композицию, тождественную символу, изображенному на лицевой стороне атрибутируемых аспров.

К сожалению, уровень современных знаний о родовом древе мангупских князей таков, что на данном этапе исследований исключает даже саму вероятность какой-либо однозначной трактовки основы их монограмм. Приведенная же выше разрозненная мозаика фактов и предположений имеет своей целью, прежде всего, хотя бы в общих чертах наметить возможные исходные позиции гипотезы о чеканке монетным двором Каффы специальной серии аспров для Крымской Готии.

ЛИТЕРАТУРА

Божилов И. 1994. Фамилията на Асеневци (1186 – 1460). Генеалогия и просопография. София.

Герцен А.Г. 1990. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. I. С. 87 – 166, 242 – 271.

Еманов А.Г. 1997. Образование городской коммуны Каффы (до сер. XV в.). Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Екатеринбург.

Латышев В.В. 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.

Лебедев В. Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев. С. 139 – 156.

Малицкий Н.В. 1933. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 71. С. 39 – 40.

Мыц В.Л. 1985. Поливная керамика с монограммами из раскопок Мангупа и Фуны // Материалы I Симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья. Истоки и пути распространения»: Тез. докл. Тбилиси. С. 52 – 54.

Мыц В.Л. 1991а. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV – XV вв. // Византийская Таврика. Киев. С. 179 – 193.

Мыц В.Л. 1991б. О пребывании «черкесов» в Крыму: Тез. докл. научн. конф. «Проблемы истории Крыма». Симферополь. I. С. 81 – 82.

Некрасов А.М. 1990. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.

Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского. 1867 // ЗООИД. VI.

Ретовский Э. 1899. Генуэзско-татарские монеты города Каффы // ИТУАК. 29.

Ретовский Э.Ф. 1906. Генуэзско-татарские монеты // ИАК. 18.
Ретовский Э.Ф. 1914. Генуэзско-татарские монеты // ИАК. 51.
Сидоренко В.А. 1993. Памятники каменной пластики средневековой Таврики // МАИЭТ. III. С. 145 – 161.
Славяно-молдавские летописи XV – XVI вв. 1976. М.
Слепова Т.И. 1986. Некоторые аспекты распространения венецианских и генуэзских монет и их подражаний в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье в XII – XV вв. // ТрГЭ. XXVI.
Спиридонов Д.С. 1928. Заметки из истории эллинства в Крыму // ИТЭИАЭ. II. с. 93 - 102.
Степаненко В.П. 1990. Легенда о Гаврах и Херсонес в русской и советской историографии // Историография балканского средневековья. Тверь. С. 87 – 95.
Степаненко В.П. 1977. Князья Феодоро и византийская аристократия XV в. // Международная конференция «Византия и Крым»: Тез. докл. Севастополь. С. 76 – 77.
Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф. 1995. Введение в топонимию Крыма. М.
Успенский Ф.И. 1929. Очерки из истории Трапезундской империи. Л.
Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клады джучидских монет // НЭ. 1.
Фелицын Е. 1889. Сборник тамг или фамильных знаков западнокавказских горцев и племени Кабертай Адыгского народа // ЗООИД. XV. С. 503 – 504. и др.
Фомичев Н.М. 1991. О денежном обращении средневекового города Азова в X – XV веках: Резюме сообщений XVIII Международного конгресса византинистов. М. T.I. С. 334 – 335.
Якобсон А.Л. 1950. Средневековый Херсонес (XII – XIV вв.) // МИА. – 17.
Якобсон А.Л. 1953. Дворец // МИА. 34. С. 390 – 418.
Якобсон А.Л. 1964. Средневековый Крым. М. – Л.
Batariuc P.-V. 1993. Necropola medievală de la Suceava – Câmpul Şanţurilor // AM. XVI.
Buchtal H. A 1984. Greek New Testament Manuscript in the Escorial Library // Byzanz und der Westen. Wien.
Lunardi G. 1980. Le monete delle colonie genovesi. Genova.
Tafrali O. 1925. Le trésor byzantin et roumain du monastere de Poutna. Paris.
Vasiliev A.A. 1936. The goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts.

Е.Николае

ДВЕ МОНЕТЫ ФИНАЛЬНОЙ СТАДИИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОСПОДСТВА К ЗАПАДУ ОТ ДНЕСТРА

E Nicolae. Two Coins from the Late Period of the Golden Horde's Domination in the Western Side of the Dniester.

The first coin belonging to the Saseni hoard, is a silver issue of the Shahr al-Jadid mint from 768 A. H. (7.09.1366 – 27.08.1367 A.D.), whose reverse usual inscription is followed by a word deciphered as *shaykh*. The author considers that the coin belongs to *dominus Demetrius, princeps Tartarorum*, attested by a document of 1368. The title of *shaykh*, which corresponds to *dominus*, will be replaced on the next issues of 769-770 A. H. by that of *amir*, which corresponds to *princeps*. The use of these titles in the inscriptions on the silver coins in which the name of the '*khan*' was obliterated, shows the separatist tendency of the local ruler.

The other coin was discovered during the archaeological excavations in Orheiul Vechi in 1972. It is a Mamlūk copper issue of the Aleppo mint from the time of sultan al-Muẓaffar Sayf al-Din Ḥājji I (1346–1347). This is a new and important archaeological evidence of the relations with the Mamlüks and the author argues that a gold plated iron mace discovered in a tomb near the village of Balabani (Taraclia county) bears also a Mamlük blazon: a cup in the broad central segment of a field divided by the horizontal lines (fesse).

Изучение монетных находок XIV в. уже принесло реальную пользу для истории Прутско-Днестровского региона. В государственных и частных коллекциях Кишинева хранятся еще много не изданных нумизматичесих материалов, представляющих большой научный интерес. Среди них находятся и две монеты, представлению которых и посвящена данная статья.

Одна монета дополняет картину серебряных эмиссий монетного двора из Нового города и позволяет возобновить дискуссию о политическом положении рассматриваемого региона в седьмом десятилетии XIV в. Второй экземпляр – сирийская медная монета из Старого Орхея, дающая новые сведения по вопросу об отношениях с мамлюкским султанатом.

Прежде чем перейти к описанию первой монеты, необходимо подвести краткий итог исследований монетной продукции Нового города (Янги Шехр/Шехр ал-Джедид). Это обобщение основано на данных, опубликованных С.А.Яниной, которая локализовала монетный двор в Прутско-Днестровском междуречье, и объяснила его открытие следствием пребывания в этом крае хана Абдуллаха (Янина 1977). Позднее знание о предмете дополнили некоторые другие сведения (Нудельман 1974: 204 – 206; его же 1976: 91. N 3; Травкин 1994: 37; Nicolae 1997). Самые ранние серебряные монеты, чеканенные в Янги-Шехре, выпущены в 765 г. мусульманской эры (10.10.1363 – 27.09.1364), что означает, что монетная мастерская была основана самое позднее в середине 1364 г. Известны, однако, и неопубликованные экземпляры монет с легендой, содержащей некоторые особенности, которые дают право относить их к более ранней серии. Учитывая, что монеты первого года чеканки являются самыми многочисленными среди находок, можно согласиться с тем, что открытие монетного двора имело место в конце 1363 г. и, может быть, даже несколько раньше. На самых первых серебряных эмиссиях помещено имя хана Абдуллаха, как и на монетах, чеканенных в следующем, 766 г.х. (28.09.1364 – 17.09.1365), когда на некоторых экземплярах название Янги-Шехр изменяется на Шехр ал-Джедид. Второй, более звучный, вариант соответствует аналогичным названиям других крупных центров Золотой Орды и будет использован впредь для надписей на всех монетных эмиссиях вплоть до закрытия мастерской.

На части серебряных монет 767 г.х. (18.09.1365 – 6.09.1366) прослежено новое изменение: на этот раз в легенде лицевой стороны, опущено имя хана (точнее слова «абд хан»), а на его место помещен год по хиджре, в предшествующих эмиссиях наносившийся на оборотную сторону монет. Исключение из монетных легенд имени хана Абдуллаха (после его ухода в центральные области Золотой Орды) интерпретировалось как доказательство сепаратистских тенденций правителя и местной аристократии. Предполагается, что их интересы были ущемлены административными мерами, предпринятыми ханом, хотя первоначально его вмешательство имело позитивные последствия в плане сдерживания наступательных действий литовцев и венгров. Оседание здесь некоторых восточных общностей, организация больших строительных работ, отмеченных прежде все-

© Е.Николае, 1999.

го в Старом Орхее и Костештах, и создание некоторых исламских институтов неизбежно сопровождались предоставлением привилегий и возложением на местное население отработочных и натуральных повинностей, что могло спровоцировать его враждебность. Феномен сепаратизма в Прутско-Днестровском регионе не мог проявиться иначе как в контексте ослабления контроля осуществляемого Абдуллахом, вынужденно сконцентрировав силы на защите своих пошатнувшихся позиций в других регионах. Сходной в этом смысле является ситуация, прослеженная по нумизматическим данным в Маджаре (Ртвеладзе 1972: 160), где за монетами с именем Абдуллаха 767 г.х. следуют монеты Джанибека II, несущие обозначения 767–768 гг.х. Это означает, что Абдуллах в 1366–1367 гг. потерял контроль над этим важным центром на Северном Кавказе. Впоследствии надчеканки, сделанные на монетах Джанибека II, показывают, что ему удалось вернуть город. Однако примерно через два года власть Абдуллаха, оказавшегося менее удачливым в других столкновениях, окончательно рухнет.

Местный правитель сохранил прежний тип серебряных монет Нового города, конечно же, и из экономических соображений, и не поставил свое имя на монетах, что означало бы явный разрыв отношений с ханом. Для меди эта ситуация выглядит по-другому, ибо был выпущен в обращение новый тип монет. Известно, что в процессе отделения от политической системы некоторых восточных империй многие государства вводили собственную монетную продукцию по подобию вышеописанных эмиссий. Политический смысл такого жеста в данном случае сильно затенен низким статусом медных монет. На 1366 г. приходится начало чеканки медных монет, несущих на лицевой стороне легенду с еще непрочтенной надписью (Янина 1977: 204), а на оборотной указание, что чеканились они в Шехр ал-Джедиде. На этих монетах не обозначен год чеканки, а город не назван *ал махруса* («хорошо защищенный»), как это всегда бывает на серебряных монетах.

Политический смысл медной продукции подсказан и фактом ее осуществления прежде всего (или может быть, исключительно) посредством редко встречаемого на исламских монетных дворах способом, а именно надчеканкой экземпляров монетного типа с розеткой, которые не были изъяты из обращения ни в Золотой Орде, ни, как показали открытия (Nicolae, Bârnea 1999), в районе между Прутом и Днестром.

Около 25% изученных монет ясно показывают следы предшествующей чеканки. Можно предположить, что чеканка медных монет продолжалась, как минимум, и в следующем 768 г.х. (7.09.1366 – 27.08.1367), когда выпущены и серебряные монеты, представленные пока в малом количестве и то лишь в Лозовском и Сесенском кладах. Последние были признаны анонимными, как и те, что им предшествовали, но один экземпляр монеты, которую я представлю ниже, показывает, что не все они имеют такой облик.

Более многочисленны и лучше известны серебряные монеты 769 г.х. (28.08.1368 – 15.08.1368), а те, что относятся к 770 г.х. (16.08.1368 – 4.08.1369), отмечены пока только в Сесенском кладе. Эти эмиссии сначала несут на лицевой стороне (на части монет 769 г.х.), а затем на оборотной (на остальных экземплярах 769 и 770 гг.х.) слово *«эмир»*. Упоминание этого титула, не сопровождающегося именем собственным, необычно и объяснено как новый шаг, сделанный местным правителем к объявлению независимости. Эмир был идентифицирован с dominus Demeterius princeps Tartarorum («господином Деметрием, князем Татарским»), известным по венгерской грамоте 1368 г. (Gonţa 1989: 18, 39-40, 54). Продукция монетного двора Нового Города завершилась этими эмиссиями. Археологические и нумизматические наблюдения фиксируют затем окончательный выход из политической системы Золотой Орды, видимо, к концу 1369 г., в связи с упадком власти хана Абдуллаха. Восточноисламские поселения были атакованы и разрушены. Серия наблюдений в процессе археологических исследований свидетельствуют в пользу действий каких-то местных сил. Городская жизнь в Старом Орхее и Костештах прекратилась (Nicolae, Bârnea 1999).

Монета, которую я намерен описать, относится к неопубликованной группе монет из Сесен, находящихся в частной коллекции в Кишиневе. Это серебряная эмиссия (→ 1,1 г; 16 мм), на лицевой стороне которой отсутствует имя хана и читается год хиджры — (7)68. На оборотной стороне помещена обычная легенда «чекан Нового Города хорошо охраняемого», за которой следует еще одно слово, расположенное на маленьком пространстве слева внизу (рис. 1). Предшествующим обобщением (Nicolae 1997) такие экземпляры не зарегистрированы. Тогда мне были известны лишь два экземпляра 768 г.х., оборотные стороны которых были отчеканены другими штемпелями. Обе монеты происходят из части Сесенского клада, предварительно опубликованной А.А.Нудельманом. Хотя на этих экземпля-

Рис.1. Серебряная монета, чеканенная в Шехр ал-Джедиде в 768 г.х.

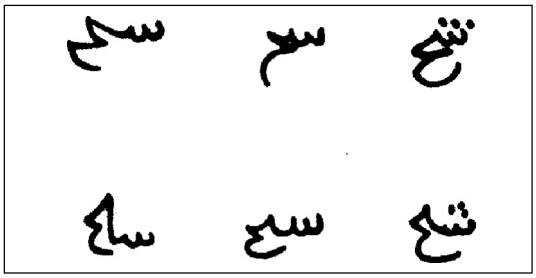

Рис. 2. Формы слова «шейх» на монетах Азиз-шейха по Г.А.Федорову-Давыдову (1980: табл.IV).

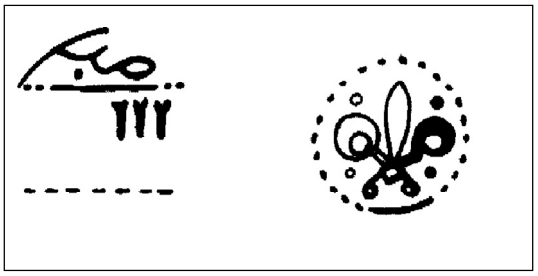

Рис. 3. Медная мамлюкская монета из Старого Орхея.

рах изображение нижней левой стороны не было полностью отпечатано на монетном кружочке, маловероятно, что там могло находиться еще одно слово. Изучение новых монет в будущем покажет правильность моих наблюдений. Недавно я смог определить, что одна из монет 768 г.х. Лозовского клада имеет оборотную сторону, схожую с публикуемой монетой, но отчеканенную другим штемпелем.[1]

Чтение слова в конце легенды затруднительно. На первый взгляд, речь идет о двух буквах, последняя из которых завершается «листом руми». Принимая во внимание присутствие слова *амир* с точным прочтением на последующих эмиссиях, я заключил, что речь идет о другом титуле: *шейх*. Чтение первой буквы даже при отсутствии диакритических точек не представляет никакой трудности. Зато следующий знак, который напоминает *аин,* является или деформированным *хы* (буква *ие* отсутствует, так как это имеет место в надписях той же эпохи на монетах Азиз-шейха), или представляет соединение букв *ие* и *хы*, происходившее из практики связи последней буквы с предшествующей в верхней части, а не в основании, как это заметно на других монетах упомянутого эмитента (рис. 2).

В той мере, в которой это чтение не будет оспорено, монета доказывает, что после исключения имени хана из легенд серебряных экземпляров и начала чеканки собственных медных монет (в 1366 г.), до включения титула *амир* на серебряных монетах (после 27.08.1367 г.), местный правитель использовал титул *шейх* (вероятнее всего, на серебряных эмиссиях, чеканенных ближе к концу 768 г.х., следовательно, до 28 августа 1367 г.).

Постепенное проявление сепаратистского отношения подтверждено, поскольку слово *шейх* имеет политическое значение, менее очевидное, чем эмир. Оно могло означать вообще главу отдельной семьи или общины. Это согласуется и с информацией 1368 г. в которой фиксируется *dominus Demetrius princeps Tartarorum*, термин *princeps* является эквивалентом титула *амир* («князь» в славянской терминологии), а *dominus* тождественно понятию *шейх*. Вместе с тем, известно, что в письмах, которые получали крупные сановники Золотой Орды от мамлюкского султаната, формула обращения содержала апелятив *шейх* (Закиров 1966: 124).

Новые данные подтверждают, что после ухода Абдуллаха из района Поднестровья серебряные монеты Нового Города, хотя и сохраняют предшествующий тип, представляют местную монетную продукцию государственного формирования, управляемого, по крайней мере, с 1367 г. православным христианским эмиром (принцем или князем). Это образование, которое окончательно вышло из подчинения великого хана в 1369 г., могло быть формой предшествующей более позднему административному компоненту Молдавии, называемому «Цара де Жос» или «Нижней Страной» сначала. Так как какие-либо другие сведения о Дмитрии отсутствуют, можно предположить, что он погиб в сражениях 1369 г.

Вторая монета, о которой будет идти речь, изготовлена из меди (↓ 2, 91 г; 17 мм) и была найдена в северо-восточной части городища Старый Орхей.[2] Монета сильно стерта и поэтому я представляю здесь лишь ее рисунок с теми немногими элементами, которые заметны и достаточны для ее идентификации (рис. 3). На лицевой стороне монеты легенда исполнена в трех расположенных горизонтально полосах – композиция часто встречающаяся на монетах и в мамлюкской геральдике. Вверху читается четко «дуриба» («чеканеный»), в центре заметна лишь правая верхняя часть слова *ал малик* («король»), а нижняя часть с наименованием монетного двора (Алеппо) не поместилась на монетном кружочке. Оборотная сторона анэпиграфна: видна правая часть другого элемента, часто использовавшегося в мамлюкской геральдике – цветок лилии между че-

[1]Благодарю за любезность госпожу Раису Табуйко, хранителя нумизматической коллекции Национального музея истории природы и этнографии в Кишиневе, предоставившую этот экземпляр для изучения.

[2]Экземпляр был предложен мне для изучения П.П.Бырней, которому выражаю свою благодарность, как и госпоже А.Никулицэ, хранителю нумизматической коллекции Института археологии в Кишиневе.

Рис. 4. Мамлюкский герб с булавы из Балабан, по Е.Сава (1996) и Г.Постикэ, Г.Сава (1996).

тырьмя дисками-кружками. Монета принадлежит известному типу (Balog 1964: 314), отнесенному к султану Ал-Музаффар-Саиф ал-дин Хаджжи I (1346–1347). Попав в Старый Орхей вместе с восточноисламским населением, размещенным здесь Абдуллахом, она происходит, видимо, из зоны Крыма, который находился в более выгодном (из-за присутствия итальянцев) положении в плане поддержания тесных отношений с сиро-египетским миром. В связи с этим напомню о публикации другой медной мамлюкской монеты Ал-Захир Саиф ал-дин Баркука (1383–1389, 1390–1399) с двумя надчеканками, одна из которых принадлежит генуэзской колонии Каффы (Ilisch 1971).

Как в Старом Орхее, так и в Костештах возможно присутствие мастеров мамлюкского происхождения и школы, как на то указывает, например, фактура надгробных надписей из Костешт (Крачковская 1960: 57). Это следует увязать с присутствием специалистов камнерезов, посланных среди других мастеров из Египта в Золотую Орду, как это случилось в 1287 г. (Тизенгаузен 1844: 363, 435; Закиров 1966: 66). Среди предметов мамлюкского происхождения, которые подтверждают информацию об обычае египетских султанов посылать оружие в Золотую Орду, включая и булавы из позолоченного железа (Тизенгаузен 1884: 266, 326; Закиров 1966: 51, 77-79), необходимо упомянуть и булаву, найденную в погребении у села Балабаны (Тараклийский уезд), отнесенном военачальнику или «мамлюкскому всаднику» (Postică, Sava 1996: 66, 68, 80, fig.8/1, 85 — fig.13; Sava 1996: 199, 203-204, fig.7/1, 8). Авторы публикации видят в ее верхней части тамгу (рис. 4). Однако, в действительности на золотом фоне изображен (путем изъятия позолоты по контуру рисунка) медальон геральдического типа, разделенный на три горизонтальные полосы, как и на лицевой стороне вышеописанной монеты. В центральной полосе рельефно исполнен кубок того же цвета, что и фон (золото). Из доступных мне данных следует, что мамлюкские геральдические фигуры, комбинирующие два элемента — «кубок» и «щит» (медальон), разделенный тремя горизонтальными полосами, выстраиваются в хронологическом интервале приблизительно между 1290 и 1374 гг. (Mayer 1933: 5, 10-11; Meinecke 1972: 239-242). Известно, что кубок символизирует функцию чашника и некоторые из обладателей подобных гербов служили в пажеском корпусе, из рядов которого зачастую рекрутировались чашники. В нижней полосе герба на булаве из Балабан нет другого геральдического знака, но ей (в результате удаления позолоты) был придан отличный от других полос цвет, видимо, чтобы способствовать правильному «чтению» эмблемы. Выделяется, таким образом, нижняя часть изображения, что не было обязательным ни на гербах зданий, ни на других предметах, положение которых было ясным и на которых крайние полосы, как правило, имели тот же цвет, но возможно обозначались посредством варьирования высоты рельефа. Необходимо уточнить, что в мамлюкской геральдике кубок использовался и позже, но в комбинации с другими геральдическими знаками. Булава подтверждает дату погребения из Балабан в пределах XIV в. Она могла быть даже современной короткой городской жизни в Костештах и Старом Орхее. Возвращаясь к Ал-Музаффар Саиф ал-дин Хаджжи I, от короткого управления которого сохранились мало монет и предметов искусства, укажу на стеклянную лампу из коллекции Эрмитажа, датированную его временем (Певзнер 1958). Происхождение этой замечательной вещи неизвестно, но возникает вопрос, не принадлежала ли она какому-нибудь мусульманскому институту на территории Золотой Орды, иллюстрируя контакты с мамлюкским султанатом, возможно, транспорт с подарками.

ЛИТЕРАТУРА

Закиров С. 1966. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII – XIV вв.). М.

Крачковская В.А. 1960. Новая арабская надпись из Молдавской ССР // ЭВ. 13. С.49-58.

Нудельман А.А. 1974. Монеты из раскопок и сборов 1972 – 1973 гг. // АИМ. 1973 . С.188-209.

Нудельман А.А. 1976. Топография кладов и находок единичных монет // АКМ. Вып. 8. Кишинев.

Певзнер С.Б. 1958. Стеклянная лампа XIV века из коллекции Государственного Эрмитажа // ЭВ. 13. С.94–97.

Ртвеладзе Е.В. 1972. К истории города Маджар // СА. №3. С.149-163.

Тизенгаузен В.Г. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.

Травкин С.Н. 1994. О чеканке монет на территории Бессарабии в XIV – XV вв. // Всероссийская нумизматическая конференция, 6-8 IV 1994. СПб. С.37-38.

Федоров-Давыдов Б.А. 1980. Клад серебряных джучидских монет из Селитренного городища // НЭ. 13. С.58-76.

Янина С.А. 1977. «Новый город» (Янги-Шехр/Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // ТрГИМ. Вып. 49. Нумизматический сборник. Часть 5. Вып.1. С.193-213.

Balog P. 1964. The coinage of the Mamlūk sultans of Egypt and Syria. New York.

Gonţa A.I. 1989. Legaturile economice dintre Moldova şi Transilvania în secolele XIII – XVII. Ediţie, prefaţa, bibliografie şi indice de I.Caproşu. Bucureşti.
Ilisch L. 1971. Eine Kaffa gegenstempelte Mamelukenmunze // Munstersche Numismatische Zeitung, 40 (Marz), C.4-6 (non vidi).
Mayer L.F. 1933. Saracenic heraldry. Oxford.
Meinecke V. 1972. Zur mamlukischen Heraldik // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Kairo. 28/2. C.213 – 287. Рис.52-67.
Nicolae E. 1997. Quelques considerations sur les monnaies tatares de «la Ville Neuve» (Yangi-gehr/Sehr al-cedid // SCN. 11. P.197 – 200.
Nicolae E., Bârnea P. 1999. Orheiul Vechi în epoca Hoardei de aur în lumina descoperirilor monetare. Comunicare la al XVI-lea Simpozion Naţional de Numismatica. Bârlad, 27 – 28 mai 1999.
Postică Gh., Sava E. 1996. Complexe funerare ale nomazilor medievali de lîngă satul Balabani, raionul Taraclia, Republica Moldova // SCIVA. 47/1. P.68 – 89.
Sava E. 1996. Necropola tumulară Balabani-II // AM. 19. P.191 – 220.

Л.Л. Полевой

НЕИЗВЕСТНЫЕ БОЛГАРСКИЕ МОНЕТЫ?

L.L. Polevoy. Unknown Bulgarian Coins?

The article analyses rare copper coins, part of which was found on the Old Orhei settlement in Moldova. Heraldic images of a lion or of a two-headed eagle are set on the obverse of the coins, thus finding close analogues in medieval Bulgarian numismatics. Inscriptions in Arabic are found on the reverse side. The word «Carbona» can be read in some of these inscriptions, which is the name of the mint (modern town of Balchik on the Black Sea coast in North-Eastern Bulgaria).The author supposes that the studied coins were issued in the second half of XIV century in the state of despot Dobrotich, separated from the Second Bulgarian Kingdom, and which recognised its dependence on the Golden Horde.

В публикации восточных монет нумизматической коллекции музея Одесского общества истории и древностей описаны шесть интересных медных монет. На их лицевой стороне четко вычеканен лев, стоящий на задних лапах, вправо, в точечном ободке; оборотная сторона представляет восточную надпись, прочитанную О.Блау как «Карбона». Исследователь относит эти монеты ко времени Узбека и Джанибека (Blau 1876: 38). Подобная же монета приводится Х.М.Френом (Френ 1832: 37, таб. X NN CCCXXXVII, CCCXXXVIII) как неопределенная и весьма редкая, но на оборотной стороне ее автор читает—«в добрый час» [1].

Фактура и способ чеканки этих монет очень напоминают золотоордынские, в чем, казалось бы, уверяет и восточная надпись оборотной стороны, но необычный тип их лицевой стороны (лев) и невозможность локализировать место их чеканки заставили нумизматов-ориенталистов относить их к монетам неопределенным. Основным препятствием в определении этих монет была полная убежденность исследователей в том, что они могут быть только восточными, золотоордынскими. Между тем, лишь обратившись к образцам европейской нумизматики можно приподнять завесу над интересующим нас вопросом.

Ближайшей аналогией к описанному выше типу монет являются болгарские медные монеты тырновского царя Ивана Шишмана (1371—1393), также имеющего на лицевой стороне изображение льва, стоящего на задних лапах, направо, в точечном круге (Мушмов 1924: 144—146). Даже взгляд неискушенного человека улавливает разительное сходство лицевых сторон болгарских и интересующих нас монет, не требующее типологического анализа. Разумеется, в деталях изображения отличаются, но в целом их характер не оставляет сомнения в общности (см. рис. 1, 1—2).

В нумизматической коллекции, собранной за ряд лет раскопок на городище молдавского средневекового города Старого Орхея, хранятся четыре медные монеты, отличающиеся своей необычностью. Лицевая сторона этих монет носит четкое изображение двуглавого орла. На оборотной стороне — надписи, по виду воспроизводящие арабские письмена, где иногда можно даже прочесть отдельные слова (см. рис. 2). Кроме этих четырех монет, известна публикация подобной же монеты П.А.Орешниковым, принимаемой им за джучидскую (Орешников 1899: 13–14).

Известны находки и других довольно часто встречающихся, но также неопределенных золотоордынских монет с сильно стилизованным «орлом» на лицевой стороне, схожим с изображениями лицевой стороны описанных выше монет только тем, что на обоих типах изображены птицы (см. рис. 1, 3) (Френ 1832: 39, таб.XI, N CCCLXXVII; Recensio munozum muhammedanorum MDCCCXXVI: 404, N 13).

Если с некоторой натяжкой и можно говорить о каком-то общем типе (изображение птицы), то стилистическая сторона этих монет не имеет ничего общего. На монетах интересующего нас типа (рис.2) резец гравера изобразил орла достаточно выразительно, но, конечно, настолько, насколько это позволили каноны геральдики и ее домыслы двуглавых стилизованных птиц. В сильно стилизованном же изображении птицы на других монетах (рис.1, 3) прежде всего вызывает сомнение, орел ли

[1] О.Блау допускает разночтение «сорок пул».

© Л.Л. Полевой, 1999.

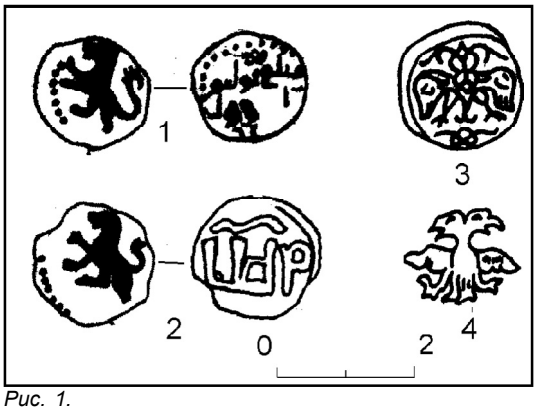

Рис. 1.

изображен здесь, а если даже и так, то с двумя ли он головами.

Другой тип орла находим у Ф.Кене и П.А.Орешникова (Kohne 187: 73; LXVII, N 8; Орешников 1899: 13 — 14). Но и здесь (см. рис.1, 4) ясно резкое отличие стиля изображения от орла описанных выше монет из Старого Орхея. Не оставляет сомнения чекан, происхождение монет: на их оборотной стороне четко читается: «чекан Гюлистана 761 года»; вариант даты чеканки — 766 г. хиджры. Остроумная догадка Г.Саблукова (Саблуков: 5) о чеканке на золотоордынских монетах легендарной птицы симура или гамая – свидетельства мусульманского догмата о роке, предопределении – может послужить основанием для отнесения монет последних типов (рис.1, 3 и 4) к монетам Золотой Орды. Небезынтересным кажется мнение о подобных монетах известного русского нумизмата-ориенталиста В.В.Григорьева, оценивавшего тип их лицевой стороны как изображение птицы, принимаемой Френом за двуглавого орла, ли как изображение птицы вроде двуглавого орла. Он сам не решается это утверждать категорически, отсылая читателя к авторитету Х. М. Френа (Григорье: 127 —128).

Монеты, описанные выше (рис.2), не оставляют сомнения в том, что на них изображен орел, стилистически сходный с орлом на лицевой стороне трапезундских византийских императоров (см.рис. 3, 1) (Petowski 1911: 283, 289, таб. XV, 12; Wroth 1911: рис. XLI, N 3 — 5; Kohne 1871 —73: 5 — 7) и болгарских царей (см. рис. 3, 2 — 6) (Мушмов 1924: 86 — 88, 99 — 103) XIII — XIV вв.

Нет нужды говорить о типологическом и стилистическом сходстве монет византийских императоров и болгарских царей конца XIII —XIV вв., достаточно убедительно доказанном известным болгарским нумизматов Н.А.Мушмовым (Мушмовъ 1924: 36).

Группа монет с двуглавым орлом из Старого Орхея в типе лицевой стороны обнаруживает близкое сходство с византийскими и болгарскими монетами. На тех и других изображение орла передано с большим или меньшим искусством, но как правило не оставляет сомнения в его характере. В целом его тип таков: четкое изображение двуглавого орла с головами, иногда увенчанными стилизованными коронками (рис. 2, 1, 4); между головами украшение, отдаленно напоминающее бутон цветка; распростертые крылья с резко разделенными маховыми перьями; хвост птицы также стилизован и сливается с ободком монеты; четко обрисованы лапы, обычно отходящие от основания крыльев.

Обращает на себя внимание сходство во многих деталях: распростертые под прямым углом крылья изображены с резко раздельными перьями (рис. 2; рис. 3, 1, 4, 5); некоторое отличие в конфигурации крыльев также находим в обеих группах (рис. 2, 4; рис. 3, 2, 3); украшение между головами орла (рис. 2, 1) находит свою аналогию, с одной стороны, на византийских монетах (рис. 3, 1), с другой стороны (рис. 2, 3, 4), на болгарских (рис. 3, 2, 4); и на тех и на других монетах лапы орла обычно отходят от основных крыльев (рис. 2, 2, 3, 4; рис. 3, 1, 2, 3), или же от середины тела (рис.2, 2; рис. 3, 4, 5); сходна стилизация и наличие коронок на головах орла (рис. 2, 1, 4; рис. 3, 6) и др.

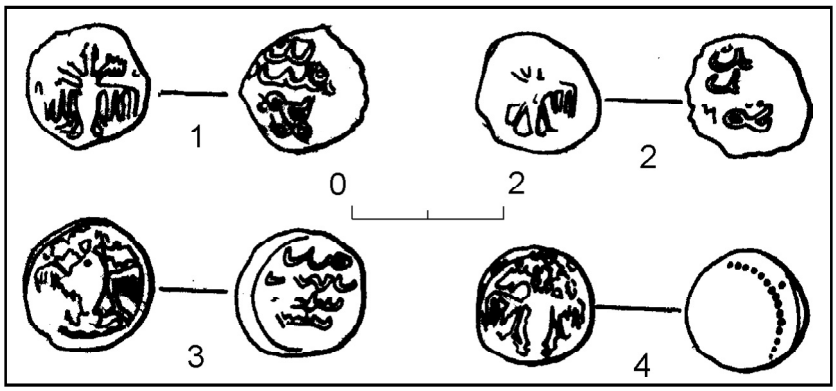
Помимо чисто формального сходства изображений орла обеих групп монет, очевидно стилистическое сходство в обрисовке анатомических особенностей птиц. Оно также служит доказательством какой то их общности.

В определении описанных новых монет со львом и двуглавым орлом на лицевой стороне, помимо их сходства с изображениями византийских и болгарских монет, можно руководствоваться также характером надписи на оборотной стороне. Подражания восточным надписям на монетах областей, в той или иной мере признававших верховную власть золотоордынских ханов, — довольно обычное явление, встречающееся на рязанских, суздальско-нижнегородских и монетах других русских удельных княжеств в конце XIV в. (Ильин 1940).

Это верный признак (встреченный и на интересующих нас монетах) того, что подобные монеты относятся к областям, не входящим непосредственно в состав Золотой Орды, но както зависимым от нее. Разительное сходство изображений лицевой стороны наших монет (орел, лев) с изображениями на болгарских монетах укрепляет нас в этом мнении и заставляет отнести их к неизвестной до настоящего времени группе болгарско-татарских монет.

Вопрос об изображениях двуглавых птиц и орлов на восточных, византийских и европейских монетах, имеет богатую литературу и, по существу, решен. Можно лишь сослаться на работу Р. Фасмера, как бы подводящую итог этой длительной дискуссии. Его вывод на основе анализа изображений византийских и восточных монет — что между монетами Джучидов и Византии никакого сходства, никакого взаимного влияния в изображениях орлов не наблю-

Рис. 2.

дается (Фасмер 1926).

Нет необходимости далее доказывать, что изображения двуглавого орла на новой группе монет не имеют ничего общего с типом джучидских монет.

Сравнительно немногочисленный, но с характерным изображением двуглавого орла или льва, монетный материал позволяет установить два типа описываемой группы монет: первый тип и второй тип А и Б.

Первый тип на лицевой стороне носит изображение льва, стоящего на задних лапах, направо, в точечном круге. Оборотная сторона содержит арабскую надпись «в добрый час» или «Карбун, Карбона», также в точечном круге (рис. 1, 1).

Второй тип А. Лицевая сторона с изображением двуглавого орла в линейном или точечном круге: оборотная сторона грубо чеканенные и трудно поддающиеся расшифровке арабские письмена, где иногда читаются отдельные более тщательно выгравированные слова, как «чекан».

Второй тип Б. Отличается от второго А исполнением как лицевой, так и оборотной сторон. Орел на монетах второго типа А дан с предельно возможным приближением к анатомическим особенностям, резец мастера изящен и тонко передает даже мелкие детали изображения. Второй же тип Б представляет значительно ухудшенное изображение орла, передающее лишь самые характерные и общие черты. То же относится и к легенде оборотной стороны. Но и здесь, хотя и очень грубая, арабская надпись может быть прочтена, как и на монетах, публикуемых О.Блау: «чекан Карбона» (см. рис. 2, 1, 2).

Таким образом, анализ интересной группы нумизматический находок из Молдавии позволяет отнести их к болгарским монетам, во-первых, с точки зрения типологической и стилистической; во-вторых, на оборотной стороне монет этой группы названо место чекана, читаемое как Карбун (Карбона). Это подкрепляет формальную сторону исследования, локализуя центр производства данных денег в болгарских землях.

Даже при беглом знакомстве с болгарской нумизматикой вызывает удивление, что многочисленные типы монет болгарских царей XIV в. в литературе представлены лишь выпусками видинского и тырновского царей, хотя на востоке Болгарии выделяется сильное третье царство, претендующее на самостоятельность и действительно ее добивающееся.

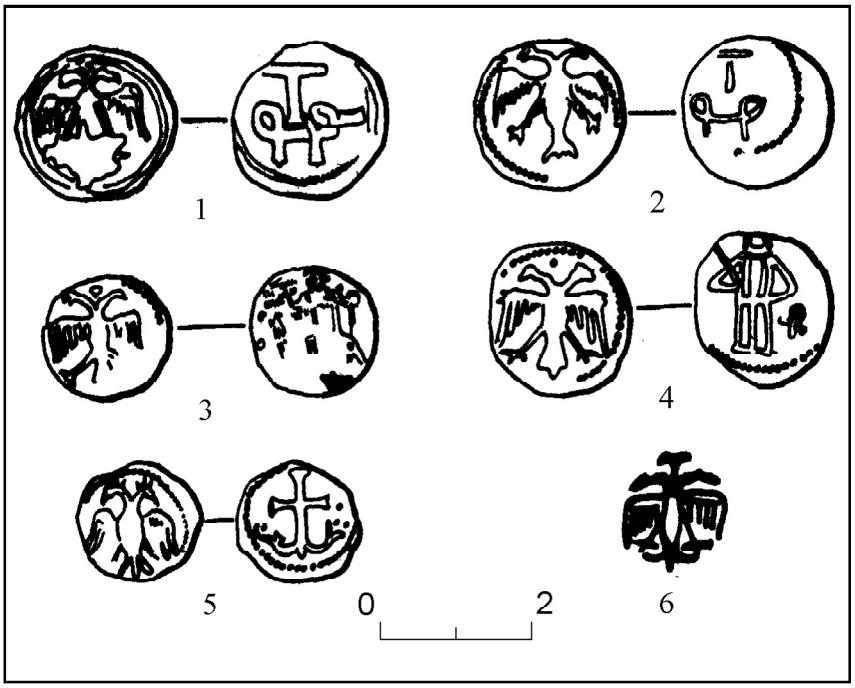
Достигнув наивысшего политического и культурного расцвета при Иване Асене II (1218 —1241), Второе Болгарское царство с его смертью неуклонно идет к упадку, раздираемое феодально-династической борьбой дворцовых партий и князей (Державин 1946: 131). При Федоре Святославе царство делится между ним и Михаилом, правившим в западной части Болгарии как деспот Болгарии, господин Бдина. Столица Федора Святослава остается в Тырново (Иречек 1878: 381).

Царство Федора Святослава (1300—1321), простирающееся вплоть до Белгорода Днестровского, подразумевает арабский ученый Абу-л-Фида (1273—1331), говоря о стране валахов или болгар. В его описании Тырново — «…город страны валахов … Люди, которые его населяют, неверные (что в понятии Абу-л-Фиды означает христиане – Л.П.) и принадлежат к народу, который называют Валах; их еще зовут Булгар (Alborghal)».

Описывая причерноморские земли Болгарии, Абу-л-Фида называет город Исакча (Sacdjy) – «…город страны Валахов (Aloualac)… Большая часть жителей исповедует ислам». Наконец, Белгород (Аккерман, Acdja-kerman) – «…город страны Болгар и Тюрков… его жители частью мусульмане, другие неверные (т.е. христиане – Л.П.) (Geographie d'Aboulfeda 1848: 318, 316, 317).

Известия арабского географа хорошо дополняются данными западноевропейских хроник. В 1314 г. Анджело де Сполето, францисканский миссионер, был убит болгарами в Белгороде. Через два года люди болгарского царя Святослава грабят генуэзских купцов опять-таки у Белгорода — Mavocastro (Bratianu 1927: 28—4). Эти трагические события, сопровождающие экспансию католицизма и генуэзской торговли

Рис. 3.

в Карпато-Днестровских землях, служат ярким свидетельством распространения власти болгарского царя на земли к северу от дунайской дельты.

После смерти Святослава (1321г.) татаро-монголы вновь захватывают некогда оставленные области Подунавья, где продолжало оставаться, судя по известиям Абу-л-Фиды, значительное татарское оседлое население, соседствовавшее со славянским. В 1323 г. значительные союзные татарские дружины участвуют в походе будущего болгарского царя Михаила III Шишмана (1323 – 1330) против Византии (Бурмов 1947: 17). Около 1332 г. в связи с событиями «Жития святого Иоанна Сучавского», находим в Белгороде золотоордынского правителя— огнепоклонника, чтившего солнце и звезды. (Sbiera 1990: 856).

Захват татаро-монголами Узбека и Джанибека белгородской земли поставил соседние области в непосредственную зависимость от ордынцев. Подчинению этих земель татаро-монголами немало способствовало заселение их ранее значительным оседлым тюркским население. Румынский исследователь вопроса О.Мэркулеску, основываясь на анализе письменных источников, пришел к выводу, что татаро-монголы захватывают также дельту Дуная и прилегающую к ней северную часть Добруджи (Mărculescu 1937: 16).

Феодальные усобицы Болгарии привели к фактическому распаду на страны наряд царств и деспотий, очень слабо связанных между собой центральной царской властью. На востоке страны, в горах и приморских равнинах Камчии, еще в первой половине XIV в. выделяется феодальное владение одного из могущественных болгарских князей Балика, по происхождению половца. Его резиденцией была древняя Карбона, обозначенная на западно-европейских картах XIV в. (теперь Балчик). Владения Балика, а затем примерно с середины XIV в. его преемника Добротича, раскинулись от устья Дуная до Варны и на запад по нижнему течению Дуная приблизительно до Силистры. По существу, это было одно из трех царств, на которые распалась Болгария около середины XIV в. (История Болгарии 1954: 148).

С захватом татаро-монголами белгородской земли и части Добруджи Балик, несомненно, в какой-то мере вынужден был им подчиниться.

Еще при жизни Балика, по его поручению, будущий деспот Камчии Добротич участвует во главе болгарских отрядов в династических неурядицах Византии. Он роднится с одной из знатнейших византийских фамилий Палеологов и получает от императора титул деспота. После смерти Балика (середина 50-х гг. XIV в.) он формально отделяется от Второго болгарского царства и, как самостоятельные даже в церковно-иерархическом отношении, подчинил свои владения непосредственно константинопольскому патриарху. Одновременно Добротич признает себя вассалом византийского императора (Mărculescu 1937: 16).

Могущественный болгарский деспот, Добротич строит военный флот, который в 1374 г. появляется у Трапезунда, чтобы поддержать претензии на трапезундский престол Михаила Палеолога – зятя Добротича. После смерти Добротича в 1385 г., в Добрудже (названа по имени Добротича), правит его сын Иванко, заключивший в 1387 г. торговый договор с Генуей (Ире-

чек 1878: 400, 419, 438). В 1395 г. Добруджа попала под власть турок.

Вполне естественно, подобно другим двум болгарским царям, добруджанские правители должны были бы также чеканить собственную монету, хотя бы в знак своей самостоятельности, не говоря об экономических нуждах.

Монетные находки,представляемые в статье, при сопоставлении с прежним материалом, проливают некоторый свет на интересующий нас вопрос и связывают его с историей денежного обращения Карпато-Днестровских земель.

Находки монет, описанной выше группы сделаны в основном в Старом Орхее, то есть в ближайшем соседстве с районом их происхождения—Подунавьем, и вряд ли дают повод для каких-либо сомнений в их принадлежности. Факт отсутствия находок подобных монет на юге Бессарабии и в других областях, прилегающих к дельте Дуная, может быть легко объяснен их весьма слабой нумизматической изученностью. Болгаро-татарские монеты найдены на городище Старого Орхея вместе с золотоордынскими медными монетами и, поэтому, могут довольно четко датироваться в пределах периода, установленного нами для бытования этого монетного материала в древнем городе – 40-е – 60-е гг. XIV столетия (Полевой 1955: 89—90), но с допустимыми отклонениями в ту или иную сторону.

Проникновение этих монет в Старый Орхей связано, по-видимому, с их широким распространением в районе Белгорода, откуда они несколько отдалились к северу по большому днестровскому торговому пути, и говорит об устанавливающихся экономических связях между городами на территории средневековой Молдавии. Причем, эти связи имели местный характер межрыночных мелкоторговых связей, что доказывается обращением разменной медной монеты.

Вопрос об экономических связях городов региона в частности Белгород-Днестровского и «Старого Орхея», требует специального и очень серьезного рассмотрения, что не может быть проделано в рамках настоящей работы. Эти связи прослеживаются при сопоставлении вещевого и нумизматического материала, собранного при раскопках на городище Старый Орхей, с коллекциями Белгород-Днестровского краеведческого музея. Но это лишь следы на фоне господства натурального хозяйства, ограничивавшего внутренний обмен сравнительно небольшими районами вокруг городских центров. Зарождение общемолдавского национального рынка для XIV—XV вв. — дело, может быть, и сравнительно недалекого, но все же будущего. Связи между отдельными городскими рынками спорадичны, и это не позволяет установить какие-либо закономерности, кроме сходства элементов материальной культуры, объясняющегося общностью социально-экономических путей развития.

До нас не дошли известия о каких-либо отношениях подчинения добруджанских деспотов Золотой Орде, что при близком соседстве с мощной державой Узбека, Джанибека и их ближайших преемников было неизбежно. Это ярко видно на примере Червонной Руси, платившей татаро-монголам дань («татарщину») и вынужденной признать верховную власть золотоордынских ханов.

Монеты рассмотренной группы носят следы признания верховной власти золотоордынских ханов в виде арабских надписей на оборотной стороне. При настоящем положении дел трудно утверждать определенно, но название «Карбона» на монетах, по всей видимости, означает добружанскую Карвуну-Балчик. В этом нас еще более уверяет изображение лицевой стороны монет со львом, подобное монетам тырновского царя Ивана Шишмана, под верховной властью которого формально находились владения Балика [2]. Изображение орла на втором типе монет, помимо их принадлежности к болгарским монетам вообще, говорит о тесных связях новой деспотии на востоке Болгарии с Византией. Как известно, Добротич, деспот Камчии, был даже зятем и вассалом одного из трапезундских императоров, что, вероятно, послужило причиной изображения на добруджанских монетах традиционного византийского орла.

Итак, формально-стилистический анализ не изученной ранее группы монет, показывающий их принадлежность к болгарским эмиссиям, и возможность локализации центра их чеканки в придунайских областях черноморского побережья находят полное объяснение с исторической точки зрения.

Находки этих монет в карпато-днестровских землях служат ярким свидетельством товарно-денежных связей экономики Болгарии с соседними странами, в частности, с Молдавией.

[2] Небезынтересно, что среди монет Ивана Шишмана существуют единичные экземпляры с обычной его монограммой, на одной стороне, и восточной надписью, на другой, из которой можно разобрать лишь «чекан» (Мушмов 1912: 498, таб. LXVI— I0). Это следы признания и Иваном Шишманом вассальной зависимости от Золотой Орды или Турции).

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В.В. Еще два десятка неописанных джучидских монет.
Державин Н.С. 1946. История Болгарии. Т. II. М.-Л.
Ильин А.А. 1940. Классификация русских удельных монет. Вып.1. Л.
Иречек К. 1878. История болгар. Одесса.
История Болгарии 1954. Т.1. М.
Мушмов Н.А. 1912. Античнить монети на Балканския полуостров и монетите на българските царе. София.
Мушмов Н.А. 1924. Монетите и печатите на българските царе. София.
Орешников Н.А. 1899. Материалы к русской нумизматике до царского периода // ТМНО. М. Т.II. Вып.1.
Полевой Л.Л. 1955. К истории денежного обращения в юго-западной Руси и Молдавии // Известия МФАН СССР. Кишинев. N 5.
Саблуков Г. Монеты Золотой Орды // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань. Т. XIII.
Фасмер Р. 1926. О двух золотоордынских монетах// Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л. Т.1. Вып.1.
Френ Х.М. 1832. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб.
Бурмов А. 1947. История на България през времето на Шишмановци (1323 — 1396). Вып.1. София.
Blau O. 1876. Die orientalischen Münzen des Museums der Kaiserlichen Historisch-Archäologischen Gesellschaft zu Odessa. Odessa.
Bratianu G.J. 1927. Contributions à l'histoire de Cetatea-Alba (Akkerman) aux XIII-e et XIV-e siècles // Bulletin de la Section historique. Bucarest. T. XIII.
Geographie d'Aboulfeda, trad. De l'arabe par M.Reinaud. 1848. Paris.
Kohne F. 1871 — 73. Vom Doppeladler, Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde. Bd.6. Berlin.
Mărculescu O.S. 1937. Balica şi Dobrotici.—Cernăuți.
Petowski O. 1911. Die Münzen der Komnenen von Trapezunt // Нумизматический сборник. М. Т.1.
Sbiera J.G. 1990. Ion cel Nou de la Suceava // Enciclopedia romana. Sibiu. T. II.
Wroth W. 1911. Catalogue of the coins of the Vandals, Ostogoths and Zombards and of the empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum. London.

Г.А.Козубовский

КЛАД ПРАЖСКИХ ГРОШЕЙ С КОНТРМАРКАМИ ИЗ КИЕВА

G.A.Kozubowski. The Treasure of the Prague Groshes with Countermarks from Kiev.

The work is dedicated to the finding of the Prague groshes with countermarks of the German cities ot XV th century. In this finding among 24 groshes there was 10 countermarks. Author analysing the reputed findings of the Prague groshes with countermarks in Eastern Europe, comes to the conclusion about their "late" circulation on East European lands in the second half – late XVth century.

В начале 70-х годов XX ст. на территории кладбища Флоровского монастыря XVIII-XIX ст. на Замковой горе в Киеве был найден интересный клад пражских грошей. В XV-XVII ст. на Замковой горе располагался Киевский замок.

Вероятно, хранящиеся в Национальном музее истории Украины 24 пражских гроша составляют часть кладового комплекса, потревоженного при разрытии могильной ямы кладбища XVIII-XIX ст.[1]

Из 24 пражских грошей 1 чеканен от имени Карла I (1346-1378), 22 — Вацлава IV (1378-1419); один грош сильно затерт, вероятно, также чеканен при Вацлаве IV. Края монет обрезаны, диаметр — 27-28 мм. Вес монет: Карла I — 2,63 г, Вацлава IV — 2,07-2,88 г.

К сожалению, на большинстве монет основные детали-признаки частично или полностью затерты. Вместе с тем, можно констатировать наличие монет, чеканенных в разные периоды правления Вацлава IV.

Так, на трех грошах Вацлава IV, весом 2,45, 2,88 и 2,60 г во внутренней легенде лицевой стороны буквы «N» и «S» зеркально перевернуты, корона — жемчужиной достает и заходит за обводной круг, буквы внутренней легенды — около 4-х мм. На реверсе у льва большие лапы с длинными острыми когтями, которые касаются обводного круга. Согласно типологии и хронологии пражских грошей Вацлава IV, разработанной чешским исследователем С.Веселым, такие монеты чеканились в последний период правления этого короля. Начало чеканки монет III, последней группы, связывается с приходом нового «монетного мастера» в 1405 г. и монетной «управой» 1407 г. (Vesely 1964: 40-44).

На двух грошах весом 2,45 и 2,63 г «читаются» признаки, характерные для хронологически первых групп чеканки Вацлава IV (Vesely, 1964: 32-35). На грошах, во внутренней легенде лицевой стороны — маленькие (около 2 мм высотой) буквы. Жемчужина на короне не достает обводного круга. На реверсе — изображение льва с маленькими лапами и когтями, не достающими обводного круга.

Большой интерес представляет наличие контрмарок немецких городов на 10 грошах Вацлава IV. Грош весом 2,45 г имеет контрмарку г. Аугсбург — изображение шишки на подставке (рис. 1) (Katz 1927: 28, № 131; Castelin 1962: 76, № 16).

Рис. 1. Грош с контрмаркой г. Аугсбурга.

Грош весом 2,17 г содержит контрмарку г. Зальцбурга — с изображением маленького (5,5 мм высотой) остроконечного зальцбургского щита (рис. 2). Исследователь немецких

Рис. 2. Грош с контрмаркой г. Зальцбурга.

[1] В декабре 1977 г. 24 пражских гроша и 2 медальона XIX ст. (?) были переданы в Подольский РОВД г. Киева жительницей Фроловской улицы. Из милиции монеты поступили в Национальный музей истории Украины, где хранятся и доныне. Согласно акту приема, клад или его часть был найден при раскопках одной из могил.

© Г.А.Козубовский, 1999.

контрмарок на пражских грошах В. Катц контрмаркировку пражских грошей в Зальцбурге датирует не ранее 1428 г. Причем маленькие контрмарки (как на киевской монете) — более поздние (Katz 1927: 44, № 34; Castelin 1962: 88, № 147).

Очень стертый грош весом 2,35 г имеет контрмарку г. Нюрнберга — в круговом поле буква «N» в зеркальном изображении (рис. 3) (Katz 1927: 23-24, № 13; Castelin 1962: 84, № 113).

Рис. 3.
Грош с контрмаркой г. Нюрнберга.

На гроше весом 2,57 г — контрмарка г. Регенсбурга — в круговом поле два перекрещенных ключа (рис. 4) (Katz 1927: 46, № 71; Castelin 1962: 87-88, № 144).

Рис. 4.
Грош с контрмаркой г. Регенсбурга.

Четыре монеты весом 2,31, 2,32, 2,38, 2,39 г имеют контрмарки г. Ульма — в виде закругленного наполовину решетчатого щита. На одном из этих грошей в решетках щита — точки (рис. 5). Грош весом 2,32 г, кроме контрмарки г. Ульма, имеет еще одну, забитую, нечитаемую контрмарку (рис. 6). Исследователи отмечают огромные масштабы контрмаркирования пражских грошей в г. Ульме (Katz 1927: 16, № 106-107; Castelin 1962: 90, № 189).

Рис. 5.
Грош с контрмаркой г. Ульма.

Рис 6.
Грош с контрмарками г. Ульма и нечитаемой контрмаркой.

На гроше весом 2,59 г — контрмарка с изображением стоящего льва в щите. Исследователи относят такие контрмарки к г. Касселю (рис. 7) (Castelin 1962: 80-81, № 65).

Рис. 7.
Грош с контрмаркой г. Касселя.

Грош весом 2,54 г имеет контрмарку с изображением одноглавого орла в крупном закругленном щите. Подобные контрмарки связывают с городами Донаувертом, Франкфуртом-на-Майне либо Неймарктом, Нердлингеном, Ротвейлем (рис. 8) (Katz 1927: 22-23, № 46; Castelin 1962: 78 № 30; Smolik 1971: 118, № 120).

Рис. 8.
Грош с контрмаркой — одноглавым орлом (гг. Донаувёрт?, Франкфурт-на-Майне?, Нойманкт?, Нордлинген? Ротвейль?)

Таким образом, в кладе присутствуют чешские монеты, которые попали на Украину после обращения в немецких землях.

Контрмаркировка пражских грошей началась в 70-80-х гг XIV ст. и в большинстве характерна для областей южной Германии, а также Вестфалии, Гессена, Саксонии. Основная масса грошей надчеканена до 1428-1434 гг., после чего контрмаркирование ограничивалось отдельными случаями. Хотя в целом период контрмаркирования пражских грошей, согласно исследователям, охватывает 1370-1510 гг. Контрмаркированием занимались почти исключительно немецкие города. Среди более 200 известных типов контр-

марок наибольшее количество принадлежит городам Аугсбургу, Ульму и Регенсбургу.

В числе восточноевропейских находок также абсолютно доминируют монеты с контрмарками этих городов.

Находки с контрмаркированными пражскими грошами в Восточной Европе достаточно редки. Кроме клада из Киева, такие монеты известны из кладов у с. Сезенково на Переяславщине, с. Михалки на Мозырьщине, г. Витебска, Подгорья на Минщине (Soboleva 1970: №№ 143, 144, 145; Археологія і нумізматыка Беларусі 1993: 473).

Чешские монеты с немецкими контрмарками не рассеяны среди огромного количества кладов на территории Восточной Европы, а концентрируются в определенных кладовых комплексах. В трех из шести находок присутствовали монеты, чеканенные после гуситских войн. В Сезенковском кладе на Переяславщине среди 183 пражских грошей 1 чеканен при Иржи Подебраде (1457-1471), 1 при Владиславе II (1471-1516). Грошем Иржи Подебрада датируется клад из с. Михалки на Мозырьщине. В Подгорецком кладе на Минщине вместе с 222 пражскими грошами (среди которых 1 с контрмаркой г. Аугсбурга) присутствовали 224 литовских полугроша начала XVI ст.

На позднюю датировку кладов с контрмаркированными пражскими грошами указывает отсутствие или ничтожно малое количество монет Карла I, а также значительное количество стертых грошей.

Исследователи обращают внимание на изменения направления основного пути, который соединял Западную Европу с Восточной (Прага — Краков — Русь) после гуситских войн и междуусобиц в Чехии (1419-1457). Торговые пути начинают осуществляться в обход Чехии — через Германию и Саксонию (Рябцевич 1965: 123; Флоровский 1947: 106).

Очевидно, на протяжении первой половины XV ст. значительная часть пражских грошей осела в кладах Восточной Европы. Денежный рынок требовал новых поступлений денежной массы. Таким резервом могли быть обращавшиеся в немецких землях чешские гроши. Компактность и концентрация контрмаркированных пражских грошей в одних кладовых ком плексах указывает на прямые контакты с немецкими землями. Пражские гроши с немецкими контрмарками во второй половине — конце XV ст. восполняли потребность в обращаемой монете.

ЛИТЕРАТУРА

Археологія і нумізматыка Беларусі. Энциклопедыя. Минск, 1993.

Рябцевич В.Н. К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV-XV вв. // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965. Вып. 2.

Соболева Н.А. Обращение пражского гроша в Центральной Европе // Славяно-германские культурные связи и отношения. Москва, 1969.

Флоровский А.А. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X-XVIII вв.), II. Прага, 1947.

Castelin K. Kontrmarky pražskych grošů // Numismaticke listy. 1962. N 3-4.

Katz V. Kontrmarky na pražských grošich. Praga, 1927.

Smolík J. Pražské groše a jejich díly (1300-1547). (Dopolnili Castelin K. a Pánek I.). Praga, 1971.

Soboleva N.A. Nalezy pražskych grošů na uzemi SSSR // Sbornik narodniho muzea v Praze. Praga 1970. Z. 3-4.

Vesely S. Nalez v Jarošově nad Nežárkou (Příspěvek k chronologii grošů Václava IV) // Numismatický sborník. VIII. 1964.

А.П.Городенко

ДВЕ МОНЕТЫ ЧЕКАНКИ АСПРОКАСТРО

A.P. Gorodenco. Two Coins of Asprocastro Coinage.

More than fifty years have passed since the first publication of coins, which were called Asprocastro, the coin of Belgorod Town. Thirteen coins of this series have been published so far. This article describes two coins from the private collection of M. Ciocanu, Chisinau collector. Twenty three such coins are known at present (ten of them in private collections). Opinions vary on whether this coin existed in the early or middle XV century and served as an internal exchange coin of the town, or whether it was emitted by a Gospodar (Prince) who only stayed in Belgorod for a short term. We suppose that existence of the copper coin of Asprocastro had a political basis. This phenomenon indicates, mainly, the status of the town in Moldavian principality; the time of coinage and use can be marked by approximately 1407-1457 years. At the same time, one must presume that Belgorod had a double status: first of all it was an independent town, crafts and trade centre and a port; second, it was a customs house and a fortress of Moldavian principality.

Уже более чем полвека прошло со времени первой публикации монет, получивших название Аспрокастро (Nicorescu 1937: 2-4), но вопросы их датировки остаются столь же неясными, как и в самом начале. До сих пор опубликовано 12 монет данной серии. Всего было известно исследователю Л.Л.Полевому 12 экземпляров (Полевой 1990: 165), а А.А.Нудельман указывал, что в частных коллекциях, с которыми он знакомился, находятся еще 9 монет; таким образом, их общее количество равно 21 монете. Однако, насколько нам известно, до сих пор еще никто не занимался основательно картографированием серии данных монет. Причиной тому являются не только субъективные факторы, но и ряд обстоятельств объективного характера: до настоящего времени как на территории Украины, так и в Республике Молдова коллекционерам не обеспечен правовой статус — факт, заставляющий их относиться с недоверием к исследователям-археологам и нумизматам. Исходя из вышеизложенного, то есть из констатации редкости данных монет, считаем особо важной публикацию монет данной серии, происходящих как из музейных, так и из частных коллекций. В данной заметке мы представляем две монеты из частной коллекции. В связи с этим мы выражаем благодарность кишиневскому коллекционеру М.М.Чокану за предоставление возможности исследовать данные экземпляры, а также за представленную информацию о происхождении монет. Согласно информации, которой владеет М.М.Чокану, представленные ниже монеты оказались в его коллекции в результате приобретения в Одессе, где он узнал о том, что они найдены в Белгород-Днестровске. Представляем основные характеристики двух упомянутых монет.

1. Вес монеты – 2,4 *г*, соотношение осей аверса и реверса – 2 часа, максимальный диаметр – 15,2 *мм*.

Аверс. В точечном ободке помещен государственный герб Молдавского княжества: голова тура анфас, между загнутыми вовнутрь рогами расположена звезда, справа изображена розетка с пятью лепестками, слева видны едва заметные контуры полумесяца.

Реверс. В центре расположен равноконечный крест, между плечами которого нанесены точки. Надпись выполнена против часовой стрелки: АСПРО(КАСТР)О. Середина надписи плохо читается.

© А.П.Городенко, 1999.

2. Вес монеты – 1,8 *г*, соотношение осей аверса и реверса – 7 часов, максимальный диаметр – около 1,5 *см*. Монета деформирована по гурту.

Аверс. В плохо сохранившимся точечном ободке помещен государственный герб Молдавского княжества: голова тура анфас, между загнутыми вовнутрь рогами расположена звезда, справа изображена розетка с пятью лепестками, которая в нижней части незначительно деформирована, слева — хорошо заметный контур полумесяца

Реверс. В центре реверса расположен равносторонний крест, между плечами которого нанесены точки. Надпись сделана против часовой стрелки: A(C)ПРОК(АСТР)О. Середина надписи повреждена и плохо читается.

В первой публикации монет данной серии, упомянутой нами в начале заметки, был поставлен вопрос их датировки. Так, П.Никореску (Nicorescu 1937: 4-10) относил чеканку данных монет ко времени правления молдавского господаря Петру Арона (1451-1457, с перерывами). Мнение основано на высказывании Н.Йорги (Iorga 1899: 116) о том, что Белгород, возможно, имел относительную автономию в составе Молдавского княжества. О.Илиеску и М.Дину (Iliescu, Dinu 1957: 345) развивают точку зрения П.Никореску, основываясь на присутствие в Кырпицком кладе «татарских аспров» с контрамаркой в виде равностороннего креста с точками в углах, между плечиками, и выдвигают гипотезу относительно наибольшей вероятности хождения данных монет в 1451-1455 гг. (во времена правления Александрела). Однако они не отвергают возможность их чеканки во времена правления Петра Арона. Позже О.Илиеску (Iliescu 1970: 33) относил возможность чеканки данных монет ко времени правления тех же господарей, увеличив, однако, интервал времени – 1449-1456 гг. Данная датировка была использована в качестве основы при издании каталога румынских монет (Buzdugan, Luchian, Oprescu 1977: 75).

Один из экземпляров данной серии упомянут А.А.Нудельманом (Нудельман 1976: 153), который предложил датировать медные монеты Аспрокастро 1435-1447 гг. В конце 70-х одна из монет данной серии была опубликована исследователем М.Кожокэреску (Cojocărescu 1979: 112).

В 1990 г. возобновилась дискуссия по данной теме. Так, в нумизматическом сборнике, изданном в то время в Кишиневе, вышла новая публикация четырех монет (Беляков 1990: 180-185), находящихся в Государственном историческом музее в Москве, и интерпретационная статья Л.Л.Полевого. Автор последней предложил новую датировку, связывая их с временем правления Александра Доброго (1400-1432), иными словами, первой третью XV в. (Полевой 1990: 170-174).

Из всех изложенных мнений мы склонны разделять точку зрения Л.Л.Полевого, хотя не исключаем возможность чеканки монеты на протяжении всего периода нахождения Белгорода в составе Молдавского княжества (1392-1484). Вхождение Белгорода в состав Молдавского княжества, которое произошло, вероятно, в период правления Романа Мушата, сопровождалось и стремлением Молдавии получить право на собственную митрополию — право, которым в конце XIV в. обладал Белгород (Маврокастро). Безусловно, что правовое положение Белгорода было выше статуса всех остальных городов Молдавского княжества. С другой стороны, Белгород сформировался как колония, и с этой точки зрения, его социально-политическая и экономическая структуры, по всей видимости, сильно отличались от таковых в других молдавских городах. На данный факт указывает, к примеру, существование в 30-х годах XV-го в. титула «господарь Маврокастро» (domino Maurocastri), принадлежавшего местному правителю и назначение венецианцами вице-консула (viceconsul noster in Maurocastro) этого города (Полевой 1990: 167).

Рассматриваемые монеты, вероятно, служили в качестве внутренних разменных денег города. Однако, надо полагать, что основное её назначение было не столько экономическим, сколько политическим, являясь свидетельством особого положения города в составе Молдавского княжества. Конечно, трудно предполагать, что Белгород сумел сохранить свой статус в период правления Стефана Великого (1457-1504). Примечателен и тот факт, что изображение головы тура на всех известных нам до сих пор выпусках Аспрокастро имеет аналогии среди монет Молдавского княжества, появившихся не ранее второй эмиссии Александра Доброго. Рога у тура, изображенного на данных монетах, загнуты вовнутрь, в то время как на монетах Петра I Мушата (1376-1392), Стефана I (1395-1399) и первой эмиссии Александра Доброго (1407г.) рога тура выгнуты наружу. Безусловно, что в период, предшествующий переходу центра митрополии из Белгорода в Сучаву (1402г.), нельзя предполагать существование какого-либо соглашения между молдавским господарем и администрацией города по определению

особого статуса города. Однако, можно предположить, что Белгород получил свой статус именно в результате соглашения Александра Доброго с конфессиональными и политическими властями города о переносе мощей Иоанна Нового в Сучаву – событии, которое, по различным мнениям, произошло между 1402 и 1416 гг.

Подводя итоги следует подчеркнуть, что бытование медной монеты Аспрокастро имело политическую основу: феномен являлся, в основном, индикатором правового положения города в Молдавском княжестве. Период чеканки и употребления данной монеты можно датировать приблизительно 1407-1457 гг. Особый статус города отмечал в своих работах ещё Н.Йорга (Iorga 1937: 195-196). В то же время, надо полагать, Белгород имел двойной статус: в первую очередь, он выступал в качестве независимого города, торгово-ремесленного и торгового центра и порта, а во вторую – играл роль таможни и крепости Молдавского княжества.

ЛИТЕРАТУРА

Беляков А.С. 1990. Медные монеты белгородской чеканки середины XV века // Нумизматические исследования по истории юго-восточной Европы, Кишинев. С.180-185.

Нудельман А.А. 1976. Топография кладов и находок единичных монет // АКМ. Вып.8. кишинев.

Полевой Л.Л. 1990. Редкая серия молдавских городских монет Белгорода на Днестре и некоторые вопросы его истории XV в. // Нумизматические исследования по истории юго-восточной Европы. Кишинев. С. 165-179.

Buzdugan G., Luchian O., Oprescu O. 1977. Monede şi bancnote româneşti, Bucureşti.

Cojocărescu M. 1979. Monede moldoveneşti rare din Expoziţia de numismatică a Muzeului de Istorie a Municipiului Bucureşti // CN. Vol II.

Iliescu O. 1970. Moneda în România, Bucureşti.

Iliescu O., Dinu M. 1957. Tezaurul monetar din secolul al XV-lea de la Cîrpiţi // Studii şi cercetări ştiinţifice. Istorie. Iaşi. F.2.

Iorga N. 1899. Studii istorice asupra Chiliei şi Cetăţii Albe, Bucureşti.

Iorga N. 1937. Noi descoperiri. Apendice // Academia Română, Ser. III, T. XIX.

Nicorescu P. 1937. Monede moldoveneşti bătute la Cetatea Albă. Iaşi.

В.Л.Мыц, С.Б.Адаксина

КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СЛИТКОВ XV В. ИЗ АЛУСТОНА

V.L.Mytz, S.BAdaksina. Treasure of Paying Capacity Silver Ignots of XV c. from Aluston.

The article is devoted to the publication of treasure of paying capacity silver ignots of XV c., found in 1990 during excavation of Aluston, fortress citadel (Genoa's trading station in 1380 – 1475). The treasure was hidden in a house wall of XIV – XV c., which was broken in a fire in June – July of 1475 during the assault of the town by the Turks. 17 silver ignots weighing from 182,7 to 223,9 gr. (the total weight – 3432,8 gr.) were in a brown – earthenware jug. The ignots were found in two forms like trapeziform silver bars under three – cornered in section with a hollow in a broad high facet. 6 ignots were found in a form 10 x 3 cm., 11 – 11 x 3 cm. These two groups are different in weight. The first weighs 182,7 – 197,5 gr., the second – 200,9 – 223,9 gr. Average weight of the first group is 192,25 gr., the second – 207,2 gr. Assayn analysis determinded, that 11 ignots had 875 carat silver, 6 – 900 carat silver.

The ignots of such form and weight are named "boat life" in science literature. They were widely spread on the territory of Golden Horde in the last quarter of XIII c. and probably were out of use after the Mongolian Empire's break down and the conquest of Crimea by the Turks. In the Italian sources paying capacity silver ignots are called somma, sauma, sonm, the oriental authors call them saum, som, sum. During two centuries saums were the greatest coin face – value playing the most important role in money circulation of the Golden Horde. Alushta's treasure is the latest from known findings, according to archaeological context they may be date by the second half or the last quarter of the XV c.

В 1990 г. Горно-Крымская экспедиция Института археологии АН Украины и Алуштинский отряд Государственного Эрмитажа продолжали исследование крепости Алустон. Основной целью работ на изучаемом участке было выяснение характера застройки центра цитадели, находящегося к юго-западу от ранее раскопанной церкви и помещений XII – XIII вв. В ходе раскопок здесь были открыты: II Продольная улица и продолжение Поперечной улицы, идущей с востока на запад вдоль южной стены храма, а также жилые и хозяйственные помещения X – XV вв. Общая площадь вскрытого в 1990 г. участка цитадели составила около 100 кв.м. В результате этих работ здесь прослежено три основных жилых горизонта средневекового города: 1) IX – X вв. (1-й строительный период); 2) XII – XIII вв. (2-й период); 3) XIV – XV вв. (3-й период).

В последние десятилетия (до сноса в 1986 г. дома, построенного в конце XIX в.) здесь проходила дорога и находился приусадебный участок. Верхний слой исследованной территории представлял собой площадку, залитую бетоном и перекрытую сверху слоем дерна. Под бетоном залегала подсыпка из песка и мелкого щебня, в которую были впущены водопроводные и канализационные трубы. Общая толщина современного слоя достигала 0,6 – 0,8 м. На глубине 0,8 – 1,0 м от дневной поверхности открыты кладки средневековых помещений и их заполнение (слой пожара и развал бутового камня). На уровне верхних камней сохранившихся кладок средневековых строений фиксировались следы пожара. Слой разрушения стен и пожар были в значительной части раскопа потревожены поздними перекопами (его прорезали траншеи, выгребные ямы и яма для гашения извести). Мощность этого средневекового слоя не превышала 0,15 – 0,25 м.

При расчистке верхнего ряда кладок удалось выявить контуры трех небольших помещений, входивших в комплекс одного здания (пом. 96, 97, 98), которое находилось на расстоянии 2,45 м от стены храма и в 1,30 – 1,60 м от помещений XII – XIII вв. (пом. 45 и 47). Таким образом, частично открытый в 1990 г. дом отделялся от храма Поперечной улицей, а от остальной внутрикрепостной застройки – II Продольной улицей.

При расчистке развала кладки 347, разграничивающей помещения 97 и 98, на глубине 1,05 м от современной дневной поверхности, был обнаружен небольшой кувшин (рис. 1), лежавший на боку и треснувший еще в древности (видимо, при обрушении стены вследствие пожара). В кувшине находилось 17 серебряных

© В.Л. Мыц, С.Б. Адаксина,1999.

№ слитка	Проба	Вес в г	Чистота в г	Вес лигатуры
1	875	182,7	159,9	21,8
2	875	194,1	169,8	24,3
3	875	200,9	175,8	25,1
4	875	207	181,1	25,9
5	875	216	189,1	25,9
6	875	195,5	171,1	24,4
7	900	194	174,6	19,4
8	875	203,9	178,4	25,5
9	900	223,9	201,5	22,4
10	875	210,3	184	26,3
11	900	204,8	184,3	20,5
12	900	197,5	177,8	19,7
13	900	202,9	182,6	20,3
14	875	203	177,6	25,4
15	875	203,6	178,2	25,4
16	875	189,7	166	23,7
17	900	203	182,7	20,3
	Итого	3432,8	2850,2	582,6

Таблица 1. Показатели пробы, веса и чистоты металла содержащегося в слитках алуштинского клада.

платежных слитков весом от 182,7 до 223,9 г (их общий вес 3432,8 г). Отлиты слитки были в двух литейных формах в виде трапециевидных брусков серебра, подтреугольных в сечении, с ложбинкой в широкой верхней грани. Шесть слитков отлиты в форме длиной 10 см и высотой до 3 см. Остальные 11 слитков отливались в форме длиной 11 см и высотой до 3 см. Эти две группы слитков отличаются по весу: меньшие по размерам весят от 182,7 до 197,5 г, а большие — 200,9 - 223,9 г. Средний вес первой группы составляет соответственно 192,25 г, а второй — 207,2 г. Общий вес небольших слитков —1153,5 г больших — 2279,3 г. Установлено, что 11 слитков имели содержание серебра 875 пробы, а 6— 900 (пробирный анализ выполнялся Юго-Западной инспекцией пробирного надзора Министерства финансов СССР). Пробу 900 имели два небольших слитка весом 194 и 197,5 г и 4 больших весом 202,9, 203, 204,8 и 223,9 г (см. табл. 1). Отливка всех слитков производилась в один прием без швов, что обеспечило одинаковое качество (пробу) всего слитка (рис . 2).

Установлено, что при плавке серебра в открытых формах убыль металла «на угар» достигает 10 — 13%, при этом потеря чистого серебра заменялась лигатурой (Сотникова 1958: 6,14). Поэтому, видимо, 11 слитков клада из Алушты имеют относительно низкую пробу—875 и только 6 — 900. Недостаток качественного металла, очевидно, составил порядка 25 ед. При общем весе слитков клада 3432,8 г чистого серебра в нем содержалось 2850,2 г, т.е. лигатура составляет 582,6 г (примерно 16,97%). В данном случае, вероятно, качество слитков определялось качеством исходного для литья материала (монет и серебряного лома).

Кувшин, в котором находились слитки, выполнен из красно-коричневой глины. Он одноручный с ойнохоевидным горлом и плоским дном. Высота кувшина 18 см, диаметр тулова 13,5 см, диаметр венчика 7,5 см, диаметр дна 8,5 х 8,8 см. Горло, тулово и плоская ручка украшены вертикальными (по три) полосами белого ангоба, между которыми проведены одинарные волнистые линии (рис. 1). Аналогичные сосуды хорошо известны по раскопкам Алустона 1984— 1993 гг. и часто встречаются в слоях XIV—XV вв., хотя, в некоторых случаях, подобные находки отмечены и с монетами XVI в., что может указывать на их длительное существование. Наиболее ранние формы сосудов, орнаментированных белым ангобом, обнаружены в Алуште в одном слое с монетами Узбека (1313—1340) с надчеканкой второй половины XIV в. и анонимной джучидской монетой, чеканенной в Сарае-ал-Джедид в 1350—1361 гг. Эта керамика продолжает бытовать и в XV в.: фрагменты и целые сосуды происходят из слоя пожара 1475 г. Мангупа (Якобсон 1953: 396, рис. 9), Фуны, Алушты. При раскопках двухапсидного храма близ крепости Фуна (в забутовке северо-западной стены церкви найдена монета Тархана – Астрахань—1381 г.) в нижнем ярусе захоронений могилы № 7 обнаружен кувшин с росписью белым ангобом (Айбабина, 1991: 195, 203, рис. 8,1: фото 10).

В слое пожара открытых раскопками помещений (96, 97, 98) найдены фрагменты таких же сосудов с росписью белым ангобом (горшки и кувшины). Однако обнаруженные здесь фрагменты красноглиняной поливной керамики (чаш и тарелок) тождественны находкам из закрытых комплексов второй половины – последней четверти XV в. Фуны (Мыц 1988: 106 – 107, рис. 6,7; 1991: 100—103, рис. 41), Симеи-

за, Ай-Тодора, Гурзуфа Паршина 1974: 70—71, рис. 10,1—7, 9, 13), дворца Мангупа (Якобсон 1953: 399 – 401, рис. 13, 16, 32; Даниленко, Романчук, 1969: 116 —133, табл. 1—4) и др. В башне Орта-Куле генуэзской Лусты, построенной в 60-х гг. XV в. и разрушенной при штурме турками в 1475 г., найдены аналогичные сосуды. Следует также отметить находку в помещении 96 (на глубине 1,0 м) фрагментов дна красноглиняной тарелки со светло-зеленой поливой, нанесенной по белому ангобу, в центральной части поля которой до обжига нанесена монограмма «ТХ». Два таких же фрагмента происходят из раскопок цитадели Алушты. До сих пор сосуды с подобными монограммами встречены только на двух памятниках Крыма— это Алустон и дворец Мангупа, где они датируются в пределах 1425—1475 гг. (Мыц 1991: 183, рис. 2—3; Залесская 1993: 371—374, рис. 5). Как уже отмечалось, открытый в цитадели участок находится рядом с храмом. В 1987 г. при исследовании церкви прослежен пожар с материалами XV в., а в слое развала обнаружена строительная надпись с датой – 1404 г. (Соломоник 1991: 172 —173, рис. 1). Эта находка определяет время восстановления храма неким Георгием в 1404 г,. окончательно разрушенного, вероятно, в 1475 г. при захвате турками Алушты.

Приведенный выше анализ археологического материала и общей строительной ситуации на данном участке цитадели позволяет предположить, что открытые в 1990 г. строения погибли в пожаре 1475 г. К этому же времени, очевидно, может быть отнесена и дата сокрытия клада, который был спрятан в стене, разделявшей помещения 97 и 98.

Алуштинский клад является третьим по счету из известных в Крыму находок. Первый клад, состоявший из 12 серебряных слитков, был найден в 1889 г. в Херсонесе: 6 из них поступили в Императорский Эрмитаж, а 6 – в Исторический музей (Ильин 1921: 47). Все слитки палочковидной формы, относимые обычно исследователями к гривнам «новгородского» типа. Вес 6 слитков, попавших в Исторический музей, составляет 191,07 г, 190,82 г, 192,52 г, 195,34 г, 195,38 г, 197, 30 г (в среднем получается 193,73 г на каждый слиток, что весьма близко к среднему весу слитков первой группы клада из Алушты – 192,25 г). Условия находки клада в слое тотального пожара, приведшего к разрушению города, позволяют высказать предположение, что он может быть датирован 70—90-ми гг. XIII в. (1278 или 1299 гг.), когда Херсонес подвергался нападениям монголов (Мыц 1997: 65 – 67). Последующие пожары и разрушения на территории городища носят более локальный характер. Подобный алуштинскому клад из 10 платежных серебряных слитков найден в 1978 г. при исследовании мечети Узбека в Старом Крыму (Солхате) (Крамаровский 1980: 68—72). Если конкретные условия, место и дата первого клада из Херсонеса остаются не совсем ясными, то второй клад, по монетам, обнаруженным в слое залегания, отнесен М.Г.Крамаровским к XIV в.(1990: 68). Судя по всему, алуштинский клад является наиболее поздней находкой. По археологическому контексту он может быть отнесен ко второй половине – последней четверти XV в. Данную находку из раскопок цитадели Алустона можно также считать наиболее южным пунктом в ареале распространения кладов ладьевидных платежных серебряных слитков. К настоящему времени известно 14 кладов, содержащих аналогичные изделия (Северова 1990: 43). Ареал их находок охватывает довольно обширный регион с фиксированными крайними точками на севере в междуречье Волги и Камы (с. Вотяки), в устье Волги (Гарев), в районе Чернигова на северо-запада, в бассейне Западного Буга (Бискупчи) и крайняя

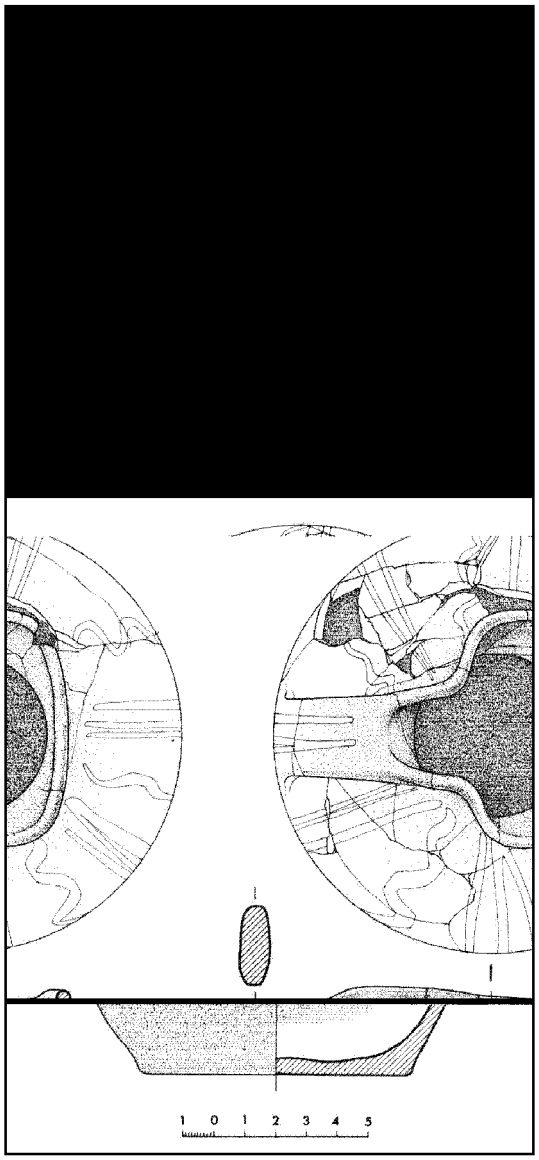

Рис. 1. Кувшин, в котором находился клад

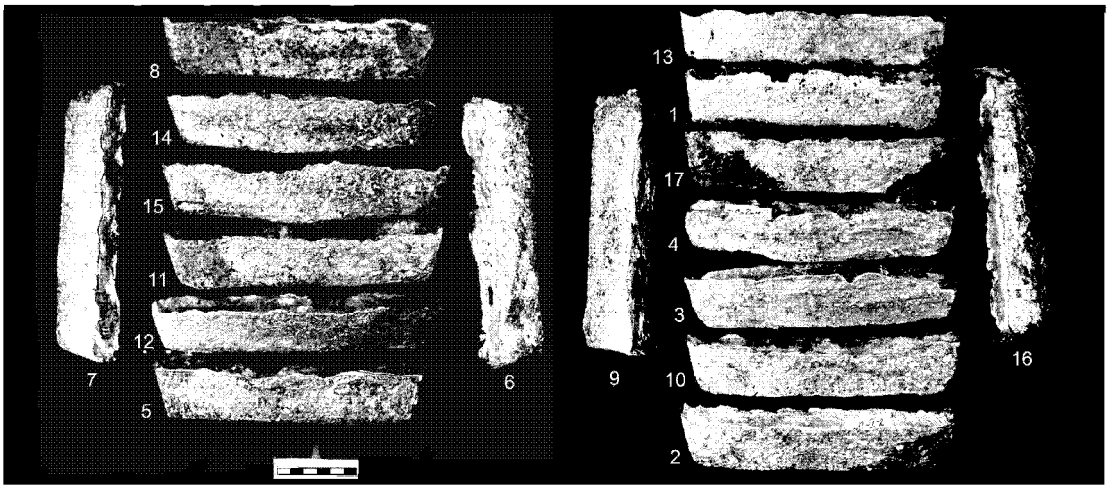

Рис. 2. Серебряные платежные слитки из клада 1990 г.

западная точка располагается в Северной Добрудже, где в 1962—1963 гг., при раскопках холма Узунбаир, обнаружен крупнейший на сегодняшний день клад общим весом 25 кг, состоявший из 92 брусковидных слитков и 11 слитков неправильной формы (Iliescu 1977: 162 – 165). На юге район их распространения замыкается на Солхат (Старый Крым) (Крамаровский, 1980: 68 – 71) и Алушту (наша находка является второй по счету из обнаруженных в Крыму).

В фондах Одесского археологического музея в настоящее время хранится 8 серебряных слитков: 6 из них брусковидных новгородского типа (эти материалы поступили в Одесской Общество Истории и Древностей еще до революции, но сведений о месте и времени находок или поступлений не сохранилось (Тимашкова 1987: 155) и 2 ладьевидных. Оба слитка имеют высокую пробу (999,9), но отличаются размером и по весу. Слиток с глубоким желобком и высокими бортами длиной 10 см и весом 186,63 г (инв. № 52515), происходит из клада, состоявшего из 12 ладьевидных слитков, найденных в 1847 г. на территории Царевского городища (Ильин 1921: 13, № 3; Тимашкова 1987: 159). Другой слиток, длиной 11,1 см и весом 199,63 г (инв. № 52411), входил в состав клада из 13 «гривен», обнаруженных в 1895 г. у слободы Петропавловской Чистопольского уезда Казанской губернии (Ильин 1921: 23, № 62; Тимашкова 1987: 158, рис. 1,4). Таким образом, эти предметы не имеют отношения к Причерноморскому региону, а происходят с территории наиболее массовых находок, содержащих одновременно с золотоордынскими монетами и платежные серебряные слитки (Ильин 1921: 2, см. карту).

На протяжении последних 150 лет исследователи неоднократно обращались к изучению (подобных найденным в Алуште) серебряных слитков, пытаясь при этом ответить на вопросы происхождения их названия, формы, веса, времени использования в качестве платежной единицы, ареала распространения, значения меток, обнаруженных на отдельных экземплярах и проч. (Савельев 1871: 492—500; Ильин 1921).

Впервые описание серебряных слитков данной формы мы встречаем в сочинении автора «Истории Вассафа» Шахаб-ад-дин Абдаллах ибн Фазллаха родом из Ширвана. В V части своего труда, написанной около 728 г. х. (=1328), рассказывая о походе хана Узбека в Арран зимой 1319 г., он сообщает, что после наказания монгольских воинов, ограбивших скит, Узбек в качестве компенсации за нанесенный урон, пожаловал «50 слитков чистого серебра, обе стороны которых снабжены ушками и которые называются сомами; каждый сом равняется 20 динарам ходячей монеты» (Тизенгаузен 1941: 87— 88) (Крамаровский в своей работе приводит уточненный А.А.Ивановым перевод данного фрагмента «... каждые две стороны, которых приподняты...» (Крамаровский 1980: 70). Перу этого же писателя принадлежит и почти поэтическое образное сравнение формы саума со скованной льдом рекой: «Зимою 662 г.х. (04.XI.1263 – 23.X.1264), когда ювелир судьбы (мороз) превратил реку Дербендскую как бы в слиток серебра...» (Тизенгаузен 1941: 81).

Весьма близкое по времени (1333—34 г.) упоминание о саумах встречается в описании путешествия Ибн-Батуты (1304—1370). При посещении ставки хана Узбека он получил в качестве подарков от его жен «серебряные слитки, которые они называют саумами – пишется через са; в единственном числе саума» (Тизенгаузен 1884: 302). Вес слитка Ибн-Батута определяет в 5 унций, что мнению М.Г.Крамаровского, составляет 195,3 г (Крамаровский 1980: 69). Сообщение путешественника о месте серебряных рудников, находившихся в горах «Русских», откуда в Орду поступают саумы (Тизенгаузен 1884: 303), вызвало в научной литературе длительную дискуссию (Брун 1979: 130). Позднее было доказано, что разработка место-

рождений серебра в России впервые началась только в конце XVII в., а до этого времени источником сырья для чеканки монет и отливки гривен служило серебро, поступавшее путем торгового обмена из стран Западной Европы (Сотникова, 1958: 8). Тем не менее, ряд авторов до настоящего времени продолжают считать, что саумы «являются продуктом переработки собранного на Руси татарами серебра» (Спасский 1970: 71; Котляр 1974: 93, табл. VIII,3).

Слитки подобной формы и веса получили в научной литературе название «ладьевидных» (Спасский 1970: 71). В свое время К.В.Болсуновский, при публикации клада, состоявшего из 8 серебряных слитков, найденных в Черниговской губернии, попытался дать пространное обоснование предположению, что слитки-гривны отливались в различных районах Древней Руси, по форме напоминали торговые суда-ладьи, и при этом их форма и размеры не играли решающего значения. «Впоследствии забыли причины, потребовавшие от гривен форму ладьи; на них стали смотреть как на слитки серебра, общее мерило ценностей, монету, перестали придавать им эту форму и начали отливать прямо палки серебра, коих стоимость видели уже не в форме, а в качестве металла и его весе. Но и позднейшие гривны иногда сохраняли точную форму лодки, или даже челнока» (Болсуновский 1903: 13). На верность его рассуждений якобы должны были указывать и метки в виде «якоря», которые ставились при отливке на некоторых ладьевидных слитках (Болсуновский 1903: 2, рис. 1,1). Н.П.Бауэр, используя в основном находки Волжско-Камского региона, отнес время появления ладьевидных слитков к XIV в. и выделил в их подгруппу восточно-русских (татарских) гривен (Bauer 1929 – 1931: 91 – 94). И.Г.Спасский, основываясь на особенностях приема литья и форме, пришел к заключению, что прототипами золотоордынских ладьевидных слитков являлись китайские ямбы (Спасский 1970: 71).

В средневековых письменных источниках XIV—XV вв. платежные слитки неоднократно отмечаются под названием «сом»,«сонм», «сум», «саум». В.Н.Юргевич, занимаясь изучением монетного дела генуэзской Газарии, высказал предположение, что это название было заимствовано из итальянского «soma» (тяжесть, вес) (Юргевич 1872: 153—154; 1872а: 819 – 820), «которое в привилегии, данной генуэзцам армянским царем Левоном II в 1288 г., пишется по латыни sauma» (Юргевич 1872: 154). При этом он, ссылаясь на итальянские источники, приводит ряд свидетельств, относящихся к соммам Каффы, часто упоминаемых в различных документах генуэзской колонии: «summi de Caffa», «summi currentes de Caffa», «summi de Caffa» (Юргевич 1872: 153—154). Ф.Брун считал, что «монгольское «саума» могло подать повод итальянцам, поселившимся на берегах черного и Азовского, принять название sonma для обозначения серебряных слитков» (Брун 1897: 130). Тем не менее, представляя ориенталистам объяснить значение слова «саум», в единственном числе «саума», он высказал предположение, что семантика этого термина «находится в связи с греческим словом «σημα» (знак), от которого обыкновенно производят византийское «ασημιν» или «ασαμιν» (серебро) (Ducan ge, Glossarium Graecitatis. I, col. 139; Брун 1879: 130). А.Л.Бертье-Делагард высказался чрезмерно критично по поводу этих предположений, ввиду их «неполноты» и «неясности» (Бертье-Делагард 1914: 167). Не касаясь семантики наименования слитков ладьевидной формы, он пришел к выводу, «что саум весил около полуфунта, и поэтому производить это название от вьюка (summa), тяжести, накладываемой на животное, мула или верблюда, т.е. веса в 4 – 6 пудов, едва ли возможно» (Бертье-Делагард 1914: 172). При этом он отметил долговременность использования термина, обозначавшего в Золотой Орде серебряный слиток: «... до сих пор у Волжских татар рубль зовется сумом» (Бертье-Делагард, 1914: 170). Определенный интерес в связи с рассматриваемой темой представляет наличие в денежном обращении Крымского ханства монет под названием «сим», стоимостное выражение которых соответствовало 1,5 акче (аспра). По мнению А.Л.Бертье-Делагарда этот термин происходит от новогреческого слова ασημι (серебро) и только в Крыму он получил значение монетного номинала (Бертье-Делагард 1914: 166).

А.Г.Мухамадиев определяет «сом», «сон», как слиток золота, серебра или бронзы, применявшегося также и как счетная единица. Он отмечает, что наличие данного термина в значение слитка зафиксировано в словаре М.Кашгари (XI в.), хотя время его бытования в Поволжье датирует XIII – XIV вв. (Мухамадиев 1990: 136). Первоначально в качестве расчетной весовой величины сома он принимал 182,4 г (Мухамадиев 1964: 150), но впоследствии, изучив коллекцию из 11 слитков, хранящихся в Госмузее ТАССР (инв. № 8214 – 8224) и имеющих вес от 192,5 до 206,1 г., определил теоретический вес сома в 206,1 г, что, по его мнению, соответствует 8 весовым фракциям по 25,56 г, составляющим 1/16 фунта (409,5:16=25,56 г) (Мухамадиев 1990: 136—137).

М.Г.Крамаровский, занимаясь рассмотрением данного вопроса, обратил внимание на наличие слова «сом» в значении «слиток» (серебра) в арабоязычном грамматическом трактате XIV в., посвященном тюркскому языку (Крамаровский, 1980: 69). Но при этом он отмечает, что в «современной тюркологии слово «сом» («сум») не анализировалось, его генезис нельзя считать окончательно выясненным» (Крамаровский 1980: 69). Проведенное им изу-

чение имеющихся источников и нормативного веса серебряных слитков, на наш взгляд, убеждает в том, что весовой основой саума (также как и слитков так называемого «северного веса» (Янин 1958: 48, рис. 3; Федоров-Давыдов 1958а: 321) являлся полуфунтовый стандарт (204, 756 г), хотя «средний вес» ладьеобразных слитков он определяет в 200,3 г (Крамаровский 1980: 69—70).

Гильом Рубрук, побывавший в орде каана Мэнгу в 1253—1254 гг., неоднократно упоминает (видимо, к тому времени уже широко распространенные в восточной части монгольской империи) слитки серебра, которые он называет «яскот»—jastug (Рубрук 1957: 144, 147, 148, 151 и др.). По мнению Н.П.Шастиной «яскот» или точнее «аискот» Рубрука представляет собой искаженное тюркское слово «ястуг», которое эквивалентно персидскому «балиш», употреблявшемуся при обозначении золотых и серебряных слитков. Использование Рубруком тюркского термина указывает на то, что тюркский язык был в широком употреблении в империи монголов. «Сами же монголы называли золотые и серебряные слитки, находившиеся у них в обращении, «сухэ», что значит «топор» (Рубрук 1957: 129, прим. 131). В связи с этим определением интересно замечание самого Рубрука о форме сбора дани, практикуемой монголами: «... даже и сверх условной дани они брали в недавно минувшие годы со всякого дома по одному топору и все железо, которое находили в слитке» (Рубрук 1957: 89).

В.Шпулером было высказано предположение об эквивалентности терминов «саум», принятого в Золотой Орде, и «иаскот», использовавшегося в восточной части империи (Spuler 1965: 330). М.Г.Крамаровский отметил, что данное соответствие может быть принято лишь с учетом весового несоответствия этих двух типов платежных слитков (Крамаровский, 1980: 71). Свой вывод он подтверждает проведенными цифровыми расчетами. В качестве примера исследователь взял рассказ Рубрука о том, что золотых дел мастер Вильгельм из 100 иаскотов (составляющих 1000 марок), полученных от каана Мунке (1251—1257), изготовил в каракорумском дворце удивительный по своей красоте и способу технического решения серебряный фонтан (Рубрук 1997: 154—155, 162). Приняв во внимание вес парижской тройской марки — 244,7529 г. (Schrotter 1930: 371), М.Г.Крамаровский пришел к выводу, что иаскот должен был весить 2447,5 г (Крамаровский 1980: 70—71). Рубрук действительно в своем повествовании делает перерасчет стоимости (?) или веса (?) серебряного слитка, которым пользовались восточные монголы как 1:10 (1 иаскот = 10 маркам) (Рубрук 1957: 144, 147, 148, 159 и др.). Отсюда соотношение саума и иаскота получается 1:11,3 (Крамаровский 1980: 71). Но, на наш взгляд, есть основания усомниться в столь значительном весовом и стоимостном превосходстве иаскота над саумом. Эти сомнения базируются на свидетельствах самого Рубрука (1997: 144, 147, 148, 151 и др.). Например, когда тот сообщает, что Мэнгу, выслушав просьбу сына священника (речь идет о 200 иаскотах, необходимых для восстановления церкви, разрушенной сарацинами), приказывает дать армянину грамоту к сборщику дани в Персии и Великой Армении, «чтобы тот выплатил ему упомянутую сумму серебра» (Рубрук 1997: 147). Если следовать логике расчетов М.Г.Крамаровского, получается, что на строительство храма кааном было пожертвовано 489,4 кг серебра (2,4475 кг × 200 = 489,4 кг) или примерно 2447,5 саумов (при усредненном весе саума в 200 г, как предлагает М.Г. Крамаровский (Крамаровский 1980: 70). Нам трудно найти логическое объяснение такой щедрости или вернее сказать, расточительности. Можно привести и другие места из сочинения Рубрука, в которых он оперирует значительно более крупными суммами, граничащими с пределом человеческой фантазии: «Эти народы (кауле и манзе – Авт.) предлагали ежегодно тридцать две тысячи туменов яскотов, лишь бы только их оставили в мире» (Рубрук,1957: 151). Но совсем иной тон звучит в рассказе о прощании с мастером Вильгельмом: «Пришел мой проводник, принесший 10 яскотов (24,475 кг по М.Г.Крамаровскому –Авт.); пять из них он положил в руку мастера Вильгельма..., другие пять он положил в руку человека Божия, моего толмача, приказывая ему издержать их в пути на мои нужды. Так научил их мастер Вильгельм без нашего ведома. Я тот час распорядился продать один и раздать христианским беднякам...; другой мы издержали на покупку необходимого себе из платья и другого, в чем нуждались: на третий купил себе кое-что человек Божий, причем он получил некоторую выгоду, и это пошло ему на пользу. Остальные мы также издержали на пути...» (Рубрук 1957: 178). Из этого сюжета не складывается впечатления о значительности веса и стоимости иаскота. На самом деле остается неясным какую марку имел ввиду посол Людовика IX (Крамаровский 1980: 70). В середине XIII в., во время правления Людовика IX, во Франции была введена крупная серебряная монета, называвшаяся denarius grossus, gros tournois и весившая около 4,05 г (Belin 1864: 436), что составляет примерно 1/60 веса парижской тройской марки. Таким образом, вопрос о весовой и стоимостной эквивалентности саума и иаскота остается дискуссионным и данная проблема требует дальнейшего изучения на базе фактологического материала. Она может быть решена только при натурном сравнении серебряных платежных слитков, находившихся в обращении на территории улуса Джучи и восточной части империи монголов.

Основание генуэзцами в середине 70-х гг.

XIII в. торговой колонии Каффы позволило им создать условия для активного участия в широкомасштабной международной торговле с привлечением к ее реализации товаров, производившихся в Европе. Постепенно расширяя и укрепляя сеть торговых факторий, располагавшихся на побережье Черного моря, Генуя смогла добиться господствующего положения (Венеция вынуждена была играть второстепенную роль) в осуществлении транзитной поставки восточных товаров на рынки средиземноморских государств, извлекая из этого огромные прибыли на протяжении почти трех столетий (1275 – 1475 гг.). Это произошло и за счет быстрой адаптации западных купцов к условиям системы денежного обращения Золотой Орды, в развитии которой они сыграли немаловажную роль.

О том, что соммы использовались генуэзцами уже в 80 – 90-е гг. XIII в. при осуществлении торговых операций, проводившихся ими в Каффе и Солхате, свидетельствует ряд актов, опубликованных Г.Брэтиану, М.Баларом и Л.Балетто (Brătianu 1927; Balard 1973; Balletto 1976). Л.Балетто отмечает, что на основании итальянских документов можно заключить, что соммо составляет 45 сажей (saggi) и являлся одновременно весовой и монетной единицей у монголов (Balleto 1976: 181). По подсчетам М.Балара sommo состоял из одной верги (verga) серебра и его вес был равен 218,911 г. (Balard 1973: 52). В документах, датированных 25.06.1289 – 9.06.1290 г., зафиксировано три ссылки на стоимостную оценку соммо в аспрах-баррикатах. Так, например, в документе № 177 от 10.06.1299 г. стоимость 40 соммо (sommi) и 3 сажей (saggi) = 112,27 аспра-баррикатa). В документе № 652 от 17.06.1290 г. (Л.Балетто считает, что соммы, указанные в этом документе доставлены в Крым из Генуи (Balletto 1976: 186) стоимость 1 соммо определена в 119 аспров-баррикатов, а в документе № 885 от 8.08.1290 гг. – 120 аспров-баррикатов (Balletto 1976: 183). При этом, вероятно, нет оснований говорить о столь быстром увеличении стоимости соммо по отношению к аспру-баррикату из-за разнообразия веса самих соммо, «чей вес в серебре вызван неточностью чеканки вергов» (Balletto 1976: 186). Это отмечал и флорентийский финансист – автор справочника «Практика торговли» (1333 – 1342) Ф.Балдуччи Пеголотти, указывавший на то, что «сомы являются серебряными вергами, которые не одинаковы по весу, некоторые весят меньше, иные больше, чем принято считать…» (Pegolotti 1936: 43). Однако, насколько позволяют судить данные самого Пеголотти, соммо Таны (Азака) по своим весовым показателям не сильно отличаются между собой (1936: 23, 53, 150). Так, например, по расчетам, произведенным Г.А.-Федоровым-Давыдовым, указанные в «Практике торговли» данные веса одного соммо соответствуют весу в граммах: 45 саджей = 206,5 г; 7,5 унций Перы = 204,75 г; 7 унций без 2 венецианских гроссо (или 8 больших венецианских сольдо) = 204,04 г; 7 унций и 20 денариев серебра по весу Генуи = 206,8 г (Федоров-Давыдов 1958: 67, 68). Таким образом, вес соммо Таны в 30 – 40-х гг. XIV в. составлял 204,04 – 206,80 г. По расчетам Э.Шильбаха, усредненный вес соммо Таны составлял 197,97 г. При этом для других крупных Причерноморских торговых центров он приводит весовые данные соммо, соответствующие для Трапезунда – 204,764 г (этот показатель наиболее близок «теоретической норме» полуфунтового стандарта), Каффы—213,371 г, Судака—202,5 г (Schilbach 1970: 191—197). В то же время, например, для Каффы имеются сведения о весе слитков серебра, достигающих 8,5 генуэзских унций, что составляет 224 г . (Юргевич 1872: 460). Вес каффинского соммо в середине XV в. Э.В.Данилова определяет в пределах 208,25 г (Данилова 1974: 202). На наш взгляд, «пестрота» мнений и данных о весовом составе соммо определяется характером используемых тем или иным исследователем материалов. К тому же необходимо учитывать разновременность привлекаемых источников, не всегда позволяющих четко определить степень колебания курса стоимости монетных номиналов и соммо, находившихся в определенной зависимости от торговой конъюнктуры, а та в свою очередь нередко находилась в прямой зависимости от военно-политической обстановки, складывавшейся в Северном Причерноморье в тот или иной период. Так, например, на 1363 г. в Тане фиксируется следующая стоимость соммо по отношению к другим монетным номиналам: 1 соммо = 5 венецианским дукатам = 10 сольди = 120 – 150 аспрам = 120 – 150 венецианским гроссо (Fenster 1978: 187). Следует отметить, что такой же курс был установлен при расчете уплаты фрахта на галеях «линии» Венеция – Тана в 1363 – 1365 гг. (Archivio Venezia 1363 – 1365: XXXI, f. 5r-v, 59v – 60v, 95v – 97v). Из этого соотношения видно, что курс соммо был подвержен колебаниям на уровне наиболее мелкой серебряной монеты – аспра и достигал 30.

Среди документов Каффы, собранных нотариусом Николо Бельтраме с 20 ноября 1343 по август 1344 г. и опубликованных Дж.Бальби, встречаются материалы, указывающие на соотношение стоимости соммо с другими денежными единицами (Balbi 1973: 1 – 184). В документе № 32 от 21.03.1344 г. 1 соммо стоит 200 «старых» аспров. В следующем документе № 36 от 26.03.1344 г. 250 каффинских соммов стоят 2062 перпера 2 карата и 1/2; 4.05.1344 г. 21 соммов 19 сажей 4 карата = 2882 трапезундских аспра комнената; 5.07.1344 г. = 45 соммов 1 и 1/2 сажия = 249 генуэзских лир (Balletto 1976: 193).

По материалам Caffe Massaria в более позднее

№ слитка	1 группа («легкие»)		№ слитка	2 группа («тяжелые»)	
	Фактический вес в г	Расчетный вес сырья		Фактический вес в г	Расчетный вес сырья
1	182,7	200,97	3	200,9	220,99
16	189,7	208,67	13	202,9	222,38
7	194	213,4	14	203	223,3
2	194,1	213,51	17	203	223,3
6	195,5	215,05	15	203,6	223,96
12	197,5	217,25	8	203,9	224,29
			11	204,8	225,28
			4	207	228,58
			10	210,3	231,33
			5	216	237,6
			9	223,9	246,29
Итого	1153,5	1268,85	Итого	2279,3	2507,3

Таблица. 2. Соотношение показателей веса двух групп слитков алуштинского клада.

время фиксируется следующее соотношение стоимости 1 соммо по отношению к аспру: 1381 г. – 133 аспра; 1386 г. – 145; 1410 г. – 200; 1420/21гг. – 202; 1422/23 гг. – 202 – 225 (Archivio Genova, N 590: f. CCCCXXVIII b., f. 400v., f. CXIX., f. CXXXIIr., f. CXLVIIr.). Приведенные данные фиксируют не только и не столько увеличение стоимости соммо по отношению к аспру, сколько постепенное уменьшение веса монеты и содержания в ней серебра. На эти значительные колебания курса соммо, многократно фиксирующиеся с итальянских источниках, но не находящих однозначного объяснения, уже обращалось внимание исследователей (Бертье-Делагард 1914: 171), когда одновременно существовали разные обменные курсы аспра по отношению к сомму (Карпов, 1991: 197, прим. 22).

Пытаясь, вероятно, «примирить» существующие противоречия в показаниях стоимостного определения саума, М.Г.Крамаровский, изучив de visu коллекцию из 35 слитков, хранящихся в Эрмитаже, получил усредненный вес, равный 200,3 г (Крамаровский 1980: 70). Но насколько оправдана подобная попытка проведения расчетов стоимости соммов? На наш взгляд, этому противоречит имеющийся достаточно многочисленный к настоящему времени материал, в том числе и находки из Алушты, где, как отмечалось выше, найдены слитки, явно специально отлитые в двух разных формах. Поэтому необходимо найти объяснение появлению этих двух форм, в которых одновременно отливались «легкие» (со средним весом 192,25 г) и «тяжелые» (207,2 г) слитки, потому что разница между ними составляет 14,95 г, что весьма существенно и не может быть признана случайностью (хотя средний вес слитков клада равен 201,929 г, что близко к расчетной норме, предлагаемой М.Г.Крамаровским). Исходя из технологических условий отливки слитков в открытых формах, следует полагать, что каждый слиток отливался отдельно из дозированного по весу серебра, которое плавилось отдельно для каждого слитка (Сотникова 1958: 5). При дозировке серебряного лома учитывался объем убыли серебра «на угар» (10 – 14%). В таком случае разница в весе изготовленных слитков колебалась бы в пределах 1 – 4%, чего мы не наблюдаем на практике, даже в рамках каждой весовой группы. Например, разница между наиболее «легким» и «тяжелым» слитком в первой группе алуштинского клада составляет 14,8 г, а во второй достигает 23 г (табл. 2). Если бы изготовитель соммов стремился получить примерно равные по весу слитки, то соответствующим образом производил бы дозировку исходного материала. Взяв за основу минимальный объем потери веса слитка, равный 10%, мы получим, что на отливку соммов первой группы расходовалось в среднем 211,473 г, а второй – 227,92 г. При этом разница в весе исходного сырья составляет 16,447 г. Как видно из табл. 2, происходит плавный рост веса слитков. Для их изготовления понадобилось, как минимум, 3775,15 г сырьевого материала с содержанием серебра 87,5 – 90,0%. Потери серебряной массы, которые были неизбежны при плавке слитков, вероятно, должны были компенсироваться стоимостью реального слитка, завышенной, как минимум, на 10%. Например, на изготовление слитка № 3, при его фактическом весе 200,9 г, было израсходовано 220,99 г. Следовательно, его стоимость должна была приравниваться к весу серебра—в 220,99 г. Но мы не располагаем какими-либо письменными свидетельствами, которые могли бы подтвердить данное предположение. Единственный источник, дающий представление о стоимости соммо и системе его обмена на монеты, это «La Pratica della Mercatura» Ф.Пеголотти. «Практика торговли» позволяет ответить на три важных вопроса: 1) каким был вес 45 танских саджей и качество серебряного слитка (в сплаве должно быть 11 унций и 17 дена-

риев чистого серебра на либру); 2) на монетном дворе из одного соммо чеканилось 202 аспра, из которых 190 монет выдавалось на руки владельцу слитка, а остальные изымались за работу и в доход монетного двора; 3) в уплату по весу принимались слитки установленной пробы, а «что касается тех слитков, которые рознятся между собой по весу, то на одну чашку весов кладут эти серебряные слитки, а на другую кладку по весу столько соммов, сколько нужно для уравновешивания. И если по весу (серебряный слиток) меньше одного сомма, то доплачиваются аспры» (Pegopotti 1936: 35). Таким образом, Пеголотти фиксирует обращение на рынке Таны 20-х гг. XIV в. наравне с полновесными слитками соммов более легкого веса. Г.А.Федоров-Давыдов, занимаясь исследованием денежно-весовых единиц Таны начала XIV в., сделал интересные наблюдения: вес 190 аспров, которые получал заказчик из сомма в 206,5 г, составлял 193,9 г за счет чего «устанавливался курс аспра, несколько завышенный по сравнению с металлическим содержанием монеты» (Федоров-Давыдов 1958: 69). Если сравнить весовые показатели «легких» соммо (192,25 г в кладе из Алушты), то можно убедиться в том, что они соответствовали весу чеканившихся из слитка монет. Разница состоит в том, что в слитках содержание серебра всегда было значительно выше, чем в чеканившихся монетах (Г.А.Федоров-Давыдов по данным Пеголотти определяет состав лигатуры в 2,4% (Федоров-Давыдов 1958: 69). Вес аспров колебался от 0,70 до 1,28 г при условии наличия в них чистого серебра от 0,83 до 0,33% (Бертье-Делагард 1914: 171). Если следовать расчетам Г.А.Федорова-Давыдова, то из слитка в 206,5 г в Тане чеканились 202 монеты весом 1,02 г с содержанием серебра 97,6%, но на практике оказывалось, что в обращавшихся монетах серебра было меньше – максимум 83%, т.е. добавка лигатуры составляла 14,6% и общий ее вес в монете «хорошего качества» достигал 17%. Таким образом, получается, что из качественного слитка серебра (976 пробы по Г.А.-Федорову-Давыдову) и весом в 206,5 г, очевидно, чеканилось больше, чем 202 аспра за счет дополнительного включения лигатуры (206,5 + 30,149 = 236,64 : 1,02 = 232 – 190 = 42 аспра). В этом случае удержание в пользу монетного двора составляло бы не 5,9%, а более 18%. Из этого становится очевидным, что «заказчику» было явно не выгодно отдавать для переработки на монетный двор полновесный слиток. Для чеканки 202 аспров было достаточно предоставить и «легкий» сом в 175,6 г, в который при изготовлении монет все равно добавлялась лигатура (175,6 + 30,0 = 206,5 : 1,02 = 202 – 190 = 12 аспров). Но столь «легкие» слитки нам не известны. В коллекции из Алушты самый маловесный слиток 875 пробы составляет 182,7 г. Со временем (с конца 80-х гг. XIV и особенно в XV в.), при уменьшении веса серебряных аспров и ухудшении их качества увеличивалась и стоимость соммо, что было уже показано выше на примере документов Каффы. Алуштинский клад может демонстрировать и уменьшение состава серебра в саумах. Тем не менее, даже в это время было не выгодно отдавать саумы на перечеканку. Попробуем это обосновать на следующем примере, оперируя для удобства округленными цифрами. Например, из слитка весом 200 г с 900 пробой можно было изготовить 280 монет весом в 1 г и содержанием серебра 50% (добавив 80 г лигатуры). Если даже «заказчику» при этом выдавалось 225 аспров на руки (самая высокая стоимость соммо, зафиксированная в документах Каффы на 1423 г.), то при этом доход монетного двора составлял 55 аспров (19,6%). Из этого примера, на наш взгляд, становится очевидным, что более выгодно было произвести на рынке обмен по существующему курсу «легкого» сомма. Полновесные слитки, скорее всего, служили для обмена на качественную серебряную или золотую монету, а также при крупных оптовых торговых операциях, приносивших большую прибыль, в то время как «легкие» использовались для обмена на монеты, использовавшиеся на «местных» рынках. Таким образом, появление разных по весу соммов было вызвано необходимостью сложившейся торговой практики и отвечало ее потребностям. То же явление отмечено и в практическом обращении «северного слитка», который также, имея теоретическую норму веса в 204,7 г в XI в., в XIII – XIV вв. за счет фальсификации денег стал весить 197 г (Федоров, 1949: 148). Вероятно, учитывая тенденцию постепенной деградации аспров, которая по своим темпам значительно восходила степень качественного ухудшения составе серебряных слитков, уже в Уставе Каффы 1449 г. юридически зафиксирована выплата жалования должностным лицам генуэзских колоний в каффинских соммах—sumo argenti di Caffa (Устав 1872: 643, 766, 819, 820) и только мелкие расходы и пожертвования приведены в расчете на аспры. Здесь же было определено и взыскание с должностных лиц различного ранга крупных штрафов и поручительств в размере от 10 до 500 соммов (Устав 1872: 646, 662, 665, 676, 680, 682, 690, 691 и др.).

Изготовление слитков, в отличие от монет, не являлось монополией улуса Джучи. Это, очевидно, было сделано для свободного притока на внутренний рынок государства массы серебра. Саумы изготавливались как на монетных дворах, так и, вероятнее всего, в ювелирных мастерских. Причем есть основания полагать, что большая часть обращавшихся на рынке слитков серебра не была изготовлена на монетных дворах. Об этом говорят крайне редкие находки саумов со следами клейма, поставленного при отливке. Нам известно всего два таких

случая: 1) один слиток с восьмилучевым клеймом из коллекции Госмузея Татарстана (Мухамадиев 1990: 136) и 2) слиток из города Булгар, на одной стороне которого помещена «печать Соломона» (Савельев 1871: 500, рис. 83). Что же касается клада из Черниговской губернии, опубликованного К.В.Болсуновским, то на двух гривнах новгородского типа при литье были оттиснуты на боковых гранях не изображения якорей, как он считал, а тамгообразный знак в виде «птичей лапки», широко распространенный у тюркских народов (Болсуновский 1903: 2, табл. 1, 1, 2). Значительно чаще на саумах встречаются метки в виде штрихов и полос, которые «делят» слиток на равные части. Например, на сауме с клеймом в виде печати Соломона, на боковой стороне нанесено 9 косых четких штрихов, которые делят слиток на 8 равных частей (Савельев 1871: 500, рис. 83). На 10 слитках из Госмузея Татарстана нанесено от 4 до 8 насечек. Причем на 2 саумах имеется 7,5 насечек — 7 прямых и одна косая (Мухамадиев 1990: 136—137). Наличие подобных меток невольно вызывает ассоциации с сообщениями средневековых авторов (в том числе и Пеголотти) о делении соммов на унции и другие весовые фракции (Федоров-Давыдов 1958: 66). Но проверить эти предположения нет практической возможности. Вполне естественно, что формы, в которых отливались слитки, не найдены, потому, что они формовались из грунта и быстро разрушались. Во время подводных археологических работ 1989 г. в порту средневековой Сугдеи был найден слиток свинца, по форме и размерам идентичный «тяжелым» соммам (высота слитка 2,5, длина в основании 11,3, а по верхней вогнутой части – 12,5 см)[1]. Вероятно, свинцовый слиток представляет собой пробную отливку формы (это, видимо, давало «осадку» сформованного грунта), подготовленной для изготовления соммов. Таким образом, у нас есть основания говорить о том, что саумы (соммы) вполне могли изготавливаться на месте, тем более в таких крупных торгово-ремесленных центрах как Солхат, Каффа, Сугдея и др.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабина Е.А. 1991. Двухапсидный храм близ крепости Фуна // Византийская Таврика. - Киев.

Бертье-Делагард А.Л. 1914. Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве // ИТУАК. - № 51.

Брун Ф. 1879. Черноморье: Сб. исслед. по ист. географии Юж. России. – Ч. 1. – Одесса.

Болсуновский К.В. 1903. Русские монетные гривны, их формы и происхождение. – Киев.

Даниленко В.Н., Романчук А.И. 1969. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. - № 6.

Данилова Э.В. 1974. Каффа в начале второй половины XV в. (по документам «Codice») // Феодальная Таврика. – Киев.

Залесская В.Н. 1993. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье // Преслав. Сб. 4. – София.

Ильин А.А. 1921. Топография кладов серебряных и золотых слитков // ТНК. – Вып. 1. – Петроград.

Карпов С.П. 1991. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. – М.

Котляр Н.Ф. 1974. Кладоискательство и нумизматика. – Киев.

Крамаровский М.Г. 1980. Клад серебряных платежных слитков из Старого Крыма и золотоордынские сумы // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Вып. XLV. – Ленинград.

Мухамадиев А.Г. 1964. Клад татарских монет XIV в. // Древности Восточной Европы. – М.

Мухамадиев А.Г. 1990. Древние монеты Поволжья. – Казань.

Мыц В.Л. 1988. Некоторые итоги изучения крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев.

Мыц В.Л. 1991. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV – XV вв. // Византийская Таврика. – Киев.

Мыц В.Л. 1997. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Византия и Крым. – Симферополь.

Паршина Е.А. 1974. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965 – 1969 гг.) // Феодальная Таврика. – Киев.

Гильом де Рубрук. 1997. Путешествие в Восточные страны. – М.

Савельев В.К. 1871. О кладах золотоордынских монет в развалинах древнего города Болгар // Труды первого археологического съезда в Москве. – Вып. II. – М.

Северова М. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа (по материалам Старо-Крымской археологической экспедиции) // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Вып. LIV. – Ленинград.

Соломоник Э.И. 1991. Новые греческие лапидарные надписи средневекового Крыма \\ Византийская Таврика. – Киев.

Сотникова М.П. 1958. Серебряные платежные слитки Великого Новгорода (вопросы техники и эпиграфики) // Автореф. на соиск. степени к.и.н. – Ленинград.

Спасский И.Г. 1970. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. – Изд. 4-е. – Ленинград.

Тизенгаузен В.Г. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 1. – М.

Тизенгаузен В.Г. 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. – Т. 2. – М.

Тимашкова Т.Г. 1987. Серебряные гривны из собрания Одесского археологического музея АН УССР // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. – Киев.

Федоров Г.Б. 1949. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I // МИА. - № 12.

Федоров-Давыдов Г.А. 1958а. В.Л.Янин. Денежно-

[1] Авторы признательны И. А. Баранову за возможность ознакомиться с данной находкой и использовать полученные им материалы в своей работе.

весовые системы русского средневековья. Домонгольский период // СА. - № 2.
Федоров-Давыдов Г.А. 1958. Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. // СА. - № 3.
Юргевич В. 1872. О монетах генуэзских, находимых в России // ЗООИД. – Т. 8. – Одесса.
Юргевич В. 1872а. Замечания на статью о генуэзских монетах, помещенную в 8-м томе Записок Общества, сделанные итальянским ученым К.Десимони // ЗООИД. – Т. 8. – Одесса.
Устав 1449 г. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. Перевод и комментарий В.Юргевича // ЗООИД. – Т. 5. – 1863.
Якобсон А.Л. 1953. Дворец // МИА. - № 34. – М.
Янин В.Л. 1958. Денежно-весовые системы. Домонгольский перод. – М.
Archivo di Stato di Genova. San Giorgio. N 590. – Caffe Massaria 1381 – 1423.
Archivo di Stato di Venezia, Senato, Misti, XXXI (1365 – 1365).
Balard M. 1973. Genes et l'Outre-mer. I.Les actes de Caffa du notarie Lamberto di Sambuceto, 1289 – 90. Paris.
Balletto L. 1976. Genova mediterraneo Mar Nero (sec. XIII – XV). – Genova.
Balbs G. – Raiteri S. 1973. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa et Licostomo (sec. XIV). Genova – Boldighera.
Bauer N. 1929 – 1931. Die Silber und Goldbarren des russischen Mittelaltes. Eine archaeollogische Studi. – N 2. – Wien.
Belin. 1864. Essai sur l'hist. Economique de la Turquie, Journ. Asiat., VI serie, t. III. – Paris.
Bratianu G.I. 1927. Actes des notaires genois de Pera et de Caffa de la fin du treizieme siecle (1281 – 1290) // Academie Roumaine. Etudes et recherches. – II. – Bucurest.
Fenster E. 1978 Zur Fahtr der venezianischen Hendelsgaleeren in das Schwarze Meer // BS. - Bd. 39.
Iliescu O. 1977. La monnaie genoise dans les pays roumains aux XIII – XV siecles // Colloquio romeno-italiani "I Genovesi nel Mar Nero durante i secili XIII e XIV". Bucurest, 27 – 28 marzo 1975. – Bucuresti.
Pegolotti F.B. 1936. La pratica della Mercatura, ed. By Allan Evans. - Cambridge – Massachusets.
Schilbach E. 1970. Byzantinische Metrologie. - Munich.
Schrotter F.F. 1930. Worterbuch der Munzkunde. - Berlin – Leipzig.
Spuler B. 1965. Die goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1233 – 1502. – Wiesbaden.

Н.А.Кухар-Онишко, С.Н.Травкин

ОБ ОДНОМ МОНЕТНОМ КЛАДЕ С ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВИИ

N.A. Kukhar-Onishko, S.N. Travkin. On One Hoard Found in Moldova.

The article publishes the data on a hoard of the Grand Duchy of Lithuania, found on the territory of Moldova, but kept at present at the regional museum in Nikolaev (Ukraine). Out of 131 coins, most likely made of silver, 130 were identified. These are semi-groats of Alexander I, Sigizmund I the Old and Sigizmund II Augustus, coined in 1501-1565. The authors consider that penetration of such coins in Moldova reflected most general process of Polish and Lithuanian expansion into the Eastern Europe.

В 1983—1984 гг. в Николаевский областной краеведческий музей (Украина) от частного лица поступили средневековые монеты из клада, найденного на территории Северной Молдавии (в момент поступления клада МССР). Место обнаружения клада, вероятно, находилось на территории северной или центральной Бессарабии (то есть земель между Прутом и Днестром). В период позднего средневековья эта область входила в состав Молдавского феодального княжества.

В состав клада входит 131 европейская монета белого металла (предположительно серебряная). Все они принадлежат чеканке Великого княжества Литовского. В кладе представлены экземпляры, выпущенные при трех правителях Польско-Литовского государства: Александре I (1492/1501—1506), Сигизмунде I Старом (1506—1548) и Сигизмунде II Августе (1545/1548—1572). По номиналу все они являются полугрошами. Ниже приводится более подробная характеристика монет клада (номера даются по инвентарной книге музея, в скобках указан вес монет в граммах).

Великое княжество Литовское, полугроши — 130 экз. (Gumowski 1914: 173, 175, 176, 180; Gumowski 1924: t. VI, nr. 75; t. VIII nr 98), в том числе:

Александр I чекан 1501 — 1505 гг. (без даты чеканки) — 41 экз.:

N н-1641 (1,21), н-1642 (1,01), н-1643 (1,17), н-1644 (1,12), н-1645 (1,33), н-1646 (1,08), н-1647 (1,08), н-1648 (1,07), н-1649 (1,09), н-1650 (1,28), н-1651 (1,10), н-1652 (1,08), н-1653 (1,15), н-1654 (0,94), н-1655 (1,11), н-1656 (1,01), н-1657 (1,20), н-1658 (1,23), н-1659 (1,04), н-1660 (1,29), н-1661 (1,16), н-1662 (1,10), н-1663 (1,18), н-1664 (1,03), н-1665 (1,14), н-1667 (0,88), н-1668 (0,87), н-1669 (0,97), н-1670 (1,22), н-1671 (1,20), н-1672 (1,11), н-1673 (1,23), н-1674 (1,01), н-1675 (1,13), н-1676 (1,07), н-1677 (0,91), н-1678 (1,05), н-1679 (1,13), н-1680 (1,06), н-1681 (1,31).

Сигизмунд I Старый — 18 экз., в том числе:

стертые (без даты чеканки) N н-1682 (1,08), н-1683 (1,14);

1509 г. N н-1698 (1,2);

1510 г. N н-1684 (1,08), н-1696 (1,13);

1513 г. N н-1688 (1,14), н-1691 (1,04), н-1692 (1,07), н-1693 (1,07), н-1694 (1,09), н-1695 (1,03), н-1750 (1,12);

1514 г. N н-1687 (1,13), н-1689 (1,13);

1515 г. N н-1697 (1,23);

1520 г. N н-1686 (1,13);

1524 г. N н-1685 (1,12);

151... г. N н-1690 (1,1).

Сигизмунд II Август — 71 экз., в том числе:

1546 г. N н-1751 (1,19);

1547 г. N н-1752 (1,2), н-1753 (1,1,17);

1548 г. N н-1754 (1,12), н-1755 (1,18);

1549 г. N н-1756 (1,14);

1550 г. N н-1757 (1,04), н-1758 (1,14);

1551 г. N н-1759 (1,11), н-1760 (1,12);

1555 г. N н-1761 (1,18), н-1762 (1,2);

1556 г. N н-1763 (1,12), н-1764 (1,01), н-1765 (1,03), н-1766 (1,12);

1558 г. N н-1767 (1,05), н-1768 (1,16), н-1769 (1,17);

1559 г. N н-1707 (1,17), н-1708 (1,11), н-1709 (1,18), н-1710 (1,09), н-1711 (1,15), н-1712 (1,07), н-1713 (1,07), н-1714 (1,05), н-1715 (1,12), н-1716 (1,01), н-1716/1 (1,12), н-1770 (1,09), н-1771 (1,15);

1560 г. N н-1717 (1,0), н-1718 (1,11), н-1719 (1,23), н-1720 (1,02), н-1721 (1,32);

1561 г. N н-1722 (1,07), н-1723 (1,15), н-1724 (1,08), н-1725 (1,19), н-1726 (1,08), н-1727 (1,07), н-1728 (1,23), н-1729 (1,1), н-1730 (1,16), н-1731

© Н.А. Кухар-Онишко, С.Н.Травкин, 1999.

(1,16), н-1732 (1,2), н-1733 (1,28);

1562 г. (=156Z) N н-1738 (1,04), н-1739 (1,06), н-1740 (1,16), н-1741 (1,15), н-1742 (1,18), н-1743 (1,2);

1563 г. N н-1774 (1,1), н-1775 (1,11), н-1776 (1,04);

1564 г. N н-1734 (1,21), н-1735 (1,04), н-1736 (1,08), н-1737 (1,18), н-1744 (1,07), н-1745 (1,08), н-1746 (1,08);

1565 г. N н-1699 (1,09), н-1747 (1,16), н-1748 (1,09), н-1749 (1,08), н-1772 (1,05), н-1773 (1,23);

Стертый полугрош XVI в. — 1 экз.: N н-1700 (0,89).

По отдельным годам и хронологическим отрезкам (игнорируя состав по эмитентам) монеты из клада могут быть распределены в следующем порядке:

1501 — 1506 гг. — 41 экз.,
1508 — 1529 гг. — 2 экз.,
1509 г. — 1 экз.,
1510 г. — 2 экз.,
1513 г. — 7 экз.,
1514 г. — 2 экз.,
1515 г. — 1 экз.,
151... г. — 1 экз.,
1520 г. — 1 экз.,
1524 г. — 1 экз.,
1546 г. — 1 экз.,
1547 г. — 2 экз.,
1548 г. — 2 экз.,
1549 г. — 1 экз.,
1550 г. — 2 экз.,
1551 г. — 2 экз.,
1555 г. — 2 экз.,
1556 г. — 4 экз.,
1558 г. — 3 экз.,
1559 г. — 13 экз.,
1560 г. - 5 экз.,
1561 г. — 12 экз.,
1562 г. — 6 экз.,
1563 г. — 3 экз.,
1564 г. — 7 экз.,
1565 г. — 6 экз.,
XVI век — 1 экз.

Таким образом наиболее ранние монеты относятся к выпускам 1501 — 1506 гг., а 6 младших монет клада датируются 1565 г. На первую треть XVI в. приходится 59 монет, а на вторую треть этого столетия еще 71 экземпляр.

В целом рассматриваемый клад представляет удивительно монолитную группу монет. Можно предположить, что часть «особо ценных» монет могла быть изъята находчиками, однако и в этой ситуации необходимо отметить поразительное единство сохранившихся экземпляров, которые принадлежат к одному номиналу относительно малого достоинства (и современной рыночной стоимости). Все они были выпущены на монетном дворе одного государства (точнее одной из частей двуединой польско—литовской монархии), в правление трех последовательно сменявших друг друга великих князей.

Данный клад является одним из целой серии сходных монетных комплексов XVI в., выявленных на территории Бессарабии и других земель Молдавского феодального княжества, которые содержали монеты Александра I, Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа. Всего (кроме рассматриваемого) в регионе выявлено 8 кладов XVI в. с монетами Александра I. Еще 3 клада с монетами этого правителя известно в Запрутской Молдове. Монеты Сигизмунда I Старого представлены в 9 комплексах XVI в. из Бессарабии и 3 из Запрутской Молдовы. Чеканки Сигизмунда II Августа имелись в 7 бессарабских кладах второй половины этого столетия и 4 комплексах из Запрутской Молдовы. (Бырня, Нудельман, Рябой 1990: 239; Нудельман 1976: 95-100; Нудельман 1988: 127-131; Нудельман 1988а: 147; Isacescu 1971: 503; Foit 1967: 19-22; Foit 1981: 77-78; Berciu-Dărghicescu 1989: 106; Niculiţa 1993: 130-132; материалы Национального музея истории Молдовы, Музея археологии АН РМ, Национального музея этнографии и естественной истории).

При этом необходимо отметить, что рассматриваемый клад по целому ряду показателей существенно расширяет нумизматические источники по монетно-денежному обращению на территории Бессарабии в XVI веке. До сих пор на территории края достоверно было известно в кладах XVI в. только 32 монеты Александра I (еще 8 из единичных находок), 100 монет Сигизмунда I (и 18 в единичных находках), 175 монет Сигизмунда II Августа (и 20 экземпляров в единичных находках). (Бырня, Нудельман, Рябой 1990: 239; Нудельман 1976: 95-100; Нудельман 1988: 127-131; Нудельман 1988а: 147; Isacescu 1971: 503; Foit 1967: 19-22; Foit 1981: 77-78; Berciu-Dărghicescu 1989: 106; Niculiţa 1993: 130-132; материалы Национального музея истории Молдовы, Музея археологии АН РМ, Национального музея этнографии и естественной истории).

В связи с этим исследуя данный клад, нам представляется необходимым выяснить следующие вопросы: наиболее вероятную хронологию хождения монет из клада и время его сокрытия, пути поступления этих монет в Бессарабию и их место среди других нумизматических материалов, ориентировочную стоимость монет из комплекса и его «общественную» принадлежность.

Относительно времени обращения монеты из клада и сам клад в целом дают довольно интересную хронологическую картину. На землях Бессарабии и Запрутской Молдовы монеты Александра I достоверно не известны в кладах периода его правления, в 1506 -1548 гг. они представлены в 4 комплексах, в 1548 -1572 гг. в 4 и в 1572 -1599 гг. в 4-х. Подобные цифры мало что могут дать, если не сравнить их с информацией о находках с сопредельных территорий (в

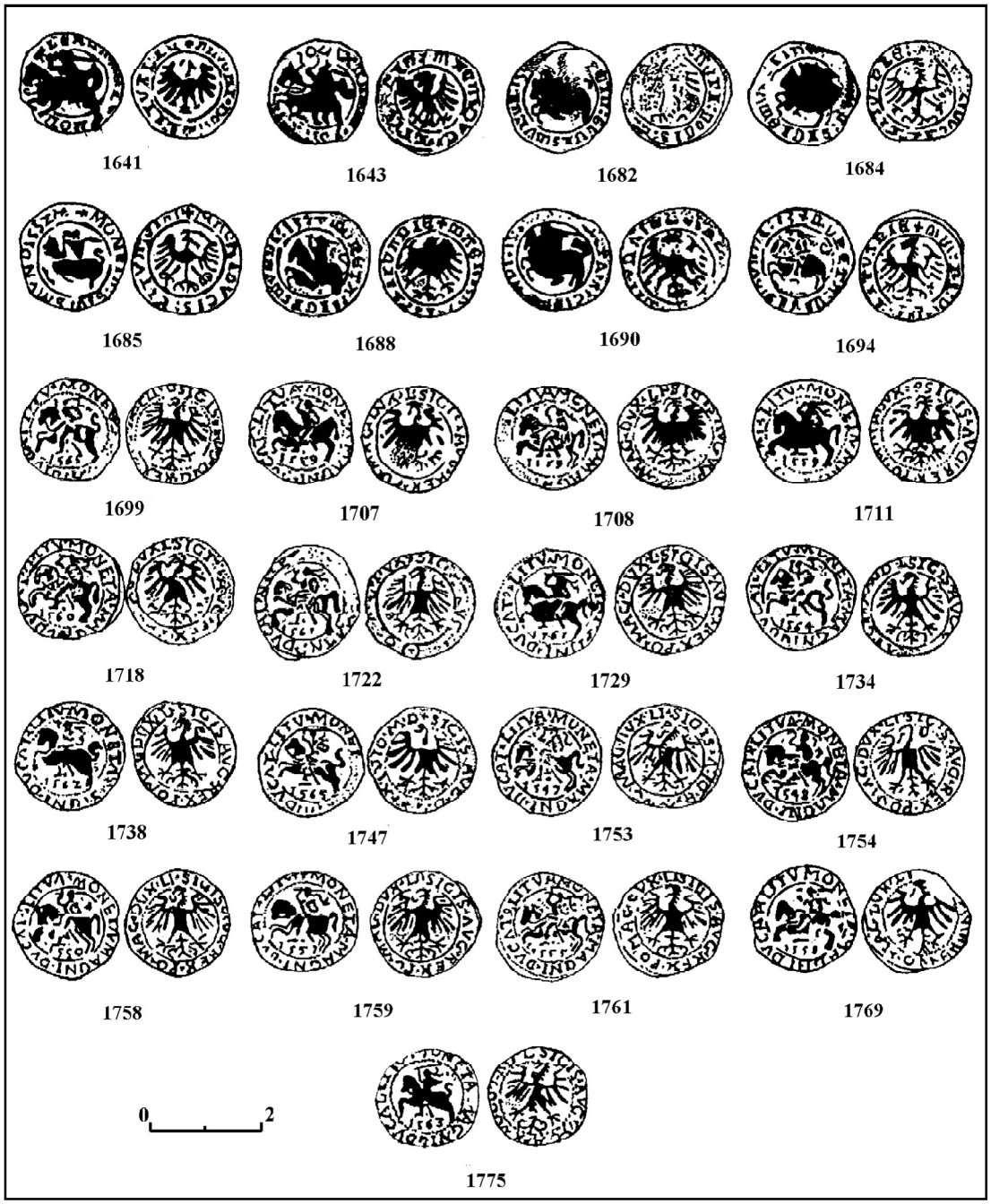

Рис.1

данной ситуации с Украиной). На землях Украины чеканки Александра I выявлены в 5 кладах начала XVI в., в 10 комплексах 1506 -1548 гг., в 14-ти 1548 -1572 гг. и в 3-х 1572—1599 гг. (Kotlar 1975: 51-69; Mikolajczyk 1978: 34-44).

В Бессарабии и Запрутской Молдове монеты Сигизмунда I известны в 3 кладах 1506 -1548 гг., 4-х — 1548 -1572 гг., 6-ти — 1572 -1599 гг.; чеканки Сигизмунда II Августа соответственно представлены в 5 комплексах — 1548 -1572 гг. и в 8-ми — 1572-1599 гг. На Украине монеты Сигизмунда I были в 13 кладах 1506 -1548 гг., 15-ти — 1548-1572 гг. и 5-ти — 1572-1599 гг.; а монеты Сигизмунда II Августа в 20 комплексах 1548 -1572 гг. и в 4-х 1572 -1599 гг. (Kotlar 1975: 51-69; Mikolajczyk 1978: 34-44). Таким образом, на землях Бессарабии и Запрутской Молдовы для всех трех рассматриваемых групп монет число кладов в 1548 -1572 гг. было относительно стабильным, сравнительно с периодом 1506 -1548 гг., а в 1572 -1599 гг. количество комплексов с чеканками Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа даже увеличилось. На Украине можно наблюдать несколько иную картину: количество кладов с рассматриваемыми монетами не уменьшается в 1548 -1572 гг., но идет на убыль в последней четверти XVI века.

На основании имеющихся материалов мож-

но предположить, что монеты, найденные в кладе, действительно относятся к монетному обращению XVI в. Но при этом нельзя исключить возможность некоторого «запаздывания» их притока на территорию Бессарабии и более длительного активного обращения в регионе по сравнению со временем чеканки. Об этом свидетельствует как отсутствие чеканок Александра I в кладах времени его правления, так и возрастание числа кладов с данными монетами в последней четверти XVI в. (после смерти соответствующих королей). Соответственно можно предположить, что и весь клад в целом должен датироваться не 1565 г., а несколько более поздним временем.

О наиболее вероятных путях поступления рассматриваемых монет могут свидетельствовать география чеканки, места находок и их состав.

Монетные дворы, выпускавшие монеты королевства Польского и Великого княжества Литовского, располагались на территории современных Польши и Литвы. В XVI в. королевству Польскому принадлежали области непосредственно на северной границе Молдавского княжества, а Великое княжество Литовское имело владения к северо-востоку от рассматриваемого региона. В настоящее время эти земли входят в состав Украины. На основании этого можно предположить, что литовские и польские монеты должны были поступать на земли Молдавского княжества (в том числе и Бессарабии) по наиболее краткому пути: через северную и северо-восточную границу, то есть через территорию современной Украины.

Подобное предположение подтверждается и географией монетных находок. Польско-литовские монеты Александра I, Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа входили в состав 12 кладов с территории Бессарабии, в 4 комплекса из Запрутской Молдовы и не менее чем в 43 клада на Украине, которые датируются по последней монете периодом 1501-1599 гг. Кроме того, необходимо учитывать мнение Н.Ф.Котляра о том, что на большей части территории Украины в 1500 -1577 гг. литовские чеканки были наиболее многочисленными среди всех монет, находившихся в обращении этого периода. (Котляр 1971: 94-98). Можно предположить, что литовские и польские чеканки поступали в Бессарабии с территорий, где их концентрация в кладах была максимальной, а роль в монетно-денежном обращении наиболее заметной, то есть с севера и северо-востока.

При этом приходится учитывать, что в географии находок с польскими и литовскими монетами на Украине имеются существенные отличия. Если литовские монеты встречаются на большей части территории Украины, то польские концентрируются в более западных районах — для периода 1545 - 1577 гг. это Галиция, Волынь и Подолия. (Котляр 1971: 94-98). На землях Молдавского феодального княжества клады не дают такой ясной и четкой картины. Из числа всех рассмотренных кладов в Запрутской Молдове был 1 клад с польскими монетами, 2 — с польскими и литовскими, 1— с литовскими (не считая монет других государств). На территории Бессарабии 2 клада включали только польские чеканки, 5 польские и литовские и 4 только литовские. Комплексы, содержавшие польские монеты, в той или иной мере явно были связаны с монетно-денежным обращением на землях западной части современной Украины. Соответственно можно предположить, что клады, включавшие в себя только литовские монеты без примеси польских, связаны с более восточными землями Украины. География находок в границах Бессарабии и Запрутской Молдовы не позволяет выделить какие-либо обособленные зоны обращения польских или литовских монет, так как все они были сосредоточены в северных и центральных районах рассматриваемого региона.

Необходимо отметить, что подобное соотношение не было стабильным. Если мы возьмем с территории Запрутской Молдовы и Бессарабии клады XVI в., содержавшие чеканки только Александра I, Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа, то увидим следующую картину:

в 1506 -1548 гг. известно 2 комплекса с польскими монетами, 1 — с польскими и литовскими, 1 — только с литовскими;

в 1548 - 1572 гг. было 3 клада с литовскими чеканками;

в 1572 - 1599 гг. 1 коллективнная находка только с польскими монетами, 5 — с польскими и литовскими, 2 — с литовскими. При этом в 1506 - 1548 гг. все находки происходят с территории Бессарабии. Создается впечатление, что в 1506 - 1548 гг. усилились связи монетно- денежного обращения северной и центральной Бессарабии с рынком Западной Украины. Возможно, в этот период имелась тенденция даже к созданию единого ареала монетно-денежного обращения. В 1548 - 1572 гг. на земли Молдавского княжества хлынул поток литовских чеканок, что, вероятно, было обусловлено политикой Польско-Литовского государства в вопросе монетной чеканки (подробнее смотри Рябцевич 1968). В 1572 - 1599 гг. наблюдается явная тенденция к совместному хождению польских и литовских монет, что, вероятно, было связано с внутренними процессами Польско-Литовского государства и его преобразованием в Речь Посполитую.

Среди других вопросов, которые представляют интерес при изучении предлагаемого клада, необходимо рассмотреть соотношение его литовских монет с чеканками других государств на землях Бессарабии, Запрутской Молдовы и Украины в кладах XVI в.. Комплексы, содержавшие только польские и литовские монеты Александра I, Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа,

довольно широко представлены на территории Украины — всего 22 случая. Более редкими они являются в Бессарабии (3 клада) и Запрутской Молдове (2). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что молдавские клады, содержавшие только польско-литовские монеты, могут быть датированы временем не позднее 60-х гг. XVI в., то есть периодом их чеканки.

«Иностранный» элемент в кладах с рассматриваемыми польско-литовским монетами дает пеструю и неоднозначную картину для разных областей Юго-Восточной Европы. На территории Бессарабии они были найдены совместно с чеканками Венгрии в 6-ти кладах XVI в., с монетами Пруссии в 2-х, с монетами Османской империи в 2-х, с чеканками Молдавского княжества в 2-х и с западноевропейскими талерами в 4-х комплексах. На землях Запрутской Молдовы их обнаружили совместно с монетами Венгрии в 2-х кладах, с монетами Турции в 1-м и с западноевропейскими талерами в 1-м. В украинских кладах они выявлены совместно с монетами Пруссии, Силезии и Бранденбурга в 15 случаях, с чеканками Чехии в 6-ти и с монетами Венгрии в 3-х.

Монеты Венгрии, Османской империи и Молдавского княжества в кладах из Бессарабии и Запрутской Молдовы совместно с польско-литовскими монетами 1501-1572 гг. явно находили чаще, чем в украинских комплексах. Объяснением этому вероятно могли служить географические и политические условия XVI в.: эти земли входили в состав Молдавского княжества, находились в вассальной зависимости от Османской империи и прилегали к границам Венгерского королевства. С подобными условиями можно связать и более заметную роль монет Пруссии и Чехии в украинских кладах. Сложнее найти объяснение диспропорции в находках кладов с западноевропейскими талерами.

Письменные источники сообщают, что в XVI в. в Молдавское княжество активно ввозили золото и серебро из Польши и Литвы (Подградская 1991: 109). Это подтверждается и находками кладов XVI в. с польско- литовскими монетами (к числу которых принадлежит и рассматриваемый комплекс). Но в украинских кладах талеры появляются только после 1578 г. (Котляр 1971: 99). При этом нам не известны их совместные находки с польско-литовскими монетами 1501-1572 гг. в кладах XVI в. В кладах на территории Бессарабии талеры появились с 60-х гг. XVI в. (клады Дмитровка, Карболия, Онешты), а по мнению А.А.Нудельмана — не позднее конца 40-х годов этого столетия (Нудельман 1976: 41, 98, 101; Нудельман 1988: 128). Но с польско-литовскими монетами 1501-1572 гг. они совместно встречаются только в кладах 1590-х гг. Естественно встает вопрос о причинах этого явления.

В.Н.Рябцевич объясняет относительную редкость талеров в украинских кладах XVI в., во-первых, развитием кредита, а во-вторых, относительно малой стоимостью большинства этих кладов и низким уровнем доходов их владельцев (Рябцевич 1968: 177). Если согласиться с этой точкой зрения, то необходимо признать, что относительно раннее распространение талеров в молдавских кладах связано с отставанием в развитии кредитных механизмов в Молдавском княжестве XVI в., так как размеры кладов с талерами здесь относительно малы и не превышают по суммарной стоимости ста талеров (а в подавляющем большинстве стоят менее 10 талеров). Однако имеет полное право на существование и иная версия событий: талеры поступали на земли Бессарабии до 90-х гг. XVI в. обособленно от польско-литовских монет и обращались, не смешиваясь с ними.

В целом можно констатировать, что польско-литовские чеканки Александра I, Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа представляли в XVI в. довольно заметную группу монет среди чеканок других государств. При этом они, вероятно, поступали в Бессарабию совместно с монетами Пруссии и уже здесь, на месте, образовывали единые комплексы с монетами Венгрии, Турции и Молдавского княжества. При этом часть из них уходила из обращения настолько быстро, что оставалась без примеси «иностранного» элемента.

Одним из наиболее интересных вопросов при изучении любого клада является определение его примерной стоимости в период сокрытия. В 1541—1584 гг. в Молдавском княжестве за 1 золотой дукат платили от 42 до 56 грошей (среднее число — 52), за талер соответственно могли выплатить от 30 до 35 грошей, а среднем — 33. (ИНХ 1976: 260—261). Соответственно можно принять, что за золотой дукат должны были давать около 104 полугрошей, а за талер примерно 66 таких монет. В рассматриваемом кладе 131 литовский полугрош. Приблизительно их стоимость можно оценить в 1,25 золотого дуката или в 1,98 талера. Сумма явно достаточно маленькая.

Это подтверждается и примерной покупательной способностью данного клада. В 1541-1580 гг. один бык стоил в Молдавском княжестве 4,5 талера, а во Львове 6 талеров; один баран оценивался соответственно в 0,75 и 1 талер. (ИНХ 1976: 234). Имея на руках 131 полугрош можно было купить не более 2 баранов. Для сравнения отметим, что при оптовой торговле скотом в 1560-х гг. речь часто шла о стадах в 100 и более быков, при стоимости их около 600 талеров (Подградская 1991: 83). Еще более незначительной кажется эта сумма, если сравнить ее с государственными доходами и расходами того времени. Дань, которую вы плачивала Молдавия Османской империи (харач), достигла в 1541 г. 12000 золотых, а в конце это-

го столетия — 60000 дукатов. (ИРМ 1997: 60). Френсис Дрейк только на одном испанском корабле захватил золота и серебра на сумму в 363000 песо (=талеров) (Гребельский 1994: 77). А с затонувшего в 1588 г. галеаса «Хирона» было поднято 405 золотых и 756 серебряных монет. (Стенюи 1979: 153). Разрыв между этими двумя полюсами является явно огромным и несомненным.

На основании всего выше сказанного можно сделать вывод, что рассматриваемый клад, вероятно, датируется третьей четвертью XVI в. и принадлежал небогатому горожанину или крестьянину. Он является еще одним свидетельством постепенного развития торговли и товарно-денежных отношений в Молдавском княжестве XVI в. (Подробнее смотри: ИРМ 1997: 67). Монеты, входившие в его состав, вероятно поступили на Север Молдавии с территории современной Украины. При этом от времени поступления в Молдавию до момента сокрытия, как нам кажется, прошло относительно мало времени: литовские полугроши не успели смешаться с монетами других государств. Одновременно этот клад является еще одним свидетельством экономической и политической экспансии Польско-Литовского государства в Восточной Европе XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

Бырня П.П., Нудельман А.А., Рябой Т.Ф. 1990. Два монетно — вещевых клада XVI и XVII вв. // Археологические исследования в Молдавии в 1985 г. Кишинев. С. 239-249.

Гребельский П. 1994. Пиратские истории. СПб. 189 с.

ИНХ 1976. - История народного хозяйства МССР (с древнейших времен до 1812 г.). Кишинев.

ИРМ 1997. - История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Кишинев.

Котляр М.Ф. 1971. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ.

Нудельман А.А. 1976. Топография кладов и находок единичных монет // Археологическая карта МССР вып. 8. Кишинев.

Нудельман А.А. 1988. Несколько неизданных монетных кладов XVI в. из Днестровско — Прутского региона // АИМ в 1983 г. Кишинев.

Нудельман А.А. 1988а. Неизданные монетные клады XVI — XVII вв. из Днестровско — Прутского региона // Средневековые памятники Днестровско — Прутского междуречья. Кишинев. С. 145-159.

Подградская Е.М. 1991. Экономические связи Молдовы со странами Центральной и Восточной Европы в XVI — XVII вв. Кишинев.

Рябцевич В.Н. 1968. Денежное обращение и клады на территории Чернигово — Северской земли и восточной Белоруссии // НС т. 3. Киев. С. 168-172.

Стенюи Р. 1979. Сокровища Непобедимой армады. М.

Berciu-Draghicescu A.1989. Repertoriul descoperirilor monetare otomane din teritoriile locuite de Români (sec. XV — XVI) // Caietul seminarului special de ştiinţe auxiliare. Universitatea din Bucureşti. P. 88-123.

Foit G. 1967. Noi tezaure monetare medievale descoperite în regiunea Suceavei. Muzeul regional Suceava. 62 p.

Foit G. 1981. Suceava — centru de interes major pentru numismatica medievală a Moldovei // Suceava anuarul muzeului judeţean. V. VIII. P. 47-84.

Gumowski M. 1914. Podręcznik numizmatyki Polskiej. Kraków, Czasu.

Gumowski M. 1924. Monety Polskie. Warszawa, Biblioteka Polska.

Isacescu E. 1971. Tezaurul de monede medievale de la Serbeşti (jud. Neamţ) // Memoria Antiquitatis. v. 3. P. 499 — 504.

Kotlar M. 1975. Znaleziska monet z XIV — XVII w. na obszarze Ukraińskiej SRR. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk.

Mikolajczyk A. 1978. Uzupełnienia do pracy M.Kotlara «Znaleziska monet z XIV — XVII na obszarze Ukraińskiej SRR». // Wiadomości Numizmatyczne. N 1. S. 34-44.

Niculiţă A. 1993. Două tezaure de monede şi obiecte de podoabe medievale din fondul muzeului de arheologie din Chişinău // Revista arheologică. N 1. P. 130-134.

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

П.П.Бырня, Н.Д.Руссев

МОНЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОЛДАВИИ

(Историко-нумизматические очерки)

«Наша страна страдает от недостатка денег, хотя вывозит за границу гораздо больше, чем оттуда ввозит».
Димитрий Кантемир

P.P. Byrnja. N.D. Russev. The Coins of the Medieval Moldavia. (Historical and Numismatic Sketches).

It is the first work to consider as comprehensively, explicitly and in as simple language as possible treating both the history of coinage and monetary circulation in Moldavia of XIV-XVI centuries. The Preface describes images on coins, attempts are made to identify their nature, origins and meaning. Chapter 1 treats the typology of coins minted primarily in the medieval capital of the state – Suceava. It is shown that Moldavia developed a genuine and steady model of coins, whose changes would fix vassal relations between the issuers and the rulers of the neighbour countries. Chapter 2 analyses numismatic findings of the late XIV – first third of XVI cc. discovered on the territories of the modern Republic of Moldova and the Ukraine. Ratios and three areas of spread of coins of various countries are distinguished in the Eastern part of the medieval Moldavia – the lands between Prut and Dniester. Linking the development of the coinage with the historical fate of the country (Chapter 3) and basing on real data, the authors come to the conclusion about the full implication of Moldavia in the international economic life. The situation tremendously changed in result of the Ottoman conquest: the history of the coinage ceased to be (Epilogue). The two Appendixes either partly or integrally bring the documents about commodity-money relations and coins of the medieval Moldavia.

От авторов

Научный интерес к молдавским средневековым монетам возник еще в последней четверти XIX в. С тех пор появились сотни статей, так или иначе разрабатывавших вопросы молдавской нумизматики. Тем не менее, сложившаяся к настоящему времени историографическая ситуация выглядит очень противоречиво.

Исследования первой половины уходящего столетия, в особенности, принадлежащие таким известным румынским ученым как Н.Докан и К.Мойсил, не только в значительной мере устарели, но и превратились в трудно доступные библиографические раритеты. Работы послевоенного времени, ассоциирующиеся с именами Л.Л.Полевого, О.Илиеску и А.А.Нудельмана, к сожалению, не увенчались изданием монографии о монетах Молдавии XIV-XVI вв. Главные усилия были сосредоточены на публикации находок, составлении сводок о них, освещении отдельных вопросов истории монетного дела и денежного обращения. Эта чрезвычайно важная деятельность продолжается и в последние годы, в основном уже следующим поколением исследователей. Однако до сих пор последовательное изложение темы можно найти только в виде коротких глав, включенных в работы более общего характера (Kiriţescu 1964; Iliescu 1970; Нудельман 1974; 1976; ИНХ 1976).

Идея написать книгу об истории монет Молдавии зрела постепенно и несколько лет назад приобрела зримые очертания. Вряд ли нужно доказывать, что государственное строительство и экономическое становление Молдовы на современном этапе нуждаются в обращении к истокам. Пути развития денежного хозяйства никогда не были простыми, а история обращения людей с деньгами богата огромным числом поучительных примеров. Работая над темой, мы нашли понимание и поддержку у руководства фонда «Нестор» (Санкт-Петербург) и Института истории АН Молдовы. Однако возможность для публикации книги появилась только теперь, на страницах журнала Высшей Антропологической Школы. Таким образом, путь к читателю оказался совсем не простым.

На страницах работы по возможности доступно описаны изображения на монетах, предприняты попытки выяснить их характер и смысл. Рассмотрение типологии денег, чека-

© П.П.Бырня, Н.Д.Руссев, 1999.

нившихся главным образом в средневековой столице страны – Сучаве, позволяет увидеть, что Молдавия выработала оригинальный и устойчивый облик собственных монет. Изменения в нем фиксировали вассальные отношения эмитентов с правителями соседних государств. Анализ нумизматических находок конца XIV — первой трети XVI вв. выявил пропорции и три ареала распространения монет разного происхождения в восточной части средневековой Молдавии – землях между Прутом и Днестром. Сопоставление развития денежного хозяйства с исторической судьбой страны позволило сделать вывод о полноценной во влеченности Молдавии в систему международных экономических связей эпохи. Ситуация кардинально изменилась в результате османского завоевания, когда история местного монетного дела быстро пресеклась.

К нашему сожалению, даже в таком объемном издании, как Stratum, листаж лимитирован. По этой причине мы представляем работу в сокращенной редакции. В частности, уменьшено количество сюжетов, относящихся к товарно-денежным отношениям, а рассмотрение конкретных находок ограничено пределами Республики Молдова и Украины. Полагаем, что не в очень отдаленном будущем удастся осуществить полное издание работы. Залогом такой уверенности, мы надеемся, является неослабевающее желание граждан глубже познать прошлое страны.

Предисловие. ИЗОБРАЖЕНИЕ НА МОЛДАВСКИХ МОНЕТАХ — ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Монеты являются привычными спутниками повседневной жизни современного человека. Каждый из нас многократно достает их из кошелька, карманов, или прячет обратно, расплачиваясь за купленные вещи или оказанные услуги. Однако, чаще всего мы не задумываемся над тем, какое отношение эти небольшие металлические кружочки имеют к истории. Впрочем, стоит задержать хотя бы на несколько мгновений взгляд на надписях и рисунках, которыми покрыты монеты. Даже школьники без особого труда смогут назвать достоинство и наименование, год выпуска и государственную принадлежность многих денежных знаков. В самом деле, оказывается, монеты способны поведать немало историй о странах, эпохах и людях, которым они были призваны служить. Удивительно, что такие утверждения исходят не только от чудаков, собирающих, меняющих и покупающих часто уже потускневшие от времени монетки. Так думают и нумизматы, рассматривающие монеты в качестве важных свидетелей давних событий.

Считается, что Молдавское государство начало выпускать собственные деньги при господаре Петре Мушате, который правил страной более шести столетий тому назад — около 1375 — 1392 гг. Чеканившиеся в Сучаве от его имени серебряные монеты имели диаметр менее 2 *см*, вес примерно 1 *г* и назывались «гроши» (Iliescu 1970: 25; Полевой 1972: 12, 13). Центральное место на лицевой стороне монет занимало изображение головы дикого быка — тура, которое стало главным характерным признаком для всех выпусков денег Молдавии, осуществленных в последующие десятилетия и столетия. Сохраняя типичные черты своего облика вплоть до наших дней, голова тура является самым надежным отличительным элементом при распознавании денег средневековой Молдавии. На оборотной стороне монет Петра Мушата помещалось изображение «треугольного» рыцарского щита, разделенного (или, как говорят геральдисты, рассеченного) вертикальной линией на две равные части. Одна из них украшалась горизонтальными полосами — балками, а другая — стилизованными лилиями, число которых колеблется от семи до одной. Щит также является важнейшей деталью в оформлении молдавской монетной продукции, несмотря на то, что со временем он существенно видоизменился. Более того, на некоторых типах денег его изображение вообще отсутствует (Luchian, Buzdugan, Oprescu 1977).

Вокруг фигур, расположенных в центре монетного поля, отмечены другие более мелкие изображения. Так с головой тура обычно сочетаются знаки, связуемые с небесными светилами. Между рогами тура, чаще всего, можно найти пятиконечную звезду, а справа и слева от морды животного — полумесяц и розетку. Положение или даже просто наличие названных деталей графического решения композиции не являются строго фиксированными и обязательными. Скажем, иногда на лицевой стороне монеты можно увидеть изображение короны или лилии, стебелек которой зажат во рту быка. Варианты оформления пространства вокруг щита бывают еще более разнообразными даже по набору составляющих элементов. Среди знаков оборотной стороны отмечены розетка, лилия, шлем, корона, крест, ключ, отдельные буквы и пр., хотя при подготовке штемпелей отдельных выпусков монетчики могли и вовсе не воспользоваться ими. Очевидно, что этим изображениям принадлежало второстепенное значение в молдавском монетном типе эпохи средневековья.

Центральные изображения на монетах вместе с дополнительными элементами, как

правило, заключены в точечные ободки или кольца, именуемые подчас «жемчужными». На крупных номиналах — грошах и двойных грошах — имеются два точечных ободка. Они образуют концентрические круги, между которыми помещались надписи. В большинстве случаев монетные легенды в Молдавии редактировались на латинском языке и довольно редко — по-славянски. В них обязательно отмечено имя господаря, чеканившего деньги, его титул — «воевода» и название страны. На ранних сериях молдавских монет читается сокращение слова «печать», позднее полностью вытесненное более уместным и обобщающим понятием «монета». Другие надписи встречаются скорее как исключение. Полугроши в Молдавии легенд обычно не имели. Изображения на них заключались в один точечный ободок, или же вовсе не обрамлялись.

При толковании изображений и надписей на молдавских монетах наибольший интерес всегда вызывала голова тура. Разумеется, образ практически в одном и том же виде воплощенный на государственных печатях, в памятниках скульптуры, декоративно-прикладном творчестве прямо выводил исследователей на запечатленную летописями легендарную охоту Драгоша. Наиболее полная версия этого сказания находится в составе славяно-молдавской летописи 1359—1504 гг. В ней ключевыми представляются следующие моменты. Драгош из подчиненного венграм Марамуреша вместе с дружиной «поидоша следом за туром через горы высокие». Нагнав и убив в живописной долине у реки тура, он вернулся и рассказал «своим всем о красоте земли» той, которая оказалась незаселенной. Драгош и его люди обратились к венгерскому королю Владиславу за разрешением переселиться за горы и «король отпустил их с великой милостью». На новом месте Драгоша избрали «господарем и воеводою», что ознаменовало начало Молдавской земли. Первый молдавский правитель немедленно стал обустраивать свои владения городами, а «во всю землю» он поместил на воеводскую печать «турью голову» (СМЛ 1976: 57-58).

Казалось бы, приведенный рассказ способен вполне удовлетворительно объяснить рождение главного символа Молдавии. Однако историки доказывают, что летописная версия основания государства, явно восходящая к устному народному творчеству, изобилует неясностями и неувязками. Во-первых, сюжет можно легко причислить к разряду «бродячих», встречающихся у многих народов древней и средневековой эпох. Правда, в аналогичных легендах объектом охоты, как правило, выступает другое животное, особенно часто олень (Vuia 1975: 103, 104). Во-вторых, события охоты Драгоша, датируемые 1359 г., хронологически совершенно не стыкуются с правлением в Венгрии короля Владислава. Наиболее близкий к названому времени обладатель венгерского трона по имени Владислав — Ласло IX Кун («Половец») — пришел к власти малолетним в 1272 г. и погиб в 1290 г. (ИВ 1971: 160, 161).

По всей видимости, рассматриваемый вопрос был изрядно запутан еще в средневековую эпоху. Вот лишь два мнения середины XVII в. Известный турецкий путешественник Эвлия Челеби утверждал, что не кто иной, как османский султан Сулейман (1520-1566) дал молдаванам право «иметь барабан и знамя, на знаменах — изображение бычьей головы» (Эвлия Челеби 1961:174). Сын антиохийского патриарха Павел Алеппский, побывавший на востоке Европы в составе делегации духовных лиц, излагает свое понимания существа дела. «Печать господарей Молдавии… на их официальных бумагах и письмах и над воротами дворцов и принадлежащих им церквей и монастырей есть лишь бычачья голова, как говорят, в честь евангелиста Марка» (Павел Алеппский 1900: 144).

Современные исследователи, пытающиеся постичь глубинный смысл символики головы тура, разделились на две группы. Одни считают, что эта эмблема появилась в молдавских землях извне. Другие настаивают, на ее местном происхождении (Slătineanu 1972: 37; Cernovodeanu 1977: 105). Не будем углубляться в детали ученой дискуссии, которая имеет второстепенное значение для рассматриваемой тематики. Укажем лишь на несколько объективных положений, носящих, на наш взгляд, принципиальный характер.

Туры (ныне истребленный вид *Bos primigenius*) — родоначальники домашнего крупного рогатого скота — водились повсеместно в лесах Европы. Сила и свирепость этого животного, название которого часто сопровождается определением «гнедой», засвидетельствованы многими письменными памятниками средневековой эпохи. Например, знаменитый русский князь Владимир Мономах (1113-1125) в «Поучении» своим детям рассказывает о случившемся с ним на охоте: «Два тура поднимали меня на рога вместе с конем» (ПВЛ 1950: 308). Показательны и не случайны такие выражения из памятников русской средневековой письменности как «храбор бо бе яко и тур», «буй тур Всеволод» (ср. буй-вол). О нраве тура в одной из книг середины XVI в. сказано: «Один тур может перебить стаю волков. Он и человека не боится и от встречного не убегает… Когда он жрет на дороге или стоит на другом месте, его нужно оставить в стороне, так как он сам не сойдет с дороги» (Татаринов 1980: 36-38). Разумеется, бесстрашие и воинственность могучего зверя не могла не обожествляться людьми, прежде всего охотниками и воинами.

Бык являлся священным животным многих земледельческо-скотоводческих народов Ста-

рого света уже в глубокой древности. Поклонение ему в видоизмененных формах сохранялось во многих местах и гораздо позже, вплоть до нового времени. В частности, это можно наблюдать на примерах включения изображения головы быка в гербы различных стран, провинций, городов и знатных родов Европы (Gassauer 1933-1934: 81, 82, 87, 88). О распространенности данного символа в XIV в. сообщается в итальянском трактате «О знаках и гербах», автор которого юрист Бартоло ди Сассоферрато отметил типичное тогда явление: «Некоторые употребляют в качестве своего знака голову агнца, или быка, или другого животного» (Бартоло ди Сассоферрато 1989: 317).

В Карпато-Днестровских землях также прослеживается длительный путь развития культа быка. В археологической литературе приводятся сведения о материальных объектах, ясно указывающих на обожествление этого животного местным населением уже в глубокой древности. Рисунки на керамике и глиняные фигурки найдены на поселениях энеолитической культуры Кукутень-Триполье и на средневековых памятниках типа Ханска-Рэдукэнень. Поклонение быку имело место во фракийском мире, в частности у даков. Причем культ отмечен как до римского завоевания, так и после него. Первобытное почтение к величественному представителю дикой фауны, как символу мужского начала, плодородия, солнечного божества, отличалось необыкновенной устойчивостью. Элементы подобного рода древних верований сохранялись в этнографических обрядах Молдавии (Буковина) вплоть до новейшего времени, несмотря на то, что последний тур был убит в Карпатах еще в 1762 г. (Попович 1971: 81—97; Гацак, Рикман 1977: 206—210; ИМ 1987: 45, 48, 49, 65; Полевой 1990: 26—28; Тентюк 1990: 55—65; Eliade 1970: 143—146; Venedicov 1975: 355, 359, 375; Filipciuc 1977: 423—430; Vulcănescu 1977: 91, 92, 273—276, 503—507; Dogaru 1981: 13-16).

Как редкого зверя польско-литовских владений описывает тура (Thur) автор «Записок о Московии» немец Сигизмунд Герберштейн (середина XVI в.). «Это настоящие лесные быки, ничем не отличающиеся от домашних быков, за исключением того, что они совершенно черные и имеют вдоль спины беловатую (ex albo mixtus, grablaten) полосу. Численность их невелика, и есть определенные деревни, на которые возложен уход за ними и охрана их, и за ними смотрят почти как в зверинцах». Будучи послом при дворе короля Сигизмунда-Августа, он получил от матери правителя в подарок два пояса из турьей кожи: «Общераспространено убеждение, будто опоясывание ими ускоряет роды» (Герберштейн 1988: 193-194).

Хотя по причине полного исчезновения тура его место в сознании людей занял гораздо более миролюбивый зубр, можно вполне обоснованно утверждать, что для превращения священного образа быка в государственный символ Молдавии достаточно оснований имелось и на ее собственной территории. Правильность такого хода рассуждений подтверждается легендой об охоте Драгоша, в которой тур, несомненно, отражает специфику фауны Восточного Прикарпатья. Интересно в этом плане сообщение Димитрия Кантемира, которое мы приведем целиком. «По обоим берегам Тираса часто встречаются дикие буйволы, но они, как нам кажется, не местного происхождения, а переходят по замерзшему Тирасу из Подолии и Татарии из-за суровых северных ветров, свирепствующих зимой в тех местах.

В западных горах водится другой зверь, который, позволю себе утверждать, является характерным для нашей страны и которого молдаване называют «зимбру». По величине он равен домашнему быку, но голова меньше, шея несколько длиннее, брюхо поджарое, ноги длинные, рога приподнятые вверх, концы которых сильно заострены и немного загнуты вперед. Этот дикий и быстрый зверь может взбираться, подобно козам, на горные утесы, откуда его берут или же убитым, или раненным из ружья.

Это и есть тот зверь, изображение головы которого пожелал иметь в качестве герба страны Драгош, первый господарь «возрожденной Молдавии» (Кантемир 1973: 39). В данном пассаже автор отразил превращение, которое произошло в речи молдаван. Он называет дикого быка «западных гор» — Карпат — «зубром» («зимбру»), хотя описывает явно тура. Любопытно, что Сигизмунд Герберштейн, лично видевший туров в Мазовии, хорошо различал двух животных: «Зубр — это бизон, как он называется по-латыни, а другой зверь — тур, имя которого совпадает в латыни и в московитском наречии — буйвол; вот ведь и в Швейцарии местность Ури (Uri) имеет (в гербе) голову этого зверя, тоже черную с такими же бычьими рогами» (Герберштейн 1988: 193).

Представляется, что изображение турьей головы на монетах молдавских господарей уходит корнями в древние традиции местных воззрений, несмотря на то, что определенные параллели этому культу обнаруживаются и в других районах Европы (Nohejlova Pratova 1975: 230). На ведущую роль священных мотивов и образов домашнего происхождения в формировании городской символики, между прочим, указывают новейшие исследования аналогичных российских материалов (Соболева 1985: 176).

К сожалению, наиболее ранние молдавские гроши не поддаются точной абсолютной датировке, что мешает определению хронологии различных вариантов изображений головы тура. Исключение составляет плохо сохранившийся восковой оттиск господарской печати

на грамоте с текстом присяги Петра Мушата польскому королю Владиславу Ягайло (1386-1434) от 26 сентября 1387 г. Реконструкция рисунка древнейшей молдавской печати позволяет увидеть существенное сходство и отличие его с изображениями на монетах. Главные из них состоят, на наш взгляд, в том, что голова тура однотипна, но на печати ее обрамляет треугольный щит (Şimanschi 1980: 143-146, 154). Именно в таком виде изобразительную композицию можно считать уже сложившимся гербом. Если это так, то подобное оформление господарской печати объясняется не бóльшим по сравнению с монетами диаметром (3,2 *см*), а естественным развитием догосударственного символа в новых условиях. Между тем, щит с головой быка впервые появился на молдавских монетах много позже — на выпусках Стефаницы (1517-1527).

На оборотной стороне первых монет Молдавского государства помещено изображение, которое без всяких преувеличений является гербом. Это рассеченный щит, украшенный геральдическими балками (или фасциями) и лилиями. Давно уже установлено его сходство с венгерским гербом XIV в. Щит принес в Венгрию из Италии отпрыск французской анжуйской династии, король Карл Роберт (1308-1342) — родственник по женской линии не оставивших наследников престола Арпадов (Борецкий-Бергфельд 1908: 60-63; ИВ: 161-162). Действительно, такое поразительное совпадение, изображений, фиксируемое и по монетным типам (см. Kiriţescu 1964: 87), никак не может быть отнесено к разряду случайностей. Однако далее мнения историков расходятся. Одни полагают, что герб такого рода пожаловал Петру Мушату или его предшественникам венгерский король Людовик (Лайош) I Великий, правивший в 1342-1382 гг. Любопытны варианты трактовки предполагаемого пожалования, которое являлось то ли показателем зависимости, то ли напротив — знаком суверенитета. Сторонники другой точки зрения видят в рыцарском щите анжуйского типа простое заимствование или даже имитацию вызывающего характера (Полевой 1990: 11; Mănescu 1972: 38; Gorovei 1987: 661-674).

Разумеется, прямолинейное выведение герба на оборотной стороне молдавских монет от рыцарского щита правившего в Венгрии дома Анжу едва ли может быть оправдано. Такая порочная логика анализа монетных изображений ведет к другому абсурдному выводу об отношениях политической зависимости между Венгрией и… Флоренцией. В самом деле, венгерские монетчики чеканили флорины, копировавшие по виду продукцию Флорентийской республики: на лицевой стороне денег изображалась лилия, занимающая всю центральную часть монетного кружка, а на обороте — фигура Иоанна Крестителя (Беляков 1990: 125; Kiriţescu 1964: 87; Nohejlova Pratova: 231). Этот хорошо известный нумизматам факт легко проверить, сравнивая рисунки или фотографии монетных выпусков двух стран. Однако Венгрия не была исключением в Европе XIV в. Имитативные выпуски наладил, например, в Сербии король Стефан II Урош Милутин (1281—1321), использовавший в качестве образца для подражания деньги Венеции. Деяния сербского правителя не остались тайной для современников. Сам Данте дал ему недвусмысленно отрицательную характеристику — «завистник веницейского чекана» (Данте 1961: 549).

Не приходится сомневаться, что подражание добротному чекану соседнего государства было в XIV в. обычным явлением. В данном случае людьми управляли соображения скорее экономические, чем политические. Популярность на рынках определенных монет, прежде всего, проявлялась в предпочтении денег по внешнему виду — визуальным признакам, выражавшим и как бы гарантировавшим добротность денег, чистоту их серебряного или золотого содержания. Следовательно, помещая на монетах хорошо известные в обиходе рынка изображения, эмитент-новичок совершал своего рода священнодействие. В глазах массового потребителя, участника торговых сделок вновь выпущенные деньги продолжали счастливую судьбу своих прототипов.

С точки зрения средневековых геральдических правил, столь явная подражательность также не вызывала особого осуждения. Более того, в те времена считалось: «Если кто, взяв герб и знаки другого, которые тот носил издревле, не причинит этим ущерба или вреда, то пусть возьмет и носит» (Бартоло ди Сассоферрато: 311). Наконец, изображения щита на монетах лишь отчасти характеризовало реальный герб его обладателя. Дело в том, что большое значение для понимания знаков достоинства имели не только сами детали оформления, но и используемая для их передачи цветовая символика. Как установлено при изучении книжных миниатюр, фасции на молдавском щите окрашены по-иному, нежели на гербе Венгрии времени анжуйской династии. Судя по рисунку в Четвероевангелии 1502 г., на гербовом щите Молдавии чередовались параллельные полосы золотистого и зеленого цветов. Похожие балки в венгерском исполнении были серебристыми и красными (Полевой 1990: 30; Mănescu 1972: 38, 41; Gorovei 1987: 663). Хотя золотые лилии на голубом фоне второй половины щита и его общее графическое решение совпадают, два герба существенно отличаются друг от друга. Имеющиеся расхождения тем более значимы, поскольку относятся к правому, первому по важности полю щита. Итальянский геральдист XIV в. так удостоверил эту традицию: «Та часть щита, которая согласно обы-

чаю его ношения обращена к правой стороне человека, должна считаться предпочтительной» (Бартоло ди Сассоферрато: 320, 321).

Мы не ставим перед собой задач разрешения споров вокруг геральдических проблем, а лишь пытаемся показать основное содержание тех сторон средневековой истории Молдавии, которые прямо связаны с появлением и развитием в стране монетной чеканки. Опыт нумизматов по изучению древних и средневековых памятников денежного хозяйства подсказывает, что на маленьком металлическом кружочке не было места случайным или малозначимым для людей соответствующей эпохи знакам. Напротив, они обычно всячески подтверждали законность той большой роли, которая отводилась им в экономической и политической жизни данного государства. Кроме того, изображения на монетах ориентировались на понимание их рядовыми современниками, основной массой покупателей и продавцов. Иногда необходимая информация сообщалась пользователям денег прямо, но чаще власти прибегали к символам и иносказаниям (Чернецов 1987: 145-148). Эти средства без труда достигали своей цели, поскольку соответствовали общему строю мышления людей средневековья. Легенды монет одновременно провозглашали государственный характер молдавского чекана и называли имена находившихся у власти господарей. Что касается иных знаков, то все они, включая и самые мелкие, содержали более-менее закодированный смысл. Их значения — ключи, позволяющие проникнуть в духовный мир общества средневековой эпохи, в культуру, которая по определению считается символической (Лотман 1970: 14, 15; Ле Гофф 1992: 307, 308).

В отношении молдавских земель довольно трудно всегда однозначно сказать, какую специфически местную смысловую нагрузку несли знаки на монетах. Вместе с тем, такое понимание возможно с точки зрения несомненной включенности денег Молдавии в европейскую систему монетных типов, элементы иконографии которых удовлетворительно толкуются в рамках христианского символизма.

Наиболее выразительным и хорошо разработанным в художественном творчестве знаком является крест. Это не только орудие мученической смерти Иисуса Христа, но и один из древнейших символов солнца, плодородия, активного мужского начала. Имея большое количество разновидностей, крест признавался знаком высших, священных ценностей, которые исповедует данная страна и ее правители (Похлебкин 1984: 111, 112; МНМ 1992: 12—14; Петканова 1994: 15-19). Тот или иной способ начертания креста может указывать и на определенный исторический регион. В частности, встречающийся на молдавских монетах двойной крест принято называть «литовским» и прямо связывать с господством в Восточной и Центральной Европе XIV-XVI вв. династии Ягеллонов (Kiersnowski 1988: 11-30).

Звезда как знак небесного светила также имеет множество вариантов изображения и восходит к первобытным верованиям. Звезды таили опасность, сообщали о жизни и смерти, сулили связь с вечностью. Звезда являлась символом самого богочеловека — Христа. Пятиконечная звезда, обычно помещаемая на монетах Молдавии между рогами тура, издревле известна и как охранительный символ (Похлебкин 1984: 77—79; МНМ 1992: 116—117; Петканова 1994: 29).

К категории астральных символов принадлежит и полумесяц, неизменно изображавшийся на лицевой стороне денег сучавской чеканки. Помимо того, что этот знак имел особое распространение в Азии, а с VII в. стал эмблемой ислама, следует сказать о соотнесении его еще в каменном веке с вечностью и мужским началом. Показательны представления о месяце в зооморфном коде, где на первом месте выступает образ быка (Похлебкин 1984: 176; МНМ 1992: 80).

Гораздо сложнее обстоит дело с пониманием значения розетки-розы, трактуемой как стилизация цветка шиповника. Первоначально она олицетворяла расцвет, божество жизни, изобилие, богатство, свет, солнце. Однако в средние века солнечный символ был замещен крестом. Отсюда заметное изменение происходит со смысловым содержанием образа розы, которая с XII в. становится одним из самых устойчивых геральдических элементов. В католическом сознании средневековой Европы этот цветок стал символом святости, христианской любви, знаком девы Марии. Не случайно витражи многих храмов на Западе в конце XII в. украшаются «большими готическими розами». Полагали, что роза отпугивает самого дьявола, а ее алый цвет нередко отождествляли с кровью Христа. Богатство толкования значения розы копилось еще с античных времен, а нашло свое логическое завершение в «Божественной комедии», где цветок представлен как мистический символ всех праведных душ (Похлебкин 1984: 184-186; МНМ 1992: 386, 387; Петканова 1994: 95; Дюби 1994: 159; Данте 1961: 616-636; Доброхотова 1990: 182-186, 196).

Распространенным и в ряде случаев соперничающим с розой в средние века было изображение лилии, которая являла символ чистоты, невинности, праведности, небесного блаженства и процветания. Как знак непорочности лилия сопоставлялась с образом Богородицы. Этот цветок рано попал в геральдику и часто изображался на монетах. Особенно известна лилия в качестве эмблемы королевской власти во Франции — fleur-de-lis. Существует красивая легенда о лилиях, ниспосланных свыше

франкскому королю Хлодвигу (ок. 436-511) во время его крещения. Впрочем, на официальном гербе французских королей лилии появились лишь в конце XII в. Знаменателен девиз на гербе Филиппа VI Валуа (1328-1350), победителя в династическом споре за трон: *Rege ab ovo sanguinem, nomen et lelia*, то есть «Король от рождения кровью, именем и лилией». Этот же правитель и установил правило изображения на гербовом щите трех золотых лилий. Однако впервые французские монеты, украшенные множеством лилий, появились еще при Людовике IX Святом (1226-1270). Кстати, некоторые из изображений цветов имели вполне утилитарный смысл. В частности, орнаментальный пояс из 12 лилий в арочках на турском гроше (gros tournois) указывали на то, что стоимость монеты равна 12 денариям.

Серебряные и золотые деньги Флорентийской республики также имели на оборотной стороне лилию, являвшуюся эмблемой города. Золотые флорины (латинское flos и итальянское fiore означает цветок), выпускавшиеся более 300 лет, с 1252 по 1531 или 1533 гг., вызвали многочисленные подражания в разных странах Европы XIV-XVI вв. По образному выражению того же Данте, охваченная сатанинской властью Флоренция чеканила золотые монеты во зло миру —«растит и множит проклятый цветок, чьей прелестью с дороги овцы сбиты». Не исключено, что такого рода оценки, относимые к деньгам с лилией, могли способствовать вытеснению в средневековом сознании одного цветка другим, более «чистым» — розой (МНМ 1992: 55, 386; Петканова 1994: 88; Данте 1961: 486; Фенглер, Гироу, Унглер 1993: 161, 344; Парнов 1988: 12; Britanica 1975: 182). Впрочем, в средние века символика была очень динамичной. Например, «образом Девы могли служить слива, лилия, ландыш, фиалка, роза» (Ле Гофф 1992: 309).

Среди изображений, встречающихся на молдавских монетах, можно назвать также турнирный шлем, помещавшийся, как правило, над щитом оборотной стороны. В соответствии с правилами геральдики этот характерный элемент рыцарского герба всегда обращен вправо (Черных 1990: 64, 65). Довольно распространенным изображением нужно считать и корону — знак власти господаря и его суверенных прав. Из более редких знаков попадаются рисунки меча — символа военного верховенства лица, чеканившего монеты, а также ключа — символа безопасности (Похлебкин 1984: 96, 102, 128). На отдельных типах монет можно видеть силуэт скачущего всадника с обнаженным клинком. Появление названного образа на деньгах Молдавии, по всей вероятности, следует связывать с польско-литовским политическим влиянием (Kiersnowski 1988: 11-30).

Реальные монеты выпускались определенным господарем, пользовались большим или меньшим успехом у торговцев и покупателей, найдены в конкретном месте часто вместе с другими вещами. Для того, чтобы понять из какого времени пришла к нам находка, она должна быть узнана, связана с себе подобными на данной территории. По количеству и составу одновременных монетных памятников в различных районах страны судят об активности товарно-денежных отношений, роли иноземной торговли. Такие исследования основываются только на знании некоторой совокупности нумизматических материалов и общеисторической ситуации. Исходя из выделенных посылок, мы и переходим к рассмотрению основных типов монетной чеканки молдавских господарей XIV — первой трети XVI вв., их находок на землях современных Молдовы и Украины, а также отдельных вопросов истории края, связанных с описываемыми памятниками старины.

Глава 1. ГОСПОДАРИ «ЗЕМЛИ МОЛДАВСКОЙ» В МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКЕ

1.1. Первые монетные выпуски Молдавии не случайно долгое время являются предметом научных споров нумизматов. Одна из причин реальных сложностей в атрибуции молдавских средневековых эмиссий сопряжена с проблемами их датировки. Отсутствие дат на монетах усугубляется повторяемостью имен, занимавших трон господарей. В течение рассматриваемого периода в Молдавии правили четыре Стефана, три Петра, три Богдана, два Романа, два Александра… В этой связи в историографии не раз возникали споры и недоразумения по вопросу о том, кому из одноименных обладателей молдавского престола отнести те или другие типы денег. До сих пор особенно остро стоит вопрос о монетной продукции Молдавии эпохи первых господарей. Приведем лишь два примера.

Стремление выводить начало монетного дела независимой Молдавии из мероприятий, проводившихся по укреплению суверенитета молодого государства еще Богданом I в 60-е гг. XIV в., не находит сегодня прямых нумизматических доказательств. Монеты с именем «Богдан» весьма обоснованно связываются с Богданом II и Богданом III, господствовавшими в стране соответственно в середине XV и первой четверти XVI вв. Вероятность открытия, которое бы оправдало надежды исследователей на то, что монеты Богдана I будут обнаружены или выделены из уже известных, невелика (Полевой 1972: 9).

Другой пример в чем-то противоположен первому. По нумизматической литературе многим специалистам и любителям древностей знаком уникальный экземпляр монеты, храня-

щийся в Национальном музее Будапешта. На его аверсе имеется изображение всадника, на реверсе — гербовый щит, сходный с таковыми на молдавских деньгах конца XIV — начала XV вв. Однако попытка приписать эту монету правившему в Молдавии около 1374-1377 гг. литовскому князю Юрию Кориатовичу (Luchian, Buzdugan, Opresсu 1977: 57), кажется, выглядит преждевременной.

Петр Мушат (ок.1375-1392) — первый из молдавских господарей, монетная деятельность которого не вызывает сомнения и твердо установлена по нумизматическим находкам. Учитывая внешнеполитическую ситуацию того времени, с целью обезопасить страну от постоянных территориальных претензий Венгрии, воевода принял весьма благоразумное решение — сблизиться с Польшей. Он первым из правителей Молдавии принес 26 сентября 1387 г. вассальную присягу польскому королю Владиславу Ягайло (1386-1434), положив начало традиции отношений, которая соблюдалась до XVII в. (Ciobanu 1985: 15—18; Costăchescu 1932: 605).

Господарь вел большую организационную и строительную деятельность. При нем появились сильные крепости и замечательные храмы. Выросли деревянный княжеский дворец и воеводская крепость в Сучаве, куда Петр перенес в 1388 г. из Сирета столицу государства. В его же правление были возведены оборонительные сооружения крепостей Шкея и Нямц, Нямецкий монастырь. Усилиями господаря в Молдавии утвердились основы независимой церковной иерархии.

Стабильность, спокойствие и экономический прогресс обусловили первый период расцвета Молдавского государства, которое сумело расширить свои границы от Карпат до Черного моря. Петр Мушат содействовал налаживанию дипломатических отношений валашского господаря Мирчи Старого (1386-1418) с Польшей, что свидетельствует о росте международного авторитета правителя Молдавии. О его реальном могуществе говорит еще один факт: в 1388 г. господарь дал взаймы польской короне крупную сумму — 3000 рублей «фряжского серебра», под которую Владиславу Ягайло пришлось заложить пограничную область с Молдавией область (см. Приложение 2, № 2).

Женат был Петр на близкой родственнице своего сюзерена. Исторические источники упоминают двух сыновей господаря — Романа и Ивашко, безуспешно претендовавших на сучавский трон.

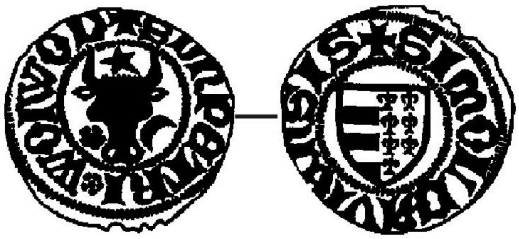
Именно с Петром Мушатом исследователи связывают начало регулярной монетной чеканки в Молдавии. Серебряные деньги, производство которых было налажено в Сучаве, являлись одними из самых добротных в регионе. Благодаря этому качеству, они получили возможность для широкого хождения на рынках. Первые молдавские эмиссии известны по находкам на огромных территориях от Польши и Литвы до черноморского побережья, от Крыма до Югославии. Выпуск полноценных монет стал важнейшим шагом не только к созданию собственно денежного хозяйства, но и обеспечил условия для активного включения страны в международную торговлю.

Уже первые молдавские гроши отличаются чертами, гарантировавшими им оригинальный облик и узнаваемость в течение многих десятилетий и даже столетий. При этом первые денежные выпуски Сучавы характеризуются и присущими только данному эмитенту особенностями. Для лучшего понимания закономерностей и деталей оформления всего разнообразия молдавских монет перейдем к их словесному описанию, которое будут сопровождать изображения отдельных типов[1].

На лицевой стороне монет Петра Мушата в точечном круге всегда изображалась голова тура с лировидно-изогнутыми рогами, между которыми помещена пятиконечная звезда. Рядом с мордой быка расположены розетка и полумесяц, не имеющие четко фиксированного места — строго справа или слева. Иногда вместо розетки на монете изображен цветок лилии, стебелек которого зажат в губах быка. Центральную часть оборотной стороны монет занимает рассеченный треугольный щит. Первое поле этой геральдической фигуры пересекают три, реже четыре, так называемые балки или фасции. Второе поле украшено лилиями, количество которых варьирует от одной до семи. На отдельных экземплярах лилия изображалась и над щитом (Iliescu 1970: 26).

Монеты Петра Мушата на обеих сторонах несут латинские круговые надписи, разделенные на части знаками в виде крестов, розеток, лилий, а также звездами, двоеточиями и т.п. Хотя легенды однотипны, они всегда в большей или меньшей степени сокращены, порой искажены, а иногда частично или целиком даны в негативе — справа налево. Не прослеживается устойчивого употребления в текстах легенд литер W и V . Все это в известной мере затрудняет понимание надписей на монетах. В соответствии с нынешними взглядами специалистов правильное и наиболее полное начертание легенды на аверсе — SIM PETRI WOIWODI, а на реверсе — SI MOLDAVIENSIS. Поскольку SI, SIM на обеих сторонах монет представляют сокращения одного латинского слова SIGILLUM, по-русски легенды следует читать следующим образом: «Печать Петра воеводы» — лицевая сторона и «Печать Молдавская» — оборотная сторона.

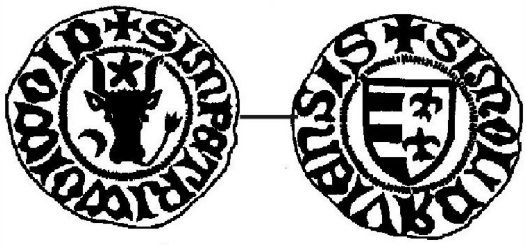
[1] На рис. 1—35 масштаб не указан, поскольку данные о размерах монет разных типов приведены в тексте.

Аверс: + SIMPETRI✱WOIWODA
Реверс: + SIMOLDAVIENSIS

Рис. 1. Грош Петра Мушата с семью лилиями на гербовом щите.

По принятому нумизматами подходу описываемые гроши классифицируют, основываясь на количестве лилий на геральдическом щита оборотной стороны монет. Отмечается, что чаще всего среди находок встречаются экземпляры с двумя лилиями, затем — с семью. Сравнительно редкими являются гроши с тремя — четырьмя лилиями, а с одной могут считаться уникальными (Полевой 1972: 19-22).

Аверс: + SIMPETRIWOIWOID
Реверс: + SIMOLDAVIENSIS

Рис. 2. Грош Петра Мушата с двумя лилиями на гербовом щите.

Однако дело не ограничивается лишь внешними отличиями. За этими формально-типологическими признаками скрыты гораздо более существенные показатели развития монетного производства Молдавского государства времени правления Петра Мушата. С помощью специальных, к сожалению, главным образом визуальных исследований было установлено, что количество лилий на щите прямо связано с добротностью металла, из которого чеканились монеты. Кроме серебра, в денежном производстве уже изначально использовались его низкокачественные сплавы, объединяемые понятием «биллон». В Молдавии известны также медные и субэратные монеты. В последнем случае экземпляры низкого качества намеренно прятались под тонкую серебряную оболочку. Манипуляции с монетным металлом отразились на средних показателях веса и размера грошей разных типов. Обнаружена зависимость между количеством цветков и уровнем исполнения штемпелей мастерами. Общая закономерность такова: с уменьшением числа лилий на щите оборотной стороны ухудшается качество металла, страдает художественное оформление, падает вес при некотором росте размера монет. По имеющимся у нас данным, отрицательная динамика веса составляет примерно от 0,98 до 0,92 г (или в ряде случаев даже больше), а увеличение диаметра монетных дисков — от 18,5 до 20,0 *мм*. Предполагается, что гроши с семью лилиями на щите оборотной стороны чеканились ранее всех других. Затем, вероятно последовательно, выпускались деньги со все уменьшавшимся количеством цветков, то есть экземпляры с двумя и с одной лилиями признаются наиболее поздними.

Известны единичные экземпляры полугрошей Петра Мушата. Они выполнены из серебра и по внешним признакам близки к грошам с семью лилиями. Отличие состоит в полном отсутствии легенд, что обычно для молдавских полугрошей, а также в изображении еще трех лилий — по бокам от щита и над ним. Оформление лицевой стороны полугроша традиционное — голова быка с пятиконечной звездой между лировидными рогами, справа — полумесяц, слева — розетка. Вес монет — 0,22-0,24 г при диаметре 12,0-13,5 *мм* (Petrişor 1986: 180).

Брат и преемник Петра Мушата господарь Роман (ок. 1391-1394) юридически закрепил успехи территориального становления Молдавии XIV в. Он был первым и единственным из обладателей сучавского престола, который именовал себя «великим самодержавным господином, воеводой Земли Молдавской от планины до брегу моря» (DRH.A.-I 1975: 3,5). Этот амбициозный правитель построил первую крепость в городе, получившем его имя, и церковь Св.Пятницы в Романе (Grigoraş 1992: 51).

Подобно брату, он присягнул на верность польскому королю, но затем выступил против Польши, заключив военный союз с правившим в Подолье литовским князем Федором Кориатовичем. Отряды молдавских воинов обороняли многие подольские города. Однако осенью 1393 г. польско-литовские войска великого князя Витовта (1392-1430) силой оружия взяли Брацлав и другие укрепленые пункты региона. Последствия жестокого поражения не заставили себя ждать. Роман был пленен поляками и к 1394 г. надолго исчез с политической арены (Шабульдо 1987: 139-140).

Похоронен господарь в родовой церкви-усыпальнице в Рэдэуць.

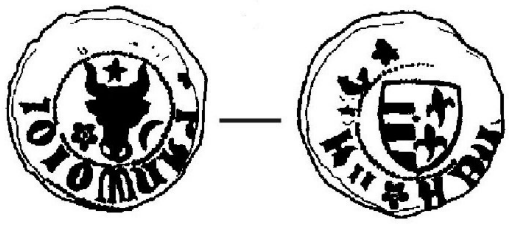
Предполагается, что его жена Анастасия была сестрой Мирчи Старого или представительницей рода Ягеллонов. Роман I оставил после себя пятерых сыновей, из которых трое: Стефан I, Юга и Александр Добрый стали господарями (Gorovei 1986: 689).

В нумизматической литературе названный господарь первоначально считался эмитентом монет, которые теперь относят к Роману II, недолго правившему страной на исходе 40-х гг. XV в. Высказано мнение, что он мог продолжать чеканку денег по старым типам своего предшественника на троне — Петра Мушата (Iliescu 1958: 458), а монеты от собственного имени выпустить, по всей видимости, не успел. Как бы то ни было, до сих пор с Романом I не удалось убедительно связать какую-либо определенную денежную продукцию молдавских монетариев.

Стефан I (1394-1399) — старший из сыновей Романа — также был женат на родственнице Владислава Ягайло и получил трон при поддержке Польши как вассал короны (Gorovei 1986: 691). Уже одно это обязывало его к антивенгерской ориентации. В молдавской грамоте начала 1395 г. общие враги, включая Венгрию, перечислены. При этом прямо указывается на роль польского короля в судьбе господаря: «Посадил нас и сели мы на воеводстве Земли Молдавской» (Грамоти 1974: 126-127). Вскоре отряды Стефана I столкнулись с вторгшимися в страну войсками венгерского короля Сигизмунда Люксембургского (1387-1437) в районе крепости Нямц (Grigoraş 1992: 57). Хотя для молдаван эта кампания складывалась неудачно, известно, что на обратном пути венгерская армия едва избежала полного разгрома. В 1399 г. отряды из Молдавии участвовали на стороне Витовта в битве с ордынцами на р. Ворскла. Битва закончилась почти полным уничтожением армии великого литовского князя, который сам едва спасся, «побежа в мале дружине» (Шабульдо 1987: 149). По всей видимости, именно в этом сражении и погиб молдавский господарь, также похороненный в усыпальнице церкви Св.Николая в Рэдэуць.

Во внутриполитической жизни государства с именем Стефана связывается возобновление активной деятельности господарской канцелярии.

Как установлено исследователями, Стефану I принадлежит один лишь тип монет. Его серебряные гроши повторяют начертания на деньгах того же номинала Петра Мушата с двумя линиями на геральдическом щите (Iliescu 1958: 26).

Аверс: + STEPANWOIWOD
Реверс: + MONETAMOLDA

Рис. 3. Грош Стефана I.

На лицевой стороне монет Стефан I помещен герб Молдавии — голова тура с лировидно изогнутыми рогами. Между рогами животного изображена пятиконечная звезда, справа от его головы — розетка, а слева — полумесяц.

Легенда, порой воспринимающаяся как неполная или ошибочная, начертана латиницей: STEPAN WOIWOD .

На рассеченном геральдическом щите оборотной стороны в первом поле помещены три горизонтальные балки, а во втором — две лилии. Легенда укорочена: MONETA MOLDA.

Хотя в литературе описано мало монет этого господаря, бросаются в глаза расхождения в написании легенд по сравнению с грошами Петра Мушата. Как видим, вместо понятия «печать» появляется новое — «монета», а имя господаря дается не в качестве дополнения; оно становится подлежащим. Отметим, что легенды зачастую имеют отклонения в написании, а их отдельные части разделяются в некоторых случаях точками или розетками. Чрезвычайно интересная разновидность монет Стефана I открыта при исследовании большого клада молдавских монет из Корлэтень. Легенда реверса на них составлена по-немецки: MOLDER LANT или иногда MOLDER LANTI, демонстрируя западное влияние на молдавскую чеканку (Bieltz 1996: 155-156).

При всем недостатке сведений можно за ключить, что средний вес грошей Стефана колеблется ок. 0,80 *г* при диаметре 19,0-20,0 *мм*.

1.2. Эмиссии Александра Доброго (1400-1432), пожалуй, особенно многочисленны и разнообразны по сравнению с монетной продукцией других господарей Молдавии. Сын Романа и Анастасии стал править в стране, победив при поддержке бояр и церкви прежнего правителя Югу. В эту борьбу активно вмешался и Мирча Старый, забравший к себе свергнутого господаря. Однако этот факт не дает ответа на вопрос был ли Юга ставленником Валахии или ее помощью пользовался Александр.

Новый обладатель сучавского престола, продолжив линию своих предшественников, принес вассальную клятву Владиславу Ягайло. Ему довольно быстро удалось стабилизировать обстановку внутри страны (Cihodaru 1990: 82-83), что обусловило новый подъем Молдавского государства. Важным делом Александра Доброго явилась организация государственного совета, позволявшего принимать оптимальные решения по животрепещущим вопросам государственного управления.

Способствуя экономическому развитию Молдавии, господарь неустанно заботился об установлении тесных торговых отношений с соседними странами, особенно с Трансильванией и Польшей (Gorovei 1986: 35—37). В 1408 г.

он издал торговый привилей для львовских купцов — документ правового характера, регламентировавший движение иностранных товаров и таможенные пошлины в подвластных ему землях (см. Приложение 2, № 3).

Александр Добрый всячески покровительствовал местной православной церкви. Его стараниями был улажен давний конфликт с Константинопольской патриархией, основана Рэдэуцская епископия, построен Молдавицкий и заложен Бистрицкий монастыри, возведена каменная церковь в монастыре Нямц. По указанию господаря представители духовенства молдавских городов приняли участие в работе Констанцского собора, рассматривавшего вопрос об унии Западного и Восточного христианства. В самом начале правления Александра в Сучаву помпезно были перенесены мощи замученного ордынцами в Белгороде Св.Иоанна Нового. Молдавия обрела своего национального святого, который был провозглашен защитником господарского престола. Господарь, известный терпимостью к иноверцам, в стремлении укрепить отношения с Польшей разрешил создание в Байе католической епископии (1413 г.). В годы его властвования Молдавия предоставила убежище большому числу гуситов с правом сохранения веры, обрядов и свободой отправления культов (Ciobanu 1985: 15-18; Costăchescu 1932: 605).

Господарь проводил взвешенную внешнюю политику. Именно при нем в основном стабилизировались границы государства: от Дуная до Днестра и от Карпат до Черного моря. Вместе с Мирчей Старым Александру Доброму удалось мирными средствами уточнить пограничные рубежи с Валахией. Несмотря на территориальный спор, молдавскому приходилось неоднократно оказывать военную помощь Польше в борьбе против Тевтонского Ордена (1410, 1411, 1412 и 1422 гг.). И все же в конце жизни Александр организовал военный поход на Польшу. Захватив Галицкую Русь, разрушил города Снятин, Галич, Каменец и, дойдя до Львова, завладел таким образом Покутьем. По некоторым данным этот господарь отразил первые удары турок по Белгороду (Cihodaru 1990: 176—179, 251; Grigoraş 1992: 98—101; Ureche 1956: 73).

Александр был женат четыре раза: на Маргарите из Трансильвавии, молдаванке Анне Някше, вдове Генриха Мазовецкого и сестре великого литовского князя Витовта Римгалии, супружество с которой было расторгнуто из политических соображений. Последней женой господаря стала сестра боярина Братула, Марина. Из девяти сыновей господаря пять владели престолом: Ильяш, Стефан II, Петр II, Богдан II, Петр Арон (Cihodaru 1990: 256—261). Александр Добрый умер 1 января 1432 г. и был погребен в Бистрицком монастыре.

За почти 32-летнее правление этого господаря отчеканено необыкновенно большое для Молдавии количество монетных типов. Речь идет не только о нескольких хронологически отличных друг от друга выпусках со всеми особенностями внешнего исполнения, но и о введении в практику денежного обращения нового монетного номинала. Кроме грошей, уже широко вошедших в обиход рынков Молдовы, с начала XV в. в большем количестве стали чеканить мелкую разменную монету — полугроши. Тогда же распространение получили и более тяжеловесные двойные гроши (Полевой 1972: 35; Iliescu 1970: 26). Наряду с серебром разной добротности, нужно сказать и о всеобщем использовании в качестве монетного металла меди, бронзы, а иногда латуни. В рассматриваемый период обычным делом стала чеканка биллоновых и субэратных денег.

Археологические материалы доказывают, что монеты Александра Доброго являются наиболее частыми находками среди денежной продукции Сучавы. Как показывают нумизматические исследования, типологически разнородная эмиссионная масса заполонила во второй половине правления эмитента всю страну. Это явление еще не вызвало хаоса в монетном деле Молдавии, но явилось его предвестником.

Изучив иконографию достаточно надежно датированных печатей господаря и состав некоторых из открытых на территории Восточного Прикарпатья кладов (в частности, находок из Сучавы), известный румынский нумизмат О. Илиеску выделил шесть основных эмиссионных серий Александра Доброго (Iliescu 1970: 26-28).

Наиболее ранний из монетных типов в общих чертах сходен с обликом грошей Петра Мушата с цветком лилии, стебелек которого зажат в губах тура на лицевой стороне и с двумя лилиями на гербовом щите оборотной стороны (см. рис. 2). Однотипны и легенды, отличающиеся лишь именем господаря: S ALEXANDRI (аверс) и S MOLDAVIENS (реверс).

На лицевой стороне, справа от морды тура, помещена пятилепестковая розетка, между лировидными рогами — пятиконечная звезда, а слева от головы над лилией в ряде случаев имеется полумесяц. Композиция на обороте монеты напоминает полугроши Петра Мушата — справа и слева от щита, а также над ним изображены три лилии. Тип представлен во всех трех номиналах. Двойные гроши, чеканившиеся из серебра, имеют вес 1,30-1,80 *г* и диаметр 22,0-23,0 *мм*. Гроши бывают как серебряные, так медные и биллоновые. Их вес колеблется в пределах 0,58-1,04 *г*, размер монетного диска достигает в диаметре 18,0-19,0 *мм*. Полугроши, как и подавляющее большинство молдавских монет этого номинала, анэпиграфны и весят 0,30-0,56 г при диаметре 12,0-14,0 *мм*. Судя по учтенным экземплярам, они исполнялись только из серебра.

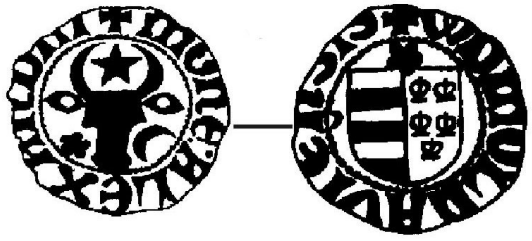
Описанная серия, которая, как можно в том

убедиться, унаследовала черты, свойственные первым молдавским монетам, датируется 1400-1408 гг. Аналогии изображениям лицевой стороны находятся среди сохранившихся оттисков печатей Александра Доброго именно указанного периода (Нудельман 1974: 201; Şimanschi 1980: 155).

Наиболее четким отличительным признаком второго типа является изображение над щитом на оборотной стороне монет рыцарского шлема, передняя часть которого обращена вправо. Вместе с тем, эта эмиссионная серия чем-то напоминает выпуски Петра Мушата с семью лилиями на реверсе и деньги Стефана I. В одном случае, подобия улавливаются в изображении головы быка с тем же размещением сопутствующих атрибутов — розетки, полумесяца, звезды; количестве и схеме расположения лилий во втором поле щита — 4:3, фасциях (см. рис. 1). В другом случае, однотипными оказываются легенды: MONE ALEXANDRI — аверс, WD MOLDAVIENSIS — реверс. Действительно, надпись «монета» встречается впервые на грошах Стефана I (см. рис. 3). Впрочем, монеты этой серии характеризуются и другой, может быть, менее заметной особенностью: на смену треугольному щиту приходит родственный ему прямоугольный, который книзу резко зауживается. Такой вид гербовое поле на оборотной стороне молдавских монет будет иметь на протяжении всего XV в.

Тип представлен серебряными двойными грошами и грошами, причем гораздо чаще встречаются первые. Показательно сравнение с более ранней серией Александра Доброго — двойные гроши стали легче и мельче. Вес экземпляров старшего номинала составляет лишь 1,13-1,24 *г.* при диаметре 20,0-22,0 *мм*. Чеканка полугрошей этого типа твердо не установлена. Считается, что описанная эмиссионная серия произведена в 1408 г.

Третья серия монет Александра Доброго типологически близка второй, однако, на месте шлема над щитом ее выпуски несут изображение пятилепестковой розетки.

Аверс: + MONE:ALEXANDRI
Реверс: + WDMOLDAVIENSIS

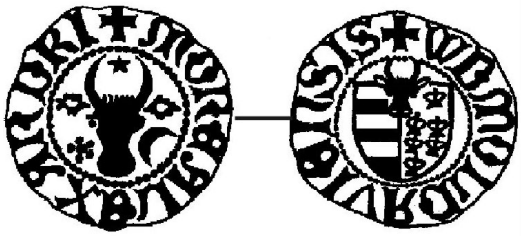
Рис. 4. Грош Александра Доброго 1408 г. с изображением пятилепестковой розетки над гербовым щитом

Монеты названного типа ходили в трех номиналах, которые чеканились из серебра и меди (исключением, по всей видимости, являются гроши, известные только по серебряным образцам).

По наблюдениям исследователей, на двойных грошах и грошах во втором поле гербового щита обычно помещались семь лилий, тогда как на полугрошах — пять. Однако, как видно на рис. 4, не всегда это правило справедливо, по крайней мере, для грошей. Гораздо важнее появление другого признака — рога у быка с этого времени изображаются серповидными, в отличие от известных ранее лировидных. Данная форма будет доминировать на протяжение целого ряда столетий.

Монеты третьей серии обладают следующими весовыми характеристиками и размерами: 1,26-1,80 *г* при диаметре ок. 22,0 *мм* — двойные гроши; 0,75-1,08 *г* и 15,0-18,0 *мм* — гроши; 0,28-0,30 *г* и 11,0-13,0 *мм* — полугроши. Выпуски денег этого типа приходятся на 1409-1415 гг.

Тремя номиналами, причем самыми многочисленными в количественном отношении, выпускались монеты четвертое серии. Отличительным признаком ее является голова быка, изображенная также и на реверсе, над гербовым щитом.

Аверс: + MONEALEXANDRI
Реверс: + WDMOLDAVIENSIS

Рис. 5. Двойной грош Александра Доброго 1415-1430 гг. с изображением головы быка над гербовым щитом

Во втором поле щита на двойных грошах помещено шесть лилий, хотя зачастую, прежде всего на грошах и полугрошах, их было лишь пять. Нередко на оборотной стороне рядом со щитом имеются и другие знаки, например, ключ, отдельные буквы и монограммы. Эти детали хорошо различимы на изображении анэпиграфного полугроша данной серии. Любопытно, что второстепенные элементы, помещающиеся обычно на аверсе, — розетка и полумесяц — дублируются и на реверсе.

Исследователям известны монеты описываемого типа, отчеканенные как из серебра, так и из меди. Встречаются субэратные и биллоновые экземпляры. Закономерность состоит в том, что деньги более мелких номиналов выпускались из дешевых сплавов чаще, нежели крупных.

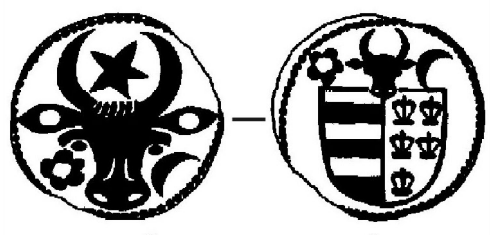
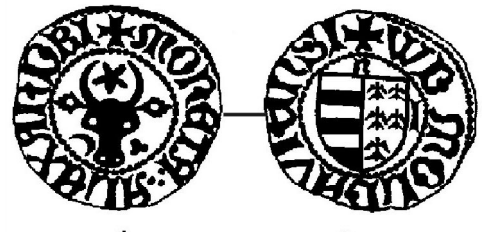

Рис. 6. Полугрош Александра Доброго 1415-1430 гг.

Согласно имеющимся сведениям, двойные гроши серии колеблются в весе от 1,10 до 1,80 *г* при диаметре 19,5-22,0 *мм*. Гроши имеют соответственно 0,75-1,08 *г* и 15,0-17,0 *мм*, а полугроши — до 0,42 *г* и 13,0-14,0 *мм*. Предполагается, что все эти деньги пущены в оборот между 1415-1430 гг.

Пятый тип монет Александра Доброго сходен во многом с предыдущим, но вместо головы быка над щитом помещены различные буквенные обозначения (реверс). Другие элементы изображения, вроде подобия трехлепестковой розетки на лицевой стороне, не столь важны.

Аверс: + MONETA.·.ALEXANDRI
Реверс: + WDMOLDAVIENSI

Рис. 7. Грош Александра Доброго 1430 г. с буквенными обозначениями у геральдического щита.

Предполагается, что литеры «К» помещались на двойных грошах, «I» — на грошах, а «N» и «Г» — полугрошей. Вмес е с тем среди находок иногда попадается экземпляры с другими буквами на реверсе. Так отмечены полугроши, на которых рядом со щитом обозначена литера «А», возможно, передающая имя господаря — «Александр».

В нумизматической практике встречаются как серебряные, так и медные монеты каждого номинала. При этом медь в основном шла в производство полугрошей, которые наиболее многочисленны и наименее ценны. Вес двойных грошей описанной серии достигает 1,13 *г*, а диаметр — 23,0 *мм*. Обычный вес грошей от 0,75 до 1,08 *г* при размере 15,0-18,0 *мм*. Полугроши более всего колеблются в весе — от 0,30 до более 1,00 *г*, имея диаметр 12,0-14,5 *мм*. Выпуск монет пятого типа относят к 1430 г.

Самый поздний из денежных чеканов Молдавии, осуществленных от имени Александра Доброго, представлен исключительно серебряными двойными грошами, а также полугрошами. Иконография аверса этого монетного типа в общих чертах следует хронологически более ранним сериям (начиная со второй), а особенности эмиссии хорошо прослеживаются по изображениям реверса. Во втором поле традиционного геральдического щита в данном случае помещено семь лилий, над щитом — корона, увенчанная тремя лилиями. Иногда рядом со щитом имеются буквенные обозначения.

По имеющимся материалам можно установить, что двойные гроши серии весят в пределах 1,26-1,49 *г* и имеют диаметр 21,0-22,0 *мм*. Последний, шестой тип монетной продукции Александра Доброго датируется 1431 г (Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 69-71).

1.3. Монеты Ильяша (1432-1442) и Стефана II (1433-1447) — сыновей Александра Доброго — также отличаются большим разнообразием. Старший из братьев Ильяш (род. 1409 г.) занял сучавский престол сразу же после смерти отца. Он и открыл эпоху долгих неурядиц внутри страны. Сражаясь за власть, Ильяш в течение десяти лет трижды восседал на троне, то теряя его, то добывая вновь. Став во главе страны, новый господарь наладил добрососедские отношения с правителем Валахии Александром Алдя (1431-1436) и установил льготные таможенные пошлины для торговцев из Брашова (Cihodaru 1990: 250; Grigoraє 1992: 94). Ильяш, долгое время живший и воспитывавшийся при дворах короля Польши Владислава Ягайло и великого князя литовского Витовта, довольно быстро заключил соглашение с королевством против татар. Кроме того, он отдал Покутье полякам, аннулировав долг короны в 3000 рублей серебром, взятый еще у Петра Мушата (Ureche 1956: 74). Как полагают, этот шаг стал причиной или, скорее всего, поводом для вспышки кровавой вражды между братьями.

В результате военной победы над отрядами Ильяша Стефан II (род. 1411 г.), которого поддерживал претендент на валашский престол Влад Дракул (1435-1439, 1441-1446), стал господарем. В дальнейшем он занимал сучавский трон еще три раза. Стефан II в конечном счете также принес клятву верности польской короне и в свою очередь официально отказался от претензий на Покутье. При нем Молдавия подтвердила торговые привилегии купцов Львова (Costrchescu: 667-670).

Лишенный власти Ильяш жил некоторое время изгнанником под домашним арестом в Польше. Несколько раз ему удавалось убегать из-под стражи и вступать в борьбу с братом.

Однако удача была не на его стороне. Правда, в 1434 г. в условиях стремительного экономического упадка страны под давлением населения страны произошло временное примирение братьев-соперников. В течение нескольких лет — 1435-1442 гг. — Ильяш и Стефан II являлись соправителями (Grigoraş 1992: 113-125). Этот период достаточно ясно отразилось в документах того времени, в частности грамотах (DRH.A-I 1975: 202-313). Ильяш передал брату южную часть Молдовы — волости Килия, Васлуй, Бырлад, Текуч (Costrchescu: 681-632). В 1438 г. мир между братьями пошатнулся. Стефан самочинно захватил Белгород, став единоличным правителем приднестровского центра стратегического значения. Здесь в 1440 г. по его указу проводились восстановительные работы в крепости, что засвидетельствовано установленной на одной из ее стен греческой надпись (Мурзакевич 1850: 481; Bogdan 1907-1908: 320).

В 1442 г. хрупкое «согласие» окончательно рухнуло. В ходе вспыхнувшей с новой силой вражды в 1444 г. младший из братьев схватил и ослепил старшего. Спустя некоторое время погиб и сам Стефан II.

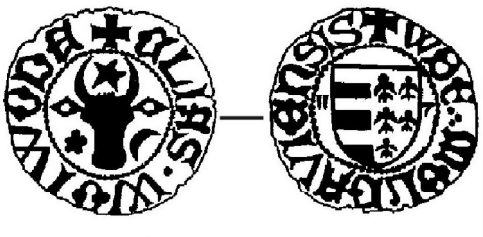
Ильяш умер в 1448 г. в Польше. Он был женат на Марии, дочери князя Андрея Гольшандского, сестра которого Софья являлась женой Владислава Ягайло. Сыновья Ильяша и Марии — Роман II и Александр II в середине XV в. на короткое время становились господарями Молдавии. О наследниках Стефана II и его жены Марии Лимбэдулче сведений нет. Могила Стефана находится в Нямецком монастыре (Gorovei 1991: 46-49).

Разумеется, сложные перипетии политической борьбы, развернувшейся вокруг сучавского престола в 30-х — 40-х гг. XV в., не могли не сказаться на характере молдавской чеканки. Внешний облик монет этого времени типологически очень интересен. С одной стороны, известные типы денег демонстрируют связь с традициями предшествующего этапа, а с другой — новые влияния, явно иноземного происхождения.

Эмиссионная деятельность Ильяша изучена, как представляется, слабо. Особенно недостаточно разработана хронология отдельных типов. Хотя количество известных разновидностей монетных выпусков этого господаря велико, далеко не всегда удается установить их генетическую взаимозависимость (Iliescu 1970: 29-31; Нудельман 1974: 202; Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 73-74).

Наиболее ранние монеты, отчеканенные в Сучаве от имени господаря Ильяша, представляют серебряные гроши чрезвычайно близкие по иконографии, пятой серии Александра Доброго, датируемой 1430 г.

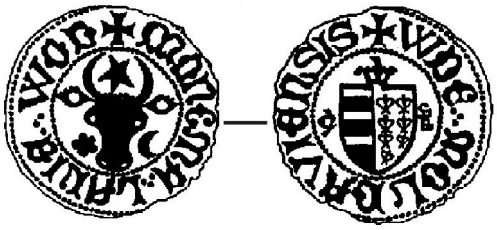
Легко убедиться (ср. рис. 7 и 8), что самым существенным отличием монетных типов являются легенды. Судя по имеющимся данным, описываемые монеты Ильяша характеризуются весом 0,65 *г* и диаметр 18,0 *мм*. Высказано предположение о их чеканке в самом начале правления господаря или, может быть, еще при жизни Александра Доброго, когда в последние годы его властвования старший сын был официально признан соправителем отца.

Аверс: + ELIAS.WOIWODA
Реверс: + WDE.·.MOLDAVIENSIS

Рис. 8. Грош Ильяша с буквенными обозначениями у геральдического щита, близкий эмиссиям Александра Доброго 1430 г.

Еще один тип монет Ильяша во многом повторяет шестую серию 1431 г. с изображением кор ны над геральдическим щитом на реверсе. Он представлен серебряными двойными грошами весом 1,30-1,50 *г* и диаметром 20,0-22,0 *мм*. Монеты датируются 1432 г.

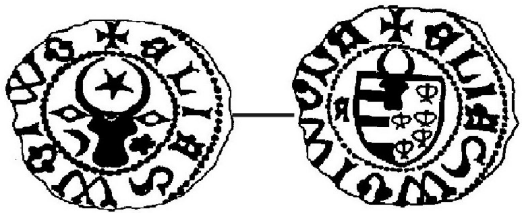

Аверс: + MONETA.·.HELIE.·.WOD
Реверс: + WDE .·.MOLDAVIENSIS

Рис. 9. Двойной грош Ильяша 1432 г. с изображением короны над геральдическим щитом, близкий эмиссиям Александра Доброго 1431 г.

Третья серия денег Ильяша также восходит к прототипам отцовской чекан, и четвертый тип — 1415-1430 гг., с изображением головы быка над щитом обортной стороны (см. рис. 5-6). Это серебряные гроши, вес которых колеблется от 1,00 до 1,44 *г* при диаметре 16,0-20,0 *мм*. Их датируют 1432-1433 гг.

Вопреки тому, что с монетными эмиссиями Ильяша многое остается неясным (скажем, причины двоякой передачи имени HELIE и ELIAS), нет сомнений в суммарной датировке монет описанных трех выпусков. Все они отчеканены не позднее истечения времени первого правления господаря, продолжавшегося с 1 января 1432 г. по сентябрь 1433 г.

Аверс: + ELIASWOIWO
Реверс: + ELIASWOIWODA

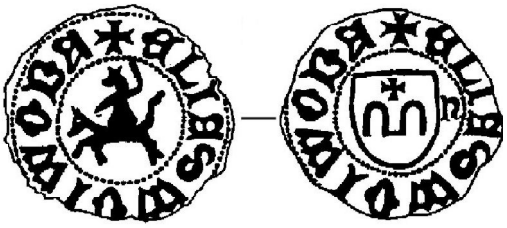
Рис.10. Грош Ильяша 1432-1433 гг. с изображением быка над щитом, близкий эмиссиям Александра Доброго 1415-1430 гг.

Следующий тип монет, как полагают, связан со вторым пребыванием эмитента на троне: с 5 августа 435 г. по 8 марта 1436 г. К нему принадлежат медные гроши, в том числе и субэратные экземпляры. В основном, чеканка данного выпуска является продолжением типологических особенностей молдавской монетной системы, сложившейся в предшествующие десятилетия. На аверсе грошей изображена голова быка с розеткой справа и полумесяцем слева, но между рогами животного красуется корона. Последний элемент и отличает эту серию от других, поскольку реверс выдержан в обычном стиле: рассеченный гербовый щит с тремя балками в первом поле и семью лилиями — во втором. Легенды обеих сторон тождественны и также хорошо известны: ELIAS WOIWODA . Вес грошей — 1,40-1,60 *г*, а размер монетного диска составляет 20,0-21,0 *мм* в диаметре.

Нумизматам издавна попадаются экземпляры из еще двух родственных друг другу и не совсем обычных эмиссионных серий того же господаря. На монетах одной из них при традиционном оформлении лицевой стороны (голова быка со звездой между рогами, розетка — справа, полумесяц — слева) и легендах, как у предшествующего типа, совершенно неожиданно выглядит фигура на щите оборотной стороны. В его поле помещен рисунок, напоминающий две соединенные подковы или перевернутую греческую букву «омега». В одной из недавних работ он именуется «трезубцевидным эллиптическим знаком» (Nicolae 1996: 189, fig. 1-1b). Над этим странным изображением по центру, как бы между «подковами», находится прямой равносторонний крест. На реверсе монет, над щитом или рядом с ним встречаются монограммы и изображения некоторых предметов, например, господарского жезла.

Тип известен по двум номиналам, из которых более крупный — грош — чеканился в серебре и меди, в то время как полугроши зафиксированы лишь по медным экземплярам. Нумизматические измерения определяют вес грошей в 1,00-1,20 *г*, а их диаметр — 18,0-20,0 *мм*. Анэпиграфные полугроши весят лишь 0,24-0,30 *г*, не превышая в диаметре 12,0-14,0 *мм*. Эти монеты принято датировать 1436-1442 гг.

С описанный типом генетически связаны медные гроши с аналогичным исполнением реверса. Что касается аверса, то изображение на нем всадника принципиально отдаляет данную серию от традиционной типологии монет Молдавского средневекового государства, сохраняя присущие ей черты лишь в общих принципах построения композиции изображений и в легендах.

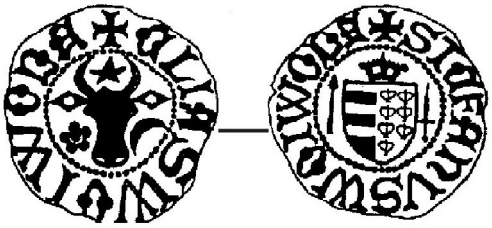
Аверс: + ELIASWOIWODA
Реверс: + ELIASWOIWODA

Рис.11. Грош Ильяша с изображением всадника и подковообразными знаками на гербовом щите.

Нельзя не обратить внимание на способ передачи фигуры изготовившегося к бою, скачущего конного воина. Рисунок сделан совсем по-варварски — примитивно и грубо. Кроме того, исследователей всегда поражал вид головы всадника, которую трактовали весьма оригинально, считая ее то волчьей, то собачьей. В последние годы это загадочное изображение воспринимается как боевой шлем, в виде головы какого-то грозного зверя, может быть даже быка. Монеты Ильяша описанного типа имеют вес 0,90-1,10 *г* и диаметр 19,0-20,0 *мм*. Предполагается, что чеканка пятого типа относится к самому концу самостоятельного правления Ильяша — 1434-1435 гг. Не исключена связь столь странной для Молдавии монетной символики с пропольскими настроениями господаря. Иконография обеих сторон демонстрирует несомненную близость широко известным эмблемам Ягеллонов: всадник — «погонь» и перевернутая омега — «колюмны» (см. Kiersnowski 1988: 11-30). Показательно, что сходные очертаниями с польско-литовскими геральдическими знаками изображения оказались воплощенными в сочетании друг с другом на одном монетном типе средневековой Молдавии.

Ильяш и Стефан II за время своего совместного правления выпустили только один тип монет, который в общих чертах следует денежной эмиссии Ильяша 1432 г. (см. рис. 9). Интересными элементами изображений описываемого типа являются помещенные рядом со щитом на реверсе булава и меч (шпага). Нумизматические находки отмеча-

ют два номинала этих монет — серебряные и биллоновые двойные гроши, а также медные гроши.

Аверс: + ELIASWOIWODA
Реверс: + STEFANVSWOIWODA

Рис.12. Двойной грош Ильяша и Стефана II

Деньги более крупного номинала весят в пределах 1,20-2,60 *г* при диаметре 20,0-21,0 *мм*. Гроши же обладают весом 1,48 *г* -1,72 *г* и размерами, колеблющимися около 19,0 *мм*. Чеканка монет с именами братьев-соправителей велась где-то в промежутке с 8 марта 1436 г. по начало августа 1442 г.

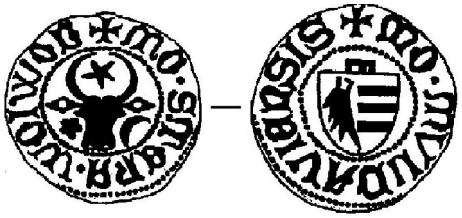
Нумизматические материалы позволяют отнести еще несколько монетных типов к выпускам, сделанным в Сучаве от имени самого Стефана II. К сожалению, большинство вопросов истории монетного дела времени властвования этого господаря также не имеют однозначных ответов. Отсюда определение выпусков затруднено не меньше, чем в случае с чеканкой Ильяша.

Представляется, что первые монеты Стефана II типологически близки эмиссиям его старшего брата. В частности зафиксированы серебряные и медные деньги двух номиналов (двойные гроши и полугроши) по типу двойных грошей Ильяша 1432 г. с короной над геральдическим щитом (см. рис. 9). Отличаются эти экземпляры лишь легендами. Более крупный номинал известен по экземплярам весом 1,12-1,51 *г* и диаметром 19,0-21,0 *мм*. Для полугрошей отмечены вес 0,36 *г* и размер 13,0 *мм*.

Другой тип близок к описанному, но корона над щитом отсутствует. На ее месте в ряде случаев изображены другие знаки. В таком стиле отчеканены гроши: серебряные, биллоновые. Попадаются и субэратные экземпляры. Образцы названной эмиссионной серии имеют вес 1,22-1,34 *г* и диаметр 19,0-20,0 *мм*. Считается, что деньги обоих типов произведены в первое правление Стефана II — с октября 1433 г. по 5 августа 1435 г.

Остальные выпуски монет, чеканенные от имени данного господаря, относятся уже к 40-м гг. XV в. Тогда после нескольких лет относительно мирного разделения власти между старшими сыновьями Александра Доброго, Стефан II устранил силой Ильяша и вновь стал единолично править в Молдавии. Все типы этого времени отмечены существенными изменениями изображений на реверсе. Они еще более отдалены от традиций, поддерживавшихся в конце XIV — первой трети XV вв.

Одну из таких серий характеризует еще не вполне понятый элемент на геральдическом щите, изображающий не то растение, не то крыло.

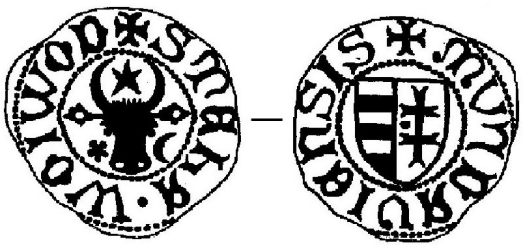
Аверс: +MO·STEFA.WOIWOD
Реверс: +MO·MVLDAVIENSIS

Рис. 13. Грош Стефана II с изображением крыла (?) на геральдическом щите

Необычно само по себе оформление реверса. Новая фигура, которой, очевидно, придавалось большое значение, помещена в правое главное поле геральдического щита, а привычные фасции оказались на второстепенных ролях. В изображении над щитом, судя по всему, следует усматривать корону. Таким образом, ключевое изображение в геральдической композиции оборотной стороны очевидно, но дать ему определение и, тем более, толкование трудно. По некоторым признакам в нем можно было бы усматривать шлем, хотя такой формы достаточно ординарный компонент герба нам более нигде не встречался. Обращает на себя внимание и особенности редакции легенды, в которой название страны написано через латинское «U», совпадавшее по начертанию с «V». Тип известен по биллоновым грошам и полугрошам. Весовые характеристики грошей колеблются около 1,22 *г*, а диаметр — около 20,0 *мм*. Данные о весе полугрошей, для которых отмечен размер монетных дисков до 13,0 *мм*, отсутствуют.

От имени Стефана II, видимо, выпущены гроши с двойным крестом во втором поле щита, который впервые в истории монетного дела Молдавии оказался рассеченным асимметрично.

Так же, как и в предыдущем случае, название страны написано не через «O», а через «U». Что касается двойного креста, то он часто именуется в литературе «литовским» и имеет прямые соответствия в геральдике Ягеллонской династии. Монеты описанного типа чеканились из серебра, биллона и меди. Имеющиеся находки при диаметре 18,0-20,0 *мм* характеризуются сильно варьирующим весом — в пределах 0,70-1,79 *г*.

Аверс: +STEFA·WOIWOD
Реверс: +MVLDAVIENSIS

Рис. 14. Грош Стефана II с изображением двойного креста на гербовом щите

Стефану II, очевидно, принадлежит и другой тип монет с оригинально оформленным реверсом. В этом случае на гербовом щите в его верхней п ловине помещен знак в виде буквы «М». Отмеченный символ перекрещивается с мечом (шпагой?), клинок которого направлен острием вверх. Этот знак интерпретируется и как стилизованный перевернутый трезубец с крестом сверху (Nicolae 1996: 190, fig. 1-6b). Справа от щита иногда изображен ключ. Об истинном смысле этой символической картины говорить трудно, поскольку аналогии ей в молдавской чеканке отсутствуют. Гроши с аверсом описанного вида чеканились из серебра, биллона и меди, а полугроши — из серебра и биллона.

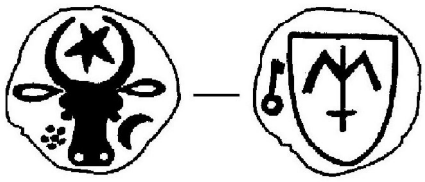

Рис.15. Полугрош Стефана II с изображением знака «М» и клинка на геральдическом щите.

Сведения о монетных находках позволили определить вес грошей данного типа — 0,70-0,82 *г* и размер — около 18,5 *мм* в диаметре. Для полугрошей эти показатели соответственно равняются 0,32-0,43 *г* и 10,0-14,0 *мм*.

Монетной деятельности Стефана II обязана своим выпуском еще одна серия грошей и полугрошей. Ее типологически значимыми чертами считаются изображения на аверсе возле рогов быка кружков или, вернее, шаров, а также розетка над щитом реверса. Гроши имеют вес 1,42-1,44 *г* и размер 17,5-18,0 *мм*. Чеканились они из биллона и меди. Биллоновые и субэратные полугроши достигают веса 0,80-0,84 *г* и диаметра 13,0-14,0 *мм*.

Монеты последних четырех типов производились в Молдавии, по всей вероятности, в течение примерно пяти лет — с августа 1442 г. по 13 июля 1447 г. Однако, в этой связи возникает немало вопросов, особенно поскольку у Стефана II в те же годы был, как полагают историки, соправитель. Речь идет Петре II, с деятельностью которого связаны отдельные эмиссионные серии.

1.4. Монетные типы молдавских господарей середины XV в. знаменуют нарастание разрыва с традициями, сложившимися при появлении денег сучавской чеканки. В борьбе, которую вели за трон сыновья и внуки Александра Доброго, некоторые из господарей едва успевали заявить о себе выпуском монет. Эта продукция чаще всего характеризуется низким качеством как с точки зрения добротности монетного сплава, так и уровня художественного исполнения.

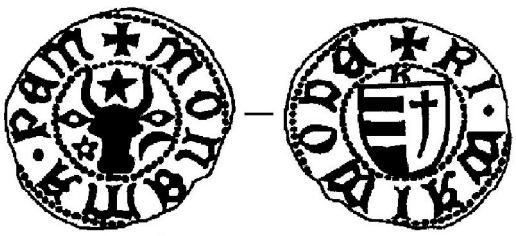
Малолетний Петр II (род. 1422 г.) сразу после смерти отца был лишен возможности участия в государственных делах и нашел убежище в Трансильвании. За помощь в низложении Ильяша Стефан II признал его наследником престола. Установлено, что Петр II занимал трон три раза в 1443-1449 гг. Причем первоначально он делил власть со Стефаном II, затем — с Романом II и только напоследок примерно на протяжении одного года (до второй половины марта 1449 г.) руководил страной самостоятельно (Gorovei 1991: 49—50; Ureche 1956: 77-78). Известно, что в 1447 г. он выдал в крепости Цецин благодарственную грамоту Дитриху Бучацкому, на поддержку которого рассчитывал. Однако, не получив желанной опоры, претендент на господарский престол бежал в Трансильванию под защиту правившего всей Венгрией Яноша Хуньяди (Янку де Хунедоара, 1441-1456 гг.). Петр II женился на его сестре, несмотря на то, что невеста годилась в матери молдавскому беглецу: он стремился таким способом получить надежное покровительство влиятельного правителя. По той же причине в руки венгров была передана дунайская Килия — стратегически важная крепость на пути османской экспансии (Ureche 1956: 77; Gorovei 1991: 50; Pall 1965: 620). Когда в 1448 г. турецкие войска разгромили армию Яноша Хуньяди на Косовом поле, оставшийся без помощи могущественного родственника Петр II вновь удалился из Молдавии в Трансильванию. Там он вскоре и умер (1449 г.).

Один из трех выпусков, относимых нумизматами к чеканке Петра II, отличается присутствием во втором поле геральдического щита двойного креста с рассеченными концами (см. рис. 14). Легенда этих монет целиком не восстанавливаются, но на реверсах отдельных экземпляров как будто бы удается прочитать имя эмитента — PETRVS. Тип известен по биллоновым грошам весом около 0,90 *г* и диаметром 18,0 *мм*. Кроме того, отмечены серебряные и биллоно-

вые полугроши (вес — 0,30-0,48 *г*, размер — 12,0-14,0 *мм*).

Другая серия также характеризуется особенностями оформления реверса. Справа на рассеченном щите изображены две соединенные друг с другом лилии, а три балки помещены слева. Не исключено, что выдвинутые в главное поле геральдического щита сдвоенные цветы лилии символизируют некое благородное единение — намек на родство и союз с Яношем Хуньяди? Другая особенность оборотной стороны — изображение короны над щитом. Хотя и в данном случае легенды полностью не реконструируются, на лицевой стороне монет можно разобрать: ...WOPETR... На реверсе иногда читается менее понятное: MWAIWO...PETR... Гроши этого типа чеканились из биллона и меди (известны и субэратные экземпляры), а полугроши — вероятно из серебра. Изученные монеты показывают для грошей вес 1,10 *г* и диаметр 20,0 *мм*; для полугрошей — 0,50 *г* при диаметре 14,0 *мм*.

Из денег, идентифицируемых с деятельностью Петра II, лучше других известны монеты, отличительным признаком которых является наличие во втором поле щита изображения пики, кинжала или шпаги. Специфична и легенда, начинающая на аверсе и заканчивающаяся на реверсе. Эти особенности хорошо видны на рис. 16, где двойной грош такого типа имеет знак в виде буквы «К» над щитом.

Аверс: + MONETA·PET
Реверс: + RI·WAIWODE

Рис. 16. Двойной грош Петра II с сабельным клинком в левом поле геральдического щита

Известны и меньшие номиналы — грош и полугрош, которые сохраняют присущие типу основные черты.

Двойные гроши, судя по учтенным нумизматами экземплярам, выпускались из серебра и биллона. Зафиксированные показатели веса и размера — 1,48 *г* и 21,0-22,0 *мм*. Гроши производились из серебра: вес — 0,92-1,00 *г*; диаметр — 18,0-20,0 *мм*. Среди полугрошей известны биллоновые и медные образцы, вес и размер которых соответственно колеблется в пределах 0,48-0,76 *г* и 13,0-14,0 *мм*.

Следует указать, что полной уверенности в правильности атрибуции этих монетных типов нет. Высказывались мысли о их возможной принадлежности правившему в стране несколько позже господарю — Петру Арону.

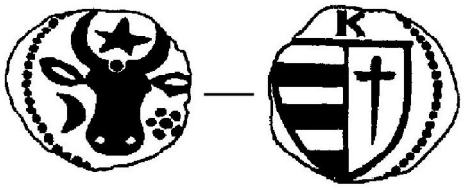
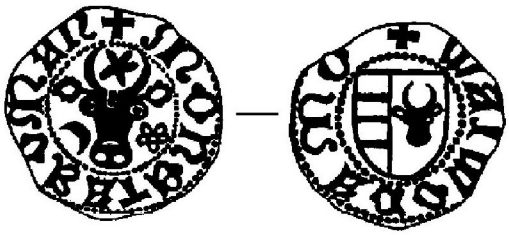

Рис.17. Полугрош Петра II с клинком в левом поле геральдического щита.

С пребыванием на господарском престоле сына Ильяша Романа II (род. в 1427 г.) историкам далеко не все ясно. Предполагается, что первоначально он выступал в роли соправителя Петра II, а затем примерно полгода (с сентября 1447 г. по февраль 1448 г.) властвовал в стране сам. В борьбе за трон, после взятия Сучавы, он в отместку за ослепление отца убил у крепости Нямц Стефана II (Xenopol 1986: 140—141; Minea 1932—1933: 293). Сохранилась грамота Романа II, утверждавшая льготы брашовских купцов в молдавской торговле, полученные ими от Александра Доброго (Costrchescu 1932: 731-732). Тем не менее, уже в начале 1448 г. Роман II оказался беглецом в Коломые, где искал спасения у семейства Бучацких. Там же вскоре господарь и был отравлен, по-видимому, в результате происков его противника, Петра II.

О кратковременном пребывании на сучавском престоле Романа II свидетельствует, похоже, единственный тип монет (Iliescu 1970: 31). Его отличают изображение быка в левом поле гербового щита и имя эмитента, помещенное в легенде аверса (рис.18). В ряде случаев довольно безграмотная надпись на оборотной стороне читается как WAIWODA MOL, что позволяет с большой долей уверенности видеть в сокращении из 2-3 последних букв этой легенды начало названия страны — MOL или MO.

Аверс: + MONETAROMAN
Реверс: + WAIWODAMO

Рис.18. Грош Романа II

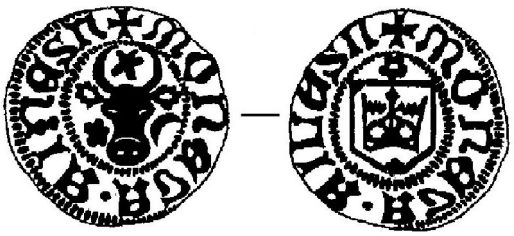
Помимо грошей, господарь Роман II выпустил и полугроши того же типа. Оба номинала

чеканились из серебра, биллона и меди. Гроши весят от 0,88 до 1,26 *г* и имеют размеры от 18,5 до 21,0 *мм* в диаметр. Для полугрошей эти показатели составляют 0,50-0,72 *г* и 13,0-14,0 *мм*.

Другой сын Ильяша, Александр II (известен под именами Олехно, Александрел) за короткое время 1449-1455 гг. трижды занимал господарский престол. Впервые он оказался у власти в 13-летнем возрасте, после смерти его дяди Петра II. Юному Александру II пришлось вести тяжелую борьбу с добивавшимися трона братьями отца — Богданом и Петром Ароном (Gorovei 1970: 52-54). Хотя каждому из них и удавалось оттеснить племянника от управления страной, Александрел на какое-то время все же занял крепости Нямц и Белгород, где несли службу верные ему пыркалабы (Bogdan 1907-1908: 327). Лишившийся поддержки оставивших его поляков, Александрел искал сближения с Яношем Хуньяди, подтвердил торговый привилей своего деда Александра Доброго, выданный купцам из земли Бырсы. Сохранилось несколько грамот, изданных от имени этого господаря в 1452 г.

По некоторым сведениям, Александр II в 1454 г. отбил атаку османов на Белгород, защитив Молдавское государство от опасного врага. Побежденный Петром Ароном, он провел свои последние дни в городе на Днестровском лимане. Есть основания думать, что причиной болезни и смерти Александрела стало отравление.

К кратковременным — от нескольких месяцев до полутора лет — правлениям Александра II нумизматы относят два типа монет (Iliescu 1970: 31-32). Одна эмиссионная серия представлена грошевым и полугрошевым номиналами из биллона и меди. Ее характерным элементом изображения является корона, занимающая практически все поле геральдического щита. Исследователи указывают на необычность формы щита, не свойственную символике молдавских монет, и типологическую близость короны польским традициям.

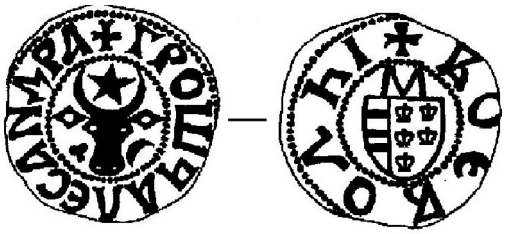

Аверс: + MONETA.AILESN
Реверс: + MONETA.AILESN

Рис.19. Грош Александрела с изображением короны на гербовом щите

Прочтение надписи, одинаковой для обеих сторон, нужно считать гипотетическим, поскольку существует другое, может быть более правильное, понимание легенды: MONETA ALESA. Характерной чертой изображения оборотной стороны является и пятилепестковая розетка над щитом. Гроши данного типа весят 0,89-1,15 *г* при диаметре 19,0-20,0 *мм*, а у полугрошей те же показатели зафиксированы соответственно — 0,58 *г* и 13,0 *мм*.

Более неожиданным по своему оформлению оказывается другой тип монет того же господаря. Его главным отличительным признаком является славянская легенда, впервые примененная в истории монетной чеканки Молдавии.

Аверс: + ГРОШЬАЛЕСАNДРА
Реверс: + ВОЕВОДЫ

Рис. 20. Грош Александра II со славянской легендой

Щит на реверсе монеты украшен в первом поле тремя геральдическими балками, а во втором, которое больше первого, пятью лилиями. Над щитом помещен знак в виде буквы «М». В легенде монеты обозначен ее номинал — «грош». Это очень редкое для средневековой Молдавии явление.

Необходимо указать и на разночтения легенды. Румынские нумизматы предлагают такой вариант осмысления надписи реверса: ВОЕВОДАГ, предполагая, в последней литере — «Г» — начальную букву слова «господарь». Нам думается, что надписи обеих сторон составляют одну продолжающуюся легенду: «Грош Александра воеводы».

Гроши серии чеканились из серебра и биллона при весе 0,72-1,10 *г* и диаметре ок. 17,0-19,0 *мм*. Кроме того, известны полугроши: вес — 0,62 *г*; диаметр — 13,0 *мм*.

Четвертый, незаконнорожденный сын Александра Доброго Богдан II занимал сучавский престол около двух лет — 1449-1451 гг. Он стал господарем после поражения войска Александрела у с.Тэмэшень близ Романа (СМЛ 1976: 25). Несколько раз Богдан II отбивал вторжения поляков, поддерживавших его соперника. В 1450 г. он одержал над ними убедительную победу при Красне. Устанавливая тесные отношения с Трансильванией, господарь выдал гарантии брашовским купцам на свободную торговую деятельность в стране. Благодаря благосклонному отношению властей к гуситам,

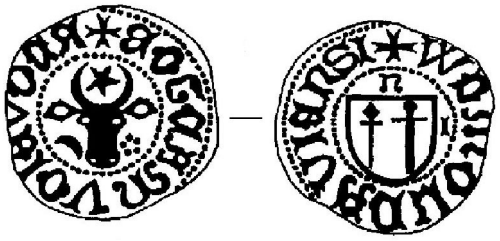
именно со времени правления Богдана II Байя стала крупнейшим центром чешских иммигрантов в Молдавии.

В октябре 1451 г. Богдана II обезглавил Петр Арон. Он был похоронен на месте своей гибели в с.Рэусень (Gorovei 1991: 51; Ureche 1956: 81-82).

Богдан II был женат на Марии Олте, сестре боярина Влайку Галеша. От их брака родился Стефан Великий, который взял власть в стране спустя шесть лет после смерти отца.

За время своего пребывания на троне Богдан II выпустил в обращение единственный тип монет двух номиналов — гроши и полугроши. Чеканились они из серебра, которое в ряде случаев было очень низкопробным. По этой причине монетный сплав справедливо считать биллоном.

Лицевая сторона монет Богдана II исполнялась в традиционном стиле, зато на щите реверса помещены изображения булавы и меча, отличающие изображения на деньгах данного эмитента от продукции других молдавских господарей. Над геральдическим щитом и рядом с ним отмечено присутствие латинских литер.

Аверс: +BOGDANVOIEVODA
Реверс: +WDMOLDAVIENSI

Рис. 21. Грош Богдана II.

По рисунку видно, что легенда аверса начертана несколько своеобразно — буквы B и D повернуты влево, а вместо N стоит знак больше напоминающий M.

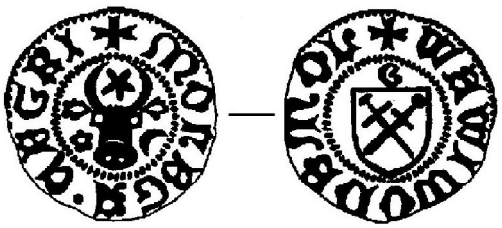
Гроши, выпущенные Богданом II, весят 0,80-1,10 *г* при диаметре 16,0-22,0 *мм*. Полугроши — соответственно 0,60 *г* и 12,0-13,0 *мм*. Следует подчеркнуть, что экземпляры монет с диаметром около 22,0 *мм* дают основания исследователям для постановки вопроса о чеканке денег еще одного номинала Богдана II — двойных грошей.

Петр Арон — младший и также незаконный из известных сыновей Александра Доброго — за короткий срок (1451-1457 гг.) становился господарем три раза (Gorovei 1991: 53-54). Его основными соперниками в борьбе за трон являлись Богдан II и Александрел. Дважды его правление прерывалось приходом к власти Александра II. Петр Арон стал первым молдавским господарем, который заплатил дань султану в сумме 2000 венгерских золотых дукатов. Эти деньги были доставлены в Стамбул одним из его советников — Миху логофетом (Panaitescu 1952: 197, 198).

В 1457 г. Петра Арона изгнал из страны Стефан III Великий. В течение ряда лет бывший господарь обретался в Польше и Трансильвании. Его попытки вновь завладеть престолом провалились. В итоге его схватили и казнили в 1470 г. по приказу Стефана Великого, покаравшего смертью убийцу своего отца (Ureche 1956: 110; Cihodaru 1954: 15).

В плане развития международных экономических связей Петр Арон подтвердил привилей брашовян на коммерческую деятельность молдавских землях (Costăchescu 1932: 788—791, 796) и заключил торговый договор с османами. В соответствии с последним соглашением купцы из Белгорода получили право вести дела в черноморских портах, наряду с представителями Польши и Италии. Суда из Молдавии стали совершать рейсы в Средиземноморье (Iorga 1924: 105—106, 113). Важны преобразования Петра Арона в денежном хозяйстве страны. В конце своего правления он начал денежную реформу, заменяя неполноценные монеты новыми, отчеканенными из добротного серебра.

Наиболее ранний тип эмиссии представлен экземплярами из серебра, биллона и меди (Iliescu 1970: 32, 33). Деньги исполнены в грошевом и полугрошевом номиналах, а по общему оформлению отчасти напоминают выпуски Богдана II. Так, характерной чертой монет является изображение на щите реверса двух скрещенных клинков, направленных остриями вниз.

Аверс: + MONETA.PETRI
Реверс: + WAWIWODEMOL

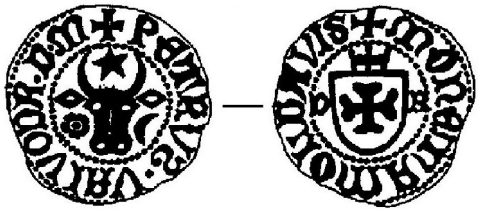
Рис. 22. Грош Петра Арона с изображением скрещенных клинков на гербовом щите.

Сходным представляется и оборотное или искаженное написание некоторых букв, например P и E (ср. с рис. 21).

По имеющимся сведениям гроши этой серии весят 0,86-1,28 *г* при размере монетного диска 19,0-21,0 *мм*. Анэпиграфные полугроши значительно легче и меньше — при весе 0,68-0,79 *г* их диаметр составляет 11,0-14,5 *мм*.

Второй тип монет этого господаря относится к его последнему правлению (25 мая 1455 г.

— 14 апреля 1457 г.) и знаменует, как предполагают, важную перестройку в монетном деле Молдавского государства. Эмиссионная серия положила начало выпуску в стране добротных денег — серебряных грошей и полугрошей. «Почерк» монетариев отныне становится куда более изящным, появляются новые элементы в иконографии монет.

Аверс: +PETRVS.VAIVODA·D·M.
Реверс: +MONETAMOLDAVIS

Рис. 23. Грош Петра Арона с изображением равностороннего креста на гербовом щите

На аверсе монеты можно видеть появление розетки неизвестного до тех пор вида, характерное написание имени — PETRVS, а также двух отдельно стоящих литер — D и M. Эту иногда встречающуюся аббревиатуру чаще всего, разворачивают в виде Dominus Moldaviae, хотя вопрос с ее чтением окончательно еще не решен. Особенностью оформления реверса монет описываемого типа является изображение на щите равностороннего креста. Над щитом помещена корона, а слева и справа от него — различные буквенные обозначения. Возможно, правильнее было бы читать легенду оборотной стороны: MONETA MOLDAVIE. Так редактировали на молдавских монетах следующего хронологического периода, да и начертание последней буквы не позволяет видеть в ней однозначно S.

В связи с реформой денежной политики, начало которой положил Петр Арон, монеты Молдавии в среднем полегчали, но чеканились они теперь из более добротного металла. Измерения показывают, что вес грошей снизился до 0,70-0,72 *г*, а диаметр — до 14,0-17,0 *мм*. То же произошло и с полугрошами — они весят примерно 0,40 *г* при размере монетного диска 11,0-14,0 *мм*. Правда, среди грошей данного эмитента порой все же встречаются субэратные и биллоновые экземпляры. Это обстоятельство, по всей видимости, свидетельствует о том, что окончательный переворот в монетном деле Молдавского государства произошел с приходом к власти Стефана Великого.

1.5. Монеты Стефана Великого (1457-1504) знаменуют новый этап политической и экономической стабилизации в истории Молдавского государства. Сын господаря Богдана II, родившийся около 1435 г., пришел к власти в очень трудное время. Можно с уверенностью утверждать, что только благодаря его выдающимся способностям государственного деятеля, дипломата и полководца, в сложнейшей обстановке внутри страны и на международной арене Молдавия смогла преодолеть кризисные явления, поставившие ее к середине XV в. на грань полного исчезновения.

В течение почти полувекового правления Стефану Великому пришлось вести непрестанную борьбу за независимость молдавской государственности. Господарю удалось укрепить рубежи страны на севере и юге, возвратив под власть Сучавы пограничные крепости Хотин и Килия. По его приказу была усилена мощь крепостных стен столицы, Нямца, Белгорода и Романа, заново отстроены оборонительные сооружения Орхея, построена первая крепость в Сороках (Бырня 1984: 81-82). За свою жизнь господарь провел свыше трех десятков сражений — с Венгрией, Польшей, Валахией, а более других — с Турцией и Крымским ханством, в которых чаще всего выходил победителем. Важнейшим его достижением надо считать возврат Покутья, являвшегося в течение столетия причиной конфликтов с Польским королевством (Ureche 1956: 110—111; Grigoraş 1992: 353).

Великолепно ориентируясь в межгосударственых отношениях своего времени, Стефан Великий наладил и поддерживал дипломатические связи с Венгрией, Ватиканом, Венецией, странами Восточной Европы. Памятники письменности зафиксировали тесные контакты и обмены посольствами с польским, венгерским королями; с правителями Москвы, Киева, княжества Феодоро. Молдавский господарь, успешно лавировавший между великими державами, в зависимости от политической конъюнктуры признавал сюзеренитет Венгрии или Польши, выплачивал дань османскому султану (IR 1962: 538—540; Gorovei 1991: 59; Papacostea 1990: 36).

Во внутренних делах Стефан Великий принял решительные меры по консолидации центральной власти. Государственный совет был создан фактически заново. В окружении господаря выдвинулись молодые способные представители боярства, а главной его опорой стали пыркалабы — назначенные им коменданты крепостей, управлявшие важнейшими оборонительными и административными центрами страны. За счет различным образом приобретенных земельных имений Стефан существенно увеличил собственный домен. Затем, щедро жалуя монастырям и мелким боярам целые села с округами, он обеспечивал себе широкую поддержку землевладельцев (Советов 1972: 155).

В правление Стефана Великого Молдавия достигла наиболее крупных успехов в строительстве и архитектуре. Заботами господаря

были воздвигнуты монастыри Путна, Воронец, Тэзлэу, Добровец, церкви в Хырлэу, Хушь, Ботошань, Пятра Нямц, Бакэу, Милишеуцы, Пэтрэуць, Рэзбоень, Воловэц, Реусень и др. (IR 1962: 722-729; Papacostea 1990: 23—37, 66-68).

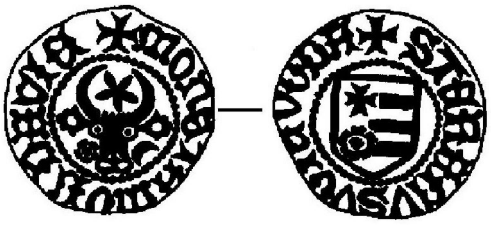
Большое внимание центральная власть уделяла экономическому состоянию страны, всячески способствуя росту объема внешней и транзитной торговли. Показателями такой политики являются торговые привилегии брашовянам и львовянам, которые не только были подвержены дополнительно, но и гарантировались на деле. Преобразованием огромной важности явилось завершение начатой Петром Ароном денежной реформы. Регулярная чеканка монет из добротного серебра обеспечивала нормальное функционирование рынков, создавая условия для движения через Молдавию потоков товаров.

Стефан Великий трижды был женат: на Евдокии из Киева (1463 г.), родственнице великих литовских князей; «черкешенке» Марии — княжне Мангупской (1472 г.) из Крыма; на Марии из Валахии (1477 г.) — плененной дочери господаря Раду Красивого (Gorovei 1991: 62-63). Из его многочисленных наследников наиболее известны ставшие господарями Богдан-Влад и Петр Рареш, а также его дочь, выданная замуж в Москву, — знаменитая «Елена Волошанка».

Стефан Великий умер после длительной болезни 2 июля 1504 г. и был похоронен в монастыре Путна.

Изучение нумизматических находок эпохи Стефана Великого показало, что господарь проводил неизменно жесткую монетную политику. В период его правления сучавский монетный двор чеканил главным образом высокопробные серебрянные деньги. Была установлена новая весовая норма. Теоретически средний вес гроша равнялся 0,60 *г*, а полугроша — 0,30 *г*. Отличительной особенностью монет Стефана Великого справедливо считается их высокохудожественное исполнение. Показательно и то, что почти за пять десятилетий — 1457-1504 гг. — было выпущено всего лишь два типа монет, хронологически следующих друг за другом (Iliescu 1970: 33; Нудельман 1974: 202-203; Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 74-76).

Более ранние монетные выпуски Стефана Великого (тип I) характеризуется следующими традиционными и специфическими чертами. На аверсе изображен герб Молдавского средневекового государства — голова быка с сопутствующими ей атрибутами: звезда, полумесяц, розетка. Однако последний элемент стилистически близок только к своему аналогу, помещенному на монетах Петра Арона. Это же касается и иконографии всей головы животного. На реверсе рассматриваемых денег имеется, как и на эмиссиях предшественников, геральдический щит. В его первом поле оформлено по-новому равносторонним крестом и розеткой, которые расположены соответственно первый над второй. Второе поле щита украшено тремя горизонтальными балками. Даже мелкие детали изображений практически во всех случаях переданы очень выразительно.

Аверс: + MONETAMOLDAVIE
Реверс: + STEFANVSVOIEVODA

Рис. 24. Грош Стефана Великого выпуска 1457-1476 гг. с равносторонним крестом и розеткой на гербовом щите.

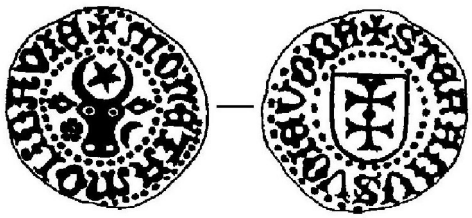
Серии и варианты выпусков различаются по местоположению розетки и полумесяца на аверсе, которые могут меняться местами, а также по видам самой розетки.

Полугроши типа I анэпиграфны, но повторяют все особенности свойственные грошам. Иногда на оборотной стороне над щитом и слева от него наносились дополнительные знаки, встречающиеся на молдавских монетах задолго до второй половины XV в.: полумесяц, розетка, крест.

Изучение известных науке экземпляров описываемого типа показало, что гроши обычно имеют вес от 0,40 до 0,88 *г* и диаметр 13,5-16,0 *мм*. Для полугрошей эти показатели составляют 0,20-0,45 *г* и 9,5-12,0 *мм*. Понятно, что при технике монетной чеканки того времени, теоретически установленный стандарт для каждого экземпляра соблюдать возможности не было. Он относился лишь к среднему весу определенных партий монет, тогда как реальный вес отдельных грошей или полугрошей неизбежно колебался в некоторых пределах вокруг этих условных величин. Более того, нумизматическая практика показывает наличие в общей массе серебряных монет этого типа полугрошей из меди, которые изредка все-таки встречаются.

Для ранних монет Стефана Великого установлена примерная датировка: 1457-1476 гг.

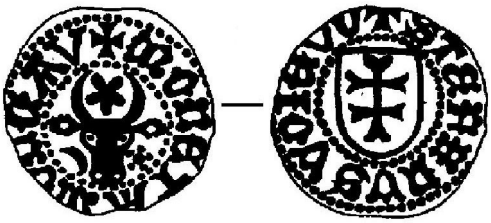
Более поздний тип монетных выпусков знаменитого молдавского господаря отличается, прежде всего, по изображению реверса. Речь идет о двойном прямом кресте на гербовом щите, известном по выпускам господарей, правивших еще до середины XV в.

Аверс: + MONETAMOLDAVIE
Реверс: + STEFANVSVOIEVODA

Рис. 25. Грош Стефана Великого выпуска 1480-1504 гг. с двойным крестом на гербовом щите.

Изображение гроша типа II дает возможность убедиться, что иные существенные признаки у монет такого рода отсутствуют. Варианты чеканки связаны с мелкими особенностями изображения и размещения атрибутов герба Молдавии. Скажем, на некоторых экземплярах между рогами быка помещена розетки. В других случаях бывало, что резчику монетного штемпеля не удавалось поместить на заданном пространстве легенды целиком.

Аверс: + MONETAMOLDAV
Реверс: + STEFANVSVOIEVO

Рис. 26. Грош Стефана Великого 1480-1504 гг. (разновидность).

Полугроши типа II, как и более раннего, по своей иконографии отличны от грошей главным образом анэпиграфностью.

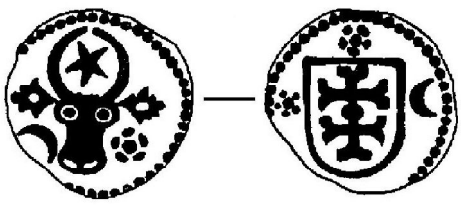

Рис. 27. Полугрош Стефана Великого 148 - 1504 гг. с двойным крестом на гербовом щите.

Дополнительными элементами изображения на реверсе могут быть астральные символы, помещаемые над геральдическим щитом и по бокам от него.

Еще одно изображение монеты из числа полугрошей типа II позволяет увидеть несущественность различий для вариантов выпусков и одновременно их генетическое родство.

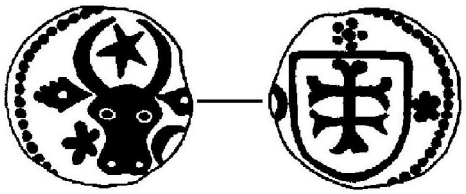

Рис. 28. Полугрош Стефана Великого 1480-1504 гг. (разновидность)

Взвешивания и измерения сохранившихся монетных экземпляров Стефана Великого типа II дают возможность утверждать, что вес грошей колеблется от 0,48 до 1,00 *г*, а диаметр от 13,0 до 16,0 *мм*. У полугрошей те же показатели составляют 0,17-0,42 *г* и 10,0-12,0 *мм*. Деньги данного типа чеканились из добротного серебра, однако известны и единичные низкопробные образцы.

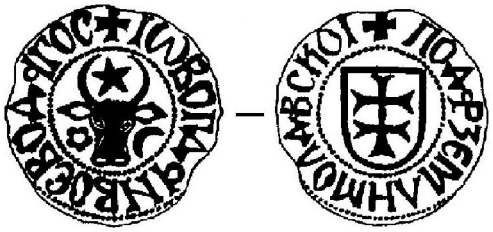
Монеты Стефана Великого с двойным крестом на гербовом щите оборотной стороне принято относить ко второй половине правления господаря 1480-1504 гг.

1.6. Чеканка Богдана III (1504-1517) и Стефана IV (1517-1527) является, несомненно, регрессом в монетном деле Молдавии. Хронологически она замыкает историю регулярного производства денег в Сучаве.

Богдан III, сын Стефана Великого и Марии Валашской, родившийся в 1479 г., постоянно враждовал с Польшей. В 1509 г. он вторгся в Подолье, Галицкую землю и осадил Львов. В 1511 г. разбил вторгшихся на территорию страны татар (Ureche 1956: 126—128; Gorovei 1991: 71-72).

Внутренняя обстановка в период его правления как будто бы по инерции оставалась спокойной. Однако, придя к власти, Богдан стал проводить монетную политику, прямо противоречившую главному принципу утвердившейся при его отце денежной системы. В оборот, помимо серебряных, было пущено большое количество биллоновых и медных денег, что не замедлило сказаться негативно на экономике. Молдавское государство вернулось к положению, существовавшему в денежном хозяйстве до середины XV в.

За время правления Богдана III произведены эмиссии двух типов монет, известные по грошевому и полугрошевому номиналам (Iliescu 1970: 33; Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 76). Изучение иконографии этих выпусков указывает на их типологическую связь с монетами Стефана Великого 1480-1504 гг. Основное отличие состоит, пожалуй, в славянском написании легенд, начинающихся на лицевой стороне и имеющих продолжение на реверсе (см. рис. 29).

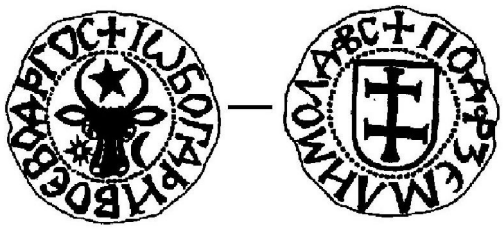

Аверс: + IѠ БОГДАNВОЕВОДАГОС
Реверс: + ПОДАРЗЕМЛИМОЛДАВСКОІ

Рис. 29. Грош Богдана III с изображением двойного креста на гербовом щите и славянской легендой

Как хорошо видно на рисунке, некоторые литеры даны в лигатуре — А и Р, А и В. Что касается аписания имєни «Богдан» через букву В, похоже, является своеобразной реминисценцией латинских легенд предшествующего периода.

Второй тип монет Богдана III сходен с первым. Второстепенные детали изображения, по которым их различают, легче фиксируются на глаз (рис. 30), нежели при словесном описании.

Аверс: + IW БОГДАNВОЕВОДАГОС
Реверс: + ПОДАРЗЕМЛИМОЛДАВС

Рис. 30. Грош Богдана III (разновидность).

Сличение изображений на двух разновидностях монет Богдана III показывает, что тип II в целом исполнен менее высокохудожественно. Стилистически тип I гораздо ближе к выпускам Стефана Великого, чем к монетам типа II того же господаря. Нельзя не видеть, что второй тип Богдана III исполнен более схематично (например, рисунок креста на щите оборотной стороны), буквы не столь изящны, хотя славянское воспроизведение имени эмитента на этот раз безошибочно. Кроме того, традиционная розетка на аверсе заменена изображением солнца, а вместо предваряющего легенду реверса креста иногда отмечается знак в виде литеры Т (?).

По наблюдениям нумизматов, среди грошей типа I встречаются не только низкопробные, но и добротные серебряные экземпляры, чего нет в массе монет типа II. Вес серебряных грошей в среднем несколько ниже прочих — 0,90-1,05 *г* при диаметре 19,0-20,0 *мм*. Гроши из дешевых сплавов имеют вес в пределах 0,90-1,1 *г* и размер монетного диска — 18,0-20,0 *мм*. Замечено также преобладание экземпляров меньшего диаметра среди грошей типа II. Анэпиграфные полугроши, по всей видимости, чеканились главным образом по типу I, поэтому-то известны и серебряные монеты этого номинала. Вес полугрошей Богдана III — 0,65-0,70 *г*, а диаметр — 7,0-7,5 *мм*.

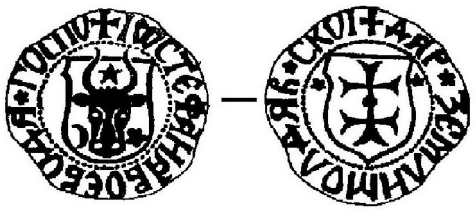
Недостаточная изученность монетной чеканки данного господаря лишает нас возможности судить о многих вопросах, связанных с ней, более определенно. Это касается и хронологии монет, которые точнее, нежели всем почти двенадцатилетним периодом правления эмитента, пока не датируются.

Стефан IV (Стефан Младой или Стефаница) — старший сын Богдана III — родился в 1506 г. и был посажен боярами на трон в десятилетнем возрасте. По причине несовершеннолетия господаря от его имени страной правил портар Сучавы, опытный государственный деятель Лука Арборе (Ureche 1956: 135, 146).

В период своего самостоятельного властвования Стефан IV попытался склонить Польшу к совместной борьбе против османов, но эти действия успеха не имели. В 1526 г. господарь установил контакты с Венгерским королевством с целью организации антитурецкого выступления (Gorovei 1991: 78).

В 1523 г. он учинил кровавую расправу с боярами, не желавшими усиления личной власти господаря. Одни деятели оппозиции были казнены, другие бежали в Польшу и Валахию (Семенова 1994: 145). В 1527 г. Стефан Младой пал жертвой заговора — был отравлен. Не исключают, что по наущению из окружения султана Сулеймана II Кануни (1520-1566) это сделала его жена Стана, дочь валашского господаря Нягое Басараба IV (1512-1521).

За более чем десять лет пребывания у власти Стефана IV от его имени был выпущен только один тип грошей и полугрошей (Iliescu 1970: 33—34; Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 76-77).

Аверс: + IѠ СТЕФАNАВОЕВОДА★ГОСПО
Реверс: + ДАР★ЗЕМЛИМОЛДАВ★СКОІ

Рис. 31. Грош Стефана IV с изображением головы быка на гербовом щите

Эта низкопробная продукция демонстриру-

ет общий разлад в товарно-денежном обороте страны. Основные типологические особенности монет восприняты от эмиссий Богдана III.

Новшества чеканки проявляются в передаче молдавского герба на аверсе: голова быка стала более массивной, форма рогов не серповидная, а лировидная вновь, наконец, все центральное изображение лицевой стороны помещено на щит. Кроме того, сама форма щита, присутствующего теперь на обеих сторонах монет, становится другой — более стилизованной и асимметричной. Напротив, изображение на гербовом щите реверса — двойной крест — не только сохраняется, но и исполняется в манере максимально приближенной к выпускам Стефана Великого типа II и Богдана III типа I. Среди мелких деталей, отличающих монеты Стефаницы, можно назвать большое количество декоративных розеток (см. рис.30).

Деньги, выпущенные при данном господаре, отчеканены чаще всего из меди, бронзы, латуни, биллона; серебряные экземпляры встречаются редко. Также известны и субэратные монеты. По имеющимся данным вес грошей колеблется в довольно широких пределах — от 0,88 до 1,73 *г* (медные монеты) при более или менее постоянном диаметре — 19,0-19,5 *мм*. Полугроши имеют вес 0,40-0,45 *г* при размере 11,0-14,0 *мм*.

Монеты, представляющие эмиссии Стефаницы, исследованы слабо, может быть из-за малочисленности их среди нумизматических находок. Вследствие этого датируются выпуски в общем 1517-1527 гг. При всем разнообразии качественного содержания монетных сплавов того времени, считается, что деньги тогда чеканились в очень ограниченном количестве и уже не играли большой роли в хозяйственной жизни страны. Они знаменуют конец регулярного монетного производства в средневековой Молдавии.

1.7. Продукция неустановленных эмитентов характеризуется как отсутствием на них имен господарей, так и типологической несопоставимостью с экземплярами, достоверно отнесенными ко времени правления кого-либо из обладателей молдавского престола. В основном, речь идет об анэпиграфных полугрошах — младшем, зачастую медном номинале. Он сплошь и рядом исполнялся небрежно (особенно во второй четверти XV в.), а потому легко фальсифицировался.

Тем не менее, по поводу атрибуции рассматриваемых находок в литературе высказано немало точек зрения, а количество известных науке экземпляров становится все больше. Мы останавливаемся на наиболее интересных для нумизматов типах, отличающихся оригинальностью и, как представляется, значительным историческим смыслом своих изображений. При этом необходимо подчеркнуть, что оформление лицевой стороны монет, на которых неизменно помещен государственный герб — голова быка со звездой между рогами, — не оставляет сомнений в связи с отнесением описываемых денег к эмиссиям средневековой Молдавии.

До недавнего времени тип полугрошей с весьма странным знаком на реверсе мог считаться экстраординарным казусом молдавского денежного производства (Luchian, Buzdugan, Oprescu 1977: 64). Изображение оборотной стороны, иногда называемое крестом, как ни удивительно не совпадает с каким бы то ни было из всех многочисленных модификаций этого популярного символа. Зато оно оказывается аналогичным широко распространенным на юге Восточной Европы вплоть до Дуная ордынским родовым знакам — тамгам. Они наносились на многие предметы материальной культуры XIII-XV вв. и более позднего времени, включая монеты.

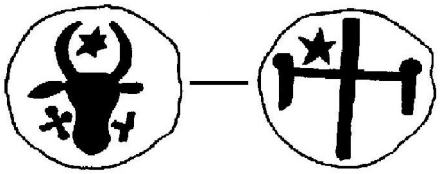

Рис. 32. Полугрош с изображением тамгообразного знака.

Опубликованные совсем недавно находки из района Железных ворот на Дунае, близ румынского города Турну-Северин (Stonga 1992: 133-136), подтверждают такое предположение. Выяснилось, что иконография реверса этих монет еще менее близка к кресту, она явно ближе к вероятному прототипу по сравнению со знаком на рис. 32. Надо думать, мастера-монетчики на своей продукции чеканили именно изображения тамги.

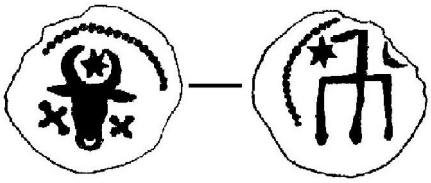

Рис. 33. Полугрош с изображением тамгообразного знака (разновидность)

Сопоставление деталей изображений обеих сторон подтверждает принадлежность всех трех известных ныне экземпляров к разновидностям одного типа. Размер и вес монет, чеканившихся из серебра и меди (субэратные выпуски), также не противоречат этому. Полугроши весят 0,23-0,35 *г* и имеют диаметр 11,0-12,0 *мм*. Поскольку один из экземпляров данного типа был найден в составе клада вместе с твердо датированными монетами, удается установить время чеканки и обращения денег со столь не

обычным изображением на оборотной стороне. Этот хронологический период представляется довольно узким — 1400-1418 гг., составляя первую часть правления господаря Александра Доброго.

Другой тип монет, представленный, куда большим количеством зафиксированных наукой экземпляров, не менее оригинален.

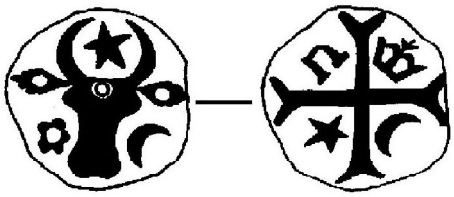

Рис. 34. Полугрош с изображением разностороннего креста.

Характерной чертой этих полугрошей является изображение на реверсе равностороннего креста, занимающего все монетное поле.

Между плечами креста помещены традиционные знаки — звезда, полумесяц а также геральдическая корона и буква(?). Отличительным признаком аверса считается хорошо заметный кружок во лбу быка (Iliescu 1970: 28; Полевой 1990: 165-179). Десяток учтенных экземпляров описываемого типа показывают, что монеты чеканились из серебра, биллона и меди. Есть сведения и об субэратных находках. Весят полугроши от 0,30 до 0,75 *г* при диаметре от 12,0 до 15,0 *мм*.

Типологические изучения монет такого рода дало возможность высказать предположение о месте из чеканки. Называется Белгород на Днестровском лимане, где они выпускались, по всей видимости, во второй половине правления Александра Доброго — примерно в 1415-1431 гг. Однако существует и другое мнение, согласно которому эмиссия этого типа анэпиграфных монет велась позднее, где-то в 1432-1439 гг.

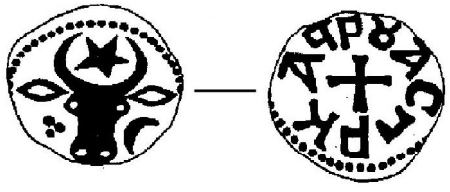

Рис. 35. Полугрош с изображением равностороннего креста и греческой легендой

Третий из рассматриваемых нами необычных типов полугрошей Молдавского средневекового государства, в отличие от предыдущих, несет на реверсе круговую надпись. Монетные находки благодаря которым он известен, более многочисленны — через руки исследователей прошло не менее 20 экз. полугрошей. Все они исполнены в меди. И в этом случае специфичен вид изображений реверса. По центру помещен небольшой равносторонний герб в окружении греческой легенды (Iliescu 1970: 28; Полевой 1990: 165—179; Беляков 1990: 180-185).

Надпись представляет название города — «Аспрокастрон». А в переводе на русский язык оно означает «Белая крепость», что сопоставляется с румынским «Четатя Албэ» и турецким «Аккерман». По этой причине топоним отождествляется со средневековым городом на Днестровском лимане и локализуется в современном Белгороде-Днестровском. Такое толкование общепризнанно, поскольку средневековое городище в данном пункте является до сих пор единственным археологическим памятником, на котором находят монеты описываемого типа.

Исследователи выделяют две разновидности денег типа «Аспрокастрон», отличие между которыми состоит в наличии или отсутствии кружков-точек между плечами креста. Существует немало серий этих монет, разнящихся способом написания легенд — литеры А и С, С и Т. В надписях они могут даваться в лигатуре, а иногда отдельные буквы или все слово отчеканены зеркально. Предполагается, что полугроши на которых крест реверса не имеет точек между плечами, чеканились раньше других, исполненных к тому же более небрежно. На то же указывают средние показатели веса и размера. Первый подтип имеет вес 1,40-2,40 *г* и диаметр 15,0-16,0 *мм*, а второй, соответственно 1,00-2,25 *г* и 13,0-15,0 *мм*.

Вопрос о хронологии монет типа «Аспрокастрон» окончательно не решен. Чаще всего, полугроши датируют серединой XV в., связывая их появление с правлением Александра II или Петра Арона. Однако имеются и другие утверждения. По одному из них они могли быть выпущены еще во второй половине 30-х гг. XV в., а сравнительно недавнее исследование относит эмиссии этих денег ко времени Александра Доброго. Отметим также, что данные монеты, признанные городскими — обслуживавшими узко локальный рынок, по представлениям многих нумизматов, находятся в генетическом родстве с предыдущим типом (см. рис. 34).

Глава 2. МОЛДАВСКИЕ МОНЕТЫ В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ НА СОВРЕМЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ

2.1. Находки монет средневекового Молдавского государства на территориях, лежащих за пределами современной Румынии (Ursu, Berciu-Drăghicescu 1989: 125-179; 1990: Berciu-Drăghicescu 125-172), описаны в самых разных, зачастую далеких от темы настоящей работы, публикациях. Для понимания их роли в истории очерченного региона не обойтись без классификации всей совокупности материалов (Потин 1986: 107-109; 1993: 171-177). Обращение к этой проблеме не является самоцелью и оправдано стремлением дать ясное описание монетных комплексов, использовав оптимальный, с научной точки зрения, способ разделения их на категории. Только в таком случае можно ожидать, что реликты прошлого хотя бы отчасти приоткроют смысл исторических событий, скрытых от взглядов из будущего плотной завесой времени.

Представляется необходимым двоякое разделение нумизматических материалов на группы. С одной стороны, мы рассматриваем монеты в зависимости от способа их попадания в землю – археологизации, когда виден не сам процесс, а его результаты. Такого рода классификации, уже неоднократно обосновывшиеся различными исследователями (А.Зуле, Ф.Грирсон, В.М.Потин), сводятся к выделению трех основных групп нумизматических реликтов:

1) клады или коллективные сокрытия независимо от обстоятельств их обнаружения;

2) массовые монетные находки со сравнительно небольшой площади – материал из культурного слоя отдельных памятников, чаще всего, это коллекции городищ (они объединяют экземпляры, найденные случайно и в ходе археологических раскопок);

3) единичные (свободные, отдельные), как правило, случайные находки.

Первые создавались путем изъятия из денежного обращения какой-то части монет и поэтому представляют собой фрагмент его в определенный момент времени. Вторые накапливались постепенно в местах постоянного обитания людей, отражая своеобразно историю данного поселения, а также общие линии развития региона. Третьи, к сожалению, не столь информативны и фиксируют ареал, интенсивность денежного обращения только в совокупности с себе подобными.

С другой стороны, нумизматические материалы целесообразно классифицировать по содержанию на собственно молдавские, смешанные, в которых монеты сучавской чеканки представлены вместе с иностранными, и немолдавские. Выявление соотношения этих трех видов находок в пределах определенных хронологических промежутков может иметь значительную ценность для понимания истории средневековой Молдавии. Для начала приведем данные об обнаружении молдавских денег XIV- первой четверти XVI вв.

I. КЛАДЫ.

1-2. ЧЕРНОВЦЫ I-II,

найдены в окрестностях г. Черновцы (Украина).

Не позднее 1877 г.

Зафиксировано 192 экз. монет.

Обстоятельства обнаружения неизвестны. Очевидно случайные находки. В последствии монеты из обеих кладов оказались смешанными.

Молдавия

Петр Мушат, гроши (?), серебро, 192 экз.

См. Ştirbu 1980: 78-85.

3. МАМОРНИЦА,

Герцаевский район, Черновицкая обл.

1876 г.

Зафиксировано свыше 103 экз. монет.

По всей вероятности, случайная находка.

Молдавия

Петр Мушат, гроши, серебро, свыше 100 экз.

Польша

Владислав Ягайло (1386-1434), номинал не указан, серебро, 3 экз.

См. Полевой 1956: 97.

4. ПОДОЛЬЕ,

левобережье среднего Днестра, Украина. Точнее место находки не установлено.

1862 г.

Количество монет неизвестно.

Судя по всему, случайная находка.

Молдавия

Стефан, гроши, серебро, ? экз.

Чехия

Вацлав (IV?), гроши, серебро, ? экз.

Золотая Орда

Неизвестные эмитенты из последних Джучидов, дирхемы, серебро, ? экз.

Крымское ханство

Неизвестные эмитенты из первых Гиреев, дирхемы, серебро, ? экз.

Валахия

Влад Узурпатор (1395 - 1396), дукат, серебро, ? экз.

Неопределенные монеты.

Неизвестные эмитенты, мелкие брактеаты (?) с крестом, серебро,

? экз.

См. Федоров-Давыдов 1960: 177; Mikolajczyk 1988: 286.

5. БЕЛГОРОД,
г. Белгород–Днестровский, Одесская обл., Украина. 1974 г.
26 экз.
Найдены в ходе археологических раскопок.

Молдавия

Александр Добрый, двойной грош, серебро, 1 экз.:
выпуск 1409 – 1415 гг.
он же, полугрош, медь, 25 экз.: в том числе
выпуски 1415–1430 гг. —2,
1430 г. — 6,
1431 г. — 12,
неопределенные — 5.
См. Нудельман 1981: 184.

6. КУГУРЕШТЫ ,
с. Кухурешть де Сус (Верхние Кугурешты), Сорокский уезд, Республика Молдова.
1957 г.
596 экз.
Случайная находка.
Монетно-вещевой клад.

Молдавия

Александр Добрый, грош, серебро, 1 экз.

Польша

Владислав Ягайло, полугроши, серебро, 21 экз.

Галицкая (Червонная) Русь

Владислав Опольский (1372-1378), полугроши, серебро, 4 экз.
Людовик (1379-1382), полугроши, серебро, 17 экз.
Владислав Ягайло, полугроши, серебро, 394 экз., в том числе
монеты Львова — 7.

Чехия

Карл I (1346 -1378), гроши, серебро, 3 экз.
Вацлав IV (1378-1419), гроши, серебро, 101 экз.

Золотая Орда

Узбек (1313 - 1342), дирхем, серебро, 1 экз.
Мухаммед-Булак (1368-1380), дирхем, серебро, 1 экз.:
выпуск Орды 773 г.х.
Тохтамыш (1377-1396), дирхемы, серебро, 23 экз.: в том числе
выпуски Крыма 796 г.х. — 19,
Сарай ал-Джедид 796 г.х. —1,
неопределенные — 3.
Тимур-Кутлуг (1396-1399), дирхемы, серебро, 5 экз.: в том числе
выпуски Крыма 799 г.х. — 2
Крыма 800 г.х. — 1,
Сарай ал-Джедид 800 г.х. — 2;
Шадибек (1399-1408), дирхемы, серебро, 2 экз.:
выпуск Орду ал-Джедид.
Пулад (1407 -1413), дирхем, серебро, 1 экз.
Мухаммад бен Тимур (1428-1480?), дирхемы, серебро, 2 экз.
Неопределенные эмитенты, дирхемы, серебро, 7 экз.: в том числе
выпуски Крыма — 2.

Золотая орда – Каффа

Узбек, дирхем, серебро, 1 экз.:
с генуэзской надчеканкой.
Филипп Мария Висконти (1421-1435) и **Мухаммад-хан** (1427-1436),
аспры, серебро, 5 экз.
Золотая Орда – Литва.
Неопределенные эмитенты, дирхем, серебро, 1 экз.:
джучидская монета выпуска Хаджи Терхана с литовской надчеканкой.
См. Маркевич, Полевой, Фин 1961: 75 -112.

7. СТАРЫЙ ОРХЕЙ,
урочище Орхеюл Векь, с. Требужень, Орхеевский уезд, Республика Молдова.
1984 г.
7 экз.
Найдены в ходе археологических раскопок.

Молдавия

Стефан Великий, гроши, серебро, 7 экз.:
выпуск 1457-1476 гг.
Клад был обнаружен в сооружении № 51, находившемся в северной части городища Старый Орхей. Все монеты были найдены вместе за деревянной обшивкой южной стены полуземлянки, ближе к ее юго-западному углу практически у самого пола – глубина 100-120 см. В качестве клада эта находка здесь атрибутирована впервые.
См. Бырня, Рябой 1984: 26-32; 1988: 122.

8. НОВОСЕЛИЦА,
п. Новоселица (Новая Сулица, Сулица Ноуэ), Черновицкая обл.
1894 г.
Около 200 экз.
Обстоятельства обнаружения неизвестны. Очевидно случайная находка.

Молдавия

Стефан Великий, гроши, серебро, 6 экз.
он же (?), гроши (?), серебро, свыше 190 экз.
См. Полевой 1956: 97-98; Нудельман 1975: 100.

9. СЕСЕНЫ,
с. Сэсень, Унгенский уезд, Республика Молдова.
1973 г.
262 экз.
Случайная находка.
Молдавия
Богдан III**, гроши, биллон, 27 экз.**

Венгрия

Матвей Корвин (1458-1490), денарии, серебро, 10 экз.:
выпуски 70-х - 80-х гг.
Владислав II (1490-1516), денарии, серебро, 5 экз.: в том числе
выпуски 1507 г. – 1,
1509 г. – 1.

Османская империя

Баязид II (1481-1512), акче, серебро, 141 экз.: в том числе
выпуски 886 г.х. - 83.

Литва

Александр I (1492-1506), полугроши, серебро, 9 экз.

Сигизмунд I (1506-1548), полугроши, серебро, 6 экз.: в том числе

выпуски 1509 г. — 2,

1510 г. — 4.

Золотая Орда

Узбек, дирхемы, серебро, 3 экз.:

Все с надчеканками **Абдуллаха** (1362-1369).

Джанибек (1342-1357), дирхемы, серебро, 5 экз.: в том числе

с надчеканками **Абдуллаха** — 3;

Абдуллах , дирхемы, серебро, 64 экз.: в том числе:

выпуски 770 г. х. — 9.

Азиз-шейх (1364-1367), дирхем, серебро, 1 экз.

Подражание Абдуллаху, дирхем, серебро, 1 экз.

См. Нудельман 1975: 103-104; 1976: 96-97.

10. ТЕРЕБОВЛЯ,

г. Теребовля, Тернопольская обл., Украина.

1848 г.

Около 4000 экз.

Монетно-вещевой клад.

Очевидно случайная находка.

Молдавия

Неизвестные эмитенты, гроши ?, серебро, 4 экз.

Венгрия

Мария (1382-1385), денарии, серебро, ? экз.

Владислав Варненчик (1434-1444), денарии, серебро, ? экз.

Польша

Владислав Ягайло, полугроши, серебро, ? экз.

Галицкая (Червонная) Русь

Владислав Ягайло, полугроши, серебро, ? экз.: в том числе

монеты Львова

(Польские и галицко-русские монеты насчитывают вместе около 3500 экз.)

Чехия

Вацлав IV, гроши, серебро, ? экз.

Литва

Неизвестные эмитенты, денарии, серебро, ? экз.

Силезия

Неизвестные эмитенты, номиналы не указаны, серебро, ? экз.

См. Котляр 1968: 136; Mikolajczyk 1988: 268.

11. СТРЫЙ,

окрестности г. Стрый, Львовская обл., Украина.

Не позднее 1850 г.

Около 1200 экз.

Очевидно случайная находка.

Молдавия

Неизвестные эмитенты, номиналы не указаны, серебро, 3 экз.

Польша

Владислав Ягайло, полугроши, серебро, ? экз.

Владислав Варненчик, полугроши, серебро, ? экз.

Казимир Ягелло (1447-1492), полугроши, серебро, ? экз.

Ян Ольбрахт (1492-1501), полугроши, серебро, ? экз.

Александр I, полугроши, серебро, ? экз.

Сигизмунд I, полугроши, серебро, ? экз.

Неизвестные эмитенты, полугроши, серебро, ? экз.

Литва

Александр I, полугроши, серебро, ? экз.

Он же, денарии, серебро, ? экз.

Сигизмунд I, полугроши, серебро, ? экз.

(Польские и литовские монеты численно абсолютно преобладают).

Венгрия

Неизвестные эмитенты, номиналы не указаны, серебро, ? экз.

Силезия

Неизвестные эмитенты, номиналы не указаны, серебро, ? экз.

См. Mikolajczyk 1988: 268-269.

12. СТРОЕНЦЫ,

с. Строештъ (Строенцы, Строинцы), Дубоссарский уезд, Республика Молдова.

1890 г.

83 экз.

Обстоятельства обнаружения неизвестны. Случайная находка.

Молдавия

Неизвестные эмитенты, гроши, серебро, 2 экз.

Венгрия

Сигизмунд I Люксембург (1387-1437), флорин, золото, 1 экз.

Чехия

Вацлав (IV?), гроши, серебро, 45 экз.

Он же, полугроши, серебро, 5 экз.

Золотая Орда – Литва

Неизвестные эмитенты, дирхемы, серебро, 30 экз.

Монеты являются джучидскими выпусками с литовскими надчеканками.

См. Сиверс 1922: 24; Полевой 1956: 101; Нудельман 1975: 101.

13. РАЙКИВЦИ,

с. Райкивци (бывший Проскуровский уезд), Хмельницкая обл., Украина.

1886 г.

1004 экз.

Очевидно случайная находка.

Молдавия

Неизвестный эмитент, номинал не указан, серебро, 1экз.

Венгрия

Матвей Корвин, флорин, золото, 1 экз.

Чехия

Неизвестный эмитент, гроши, серебро, 63 экз.

Польша

Неизвестный эмитент, номинал не указан,

серебро, 1экз.

Неизвестные эмитенты, номиналы не указаны, медь, 2 экз.

Золотая Орда – Каффа

Неизвестные эмитенты, аспры, серебро, 21 экз.

Золотая Орда и Литва

Мухаммед, дирхем, серебро, ? экз.

Ахмед, дирхем, серебро, ? экз.

Мустафа, дирхем, серебро, ? экз.

Всего джучидских монет XV в., включая имеющие литовские надчеканки – 6 экз.

Крымское ханство

Хаджи-Гирей (1428-1466), дирхемы, серебро, ? экз.

Нур-Давлет (1466, 1473, 1476-1478/79), дирхемы, серебро, ? экз.

Менгли-Гирей (1466-1514), дирхемы, серебро, ? экз.

Из всех 911 экз. монет крымских ханов младшая датируется 894 г. х.

См. Сиверс 1922: 24; Федоров-Давыдов 1960: 177).

14. МОЛДАВИЯ,

по всей видимости, территория Прутско-Днестровского междуречья, Республика Молдова (точнее место находки не установлено).

Не позднее 1925 г.

Около 3000 экз.

Очевидно случайная находка.

Молдавия

Неизвестные эмитенты, номиналы не указаны, серебро, ? экз.

Польша

Владислав Ягайло, полугроши, серебро, ? экз.

Галицкая (Червонная) Русь

Владислав Ягайло, полугроши, серебро, ? экз.

Абсолютное большинство монет, по всей видимости, принадлежит Владиславу Ягайло.

См. Котляр 1968: 136; Нудельман 1975: 100.

II. МАССОВЫЕ НАХОДКИ

15. БЕЛГОРОД,

г. Белгород-Днестровский.

1912-1983 гг.

59 экз.

Найдены в ходе археологических раскопок и сборов на городище.

Молдавия

Петр Мушат, грош, серебро, 1 экз.

Александр Добрый, двойные гроши, 5 экз.: в том числе

серебро — 2, из которых выпуска 1409-1415 гг. — 1;

биллон — 1;

медь — 2, из которых выпуска 1415-1430 гг.— 1.

он же, полугроши, медь, 12 экз.: в том числе

выпуски 1409-1415 гг. — 3,

1415-1430 гг. — 5,

1431 г. — 3.

Ильяш, грош, серебро, 1 экз.

Неопределенные эмитенты, полугроши, медь, 7 экз.:

выпуски первой половины XV в.

Неопределенный эмитент, полугроши, медь, 13 экз.:

выпуски типа «Аспрокастро».

Стефан Великий, гроши, серебро, 6 экз.: в том числе

выпуски 1480-1504 гг. — 3.

Он же, полугрош, серебро, 1 экз.:

выпуск 1457-1476 гг.

Иоанн Лютый медь, акче — 1 экз.

Венгрия

Матвей Корвин, флорин, золото, 1 экз.

Польша

Сигизмунд I, полугрош, серебро, 1 экз.:

выпуск 1510 г.

Османская империя.

Мухаммед II Фатих (1451-1481), акче, серебро, 2 экз.

Баязид II, акче, серебро, 4 экз.:

выпуск 886 г. х.

Селим I Явуз (1512-1520), акче, серебро, 1 экз.:

выпуск 918 г. х.

Неопределенный эмитент, акче, серебро, 1 экз.:

выпуск XV-XVI вв.

Астраханское ханство

Кюлок-Мухаммед, середина XV в., дирхем, серебро, 1 экз.

Азербайджан

Неопределенный эмитент, номинал не указан, серебро, 1 экз.:

выпуск Шемахи XV в.

См. Штерн 1913: 96, 97, 99; Полевой 1956: 101; Нудельман 1974: 200; Iliescu 1990: p. 666. Nr. 29, 30.

16. СТАРЫЙ ОРХЕЙ,

1947-1989 гг.

212 экз.

Раскопки и сборы на средневековом городище.

Найдены в ходе археологических раскопок и сборов на городище.

Молдавия.

Александр Добрый, двойные гроши, 12 экз. В том числе:

серебро — 7, из которых выпуски 1409-1415 гг. — 3;

1415-1430 гг. — 2;

1431 г. — 2;

биллон,1415-1430 г.— 2;

медь,1415-1430 гг. **—** 3.

Он же, гроши, 9 экз. В том числе:

серебро — 3, из которых выпуски 1409-1415 гг. — 2;

1431 г. — 1;

медь - 6, из которых выпуски 1400-1408 гг.— 2;

1415-1430 гг.— 4.

Он же, полугроши, 58 экз. В том числе:

серебро — 14, из которых выпуски 1409-

1515 гг. — 4;
1415-1430 гг. — 8;
1431 г. — 2;
медь - 44, из которых выпуски 1400-1408 гг.— 8,
1415-1430 гг. — 23;
1431 г. — 13.
Ильяш, двойной грош, серебро, 1 экз.:
выпуск 1432 г.;
Он же, гроши, 3 экз. В том числе:
серебро, выпуск 1435-1436 гг. — 1;
медь, выпуски 1434-1435 гг. — 2.
Он же, полугрош, медь, 1 экз.:
выпуск 1436-1442 гг.
Стефан II, двойной грош, серебро, 1 экз.:
выпуск 1433-1435 гг.;
Ильяш и Стефан II, двойной грош, медь, 1 экз.:
выпуск 1435-1436 гг.
Александр II, полугрош, медь, 1 экз.
Стефан Великий, гроши, серебро, 24 экз. В том числе:
выпуски 1457-1476 гг. — 13;
1480-1504 гг. — 9.
Он же, полугроши, серебро, 3 экз. В том числе:
выпуски 1457-1476 гг. — 2,
1480-1504 гг. — 1,
Богдан III, грош, серебро, 1 экз.
Стефан IV, гроши, медь, 5 экз. В том числе:
субэратные (посеребренные) — 4.
Неопределенные эмитенты XV в. - 16 экз.
В основном фрагменты монет.

Венгрия

Матвей Корвин, денарии, серебро, 7 экз. В том числе:
выпуск 80-х гг. — 1.
Владислав II, денарии, серебро, 7 экз. В том числе:
выпуск 1504 г. — 2.
Людовик II (1516-1526), денарий, серебро, 1 экз.:
выпуск 1521 г.

Польша

Владислав Ягайло, полугроши, серебро, 4 экз.
Он же, денарий, серебро, 1 экз.
Казимир IV, полугроши, серебро, 3 экз. В том числе:
выпуск 1447-1449 гг. — 1.
Ян Ольбрахт, полугроши, серебро, 5 экз. В том числе:
выпуск 1492-1499 гг. — 1.
Александр I, полугроши, серебро, 3 экз.
Сигизмунд I, полугроши, серебро, 5 экз. В том числе:
выпуск 1508 г. — 3.

Чехия

Вацлав IV, гроши, серебро, 4 экз.

Литва

Александр I, полугрош, серебро, 1 экз.
Сигизмунд I, полугроши, серебро, 4 экз. В том числе:
выпуск 1512 г. — 1,
1521 г. — 1.

Османская империя

Мухаммед Фатих, акче, серебро, 3 экз.:
выпуск 855 г.х.
Баязид II, акче, серебро, 7 экз.:
выпуск 886 г.х.
Селим I Явуз, акче, серебро, 7 экз.:
выпуск 918 г.х.
Сулейман II Кануни (1520-1566), акче, серебро, 12 экз.:
выпуск 926 г.х.

Крымское ханство

Хаджи-Гирей, аспры, серебро, 3 экз.
Неопределенные эмитенты, аспры, серебро, 2 экз.:
выпуски XV в.

Венеция-Генуя.

Микеле Стено (1400-1414), дукат, золото, 1 экз.:
фальсификат венецианской монеты, имитация Генуи.
См. Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 63-64, 77-78.

III. ЕДИНИЧНЫЕ НАХОДКИ

17. ЦЕЦИН,
окрестности г. Черновцы.
1908 г.
Монеты найдены на городище во время раскопок В.Мильковича
Петр Мушат, грош, серебро, 1 (?) экз.
См. Тимощук 1964: 216; 1969: 134.

18. НЕАПОЛЬ СКИФСКИЙ,
окрестности г. Симферополя, Республика Крым, Украина,
1947 г.
Случайная находка на городище.
Александр Добрый, полугроши (?), медь, 2 экз.:
анэпиграфные (?) выпуски 1409–1431 гг.
См. Харко 1961: 217, 222.

19. АЛУСТОН,
г. Алушта, Республика Крым, Украины,
1993 г. (?)
Находка сделана в ходе раскопок средневекового некрополя.
Стефан II, двойной грош, серебро, 1 экз.:
См. Кирилко 1997: 182-183. Рис. 2. Первоначально монета была ошибочно отнесена к эмиссиям Александра Доброго (Адаксина, Кирилко, Лысенко, Мыц, Татарцев, Тесленко, Семин 1994: 15).

20. БАЛЦАТЫ,

---

* В сводку включены данные о 12 неопубликованных монетах средневековой Молдавии из раскопок 1975-1983 гг. (хранятся в фондах Одесского археологического музея). Однако объем сведений о находках при археологических раскопках на городище остается далеко не полным. К примеру, недоступными остаются пока материалы Г.Г.Мезенцевой, находящиеся в Киеве (см. Археология УССР, 1986, с. 516)

с. Бэлцата (Балцаты), Кишиневский уезд, Молдова.
1956 г.
Случайная находка.
Александр Добрый (?), полугрош, медь, 1 экз.
См. Нудельман 1976: 145; Полевой 1979: 43.

21. МАЛАЕШТЫ,
с. Мэлэешть (Старые Малаешты), Бельцкий уезд, Молдова,
1989 г.
Найдена сделана в ходе раскопок.
Ильяш (?), полугрош, медь, 1 экз.
См. Городенко 1989: 13.

22. ФУНА,
с. Лучистое, Республика Крым, Украина,
Случайная находка близ руин средневекового замка.
1994-1996 гг.
Александр Добрый, полугрош, медь, 1 экз.:
субэратный выпуск 1430 г.
Следы надчеканки Ильяша (?).
См. Кирилко 1997: 181-182. Рис. 1.

23. КОСТЕШТЫ,
с. Костешть (Костешты-Гырля), Кишиневский уезд, Молдова.
1957, 1959 гг.
Подъемный материал с территории городища.
Неопределенные эмитенты, полугроши, медь, 2 экз.:
первая половина XV в.
См. Полевой 1969: 160.

24. КАЗАНЕШТЫ,
с. Кэзэнешть, Орхейский уезд, Молдова
До 1975 г.
Случайные изолированные находки в окрестностях села.
Александр Добрый, полугрош, медь, 1 экз.
Стефан Великий, грош, серебро, 1 экз.
См. Нудельман 1976: 138-139.

25. ЛУКАШОВКА,
с. Лукашеука, Орхейский уезд, Молдова.
Случайная находка.
Стефан Великий, грош, серебро, 1 экз.
См. Нудельман 1976: 144.

26. МАНГУП,
Республика Крым, Украина.
Обстоятельства и время находок не установлены.
Неопределенные эмитенты, номиналы и металл, 2-3 экз.
Сообщение В.П.Кирилко.

27. СОЛХАТ-КРЫМ,
г. Старый Крым, Республика Крым, Украина.
Обстоятельства и время находок не установлены.
Неопределенные эмитенты, номиналы и металл, ? экз.
См. Крамаровский 1989: 153.

28. СУДАК,
Республика Крым, Украина.
Обстоятельства и время находок не установлены.
Неопределенные эмитенты, номиналы и металл, 3 экз.
По сообщению В.П.Кирилко.

29. ВАРАТИК,
с. Вэратик, Единецкий уезд, Молдова.
1960 г.
Находки сделаны в ходе раскопок средневекового молдавского кладбища
Неизвестные эмитенты и номиналы, серебро, ? экз.
Неизвестные эмитенты и номиналы, биллон, ? экз.
Представлены монеты Молдавии и других государств; выпуски XV - начала XVIII вв. Молдавские монеты из общей массы не выделены.

2.2. Соотношение молдавских и иноземных монет, обращавшихся в границах средневековой Молдавии, невозможно определить без учета всей совокупности иностранных денег. Представление об этом дает изучение тех же групп материалов. Поскольку сведения о составе городских коллекций нами уже приведены, остановимся на описании кладов и единичных находок.

Ia. КЛАДЫ ИНОСТРАННЫХ МОНЕТ*

30. СОРОКИ,
г. Сорока (Сороки), Молдова.
1895 г.
27 экз.
Случайная находка.
Чехия
Вацлав IV, гроши, серебро, 27 экз.
См. Сиверс 1922: 9; Полевой 1956: 99; Нудельман 1975: 99; 1976: 92.

31. БЕЛГОРОД,
1972 г.
11 экз.
Крымское ханство
Хаджи-Гирей, аспры, серебро, 11 экз.

* В сводку включены данные о ряде неопубликованных монетных находок XV-XVI вв., обнаруженных при археологических раскопках на городище в 1981-1989 гг. Как и основная часть нумизматической коллекции Старого Орхея, они хранятся в фондах Археологического музея АН РМ.

См. Нудельман 1974: 220; 1975: 102-103.

32. СЭРАТА АЛБЭ,
п.Купчинь (Калининск), Единецкий уезд, Молдова.
1957 г.
Несколько десятков монет.
Монетно-вещевой клад.
Случайная находка.

Крымское ханство

Хаджи-Гирей, аспр, серебро, ? экз.
Менгли-Гирей, аспр, серебро, 1 экз.
См. Нудельман 1975: 103; ТМ 1994: 18-19.

33. ЛАРГА,
с.Ларга, Единецкий уезд, Молдова.
1963 г.
4 экз.

Османская империя

Баязид II, акче, серебро, 4 экз.:
выпуск 886 г.х.
См. Нудельман 1976: 92.

34. НОВАЯ САРАТА,
с. Сэрата-Ноуэ, Бельцкий уезд, Молдова.
1956 г.
27 экз.
Монетно-вещевой клад.
Случайная находка.

Польша

Казимир IV Ягеллончик (1447-92), полугрош, серебро, 1 экз.:
выпуск 1479-1491 гг.
Ян Ольбрахт, полугрош, серебро, 1 экз.:
выпуск 1499-1501 гг.
Александр I Ягеллончик, полугроши, серебро, 2 экз.

Литва

Сигизмунд I, полугроши, серебро, 5 экз. В том числе:
выпуски 1507 г. — 1;
1509 г. — 3.

Венгрия

Матвей Корвин, денарии, серебро, 7 экз.
Владислав II, денарии, серебро, 3 экз.

Османская империи

Баязид II, акче, серебро, 8 экз.:
выпуск 886 г.
См. Бырня, Нудельман, Рябой 1990: 239-249;

35. ДАНКУ,
с. Данку, Лапушнянский уезд, Молдова.
1971 г.
11 экз. (В соответствии с данными новейшего исследования клад насчитывал 218 монет).
Случайная находка.

Венгрия

Матвей Корвин, денарии, серебро, 6 экз.
Владислав II, денарий, серебро, 3 экз.
Людовик II, денарии, серебро, 2 экз.
В числе сохранившихся 8 экз. действительно оказались венгерские денарии двух первых эмитентов 1479-1485 гг. – 3 экз., 1487 г. – 1 экз., 1500-1502 гг. – 2 экз., а также один польский полугрош: **Александр I,** 1501-1506 гг.
См. Нудельман 1976: 99-100; ТМ 1994: 17.

IIIa. ЕДИНИЧНЫЕ НАХОДКИ ИНОСТРАННЫХ МОНЕТ

36. ЦЕЦИН.
1908 г.
Монеты найдены на городище во время раскопок В.Мильковича.

Венгрия

Людовик, номинал не указан, серебро, 1 (?) экз.
См. Тимощук 1969: 134.

37. ПЕРЕРЫТА,
с. Перерыта, Единецкий уезд, Молдова.
1968 г.

Чехия

Вацлав IV, грош, серебро, 1 экз.
См. Нудельман 1976: 134.

38. ФРУМУШИКА,
с. Фрумушика, Сорокский уезд, Молдова.
1969 г.

Польша

Казимир IV, полугрош, серебро, 1 экз.

39. ФЫНТЫНА АЛБЭ,
с. Фынтына Албэ, Единецкий уезд, Молдова.
1955 г.

Венгрия

Матвей Корвин, денарий, серебро, 1 экз.
Владислав II, денарий, серебро,1 экз.
См. Нудельман 1976: 136.

40. ПУЦИНТЕЙ,
с. Пуцинтей, Орхейский уезд, Молдова.
1972 г.

Польша

Ян Ольбрахт, полугрош, серебро, 1 экз.
См. Нудельман 1976: 143.

41. БАЛЦАТА,
1956 г.
Монета найдена в ходе археологических раскопок.
Неопределенное государство.
Неопределенный эмитент и номинал, серебро, 1 экз.:
монета выпущена «не ранее второй поло-

* По данным А.А.Нудельмана (Нудельман 1976: 96) находка из с. Пепены 1955 г. состояла из 23 акче – 11экз. Селима I Явуз, 918 г.х. и 12 экз. Сулеймана II 926 г.х. Однако в ходе нового изучения состава монет Е.Николае и А.Болдуряну этот клад был отнесен к XVII в., что позволяет нам вывести его из публикуемого списка. Выражаем признательность исследователям за устную информацию о результатах их работы.

вины XV в.»

Указывается на восточное происхождение находки.

См. Нудельман 1976: 145.

42. МОКРА,
с. Мокра, Дубоссарский уезд, Молдова.
1972 г.

Польша

Александр I, полугрош, серебро, 1 экз.

См. Нудельман 1976: 137.

43. СОРОКА,
1968-1969 гг.

Монета найдена в ходе археологических раскопок в крепости.

Литва

Александр I, шеляг, серебро(?),1 экз.

См. Нудельман 1976: 136.

44. ТРИФАНЕШТЫ,
с. Трифэнешть, Сорокский уезд, Молдова.
1971 г.

Литва

Александр I, денарий, серебро, 1 экз.

См. Нудельман 1976: 137.

45. КАУШАНЫ,
г. Кэушень, уезд Тигина, Молдова.
1971 г.

Монета найдена в погребении вместе с более поздней.

Польша

Сигизгмунд I, полугрош, серебро, 1 экз.:
выпуск 1507-1523 гг.

См. Нудельман 1976: 149.

Несмотря на сравнительно небольшое количество иностранных монет и неполные знания о них, некоторые представления о их месте в денежном обращении региона можно получить. Для большей наглядности мы свели сведения о коллективных находках, выделив на первые позиции тезаврации, в которых молдавские деньги составляют 100%. Далее комплексы следуют в порядке убывания в них монет сучавской чеканки. В таблицу включены данные о массовых находках монет на городищах. В какой-то мере, они также могут рассматриваться как клады, накапливавшиеся в течение длительного времени.

Исключив клады, обнаруженные за пределами исторической территории Молдавии (10, 11, 13), а также нелокализованные тезаврации (4, 14) можно сделать одно важное наблюдение. Оказывается для северных и восточных районов страны сокрытие крупных партий монет вообще не характерно. Интересно выглядит картина распределения монет молдавских господарей в кладах (табл. 2).

Выясняется, что продукция далеко не всех господарей Молдавского государства рассматриваемого периода попадала в состав кладов. Более того, не зафиксирован ни один случай, когда бы монеты хотя бы двух господарей были сокрыты в одном месте одновременно. Вовсе не случайным является факт наибольшей встречаемости выпусков Петра Мушата, Александра Доброго и Стефана Великого, по всей видимости, отражающий благополучие страны во времена властвования названных правителей. Не противоречит такому утверждению и доля данных эмиссий, кроме Петра Мушата, в коллекциях из Белгорода и Старого Орхея. Например, среди молдавских монет, найденных на городище у Реута, деньги Александра составляют более 58% (79 экз. из 136), а Стефана Великого - ок. 20% (27 экз.).

Не менее интересным является распределение продукции иностранных эмитентов в рассматриваемых комплексах. Иноземные деньги встречены в 18 из 23 изученных случаев (16 кладов и 2 городские коллекции) – табл. 3.

Нетрудно убедиться, что несмотря на свою многочисленность и широкую географию происхождения далеко не все иноземные монеты играли существенную роль в товарно-денежных отношениях Молдавии. Например, выпуски Силезии, сопутствующие в двух тезаврациях эмиссиям молдавских господарей, на территорию страны практически не поступали и обнаружены достаточно далеко от его границ. То же можно сказать о деньгах Астраханского ханства и Азербайджана. Прочие же монеты, поступавшие на рынки Молдавского государства из других стран, нуждаются, на наш взгляд, в специальном кратком рассмотрении.

Среди наиболее часто встречающихся находок иноземных монет выделяются эмиссии Польши, в частности, деньги, отчеканенные Владиславом Ягайло - литовским князем на троне Польши. Этому правителю принадлежит абсолютное большинство находок, поступавших в Молдавию с севера. Дело в том, что Галицкая Русь, находившаяся тогда в польских пределах, также чеканила деньги от имени названного короля (Котляр 1968: 66-90; Kubiak 1988: 86-88). В этой связи эмиссии полугрошей Владислава Ягайло, произведенные как в самой Польше, так и в столице Галицкой (Червонной) Руси – Львове, весьма зримым потоком поступали и в молдавские земли. Судя по всему, эти монеты поступали с территории современной Западной Украины уже в правление Петра Мушата, о чем свидетельствует состав Маморницкого клада. В дальнейшем обращение монет Владислава Ягайло продолжалось по меньшей мере в первой трети XV в. Затем, по всей видимости, имел место довольно резкий спад, преодоление которого начинается лишь с середины XV в. Впрочем, ни во второй половине XV в., ни в первой трети XVI в. польские монеты столь видной роли в денежном обращении страны уже не играют. Что касается галицко-русских

Таблица 1.
Молдавские и иностранные монеты в кладах и городских коллекциях

№ пп	Нумерация комплексов	Количество монет (экз.) Молдова	другие	всего	доля монет Молдавии (%)
1	8	ок.200	0	св.200	100
2-3	1-2	192	0	192	-
4	5	26	0	26	-
5	7	7	0	7	-
6	3	св.100	3	св. 103	св. 97,00
7	15	42	12	54	75
8	16	136	80	216	62,96
9	9	27	245	272	9,93
10	12	9	81	83	2,41
11	11	3	ок.1200	ок. 1200	0,25
12	6	1	595	596	0,17
13	10	4	ок. 4000	ок.4000	0,10
14	13	1	1003	1004	0,10
15	14	?	Много	ок.3000	?
16	4	?	?	?	?
17	30	0	27	27	0,00
18	34	0	27	27	0,00
19	35	0	23	23	0,00
20	31	0	11	11	0,00
21	36	0	11	11	0,00
22	33	0	4	4	0,00
23	32	0	?	?	0,00
			741+?	7318+?	11053+?

выпусков, то они прекратились еще в 1414 - 1415 гг.

В чем-то противоположная ситуация фиксируется с монетными находками из Венгрии. Они не играли сколько-нибудь существенной роли в экономике восточной части страны, вероятно, вплоть до последних десятилетий XV в. Только на севере княжества зафиксированы находки золотых флоринов. По данным о составе клада из Сесен и коллекции Старого Орхея значение венгерских серебряных денариев в экономической жизни Молдавии возрастает после того, как король Матвей Корвин (Матиаш Хуньяди) провел денежную реформу (Kiriюescu 1964: 95; Нудельман 1975: 113). Основное количество монет эмиссий Венгрии приходится на конец его правления и продолжает увеличиваться при следующем правителе, Владиславе II.

Весьма добротные чешские монеты из наших комплексов, за небольшим исключением, принадлежат чеканке Вацлава IV. Более поздние эмиссии в рассматриваемом регионе не обнаружены, а выпуск пражских грошей при названном короле прекратился в 1423-1424 гг. Поэтому есть все основания считать, что проникновение в Молдавию монет Чехии, имевших тогда славу международной валюты, пресеклось примерно к концу первой трети XV в. С другой стороны, начало обращения пражских грошей на рассматриваемых территориях следует отнести к последней четверти XIV в. или, может быть, даже к предшествующему (домолдавскому) периоду истории края. На справедливость такой оценки может указывать состоявший исключительно из пражских грошей Сорокский клад и некоторые другие находки. Не исключено, что монеты Чехии проникали в Молдавию через земли теперешней Украины, где в числе 164 кладов XIV-XV вв. 74 содержали пражские гроши (Котляр 1971: 65).

Монеты Великого Литовского княжества представлены выпусками конца XV - первой половины XVI вв., произведенными от имени Алек-

Таблица 2.
Монеты Молдавии в составе кладов

Эмитенты	Нумерация кладов и примерное число монет								
	1-2	3	4	5	6	7	8	9	10-14
Петр Мушат	192	100							
Стефан I			?						
Александр Добрый				26	1				
Стефан Великий						7	200?		
Богдан III								27	
неизвестные									6+?

Государства - эмитенты	Места находок		Количество монет
	Кол-во	Нумерация	
1 Польша	10	3,6,10,11,13,14,15,16,34,36	54+?
2 Венгрия	9	9,10,11,12,13,15,16,34,36	48+?
3. Чехия	7	4,6,10,12,13,16,29	248+?
4 Османская империя	6	9,15,16,32,34,35	213
5 Литва	5	9,10,11,16,34	25+?
6 Крымское ханство	5	4,13,16,31,32	927+?
7 Золотая Орда	4	4,6,9,13	116+?
8 Золотая Орда - Литва	3	6,12,13	31+?
9 Галицкая Русь	2	6,10,14	415+?
10 Золотая Орда - Каффа	2	6,13	27
11 Силезия	2	10,11	?
12.Валахия	1	4	?
13.Астраханское ханство	1	15	1
14.Азербайджан	1	15	1
15 Венеция-Генуя	1	16	1
16 Неопределенное государство	1	4	?

Таблица 3. Иностранные монеты в составе анализируемых нумизматических комплексов

сандра I и Сигизмунда I Старого, которые также были королями Польши. Именно монеты двух названных эмитентов составляют весомую долю иноземных денег, обращавшихся на территории средневековой Молдавии. В известной мере польско-литовскую продукцию можно рассматривать как свидетельство продолжения традиционных связей денежного хозяйства Молдавского государства с северными соседями, существовавших еще со времени правления Владислава Ягайло.

Значение «татарских» денег в восточных землях страны, которое было здесь решающим еще в начале территориального становления Молдавского государства (Руссев 1991: 39-66), в XV в. падает. Тем не менее, в Днестровско-Прутских землях по-прежнему имели хождение джучидские дирхемы. Известно, что недостаток серебряной монеты в Литве отчасти покрывался за счет ордынских денег. Надчеканенные в конце XIV в. литовцами дирхемы известны и в рассматриваемом регионе (Бектинеев 1994: 12-14). Кроме того, определенную роль в экономической жизни края играли монеты крымских ханов. Проникая в земли, лежащие к западу от Днестра, они далеко не всегда смешивались с циркулировавшими тут деньгами. Об этом говорят некоторые клады данного периода, не имеющие в своем составе других монет и, в частности, молдавских. К той же группе можно условно отнести и деньги, контрмаркированные или выпущенные в Каффе. Однако их место в денежной массе региона было довольно скромным.

Следует обратить внимание и на загадочные «брактеаты» с крестом. Высказано мнение, что и в этих монетах нужно видеть надчеканенные джучидские дирхемы (Федоров-Давыдов 1960: 177). Если это так, то в Подольском кладе (№ 4), по всей вероятности, находились эмиссии, появление которых прямо связывают с Белгородом. Считается, что именно в городе на Днестре в условиях нехватки монетного серебра одно время действительно было налажено «освоение» джучидских монет путем контрмаркирования их местным гербовым символом – крестом (Коциевский 156-165). Его исполнение аналогично изображению на медных выпусках типа «Аспрокастро».

Немаловажным фактом монетной циркуляции региона следует считать появление в денежном обиходе турецких акче. Османские эмиссии вошли в обращение Молдавии никак не ранее начала выплаты Петром Ароном дани султану (IR 1962: 424). Еще больший наплыв серебряных денег Османской империи наблюдается в молдавских землях с приходом к власти Баязида II. Очевидно, более точно связывать начало интенсивного обращения акче в Молдавии с периодом, начавшимся после завоевания турками Килии и Белгорода в 1484 г.

Наконец, нельзя не обратить внимания на проникновение итальянских золотых монет в Карпато-Днестровские земли. Кроме экземпляра из Старого Орхея, в регионе отмечены другие находки этого круга как единичные, так и в составе кладов (Нудельман 1974: 206). Что касается монет Валахии, то проникновение их в районы, лежавшие к востоку от Карпат, было довольно редким (Neamțu, Cheptea 1986: 29-30). Тем интереснее присутствие таковых в Подольском кладе.

Клады, не содержащие молдавских монет, но тезаврированные в рассматриваемую эпо-

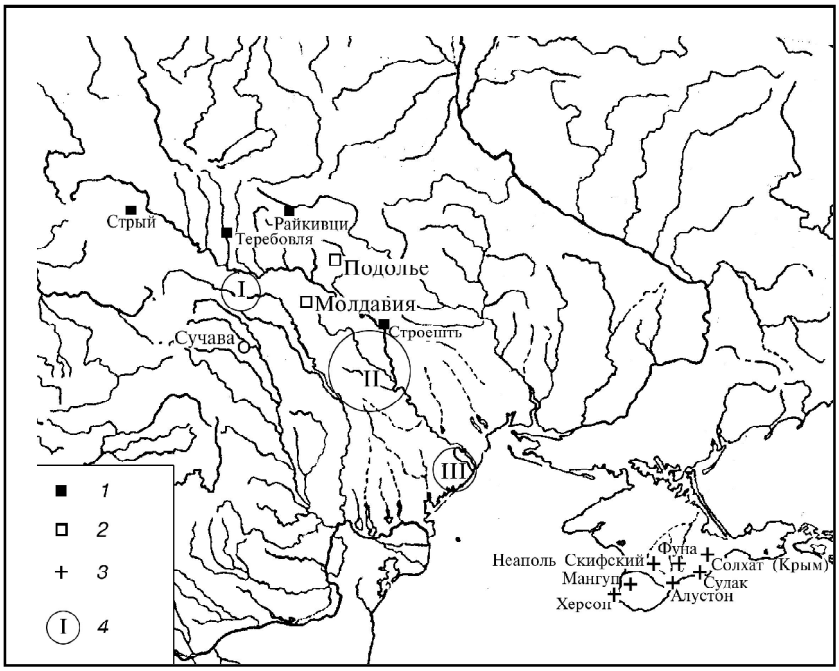

Рис. 36. Монеты молдавских господарей 1375 - 1527 гг., найденные на территории Молдовы и Украины.
Обозначения монетных находок:
1 - клады;
2 - нелокализованные клады;
3 - единичные;
4 - места наибольшей концентрации монет.

ху, представляют большой интерес потому, что сокрытые в них деньги обращались на территории Молдавии одновременно с собственными сучавскими выпусками. Ввозимые из-за границы монеты играли немалую роль в экономике страны и были, как правило, высокопробными. Их присутствие на рынках имело большое значение для поддержания торговли, прежде всего в пору нестабильности, когда домашнее монетное производство либо резко сокращалось, либо наводняло Молдавию продукцией низкого качества. Таким образом, без их учета невозможно составить полную картину денежного обращения страны конца XIV - первой трети XVI вв.

Сравнение иноземных монет из этой категории находок с теми, которые встречаются в одних комплексах с молдавскими, показывает, что они несомненно принадлежат одной общности. Эти деньги составляют важную и традиционную часть монетной массы обращавшейся в пределах Молдавского государства того времени. Определенные изменения, конечно же, происходили, но монеты иностранных государств непременно присутствовали на молдавском рынке в качестве существенного фактора товарно-денежных отношений.

Клады иноземных монет в Молдавии оказываются необыкновенно «чистыми». Такого рода состав прямо указывает, где именно формировались суммы серебра, поступавшие затем на рынки Молдавии. Отсутствие «примесей» из монет различного происхождения свидетельствует о прямых связях страны с зарубежными торговыми центрами. В открывшемся контексте становится понятным: смешение молдавских монет с пришлыми, а также последних друг с другом имело место уже в землях между Карпатами и Днестром. Поскольку смешивание было довольно слабым, можно говорить о невысокой интенсивности товарно-денежного обмена на внутреннем рынке.

2.3. Районы распространения монет Молдавии и сопутствующих им денег других стран удается очертить, картографируя собранные материалы. На карте-схеме (рис. 36) показаны участки наибольшей концентрации монетных находок. Один из них охватывает округу Черновцов, другой занимает центральную часть Прутско-Днестровского междуречья со Старым Орхеем. Отдельным очагом выглядит Белгород-Днестровский, где встречаются монеты практически всех выделенных категорий. Остальные находки, несмотря на их отдаленность от основного ареала и разбросанность, ясно показывают два направления проникновения денег сучавской чеканки - современные западные области Украины и черноморское побережье Крыма. Думается, такого рода локализация нумизматических материалов вовсе не случайна. Она, судя по собранным данным, отражает особенности исторического развития Молдавии в первые полтораста лет существования, в частности, ее экономические и политические устремления, достижения и трудности. Чтобы получить более объективную картину, нужно выяснить характер циркуляции денег в пределах Молдавского средневекового государства на различных этапах его ранней истории.

В соответствии с общим ходом исторического процесса на пространстве, лежащем к востоку от Карпатской гряды, хронологический отрезок с конца XIV в. по 30-е гг. XVI в. целесообразно расчленить на пять периодов. Примечательно, что они без особых натяжек соотносятся с основными вехами развития монетного

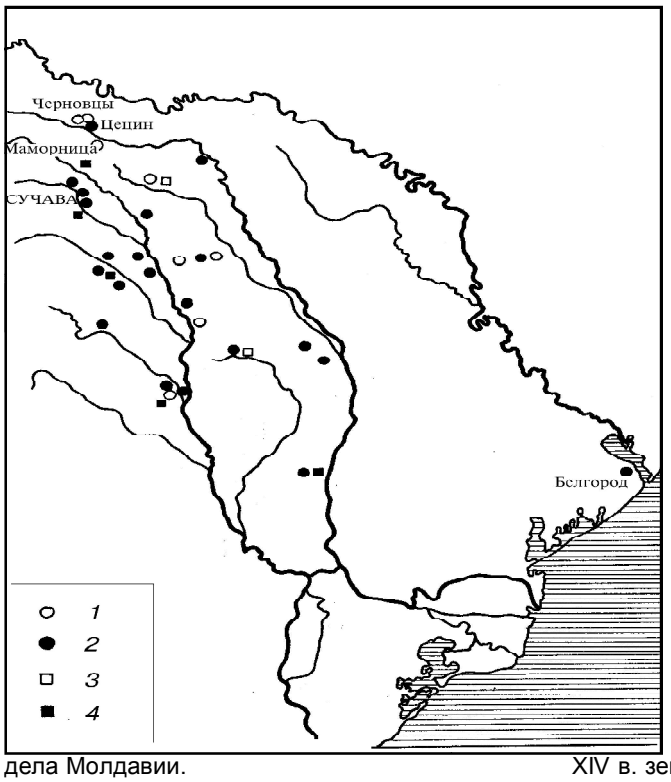

Рис. 37. Монеты молдавских господарей 1374 - 1400 гг., найденные на территории государства.
Обозначения монетных находок:
Петр Мушат:
1 - клады;
2 - единичные.
Стефан I:
3 - клады;
4 - единичные.

дела Молдавии.

1. Последняя четверть XIV в. Время окончательного оформления молдавской государственности. Начавшаяся в Сучаве, чеканка монет представлена эмиссиями двух господарей — Петра Мушата и Стефана I.

2. 1400-1432 гг. — время правления Александра Доброго, определившее направленность внутреннего развития Молдавии и ее место на международной арене. Разнотипные монетные эмиссии этого времени показывают противоречивые стороны денежного хозяйства страны.

3. 1432-1457 гг. — период нестабильности и внутренних потрясений, характеризующийся обильной чеканкой обесцененных и разменных монет, большого числа сменявших друг друга правителей, от Ильяша до Петра Арона.

4. 1457-1504 гг. — эпоха Стефана Великого, стабилизировавшая внутреннее и международное положение Молдавии; отмечена выпуском добротных монет.

5. 1504-1527 гг. — кризис, предшествовавший установлению в Молдавии османского господства; одной из характеристик начавшегося экономического упадка является деградация денежной чеканки при Богдане III и Стефане IV, приведшая в итоге к прекращению деятельности сучавского монетного двора.

Нумизматические материалы, собранные и опубликованные румынскими учеными (Berciu-Drrghicescu 1990: 54-92), являются хорошей основой для сравнительного изучения региональных особенностей денежной циркуляции на каждом из выделенных этапов. Картографируемые находки убеждают в том, что на исходе XIV в. земли на левобережье Прута практически оставались за пределами сферы товарно-денежных отношений, возникшей и развивавшейся в северо-западной части страны (рис. 37).

Исключением являются земли близ современных Черновцов, которые, как видится нам, были тесно связаны со столицей Молдавии Сучавой экономическими и политическими узами уже в последней четверти XIV в. Надо думать, с северным направлением движения товаров и денег должен быть соотнесен Подольский клад с монетами Стефана I, точная локализация которого, к сожалению, невозможна.

Единственная находка молдавской монеты XIV в. (грош Петра Мушата) в землях бывшей Бессарабской губернии происходит из раскопок в Аккермане, проведенных летом 1912 г. Э.А.Штерном (Штерн 1913: 96-99; Протоколы 1913: 91). Можно предположить, что проникновение единичных монет в город на Днестровском лимане произошло, благодаря маршрутам международной торговли, быть может, даже морским путем через район Нижнего Дуная, ведь на севере Добруджи находки денег Петра Мушата не является редкостью (Iliescu 1990: 653-656). Впрочем, достоверность этой белгородской монеты пока не подтверждена ни содержанием музейных фондов, ни новыми открытиями на памятнике.

В правление Александра Доброго, судя по имеющимся данным, ареал обращения молдавских монет заметно расширяется в восточном направлении (рис. 38). Картографирование находок позволяет увидеть, что открыты они в сравнительной близости от Днестра, на

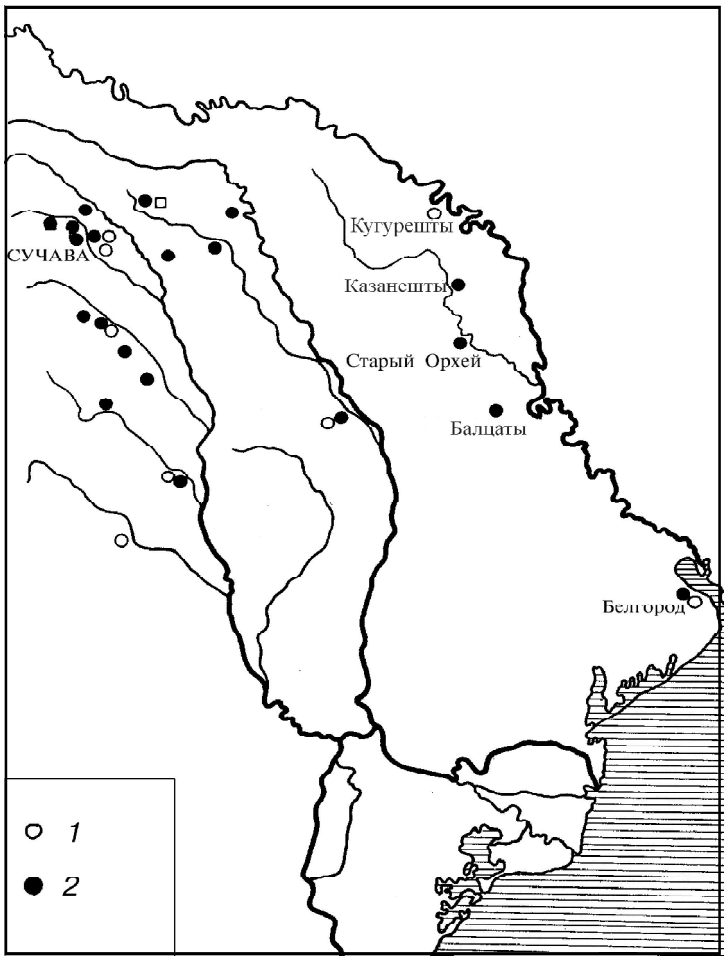

Рис. 38. Монеты Александра Доброго (1400 - 1432 гг.), найденные на территории государства.
Обозначения монетных находок:
Александр Добрый:
1 - клады;
2 - единичные.

правобережье реки. Наиболее насыщена находками зона Кодр. Что касается количества находок, больше всего их обнаружено в ходе археологических раскопок городищ - Старого Орхея и Белгорода. Примечательно, что в районе Черновцов находки монет Александра Доброго не отмечены.

Время неурядиц в Земле Молдавской, начавшееся после смерти Александра Доброго, не отличается большим количеством нумизматических находок, несмотря на многочисленность эмитентов и монетных выпусков (рис. 39). Количество пунктов, в которых открыты монеты 1432-1457 гг., значительно меньше. Основная масса находок приходится на крупные городские центры Молдавии. В этом смысле не являются исключением и территория междуречья Прута и Днестра, где, кроме Старого Орхея и Белгорода, находки почти неизвестны. Единственный полугрош происходит из Малаешт, но и он отнесен к чеканке Ильяша предположительно. При этом нельзя упускать из виду тот факт, что общее сокращение ареала монетной циркуляции и его насыщенности не изменило характер распределения находок на востоке страны, где они обнаружены опять-таки в Кодрах на небольшом удалении от Днестра. В северной черновицкой зоне сведения о находках нумизматических материалов интересующих нас господарей отсутствуют.

В правление Стефана Великого вновь наблюдается увеличение ареала обращения молдавской монеты (рис. 40). Он теперь, пожалуй, достигает границ зафиксированных в эпоху Александра Доброго. Вновь отмечены находки в черновицком районе, а на востоке по-прежнему монеты тяготеют к Днестру в районе Старого Орхея и в Белгороде. Вместе с тем, плотность монетных находок на территории стран куда меньше чем в 1400-1432 гг. Это особенно заметно в ее северо-западной части.

Небывалое сокращение сферы циркуляции молдавских монет имеет место в 1504-1527 гг. (рис. 41). Деньги этого периода не обнаружены не только в районе Черновцов, они уже не встречаются и в Белгороде-Днестровском, а на территориях к западу от Прута не распространяется южнее границ современного жудеца Яшь. Единственным местом в землях восточнее Прута, куда попадали монеты Богдана III и Стефаницы, было староорхейское городище, а также тесно связанный с ним прилегающий район.

Составленные нами карты-схемы обращения монет XIV - первой трети XVI вв. в исторических границах Молдавского средневекового

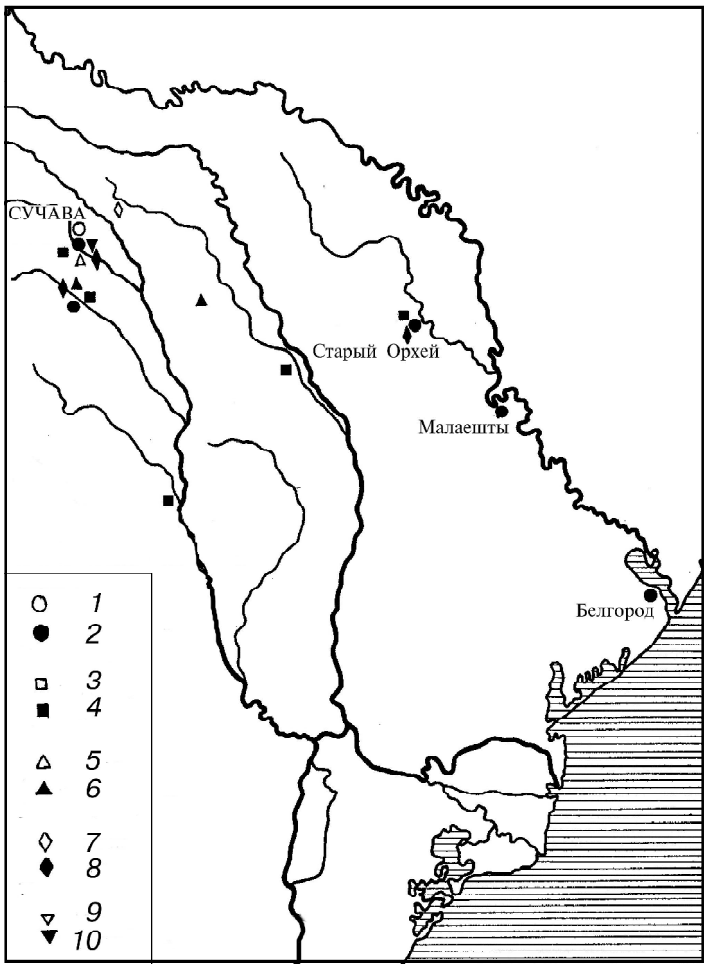

Рис. 39. Монеты молдавских господарей 1432 - 1457 гг., найденные на территории княжества.
Обозначения монетных находок.
Ильяш:
1 - коллективные;
2 - единичные.
Стефан II:
3 - коллетивные;
4 - единичные.
Петр II:
5 - коллективные;
6 - единичные.
Александр II:
7 - коллективные;
8 - единичные.
Петр Арон:
9 - коллективные;
10 - единичные.

государства наглядно демонстрируют, что существовавшая на протяжении всего этого периода местная сфера товарно-денежных отношений носила «пульсирующий» характер. Нумизматические данные неоспоримо доказывают, что наиболее прочно с прикарпатскими коренными территориями государства, где находились его первые столицы - Сирет, Байя, Сучава, были связаны земли теперешней центральной части Республики Молдова. Она охватывала главным образом зону Кодр - примерно в границах будущего уезда Лапушна-Орхей. Своеобразным «ядром» развития восточной части страны был в то время город Орхей, поддерживавший достаточно стабильные товарно-денежные отношения с Сучавой на протяжении более столетия - от времени Александра Доброго до Богдана III и Стефана IV.

Другие районы Прутско-Днестровского междуречья не отличались прочностью связей со столицей. Стратегически важный для всякого из господарей Белгород, по всей видимости, включенный в состав Молдавии в самом конце XIV в., время от времени проявлял стремление к автономному существованию, а в 1484 г. был захвачен османами. Еще менее регулярными были контакты с районом Черновцов. Это особенно заметно в первой половине XV в., когда страну сотрясали внутренние войны. Вместе с тем, главным образом через два названных района, осуществлялись связи с Крымом и находившимися в составе Польши юго-западными русскими землями.

Как представляется, для понимания значения каждого из трех зон в экономической жизни Молдавии целесообразно проследить связь нумизматических артефактов с исторической информацией о конкретных населенных пунктах, близ которых монеты найдены. С точки зрения положения районов по отношению к Сучаве, мы их именуем - северный, восточный и южный.

2.4. Северный район представлен в нашей сводке несколькими разнохарактерными находками молдавских монет (№№ 1-3, 8, 17). Из пунктов, в которых они обнаружены, ранее других упомянут «Чечунь», отнесенный «Списком русских городов дальних и ближних» конца XIV в. к числу «волошских» городов (НПЛ 1952: 475; Наумов 1974: 150-157). Остатки Чечуня выявлены на горе Цецино у западной окраины Черновцов. Еще в 1908 г. здесь впервые были изучены руины сторожевой башни. Это каменное сооружение диаметром 20 метров было датировано XIV в. Проведенные спустя полвека дополнительные исследования стратигра-

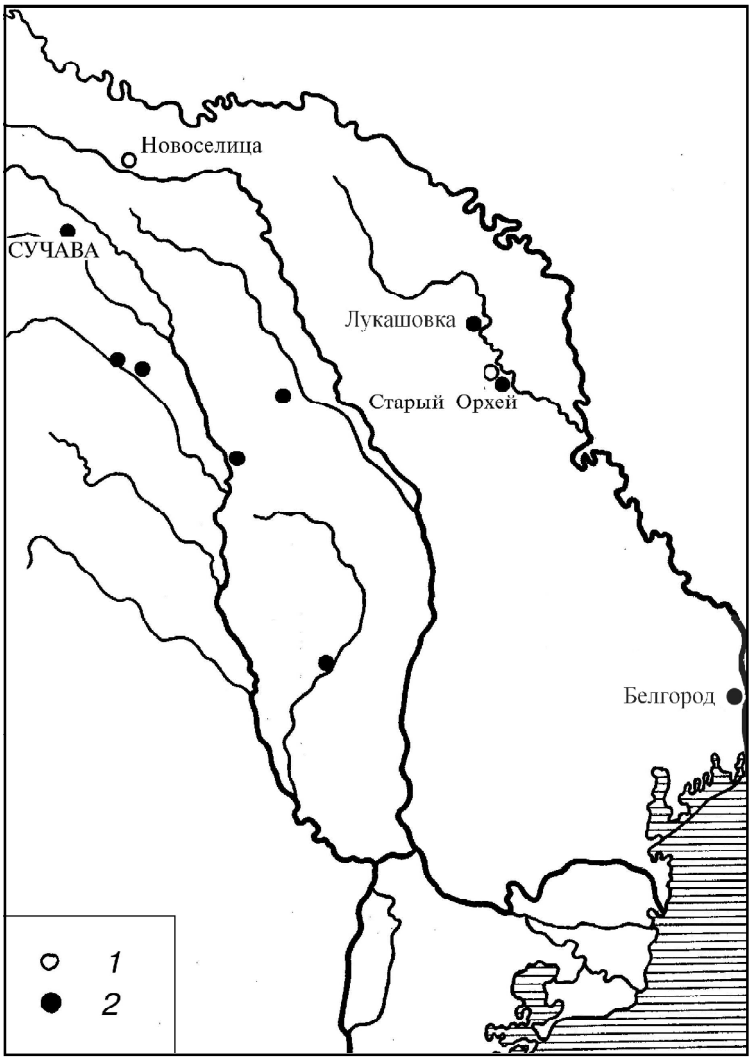

Рис. 40. Монеты Стефана Великого (1457 - 1504), найденные на территории государства. Обозначения монетных находок Стефана Великого:
1 - клады;
2 - единичные.

фии и использованного строителями известкового раствора подтвердили сделанные ранее выводы. Хронологию уточнили находки монет Петра Мушата. Они же позволили связать появление цецинских укреплений со строительной деятельностью этого молдавского господаря. Немало количество предметов вооружения – железные мечи, наконечники стрел, шпоры, обломки шлема – свидетельствовали, что здесь жили воины, охранявшие границу Молдавии с Польшей. У подножия горы открыты жилища рядовых горожан – небольшие деревянные дома. Здесь располагался посад Чечуня. Крепость на горе Цецино просуществовала до второй половины XV в., а затем, судя по всему, была разрушена (Тимощук 1964: 215-216).

В молдавских грамотах XV в. город известен под именем «Цецюнь», «Цецунь» или «Цецин». Вместе с Хотином и Хмелевым город входил в т.н. «Шепиньскую землю». Уже 30-е гг. Цецин являлся центром административно-территориального округа – волости. Однако в середине XV в. сведения о нем исчезают из документов господарской канцелярии. Правда, последние упоминания о городских головах - «старосты от Цецина» - встречаются еще под 1479-1481 гг. (DRH.A-I 1975: 235, 364).

Предполагается, что одной из причин упадка и прекращения существования Цецина явилось возвышение находящихся вблизи Черновцов. Этот пункт впервые назван в качестве таможенного поста на северной границе Молдавии в 1408 г. Грамота о торговых привилегиях львовским купцам, выданная Александром Добрым, вводила и понятие «мыто черновское». «У Черновцы» предписывалось взимать за право ввоза и вывоза определенные суммы в грошах с различных видов товара (Costăchescu 1932: 632).

Превращение Черновцов в город относится уже ко времени правления Стефана Великого. В 1476 г. этим именем назывался целый административный район — «Черновская держава» (DRH.A-II 1976: 314). В 1490 г. в связи с включением в состав Рэдэуцкой епископии двух церквей Черновцы прямо именуются городом — «от место от Черновцех» (Bogdan-I 1913: 407). С 1499 г. известны должностные лица, в обязанность которых входило следить за безопасностью и порядком на молдавско-польской гра-

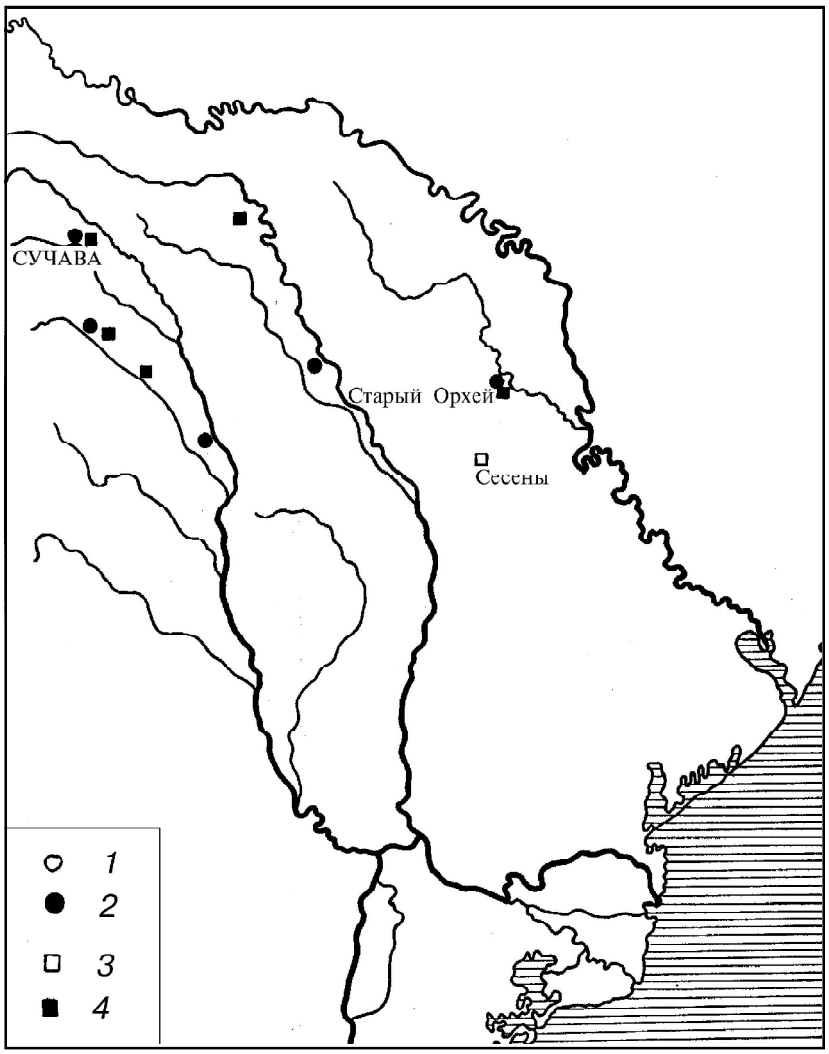

Рис. 41. Монеты молдавских господарей 1504 - 1527 гг., найденные на территории государства.
Обозначения монетных находок.
Богдан III:
1 - клады;
2 - единичные.
Стефаница:
3 - клады;
4 - единичные.

нице; с этого времени и впредь такого рода работы лежали «на старостах хотинских и черновских» (Bogdan-II 1913: 424). Позднее, в 1530 г., одна из господарских грамот говорит о пасеке «хотара Черновского тръга», т.е. торга (Costăchescu 1943: 263).

Все сказанное служит вполне надежным основанием для утверждения о том, что малодостоверные клады с монетами Петра Мушата (№№ 1-2*)* едва ли могут быть однозначно связаны с самими Черновцами. Возможно, они также происходят из района цецинского городища. Показательно, что в сообщениях об этих находках их происхождение выводится из окрестностей Черновцов (Єtirbu 1980: 78, 85).

Село Маморница, близ которого была сделана одна из наиболее ранних коллективных монетных находок, в грамотах XIV-XV вв. не значится. Вместе с тем, в документах часто встречается имя пана Ходко Мамуринского — члена государственного совета. Однако «Ходко Мамуринский», несомненно, означает то же, что и «Ходко из Маморницы», также как и Журж Фратовский — Журж из Фратоуц, Унклят Зубровский — Унклят из Зуброуць, Штефул Щербановский — Штефул из Щербанешть, Исая Бановский — Исая из Бани и т.д.(DRH.A-I 1975: 103; Costăchescu 1932: 701-702).

Ходко Мамуринский состоял в господарском совете вместе с братом. В грамоте от 13 декабря 1421 г. они названы впервые — «пан Ходко и его брат Лева», а затем неоднократно — «пан Ходко Мамуринский и его брат Лева» (DRH.A-I 1975: 69, 103, 125, 209, 220, 224, 226, 228, 236). Ходко Мамуринский, он же Ходко Костич, получивший 16 ноября 1433 г. от Стефана II село Ворона – двор Анушки, Хуецень, Синешть, Глодень, а также мельницы на Сирете (DRH.A-I 1975: 509). О том, что Ходко Костич и Ходко Мамуринский одно и то же лицо свидетельствует содержание документа от 24 ноября 1492 г., в котором говорится о продаже монастырю Путна села Штюбеюл внуками Ходко Костича постельника и его брата Льва (Bogdan-I 1913: 509). Ходко Костич был сыном боярина Кости, может быть известного «витязя Кости», члена совета господаря Романа (грамота от 30 марта 1392 г.). В январе 1395 г. этот человек был среди бояр, которые принесли присягу польскому королю и приложили к письменно оформлен-

ной вассальской клятве свои печати (Costăchescu 1932: I, 371; II, 612; DRH.A-I 1975: 3).

Таким образом, родившийся где-то в конце XIV в. Ходко Мамуринский или Ходко Костич, также как и его брат Лева, был крупным сановником и землевладельцем. В число его имений, наряду с Маморницей, входило немало других селений на севере Молдавии. Маморница, вероятнее всего, являлась родовым владением, унаследованным Ходко от своего отца, пана Кости. Если это так, то зарытый в конце XIV в. клад из Маморницы может быть связан с боярами Мамуринскими, видимо с деятельностью «Кости-витязя», отца Ходко и Левы. Что касается села с названием «Маморница», то оно засвидетельствовано источниками лишь в середине XVI в., когда населенный пункт имел уже почти двухвековую историю. Тогда господарь Александр Лапушняну своей грамотой от 3 мая 1555 г. подтвердил право на владение им сучавскому портарю Иордакию Цуре (МЭФ-I 1961: 69).

Новоселица, на землях которой обнаружен, клад с монетами Стефана Великого, появилась под этим названием в документах позже. По одному из мнений первоначально оно именовалось «Шизкоуць» (грамота 6 июня 1456 г.). Однако в пояснениях к ней отмечено, что корень слова - «Шиз» - читается гипотетически из-за неразборчивости его написания (DRH.A-II 1976: 88-89, 527). Проследивший историю развития большого числа сел М.Костэкеску соотнес этот топоним, впервые упомянутый 20 декабря 1437 г. в форме «где был Шизко», с населенным пунктом «Шизкоуць» близ села Ракитна, в бывшей волости Грозинцы Хотинского уезда (Costăchescu 1932: I, 541, 546; II, 580).

На наш взгляд, более обоснована трактовка И. Богдана отмечавшего, что Новоселица - это еще одно название села, фигурирующего в документах как «Урвиколеса» (Bogdan-II 1913: 497). В грамоте Стефана Великого от 12 августа 1401 г. подтверждается право на владение Хусину и его жене Марушке селами Молница, Строинцы и Урвиколеса, который были пожалованы отцу Марушки, Иону Мунтяну еще Александром Добрым. Затем село принадлежало некоему Симке, а он отписал его после своей смерти монастырю Путна - данные грамоты 2 февраля 1503 г. (Bogdan-I 1913: 47-48; idem. II 215; DRH.A-II 1976: 142-143). Принадлежность села Урвиколеса монастырю подтвердил 21 августа 1520 г. господарь Стефаница (Costăchescu 1943: 242). Новое наименование оно приняло, по всей вероятности, после 1520 г., когда перешло во владения чашника Сэкуяна, который в 1523 г. в результате раскрытия боярского заговора был казнен. Принадлежавшие чашнику-изменнику села, включая и Новоселицу, оказались конфискованными. Только спустя столетие эти имения были возвращены правнукам Сэкуяна и праправнукам Тэута логофета (Costăchescu 1933: 30-31) . В 1555 г. село с десятью фальчами (14,3 га) виноградника вместе с соседней Маморницей принадлежало Иордакию Цуре, а 1 января 1636 г. господарь Василий Лупу подтвердил право собственности на него великому ключеру Лупулу Прэжескулу и его госпоже Сафте (МЭФ-I 1961: 70; там же – III 1982: 332). Быть может, именно в тревожное время гонений Стефана Младого на мятежных бояр и произошло сокрытие клада в Новоселице.

Среди городов рассматриваемого региона наиболее известен Хотин. Однако до сих пор накоплены сведения, касающиеся главным образом его крепости. Высказано мнение, что она построена известным князем Галицко-Волынской Руси Даниилом Романовичем (умер в 1264 г.) и только во второй половине XIV в. во шла в состав Молдавского государства. Раскопки 1961-1967 гг. показали, что во второй половине XV в. Хотин представлял собой соединение трех компонентов: каменных укреплений, посада и ремесленного района. Среди находок археологов монеты не отмечены (Тимощук 1977: 216-217).

Тем не менее, нумизматические материалы молдавского происхождения здесь ожидать можно. В торговых привилегиях Хотин фигурирует как таможенный пункт, где взимались пошлины с вывозившихся на Каменец и Львов лошадей - по два гроша с головы (Costăchescu 1932: 632). «Городок на Черемоше» - еще один из трех крупных населенных пунктов «земли Шепинской», находившихся под юрисдикцией господарей Молдавии еще со второй половины XIV в. В молдавских документах XV в. этот волостной центр именуется «Хмелевым». Первые сведения о нем попадаются в грамоте 1433 г., указывающей на «тыи городы Цецунь и Хмелев с тыми волостями и селы» (НПЛ 1952: 475; Costăchescu 1932: 660, 706). Он локализован Б.А. Тимощуком на правом берегу Черемоша у села Карапчев (Черновицкая область), где найдены остатки земляного средневекового укрепления. Укрепления «Городок» на берегу Черемоша не раскапывалось археологами и нумизматический материал с него неизвестен.

2.5. Восточный район распространения молдавских монет не столь компактен, хотя и представлен гораздо большим количеством нумизматических находок, чем северный. Для него характерно наличие практически всех сучавских эмиссий, начиная от монетной продукции Александра Доброго. Своего рода центром этого региона является городище Старый Орхей — остатки средневекового Орхея, молдавского города в излучине Реута на мысу именуемом Пештере (земли с. Требужень, Орхей уезд). Молдавский город возник на месте покинутого в 70-е годы XIV в. ордынского центра, вероятно, носившего название Шехр ал-Джедид (Янина 1977: 207-213), и существовал в XV - начале XVI вв. Он достаточно хорошо изучен.

Раскопки здесь ведутся с небольшими перерывами на протяжении длительного периода — с 1947 г. до настоящего времени. На территории городища раскопана площадь около 25 тыс. кв.м. Выявлены остатки каменной цитадели, дворца, небольшой церкви, 27 жилищ и 36 хозяйственных сооружений, большое количество предметов быта, вооружения, монет.

Полученные археологические и нумизматические материалы позволили выявить два основных этапа в жизни поседения:

1) Раннегородской этап, датирующийся 20-60-ми гг. XV в. Тогда поселение занимало в основном северо-западную часть мыса и достигало площади около 15 га. Это наиболее древний очаг жизни молдавского периода на городище, определяемый более 50 монетами времени правления Александра Доброго, Ильяша, Стефана II и Александрела.

2) Городской этап начинается в конце 60-х гг. с завершением строительства каменной цитадели, когда назначается первый военный наместник господаря в Орхее. Им был пыркалаб Раду Гангура, управлявший городом и округой с 1470 до 1480 гг. Пыркалабами Орхея затем становились Влайку Галеш и его сын Дума (1480-1484 гг.), Грозя Микотич (1486-1491 гг.), а в 1499 г. в Орхее известны два пыркалаба Иванко и Алекса (Бырня 1984: 42, 86). Просуществовал средневековый Орхей примерно до 30-х гг. XVI в., о чем свидетельствуют монеты периода правления Стефана Великого, Богдана Ш и Стефаницы (Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 75, 77). Правда, процесс развития города был приостановлен еще в 1499 г. в результате опустошительного набега татар. Не успели горожане оправиться от разрушений, как в 1510 г. отряды крымчаков, предводительствуемые ханом Бети Гиреем, вновь напали на страну и разгромили ее «от Орхея и до Дорохоя по Пруту вверх» (Ureche 1956: 131). Последний раз Орхей упомянут в 1531 г. в «Описании Молдавии» Дж.Рехерсдорфера (CSTR 1968: 199), а затем вовсе исчезает со страниц истории как город. Его полный упадок, как и дезурбанизация всего восточного района, совпали по времени с установлением османского господства в Молдавии в 1538 г.

Средневековый Орхей являлся важным торгово-экономическим центром на территории между Днестром и Прутом и стратегическим военно-оборонительным пунктом на границе Молдавского государства с «Татарией». К городу тяготели села обширной округи (Бырня 1984: 73-87, 123-176). Надо думать, что посредством орхейского рынка сельское население вовлекалось в процесс товарно-денежного обмена. В таком случае именно отсюда монеты и проникали вглубь Кодр.

В 1955 г. при раскопках многослойного поселения у села Лукашовка была обнаружена серебряная монета Стефана Великого (Полевой 1956: 100). Эта находка, по всей вероятности, фиксирует связь одного из средневековых сел с крупнейшим торговым и ремесленным центром края. К сожалению, сведения о данном населенном пункте отсутствуют в источниках вплоть до второй половины XVII в. и только из грамоты Петра Стефана от 12 июня 1673 г. удается выяснить, что Лукашевка входила в хотар города Орхея (Нового). Становится понятным, что село, прикрепленное к городу, являлось собственностью господаря. По этой причине оно ранее не упоминалось в актах, фиксировавших по преимуществу движение частновладельческих имений. До этого времени встречаются ранее лишь некоторых жителей Лукашевки. В 1673 г. господарь передал село в частное владение Кирияку Стурзе, бывшему житничеру, со всем доходом и хотаром, а также с бродом для мельницы на реке Ватич (Sava 1944: 124, 135-136).

Найденная случайно в 1956 г. в селе Балцата учителем местной школы анэпиграфная молдавская монета относится к XV в. (Полевой 1956: 100) Эту находку можно объяснить расположением на северо-западной окраине современного села молдавского поселения XV - первой половины XVI вв. На памятнике в ходе раскопок 1956-1957 гг. открыты остатки ряда сооружений, в одном из которых была обнаружена монета восточного (скорее всего, крымского) происхождения, датируемая не ранее второй половины XV в. (Бырня 1969: 90). При этом средневековое селище Балцата не удалось идентифицировать с каким-либо из известных по грамотам молдавских сел.

Два медных полугроша из Костешт найдены при сборе подъемного материала на территории золотоордынского городища XIV в. в 1959 г. (Полевой 1969: 160). Видимо, находки монет Молдавии на месте разрушенного восточного города можно связать с нахождением здесь в XV в. села. О его верхней части с водоемом и мельницей на Ботне, принадлежавших священнику Федору из Лапушны, говорится в грамоте от 4 мая 1573 г. Ранее это селение принадлежало внучке армаша Дрэгана Тудосии и было продано названному священнослужителю до 800 татарских золотых (DIR.A Veacul XVI-III 1951: 24). Можно ставить вопрос и о связи этих находок с находящимся в 300 м от городища на плато укреплением, именуемым местными жителями «Четатя». Однако, к сожалению, хронологическая и культурная принадлежность этого памятника до сих пор не установлена (Полевой 1969).

На протяжение многих лет жители Казанешт (чаще всего школьники) находят в окрестностях села различные средневековые монеты. Из 12 экз. XIV-XVII вв., ставших известными по публикациям, четыре являются польскими шелягами Сигизмунда III Вазы (1587-1632). Обнаружение этих биллоновых денег в одном пункте

наводит на мысль, что речь может идти об остатках клада. Такая тезаврация, должно быть произошла в то время, когда село Казанешты на Реуте принадлежало великому ворнику Молдавии Уреке — данные грамоты от 16 апреля 1617 г. (DIR.A Veacul XVII-IV 1956: 145). Гораздо важнее для нас, что две монеты из числа собранных принадлежат молдавским господарям — медный полугрош эпохи Александра Доброго и серебряный грош Стефана Великого (Нудельман 1976: 138-139). Хотя Казанешты впервые упоминаются в 1554 г. (Ghibănescu 1914: 31), концентрация нумизматических находок в этом пункте наводит на мысль о хорошей освоенности местности и в предшествующий период. Отметим также, что названный микрорайон относится к наименее изученным в археологическом аспекте и может оказаться чрезвычайно перспективным для полевых исследований материальной культуры Молдавии эпохи средневековья.

Территориально несколько особняком стоят села Кугурешты и Малаешты. Из первого происходит большой монетно-вещевой клад, зарытый в землю во второй четверти XV в. Тогда село называлось «Кухаревци» и являлось частным владением крупного молдавского боярина «Михаило Дорогунского» (то есть связанного своим происхождением или деятельностью с Дорохоем). В грамоте господарей Ильяша и Стефана II от 20 декабря 1437 г. поселение значится среди нескольких десятков имений «пана Михаило», служившего верой еще Александру Доброму (DRH.A-I 1975: 246). Судя по составу клада, в котором отмечена только одна молдавская монета, а преобладают полугроши Владислава Ягайло львовской чеканки и пражские гроши Вацлава IV, его тезаврация имеет прямое отношение к международным экономическим сообщениям по Молдавскому торговому пути (Мохов 1974: 298-307).

Поселение Малаешты представляет средневековый памятник с напластованиями, датирующимися в хронологическом интервале от VI в. до начала XIX в. С точки зрения молдавского периода его истории, селище является старой ватрой современного села Мэлэешть, на юго-западной окраине которого оно находится. Памятник исследовался археологически в 1960-1961 и в 1987-1989 гг. Раскопки выявили два полуземляночных жилища и несколько хозяйственных ям, относимых к XV - первой половине XVI вв. Во время раскопок А.П.Городенко (1989 г.) в культурном слое поселения найдена медная анэпиграфная монета — полугрош, по типологическим признакам выпущенный в правление Ильяша — 30-40-е гг. XV в. (Городенко 1989: 13).

2.6. Южный район распространения молдавских монет, в отличие от северного и восточного, находится за пределами основной полосы расселения на территории Молдавского государства. Он соответствует степям приморской части Днестровско-Прутского междуречья и, по всей вероятности, землям так называемой «Параталасии». Это название встречено в надписи на одной из сохранившихся епитрахилей XV в., где Александр Добрый назван господарем «Молдо-Валахии» и «Параталасии» (Cihodaru 1960: 65). Можно предположить, что последним названием обозначали степи на юге Молдавии, которые отождествляются с «Бессарабией» того времени. Эта местность до позднего времени оставалась в значительной мере без оседлого населения. Во всяком случае, как отмечает Д.Кантемир, она выглядела пустынным, населенным кочевниками краем (Кантемир 1973: 24). Судя по всему, Параталасия была полностью включена в состав Молдавского государства только в начале XV в., после прекращения там политического господства Золотой Орды и ликвидации или подчинения остатков кочевых улусов. На ее территории располагались два возникших еще до образования Молдавии крупных города — Белгород и Килия. Порты в устьях Дуная и Днестра, связанные путями международной торговли с богатейшими районами Старого Света, играли огромную роль в экономической жизни страны. По образному выражению Н.Йорга они выполняли функцию легких в организме средневековой Молдавии.

Среди 19 волостей-уездов Молдавии XV в., центрами которых являлись, как правило, города, упоминание Белгородской волости отсутствует (Бырня 1984: 110). Более того, в источниках Белгород упоминается сам по себе, вне связи с какими-либо близлежащими или отдаленными сельскими поселениями. Эти факты совершенно ясно свидетельствуют, что город не был центром сельской округи и его жизненные интересы минимально зависели от хинтерланда. Зато порт на Днестровском являлся важным узлом международной и транзитной торговли. Особенно разветвленными были его связи с причерноморскими итальянскими колониями, для которых Белгород служил соединительным звеном в торговле восточными товарами с Западной Европой. Европейцы, в свою очередь, вывозили через белгородский порт свои товары, главным образом ремесленные изделия, в страны черноморского бассейна.

Местная городская община, тесно связанная с международной торговлей, возникла не позднее конца XIII в. Как представляется, на протяжении многих десятилетий она не только сохраняла себя, но и стремилась к юридически признанной со стороны сменявших друг друга сюзеренов автономии. Реальность этого статуса обеспечивала и подтверждала собственная монетная чеканка. Причем, в отличие от не выходивших за пределы городского рынка медных эмиссий, более полной автономии соответствует выпуск денег из благород-

ных металлов. Например, находившийся в тесных экономических отношениях с Молдавией Львов чеканил в конце XIV – начале XV вв. как медные, так и серебряные «русские» монеты. При этом выпускались они от имени польского короля Владислава Ягайло. Нечто подобное, надо думать, имело место и в городе на Днестровском лимане. Как ни удивительно, подтверждения этим рассуждениям находятся в письменных памятниках, касающихся истории Белгорода XV в.

Речь идет о данных итальянских источников, отразивших международное положение города, его отношения с республиками Св.Марка и Св.Георгия, а также некоторые моменты истории товарно-денежных отношений в Северо-Западном Причерноморье. Например, 17 апреля 1435 г. правительство Венеции доводило до сведения байло Константинополя свое решение об установлении отношений с Maurocastrum, куда ежегодно должен был отправляться один из кораблей, посещавших Византию. В связи с этим следовало решить вопрос с правителем Белгорода - domino Maurocastri (Iorga 1937: 195). В другом сообщении (27 апреля 1435 гг.) байло указывается, что его предшественник Маринус Зане докладывал о просьбе отца правителя Белгорода, который является монахом или священником (pater illius qui dominatur Mourocastro, qui caloierus est), содействовать приходу в Белгород одного из судов, курсирующих в Романию (Византийскую империю). При этом проситель обещал, что его сын, «господин тех мест» - dominus dicti loci - будет всячески поддерживать венецианских купцов и граждан. Таким образом, итальянцы вели переговоры не с господарем Молдовы, как было бы логично ожидать, а напрямик с главой города. Эти контакты увенчал успех. Уже в записи от 15 марта 1436 г. отмечено назначение в Белгород вице-консула Франческо Дуодо, цель которого состояла в защите интересов своих сограждан и республики.

Еще больше впечатляет самостоятельность Белгорода в конфликте 1455 г. с генуэзцами (Iorga III 1989: 32-34; 1937: 116-117). Суть его в следующем. В устье Днепра граждане Генуи, братья Сенарега, владели замком Лерич, превращенным в место принудительного пребывания людей, торговлей которых они фактически промышляли. Скупая у татар пленников, братья содержали их у себя до тех пор, пока за невольников из родных мест не присылали назначенный выкуп, многократно превышавший стоимость раба. В мае 1455 г. в замке находились 14 белгородцев, за свободу которых братья запросили баснословную цену – в 50 раз превышавшую обычную (Cîmpina 1973 I: 124). В ответ вооруженный отряд из 60 жителей Белгорода освободил пленников силой. Крепость была разрушена, все добро разграблено, а двое из братьев Сенарега были схвачены удальцами. На эту дерзкую акцию белгородцев, судя по всему, благословили представители городского управления, которые именуются в источниках жупанами и старейшинами: imo, ut vulgo ereditur, comissione rectorum loci illus, quos jupanus vocant et seniorum. Обращение господаря Петра Арона, сделанное по просьбе одного из братьев, вернуть замок и награбленное владельцам городское управление оставило без внимания. Тогда генуэзское правительство вновь обратилось к господарю и местному руководству (ilustri domino Petro Voyvode, domino Valachie Interioris, et maggnifico ac spectabilibus dominus jupano et senioribus Albi Castri). Однако и в этом случае белгородцы были глухи к требованиям генуэзцев. Более того, отправленная 12 июня 1455 г. из Каффы галера под командованием Григоре де Аллегро для возврата замка и доставки провизии, вернулась бесславно в начале сентября с известием: «Лерич укреплен от имени Петра воеводы и Белгорода, который не хочет его возвращать» (Iorga 1937: 117). Как видно, господарь не наказал белгородцев за своеволие и сам в итоге склонился на их сторону.

Возможно, как раз такого рода самостоятельность городской общины Мокастро заставила Геную в других обстоятельствах, всего несколькими годами позже, искать в ней и ее главе союзника. Уже в правление Стефана Великого, 8 февраля 1458 г. республика Св.Георгия рекомендовала Каффе поддерживать тесные отношения с четырьмя владениями (dominationes) на Черном море, которые вели активную торговлю с генуэзцами и могли объединиться для противостояния турецкой угрозе. В этом числе названы «император татар, император Трапезунда, правитель Феодоро и его братья, а также правитель или община Мокастро» - imperator Tartarorum, imperator Trapezundarum, dominus Tedori et fratres eius ac dominus sive Communitatis Mocastri (Iorga 1937: 117). Те же рекомендации были почти дословно повторены в инструкции послу Каффы Антониотто де Габела 1472 г. (Iorga 1895 III: 50). В документе отсутствует только упоминание о Трапезунде, павшем под ударами османов. Даже если допустить, что титул dominus принадлежит молдавскому господарю, то и в этом случае нельзя не видеть сколь большую роль генуэзцы отводили общине Белгорода, которая поставлена ими на одну ступень с суверенными правителями, такими как трапезундский император и ордынский хан. Это безусловно указывает на политическую автономию города, который мог выступать на международной арене как самостоятельный партнер, не всегда считаясь с волей господаря Молдавии. Права на известную свободу белгородской общины обеспечивались ее реальным значением в черноморских делах и официально признавались не толь-

ко в Сучаве, но также в Венеции и Генуе.

Новейшие исследования показывают, что Белгород в какой-то мере сохранял свою автономию вплоть до его захвата турками в 1484 г. Однако ее объем зависел от силы сеньора, тем более, что часто в XV в. на эту роль претендовал не один феодальный правитель. В этих случаях белгородской общине, по-видимому, удавалось лавировать между правителями, добивавшимися прав сюзерена, выторговывая большие привилегии для себя. Из молдавских господарей сеньором Белгорода впервые прямо назван в 1421 г. Александр Добрый - wiwoude Alexandrie, seigneur du dit Mancastre (Ланнуа 1853: 440). О событиях более поздних мы уже сказали. Однако среди сюзеренов города были не только молдавские господари. Глухое сообщение о такого рода претензиях безымянного «татарского князя» можно усмотреть в молдавских привилеях львовянам середины XV в. (см. Приложение № 2, 8). Это известие, появившееся летом 1456 г., в предварительном порядке рискнем поставить в связь с фактом контрмаркирования в Белгороде джучидских дирхемов (Коциевский 1990).

Вторым городом в районе Параталасии была Килия. Вопрос о времени ее включения в состав Молдавии до сих пор является дискуссионным, но имеющиеся достоверные данные позволяют установить, что в 1412 г. Килия уже точно находилась под властью Сучавы (Ciocîltan 1981: 2094-2096). Господство в устье Дуная и выход к морю усиливали стратегические преимущества Молдавского государства, ибо через Килию шло второе ответвление международной торговли с черноморскими генуэзскими колониями.

Первоначальная Килия (Старая Килия) располагалась на правом берегу одноименного рукава Дуная и с 1448 г. находилась под властью Венгрии и Валахии. После ее взятия в 1465 г., Стефан Великий в 1479 г. воздвиг на правом берегу новую крепость Килия. В 1484 г. она, так же как и Белгород, была захвачена турками.

Судя по всему, как и Белгород, Килия не имела оседлой сельской округи. Однако город являлся центром Килийской «державы» (волости), упомянутой в грамоте Ильяша от 1435 г., которой он жалует своему брату Стефану «державу Келия с мытом и с озеры, что к тому городу прислухают» (Costăchescu 1932: 682). Следовательно, в эту державу входили большие придунайские озера, среди которых Ковурлуй и Ялпух (DRH.A-I 1975: 357-358). Кроме водоемов, расположенных к северу от реки, в состав «державы» входил район наиболее оживленной рыболовной и рыбоводческой деятельности в дельте Дуная. Он располагался юго-западнее города между рукавами Килия и Сулина, от самого города и до начала дельты (Beldiceanu 1968: 237-239). Население здесь было редким, разноэтничным и, похоже, непостоянным. Таким образом, «Килийская держава» занимала территорию вокруг от города, к северу от Дуная и часть дельты между Килийским и Сулинским рукавами. Это был самый крупный район рыбных промыслов в Молдавии, товарная продукция которого вывозилась далеко за пределы страны на протяжении всего средневековья.

Учитывая ключевую роль Килии в международных торгово-экономических отношениях региона, не остается сомнений, что денежное обращение этого крупного центра также должно отличаться разнообразием монет и большой интенсивностью обмена. К сожалению, до настоящего времени городища ни в Старой, ни в Новой Килии археологически не исследовались и однозначно не локализованы. По этой причине говорить о составе, циркулировавшей здесь монетной продукции нет оснований. Однако нельзя не учесть, что совсем недалеко к юго-западу от дельты, близ поселений Енисала, Никулицел, Мэнэстиря Саон, Ракелу найдено большое количество молдавских монет, в основном, в кладах. Прежде всего, это деньги Петра Мушата (Ştirbu, Stancu 1975: 160-162; Iliescu 1990). По всей вероятности, эти же монеты имели хождение и в столь важном торговом порте, как Килия.

Уместно поставить вопрос о существовании под эгидой молдавских господарей монетного двора в Килие. Его существованием можно было бы объяснить появление молдавских монет с тамгообразным знаком и головой тура, отличающихся от эмиссий сучавского и белгородского чекана. Показательно, что эти монеты, относимые к нумизматическим раритетам, до сих пор не обнаружены нигде на территории средневековой Молдавии, но зафиксированы именно в Подунавье, на юго-западе Румынии. Решение обозначенной проблемы зависит, прежде всего, от будущих открытий археологов и нумизматов.

Глава 3. ДЕНЕЖНОЕ ХОЗЯЙСТВО И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МОЛДАВИИ КОНЦА XIV - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВВ.

3.1. Начало монетной чеканки в Молдавии было подготовлено несколькими десятилетиями истории страны предшествующего времени. Это и понятно, поскольку появление собственной монеты в любом государстве вполне определенно характеризует достигнутый обществом уровень экономической и политической зрелости. Разумеется, нельзя не различать длительный процесс развития товарно-денежных отношений на данной территории и не менее сложный путь становления собственного регулярного производства монет. Сам акт начала чеканки монет является событием прокламативно политического характера, которое прямо связано с конкретными событиями в истории данного государства, именем одного из его правителей, а потому, несомненно, имеет фиксированное положение в потоке ушедшей действительности. Другими словами, начало выпуска монет — это важная историческая веха в утверждении государственной независимости и показатель роста авторитета правящего дома, которые обусловлены действием многих объективных, вовсе не исключая и субъективные, факторов общественной эволюции.

Монетная чеканка, насколько о том позволяют судить исторические знания, была налажена в Молдавии сравнительно поздно. Речь идет об отношении местных реалий к процессу интенсивного выпуска денег нового типа (полновесных, из металла высокой пробы) в Западной Европе и к развитию монетного дела в близлежащих землях. Регулярные эмиссии добротной монетной продукции из золота и особенно серебра начались во Франции, Италии, Болгарии, Золотой Орде в XIII в. Такие деньги, пришедшие на рынки многих стран вслед за скомпроментировавшими себя брактеатами, быстро завоевали большую популярность. Это не удивительно, ведь они стабилизировали хозяйственную жизнь стран-эмитентов. Самые известные монеты нового образца, чаще всего называвшиеся «грошами» (от grossus - толстый) оказали непосредственное влияние на монетное дело других государств. Весьма счастливой оказалась судьба «турнозы», «турского гроша» – gros tournois, выпускавшейся со времени французского короля Людовика. IX Святого (1226-1270) и вызвавшей многочисленные подражания (Фенглер, Гироу, Унгер 1988: 73-74; Беляков 1990: 127-128). Например, в Чехии по указанию короля Вацлава II (1378-1305) уже с 1300 г. начался выпуск знаменитых пражских грошей. Однако эта высокопробная монета все же уступала в весе своему прототипу - 3,71 г против 4,20 г. В Венгрии при Карле Роберте (1333-1370), отпрыске неаполитанской ветви анжуйской династии, с 1329 г. также чеканятся гроши со средним весом 3,30 г. В 1338 г. от имени польского короля Казимира III (1333-1370) стали выпускаться краковские гроши, еще более легкие - средний вес 3,10 г (Сиверс 1922: 1-2; Котляр 1968: 46-55; Беляков 1990: 129-130; Kiritescu 1964: 364-366). Поскольку часто параллельно серебряным деньгам производились золотые, разные по достоинству монеты приравнивались одни к другим только в строго определенном соотношении. Скажем, в 1351-1354 гг. во Львове от имени польского короля, завоевавшего Галицию, стали чеканиться особые «русские» полугроши, весившие ровно в два раза меньше краковских грошей — в среднем 1,55 г (Котляр 1968: 46-55, 70). При господаре Влайку (1364-1377), по всей видимости с 1365 г., свою монету трех номиналов выпустила и Валахия. При этом самые тяжелые из ее серебряных денег достигали в весе лишь 1,05 г (Kiritescu 1964: 364-366; Полевой 1972: 37). Практически тогда же, в 60-е гг. XIV в., возобновляется денежное производство в Киеве. Правивший там литовский князь Владимир Ольгердович (1363-1394) ввел в обращение монеты, которые имели изображение татарской «плетенки» - знак его вассальной зависимости от ордынцев (Бектинеев 1994: 33-35; Kozubowski1994: 121-139).

Немаловажно, что во второй половине XIV в. в непосредственной близости от Восточного Прикарпатья находились еще два монетных центра, связанных политически с золотой Ордой. Во-первых, Шехр ал-Джедид или Янги Шехр («Новый город»), отождествляемый с городищем Старый Орхей в излучине р.Реут на месте нынешнего урочища. Здесь в 60-е гг. XIV в. чеканились оригинальные серебряные и медные монеты, относимые к ордынским типам (Янина 1977; Nicolae 1997). Во-вторых, это нижнедунайский центр — сразу несколько пунктов, выпускавших в 60-е - 80-е гг. XIV в. своего рода «гибридные» деньги. Эти монеты совмещали изображения, выполненные в «европейских» и «ордынских» традициях. Типологически они сопоставимы с генуэзско-татарскими выпусками Каффы (Iliescu 1977: 155-171; Oberlander-Tarnoveanu E., Oberländer-Tîrnoveanu I. 1981: 89-110).

Надо думать, что изменения, происходившие в денежном хозяйстве сопредельных стран, должны были оказать если не прямое, то косвенное воздействие на процесс появления собственных в монет Молдавии. Это закономерно, поскольку новая денежная продукция ряда европейских стран проникала в мол-

давские земли еще до создания монетного двора в Сучаве. Однако, даже близкое знакомство с преимуществами денежного обмена и средствами обращения означало лишь начало движения к созданию собственных монет. Страна только подходила к необходимости решения назревавшей проблемы.

Отсутствие разработок серебра на собственной территории являлось одной из самых серьезных причин, затруднявших налаживание монетного производства в Молдавском государстве. Димитрия Кантемир по этому вопросу высказался следующим образом: «Наши горы не лишены руд, но еще в старые времена добычу их сдерживало отсутствие инициативы у господарей, с одной стороны, а с другой - недостаток рудокопов в рудниках». Он свидетельствует, что после разливов протекающие у подножий Карпат реки, «возвратясь в свои берега, оставляют на затопленных местах песок, в котором можно найти немало зерен чистого золота. Цыгане собирают его, промывают и получают столько золота, что могут ежегодно платить супруге господаря четыре ока золота как оброк». Таким образом, только названный источник приносил доход более чем в 5,95 кг драгоценного металла каждый год (Кантемир 1973: 32, 200).

На существование в стране золотых приисков указывает господарское письмо от 20 декабря 1515 г. Богдан III встревожен тем, что добытое в горах Молдавии золото контрабандно переправляется для продажи в Трансильванию, в приграничную Бистрицу. Известно, что работавшие на приисках люди обязывались под присягой сдавать золото в казну. Судя по письму Стефана IV от 13 февраля 1522 г., золотодобычей ведал специальный чиновник (auricamrsor), находившийся в Байе. Полагают, что разработки указанного района были истощены уже в XVI в., обусловив упадок города Байи (ИНХ 1976: 192). Правда, молдавское монетное дело почти не знает случаев золотой чеканки, а о разработке собственных серебряных месторождений ничего не известно.

Вместе с тем ситуация не была безвыходной. Крупные серебряные рудники европейского значения находились относительно недалеко от Восточного Прикарпатья — несколько южнее Праги, в Верхней Силезии, в землях современных Румынии (Трансильвания) и Словакии. К примеру, месторождение Кутна гора под Прагой, открытое в 1276 г., стало сырьевой базой для чеканки пражских грошей в течение многих десятилетий. Подсчитано, что Чехия тогда добывала более трети серебра всей Европы (Максимов 1974: 56; Беляков 1990: 129).

Особенно большую ценность для монетного дела Молдавии представляли руды близлежащей Трансильвании, содержавшие серебро и золото в соотношении 2 к 1. Крупные месторождения и горные разработки находились за Карпатами в Верешваце, Керештеге, Нагибании (Байя Маре, Надьбаня), Вереспатаке. О богатстве этих районов серебром в Европе знали задолго до образования средневекового Молдавского государства. Серебряные рудники Вереспатака, например, начали эксплуатировать еще римляне в 106 г. н.э. Не были заброшены многие из разработок и много позднее. Недаром, в 971 г. киевский князь Святослав (964-972), собиравшийся сделать своей столицей Переяславец на Дунае, рассчитывал получать по реке «вся благая», включая «изъ Чехъ же, изъ Угорь сребро и комони» (ПВЛ 1950: 48). Привилей львовским купцам, выданный Александром Добрым в 1408 г., прямо указывает на поступление необходимого для чеканки денег металла из Венгерского королевства — «из Оугоръ серебро жьженое», то есть литое, в слитках (см. Приложение 2, № 3). Из Трансильвании серебро ввозили и в не имевшую своих месторождений Галицкую Русь, причем оно следовало транзитом и через молдавские земли (Котляр 1968: 57).

Судя по всему, для Молдавии существовал еще один важный источник серебра, не связанный прямо с добычей металла в районах природных месторождений. В грамотах 1388 г., касающихся займа Петра Мушата польскому королю крупных денежных сумм в 3 или 4 тыс. рублей, фигурирует примечательное понятие - «рубли фряжского серебра» (см. Приложение 2, № 1-2). «Фрягами» славяноязычные тексты того времени, в том числе и составленные в Молдавском государстве, именовали итальянцев. Можно утверждать, что названное серебро ввозилось в довольно больших количествах в страну через ее причерноморские порты Килию и Белгород. Именно в этих городах итальянцы, прежде всего генуэзцы, вели крупномасштабную торговую деятельность, господствуя в международных экономических связях северного побережья Черного моря вплоть до второй половины XV в. (Brătianu 1935; Lazarescu, Stoicescu 1972).

Таким образом, чеканка монет в конкретно-исторических условиях становления молдавской государственности могла быть начата только в период продолжительной внутриполитической стабильности и отлаженных торговых отношений с соседними странами. Как раз в правление Петра Мушата (ок. 1375-1391) для этого и создалась соответствующая обстановка. Правда, в отдельных работах историков допускается возможность попыток организации денежного производства в Молдавии в более ранний период (см. Полевой 1972: 9). Однако, до сих пор нумизматические находки, подтверждающие реальность предполагаемых монетных выпусков, практически неизвестны. Не приходится сомневаться: даже если на заре истории Молдавского государства и имела место чеканка малочисленных серий монет, они не

могли играть органически присущую им роль в товарно-денежных отношения. Настоящий и успешный прорыв на рынки сучавских эмисии произошел только при Петре Мушате.

Споры ведутся о том, когда точно и в связи с какими событиями в политической жизни страны началось производство денег. Основные моменты истории Молдавии эпохи Петра Мушата и начало чеканки молдавских монет, очевидно, должны быть обусловлены прямой причинной связью. Петр Мушат пришел к власти после устранения от престола господаря Лацку и смерти приглашенного на правление из Подолья литовского князя Юрия Кориатовича. Страна переживала трудный для себя период, в частности в результате попыток силой насаждать большинству населения католичество и установить политическое главенство венгерской короны (Параска 1981: 96-122). Новый господарь, последовательно проводя линию на укрепление своего государства, избегал прямых столкновений с Венгрией — главное противницей молдавской независимости.

Такому положению вещей, казалось бы, отвечает точка зрения, высказанная более тридцати лет тому назад румынскими исследователями К.К.Кирицеску и О.Илиеску. Они отнесли начало монетной чеканки Петром Мушатом к 1377 г., связав эту важную политическую акцию с победой молдаван над войском Владислава Опольского, правителя Галицкой Руси в 1372-1377 гг. (Kirițescu 1964: 85) Мнение об успешном отражении иноземного вторжения как исходном историческом рубеже для организации монетного дела в Молдавском государстве, долгое время считалось хорошо обоснованным и не вызывало серьезных возражений.

Не так давно Шт.Горовей смог показать, что предложенные прежде дата и непосредственная причина появления в Молдавии собственной монеты не являются достаточно убедительными (Gorovei 1987: 663-666). Несостоятельным признано исследовательское обоснование прежней точки зрения. Дело в том, что у ее истоков лежит отрывок из сочинения всемирно известного Яна Длугоша (1415 - 1480), в котором повествуется о победе в 1359 г. влахов (очевидно, молдаван) над поляками у гор — «плонин». Это краткое и довольно неясное сообщение, сделанное польским хронистом спустя целое столетие после события, П.П.Панаитеску счел возможным передатировать 1377 г. и связать с неудачным походом в пределы молдавских владений Владислава Опольского (Panaitescu 1956: 95-115). Опираясь на эту весьма шаткую гипотезу, в самом деле, нельзя всерьез утверждать, когда именно Петр Мушат впервые выпустил свои серебряные гроши.

Международная обстановка первых лет правления Петра Мушата вовсе не благоприятствовала Молдавии. После смерти короля Казимира III, в конце 1370 г. польский трон, согласно заключенному ранее договору, занял король Венгрии Людовик или Лайош I (1342 -1382), возглавлявший оба государства в течение почти двенадцати лет. Учитывая, что под руку Людовика I попала и Галицкая Русь, молдавские земли оказались охваченными враждебным полукольцом католических государств. На Нижнем Дунае, где венгерские владения фактически смыкались с районами господства генуэзских факторий, ситуация складывалась также не в пользу православных владетелей. Еще в 1352 г. Венгрия заключила долговременный союз с Генуей, а в 1378-1381 гг. обе страны находились в состоянии жестокой войны с Венецией (ИВ 1971: 185-186). Кроме того, на юго-востоке от молдавских владений сохраняли угрожающую опустошительными набегами военную мощь ордынцы, уже в 1368 г. вступившие в договорные отношения с венграми (DRH.A-I 1975: 90).

Перемены к лучшему произошли для Молдавии только после смерти Людовика I , когда несколько лет - 1382-1387 гг. - Венгрия фактически находилась в состоянии «бескоролевья». Этим, судя по всему, и воспользовался молдавский господарь, получивший хорошую возможность для самостоятельных внешнеполитических действий и активного участия в большой международной торговле. Как раз в это времени в Молдавском государстве зафиксированы заметный рост товарности ремесленного производства и активизация внешней коммерческой деятельности. Именно в течение такого короткого периода, вероятно, особенно резко возросла потребность в звонкой монете, быстро реализованная в собственно молдавской чеканке. Успешно использовав преимущества исторического момента, Петр Мушат наладил выпуск добротных денег, которым была обеспечена возможность интенсивной циркуляции на необыкновенно широком для княжества пространстве товарообмена (Параска 1981: 102; ИМ 1987: 351-360; Руссев 1993: 39-40).

Представляется точно установленным, что монетная система, созданная в Молдавии при Петре Мушате, находилась в тесной связи с международной торговлей, развернувшейся с конца XIV в. по направлению от Львова к Черному морю и обратно. На том маршруте товары следовали через молдавские земли. Поэтому, на наш взгляд, прав Шт.Горовей, утверждающий, что единственным исторически важным событием времени правления Петра Мушата, которое способно объяснить начало выпуска монет, следует считать открытие в начале девятого десятилетия XIV в. Молдавского торгового пути. Как думает румынский исследователь, с позиции вассально-сеньориальных отношений отправной точкой в развитии денежного хозяйства страны с достаточным основанием мог бы стать 1387 г. Тогда Петр Мушат и его бо-

Эмитенты	Средний вес (г) / средний размер (мм)		
	Двойные гроши	Гроши	Полугроши
Петр Мушат	-	0,96 / 19,0	0,23 / 12,8
Стефан I	-	0,85 / 19,5	-
Александр Добрый	1,37 / 21,8	0,89 / 16,9	0,45 / 12,9
Ильяш	1,40 / 21,0	1,09 / 19,0	0,27 / 13,0
Ильяши Стефан II	1,90 / 20,5	1,60 / 19,0	-
Стефан II	-	1,21 / 19,1	0,52 / 12,8
Петр II	1,48 / 21,5	0,99 / 19,0	0,50 / 13,5
Роман II	-	1,07 / 18,8	0,61 / 13,5
Александр II	-	0,95 / 18,7	0,60 / 13,1
Богдан II	?	0,95 / 19,0	0,60 / 12,5
Петр Арон:			
а) до реформы	-	1,07 / 20,0	0,74 / 12,8
б) после реформы	-	0,71 / 15,5	0,40 / 12,5
Стефан Великий	-	0,69 / 14,6	0,31 / 10,9
Богдан III	-	0,99 / 19,3	0,68 / 7,3
Стефан IV	-	1,31 / 19,3	0,43 / 12,5

Таблица 4. Средние показатели веса и размера монет Молдавии XIV - первой четверти XVI вв.

яре принесли во Львов клятву верности польскому королю Владиславу II Ягайло (Gorovei 1987: 666; Ciobanu 1985: 16-18). Одновременно или несколько ранее, по всей видимости, состоялось заключение важных торговых договоров с генуэзцами Каффы (Papacostea 1973: 45-46). Можно утверждать, что официальное международное признание значительной роли в регионе за Молдавией приходится именно на 1386 - 1387 гг. (Spinei 1982: 329-331; Руссев 1993: 39-46).

В данном контексте начало регулярной чеканки грошей в Сучаве выглядит не только уместным, но и закономерным. Этот акт как бы удостоверял полученный страной интернациональный статус. Разумеется, говорить об окончательном разрешении вопроса еще рано, однако изложенное понимание вопроса представляется нам наиболее перспективным для продолжения поисков. Способствовать углублению знаний в рассматриваемом аспекте может исследование развития метрологии и общего облика молдавских монет на протяжении более-менее длительных промежутков времени.

3.2. Метрологические характеристики молдавских монет интересуют нумизматов давно, но установлены они еще далеко не окончательно. Более того, некоторые вопросы, например, о пробе и составе серебряных сплавов, использовавшихся при чеканке монет в Молдавии, вообще находятся в начальной стадии изучения. Для нас важно проследить основные особенности изменения метрических характеристик монет сучавской чеканки.

Для этого мы обобщили в таблице 4 по опубликованным материалам сведения о среднем весе и размере монетных дисков денег различных номиналов, выпускавшихся господарями Молдавии XIV - первой четверти XVI вв. (Полевой 1972: 12-23; Нудельман 1974: 200-202; Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 69-76; Kiritescu 1964: 370-371; Iliescu 1990: 25-32; Luchian, Buzdugan, Oprescu 1977: 45-87; Petrisor 1986: 176-180).

В приводимых цифрах можно найти некоторые противоречия с данными отдельных источников. В ряде случаев они существенны, но в то же время вполне объснимы. Например, различные типы монет Александра Доброго, выпущенные за более чем три десятилетия его правления, заметно отличаются друг от друга по весу и размеру, а также составу металла. Если говорить о двойных грошах этого господаря, то их диаметр колеблется от 19,5 до 23 мм., а вес - от 1,1 до 1,8 г (Luchian, Buzdugan, Oprescu 1977: 59). Любопытно, что основываясь на материалах публикаций, Л.Л.Полевой вывел для двойных грошей данного эмитента средний вес 1,55 г (Полевой 1972: 35). Наши подсчеты, сделанные на данных о 27 хорошо изученных монетах клада из Сесен, дают следующие средние показатели для грошей Богдана III: диаметр - около 21,7 мм; вес - свыше 0,87 г (Нудельман 1976: 97). Еще больше сложностей при выведении такого рода числовых значений связано с монетами Петра Мушата. Так, из 46 молдавских грошей в кладе Ракелу 10 экз. с семью лилиями на щите оборотной стороны имеют средний вес более 0,98 г; а 20 экз. с двумя лилиями — менее 0,83 г. Свыше 1730 монет того же господаря в кладе из Буруйенешть, среди которых экземпляры с 5-7 лилиями составляют более 95 %, весят в

	Число лилий на щите реверса*					
	7	6	5	4	3	2
Доля монет (%)	31	9,8	10	0,7	1,5	47
Кол-во вариантов	62	21	24	2	2	140
Доля вариантов (%)	25	3	9,4	0,8	0,8	56
Средний вес (г)	0,98	0,97	0,96 (?)		0,95	0,94-0,93
Ср. размер (мм)	18,5		18,5 - 19		19	20
Добротность металла	серебро - медь		серебро + медь (значительно)		серебро +медь (много)	1)серебро+медь (очень много) 2)медь
Внешнее использование изображений и легенд	изящные и точные →				небрежные и искаженные	

*сведения о монетах с одной лилией отсутствуют

Таблица 5.
Качественные и количественные характеристики монет Петра Мушата

среднем только 0,84 г (Ştirbu 1975: 147-148; Petrisor 1986: 176-178). Малые выборки монет, отсутствие точных метрических измерений, невозможность изучить многие находки непосредственно (Andronic, Grigoras 1957: 222-223) и другие причины обуславливают погрешности получаемых средних величин.

Тем не менее, как нам представляется, составленная таблица отражает важнешие показатели и закономерности развития денежного хозяйства средневековой Молдавии. Во-первых, очевидно резкое снижение веса и размера монет в последние годы правления Петра Арона и период господства Стефана Великого. Во-вторых, бросается в глаза несоответствие весовых отношений между номиналами. Не зафиксирован практически ни один случай, когда бы двойной грош был вдвое тяжелее гроша. В-третьих, хотя вес и размер монет одного номинала колеблются вблизи определенных величин (у гроша примерно 1 г и 19 мм), для эмиссий отдельных господарей заметно повышение, а чаще понижение веса монет. Причем последнее изменение иногда сопровождалось увеличением размера монетного диска. Все эти отличия могут, на наш взгляд, получить историческое толкование и должны быть увязаны с качеством металла, из которого чеканились те или иные монеты.

Несмотря на то, что точные измерения проб металла для большого количества монет до последнего времени не производились, исследователей давно интересовала связь различных типов молдавских денег с качеством сплава, из которого они изготовлялись. Некоторые устойчивые отношения между добротностью монетного металла, весом и размером монет прослеживаются по грошам Петра Мушата, хотя долгое время цифровые данные о пробе металла, как правило, отсутствовали. Исследования установили зависимость между этими показателями и количеством лилий на щите оборотной стороны, а так же числом вариантов различных выпусков и общей массой известных по находкам экземпляров. Эти связи, выявленные работами Н.Докана и Л.Л.Полевого (Полевой 1972 : 20-23), представлены нами в таблице 5.

Сразу же можно отметить постепенное падение веса монет при соответствующем увеличении их размеров. Создается устойчивое впечатление, что изъятие части металла как бы должно было «компенсироваться», точнее —скрываться, некоторым увеличением диаметра грошей. Показательно и другое: одновременно с падением веса монет наблюдается прогрессирующее ухудшение добротности сплава — количество неблагородной примеси к серебру (лигатуры) увеличивается, пока, наконец, не появляются не только биллоновые, но и медные монеты. Такие сопоставления позволили придти к достаточно обоснованным выводам о том, что гроши с меньшим числом лилий на щите реверса были выпущены позднее экземпляров, имеющих большее количество изображений этих цветков.

Более того, последовательная хронология выпусков (от вариантов с семью цветками до таковых с одним) подтверждается постоянным изменением качества исполнения штемпелей молдавскими мастерами-монетариями. Если внешнее исполнение изображений и легенд грошей с семью лилиями изящно и точно, то по мере уменьшения числа цветков они становятся все более небрежными и искаженными. Фактическая неравноценность одинаковых по номинальной стоимости монет явление для Молдавии типичное, но общая тенденция к ухудшению денег в реальности была сложнее.

Определенные пробы серебра в кладах из Ракелу и Буруйенешть дает возможность для некоторых очень интересных наблюдений. Оказалось, что добротность серебряного сплав

у многих грошей с 1-5 лилиями на щите падает до менее 50%. Поскольку благородный металл и этих случаях не составляет половины веса монет, есть все основания считать их биллоновыми. С другой стороны, гроши с изображением 6-7 лилий, как правило, чеканились из серебра, близкого к 700-й пробе. При этом у отдельных экземпляров качество серебра достигает 800-й пробы. В кладе Буруйенешть пять самых добротных монет оказались изготовленными из серебра 750-й пробы и имели на щите реверса от 5 до 7 лилий. Характерной особенностью их внешнего оформления является изображение на лицевой стороне грошей головы тура без ушей. Средние вес и размер данных монет примерно равняются 1,06 г и 19,1 мм (Ştirbu, Stancu 1975: 147-148; Petrişor 1986: 178).

Несмотря на то, что точные измерения пробы металла для большого количества молдавских монет других эмитентов не производились, и здесь все же можно говорить о некоторых закономерностях. Общим местом для работ по нумизматике и хозяйству средневековой Молдавии является утверждение о том, что сначала Петр Арон, а вслед за ним Стефан Великий отказались от чеканки низкопробных монет, отдав предпочтение серебру. В целом такая констатация справедлива, однако при специальном рассмотрении вопроса нельзя не заметить, что и тут все обстоит вовсе не так однозначно. Например, среди небольшого количества грошей и полугрошей Стефана, найденных при раскопках в Белгороде-Днестровском, имеются экземпляры с самой различной чистотой серебряного сплава, измеряемой 960-й, 600-й и даже 300-й пробой. В последнем случае с полным на то основанием нужно говорить не о серебре, а опять-таки о биллоне. Все эти монеты, в том числе и биллоновый экземпляр № 53679, хранятся в фондах Одесского археологического музея НАН Украины.

Откуда же такой разнобой в качестве монет равных номиналов? Почему это явление оставалось типичным для многих стран средневековой эпохи? Такого рода «странностям» денежного хозяйства также можно попытаться найти историческое обьяснение.

В эпоху феодализма монетная регалия — право выпуска денег, была одним из основных источников дохода эмитентов. Однако, возможность нормального удовлетворения потребностей рынка в полноценных монетах прямо зависела от наличия серебра в казне. Отсутствие в Молдавии серебряных месторождений и зависимость от стабильности международной транзитной торговли ставило господарей в очень нелегкое положение — их добрые намерения жестко ограничивались количеством поступавшего из-за границ государства благородного металла. Это, надо думать, была одна из главных объективных причин, которая толкала господарей к фальсификации денег. К тому же простое уменьшение содержания серебра в монетах приносило эмитентам на первых порах большую выгоду, поскольку ухудшенного качества деньги пускали в рынки не по реальному курсу, а приравнивали к старым добротным монетам. На самом деле в результате подобного рода операций в обращение пускали неполновесные партии монет, в которых «сэкономленное» серебро замещала дешевая медь.

Подлог, который вынужденно или произвольно совершало государство, хотя и не сразу, но все же обнаруживался продавцами и покупателями. Они тут же в ответ принимали свои меры. Поскольку в течение какого-то времени деньги лучшего и худшего качества одновременно находились в обороте, население приберегало монеты из серебра, отдавая предпочтение более тяжелым, а фальсифицированные экземпляры старалось побыстрее сбывать с рук. Более того, тем же занималось и государство, стремившееся изъять из обращения серебро и сплавив его с медью, выпустить на рынок в виде однородной монеты. Однако, при несовершенной технике чеканки, а главное, при сохранении прежних интересов людей, близких к монетному двору, не могло установиться долгое равновесие покупательной способности новых денег. Порой же оно не наступало вовсе — новые эмиссии слишком быстро «дешевели в глазах рынка». История могла повторяться вновь и вновь. Выпущенные теперь опять монеты теряли очередную долю ценного металла и процесс девальвации совершал новый круг. Если учесть, что рынки были открыты для иностранных монет, становится понятным, сколь быстро наступал момент, когда даже у рядового местного населения собственные деньги совершенно теряли стоимость (Спасский 1957: 42; Потин 1986: 88).

Из сказанного ясно, почему ныне известно много монет Петра Мушата из добротного серебра и еще больше самых обесцененных. Первые явно придерживались людьми и попадали в клады, а вторые, напротив, интенсивно обращались на рынках и оседали в культурных слоях городов. Попытка эмитентов придать большую ценность монетам из меди (или с преобладающим содержанием меди) путем увеличения их веса, скорее, были способны обмануть на время население, чем привести к положительному экономическому эффекту. Дело в том, что стоимостное соотношение серебра к меди составляло тогда не меньше чем 1 : 6, подымаясь зачастую гораздо выше — до 1 : 8 (Котляр 1968: 58). Между тем, история денежного хозяйства Молдавии XIV-XVI вв. почти не дает примеров,

когда бы серебряной монете соответствовал «медный аналог», реально превосходящий ее вес хотя бы в шесть раз.

Недавно опубликованный генуэзский документ конца 1443 г. (Карпов 1998: 39) косвенно свидетельствует о параллельной чеканке в Сучаве разнокачественных монет одного номинала. Он повествует о несправедливой конфискации в Молдавии господарем Стефаном II всего имущества братьев Джустиниани. В своей жалобе один из них оценил нанесенный ущерб в «4500 дукатов, обращавшихся в тех местах». Это была, несомненно, солидная сумму, ибо вопрос о компенсации ставился и перед господарем Молдавии, и перед властями Генуи (см. Приложение 2, № 6). Тем не менее, есть основания думать, что имеется в виду собственно молдавская монетная продукция — гроши или двойные гроши. Эти добротные деньги, вероятно, обращались на рынках одновременно с дешевыми поделками того же номинала (см. гл. 1). Этот факт, конечно, не был секретом для торговцев того времени, которые, надо думать, вполне осознанно называли полноценные монеты «дукатами».

Порча монет в средневековом Молдавском государстве в какой-то мере может быть объяснена и периодами внутриполитической нестабильности. Впрочем, в данном случае довольно трудно выявить причину и следствие. И все же именно в такие времена правители, порой чехардой сменявшие друг друга на престоле, думали главным образом о сокрушении соперников, а не о благосостоянии страны. Некоторые из господарей во второй четверти XV в. стремились, в первую очередь, обогатиться посредством монетной чеканки и заявить выпуском новых денег о законности силе своей власти в стране. В этом отношении небезынтересно посмотреть, что и каким образом отражал на внешний облик молдавских монет.

3.3. Легенды и изображения монет Молдавии по признанию практически всех исследователей выдержаны в европейском стиле. Редактирование надписей на латыни и четкое следование традициям монетного дела Западной Европы заставляет думать о том, как этот опыт использовался в молдавских землях. Прямых сведений об этом, как, например, в случае с пражскими грошами, когда король Вацлав II (1278-1305) в 1300 г. воспользовался услугами трех флорентийских монетариев (Сиверс 1922: 1-2), история не сохранила. Однако влияние иноземного происхождения улавливается и путем сличения характера начертания букв и изображений, а равно и отдельных деталей оформления денег. На такого рода основании высказано предположение об участии итальянцев или людей, работавших в их традициях, при чеканке монет во Львове второй половины XIV в. (Котляр 1968: 58).

Мы имеем возможность сопоставить шрифты, которые использовались для написания легенд, на европейских монетах (Потин 1986: 81-82; 1993: рис 12-14) и молдавских монетах (см. гл. I). Хотя для специального изучения этого вопроса нужен куда более глубокий анализ, даже беглый взгляд (см. рис. 42) не позволяет сомневаться в том, что начертание литер на молдавских грошах и двойных грошах существенно не отличается от принятых в монетном деле Западной Европы норм. Более того, кажется, написание отдельных букв на молдавских монетах отличается некоторой архаичностью. Так, на выпусках Ильяша литера S дана в горизонтальном положении, тогда как по данным В.М.Потина, такое начертание на европейских деньгах XV в. уже не встречается. Если указанное наблюдение верно, оно может свидетельствовать об использовании и сохранении монетариями Сучавы графических норм XIV в. Славянские кириллические легенды появляются на молдавских монетах впервые лишь к середине XV в. Однако, они не становятся господствующими, а только время от времени помещаются на грошах. Любопытно, что монетарии начала XVI в. в кириллических легендах монет Богдана III при написании имени эмитента порой вместо литеры Б использовали В. Не говорит ли это, что монетному мастеру, редактировавшему надпись, «роднее» была латинская графика? Не исключено, что этой-то ошибкой и выдал себя приглашенный из какой-либо католической страны монетарий.

Интерес для исследования представляет и содержание легенд. Хочется обратить внимание на ряд особенностей их текстов. Несмотря на латинизированное написание всех собственных имен, молдавские монеты сохраняли титул господаря «воевода», который составители легенд не пытались перевести, соотнеся с принятыми в Европе. Похоже, что мастера не всегда понимали его буквальный смысл, иначе бы на грошах Петра Арона титул не писался бы в варианте «ваивода». Здесь слово явно написано на слух, по его звучанию, человеком, не видевшем в нем фразы «вои (воинов) водить». Этот казус едва ли можно списать на безграмотность редактора. Скорее всего, перед нами еще одно свидетельство западного происхождения исполнителя.

Еще одна интересная деталь легенд – наличие слова siggilum («печать») на молдавских монетах конца XIV - начала XV вв. Вопреки принятому тогда практически всюду на Западе наименованию «монета», этот термин также придает первым деньгам Молдавии определенный местный колорит. Следует подчеркнуть, что надпись «печать» встречается на ряде синхронных монетных эмиссий Литвы и русских княжеств (Бектинеев 1994: 39-40;

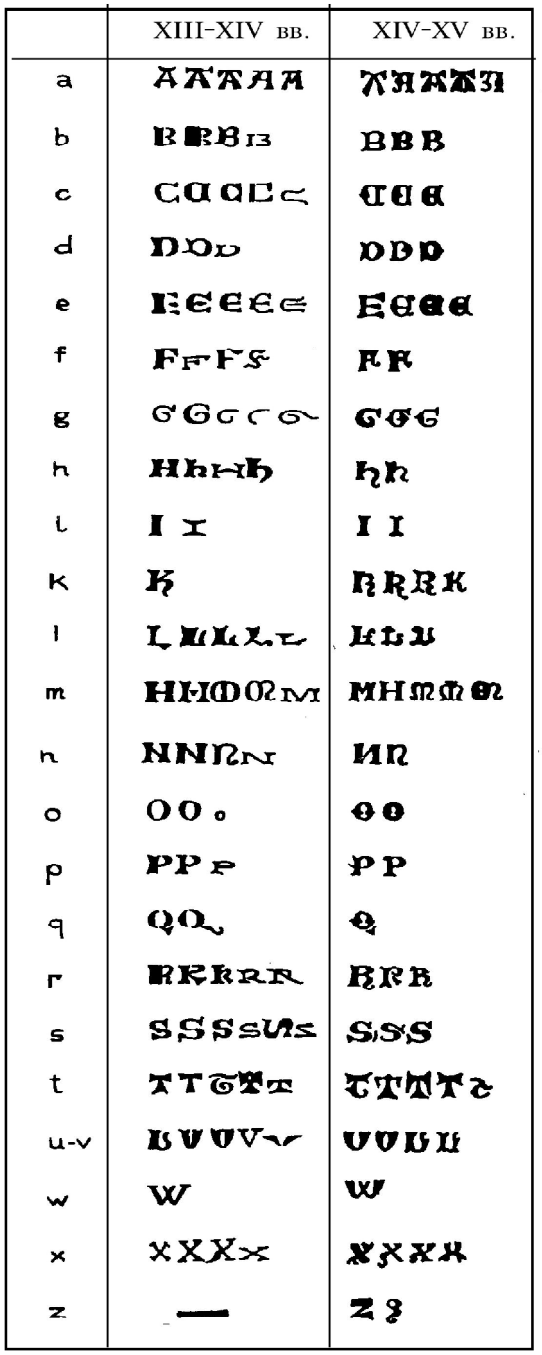

Рис. 42. Начертание букв на европейских монетах XIII - XV вв. (по В.М. Потину)

Спасский 1957: 47; Федоров-Давыдов 1981: 26, 69-78). Причем полностью соответствуют друг другу и формулы легенд лицевых сторон: «печать Петра воеводы» или «печать Александра воеводы» — на молдавских грошах и «печать князя» такого-то — на русских деньгах. Можно полагать, что во всех случаях это выражение подчеркивало государственный характер монеты. Эмитент таким образом провозглашал свой суверенитет и политическое значение чеканки. Кстати, на реверсе ранних молдавских монет этот момент как бы усиливает латинская надпись: «Печать молдавская». Такое странное соединение двух печатей (с головой тура и со щитом), сохранявшееся и много десятилетий спустя, в словесной форме на более поздних эмиссиях не комментируется. Замеченная бинарность значений, как представляется, может быть отголоском синтеза двух традиций – пришлой (династа) и местной (страны).

Отметим, что слово «печать» в славянском варианте, хорошо известное по надписям на господарских печатях, в Молдавии сочли нужным перевести. Двоякость сквозит и при сравнении печатей с монетами. Хотя резчиками печатей и штемпелей для монет в эпоху средневековья, как правило, были одни и те же люди, практика молдавской действительности фиксирует легенды, почти всегда редактируемые для каждой из категорий родственных изделий на разных языках. Отличие господар ских печатей от монет состоит не только в славянском написании легенд, но и в изображении головы тура, которое наносилось на щит (Şimanschi 1980). Кажется и здесь мы имеем дело с композиционным соединением основ двух гербов, щита и тура.

Необходимо остановиться и на характере официального написания названия страны. Во всех случаях, независимо от языка легенды, формы передачи наименования (существительное или чаще прилагательное) мы имем дело с вариантами одной основы. На монетах обычно встречаются надписи: MOLDAVIENSIS, MOLDAVIE, ЗЕМЛИ МОЛДАВСКОІ. Таким образом, страна в рассматриваемый период была известна миру как «МОЛДАВИЯ», хотя более предпочтительной и помпезной была формулировка «ЗЕМЛЯ МОЛДАВСКАЯ». Этот факт подтверждается легендами господарских печатей (Şimanschi 1980) и данными актовых материалов (DRH.A). Любопытен опыт немецкого перевода названия страны на монетах Стефана I – MOLDER LANT (см. гл. 1). По всей вероятности, он сделан со славянского образца, поскольку и имя господаря сохранило оригинальную огласовку – STEPAN.

Отмеченные факты указывают на причину «латинизации» молдавских монет, явно находящуюся за пределами государства Мушатинов. Сучавская чеканка рассчитана была на реализацию экономических интересов страны в товарно-денежных отношениях с католическими торговцами, прежде всего, представителями Польши, Венгрии, итальянских колоний Причерноморья. Разуммется, ориентируясь главным образом на операции с ними, Молдавия предлагала монеты доброкачественные, легко конвертируемые, привычного им вида, с понятными для контрагентов изображениями и читаемыми легендами. Таковы были условия успешной внешнеэкономической деятельности молодого государства. Сведения письменных источников, выдвигающие на ведущие мес-

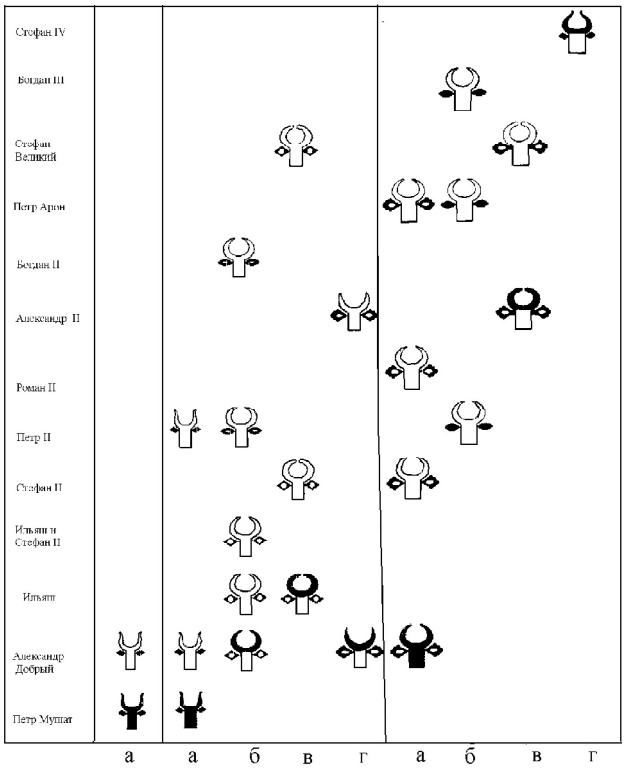

Рис. 43. Изображение головы быка на монетах молдавских господарей (по С.П. Садовникову)

та в коммерческих связях с Молдавией того времени купеческие круги Львова, Брашова и Кафы, целиком подтверждают наши выводы.

Особый предмет изучения представляют изображения символического характера, имеющиеся на обеих сторонах монеты Молдавии. Многократно описанные и опубликованные они не перестают приковывать внимание все новых авторов. Речь идет, конечно, о гербах. Основная композиция изображения на монетных аверсах представляет неизменную картину — голова тура с сопутствующими ей астральными символами: звездой, полумесяцем и розеткой. Поскольку количество вариантов изображения очень велико, изучение закономерностей развития герба наталкивается на многие трудности. Сравнительно недавно в посках решения таких проблем сделана попытка перейти от визуального рассмотрения изображений к формально-типологическому. Первоначально анализировались отдельные элементы герба на монетах. Несколько таблиц, составленных С.П.Садовниковым, дают довольно полное представление о разнообразии изображений (Садовников 1989: 103-117). Оказалось, что классифицируя изображения голов тура по их размеру, форме рогов и ушей, можно выделить 3 типа и 25 вариантов этого символа (рис. 43). Общие тенденции графических норм выглядят следующим образом.

В течение примерно 150 лет молдавской чеканки голова тура постепенно эволюционировала в сторону увеличения массивности морды животного. Первоначально лировидные рога также претерпели заметные изменения. Уже во времена Александра Доброго на монетах появились изображения рогов серповидной и кольцеобразной форм, а со временем последний вид вытеснил другие. Правда, при Стефане IV монетная графика вновь возвращается к варианту лировидных рогов. Столь же динамичны и изменения в изображениях ушей. Их вид приобретал все большую декоративность, а в XVI в. очевиден возврат к традициям изображений XIV в.

Среди астральных символов наибольшее разнообразие изображений дает розетка, хотя почти во всех случаях она имеет пять лепестков (рис. 44). Конечно, нетрудно увидеть, что вместе с очень распространенными видами изображений встречаются и редкие. По наблюдениям автора, самыми стандартизированными из символов, помещавшихся на лицевой стороне молдавских монет, являются полумесяц и звезда, исключительно пятилучевая.

Взгляд на композицию изображения аверса в целом (рис. 45) также показывает некоторые закономерности монетной графики. Звезда помещалась только между рогами быка, чаще всего одним лучом вверх. Лишь иногда вместо звезды можно увидеть изображения розетки или короны. Полумесяц всегда изображался так, чтобы его концы были направлены в сторону от головы быка. Напротив, изменения происходившие во времени со

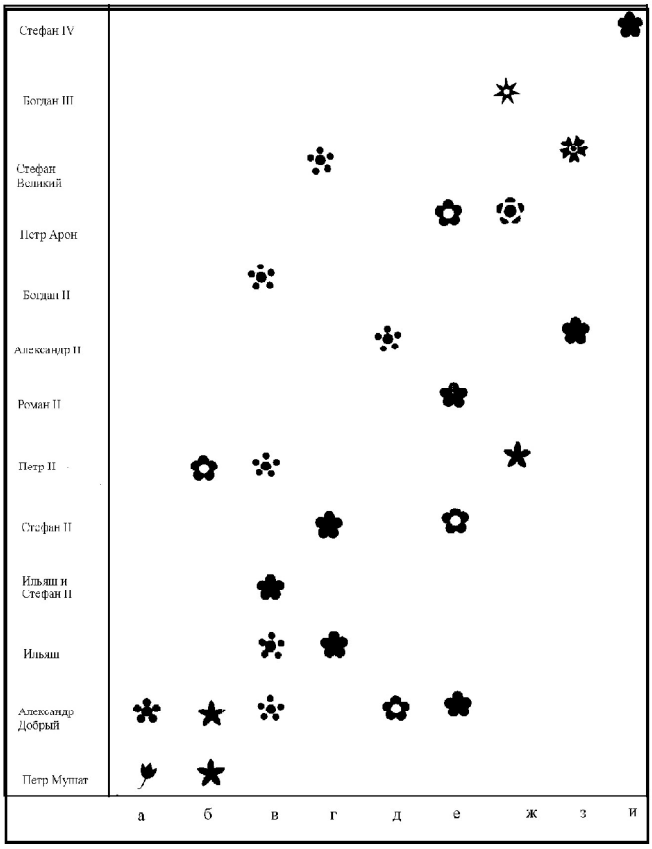

Рис. 44. Изображение розетки на монетах молдавских господарей (по С.П. Садовникову)

всей геральдической композицией, подобно динамике расположения розетки и полумесяца, не позволяют обнаружить какую-либо закономерности. Каждый из элементов герба, включая и изображение головы тура, хорошо известен в средневековой геральдике и монетной графике. По этой причине, на наш взгляд, важен не сам факт их присутствия, а характер взаимовстречаемости друг с другом, во-первых, и особенности оформления (детали, локализация), во-вторых. С этой точки зрения, несмотря на то, что работа С.П.Садовникова выполнена по явно неполным данным, изучение типологии монет чрезвычайно полезно.

К сожалению, исследование изображений на реверсе молдавских монет типологическим методом до сих пор не проводилось. Здесь трудностей еще больше, поскольку отдельные элементы, а иногда и весь герб целиком, могли изменяться даже за время правления одного господаря. Отметим, что с позиций средневековой геральдики, именно композицию реверса можно считать гербом, ибо она изображена на щите, как это и было принято в те времена.

Щит, как носитель гербовой фигуры, сам видоизменялся. Монеты показывают, что первоначально (примерно до 1409 г.) на реверсе изображался так называемый готический или треугольный щит. Затем его сменяет испанский щит, соответствующий по форме контурам латинской литеры U. Наконец, на монетах Стефана IV появляется еще один вид гербового щита — это изображение усложненного защитного орудия, напоминающее турнирный тарч, который имел справа характерный вырез.

Рассеченные щиты на оборотной стороне молдавских монет XIV — первой трети XV вв. выглядят однотипно. В правом со стороны держащего щит воина поле помещены геральдические балки, а во втором поле - от одной до семи лилий. Исследователи почти единогласно отмечают родство этого герба с венгерским, отличавшим правивший там до 1382 г. дом Анжу. То, что герб «перекочевал» в Молдавию едва ли можно объяснить модой или стремлением бросить вызов могущественному соседу. В XIV в. в Европе строго соблюдалось правило: «Пользуются гербами (arma) и знаками только те, кому они пожалованы» (Бартало ди Сассоферрато 1989: 310). Наиболее правдоподобной представляется версия, по которой Петр Мушат унаследовал герб от предшествующих ему правителей Молдавии, являвшихся какое-то время вассалами венгерского короля Людовика I (Полевой 1972: 11).

Дальнейшее изменение гербов феодальных владетелей Молдавского государства, по всей видимости, можно понять, учитывая сколь часто им приходилось искать поддержки извне у более могущественных правителей, чтобы удержаться на троне. Надо думать, смена

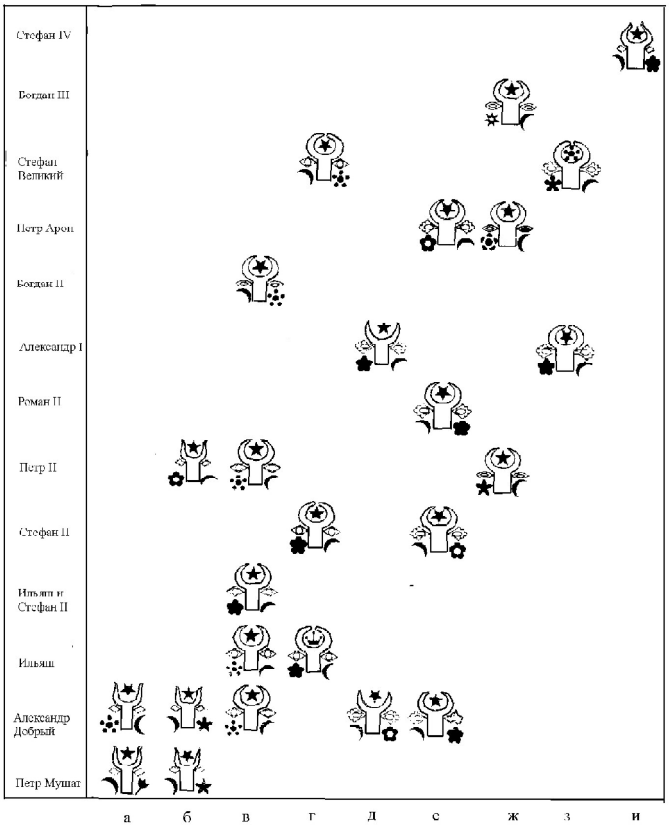

Рис. 45. Изображение элементов, сопутствующих голове быка, на монетах молдавских господарей (по С.П. Садовникову)

сюзерена не замедляла сказываться и на гербе господаря, в котором находили отражение не только его желания, но геральдические символы и воля сеньора. Однако, трансформация гербовых изображений не должна пониматъся как ритуал. Напротив, она преследовала вполне прагматические цели и в области внутренней политики. Изображения на деньгах рассчитывались также на понимание широких слоев населения. Они должны были способствовать укреплению социальной опоры данного господаря и поддержке его новой внешнеполитической ориентации. Приходится сожалеть, что и этот вопрос изучен еще крайне недостаточно.

Мы не затрагиваем сугубо геральдическую проблематику, которой посвящена обширная литература, включая и новые работы (см. Mischevca, Nichitici, Negrei 1994). Здесь хочется только сказать о широком распространении по всей средневековой Европе символов, помещавшихся на молдавских монетах. Причем, нелъзя не заметить неоднозначность и разнообразие их толкования в различных регионах. В этой связи,совершенно необходимо достоверное знание о местных традициях и пришлых веяниях, обычно способных очень причудливо взаимодействовать друг с другом при встрече.

Кстати, при соотнесении изображений и легенд молдавских монет, можно уловить еще одно превращение. На деньгах Петра Мушата вокруг головы быка с сопутствующими ей элементами написано: «Печать Петра-воеводы», а вокруг щита на реверсе – «Печатъ Молдавии». Это поражает, поскольку в XV в. и позднее воспринимается куда более естествено и наоборот, голова тура символизирует Молдавское государство, тогда как щит оборотной стороны — атрибут господаря. Дальнейший ход мысли в этом направлении рождает предположения, что лишь со времени после смерти Петра Мушата голова быка перестает быть гербом одного воеводы и становится символом государства. В таком случае, щит на реверсе следует рассматривать как возможное наследство династии Богдана, отражавшее былой венгерский сюзеренитет и ассоциировавшееся уже в 80-х гг. XIV в. как общемолдавский символ. Данной постановке вопроса не противоречит факт смены династий. Становится очевидной целесообразность превращение Мушатинами родового герба в государственный. Вероятно, сказанное подтверждает уже первая из сохранившихся господарских печатей 1387 г. с надписью, восстанавливаемой Л.Шиманским следующим, образом: S. <PETRIW> O<I> W<ODI>*<M>O<L>D<A>W<IE>N<SIS>, то есть «Печать Петра воеводы Молдавского». Конечно, до специального исследования настаивать на такой трактовке рискованно. Вместе с тем, нельзя не видеть, что при рас-

смотрении поднятого вопроса исследователи все еще находятся в плену у летописной легенды о Драгоше и рожденных в этой традиции теорий. Между тем, на непредвзятый взгляд именно монеты прямо указывают на принадлежность герба с туром Петру Мушату. С другой стороны, сведения памятников письменности дают возможность убедиться в сложности денежного хозяйства Молдавии, которое известные нам монеты представляют далеко не целиком.

3.4. Гривны, рубли и «злоты» чаще других терминов такого рода (за исключением грошей) встречаются в текстах, связанных с различного рода платежами XIV - первой трети XVI вв. Анализируемые сведения очень лаконичны и довольно редки. Содержатся они большей частью в молдавских грамотах, как внутреннего, так и внешнего характера.

Гривны фигурируют в трех документах середины XV в. как счетно-денежные единицы серебра или монет. В гривнах устанавливались размеры так называемой «завезки» - условной платы за нарушение решения господаря, утвердившего акт купли-продажи недвижимого имущества, а также «глобы» (штрафа) за незаконную порубку леса или ловлю рыбы в частных владениях. Например, грамота от 27 октября 1452 г. оговаривает завезку в «пятьдесят гривен серебра» за возможную nопытку оспаривать права собственности у логофета Михаила на селища Иванковцы, Погориловцы и Хатчинцы. В друтом случае (20 января 1456 г.) говорится о глобе в 12 гривен с того, кто без разрешения станет в монастырских владениях «ловити рибу или рубати лис». Данная грамота интересна тем, что предусматривает даже за незначительное нарушение господарских установлений штраф в 10 рублей серебром. Третий документ от 7 anреля 1458 г. предостерегает от ловли рыбы во владениях монастыря Бистрица, угрожая нарушителям штрафом в 40 гривен (DRH.A.-II 1976: 24, 80, 101).

Кроме как счетная единица при взимании больших штрафов, накладываемых господарем за несоблюдение его решений, гривна применялась при оценке некоторых товаров, подлежащих таможенному обложению. Это явствует из содержания двух наиболее пространных торговых привилеев, выданных львовским купцам Александром Добрым 8 октября 1408 г. и Стефаном Великим 3 июля 1460 г.

В более раннем документе отмечается, что при торговле сукном таможенные пошлины взимались в грошах, но из расчета стоимости товара в гривнах. К примеру, на главной таможне в Сучаве предписывалось братъ «от гривны три гроша», а в других местах - по полтора - два гроша. Аналогичным образом следовало платить мыто при торговле рыбой и шкурками куниц из Венгрии. Такой же порядок таможенных сборов с названных товаров сохранялся и спустя полвека. Однако, в привилее Стефана Великого, помимо сукна, рыбы и куниц «угорских», в гривнах оцениваются и так называемые «крамные речи» - отрезы полотна, брюки, ножи, косы, серпы, шапки, плужное железо, мечи, сабли. За них при ввозе на таможне в Сирете нужно платить «от гривны три гроша». Кроме того, в гривнах определялась и стоимость «татарских» товаров - восточных или заморских (пряностей, шелка, греческого вина). При их приобретении в Сучаве вносилась пошлина из расчета по три гроша с гривны, а в других молдавских городах - по два гроша.

Как счетная денежная единица гривна еще раз упомянута в грамоте о торговых привилегиях львовянам 1460 г., когда речь идет о стоимости лошадей – «кони, што суть по три гривны» (см. Приложение 2, № 8). В другом случае, — из грамоты 3 августа 1452 г можно почерпнугь сведения о материальном выражении гривны в связи со стоимостью крупного рогатого скота. По ее тексту польский сановник Ян Бучацкий, улаживавший конфликт с логофетом Михаилом, обещает выплатить ему в определенные сроки 50 гривен. В документе определено, что за нарушение договоренности из имущества Яна Бучацкого будут взяты пятьдесят быков для удовлетворения интересов противоположной стороны (Costăchescu 1932: 803). Этот очень ограниченный объем известий молдавских грамот по данному вопросу позволяет считать, что в начале второй половины XV в. цена трех быков или одного коня составляла три гривны.

Еще одной денежно-весовой, а также счетной единицей, распространенной в средневековом Молдавском государстве, являлся серебряный рубль. Сообщения о нем встречаются в источниках чаще, чем о гривне, хотя довольно часто и в рублях исчисляются размеры штрафов, включая «завезку». Нетрудно выделить три вида формул, в контексте которых фигурирует понятие «рубль»: 1) «рубли серебра», 2) «рубли чистого серебра, 3) «рубли литого серебра». Суммы, указанные в рублях, различны, но, как правило, кратны десяти: 10, 30, 50, 60, 80, 100 (DRH.A.-I 1975: 58, 61, 220, 296, 371, 409; II 1976 : 24, 34, 37, 63, 76, 80, 138, 146, 163, 297).

Судя по данным торговых привилеев, в рублях серебра обычно вносилась пошлина за весовые товары (в отличие от «крамных» - штучных). В частности, за провоз 12 кантаров товара на главной таможне в Сучаве взималась пошлина в один рубль серебра, а в Белгороде, Тигине, Бакэу по «пол рубля серебра» (Подградская 1968: 62). Поскольку, кроме рубля, в качестве денежной единицы используется и «пол рубля», нужно полагать, что в данном случае рубль служил счетной

единицей.

Значительный интерес в этом смысле представляют также две грамоты от 27 января и 10 февраля 1388 г., фиксирующие условия займа польским королем Владиславом II Ягайло у Петра Мушата 4000 «рублей фряжского серебра» сроком на три года. Долг был столь велик, что король Польши заложил до возвращения денег город Галич с прилегающими к нему землями и, возможно, соседние приграничные территории (Параска 1981: 23-31). Однако для нас не менее важно и другое: 10 февраля 1388 г. по указу молдавского господаря казна выделила 3000 рублей его сюзерену «тем весом, что начали давать в Луцке» двумя неделями ранее. Отсюда следует, что вся сумма была выдана не по счету в монетах, а на вес, по всей видимости, в серебряных слитках. Л.Л.Полевой, исчислив размер займа с учетом весовой величины счетного рубля молдавской денежной системы – 197,3 г в конце XIV в., определил общий вес ссуды в 591,9 кг серебра (Полевой 1972: 21). Если допустить, что Владислав II Ягайло получил 4000 рублей, то масса окажется еще внушительнее – 789,2 кг. Подсчеты румынских исследователей несколько расходятся с приведенными цифрами. Одни из них считают, что молдавский господарь дал взаймы королю Польши больше – эквивалент 80,38 кг золота (около 835 кг серебра), а другие – меньше – лишь 538,38 кг чистого серебра (Kiritescu 1964: 86; Luchian, Buzdugan, Opрescu 1977: 43). Но при любом способе расчета величина займа впечатляет.

На наш взгляд, куда важнее в этой связи изучить другой вопрос - какова связь между гривной и рублем? Вероятно, есть определенные основания видеть в этих терминах синонимы, по крайней мере, исходя из некоторых соображений. Не исключается вытеснение более архаичного названия «гривна» новым – «рубль», использовавшимся для обозначения серебряного слитка определенного веса. Так это произошло на Руси. Прежний термин «гривна» сохранился, но уже в значении счетно-денежной единицы (Спасский 1957: 38-39). Отметим, что в обоих случаях на Западе этим названиям соответствовало понятие «марка». Более того, именуясь по-разному, эти величины в соседних странах были весьма близки друг другу по весу. В частности, в XIV в. примерно равный вес (около 200 г) имели северорусский или новгородский рубль (гривна), быстро возобладавший во всех русских землях, польская или краковская марка, а также распространенный в Золотой Орде, включая генуэзские колонии северного Причерноморья, соммо (Федоров-Давыдов 1958: 8-12; Потин 1986: 93; Iliescu 1970: 25).

Помимо материалов, содержащих информацию о молдавских денежных единицах внутреннего характера, большое количество поземельных грамот сообщают об обращении в пределах страны денег явно иноземного происхождения. Использовались они главным образом при осуществлении расчетов, связанных с куплей-продажей недвижимого имущества. Документы фиксируют продажу многих видов недвижимости - сел или части сел, селищ, пустошей за сумму от 30 до 90 золотых или «злат». В виду того, что в Молдавии XIV - первой трети XVI вв. собственные золотые монеты не чеканились, очень трудно определенно сказать о каких именно деньгах говорится в источниках. Между тем, суммы иногда упоминаются весьма солидные. Скажем, в грамоте от 5 июня 1449 г. называются 800 золотых, которые были даны одним частным лицом другому «на хранение» (см. Приложение 2, № 7). С известной долей вероятности можно предположить, что записи подразумевают турецкие или венгерские золотые монеты, о хождении которых в Молдавии порой прямо сказано в сохранившихся до наших дней средневековых текстах.

Золотые Турции грамоты упоминают в трех случаях. В 1452 г. селища Иванковцы, Погориловцы, Хатчинцы были проданы за «120 злат турецких», а монастырское село Гречь - за «300 злат турецких» (DRH.A.-II 1976: 24, 177). В привилее 1460 г. также имеется сообщение на этот счет. Он предусматривает уплату таможенной пошлины размером 2 турецких золотых в Бакэу, Романе и окраинных торгах с товара, ввозимого из Валахии и Турции (перец, шерсть и др.).

«Угорскими дукатами» или «угорскими червленными златами» производились отчисления молдавскими господарями монастырям Молдовица, Зограв и Путна. Этими же монетами могли рассчитываться при купле виноградников и исчислять величину завезки (DRH.A.-I 1975: 80; II 1976: 145, 192-197, 310, 314, 316; III 1980: 434). Грамота Ильяша 1433 г. подтверждает употребление в Молдавии «золотых венгерских флоринов» - двое брашовян были тогда должны 23 и 28 флоринов одному из подданных господаря (Приложение 2, № 4). Кроме того, известно, что Александр Добрый платил ежегодно своей бывшей супруге Римгалии, сестре великого литовского князя Витовта, по «600 золотых дукатов или червленных золотых угорских» (DRH.A.-I 1975: 69).

Однако, наиболее часто применяемой в торговых операциях Молдавии денежной единицей являлся «татарский злотый». За татарские золотые продавались и покупались целиком или частично селения, монастыри, селища, виноградники, сенокосы, источники, мельницы, пасеки, поляны, пустоши, сады. Помимо недвижимости, в татарских «злотых» назначались цены при продаже породистых

лошадей, а также холопов - татар и цыган (DRH.A.-II 1976: 217, 345). Характер данных денег пока окончательно не выявлен, хотя предполагается, что «татарские злоты» - это вовсе не монеты. Скорее всего, речь идет о счетном понятии, сохранявшемся в Молдавии со времен золотоордынского господства, поскольку в Улусе Джучи деньги из золота вообще не чеканились.

Важный шаг вперед в изучении данной проблемы сделан в последние годы румынским нумизматом Э.Оберлендером-Тырновяну. По его мнению, «татарские злоты» - явление сложное, унаследованное из экономической и монетной реальности «золотоордынской федерации». Во-первых, это счетная единица, приравнивавшаяся в разных случаях к 2,5 и 0,25 венгерского флорина. Во-вторых, под этим термином, происшедшем от арабского «динар», скрывались и настоящие золотые монеты, опять же различные по достоинству и виду. Исследователь называет деньги персидской и индийской чеканки, а также подражания венецианским дукатам (Oberländer-Tîrnoveanu 1991: 189-220). Нам представляется, что такое толкование загадки «татарских злотых», хотя и охватывает всевозможные варианты решений, лишь открывает путь к нахождению верного среди них. При этом нельзя не согласиться с тем, что термин имел двоякое значение. Обратим внимание лишь на один факт, приводимый проехавшим в 1421 г. через Литву и Молдавию в Крым фламандцем Гильбертом де Ланнуа. Он рассказывает, как литовцы дали ему предназначенный для ношения на шее большой татарский флорин (ung grant florin de Tartre), который служил в пути знаком принадлежности предъявителя ко двору великого князя Витовта (Ланнуа 1853: 436-437). Почти с уверенностью можно утверждать: упомянутая монета была сделана на Востоке, очевидно из золота, а далее все не ясно.

3.5. Работа монетных дворов не описана сохранившимися письменными памятниками XIV - XVI вв. Однако, исследователи располагают рядом косвенных свидетельств. Два документа господарской канцелярии называют имена мастеров, занимавшихся в Сучаве чеканкой денег для нужд страны. Письмо Ильяша в Брашов от 15 марта 1433 г. говорит об обидах, причиненных молдавскому монетарию – Laurencius, fusos monetarum nostrarum. Этот человек занял двум брашовянам 28 и 23 «золотых венгерских флорина», но они почему-то не вернули ему долгов. Поскольку неоднократные попытки самого Лауренциуса получить деньги обернулись только дополнительными расходами, его покровитель потребовал удовлетворения иска взаимодавца, обратившись напрямик к властям Брашова (Приложение 2, № 4).

Еще один акт - славяноязычная грамота Александрела от 5 июня 1449 г. - разрядил спор пыркалаба Косте и хегерара (чеканщика монет) Герге. Текст содержит своего рода выписку из протокола разбирательства, имевшего место в Сучаве перед господарем и членами его совета. Суть дела в том, что Герге растратил 800 золотых, которые ему дал на сохранение пыркалаб Косте. Должник объяснял, что купил на них у господаря Петра II таможню и «херегию» - монетный двор, желая с помощью этих вложений заработать. Вернуть по требованию Косте деньги незадачливый предприниматель не мог, а потому расплатился со своим кредитором принадлежащей ему недвижимостью: селом у Васлуя с мельницей, полученым от Стефана II, и домами в Сучаве, которые построил сам Герге. Хотя этого было недостаточно, чтобы покрыть долг, Косте смилостивился и согласился прекратить на том тяжбу (Приложение 2, № 7).

В документах первой половины XV в. также известно употребление слова «херегия» для обозначения монетного двора, но чаще оно звучит как «харагия». Там же находим пример, когда это наименование употреблено в глагольной форме: «Да се харакс҃ват» — «чтобы чеканились» (DRH.D.-I. 1977: 230, 286, 329, 330). Монетная терминология обеих стран выводится от греческих слов χαραγη, χαρασσω (Bogdan 1905: 22).

Из данных приведенных документов следует, что в Молдавии монетный двор принадлежал господарю. Это понятно, поскольку монетная регалия приносила большие доходы государственной казне. Вместе с тем право на чеканку денег передавалось в руки частных лиц - монетных мастеров. Очевидно, это делалось в форме откупа - Герге говорит, что он «купил у Петра-воеводы мыто и херегию». Тем не менее, эта купля не позволила ему рассчитаться с Косте, который отнюдь не претендовал стать собственником таможни и монетного двора. Несуразица объясняется тем, что Герге выступал всего лишь в качестве арендатора. Данные обеъкты государственной важности при любых обстоятельствах оставались собственностью господаря Александрела. Более того, «прогоревший» на рискованной затее Герге, видимо, по-прежнему исполнял обязанности чеканщика. Это следует из того, что должник, на которого и жалуется Косте, именуется «херегаром» в настоящем времени.

Конечно, роль чеканщика являлась очень важной в стране. Не случайно Ильяш лично заступается за пострадавшего Лауренциуса. Нельзя не учесть, сколь либерально отнеслись к провинившемуся Герге Александрел и весь господарский совет. Именно вследствие такого характера судебного разбирательства, обиженный пыркалаб вынужден был

довольствоваться явно недостаточной компенсацией за нанесенный ему ущерб (Приложение 2, № 7). Не вызывает сомнения и то, что молдавские херегары были людьми состоятельными и авторитетными. Косте, надо полагать, знал что делал, когда давал «на подержание» (хранение) огромную по тем временам сумму. Скорее всего, в рассматриваемой ситуации можно говорить о кредитовании дела, которое завел Герге. Как известно, сделка оказалась неудачной. Лауренциус также одолжил вовсе не малые деньги брашовянам.

Монетная чеканка в Белгороде, как справедливо считают многие исследователи, прямо восходит к богатой домолдавской истории этого крупного черноморского порта. Город, именуемый в европейских памятниках письменности эпохи средневековья по-разному – «Аспрокастро», «Маурокастро», «Мокастро», «Алба Кастро» и т.п. (Iorga 1937), долго находился под определяющим влиянием традиций византийского происхождения, которые сохранялись здесь, несмотря на частое изменение политического статуса края. Сказанное, судя по всему, справедливо для периода пребывания Белгорода в орбите политического властвования Молдавского государства. Монеты подтверждают эту точку зрения.

Нумизматические находки, проливающие свет на исторический феномен города на Днестровском лимане, обнаружены, главным образом, на территории этого средневекового центра. Они представлены двумя основными типами. Первый из них, ставший известным еще в 30-е гг., однозначно характеризует изображение равностороннего креста и круговая греческая легенда с именем города «Аспрокастро» в родительном падеже (см. гл. 1). В ряде случаев между плечами креста нанесены точки – признак, позволяющий различать два варианта эмиссии. Монеты принято считать местной продукцией, обслуживавшей внутренние нужды города в разменных деньгах. Вопрос об узкой датировке медной чеканки Аспрокастро пока не решен, но тип относительно точно относится к хронологическому интервалу 1400-1457 гг. (Полевой 1990:167-168).

Другие монеты, связываемые с Белгородом XV в., не столь оригинальны. Это джучидские дирхемы, надчеканенные изображением названного креста с точками-шариками между сторонами. Пять экземпляров таких монет обнаружены в составе найденного в 1957 г. на территории Румынии клада из Кырпиць (жудецул Яшь), который был сокрыт не ранее 1462/1463 гг. (Iliescu, Dinu 1957: 345; Нудельман 1975: 102). Еще пять недавно опубликованных монет с контрмарками обнаружены непосредственно в Белгород-Днестровском и хранятся теперь в коллекциях частных лиц. Данный тип, также отнесенный к локальному чекану Белгорода, предложено датировать примерно серединой XV в. (Коциевский 1990: 156).

Наличие на обоих типах монет креста, трактуемого в качестве герба города (Andrieş-Tabac 1998: 16-18), позволяет сблизить их с серией полугрошей, имеющих куда более сложное и изящное оформление реверса. Однако и в этом случае основу композиции составляет равносторонний крест, между плечами которого нанесены миниатюрные изображения звезды, полумесяца, короны и литеры (см. гл. 1). Допускается, что такие разменные деньги также выпускал Белгород, но ранее описанных прежде - вероятно, во второй половине правления Александра Доброго (Полевой 1990: 170-171; Коциевский 1990: 157).

Вхождение Белгорода в состав Молдавии произошло не ранее чем на исходе XIV в., а вскоре, как явствует из привилея 1408 г., он становится важнейшим коммерческим и таможенным пунктом Молдавского торгового пути. Через город проходила важнейшая экономическая магистраль, соединявшая страну с Востоком, по которой двигался мощный поток восточных и западных товаров, включая и транзитные. Условия благоприятствовали развитию здесь интенсивного местного товарообмена, что естественно требовало большого количества монеты, особенно разменных. В период властвования Александра Доброго серебряные и медные деньги сучавской чеканки циркулировали тут нормально, что зафиксировано нумизматическими находками (см. состав коллекций из Белгорода в гл. 2). Однако, при его преемниках, когда политические усобицы и анархия в хозяйстве захлестнули страну, общегосударственные монеты перестали удовлетворять надобности белгородского рынка. По всей видимости, именно поэтому Белгород, ставший к тому же при Стефане II на некоторое время столицей «Нижней страны» (Chalcocondil Laonic 1958: 93), наладил выпуск собственных денег.

Высказывалось мнение о том, что надпись на монетах указывает на владельца местного монетного двора - состоятельного купца-грека, каковых в городе было немало. Право или разрешение на чеканку денег он мог приобрести у господаря (об этом говорит изображение герба Молдавии на аверсе) на собственные средства, хотя видимо действовал с согласия и при поддержке руководства городской общины (Беляков 1990: 181). Не отвергая такой возможности, заметим, что херегар-откупщик чувствовал себя уж слишком независимым от центральной власти, коль скоро ему позволялось делать надписи по-гречески.

С нашей точки зрения, правы те исследователи, которые видят в белгородской

монетной чеканке проявление автономного положения Аспрокастро в составе Молдавского государства. Здесь, как и вообще в Европе эпохи средневековья, монетная регалия была верным индикатором определенного объема независимости, причем не только экономической и административной, но и политической. Конечно, верховные правители всячески пытались урезать самостоятельность подвластных им образований. По этой причине автономному статусу вообще свойственен большой диапазон изменчивости в пределах от полной независимости до ликвидации всякой свободы. На взгляд О.Илиеску, свою автономию город мог обрести еще в XIII в. В доказательство приведены редкие монеты с равносторонним крестом, имеющие параллели в монетной графике Византии (Iliescu 1977; 1991: 155 -158).

Есть основания полагать, что в периоды своего наибольшего политического могущества Белгород выпускал не только разменную монету. Полновесные деньги, свидетельствующие о попытке повысить международный престиж города, отмечены генуэзскими документами 1453 и 1455 гг. Более ранняя запись говорит о долге молдавских купцов в сумме 4000 «белгородских дукатов» - ducatorum de Mocastro (Iorga 1895: 31). В рассказе же об истории с замком Лерич говорится: братья Сенарега запросили за пленных белгородцев 3400 дукатов, «обращающихся в Мокастро», - pro tribus quadrigentis Mocastro currentibus (Iorga 1895: 31-33). Поскольку здесь же называются суммы, исчисленные в «венецианских дукатах» и «турецких дукатах», нет сомнения, что речь идет об особых монетах Мокастро. Конечно, размеры долга и платежа за людей были велики, поэтому не приходится сомневаться в полноценности белгородских дукатов. Скорее всего, это были серебряные монеты, однако более определенно судить о них пока нет возможности из-за отсутствия достаточного количества сведений памятников письменности и соответствующих монетных материалов.

Не так давно было обращено внимание на гроши Петра Арона, в легенде которых имеется загадочная аббревиатура D.M. (см. гл. 1). Одни исследователи читают ее как Dominus Moldeaviae, а другие - Domino Maurocastri (Luchian, Buzdugan, Oprescu 1977: 77; Iliescu 1991:160-161). Второй вариант кажется более предпочтительным не только, поскольку он целиком соответствует терминологии венецианского документа 1435 г., но и оттого, что на реверсе монеты нанесен несколько видоизмененный равносторонний крест.

Как мы уже писали, имеются определенные основания думать, что какое-то время монеты чеканились и в Килие. Если это так, то и история чеканки дунайского города также должна уходить корнями в домолдавскую историю края. К сожалению, сведения о килийских монетах пока остаются скудными и не поддаются убедительной трактовке (Iliescu 1971: 261-266; 1974: 451–456; Oberländer -Tîrnoveanu E., Oberländer -Tîrnoveanu I. 1981; 1989) Тем не менее, в литературе можно встретить данные о производстве денег на Нижнем Дунае, а также в Нямце (см. карту Luchian, Buzdugan, Oprescu 1977: 42).

Недостаток прямых сообщений о деятельности молдавских монетариев можно попытаться восполнить, из нескольких источников, касающихся других стран. Хотя в монетном деле каждого государства имелась своя специфика, исследователи сходятся в мнении о сохранении родственных традиций ручной чеканки по всей Европе вплоть до начала XVI в. В этом отношении уместно привлечение в качестве аналогий зарубежных материалов, тем более что многие из них проверяемы на монетах Молдавии. Выделяют несколько этапов технологического процесса выпуска металлических денег: 1) подготовка монетного сплава; 2) изготовление заготовок-пластинок; 3) производство штемпелей; 4) чеканка монет; 5) проверка качества и веса продукции (Потин 1986: 102).

Монетный сплав готовился в специальном сосуде-тигле, изготовленном из глины и извести, а затем обожженном для прочности. Расплавленный металл (обычно несколько килограмм) выливали в глиняную форму или же в углубление, вырытое прямо в земле. Полученная заготовка, называемая в ряде мест немецким словом «цан» - палка, часто округлая в сечении, имела форму стержня и реже пластины (Фенглер, Гироу, Унгер 1988: 327, 356). Цан уже имел пробу, соответствующую значению, которое стремились придать изготавливаемым монетам. Сплав различных металлов также создавался в тигле, поэтому первая стадия производства денег отличалась особенной значимостью.

«Монетный ренессанс XIII в.», ознаменовавший возврат европейцев к добротной золотой и серебряной чеканке, не везде и не все восприняли одинаково. В городах Центральной Италии увидели свою задачу в том, чтобы «подсчитывать звонкую монету, сеять ее по всей Европе, заставлять ее обращаться все быстрее и быстрее». А во Франции Филипп IV Красивый (1285-1314) поступил иначе. Результаты его деятельности вскоре стали очевидны уже многим. Данте уверял, что «над Сеной жизнь скудна, с тех пор как стал поддельщиком металла» сам король. Филипп IV, вызвавший всеобщее негодование современников, получил на века прозвище «фальшивомонетчик». Другой герой «Божественной комедии», живший под Флоренцией в графском замке Адамо, по заказу своих господ «подбавлял неутомимо к

флоринам трехкаратную подмесь». Другими словами, при плавке мегалла фальшивомонетчик брал лишь одну долю золота и три - меди (Беляков 1990: 119, 127-128; Ле Гофф 1992: 79, 233; Дюби 1994: 160; Данте Алегьери 1961: 195, 548, 681, 682, 753).

В условиях Молдавии монетариям требовалось одобрение таких действий господарем, обладавшим монополией чеканки. По грамотам Валахии известно требование центральной власти в обязательном порядке относить в херегию даже медь. Исключительное право покупки монетного металла принадлежало только господарям. Владельцам меди запрещалось сбывать товар кому-либо другому, а совершавший это «украдом» мог поплатиться головой (DRH.D.-I 1977: 285-286).

Следующая стадия работы чеканщиков заключалась в изготовлении дисков. Для этого с помощью молотков цаны плющили, придавая раскованному металлу нужную толщину. По ходу дела монетный сплав многократно (до 12 раз) нагревали. Такое «отжигание» обеспечивало равномерность расковки и предотвращало ломкость металла. Превращенный в лист слиток служил основой для вырубки монетных кружков. Изготовление их производилось при помощи зубила, ножниц или же специального пробойника. Этот простой инструмент - металлический стержень, нижняя рубящая часть которого представляет собой трубку с заточенным краем. Удар молотом по пробойнику позволял сразу же получить кружок необходимого диаметра. Правда, пластинки получались «скифатными» - вогнутыми в виде мисочек, поэтому их вновь нагревали и выравнивали. Использование пробойника («вырубки», «высечки») не только ускоряло изготовление кружков - по разным данным от 2-х до 10-ти раз, но и приводило к существенному сокращению количества обрезков. По материалам анализа технологии чешских монетчиков начала XV в. при вырезании кружков из четырехугольных пластинок отходы составляли не менее 21,5 % металла, а с применением пробойника - лишь 9,3 %. При этом документы монетного двора Кутна гора за 1474-1547 гг. указывают на еще меньшую долю обрезков - от 4 % до 6 % (Потин 1986: 102; Фенглер, Гироу, Унгер 1988: 197, 238, 255, 269; Panek 1972).

По наблюдениям исследователей, в Молдавии монетные кружки вырубались пробойниками, что характерно и для львовской чеканки второй половины XIV- начала XVвв. (ИНХ 1976: 129; Котляр 1968: 98-107). Однако, прежде чем приступить к самой чеканке, монетные кружки чистили и шлифовали в растворе поваренной соли, винного камня, во вращаемой бочке с водой и угольной пылью. Подсчеты показывают, что подготовительная работа монетчиков по изготовлению цанов и пластинок-кружков являлась наиболее трудоемкой. Затраты на описанные операции занимали около 85 % рабочего времени (Потин 1986: 102; Фенглер, Гироу, Унгер 1988: 196–197, 238, 374).

Ручная чеканка осуществлялась посредством двух штемпелей в виде стержней из стали или бронзы, которые несли на своих торцах совмещающиеся негативные изображения аверса и реверса монеты. Штемпели бывают цельновырезанные и сложносоставные. В последнем случае основная часть штемпеля соединялась с пунсонами - меньшими стержнями с отдельными, как правило, второстепенными элементами изобразительной композиции вроде короны, букв и пр. Чеканка, использовавшая пунсоны, позволяла существенно повысить производительность труда резчика штемпелей. Кстати, до недавнего времени ошибочно полагали, что достаточно тонкая работа по изготовлению штемпелей требовала длительного времени. Однако, выяснилось - даже штемпеля со сложными рисунками делались всего за 2-3 дня, а то и за несколько часов. Еще более сократила процесс производства монетных штемпелей технология чеканки с патрицей. Она заключалась в изготовлении на первой стадии штемпеля с позитивным изображением – патрицы. С ее помощью получали оттиски в металле – матрицы, которые являлись штемпелями для чеканки. При такой технологии можно было сделать немало вторичных штемпелей, не опасаясь повредить первичный – патрицу. При чеканке денег нижний штемпелъ, нерабочий конец которого обычно конусовидно заостряли, крепился неподвижно к деревянной колоде. Изображение монеты на нем совмещали с кружком и рабочей стороной верхнего штемпеля. Нанося удар молотом, получали готовый продукт Установлено, что верхний штемпель от ударов снашивался быстрее. Тем не менее одной парой штемпелей можно было изготовить большое количество монет. В ходе специального эксперимента удалось отчеканить 8 тыс. монет, а сведения о денежных эмиссиях Англии 1281-1321 гг. позволяют увеличить это число до 30 тыс. экземпляров.

Изучение молдавских монет однозначно указывает на использование в сучавской чеканке нецельновырезанных штемпелей, составленных из наборных пунсонов. По некоторым данным монетарии Молдавии применяли технологию патриц, удешевлявших и упрощавших работу. Аналогичные приемы и инструменты характеризовали монетное дело соседних польских земель, включая Галицкую Русь. В ходе исследований сделан важный вывод - монетное дело Молдавского

государства уже в XIVв. находилось на одном уровне с европейской техникой денежного производства (Полевой 1972: 7-8; ИНХ 1976: 128-129; Котляр 1967: 92-99; 1968: 103–107).

Завершала процесс производства денег проверка монет. Их осматривали, выбраковывая особенно попорченные и нестандартные экземпляры. Изображение на отдельных монетах могло быть совершенно смешенным из-за неправильного расположения пластинки или штемпеля. От слабого удара рисунок бывал едва заметным или неразборчивым при двойном ударе, когда и оттиск получался двойным, а то и смазанным. Попадались и более тяжелые монеты, обнаруживавшие свою массивность на глаз. Примитивный способ проверки продукции состоял в опускании монет в ящик через щелку определенного размера, как в копилке. Дабы не взвешивать каждый экземпляр, естественно отличавшийся при ручной чеканке от других, определяли вес того количества монет, который по расчетам нужно было получить из слитка определенной массы. Именно данный прием, называемый al marco (т.е. соответственно марке), характеризует монетное дело соседних с Молдавией польских владений. Там в основе чеканки лежала краковская гривна весом в 197,68 г (Потин 1986: 103; Фенглер, Гироу, Унгер 1988: 390; Котляр 1968: 66). Из серебряного слитка такой массы во времена Владислава Ягайло изготавливали 206 русских полугрошей, теоретический вес каждого из которых составлял 0,96 г. Молдавские гроши соотносятся то с той же краковской гривной, то с русской гривной - рублем «северного веса», то с соммо итальянских колоний Причерноморья. Вес любого из этих слитков примерно одинаков и колеблется около 200 г. Стало быть, во время правление Петра Мушата из такого количества серебра могли бытъ изготовлены примерно 200 грошей (Полевой 1972: 26-35; Iliescu 1970: 25). Впрочем, если в сплав добавлялось много меди, конечно количество отчеканенных монет резко увеличивалось.

Монетчиками, как это известно по ряду стран, зачастую становились ювелиры, а штемпеля изготавливались резчиками печатей. Работников монетного двора в странах, не имевших собственных разработок золота и серебра, было мало. Чеканку денег в таком случае вели всего несколько человек. Тем строже власть следила за посягательствами на ее право осуществлятъ монетные выпуски. Фальшивомонетчики карались чрезвычайно строго. Упомянутый уже изготовитель флоринов Адамо окончил жизнь на костре по приговору флорентийской республики в 1281 г. В Сербии XIV в. казнили мастера (чеканщика фальшивых монет сжигали), а селение, допустившее его деятельность, разрушали. В Голландии за такие преступления бросали в кипяток, в России середины XVII в. - заливали в горло метал, расплавленных подделок, во Франции и Прибалтике - рубили руки (Потин 1986: 133; Данте Алигьери 1961: 195, 681; Мушмов 1924: 9, 10, 24, 25). В Молдавии о попытках наладить выпуск фальшивых монет и о карательных мерах, письменных сведений нет. Однако, едва ли страна и тут стояла особняком. На наш взгляд, отдельные находки из Старого Орхея с очень невнятными изображениями на реверсе вполне заслуживают внимания как примеры незаконной чеканки. Скорее всего, эти экземпляры изготовлены во второй четверти XIV в.

Важность представляет вопрос об отношениях столичной и провинциальной чеканки. Из Сучавы, по всей видимости, очень ревниво следили за участием монет белгородского производства в денежном обращении и не допускали их циркуляции за пределами порта на Днестровском лимане. О таком положении свидетельствует реальное распространение нумизматических находок на принадлежавших господарю землях. Нужно думать, и здесь действовало правило, известное Европе в формулировке французского короля Людовика IX от 1262 г: «Монеты каждого сеньора обращаются только в его владениях. Монеты короля имеют хождение по всему королевству» (Беляков 1990: 117).

Наконец, вызывает интерес проблема количества выпускавшихся в стране монет. Сегодня коллекции различных музеев и документальные записи о находках последних 150 лет убеждают - в числе добытых из земли молдавских монет абсолютное большинство составляют гроши Петра Мушата. По нашим представлениям, до сего дня зафиксировано до 10 тыс. экземпляров (Ursu, Berciu-Draghicescu 1989; Berciu-Drăghicescu 1990). Между тем, эта цифра может более-менее объективно отразить лишь место продукции данного господаря в эмиссионной деятельности Молдавии. Об объемах монетного производства в ряде стран Европы имеются куда более точные сведения. Так, в Аквилле с 1350 по 1402 гг. монетарии отчеканили чуть менее 12 млн. экз. денариев. Венеция только при доже Франческо Дандало (1329-1339) пустила в оборот 18,8 млн экз. сольдини. А пражских грошей за период 1300-1549 гг., несмотря на перерывы в монетной чеканке, было выпущено около 1 млрд. штук (Потин 1986: 87, 153).

Как ни странно, но не располагавшая достаточным количеством монетного металла Молдавия на отдельных этапах своей истории производила деньги во вполне сопоставимых с приведенными цифрами количествах. Любопытные сведения об этом содержит книга счетов венецианца Джакомо Бадоера, которую он вел в Константинополе в 1436-1440 гг. (Шитиков 1969: 48-62). В числе около 800 агентов итальянского торговца значится некий Йорги Фоти Влако, вероятно из Монкастро, продавший в византийской столице несколько

партий необычного товара — «влашских медных монет» (tornexi vlachesci di rame). За короткое время Йорги сбыл огромное количество монет, общий вес которых составил почти 2643 кг. Недавнее исследо-вание определило, что речь идет о полугрошах, колебавшихся в весе от 0,32 до 0,44 г. Если это так, то из страны всего за несколько месяцев один лишь торговец вывез и продал как простой металл 6-8,25 млн. экз. монет. Разрыв цен позволил ушлому купцу выручить круглую сумму, поскольку в Константинополе монетная медь стоила по меньшей мере в 17 раз дороже, чем в Монкастро (Oberländer -Tîrnoveanu 1991: 166-167, 175-176). Для нас этот случай интересен как свидетельство интенсивности чеканки Сучавой разменных денег в последние годы правления Александра Доброго или же в течении нескольких лет после смерти господаря.

Послесловие. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОЛДАВИИ

Возобновление после смерти Стефана Великого производства неполноценных денег зафиксировало наступление состояния глубокого хозяйственного упадка, в который погружалась страна. Раздираемая внутренними противоречиями, Молдавия переживала кризисный период своей истории, завершившийся полным установлением системы османского господства в 1538 г. Однако, регулярная монетная чеканка была прервана еще до этой трагической развязки. На фоне полноценных иноземных денег, прочно занявших ведущие роли на местном рынке, продолжение эмиссий собственных биллоновых и медных монет стало бессмысленным. Экономически тяжкая зависимость от турок еще больше усугубляла создавшееся положение, ибо все большее количество серебра в виде дани и других платежей уходило теперь безвозвратно за пределы государства, в казну султана. Если в 1456 г. Петр Арон заплатил Порте в качестве дани 2000 золотых, а Стефан Великий в 1487 г. уже 4000, то при Богдане III эта сумма составляла 8000, а в 1541 г. — 12000 золотых. К середине XVI в. харач вырос до 50 тыс., а к концу столетия – до 65 тыс. (ИНХ 1976:133). Ситуацию в торгово-денежных отношениях Молдавии того времени отразила характеристика советника Фердинанда Габсбурга, Г.Рейхерсдорфера. В своем «Описании Молдавии» он отметил: «Во всей этой стране обращается только старая венгерская монета, а также серебряные и золотые аспры, как венгерские, так и турецкие, и не принимается никакая другая монета, которую население не знает» (CSTR 1968: 201).

В самом деле, даже беглый взгляд на нумизматические находки названного периода позволяет увидеть, сколь важным было значение для денежного обращения страны венгерского серебра, присутствующего едва ли не в каждом кладе. В монетной циркуляции первой половины XVI в. весьма существенна и роль османских акче. Несомненно, одновременно с утратой политической независимости молдавские земли все больше вовлекались в сферу торгово-экономической деятельности Турции.

В середине XVI в., пожалуй, самым значительным экономическим партнером Молдавии стала Трансильвания, отделившаяся от Венгрии и с 1542 г. существовавшая автономно под политической властью Османской империи. Давние торговые связи, осуществлявшиеся в основном через Бистрицу, активизировались. Вывоз в Семиградье традиционных молдавских товаров – скота, кож, шерсти, воска, меда, вина, рыбы — имел успех, поскольку по ту строну Карпат, они пользовались большим спросом. В обратном направлении обычно везли партии крупных монет, обращавшихся в трансильванских землях — венгерских, турецких, а также польско-литовских. Благодаря такому своеобразному обмену, Молдавия не только продолжала участвовать в международной торговле, но и была способна поддерживать в условиях отсутствия собственной монеты определенный, сравнительно высокий уровень внутреннего денежного обращения. Поскольку одним из самых активных участников и заинтересованных лиц в возросшей торговле с Бистрицей был лично господарь Александр Лэпушняну (1552-1561, 1564-1568), совсем не удивительно, что он предпринял попытку возродить в Молдавии монетное дело, сулившее его казне дополнительные доходы.

Сообразуясь с реальным положением на рынках края и Трансильвании, где первенство принадлежало денариям Венгрии, Александр Лэпушняну наладил в 1552 г. выпуск собственной монеты. На рынок поступило большое количество молдавских денариев, почти полностью повторявших венгерские образцы. Помимо легенды, единственным существенным отличием двух групп монет, являлось миниатюрное, не без труда различимое изображение головы быка в центре большого четырехпольного щита на аверсе. Монеты того же номинала и иконографии продолжали чеканить в Сучаве следующие за первым правлением Александра обладатели господарского престола Молдавии — Иоанн Гераклид (1561-1563) и Стефан Томша (1563-1564). Нужно отметить, что Иоанн Гераклид, известный также под име-

нем Яков Деспот, пошел даже дальше, приспосабливая собственные эмиссии под наиболее авторитетные типы иноземных монет. Его чеканке принадлежат мангыры, копировавшие одноименный турецкий номинал разменной монеты, крупные серебряные номиналы европейского образца – талеры и орты, а также известные по единичным экземплярам золотые дукаты. Установлено, что талеры, орты и дукаты не имели практического значения для денежного обращения страны, поскольку их отчеканили в ограниченном количестве специально для оплаты господарских наемников (Iliescu 1970: 34; ИНХ 1976: 251; Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 78). Этот господарь-иноземец, уроженец острова Самос, обнаружил в Молдавии весьма неожиданный источник монетного металла. По свидетельству летописца он «обобрал церкви, а серебро из них перелил на деньги» (Уреке 1971: 163).

В правление Иоанна Лютого (1572-1574) проведена новая попытка реорганизации потерявшей свой оригинальный облик молдавской монетной системы. На этот раз в 1573 г. на рынок поступили медные деньги, которые приравнивались к османскому серебру и потому носили одноименное название - «акче». Это слово содержится в тесте славянской легенды монет (Iliescu 1970: 36; ИНХ 1976: 251). Установленное соотношение было совершенно надуманным и не могло обеспечить конкурентоспособность молдавских акче в реальном обращении. Разумеется, вскоре производство таких эмиссий пришлось прекратить.

Еще один опыт возобновления собственного монетного дела в стране приходится на самый конец XVI в. Эта кратковременная чеканка имела место, когда в последней четверти столетия видную роль в товарно-денежных отношениях на территории Молдавии стали играть монеты Речи Посполитой. Не случайно в 1595 г. господарь Стефан Рэзван, находившийся у власти только несколько месяцев, выпустил по образцу польско-литовского «трояка» собственные трехгрошевые деньги. Небольшую серию монет того же номинала отчеканил и его преемник Еремия Мовилэ (1595-1606), являвшийся прямым ставленником поляков (Iliescu 1970: 36-37; ИНХ 1976: 251-252). Эта очередная и также неудачная попытка центральной власти реанимировать монетное дело в средневековом Молдавском государстве оказалась последней.

Надежды господарей второй половине XVI в., надеявшихся с помощью обращения собственной монеты активизировать и контролировать движение товаров и денег на внутренних рынках стран рухнули. Нежизнеспособность денежных эмиссий самой Молдавии стала очевидной. Их близкое к нулю значение в обращении наглядно демонстрирует изучение состава кладов этого времени. В них встречаются только денарии и мангыры начала 60–х гг. XVI в., да и то эти монеты составляют очень небольшую часть коллективных находок. Например, на территории современной Республики Молдова зафиксированы лишь три тезаврации с упомянутыми выпусками 1562–1564 гг. – Болотино, Костулены, Леушены. Причем в двух кладах доля молдавских денег ничтожна (Нудельман 1976: 94–95, 98, 99, №№ 3, 10, 13; ТМ 1994: 19–21, 30–32; № 5, 10). Помимо всего прочего, приведенный факт означает, что молдаване в то время предпочитали видеть свое денежное состояние в твердой иноземной монете. Разумеется, тут дело было в желании лучше застраховать себя от превратностей судьбы, а вовсе не в отсутствии патриотизма. Показательно, что отличие от низкопробных эмиссий Молдавии второй половины XVI в., монеты Стефана Великого, судя по ряду данных, ценились у продавцов и покупателей очень долго после смерти господаря. Участие этих денег в хозяйственной жизни страны прослеживается вплоть до конца XVI в., пока они полностью не изымаются из состава циркулировавшей на рынках массы монетного серебра. Так, имеются сведения, что в кладе из Леушен, сокрытом не ранее середины 60-х гг. XVI в., а может и позднее, вместе с монетами Иоанна Гераклида и Стефана Томши зафиксированы гроши Стефана Великого (Нудельман 1976: 99, № 13; ТМ 1994: 20). Надо думать, эти добротные монеты находились на руках у населения отнюдь не в единичных экземплярах. Доказательство тому нам видится в тексте грамоты 1586/1587 г., сохранившемся в копии середины XIX в. Документ говорит о покупке логофетом Гаврилашем у Юкши и его сестер Анны и Агафии части села Грумазешты. Эта сделка была совершена за старые молдавские монеты – «бани старих волоских» (МЭФ 1961: 123-124). Однако, нельзя не признать, что перед нами свидетельство, характеризующее явление пережиточного характера, указывающее на практически одновременное завершение истории старых добротных денег Молдавии (надо думать конца XV — начала XVI вв.) и неудачных попыток возродить монетное дело страны в условиях установившегося иноземного господства.

Когда шесть десятилетий спустя после эмиссий Еремии Мовилэ господарь Евстратий Дабижа (1661-1665) в 1662 г. вновь открыл монетный двор, его разменная медная монета «шалэй» (местный вариант от «солид», «шилинг», «шеляг», «шельонг») уже не имела ничего общего с традицией собственно молдавских денег. Это были откровенные подделки под мелкие номиналы стран прибалтийского региона – Швеции, Польши, Пруссии. Лишь некоторые экземпляры отмечены легендами с именем господаря, часто искаженными, да чуть ли не микроскопическими изображениями головы быка. В годы правления Ге-

оргии Дуке (1665–1666, 1668–1672, 1678-1683) и Ильяша Александра (1666-1668) производство дешевых подражаний продолжалось (Iliescu 1970: 37, 382). Огромное количество молдавских фальсификатов хлынуло засорять европейские рынки, нанося колоссальный ущерб экономике многих стран. Затем, под давлением из Европы Османская Порта запретила эмиссию каких бы то ни было денег в Молдавии (ИНХ 1976: 252). На этом средневековая история молдавской монеты завершилась.

Приложение 1.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ НЕКОТОРЫХ ГОСПОДАРСКИХ УСТАНОВЛЕНИЙ XV в. О ПОРЯДКЕ ИНОЗЕМНОЙ ТОРГОВЛИ И ДЕНЕЖНЫХ ПЛАТЕЖАХ В МОЛДАВИИ

1. Торговый привилей Александра Доброго львовским купцам.

8 октября 1408 г., Сучава.

Старославянский язык.

См. полный текст в приложении 2, № 3.

Господарь предоставляет купцам из Львова право ввоза, вывоза и транзитного перемещения товаров. Дана характеристика таможенной системы страны, приведен перечень товаров, подлежащих обложению пошлинами, называются размеры платежей в рублях и грошах. Документ указывает направления движения товаров и пункты доставки их купцами из Львова в пределах Молдавского государства.

2. Торговый привилей Ильяша саксонцам Семиградья.

9 апреля 1433 г., Сучава.

Латинский язык.

См. полный текст в приложении 2, № 5.

Господарь предоставляет саксонским торговцам из семи городов Трансильвании льготы в молдавской коммерции. Устанавливается пошлина, взимаемая с торговцев в г.Аджуде при въезде на территорию Молдавии, а также при выезде из страны. Указываются размеры платежей за право торговли в городах, за скот и лошадей, вывозимых за границу. Предписывается все пошлины оплачивать «монетами Земли нашей».

3. Торговый привилей Стефана II львовским купцам, подтверждающий аналогичный документ 1408 г.

18 марта 1434 г., Сучава.

Старославянский язык.

См. DC 1932: II, 667-670. № 186.

Господарь повторяет положения о торговых льготах в Молдавии для львовян, которые «принесли грамоту святопочившего отца моего, Александра воеводы, о таможенных пошлинах». Тексты двух привилеев чаще всего совпадают буквально.

4. Указ Стефана II своим подданным по поводу брашовян, приезжающих торговать в Молдавию.

5 марта 1435 (?) г., Сучава.

Старославянский и латинский (на обороте) языки.

См. DC 1932: II, 692. № 197.

Господарь запрещает своим подданным захватывать товары брашовян в качестве залога за неоплаченные долги их соотечественников, если только это не собственность самих должников. Под страхом «великой казни» – наказания – с его стороны, воевода требует вернуть «до нити» все взятое во всех иных случаях и добиваться разрешения споров о долгах непосредственно у властей города Брашова.

5. Грамота Стефана II купцам из Брашова, подтверждающая торговый привилей Александра Доброго.

26 мая 1435 г., Гура Башэулуй.

Старославянский язык.

См. DC 1932: II, 676-677. № 189.

Господарь подтверждает торговые льготы брашовянам в Молдавии – «да ходят со своею торговлею добровольно в нашей Земле» по праву, на которое они прежде «имели от отца нашего покойника грамоту». Отмечено каким образом следует платить таможенную пошлину: с каждой клади по 4, а с гривны по 2 гроша. Молдаванам запрещается захватывать товар в виде залог за не возвращенные долги, кроме случаев, когда кредиторы имеют дело с самими должниками. Выдвигается требование неукоснительного соблюдения законов страны, а единственным арбитром в торговых спорах ее жителей с брашовянами объявляется господарь.

6. Письмо Стефана II брашовянам и жителям Земли Бырсы по поводу возможностей торговых отношений с Молдавией.

8 июля 1435 (?) г., Сучава.

Старославянский язык.

См. DC 1932: II, 693-694. № 198.

Господарь отвечает на запрос брашовян, что поддерживает их стремление вести свободную и безопасную торговлю в подвластных ему землях, а равно выступает за соответствующие условия для молдавских купцов в Брашове и Земле Бырсы. Говорится о готовности правым судом защищать иностранных купцов у себя в стране и выражается надежда, что при необходимости торговцы из Молдавии найдут справедливость, апеллируя к властям Брашова.

7. Письмо Стефана II руководству всех молдавских городов по поводу торговли брашовян в стране.

19 декабря 1435 (?) г., Сучава.

Старославянский и латинский (на обороте) языки.

См. DC 1932: II, 694-695. № 199.

Господарь уведомляет правителей своих городов о жалобе брашовян на препятствия, чинимые им в торговле. Предписывается немедленно «от сего часа» разрешить брашовянам свободно торговать мелкими вещами, как это было при Александре Добром. Того, кто посмеет мешать купцам, ожидает наказание.

8. Грамота Стефана II купцам из Брашова и Земли Бырсы, подтверждающая торговый привилей Александра Доброго.

23 апреля 1437 г., Васлуй.

Старославянский язык.

См. DC 1932: II, 709. № 204.

Подтверждаются установленные прежде торговые льготы купцов — «чтобы на том праве было, как было при отце нашем Александре воеводе». Таможенные пошлины указаны в грошах. Оговорено право вывоза из Молдавии скота. Господарь предостерегает от взаимных запретов на торговлю по причине долгов отдельных соплеменников. Гарантируется, что даже в случае войны – «размирия» – брашовяне смогут беспрепятственно выехать домой вместе с товарами, без всякого ущерба для себя.

9. Грамота Ильяша купцам из Брашова, подтверждающая торговый привилей Александра Доброго.

29 апреля 1437 г., Дорохой.

Старославянский и латинский (на обороте) языки.

См. DC 1932: II, 710-711. № 205.

Подтверждая права брашовян на торговлю в Молдавии, господарь указывает, что таможенная пошлина должна вноситься в грошах и с соблюдением правил, которые заведены в стране «при нашем родителе». За попытки препятствовать свободной торговле купцов из Брашова, проявившие своеволие таможенники и другие представители молдавской верхушки должны отвечать, согласно документу, головой.

10. Письмо Стефана II брашовянам о возможности безопасной торговли в Молдавии.

2 марта 1444 г., Сучава.

Латинский язык.

См. DC 1932: II, 723. № 210.

Господарь извещает купцов Брашова, которые до недавнего времени не осмеливались приходить в страну с товарами, что теперь он берется вновь обеспечить безопасную торговлю в соответствии со старыми обычаями. Исключение делается только для военного времени.

11. Письмо Стефана II брашовянам с приглашением возобновить торговлю в Молдавии и обещанием возмещения убытков.

28 мая 1444 (?) г., Сучава.

Латинский язык.

См. DC 1932: II, 723-724. № 211.

Сообщается о недавнем окончании войны с братом Петром II и установившемся в стране мире. Господарь предлагает купцам Брашова возобновить торговлю в Молдавии. При этом брашовянам гарантируются безопасность, возмещение нанесенного в прежние времена ущерба и льготы, предоставленные им еще в правление Александра Доброго.

12. Письмо Романа II брашовянам об установлении его власти в Молдавии и возможности возобновления торговых связей.

4 августа 1447 г., Бакэу.

Старославянский и латинский (на обороте) языки.

См. DC 1932: II, 731-732. № 214.

Господарь приглашает брашовян приезжать в страну «со всеми своими торговлями и товаром», не боясь нанесения ущерба («шкоды») и обид («кривды»). В Молдавии по его словам установился порядок, поскольку «помог нам бог и добыли мы нашу отчизну». Говорится о создании нормальных условий для ведения торговли по законам, установленным Александром Добрым. Гарантией тому является воцарившийся в государстве «мир на все стороны».

13. Грамота Петра II купцам из Брашова, подтверждающая торговые привилеи Александра Доброго, Ильяша и Стефана II.

11 сентября 1448 г., Сучава.

Старославянский язык.

См. DC 1932: II, 740-741. № 217.

Господарь подтверждает «всем брашовянам» права на льготы в молдавской торговле. Повторены положения грамот 26 мая 1435 г. и 29 апреля 1437 г. Таможенные пошлины устанавливаются по «старому закону» в грошах. Специально оговаривается необходимость платить «сучавскую пошлину» только в столице. За нарушение установлений документа со стороны таможенников и других представителей молдавской верхушки предусмотрена смертная казнь и конфискация имущества.

14. Торговый привилей Александра II купцам Брашова и Земли Бырсы, подтверждающий аналогичный документ Александра Доброго.

3 августа 1449 г., Васлуй.

Старославянский и латинский (на обороте) языки.

См. DC 1932: II, 742-744. № 218.

Подтверждается брашовянам «тот закон и то право, которое имели от нашего деда, от Александра воеводы», на торговые льготы в Молдавии. По всей вероятности, текст наиболее достоверно воспроизводит грамоту первой трети XV в., не сохранившуюся до наших времен. Предусматривается традиционный порядок оплаты таможенных пошлин в грошах и подчеркивается необходимость вносить «сучавское мыто» только в столице, «хотя бы и за морем ходили». Специально оговариваются продажа сукна, хлопка и вывоз из страны волов, коров и коней. Подданным Молдавского государства запрещается вмешиваться в торговые дела брашовян, а судебные решения по спорным вопросам объявляются исключительной прерогативой господаря.

15. Торговый привилей Александра II купцам Брашова и Земли Бырсы, подтверждающий аналогичный документ Александра Доброго.

12 августа 1452 г., Васлуй.

Старославянский язык.

См. DC 1932: II, 759-760. № 223.

Документ практически буквально повторяет содержание грамоты 3 августа 1449 г.

16. Грамота Петра Арона купцам из Брашова, подтверждающая торговые привилеи Александра Доброго, Ильяша, Стефана II и Петра II.

2 июня 1455 г., Сучава.

Старославянский и латинский (на обороте) языки.

См. DC 1932: II, 771-772. № 227.

Документ во многом дословно повторяет содержание грамоты 11 сентября 1448 г.

17. Грамота Петра Арона купцам из Львова, подтверждающая торговые привилеи Стефана II и Петра II.

15 января 1456 г., Сучава.

Старославянский язык.

См. DC 1932: II, 777-778. № 229.

Господарь говорит о правах львовян на ведение свободной торговли в Молдавии, которой никто из местных таможенников и представителей верхушки не должен мешать, если заплачены установленные пошлины. Воевода выражает готовность «наши грамоты им дать по тем грамотам, которые они имеют от наших братьев, от Стефана воеводы и Петра воеводы». Зафиксированы обязательства молдавской стороны соблюдать положения документа «без лести и без всякой хитрости».

18. Торговый привилей Петра Арона львовским купцам, подтверждающий аналогичный документ 1408 г.

29 июня 1456 г., Сучава.

Старославянский язык.

См. DC 1932: II, 788-792. № 231.

Господарь повторяет главные положения о торговых льготах в Молдавии для купцов из Львова на основании «великого привилея, который имеют от нашего отца, Александра воеводы». По сравнению со «старым привилеем», который львовяне привезли в Сучаву, документ учитывает новые исторические реалии, сложившиеся в государстве к середине XV в.

19. Письмо Петра Арона брашовянам о возможности безопасной торговли в Молдавии.

12 августа 1456 г., Сучава.

Латинский язык.

См. DC 1932: II, 796. № 232.

Господарь обещает, что купцы из Брашова впредь могут свободно торговать в его государстве «в мире и безопасности», как это бывало всегда по старым обычаям двух стран. В этом он клянется «нашей католической (!?) верой».

20. Письмо Стефана Великого жителям Брашова и соседних городов об обеспечении безопасной торговли в Молдавии.

Октябрь-ноябрь 1457 г. (?).

Латинский язык.

См. DB 1913: II, 259-260. № CXXIV.

Господарь уведомляет о своем решении прислать брашовянам после дня Св.Екатерины (25 ноября) приглашение купцам приходить с товарами в его страну. В тексте говорится о готовности отправить в Брашов специальную грамоту, гарантирующую свободную и безопасную торговлю в городах и селах Молдавии, если и после получения данного письма торговцы будут опасаться приезжать в подвластные ему земли.

21. Грамота Стефана Великого купцам из Брашова и Земли Бырсы, подтверждающая торговый привилей Александра Доброго.

13 марта 1458 г., Сучава.

Старославянский язык.

См. DB 1913: II, 261-263. № CXXV.

Господарь подтверждает брашовянам «тот закон и то право, которые они имели от нашего деда, от Александра воеводы». Основной смысл документа — гарантии купцам в том, «чтобы им добровольно и свободно ходить по всей Земле нашей, и по городам и по торгам, продавать свои товары». Текст во

многом дословно совпадает с грамотой от 3 августа 1449 г. Помимо установленных пошлин, не разрешалось брать с купцов «ни одного гроша» более.

22. Торговый привилей Стефана Великого львовским купцам, подтверждающий аналогичные документы, издававшиеся со времени Александра Доброго.

3 июля 1460 г., Сучава.

Старославянский язык.

См. полный текст в приложении 2, № 7.

Господарь подтверждает торговые льготы купцам из Львова, поскольку они «принесли привилей великий, который имеют от покойного нашего дяди Стефана воеводы и от всех наших предков». Грамота по содержанию во многом буквально совпадает с документом 29 июня 1456 г.

23. Грамота Стефана Великого брашовянам о гарантиях безопасной торговли в Молдавии.

3 января 1472 г., Сучава.

Старославянский язык.

См. DB 1913: II, 315-316. № CXL.

«Писание и обещание» господаря дает право купцам из Брашова вести свободную торговлю в молдавских городах и селах без препятствий в передвижении по стране с товарами и без риска понести убытки. Оговорено право воеводы первым закупать необходимые ему товары.

24. Мирный договор Стефана Великого с королем Польши, рассматривающий и вопросы торговли.

12 июля 1499 г., Хырлэу.

Старославянский язык.

См. DB 1913: II, 424. № CLXXVII.

Согласно тексту документа одним из важных условий нормальных отношений Молдавского государства с Польшей и Литвой должны стать взаимные обязательства каждой из сторон перед купцами соблюдать их право «свободно и добровольно ходить и торговать, заплатив установленную таможенную пошлину, по старому закону и по старому обычаю».

Приложение 2.

ДОКУМЕНТЫ КОНЦА XIV – XV вв. О ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И МОНЕТНОМ ДЕЛЕ МОЛДАВИИ

№ 1.

27 января 1388 г., Луцк. – **Король Польши Владислав Ягайло берет взаймы у молдавского господаря Петра Мушата 4000 рублей серебра.**

См. DC 1932: II, 605. Nr. 164.

† влодисла(в) бжею мл(с)тю кроль польски, литовьскиі, рускиі дѣдичь иннѣ(х) многы(х) зѣмлѣ господарь, чинимо то свѣдо(м) оусѣмь, которыі на то(т) листь посмотрить, оже пань петрꙋ воево(д) молдавы, зать и приятѣль нашь, пожичиль на(м) д тисячѣ рублі фражьского серебра іхь же ждати имаєть намь ѡ(т) тыхь мꙗ(с) пусть за г (л)ѣ(та), а мы слꙋбоуемо ємꙋ при нашеі вѣри и є(го) брату, роману, и іего дѣтє(м) тѣ(хь) д тисячи рубли і(хь) воротити исполна г того лѣта на мясопусть, пакли быхо(м) імь 1 не воротили наі дє(н), ако ту написань, тогда гродъ на(ш), галичь, ис тою волостию што к немꙋ прислушаєть тому исному и воево(д) и его врату, роману, и дѣтємь іхь или которы іхь живь останѳѣть, оу тыхь д тысꙗчахь заставити имаємы, а они имають держати так(о) долго, до кола имь тыхь д тисячи рублі исполна не ѡ(т)дамы. а тижь коли бы которыі непріятєль своєю силою облоглъ тоть исныи гро(д) галичь, тогда тоть исныі воевода и бра(т) єго и дѣти іхь или которы из нихь жи(в) останєть имають ис правою вѣрою и со оусею своєю силою безь лсти того исного города боронити, а намь оу ты часы вѣсть давати што быхомь пособляли, пакли бы тоть исныі гродь силою оузять, а мы оужды имає(мь) ты исныі д тысячи рублі имь воротити исполна. а на крѣпость того наша печать к семꙋ листу велѣли єсми привѣсити. оу лѣто божеего рождества а-чное т. и п. и и. Писань листь оу луцкꙋ, оу по недѣлникъ прѣдъ рускими мясопустъ.

+ Владислав, божьей милостью король польский, потомственный владетель литовский, русский и многих других земель, ставим о том в известность всех, кто эту грамоту увидит, что пан Петр, воевода Молдовы, наш зять и приятель, занял нам 4 тысячи рублей итальянского серебра на 3 года, начиная от этого мясопуста. А мы верой нашей обещаем ему и его брату Роману, и его детям эти 4 тысячи рублей вернуть сполна через 3 года, в мясопуст. Если же мы не возвратим им к указанному дню, как тут написано, тогда наш город Галич с принадлежащей ему волостью за те 4 тысячи должны отдать в залог этому истинному воеводе и его

брату Роману, и детям их или тем из них, кто жив останется. А они должны держать его так долго, пока им те 4 тысячи рублей сполна не отдадим.

А также если бы какой-нибудь неприятель своею силой обложил тот истинный город Галич, тогда тот истинный воевода и брат его, и дети их или те из них, кто жив останется, должны правой верой и всей своей силой без обмана тот истинный город оборонять. А нас в такие времена должны оповещать, чтобы мы помогали. Если же тот истинный город возьмут силой, мы должны обязательно те истинные 4 тысячи рублей им сполна возвратить.

А в подтверждение тому велели мы подвесить нашу печать к этой грамоте.

Написана грамота в лето божьего рождества 1388, в Луцке, в понедельник перед русским мясопустом.

№ 2.

10 февраля 1388 г., Сучава. – **Господарь Молдавии Петр Мушат дает взаймы польскому королю Владиславу Ягайло 3000 рублей серебра.**

См. DC 1932: II, 603-604. Nr.164.

† владиславꙋ бжею мл(с)тию кролю польскомꙋ, литовьскомꙋ дѣдичю и рꙋскомꙋ и инѣ(х) многы(х) зѣмль господарю оусє серд(є)ч(н)є покланѧниє ѡ(т) петра воєвѡ(д) молдавьского. чини(м) свѣдомо велєвноі твоєі мл(с)ти жє єсми дали томꙋ истиномꙋ пану варшовьскомꙋ г тисѧчѣ фрѧ(ж)кого серебра, тѣмъ вѣс(о)мь што єсми почали давати ѡт лꙋцки, а додали єсми ѡꙋ сочавѣ оусѣхъ. стоитъ на симь листꙋ г тисѧчи рꙋблі фрѧ(ж)кого серебра. за (т)<о>жь чинимо сесь листь о г тисѧчи, а вашеи мл(с)ти стоитъ листь о чотири тисѧчи ѡꙋ мѧсо(?) <пꙋсть>, просимо вашеі мл(с)ти што бы єстє ꙋчинили иныі листь, ѧко и тотъ, што писатє (?) нє на д а(л) на г тисѧчи подь кролевою жь печатию, кто (?) намь принесєть запись на г тисѧчѣ, томꙋ мы дамъ вашь листь, што писань на д тисѧчи. а писань листь, ѡꙋ городѣ сочавѣ, ѡꙋ понєдѣлникъ, первоі нѣдели поста, подъ нашего печатью, ѡꙋ лѣто бжьего рожества, а и т. п. и.

+ Владиславу, божьей милостью, королю польскому, потомственному владетелю литовскому и русскому, и многих других земель, сердечный поклон от Петра, воеводы молдавского.

Сообщаем твоей высокой милости о том, что дали мы этому истинному пану Варшавскому 3 тысячи итальянского серебра. Тем весом, которым начали давать в Луцке. А весь остаток мы дали в Сучаве.

В этой грамоте указаны 3 тысячи рублей итальянского серебра. Поэтому и составили эту грамоту на 3 тысячи, что в грамоте вашей милости, составленной в мясопуст, указаны четыре тысячи. Просим вашу милость составить другую грамоту, такую же, как прежнюю, скрепленную королевской печатью, но написать не на 4, а на 3 тысячи.

Тому, кто принесет нам грамоту с записью о 3 тысячах, мы вернем вашу грамоту, в которой написано о 4 тысячах.

А написана грамота и удостоверена нашей печатью в городе Сучаве, в понедельник первой недели поста, в лето божьего рождества 1388.

№ 3.

8 октября 1408 г., Сучава. – **Господарь Молдавии Александр Добрый предоставляет купцам из Львова право на торговые льготы.**

См. DC 1932: II, 630-633. Nr.176; ИС 1965: I, 40-43. № 1.

† милостью божьею мы александръ воєвода, господарь земли молдавскои, чинимъ знаменито и симъ нашимъ листомъ, ꙋсѣмъ, кто на нь ꙋзритъ или єго ꙋслышитъ, ѡжє єсмы доконали съ радꙋми и съ мѣстьчаны илвовского мѣста и съ ꙋсѣмъ поспольствомъ ихъ и ꙋчинили єсмы ꙋставницьтво ѡ мытахъ, ꙋ нашеи зємли, и доконали єсмы съ ними, штобы ходили, ꙋ нашои зємли, и съ своими торговлѧми. а мыта єсмы имъ такъ поставили и ꙋлєгчили, штобы давали, ꙋ нашеи зємли, мыто такъ. наипервоє головноє мыто сочавьскоє, на искладѣ, отъ сꙋкна, отъ гривнꙋ три гроши. а коли имꙋтъ кꙋпити татарскын товаръ, ꙋ сочавѣ, или шолкъ, или перецъ, или камкы, или тєбєнкы, или тємьѧнъ, или грецкыи квасъ, отъ гривнꙋ, ꙋ сочавѣ, по три гроши. а коли имꙋть кꙋпити татарьскын товаръ ꙋ иныхъ торгохъ нашихъ, тамъ имꙋтъ дати гдѣ єго кꙋпатъ, отъ гривнꙋ два гроши, а на головноє мыто, ꙋ сочавѣ, отъ гривнꙋ три гроши, та смѣетъ єго продати комꙋ любитъ. а кто идетъ до илвова, на головноє мыто, ꙋ сочавѣ, отъ скота одинъ грошъ, отъ десѧть свинїи одинъ грошъ, отъ десѧть овець одинъ грошъ, а отъ кобылы по шесть гроши, а отъ каждого коня по шесть гроши, отъ сто бѣлицъ одинъ грошъ, отъ сто лисиць десѧть гроши, отъ сто овчины сꙋранныи четыри гроши, отъ сто кожи агнячїихъ два гроши, отъ сто кожи скотїихъ пѧтнадесѧте гроши. то мыто сочавьскоє. а кто идетъ до татаръскои сторонѣ, отъ ві кантари, ꙋ сочавѣ,

одинъ рубель серебра, у асы тридесате грошъ, а у белыи городъ полъ рубель серебра. а кто не идетъ на бѣлыи городъ, толко иметъ дати на таганакачю колко у бѣломъ городѣ, опроче перевозовъ, а на сторожу отъ каждого воза по дванадесате грошь. а кто иметъ погнати скотъ до татаръ, на головное мыто, у сочавѣ, отъ скота четыри гроши, а у асы два гроши, а на таганакачю два гроши. а отъ сто овець, у сочавѣ, шестьдесате гроши, а у асы тридесате гроши, то мыто тѣмъ што идутъ до татаръ. а поставы сукна имаютъ ихъ продати на искладъ, у сочавѣ, а у иншихъ торгохъ не имаютъ волю продати ихъ, а съ тѣми гроши волно имъ ходити и торгувати соби, по усѣхъ торгахъ нашихъ, што коли изнаидутъ. а до угоръ и до бесарабъ слободно имъ вывозити сукна ... а кто повезетъ сукно до бесарабъ, дати иметъ, на головное мыто, у сочавѣ, отъ гривну по три гроши, а на краи, у баковѣ, отъ гривну два гроши. а што привезетъ изъ бесарабъ или перець, или баволну, или будь што, отъ ві кантари, у баковѣ, полърубель серебра, а на головное мыто, у сочавѣ, отъ ві кантари одинъ рубель серебра. а кто иметъ повезти сукно, до быстрици, до угоръ, у сочавѣ, отъ гривну по три гроши, а у бани отъ гривну полъвтора гроша а у молдавици отъ гривну полъвтора гроша. а коли сѧ воротатъ изъ угоръ, отъ каждого терху, у молдавици, по два гроши, а у бани отъ каждого терху по два гроши. а кто иметъ повезти сукно до брашова, на головное мыто, у сучавѣ, отъ гривну три гроши, а у баковѣ отъ гривну полъвтора гроша, а у тотруша отъ гривну полъвтора гроша. а коли сѧ имуть воротити, отъ каждого терху, на тотруши, по два гроши, а у баковѣ отъ каждого терху по два гроши. а кони изъ нашои земли, што по три гривны, слободни имъ суть и угорстїи кони слободны имъ, а у которомъ торгу имуть ихъ купити, тамъ имуть дати, отъ каждого коня по четыри гроши, а на складъ, у сочавѣ, отъ каждого коня по шесть гроши, а на сирать, отъ каждого коня по два гроши, а у черновьци по два гроши. а кто иметъ повести кони или кобылы до каманци, што было дати ему у сирать, то иметъ дати въ дорошни, а што было ему дати у черновьци, то иметъ дати у хотини. такоже есть мыто и отъ кобылы, ако и отъ кони. а кто иметъ купити скотъ или бараны, у баковѣ, либо у романовѣ у торгу, либо у бани, либо на нѣмци, либо у иныхъ торгохъ нашихъ, не надобѣ нигдѣ мыто дати, нижь тамъ гдѣ купилъ и возьметъ печать отъ мытника, а у которомъ торгу иметъ купити, тамъ иметъ дати, отъ скота одинъ грошъ, отъ десать овець одинъ грошъ, отъ десать свинїи одинъ грошъ, отъ сто кожи воловыхъ десать гроши, отъ сто кожи агнячїихъ одинъ грошъ, отъ сто кожи суранныхъ два гроши, та идуть на головномъ мытѣ сочавъскомъ. а у сирятъскомъ отъ крамныхъ рѣчеи, отъ шапокъ, отъ ногавици, отъ корды, отъ меча, отъ гривны по три гроши, а што коли идетъ изъ земли чересъ сочавы, на сиратъ, колко давали на сочавѣ, половина отъ того мыта имутъ дати, на сиратъ, отъ усего и отъ кожи и отъ волны и отъ овчины. то мыто сиратское. а у черновьци, отъ нѣмецкого воза мыто четыре гроши, а отъ ормѣнъского воза шесть гроши, отъ скота одинъ грошъ, отъ десать свинїи одинъ грошъ, отъ десать овець одинъ грошъ, а отъ кони и отъ кобылы по два гроши, а на перевози и отъ нѣмецкыхъ возъ цѣлыхъ и отъ орменскыхъ по четыре гроши. то мыто черновьское. а у черновци, возы не страсти, але купець дастъ свою вѣру, аже не имаетъ заповѣданыи товаръ на свои возъ, куници, серебро, воскъ и кони добрїи земъстїи. а имаеть сѧ поставити цѣну сукнѣ у сочавѣ, ако во львовѣ. а львовчане што имуть поити до браилово, по рыбы, на краинее мыто, или у баковѣ или у берладѣ, тамъ имуть дати, отъ гривну по полъвтора гроша, а воза и рыбы не заимати, а тамъ возметъ печать, та приїдетъ слободно до сочавѣ, та иметъ дати на головномъ мытѣ, у сочавѣ, отъ гривны по три гроши, а воза и рыбы не заимати. а на сиратъ имуть дати отъ гривну по полъвтора гроша, а рыбы и воза не заимати. а на черновци мыто отъ воза. а львовчане што имуть принести сами изъ угоръ серебро жьженое, отъ того серебра што быхомъ мы купили собѣ колко будетъ намъ надобно, а иное серебро што останетъ, то имъ слободно. а мунтаньскыи воскъ и брашевъскыи слободно имъ есть, а мыто имуть дати отъ камене, у баковѣ одинъ грошъ, а на искладъ, у сочавѣ, отъ камене одинъ грошъ, а у сирать отъ камене одинъ грошъ. а угорьскїи куници слободни имъ. а мыто имуть дати у бани полъвтора гроша отъ гривну, а на искладъ, у сочавѣ, отъ гривну три гроши, а у сирать полъвтора гроши отъ гривну. а отъ тїи куници колько будуть намъ надобни, а мы имемъ соби купити, а инїи имъ слободни. а еще есмы

имъ дали волю што бы собѣ держали, у сочавѣ, одинъ домъ, а у томъ дому корчьму не держати, ни пива варити, ни меду, ни месній ни (?) ѣтвы держати, ни клѣба продавати. пакъ ли тотъ кто иметь жити, у томъ домѣ, бы хотѣлъ нѣшто отъ тѣхъ держѣти, тогды му-ситъ (?) съ мѣстомъ терпѣти. а то есмы учинили купцемъ господаря нашего, короля полского, изъ усеи рускои земли и с подолскои. а то мы иже есмы выше писали слюбуемъ имъ вѣчно уздержати, безо лсти и безъ хытрости, на вѣкы вѣчныя, мы и наши намѣсткы, николи то непорушено, при нашеи чти и при нашои вѣрѣ, подлугъ крестьянского права. а на то свѣдкове, панъ жюржь староста, панъ михаило дорогунскыи, панъ владъ серетскыи, панъ оана дворникъ сочавскыи, панъ яцко и панъ иліашъ чашникъ. а еще при томъ были послы съ львова, што съ нами сесе дѣло доконали, мычко куликовьскыи и зимиръстамъ ханысъ и ханысъ верзьсть и русъ никлюсъ и писарь львовскыи ханысъ. а на потверженїе тѣмъ усѣмъ велѣли есмы нашему вѣрному братаю логофету, писати и привѣсити печать наша великая къ сему листу нашему. у сочавѣ, у лѣто шестотысячное девятъ сотъ и шестьнадесятое лѣто октября 9.

+ Милостью божьей мы, Александр воевода, господарь Земли Молдавской, ставим в известность этой нашей грамотой всех, кто ее увидит или услышит, что заключили мы с советниками и жителями города Львова и со всей его общиной договор и учредили устав о таможенных пошлинах в нашей земле. И договорились мы с ними, чтобы приходили они в нашу Землю со своими товарами. А таможенные сборы мы им установили и облегчили, чтобы платили в нашей земле пошлину так.

Сначала главная таможня сучавская, на складе. За сукно с гривны – три гроша. А если должны купить татарский товар в Сучаве: или шелк, или перец, или камку, или тебеньки или ладан, или вино, с гривны в Сучаве – по три гроша. А если они будут покупать татарский товар в других городах наших, там и должны заплатить, где его купят, с гривны два гроша. А на главной таможне в Сучаве с гривны – три гроша. И затем можно его продать кому угодно.

А кто идет во Львов, на главной таможне в Сучаве за голову крупного рогатого скота – один грош, за десять свиней – один грош, за десять овец – один грош. А за кобылу – шесть грошей, а за каждого коня – по шесть грошей. За сто беличьих шкурок – один грош, за сто лисьих – десять грошей, за сто овчин сы)рых – четыре гроша, за сто ягнячьих – два гроша, за сто шкур крупного рогатого скота – пятнадцать грошей. Это пошлина сучавская.

А кто идет в татарскую сторону, за 12 кантаров в Сучаве – один рубль серебра. А кто не идет на Белый город, столько должен у Тягянякча, сколько в Белом доме, кроме переправ. А за охра – с каждого воза – по двенадцать грошей. А кто должен погнать скот к татарам, на главной таможне в Сучаве за голову – четыре гроша, а в Яссах – два гроша, а у Тягянякча – два гроша. А за сто овец в Сучаве – шестьдесят грошей, а в Яссах – тридцать грошей. Это пошлина для тех, кто идет к татарам.

А тюки сукна должны продать на складе в Сучаве, а в других городах нельзя продавать их. А на вырученные гроши они могут свободно ходить и торговать по всем городам нашим, если найдется чем.

А к венграм и к бессарабам они могут свободно вывозить сукна… А кто повезет сукно к бессарабам, должен заплатить на главной таможне в Сучаве с гривны по три гроша, а на окраине в Бакове с гривны – два гроша. А за то, что привезет от бессарабов (или перец, или хлопок, или что угодно) за 12 кантаров – пол рубля серебра в Бакове. А на главной таможне в Сучаве за 12 кантаров – один рубль серебра.

А кто должен повезти сукно в Бистрицу, к венграм, в Сучаве с гривны – по три гроша, а в Бане с гривны – полтора гроша, а в Молдавице с гривны – полтора гроша. А когда возвратятся от венгров, с каждой клади в Молдавице – по два гроша, а в Бане с каждой клади – по два гроша. А кто должен повезти сукно в Брашов, на главной таможне в Сучаве с гривны – три гроша, а в Бакове с гривны – полтора гроша, а в Тотруше с гривны – полтора гроша. А когда должны будут возвращаться, с каждой клади у Тотруша – по два гроша, а в Бакове с каждой клади – по два гроша. А кони из нашей Земли, которые стоят по три гривны, свободны от пошлин для них. И венгерские кони свободны для них от пошлин. А в том городе, где должны их купить, там нужно заплатить за каждого коня по четыре гроша, а на складе в Сучаве с каждого коня – по шесть грошей, а у Сирета с каждого коня – по два гроша, а в Черновцах – по два гроша. А кто намерен понести коней или кобыл в Каменец, то же что он должен был заплатить в Сирете, обязан заплатить и в Дорохое. А то, что нужно было бы ему платить в Черновцах, должен заплатить в Хотине. Таможенная пошлина за кобыл такая же, как и за коней.

А кому нужно купить крупный рогатый скот или баранов в Бакэу или в Романовом торгу, или в Бае, или в Нямце, или в других наших городах, тому нигде платить пошлину не надобно, а только там, где их приобретет, получив печать таможенника. А непосредственно в месте покупки должен заплатить за голову крупного рогатого скота один грош, за десять овец – один грош, за десять свиней – один грош, за сто воловьих шкур – десять грошей, за сто ягнячьих

– один грош, за сто сырых шкур – два гроша. Затем идти им на главную таможню сучавскую.

А в Сиретском торге за мелкие товары – за шапки, за брюки, за палаши, за мечи – с гривны по три гроша. А за то, что вывозится из страны через Сучаву на Сирет, следует платить в Сирете половину от пошлины, внесенной в Сучаве, за все: и за шкуры, и за шерсть, и за овчину. Это пошлина сиретская.

А в Черновцах таможенная пошлина с немецкого воза – четыре гроша, а с армянского воза – шесть грошей; за голову скота – один грош, за десять свиней – один грош, за десять овец – один грош. А за коня и за кобылу – по два гроша. А на переправе и с немецких груженых возов, и с армянских – по четыре гроша. Это пошлина Черновицкая. А в Черновцах возы не обыскивать, но купец должен дать слово, что у него нет в возе запрещенного товара: куниц, серебра, воска и породистых молдавских коней.

А за сукно нужно назначить в Сучаве цену ту же, что и во Львове.

А львовяне, которые намерены идти в Брэилу за рыбой, на окраиной таможне или в Бакэу, или в Бырладе, там должны заплатить с гривны по полтора гроша, а воз и рыбу не отбирать. А там следует получить печать и можно свободно идти в Сучаву. Затем должно заплатить на главной таможне в Сучаве с гривны три гроша. А воза и рыбу не отбирать. А у Сирета нужно заплатить с гривны по полтора гроша. А рыбу и воза не отбирать. А у Черновцов – пошлина с воза.

А львовяне, которые собираются самостоятельно привезти из страны венгров серебро в слитках, смогут свободно продавать его остаток после того, как мы купим себе столько этого серебра, сколько нам понадобится.

А мунтянским и брашовским воском они могут торговать свободно. А пошлину нужно заплатить в Бакэу за кубок один грош. А на складе в Сучаве за кусок – один грош, а в Сирете за кусок – один грош.

А венгерскими куницами они могут торговать свободно. А таможенную пошлину должны платить в Бае с гривны полтора гроша, а на складе в Сучаве с гривны – три гроша, а в Сирете с гривны полтора гроша. А из числа тех куниц мы купим себе столько, сколько нам понадобится, а остальными они могут свободно торговать.

А еще разрешили мы им содержать в Сучаве один дом. А в том доме корчму не держать. Не варить ни пива, ни меда; бойню не держать, хлеб не продавать. Опять же, если тот, кто будет жить в том доме, захочет нечто из перечисленного держать, тогда он должен платить по принятому в городе порядку.

А сделали мы это для купцов господаря нашего, короля польского, из всей Русской Земли и из Подольской. И то, что мы выше написали, обещаем им вечно соблюдать, без лести и без хитрости, на веки вечные, мы и наши преемники. Никогда это не будет нарушено нашей честью и нашей верой, порукой христианского закона.

А свидетели тому: пан Журж староста, пан Михайло Дорохойский, пан Влад Сиретский, пан Оана дворник Сучавский, пан Яцко и пан Илияш чашник. А еще при этом были послы из Львова, которые с нами это дело сделали: Мычко Куликовский, и Мимирстам Ханыс, и Ханыс Верзст, и Рус Никлюс и писарь львовский Ханыс.

А в подтверждение всему тому велели мы нашему верному логофету Братяю писать и привесить большую нашу печать к этой грамоте нашей, в Сучаве, в году шесть тысяч девятьсот шестнадцатом, октября 8.

№ 4.

15 марта 1433 г., Сучава. – **Господарь Молдавии Ильяш пишет брашовянам о необходимости возвращения долга Лауренциусу, чеканщику его монет.**

См. DC 1932: II, 644-645. Nr.179; DRH.D 1977: I, 303. Nr. 206.

Elyas Waywoda et dominus terre molda<vi>ensis. Providi et honesti viri, amici nobis dilecti. Conqueritur nobis Laurencius, fusor monetarum nostrarum, quomodo quidam Iohannes, filius Valentini, iudicis, de vestri medio, sibi XXVIIj florenis auri hungaricalibus diu fuisset, et nunc esset, debitor, quos sibi pluries petenti reddere recusasset. Ymmo in tribus viis pro requisicione dictorum florenorum totidem florenos auri expendidisset. Item quidam nomine Snych Elos XXIIj florenos auri hungaricales esset debitor. Rogamus vos quatenus, visis presentibus, exsibitori presencium super premiss<e> solutionis complementum facere velitis, nostri intuitu, ne idem Laurencius superinde queruletur. Sin autem, eundem nullum dampnum pati permittemus. In quo tandem nobis minime poteritis inputare. Et nos similiter vestras faciemus voluntates, si hoc feceritis. Datum Zwczawye, in Dominica Oculi, anno Domini et cetera XXXIIj.

Verso: Providis et honestis viris, iudici et iuratis civibus de Brassowya, amicis nostris dilectis.

Елиас воевода и господарь Земли Молдавской.

Мудрые и почтенные мужи, приятели наши дорогие.

Жалуется нам Лауренциус, чеканщик монет наших, о том, что некий Иоханнес, сын судьи Валентина, из вашей среды, давно занял у него 28 золотых венгерских флоринов и теперь, будучи должником, уже много раз возвратить деньги отказывается. Более того, истец, трижды пытавшийся вернуть названные флорины,

еще столько же золотых флоринов заплатил.

Также и некто по имени Сних Елос должен ему 23 золотых венгерских флорина.

Просим Вас, в силу очевидности настоящего, соблаговолить представить нам для оплаты должника, чтобы тот же Лауренциус больше не жаловался. Но если нет, мы сами не допустим, чтобы он нес какие-либо убытки. В этом случае у Вас не будет и малейшего основания обвинять нас. А если нечто подобное Вы сделаете в наш адрес, мы поступим так же.

Дано в Сучаве в воскресенье Окули, лета господня и т.д. 33.

На *обороте*:

Мудрым и почтенным мужам, судье и присяжным гражданам Брашова, приятелям нашим дорогим.

№ 5.

9 апреля 1433 г., Сучава – **Господарь Молдавии Ильяш I предоставляет саксонским купцам из городов Трансильвании торговые льготы.**

См. DC 1932: II, 646-647. Nr.180; DRH.D 1977: I, 304-305. Nr. 207.

Elyas, Dei gracia Wayvoda et dominus terre moldawiensis, universis et singuli ortodoxe fidei cultoribus, presentibus pariter et futuris, noticiam presencium habituris, harum serie volumus fieri manifestum quod, accedentibus nostri in conspectum circumspectis et honestis viris Iacobo, magistro civium, Gaspero et Iohanne, civibus civitatis Cibiniensis. in eorum, necnon Septem Sedium Saxonicalium terre transsilvane personis, videlicet eiusdem Cybiniensis et de Ozd, Lwchkyrch, item Sebessyensis, de Senk, Warasiensis et de Zerdanel apellatis, supplicantes nobis ut, quia esset eorum racionabile propositum terram dominii nostri certis ipsorum mercibus negociandi causa visitare, quatenus pro ipsorum securitate et rerum eorundem mercimonialium tranquillitate, de et super tributis solvendis generosam cum eis faciemus concordiam. Volentes igitur, tam terre nostre utilitati, quam eorum commodo et securitati providere, et, certa nostra sciencia ac nostrorum baronum maturo consilio et prefatorum honestorum civium bene placito, talem concordie unionem de et super solvendis nostris tributis fecimus, immo facimus per post duraturis, quod, cum dicti cives ac universi alii mercatores dictarum Sedium aut alter eorum quicunque cum venalibus seu mercibus terram dominii nostri subintraverint, extunc in oppido nostro Egydhalma, conputatis eorum rebus venalibus, de qualibet marca dent quatuor grossos monete terre nostre pro tributo. Similiter, habita negociacione, dum ad propria revertuntur, alios quatuor grossos de marca, et in exitu granitiei de uno equo duodecim grossos et de una caballa sex grossos, item de uno bove vel vacca duos grossos. Preterea in quacunque civitate vel oppido nostro negociati fuerint, quantum vendant, similiter de marca duos grossos. Quod, si ibidem vel alibi boves vel vaccas conpararint, debent solvere singulos duos grossos pro una peccore vel peccude, et pro equo sex grossos. Item pro scriptura equorum, peccorum vel peccudum singulum unum grossum solvere teneantur. Ceterum, ubicunque in terra dominii nostri ambulaverint, negociari non volentes, de eorum rebus nichil dent. Si autem quarumlibet negocientur, de marca solvant ut supra. De paratis autem, auro vel argento, penitus nichil tenebuntur. Ad que premissa observanda sub nostra ac dilecti filii, Romani, necnom carissimi Stechko fratris, universorumque baronum nostrorum fidei constancia non obligamus. In cuius rei testimonium presentibus sigillum nostrum eisdem Sedibus per post et irrevocabiliter duraturis iussimus supappendi. Datum Zwczawye, die aprilis IX, anno Domini M°CCCCXXX^{mo} IIj°.

Елиас, божьей милостью воевода и господарь Земли Молдавской, желаем, чтобы было ясно всем и каждому из почитателей православной веры, настоящим, равно как и будущим, которые ознакомятся с этим перечнем установлений. Представ перед нами лично, сведущие и почтенные мужи Якобо, магистр граждан, Гасперо и Иохан, граждане города Сибиу, а также лица из Саксонского Семиградья Земли Трансильвания, именно: из Сибиу и из Сигишоары, Лохрина, а также из Себеша, из Шинка, Варгиаша и из Миеркуря обратились с прошением к нам и мы нашли их предложение разумным, чтобы разрешить им посещать нашу Землю, торгуя некоторыми своими товарами, поскольку ради их безопасности и спокойствия за товары мы с ними великодушно пришли к единогласию по вопросу об оплате пошлин.

Итак, желая принять удобные и безопасные меры предосторожности как для нашей Земли, так для их, при нашем знании и наших баронов взвешенном совете, и при добром мнении названных прежде почтенных граждан мы достигли следующей взаимной договоренности по поводу оплаты нам пошлин, сделав это и для тех, кто будет этим заниматься впредь. Чтобы тогда, когда названные граждане и все другие купцы из перечисленных городов или кто-либо еще из них, кто с вещами для продажи или товарами в Землю нашу придет, в нашем городе Аджуде, пересчитав продаваемые вещи, с каждой марки должен заплатить пошлину – четыре гроша монетами Земли нашей. Подобным образом после завершения торговли, при возвращении домой, нужно заплатить еще четыре гроша с марки. И при переходе границы за одного коня – двенадцать грошей, а за одну кобылу – шесть грошей. А также за одного быка или корову – два гроша. Кроме

того, за ведение торговли в любом нашем городе или крепости купцы должны также платить с марки два гроша.

Что касается того, если в том или ином месте купят быков или коров, нужно платить только два гроша за одно стадо или гурт и шесть грошей за коня. Также за учет коней, стад или гуртов платить только один грош.

Впрочем, где бы они ни ходили в Земле нашей, не стремясь торговать, за свои вещи ничего платить не должны.

Если же кому-то захочется торговать, ему нужно платить с марки, как оговорено выше.

Но за купленное золото или серебро с них совершенно ничего не должно взыскивать.

Нашей, а также дорогого сына Романа и конечно любимого брата Стецко, всех наших баронов твердостью веры мы обязуемся, что будем соблюдать вышесказанное.

В доказательство того, что обещанное этим городам будет в дальнейшем выполняться с нерушимой твердостью, велели мы печать нашу привесить.

Дано в Сучаве, апреля 9, лета господня 1433.

№ 6.

5 и 23 декабря 1443 г., Генуя. — **Решение по жалобе генуэзца Анджело Джустиниани на молдавского господаря Стефана II.**

См. Карнов 1998: 39. Оригинал документа не приведен.

Петиция Анджело Джустиниани от своего имени и от имени брата Краукото Джустиниани дожу и Совету старейшин Генуи.

«Когда Краукото Джустиниани находился в Валахии, валашский воевода Стефан, под выдуманными предлогами каких-то неправильных расчетов, незаконно конфисковал все имущество Краукото и его брата Анджело Джустиниани. Ущерб составил 4500 дукатов, обращавшихся в тех местах. Несмотря на неоднократные обращения Анджело Джустиниани к воеводе Стефану в Сучаве, тот отказался рассмотреть дело в суде по справедливости. Просит предоставить право репрессалий по отношению к имуществу воеводы и его подданных.

5/XII 1443

Решение: поручить оффиции Попечения Романии собрать все сведения и определить возможные размеры репрессалий и доложить дожу и совету, как правильнее действовать.

23/XII 1443

Решение: поручить викарию дожа и докторам права, членам совета выслушать всех свидетелей и собрать доказательства, проверить применимость статутов о репрессалиях и доложить дожу и совету, могут ли быть назначены репрессалии или же нет (в первом случае они могут быть осуществлены только с лицензией дожа и оффиции Романии).

№ 7

5 июня 1449 г., Сучава. – **Господарь Молдавии Александр II разрешает спор чеканщика монет Герге и пыркалаба Косте.**

См. DRH.A 1975: II, 4-5. Nr. 4.

† М(и)л(о)стїю б(о)жїею, мы, Алеѯандръ воєвода, г(о)сп(о)д(а)рь Земли Молдавскои. Чиним(ъ) знаменито ис сѣмъ листѡм(ъ) нашим(ъ), каждомоу добромоу, коли кто на нем(ъ) ѵзрит(ъ) али ѡ его чтѵч(и) оуслышит(ъ), колиже того комѵ боудет(ъ) потрѣбизна, оже пріидє, прѣд(ъ) нас(ъ) и прѣд(ъ) оусѣми нашими боꙗрє, пан(ъ) Костє пръкалав(ъ) и тѣгал(ъ) на Гєргѣ херегарѣ, рєкоуч: "Дал(ъ) єсмь товѣ оу роуках(ъ) ѡсмъ сот(ъ) злат(ъ) на подержанїє, как(ъ) пріꙗтелю; даи ми их(ъ)!".

И Герге сѧ тоут(ъ) нє запрѣл(ъ); рєк(ъ) прѣдє нас(ъ): "Правда єси! Дал(ъ) ѵ моих(ъ) рик(ъ) твои злати на подержанїє, али ꙗ єсмъ хотил(ъ) себѣ зискъ оучинити твоими пинѣзми: купил(ъ) єсмъ ѡт(ъ) Пєтра воєвод(ъ) мыто и херегїю, и оу том(ъ) сѧ єсмъ схитрил(ъ), и твои пинѣзи стравил(ъ) и тєперъ єсмъ товѣ виноват(ъ)".

И пан(ъ) Костє рєк(ъ): "Нє бѵд(и) инимъ виноват(ъ), даи мои пинѣзи!"

А Герге, стоꙗвши, рєк(ъ): "Нє имаю иноє при д(ѵ)ши, тоулко село ѡо ми дал(ъ) Стєфан(ъ) воєвод(а), подли Васлуꙗ, съ млиномъ, и домовє мои, ѡо єсмъ сам(ъ) добѵвал(ъ) на розѣ оу Сѵчавѣ; возми, панє Костє, тоє! бо иноє ничог(о) нє имаю, а ѡо бѵдєть болшє, ты ми, про Б(ог)ъ, ѡтпѵсти!"

Ино тоут(ъ) были многи рѣчи, занѵж(є) панѵ Кости сѧ видѣло ажє мало имаєт(ъ) за свои пинѣзи. Ино на послид(ѵ), Герге, ѵставши сѧ з добрыми людми, перепросил(ъ) пана Костю а бы єго простил(ъ) на тоє село и на домы, и пан(ъ) Костє сѧ смиловал(ъ) на нег(о). И дал(ъ) ємѵ Герге своєю волею тоє село выш(є) пис(а)ноє, ѡо єст(ъ) подли Васлуꙗ, и домы свои Сѵчавскы, и съ въсемъ правомъ, панѵ Костє пръкалабѵ, за єго питомы товарь, за ѡсмъ сот(ъ) злат(ъ) готовых(ъ), прєд(ъ) нами и прєд(ъ) нашими боꙗри.

И мы, того видѣвши, ѡож(є) Герге з доброи воли дал(ъ), за свою винѵ, село и домы свои, и мы також(є) даєм(ъ) и дали єсмѡ нашємоу вѣрномоу паноу, Кости пръкалабѵ, тоє прѣдъ реч(є)ноє село, под(ъ) Васлуємъ, и съ млиномъ оу Брълад(ъ), и

домы Гергєви, Сучавскы, цо бы емоу wт(ъ) нас(ъ) урик(ъ), съ всѣмь доходом(ъ), емоу и братїам(ъ) его, и вноучатом(ъ) его, и прѣоунучатомъ его, и прѣмꙋрѣтѡм(ъ) его и въсемоу роду его, наи ближнемꙋ, непорꙋшенно николиж(є), на вѣкы.

А хотаромъ старимъ село, цо Стефан(ъ) воєвода хотарилъ, а домы, съ въсемъ правомъ.

А завѣзкꙋ меж(є) ними поставлѣємъ з рубли чистог(о) сребра: аже бы почал(ъ) Гергє или дѣти его или братїа его или бꙋд(ь) кто wт(ъ) его племенє, бꙋд(ь) коли, или прєд(ъ) нас(ъ) или пак(ъ) перед(ъ) иним(ъ) воєводою, ког(о) Б(ог)ъ изберет(ъ) быти г(о)сп(о)д(а)ремъ оу наше земли, тегати на пана Кости или на братїю его или бꙋд(ь) на кого wт(ъ) его наслѣдки, бꙋд(ь) коли, оу которыхъ) д(є)нохъ) и часwхъ), тогди тот(ъ) имает(ъ) с правнє завѣзкꙋ тоꙋю заплатити, з рꙋбли сребра, заноуж(є) Гергє дал(ъ) тоє селw и тоты домы за его правы товар(ъ), також(є) стоит(ъ) выш(є) пис(а)нно.

А при том(ъ) были наши панове: был(ъ) пан(ъ) Манойло, пан(ъ) Браєвич(ъ), пан(ъ) Станчюлъ, пан(ъ) Лазоръ, пан(ъ) Wана Пынтєчє, пан(ъ) Иван(ъ) Баичан(ъ), пан(ъ) Козма Шандрwвич(ъ), пан(ъ) Костє Андрwиник(ъ), пан(ъ) Wанчє лwг(о)ѳет(ъ), пан(ъ) Албꙋл(ъ) спатар(ъ), пан(ъ) Шендрика апрод(ъ), пан(ъ) Костє Данович(ъ), пан(ъ) Скꙋртоул(ъ), пан(ъ) Тадор(ъ) Васкан(ъ), пан(ъ) Тадор(ъ) Моика, пан(ъ) Радулъ Пискъ, пан(ъ) Хотко Крецѣнъ, пан(ъ) Лаза, пан(ъ) Шендрика Тол(о)чко, пан(ъ) Жꙋржа комис(ъ), и при иных(ъ) наших(ъ) бояр, велици и малы. И мѣстич(ъ) добри люди при том(ъ) были, именꙋем(ъ) их(ъ): Василчѣ мытник(ъ), Никил(ъ) воит(ъ), Серкиз(ъ) воит(ъ) wрмѣнскы, Томан(ъ) и ины добры людї цо при том(ъ) были.

А на болшеє потвьрженїе томоу въсемоу вышє пис(а)нномꙋ, велѣли єсми нашемꙋ вѣрномꙋ панꙋ, Михаилоу лог(о)ѳетꙋ, привѣсити нашꙋ печ(а)тъ к семꙋ нашемоу листоу.

Пис(а) Шандро граматик(ъ), оу Сwч(а)вѣ, в(ъ) лѣтw ѯцнз юн(їе) є.

+ Милостью божьей, мы, Александр воевода, господарь Земли Молдавской, ставим в известность этой грамотой нашей каждого доброго человека, кто ее увидит или же услышит ее при чтении, когда это кому-то понадобится.

Так вот, пришел к нам и ко всем нашим боярам пан Косте пыркалаб и обвинил Герге, чеканщика монет, сказав: «Дал я тебе в руки восемьсот золотых на хранение, как приятелю, дай мне их!».

И Герге тут не отпирался; сказал в нашем присутствии: «Правда, это! Дал ты в мои руки свои золотые на сохранение, а я хотел себе дело на твои деньги завести: купил себе у Петра воеводы таможню и монетный двор, и в том себя обманул, и твои деньги потратил, и теперь тебе должен».

И пан Косте сказал: «Не будь должен другим, дай мои деньги!».

А Герге, поднявшись, сказал: «Нет у меня ничего другого за душой, только село, которое дал мне Стефан воевода, возле Васлуя, с мельницей, и дома мои, которые я сам строил на Роге в Сучаве. Возьми, пан Косте, это! А другого ничего у меня нет. А непокрытую часть долга ты мне, ради бога, прости!».

И было тут много речей, потому что показалось пану Косте что мало получает за свои деньги. И, наконец, Герге, поддерживаемый добрыми людьми, вновь попросил пана Костю простить его, взяв то село и дома. И пан Косте смилостивился над ним. И дал ему Герге по собственной воле то вышеуказанное село, которое возле Васлуя, и дома свои сучавские; и все права пану Косте пыркалабу, за искомую им собственность, за восемьсот золотых монет, в нашем и наших бояр присутствии.

И мы, увидев то, что Герге по доброй воле отдал за свой долг село и дома свои, и мы также даем и дали нашему верному пану, Косте пыркалабу, то ранее названное село под Васлуем с мельницей в Бырладе и дома Герге, сучавские, чтобы был от нас урик со всем доходом ему и братьям его, и внукам его, и правнукам его, и праправнукам его и всем прямым потомкам его нерушимо, навеки.

А хотар села остается старый, как его Стефан воевода установил, а дома – со всеми правами.

А завезку между ними назначаем в 60 рублей чистого серебра. Если бы начал Герге или дети его, или братья его, или кто-либо из его рода когда-либо или перед нами, или перед иным воеводой, которого бог изберет быть господарем в нашей Земле, обвинять пана Косте или его братьев, или кого бы то ни было из его потомков, когда угодно, в любые дни и часы, тогда тот должен по праву эту завезку заплатить, 60 рублей серебра, поскольку Герге дал то село и те дома за его (пана Косте) законное имущество, как выше описано.

А при этом были наши паны. Был пан Манойло, пан Браевич, пан Стачул, пан Лазор, пан Оана Пынтече, пан Иван Байчан, пан Козма Шандрович, пан Косте Андроиник, пан Оанче логофет, пан Албул спатар, пан Шендрика Апрод, пан Косте Данович, пан Скуртур, пан Та-

дор Васкан, пан Тадор Мойка, пан Радул Писк, пан Хотко Крецен, пан Лазя, пан Шендрика Толочко, пан Журжа комис, и другие наши бояре, великие и малые. И горожане, добрые люди, при этом были. Называем их: Василче таможенник, Никил войт, Серкиз войт армянский, Томан и другие добрые люди, которые при этом были.

А для большего подтверждения всему тому выше написанному велели мы нашему верному пану Михаилу логофету подвесить нашу печать к этой нашей грамоте.

Писал Шандро граматик в Сучаве, в лето 6957 июня 5.

№ 8.

3 июля 1460 г., Сучава. – **Господарь Молдавии Стефан Великий предоставляет купцам из Львова торговые льготы.**

† Милостию божїею мы Стефанъ воєвода, господаръ земли молдавскои, чинимъ знаменито ис тым то нашим листом въсѣм кто на тот лист оузрит алибо его чтоучи оуслышит, гдежь того комоу будет потребизна, иже пришли перед нас наши пріятелеве, боургаре Ливовскии, и принесли привилїе великое, що имают ит оунка нашего покоиника Стефана воеводи и ит оусих наших предков, и просили нас абыхом имъ мыта полехчили, такоже им стоит оу том старом привилїи. Ино мы дорадивши сѧ ис нашими паны и радою, и лишили есмы их на том правѣ и потвердили есмо им того права, как мают ходити по нашеи земли их коупци слободно и доброволно и которым ѡбычаемъ имают мыта платити ит своего товара. Почеши где есть головное мыто, на складѣ оу Сѡчавѣ, ит соукна ит гривноу три гроши, а ит крамных рѣчеи, що соут розманити рѣчи, почеши полотно литовское и кросенское и моудрое, и ит бархатѹ, и ит початого соукна, и ит ногавици, и ит харса, и ит ножи, и ит коси, и ит серпи, циновии рѣч(и), миси, конвици, пояси покочини, циквы, шафран, шапкы, плоужнаа желиза, корди, мечи, и ит иншии рѣчи дробних щож ко крамоу слоухают, а ит того ит оусего щобы платили оу Серети мыто ит гривноу три гроши. — А коли имоут купити татарскыи товаръ или заморскыи оу Сѡчавѣ: или шолкоу, и перець, и камхи, и тебенкы, и темианъ, или грецкы кфас, или инбир, или перецъ, а ѡни абы платили ит гривноу три гроши мыто. А коли имоут купити татарскыи товар оу иных тръгох нашихъ, а ѡни имоут тамъ давати где коупѧт ит гривны два гроши, а на головном мытѣ оу Сѡчавѣ ит гривны три гроши, та абы тотъ [то]варъ смил продати комоу любит. — А кто идет до Лвова, на головном мытѣ оу Сѡчавѣ ит скотыны а грош, ит десѧт свини а грош, а ит десѧт ѡвець ешче ѡдин грош, а ит конѣ или ит ковылоу по шести хроши, а ит сто билицъ ѡдин грош, ит сто лисици і грош, ит сто ѡвчин сораных четири гроши, ит сто кожи агнѣчїи два гроши, ит сто кож скотых еі гроши. То мыт(о) Сочавское. — А кто идетъ до татарскои стороны, ит дванадесѧт кантари що сѣ важит оу Сѡчавѣ ѡдин роубль серебра, оу Лвском тръгоу л гроши, а оу Лапоушном л гроши, а оу Билом городѣ пол роубли серебра; а кто не идетъ до Белогород, а ѡн абы дал оу Лапоушноу мыто Былогородское, колко имал давати оу Былом городѣ; а оу Тигини да платѣт какже ис перва платили мыто, тымже ѡбычаем и теперъ имаютъ платити; а на сторожоу ит воза по ві гроши. — А кто имет погнати скот до Татаръ, на головном мытѣ оу Сочавѣ ит каждои скотини мыто Сѡчавское по четири гроши, оу Лсох в гроши, оу Лапоушном в гроши; ит сто ѡвецъ оу Сѡчавѣ шестдесѧт гроши, оу Лсех л гроши, оу Лапоушноу л гроши. — А постави соукна имаютъ их продати на складѣ оу Сѡчавѣ, а [оу] иных торгох наших не имают волю продати их, а ис тими пинѣзми волно имь торговати по оусим нашим торгом що имъ любо боудет; а до Оугоръ и до Басараб и до Келию и до Тоурков волно имъ вывести соукна. А кто повезетъ соукно до Басараб, дати имет на головном мытѣ оу Сѡчавѣ ит гривноу три гроши, а оу Романова тръгоу и оу Баковѣ и оу Ажѹда и оу Поутною и оу Васлоуи и оу Берладѣ и оу Текоучи ит воза в злати. — А що привезоут ит Басараб или ит Тоуркох, или перецъ, или баволноу или боуд що, оу Баковѣ и Романов тръгъ и оу тых краишных тръгов ит воза по в златы тѹрскых, а на головном мытѣ оу Сѡчавѣ ит ві кантари що имоут сѧ важити а роубль серебра. — А кто иметъ повезсти [с]оукно до Быстрици и до Оугоръ, оу Сочавѣ ит гривны три гроши, оу Бани ит гривны полфтроа грош(а), а оу Молдавици тыж полфтора грош(а) ит гривны. А коли сѧ воротит ис Оугоръ, оу Молдавици ит каждого терха по в гроши, а оу Бани тиж ит каждого терха по в гроши. А кто иметъ повезти соукна до Брашева, а оу головном мытѣ оу Сѡчавѣ ит грывны по три гроши, оу Романова тръгоу и оу Баковѣ и оу Тотроуши ит воза по в златы. А коли имоут [сѧ]

воротити, ѡт каждого терха оу Тотрѹши по в гроши, оу Баковѣ по в гроши ѡт терхѹ. — А кони що соуть по трї гривни слободно имъ; и оугорскыи кони слободно им, хотѣ за р злати; а оу котором торгоу имоутъ их коупити, ѡт каждого конѣ по четири гроши, а оу Соучавѣ по шест гроши ѡт каждого конѣ, а оу Серети ѡт конѣ по в грош(и), а оу Черновцех в грош(и) ѡт конѣ; а кто [поведет] кони или кобыли до Каменцѣ, а що было емѹ дати оу Серетѣ, то имет датї оу Дорогоунѣ, а що было емѹ дати оу Черновци, то имет дати оу Хотини; також ест мыто ѡт кобыл ꙗко и ѡт кони. А кто имет купити скот или бараны, или оу Баков или оу Романова тргоу или оу Нѣмца или оу Бани алибо оу иных тръгох, бѹд где оу нашеи земли, не надовѣ нигде мыта давати, лише где коупит, и възмет печат ѡт мытника. А оу котором тръгоу имет коупити, там имет давати ѡт скота а грош, ѡт десѧт швецъ а грош, ѡт десѧт свыни а грош, ѡт сто кожи скотїих їґ гроши, ѡт сто кожи ꙗгнѣчих а грош, ѡт сто кожи соранных в гроши, та идоутъ на головное мыто на Сѹчавѹ. — А тото мыто татарское, що было оустановлено оу Былом городѣ, а мы тото мыто Ливовчаном ѡтпоустили, абы не давали ни пинѧзѧ, хотѣ ѡт тисѧча коп, хотѣ боуд там татарскыи царевич, хотѣ не боуд. А оу Серетском тръгоу ѡт крамных абы сѧ платило ѡт гривны по три гроши, ꙗко и выше пишем. — А што коли идет ис нашеи земли черес Соучавѹ на Серет, та колко мыта давали оу Сѡчавѣ, того половина имаютъ дати оу Серети ѡт оусего, и ѡт кож, и ѡт волны, и ѡт швчин. То есть мыто Серетское. — А оу Черновци ѡт фоурманского воза мыто четири гроши, а ѡт орменского воза шестъ гроши, ѡт скотины а грош, ѡт їґ свыны а грош, ѡт десѣт швци а грош, а ѡт кони алибо ѡт кобылы по в гроши; а на перевозы ѡт воза, или ѡт немецкых или ѡрменскых, по четири гроши, але коли имоут возыты поромом; а коли бѹдет лед илї имоут ходити оу брод, тогди перевоза ни гроша да не дадоут. То есть мыто Черновское. А оу Черновцех возы не трясти, але коупецъ абы дал свое право, аже не имает заповѣданї товаръ на своемъ возы: коуници, серебро, воскъ, алибо кони добры земскии. — А имат сѧ поставити цина соукни оу Соучавѣ ꙗко во Львовѣ. — А Ливовчане що имоут ходити до Браила или до Келеи по рибоу, на краиных мита оу Баковѣ или оу Берлад имают давати мыто ѡт гривны полтора гроша, а ѡт воза рибоу не заимати; а там възмет печат та приидет слободно до Сочавы, та даст головное мыто оу Сѹчавѣ ѡт гривноу по ґ гроши, а ѡт воза риби не брати; а на Серети имоут давати ѡт грывны по полтора гроша, а рыбы ѡт воза не брати; а оу Черновци мыто ѡт воза ꙗко ест оустановлено, а рибоу не брати. — А коли привезоут Ливовчане соукна алибо боуд какы товаръ, а оу ных никто гвалтом без пинѣзеи ни ѡдин локот не моглъ оузѣти, ни мытник, ани бояринъ, ава ни ми сами; але коли боудетъ намъ надобы или соукно или инаѧ торговлѣ, или много или мало, а мы алибо наши мытници абы торговали и заплатоу дилавши и надобное оузѧти. — А Ливовчане що имоут сами приносити серебро женое ѡт Оугор, ѡт того серебра будет ли нам надобы, а мы абыхом оу них коупили готовими пинѣзмы, а що ѡстанет, то имъ слободно вывезти ис земли. — А моунтѣнскыи воскъ и оугорскыи имъ слободно ис земли вывести, а мыто оу Баковѣ алибо оу Берладѣ алибо оу Бани ѡдин грош, а оу Сѡчавѣ ѡт каменѣ а грош, а оу Серетѣ тиж а грош. — А оугорскыи коуници слободно имъ вывозити, а мыто имоут платити на краинем мыты, оу Бани алибо оу Баковѣ, ѡт гривны полтора гроша, а Сѡчавское мыто ґ гроши ѡт гривноу, а оу Серети полтора гроша; а ѡт тых коуници бѹд ли нам надобы, а мы коупим за готовых пинѣзы, а ѡстанок слободно имъ вывезти. — А ешче есми дали Ливовчаном абы держали собы ѡдин дом торговскым ѡбычаемъ оу Сѹчавѣ, але оу том домоу абы корчмоу не держали, ани ꙗткы, ани бровара. А пак ли бы хотил держати тоты рѣчи тот що имет жити оу том домоу, а ѡн абы тегноул ис мистомъ ѡ оусих рѣчех. — А то есмы оучинили купцем Ливовчаном господарѧ нашего королѣ полского, роуског оусеи земли и подолскои, а то мы што есмо вам писали слюбѹемъ им вѣчно здержати и пополнити, без лъсти и без хытрости, на вѣкы, мы и наши намѣсныкы, николи непороушено, при нашеи чтї и прї нашеи вѣрѣ, подлоут христїанского права. А на то свѣдкове наш митрополит, и рада королевскаѧ пан Халецкыи и пан Баговскыи, що оу том часоу былы оу нас и оу посолствѣ ѡт нашего пана ѡт кролѣ, и наши панове рада молдавскаѧ: пан Доума Браевич, пан Станчюл, пан Влаикоул, пан Гоѧн дворник, пан Хотко Щиборъ, пан Косте Данович, пан Томѣ Кинде, пан Мик Крал, пан Петръ Понич, пан Албъ, пан Лазѧ, пан Исаиѧ немецкыи, пан Стецко

Дъмъкоуш, пан Козмица, пан Боухтѣ, пан Фетиwн, пан Сакыш спатаръ, пан Юга вистиарник, пан Красныш постелник, пан Тадор чашник, панъ Звинрє столник, пан Иwн комис; и пакъ панове бръгарє и радци Ливовскыи що тымы часы оу нас были и с нами тотъ рѣчь еднали, на имѣ: пан Климентъ, пан Михал, пан Петръ и пан Нимантъ, мис[кыи] писаръ. А на болшєє потверженїє томъ въсемъ вышеписанномъ, велѣли есми нашемоу вѣрномоу паноу Доброулови логофетоу писати и печат нашоу привѣсити к семоу листоу нашемоу. Оу Соучавѣ писа Щефъл, в лѣто ѕцѯи, мѣсяца юл. г.

+ Милостью божьей мы, Стефан воевода, господарь Земли Молдавской, ставим в известность этой нашей грамотой всех, кто эту грамоту увидит или при чтении ее услышит, когда кому-то это понадобится, что пришли к нам наши приятели бюргеры львовские и принесли привилей великий, который имеют от нашего дяди – покойника, Стефана воеводы, и от всех наших предков, и просили нас облегчить им таможенные пошлины таким образом, как для них было установлено в том старом привилее. Итак, мы, посоветовавшись с нашими боярами и советом, сохранили и подтвердили им это право: каким образом должны посещать нашу Землю их купцы свободно и добровольно и по какому обычаю должны платить таможенные пошлины за свой товар.

Сначала на главной таможне, на складе в Сучаве. За сукно – с гривны три гроша. А за штучный товар, то есть различные предметы, начиная с полотна литовского, кросненского и немецкого, и за бархат, и за отрезы сукна, и за брюки, и за харс, и за ножи, и за косы, и за серпы, оловянные изделия, блюда, ковши, пояса украшенные, трубки, шафран, шапки, плужное железо, палаши венгерские, мечи и за другие мелкие вещи, которые относятся к этой группе, - со всего того нужно платить в Серете с гривны три гроша.

А если будут покупать татарский товар или заморский в Сучаве: или шелк, или перец, или камку, и тебеньки и ладан или вино, или имбирь, или перец, нужно заплатить им с гривны три гроша пошлины. А если будут покупать татарский товар в других городах наших, они должны заплатить там, где купят, с гривны два гроша. А на главной таможне в Сучаве с гривны – три гроша, затем можно продать тот товар кому угодно.

А кто идет во Львов, на главной таможне в Сучаве за голову крупного рогатого скота – 1 грош, за десять свиней – 1 грош, а за десять овец – еще один грош. А за сто беличьих шкурок – один грош, за сто лисьих – 10 грошей, за сто овчин сырых – четыре гроша, за сто ягнячьих – два гроша, за сто шкур воловьих – 15 грошей. Это пошлина сучавская.

А кто идет в татарскую сторону, за двенадцать кантаров, взвешенного в Сучаве, - один рубль серебра, в Ясском торге – 30 грошей, в Лапушнском – 30 грошей, а в Белом городе – пол рубля серебра. А кто не идет в Белгород, тот обязан заплатить в Лапушне пошлину белгородскую, сколько должен дать в Белом городе. А в Тигине пусть платит также, как раньше платили пошлину, по тому же обычаю и теперь должны платить. А за охрану с воза – по 12 грошей.

А кто должен погнать скот к татарам, на главной таможне в Сучаве за каждую голову сучавская пошлина – по четыре гроша, в Яссах – 2 гроша, в Лапушне – 2 гроша. За сто овец в Сучаве – шестьдесят грошей, в Яссах – 30 грошей, в Лапушне – 30 грошей.

А штуки сукна должно продать на складе в Сучаве, а в других городах нельзя продавать их. А на вырученные деньги можно им свободно торговать по всем городам нашим, чем им понравится.

А к венграм и к бессарабам, и в Килию, и к туркам они могут свободно вывозить сукна. А кто повезет сукно к басарабам, должен заплатить на главной таможне в Сучаве с гривны три гроша, а в Романовом торге и в Бакэу, и в Аджуже, и в Путне, и в Васлуе, и в Бырладе, и в Текуче с воза – 2 золотых.

А за то, что привезут от басарабов или от турок (или перец, или хлопок, или что угодно), в Бакэу и Романовом торге, и в тех окраинных городах с воза – по 2 турецких золотых. А на главной таможне в Сучаве за 12 кантаров, которые должны взвешиваться, - 1 рубль серебра.

А кто должен повезти сукно в Быстрицу и к венграм, и в Сучаве с гривны – три гроша, в Бае с гривны – полтора гроша, а в Молдавице – тоже полтора гроша с гривны. А когда возвратится от венгров, в Молдавице с каждой клади – по 2 гроша, а в Бае – тоже по 2 гроша с каждой клади. А кто должен повезти сукна в Брашов, на главной таможне в Сучаве с гривны – по три гроша, в Романовом торге и в Бакэу, и в Тотруше с воза – по 2 золотых. А когда должны будут возвращаться, с каждой клади в Тотруше – по 2 гроша, в Бакэу – 2 гроша с клади.

А конями, которые стоят по три гривны, они свободно могут торговать. И венгерскими конями могут свободно торговать, даже если б стоили они по 100 золотых. А в том городе, где должны их купить, за каждого коня – по четыре гроша, а в Сучаве – по шесть грошей за каждого коня, а в Серете за коня – по 2 гроша, а в Черновцах – 2 гроша за коня. А кто поведет коней или кобыл в Каменец, то же, что должен был он заплатить в Серете, обязан заплатить им в Дорохое. А то, что нужно было бы ему платить в Черновцах, должен заплатить в Хотине. Тамо-

женная пошлина за кобыл такая же, как и за коней.

А кому нужно покупать крупный рогатый скот или баранов или в Бакэу, или в Романовом торге, или в Нямце, или в Бае, или же в других городах, где бы то ни было в нашей Земле, тому нигде платить пошлину не надобно, а только там, где их приобретет, получив печать таможенника. А непосредственно в месте покупки должен заплатить за голову крупного рогатого скота 1 грош, за десять овец – 1 грош, за десять свиней – 1 грош, за скотских кож – 10 грошей, за сто смушек – 1 грош, за сто сырых кож – 2 гроша. Затем идти им на главную таможню в Сучаву.

А вот пошлину татарскую, которая была установлена в Белом городе, мы для львовян отменили, чтобы не давали ни монеты хотя бы и от тысячи коп, независимо от того, будет ли там татарский царевич или нет.

А в Сиретском торге за мелкие товары нужно платить с гривны по три гроша, как написано нами выше.

А если кто идет из нашей Земли через Сучаву на Серет, половину пошлины, заплаченной в Сучаве, нужно внести в Серете – со всего: и за кожи, и за шерсть, и за овчины. Это пошлина сиретская.

А в Черновцах таможенная пошлина с немецкого воза – четыре гроша, а с Армянского воза – шесть грошей; за голову крупного рогатого скота – 1 грош, за 10 свиней – 1 грош, за десять овец – 1 грош. А за коня или за кобылу – по 2 гроша. А на переправе с возов или с немецких, или армянских – по четыре гроша, но если должны перевозить их паромом. А когда будет лед или должны будут идти вброд, тогда за перевоз ни гроша пусть не дают. Это пошлина черновская. А в Черновцах возы не обыскивать, но чтобы купец дал слово, что у него нет в возе запрещенного товара: куниц, серебра, воска или же породистых молдавских коней.

А за сукно нужно назначить в Сучаве ту цену, что и во Львове.

А львовяне, которые намерены идти в Брэилу или Килию за рыбой на окраинных таможнях в Бакэу или в Бырладе должны заплатить пошлину полтора гроша с гривны, а рыбу с воза не брать. А там следует получить печать и можно свободно идти в Сучаву. Затем должно заплатить главную пошлину в Сучаве с гривны по 3 гроша. А рыбу с воза не брать. А у Сирета нужно заплатить с гривны по полтора гроша, а рыбы с воза не брать. А в Черновцах – пошлина с воза, как это установлено. А рыбу не брать.

А если привезут львовяне сукна или же какой-нибудь другой товар, у них никто не может силой без денег ни локтя взять, – ни таможенник, ни боярин, ни даже мы сами. Но если нам нужно будет или сукно, или другой товар, много ли – мало ли, то мы или же наши таможенники, чтобы торговали и, заплатив, нужное могли взять.

А львовяне, которые собираются самостоятельно привозить от венгров серебро в слитках, смогут свободно вывезти из страны его остаток после того, как мы купим себе столько этого серебра, сколько нам понадобится, за готовые монеты.

А мунтянский и венгерский воск они могут вывезти из страны свободно, а пошлина в Бакэу, или же в Бырладе, или же в Бае – один грош, а в Сучаве за кусок – 1 грош, а в Серете – тоже 1 грош.

А венгерские куницы они могут вывозить свободно. А таможенную пошлину должны платить на окраинной таможне, в Бае, или же в Бакэу, с гривны полтора гроша, а сучавская пошлина – 3 гроша с гривны, а в Серете – полтора гроша. А из числа тех куниц, если нам нужно будет, мы купим за наличные деньги, а остаток они смогут свободно вывезти.

А еще разрешили мы львовянам содержать по торговым обычаям один дом в Сучаве, но чтобы в том доме не было ни корчмы, ни бойни, ни пивоварни. Опять же, если тот, кто будет жить в том доме, захочет это иметь, тогда он должен платить за все как заведено в городе.

А сделали мы это для купцов львовских господаря нашего, короля польского, Русской всей Земли и Подольской. И то, что мы вам писали, обещаем им соблюдать и выполнять без лести и без хитрости на веки вечные, мы и наши преемники. Никогда это не будет нарушено нашей честью и нашей верой, порукой христианского закона.

А свидетели тому: наш митрополит и советники, королевские – пан Халецкий и пан Баговский, которые в то время были у нас и в посольстве пана нашего, короля. И наши паны, советники молдавские: пан Дума Браевич, пан Станчул, пан Влайкул, пан Гоян дворник, пан Хотко Штибор, пан Косте Данович, пан Томе Кинде, пан Мик Крал, пан Петр Понич, пан Алб, пан Лазя, пан Исайя нямецкий, пан Стецко Дэмэкуш, пан Козмица, пан Бухте, пан Фетион, пан Сакыш спатар, пан Юга вистерник, пан Красныш постельник, пан Тадор чашник, пан Збияре стольник, пан Ион комис; а также паны пыргари и советники львовские, которые в то время у нас были и с нами вместе это дело сотворили. Поименно: пан Климент, пан Михаил, пан Петр, пан Нимант, городской писарь.

А для большего подтверждения всему тому выше написанному, велели мы нашему верному пану Добрулу логофету писать и печать нашу подвесить к этой нашей грамоте.

В Сучаве писал Штефул, в лето 6968, месяца июля 3.

ЛИТЕРАТУРА

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1982. Старый Орхей. Молдавский период. Кишинев.

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В. и др. 1994. Исследование крепости Алустон // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь.

Археология УССР. 1986. Т. 3. Киев.

Бартоло ди Сассофферато. 1989. О знаках и гербах // Средние века. Вып. 52. М. 307-322

Бектинеев Ш.И. 1994. Денежное обращение Великого княжества Литовского в XII - XV вв. Минск.

Беляков А.С. 1990. Медные монеты белгородской чеканки середины XV в. // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев. 180-185

Беляков А.С. 1990. Нумизматика // Введение в специальные исторические дисциплины. М.

Борецкий-Бергфельд Н. 1908. История Венгрии в средние века и новое время. СПб.

Бырня П.П. 1969. Сельские поселения Молдавии XV – XVI вв. Кишинев. 220

Бырня П.П. 1984. Молдавский средневековый город в Пруто-Днестровском междуречье (XV – начало XVI в.). Кишинев. 206

Бырня П.П., Рябой Т.Ф. 1988. Археологические работы в Старом Орхее // АИМ, 1983 г. 113-126

Бырня П.П., Нудельман А.А., Рябой Т.Ф. 1990. Два монетно-вещевых клада XVI-XVII вв. // АИМ, 1985 г. 239-249

Гацак В.М., Рикман Э.А. 1977. Легенда о Драгоше и отражение в ней средневековой этнической ситуации в Восточном Прикарпатье // Этническая история и фольклор. М. 203-216

Городенко А.П. Исследование на двух поселениях молдавского времени в 1989 г. Отчет о раскопках. (Хранится в архиве Музее археологии АН РМ).

Грамоти 1974. Грамоти XIV ст. Київ.

Данте Алигьери. 1961. Божественная комедия. М.

Доброхотов А. А. 1990. Данте Алигьери. М.

Дюби Ж. 1994. Европа в средние века. Смоленск.

ИВ 1971. - История Венгрии. Т. 1. М.

ИМ 1987. - История Молдавской ССР. Т. 1. М.

ИНХ 1976. - История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.). Кишинев.

ИС 1965. - Исторические связи народов СССР и Румынии в XV- начале XVIII вв. Т. I. (1408-1632). М.

Карпов С.П. 1998. Регестры документов фонда Diversorum Filze Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3. 9-81

Кантемир Д. 1973. Описание Молдавии. Кишинев.

Кирилко В.П. 1997. О находке молдавской монеты на Фуне // Археология Крыма. Т. I. №1. 181-184

Котляр Н.Ф. 1967. О технике чеканки монет в Червонной Руси XIV-XV вв. // Тр. ГЭ. Е. IX, 3. Л.

Котляр М.Ф. 1968. Галицька Русь у другій половині XIV – першій чверті XV ст. Історико-нумізматичне дослідження. Київ.

Котляр М.Ф. 1971. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ.

Коциевский А.С. 1990. Надчеканка татарских монет в средневековом Белгороде // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев. 156-165

Крамаровский М.Г. 1989. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII-XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л. 141-157

Ланнуа1853. Путешествие и посольства господина Гильберта де Ланнуа, кавалера Золотого Руна, владельца Синта, Виллерваля, Троншиене, Бомона, Вагени в 1399–1450 годах // ЗООИД. Т. III. 433-445

Ле Гофф Ж. 1992. Цивилизация средневекового Запада. М.

Лотман Ю. 1970. Статьи по типологии культуры // Материалы к курсу теории литературы. Вып. I. Тарту.

Максимов М.М. 1974. Очерк о серебре. М.

Маркевич В.И., Полевой Л.Л., Фин Ш.Р. 1961. Кугурештский монетно-вещевой клад XV века // Труды Государственного Историко-Краеведческого музея Молдавской ССР (за 1960 г.). Кишинев.

МНМ. 1992. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.

Мохов Н.А. 1974. Молдавский торговый путь // Русь и Польша. М.

Мурзакевич Н.Н. 1850. Аккерманские греческие надписи // ЗООИД. Т. 2.

Мушмов Н.А. 1924. Монетите и печатите на българските царе. София.

МЭФ 1961. - Молдавия в эпоху феодализма. Т. I (XV-первая четверть XVII в.). Кишинев.

Наумов Е.П. 1974. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. 1973. М. 150-163

НПЛ 1952. - Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л.

Нудельман А.А. 1974. Монеты из раскопок и сборов 1972–1973 гг. // АИМ, 1973 г. 188-229

Нудельман А.А. 1974а. Монеты и денежное обращение на территории Днестровско-Прутского междуречья (IV в. до н. э. - XVII в.) // Древняя культура Молдавии. Кишинев. 191-210

Нудельман А.А. 1975. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV – начале XVI вв. (По материалам кладов.) // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев. 94-124

Нудельман А.А. 1976. Топография кладов и находок единичных монет // АКМ ССР. Вып. 8. Кишинев.

Нудельман А.А. 1981. Находки монет эпохи феодализма из раскопок и сборов 1974–1976 гг. в Днесторовско-Прутском регионе // АИМ, 1974–1976 гг. 179-191

Параска П.Ф. 1980. Территориальное становление Молдавского феодального государства во второй половине XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до сер. XIX в.). Кишинев. 62-87

Параска П.Ф. 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев.

Параска П.Ф. 1981а. К вопросу о молдавско-польских отношениях конца XIV-первой половины XV в. (заем 1388 г.) // Известия АН Молд. ССР. № 3. С. 23-31.

Парнов Е. 1988. Под ливнем багряным. М.

Петканова Д. 1994. Средневековна литературна символика. София.

ПВЛ 1950. - Повесть временных лет. Часть 1. М., Л.

Подградская Е.М. 1968. Торговые связи Молдавии со Львовом в XVI-XVII вв. Кишинев.

Полевой Л.Л. 1956. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII-XIV вв. // Известия МФ АН СССР, № 4 (31). 91-103

Полевой Л.Л. 1956а. Нумизматические данные к истории молдавского города Старого Орхея // КСИИМК. Вып. 66. 78-82

Полевой Л.Л. 1960. Монеты из раскопок Старого Орхея

(1947-1956) //Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев. 317-352
Полевой Л.Л. 1969. Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1949 - 1959 гг.) // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев. 146-161
Полевой Л.Л. 1972. Зарождение денежного хозяйства Молдавского феодального государства (XIV в.) // Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Кишинев. 6-38
Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев.
Полевой Л.Л. 1990. «...и с того времени началась Земля Молдавская». Кишинев.
Полевой Л.Л. 1990а. Редкая серия молдавских городских монет Белгорода на Днестре и некоторые вопросы его истории XV в. // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев. 165-179
Попович Ю.В. 1971. Молдавские новогодние праздники. Кишинев.
Потин В.М. 1986. Введение в нумизматику // Тр. ГЭ. Т. XXVI. Нумизматика. 6. Л. 69-163
Потин В.М. 1993. Монеты. Клады. Коллекции. Очерки нумизматики. СПб.
Похлебкин В.В. 1984. Международная символика и эмблематика. (Опыт словаря). М.
Протокол 1913. - 419 заседание Императорского Одесского общества истории и древностей. 14 ноября 1912 года // ЗООИД. Т. XXXI. 87-91
Павел Алеппский 1900. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидьяконом Павлом Алеппским. Вып. IV. М.
Руссев Н.Д. 1991. Городские центры Днестровско-Дунайских земель и Золотая Орда (моменты и ареалы эволюции) // Молдавский феодализм. Общее и особенное (история и культура). Кишинев. 39-66
Руссев Н.Д. 1993. Нижний Дунай в истории Молдовы XIV в. // Молдавский исторический журнал. № 1. 39-46.
Садовников С.П. 1989. Некоторые наблюдения над изображением герба Молдавского государства конца XIV–начала XVI в. // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. Кишинев. 103-117
Семенова Л.Е. 1994. Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV - первая треть XVI вв.). М.
Сиверс А.А. 1922. Топография кладов с пражскими грошами // Труды нумизматической комиссии Российской Академии Наук ИМК. Т. II. Пб.
Сигизмунд Герберштейн. 1980. Записки о Московии. М.
СМЛ 1976. - Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М.
Соболева Н.А. 1985. Старинные гербы российских городов. М.
Советов П.В. 1972. Исследования по истории феодализма в Молдавии. (Очерки истории землевладения в XV-XVIII вв.). Кишинев.
Спасский И.Г. 1957. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. М.
Татаринов К.А. 1980. Человек и мир зверей. Львов.
Тентюк И.С. 1990. Мелкая глиняная пластика и некоторые аспекты идеалогических воззрений раннесредневекового населения Молдовы // ИАНМ. № 3. 55-65
Тимощук Б.А. 1964. Исчезнувшие города Буковины // ВИ. № 5. 213-217
Тимощук Б.О. 1969. Північна Буковина — земля слов'янська. Ужгород.
Тимощук Б.О. 1977. Середньовічний Хотин // Археологія.
Уреке Г. 1971. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу.
Федоров-Давыдов Г.А. 1958. Основные закономерности развития денежно-весовых норм в Золотой Орде // Археографический ежегодник за 1957 год. М. 7-16
Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клады джучидских монет. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде // НЭ. Т. I. с. 94-192.
Федоров-Давыдов Г.А. 1981. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М.
Фенглер Х., Гироу У., Унглер В. 1988. Словарь нумизмата. М.
Харко Л.П. 1961. Монетные находки Тавро-скифской экспедиции 1946–1950 и 1957 гг. // МИА. № 96.
Чернецов А.В. 1987. Феодальная эмблематика в чекане русских городов XIV–XV вв. // Труды пятого международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 2б. М. 144-152
Черных А.П. 1990. Геральдика // Введение в специальные исторические дисциплины. М.
Шабульдо Ф.М. 1987. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев.
Шитиков М.М. 1969. Константинополь и венецианская торговля в первой половине XV в. по данным книги счетов Джакомо Бадоера (Деловые круги Константинополя) // ВВ. Т. XXX. 48-62
Штерн Э.Р. 1913. Раскопки в Аккермане в 1912 г. // ЗООИД. Т. XXXI. 92-101
Эвлия Челеби. 1961. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. М.
Янина С.А. 1977. «Новый город» (= Янги–Шехр = Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // Нумизматический сборник. Часть V, вып. I. ТрГИМ. № 49. 193-213
Andrieş-Tabac S. 1998. Heraldica teritorială a Basarabiei şi Transnistriei. Chişineu.
Andronic A., Grigoraş A. 1957. Tezaurul de monede moldoveneşti descoperit la Corlăteni // SCŞI. VIII, fasc. I.
Beldiceanu N. 1968. Kilia et Cetatea Albă à travers les documents ottomans // Revue des études islamiques. № 2. Paris.
Berciu-Drăghicescu A. 1990. Repertoriul descoperirilor monetare de pe teritoriul Moldovei (secolele XIV – XVII) // Caietul seminarului special de ştiinţe auxiliare ale istoriei. Opuscula bibliologică, genealogică, numismatica. II. Bucureşti. P. 54-92
Bieltz L. 1996. Molder Lant — O legendă înedită pe monedele emise de la Ştefan I (1394-1399) // Cercetări numismatice. VII. P. 155-157
Bogdan I. 1913. Documentele lui Ştefan cel Mare. Vol. I, II. Bucureşti.
Bogdan I. 1905. Documente privitoare la relaţiile Ţării Romîneşti cu Braşovul şi cu Ţara Ungurească în sec. XV şi XVI. Vol. (1413 - 1508). Bucureşti.
Bogdan I. 1907 – 1908. Inscripţiile de la Cetatea Albă şi stăpînirea Moldovei asupra ei // Analele Academiei Romîne. Memoriile secţiunei istorice. Ser. II. T. XXX. P. 311-360
Brătianu G. I. Recherches sur Vicina et Cetatea Albă: Contributions a l'histoire de la domination byzantine et tatare et du commerce genois sur le littoral roumain de la Mer Noiri. Bucureşti, 1935.
Britanica 1975. - The new Encyclopaedia Britanica in 30

Volumes. Vol. IV. Ready reference and Index. Chicago.
CSŢR 1968. - Călători străini despre Ţările Romîne Vol. I. Bucureşti.
Cernovodeanu D. 1977. Ştiinţa şi artra heraldică în Romînia. Bucureşti.
Cihodaru C. 1954. Observaţii pe marginea izvoarelor privind unele evenimente din istoria Moldovei între anii 1467–1474 // SCŞI. I/VIII.
Cihodaru C. 1960. Constituirea statului feudal Moldovenesc şi lupta pentru realizarea independenţei lui // SCŞI. I.
Cihodaru C.C. 1990. Alexandru cel Bun. Chişinău.
Ciobanu V. 1985. Ţările romîne şi Polonia. Secolele XIV–XVI. Bucureşti.
Ciocîltan V. 1981. Chilia în primul sfert al secolului al XV-lea // Revista de istorie, XXIV, № 11.
Cîmpina B. 1973. Scrieri istorice. Vol. I. Bucureşti,
Costachescu M. 1932. Documentele moldovenesti înainte de Ştefan cel Mare. Vol. I, II. Iaşi.
Costachescu M. 1943. Documentele moldovenesti de la Stefanita Voievod.
DIR.A. 1951, 1956. - Moldova. Veacul XVI. Vol. III. Veacul XVII Vol. IV. Bucureşti.
Dogaru M. 1981. Aspiraţia poporului romîn spre unitate şi independenţă oglindată în simbol. Album heraldic. Bucureşti.
DRH. A. 1975, 1976, 1980. - Moldova. Vol. I. (1384-1448); II. (1449-1486); III. (1486-1504). Bucureşti.
DRH. D. 1977. Relaţiile între ţările Romîne. Vol. I. (1222-1456). Bucureşti.
Eliade M. 1970. De Zalmoxis a Gengis-Khan. Paris.
Filipciuc I. 1977. Geneza însemnuului cap de bour (I) // AIIA. T. XIV. Iaşi.
Gassauuer R. 1933-1934. Influenţă polonă asupra stemei Moldovei şi a altor blazoane de pe monedele moldoveneşti // BSNR XXVII-XXVIII. № 81-82
Gonţa A. I. 1989. Legăturile economice dintre Moldova şi Transilvania în secolele XIII- XVII. Bucureşti.
Gorovei Şt. 1986. Alianţă dinastice ale domnilor moldovei (sec. XIV – XVI) // RIU. II_1.
Gorovei Şt. 1987. Steme şi raporturi politice: «cazul» principatelor Moldovei în veacul XIV // RIU. II_1.
Gorovei Şt. 1991. Muşatinii. Chişinău.
Gorovei Şt. 1997. Intemeierea Moldovei. Probleme controversate. Iasi.
Grigoraş N. 1992. Moldova lui Ştefan cel Mare (1457–1504). Chişinău.
Iliescu O., Dinu M. 1957. Tezaurul monetar din secolul al XV-lea de la Cîrpiţi (raionul Iaşi) // SCŞI. VIII, fasc. 2. Iaşi,
Iliescu O. 1958. Însemnării privitoare la descoperiri monetare (II) // SCN. Vol. II. P.451-456
Iliescu O. 1970. Moneda în Romania 491–1864. Bucureşti.
Iliescu O. 1971. Emisiuni monetare ale oraşelor medievale de la Dunărea de Jos // Peuce. Vol. II.
Iliescu O. 1973. Le prêt accordé en 1388 par Pierre Muşat á Ladislas Jagellon // RRH. T. XI. № 1. P. 123-138.
Iliescu O. 1974. Asperi de Licostomo la 1383 // Revista de istorie. № 3
Iliescu O. 1977. La monnaie genoise dans les pays roumains aux XIIIe - XVe siècles // Colocviul Româno-Italian «Genovezii la Marea Neagră în secolele XIII – XIV». Bucureşti. P. 155-171
Iliescu O. 1990. Monede Ţării Romîneşti şi ale Moldovei la Marea Neagră (secolele XIV – XV) // Revista istorică. T. I. № 6. P. 649-656
Iliescu O. 1991. Les armoiries de la ville d'Asprokastron et leur origine byzantine // EBPB. II. Bucureşti. P. 151-164
Iorga N. 1895. Acte si fragmente privind istoriei Romane. III. Bucureşti.
Iorga N. 1924. Actul lui Mehmed al II-lea pentru negustorii din Cetatea Albă // Revista istorică. Anul X. Ianuarie – Martie.
Iorga N. 1937. Noi descoperiri privitoare la istoria Romînilor // AARMSI Ser. II. T. XIX.
IR 1962. - Istoria Romîniei. Vol. II. Bucureşti.
Kuвiak S. 1988. Monety Jagiellonow w Krolestwie Polskim w latach 1386 – 1506 // Problematica micovníctva Jagelovcov. Nistra-Svit. S. 85-106.
Kiersnowski R. 1988. Godło dynasztyczne Jagiellonów // Problematika mincovnictva Jagelovcov. Nistra-Svit. s. 11-30
Kiriţescu C.C. 1964. Sistemul bănesc al leului şi precursorii lui. Vol. I. Bucureşti.
Kozubowski G. 1994. Monety ksiestwa kijowskiego w XIV w. // Wiadomosci Numismatyczne. R. XXXVIII, z. 3-4 (149-150). s. 121-140
Laonic Chalcocondil. 1958. Expuneri istorice. Bucureşti.
Lăzărescu G., Stoicescu N. 1972. Ţările Romîne şi Italia pînă la 1600. Bucureşti.
Lucian O., Buzdugan G., Oprescu C.C. 1977. Monede şi bancnote romîneşti. Bucureşti.
Lunardi G. 1980. Le monede delle colonie genovesi. Genova.
Mănescu I.N. 1972. Stema Moldovei // Magazin istoric. № 5.
Minea I. 1932–1933. Despre domnia lui Roman (II) Vodă // Cercetări istorice. Anul VIII–IX. № I.
Mikołajczyk A. 1988. Moldavian coins in the 15-th century in Poland // AM. Vol. XII. P. 263-271
Mischevca V., Negrei I., Nichitici A. 1994. Simbolurile Ţării Moldovei (Din istoria vexilogiei şi silografiei heraldice moldoveneşti din sec. XIV-XIX). Chişinău.
Neamţu V., Cheptea S. 1986. Contacte între centrul şi sud-estul Europei reflectate în circulaţia monetară de la Baia (secolele (XIV – XV) // RIU. I. Iaşi. P. 18-30.
Nicolaie E. 1996. Descoperiri monetare de la Suceava // BS№ LXXXVI-LXXXVII (1992-1993). P. 179-197
Nicolaie E. 1997. Quelgues considirations sur le monnaies tatares de la Ville Neuve Jaugi-sehr/ Sehr al-cedid. SCN. XI (1995). P. 197-200
Nohejlová-Prátová Em. 1975. Základy numismatiky. Praha.
Oberländer-Tîrnoveanu E. 1991. «Tartarian zlots» — a Golden Horde legacy in the monetary terminology and practice of medieval Moldavia and its neighbouring countries // RRH. T. XXX. № 3-4. P. 189-220
Oberländer-Târnoveanu E. 1991a. Moldavian merchants and commerce in Constantinople in the 15-th century in the «Book of accounts» of Giacomo Badoer // EBPB. II. Bucureşti. P. 165-180
Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1981. Contribuţii la studiul emisiunilor monetare şi al formaşiunilor politice din zona Gurilor Dunării în secolele XIII–XIV // SCIVA 32. № 4. p. 89-109
Pall Fr. 1965. Stăpînirea lui Iancu de Hunedoara asupra Chiliei şi problema ajutorării Bizanţului // Studii. Revistă de istorie. № 3. P. 619-638
Panaitescu P.P. 1952. Pe marginea folosirii izvoarelor cu privire la supunerea Moldovei la tribul turcesc (Vaslui 1456) // Studii. № 3
Panaitescu P.P. 1956. Din istoria luptei pentru independenţa Moldovei în veacul al XIV-lea. Primele lupte pentru independenţa ale ţărilor romîne // Studii. Revistă de istorie. № 4. p. 95-115
Panek I. 1972. Tecnologie vyroby strižku v Kutnohorstké mincovné na počatku 15 stoleti // Numismaticke listy. № I.
Papacostea Ş. 1973. La începuturile statului moldovenesc. Consideraţii pe marginea unui izvor necunoscut // SMIM. Vol. VI. P. 43-59
Papacostea Ş. 1990. Ştefan cel Mare domn al Moldovei

(1457 – 1504). Bucureşti.
Petrişor E. 1986. Date preliminare asupra tezaurului medieval de la Buruieneşti, conuna Dolješti, județul Neamți // MA. XII–XIV (1980–1982). P. 171-182.
Sava A.V. 1944. Documente privitoare la tîrgul şi ținutul Orheiului. Bucureşti.
Slătineanu B. 1972. Studii de artă populară. Bucureşti.
Spinei V. 1982. Moldova în secolele XI–XIV. Bucureşti.
Stînga I. 1992. Contribuții privind circulația monedelor moldoveneşti în Țara Românească // BSNR Anii LXXX–LXXXV (1986–1991). № 134–139. P. 133-136
Şimanschi L. 1980. Cele mai vechi sigilii domneşti şi boiereşti din Moldova (1387-1421) // AIIAX. T. XVII. Iaşi. P. 141-158
Ştirbu C. 1980. Valori romîneşti păstrate în muzeele din străinătate – un tezaur de la Petru Muşat // CN. Vol. III.
Ştirbu C., Stancu P. 1975. Monedele din tezaurul de la Rachelu aflate în colecția Muzeului de istorie al R.S.România şi importanța lor istorică // BSNR Anii LXVII–LXVII (1973–1975). № 121-123. P. 147-166
TM 1994. - Tezaure din muzeele oraşului Chişinău secolele XVI-XVIII. Chişinău.
Ureche Gr. 1956. Letopisețul Țării Moldovei. Bucureşti.
Ursu A., Berciu-Drăghicescu A. 1989. Descoperiri monetare de pe teritoriul Țării Romîneşti (secolele XIV–XVI) // Caietul seminarului special de ştiințe auxiliare ale istoriei. Opuscula numismatică. I. Bucureşti. P. 125-172.
Venedicov I., Gerasimov T. 1975. Thracian art treasures. Sofia.
Vuia R. 1975. Studii de etnografie şi folclor. Bucureşti.
Vulcănescu R. 1977. Mitologie Română. Bucureşti.
Xenopol A. D. 1986. Istoria Romînilor din Dacia Traiană. Vol. II. Bucureşti.

МОНЕТЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ

Р.А.Рабинович

ДИРХЕМЫ НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДОВЫ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

R.A. Rabinovich. Dirhams on the Territory of Moldova: Cultural and Historical Context.

The articles treats the problem of origin of the dirhams in Moldova in the early Middle Age. The author considers that the origin of the Kufic coins in the lands between the Carpathians and Dniester is not connected, as it is believed by other researchers, with this territory joining Kiev Russia in 30s of X century. The cultural and historical context of dirhams in Moldova is exclusively connected with the sites of a peculiar material culture of ring-like settlements of Echimauti-Alcedar type. A foreign and having no roots in this region culture probably belonged to a population, which had migrated here from the Balkans not later than the end of IX century, the "Tivertsy" of the chronicles. The dirhams were brought to Moldova by the Dniester, an important component of the so-called second route "from the Varangians to the Greeks" (the Black Sea – Dniester – Upper Western Boog – Wistula – Baltic Sea), which connected lands between the Carpathians and Dniester with Northern and Western Europe. Dirhams were not used in Moldova as means of circulation and payment. They were brought here as raw material for the local jewelry manufacture of silver embossed decorations, for example, earrings of "C" type (typology of "Wolyn" earrings by S.S. Ryabtseva). Partly, the manufactured decorations were sent to the North by the same route, towards Southern coast of the Baltic Sea, which is illustrated by concentration of "C" type earrings in the treasures of "broken silver" found in the basin of Wistula. It is likely, that the dirhams were brought to Moldova from this very territory, in other words, the raw material was exchanged for the ready-made products. Probably, the Kiev princes extending their power over the Dniester territory, the existing order of the dirham import was changed, which negatively influenced upon import of the Eastern silver coins in this region.

Видимо, только малочисленностью данной группы монетных находок на территории Молдовы по сравнению с другими группами монет можно объяснить слабый интерес специалистов к находкам дирхемов в регионе. Вначале напомним, о каких находках идет речь.

Состав и ареал куфических монет в Молдове

Западнее Прута, в Румынской Молдове известны находки 9 дирхемов. Две монеты Марвана II (745—750) — случайные находки в Бося-Яшь. Семь дирхемов — один ал-Мансура (754—775), один ал-Махди (775—785) и пять Гарун аль-Рашида (786—809) — содержатся в богатом монетно-вещевом кладе Рэдукэнень. Д.Теодор датировал клад последней четвертью IX—первыми двумя десятилетиями X в. на основании приведенных аналогий ювелирных украшений в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе (Teodor 1980: 404-423).

В междуречье Прута и Днестра известны находки 21 экземпляра куфических монет — 20 дирхемов и 1 фельс, представленных 9 оригинальными саманидскими монетами и 12 подражаниями. Они найдены на городищах Екимауцы и Алчедар, на северо-востоке современной Республики Молдова. На городище Екимауцы найдены 19 серебряных саманидских дирхемов или подражаний им: четыре Исмаила ибн Ахмада (892—907 гг.); два Ахмада ибн Исмаила (907—914); тринадцать Насра ибн Ахмада (914—943). Большинство дирхемов (16 из 19) имеют два круглых отверстия. Они найдены во всех горизонтах культурного слоя, но сведений о находках в сооружениях нет. На городище Алчедар также обнаружены две куфические монеты с двумя отверстиями каждая: в пласте 5 раскопа 24 — фельс Наср ибн Ахмада и в колодце No 1 (пл.11, яма 129) — подражание саманидскому дирхему, отчеканенное в Волжской Булгарии Абдуллах ибн Микаилом в середине X в. (Федоров 1952: 255; Федоров 1953: 110; Федоров 1968: 86; Нудельман 1976: 17—18, 89—90; Нудельман 1985: 85—86; Равдина 1988: 67).

Интерпретации

Румынские исследователи, в частности Д.Теодор, рассматривают находки дирхемов в Западной (Румынской) Молдове как некий достаточно случайный эпизод в монетном обра-

© Р. А. Рабинович, 1999.

щении на территории региона. Обращение дирхемов, по его мнению, характерно для славянского мира, а восток Румынии в этот период находился в зоне воздействия византийской монетной системы. Никак он не связывает находки дирхемов в Рэдукэнень и с находками куфических монет в Поднестровье — в Екимауцах и Алчедаре (Teodor 1978: 80).

Интерпретации русскоязычных исследователей по поводу находок дирхемов на городищах Екимауцы и Алчедар носили более пространный характер. Идентифицированные С.А.Яниной, эти находки нашли отражение в работах исследователей, проводивших раскопки в Екимауцах и Алчедаре — Г.Б.Федорова и Т.В.Равдиной, авторов специальных нумизматических работ В.В.Кропоткина, А.А.Нудельмана и С.Н.Травкина (Федоров 1953, 1968; Равдина 1988; Нудельман 1976, 1985; Травкин 1995).

Г.Б.Федорова и Т.В.Равдину находки дирхемов интересовали только в плане возможности определения датировки городищ Екимауцы и Алчедара. Например, на основании находок екимауцких дирхемов Г.Б.Федоров полагал возможным определить нижнюю дату существования городища — конец IX в., а верхнюю— середина XI в. (Федоров 1953: 110). Разумеется, на основании найденных на Екимауцах и Алчедаре дирхемов нельзя определить ни нижнюю, ни верхнюю даты существования этих памятников. Они дают основание считать, что городища функционировали в 40-х—50-х гг. X в., но не более того.

Вопрос о времени проникновения в междуречье Прута и Днестра куфических монет несколько заслонил вопрос их происхождения в этом регионе. Г.Б.Федоров полагал, что куфические монеты проникали в славянские центры Поднестровья через Киев или другие крупные города Древней Руси и связывал их появление с установлением прочной власти киевского князя над регионом. Правда, в одной из своих последних работ исследователь предположил также, что «находка в Екимауцах и Алчедаре серебряных саманидских дирхемов и подражаний этим монетам определяет еще одно направление культурных и торговых связей — восток, Волжская Болгария» (ДКМ 1974: 124). Тем не менее, появление дирхемов в Пруто-Днестровье на городищах Екимауцы и Алчедар, как и появление самих городищ, Г.Б.Федоров связывал исключительно с периодом вхождения последнего в состав Киевской Руси.

При составлении восьмого, нумизматического, выпуска Археологической карты Молдавии (1976 г.) к интерпретации находок дирхемов в регионе обратился А.А.Нудельман. В этой работе исследователь отмечает, что куфические серебряные монеты имели с конца первой четверти X в. в Среднем Поднестровье весьма незначительное хождение. Саманидские дирхемы «по-видимому, могли попасть в славянские центры Поднестровья через Киев или другие крупные центры Древней Руси, куда они попали из Булгара, вследствие экономических связей последнего со Средней Азией». А.А.Нудельман особо отмечает появление подражательной чеканки куфическим дирхемам в Поднестровье: «Очевидно, что подобные имитации куфическим дирхемам попали в Алчедар и Екимауцы не ранее конца X в., пройдя путь из Волжской Булгарии (где их изготовляли) в Киев, откуда впоследствии направлялись в Поднестровье» (Нудельман 1976: 17—18).

Однако в более поздней работе — монографии 1985 г. А.А.Нудельман пересмотрел, специально не акцентируя на этом внимание, свою точку зрения на хронологию обращения куфических монет в Пруто-Днестровье. «Время притока куфической монеты в Поднестровье, — пишет исследователь, — можно отнести ко второй половине первого десятилетия X в. — началу последней трети X в.» (Нудельман 1985: 87).

Чем был вызван подобный пересмотр? Автор его никак не объясняет, но мы возьмем на себя смелость возможного объяснения по данному поводу. М.Ф.Котляр отметил появление в середине X в. трех кладов куфических монет на территории соседнего с Пруто-Днестровьем Подолья (IV период обращения куфических монет на территории Восточной Европы по В.Л.Янину и Н.Ф.Котляру, с 939 г. по конец X в.) (Котляр 1971: 25). Более ранних находок дирхемов на территории Подолья нет. Вполне логично А.А.Нудельман пришел к вероятности «гипотезы о проникновении куфических монет в X в. в славянские центры Поднестровья, равно как и другие пункты Днестровско-Карпатского региона из района Подолья, с которыми указанные области не только соседствовали, но и поддерживали на протяжении многих столетий определенные связи» (Нудельман 1985: 88). К сожалению, автор высказался об этих «определенных связях» очень неопределенно. Тем не менее, «подольская» гипотеза позволила А.А.Нудельману, с одной стороны, подтвердить правоту высказанного Г.Б.Федоровым (1953) мнения о том, что наиболее вероятным представляется проникновение куфических монет в Поднестровье из сопредельных центров Древней Руси, а с другой, признать неубедительным выше цитировавшееся мнение этого же автора (ДКМ 1974: 124) о связях древнерусского населения Пруто-Днестровья с Волжской Болгарией (Нудельман 1985: 88). На том же основании А.А.Нудельман признал недостаточно убедительным и мнение В.В.Кропоткина об установлении в X в. торговых связей Поднестровья с Хазарским каганатом и Волжской Болгарией[1] (Нудельман 1985: 85,88)

[1]В.В.Кропоткин обратил внимание на находку булгарского подражания саманидскому дирхему с именем Абдуллаха ибн Микаила на Алчедарском городище. Булгарские дирхемы - чрезвычайно ред-

Несмотря на появление в более поздних работах «подольской» версии проникновения дирхемов на территорию Пруто-Днестровья и «корректировки хронологии», главный момент в интерпретации А.А.Нудельмана остался неизменным: связь ограниченного хождения куфических монет в Поднестровье с возникновением здесь древнерусских центров, поддерживавших экономические контакты с сопредельным восточнославянским миром. (Нудельман 1985: 89).

И последнее по времени обращение к данной теме, предпринятое С.Н.Травкиным, также связывает появление дирхемов в Екимауцах и Алчедаре с Киевским государством. По С.Н.Травкину, в период 900—976 гг. юг Прутско-Днестровского междуречья входил в ареал обращения византийских монет, северо-восток края относился к лесостепному ареалу, где преобладали куфические дирхемы. Большая доля пробитых экземпляров (в том числе и 6 из 9 византийских) заставляет его сомневаться в том, что монеты в этот период использовались в качестве средств обращения и платежа. Приток дирхемов в Поднестровье С.Н.Травкин связывает с экспансией Киевской Руси на эти земли. (Травкин 1995: 10—16).

Таковы интерпретации авторов по поводу находок дирхемов в Молдове.

В лагере исследователей вопроса, как мы видим, определилось завидное единство: так или иначе, они связывают появление дирхемов в Пруто-Днестровье и (а некоторые и в целом, в Молдове) с распространением на эту территорию власти Киевского княжества.

Возможность альтернативной гипотезы

Но нельзя ли усомниться в том, что появление дирхемов в Молдове, их происхождение в этом регионе, связано с вхождением региона в состав Киевской Руси? Что противоречит или плохо согласуется с этим утверждением?

1. Чрезвычайно интересен сам факт находки дирхемов на памятниках типа Екимауцы—Алчедар. Это один из пунктов наибольшей концентрации единичных находок этих монет в Восточной Европе, но не обнаружено ни одного клада, ни на этих практически полностью исследованных городищах, ни вблизи их, ни вообще на территории Пруто-Днестровья. Странно, что Екимауцкое городище, погибшее в результате вражеского нападения и штурма, «сохранившее» для археологов массу ценных изделий, в том числе и из серебра, «не дало» ни одного невостребованного хозяевами клада. Мнение исследователей довольно единодушно: культура древнерусских городищ прекратила существование из-за внешней угрозы (как правило, называются кочевники). Возникает предположение, что характер обращения куфических монет в Поднестровье отличался от характера обращения дирхемов в других регионах Киевской Руси.

2. Дирхемы найдены только на так называемых кольцевых городищах по Днестру.

Их нет даже на соседних, огромных, мощных в военном, стратегическом отношении мысовых городищах типа Глинжены II, не говоря уже о памятниках на всем ареале древнерусской культуры в Молдове, на всей территории, подвластной Киеву. Нет ни в виде кладов, ни в виде единичных находок на поселениях или могильниках, ни в виде случайных находок, сделанных в условиях, лишенных какого-либо археологического контекста.

3. Следующий немаловажный момент — исследователи игнорируют находки более ранних дирхемов в запрутской румынской части Молдовы (клад Рэдукэнень) и связь этих находок с дирхемами Екимауц и Алчедара. Игнорирование это не случайно. Трудно объяснить происхождение Рэдукэненского клада с его датой позднейших дирхемов 809 г. экспансией Киевского государства на поднестровские земли, происходившей позднее на 100 с лишним лет. Появление клада Рэдукэнень сложно связать и с «подольской версией» А.А.Нудельмана. Подольские клады по своей хронологии соответствуют единичным находкам на Екимауцах и Алчедаре, но резко расходятся с хронологией клада Рэдукэнень. Клады восточного монетного серебра VIII—IX вв. достаточно редки в западной и юго-западной части Восточной Европы. Ближайшие для Рэдукэнень оказываются только в Крыму и в междуречье Припяти, Буга и Вислы (Древняя Русь 1985: 401, табл. 161; Фомин 1993: 78) [2]

4. Простая ли случайность, что дата поздних «молдавских» дирхемов (40-е гг. X в.) почему-то совпадает по времени с наиболее вероятным периодом вхождения этих земель в состав Киевской Руси, после чего они больше сюда не поступают.

Последний пункт нуждается в пояснении. Вопрос о появлении дирхемов в Екимауцах и Алчедаре исследователями тесно увязывается с возникновением древнерусской культуры в Поднестровье, сопровождаемом появлением в регионе городищ, в том числе и кольцевых

кие находки в южных районах Древней Руси, и В.В.Кропоткин предположил наличие прямых связей Поднестровья с востоком, минуя Киев (см. Нудельман 1985: 85, 88).

[2] Как будет показано ниже, возможно существует связь между кладом Рэдукэнень, единичными находками дирхемов в Екимауцах и Алчедаре и кладами в бассейне Вислы.

городищ типа Екимауцы-Алчедар. По общепринятому мнению, в VIII—IX вв. северную и центральную часть Пруто-Днестровья занимали древности культуры Луки-Райковецкой, представленные только неукрепленными поселениями. В конце IX — начале X в., после покорения летописных тиверцев и уличей киевскими князьями, древности типа Луки-Райковецкой трансформируются в древнерусскую культуру. В этот период и возникают городища (мысовые и кольцевые) — своеобразные протогорода, центры ремесла и торговли. Цитадели городищ — место обитания ремесленников высококвалифицированных специальностей — оружейников, ювелиров и т.д., обслуживающих социальную верхушку общества. (Федоров 1953; 1968; Федоров,Чеботаренко 1974)

Однако недавнее исследование, предпринятое автором данной работы, не позволяет смотреть на т.н. «древнерусскую культуру Поднестровья» — как на прямолинейную и непосредственную эволюцию культуры Луки-Райковецкой, ускоренную и усиленную вхождением региона в государственную территорию Киевской Руси. Материальная культура северной и центральной части Пруто-Днестровья в X в., называемая исследователями «древнерусской», не представляет собой нечто монолитное в плане происхождения. Часть памятников, представленных неукрепленными поселениями и сложно-мысовыми городищами типа Глинжены II, действительно демонстрируют результат развития местных древностей типа Луки-Райковецкой. Другая часть памятников, известная по древностям кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар, представляет собой, по моему мнению, пришлую культуру в регионе. Культура кольцевых городищ Екимауцы-Алчедар характеризуется гораздо большей яркостью, репрезентативностью культурных элементов по сравнению с местной, но, главное, она характеризуется специфическими, не характерными ранее для этого района фортификацией, домостроительством, керамическим комплексом, вещевым инвентарем и обрядом захоронения. Кольцевые городища не имеют подстилающего культурного слоя типа Луки-Райковецкой, нет сельской округи, по отношению к которой могли бы выступать центрами кольцевые городища. Я предполагаю, что культура типа Екимауцы-Алчедар была пришлой в этом регионе, и ее появление связано с притоком нового населения — возможно, летописных тиверцев (Рабинович 1997: 10—16).

Дирхемы найдены только на кольцевых городищах — Екимауцы и Алчедар. Само возникновение этих городищ их исследователи связывают с «вхождением в Русь», а хронология найденных на них дирхемов часто выступает основанием хронологии существования самих городищ, причем в определении и нижней и верхней дат. Поэтому мы позволим себе краткие отвлечения от главной темы, в которых коснемся таких вопросов, как: датировка группы памятников типа Екимауцы-Алчедар; время подчинения Карпато-Днестровских земель Киевской Руси.

А. Датировка группы памятников типа Екимауцы-Алчедар

Проблема датировки группы памятников типа Екимауцы-Алчедар в силу своей важности для реконструкции культурно—исторических процессов в Карпато-Поднестровье в раннесредневековую эпоху, конечно же, заслуживает отдельной самостоятельной работы. Здесь же я кратко изложу свою точку зрения на эту проблему.

Датировка памятников типа Екимауцы-Алчедар пользовалась значительно меньшим вниманием исследователей, чем датировка сихронных древностей других культурно-хронологических групп в регионе (памятник балкано-дунайской культуры, памятники типа Ханска, памятники типа Петруха-Лукашевка). После работ Г.Б.Федорова к этому вопросу обращалась Т.В.Равдина, выпустив сенсационную статью о датировке городища Алчедар (Равдина 1988).

Во многих работах Г.Б.Федоров определял хронологические границы существования кольцевых городищ Екимауцы и Алчедар следующим образом: начало существования городищ — конец IX в.; прекращение жизни на них — середина XI в. (Екимауцы) и середина или вторая половина XII в. (Алчедар, Лукашевка, Рудь) (Федоров,Чеботаренко 1974: 75—98). Т.В.Равдина определила время существования городищ Алчедар и Екимауцы — несколько десятилетий до середины 60-х гг. X в. (Равдина 1988: 67). Рассмотрим, какие основания существуют для датировки этих памятников.

А.1. Нумизматические материалы

На основании находок екимауцких дирхемов Г.Б.Федоров полагал возможным определить нижнюю дату существования городища концом IX в., а верхнюю — серединой XI в. (Федоров 1953: 110). Как уже было замечено, они дают основание считать, что памятники существовали в 40-х—50-х гг X в.

Необходимо сказать еще об одной монетной находке, имеющей отношение к затрагиваемой проблеме. Это находка на поселении Алчедар медной византийской монеты — фоллиса достоинством 40 нуммий императора Ираклия (610—641), перечеканенной из фоллиса императора Фоки (602—610). Монета найдена

в слое, содержащем, по заявлению Г.Б.Федорова, лепную керамику и уходящем под насыпь вала городища (Федоров 1964: 81). Находка этой монеты, наряду с лепной керамикой, служили основанием для Г.Б.Федорова считать, что догородищенский период Алчедарского поселения продолжался с VI до конца IX — начала X вв.

Находки византийских монет указанной эмиссии чрезвычайно редки на территории Карпато-Поднестровья. Известна лишь еще одна подобная находка на поселении Лопатна, но и там ее стратиграфические условия неясны: она найдена в выбросе (Федоров 1960: 287). Если до 602 г. изучаемый регион входил в зону интенсивного обращения и интенсивного обновления византийских монет, то после указанного времени поступление византийской монеты прекратилось (Нудельман 1985:115—116; Травкин 1995: 10). Исследователи справедливо отмечают, что византийская монета перестала поступать в районы к северу от Дуная после прихода орды Аспаруха на Нижний Дунай, когда в Карпато-Поднестровье наступил, по сути, безмонетный период (Нудельман 1985: 116). Немногочисленные находки могут быть отнесены только за счет случайного проникновения монет. Однако уже в предшествующий приходу Аспаруха период, начиная с 602 г., явно наметилась тенденция к кризису монетного обращения в регионе, к нерегулярности новых монетных поступлений. И для византийских монет VI в., и для монет 602—685 гг. период анахронического обращения в регионе определен С.Н.Травкиным VIII—IX вв. (Травкин 1995: 10). Таким образом, византийская монета VII в, найденная в Алчедаре, никоим образом не может удревнять догородищенский период до VII в.[3]

А. 2. Вещевой материал

Вещевой материал с поселений Екимауцы и Алчедар, довольно многочисленный и разнообразный, датирует время существования данных поселений X в. Эта дата неоспорима. Возражения вызывает, в частности у Т.В.Равдиной, нижняя и верхняя даты, определяемые Г.Б.Федоровым. Поэтому обратим внимание именно на те вещи, которые дают возможность датировать верхнюю и нижнюю хронологические границы этих памятников.

Дата — конец IX в.—начало X в. предлагалась Г.Б.Федоровым, исходя из находок дирхемов, алчедарской шпоры, шейной серебряной гривны, архаической медной лунницы, глазчатых полихромных пастовых бус и др. предметов (Федоров 1953: 110). На мой взгляд, как о нижней дате можно говорить не о конце IX в., но, как минимум, о середине IX в. Практически все предметы из Екимауц и Алчедара исследователи датируют, ссылаясь на аналогии этим вещам на территории Древней Руси, не учитывая, что многие из них на территориях к западу от Карпато-Поднестровья начинают бытовать раньше, и соответственно поступать эти вещи могли в исследуемый регион именно оттуда.

Шпора каролингского типа, найденная на Алчедаре (Федоров 1960: 284—285), датируется А.Н.Кирпичниковым IX в., но могла, по его мнению, относиться и к докаролингским формам (Кирпичников 1973: 57), что еще более удревняет эту находку.

Серебряная шейная гривна из гладкого толстого дрота, с замком в двойную петлю с усами, украшенная сканью, при публикации датировалась Г.Б.Федоровым IX—X вв. (Федоров 1960а: 39, рис.18). Т.В.Равдина, ссылаясь на аналогичную находку в Юрковецком кладе, также датирует алчедарскую гривну X в. (Равдина 1988: 56). Но, например, заслуживает внимание тот факт, что многочисленные аналогии гривнам данного типа в Северной Европе датируются IX в. и даже более ранним временем (Фехнер 1967: 75—76). Однако на то, что алчедарская гривна может быть датирована IX в. указывают гораздо более близкие территориально аналогии в Венгрии, Трансильвании и непосредственно на территории Молдовы—находка в кладе Рэдукэнень (Horedt 1958: 139, fig.28; Teodor 1980: 413, fig.6,1). Как мы уже отмечали, Д.Теодор датировал клад последней четвертью IX — первыми двумя десятилетиями X в., исходя из приведенных аналогий украшений клада, причем именно из Восточной Европы (русских кладов 2 группы по Г.Ф.Корзухиной). Младший дирхем в кладе Рэдукэнень дает дату после 809 г. Рэдукэненский клад по подбору предметов полностью тождественен набору стилистически единых украшений на Екимауцах и Алчедаре. Но на этих памятниках мы видим сплошную серию дирхемов, принадлежащих трем правителям, следующим один за другим, охватывающих период с 892 по 943 гг. Это косвенным образом свидетельствует о том, что Рэдукэненский клад был зарыт до поступления в регион новой серии дирхемов 892-907 гг. чеканки. Таким образом, есть основания для датировки Рэдукэненского клада и более ранним временем, чем последняя четверть IX в. Так же датируется и гривна из состава это-

[3] В соответствии с нашей интерпретацией древностей типа Екимауцы-Алчедар как принадлежащих летописным тиверцам — недавним мигрантам с Западных Балкан (Тервунии письменных источников) (Рабинович 1997), «неожиданное» появление двух указанных монет в нашем регионе может быть объяснено следующим образом. Тервуняне-тиверцы «прихватили» их с собой из региона, в котором интенсивное монетное обращение во время миграции засвидетельствовано и нумизматическими, и письменными источниками.

го клада. Учитывая территориальную близость Рэдукэнень и Алчедара и аналогичность по составу украшений, можно предположить, что алчедарская гривна также может относиться к IX в.

Медная лунница с язычком, форма которой, по мнению Г.Б.Федорова, архаична и характерна для времени до X в. (Федоров 1953: 110). Эта находка возможно восходит к широко известным для римского и раннесредневекового времени трехрогим лунницам (Каргопольцев, Бажан 1993).

Калачевидные кресала с язычком — многочисленная категория находок на кольцевых городищах, имеет широкий период бытования в Восточной Европе — до 1175—1177 гг. в Новгороде (Колчин 1982: 163; Лесман 1984: 138). В Новгороде они появляются с X в., к западу от Карпато-Поднестровья на Среднем Дунае они ø èõîëî ôàñîöèðîâàíû ñ IX â. (śoś 1963: 248, pl.LIV, 8; 252, pl.LVI, 9; 271, pl.LVIII, 1; Hruby 1955: 119, obr.14,3,7). Но и на Северо-Западе Руси калачевидные кресала с язычком, возможно, появляются в IX в. В хронологической системе Юго-Восточного Приладожья О.И.Богуславского, основанной на совстречаемости типов вещей в погребальных комплексах, калачевидные кресала с язычком появляются в период «D1» (890-е—920-е гг.) (Богуславский 1991).

Серебряные тисненые изделия с зернью и наиболее важный их составляющий компонент на памятниках типа Екимауцы — височные кольца или серьги типа I,1 (по Е.Ю.Новиковой) или типа «С» (по типологии «волынских» серег С.С.Рябцевой) (Новикова 1990; Рабинович, Рябцева 1997; Рябцева 1999). Г.Б.Федоров относил их появление в Карпато-Поднестровье к X в., исходя из датировки второй группы Русских кладов (по Г.Ф.Корзухиной), где встречаются украшения подобного типа. По-видимому, он не знал о существовании Рэдукэненского клада и массивов височных колец этого типа на Балканах и в Польше. Рэдукэненский клад содержит полный репрезентативный набор тисненых украшений и серег Екимауцкого типа и дает дату, определяемую поздними дирхемами — после 809 г. и, как мы уже говорили, предположительно до 892—907 гг. Датировки височных колец Екимауцкого типа (типы I,1 по Е.Ю.Новиковой и «С» С.С.Рябцевой) на Среднем Дунае и Балканах — разброс мнений: от середины VIII до середины X вв. (Hruby 1955: 229; Jurić 1986: 263—264; Рабинович, Рябцева 1997; Рябцева 1999). В Польше височные кольца интересующего нас типа встречаются в кладах, датируемых от середины IX до середины XI вв. (Koćka—Krenz 1993: 83—84). У нас нет оснований сомневаться, что серебряные тисненые изделия с зернью и, в частности, височные кольца екимауцкого типа начали появляться в Карпато-Днестровских землях намного позднее конца IX в.

Различные виды оружия, найденные на Екимауцах и Алчедаре, представлены древнейшими на территории Восточной Европы типами, и в большинстве случаев они могут с большой вероятностью относиться ко времени ранее X в. На Екимауцах и Алчедаре присутствуют три типа наконечников стрел (38, 39, 56 по А.Ф.Медведеву), период бытования которых начинается не позднее начала VIII в., и, что особенно важно, заканчивается в IX в. На период VIII—IX вв. приходится начало использования еще 20 типов (типы 2; 8.1; 42; 44; 45; 48; 53; 55; 57; 60.2; 61; 63; 71; 78.1; 82; 97.1; 99; костяные подражания железным наконечникам типов 40; 41; 46) (Медведев 1966). Найденное в Екимауцах перекрестье сабли (тип IA по А.Н.Кирпичникову), датированное Г.Б.Федоровым X—началом XI вв. (Федоров,Чеботаренко 1974: 90—92; Кирпичников 1966: 94—95), относится ко времени раньше начала X в.[4]

Можно привести аргументы в пользу датировки не позднее IX в. и наконечников копий типов IIIA и V (по А.Н.Кирпичникову) и боевых топоров I, II, III типов (по А.Н.Кирпичникову), найденных на Екимауцах (Кирпичников 1966а)[5].

Несколько слов о верхней дате существования кольцевых городищ типа Екимуцы-Алчедар исходя из хронологии вещевого материала. Этот вопрос имеет значение для раскрытия нашей темы. Ведь на этих памятниках нет дирхемов позднее середины X в. Т.В.Равдина ограничивает время существования Алчедара серединой 60-х гг. X в. и пишет, что на

[4] В Екимауцах были найдены перекрестье и навершие сабли. Условия находки точно не известны: или из слоя городища, или из шурфа, сделанного И.М.Самойловским на валу. Тип перекрестья — IA, тип навершия — I (по А.Н.Кирпичникову). А.Н.Кирпичников предполагает, что перекрестье и навершие от двух разных экземпляров (Кирпичников 1966: 94—95). Близкое по типу перекрестье сабли, прямое с шарообразными увенчаниями на концах, найдено на городище Фунду Херций в Запрутской Молдове (Petrescu-Dîmboviţa, Teodor 1987: 36, 53, fig.33/7). Впервые появившись в VIII-IX вв. в евразийских степях, на Руси сабли распространяются с X в., но уже в X в. перекрестья этого типа, восходящие к аварским прототипам, здесь вытесняются другими формами (Кирпичников 1966: 68). Поэтому можно предположить, что перекрестье сабли из Екимауц, также как и перекрестье из Фунду Херций, относится ко времени ранее X в. Аргумент: перекрестье из Фунду Херций найдено в комплексе (жилище 5) с керамикой исключительно лепной, принадлежащем горизонту типа Хлинча I (Луки Райковецкой) (Petrescu-Dîmboviţa, Teodor 1987: 36).

[5] а) Копья. На Екимауцах найдены копья двух типов по типологии А.Н.Кирпичникова: типов IIIA и V (Кирпичников 1966а: 76—77; Федоров 1953: 109). А.Н.Кирпичников отнес эти находки к X — началу XI вв. исходя из контекста общей датировки городища Екимауцы Г.Б.Федоровым. В Карпато-Днестровских землях копья типа IIIA, кроме Екимауц, найдены на

городище Алчедар не найдено ни одного предмета XI—XII вв. (Равдина 1988: 65, 67). С этим мнением нельзя согласиться хотя бы потому, что и на Екимауцах и Алчедаре известны вещи, период бытования которых начинается позднее указанного времени. Г.Б.Федоров приводит перечень таких предметов: шиферные пряслица, имеющие диаметр отверстия 0,8 см — Рудь; кресала овально-удлиненной формы — Лукашевка, Рудь и Алчедар (Федоров 1974; Федоров, Чеботаренко 1974: 85; Равдина 1988: 55); обломок цилиндрического замка с поперечной ключевой щелью (тип Б по классификации Б.А.Колчина) — Екимауцы, р. XXXVIII, пл.6, бровка (Федоров 1974). Б.А.Колчин датирует их появление в новгородских слоях с начала XII в., Ю.М.Лесман—с 1055 г. (Колчин 1982: 162, рис.3; Лесман 1984: 138). На кольцевых городищах Екимауцы, Алчедар и Пояна присутствуют 41 тип и на Алчедаре 83 тип наконечников стрел (по А.Ф.Медведеву), распространенных с XI в.

А.3. Керамика

Эта категория находок чрезвычайно важна для датировки кольцевых городищ, особенно ее нижней хронологической границы. Именно присутствие лепной керамики на городищах Екимауцы и Алчедар давало основание Г.Б.Федорову связывать догородищенский период на этих поселениях с местным населением VI-IX вв. Сенсационным стало заявление Т.В.Равдиной, обработавшей коллекцию керамики с Алчедара: «При датировке городища исключается IX в., поскольку отсутствует лепная славянская керамика и уже нет грубой раннекруговой керамики» (Равдина 1988: 63). На самом крупном, основном раскопе № 29 на Алчедарском городище обнаружено 125 фрагментов лепной посуды: один из них — трипольский, а 124, по заключению А.И.Мелюковой, относятся к эпохе фракийского гальштата (Равдина 1988: 57).

Рассмотрим ситуацию на двух самых важных кольцевых городищах — Екимауцы и Алчедар. Нужно принять во внимание, что и время основания городищ и весь комплекс вещевого инвентаря и керамики всеми без исключения исследователями признается полностью тождественным (Федоров 1960: 182; Равдина 1988: 66).

На Екимауцах найдено около 40 тыс.фрагментов керамики. Из них к керамике, которая, судя по описанию, может быть принята за лепную славянскую (типа Корчак? типа Луки-Райковецкой?), отнесено автором раскопок всего 10 фрагментов. И лепной, и раннегончарной керамики на Екимауцах найдено 70 фрагментов. Г.Б.Федоров пишет: «Оба вида этой керамики найдены только в нижнем горизонте культурного слоя, под основным слоем X—XI вв., но и в нижнем горизонте они не составляют сколько—нибудь заметной части керамического комплекса. Керамика обоих типов вместе взятая составляет не свыше одной сотой процента всей керамики городища» (Федоров 1960: 181, 280). Считать, что городище Екимауцы «выросло» из предшествующего поселения культуры типа Луки-Райковецкой VIII-IX вв., нет никаких оснований. Также полагал и И.И.Ляпушкин (Ляпушкин 1968: 34). Однако присутствие, хотя бы и в столь небольшом количестве, лепной и раннегончарной керамики типа Луки-Райко-

поселениях Фунду Херций, Тудора и Кирчешть. Копья этой группы в средневековой Европе распространены повсеместно с VIII в. На территории Руси они представлены с IX в., но есть экземпляры, относящиеся и к VIII в. В X в. подавляющее большинство наконечников этого типа на территории Руси локализуется в восточных районах и редко связаны со славянским населением (Кирпичников 1966а: 12—13). Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что копья типа IIIA на Екимауцах относятся к периоду ранее X в. Например, два подобных наконечника на городище Фунду Херций найдены поблизости от одного из валов и связаны с самым ранним горизонтом существования памятника, то есть относятся ко времени VIII—IX вв. С горизонтом VII—IX вв. связывает Д.Теодор и наконечники копий IIIA (по А.Н.Кирпичникову) на поселениях Тудора и Кирчешть (Petrescu-Dîmboviţa, Teodor 1987: 53; Teodor 1978: 77, fig.31, 12, 14). Более ранним временем можно продатировать и наконечники копий типа V (по А.Н.Кирпичникову), найденные в большом количестве в Екимауцах (Федоров 1953: 109; Кирпичников 1966а: 76—77). На территории Восточной Европы они появляются в VIII в. и более всего характерны для районов пограничья со степью (Кирпичников 1966а: 15—16).

б) Боевые топоры. На Екимауцах найдены боевые топоры, относящиеся к I, II, III типам (по А.Н.Кирпичникову) — чеканам, специальным боевым топорам с молотовидным обухом. Подобные найдены и на поселениях в Запрутской Молдове (Федоров 1953: 108; Кирпичников 1966а: 41, 104—108; Teodor 1978: 189; Spinei 1985: 182—183; idem 1986: 228). А.Н.Кирпичников продатировал данные топоры из Екимауц, исходя из общего хронологического контекста существования городища по Г.Б.Федорову. На Руси они действительно получили широкое распространение только с X в. Однако чеканы уже в VIII—IX вв. были широко распространены от Прикамья до Нижнего и Среднего Подунавья. Исследователи не сомневаются в восточном происхождении чеканов, и если на основную территорию Руси чеканы действительно могли попасть, будучи заимствованными от кочевников с юго-востока (Поволжье, Каспий), то на территории Карпато-Поднестровья они явно появились ранее X в. На поселениях Хангу-Нямц, Нэнешть-Бакэу, Федешть, Арборя топоры I типа (по А.Н.Кирпичникову) и найденный на поселении Тэвэдэрешть-Бакэу топор II типа (по А.Н.Кирпичникову) относятся румынскими исследователями к горизонту VII-IX вв. (Teodor 1978: 189).

вецкой в нижних слоях Екимауцкого городища может служить хронологическим индикатором времени появления населения, его создавшего — не позднее IX в.

Ситуация с анализом керамического комплекса Алчедарского городища не столь ясная, как на Екимауцах. Она осложнена тем, что городище частью своей площади перекрыло небольшие по площади поселения скифского, черняховского и раннеславянского времени – Алчедар III. Раннеславянское селище занимает площадь 250х60 м, черняховское на этом же месте занимает площадь 30х200 м. (Федоров 1960а: 262, 281, 370, табл.64). Стратиграфия поселения Алчедар III оказалась нарушенной из-за возведения земляных валов городища, построек X-XI вв. Лепная и раннегончарная керамика присутствует только в той части плато городища, которая перекрывала селище Алчедар III, на остальной части плато городища она совершенно отсутствует (Федоров 1960: 182). На всей части городища, перекрывавшей более раннее поселение, сохранялось одно и то же соотношение между древнерусской (как ее называет Г.Б.Федоров) и раннеславянской (лепная и гончарная) керамикой — 98 и 2 %. «Раннеславянская керамика встречается в Алчедарском комплексе только в нижних горизонтах, не встречается отдельно от более поздней керамики и нигде не преобладает» (Федоров 1960: 182, 281).

На основании приведенных фактов ясно, что в создании Алчедарского комплекса — городища и посада, занимавших площадь около 100 га, не могли участвовать только носители древностей поселения Алчедар III. Присутствие нового и большого массива населения, создавшего этот комплекс, в данном случае неоспоримо. Можно было бы удовлетвориться тезисом, прозвучавшим чуть выше: присутствие лепной и раннегончарной керамики на Алчедаре служит хронологическим индикатором времени создания городища — не позднее IX в.[6]

В любом случае наличие 2% раннеславянской лепной и раннегончарной керамики на части площади Алчедарского городища (Т.В.Равдина, напомню, это отвергает) не является доказательством генетической связи между ее горизонтом и ранним горизонтом городищ. В то же время, мы отвергаем довод Т.В.Равдиной о том, что в датировке городища исключается IX в., поскольку отсутствует лепная славянская керамика и уже нет раннекруговой керамики. Он изначально основан на убеждении, что круговая керамика кольцевых городищ является генетическим продолжением развития местной керамики типа Луки-Райковецкой в регионе.

Б. Время подчинения Карпато—Днестровских земель Киевской Руси

Вопрос о времени подчинения территории современной Молдовы Киевской Руси решается исследователями на основании анализа данных письменных источников, а именно сообщений русских летописей о взаимоотношениях киевских князей и населения Поднестровья — тиверцев и уличей. Однако сведения эти столь отрывочны, скудны, неопределенны и потому допускающие различные толкования, что мнения исследователей по этому поводу давно разделились. Разброс мнений о времени подчинения — от догосударственного периода Древней Руси до 40-х гг. X в. Но, как мне кажется, только анализ упомянутых летописных сообщений мало продуктивен для решения обозначенного вопроса. Проблему подчинения уличей и тиверцев Киевской Руси необходимо решать только в контексте международной политической ситуации IX—X вв. (Рабинович 1997: 6).

Вопрос о времени подчинения летописных уличей и тиверцев киевским князьям имеет давнюю двухвековую историографию. Пристальное внимание ему уделяют и те археологи, которые напрямую связывают распространение археологических культур (Лука-Райко-

[6] Однако необходимо, как мне кажется, обратить внимание на характер и происхождение селища Алчедар III. Керамика его не опубликована, «более или менее» закрытых комплексов, за исключением одной полуземлянки, нет. Исследователи раннеславянских древностей региона игнорируют сведения о нем. Это селище интересно ввиду следующих обстоятельств: 1) возможно с культурным горизонтом селища связаны находки ножа с волютообразным навершием и шпоры каролингского типа; 2) описание полуземлянки № 1, исследованной Г.Б.Федоровым и относящейся, по его мнению, к раннеславянскому горизонту селища Алчедар III. Стенки полуземлянки обмазаны глиной. Наземные стены сделаны из жердей, переплетенных прутьями и обмазанных глиной. В качестве отопительного сооружения использовался очаг или печь, сделанные из глины (Федоров 1960: 283). Описанный тип жилищ совершенно не характерен для региона в период VI-IX вв. Стены полуземлянки бывают обычно срубной или столбовой конструкции, отопительное устройство — печь-каменка. Описанная конструкция напоминает наземные и полуземные сооружения, открытые и описанные Г.Б.Федоровым на городищах и посадах городищ Екимауцы и Алчедар и характерные для X-XI вв. 3) Керамика в полуземлянке 1 двух типов: круговая, хорошего качества, типично городищенская, с примесью слюды в тесте (23 фрагмента) и 10 фрагментов керамики, тоже круговой, худшего качества, но тоже с примесью слюды в тесте. (Федоров 1960: 284). Описание конструкции полуземлянки и ее инвентаря заставляет предполагать, что или полуземлянка не принадлежит горизонту селища Алчедар III, или селище Алчедар III, даже если оно и предшествовало созданию городища, не связано с горизонтом древностей культуры типа Луки-Райковецкой в регионе.

вецкая, древнерусская) в Карпато-Поднестровье с распространением власти молодой киевской государственности.

Идеи о том, что тиверцы входили в состав Руси еще в ее догосударственный период, придерживаются И.П.Русанова и Б.А.Тимощук. Они ссылаются на сообщение греческого патриарха Фотия (866 г.) о том, что Русь решилась «поднять оружие на Римскую державу» после того, как она «покорила окрестные народы», т.е. народы, жившие у границ Византии (Русанова, Тимощук 1981: 36). Заметим, к этим «окрестным народам» вряд ли можно отнести тиверцев, поскольку Византию от Нижнего Дуная в это время отделяло Первое Болгарское царство, во второй половине IX в. неуклонно усиливающееся. Да и смысловой контекст летописного сообщения 885 г. «о рати» тиверцев с князем Олегом не дает никаких оснований считать, что тиверцы ранее покорялись Киеву.

Под 885 г. летопись сообщает, что Олег уже «обладает» рядом племен, а с уличами и тиверцами «имяше рать» (ПВЛ 1950: I, 20—21). Летопись ничего не сообщает об итогах этой борьбы. Мнения исследователей на этот счет разделились. При решении вопроса, чем окончилась рать Олега с уличами и тиверцами в 885 г. они рассматривают его исключительно в контексте внутренних дел Киевского государства, забывая, что уличи и тиверцы «соседили» не только с Киевом, но и с I Болгарским царством, кочевниками Причерноморья. Рассмотрим эпизод 885 г. в контексте «международной» политической ситуации.

Политическая ситуация в регионе в этот период определялась дипломатической или вооруженной борьбой Византии с Болгарским царством и вмешательством в их борьбу кочевников — венгров и печенегов. В 30-е гг. IX в. венгры объявляются в причерноморских степях восточнее Днепра и сразу же начинают использоваться Византией против болгар на Нижнем Дунае (Продолжатель Амартола). В 80-е гг. IX в. венгры под давлением печенегов переселяются на запад в т.н. Ателькузу —степной район между Днепром, Сиретом и Нижним Дунаем (Регинон, Константин Багрянородный) (История Венгрии 1971: 92—93; Шушарин 1961: 135; Константин Багрянородный 1991: 159—167). Учитывая ряд исторических обстоятельств и лингвистические изыскания, можно достаточно обоснованно предполагать, что основной район локализации венгров в Ателькузе — это область Днестровско-Дунайских земель (Трубачев 1961: 189—190; Рабинович 1997). Вслед за венграми на Нижнем Дунае объявляются и печенеги, ставшие союзниками болгар. В 896 г. печенеги своими нападениями на нижнедунайские стоянки венгров заставили последних уйти в Среднее Подунавье (История Венгрии 1971: 93—95; Константин Багрянородный 1991: 161; Шушарин 1961: 171).

О переселении венгров в Паннонию сообщают «Повесть временных лет» и венгерские источники. В отличие от русской летописи и Венгерского Анонима, другие венгерские источники — Хроника Кезаи и Иллюстрированная хроника Кальти путь венгров в Паннонию показывают через перевалы Юго-Восточных Карпат и Трансильванию (ПВЛ 1950: I, 14, 21; Шушарин 1961: 140—144, 148—149,157). То есть часть венгерских племен, направляясь в Трансильванию, должна была пройти через земли уличей и тиверцев, скорее всего та часть, которая располагалась в Ателькузе и выступала союзником Византии в боевых действиях против болгар на нижнем Дунае.

Совершая поход против уличей и тиверцев в 885 г., Олег может быть, и добился успеха, но вряд ли смог его закрепить, поскольку с 886 (889) г. в этом районе прочно обосновываются венгры. Намек на то, что венгры покорили население Восточного Прикарпатья, содержится в известии Иллюстрированной хроники Кальти, которая как раз и «проводит» путь венгров в Паннонию через Трансильванию. После 885 г. летописи ничего не сообщают о внешнеполитической деятельности Олега. Только в 907 г. Олег идет походом на Византию, то есть только тогда, когда венгры — союзники Византии ушли за пределы Карпато-Поднестровья.

Следующее летописное сообщение о походе 907 г. Олега на Византию, в котором тиверцы приняли участие, позволяет констатировать равную вероятность подчинения или независимости тиверцев от Киева на начало X в. (ПВЛ 1950: I, 2—24). Уличи в походе не участвуют вообще. Тиверцы участвуют на правах, определяемых словом «толковины». Любая из существующих в историографии трактовок этого слова предполагает скорее добровольное участие тиверцев в походе. Анализ политической ситуации свидетельствует о независимости этого района от киевских князей. В конце IX — первой трети X в. чрезвычайно усилилось Первое Болгарское царство (РГБ 1985: 166—170). Тот факт, что южная часть Бессарабии, а, возможно, и центральная, вошли в этот период в состав Болгарии, неоспорим. Однако письменные источники даже не намекают ни на военные столкновения болгар с русскими князьями, ни на дипломатические отношения между ними, ни на общие границы. А последние неминуемо должны были возникнуть, если бы Олегу были подчинены уличи и тиверцы, жившие в Карпато-Поднестровье[7].

Только после смерти болгарского царя Симеона (927 г.) и начала ослабления Болгарии

[7] Вновь возникает вопрос: «В каком качестве тиверцы участвуют в походе русских в 907 г.?» Независимо от объяснения слова «толковины» думаю, что это было или добровольное участие, или подневольное, но при условии, что «нажим» на тиверцев могли оказать и Русь, и Болгария. Вряд ли можно

русские князья могли относительно спокойно заняться покорением уличей и тиверцев. Именно последующие летописные известия 940 г. (об осаде города уличей Пересечена воеводой Свенельдом) и 944 г. (об участии тиверцев в походе князя Игоря на греков) говорят о подчиненности Киеву уличей и тиверцев (НПЛ 1950: 109—110; ПВЛ 1950: I, 33—34). «Подплатежной» Киеву указана и «местность» ультинов Константином Багрянородным (Константин Багрянородный 1991: 157). Все три известия — два летописных и одно Константина — относятся к одному периоду, примерно к началу 40-х гг. X в. Можно предположить, что и уличи, и тиверцы были подчинены практически одновременно и видимо это событие не могло состояться намного ранее 940 года.

Итак, в результате двух наших экскурсов в сторону от объявленной в названии статьи главной темы мы пришли к выводам: во-первых, Карпато-Поднестровье не входило в состав Киевской Руси ранее конца 30-х гг. X в.; во-вторых, культура кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар возникла в Поднестровье не позднее конца IX в. и, что вероятно, даже не позднее середины IX в.

Поскольку по составу вещей и, в частности, ювелирному убору, Рэдукэненский клад полностью соответствует аналогичному набору на кольцевых городищах Екимауцы и Алчедар, происхождение дирхемов в составе комплекса из Рэдукэнень необходимо понять в рамках общего объяснения происхождения куфических монет в Карпато-Днестровском регионе, а это, после всего изложенного ранее, не представляется возможным. Совершенно логично предположение, что Рэдукэненский клад с соответствующим набором дирхемов был зарыт в период, когда культура кольцевых городищ типа Екимауцы—Алчедар в Карпато-Днестровском регионе уже возникла, но под власть Киевского государства последний еще не попал. Устранить противоречия и недоумения, изложенные в четырех пунктах ранее, на наш взгляд, может другая версия происхождения дирхемов в Молдове, не связанная с экспансией Киева на эти земли. Суть ее мы и излагаем ниже.

Балтийско-Днестровский путь

Как известно, на европейском континенте дирхемы получили широкое распространение, главным образом, в Восточной и Северной Европе, где они в течение всего IX и большей части X в. играли роль международной валюты. Уже в начале VIII в. началось активное движение по восточноевропейским, континентальным путям между Средней Азией, Передним Востоком и балтийско-скандинавскими областями, на что указывает заметное поступление арабского серебра на Балтику с этого времени. В то же время для арабских монет VII-VIII вв. характерны лишь единичные находки, которые изредка встречаются в кладах. Начало активного обращения дирхемов в Швеции и южных областях балтийского побережья относится к середине IX в. (Херрман 1986: 62, 77; Даркевич 1985: 388; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 218; Гензель 1986: 324). Ранние клады арабского серебра и находки отдельных монет первой половины IX в. наиболее показательны для восточно-балтийской зоны. Это не удивительно, ведь арабское серебро поступало в сферу балтийской торговли (в частности, на Бирку и Готланд) через Старую Ладогу, по Волжскому пути из Передней и Средней Азии (Херрман 1986: 99). Некоторые исследователи полагают, что именно насыщенность восточноевропейского обращения куфической монетой вызвало ее усиленный транзит на запад. Называются такие цифры: примерно 60-70% поступившего на Русь серебра оставалось в денежном обращении Древней Руси, 30-40% поступало в обращение на Балтику (Даркевич 1985: 388—389; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 218). Не оспаривая этот вывод, интереснее обратить внимание на другое: различие в количестве кладов, содержащих дирхемы. В Восточной Европе их количество колеблется от 250 до 300, в то время как в балтийском регионе число кладовых комплексов превышает 1500 (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 218; Даркевич 1985: 388; Херрман 1986: 82).

Значительным было число кладов, содержащих куфические монеты, и на севере Центральной Европы, в частности, в бассейне Вислы (Гензель 1986: 324; Kośka—Krenz 1993). В Центральную Европу дирхемы попадали как из скандинавских центров, из районов Польского и Восточно-Германского Поморья, так и по традиционным раннесредневековым путям, связывавшим Русь с этим регионом, например, по маршрутам: Киев — Краков — Прага или более северному Гнездово — Гнезно — Бранденбург (Херрман 1986: 42, рис.17). А.В.Фомин отмечает, что мощные импульсы восточного монетного серебра на западных рубежах Древней Руси никак себя не проявили в 60-70-е гг. IX в. Тем

отказаться от подозрений, что поход Олега на Царьград в 907 г. и, главное, заключение и проведение в жизнь условий русско-византийского договора, проходившие между двумя победоносными для Симеона болгаро-византийскими войнами, могло бы осуществиться без болгаро-русского «согласия» по этому поводу. В этой связи интересно предположение М.Н.Тихомирова, что Олег участвовал в походе царя Симеона на Константинополь в 922 г. (Тихомиров 1947: 143).

ценнее его наблюдение по поводу того, что «на рубеже IX и X вв. в междуречье Припяти, Буга и Вислы, на ключевом отрезке пути из Руси в Центральную Европу, наблюдалась неожиданная концентрация кладов с дирхемами, ранее отсутствовавших в этой области» (Фомин 1993: 78). А.В.Фомин объясняет активную торговлю серебром, как и вообще усиливающуюся международную торговлю с западом в этот период деятельностью киевского князя Олега. Независимо от причин появления кладов с дирхемами в междуречье Вислы, Буга и Припяти в конце IX в., с ними видимо, можно связать и появление Рэдукэненского клада в Запрутской Молдове. Собственно концентрированное появление единичных находок дирхемов на городищах Екимауцы и Алчедар также может быть связано с обилием кладов, содержащих дирхемы, в бассейне Вислы. Таким образом, вновь встает вопрос о времени начала функционирования Днестровского торгового пути (Новикова 1990; Рабинович 1997).

Далеко не только данные нумизматики позволяют ставить вопрос о функционировании Днестровского торгового пути для периода IX—X вв. Днестр являлся важной составной частью так называемого второго пути «из варяг в греки» (Черное море — Днестр — верховья Западного Буга — Висла — Балтийское море), связывавшего Карпато-Днестровские земли с Северной и Западной Европой. Об этом могут свидетельствовать данные по металлургическому производству и ювелирному ремеслу.

Металлургия. Масштабы металлургического производства в Карпато-Поднестровье в период IX—X вв. были настолько велики, что даже не укладываются в рамки привычного восприятия. Практически на всех памятниках, подвергнувшихся раскопкам, обнаружены следы мощного железоделательного производства, на многих из них выявлены остатки десятков сооружений для получения железа. Металлургия была основным занятием не только жителей городищ и окружающих их селищ, но и неукрепленных селищ практически на всей изучаемой территории. На выплавке металла в IX-X вв. специализировалась вся область северной и центральной части Молдовы, вероятно находившаяся в системе кооперирования с окружающими территориями. На мысль о кооперировании наталкивает не только несоответствие масштабов металлопроизводства и незначительного количества железного инвентаря на рядовых производственных поселениях, но и вопрос о сырье. Для таких масштабов производства необходима в большом количестве железная руда — сырье почти «экзотическое» для Молдовы (Рабинович 1997: 12)

Имеются три возможных пути для поступления сырья (Рафалович 1972: 178). 1. Привозная руда с месторождений в Карпатах и на Верхнем Днестре. В пользу такого объяснения говорят крупные запасы железной руды, найденные на поселениях и сам масштаб выплавки железа. 2. Использование местных болотных руд. Небольшое количество болотной руды было найдено на селище Лимбарь. Однако геологи отрицают возможность существования в Молдове сколько-нибудь значительных запасов болотной руды. 3. Использование железистых включений, встречающихся в виде желваков в лессовидных суглинках на севере республики. Добыча их была бы слишком трудоемкой и невыгодной. Таким образом, первый способ поступления железной руды в регион — привозная руда — наиболее вероятен, в связи с чем роль Днестра как торговой артерии выступает четко и бесспорно.

Ювелирное ремесло. В Карпато-Поднестровье в IX-X вв. выделяется яркостью ювелирный убор серебряных тисненых изделий с зернью — серьги, лунницы, круглые медальоны, бусины и т.д. Полный набор этих украшений в Карпато-Поднестровье представлен только в кладе Рэдукэнень и на памятниках типа Екимауцы—Алчедар, на которых они и производились (Федоров 1953; Рабинович, Рябцева 1997). Для этих памятников характерны «волынские» («екимауцкие») серьги типа «С» по типологии С.С.Рябцевой. За пределами Карпато-Днестровских земель насыщенность серег типа «С» наблюдается в двух регионах: в Польше и на Балканах. На Балканах эти украшения встречаются преимущественно в могильниках и на поселениях (Jurić 1996)[8], а в Польше их находят только в кладах (последних не менее 22-х) «рубленого серебра» по течению Вислы (Koćka—Krenz 1993). Можно предположить, что часть серег из Екимауц в целом или фрагментированном виде отправлялась по Днестру вверх, достигала устья Вислы (Новикова 1990; Рабинович, Рябцева 1997).

Учитывая, что именно Екимауцы были центром производства серег типа «С», которые встречаются в кладах «рубленого серебра» по Висле на пути к Балтийскому морю, можно предположить: проникновение дирхемов в Карпато-Поднестровье связано с функционированием Днестровского пути. Тогда становится понятным присутствие дирхемов только на памятниках типа Екимауцы—Алчедар в этом регионе, то есть только на тех памятниках, где и найдены серьги типа «С». Большая доля пробитых монет среди них, их фрагментированность заставляет сомневаться, что их основная роль — использование в качестве средств об-

[8] С районом Западных Балкан, где были распространены серьги типа «С», и связывается автором гипотеза о миграции населения, оставившего в Карпато-Днестровских землях яркую и выразительную культуру кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар (Рабинович 1997).

ращения и платежа. Учитывая масштабы ювелирного производства на Екимауцах, а также составы кладов «рубленого серебра» на Висле, наиболее вероятно предположение, что дирхемы на памятниках Екимауцы использовались только в качестве сырья для местного ювелирного производства. Серебро для Молдовы — сырье еще более экзотическое, чем железная руда. К тому же исследования в других регионах показали, что арабское монетное серебро служило сырьем для изготовления украшений (Херрман 1986: 82). Возможно, завоевание Киевской Русью Карпато-Днестровских земель внесло свои коррективы в характер поступления сюда куфических монет. Достаточно реально предположение, что как раз после этого они сюда больше и не поступали.

У читателя, конечно же, может возникнуть вопрос: а как же «подольская версия» А.А.Нудельмана? Ведь на Подолье все же найдены три клада, содержащие дирхемы и синхронизирующиеся по датировке с екимауцкими дирхемами. На наш взгляд возможно следующее объяснение. Судя по распространению специфических для памятников типа Екимауц элементов материальной культуры кольцевых городищ — фортификации, керамики со слюдой, височных украшений типа «С», погребальной обрядности — ареал этой культуры, помимо молдавского Поднестровья, охватывал и соседние восточные области Буковины (Хотинскую возвышенность), и бассейн среднего течения Южного Буга — области расселения летописных тиверцев (Рабинович 1997: 11-13, 15-16). В частности, один из кладов — Копиевский, — помимо дирхемов содержал огромное количество серег типа «С» (22 из 27), больше чем какой-либо другой клад вообще (Лінка-Геппенер 1948; Корзухина 1954; Новикова 1990; Рабинович, Рябцева 1997)[9].

И, видимо, происхождение куфических монет в Карпато-Днестровских землях не имеет отношения к вхождению этой территории в состав Киевской Руси, имевшим место в конце 30-х гг. X в. Культурно-исторический контекст дирхемов в Молдове связан исключительно с памятниками специфической материальной культуры кольцевых городищ типа Екимауцы—Алчедар, пришлой и не имеющей корней в этом регионе, возможно, принадлежавшей мигрировавшему сюда с Балкан не позднее конца IX в. населению — летописным тиверцам. Дирхемы поступали в Молдову по Днестру — важной составной части так называемого второго пути «из варяг в греки» (Черное море — Днестр — верховья Западного Буга — Висла — Балтийское море), связывавшего Карпато-Днестровские земли с Северной и Западной Европой. Дирхемы в Молдове не использовались в качестве средств обращения и платежа. Они поступали сюда как сырье для местного ювелирного производства серебряных тисненых украшений, в частности, серег типа «С» (по типологии «волынских» серег С.С.Рябцевой). Частично, готовые украшения по этому же пути переправлялись на север, по направлению к Южной Балтике, что иллюстрируется концентрацией серег типа «С» в 22-х кладах «рубленого серебра» в бассейне Вислы. Вероятно, что дирхемы поступали в Молдову именно с этой территории, то есть осуществлялся обмен сырья на готовую продукцию. Возможно, распространение власти киевских князей на территорию Поднестровья внесло свои коррективы в сложившийся порядок поступления сюда дирхемов, что сказалось негативно на поступлении в этот регион восточного монетного серебра.

ЛИТЕРАТУРА

Богуславский О.И.1991.К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX-XII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., с.99-114.

Гензель В. 1986. Культура и искусство Польского Поморья в эпоху раннего средневековья (VII-XI вв.) // Славяне и скандинавы. М., с.313-338.

ДКМ 1974 — Древняя культура Молдавии. Кишинев.

Даркевич В.П. 1985. Восточная торговля // Древняя Русь. Город. Замок. Село. — Археология СССР. М., Наука, с.388-391

История Венгрии.1971. В 3-х тт. Т.I. М. 644 с.

Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А.1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III—VI вв.) // ПАВ, 7, с.113—121.

Кирпичников А.Н.1966.Древнерусское оружие. Вып.1. Мечи и сабли IX-XIII вв. САИ Е1-36, М.-Л.,176 с.

Кирпичников А.Н.1966а. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. САИ Е1—36, М.-Л., 146 с.

Кирпичников А.Н.1973.Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. САИ Е1—36, Л., 140 с.

Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени). // Славяне и скандинавы. М., с.189-298.

Колчин Б.А. 1982. Хронология новгоодских древностей. // Новгородский сборник. М., с. 156-177.

Константин Багрянородный.1991.Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. Изд.2. М., 496 с.

Корзухина Г.Ф. 1954. Русские клады IX-XIII вв. М.-Л.

Котляр М.Ф. 1971. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ.175 с.

Лесман Ю.М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л., с.118-153.

Лінка-Геппенер Н. 1948. Копиївский скарб // Археологія, II, Київ, с.182-191.

Ляпушкин И.И. 1968. Славяне Восточной Европы на-

[9] К сожалению, Н.Ф.Котляр, отметив три указанных клада на карте, раскодировал в указателе название местонахождения только одного из них — Копиевского (Котляр 1971: 170, карта 1).

кануне образования Древнерусского государства (VIII-первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. МИА СССР, 152, Л., 192 с.

Медведев А.Ф.1966.Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. САИ Е1-36, М., 183 с.

НПЛ 1950 — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов.1950. М.-Л., 651 с.

Новикова Е.Ю. 1990. О серьгах «екимауцкого типа» // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). Тр.ГИМ, 74, с.107-117.

Нудельман А.А.1 976. Топография кладов и находок единичных монет. АКМ, вып.8. Кишинев, 196 с.

Нудельман А.А. 1985. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времен до образования феодального Молдавского государства). Кишинев, 183 с.

ПВЛ 1950 — «Повесть временных лет».1950. Ч.I, II. Подготовка текста, статьи и комментарии Д.С.Лихачева. М.-Л.

Рабинович Р.А. 1997. Карпато-Днестровские земли во второй половине IX — первой половине XIII вв. (историко-археологическое исследование). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 18 с.

Рабинович Р.А., Рябцева С.С. 1997. Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X-XI вв. // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб-Кишинёв, с. 236-245.

Равдина Т.В. 1988. О датировке городища Алчедар. // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, с.54-71.

Раннефеодальные государства на Балканах VI-XII вв. 1985. М., 364 с.

Рафалович И.А.1972. Славяне VI-IX веков в Молдавии. Кишинев, 244 с.

Русанова И.П.,Тимощук Б.А. 1981. Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 144 с.

Рябцева С.С. 1999. «Близнецы» или «двойники». О сходстве и отличии волынских и прикамских сеrег. // Stratum Plus, No 5.

Тихомиров М.Н.1947.Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., с.125-201.

Травкин С.Н. 1995. Монеты на территории Бессарабии в эпоху средневековья (из истории денежного обращения Юго-Восточной Европы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 17 с.

Трубачев О.Н. 1961. О племенном названии «уличи». // ВСЯ, вып.5, с.186-190.

Фехнер М.В. 1967. Шейные гривны. // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Тр.ГИМ, 43, с.55-87.

Федоров Г.Б. 1952. Тиверцы // ВДИ, 2, с.250-269.

Федоров Г.Б. 1953. Городище Екимауцы. // КСИИМК, 50, с.104-126.

Федоров Г.Б. 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. - МИА, 89, М., 380 с.

Федоров Г.Б. 1960а. Работы Прутско-Днестровской экспедиции 1957 г. // КСИА, 81, с.38-42.

Федоров Г.Б. 1968. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г. // КСИА, 113, с.85-93.

Федоров Г.Б. 1974. Население Прутско-Днестровского междуречья и левобережья Нижнего Дуная в конце I и начале II тысячелетия н.э. — Рукопись. Хранится в библиотеке Высшей Антропологической Школы (Кишинёв, Молдова).

Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. 1974. Памятники древних славян (VI—XIII вв.). АКМ, вып. 6, Кишинев, 136 с.

Фомин А.В. 1993. Топография восточноевропейских кладов с дирхемами конца IX — начала X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т.Пашуто. М., с.78-79.

Херрман Й. 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона. // Славяне и скандинавы. М., с.8-129.

Шушарин В.П. 1961. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М., с.131-180.

Horedt K. 1958. Contribuţii la istoria Transilvaniei în secolele VI—XIII. Bucureşti.

Hruby V. 1955. Stare Mesto. Velkomoravske pohrebiste «Na Valach». Praha.

Jurić R. 1986. Srednjovjekovni nakit Istre i Dalmacije. // Izdanja Hrvatskog arheoloskog drustva, 11/2, s. 245-289.

Koćka-Krenz H. 1993. Biżuteria Północno-Zachodnio-Słowiańska we wczesnym średniowieczu. Poznań, 342 s.

Petrescu-Dîmboviţa M., Teodor D.Gh. 1987. Sisteme de fortificaţii medievale timpurii la est de Carpaţi. Aşezarea de la Fundu Herţei (jud. Botoşani). Iaşi,148 p.

Śoś A. 1963. Das Frühmittelalterliche Graberfeld von Keszthely-Fenekpyszta // AAH, XIII, 1-4.

Spinei V. 1985.Realitaţii etnice şi politice în Moldova Meridională în secolele X-XIII. Români şi turanici. Iaşi, 238 p.

Spinei V. 1986. Moldova in the 10th-14th Centuries. Bucureşti, 277 p.

Teodor D.Gh.1978. Teritoriul Est-Carpatic în veacurile V-XI e.n. Iaşi, 223 p.

Teodor D.Gh.1980. Tezaurul de la Răducăneni-Iaşi. // SCIVA, 31, 3, p.403-423.

Ю.Е.Варваровский

«МАМАЕВА ОРДА»

(по данным письменных источников и нумизматики)

J.E. Varvarovski. "Mamay Horde" (Based on Written Records and Numismatics)

The paper is dedicated to history of possessions owned by Mamay, the famous Horde army commander in 60-70s of XIV century. Separation of steppe territories between Don and Dniester is a logical result of the Golden Horde decay. Making references to the records, the author shows that the "Mamay Horde" was an accurate copy of Djuch's Ulus state structures. Moreover, as a brilliant representative of the traditions of the old nobility, Mamay tried to reestablish the former order. Remaining an actual ruler of the Horde, he did try to conquer Saray, the capital, many times, and to name khan from among the direct (real or would-be) descendants of Batu. The death of Mamay and decay of his Horde meant victory of new forces defending poly-central model of Eastern Europe.

Для внутреннего состояния Золотой Орды в 60-70-е гг. XIV в. отмечается существенное нарастание центробежных тенденций, выраженных, в частности, в фактическом обособлении целого ряда областей. В числе таковых оказалась и западная часть Золотой Орды — значительный участок степной полосы Восточной Европы, ограниченный в территориальном отношении междуречьем Дона и Днестра.[1] Временная самоизоляция этой провинции происходит на фоне дальнейшего возвышения на политической авансцене золотоордынского государства небезызвестного эмира Мамая.

Деятельность этого ордынского сановника вызывает у современных исследователей некоторую двойственность оценок. С одной стороны, Мамай представляется в роли крупнейшего сепаратиста данного периода, выдвигавшего собственных претендентов на ханский престол и проводившего активную завоевательную политику. С другой стороны, Мамай определяется как узурпатор, лишенный реальной социальной опоры и вынужденный прибегать к услугам временных внешних союзников (русских, литовских, итальянских и др.). Следует также отметить, что в историографии деятельность Мамая характеризуется, как правило, во внешнеполитическом аспекте и, прежде всего, — в контексте взаимоотношений с русскими княжествами. Содержание настоящей работы определяется как необходимостью рассмотрения сложившейся в указанное время внутригосударственной ситуации, так и возможностями реконструкции событий, непосредственно связанных с действиями Мамая и возглавляемой им Орды.

Письменные источники XIV-XV вв. практически не содержат каких-либо сведений биографического характера, позволяющих уточнить происхождение этого сановника. Пожалуй, наиболее ранние известия о Мамае относятся ко времени правления хана Бердибека (1357-1359). Согласно сообщению арабского автора Ибн Хальдуна, Мамай уже в это время находился в числе придворных эмиров, «управлял всеми делами», являлся удельным держателем города и области Крым, и, подобно многим высшим сановникам Улуса Джучи, состоял в родственных отношениях с верховным правителем (Тизенгаузен 1884: 389/373). Вместе с тем, определение степени достоверности этой информации остается весьма проблематичным. Аутентичные материалы правовой документации для второй половины 50-х гг. XIV в. называют имена только двух наместников Крыма — Рамадана и Кутлуг-Тимура (Тизенгаузен 1884: 350 / 340; Mas Latrie 1848: 589-593). Из той же группы источников явствует, что на протяжении 40-50-х гг. должность ханского беклярибека занимал Могалбей (Волков 1860: 216 сл.; Ковалевский 1905: 129; Памятники русского права 1955: 470; Mas Latrie 1848: 584-589, 593-595). Если же предположить, что указанная Ибн Хальдуном обязанность Мамая (управитель всеми делами) соответствует должности везира, то такая интерпретация противоречит показаниям русских летописей, где советником данного хана назван Товлубий, а также тому обстоятельству, что ни в одном из документов этого времени Мамай не фигурирует в числе высших должностных лиц государства. Наконец, один из сравнительно поздних татарских авторов передает легенду, согласно которой Мамай являлся предводителем племени кыйят, инкорпорированного в состав «правого крыла» джучидских владений (Spuler 1943: 112, n. 62).

[1] Применительно к ситуации второй половины XIV в. здесь указана оптимальная локализация западной границы.

© Ю.Е.Варваровский, 1999.

В русских источниках наиболее ранние упоминания о деятельности ордынского эмира относятся к 1361 г. Несомненно, что русские летописи в разряде сообщений об Улусе Джучи объединяют под данным годом несколько несинхронных по отношению друг к другу событий, как действительно имевших место в указанное время, так и являющихся более поздними интерполяциями. К числу последних, например, относятся сведения о выдвижении на сарайский престол хана Мюрида (1362 г.) и о последующих территориальных приобретениях Булат-Тимура. Отмеченная особенность получила явственное выражение в повествовании Рогожского летописца, где под названным годом изложены три совершенно разнородных варианта событий, произошедших после смерти Хызра. Наиболее близкая указанному времени версия, непосредственными авторами которой, возможно, выступали тверские очевидцы (Егоров 1980: 188), перечисляет следующие эпизоды: убийство хана Хызра и воцарение его «сына болшаго», смерть последнего и столь же кратковременное правление Ордумелика, очередная ордынская «замятня» при участии «старых князей» (Рогожский летописец 1965: стб. 71). Другой вариант, объединяя события по крайней мере двух лет, представляет уже менее последовательную схему: утверждение в Сарае хана Мюрида, бегство за Волгу Тимур-Ходжи и его убийство, отход за Волгу Мамая с Ордой и «всеми царицами», образование улуса Секизбея в Запьянье (Рогожский летописец 1965: стб. 71). Наконец, третье, самое распространенное повествование группирует все относящиеся к ордынской тематике события на протяжении ближайших двух-трех лет, дополняя их при этом новыми фактами и действующими лицами (Рогожский летописец 1965: стб. 70). Текстологический анализ Рогожского летописца позволяет выделить в составе его сведений по крайней мере два независимых источника: тверскую летопись или тверские известия, частично отразившие события периода 1328-1374 гг., и московский летописный свод 1408 г. Несомненно, что первая из указанных выше версий Рогожского летописца (равно как и другие оригинальные сообщения этого источника в рамках отмеченного периода) восходит к сведениям тверского протографа XIV столетия. Подверженная компилятивному синтезированию «распространенная» редакция имеет в своей основе другой источник (по-видимому, московский свод 1408 г.), и, с несущественной для общей структуры изложения вариабельностью второстепенных деталей, одинаково присутствует во многих летописных текстах XV-XVII вв. (ср., например: Рогожский летописец 1965: стб. 70; Симеоновская летопись 1913: 101; Московский летописный свод 1949: 181; Патриаршая или Никоновская летопись 1965: 233 и др.). Применительно к рассматриваемой теме особый интерес представляет вопрос о времени отмечаемого выделения Орды Мамая. Решение данной задачи, в значительной мере, взаимообусловлено с установлением причин конфронтации Мамая с сарайскими владетелями.

Как известно, непосредственное вмешательство правителей восточной части Улуса Джучи в борьбу за престолонаследие в Золотой Орде (Ак-Орде) было спровоцировано осложнением династической ситуации, создавшимся после смерти Бердибека и двух его ближайших преемников на сарайском престоле — Кульпы и Науруза (Егоров 1974: 45 сл.). С завершением завоевательных походов, прежние защитно-правовые механизмы, закреплявшие за младшими сыновьями правонаследование отцовского юрта, уже не акцентируются и не реализуются, в силу того обстоятельства, что старшие потомки не могли, как раньше, обеспечить себя новыми улусами, образованными в результате проведения военных кампаний. Указанный принцип престолонаследия, во многом подчиненный обычному правовому регулированию, был приспособлен и имел функциональную значимость лишь для «героического» периода, главная потребность которого заключалась в расширении подвластных территорий и в увеличении численности зависимого населения. В новых условиях реализация практики престолонаследия все чаще сопровождается попытками со стороны менее привилегированных членов рода добиться устранения родственников, обладающих более весомыми правовыми гарантиями. Так, в первой половине XIV в. с соизволения Узбека был убит его двоюродный брат и сын хана Токты Ильбасмыш. В момент воцарения Джанибека был устранен другой законный наследник престола — Тинибек, а приход к власти Бердибека, согласно сообщению Му'ин ад-Дина Натанзи, отмечен истреблением всех родных братьев нового хана (Тизенгаузен 1941: 129 / 234), в количестве 12-ти человек — конкретизируют это свидетельство русские летописцы (Московский летописный свод 1949: 180 и др.). При создавшейся в Ак-Орде династической ситуации, обусловленной отсутствием прямых наследников из рода Бату, на роль верховного правителя могли теперь претендовать и представители Джучидов, происходившие от линий, непосредственно не связанных с именем второго сына Джучи. Если прежде сарайские Джучиды выносили формальный вердикт утверждению в своих улусах кок-ордынских династов и потомков Шибана, то последние в 60-70-е гг. XIV в. сами активно включаются в борьбу за сарайский престол. Внутриполитическая история Улуса Джучи на всем протяжении указанного периода определялась противостоянием различных династических группировок в борьбе за верховную власть.

Все действия, предпринимаемые Мамаем на начальном этапе его политической карьеры,

характеризуют этого сановника как сторонника реставрации власти представителей «старой» династической линии. Более того, Мамай, благодаря своей женитьбе на дочери Бердибека, также был причастен к ханской фамилии. Упоминание присутствия в Орде Мамая «всех цариц» косвенно подтверждает достоверность этой информации Ибн Хальдуна. Носитель почетного брачно-социального титула «гурган» («ханский зять»), являлся вполне привлекательной фигурой для противников утверждения в Сарае выходцев из среды восточной аристократии. Достаточно отметить, что вышеназванный титул в 80-е гг. XIV в. становится обязательным атрибутом официальных обращений и монетных легенд самаркандского эмира Тимура, ставшего впоследствии основателем новой династии среднеазиатских правителей.

Пожалуй, наиболее критическая ситуация для окружения ак-ордынских владетелей возникла с приходом на Нижнюю Волгу в начале лета 1360 г. «заяицкого царя» Хызра, которого отдельные генеалогические построения связывают с родом Шибана по линии его третьего сына — Кадака (Материалы по истории Казахских ханств 1969: 37). Русские летописи под 1360 г. сообщают о «великой замятне» в Орде, сопровождаемой репрессиями со стороны нового хана: казни Науруза, его сына, матери Джанибека — Тайдулы и ордынских «князей», сопротивление «Муалбузина чади», имя предводителя которой столь напоминает влиятельного сановника 50-х гг. — Могалбея (Патриаршья или Никоновская летопись 1965: 232). Возможно, что именно эти события предрешили откочевку многих приверженцев прежней династии в единственно приемлемом западном направлении. Вероятно также, что сведения Ибн Хальдуна о победе Мамая над неким Кутлуг-Темиром (Тизенгаузен 1884: 390 / 374), называют здесь наместника Крыма 50-х гг. и отражают факт переподчинения этой провинции. Территория Северного Причерноморья становится в это время местом сосредоточения и основным оплотом всех сил оппозиции режиму восточных ставленников в Сарае.

Первое выступление Мамая против восточных династов соотносится в русских источниках с эпизодом низложения Тимур-Ходжи (конец лета — начало осени 1361 г.). Следует отметить, что некоторые летописцы называют здесь и хана Абдуллаха (Авдулу), уже в качестве признанного «царя» отложившейся Орды (Симеоновская летопись 1913: 101; Рогожский летописец 1965: стб. 70; Патриаршая или Никоновская летопись 1965: 233 и др.). Вместе с тем, во всех известных случаях данный пассаж характерен именно для изложения условно выделенной нами «распространенной» версии, что, в свою очередь, предполагает необходимость хронологической корректировки указываемого здесь события. Отмеченный выше фрагмент Рогожского летописца, как исходящий от непосредственных очевидцев событий 1361 г. в Орде, исключает из числа фигурантов соответственного эпизода и Мамая, и Абдуллаха. Участие названного «царевича» в событиях на Нижней Волге фиксируется этим источником уже под следующим 1362 г., — в рассказе о противостоянии между Кильдибеком и Мамаем, с одной стороны, и Мюридом — с другой (Рогожский летописец 1965: стб. 73). Наконец, датировка наиболее ранних сарайских монет, выпущенных от имени Абдуллаха, определяется 763 (31.10.1361 — 20.10.1362 гг.) и 764 (21.10.1362 — 9.10.1363 гг.) гг.х. (Федоров-Давыдов 1987: 111, №24; Янина 1954: 445, №99), что также указывает на поход, имевший место в конце 1362 г. и завершившийся захватом столичного центра. Скорее всего, упоминание имен ордынского эмира и его креатуры применительно к событиям 1361 г. возникло в результате отмечаемого объединения нескольких, независимых и несинхронных по отношению друг к другу свидетельств.

К осени того же 1361 г. относится начало монетной чеканки от имени нового саранского владетеля — хана Кильдибека. Возвышению этого хана во многом способствовало то обстоятельство, что он объявил себя сыном умершего Джанибека (Тизенгаузен 1941: 129 / 234; Рогожский летописец 1965: стб. 70). Политическая направленность такой декларации очевидна. Объявив себя прямым потомком этого хана, Кильдибек выступил в качестве гаранта той сильной централизованной власти, какова была при его «отце» и, одновременно, противопоставил себя восточной аристократии в лице трех предшественников на сарайском престоле (Хызра, Тимур-Ходжи и Ордумелика). Демонстрация родовой причастности к ветви Джучидов, берущей свое начало от хана Бату, позволила Кильдибеку распространить контроль на сравнительно значительную территорию, ограниченную частью Поволжья, Приазовьем и мордовскими землями.

Письменные источники не содержат каких-либо конкретных данных, позволяющих установить характер взаимоотношений Мамая с новым ханом. На протяжении 1362 г. русские летописи отмечают столкновения в Орде враждующих группировок, из которых явствует, что и Мамай, и Кильдибек вели в это время борьбу с очередным восточным ставленником — ханом Мюридом. Называемая Рогожским летописцем расстановка сил Мюрида и Кильдибека накануне решающего между ними сражения — «Хедырев сын Мурут на единой стороне Волги, а на другой Килдибек» — определяет местонахождение армии Кильдибека к западу от Волги (Рогожский летописец 1965: стб. 73). Небезынтересна в этом отношении и обнаруженная в составе Симферопольского клада пайцза, представляющая имя Кильдибека (Федоров-Давыдов 1994: 207). По-видимому, Кильдибек, а также все пос-

ледующие креатуры Мамая оказались в Крыму после отмеченных выше событий, связанных с утверждением в Сарае «заяицкого» хана Хызра. Вероятно также, что лишь после поражения и смерти Кильдибека летом или осенью 1362 г. (см. Насонов 1940: 120), в «Мамаевой Орде» состоялась инаугурация Абдуллаха, бывшего, по словам Ибн Хальдуна, «отроком из детей Узбека» (Тизенгаузен 1884: 390 / 373).

В том же 1362 г. Мамай предпринимает первую акцию, направленную на захват столичных поволжских центров. Здесь он вступает в борьбу с Мюридом, не имеющим, с точки зрения приверженцев «старой» династической линии Джучидов, законных прав на обладание верховной властью. Временный захват Мамаем джучидской столицы получил отражение в следующем пассаже русских летописей: «Бысть в та времена на Волжском царствии два царя: Авдула царь Мамаевы Орды..., а другий царь Амурат с сарайскими князи» (Патриаршья или Никоновская летопись 1965: 233). Дальнейшие итоги этой конфронтации в определениях русских авторов получают неоднозначную оценку. Если в одних источниках утверждается, что «Амурат изгоном приде на Мамая князя и многих у него татар побил», то другие летописи констатируют прямо противоположный факт (ср. Сафаргалиев 1960: 124; Патриаршья или Никоновская летопись 1965: 233). По-видимому, борьба Мамая с Мюридом на Нижней Волге не увенчалась сколько-нибудь существенной победой ордынского темника. После кратковременного захвата Сарая в конце 1362 г. Мамай возвращается в пределы западной части Ак-Орды. Возможно, что его отказ от проведения дальнейших военных операций в Поволжье был продиктован изменением политической конъюнктуры на западных рубежах ордынских владений. Именно в начале 1363 г. литовская армия Ольгерда разбивает при Синих Водах (р. Синюха, приток Южного Буга) отряды трех местных держателей улусов.

Обращают на себя внимание личности татарских «князей», участвующих в этом сражении и являющихся, по определениям белорусско-литовских источников, «отчичими и дедичими Подольской земли» (Летописи белорусско-литовские 1980: 74 / 186). Называемые здесь под 1363 г. воеводы Хачебей, Кутлубуга и Дмитрий неоднократно фигурируют в несинхронных этому событию документальных материалах. Так, Кутлуг-Буга упоминается в числе эмиров, принимавших участие в ратификации торговых договоров с венецианцами в 1347 и 1358 гг. (Mas Latrie 1848: 589, 595); указан среди должностных лиц в инструкции каирской канцелярии (Тизенгаузен 1884: 348 / 338); в тексте ярлыка Бердибека, адресованного митрополиту Алексею (Памятники русского права 1955: 470); в обращении ярлыка Токтамыша от 1382 г. и в содержании договора с генуэзцами от 1387 г., где Кутлуг-Буга назван в качестве правителя Крыма (Березин 1861: 15 / 13; Мурзакевич 1837: 55); в письме Токтамыша 1393 г. к польскому королю Владиславу Ягайле (Радлов 1888: 6). Наконец, в Рогожском летописце упоминается «Ильяс Коултубузин сын», который в 1365 г., по-видимому, в качестве посла Мамая посетил литовского князя Ольгерда (Альгирдаса) и его тверского шурина — Михаила Александровича (Рогожский летописец 1965, стб. 79). Этот же «Еллиас сын Инака Кототолобоги» титулуется как «господин Солхата» в договоре с генуэзцами, датированном 1381 г. Здесь также назван некий Мерет-Буга, чей отец — Ягалтай известен по спискам эмиров от 1347 и 1358 гг. (Desimoni 1887: 162, 165; Mas Latrie 1848: 589, 595). Упомянутый Хачебей (Хазебей, Хазибий) в дальнейшем принимал участие в битве на р. Боже в 1378 г., где он указан в числе сподвижников Мамая (Московский летописный свод 1949: 199 и др.). «Господин Деметрий, принц татарский» фигурирует в грамоте венгерского короля Людовика (Лайоша) 1368 г., обоюдно уравнивающей торговые привилегии брашовских купцов и их партнеров из «страны Деметрия» (DRH.D 1977: 49). Согласно предположению Б. Шпулера, в указанное время этот сановник был правителем гагаузской части Добруджи (Spuler 1943: 117). Приведенные свидетельства позволяют отметить то обстоятельство, что из четырех высших сановников государства при Бердибеке, по крайней мере, двое эмиров (Могалбей и Кутлуг-Буга) известны в 60-е гг. как противники утверждения в Сарае восточных ставленников. Посредством реставрации власти прежней династической линии Джучидов они рассчитывали возвратить утраченные должности и привилегии.

Находясь в пределах западных районов государства, Мамай предпринимает ряд организационных мер, призванных обеспечить экономическую стабилизацию и закрепить статус нового политического образования для своей Орды. В результате проведения военных кампаний 1362-1363 гг. в Азаке (Тане) отмечается значительный приток рабов, что не замедлило сказаться как на существенном снижении стоимости «живого товара» на местном невольничьем рынке, так и на общей активизации деятельности иноземных негоциантов в Причерноморье (Карпов 1991: 193). Этому же способствовали и определенные торговые привилегии, предоставленные венецианскому купечеству в 1362 г. (Скржинская 1973: 116). В следующем, 1363 г. в Азаке возобновляется монетная чеканка от имени нового хана Абдуллаха, а еще через год список джучидских монетных дворов дополняется еще двумя центрами, известными под названиями «Орду» и «Шехр ал-Джедид» (монетные легенды представляют также и тюрко-персидский эквивалент последнего наименования — «Янги-Шехр»). О возможном их местоположении высказываются различные версии

(см. Федоров-Давыдов 1960: 188; 1994: 40; Янина 1977: 193-210; Григорьев 1983: 34-35; 1990: 152-157; Егоров 1985: 85 и др.), однако относительно территориальной атрибуции Шехр ал-Джедид следует учесть, что значительное количество монет этого центра обнаружено в составах монетных комплексов именно приднестровских памятников (Требужены, Костешты, Белгород-Днестровский, Сесены, Лозово и др.). Собранный на приднестровских городищах нумизматический материал, датированный периодом правления Абдуллаха, уступает в количественном отношении разве что наиболее обильным на протяжении первой половины XIV в. эмиссиям Джанибека (ср. Руссев 1990: 119). Характерно, что медные пулы начала 50-х гг. подвергались здесь перечеканке с размещением на оборотной стороне обозначения нового места выпуска — Шехр ал-Джедид (Полевой 1960: Табл. II, 5-8; 1969: 117). Приведенные данные подтверждают предположение С.А.Яниной о локализации «Нового города» в пределах приднестровского региона. По-видимому, в начале 60-х гг. XIV века сокращение территории Ак-Орды происходило не столько в западном направлении, сколько за счет отторжения отдельных северо-западных районов.

Обращает на себя внимание и само название нового центра, которое демонстрирует семантическую близость с топонимом «Сарай ал-Джедид» и, возможно, противопоставляется последнему, принимая на себя значение столичного города «Мамаевой Орды». Использование данного наименования являлось еще одним выражением своеобразной политической демонстрации в знак протеста на утверждение восточных династов в столичных центрах Поволжья.

Внешнеполитическая деятельность Мамая диктовалась на данном этапе двумя основными мотивами: предотвратить дальнейшую экспансию со стороны Великого княжества Литовского и утвердить патримониальный приоритет в отношении русских подданных. Еще зимой 1362 г. московский князь Дмитрий Иванович, получивший ярлык на великое княжение от хана Мюрида, сменяет на великокняжеском посту прежнего суздальского владетеля. В следующем 1363 г. свой ярлык направляет московскому князю и Мамай, подчеркивая этим нелегитимный характер более раннего пожалования. Попытка очередного восточного династа — хана Азиз-Шейха создать в конце 1364 г. приемлемую для него систему русской политической иерархии (наделение ярлыком суздальского князя Дмитрия Константиновича, утверждение его брата Бориса в Нижнем Новгороде) встречает жесткие контрмеры со стороны и Москвы, и «Мамаевой Орды». Дмитрий Иванович, опираясь на поддержку Мамая и невзирая на возможные санкции со стороны сарайского хана, заставил суздальского владетеля отречься от великокняжеского престола. Показательно, что получивший ярлык Дмитрий Константинович «отступися великого княженья» без какого-либо противодействия навязанному ему решению (Московский летописный свод 1949: 181-182). Проявление подобного отношения к предоставленным Сараем прерогативам выражает общерусскую оценку военного превосходства Мамая над своими нижневолжскими противниками. Описанные дипломатические демарши, в то же время, свидетельствуют не столько о сложении военно-политического союза между Мамаем и московским князем, сколько о стремлении Мамая утвердить собственный сюзеренитет по отношению к русским подданным.

Одновременно Мамай демонстрирует готовность к установлению союзнических отношений с Литовским княжеством. Сторонником и посредником этого сближения выступала Тверь, связанная с Великим княжеством Литовским матримониальным союзом и политическими обязательствами. Характерно, что после 1364 г., военные столкновения между литовскими войсками и силами Мамая неизвестны. Более того, в дальнейшем ордынский контингент в составе литовской армии Ольгерда и Кейстута принимает участие в военных действиях на территории Восточной Пруссии — битва при Рудаве в начале 1370 г. (Пашуто 1982: 275). Возможно, что в 1365 г. между Мамаем и Ольгердом был достигнут компромисс, предусматривающий не только взаимные соглашения о ненападении, но и положение о военной поддержке в случае ведения войны одной из сторон. По-видимому, с целью заключения этого соглашения в качестве посла Мамая в Литву и Тверь был направлен Ильяс, сын вышеупомянутого Кутлуг-Буги (Рогожский летописец 1965: стб. 79). В этой связи обращает также на себя внимание и одно из сообщений Рогожского летописца, согласно которому во время летних событий 1375 г. тверичи ожидали поддержки именно со стороны Литвы и татар.

Предпринятые дипломатические меры позволили Мамаю продолжить борьбу со своим главным противником на Нижней Волге. В 1366 г. Мамай организует очередную акцию, направленную на захват городских центров Поволжья. При этом путь его армии пролегал через Северный Кавказ, о чем свидетельствуют монеты 767 г.х. (18.9.1365 — 6.9.1366 гг.), выпущенные от имени его креатуры в Маджаре (Ртвеладзе 1971: 83 сл.). В следующем, 768 г.х. (7.9.1366 — 27.8.1367 гг.) монетная чеканка Абдуллаха производится и в столице Улуса Джучи (Савельев 1858: 242 сл., №71). В числе последствий этой экспансии следует отметить устранение очередного восточного ставленника — хана Азиз-Шейха, а также временное прекращение функционирования поволжских монетных центров.

Вместе с тем отсутствие Мамая в пределах ранее контролируемой им территории ознаме-

новалось для ордынского эмира новыми уступками в западной части Ак-Орды. С 767 г.х. наблюдаются определенные изменения в репертуаре надписей на монетах из Шехр ал-Джедид. Отныне легенды лицевой стороны местных дирхемов демонстрируют усечение первого слога в имени хана Абдуллаха. Сохранившаяся часть «Аллах» перестает определять принадлежность данной группы монет названному эмитенту, придавая, таким образом, анонимный характер монетной продукции (Янина 1977: 209). Еще через два года Шехр ал-Джедид прекращает свою деятельность в качестве центра монетной чеканки. Данное обстоятельство, равно как и выявленное при археологическом обследовании Старого Орхея частичное разрушение этого города, объясняются последствиями походов молдавских воевод (Полевой 1979: 31 сл.). Результатом миграционных процессов, наблюдаемых в это время на территории Пруто-Днестровского региона, явилось также вытеснение носителей синкретической культуры ордынских городов на левобережье Днестра.

Следующее упоминание об ордынском сановнике в русских летописях относится к 1370 г., когда «Мамаи посади у себе в Орде другаго царя Мамант Салтана» (Московский летописный свод 1949: 185). За неимением каких-либо комментариев к констатации данного события, установление причин низложения прежнего династа не представляется возможным. Личность «Мамант Салтана» обычно соотносится с известным по монетным легендам ханом «Мамаевой Орды» — Мухаммедом-Буляком (Мухамадиев 1983: 96; Егоров 1980: 207 и др.). Двойное написание этого имени возникло в результате объединения монет, выпущенных от имени Мухаммеда с лакабом «Гийяс ад-Дин в'ад-Дунийя» или без такового с дирхемами 777 (2.6.1375 — 20.5.1376 гг.) и 782 (7.4.1380 — 27.3.1381 гг.) гг.х., где правитель фигурирует под именем «Буляк» или «Туляк» (ввиду отсутствия диакритических знаков возможны оба прочтения). Весьма показательной, на наш взгляд, является употребляемая на этих монетах теократическая формула «власть (принадлежит) богу», декларирующая мусульманскую ориентацию правителей «Мамаевой Орды». Подобная демонстрация может свидетельствовать о стремлении Мамая заручиться поддержкой со стороны городского населения Поволжья. В рамках реализации той же программы утверждения собственного авторитета в мусульманском мире, Мамай возобновляет прерванные при Джанибеке дипломатические отношения с Египтом (Тизенгаузен 1884: 350 / 339 сл.).

Дальнейшая деятельность ордынского темника в изложениях русских авторов представлена, как правило, сообщениями о появлениях отрядов из «Мамаевой Орды» в пределах нижегородских и рязанских владений. Отдельные столкновения между ордынскими держателями периферийных улусов и князьями Северо-Восточной Руси отмечаются еще на протяжении 60-х гг. XIV века (походы Тагая и Булат-Тимура в 1365 и 1367 гг.). Наблюдаемая здесь конфликтная ситуация провоцировалась территориальными спорами на предмет принадлежности земель, расположенных в междуречье Оки и Суры. Во второй половине XIV в. этот район Среднего Поволжья становится зоной интенсивного этнического взаимодействия финно-угорского, славянского и тюркского компонентов. Вряд ли здесь существовали твердо установленные границы. Скорее всего, территориально-административное соотнесение определялось этногенетической и конфессиональной причастностью конкретных групп населения. Возникновение такого положения явилось следствием целенаправленной политики русских князей по укреплению своих позиций на северо-восточных рубежах. Совокупность сложившихся к этому времени внутренних (относительная незаселенность территории, приток переселенцев, торгово-экономическое значение региона) и внешних (децентрализация Ак-Орды, удаленность от основных очагов политической борьбы) факторов обеспечивала сравнительно быстрые темпы русской колонизации этой части Среднего Поволжья. Если середина XIV столетия знаменуется созданием поокского участка пограничной системы — допуском расселения по Волге, Оке, Кудьме и «по мордовским селищам» (Тюрина 1981: 36), то уже в начале 70-х гг. русские форпосты северо-восточной засечной линии возводятся по левобережью Суры и Пьяны (Рогожский летописец 1965: стб. 100; Тюрина 1981: 38). По-видимому, именно усиление русского влияния в этом регионе (расширение контролируемой территории, походы ушкуйников 1360, 1366, 1374, 1375 гг., утверждение московских ставленников в Булгаре в 1377 г.) предопределило перемещение административно-политического центра булгарских земель в менее доступный северный район (Егоров 1985: 102 сл.). Упоминание в договоре 1382 г. «татарских мест», захваченных рязанским князем Олегом Ивановичем (Духовные и договорные грамоты 1950: 29), свидетельствует о наличии сходных процессов в бассейне среднего течения Оки и в верховьях Мокши. В свете отмечаемой здесь тенденции русского продвижения на восток неудивительно, что именно Нижегородское и Рязанское княжества становятся в это время основными объектами карательных экспедиций, направляемых со стороны «Мамаевой Орды».

Мамай, выступавший в роли реаниматора старых порядков, после захвата столичных нижневолжских центров, стремится к восстановлению централизованной власти для всех поволжских улусов. В том же 1370 г., при участии нижегородской дружины Дмитрия Константиновича, в Булгаре, в качестве соправителя местного владетеля Хасана, утверждается «Салтан Ба-

ков сын» (Московский летописный свод 1949: 185). Сопровождавший русских князей в этом походе царский посол Ачиходжа упоминается в летописях и под 1375 г., когда он доставил тверскому князю Михаилу ярлык на великое княжение. Таким образом, данное сообщение свидетельствует о временном установлении контроля Мамая над всей территорией Поволжья.

Последующая деятельность Мамая в Среднем Поволжье определяется в контексте «размирья» ордынского эмира с московским князем и его союзниками на северо-восточных окраинах русских земель. Летописные свидетельства, отражающие взаимоотношения основных фигурантов событий, предшествующих Куликовской битве, целесообразно сгруппировать в виде хронологической таблицы.

Хронологическая очередность указанных здесь событий свидетельствует, что наивысшая активизация действий Мамая на северо-восточных рубежах русских владений (1377-1378 гг.) последовала уже после установления русского контроля в этом регионе и нейтрализации основных внешнеполитических противников московского князя. Инициатива «размирья» при этом исходила непосредственно от Дмитрия Ивановича и союзного ему нижегородского владетеля. Участие «мордовских князей» в военных действиях против Нижегородского княжества подтверждает присутствие территориальной мотивации в политической практике местных феодалов. В то же время эпизодический характер набегов из «Мамаевой Орды», равно как и запоздалое ее вовлечение в борьбу

Год	Русские княжества и Литва	«Мамаева Орда» и русские княжества
1371	Заключение перемирия между Москвой и Литвой.	Предоставление тверскому князю Михаилу Александровичу ярлыка на «великое княженье». Наделение соответственным ярлыком московского князя.
1372	Оформление союзнических отношений между Москвой и Рязанью. Третий поход Ольгерда при участии тверского князя на Москву.	Основание Борисом Константиновичем крепости Курмыш на Суре.
1373	Борьба между Москвой и Тверью.	Поход отряда из «Мамаевой Орды» на Рязанское княжество.
1374	Переславльский «съезд» русский князей.	«Розмирие» между московским князем и Мамаем. Расправа с Мамаевыми послами в Нижнем Новгороде.
1375	Борьба Москвы с Тверью. Признание тверским князем вассальной зависимости от Москвы.	Предоставление тверскому князю ярлыка на «великое княженье». Поход отряда из «Мамаевой Орды» в Запьянье. Захват Новосиля.
1376		Утверждение русских ставленников в Булгаре.
1377	Смерть великого князя литовского Альгирдаса (Ольгерда).	Поход «татарской рати» при участии «мордовских князей» на нижегородские владения. Битва при р.Пьяне. Захват Нижнего Новгорода. Действия «мордовских князей» в районе Пьяны.

за разграничение сфер влияния в Среднем Поволжье, может объясняться ослаблением позиций Мамая на Нижней Волге.

В 773 г.х. (15.7.1371 — 2.7.1372 гг.) в Сарае ал-Джедид выпускаются медные монеты от имени Тулунбек-ханум (Френ 1832: 22, №179). Отсутствие какой-либо информации об этой правительнице в письменных источниках вызвало появление в современных исследованиях взаимоисключающих версий, касающихся происхождения Тулунбек-ханум и идентификации ее имени (Ахмедов 1965: 34; Григорьев 1983: 43 и др.).

Под 1375 г. в русских источниках содержатся сообщения еще об одном нижневолжском правителе, определяемом в качестве «Хазитороканьского князя» (Московский летописный свод 1949: 192 и др.). Личность Салчея русских летописей, уничтожившего «лестью» новгородских ушкуйников Прокопа, соотносится с владетелем Хаджи-Тархана, выпускавшего здесь в 776 г.х. (12.6.1374-11.6.1375 гг.) медные монеты от имени Черкесбека (Френ 1832: 22, 182). То же имя, переданное в форме «Хаджичеркес», зафиксировано в сочинении Ибн Хальдуна, передающего титул хаджитарханского «князя» посредством арабского эквивалента «эмир». Согласно сообщениям Ибн Хальдуна, Хаджичеркес в одном из сражений разбивает армию Мамая и на некоторое время захватывает столичный город, после чего ордынский темник был вынужден удалиться в Крым (Тизенгаузен 1884: 391 / 374). Возможно, что отход Орды Мамая из Нижнего Поволжья демонстрируют монеты его креатуры — хана Мухаммеда, чеканенные в 774 г.х. (3.7.1372-25.6.1373 гг.) в городе Маджар ал-Джедид (Френ 1832: 21, №174). Вероятно также, что косвенным подтверждением от-

мечаемой Ибн Хальдуном конфронтации является описанная в генуэзских анналах пиратская экспедиция (1374 г.) Л.Тариго на Нижнюю Волгу (Мурзакевич 1837: 45), осуществление которой было невозможно без получения на то соответствующих санкций со стороны Мамая.

Повествуя о дальнейших событиях 776 г.х., Ибн Хальдун рассказывает о борьбе Хаджичеркеса с представителем рода Тука-Тимура — ханом Урусом, сумевшим после нескольких поражений подчинить своей власти столичный город (Тизенгаузен 1884: 391 / 374). Известные монеты Урус-хана, помимо присырдарьинских городов, представляют также и сарайский монетный двор под 782 г.х. (7.4.1380 — 27.3.1381 гг.) (Савельев 1858: 437 сл., 433 сл.). Однако такая атрибуция противоречит времени смерти этого хана, определяемого различными восточными авторами 776, 777 или 778 гг.х. (Тизенгаузен 1884: 391; 1941: 108, 149; Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи 1980: 99). Учитывая данное обстоятельство, мы предлагаем возможное прочтение года на сарайских дирхемах Уруса как 776 г.х. (последние две цифры даты вырезаны изготовителями монетных штемпелей в перевернутом виде и в зеркальном отображении), а вместе с тем и отнесение хронологии похода Уруса в Поволжье к первой половине 1375 г.

Путь армии Уруса из Средней Азии на северо-запад пролегал через Мангышлак, где был казнен отец Токтамыша — местный владетель Туй-Ходжа (Тизенгаузен 1941: 131 / 236). Далее войска прошли через Сарайчик на Яике, правителем которого в 775 г.х. (26.6.1373 — 11.6.1374 гг.) являлся один из потомков Шибана, известный по монетным легендам под именем Алп-Ходжа (Савельев 1858: 419 сл., №418) и как Ильбек (Ильбан, Ильсан, Ильпак, Айбек), — по сочинениям восточных авторов (Шейбаниада 1849: 69; Тизенгаузен 1884: 391 / 374; 1941: 54 сл.; Родословное древо тюрков 1906: 160 сл.; Хафиз-и Таныш ибн Мухаммад Бухари 1983: 76 / 27а и др.). Срок пребывания Уруса в Нижнем Поволжье не превышал нескольких месяцев, поскольку уже в следующем 777 г.х. в Сарае ал-Джедид чеканятся монеты от имени старшего сына Алп-Ходжи — Каганбека (Френ 1832: 22, №183; Янина 1958: 447, №108). В передаче событий 1377 г. русские летописцы фиксируют появление на Волге еще одного правителя из «Синие орды» — хана Арабшаха (Московский летописный свод 1949: 194 и др.). Генеалогические построения средневековых источников называют Арабшаха сыном Пулада или Фулада (Шейбаниада 1849: 69 сл.; Тизенгаузен 1941: 55; Родословное древо тюрков 1906: 160 сл.; Материалы по истории Казахских ханств 1969: 35; Хафиз-и Таныш ибн Мухаммад Бухари, 1983: 76 / 27а и др.), являющегося, в свою очередь, братом упомянутого Алп-Ходжи. Известные монеты этого эмитента выпускались в Сарай ал-Джедид на протяжении 779 (10.5.1377 — 30.4.1378 гг.) и 782 гг.х. (Савельев 1858: 430 сл., №427 сл.; Янина 1958: 447, №109; Федоров-Давыдов 1978: 46, №156), что позволяет утверждать о сохранении контроля со стороны Арабшаха над столицей Улуса Джучи вплоть до вступления на сарайский престол Токтамыша (конец 1380 г.). Борьба между различными династическими группировками в Нижнем Поволжье этого времени нашла отражение в пассаже арабского автора ал-Дженнаби: «Потом стали усиливаться смуты и неурядицы между эмирами и разделились голоса в Дешт-Кыпчаке. Одни были за Урус-хана, [одного] из потомков Чингиз-хана, другие за Токтамыша, а некоторые — за Абав-Араб-оглана (т. е. за «царевича» Арабшаха — Ю.В.)» (Тизенгаузен 1884: 537 / 536).

Отход орды Мамая из Поволжья и отмеченные выше события предопределили всплеск антиордынской активности в русских княжествах, наблюдаемый в середине 70-х гг. В условиях политической дестабилизации ответные действия Мамая ограничивались организацией кратковременных экспедиций в Среднее Поволжье, призванных скорее лишь подкрепить дипломатическое давление. Формальным поводом к дальнейшему обострению взаимоотношений с Московским княжеством послужило требование Мамая об уплате дани в прежних объемах «русского выхода» (Сказания и повести о Куликовской битве 1982: 18 / 142, 53 / 179). Переяславльская программа антиордынского единения русских княжеств перерастает в конце 70-х гг. в идею о необходимости полного разгрома сил «Мамаевой Орды».

Определенные признаки свидетельствуют и об аналогичных приготовлениях со стороны Мамая. Незадолго до Куликовской битвы ордынский эмир проводит очередную замену своей креатуры в Орде, в результате которой прежний 18-летний хан вместе с приближенными был казнен, а на его место заступил новый правитель, известный по монетным легендам под именем «Буляк» или «Туляк» — второе прочтение более приемлемо (Мухамадиев 1983: 97; см. также версию убийства Мамаем своего царя в Патриаршей летописи под 1380 г.). Это же имя, переданное в форме «Тюляк», упоминается в тексте ханского ярлыка от 1379 г., выданного митрополиту Михаилу (Митяю) (Памятники русского права 1955: 465). Сходная транслитерация «Теляк» или «Тетяк» содержится в изложениях летописных «сказаний» и «повестей» о Куликовской битве (Сказания и повести о Куликовской битве 1982: 20 / 144). Этимология данного антропонима определяется тюркским прозвищем, означающим в переводе «заику», «бормотуна», а личность последнего отождествляется либо с фигурой самого Мамая (Егоров 1980: 208 сл.), либо с его ставленником (Григорьев 1983: 47). Последнее предположение нам представляет-

ся более убедительным, поскольку один из пассажей Новгородской IV летописи называет «царя Теляка», в то время как Мамай, который «разгордевся мнев себе аки царя», тем не менее титулуется не иначе как «ордынским князем» (Сказания и повести о Куликовской битве 1982: 16, 20 / 140, 144). Прямые указания на присутствие в «Мамаевой Орде» номинального правителя из рода Чингизидов накануне решающего сражения содержит также Новгородская I летопись младшего извода (Новгородская Первая летопись 1950: 376).

Обращает на себя внимание приводимый «повестями» перечень народов, выступивших в 1380 г. на стороне Мамая. Среди таковых фигурируют татары, половцы, армяне, черкасы, ясы, буртасы и фрязы. Данный список, упоминающий как представителей «титульного» населения Улуса Джучи (татары, половцы), так и жителей периферийных областей (асы, черкесы, армяне, буртасы), отражает степень контроля ордынского темника над территорией западной части государства. По-видимому, в середине 1380 г. Мамай в очередной раз пытается утвердиться в нижневолжских центрах, о чем свидетельствуют монеты хана Туляка, выпущенные в Хаджи-Тархане в 782 г.х. (Савельев 1858: 418, №416).

Под упомянутыми в русских источниках «фрязами» следует понимать западноевропейское население крымских и приазовских колоний. Следует отметить, что во второй половине 60-х гг. взаимоотношения жителей Каффы с Мамаем были достаточно напряженными. Письменные источники этого времени представляют краткие сообщения об имевшем место военном конфликте между Мамаем и генуэзскими колонистами Крыма. Последние летом 1365 г. захватили у «гордых и сварливых греков» город Солдайю (Судак) с прилегающей сельскохозяйственной округой (Мурзакевич 1837: 42), однако впоследствии им пришлось уступить Солдайю и 18 мелких поселений «сеньору Мамаю» (Desimoni 1887: 163). Датировка этого похода Мамая затруднительна, поскольку указанные события не имели строгой хронологической последовательности (к моменту переподчинения Солдайи Мамаю генуэзцы успели учредить здесь католическую епархию). По-видимому, упомянутые фрязы, армяне, черкасы и асы ордынской армии набирались из числа жителей подвластных Мамаю крымских и приазовских центров с полиэтническим составом населения.

На стороне Мамая выступил и литовский князь Ягайло, что позволяет отметить осуществление союзнических договоренностей между двумя сторонами и при княжении преемника Ольгерда. Отсутствие литовских отрядов на поле битвы было предопределено самим ходом сражения: князь Ягайло изначально занимает явно выжидательную позицию. Последующие действия литовцев отмечены составителями прусских хроник: «когда они (русские —Ю.В.) шли из боя, они столкнулись с литовцами, которые были позваны татарами туда на помощь, и убили русских очень много и взяли у них большую добычу, которую те взяли у татар» (Бегунов 1966: 507).

Версия дальнейших событий, представленная в русских летописях, сводится к сообщениям о подготовке Мамаем новых отрядов для организации очередного похода на владения московского князя и его союзников. Эти планы были сорваны вторжением с востока, «из Сиия Орды», армии Токтамыша, захватившего к данному времени большую часть территории Улуса Джучи. Встреча двух противников на р. Калке завершилась переходом «Мамаевых князей» на сторону нового хана (Московский летописный свод 1949: 205; Рогожский летописец 1965: стб. 141 и др.). В числе последних, несомненно, находились упомянутые выше Кутлуг-Буга и его сын Ильяс, получившие затем влиятельные должности в составе улусной администрации Крыма. Очередная неудача заставила ордынского эмира вновь возвратиться в Крым, где он надеялся получить помощь от генуэзских колонистов. Характерно, что требование Мамая о предоставлении ему убежища в Каффе мотивировалось ссылкой на какие-то ранее достигнутые договоренности — «по докончанию и по опасу» (Сказания и повести о Куликовской битве 1982: 24 / 148). Возможно, что здесь идет речь о выполнении условий договора от 28.11.1380 г., где генуэзцы обязывались быть «друзьями его (татарского императора — Ю.В.) друзей, врагами его врагов» (Desimoni 1887: 163). Однако, жители Каффы, оценив реальное соотношение сил, предпочли конфликту с новым сарайским владетелем физическое устранение Мамая.

Оформление «Мамаевой Орды» в качестве самостоятельной политической и государственной единицы проходило в условиях непрекращающейся борьбы с правителями восточной части Улуса Джучи. Политические амбиции отдельных представителей рода Джучидов, направленные на захват сарайского престола, прикрывались в это время лозунгом реализации династических прав. Наиболее частые обоснования, исходившие от возможных претендентов на верховную власть в Ак-Орде, заключались в декларации родовой причастности к ветви Джучидов, берущей свое начало от хана Бату. Практика демонстрации аргументов родовой причастности (подлинных или ложных) представлялась гарантией очевидного успеха не только для действительных обладателей законных прав на верховную власть в Улусе Джучи, но и для отдельных лиц, не принадлежащих к ханскому роду. В соответствии с общераспространенной в мусульманском мире традицией интронизация очередного правителя сопровождалась наделением его официальной титулатурой. Если первый ставленник Мамая — хан Абдул-

лах признавался как прямой потомок Узбека, то сочетание имени (Мухаммед) и утвержденного лакаба (Гийяс ад-Дин) второго также указывает на попытку декларации преемственности от названного хана первой половины XIV в., но более «завуалированную», выражаемую лишь внешним сходством репертуаров монетных легенд. Несомненно, что близкое к этому значение имели и монетные надписи теократического содержания. Общая патриархальность социального и хозяйственного укладов в восточной части Улуса Джучи дополнялась сохранением здесь как элементов раннеимперской идеологии, так и архаичных мировоззренческих категорий. Показательно, что в соседних государственных образованиях со сходной общественно-политической ориентацией отдельные представители династии Чагатаидов, начиная с ее родоначальника, расценивались современниками как признанные хранители наследия «Великой Ясы» (Строева 1958: 207), а в отношении Тимура нередко выдвигались конфессиональные обвинения в несоблюдении норм шариата (Бартольд 1968: 171). Подобная демонстрация в знак протеста против экспансии со стороны восточных династов характерна и для хорезмского монетного чекана рассматриваемого периода.

Выдвижение одного из влиятельных эмиров, прикрытое присутствием номинальной креатуры из ханского рода, становится распространенным явлением, отмечаемым на протяжении XIV в. для хулагуидского Ирана, Чагатайского Улуса и Улуса Джучи. В условиях активизации внутриполитической борьбы и пресечения различных линий Чингизидов подобная тактика использовалась при реализации доктрины, рассчитанной в конечном итоге на «официальную» смену династии. Наиболее яркий пример действенности такой практики связан с личностью эмира Тимура, чье возвышение нашло затем обоснование в сфальсифицированной причастности к правящему роду Чингизидов (Веселовский 1891: 69 сл.). Деятельность Мамая в этом направлении ограничилась выдвижением кандидатуры, находящейся в родственных отношениях с ордынским эмиром. По-видимому, именно таким образом следует понимать оборот: «Тюляково слово Мамаевою дяденою мыслью», присутствующий в содержании ярлыка Туляка 1379 г.

Социальный статус Мамая в определениях письменных источников не превышал его полномочий крупного военачальника, о чем свидетельствует русское титулование в качестве «темника» (Патриаршая или Никоновская летопись 1965: 233 и др.) и арабские эпитеты «воинствующий», «вождь ратей», «меч повелителя правоверных» (Тизенгаузен 1884: 350 / 340). Однако взаимоотношения Мамая с представителями ханского рода сводились не только к обычному патронажу и обеспечению военной поддержки. О номинальном значении власти хана при фигуре ордынского темника недвусмысленно повествуют русские летописцы: «Царь их, не владеяше ничим же, и не смеаше ничто же сътворити пред Мамаем» (Приселков 1950: 416).

Благодаря присутствию многих должностных лиц из прежней администрации «Мамаева Орда» приобретает атрибутику государственной организации. Отдельные сообщения как будто указывают на наличие в «Мамаевой Орде» известного по письменным источникам института «4-х эмиров» (Тизенгаузен 1884: 348 сл. / 338 сл.). К сожалению, египетский информатор, рассказывая о содержании данного совета, объединяет разновременные (середины и 70-х гг. XIV в.) сведения, в связи с чем определение хронологии деятельности этого государственного органа в конкретном освещении не представляется возможным. Более достоверно можно судить о существовании в «Мамаевой Орде» канцелярского делопроизводства. Деятельность непосредственных исполнителей (послов, составителей переписки, переводчиков) соответственных административных ведомств нашла отражение в осуществлении многосторонних дипломатических связей Орды Мамая с русскими княжествами, Литвой, итальянскими колониями и Египтом. Отмечаемые внешнеполитические события, особенно на протяжении первой половины 70-х гг., свидетельствуют о несомненных успехах отдельных дипломатических начинаний ордынского темника. Более того, сложившаяся при Мамае практика союзнических отношений с Литвой послужила основой для дальнейшего укрепления межгосударственного альянса между Токтамышем и Витовтом, а впоследствии становится центральной в дипломатии Гиреев.

На протяжении XIV в. именно западная часть Ак-Орды представляет наиболее показательные примеры роста правосубъектности местных улусных держаний. Возможно, что сравнительно широкое распространение практики ленных пожалований на данной территории определялось пограничным статусом этой провинции в целом, а также существованием здесь княжеств, колоний и отдельных городов с различной степенью политической зависимости (или независимых вовсе) от власти Джучидов. Уже в первой половине XIV в. здесь наблюдаются прецеденты наследственной правопреемственности в оформлении наместнических должностей. Определенные данные свидетельствуют о достаточно широких полномочиях крымских наместников хана. В их распоряжении находятся значительные воинские контингенты, они принимают посольства из других стран, от их имени заключаются международные соглашения, они проводят самостоятельную политику в коммерческих отношениях с иноземными представителями. Так, крымский наместник Туглук-Тимур в 30-е гг. предлагает венецианцам осно-

вать колонию в Боспоре («Vosporo» итальянских источников, современная Керчь) на условии взимания трехпроцентной пошлины от стоимости реализованных товаров (Heyd 1984: 187). Позже, в 1356 г., Рамадан на тех же условиях предоставляет для венецианской торговли порт Прованто (Mas Latrie 1848: 589-592). Обращает на себя внимание один из оборотов договора от 20.9.1358 г., заключенного между очередным «господином Солхата» — Кутлуг-Тимуром и венецианскими послами: «согласно [тому,] как вы платили Рамадану, так [пусть] дают и мне» (Mas Latrie 1848: 592). Возможно, что данный пассаж свидетельствует об использовании в некоторых крымских районах (в данном случае — в открытых для иноземной торговли портах Прованто, Кальере и Солдайе) откупной формы сбора государственных податей. Но еще более вероятно, что на указанные местности распространялись тарханные привилегии ханских наместников Крыма, а все собранные налоги целиком поступали в их личную казну.

Рост административно-правовых иммунитетов крымских наместников являлся одним из важнейших факторов децентрализации этой провинции в 60-70-е гг. XIV в. По-видимому, в период обособления Орды Мамая в рамках контролируемой темником территории происходит дальнейшее увеличение численности удельных держаний. Практика выделения феодов на правах ленных пожалований являлась основополагающим принципом организазации военно-политических образований средневековья. Письменные источники представляют наименования различных категорий военно-удельной аристократии «Мамаевой Орды», в числе которых фигурируют «улусные князья», «темники», «уланы», «алпауты», «есаулы» (Сказания и повести о Куликовской битве 1982: 26, 49, 104 / 150, 174, 229 и др.). Уже в данной должностной иерархии прослеживается будущая структура удельного районирования «крымского тумана», подчиненного принципу воинского комплектования и нашедшего наиболее полное выражение в адресатах ярлыков крымских ханов (Березин 1851: 21 / 18 и др.). Характерно, что даже на сравнительно незаселенном участке донского маршрута (от района волго-донской переволоки до притока Маныч) митрополит Пимен и его спутники отмечают в 1389 г. местонахождения трех «татарских» улусов с фиксированными границами (Majeska 1984: 83 ff.). Приведенные данные отражают тенденцию постепенного накопления центробежного потенциала в западной части Ак-Орды, в процессе которого обособление улуса Мамая являлось важным составляющим компонентом.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов Б. А. 1965. Государство кочевых узбеков. М.

Бартольд В.В. 1968. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. М.

Бегунов Ю.К. 1966. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л.

Березин И. 1851. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань.

Веселовский Н.И. 1891. Надгробный памятник Тимура в Самарканде // Труды VII Археологического съезда в Ярославле. 1887. Т. II. М.

Волков М. 1860. О соперничестве Венеции с Генуей // ЗООИД. Т. 4.

Григорьев А. П. 1983. Золотоордынские ханы 60-70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. Л.

Григорьев А. П. 1990. Золотоордынский город Орда // Востоковедение. Вып. 32. Л.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. 1950. М.; Л.

Егоров В.Д. 1974. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // ВИ. №8.

Егоров В.Д. 1980. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М.

Егоров В.Д. 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв.

Карпов С.П., 1991. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. М.

Ковалевский М.М. 1905. К ранней истории Азова // Труды XI Археологического съезда в Харькове. 1902. Т. II. М.

Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. Т. 35. М. 1980.

Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). 1969. Алма-Ата.

Московский летописный свод конца XV века. 1949 // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л.

Мурзакевич Н. 1837. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса.

Мухамадиев А.Г. 1983. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М.

Насонов А.Н. 1940. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л.

Памятники русского права. 1965. Вып. III. Памятники права периода образования Русского централизованного государства (XIV-XV вв.). М.

Патриаршая или Никоновская летопись. 1965 // ПСРЛ. Т. 10. М.

Пашуто В.Т. 1982. Историческое значение Куликовской битвы // Сказания и повести о Куликовской битве. Л.

Полевой Л.Л. 1960. Монеты из раскопок Старого Орхея (1947-1956) // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев.

Полевой Л.Л. 1969. Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946-1959 гг.) // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев.

Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев.

Приселков В.Д. 1950. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л.

Радлов В. 1888. Ярлыки Токтамыша и Тимур-Кутлуга // ЗВОРАО. Т. III.

Рогожский летописец. 1965 // ПСРЛ. Т. 15. Вып. I. М.
Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана / Пер. Г.С. Саблукова. Казань. 1906.
Ртвеладзе Э.В. 1971. Новые данные о монетном чекане города Маджар // Нумизматический сборник ГИМ. Ч. IV. Вып. III. М.
Руссев Н.Д. 1990. Возникновение городов Приднестровья XIV в. в свете нумизматических материалов // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев.
Савельев П.С. 1858. Монеты Джучидов, Джагатаидов. Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб.
Сафаргалиев М.Г. 1960. Распад Золотой Орды. Саранск.
Симеоновская летопись. 1913 // ПСРЛ, Т. 18. СПб.
Сказания и повести о Куликовской битве. 1982. Л.
Скржинская В.Л. 1973. Венецианский посол в Золотой Орде // ВВ. Т. 35.
Строева Д.В. 1958. Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. // Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Л.
Тизенгаузен В.Г. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.
Тизенгаузен В.Г. 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. М.; Л.
Тюрина А.И. 1981. Нижегородский край и его роль в обороне восточных рубежей Руси в XIV веке // Северо-восточная Русь в борьбе с монголо-татарскими захватчиками / Межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 198. Ярославль.
Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. 1980. Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод) / Пер., предисл. и указ. Д.Ю.Юсуповой. Ташкент.
Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клады даучидоких монет // НЭ. Т. 1.
Федоров-Давыдов Г.А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.
Федоров-Давыдов Г.А. 1968. «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. М.
Федоров-Давыдов Г.А. 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.
Федоров-Давыдов Г.А. 1978. Досаевский клад золотоордынских монет // Исследования по археологии Чувашии / Труды Чувашского НИИ. Вып. 80. Чебоксары.
Федоров-Давыдов Г.А. 1987. Царевский клад серебряных монет XIV в. // Краеведческие записки. Вып. 1. Саранск.
Федоров-Давыдов Г.А. 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
Френ Х.М. 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб.
Хафиз-и Таныш ибн Мухаммад Бухари. 1983. Шарафнама-йи шахи (Книга шахской славы) / Пер., введ., прим. и указ. М.А.Салахетдиновой. Ч. 1. М.
Шейбаниада, история монголо-тюрков на джагатайском диалекте. 1849 / Пер., прим. и прилож. И.Березина / Библиотека восточных историков. Т. 1. Казань.
Янина С. А. 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. №42. М.
Янина С.А. 1977. «Новый город» (= Янги-шехр = Шехр ал-Джедид) — монетный двор Золотой Орды и его местоположение // Нумизматический сборник. Ч. V. Вып. 1. М.
Desimoni C. 1887. Trattato dei Genovesi col Chan dei Tartari nel 1380-1381 scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano fondata da G.P.Vieusseux. 4-a ser. T. XX. Firenze.
Documenta Romaniae Historica. 1977. D. Relaţii intre ţările Romane. Vol. I. (1222-1456). Bucureşti.
Heyd W. 1984. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Bd. II. Hildesheim — Zürich — New York.
Majesca J.P. 1984. Russian travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth centuries. Washington.
Mas Latrie L. 1848. Priviléges commerciaux accordés à la république de Venise par les princes de Crimée et les empereurs mongols du Kiptchak. // Bibliothéque de l'école des chartes. T. IV. 6-me ser. Paris.

ЗНАКИ ДОСТОИНСТВА

С.В.Белецкий

ЗНАКИ РЮРИКОВИЧЕЙ НА ПЛОМБАХ ИЗ ДРОГИЧИНА

(по материалам свода К.В.Болсуновского)

К 75-летию Валентина Васильевича Седова

S.V. Beletski. Ruriks' Symbols on the Drohiczyn's Leads (According to K.V. Bolsunowski's Code).

Symbols of bidentate or trident shape can be met on various objects in Russia: seals, leads, weapons, works of art, decorations, work tools, pottery and building ceramics. These symbols are usually dated by X-XIII centuries and connected with the Russian princes of Rurik's family: a dynasty of Rurik's progeny reigning in Russia.

Unfortunately, major part of the known Ruriks' symbols still remain nameless. The main task faced by a researcher of the most ancient Russian heraldry consists in collecting, systematising and personifying the princes' symbols.

The most important group of Ancient Russian heraldic artefacts are the leads found in Drohiczyn, an ancient Russian town, known from the chronicles since the mid XII century, nowadays a Polish town Drohiczyn Nadbóżski. Over eight thousand of leads were found there, most of them, however, unpublished. So far, K.V. Bolsunowski's Code has been the best publication (1894), which served as a basis for writing this article. The article deals with classification and systematisation of symbols on the Drohiczyn leads. The symbols are compared with the Khazars', Mongolian and Tatars' tamga, Polish emblems, as well as with Ruriks' signs found on other territories of the Ancient Russian state. The symbols on the Drohiczyn leads are qualified as component part of the Ancient Russian princes' heraldry. It is established that most of the symbols on the Drohiczyn leads are not met outside Drohiczyn itself: evidently, they belonged, mainly, to the small West Russian princes, whose activity was not known to the rest of Russia. A number of common Russian symbols were personified: it is the symbol of Vladimir Monomakh, his elder son Mstislav Veliki (the Great), as well as the symbols of the son and the grandson of Mstislav Veliki – Vsevolod Mstislavich and Vladimir Vsevolodich.

Предварительные замечания

На Руси изображения тамгообразных знаков в форме двузубца или трезубца встречены на памятниках сфрагистики, предметах вооружения, произведениях искусства, орудиях труда, бытовой и строительной керамике. Эти знаки получили в литературе общее наименование — знаки Рюриковичей. Благодаря исследованиям нескольких поколений историков установлено, что в основе системы древнерусских княжеских знаков лежит двузубец, а генезис знака основан на принципе появления или исчезновения «отпятнышей», придававших знаку индивидуальные черты. Появление на Руси княжеских знаков определенно фиксируется с X в., а в XIII в., как считают большинство исследователей, знаки Рюриковичей повсеместно выходят из обихода, уступая место эмблемам индивидуальных типов.

Если о знаках Рюриковичей X-XI вв. существует достаточно обширная литература (см.: Молчанов 1997; Белецкий 1998а; 1998б), то знакам XII-XIII вв. повезло значительно меньше. Правда, в 1930 г. вышел из печати второй выпуск исследования Н.П.Лихачева «Материалы для истории русской и византийской сфрагистики», в основном посвященный древнерусским печатям и пломбам с изображениями тамги (Лихачев 1930). Знаки Рюриковичей, помещенные на памятниках сфрагистики, сведены Лихачевым в таблицы и рассмотрены на широком фоне тамгообразных знаков Польши и Золотой Орды. Однако уничтожение большей части тиража книги после ареста Лихачева привело к тому, что эта работа остается до сих пор малодоступной. Кроме того, многие предметы с изображениями знаков Рюриковичей стали известны только в послевоенные годы. Таким образом, итоговым исследование Н.П.Лихачева не стало.

Первая попытка свести воедино наблюдения по персонификации знаков Рюриковичей XII-XIII вв. (рис. 1) принадлежит Б.А.Рыбакову (1940), дополнившему генеалогию знаков X-XI вв., реконструированную А.В.Орешниковым (1930; 1936). В статье В.Л.Янина (1956) о знаках суздальских Рюриковичей XII-XIII вв. были суммированы сведения о «знаках колоколовидной формы» и «знаках в форме багра». Персонифицируя на внегеральдических основаниях знаки этих двух групп, известные по актовым печатям (рис.2), Янин высказал идею о наследовании личнородового знака суздальскими Юрьевичами pars pro toto (рис. 2А). В другой статье, вышедшей вскоре после первой (Янин 1957) генеалогия знаков была уточнена и дополнена.

А.А.Молчанов (1976; 1985), предложивший новую версию генеалогии знаков Рюриковичей X-XIII вв. (рис. 3), также опирался в своих построениях, главным образом, на внегеральдические наблюдения. Все остальные исследо-

© С.В.Белецкий, 1999.

вати, обращавшиеся к персонификации знаков, либо отсылались к мнениям предшественников, либо исходили в своих атрибуциях из общеисторических рассуждений. Общим для подавляющего большинства предлагавшихся атрибуций является признание того, что с XII в. единая «семья знаков» разделилась на несколько ветвей, соответствующих выделившимся среди князей Рюрикова дома отдельным княжеским родам.

Отказавшись к концу 1960-х годов от сфрагистического обоснования изложенной в 1956 г. версии наследования тамги суздальскими Рюриковичами (Янин 1970, т. 1: 137-141), В.Л.Янин разделил княжеские знаки, помещенные на печатях и выборочно учтенных новгородских пломбах XII-XIII вв. на четыре основные группы (Янин 1970, т. 1: 134-137): знаки прямоугольных очертаний, округлых очертаний, в форме багра и индивидуальных форм. В той же работе, но несколькими абзацами ниже, исследователь предлагал и другую группировку знаков, опиравшуюся на иные критерии. Путем выделения среди печатей тех, которые «в силу множественности в Новгороде их находок или же в силу бесспорного стилистического сходства с последними связываются с княжеской администрацией Новгорода», Янин исключил из рассмотрения ряд печатей, а знаки на оставшихся вновь разделил на четыре группы — «1. Колоколовидный знак в форме двузубца с отрогом, имеющим вид плавно изогнутого крючка в основании... 2. Знак в форме двузубца прямоугольных очертаний с отрогом в виде ласточкиного хвоста в основании... 3. Знак в форме двузубца или трезубца прямолинейных очертаний с отрогом в виде треугольника, обращенного вершиной вверх (или стилизованной вертикальной короткой черты)... 4. Знак в виде багра с горизонтальным покрытием или без него» (Янин 1970, т. 1: 145). При этом исследователь подчеркивал: «Наличие этих четырех принципиальных типов княжеского знака совпадает с тем хорошо известным обстоятельством, что в Новгороде на протяжении XII — начала XIII в. княжили представители именно четырех ветвей русского княжеского дома, а именно: черниговские князья (потомки Святослава Ярославича), затем представители старшей линии Мстиславичей (старшие сыновья Мстислава Владимировича Великого и их потомки), представители младшей линии Мстиславичей (Ростислав Мстиславич смоленский и его потомки — Ростиславичи) и, наконец, суздальские князья Юрьевичи (потомки Юрия Долгорукого)» (Янин 1970, т.1: 145). Суздальским князьям Янин приписывал двузубцы колоколовидных очертаний, двузубцы прямоугольных очертаний с основанием в виде «ласточкиного хвоста» связывал с «одной из линий Мстиславичей», а знаки «в форме двузубца или трезубца прямолинейных очертаний» и знаки «в виде багра» оставил неприуроченными (Янин 1970, т. 1: 145-146). Некоторые из знаков линейного рисунка Янин относил ко времени более раннему, чем XII в., включив их в стемму X-XI вв. (рис. 4).

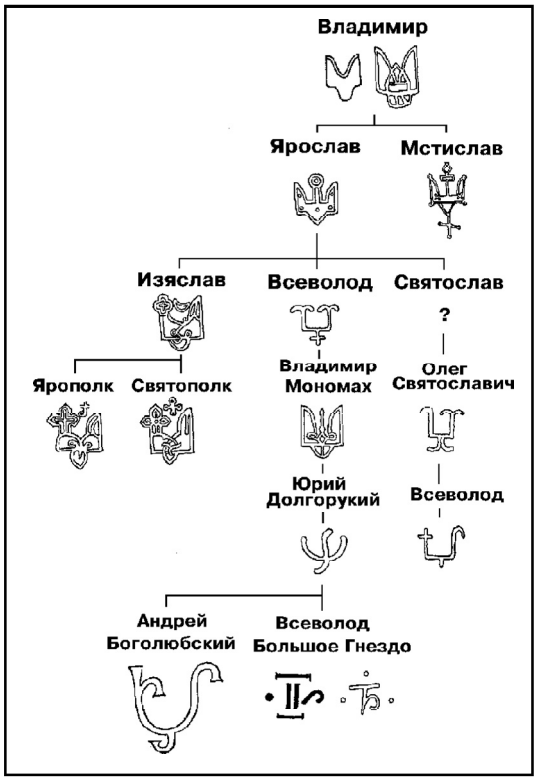

Рис. 1. Генеалогия лично-родовых знаков русских князей X-XII вв. (по А.В.Орешникову — Б.А.Рыбакову)

В целом, версию Янина о соотнесении выделенных в сфрагистическом материале групп знаков с отдельными ветвями рода Рюриковичей приняли А.А.Молчанов (1985) и Б.Д.Ершевский (1978), хотя в отдельных частных сюжетах исследователи сочли возможным внести в эту версию коррективы. «В XII — начале XIII вв., т.е. в период, к которому, по всем данным относятся новгородские буллы с изображением княжеских знаков четырех принципиальных разновидностей, в Новгороде сидели, сменяя друг друга, князья из трех ветвей Рюрикова дома: Мстиславичи (старшей и младшей линий), Святославичи черниговские и Юрьевичи суздальские. Принадлежность Мстиславичам знаков в виде двузубцев прямоугольных очертаний, а Юрьевичам — знаков колоколовидной формы устанавливается в результате обнаружения таких тамг на памятниках архитектуры и произведениях искусства... Знаки багровидной формы ... приписываются суздальским князьям ... в результате непосредственных наблюдений над их совместным с колоколовидными знаками бытованием на одних и тех же сфрагистических памятниках ... Черниговским Святославичам могут ... принадлежать знаки... с центральной вертикальной чертой и прямоугольными ответвлениями боковых зубцов», — писал А.А.Молчанов

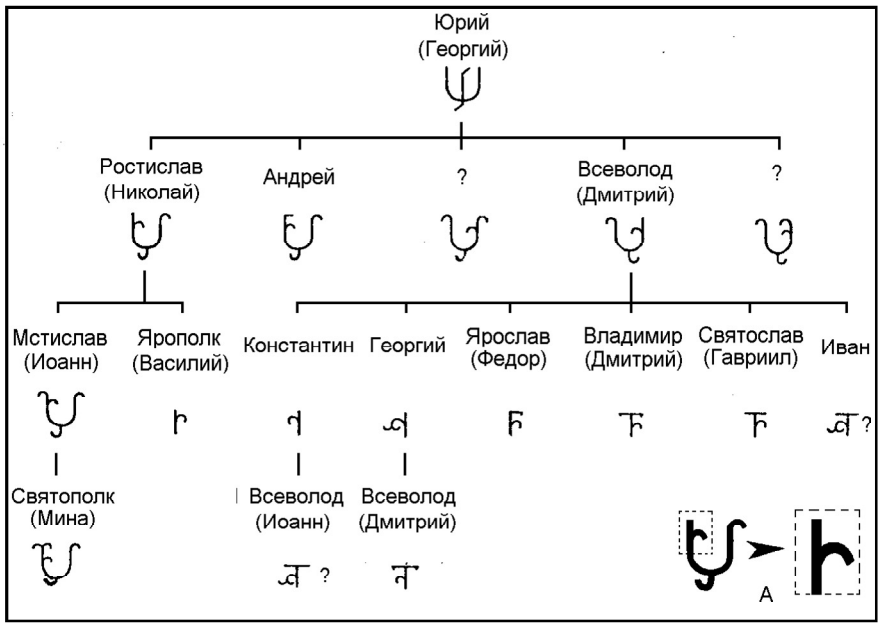

Рис. 2. Генеалогия лично-родовых знаков колоколовидной формы и в форме багра (по В.Л.Янину).

А — трансформация двузубца в багровидный знак, реконструированная В.Л.Яниным

(1985: 70-71), пересмотревший некоторые персонификации Янина. Принимая достоверной общую атрибуцию «знаков колоколовидной формы Юрьевичам», Б.Д.Ершевский подчеркивал невозможность «признавать в суздальских князьях владельцев знаков в форме багра» (Ершевский 1978: 47). В отношении принципиальной принадлежности знаков «прямоугольных очертаний в виде двузубцев или трезубцев» потомкам Мстислава Великого, Ершевский, в целом, согласился с Молчановым, хотя и внес в версию последнего некоторые коррективы.

Таким образом, вместо детальной классификации и типологии знаков исследователи опирались на группировку, причем близкородственные знаки (двузубцы) оказывались в группах, соотнесенных с разными ветвями потомков Владимира Святого, а принципиально различные знаки (двузубцы и трезубцы) на основании какого-то одного признака (форма ножки, общие очертания тамги) попадали в группы, атрибуированные представителям одной и той же ветви рода.

Такое положение дел легко объяснимо: для персонификации подавляющего большинства знаков XII-XIII вв. отсутствуют надежные ориентиры, поэтому исследователи вынуждены опираться в рассуждениях на косвенные данные, важнейшими из которых являются сведения о месте обнаружения предмета, помеченного княжеским знаком.

Однако сосуществование в литературе взаимоисключающих персонификаций для одного и того же знака нельзя признать нормальным. Главная причина заключается, на мой взгляд, в том, что знаки Рюриковичей XII-XIII вв. до настоящего времени не только в подавляющем большинстве своем не персонифицированы, но даже не собраны воедино и не систематизированы. Из одной работы в другую кочуют два-три десятка разнотипных знаков, и именно на основании этих знаков исследователи предлагают свои версии персонификации и генеалогии княжеской тамги.

Завершая комментарии к знакам Рюриковичей X-XI вв. (Белецкий 1998а; 1998б) я констатировал, что древнерусские княжеские знаки наследовались по определенным правилам (рис. 5). Родовой знак в форме простого двузубца использовался представителями династии Рюриковичей со времен правления, по крайней мере, сына Рюрика, Игоря, а возможно, употреблялся уже самим Рюриком. Вплоть до вокняжения Ярополка Святославича происходило прямое наследование родового двузубца. При этом Владимир Святославич уже при жизни отца пользовался трезубцем, а не двузубцем, на который он, бастард, по всей видимости, не имел права. Тамга Рюриковичей начала претерпевать изменения с поколения внуков Святослава: Святополк Ярополчич, являясь единственным сыном старшего из сыновей Святослава, имел право на родовой двузубец, однако он пользовался измененной формой тамги: сохранив в качестве основы двузубец, он изменил в отцовской тамге форму левого зубца. Старший сын Владимира Святославича Вышеслав наследовал отцовский трезубец, усложнив исходную треугольную форму ножки крестом, а его младшие братья Изяслав, Ярослав, Мстислав и Судислав сохранили без изменений форму ножки отцовского трезубца, но усложнили вершину центрального зубца. Принцип наследования тамги, при котором старший сын меняет форму ножки отцовского трезубца, а младшие сыновья — форму зубцов, прослежен для внуков и правнуков Владимира Святого.

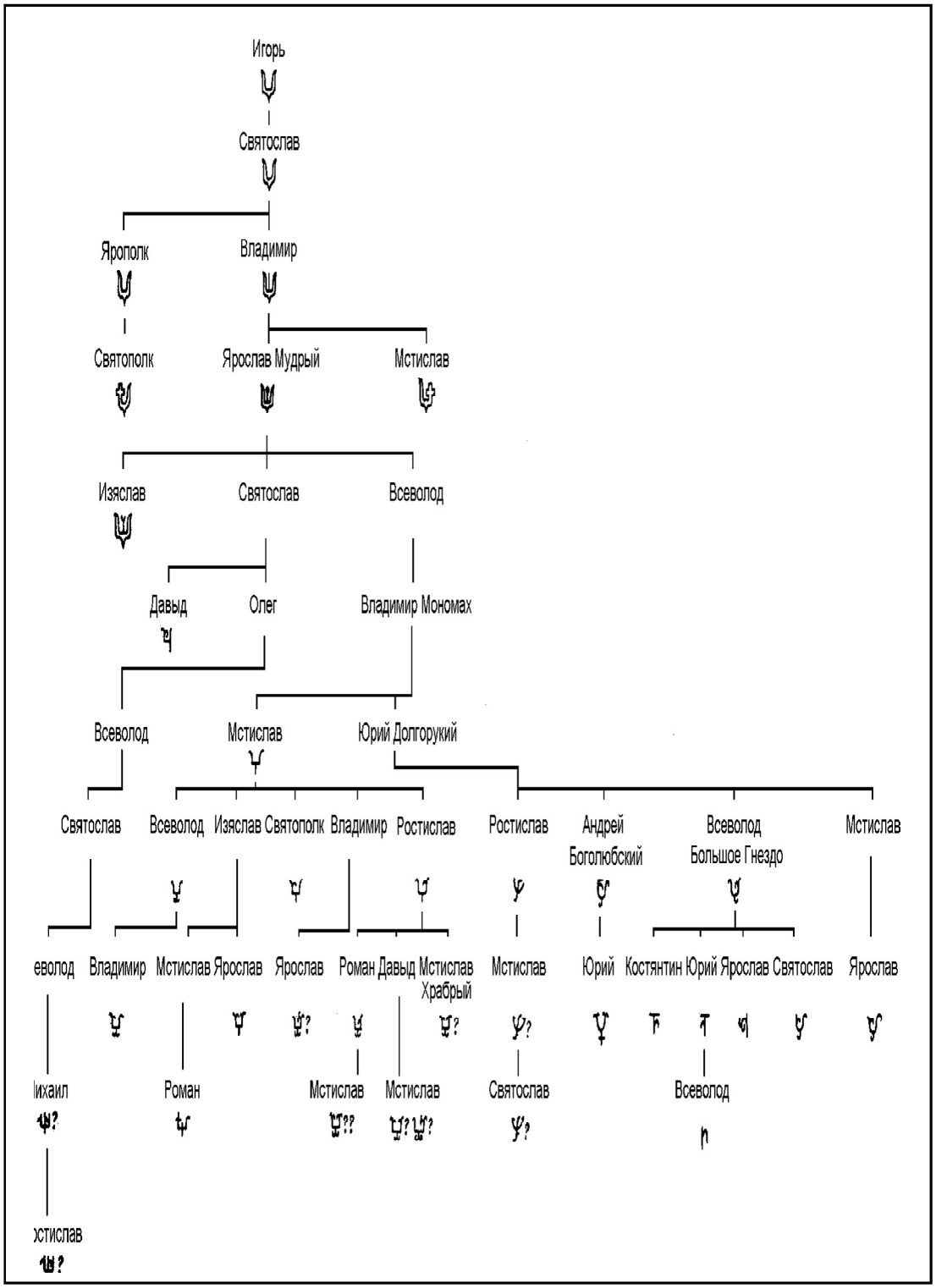

Рис. 3. Генеалогия знаков Рюриковичей X-XIII вв. (по А.А.Молчанову)

Для 39 князей V-VII колен рода Рюриковичей, живших в конце X — начале XII вв. мы располагаем в настоящее время немногим более 14 разновидностями тамги. Конечно, до нас дошли не все княжеские знаки X-XI вв., и новые находки, вероятно, могут расширить круг доступного исследованию геральдического материала. Однако — вряд ли значительно. И, таким образом, в XI в. лично-родовым знаком пользовались немногим более трети (36 %) русских князей.

Для представителей шести следующих поколений рода (около 280 человек), живших в XII-XIII вв., по публикациям (включая

и знаки на дрогичинских пломбах) мне известно в общей сложности более 250 типов княжеских знаков Иными словами, оказывается, что в XII-XIII вв. более 90 % князей-Рюриковичей пользовались лично-родовым знаком.

Цифра эта, на самом деле, требует уточнения. Разумеется, каждому представителю правящей на Руси династии принадлежал знак индивидуального типа: в этом отношении вывод Н.П.Лихачева (1930: 199, 203, 205) и А.В. Орешникова (1930) о лично-родовом характере тамги, принятый и развитый последующими исследователями, остается безупречным. Однако различия между некоторыми знаками, рассматриваемыми в настоящее время как разнотипные, заключается не в наличии или отсутствии элементов знака, а в общих контурах тамги: по заключению большинства современных исследователей, этот признак является значимым при атрибуции знака представителю той или иной ветви рода. Теоретически это не исключено.Но если окажется, что общий контур знака не является геральдически значимым, то число типов тамги сократится за счет «дублетных» знаков. Кроме того, некоторые знаки, фиксируемые на пломбах, читаются не полностью: за пределами оттиска остались завершения зубцов, основания ножки и т.п. При обнаружении новых, более сохранных экземпляров пломб, оттиснутых теми же парами матриц, ряд знаков, которые в настоящее время приходится считать, в силу их сохранности, различными, могут в действительности оказаться однотипными.

Конечно, какие-то из знаков простых линейных очертаний, датирующиеся в целом XII-XIII вв. могли появиться уже в конце XI в. Однако думается, что уверенно атрибуировать знаки линейных очертаний конкретным князьям XI в. явно преждевременно. Дело в том, что на протяжении всего XI в. потомки Владимира Святого пользовались знаками в форме трезубца. Однако среди лично-родовых знаков Рюриковичей

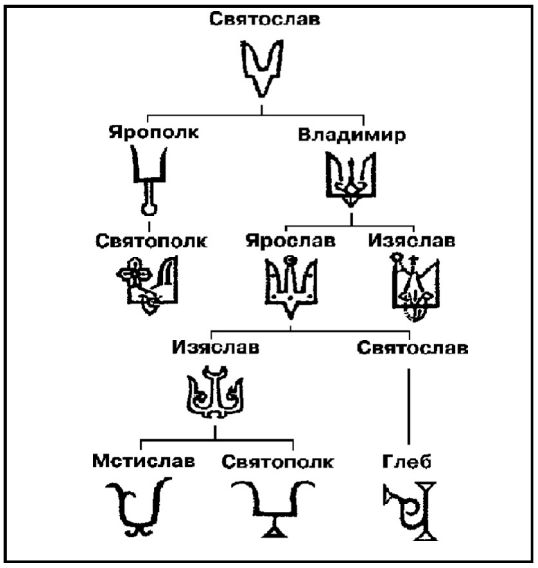

Рис. 4. Генеалогия знаков Рюриковичей X-XI вв. (по В.Л.Янину)

XII-XIII вв. преобладают знаки в форме двузубца, а трезубцы сравнительно немногочисленны. Использование большинством потомков Владимира Святославича знака в форме двузубца вряд ли случайно, как не случайно и то, что в XII-XIII вв. определенно продолжали использоваться трезубцы. С большой степенью вероятности можно предполагать, что и начало массового использования потомками Рюрика лично-родовых знаков, и преобладание среди этих знаков двузубцев, явились следствием одних и тех же событий, происходивших на рубеже XI-XII вв.

Очевидно, что основной задачей в изучении древнейшей русской геральдики является сбор и систематизация древнерусских княжеских знаков. Благодатнейшим источником для такого исследования являются домонгольские пломбы — массовый, а потому репрезентативный сфрагистический материал, в котором материализовалась деятельность княжеского аппарата домонгольской Руси. На первом месте, разумеется, стоит коллекция пломб из Дрогичина.

Дрогичинские пломбы (общие сведения)

Древнерусский город Дорогичин, впервые упомянутый в летописях под 1142 г., находится на западе Волынской земли (рис. 6). В результате археологических исследований, проводившихся в конце XIX в. (Авенариус 1890) и в 1950-е гг. (Musianowicz 1969) установлено, что город возник в XI в., а в XII-XIII вв. являлся крупным центром на польско-русском пограничье.

Одной из загадок древнерусского Дрогичина является огромное количество средневековых свинцовых пломб, найденных по берегам Буга в черте города. Наряду с безусловными западноевропейскими и византийскими, здесь найдены многочисленные древнерусские пломбы, в том числе — с изображениями двузубцев и трезубцев, либо производных от них форм. Это — наиболее представительная в настоящее время серия древнерусских княжеских знаков. К сожалению, информативные возможности дрогичинских пломб для изучения русской домонгольской геральдики в полной мере не используются. Хотя сами памятники находятся в поле зрения историков почти полтора столетия, до сих пор не установлено даже общее число находок: в литературе фигурируют разные цифры — от 8 до 15 тысяч пломб. Для сравнения напомню, что вторая по представительности коллекция древнерусских пломб — новгородская — едва достигает тысячи экземпляров, а прочие серии подобных находок (Ла-

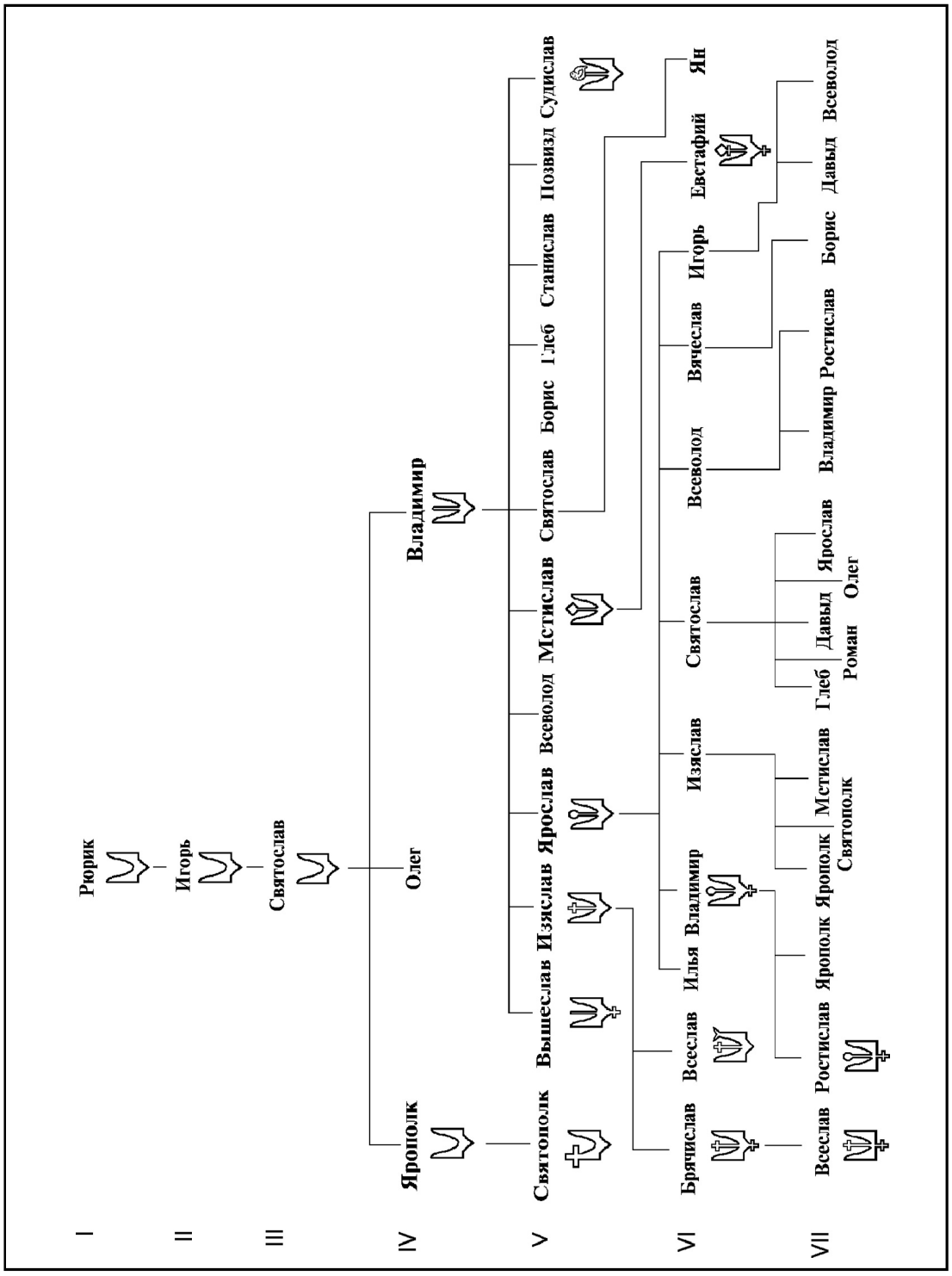

Рис. 5. Генеалогия знаков Рюриковичей X-XI вв.

дога, Псков, Рязань, Дубна и др.) не превышают нескольких десятков.

Дрогичинские пломбы с изображениями древнерусских княжеских знаков публикуются (рис. 7) со второй половины XIX в. (Тышкевич 1865; Леопардов 1880; Авенариус 1890 и др.). Обстоятельный обзор истории накопления источника и высказанных мнений, а также комментарии к изображенным на пломбах княжеским знакам был сделан Н.П.Лихачевым (1930). Однако и в это издание, и в таблицы «Сфрагистического альбома» (РА ИИМК, ф. 35, оп. 2, д. 444) Лихачев включил только отдельные образцы дрогичинских находок, а подавляющее их большинство осталось не воспроизведено. Составленная Н.П.Лихачевым таблица знаков Рюриковичей, помещенных на дрогичинских пломбах, включает 35 схем двузубцев (рис. 8), однако

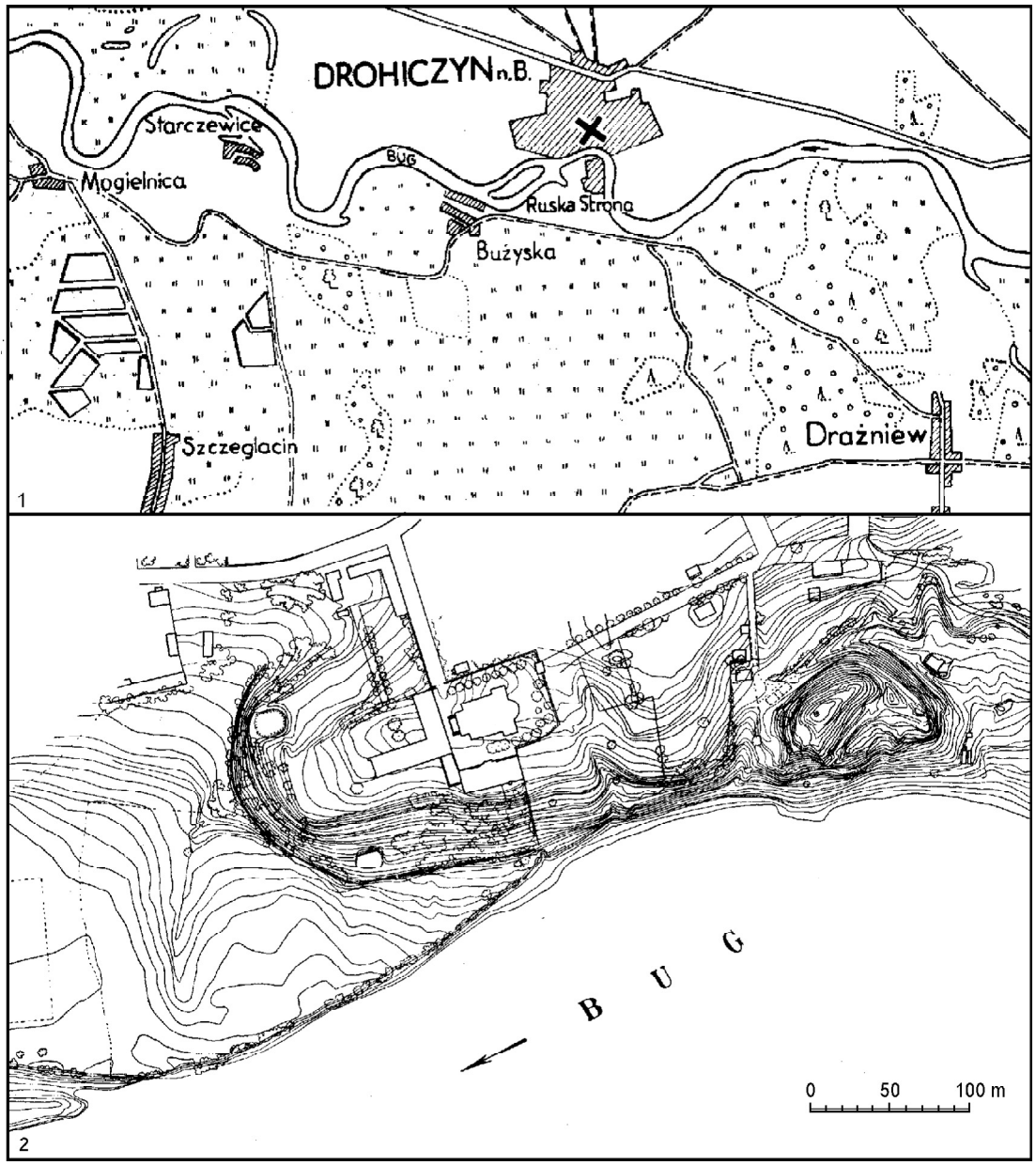

Рис. 6. Местоположение (1) и топография (2) города Дрогичина (по К.Мусянович)

исследователь озаглавил таблицу как «Наиболее употребительные на пломбах из Дрогичина знаки-тамги» (Лихачев 1930: 87, рис. 72), подчеркивая тем самым, что в таблицу включены не все княжеские знаки, зафиксированные на пломбах.

В статье Б.А.Рыбакова были помещены (рис. 9) рисунки 15 дрогичинских пломб с изображениями княжеских знаков (Рыбаков 1940: 246, рис.49-63).[1] Рыбаков, судя отсутствию ссылок в статье, не был знаком со вторым выпуском «Материалов...» Лихачева: воспроизведенные рисунки были заимствованы из публикаций XIX в. Случайный характер воспроизведенной подборки знаков очевиден.

После работ Лихачева, знаки на дрогичинских пломбах долгое время не привлекали к себе внимания, хотя упоминание о существовании этой серии знаков оставалось общим местом в работах, посвященных русской сфрагистике. Новая попытка изучения дрогичинских находок была предпринята только в 1970-е годы, когда к изучению древнерусских пломб обратился Б.Д.Ершевский. К сожалению, его публикация не заполнила лакуну: из-за ограниченного объема статьи собственно пломбы не воспроизводились — приведенная таблица включает 36 схематичных и крайне небрежно выполненных рисунка (рис. 10). Комментируя рисунки знаков, вклю-

[1] В тексте статьи, правда, исследователь говорит о 18 типах знаков, однако ссылается на те же 15 рисунков, помещенных в таблице на с.246.

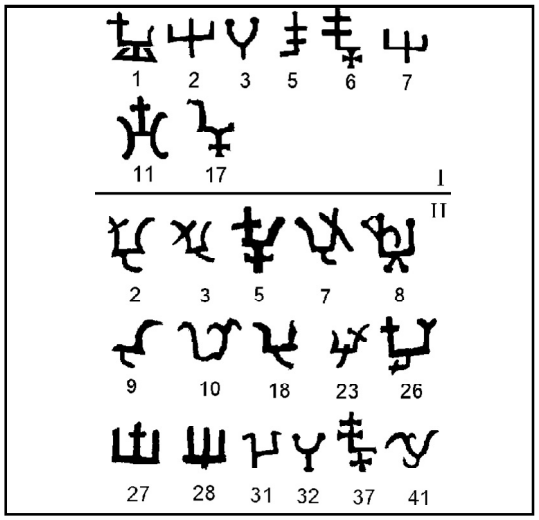

Рис. 7. Знаки на дрогичинских пломбах, по К.П.Тышкевичу (I) и Н.А.Авенариусу (II)

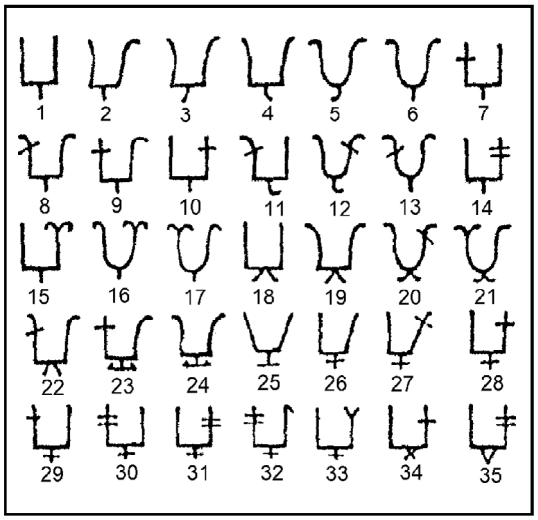

Рис. 8. Знаки на дрогичинских пломбах, по Н.П.Лихачеву (нумерация знаков моя — С.Б.)

ченные в таблицу, (Б.Д.Ершевский 1985: 39-40, табл. I), он разделял тамги на 9 категорий:

1. Знаки прямолинейных очертаний в виде двузубца, имеющие в основании вертикальный отрог;

2. Знаки прямолинейных очертаний в виде двузубца, имеющие в основании вертикальный отрог на горизонтальной черте.

3. Знаки прямолинейных очертаний в виде двузубца, имеющие в основании вертикальный отрог, перечеркнутый горизонтальной чертой.

4. Знаки прямолинейных очертаний в виде двузубца, имеющие в основании вертикальный отрог, зубцы знака перечеркнуты прямой.

5. Знаки прямолинейных очертаний в виде двузубца, имеющие в основании отрог, изогнутый влево.

6. Знаки прямолинейных очертаний в виде двузубца, имеющие в основании отрог, изогнутый вправо.

7. Знаки прямолинейных очертаний в виде двузубца, имеющие в основании отрог в форме «ласточкиного хвоста».

8. Знаки прямолинейных очертаний в виде двузубца, имеющие в основании отрог в форме треугольника, развернутого вершиной вверх.

9. Знаки плавных очертаний в виде двузубцев колоколовидной формы.

В этой группировке удивляет несопоставимый характер признаков: категории 1-3, 5-8 включают двузубцы прямоугольных очертаний, различающиеся формой ножки, отличительным признаком категории 4 оказывается форма зубцов, а категория 9 выделена по абрису двузубца. Кроме того, из текста не ясно, исчерпывается ли включенными в таблицу рисунками ассортимент знаков Рюриковичей на дрогичинских пломбах.

Отмечу, что состав знаков в таблице Б.Д.Ершевского не в полной мере соответствует составу знаков в таблице Н.П.Лихачева: количество знаков составляющих обе таблицы одинаково (35 и 36, при этом знаки 2 и 17а в таблице Ершевского одинаковые), однако совпадают только 10 схем. И это при том, что Ершевский, как следует из заглавия его статьи, положил в основу наблюдений пломбы, происходящие из собрания Лихачева (ныне в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа). Конечно, какие-то расхождения можно объяснить плохой сохранностью конкретных экземпляров пломб (неполнота оттиска, разрушение поверхности коррозией и т.п.). Однако — не столь значительные (более чем в три раза). У меня нет оснований доверять схемам Ершевского в большей степени, чем схемам Лихачева, как и наоборот. Очевидно, что ограничиваться публикацией только схем знаков недостаточно — схемы необходимо обосновывать.

Единственной значительной по объему серией опубликованных дрогичинских пломб — 981 прорисовка — остается свод К.В.Болсуновского (1894): именно эта серия позволяет представить место пломб с княжескими знаками в составе дрогичинской коллекции.

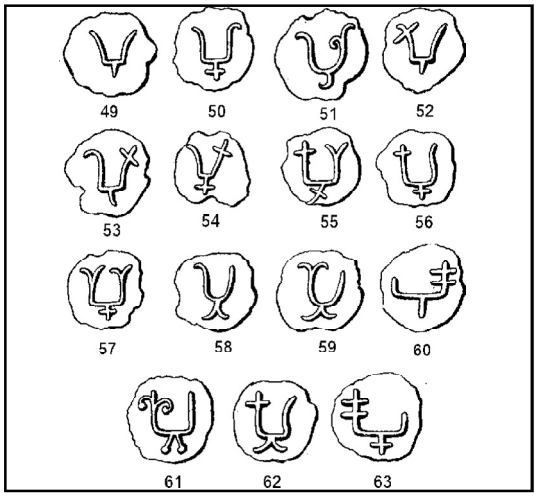

Рис. 9. Знаки на дрогичинских пломбах, по Б.А.Рыбакову (номера рисунков Б.А.Рыбакова).

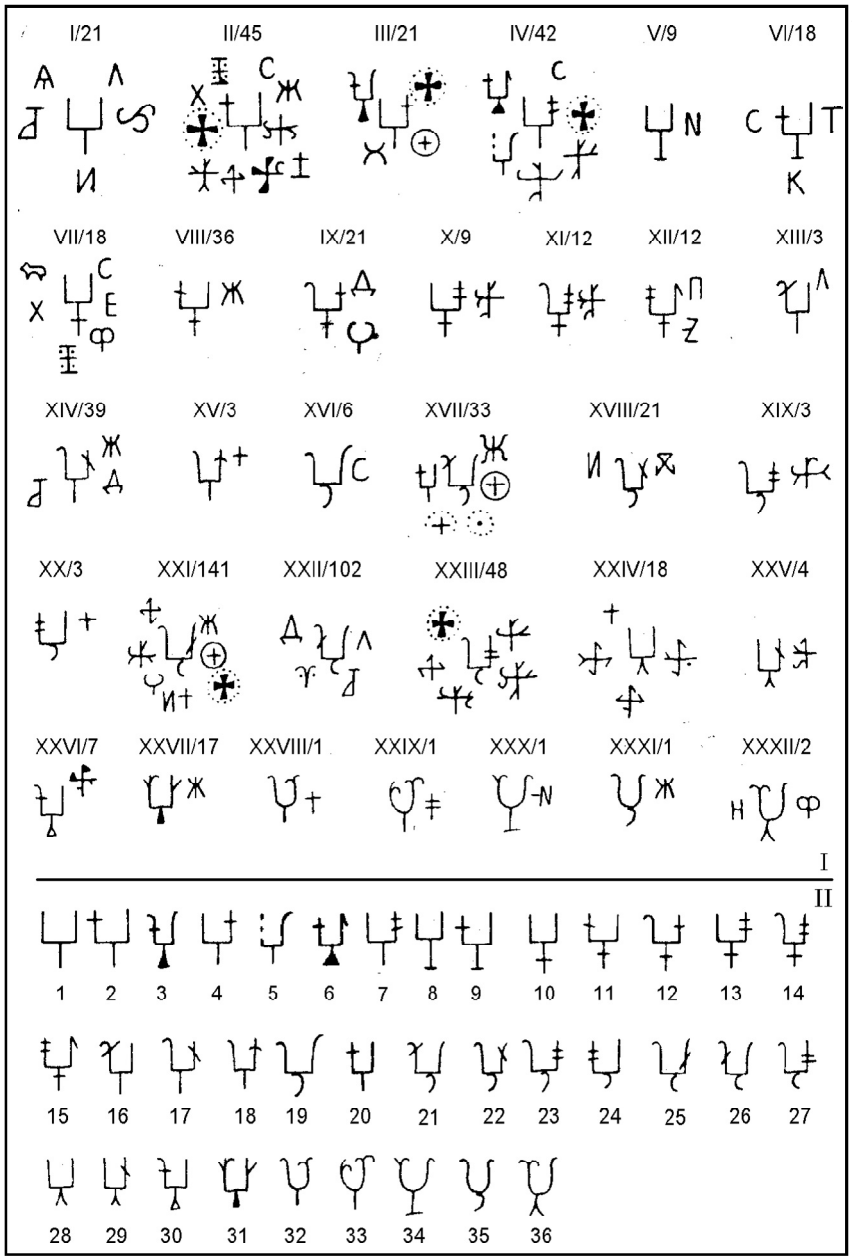

Рис.10. Знаки на дрогичинских пломбах, по Б.Д.Ершевскому. I — таблица Ершевского: римскими цифрами исследователь обозначал "типы" знаков, арабскими — количество пломб, на которых зафиксирован знак); II — знаки Рюриковичей, выделенные Ершевским (нумерация знаков моя — С.Б.)

Классификация княжеских знаков на пломбах из Дрогичина

Судя по публикации Болсуновского, пломбы, с изображениями древнерусских княжеских знаков, составляют около 30% от общего числа включенных в свод пломб. Однако сравнивать между собой тамгообразные знаки, помещенные на разных пломбах, сложно из-за разного качества оттисков, различия в исполнении матриц, которыми эти пломбы оттискивались, а также из-за плохой сохранности ряда воспроизведенных в своде пломб. Единственной возможностью для уверенного сопоставления является предварительная схематизация знаков.

Предваряя описание знаков на дрогичинских пломбах отмечу, что двузубцы и трезубцы могли быть ориентированы как зубцами вверх, так и зубцами вниз; в частности, на печатях и пломбах сторона с изображением княжеского знака по отношению к другой стороне могла быть ориентирована как ↑↓ так и ↑↑. Для унификации описаний и удобства сопоставлений знаки на пломбах далее всегда рассматриваются как ориентированные зубцами вверх. Номера конкретных пломб соответствуют (кроме оговоренных случаев) номерам в своде Болсуновского. Порядок обозначения лицевой и оборотной сторон пломбы сохранен в том виде, в каком прорисовки сторон пломбы помещены в своде Болсуновского, но оценочные определения «лицевая сторона» и «оборотная сторона» заменены на нейтральные — «сторона А» и «сторона Б».

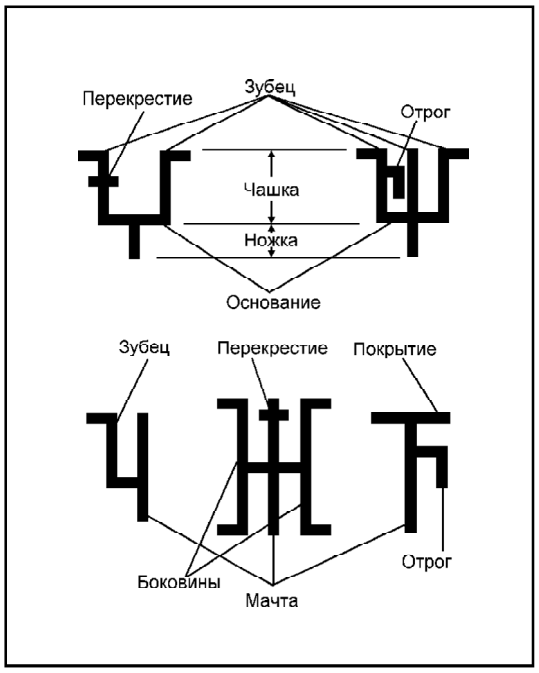

Рис.11. Терминология, используемая при описании знаков Рюриковичей.

Терминология обозначения отдельных частей княжеского знака не вполне устоялась. Размещая двузубцы и трезубцы зубцами вверх, я использую следующие основные термины: «зубцы», «основание», «чашка», «ножка», «отрог» и проч. (рис.11). Вероятность отнесения знаков, отличающихся от двузубцев и трезубцев, к числу древнерусских княжеских знаков обосновывается в тексте описания знаков соответствующих разрядов и типов.

Ссылки на конкретные пломбы даются по номерам в своде Болсуновского. Знаки прямоугольных и колоколовидных очертаний традиционно выделены в самостоятельные типы. Ссылки на схемы знаков даются в виде сложного номера (напр.: I/1/1), где первая слева позиция обозначает класс, вторая — разряд, а третья — тип (схему) знака. Кроме знаков на пломбах, в каталог древнерусских княжеских знаков из Дрогичина включен (№ I/7/4) также знак в форме двузубца, зафиксированный в клейме на дне сосуда (Musianowicz 1969: 25, tabl.V,*13*).

Все знаки можно разделить на шесть классов: двузубцы, трезубцы, трезубцы с укороченным центральным зубцом, удвоенные трезубцы, полутрезубцы, а также двузубцы и трезубцы, лишенные ножек.

Класс I
Двузубцы

Разряд 1
С крестовидной ножкой

Тип 1 (рис.12, схема 1). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу. Зафиксирован на пломбах № 652, 798 и 875. Вероятно, к этому же типу относится знак на пломбе, опубликованной Тышкевичем (рис.7: I,*17*).

Тип 2 (рис.12, схема 2). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на левом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 594. Возможно, к этому же типу принадлежат фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбах № 593 и 804.

Тип 3 (рис.12, схема 3). Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на левом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 592.

Фрагментарно сохранившийся знак на пломбе № 733 мог принадлежать как к типу 2, так и к типу 3.

Тип 4 (рис.12, схема 4). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты

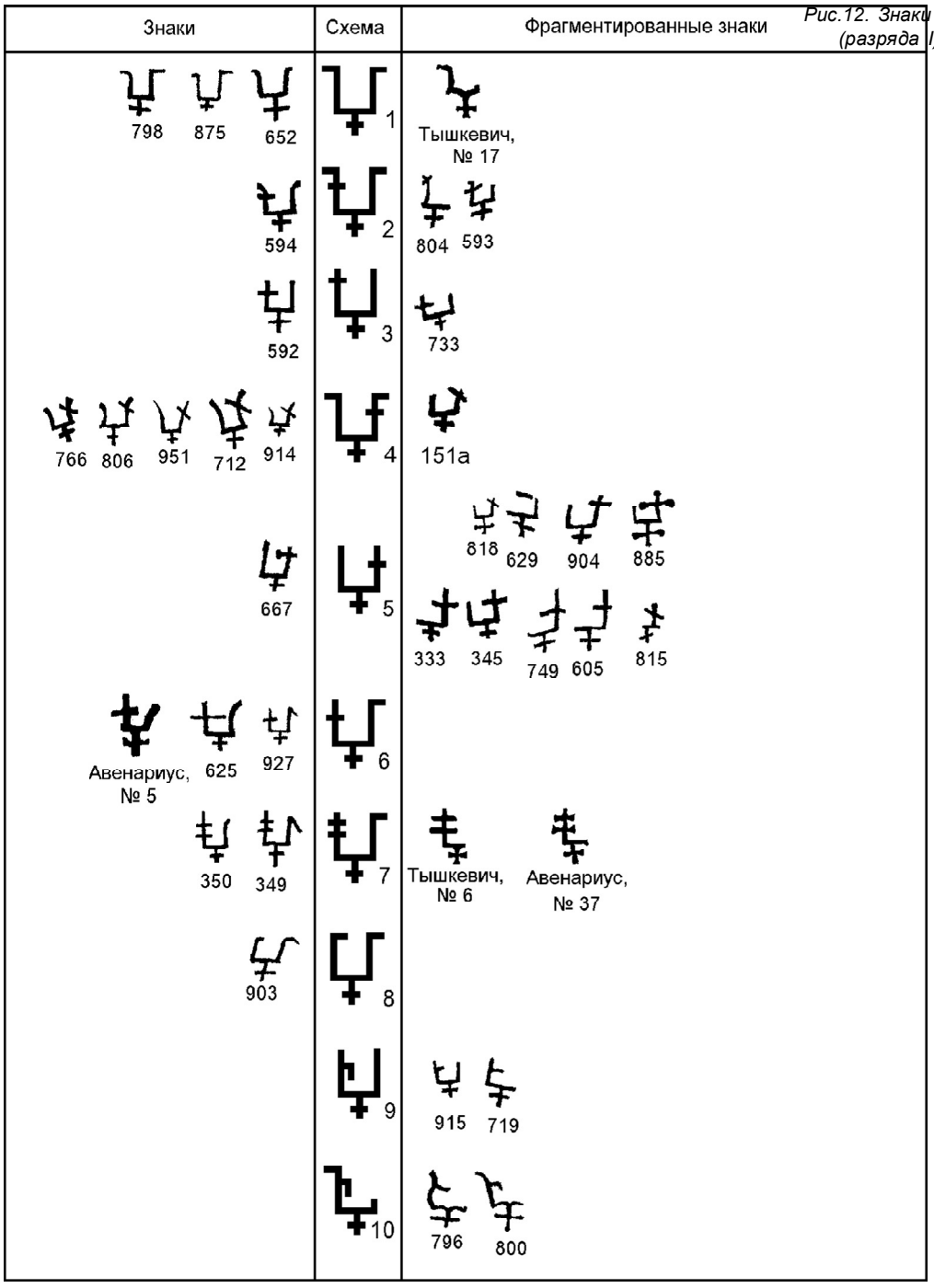

Рис.12. Знаки класса I (разряда I).

наружу, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 712, 766, 806, 914 и 951. Возможно, к этому же типу относится знак на пломбе № 151а.

Тип 5 (рис.12, схема 5). Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 667.

Фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбах № 333, 345, 605, 629, 749, 815, 818, 885 и 904, могли принадлежать как к типу 4, так и к типу 5.

Тип 6 (рис.12, схема 6). Двузубец прямоугольных очертаний, левый зубец вертикальный, завершение правого зубца отогнуто наружу, на левом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 625 и 927. К этому же типу относится также знак на пломбе, опубликованной Авенариусом (рис.7: II,*5*). Возможно, к этому же типу относится знак на пломбе № 344, поверхность которой, судя по прорисовке, подверглась деформации.

Тип 7 (рис.12, схема 7). Двузубец прямоугольных очертаний, левый зубец вертикаль-

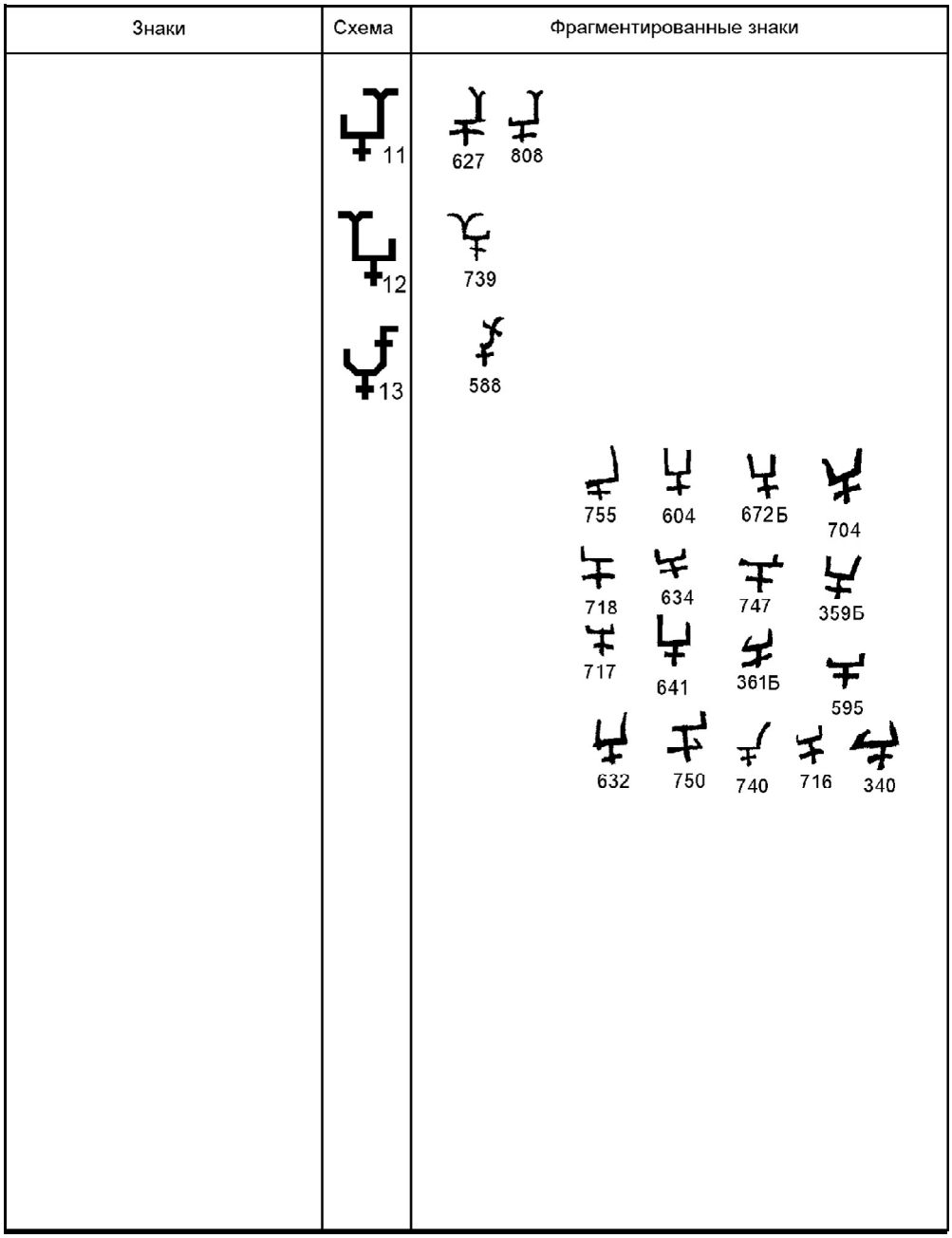

Рис.13. Знаки класса I (разряд 1).

ный, завершение правого зубца отогнуто наружу, на левом зубце двойное перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 349 и 350. Вероятно, к этому же типу принадлежат фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбах, опубликованных Тышкевичем (рис.7: I,6) и Авенариусом (рис.7: II,37).

Тип 8 (рис.12, схема 8). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты вправо. Зафиксирован на пломбе № 903.

Тип 9 (рис.12, схема 9). Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на левом зубце отрог внутрь. Знак зафиксирован на пломбах № 719 и 915, однако в обоих случаях завершения зубцов не вошли в площадь оттисков. Однако, судя по прорисовкам, вероятность того, что завершения зубцов не были отогнуты, достаточно велика.

Тип 10 (рис.12, схема 10). Двузубец прямоугольных очертаний, левый зубец отогнут наружу, завершение правого зубца не вошло в площадь оттисков, на левом зубце отрог внутрь. Знак зафиксирован на пломбах № 796 и 800.

Тип 11 (рис.13, схема 11). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца раздвоенное, завершение левого зубца не вошло в площадь оттисков. Зафиксирован на пломбах № 627 и 808.

Тип 12 (рис.13, схема 12). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца раздвоенное, завершение правого зубца не вошло в площадь оттиска. Зафиксирован на пломбе № 739.

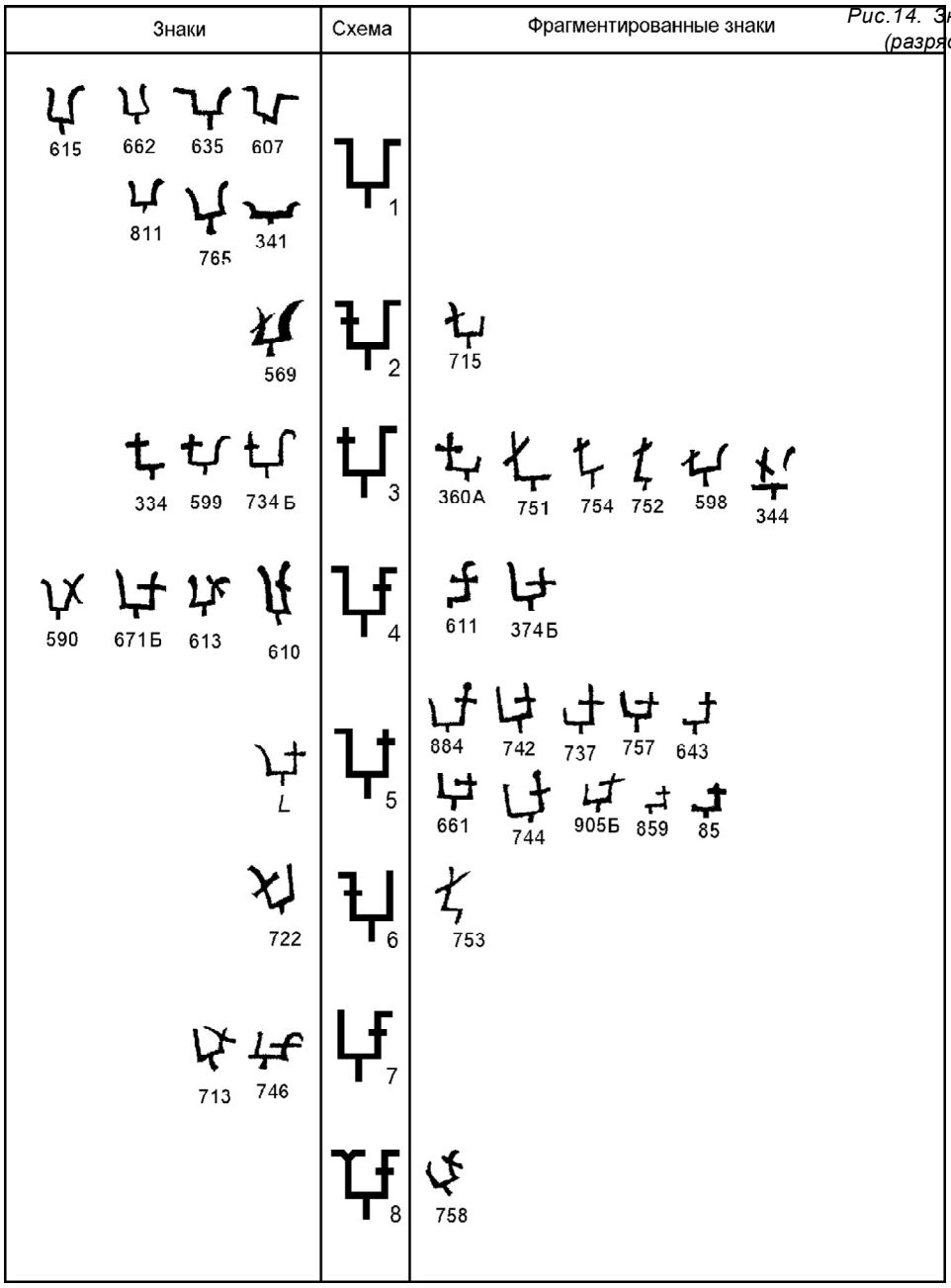

Рис.14. Знаки класса I (разряд 2).

Тип 13 (рис.13, схема 13). Двузубец колоколовидных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, завершение левого зубца не вошло в площадь оттиска, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 588.

На ряде пломб прослежены только основание и ножка знака: № 359 (сторона Б), 361 (сторона Б), 595, 604, 632, 634, 641, 672 (сторона Б), 704, 716, 717, 718, 740, 747, 750, 755.

Разряд 2
С вертикальной ножкой

Тип 1 (рис.14, схема 1). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу. Зафиксирован на пломбах № 341, 607, 615, 635, 662, 765 и 811.

Тип 2 (рис.14, схема 2). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на левом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 569. Возможно, к этому же типу принадлежит фрагментарно сохранившийся знак на пломбе № 715.

Тип 3 (рис.14, схема 3). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, на левом, вертикальном зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 599 и 734 (сторона Б). Возможно, к этому же типу относятся знаки на пломбах № 334, 360 (сторона А), 598, 751, 752 и 754.

Тип 4 (рис.14, схема 4). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты на-

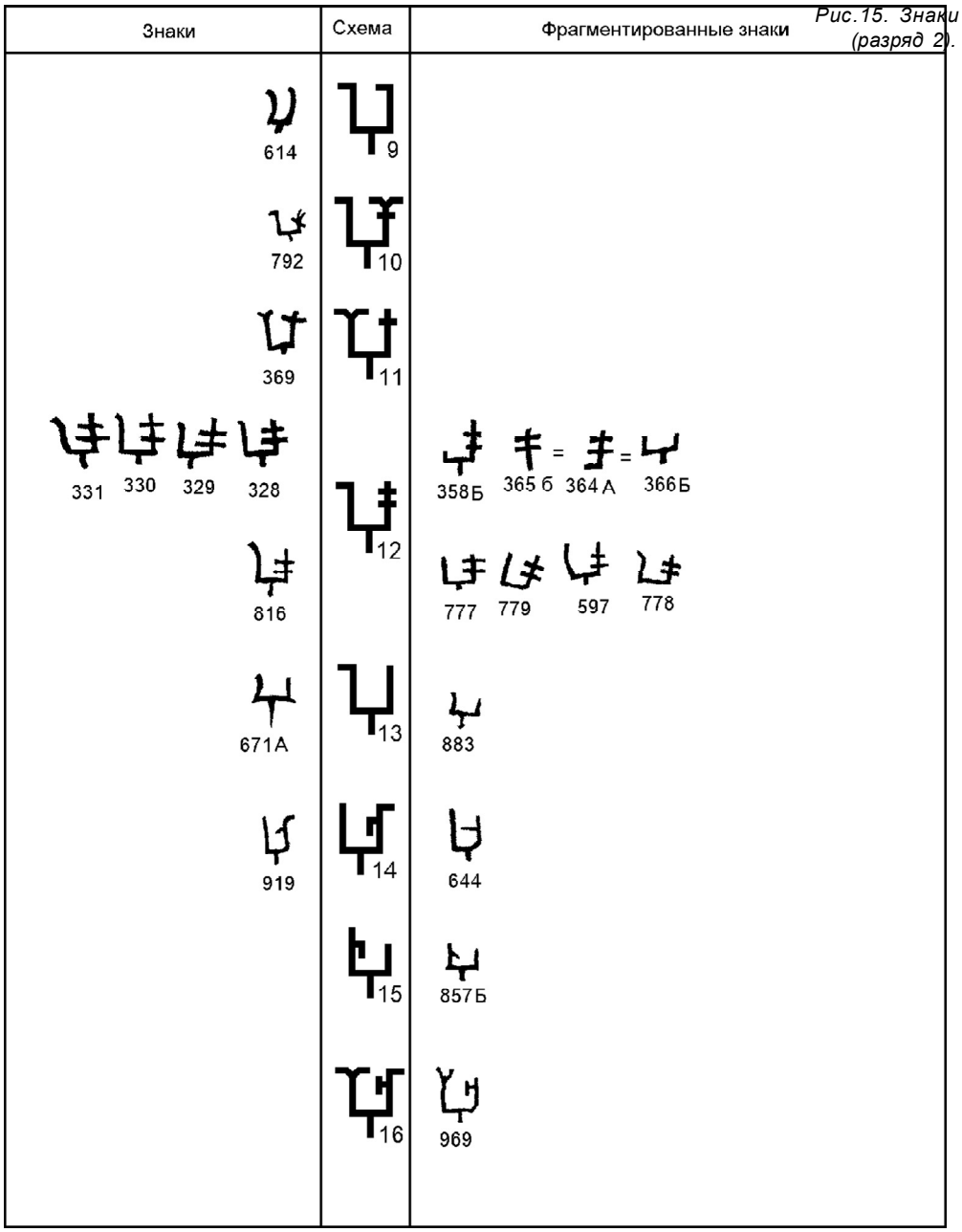

Рис.15. Знаки класса I (разряд 2).

ружу, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 590, 610, 613 и 671 (сторона Б). Возможно, к этому же типу относятся знаки на пломбах № 611 и 347 (сторона Б).

Тип 5 (рис.14, схема 5). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, на правом, вертикальном зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № L. Возможно, к этому же типу относятся знаки на пломбах № 643, 661, 737, 742, 744, 757, 859, 884 и 905 (сторона Б).

Тип 6 (рис.14, схема 6). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, правый зубец вертикальный, на левом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 722. Возможно, к этому же типу относится фрагментарно сохранившийся знак на пломбе № 753.

Тип 7 (рис.14, схема 7). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, левый зубец вертикальный, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 713 и 746.

Тип 8 (рис.14, схема 8). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты вправо, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 758.

Тип 9 (рис.15, схема 9). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты влево. Зафиксирован на пломбе № 614.

Тип 10 (рис.15, схема 10). Двузубец пря-

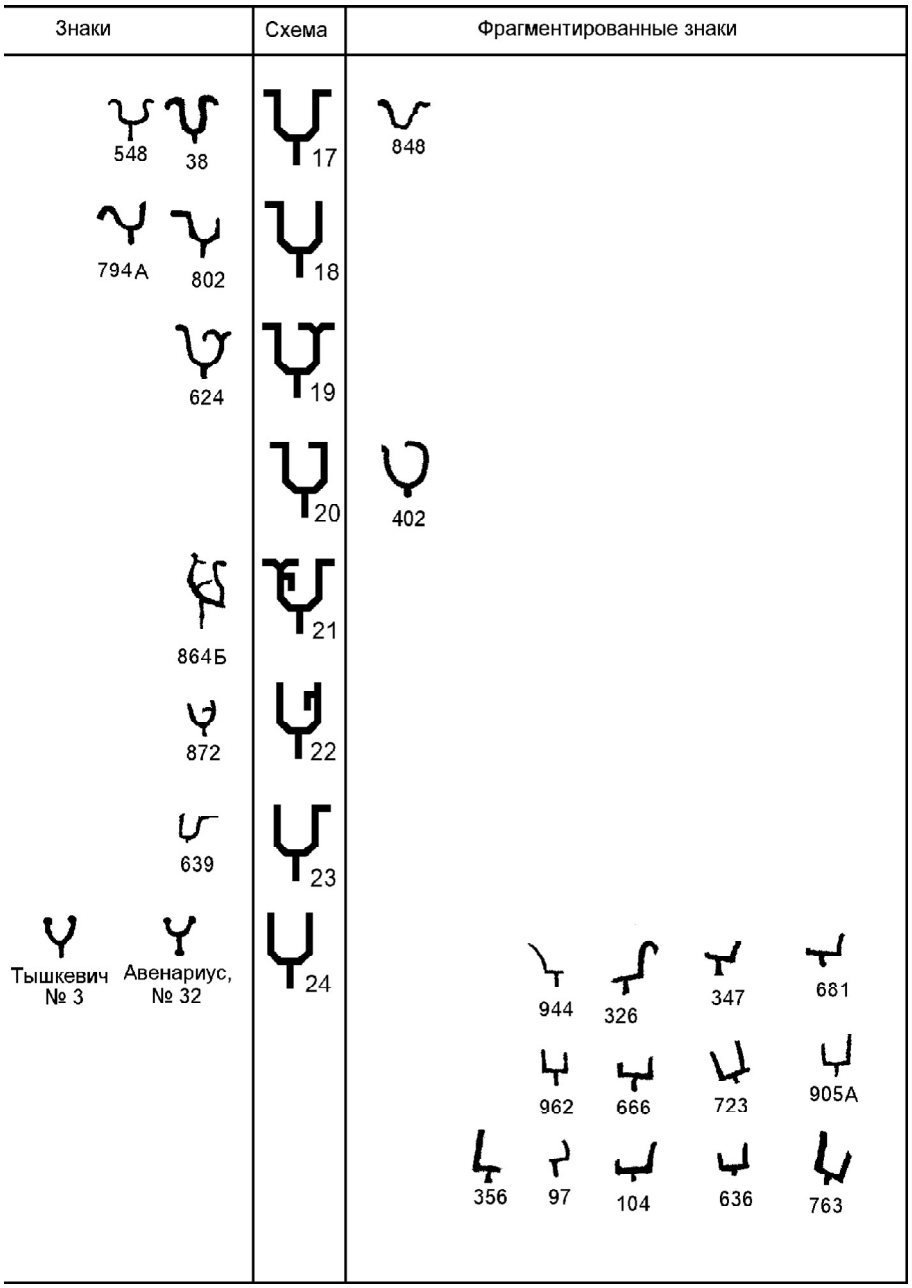

Рис.16. Знаки класса I (разряд 2).

моугольных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, завершение правого зубца раздвоенное, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 792.

Тип 11 (рис.15, схема 11). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца раздвоенное, на правом вертикальном зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 369.

Тип 12 (рис.15, схема 12). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, на правом вертикальном зубце двойное перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 328, 329, 330, 331 и 816. Возможно, к этому же типу относятся фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбах № 598, 777, 778, 779, а также на сторонах Б пломб № 358, 365, 366 и стороне А пломбы № 364, оттиснутых, вероятно, одной парой матриц.

Тип 13 (рис.15, схема 13). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, правый зубец вертикальный. Зафиксирован на стороне А пломбы № 671.

Тип 14 (рис.15, схема 14). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, левый зубец вертикальный, на правом зубце отрог внутрь. Зафиксирован на пломбе № 919. Возможно, к этому типу принадлежит фрагментарно сохранившийся знак на пломбе № 644.

Тип 15 (рис.15, схема 15). Двузубец прямоугольных очертаний, правый зубец верти-

кальный, завершение левого зубца не вошло в площадь оттиска, на левом зубце отрог внутрь. Зафиксирован на пломбе № 857 (сторона Б).

Тип 16 (рис.15, схема 16). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца раздвоенное, завершение правого зубца не вошло в площадь оттиска, на правом зубце Т-образный отрог внутрь. Зафиксирован на пломбе № 969.

Тип 17 (рис.16, схема 17). Двузубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу. Зафиксирован на пломбах № 38 и 548.

Тип 18 (рис.16, схема 18). Двузубец колоколовидных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, правый зубец вертикальный. Зафиксирован на пломбах № 794 (сторона А) и 802.

Тип 19 (рис.16, схема 19). Двузубец колоколовидных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, завершение правого зубца раздвоенное. Зафиксирован на пломбе № 624.

Тип 20 (рис.16, схема 20). Двузубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты влево. Зафиксирован на пломбе № 402.

Тип 21 (рис.16, схема 21). Двузубец колоколовидных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, завершение левого зубца раздвоенное, на левом зубце отрог внутрь. Зафиксирован на пломбе № 864 (сторона Б).

Тип 22 (рис.16, схема 22). Двузубец колоколовидных очертаний, зубцы вертикальные, на правом зубце отрог внутрь.

Тип 23 (рис.16, схема 23). Двузубец колоколовидных очертаний, левый зубец вертикальный, завершение правого зубца отогнуто наружу. Зафиксирован на пломбе № 639.

Тип 24 (рис.16, схема 24). Двузубец колоколовидных очертаний с вертикальными зубцами. Зафиксирован на пломбах, опубликованных Тышкевичем (рис.7: I,*3*) и Авенариусом (рис.7: II,*32*).

На ряде пломб прослежены только основание и ножка знака: № 347, 636, 666, 681, 723, 763, 905 (сторона А) и 962. На двух пломбах (№ 326 и 944) в площадь оттиска вошла часть основания, ножка и один из зубцов, что не дает основания уверенно отнести данные знаки к конкретному типу.

Разряд 3
С ножкой, отогнутой вправо

Тип 1 (рис.17, схема 1). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу. Зафиксирован на пломбах № 572, 573, 574, 678, 780, 813 и 876. Возможно, к этому же типу относится фрагментарно сохранившийся знак на пломбе № 628: хотя завершение левого зубца у этого знака осталось за пределами оттиска, но перекрестия или отрогов на зубце наверняка не было. К этому же типу принадлежит знак на пломбе, опубликованной Авенариусом (рис.7: II,*18*).

Тип 2 (рис.17, схема 2). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на левом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 367 (сторона А), 570, 585, 589, 767, 768 (оттиснута теми же матрицами, что и № 767 ?) и 770. Вероятно, к этому же типу принадлежат знаки на пломбах № 583, 584, 586, 701 и 711.

Тип 3 (рис.17, схема 3). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 582, 612, 684, 727, 805. Вероятно, к этому же типу относятся фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбах № 375 (сторона Б), 683 и 709. Такие же знаки помещены на пломбах, опубликованных Авенариусом (рис.7: II, *2,3,7*).

Тип 4 (рис.17, схема 4). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения левого зубца отогнуто наружу, на правом вертикальном зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 693, 880 и 881. Вероятно, к этому же типу относятся фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбах № 651 и 726.

Тип 5 (рис.17, схема 5). Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на левом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 949.

Тип 6 (рис.17, схема 6). Двузубец прямоугольных очертаний, левый зубец имеет Т-образное покрытие, завершение правого зубца отогнуто наружу. Зафиксирован на пломбе № 370.

Тип 7 (рис.17, схема 7). Двузубец прямоугольных очертаний, левый зубец вертикальный, завершение правого зубца раздвоенное. Зафиксирован на пломбе № 738. Вероятно, к этому же типу относится фрагментарно сохранившийся знак на пломбе № 706.

Тип 8 (рис.17, схема 8). Двузубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь. Зафиксирован на пломбе № 879.

На пломбах № 332, 702, 724 прослежены только основание и ножка знака. Кроме того, на нескольких пломбах (№ 571, 692, 700 и 764) в площадь оттиска вошли часть основания, ножка и один из зубцов, что не дает основания уверенно отнести данные знаки к конкретному типу.

Разряд 4
С ножкой, отогнутой влево

Тип 1 (рис.18, схема 1). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 587, 608, 668, 703. Возможно, этому же типу относится фрагментарно сохранившийся знак на пломбе № 745.

Тип 2 (рис.18, схема 2). Двузубец прямоугольн-

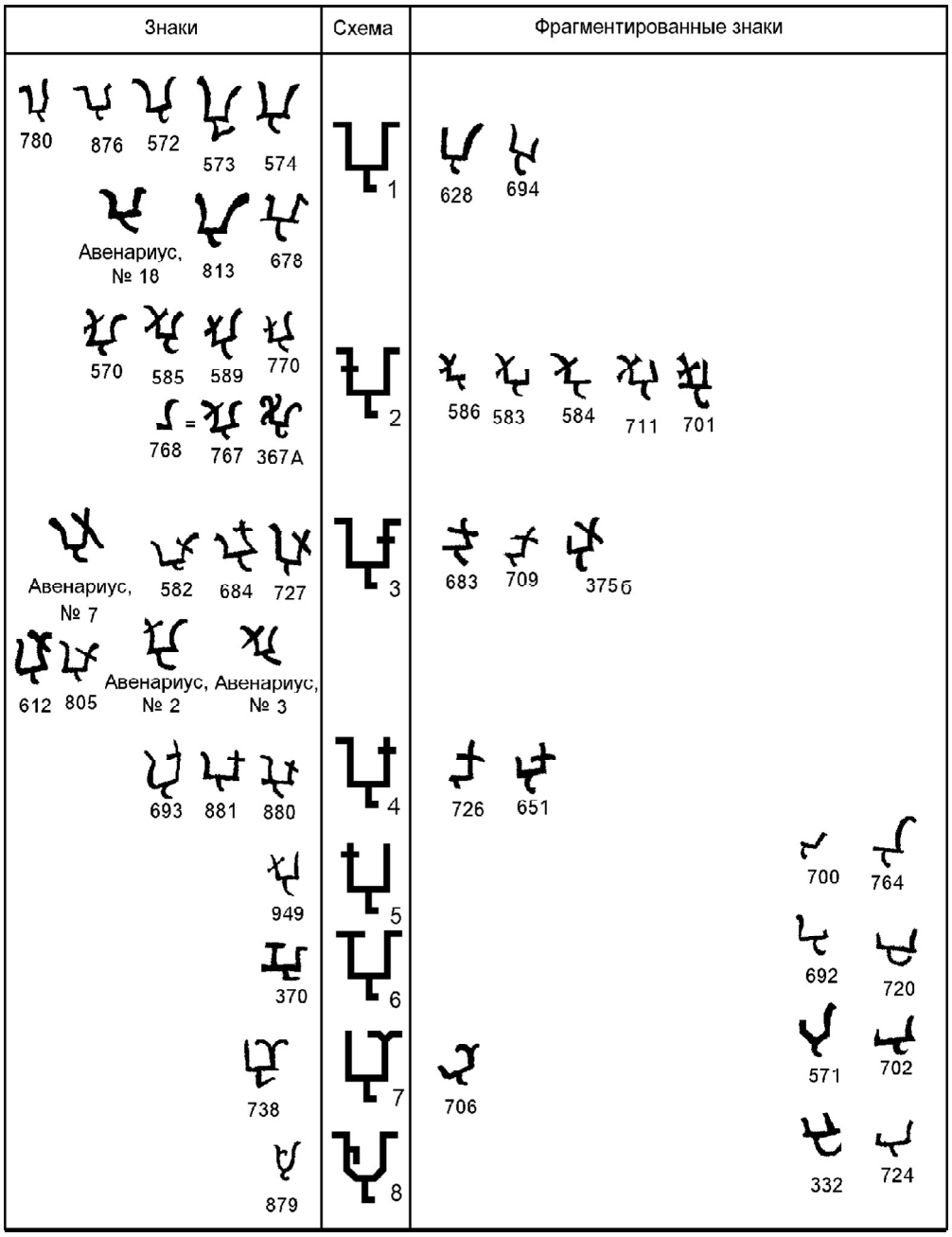

Рис.17. Знаки класса I (разряд 3).

ных очертаний, левый зубец вертикальный, завершение правого зубца отогнуто наружу, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 963.

Фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбах № 680 и 799 могли относится как к типу 1, так и к типу 2.

Тип 3 (рис.18, схема 3). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, завершение правого зубца раздвоенное. Зафиксирован на пломбе № 812.

Фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбах № 650, 679, 801, 814 и 920 могли относится как к типу 1, так и к типу 3.

Тип 4 (рис.18, схема 4). Двузубец прямоугольных очертаний, левый зубец вертикальный, завершение правого зубца отогнуто наружу. Зафиксирован на пломбе № 327. Возможно, к этому же типу относится фрагментарно сохранившийся знак на пломбе № 623.

Фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбах № 375 (сторона А) и 660 могли относится как к типу 2, так и к типу 4.

Тип 5 (рис.18, схема 5). Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на левом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 596. Возможно, к этому же типу относятся фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбах № 682, 685 и 695.

Тип 6 (рис.18, схема 6). Двузубец прямоугольн-

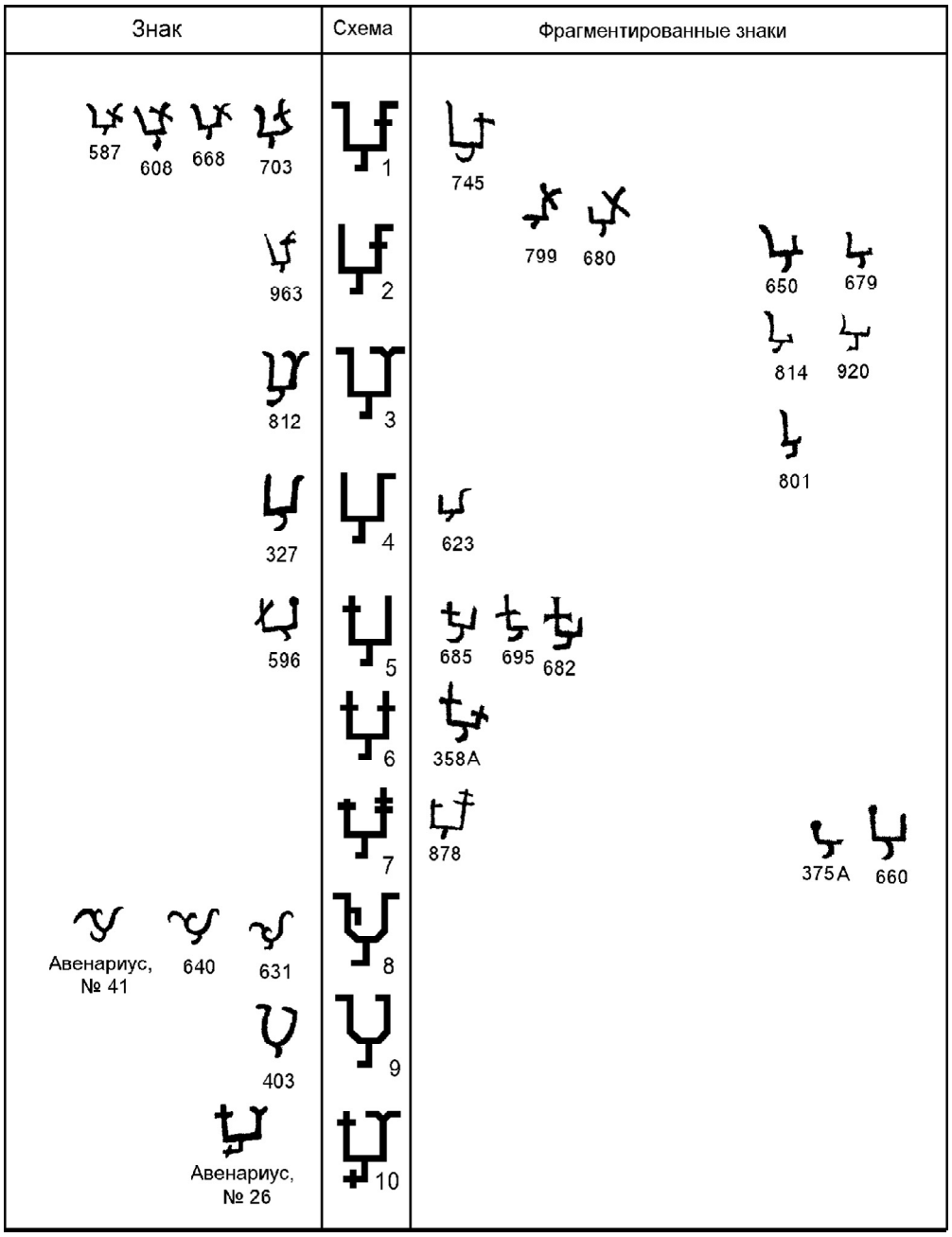

Рис.18. Знаки класса I (разряды 4-5).

ных очертаний, завершения зубцов не вошли в площадь оттиска, на зубцах перекрестия. Зафиксирован на пломбе № 358 (сторона А).

Тип 7 (рис.18, схема 7). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов не вошли в площадь оттиска, на левом зубце — перекрестие, на правом зубце — двойное перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 878.

Тип 8 (рис.18, схема 8). Двузубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь. Зафиксирован на пломбах № 631 и 640. К этому же типу принадлежит знак на пломбе, опубликованной Авенариусом (рис.7: II, *41*).

Тип 9 (рис.18, схема 9). Двузубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты влево. Зафиксирован на пломбе № 403.

Разряд 5
С ножкой, отогнутой влево и осложненной перекрестием

Тип 1(рис.18, схема 10). Двузубец прямоугольных очертаний, левый зубец вертикальный, имеет перекрестие, завершение правого зубца раздвоенное, на отгибе ножки помещено перекрестие. Знак этого типа помещен на пломбе, опубликованной Авенариусом (рис.2: II,*26*); на

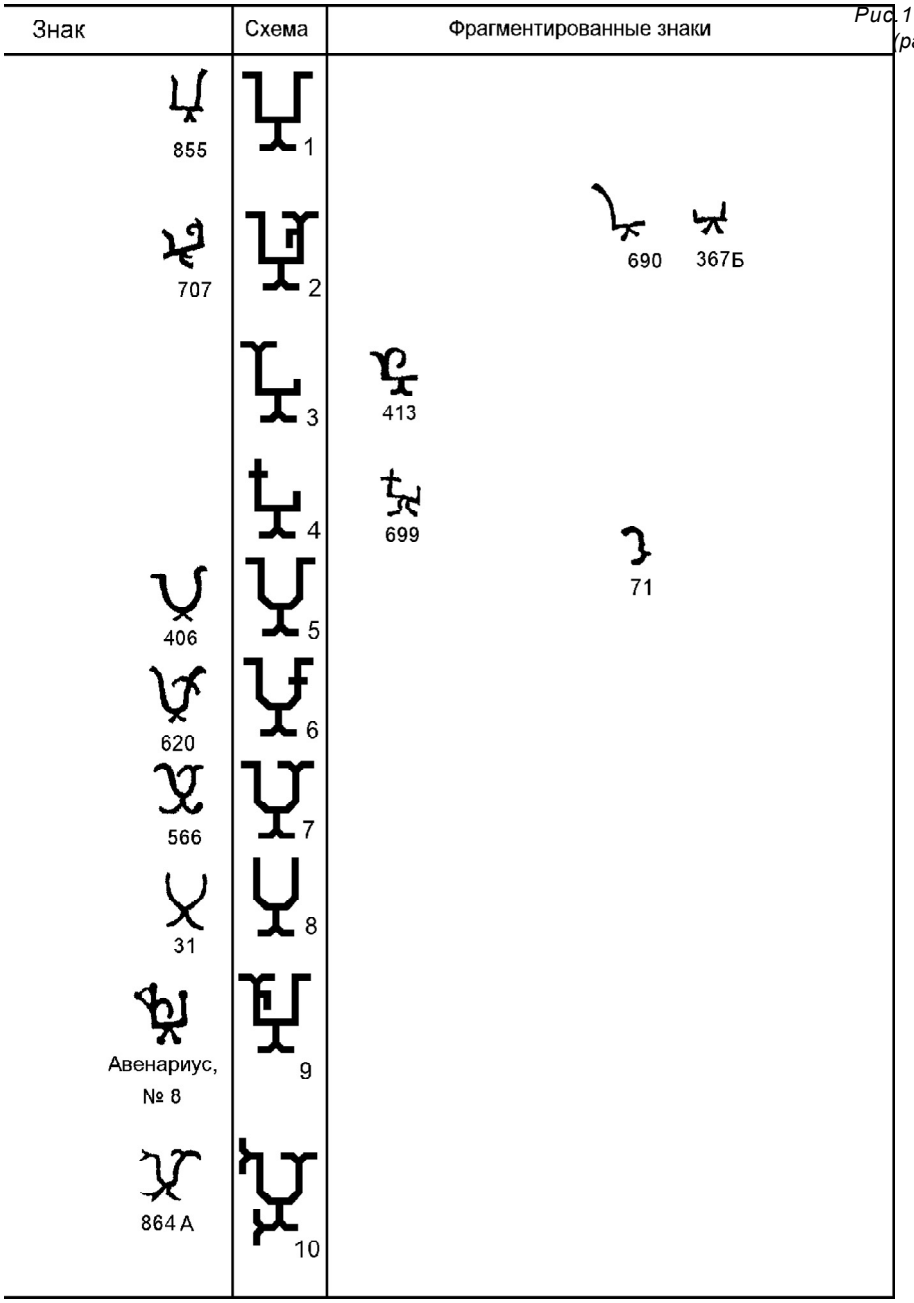

Рис.19. Знаки класса I (разряды 6-7).

пломбах. включенных в свод Болсуновского, такой знак отсутствует.

Разряд 6
С раздвоенной ножкой

Тип 1 (рис.19, схема 1). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу. Зафиксирован на пломбе № 855.

Тип 2 (рис.19, схема 2). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, завершение правого зубца раздвоенное, на правом зубце отрог внутрь. Зафиксирован на пломбе № 707.

Фрагментарно сохранившийся знак на пломбе № 690 мог относится как к типу 1, так и к типу 2.

Тип 3 (рис.19, схема 3). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца раздвоенное, завершение правого зубца не вошло в площадь оттиска. Зафиксирован на пломбе № 413.

Тип 4 (рис.19, схема 4). Двузубец прямоугольных очертаний, на левом вертикальном зубце перекрестие, завершение правого зубца не вошло в площадь оттиска. Зафиксирован на пломбе № 699.

Фрагментарно сохранившийся знак на пломбе № 367 (сторона Б) мог относится к любому из типов 1-4.

Тип 5 (рис.19, схема 5). Двузубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу. Зафиксирован на пломбе № 406.

Тип 6 (рис.19, схема 6). Двузубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 620.

Тип 7 (рис.19, схема 7). Двузубец колоколовидных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, завершение правого зубца раздвоенное. Зафиксирован на пломбе № 566.

Тип 8 (рис.19, схема 8). Двузубец колоколовидных очертаний, зубцы вертикальные. Зафиксирован на пломбе № 31.

Тип 9 (рис.19, схема 9). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца раздвоенное, завершение правого зубца отогнуто наружу, на левом зубце отрог внутрь. Знак этого типа помещен на пломбе, опубликованной Авенариусом (рис.7: II,*8*); на пломбах, включенных в свод Болсуновского, такой знак отсутствует.

Разряд 7
С раздвоенной ножкой, осложненной дополнительным раздвоением

Тип 1(рис.19, схема 10). Двузубец колоколовидных очертаний, отогнутое наружу завершение левого зубца раздвоенное, завершение правого зубца раздвоенное, левая часть раздвоенной ножки раздвоенная. Зафиксирован на пломбе № 864 (сторона А).

Разряд 8
С Т-образной ножкой

Тип 1 (рис.20А, схема 1). Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные. Зафиксирован на пломбе № 633.

Тип 2 (рис.20А, схема 2). Двузубец прямоугольных очертаний, левый зубец вертикальный, завершение правого зубца не вошло в площадь оттиска, на левом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 336.

Тип 3 (рис.20А, схема 3). Двузубец колоколовидных очертаний, правый зубец отогнут наружу, завершение левого зубца не вошло в площадь оттиска. Зафиксирован на пломбе № 157.

Тип 4 (рис.20А, схема 4). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу. Зафиксирован в клейме на дне сосуда (Musianowicz 1969: 25, tabl.V,*13*).

Разряд 9
С костылевидной ножкой

Тип 1 (рис.20Б, схема 1). Двузубец прямоугольных очертаний, левый зубец вертикальный, завершение правого зубца не вошло в площадь оттисков, на левом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 354 (сторона Б), 357 (сторона А), 362 (сторона А), и 697.

Тип 2 (рис.20Б, схема 2). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, завершение левого зубца не вошло в площадь оттисков. Зафиксирован на пломбах № 351, 371 (сторона Б), 698 и 795. Такой же знак помещен на пломбе, опубликованной Тышкевичем (рис.7: I,*1*).

Тип 3 (рис.20Б, схема 3). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца раздвоенное, завершение правого зубца не вошло в площадь оттиска. Зафиксирован на пломбе № 921.

На ряде пломб прослежены только основание и ножка знака: 337, 363 (сторона Б), 373 (сторона А)

Разряд 10
С ножкой в виде треугольника, обращенного острием вверх

Тип 1 (рис.21А, схема 1). Двузубец прямоугольных очертаний, левый зубец вертикальный, завершение правого зубца отогнуто наружу, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 609.

Тип 2 (рис.21А, схема 2). Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на левом зубце симметричные отроги внутрь и наружу. Зафиксирован на пломбе № 591.

Тип 3 (рис.21А, схема 3). Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на левом зубце перекрестие. Зафиксирован на трех фрагментарно сохранившихся пломбах № 366 (сторона А), 365 (сторона А), 364 (сторона Б), оттиснутых одними матрицами (?).

Тип 4 (рис.21А, схема 4). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты вправо. Зафиксирован на пломбе № 856. Возможно, к этому же типу относятся фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбах № 39, 339, 343 и 374 (сторона А).

Разряд 11
С ножкой, разделенной натрое

Тип 1 (рис.21Б, схема 1). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов не вошли в площадь оттиска, ножка в основании разделяется натрое. Зафиксирован на пломбе № 618.

Разряд 12
С полукруглой ножкой

Тип 1 (рис.21Б, схема 2). Двузубец прямоугольных очертаний, правый зубец не вошел в площадь оттиска, на левом вертикальном зубце двойное перекрестие. За-

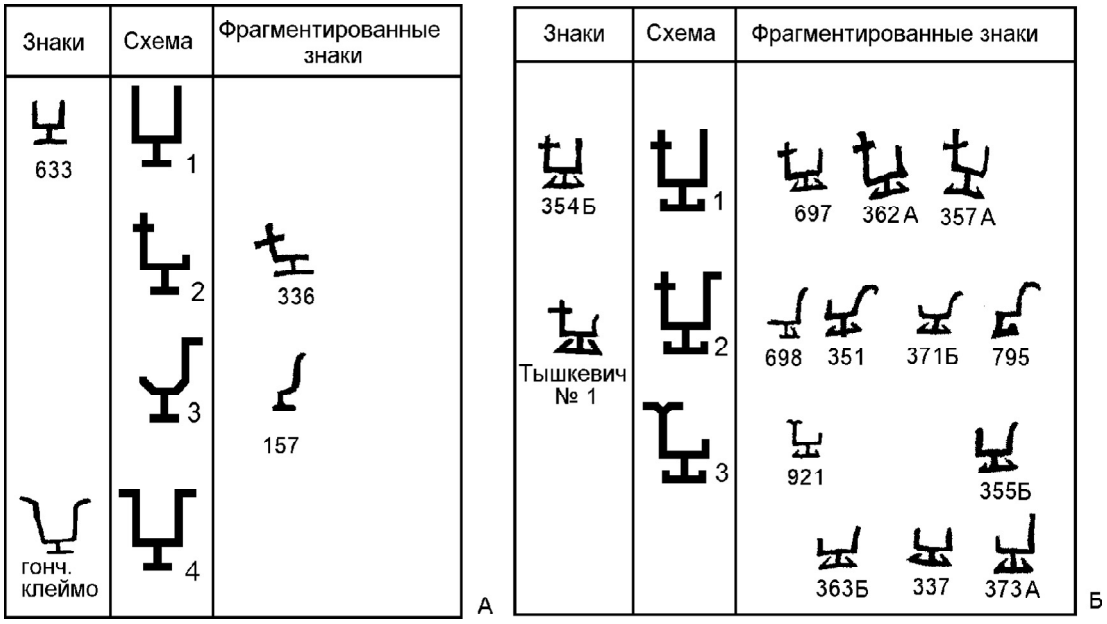

Рис.20. Знаки класса I (разряды 8-9).

фиксирован на пломбе № 784.

Разряд 13
С ромбовидной ножкой

Тип 1 (рис.21Б, схема 3). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, завершение левого зубца не вошло в площадь оттиска. Зафиксирован на пломбе № 95.

Разряд 14
С ножкой в виде треугольника, обращенного острием вниз

Тип 1 (рис.21Б, схема 4). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца не вошло в площадь оттиска, на правом вертикальном зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 886.

Класс II
Трезубцы

Разряд 1
С крестовидной ножкой

Тип 1 (рис.22, схема 1). Трезубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные. Зафиксирован на пломбе № 888.

Тип 2 (рис.22, схема 2). Трезубец прямоугольных очертаний, правый зубец отогнут наружу центральный зубец вертикальный, завершение левого зубца не вошло в площадь оттисков. Зафиксирован на пломбах № 81а и 606.

Тип 3 (рис.22, схема 3). Трезубец прямоугольных очертаний, левый зубец отогнут наружу центральный зубец вертикальный, завершение правого зубца не вошло в площадь оттисков. Зафиксирован на пломбе № 797.

Фрагментарно сохранившийся знак на пломбе № 874 мог относится к любому из типов 1-3.

Разряд 2
С вертикальной ножкой

Тип 1 (рис.22, схема 4). Трезубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные. Зафиксирован на пломбах № 360 (сторона Б), 553 и 916. Возможно, к этому же типу относятся фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбах № 68 и 577.

Тип 2 (рис.22, схема 5). Трезубец прямоугольных очертаний, левый и центральный зубцы вертикальные, завершение правого зубца отогнуто наружу. Зафиксирован на пломбе № 672 (сторона А).

Тип 3 (рис.22, схема 6). Трезубец прямоугольных очертаний, правый и центральный зубцы вертикальные, завершение левого зубца не вошло в площадь оттиска, на центральном зубце отрог вправо. Зафиксирован на пломбе № 734 (сторона А).

Тип 4 (рис.22, схема 7). Трезубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, центральный зубец вертикальный, завершение левого зубца не вошло в площадь оттиска. Зафиксирован на пломбе № 673 (сторона А). К этому же типу принадлежат знаки на пломбах, опубликованных Тышкевичем (рис.7: I,*2,7*) и Авенариусом (рис.7: II,*28*).

Разряд 3
С ножкой, отогнутой вправо

Тип 1 (рис.22, схема 8). Трезубец прямоуголь-

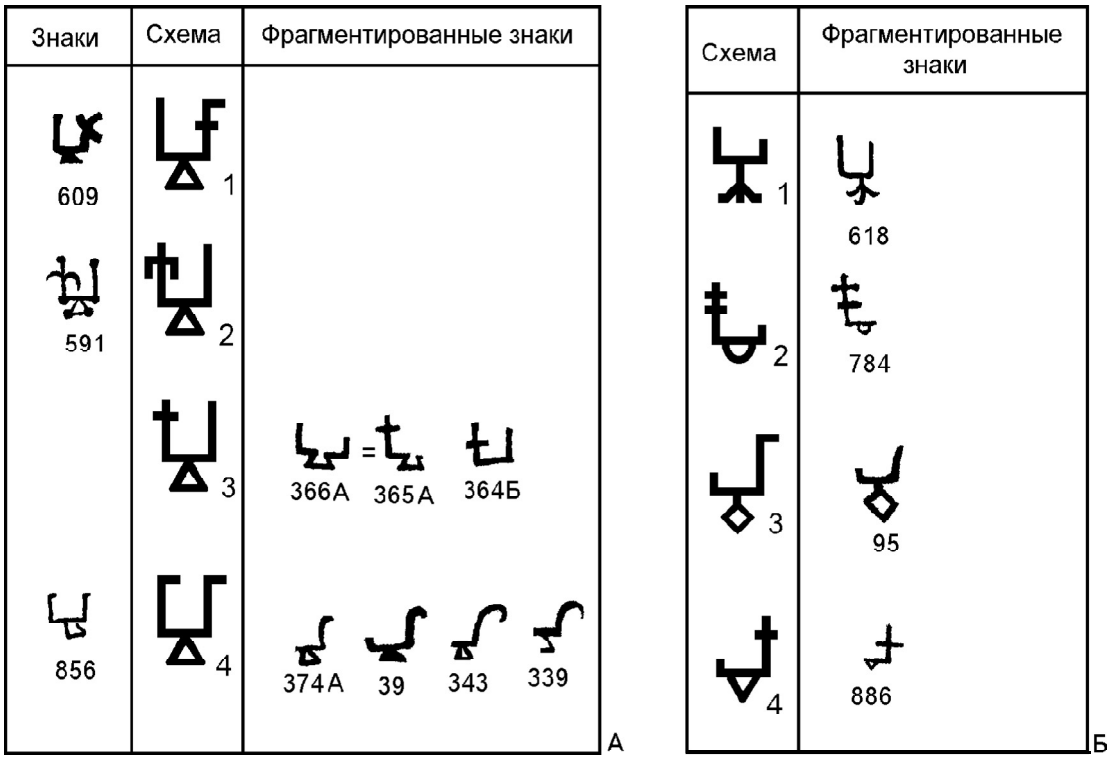

Рис.21. Знаки класса I (разряды 10-14).

ных очертаний, центральный зубец вертикальный, завершение правого зубца отогнуто наружу, завершение левого зубца не вошло в площадь оттиска, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 877 и 918.

Разряд 4
С ножкой, отогнутой влево

Тип 1 (рис.22, схема 9). Трезубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, центральный зубец вертикальный, завершение правого зубца не вошло в площадь оттиска. Зафиксирован на пломбе № 708.

Разряд 5
С раздвоенной ножкой

Тип 1 (рис.22, схема 10). Трезубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные. Зафиксирован на пломбе № 857.

Разряд 6
С Т-образной ножкой

Тип 1 (рис.22, схема 11). Трезубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнут наружу, левый зубец не вошел в площадь оттиска. Зафиксирован на пломбе № 870.

Класс III
Трезубцы с укороченным центральным зубцом

Разряд 1
С крестовидной ножкой

Тип 1 (рис.23, схема 1). Трезубец прямоугольных очертаний, правый зубец вертикальный, завершение левого зубца отогнуто наружу. Зафиксирован на фрагментарно оттиснутых пломбах № 642 и 665.

Разряд 2
С вертикальной ножкой

Тип 1 (рис.23, схема 2). Трезубец прямоугольных очертаний, правый зубец вертикальный, завершение левого зубца отогнуто наружу. Зафиксирован на пломбе № 943.

Тип 2 (рис.23, схема 3). Трезубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты вправо. Зафиксирован на пломбе № 725.

Тип 3 (рис.23, схема 4). Трезубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты влево. Зафиксирован на пломбе № 819.

Тип 4 (рис.23, схема 5). Трезубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, на правом вертикальном зубце двойное перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 353 (сторона Б), 687, 721. Вероятно, к этому же типу относятся фраг-

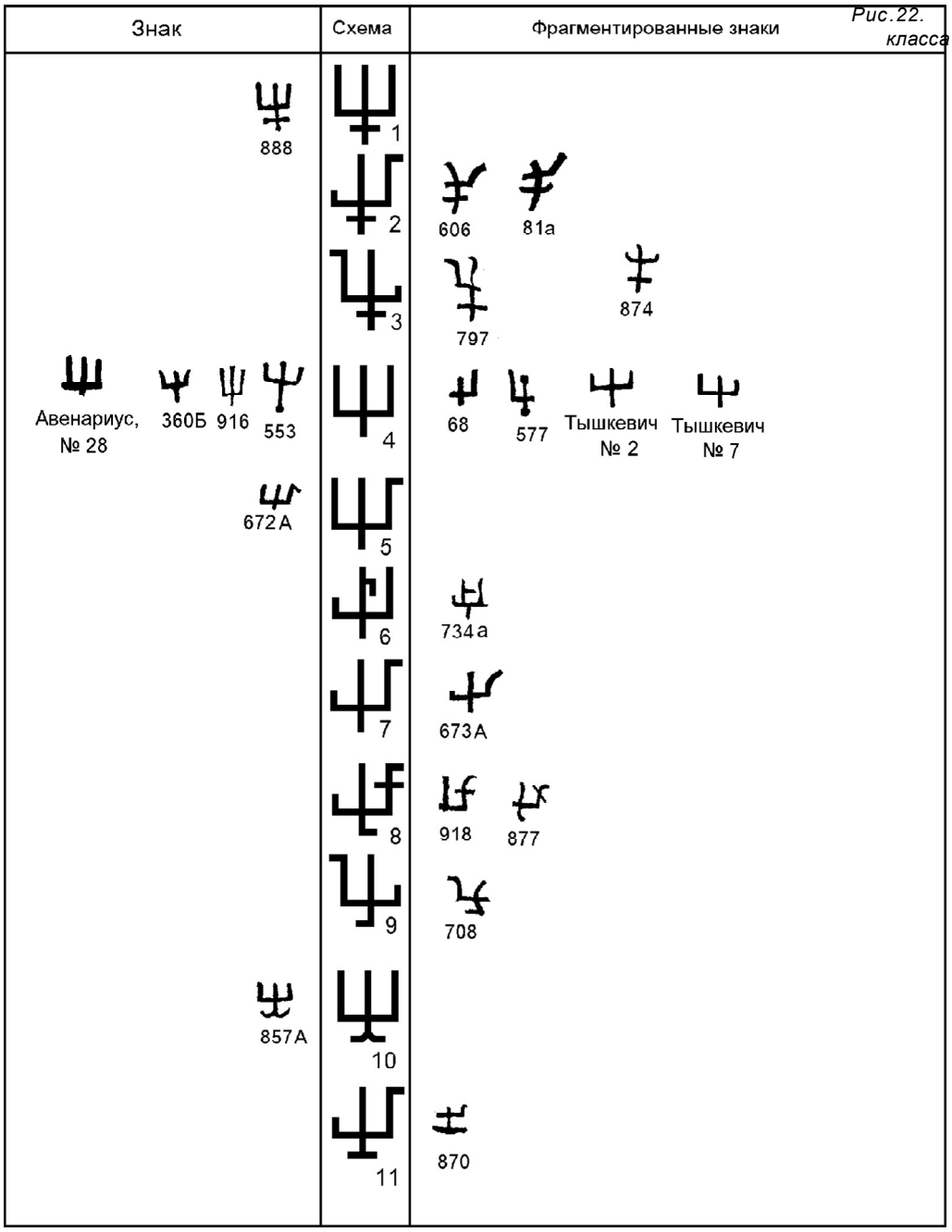

Рис.22. Знаки класса II.

ментарно сохранившиеся знаки на пломбах № 354 (сторона А), 362 (сторона Б), 686 и 925.

Тип 5 (рис.23, схема 6). Трезубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца не вошло в площадь оттиска, на левом вертикальном зубце двойное перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 842.

Тип 6 (рис.23, схема 7). Трезубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца не вошло в площадь оттиска, на левом вертикальном зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 361 (сторона А).

Тип 7 (рис.23, схема 8). Трезубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца не вошло в площадь оттиска, на правом вертикальном зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 809.

Тип 8 (рис.23, схема 9). Трезубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца не вошло в площадь оттиска, завершение правого зубца отогнуто наружу, на правом зубце отрог наружу. Зафиксирован на пломбе № 105а.

Тип 9 (рис.23, схема 10). Трезубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца не вошло в площадь оттиска, правый зубец вертикальный. Зафиксирован на пломбе № 736.

На пломбе № 373 (сторона Б) фиксируется основание знака и ножка, которые могут относиться к любому из типов 1-9.

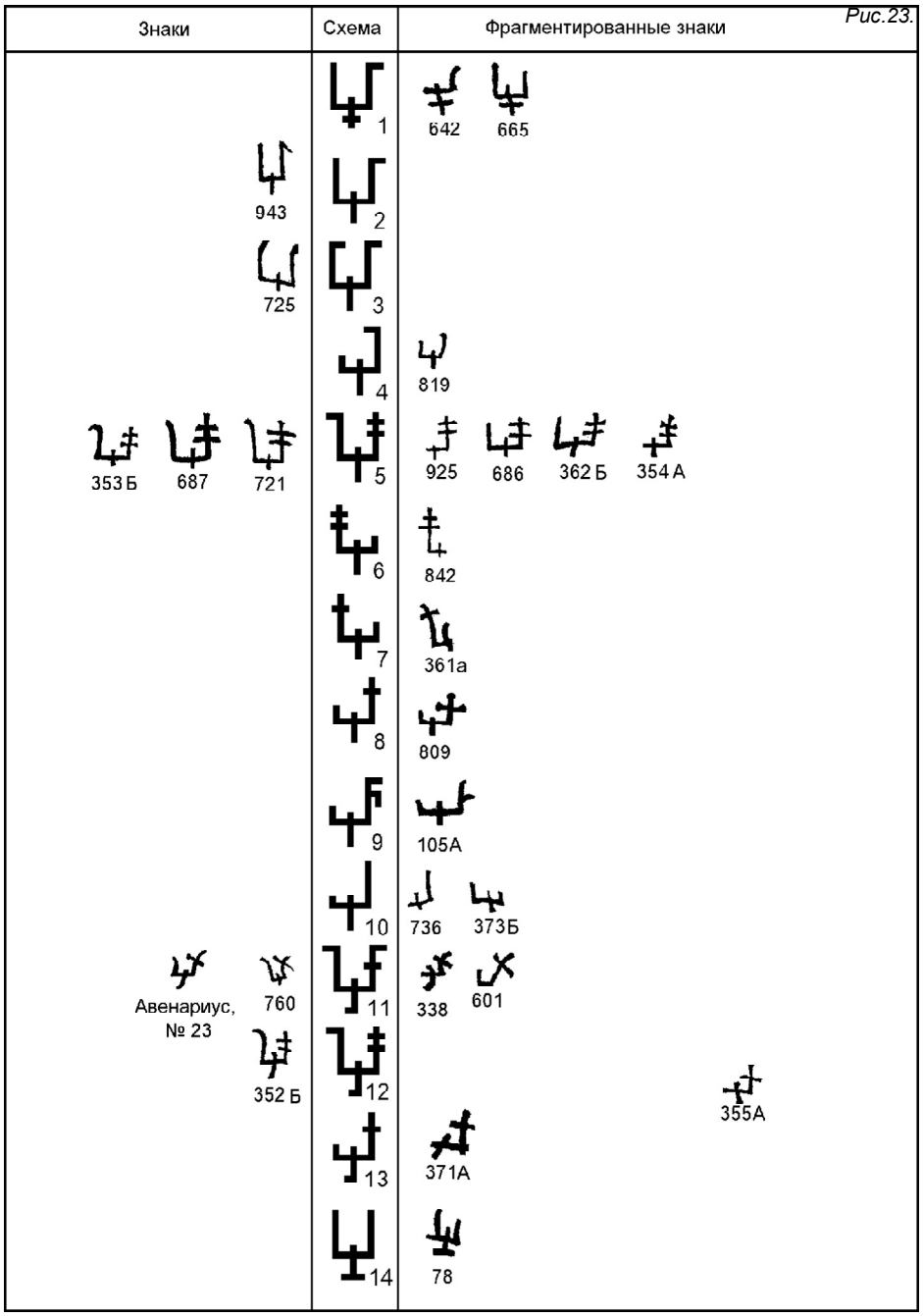

Рис.23. Знаки класса III.

Разряд 3
С ножкой, отогнутой влево

Тип 1 (рис.23, схема 11). Трезубец прямоугольных очертаний, завершения боковых зубцов отогнуты наружу, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 760. Возможно, к этому типу относятся фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбах № 338 и 601. К этому же типу относится знак на пломбе, опубликованной Авенариусом (рис.7: II,*23*).

Тип 2 (рис.23, схема 12). Трезубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, на правом вертикальном зубце двойное перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 352 (сторона Б).

Тип 3 (рис.23, схема 13). Трезубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца не вошло в площадь оттиска, на правом вертикальном зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 371 (сторона А).

Разряд 4
С Т-образной ножкой

Тип 1 (рис.23, схема 14). Трезубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные. Зафиксирован на пломбе № 78.

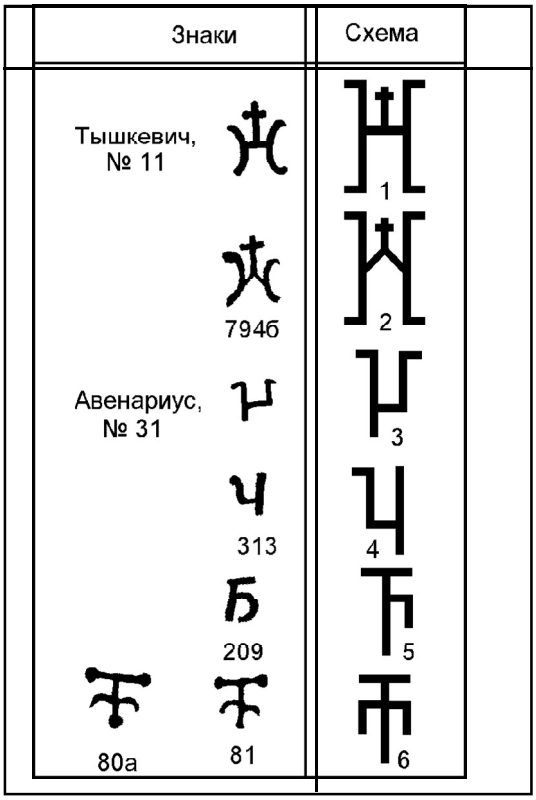

Рис.24. Знаки класса IV и V.

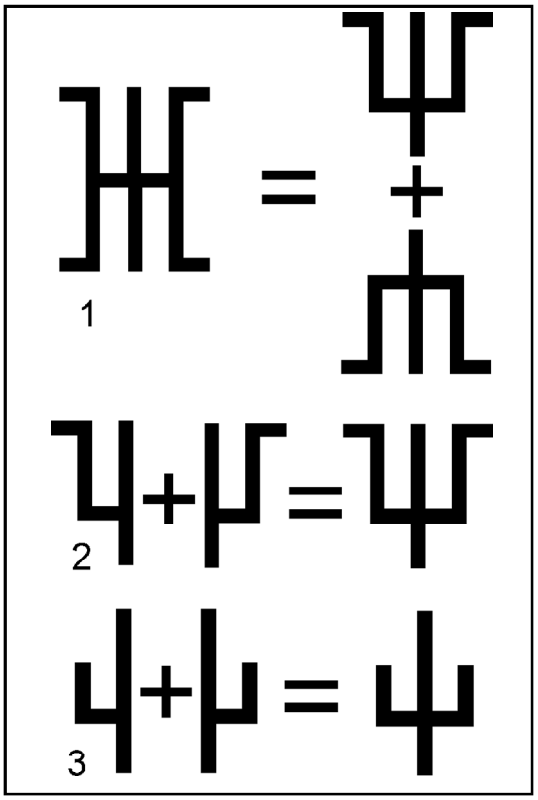

Рис.25. Схема образования знаков класса IV (1) и V (2-3).

Класс IV
Удвоенные трезубцы

Разряд 1
С горизонтальным основанием

Тип 1 (рис.24, схема 1). Знак в форме буквы **Ж**, основания и вершины боковин отогнуты наружу, полумачта имеет крестовидное завершение, основание полумачты горизонтальное. Зафиксирован на пломбе № 794 (сторона Б).

Разряд 2
С треугольным основанием

Тип 1 (рис.24, схема 2). Знак в форме буквы **Ж**, основания и вершины боковин отогнуты наружу, полумачта имеет крестовидное завершение, основание полумачты имеет вид треугольника, лишенного нижней стороны. Зафиксирован на пломбе, опубликованной Тышкевичем (рис.7: I,*11*).

Знаки, подобные рассматриваемым, обычно к числу знаков Рюриковичей не относят. Характеризуя знаки на печатях № 310-311, близкородственные рассматриваемому, В.Л.Янин признал их княжескими знаками, обозначил как «знаки индивидуальных форм», но от комментариев воздержался (Янин 1970, т.1: 137).

Полагаю, что рассматриваемые знаки следует считать производными от знаков в форме трезубца. На схеме (рис.25,*1*) показан принцип формирования такого знака — путем удвоения трезубца с использованием основания в качестве оси симметрии. Именно таким удвоенным трезубцем является знак на печати № 310, обладающий симметричными верхней и нижней частями. Знак IV/1/1-2, как и знак на печати № 311, потерявшие симметрию верхней и нижней частей за счет превращения мачты в полумачту, являются развитием исходной формы удвоенного трезубца.

Класс V
Полутрезубцы

Разряд 1
В форме буквы **Ч**

Тип 1 (рис.24, схема 3). Знак в форме буквы **Ч**. Зубец обращен вправо. Вершина мачты и завершение зубца отогнуты наружу. Зафиксирован на пломбе, опубликованной Авенариусом (рис.7: II,*31*).

Тип 2 (рис.24, схема 4). Знак в форме буквы **Ч**. Зубец обращен влево, завершение его отогнуто наружу. Зафиксирован на пломбе № 313.

Разряд 2
В форме багра

Тип 1 (рис.24, схема 5). Знак в виде вертикальной мачты с Т-образным (?) покрытием и отро-

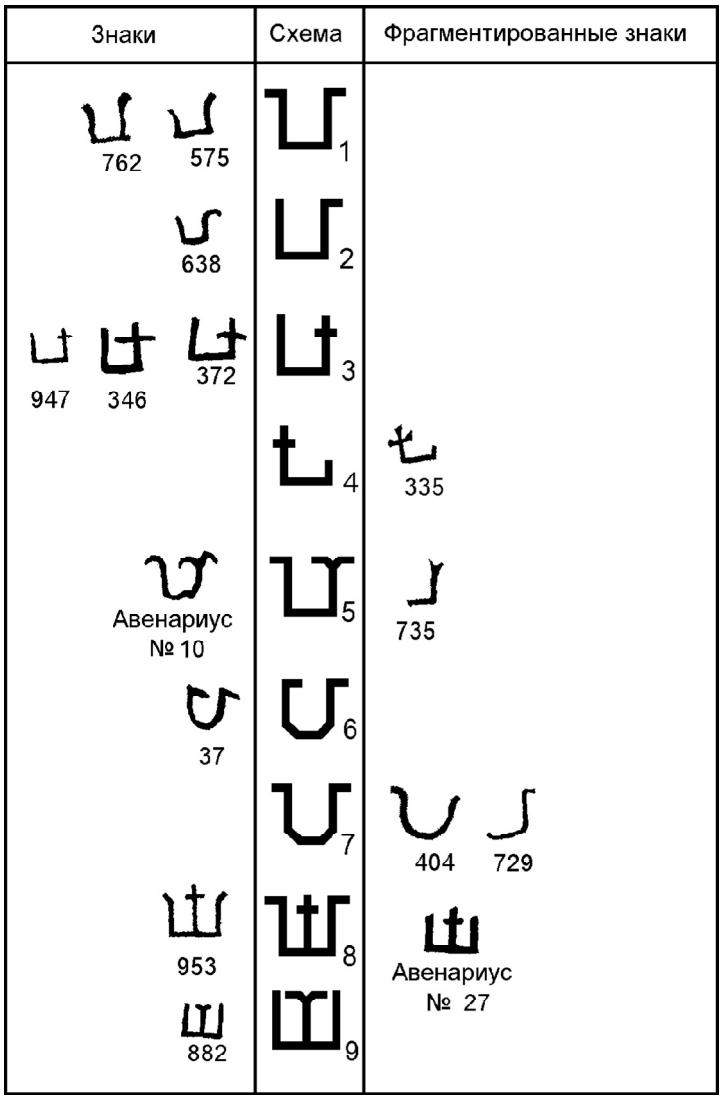

Рис.26. Знаки класса VI.

гом вправо. Зафиксирован на пломбе № 209, сохранился фрагментарно.

Тип 2 (рис.24, схема 6). Знак в виде вертикальной мачты с Т-образным покрытием и симметричными отрогами вправо и влево. Зафиксирован на пломбах № 80а и 81.

Знаки, близкородственные знакам класса V, в литературе часто называют *знаками в форме багра*. Впервые этот термин употребил Н.П.Лихачев (1930: 207), обозначавший, впрочем, знак, аналогичный знаку V/1/3 как «монограмму из двух букв Т и Р» (Лихачев 1930: 207). Принадлежность знаков в форме багра к числу знаков Рюриковичей Лихачев не комментировал, отметив только, что «на некоторых пломбах знак в форме как бы монограммы из букв Т и Р не препятствует помещению на другой стороне знака в типе колокольчика» (Лихачев 1930: 208), то есть — двузубца колоколовидных очертаний.

В.Л.Янин уверенно причислял знаки в форме багра к знакам Рюриковичей. В статье 1956 г. были суммированы сведения о знаках колоколовидной формы и знаках в форме багра. Персонифицируя на внегеральдических основаниях большинство известных по актовым печатям знаков этих двух групп, Янин высказал идею о наследовании лично-родового знака суздальскими Юрьевичами pars pro toto (рис.2). Правда, в 1970 г. исследователь отказался от версии наследования тамги суздальскими Рюриковичами. Однако в принадлежности знаков в форме багра князьям-Рюриковичам исследователь не сомневался, хотя и оставлял вопрос о конкретной принадлежности этих знаков открытым (Янин 1970, т.1: 145-146).

В статье 1982 г. В.Л.Янин вновь вернулся к проблеме принадлежности знаков в форме багра. Публикуя деревянный цилиндр из Михайловского раскопа Новгорода, исследователь сопоставил вырезанные на этом цилиндре знаки, родственные знакам V/1/1-2, со знаком, вырезанным на можжевеловой палочке из Неревского раскопа Новгорода и атрибуировал знаки князю Глебу Святославичу черниговскому, занимавшему новгородский стол в 1067-

1078 гг. (Янин 1982: 140,149,150). Никаких дополнительных аргументов в пользу принципиальной атрибуции багровидных знаков князьям-Рюриковичам приведено не было.

Между тем, вопрос о принципиальной принадлежности знаков в форме багра Рюриковичам нельзя считать решенным. Если отказаться от утратившей сфрагистическое обоснование гипотезы Янина, связавшего знаки «багровидной формы» с колоколовидными двузубцами в единую генеалогическую стемму, то принадлежность «багровидных» знаков к числу знаков Рюриковичей перестает быть очевидной. В качестве обоснования приводят факт совстречаемости на одних и тех же пломбах знаков «в форме багра» со знаками в форме двузубца. Однако пломба с изображениями двух различных знаков, как следует из самого оформления сфрагистической регалии, использовалась чиновником, выступавшим в своей деятельности представителем одновременно двух лиц. Конечно, в большинстве своем оба владельца знаков, помещенных на пломбе, являлись представителями рода Рюриковичей. Однако известны и такие случаи, когда на одной из сторон пломбы размещался знак Рюриковичей, а на другой — тамгообразный знак, принадлежность которого к числу лично-родовых знаков русских князей, по меньшей мере, проблематична. Поэтому присутствие «багровидных» знаков на одних и тех же пломбах вместе с двузубцами свидетельствует только о том, что оба знака одновременны.

Здесь уместно вспомнить, что знаки с центральной вертикальной чертой и прямоугольными ответвлениями боковых зубцов, родственные знакам V/1/1-2, соотносят со знаками в форме багра, родственными знакам V/2/1-2, по-разному. А.А.Молчанов полагает, что это — две различные группы знаков (Молчанов 1985: 70-71), а Б.Д.Ершевский, вслед за В.Л.Яниным, убежден, что речь идет об одной группе знаков (Ершевский 1978: 44). Для первой из двух групп путь соотнесения со знаками Рюриковичей был верно намечен Молчановым: обозначая знак не в качестве мачты с отрогом, а как фигуру, имеющую зубцы, он раскрыл тем самым принцип оформления знака (рис.25,*2*), в основе которого лежит фигура трезубца, разделенного по вертикальной оси симметрии — по центральному зубцу, переходящему в ножку. Иными словами, знаки в форме буквы Ч следует обозначать как полутрезубцы, являющиеся производными от трезубца (принцип наследования pars pro toto, угаданный В.Л.Яниным).

Признавая знаки в форме буквы Ч в качестве производных от трезубца Рюриковичей, я полагаю, в то же время, что были правы В.Л.Янин и Б.Д.Ершевский, объединявшие эти знаки со знаками в форме багра. Знак V/2/2, ориентированный Т-образным покрытием вниз, представляет собой трезубец с Т-образной ножкой. Если такая ориентация знака верна, то знак V/2/1 представляет собой не мачту с Т-образным покрытием и отрогом вправо, а полутрезубец с Т-образным основанием мачты и зубцом, обращенным влево (рис.25,*3*).

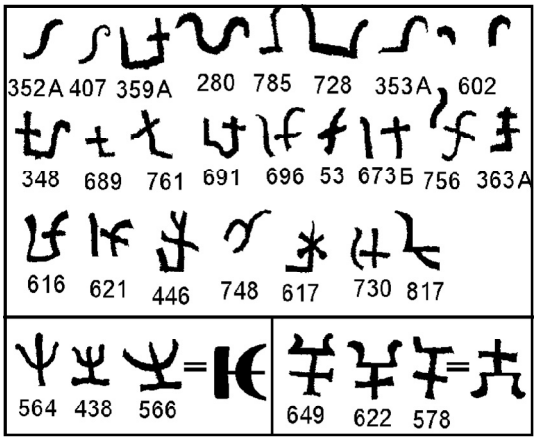

Рис.27. Фрагментированные знаки и знакообразные фигуры

Класс VI
Двузубцы и трезубцы без ножки

В самостоятельный класс княжеских знаков выделены немногочисленные двузубцы и трезубцы, лишенные ножки. Можно было бы считать, что подобного рода знаки не принадлежат к числу древнерусских княжеских знаков. Однако распространение подобных знаков по всей территории древней Руси, в том числе — присутствие их вместе с безусловными знаками Рюриковичей на плинфе древнерусских храмов, а также совпадение формы чашки у этих знаков с чашками собственно двузубцев и трезубцев, дают основание относить двузубцы и трезубцы без ножки к числу тамгообразных знаков, использовавшихся представителями правившей на Руси династии.

Разряд 1
Двузубцы

Тип 1 (рис.26, схема 1). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу. Зафиксирован на пломбах № 575 и 762.

Тип 2 (рис.26, схема 2). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, левый зубец вертикальный. Зафиксирован на пломбе № 638.

Тип 3 (рис.26, схема 3). Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбах № 346, 372 и 947.

Тип 4 (рис.26, схема 4). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца не вошло в площадь оттиска, на левом вертикальном зубце перекрестие. За-

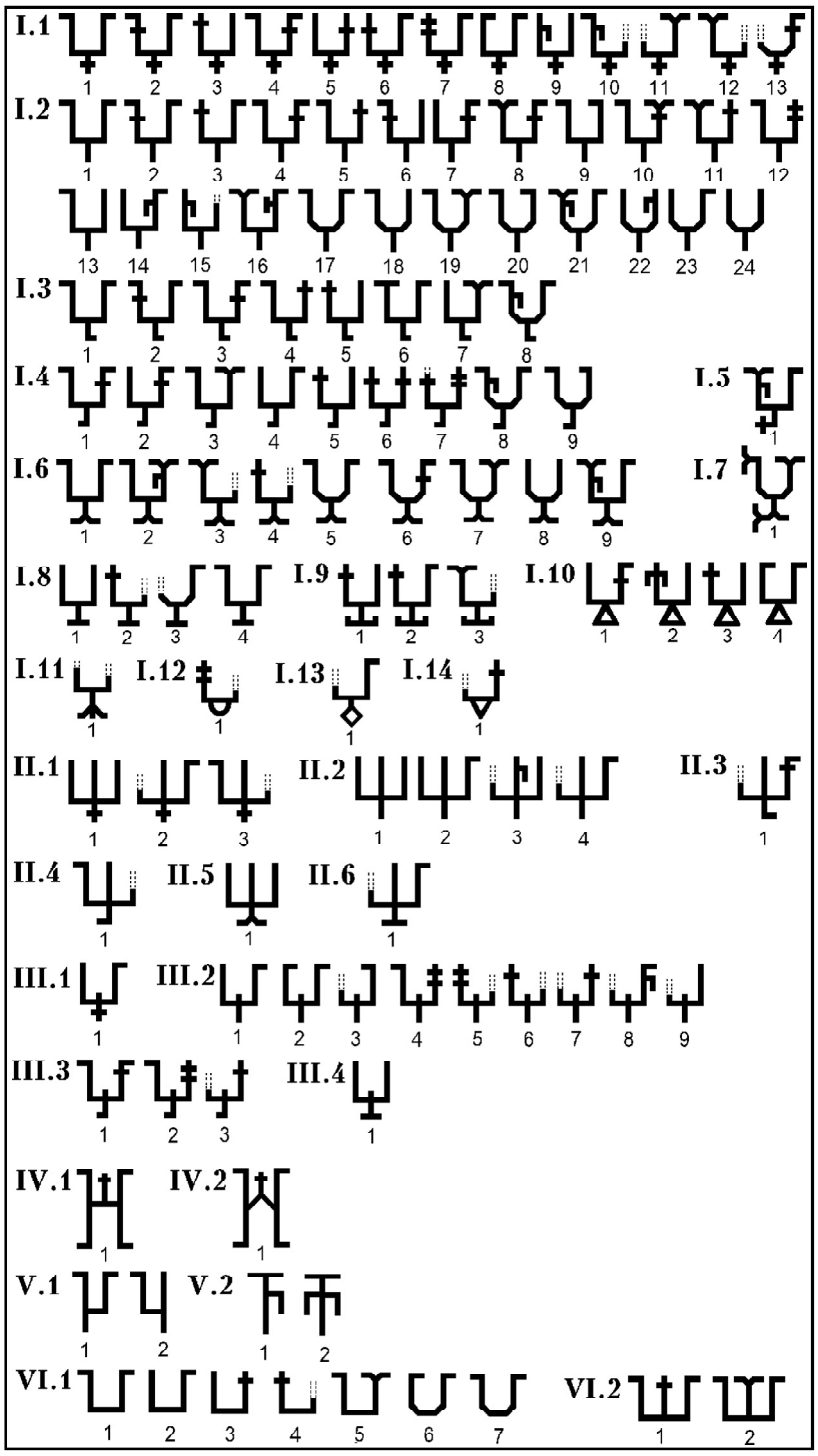

Рис.28. Знаки Рюриковичей на дрогичинских пломбах.

фиксирован на пломбе № 335.

Тип 5 (рис.26, схема 5). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, завершение правого зубца раздвоенное. Зафиксирован на фрагментарно оттиснутой пломбе № 735, а также на пломбе, опубликованной Авенариусом (рис.7: II,*10*).

Тип 6 (рис.26, схема 6). Двузубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты вправо. Зафиксирован на пломбе № 37.

Тип 7 (рис.26, схема 7). Двузубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу. Зафиксирован на пломбе № 404.

Разряд 1
Трезубцы

Тип 1 (рис.26, схема 8). Трезубец прямоугольных очертаний, боковые зубцы отогнуты наружу, на

Класс	Разряд	Тип
Двузубцы	13	80
Трезубцы	6	11
Трезубцы с укороченным центральным зубцом	4	14
Удвоенные трезубцы	1	2
Полутрезубцы	2	4
Двузубцы и трезубцы, лишенные ножек	2	9
ВСЕГО:	28	120

Таблица 1. Статистика княжеских знаков из Дрогичина

вертикальном центральном зубце перекрестие. Зафиксирован на пломбе № 953, а также, возможно, на пломбе, изданной Авенариусом (рис.7: II,27).

Тип 2 (рис.26, схема 9). Трезубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, завершение центрального зубца раздвоенное. Зафиксирован на пломбе № 882.

* * *

Кроме рассмотренных, на ряде пломб зафиксированы знаки, которые из-за фрагментарности оттиска трудно уверенно соотносить со знаками конкретного разряда (рис.27): хотя практически все фрагментированные знаки не фиксируют отклонений от уже рассмотренных типов, сохранность их оставляет слишком больший простор для отождествлений. Очевидно, что соотнести эти знаки с уже известными позволит только детальный штемпельный анализ сохранившихся дрогичинских пломб.

Среди фрагментарно сохранившихся знаков есть, однако, несколько таких, которые не находят себе соответствия среди рассмотренных знаков. Так, знак на пломбе № 730 наверняка является трезубцем колоколовидных очертаний с отогнутым наружу левым зубцом и перекрестием на центральном зубце. Фрагмент знака на пломбе № 748 принадлежит двузубцу (?) колоколовидных очертаний с отогнутым наружу завершением правого зубца и отрогом внутрь на этом зубце. Знак на стороне Б пломбы № 673 представляет собой двузубец колоколовидных (?) очертаний с отогнутым наружу завершением левого зубца и перекрестием на правом вертикальном зубце. Очевидно, что число выделенных типов княжеских знаков, помещенных на дрогичинских пломбах, должно будет измениться после проведения штемпельного анализа подлинных предметов.

Знаки на ряде пломб, вероятнее всего, не являются тамгообразными знаками, несмотря на внешнее сходство с ними. Так, трезубцы колоколовидных очертаний с Т-образной ножкой, помещенные на пломбах № 438, 564 (?) и 566, в действительности могут представлять собой кирилличес-кую лигатуру ~, а знаки, сходные с типом 1/1/1 на пломбах № 578, 622 и 649, скорее всего, являются, изображениями четырехконечного голгофского креста.

Таким образом, количественно среди дрогичинской серии княжеских знаков преобладают двузубцы различных типов (66%), а знаки, отнесенные к другим классам, зафиксированы менее представительными сериями (табл.1).

Сравнивая сводную таблицу знаков на дрогичинских пломбах (рис.28) с таблицами, опубликованными Н.П.Лихачевым (рис.8) и Б.Д.Ершевским (рис.10), нельзя не отметить расхождение в составе знаков. Из 35 схем, включенных в таблицу Лихачева, в нашей таблице находят себе соответствие 18 (более половины), а из 36 знаков, составляющих таблицу Ершевского, в нашей таблице имеются только 11 (менее трети). Установить причину расхождений, основываясь только на публикациях Н.П.Лихачева и Б.Д.Ершевского, к сожалению, невозможно.

Дрогичинские знаки: в поисках аналогий

Подавляющее большинство известных дрогичинских пломб, в том числе все предметы, включенные в свод Болсуновского, происходят из подъемного материала по берегам Буга, поэтому вопрос о хронологической приуроченности пломб и, соответственно, о хронологии помещенных на этих пломбах знаков требует специального комментария. Неоднократно отмечалось, что кроме безусловно древнерусских пломб в черте Дрогичина найдены достаточно многочисленные западно-европейские пломбы XIII-XV вв. и более позднего времени. Н.П.Лихачев во втором выпуске «Материалов...» детально проанализировал высказанные мнения относительно назначения дрогичинских пломб и, косвенно, затронул вопрос о предлагавшихся датировках этих памятников — «от первых веков христианства до *преимущественно* XVII в.» (Лихачев 1930: 64; курсив Лихачева — *С.Б.*). Исследователь полагал, что дрогичинские пломбы с княжескими знаками датируются, по преимуществу, XII-XIII вв., а знаки на них адекватны древнерусским знакам Рюриковичей, известным по древнерусским монетам, печатям, пломбам и перстням. Однако существуют и другие направления поиска аналогий дрогичинским знакам. Эта проблема представлялась достаточно острой уже первым комментаторам: соответствия ряду знаков усматривали в татарских тамгах и в польских гербах.

Оба пути поиска подробно рассмотрел Н.П.Лихачев (1930), включивший в свое исследование схе-

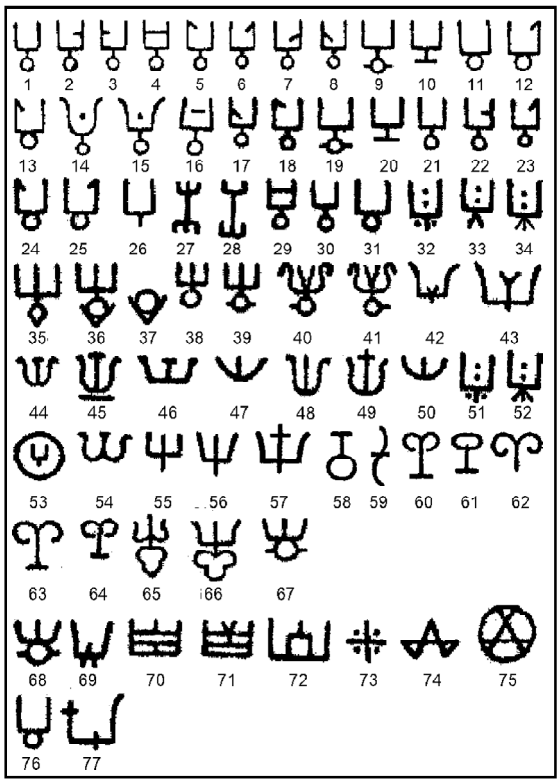

Рис.29. Ханские тамги (1-67) и надчеканки на золотоордынских монетах (68-77), по Н.П.Лихачеву. 1-16 — варианты тамги ханов из дома Батыя (1930: 106: рис.84); 17-26 — тамги на золотоордынских монетах, чеканенных в Крыму (1930: 114, рис.91); 27-34 — тамги на монетах, чеканенных в Булгаре и тамги поздних ханов XV в. (1930: 120, рис.100); 35-43 — тамги "Великой Булгарии" (1930: 123, рис.103); 44-46 — тамга Гиреев (1930: 132, рис.114); 47-49 — тамга Шадибека и тамга Синей Орды (1930: 133, рис.115); 50-57 — варианты тамги на позднейших монетах ханов Золотой Орды (1930: 137, рис.120); 58-67 — тамга на монетах ханов Джагатайской Орды (1930: 149, рис.129); 68-77 — надчеканки на золотоордынских монетах (1930: 157, рис.140).

мы тамгообразных знаков, помещенных на ханских монетах XIII-XV вв. (рис.29)[2]. Однако исследователь подчеркивал, что речь в данном случае может идти о случайных совпадениях (Лихачев 1930: 169). Действительно, некоторые из тамгообразных фигур, помещенных на ханских диргемах, напоминают знаки на дрогичинских пломбах: тамга № 10 на рис.29 сопоставима со знаком № I/8/1 на рис.27; тамга № 34 — с фрагментарно сохранившимся знаком № I/11/1; тамга № 55 — со знаком № II/2/1. Однако число отмеченных параллелей по сравнению с количеством зафиксированных на пломбах знаков настолько мало, что отнесение дрогичинских знаков к ханским тамгам Орды или же выведение одной системы знаков из другой было бы по меньшей мере рискованным. Отмечу, что при сравнении знаков на дрогичинских пломбах со знаками на монетах, собранными в таблицу В.П.Лебедева (1990: 141, рис.1) параллели вообще не обнаруживаются (рис.30,*1-26*).

Случайными совпадениями можно объяснить также параллели для дрогичинских знаков среди знаков Хазарии VIII-X вв. и монгольских знаков собственности XIX в. Из 210 монгольских знаков, составляющих таблицу B.Rintchen (1954: 470), принципиальное сходство со знаками на дрогичинских пломбах имеют лишь 10 (рис.30,*27-36*), причем совпадают по схеме всего четыре: № 29 на рис.30 сопоставим со знаком № I/2/1, № 35-36 с № VI/2/2, № 30 — с № II/2/4, а № 32 — с № II/6/1 (если у двух последних, сохранившихся фрагментарно, боковые зубцы были симметричными). Среди знаков Хазарии, собранных и детально проанализированных В.Е.Флеровой (1997), имеется ряд граффити, в которых угадывается принципиальное сходство с дрогичинскими знаками (рис.31), однако совпадают по схеме только №№ 38-39 на рис.31 с № II/2/1 и, возможно, №№ 42-43 — с № II/6/1.

Параллели между знаками на дрогичинских пломбах и польскими гербами также проводились неоднократно (напр.: Bolsunowski 1895: 371-383; 1896: 15-18). Обзор мнений, высказывавшихся исследователями в конце XIX и начале XX вв., привел во втором выпуске «Материалов...» Н.П.Лихачев, подробно рассмотревший не только совпадения по схеме между двузубцами и трезубцами на дрогичинских пломбах и в польских гербах, но и многие вопросы происхождения польских и литовских гербов (Лихачев 1930: 213-269). Включив в работу таблицу знаков на геральдических памятниках Польши и Литвы (рис.32)[3], Лихачев отмечал: «Если мы ознакомимся с таблицами знаков монументальной «Heraldyka polska wiekow srednich», то на них найдем ряд знаков, совершенно напоминающих нам знаки на пломбах... Нельзя не подчеркнуть, однако, что все эти знаки срисованы с печатей поздних — неведомых шляхтичей XVI в. и, что любопытно, большей частью русского происхождения» (Лихачев 1930: 215-216).

Действительно, среди польских гербов, собранных в корпусе Ф.Пекосинского (1896, т.I-II; 1905)[4] можно увидеть ряд совпадений со знаками на дрогичинских пломбах (рис.33): гербы Ostoja, Przeginia и Moscic близки знакам IV/1/1-2; знак на печати 1406 г. сходен со знаком V/1/1; герб на печатях Павши с Волыни и герб Radwan соответствуют знаку II/1/1; герб на печати 1513 г. соответствует знаку VI/1/1; герб на печати Ивана из Добеславиц 1427 г. аналогичен знаку I/1/3; герб на печати 1563 г. совпадает со знаком I/

[2] Для удобства сопоставления все тамги на рис 29 и 30 ориентированы зубцами вверх.

[3] Гербы на рис.32 и 33 для удобство сопоставления ориентированы зубцами вверх.

[4] «Heraldyka polska wiekow srednich» Ф.Пекосинского, на которую опирался Н.П.Лихачев (1930: 215) при написании статьи была мне недоступна, поэтому я был вынужден пользоваться более ранней (1896) и поздней работами (1905) Пекосинского. Отмечу, что иллюстративный материал в этих исследованиях в основном совпадает.

1/5; герб Radoszyn соответствует знаку I/1/6; герб Хавеловича совпадает со знаком I/1/1; герб на печати Л.Сымоновича аналогичен знаку I/2/1; герб на печати краковского воеводы Сешина, 1278 г. аналогичен знаку I/3/1. Конечно, большинство перечисленных гербов зафиксированы на памятниках, которые относятся к сравнительно позднему времени, однако соответствия знакам на дрогичинских пломбах имеются и в достаточно ранних геральдических памятниках Польши, как, например, печать Сешина 1278 г. По-видимому, совпадения знаков на дрогичинских пломбах и знаков в польской геральдике не могут быть отнесены только за счет случайностей, и эти совпадения должны стать предметом специального изучения, причем — на более репрезентативном материале, нежели только дрогичинские пломбы.

Главным объектом для поиска аналогий знакам на дрогичинских пломбах и в этом можно полностью присоединиться к мнению Н.П.Лихачева (1930: 169-213), следует считать, прежде всего, синхронные древности Руси, то есть — область знаковой системы того государства, к которому в XI-XIII вв. принадлежал и город Дрогичин. Княжеские знаки XII-XIII вв. известны практически на всей территории Древнерусского государства. В настоящее время можно говорить о более чем 160 типах знаков (рис.34)[5], однако число их, несомненно, увеличится за счет знаков на новгородских пломбах, из которых в сводную таблицу включены только схемы знаков на пломбах, опубликованных фотографиями либо качественными прорисовками (ЛСА; Лихачев 1930). В таблице Б.Д.Ершевского помещено 94 рисунка знаков (рис.35). Достоверность некоторых из них проверяется путем сопоставления с опубликованными новгородскими пломбами. Таковы: № 1А, 2А, 3А, (Лихачев 1930: рис.68-69, 4-й ряд сверху, вторая слева), 2Б, 28, 29 (ЛСА: табл.VIII,*1,2,3,4*), 30 (ЛСА: табл.VII,*12*), 31Б, 32Б, 36-46, 48 (ЛСА: табл.VIII, 22-26; Лихачев 1930: рис.68-69, 4-й ряд сверху, крайняя левая; Янин 1970, т.1: № 305), 33Б, 49 (ЛСА: 69, рис.1; Лихачев 1930: 209, рис.191), 53А, 54А, 64, 70, 86 (ЛСА: табл.XLVII, *18,19*; Лихачев 1930: рис.68-69, 4-й ряд сверху, третья справа), 56А, 57А, 58А, 63, 67 (ЛСА: табл.VII, 16,20).

Однако многие из знаков, включенных в таблицу Ершевского, ранее не публиковались. а ряд знаков на пломбах, изданных Лихачевым, оказался за пределами таблицы Ершевского (напр.: ЛСА: табл.VII, *17*; табл.VIII, *13, 14, 20*; табл.XXII, *14*;

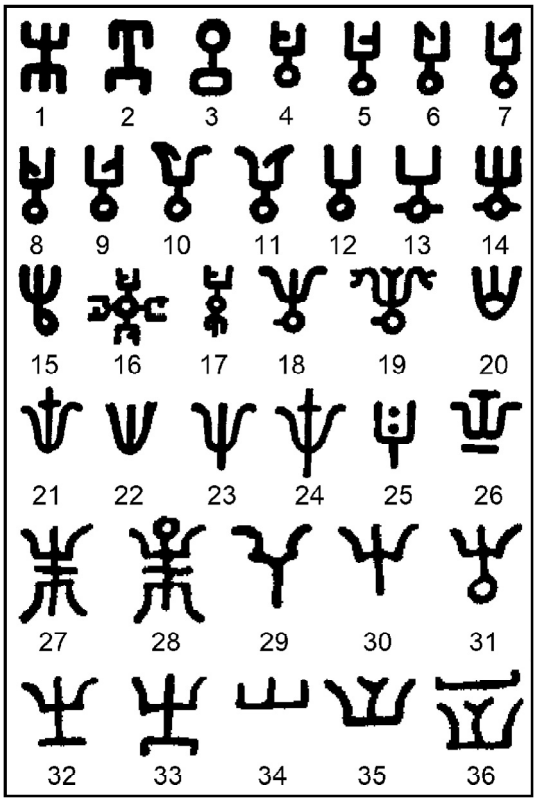

Рис.30. 1-26 — тамги на ханских диргемах (по Лебедеву); 27-36 — монгольские тамги (по Bi.Rintchen).

XLVII, *20*; Лихачев 1930: рис.68-69, 3-й ряд сверху, первая, вторая и третья справа; нижний ряд, крайняя левая; 4-й ряд сверху, крайняя правая; и др.). Учитывая, что рисунки, составляющие таблицу, Ершевского выполнены крайне небрежно, использовать их я не решаюсь, отмечу только, что многие из схем Ершевского повторяют друг друга (№ 1А, 2А и 3А; 2Б, 28 и 29; 31Б, 32Б, 36-46 и 48; 33Б и 49; 53А, 54А, 64, 70, 86; 56А, 57А, 58А, 63 и 67;), а ряд знаков, включенных в таблицу, не относится к числу знаков Рюриковичей (№ 50А, 50Б, 51А, 51Б, 52А, 53Б, 54Б, 55Б, 56Б, 57Б, 58Б, 59Б, 60Б, 94).

При сравнении знаков на дрогичинских пломбах (рис.28) со знаками, составившими сводную таблицу (рис.34) выясняется существенная особенность дрогичинской серии: из 120 знаков, зафиксированных на дрогичинских пломбах, за пределами Дрогичина известны знаки только 17 типов, а еще в девяти случаях отождествление затруднено фрагментарной сохранностью дрогичинских знаков. Ниже приводятся сведения о местах находок и датировке предметов с изображениями знаков Рюриковичей, аналогичных знакам из Дрогичина.

1. Знак I/1/1 (№ 1)[6] представлен в гончар-

[5] Ограниченный объем статьи и ее целевой характер (анализ дрогичинской серии знаков) оставляет за пределами статьи аргументацию схем, составляющих сводную таблицу. Отмечу только, что при составлении этой таблицы принципы схематизации были теми же, что и при составлении таблицы дрогичинских знаков.

[6] В скобках приведен номер знака по сводной таблице (рис.34).

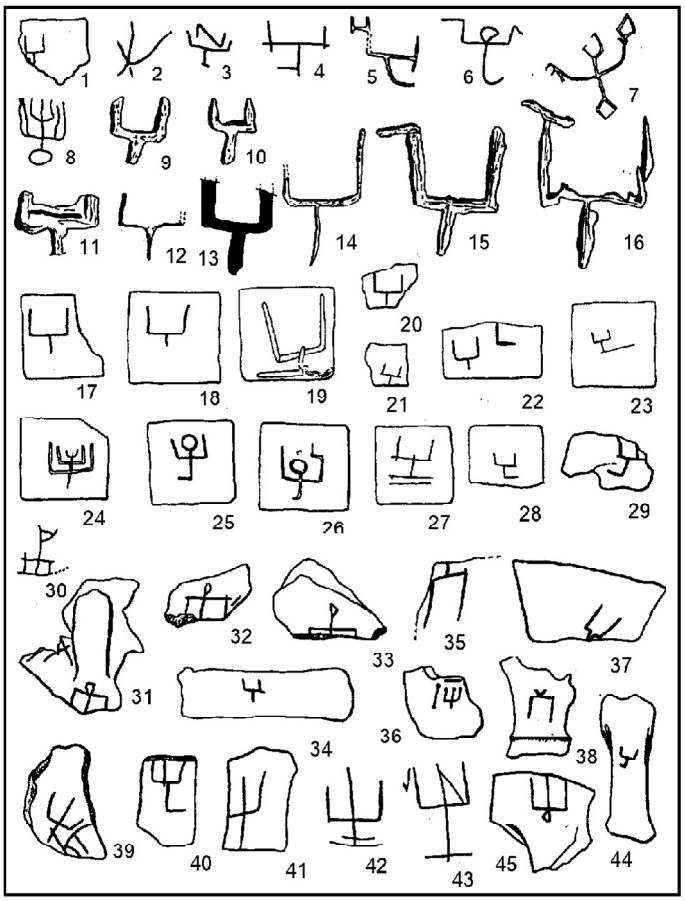

Рис.31. Знаки Хазарии (по В.Е.Флеровой). 1-8 — граффити Маяцкого городища; 9-16 — знаки строителей Маяцкого городища; 17-26 — знаки на кирпичах Саркела; 27-28 — знаки на кирпичах Семикаракоровского городища; 29-45 — граффити на сосудах из Саркела (29-43 — на амфорах, 44 — на пифосе, 45 — на кувшине).

ных клеймах из Киева (Толочко 1981: 297, нижний ряд, крайний справа; Боровский 1976: 96, рис.5, третий ряд снизу, в центре) и Владимира Волынского (Кучінко 1994: 148, рис.32,*24*), помещен на щитке перстня из Княжей Горы (Рыбаков 1940:237, рис.25), процарапан на роговом кистене из Белой Вежи (Белецкий В., Белецкий С. 1998: 169-173) и литейной формочке из Киева (Рыбаков 1940: 254, рис.86-88)[7]. С учетом того, что древнерусский культурный слой в Белой Веже имеет более или менее отчетливую верхнюю хронологическую границу — русское население было выведено из Белой Вежи в 1117 г. — есть основание атрибуировать знак I/1/1 одному из русских князей, живших в начале XII в.

2. Знак I/2/1 (№ 13) принадлежит к числу наиболее распространенных по территории Руси княжеских знаков: он представлен на гончарных клеймах Киева (Шовкопляс 1964: табл.V,*27*; Зоценко, Брайчевьска 1993: 67, рис.15,*13,16*; Калюк, Сагайдак 1988: 44, рис.4,*1,2,4,* № 61), Дорогобужа (Прищепа, Никольченко 1996: 61, 218, рис.84,*26*), Григоровки (Петрашенко 1992: 19, рис.6,*4*), Городца на Волге (Медведев 1968: 34, рис.8,*20*), Владимира (Кадиева 1999), в клеймах на поливных плитках из Суздальского собора Рождества Богородицы (Воронин 1961: 119, рис.72), в клеймах на кирпичах из Борисоглебского собора в Чернигове (Холостенко 1967: 208, рис.19, третий ряд сверху, первый и третий слева), процарапан на каменном грузиле из Пскова (Белецкий 1999: 12, рис.1А), на крышке саркофага из Василева (Тимощук 1979: 133, рис.10), выбит на камне-следовике, найденном близ с.Волгино Верховье (Ильин 1947: 179-181) вырезан на можжевеловой палочке из раскопок в Новгороде (Колчин 1968: 22, рис.12,*6*)[8], зафиксирован на пломбах из Ладоги (Белецкий, Петренко 1994: 282, рис.73) и Белоозера (Макаров, Чернецов 1988: 239, рис.3,*6*)[9].

Для датировки знака существенными являются сведения о времени строительства памятников архитектуры. Создателем Борисоглебс-

[7] Правая часть перекрестия на ножке разрушена коррозией.

[8] Строго говоря, двузубец, вырезанный на можжевеловой палочке, не вполне соответствует № 13, поскольку его ножка опирается на треугольное расширение, обращенное острием вверх. Однако у знака № 130, вырезанного на той же палочке, оба конца мачты, а также завершение зубца имеют аналогичные расширения, так что этот элемент у обоих знаков является не геральдически значимым, а декоративным.

[9] Завершение правого зубца у знака на пломбе из Белоозера не вошло в площадь оттиска, так что отождествление остается гипотезой до новых находок пломб, оттиснутых той же парой матриц.

кого собора в Чернигове в «Слове о князьях» назван Давыд Святославич, занимавший княжеский стол в Чернигове с 1097 по 1123 г. (Раппопорт 1982: 41). Это позволяет относить время изготовления плинфы (в том числе — клейменой), из которой был построен храм, к концу XI — началу XII вв. Е.В.Воробьева и А.А.Тиц предлагали сузить дату возведения храма, относя его строительство к 1120-1123 гг., то есть к концу периода княжения Давыда Святославича (Воробьева, Тиц 1974: 98-111). Не исключено, впрочем, что храм, на плинфе которого зафиксированы оттиски знака № 13, был построен во второй половине XII в. (Раппопорт 1982: 42) на месте храма Давыда Святославича, фрагменты которого были исследованы Н.В.Холостенко и приняты им за гражданскую постройку (см.ниже: знак VI/1/7). Таким образом, сведения о строительстве Борисоглебского собора в первом приближении указывают на то, что знаки, аналогичные знаку I/2/1, датируются в пределах XII в.

Первоначальный Богородицкий собор в Суздале был создан Владимиром Мономахом и епископом Ефремом около 1101-1102 гг. (Раппопорт 1982: 59). Правда, источники содержат сведения о каких-то ремонтных работах в храме, проводившихся во второй половине 1140-х годов, а также о капитальном ремонте 1194 г. (Раппопорт 1982: 59), так что появление в храме пола из майоликовых плиток (в том числе — клейменых) могло относиться к одному из этих ремонтов. Но с учетом того, что можжевеловая палочка, найденная в Неревском раскопе Новгорода, происходит из слоя 21 яруса, дендрохронологически датированного 1096-1116 гг., можно достаточно определенно атрибуировать знак I/2/1 одному из русских князей, живших в начале XII в.

3-4. Знаки I/2/3 (№ 24) и I/2/5 (№ 23), симметричные друг другу, встречены за пределами Дрогичина, как будто бы только однажды — на берестяном сосуде из раскопок в Гродно (Трусау, Собаль, Здановіч 1993: 71, мал.99,100). Неслучайный характер знаков подтверждается тем, что каждый из них процарапан на сосуде дважды, причем знаки нанесены на стенки сосуда парами с двух противоположных сторон. По сведениям авторов публикации, сосуд происходит из слоя XII-XIII вв. (Трусау, Собаль, Здановіч 1993: 71).

5. Знак I/2/13 (№ 20) зафиксирован за пределами Дрогичина только однажды — в клейме на днище гончарного сосуда из Григоровки (Петрашенко 1992: рис.6,*1*). В.А.Петрашенко датирует керамический комплекс Григоровского поселения периодом от конца X до XIII вв., оговаривая при этом, что «на слой XI-XII вв. приходится около 30% клейменой посуды, на слой XII-XIII вв. всего 7-8%, а наиболее поздние керамические комплексы, относящиеся к XIII в., вовсе не имеют клейм» (Петрашенко 1992: 11).

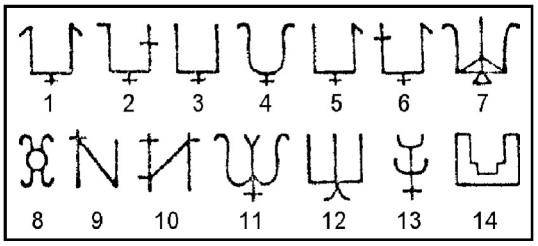

Рис.32. Некоторые знаки на геральдических памятниках Польши и Литвы (по Н.П.Лихачеву).

6. Знак I/2/17 (№ 27) зафиксирован в гончарных клеймах из Киева (Шовкопляс 1964: табл.VIII,3; Брайчевьска, Михайлов, Сагайдак 1993: 232, рис.12, верхний ряд, второй слева; Калюк, Сагайдак 1988: 44, рис.4,3), Канева (Рыбаков 1940: 249, рис.71)[10], Владимира (Кадиева 1999), а также на каменном грузиле из Пскова (Белецкий 1999: 12, рис.1Б).

7. Знак I/4/8 (№ 44) представлен на пломбах из Новгорода (Лихачев 1930, рис.68-69, 4-й ряд сверху, третья слева), Смоленска (Янин, Гайдуков 1998: № 299-2), Старой Руссы (Янин, Гайдуков 1998: № 299а) и Ладоги (Белецкий, Петренко 1994: 282, рис.67).

8. Знак I/6/1 (№ 53) зафиксирован в гончарном клейме из Киева (Каргер 1958: 445, рис. 124, второй ряд, слева), в клеймах на кирпичах из ц.Св.Дмитрия Солунского в Пскове (Белецкий 1998в: 39-44), на крышке саркофага из Василева (Тимощук 1979: 133, рис.10). Возведение ц.Св.Дмитрия в 1132 г. (Белецкий 1986: 21-24; 1998в: 39-44) позволяет считать, что владелец знака жил в первой трети XII в.

9. Знак I/6/5 (№ 58) отмечен за пределами Дрогичина, как будто бы только однажды — в гончарном клейме из Киева (Толочко 1981: 297: рис.129, нижний ряд, второй справа).

10. Знак I/8/4 (№ 66) находит себе аналогии в клеймах на плинфе из Пятницкой церкви в Чернигове (Холостенко 1956: 287, рис.18, знаки справа в верхнем и втором сверху рядах) и в гончарных клеймах из Владимира (Кадиева 1999). Сведений о времени строительства Пятницкой церкви в письменных источниках нет. По мнению П.А.Раппопорта, строительство храма относится к концу XII — первой трети XIII в. (Раппопорт 1982: 44).

11. Знак II/1/1 (№ 81) зафиксирован в клеймах на плинфе из Успенского собора во Владимире Волынском (Раппопорт 1977: 17-22; 1999: табл.IV,*9*), на новгородской пломбе (ЛСА: табл.XLVII,20), а также на печати № 283а, происходящей из Гомельской обл. (Янин, Гайдуков 1998: № 283а). Опираясь на летописное

[10] В подрисуночной подписи значится. что сосуд с данным клеймом происходит из Родни, однако в тексте статьи (Рыбаков 1940: 248) определенно указано, что сосуд происходит из Канева. В “Ремесле древней Руси” Б.А.Рыбаков отмечает, что сосуд с данным клеймом происходит из Канева (Рыбаков 1948: 493, рис.126,*2*).

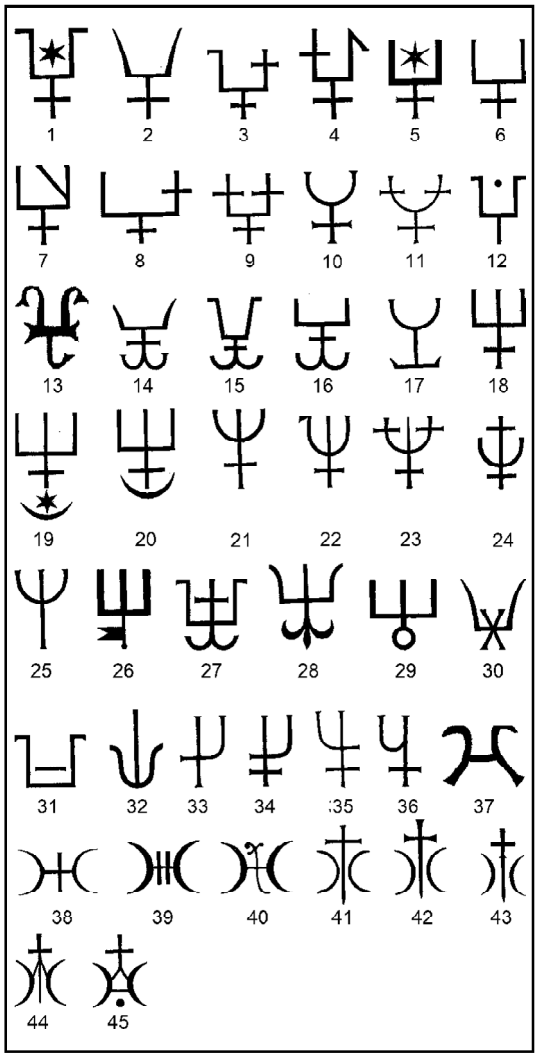

Рис.33. Некоторые знаки на польских геральдических памятниках (номера в скобках — по корпусу Ф.Пекосинского, см.: Piekosinski 1905).

1 (№ 365) — герб на печати неизвестного шляхтича; 2 (№ 371) — герб Хавеловича; 3 (№ 366) — герб на печати неизвестного русского шляхтича, 1563 г.; 4 (№ 363) — герб Radoszyn; 5 (№ 364) — герб Radwan Семиновичей; 6 (№ 360) — герб на печати русского шляхтича Ивана из Добеславиц, 1427 г.; 7 (№ 361) — герб Brama; 8 (№ 362) — герб на печати неизвестного русского шляхтича, 1563 г.; 9 (№ 367) — герб Brama; 10 (№ 125) — герб на печати краковского воеводы Зеновия, 1434 г.; 11 (№ 128) — герб на печати неизвестного литовского шляхтича, 1546 г.; 12 (№ 373) — герб на печати Л.Сымоновича; 13 (рис.23 на с.50) — герб на печати краковского воеводы Сешина, 1278 г.; 14 (№ 327) — герб Odiniec; 15 (№ 326) — герб Стеткевичей, 1637 г.; 16 (№ 325) — герб Стеткевичей, 1630 г.; 17 (№ 126) — герб Dulicz; 18 (№ 359) — герб Radwan; 19 (№ 330) — герб Павши с Волыни; 20 (№ 329) — герб Павши с Волыни; 21 (№ 123) — герб на печати краковского воеводы Марка I, 1220 г.; 22 (№ 124) — герб на печати краковского воеводы Климунта, 1244 г.; 23 (№ 128) — герб неизвестного литовского шляхтича, 1528 г.; 24 (№ 501) — герб на печати Я.Ласковского, 1427 г.; 25 (№ 122) — герб на печати комеса Дегнона, конец XIII в.; 26 (№ 368) — герб Radwan Кохаловских; 27 (№ 331) — герб Hlinsk Глинских; 28 (№ 334) — герб С.Байковского, 1604 г.; 29 (№ 369) — герб Radwan Достоевских; 30 (№ 372) — герб на печати неизвестного литовского шляхтича, 1570 г.; 31 (№ 358) — герб на печати неизвестного литовского шляхтича, 1513 г.; 32 (№ 136) — герб на печати неизвестного польского шляхтича, 1406 г.; 33 (№ 138) — герб на печати комеса Пшибигнева, великопольского вельможи, 1236 г.; 34 (№ 139) — герб на печати Дегнона, конец XIII в.; 35 (№ 140) — герб неустановленной принадлежности; 36 (№ 141) — герб на печати неизвестного русского шляхтича, 1434 г.; 37 (рис.24 на с.50) — герб на печати комеса Петра Богумиловича, 1286 г.; 38 (№ 98) — герб Круневича; 39 (№ 99) — герб Шеньовских с печати 1752 г.; 40 (№ 100) — герб Уланицких; 41 (№ 106) — герб Ostoja с надгробия С.Балинского, 1507 г.; 42 (№ 107) — герб Przeginia; 43 (№ 108) — герб Moscic, 1461 г.; 44 (№ 104) — герб Ostoja с печати Я.Рокоша, 1452 г.; 45 (№ 105) — герб Ostoja с печати Добислава из Кошиц, 1381 г.

сообщение 1160 г. о росписи Успенского собора по заказу князя Мстислава Изяславича, П.А.Раппопорт относил время возведения храма к 1156 г. — «к первому году княжения Мстислава во Владимире» (Раппопорт 1982: 105).

12. Знак II/2/1 (№ 89) зафиксирован в гончарных клеймах из Киева (Шовкопляс 1964: табл.IV,*14*; Толочко 1981: 296-297, рис.129), поселения на Менке (Штыхов 1978: 125, рис.53,*16*; Загорульский 1982: 38, рис.9,21-25), Могилева (Марзалюк 1998: 19-20), в клеймах и граффити на плинфе из церкви в Детинце Полоцка (ФА ИИМК РАН, инв.№ 2420-120, 3-й ряд снизу, правый; инв.№ 2420-107, нижний), в клеймах на плинфе из бесстолпной церкви (ФА ИИМК РАН, инв.№ 2432-118, рис.11; Раппопорт 1999: табл.1,*13*) и Борисоглебского собора (ФА ИИМК РАН, инв.№ 2432-114) в Смоленске, из однокамерного терема (Холостенко 1963: 11, рис.21, 3-й ряд сверху, третий слева) и Пятницкой церкви (Холостенко 1956: рис.18, 5-й ряд сверху, второй справа) в Чернигове.

Однокамерный терем в Чернигове, по мнению Н.В.Холостенко, должен быть датирован второй половиной XI в., поскольку следы разрушения постройки обнаружены под полом Борисоглебского собора (Холостенко 1963: 8-12). Раппопорт отмечал, что по технике кладки постройка может быть датирована началом XII в. (Раппопорт 1982: 41). Если считать, что ныне существующий Борисоглебский собор датируется не началом XII в., а несколько более поздним временем (см.: знаки VI/1/7 и I/2/2), то противоречие снимается.

Возведение церкви в Детинце Полоцка, раскапывавшейся в 1966-1967 гг. М.К.Каргером (1972: 202-209), П.А.Раппопорт относит ко второй половине XII в. или даже к 60-80-м годам этого столетия (Раппопорт 1982: 94). Бесстолпная церковь в Смоленске датирована по фор-

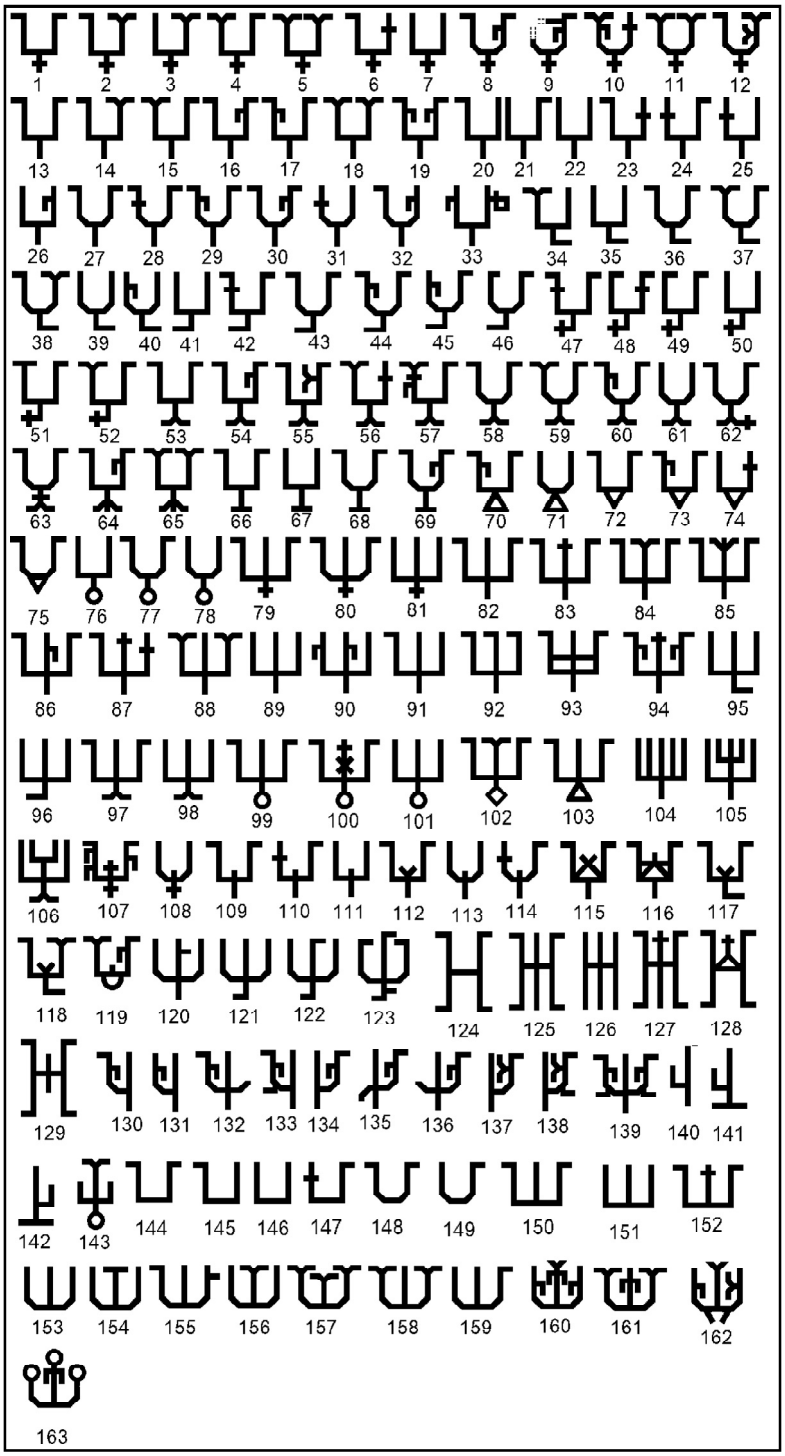

Рис.34. Сводная таблица знаков Рюриковичей XII-XIII вв. на памятниках древней Руси.

мату плинфы и строительной технике середины XII в. (Воронин, Раппопорт 1979: 91-102; Раппопорт 1982: 90). Борисоглебский собор Смядынского монастыря в Смоленске, по сведениям письменных источников, был заложен в 1145 г. (Воронин, Раппопорт 1979: 37-63; Раппопорт 1982: 82). Возведение Пятницкой церкви в Чернигове, как уже отмечалось (см. знак I/8/4), Раппопорт относит к концу XII — первой трети XIII вв. Таким образом, датировки памятников архитектуры, на строительных материалах из которых зафиксирован знак II/2/1, заметно различаются между собой — от второй половины XI в. до первой трети XIII в. Если же учесть, что сосуды с клеймами в виде знака II/2/1 из поселения на Менке Э.М.Загорульский связывает с отложениями культурного слоя, который он предлагает датировать X в. (Загорульский 1982: 50, рис.15), то датировка знака расширяется еще по крайней мере на половину столетия; правда, Г.В.Штыхов датирует поселение на Менке X — первой половиной XI в. (Штыхов 1978: 71-72).

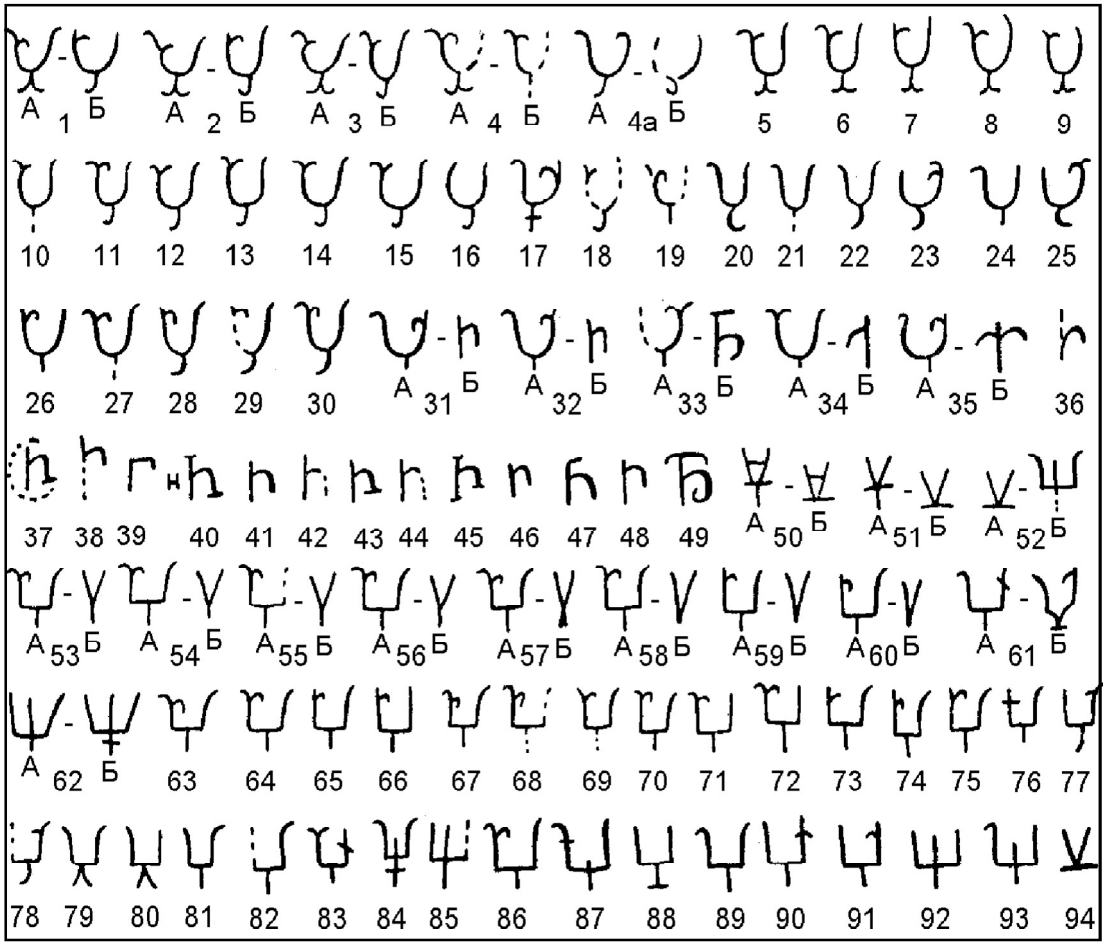

Рис.35. Лично-родовые знаки на новгородских пломбах (по Б.Д.Ершевскому)

13. Знак II/5/1 (№ 98) отмечен в граффити № 217 новгородского Софийского собора (Медынцева 1978: 299, рис.133). А.А.Медынцева датирует граффити по палеографическим особенностям сопровождающей знак надписи XII-XIII вв. (Медынцева 1978: 156)

14. Знак V/2/1 (№ 141) помещен на печатях № 306 и 307 Корпуса актовых печатей древней Руси, найденных в Новгороде (Янин 1970, т.1: 221), на костяной рукояти ножа из Федоровского раскопа в Новгороде (Дубровин, Тарабардина, Хорошев 1994: 10), зафиксирован в клеймах на плинфе из Спасского собора в Новгороде Северском (Раппопорт 1999: табл.V,10-11), на пломбах из Новгорода (Лихачев) и Пскова[12]. Рукоять ножа из Федоровского раскопа Новгорода происходит из слоя первой половины XIII в. (Дубровин, Тарабардина, Хорошев 1994: 10). Время строительства Спасского собора в Новгороде Северском П.А.Раппопорт определяет по строительной технике и архитектурным формам в пределах конца XII — первой трети XIII вв. (Раппопорт 1982: 48).

15. Знак VI/1/1 (№ 144) зафиксирован в клеймах на плинфе из собора на Протоке в Смоленске (ФА ИИМК РАН, инв.№ 2432-93, рис.6,8,10), из Благовещенского собора в Витебске (ФА ИИМК РАН, инв.№ 2420-151, 2420-152), из храма в Путивле (Богусевич 1963: 173, рис.9, 2-й ряд сверху, крайний правый) и из Пятницкой церкви в Чернигове (Холостенко 1956: рис.18, 4-й ряд сверху, второй справа), в гончарных клеймах из Киева (Гончаров 1957: 133, табл.III, верхний ряд, крайний правый) и Заколпского могильника (Воронин 1961: рис.222,*д*), процарапан на глиняных грузилах из Ярополча Залесского (Седова 1978: 143, табл.14,*22-24*).

Собор на Протоке, по мнению Н.Н.Воронина и П.А.Раппопорта, был возведен в конце XII — начале XIII вв. или даже в 80-90-е годы XII в. (Воронин, Раппопорт 1979: 300-329; Раппопорт 1982: 93). Благовещенский храм Витебска датирован XII в. (Раппопорт 1982: 100). Церковь в детинце Путивля, по мнению В.А.Богусевича, была возведена в конце XII в. (Богусевич 1963: 165-174), а, по мнению Б.А.Рыбакова — в первой трети XIII в. (Рыбаков 1966: 154-156). Строительство Пятницкой церкви, как уже отмечалось (см. знак I/8/4), относят к концу XII — первой трети XIII в. Усадьбу, на которой найдены глиняные грузила из Ярополча Залесского

[12] В 1992 г. хранилась в частной коллекции в Пскове.

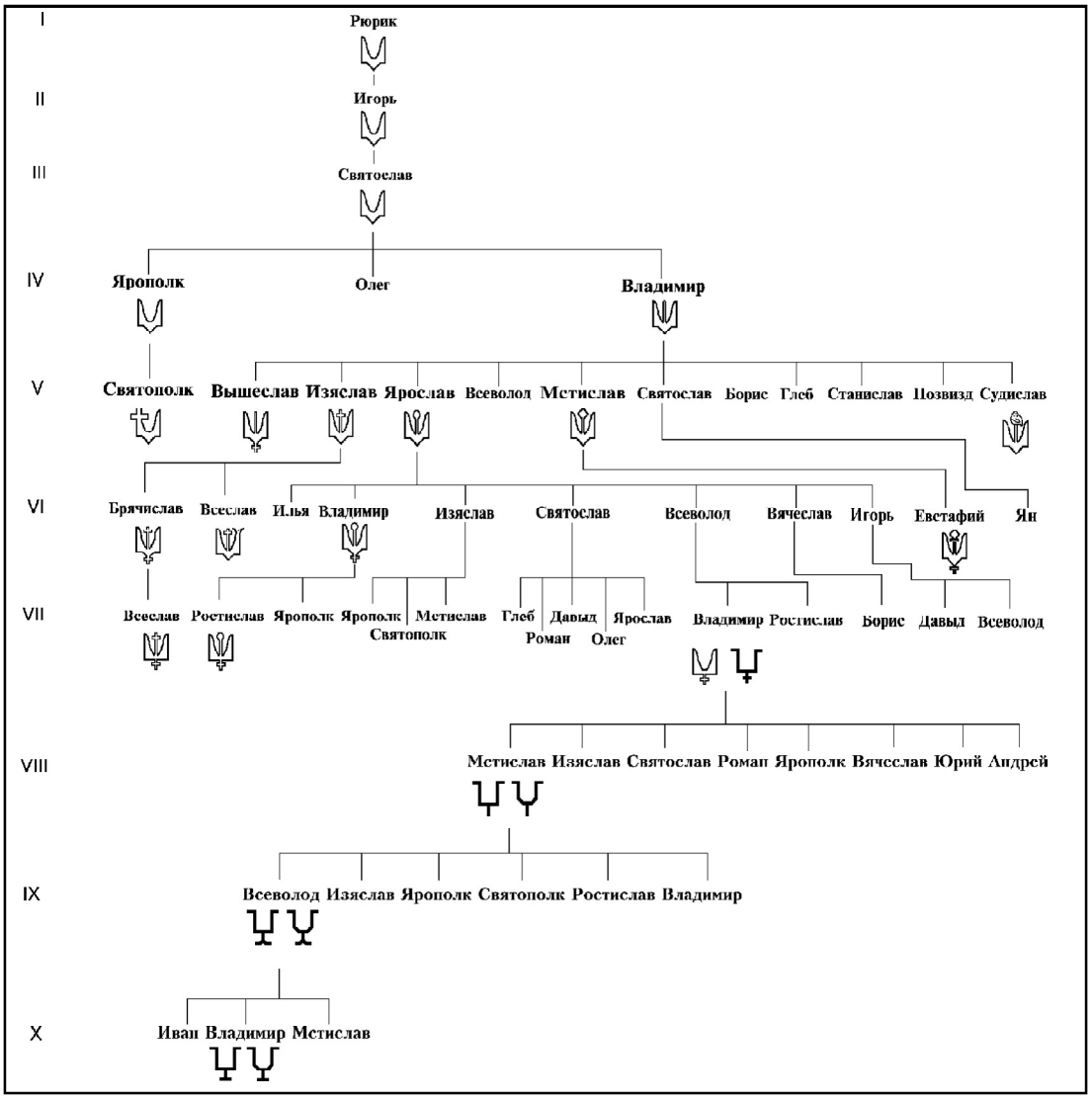

Рис.36. Генеалогия княжеских знаков Мстиславичей-Мономашичей.

М.В.Седова датирует XII в. (Седова 1978: 101).

16. Знак VI/1/7 (№ 148) зафиксирован в гончарном клейме из Старой Рязани (Монгайт 1955: 118, рис.80,*48*), в клеймах на плитке пола из Успенского собора во Владимире (Воронин 1961: рис.222,*г*) и на плинфе из т.н. «двухкамерного терема» в Чернигове (Холостенко 1963: 6, рис.9, центральный столбец, второй сверху). Успенский собор во Владимире был заложен в 1158 г., а окончание строительства относится к 1160 г., после пожара 1185 г. в соборе были проведены ремонтные работы, и повторное освящение произошло в 1189 г. Ремонтные работы неоднократно фиксируются письменными источниками и позднее. Таким образом, плитки пола (в том числе — клейменые) могут датироваться как серединой XII в., так и более поздним временем (вплоть до второй половины — конца XIII в.). «Двухкамерный терем» в Чернигове датирован Н.В.Холостенко первой половиной XI в. (Холостенко 1963: 12), однако не исключено, что речь идет о постройке начала XII в. П.А.Раппопорт (1982: 42) не исключал, что фрагменты кладок, исследованных Холостенко, в действительности представляют собой остатки первоначального Борисоглебского собора, возведенного Давыдом Святославичем в начале XII в. (см.выше: знак I/2/1).

17. Знак VI/2/1 (№ 152) помещен на новгородской пломбе (Лихачев 1930: рис.68-69, 4-й ряд сверху, крайняя правая).

Во всех остальных случаях безусловное отождествление затруднено фрагментарной сохранностью дрогичинских знаков.

18. Знак I/1/12 фрагментарно оттиснут на пломбе № 739. Вероятность того, что правый зубец, завершение которого осталось за пределами оттиска, имел раздвоенную вершину невелика, поскольку хотя бы небольшая часть такого завершения зубца должна была бы обя-

зательно попасть в площадь оттиска. Следовательно, отождествление знака со знаком № 5 маловероятно. В этом случае единственной аналогией оказывается знак № 4, процарапанный на стенке киевской амфоры (Боровский 1976: 97, рис.6, в центре).

19. Знак I/6/3, зафиксированный на пломбе № 413, вошел в площадь оттиска не полностью — остается неясно завершение правого зубца. Среди древнерусских княжеских знаков известен только один двузубец прямоугольных очертаний с раздвоенной вершиной левого зубца и отсутствием на этом зубце отпятнышей — № 56, зафиксированный на щитке перстня из Болховского городища (Якубовський 1975: 102, рис.17,*1*).

20. Знак I/8/3 отмечен на пломбе № 157: за пределами оттиска остался левый зубец двузубца. Единственный двузубец колоколовидных очертаний с Т-образной ножкой, правый зубец у которого отогнут наружу — это знак № 68, помещенный в клейме на плинфе из ц.Дмитрия Солунского в Пскове, строительство которой отнесено к 1132 г. (см.: знак I/6/1).

21. Знак I/11/1, обнаруженный на пломбе № 618, вошел в площадь оттиска не полностью: за пределами пломбы оказались завершения обоих зубцов. Среди древнерусских княжеских знаков известны пока только два типа двузубцев, имевших разделенную натрое ножку: знак № 64, помещенный на печати № 291 и знак № 65, помещенный на печати № 293 (Янин 1970, т.1: 218; Янин, Гайдуков 1998: 149, 150); все известные экземпляры этих печатей происходят из Новгорода. Учитывая, что в площади оттиска пломбы № 618 нет места для отрога внутрь на правом зубце (как у знака № 64), решусь предположительно соотносить знак I/10/1 со знаком № 65.

22. Знак I/14/1, зафиксированный на пломбе № 886, оттиснут не полностью: за пределами оттиска остался левый зубец двузубца. Единственный двузубец, имевший перекрестие на правом зубце и ножку в виде треугольника, обращенного острием вниз — это знак № 74, помещенный на т.н. «таманском брактеате», с которым знак I/14/1 я и считаю возможным сопоставлять. Знак на «таманском брактеате» А.А.Молчанов атрибуировал Мстиславу Тмутараканскому, скончавшемуся в 1036 г. (Молчанов 1982: 224), однако такая персонификация представляется невероятной как по хронологическим, так и по генеалогическим соображениям (Белецкий 1998б: 144).

23. Знаки II/1/2 и II/1/3, зафиксированные на пломбах № 81а, 606 (II/1/2) и № 797 (II/1/3), оттиснуты не полностью: в первом случае в площадь оттиска не попал левый зубец трезубца, во втором случае — правый. Оба типа знака находят себе единственную аналогию — знак № 79, известный по граффити на роговом навершии из раскопок в Рославле (Алексеев 1980: 181, рис.28.2), так что не исключено, что знаки II/1/2 и II/1/3 в действительности представляют собой фрагменты трезубцев одного и того же типа. Слой пожара, в котором найдено навершие, Л.В.Алексеев датировал первой половиной — серединой XII в. (Алексеев 1980: 180).

24. Знак II/2/3, отмеченный на пломбе № 734 (сторона А), также сохранился не целиком: за пределами оттиска осталось завершение левого зубца. Судя по сохранившейся части знака, единственной аналогией ему является знак № 90, помещенный на печати № 296 Корпуса актовых печатей древней Руси, происходящей из Новгорода (Янин 1970, т.1: 219).

25. Знак II/2/4, отмеченный на пломбе № 673 (сторона А), не сохранил завершения левого зубца. Возможно, он соответствует по типу знаку II/2/2, аналогии которому за пределами Дрогичина не известны. Но если предположить, что левый зубец у трезубца II/2/4 был не вертикальный, как у знака II/2/2, а отогнутый наружу, то аналогией ему следует признать знак № 82, зафиксированный в клеймах на плинфе Большого собора Бельчицкого монастыря (ФА ИИМК РАН, инв.№ 2338-18), из храма на Рву (ФА ИИМК РАН, инв.№ 2432-242, *3,5*;) в Полоцке, из т.н. «двухкамерного терема» в Чернигове (Холостенко 1963: 6, рис.9, центральный столбец, нижний), а также на новгородской пломбе (ЛСА: табл.XXII,*13*;). Строительство собора Бельчицкого монастыря П.А.Раппопорт определял в пределах первой половины XII в. (Раппопорт 1982: 98), а Н.Н.Воронин относил к 20-30-м годам этого столетия (Воронин 1956: 14-17). Время возведения храма на Рву отнесено П.А.Раппопортом к XII в., возможно — к третьей четверти столетия (Раппопорт 1982: 95). О вероятной датировке т.н. «двухкамерного терема» в Чернигове началом XII в. говорилось выше (см.: знак VI/1/7).

26. Знак VI/1/4 оттиснут на пломбе № 335 не полностью: за пределами оттиска остался правый зубец двузубца. Единственный двузубец без ножки, имевший перекрестье на левом вертикальном зубце — это знак № 147, зафиксированный в гончарном клейме из Киева (Брайчевьска, Михайлов, Сагайдак 1993: 232, рис.12, 3-й ряд сверху, крайний левый).

* * *

В комментариях к знакам, имеющим аналогии за пределами Дрогичина, отмечены имеющиеся расхождения в датировках предметов с изображениями однотипных знаков. Определить, какая из датировок является достоверной, можно только путем изучения хронологии каждого конкретного предмета. Этот сюжет уже выходит за пределы статьи. Но подчеркну: те из дрогичинских знаков, которые находят себе соответствие в знаковой системе древней Руси, в целом датируются в пределах с конца XI и по XIII в. Это представляется существенным для определения хронологии дрогичинских пломб с изображениями княжеских знаков.

Подавляющее большинство зафиксированных на дрогичинских пломбах знаков (80-85%) на других памятниках не встречены. Те же из знаков, ко-

торые находят себе аналогии за пределами Дрогичина, могут быть разделены на *общерусские* (известные по всей территории Руси) и *локальные* (локализованные в пределах сравнительно компактных районов или даже на каком-то одном памятнике). Большинство знаков является общерусскими — I/1/1, I/2/1, I/2/17, I/6/1, I/8/4, II/1/1, II/2/1, V/2/1, VI/1/1, VI/1/7, II/2/4. Локальными можно считать знаки I/2/3 и I/2/5, I/2/13, I/6/5, I/1/12, VI/1/4, I/11/1, II/2/3, II/5/1, VI/2/1, I.6.3, I/8/3, I/14/1, II/1/2 и II/1/3.

Разделение это, впрочем, достаточно условное. поскольку знаки, встреченные, в Дрогичине и в Новгороде или в Дрогичине и Пскове, по сути дела, локальными не являются; скорее, критерием следует считать не расстояния между пунктами находок однотипных знаков, а частоту распространения этих пунктов, то есть — повсеместную известность владельца знака. В этом отношении среди знаков Рюриковичей XII-XIII вв., безусловно выделяются № 1 (5 пунктов), 13 (13 пунктов), 27 (5 пунктов) и 144 (7 пунктов).[13]

Несколько замечаний о персонификации и генеалогии знаков Рюриковичей XII-XIII вв.

Ключем для дешифровки нескольких общерусских княжеских знаков XII в. стали каменное грузило из раскопок в Пскове (Белецкий 1999) и клейма на плинфе из ц.Дмитрия Солунского (Белецкий 1998в). На одной из сторон псковского грузила процарапаны два знака в форме двузубца — № 13 и № 27. Знаки различаются только абрисом чашки двузубца — прямоугольный (№ 13) и колоколовидный (№ 27). В клеймах на плинфе из ц.Дмитрия Солунского в Пскове также представлены два двузубца, различающиеся между собой абрисом чашки и формой ножки (№ 53 и № 68).

Знаки в клеймах на кирпичах из ц.Дмитрия Солунского были предметом специального исследования в связи с проблемой строительной истории храма. Можно считать установленным, что Дмитриевская церковь была поставлена в 1132 г. на средства новгородского князя Всеволода-Гавриила Мстиславича; знаки № 53 и № 68 были персонифицированы Всеволоду-Гавриилу и одному из его сыновей — Владимиру или Мстиславу (Белецкий 1998в: 40). Вне зависимости от того, какой их двух знаков принадлежал Всеволоду-Гавриилу, а какой — его сыну, подчеркну: у обоих знаков форма чашки одинакова — двузубец с отогнутыми наружу зубцами, лишенный дополнительных отрогов на зубцах. Различаются же знаки между собой формой ножки, что было расценено как отличие знаков отца и сына.

Близость знаков № 13 и № 27 друг другу не вызывает сомнения: в обоих случаях это двузубцы с отогнутыми наружу зубцами и вертикальной ножкой. Главным отличием этих знаков от знаков № 53 и № 68 является форма ножки. Если считать, что оба знака на грузиле принадлежали одному и тому же лицу, то отличие в форме ножки характеризует отношение владельца знаков на грузиле и одного из двух двузубцев из ц.Дмитрия Солунского как отца и сына. Тогда знаки на грузиле следует персонифицировать отцу Всеволода-Гавриила Мстиславу Владимировичу — старшему сыну Владимира Мономаха, занимавшему новгородский стол в 1088-1094 и 1096-1117 гг. Именно Мстиславу Великому атрибуировал знак № 13 (комментируя двузубец на можжевеловой палочке из Новгорода) А.А.Молчанов (1974: 19-32).[14]

Главным противоречием сказанному является то обстоятельство, что в литературе принято разделять знаки колоколовидной формы и знаки прямоугольных очертаний: прямоугольные двузубцы обычно связывают с потомками Мстислава Великого, а колоколовидные — с потомками Юрия Долгорукого. Обоснованием принадлежности двузубцев колоколовидной формы князьям-Юрьевичам обычно принято считать знак № 46 сводной таблицы, выбитый на камне Золотых ворот во Владимире (Воронин 1949: 215; 1961: 252, рис.155а) на постаменте Боголюбовского кивория (Воронин 1946: 65, рис.19; 1961: 253, 258, рис.123,125), а также помещенный на щитке перстня из Галича (Володченко 1951: 62-67).[15] На этом основании низовским князьям приписываются

[13] В список не включен знак № 89, встреченный в 6 пунктах: значительные расхождения в датировке знака и его форма (простой трезубец) делают вероятным смешение под одним номером разновременных знаков. Очевидно, что знак № 89 нуждается в специальном изучении.

[14] В.Л.Янин связывал этот же знак с деятельностью Святополка Изяславича, однако обоснованием персонификации стала “близость этой тамги к знакам Изяслава Ярославича и Мстислава Изяславича” (Янин 1982: 150). Оставляя в стороне принципиальные различия между двузубцем на можжевеловой палочке и знаками, атрибуированными Яниным Изяславу и Мстиславу Изяславичу (соответственно, № 162 и № 59 на рис.33), а также принципиальные различия между двумя последними, подчеркну: персонификации знаков, приписанных Яниным Изяславу и Мстиславу, пока никем всерьез не доказаны, так что опираться на эти персонификации было бы, по меньшей мере, неосторожным.

[15] По мнению З.А.Володченко, перстень является печатным. Если это так, то знак реально должен был быть зеркальным по отношению к самой печати-матрице. Однако из текста статьи следует, что бронзовый перстень был покрыт позолотой и эмалью, причем “позолота и теперь хорошей сохранности на внутренней части щитка, частично на кольце, в углублениях рамки и знака” (Володченко 1951: 63). Таким образом, исполь-

знаки на печатях № 297-298 по Корпусу В.Л.Янина (1970, т.1: 219) и родственные им знаки (Янин 1956: 16, рис.6; 1957: 34, рис.10). Однако при раскопках 1997 г. в Смоленске была найдена плита с выбитым изображением знака № 46 и надписью, сопровождающей знак[16]. Датировка плиты рубежом XII-XIII вв. опирается на палеографию надписи[17], а из текста следует, что владелец знака носил имя Ростислав[18]. Принадлежность последнего к смоленской ветви рода Рюриковичей весьма вероятна, так что обоснование связи колоколовидных двузубцев с князьями суздальской ветви рода снимается.

Персонифицируя знаки из ц.Дмитрия Солунского Всеволоду Мстиславичу и его сыну, я, таким образом, связал с двумя представителями одной ветви рода одновременно и двузубец прямоугольных очертаний, и двузубец колоколовидной формы. Это дает основание считать, что форма двузубца, вопреки общему мнению исследователей, не является геральдически значимой. Если так, то новгородскому (позднее — великому киевскому) князю Мстиславу Владимировичу (+1132) принадлежали знаки № 14 и 27, различающиеся формой абриса

После сказанного есть основание вернуться к персонификации двузубцев из ц.Дмитрия Солунского. Если абрис чашки не является геральдически значимым, то принципиально важным оказывается наличие знака, аналогичного знаку № 68, в гончарном клейме из Дрогичина. Всеволод Мстиславич, скончавшийся 10 февраля 1138 г. в Пскове, в своей деятельности не был связан ни с Дрогичиным, ни с западно-русскими землями вообще: князь занимал новгородский (1117-1123?, 1125?-1132, 1132-1136), псковский (1123?-1125?, 1137-1138), переяславский (1132) и вышгородский (1136-1137) столы. Присутствие его представителей в Дрогичине, таким образом, оказывается немотивированным. В то же время нельзя исключать возможность пребывания в Дрогичине представителей Владимира или Мстислава Всеволодичей. Сведения письменных источников об этих князьях крайне скупы: Владимир в 1138 г. в возрасте 10-12 лет несколько дней занимал новгородский стол (НПЛ: 209), а о Мстиславе известно лишь то, что он скончался в 1168 г. (ПСРЛ, т.IX: 235) в возрасте не менее 30 лет.

Комментируя биографические сведения о сыновьях Всеволода-Гавриила, О.М.Рапов отмечал, что «судьба Владимира Всеволодича неизвестна» (Рапов 1977: 157). Однако Л.В.Войтович подчеркивает, что Владимир Всеволодич «бл. 1136 г. одружився з Ріксою, дочкою польского князя Болеслава III. По його смерті вона вдруге вийшла за шведьского короля Сверкера I» (Войтович 1992: 83). Если это так, то пребывание Владимира Всеволодича после ухода из Новгорода на одном из княжеских столов русско-польского пограничья оказывается не только вероятным, но и достаточно естественным. В таком случае именно Владимиру Всеволодичу, а не его брату следует атрибуировать знаки № 66 и 68, различающиеся абрисом чашки двузубца.

Знак № 1 отличается от знака Мстислава Великого формой ножки. С учетом датировки кистеня из Белой Вежи и широкого распространения данного типа знака на киевских гончарных клеймах, принадлежность знака № 1 Владимиру Мономаху представляется более чем вероятной (Белецкий В., Белецкий С. 1998). Показательно при этом совпадение знака № 1, типичного по своему оформлению для линейных знаков XII-XIII вв., с изображением княжеского знака на роговом кистене из раскопок в Киеве, датированного авторами публикации второй половиной XI в. (Мовчан, Боровський, Архіпова 1998: 117). Атрибуируя знак на Киевском кистене Владимиру Мономаху (Белецкий 1999б), мне хотелось бы подчеркнуть сходство этого знака по стилю со знаком на кистене из Минска (Загорульский 1982: 217), атрибуированном Всеславу Полоцкому (Белецкий 1998г: с. 20-26), и знака на стороне Б у медной трапециевидной подвески, атрибуированного князю Ростиславу Владимировичу, старшему внуку Ярослава Мудрого[19] (Белецкий 1998б: 135). Все три князя принадлежали к седьмому колену потомков Рюрика, поэтому можно считать установленным, что именно на период жизни и деятельности представителей этого колена Рюрикова дома приходится переход от знаков архаичного типа к знакам линейного рисунка. Владимир Мономах, принадлежавший, как и его братаны, к Святославичам-Владимировичам (младшей ветви потомков Святослава Игоревича), теоретически должен был пользоваться знаком в форме трезубца — традиционным для потомков Владимира Святого. Атрибуция этому князю не тре-

---

зование перстня в качестве печатки сомнительно — от частого употребления перстня в качестве печати-матрицы позолота поверхности щитка неизбежно должна была стираться. Предполагая, что перстень из Галича, как и большинство подобных перстней, не был печатным, я считаю возможным рассматривать знак в качестве прямой аналогии знакам на Золотых воротах Владимира и Боголюбовском кивории.

[6] Материалы раскопок Е.Н.Торшина (см.: Новоселов , Седых 1998: 5, рис.).

[17] Заключение Т.В.Рождественской (Новоселов Н., Седых В. Исследования..., с.5).

[18] «□□□□□□□□□□□□СТЕПАНЬТИВУТЫНАЧЛЫП□ТЫРО-СТИСЛАВЛЬ» (Новоселов, Седых 1998: рис.).

[19] Один экземпляр подвески найден в Новгороде, второй — в Белгороде (Белецкий 1998б: 165, рис.16,*8*).

зубца, а двузубца свидетельствует о том, что двузубцы, широко распространенные XII-XIII вв., возвращаются в геральдическую практику древней Руси в период деятельности представителей седьмого колена князей-Рюриковичей, причем — усваиваются именно потомкам Владимира Мономаха.

После всего сказанного, генеалогия знаков представителей старшей ветви Мстиславичей-Мономашичей принимает следующий вид (рис.36)[20].

Реконструкция генеалогических стемм как для общерусских знаков, так и для знаков, не находящих себе аналогий за пределами Дрогичина, выходит за пределы настоящей статьи — такие стеммы целесообразно строить и обосновывать на основе всего имеющегомся фонда геральдических памятников древней Руси. Но и приведенный пример персонификации свидетельствует, на мой взгляд, о том, что какая-то часть общерусских знаков могла принадлежать (и, вероятнее всего, принадлежала) князьям, в разное время занимавшим великий киевский стол.

Особняком среди четырех перечисленных выше общерусских княжеских знаков оказывается знак № 144, а также отличающийся от него абрисом чашки знак № 148: главной особенностью является отсутствие у знаков № 144 и 148 ножки — элемента, кодирующего отношения отца и сыновей, так что соотносить знаки, лишенные ножки, с мужчинами рода оказывается затруднительным.[21]

Однако нет оснований считать, что знак, лишенный ножки, могли наследовать дочери: в этом случае следовало бы ожидать присутствие в доступном геральдическом материале многочисленных лично-родовых знаков, лишенных ножки. Между тем, знаки без ножек все-таки сравнительно редки по сравнению с обычными знаками Рюриковичей XII-XIII вв.

В этой связи существенной представляется хронология и география распространения знаков № 144 и 148: они зафиксированы в Смоленске, Витебске, Путивле, Чернигове, Киеве, Ярополче Залесском, Старой Рязани и Владимире, при этом период использования знаков оказывается растянутым во времени — от начала XII до начала XIII вв. Связать все перечисленные знаки с деятельностью одного человека оказывается, таким образом, затруднительно.

Не являются ли знаки, лишенные ножки, знаками княгинь, пользовавшихся сокращенной формой лично-родового знака своего мужа? Форма чашки у двузубцев № 144 и 148 достаточно проста, поэтому рассматриваемые знаки могут быть соотнесены со знаками № 1, 13, 27, 36, 43, 51, 53, 62, 66, 68, 72, 75, 77. Редкость знаков, лишенных ножки и множественный характер вероятных владельцев подтверждает факт нерегулярного использования подобных знаков в геральдической практике древней Руси.

Заключение

Главной особенностью дрогичинской серии княжеских знаков является, безусловно, уникальное для древней Руси количество найденных геральдических памятников и разнообразие состава знаков. Однако по составу классов и разрядов дрогичинская серия знаков, в целом, соответствует общерусской картине развития княжеской геральдики. Очевидно, что феномен дрогичинских пломб следует воспринимать, прежде всего, в контексте общерусских исторических процессов. Ближайшей задачей в изучении лично-родовых знаков князей-Рюриковичей, таким образом, остается максимально полный учет доступных для исследования геральдических памятников древней Руси: именно создание корпуса знаков Рюриковичей является важнейшим условием для аргументированной персонификации конкретных знаков и воссоздания путей развития и причин гибели древнейшей геральдики России.

Принципиально важным представляется, однако, то обстоятельство, что значительная часть знаков Рюриковичей, зафиксированных на дрогичинских пломбах, не находит себе аналогий за пределами Дрогичина, Отмечу близкородственный характер многих дрогичинских знаков, различающихся между собой на один элемент: весьма вероятно, что эти знаки при-

[20] В статье, посвященной печатям из Дубны, я, вслед за А.А.Молчановым, арибуировал знак № 17 сводной таблицы Святополку Мстиславичу, знак № 16 — Ростиславу Мстиславичу, знак № 18 — Ярославу Изяславичу, а знак № 122 — Ростиславу Юрьевичу (Белецкий, Крымов 1990: 240). Основанием для этих персонификаций послужила предложенная Молчановым атрибуция печатей № 283-285-287, 295 и 300 Корпуса В.Л.Янина. Не отказываясь в принципе от персонификации знаков № 16 и 17 сыновьям Мстислава Великого (Белецкий 1998в), я, все же, считаю необходимым подчеркнуть: основной аргумент в пользу персонификаций — предложенное Молчановым соотнесение знаков на печатях с князьями — в настоящее время следует отвергнуть, поскольку знаки на печатях № 285-286 и № 295 различаются формой ножки, и, следовательно, персонифицировать их одному и тому же князю не приходится.

[21] Гипотезу о связи знаков, лишенных ножки, с незаконнорожденными сыновьями своих отцов можно не принимать во внимание, поскольку наследование лично-родового знака подобным образом неизбежно приведет к совпадению знаков у потомков князей, пользовавшихся лично-родовыми знаками с одинаковыми чашками. Для более раннего времени имеется по крайней мере один случай наследования родового знака бастардом: Владимир Святославич пользовался уже при жизни отца трезубцем, вместо родового двузубца. По-видимому, этот факт может свидетельствовать на отсутствие у бастарда права на лично-родовой знак, в той или иной форме соответствующий знаку отца.

надлежали представителям одних и тех же ветвей правящей на Руси династии, а локальный характер распространения знаков делает обоснованным предположение о том, что владельцы этих знаков занимали княжеские столы, по преимуществу, в западнорусских землях. Вместе с фактом обнаружения в Дрогичине серийных находок западно-европейских пломб, относящихся к более позднему времени, это обстоятельство позволяет не исключать того, что какая-то часть дрогичинских знаков Рюриковичей в конечном счете выйдет за пределы домонгольского времени — во вторую половины XIII или даже в XIV в. Решение поставленных вопросов возможно, однако, только после нового обращения к первоисточнику — коллекции дрогичинских пломб, хранящихся в Отделе нумизматики Эрмитажа (Санкт-Петербург).

ЛИТЕРАТУРА

Авенариус Н.А. 1890. Еще несколько слов о дрогичинских пломбах. СПб.

Алексеев Л.В. 1980. Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.

Белецкий С.В. 1986. “Яведова печать” (из истории Пскова XII в.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. [Вып. 6], Псков.

Белецкий С.В. 1998а. Наследование лично-родовых знаков князьями-Рюриковичами в X-XI вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии, т.IV: Общество, экономика, культура и искусство славян. М., 1998.

Белецкий С.В. 1998б. Начало русской геральдики (знаки Рюриковичей X-XI вв.) // У источника. Часть I. М.

Белецкий С.В. 1998в. К истории строительства ц.Дмитрия Солунского в Пскове // Церковная археология. Вып.4. Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.В.Покровского (1847-1917). Санкт-Петербург, 1-3 ноября 1998 г. СПб.

Белецкий С.В. 1998г. О знаках на роговом кистене из Минска // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). Минск, С. 20-26.

Белецкий С.В. 1999а. Каменное грузило с изображением княжеских знаков из раскопок в Пскове // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.

Белецкий С.В. 1999б. Роговой кистень с древнерусским княжеским знаком из Киева // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков (в печати).

Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1998. О знаках на кистене из Белой Вежи // Скифы, хазары, славяне, древняя Русь. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова. Санкт-Петербург, 9-12 декабря 1998 г. ТД. СПб.

Белецкий С.В., Крымов Е.Ю. 1990. Памятники актовой сфрагистики из древнерусской Дубны // СА. № 3.

Белецкий С.В., Петренко В.П. 1994. Печати и пломбы из Старой Ладоги (свод) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.

Богусевич В.А. 1963. Разкопки в Путивльському кремлі // Археологія. Т. XV.

Болсуновский К.В. 1894. Дрогичинские пломбы. Часть 1. Киев.

Боровський 1978. Археологічні дослідження в “городі” Ярослава // Археологічні дослідження стародавнього Киева. Київ.

Брайчевьска О.А., Михайлов И.С., Сагайдак М.А. 1993. Дослідження ділянки Подолу по вул.Спаськiй у 1988-1989 рр. // Стародавній Київ. Археологічні дослідження. 1984-1989. Київ.

Войтович Л.В. 1992. Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. Київ.

Володченко З.А. 1951. Перстень-печать XII в. // КСИИМК. № XXXVI.

Воробьева Е.В., Тиц А.А. 1974. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове // СА. № 2.

Воронин Н.Н. 1946. Боголюбовский киворий // КСИИМК. № XIII.

Воронин Н.Н. 1949. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // МИА. № 11.

Воронин Н.Н. 1956. Бельчицкие руины // Архитектурное наследство. № 6.

Воронин Н.Н. 1961. Зодчество северо-восточной Руси XII-XV вв. Т. 1. М.

Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. 1979. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Л.

Гончаров В.К. 1957. Археологічні розкопки в Киеві у 1955 р. // Археологія. Т. X.

Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А., Хорошев А.С. 1994. Работы на Федоровском раскопе в 1993 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород.

Ершевский Б.Д. 1978. Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII — начала XIII вв. с изображением княжеских знаков // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. X. Л.

Ершевский Б.Д. 1985. Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология (по материалам собрания Н.П.Лихачева) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVII. Л.

Загорульский Э.М. 1982. Возникновение Минска. Минск.

Зоценко В.М., Брайчевська О.А. 1993. Ремісничий осередок XI-XII ст. на Київському Подолі // Стародавній Київ. Археологічні дослідження. 1984-1989. Київ.

Ильин С.Н. 1947. Новый эпиграфический памятник XII в. в верховьях Волги // КСИИМК. № XVII.

Кадиева Е.К. 1999. Керамические клейма на сосудах из усадьбы второй половины XII-XIII вв. г.Владимира (предварительное сообщение) // II Тверская археологическая конференция, 23-27 марта 1999 г. Стендовый доклад.

Каргер М.К. 1972. К истории полоцкого зодчества XII в. // Новое в археологии. М.

Калюк О.П., Сагайдак М.А. 1988. Склад керамічної продукції XII ст. з київського Подолу // Археологія. № 61.

Колчин Б.А. 1968, Новгородские древности. Деревянные изделия. М.

Кучінко М.М. 1994. Нириси стародавньої і середньовічної історії Волині (від палеоліту до середини XIV ст.). Луцьк.

Лебедев В.П. 1990. Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода // Нумизматические исследования по истории юго-восточ-

ной Европы. Кишинев.
Леопардов Н.А. 1880. По поводу дрогичинских находок // Сборник снимков с предметов древностей, находящихся в Киеве в частных руках. Вып. 1. Киев.
Лихачев Н.П. 1930. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. Л.
ЛСА — Лихачев Н.П. Сфрагистический альбом. РА ИИМК РАН, ф.35, оп.2, д.444.
Макаров Н.А., Чернецов А.В. 1988. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М.
Макарова Т.И. 1986. Черневое дело древней Руси. М.
Марзалюк І. 1998. Магилеу у XII-XVIII стагоддзях. Минск.
Мовчан І.І., Боровський Я.Е., Архіпова Е.І. 1998. Нові знахідки виробів прикладного мистецтва з "Міста Володимира" // Археологія. № 2.
Медведев А.Ф. 1968. Новые материалы к истории Городца на Волге // КСИА. № 113.
Молчанов А.А. 1974. Новгородские посадничьи печати с изображениями княжеских знаков // Проблемы истории СССР. Т. IV. М.
Молчанов А.А. 1976. Знаки княжеской союбственности в политико-административной и хозяйственной жизни древней Руси // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
Молчанов А.А. 1985. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X-XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. Л.
Молчанов А.А. 1997. Знаки Рюриковичей на древнерусских печатях и монетах: последняя четверть века их изучения // Нумизматический сборник. № 5. М.
Монгайт А.Л. 1955. Старая Рязань // МИА. № 49. М.
Новоселов Н., Седых В. 1998. Исследования во Владимире и Смоленске // Ялик. № 25.
Орешников А.В. 1930. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия АН СССР. № 2. М.
Орешников А.В. 1936. Денежные знаки домонгольской Руси. М.
Петрашенко В.А. 1992. Керамика IX-XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М.
Прищепа Б.А., Никольченко Ю.М. 1996. Літописний Дорогобуж в період Київськоі Русі. До історіі населення Західноі Волині в X-XIII століттях. Рівне.
Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII вв. М.
Раппопорт П.А. 1977. "Мстиславов храм" во Владимире Волынском // Зограф, № 7. Београд.
Раппопорт П.А. 1982. Русская архитектура X-XIII вв. Каталог памятников // САИ. Е1-47. Л.
Раппопорт П.А. 1999. Княжеские знаки в памятниках древнерусского зодчества // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения. СПб.
Рыбаков Б.А. 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв. // СА. Т. VI. М.-Л.
Рыбаков Б.А. 1948.Ремесло древней Руси. М.
Рыбаков Б.А. 1966. Раскопки в Путивле // АО 1965 г. М.
Седова М.В. 1978. Ярополч Залесский. М.
Тимощук Б.А. 1979. Древнерусские города Северной Буковины // Древнерусские города. М.
Толочко П.П. 1981. Керамика // Новое в археологии Киева. Киев.
Трусаў А.А., Собаль В.Е., Здановіч Н.І. 1993. Стары замак у Гродне XI-XVIII ст.ст. Гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск.
Тышкевич К.П. 1865. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 1. Вып. 2. М.
Флерова В.Е. 1997. Граффити Хазарии. М.
Холостенко Н.В. 1956. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г.Чернигове (1953-1954 гг.) // СА. Т. XXVI.
Холостенко Н.В. 1963. Черниговские каменные княжеские терема XI в. // Архитектурное наследство. Т. 15. М.
Холостенко Н.В. 1967. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА. № 2.
Шовкопляс Г.М. 1964. Знаки на древньоруському посуді з Киева // Археологія Т. 17.
Штыхов Г.В. 1978. Города Полоцкой земли (IX-XIII вв.). Минск.
Якубовський В.І 1975. Давньоруський скарб з с.Городище Хмельницкоі обл. // Археологія. № 16.
Янин В.Л. 1956. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК. № 64.
Янин В.Л.1957. К вопросу о дате Лопастицкого креста // КСИИМК. № 68.
Янин В.Л. 1970. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т.1-2. М.
Янин В.Л. 1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 1998. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т. 3. М.
Bolsunowski R. 1895-1896. Znaki piczetne na olowiu (plomby), znajdywane w Bugu pod Drohiczynem // Wiadomosci numizmatyczno-archeologiczne. T.II, № 4(26); T.III. № 1(27). Krakow.
Musianowicz Ę. 1969. Drohiczyn we wczesnym sredniowieczu // Materiały wczesnośredniowieczne. T.VI. Wrocław — Warszawa — Krakow.
Piekosinski F. 1896. Rycerstwo Polskie wiekow srednich. T.I-II. Kraków.
Piekosiński F. 1905. Herbarz szlachty Polskiej. Krakow.
Rintchen B. 1954. Les signes de propriete chez les Mongols // Archiv orientalni. XXII. № 2-3.

И.Е.Гончарова

МЕДАЛЬ В ПАМЯТЬ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

I.E. Goncharova. The Medal in the Memory of Poltava Battle.

The article is a publication of a rare medal from the stock of the National Museum of History of Moldova. The medal produced in 1709 by F.N. Müller (1664-1718), German master, played a significant role in making the contemporaries aware of victory of Peter I over the Swedes. The medal tells about the increased interest towards Russia abroad, its increased international relations and strengthened position in the European political arena.

В 1986 г. из Государственного Эрмитажа нашему музею была передана серебряная медаль в память Полтавской битвы 1709 г. работы известного немецкого мастера Филиппа Мюллера.

27 июня нынешнего года исполнилось 290 лет со дня победы в Полтавском сражении Северной войны, которая на протяжении более двадцати лет оставалась основным вопросом внешней политики многих европейских держав. Полтавская победа оказала решающее влияние на весь ход Северной войны. Первоклассной шведской армии более не существовало. Карл XII с небольшим окружением, переправившись через Южный Буг, остановился лагерем на берегу Днестра под Бендерами, где провел 2 года.

Военные действия были перенесены в Прибалтику, где в течение 1710 г. русские войска овладели Ригой, Ревелем, Выборгом и Кексгольмом. Победа под Полтавой имела также громадное международное значение. Северный союз, распавшийся в предполтавский период, снова был восстановлен: на польском престоле утвердился Август II, спустя несколько месяцев в Северном союзе заняла свое место и Дания (Павленко 1989: 250). Воочию убедившись в мощи России, ее далеко не безупречные союзники теперь всячески стремились выразить свои дружеские чувства.

В 1-й четверти XVIII столетия в медальерном искусстве нашла всестороннее отражение Северная война, обеспечившая России выход к Балтийскому морю. Полтавскому сражению было посвящено около 270 наградных и памятных медалей известных медальеров России, Германии, Швеции, Дании, Австрии.

Среди этого обилия памятников есть официальные, торжественные медали, объявляющие об одержанной победе, есть и дешевые массовые поделки, в сатирических тонах комментирующие неудачи противной стороны на поле боя или в области дипломатических интриг. Одновременное выполнение заказов враждующих сторон в частных (таких, как Вермута или Мюллера) мастерских приводило порой к курьезам. Известно, например, что Хаутч снабдил поочередно медали в честь Петра I и Карла XII гуртовой надписью: «Никто не был выше его в благочестии и сильнее его на войне». Боясь преследования со стороны оскорбленного ядовитыми намеками государя, медальеры часто выпускали свои произведения анонимно.

Полтава нашла свое отражение в медалях крупных немецких мастеров Вермута, Хаутча и, соответственно, в наградных медалях русских медальеров. К 1709 г. медаль преимущественно в качестве воинской награды прочно завоевывает в России права гражданства. По сложившейся традиции, на лицевой стороне медалей изображен Петр, на оборотной – под краткой русской надписью «За полтавскую баталию» – батальная сцена. Мемориальная медаль по случаю решающего сражения Северной войны должна была стать торжественным памятником, объявляющим всей Европе о «преславной виктории».

Такая медаль выставлена в экспозиции «Tezaur» Национального музея истории Молдовы (Фонды НМИМ FB-11146). Она была заказана Петром I известному немецкому медальеру – Филиппу Генриху Мюллеру (Philipp Heinrich Müller, 1664-1718).

Во время заграничных поездок Петра I и его сподвижники часто знакомились с медалями и нередко привозили их с собой на родину. Естественно, что, в первую очередь, их интересовали медали с «русскими» сюжетами. В документах Кабинета Петра I сохранились записи о наличии в нем иностранных медалей с указаниями путей их поступления. Составление минц-кабинетов, распространившееся в начале столетия, говорит о том, что, несмотря на сложный, полный иносказаний изобразитель-

© И.Е.Гончарова , 1999.

Рис. 13. Медаль в память победы при Полтаве в 1709 г. Работа Ф.Г.Мюллера.

ный язык, латинские надписи легенд, западноевропейские медали получают все большее распространение в России.

Нельзя не отметить, что созданная по приказу Петра I серия медалей Северной войны сторого ограничена сюжетными рамками, причем, за исключением портрета на лицевых сторонах большинства медалей, личность Петра I и непосредственно его заслуги в войне никак не выделяются.

Филипп Мюллер, родившийся в 1654 г. в Аутсбурге и умерший там же в 1718 г., никогда не бывал в России и большую часть своей жизни провел в Нюрнберге, где вместе с ним работали сыновья. Его мастерская исполнила огромное количество медалей для всех европейских держав. Заказать медаль этому известному мастеру было вопросом международного престижа.

Подписью Мюллера являются буквы PHM; на части медалей его знаком служит звездочка. В конце жизни, как указывает Фюррер, Мюллер работал вместе с сыновьями Христианом Эрнстом и Кристофером Элиасом. Очевидно в это время и появляется фамильная подпись – буква M, находящаяся на лицевой стороне всех медалей русской серии. Вызывает сомнение, чтобы все огромное количество медалей, помеченных инициалами Мюллера, могло быть выполнено одним медальером. Вероятнее всего, что Мюллер стоял во главе процветавшей мастерской, где работали многочисленные ученики, в числе которых были и сыновья художника. Сам Мюллер мог создавать какие-либо образцы, иногда «проходя» окончательно своим резцом подготовленные другими мастерами штемпели. Такая практика существовала во многих мастерских того времени (Щукина 1962: 31).

Большинство медалей Мюллера выдержано в размере около 40 мм; полтавская резко выделяется среди них своей величиной – 66 мм. Изготовлена из серебра 1000 пробы, 105,74 гр. О заказном характере работы говорят композиции обеих сторон, в основу которых были положены гравюры, присланные из России. Лицевая сторона полна динамики. Перенося на медальный штемпель композицию гравюры – Петр верхом на вздыбленном коне, – Мюллер показал себя прекрасным мастером барочного рельефа. Как художник, еще верный традициям медального искусства XVII в., он в интересном своеобразии сочетает сочный рельеф с ярко выраженной графичностью контуров, проработкой деталей и виртуозной техникой отделки. Внизу инициалы медальера.

Полтавская медаль – торжественная ода, панегирик военной мощи России и полководческому гению Петра. Эффектным изобразительным приемам соответствуют звучные строчки легенды, начертанной по верхнему ободку лицевой стороны: HIC HONOR IN NOBIS INVIDIOS US ERIT OVID — «НАМ ПОЗАВИДУЮТ В СЕЙ СЛАВЕ» – цитата из Овидия.

Введенная в самом начале века «мода» на использование сочинений классиков античности для надписей на медалях удерживается почти до середины столетия, и в серии на события Северной войны, заказанной в 1717 г. Мюллеру, все события прокомментированы цитатами из античных авторов.

Надпись в обрезе не менее знаменательна: PETRO ALEXIADI D.G. MAGNO RUSS. IMP. PIO. FELICI AUG. TRIUMPHATORI — «Петру Алексеевичу, божией милостью великому императору российскому, благочестивому, счастливому, августейшему, торжествующему» (Щукина 1962: 31).

Начиная с 1709 г. большинство иноземных медальеров титул «великий царь московский» заменяет титулом «император российский», переводя на латынь слова «повелитель всея России». Значение полтавской победы не ограничивалось лишь тем, что, по образному выражению Лейбница, «Швеция была выбита из седла». Полтава в мгновение ока ввела Россию в круг могущественных держав, решающих судьбу Европы. Титул императора Петр приобретает за пределами России задолго до сенатского указа 22 октября 1721 г.

План сражения на оборотной стороне медали скопирован с «ордера де батали» работы Я. Кейзера. Геркулес в львиной шкуре, попирающий трофеи, знаменует победу над Швецией. Львиная шку-

ра воспринимается как намек на герб противника. На языке медальных аллегорий Геркулес чаще всего – олицетворение правителя могущественного государства.

В надписи над изображением оборотной стороны – poLtaVa MiraCLaDe InsIgnIs — «Полтава, удивляющая чудесным поражением» – скрыта хронограмма – особый прием написания даты. Сумма цифровых значений букв, выделенных крупными размерами, составляет дату 1709 г. В образе указано: UNIVERSO SVECORUM EXERCITU DELETO D. 27 IUM — «ВСЕ ШВЕДСКОЕ ВОЙСКО ИСТРЕБЛЕНО 27 ИЮНЯ». Надписи которые не помещались на плоскости медали, медальеры XVIII столетия переносят на гурт.

Несмотря на достаточные размеры медали и ее эпиграфическую насыщенность, Мюллер использует и гурт, помещая на нем надпись: FERT PETRO SOLIDAS INGENIS VICTORIA PALMA — «ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА ДОСТАВЛЯЕТ ПЕТРУ НАДЕЖНОЕ ТОРЖЕСТВО» (Луппол 1959).

Полтавская медаль работы Мюллера – один из наиболее популярных памятников России. Упомянутая и воспроизведенная уже в издании 1709 г., она многократно встречается в зарубежных изданиях XVIII в. Преследуемая русским правительством цель была достигнута: медаль сыграла немаловажную роль в оповещении современников о знаменательном событии русской истории. Полтавская медаль также послужила толчком к заказу у Мюллера большой серии медалей, посвященных Северной войне.

Эта серия, включающая 28 медалей, охватывает события с 1702 по 1714 гг. и представляет собой своеобразную медальную летопись Северной войны, отмечающую основные сражения и военные достижения России. Выполненные в Германии в 1714 - 1716 гг., она придерживается основных канонов медальерного искусства того времени.

Следует отметить, что противники русской коалиции также откликнулись на Полтавское сражение, точнее, на его последствия. Швеция заказывает медали Мюллеру и Вермуту, стремясь объяснить пребывание Карла XII в Бендерах после бесславного бегства — как временный отдых уставшего героя.

Полтавская медаль работы немецкого мастера Мюллера существенно дополнила «металлическую летопись» одного из интересных и бурных периодов истории Российского государства. На примере этой медали можно проследить, как рос интерес к России за рубежем, ширился круг международных связей страны, упрочивались ее позиции на европейской политической арене.

ЛИТЕРАТУРА

Косарева П. Искусство медали. М., 1982.

Луппол П. Нумизматические памятники Полтавского сражения в собрании Государственного исторического музея. Полтава. М.,1959.

Павленко Н., Корбин В., Федоров В. История СССР с древнейших времен до 1861 года. М., 1989.

Спасский И. Очерки по истории русской нумизматики // Нумизматический сборник. Ч. 1. М., 1955.

Щукина Е. Медальерное искусство в России XVIII века. Л., 1962.

Щукина Е. Западноевропейские медали собрания Эрмитажа на события истории России конца XVII-первой четверти XVIII века // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977.

Ю.А. Добролюбская, А.О.Добролюбский

«ХРАНИ МЕНЯ, МОЙ ТАЛИСМАН…»

J.A.Dobroliubskaia, A.O.Dobroliubski. "Save me, my talisman...".

The article analyses a plaster amulet of XVII-XVIII centuries found close to Odessa and having on its obverse a composition of two dolphins moving one after the other clockwise. The image suggests a high apotropaic implication. The semiotic analysis of the amulet is made against the wide historical background of the epoch. The amulet is supposed to have belonged to a Christian Cossack and used to be a talisman saving him of any danger. The amulet is an outstanding and unique artifact reflecting the chivalrous mentality of the Ukrainian Cossacks.

Несколько лет назад профессор Южноукраинского педагогического университета А.И.Кавалеров показал авторам небольшое алебастровое изделие, которое он нашел на своем дачном участке под Одессой, в пойме Аджалыкского лимана, в районе с.Вапнярка. Оно оказалось овальным амулетом с ушком для нашейной веревочки и было, по всей видимости, предназначено для ношения на груди (рис.1). Изделие сохранило на своей поверхности остатки желто-коричневого лака.

Амулет был найден в груде чернозема, перевезенного с другого, водораздельного участка — нынешней пашни. Никаких других вещей, т. е. «материального контекста находки», в этой груде найдено не было. В археологическом отношении это означает отсутствие какого-либо культурного слоя в том месте, где был взят чернозем. Находка может квалифицироваться как случайная — вероятнее всего, амулет был в свое время потерян его владельцем в степи на водоразделе и оказался, таким образом, в составе пахотного черноземного слоя.

На лицевой стороне амулета выпукло изображены два дельфина, находящиеся в вертикально-антипоидальной оппозиции и своими телами образующие окружность. В центре этой окружности различается изображение цветка (или солнца?). Эта композиция по периметру обрамлена орнаментальной символикой одной из основных стихий — воды (Керлот 1994: 366). Задняя сторона амулета плоская, изображений не содержит. По технологическим признакам перед нами не ручная работа, а алебастровая отливка — видимо, была произведена серия таких изделий. Наиболее вероятно, что литейные формы были изготовлены для производства металлического амулета — из мягких и благородных металлов — меди, серебра, золота. Наш экземпляр представляет собой алебастровую и более дешевую «реплику» такого же металлического изделия (лак имитировал изделие «под медь»). Это может означать, что все обладатели подобных амулетов были объединены в некую общность, связанную единством символики и общей эмблемой.

К сожалению, прямых аналогий нашему изображению отыскать не удалось. Это обстоятельство крайне затрудняет датировку изделия по его эмблеме. Литейное производство, равно как и культы, связанные с изображением дельфина, известны с древнейших времен: в египетской мифологии дельфин был атрибутом богини жизни Изиды, а в минойской — рассматривался как могущественная морская сила. Дельфин издавна почитался как символ мужества — спаситель и вдохновитель смелых людей, прежде всего, путешественников и мореплавателей, как божество, предотвращающее несчастья. Его конкретные сотерическая и апотропеическая функции — спасение при кораблекрушениях или же их предотвращение. Он считался также царем рыб и морским поводырем, проводником душ в подземном царстве и атрибутом морского бога Посейдона. В античные времена в Причерноморье был широко распространен культ Аполлона Дельфиния — изображения дельфинов имеются в иконографии монет многих древнегреческих городов — Истрии, Ольвии и др. Наряду с чисто «мужскими» сотерическими функциями, дельфин олицетворяет свет, солнце и женское начало или материнское лоно (сравн.: созвучия *delphis* — дельфин и *delphys* — лоно). Любовная семантика дельфина связана с Афродитой — «женщиной моря» — и с Эросом; он также является атрибутом постоянно возрождающегося Диониса. Богиня Фетида, помощница Диониса, мать Ахилла, ездит обнаженной на дельфине — образ, синкретично олицетворяющий гармонию мужского и женского естества, жизни и ее защиты (Cooper 1978: 54).

Отсутствие прямых аналогий нашей эмблеме в античное время, равно как и малая веро-

© Ю.А.Добролюбская, А.О.Добролюбский, 1999.

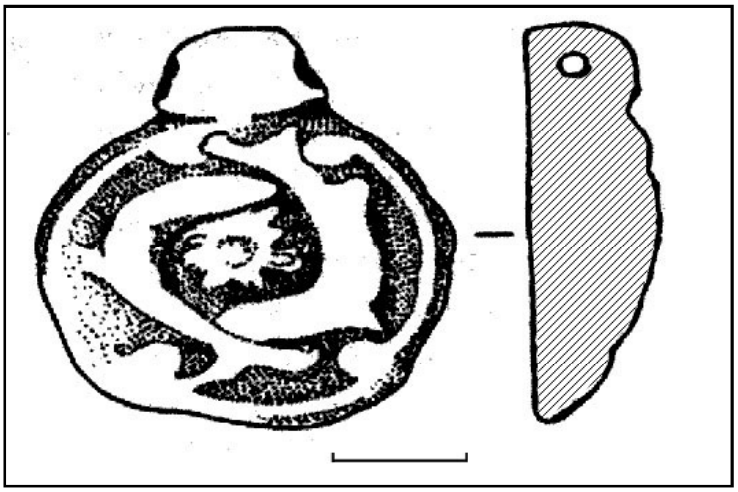

Рис. 1. Алебастровый амулет с изображением дельфинов (определение Л.В.Субботина и В.Г.Петренко) и символа солнца, найденный под Одессой.

ятность столь хорошей сохранности изделия из гипса вне культурного слоя на протяжении тысячелетий побуждает нас, однако, отклонить предположение об античном происхождении рассматриваемого амулета — вряд ли гипсовая отливка, даже защищенная нестойким лаком, могла сохраняться в пахотном черноземе более нескольких столетий. Зато подобная семантика вполне могла сохраняться как угодно поздно в христианском мире. Действительно, изображение дельфина органично входит в христианскую символику и сохраняется в ней по сей день. В христианском представлении дельфин обозначает самого Христа как спасителя, пробудителя душ из вод смерти. Дельфин с кораблем или якорем изображает церковь, ведомую Христом, в христианском искусстве иногда заменяет корабль или радугу — также спасение и возрождение. Дельфин, пронзенный трезубцем или якорем — это Христос на кресте. Иногда дельфин занимает место кита и может означать воскрешение.

Между тем, на рассматриваемой эмблеме нет никаких прямых христианских символов, связанных с крестом. В иконографическом отношении это изображение наиболее сходно с эмблемой на реверсе серебряных монет Ольвии V в. до н.э. — четыре дельфина окружают солярное колесо. Такая близость особенно очевидна и семантически — дельфины, расположенные по кругу, находятся в попарной антипоидальной оппозиции и окружают солнце — символ жизни, света и женского естества.

Антипоидальная оппозиция — традиционный способ изображения дельфинов, который «всегда символизирует двойственные космические потоки инволюции и эволюции» (Керлот 1994: 170), иными словами — дуалистичность природы и мироздания. В этом отношении изображение на амулете придает его владельцу очень сильную семиотическую защищенность — синкретичность образов двух мужских начал, окружающих солнце-лоно-цветок. В апотропеико-сотерическом отношении владелец такого талисмана мог считать себя едва ли не неуязвимым для любых превратностей судьбы.

Такое семантическое заимствование античных образов могло быть свойственно христианской символике лишь в эпоху классицизма, девизом которого стало требование И.Винкельмана: «Единственный для нас способ быть великими, если возможно, неподражаемыми — это подражание древним». Соответственно и символом ее стали «простота, чистота симметрии и глубина мысли» (Словарь античности 1989: 265). Именно в эту эпоху античная символика органично входит в христианскую. В таком случае, временем классицизма и должен с наибольшей вероятностью датироваться найденный нами амулет, т. е. XVI-XVIII вв. Очевидно, он был потерян неким христианином в «диком поле», когда земли близ нынешней Одессы и античной Ольвии населяли ногайцы Едисанской орды. Эти земли принадлежали Османской империи и были мусульманскими. Однако мусульманская символика не знает изображений дельфинов. В таком случае его христианская атрибутика кажется несомненной.

Беспорна и двойственная «женско-мужская», дуальная символика как самих дельфинов, так и окруженного ими солнца-цветка. Синкретичность этих образов наряду с повышенной «апотропеико-сотерической» (предотвращающе-защищающей) нагрузкой всей композиции позволяет предполагать, что владелец такого амулета должен был вести жизнь, сопряженную с множеством опасностей и неожиданностей. Это мог быть воыенный человек, моряк или торговец — но вряд ли человек мирного труда.

XVI-XVIII вв. — бурные времена для нынешней Южной Украины. Ясно, что мирному христианину было нечего делать здесь, на тогдашней мусульманской территории. Особая опасность этих земель в эту эпоху неоднократно отмечалась путешественниками (Эвлия Челеби 1961 и др.). Они были зоной частых казацких набегов с севера и со стороны Поднепровья, откуда регулярно организовывались и казацкие морские экспедиции. Именно тип казака-христианина — воина и мореплавателя — может ока-

заться наиболее подходящим для обладателя такого талисмана, который должен был надежно его защитить от любых превратностей судьбы. Казаки, как и все солдаты во все времена, были очень суеверными. Ясно, что владелец амулета должен был им очень дорожить.

Известно, что большинство одиноких казаков-воинов на отдаленных от Сечей территориях проводили зиму в «бурдюгах», а к весне собирались под знамя какого-нибудь атамана — владельца постоянной зимовки-паланки. Такой образ жизни, чрезвычайно нестабильной и полной постоянной опасности, сделался для казаков чрезвычайно характерным (Гоголь 1950; Яворницький 1990, и др.). Поэтому в ментальности казачества достаточно органично сочетаются «дуальные» свойства — личное безоглядное мужество, привычка расчитывать только на себя со склонностью к объединениям в случаях непрекращающейся военной опасности. Найденный амулет в полной мере отражает подобные представления — с одной стороны, он индивидуально защищает своего владельца, а с другой — предусматривает его вхождение в некое сообщество (братство), объединенное едиными целями. На это указывает очевидная серийность гипсовых амулетов, принадлежавших, видимо, рядовым «братьям». Надо полагать, владелец металлического — золотого или серебряного экземпляра — должен был возглавлять такое сообщество. Казацкие военно-морские отряды организовавались именно подобным образом со времени своего возникновения и вплоть до конца XVIII в. — до образования особых подразделений Черноморского казачьего войска в составе русской армии. Рыцарская ментальность казаков, связанная с дальними морскими походами и их службой в христианских рыцарских орденах (например, Мальтийском) неоднократно отмечалась историками и писателями (Скальковский 1994; Добролюбський, Добролюбська 1997 и др.).

Возможно, это обстоятельство может объяснить описанную находку — талисман, по всей видимости, принадлежал рядовому казаку, участнику морских походов. Два дельфина, окружавшие солнце-цветок — символ жизни — защищали его грудь и надежно гарантировали безопасность в морских сражениях. Вряд ли с таким нагрудным амулетом можно было расстаться добровольно или потерять по небрежности — этот знак был жизненно важен. Но на суше дельфины утрачивали свои защитные свойства — и не исключено что владелец талисмана погиб в степи под Хаджибеем от турецкой пули или ногайской сабли...

ЛИТЕРАТУРА

Гоголь Н.В. 1950. Вечера на хуторе близ Диканьки // Соч. в шести томах, т.1. М.

Добролюбський А.О., Добролюбська Ю.А. 1997. О «мальтийской» ментальности черноморских казаков // Запорозьке козацтво в пам'ятках історії та культури. Материали міжнародної наукової конференції, секція 3. Запоріжжя.

Керлот Х.Э. 1994. Словарь символов. М.

Словарь античности. 1989. М.

Скальковський А.О. 1994. Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. Дніпропетровськ.

Эвлия Челеби. 1961. Книга путешествия. Земли Украины и Молдавии. М.

Яворницький Д.І. 1990. Історія запорізьких козаків. У 3-х тт. Т. 1. Львів.

Cooper J.C. 1978. An Illustrated Encyclopaedia of Traditional Simbols. London.

ТЕОРЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Л. С. Клейн

ГЛУБИНА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТА И ПРОБЛЕМА РЕКОНВЕРСИИ

L.S.Klejn. The Depth of Archaeological Fact and the Problem of Reconversion.

From the viewpoint of philosophical-methodological analysis, archaeological fact is confronted here with historical fact and with scientific fact in general. Among all the three, archaeological fact is the most elaborated concept. This is not only because for archaeologist this elaboration is not pure philosophising but has output into archaeological practice. The other cause is that archaeological fact is by itself more complicated than others.

The normative scheme of the archaeological research design is called by David Clarke a «model of archaeological procedure» and presented as one of the three parts of general theory of archaeology. As V. S. Bochkarev notes, ideally «procedure has rigid structure not allowing levels to be lost or mixed». Usually authors of theoretical considerations in this theme substantiate neither suggested normative shemes of this structure nor imperative demand of rigid structure. The substantiating demands to work out notions on epistemological multistep nature of archaeological fact, on its division in depth. On the basis of these notions lies the idea of conversion of archaeological information on its way from the sources of sociocultural phenomena up to the reflection in scholarly literature. Information passes as if through the floodgates in which it is filtrated and suffers changes. Correspondingly reconversion is needed for reconstruction of the past.

In modern elaborations of the procedure usually steps 3 to 7 in conversion are listed (and corresponding steps of reconversion). However, there are many more of them. Especially remarcable in theoretical elaborations of some Western scholars is the gap associated with idealistic views. The present study accounts 14 steps of conversion/reconversion of information.

Floodgates through which information must go are placed in a strict order. It is predestined by the essence of complex but integral process of forming, disappearing and cognition of material culture. In each floodgate a part of information is lost, other can be distorted. These changes are regular, stereotyped, for each floodgate their own. Knowing these regularities and judging by the state of information after such act plus by attracting external indirect data, we can judge on the pattern of information before its entering this floodgate.

In the case of omission of some floodgate those changes which were produced in this floodgate will not be cought and recognised. Consequently the peculiarities of information emerged here will be ascribed to earlier causes. The initial state of information will be wrongly reconstructed. In the initial stage factors will be supposed, which were not present in reality. This is why so necessary is to reveal all the floodgates as well as trace the full course of conversion and a strict succession in reconversion on the way back through all the floodgates.

The naive notions of dillettantes and early Positivists, who did not suspect the multilevel nature of archaeological fact and did not know that one shouldn't directly leap from archaeological remains to events and social phenomena of the historical past, were discredited long ago.

I. Исторический факт и историки

1. Факты и тексты

В начале XIX в. британский раскопщик сэр Ричард Хор гордился тем, что не прибегает к теории. «Мы говорим от фактов, а не от теории», — написал он во введении к своей книге (Hoare 1812).

Факт издавна противопоставлялся *теории* как истинная и солидная реальность легковесным спекуляциям. Позже, по мере того, как теории обретали авторитет в науке, факт стал рассматриваться как необходимая база любых теорий, а затем — как их пробный камень, критерий проверки. Философия (в частности, методология науки) уделяет проблеме факта изрядное внимание (Goodman 1951; 1965; Нарский 1961: 118-145; Косолапов 1964; 1965; Мерзон 1968; Штофф 1972: 105-116). *Факт науки* оказался весьма сложным явлением. В каждом факте слита воедино информация разного происхождения, и расчленить ее — непростая задача (Штофф 1972: 110-111, 114-115; Герасимов 1972: 190-191).

Но в археологии удивительно мало теоретических разработок этой проблемы. Первые специальные статьи об археологическом фак-

© Л.С.Клейн, 1999.

те появились на Западе в середине 30-х гг. нынешнего века (Strong 1936; Steward and Setzler 1938), а в СССР — в середине 70-х (Викторова 1975а; Захарук 1977; Шер 1985).

Гораздо раньше археологов сложность проблемы научного факта осознали историки, работающие по письменным источникам. Их понимание факта, несомненно, повлияло на представления археологов, поэтому стоит рассмотреть сначала взгляды историков. В истории факт всегда выступает первоначально в виде *сообщения* письменного источника.

Сейчас трудно представить себе, сколь велика была доверчивость античных и средневековых историков: все, что написано и освящено мифологией, авторитетом древних авторов и книжной традицией, воспринималось как достоверное. Еще в конце Ренессанса М.Монтень (Опыты, кн. III, гл. VIII) требовал от историков: «Пусть они передают нам историю в том виде, в каком ее получают, а не так, как они ее оценивают».

Однако уже с конца XVII в., как показывает М.Блок (1973: 46-51, 73), картезианское сомнение привело Б.Спинозу, Р.Симона, Ж.Мабильона и др. к созданию методов проверки подлинности исторических документов, то есть методов *внешней критики* источников. Этой критики не избежала даже Библия — «Критическая история Ветхого Завета» Р.Симона вышла в 1678 г. (Simon 1678). Автора не сожгли. Но именно пример с Библией показывает, что эта критика мало затрагивала содержание источника: критики частенько оставались верующими христианами. Даже отвергая сверхъестественную природу библейских и прочих чудес, скептики не отрицали самих событий — только старались подыскать им прозаическое, естественное объяснение (Блок 1973: 74).

В этих пределах *научный факт* вообще еще долго воспринимался учеными как нечто прочное, очевидное, само собой разумеющееся и отождествляемое с *событием,* или шире — с *явлением действительности.*

Это была позиция обыденного «здравого смысла» или наивного (вульгарного) эмпиризма (по распространенной на Западе терминологии, «наивного исторического реализма»). В исторической науке ее занимал Л.Ранке (первая половина XIX в.). Для него и его последователей факты были «твердым телом» истории, и нужно было только накапливать их побольше, строго описывать и бесхитростно излагать, чтобы установить, «как оно было на самом деле» — «wie es eigentlich gewesen ist» (Ranke 1874: VII). «Основой исторической науки, — писал другой представитель «немецкой исторической школы» Эд.Мейер, — всегда останутся факты, то есть то, что реально познаваемо...» (Мейер 1904: 47).

Критика не отвергалась, более того — она была поднята на более высокую ступень: теперь уже и содержание документов было заподозрено в неточности, ненадежности, авторы их — в тенденциозности. К внешней критике источников добавилась внутренняя, детище «немецкой исторической школы» (от Б.Нибура, А.Шлецера и Л.Ранке до Э.Мейера и Э.Бернгейма). Однако эта удвоенная критика должна была лишь вылущивать факты из шелухи искажений и наслоений, и предполагалось, что простое сложение этих «очищенных» фактов наталкивает непредвзятого историка на понимание хода истории, поскольку «факты сами за себя говорят». «Все факты являются одинаково важными». «Погашение» (Auslöschen) индивидуальной предвзятости историка, его «я» считалось вполне осуществимой задачей.

«Исторические факты, — иронизирует по этому поводу К.Беккер, — стали в конце концов казаться чем-то прочным, реальным и вещественным, как физическая материя, чем-то обладающим определенной формой и ясными, устойчивыми очертаниями, как кирпичи и другие строительные материалы, так что мы можем легко представить историка, который спотыкается в прошлом, ушибая ноги о не замеченные им твердые факты» (C.L.Becker, цит. по: Кон 1959: 238).

Э.Карр называет этот наивный эмпиризм «ересью девятнадцатого века» и поражается: «Когда в 1830 году Ранке... отмечает, что задача историка — просто показать, “как в действительности было” (“wie es eigentlich gewesen”), этот не очень глубокий афоризм имел удивительный успех. Три поколения германских, британских и даже французских историков маршировали в сражение, выкрикивая магические слова “wie es eigentlich gewesen” как заклинание, предназначенное, подобно большинству заклинаний, избавить их от неприятной обязанности мыслить самому» (Carr 1964: 9).

Концепция ранних позитивистов в историографии (И.Тэн, Г.Т.Бокль, Н.Д.Фюстель де Куланж) отличалась в данном аспекте от рассмотренной тем, что подчеркивала сводимость фактов к продуктам непосредственного объективного наблюдения историка, то есть к препарированным источникам, документам, текстам. По Фюстель де Куланжу, история — «не наука рассуждений», а «наука наблюдений», «наука фактов» — une science de faits (Fustel de Coulanges 1922: 278). Факты существуют только в виде наших ощущений и познаются только как суммы ощущений, рассуждения же (спекуляции) опасны: они способны исказить факты. Надо лишь «хорошо видеть факты».

Свой метод сам Фюстель де Куланж сводил к трем правилам: «Изучать исключительно и непосредственно тексты в самых мельчайших подробностях, верить лишь тому, что они показывают, и решительным образом устранять из истории прошлого современные идеи, занесенные туда ложною методою» (Фюстель де Ку-

ланж 1907: XVI). Отсюда лозунг: «Тексты, все тексты, ничего, кроме текстов!» (цит. по: Гуревич 1969: 61-62).

Уже в этой идее заключалась искра пожара, разожженного неопозитивистами. Суть их трактовки проста и вроде бы последовательна. Если факт неизвестен вне *ощущений*, то он — *продукт сознания*, ибо одни ощущения недостаточны для образования понятий. Ощущения связываются *мыслью*. Значит, без рассуждений не обойтись. «Фактом, — пояснял Ш.Сеньобос, — называется... такое утверждение или суждение, которое соединяет вместе несколько впечатлений, утверждая, что эти впечатления соответствуют внешней действительности». «Воображаемые историком факты строго субъективны», хотя и имеют соответствие с реальностью. Это соответствие выясняется путем сопоставления «с существующей реальностью» (Сеньобос 1902: 63).

Недостаток документов и фактов историк вправе восполнять рассуждением. Но он не должен затем принимать результат за объективную реальность. Истинное познание — не объективная картина, а, как выражается И.Г.Дройзен, «суррогат истории» (цит по: Croce: 404). Так учили образцовые методисты этого времени Ш.Ланглуа и Ш.Сеньобос (1899: 174-176, 179, 201). Такова же и позиция А.Тойнби (Toynbee 1964: 229-230).

Таким образом, неопозитивисты распознали двойственную природу научного факта — того, с которым вынуждены иметь дело ученые. С одной стороны, в нем налицо отражение фрагмента объективной действительности, а с другой — результат отбора наблюдателем, результат подведения под готовые понятия при описании, а для историков — еще и результат мысленного восполнения, реконструкции: ведь самого события уже нет. Значение этой субъективной стороны все более возрастает в представлении историков, факты все более отождествляются с логическими конструкциями и признаются все более условными. События действительности все более тают за ними.

Ученые «критической школы» (Ф.Мэтланд и др.) показывают, что многие факты истории, казавшиеся четкими и бесспорными, при вдумчивом рассмотрении оказываются неопределенными, расплывчатыми, изменчивыми (см. Гуревич 1969: 67-68).

Наиболее радикальные из неокантианцев, последователей Г.Риккерта и В.Виндельбанда, удалив закономерность из истории и абсолютизировав индивидуальность фактов истории, выбили последнюю объективную опору из-под отбора материала, объявив отбор безнадежно произвольным, подведение под готовые понятия — незаконным, а реконструкцию — бездоказательной. «Прошлое означает только хаос», — провозглашает И. Хейзинга, так что «в отношении прошлого история является всегда приданием формы...». Иными словами, историк лепит факты из сырой материи прошлого.

Отсюда презентисты (Б.Кроче, Л.Беккер, Ч.Э.Берд) сделали вывод, что факт истории хоть и стимулирован сведениями о каком-то событии прошлого, но существует только в уме историка, только в современности, он связан с условиями современности, и именно эти его связи имеют определяющее значение для истории. «Исторический факт, — пишет Беккер, — находится в чьем-либо сознании или нигде» (цит. по: Кон 1959: 239). Он существует ныне, а не в прошлом (is, not was) (цит. по: Гуревич 1969: 74-75).

В талантливой и впечатляющей книге Р. Коллингвуда «Идея истории» объединены в органичный сплав, в единую субъективно-идеалистическую теорию соображения неопозитивистов, неогегельянцев, неокантианцев и презентистов. Исторический факт для Коллингвуда есть «умственная конструкция». Факты — не просто «установленные точки (fixed points), между которыми историческое воображение плетет свою сеть». Они вылеплены из сырья источников, но это сырье отображено в критическом мышлении и формовано им, а вот оно-то, мышление, исходит из этой самой сети.

«Эта конструкция основывает свою значимость вовсе не на поддержке данными фактами, а как раз наоборот — она служит пробным камнем, с ее помощью мы решаем, являются ли утверждения о данных фактах верными». Это значит, что «сеть воображаемой конструкции гораздо тверже и крепче» тех «установленных» или «твердых пунктов», которые и являются историческими фактами. Следовательно, историческое познание не возникает из фактов: «историческое познание может возникнуть только из исторического познания» (Collingwood 1961: 243-244). А оно откуда? А оно есть самоопределяющаяся идея истории — врожденная или, по терминологии Канта, «априорная». Она оказывается иной не только от поколения к поколению, но и от историка к историку, и даже у одного и того же историка в разные годы (Collingwood 1961: 247-248).

Таким образом, от абсолютизации объективной стороны научного факта (в частности, факта истории) западная наука отшатнулась к противоположной крайности — к абсолютизации его субъективной стороны. Соответственно переместился и сам термин «факт»: от обозначения явлений прошлого он сдвинулся к описанию и интерпретации этого явления.

«В результате разрушительной работы философов-релятивистов и поддавшихся их влиянию историков, — резюмирует положение А.Я.Гуревич (1969: 74-75), — стройное здание позитивистской методологии истории было взорвано. Среди дымящихся развалин корчился в предсмертных муках исторический факт.

Он потерял плоть и не был похож на самого себя; ему отказали не только в подлинности, но даже и в праве на объективное существование; за ним все более проступало лицо историка — его творца и единственного обладателя. Вкусив по наущению сатаны скептицизма запретный плод от древа философского познания, потерявший методологическую невинность историк увидел пустоту вокруг себя: истории вне его не существовало, он был обречен на то, чтобы создавать ее исключительно из собственной набитой предрассудками головы. Наказание за грехопадение заключалось в том, что каждое новое поколение историков обязано было переписывать историю заново, не имея никакой гарантии, что они хоть сколько-нибудь приблизятся к истине. Прощай, наука!».

Надо признать, однако, что все эти драматические пертурбации происходят с фактом главным образом в теоретических эмпиреях. На земле же добросовестные историки продолжают скрупулезно выявлять факты, придирчиво проверять на них выводы своих коллег, осторожно возводить собственные здания. Словом, знамена сменяются, ветер развевает их то в одну сторону, то в другую, а караван идет себе.

2. Потеря марксистской невинности

Ортодоксально марксистские ученые, признавая сложность исторического факта, вступились за его познаваемость, за достижимость его объективной сути — ведь от этого зависела доказательность самого марксистского учения. Сведения, содержащиеся в историческом источнике, эти ученые привыкли рассматривать как отражение событий и явлений исторической действительности, пусть искаженное, но происходящее по определенным законам, поддающимся установлению (Быковский 1931: 29-31; Иванов 1962).

Более того, в любом источнике эти исследователи сочли возможным видеть не только *отражение*, но и *остаток* какого-то исторического явления — не всегда того, которое отражается в нем, но реального и интересного для историка (Авдеев 1925: 158; Саар 1930: 12-15 и др.).

Как отмечает Н.Ирибаджаков в своей книге, содержащей наиболее полное и глубокое марксистское исследование проблемы исторического факта, «историческое прошлое существует как объективная реальность не только в вещественных останках его материальной и духовной культуры. Бесчисленными способами оно вплетено в ткань современности как объективная реальность» (Ирибаджаков 1972: 277). Революции совершились давно, но существуют социальные структуры, ими созданные. Войны отгремели, но сохранились передвинутые ими границы и порожденные ими реваншистские, пацифистские и другие настроения масс, и т. д. Вот та перспектива, в которой объективная сторона исторического факта проверяется и поддерживается в конечном счете всей жизненной практикой человечества (разумеется, это не гарантирует бесспорности каждого отдельного решения).

Не обошлось без упрощений. Упрощения можно рассматривать как вульгаризацию марксизма (что и делалось, когда очередное упрощение становилось слишком очевидным), а можно и как суть доктрины (что, вероятно, ближе к истине). Соответственно, критику этих упрощений можно расценивать как очистку завета от искажений, а можно — как ревизию или даже опровержение. Так или иначе, упрощения налицо.

Н.Ирибаджаков считает верной старую идею эмпиристов, что «твердое тело фактов» существует «объективно и независимо от интерпретации историка». Отрицать эту идею, по его мнению, могут только приверженцы субъективного идеализма (Ирибаджаков 1972: 288-289). Даже в советской науке это грозное предостережение не у всех находило поддержку. То, что стоило бы сказать о *событиях прошлого*, сказано о *фактах исторической науки*. Проигнорирована сложность исторического факта. Источники содержат информацию о событиях прошлого, так сказать, в переработанном, зашифрованном виде и не открывают ее без расшифровки. Факты берутся из источников и, следовательно, включают в себя эту информацию — вместе с расшифровкой.

А.Я.Гуревич по другому поводу замечает: «Нельзя согласиться с оценкой исторического факта как твердого ядра в окружающей его мякоти противоречивых интерпретаций... Научный факт неотделим от его интерпретации, понятие факта включает в себя и его интерпретацию» (Гуревич 1969: 82, прим. 58). Философ В.С.Библер добавляет парадоксальную, но не очень точную формулировку этой антиномии: «Факт не зависим от нашего знания о нем, но факт (данный факт...) включает в себя деятельность современного исследователя..., деятельность по расшифровке» (Библер 1969: 98-101). Материалистическое утверждение объективной стороны факта — не в отрицании зависимости факта от интерпретации, а в признании возможности объективной интерпретации как цели, как идеала, в признании, по крайней мере, частичной достижимости уровня событий прошлого через интерпретацию факта. Впрочем, и это не стоило бы упрощать.

Другой пример упрощения. А.П.Пронштейн в солидном учебнике счел нужным утверждать, что «нет никаких объективных препятствий для

познания исторической действительности по фактам и явлениям, сохранившимся в источниках. Не имеется для этого препятствий и субъективного характера» (Пронштейн 1971: 22). Вот как, ни объективных, ни субъективных! При такой трактовке марксистское понимание объективности фактов опять же не отличить от представлений наивного эмпиризма. Правильнее было бы сказать, что препятствия большей частью преодолимы или частично преодолимы.

Возможно, эти упрощения не столько отражают упрощенческую суть доктрины, сколько являются наследием (или, если угодно, пережитком) того времени, когда марксистские философы в пылу борьбы против агностицизма перегнули палку в этом вопросе. Отстаивая познаваемость истории и возможности объективной исторической науки, они стали так настойчиво подчеркивать зависимость исторических образов от реальных фигур, что упустили из виду зависимость от взглядов историка и т. п. По сути, это было равносильно отождествлению событий действительности с их отображением в исторической науке.

Неправомерность такого отождествления отмечает Н.М.Дорошенко (1971: 37-38). Н.П.Французова находит такое отождествление в статье А.Я.Гуревича, поскольку тот определяет факт как «событие или явление прошлого», а не как «реконструкцию», на чем настаивает Н.П.Французова (1972: 252-254).

В последние десятилетия советские философы расчленили понятие факта в глубину на две ступени, образуя два понятия: 1) *явление, факт действительности (факт 1)* — событие или процесс действительности, попавшие в поле наблюдения, и 2) *материал, факт науки (факт 2)* — отображение этого явления в наблюдении и описании, фактофиксирующее предложение (Косолапов 1965; Штофф 1972: 106-107, 112-115). Философы считают это деление адекватным и применительно к исторической науке (Дорошенко 1968: 24-25). При этом, учитывая специфику исторической науки, они иногда вводят и третью ступень, различая в материале, во-первых, *наблюдение (в прошлом)*, то есть отражение события в сознании его современников и очевидцев (то, что можно назвать *свидетельством*) и, во-вторых, последующее *отражение* в сознании и творчестве исследователей (то, что можно назвать *данным*) (Дорошенко 1971: 38).

Соответственно, историк М.А.Барг различает 1) «*факт истории*» — собственно «*исторический факт*», 2) «*сообщение источника*» и 3) «*научно-исторический факт*» — данные, полученые из источника и осмысленные историком (Барг 1984: 152).

Иные историки склонны сейчас к еще большему дроблению. Отражение событий в сознании наблюдателя (свидетельство) они расщепляют надвое: *восприятие* события наблюдателем (то, что он видит, его представление) — это одно, а *фиксация* этого отражения в устном, письменном или изобразительном источнике (то, что наблюдатель сообщает, его показание) — нечто иное (Гуревич 1969: 82-83).

Итак, всякий исторический факт оказывается по своей гносеологической природе многоступенчатым: *явление прошлого — свидетельское восприятие — показание источника — данное исторической науки*. Вся эта четырехчленная схема, по сути, есть цепочка преобразования исходной информации в процессе познания. Осознание этой расчлененности, этой ступенчатости факта важно потому, что на каждом этапе преобразования, в каждом звене возможны потери информации, искажение ее, обогащение дополнительной информацией — и это необходимо учитывать историку.

В процессе исследования мысль историка движется обратным путем — так сказать, навстречу информации, то есть от данных к явлению. Даже при неукоснительном соблюдении постепенности этого продвижения — от этапа к этапу — трудность продвижения не снимается. Дело в том, что установление адекватности каждого достигнутого понятия следующему за ним не может быть осуществлена простым их сопоставлением. Ведь при «чистом» однолинейном познании факта каждое последующее, глубже лежащее понятие заключено в предыдущем — подобно матрешкам. А в каждом случае утерянные части информации как-бы отсечены и остались вне матрешки. Для их восстановления требуется многое: привлечение других фактов и теоретических идей, работа по их сопоставлению. У историков она называется критикой источников. Внешняя критика выясняет соотношение «данных» с «показаниями». Далее вступает в силу внутренняя критика, которая продвигается от «показания» через «представление» к «явлению».

Так обстоит дело с историческим фактом. А как понимался и понимается факт в археологии?

II. Археологический факт

3. От факта к данным

Долгое время археологический факт (АФ) воспринимался археологами как нечто простое, твердое и самоочевидное — археология, подобно истории, начинала с наивного эмпиризма, но задержалась на этом этапе дольше, чем история. «Археология, — говорил хранитель Ашмолеанского музея Паркер, — это история, изучаемая глазами, показом серий ося-

заемых объектов» (цит по: Daniel 1967: 141). «При этом, — писал о стратиграфических данных В.А.Городцов, — не требуется никаких субъективных вмешательств исследователя, так как каждое явление, каждая вещь должны говорить сами за себя...» (Городцов 1908: 11).

Накопление ошибок и подделок (Munro 1905; Arnau 1959; Arnau 1961; Paul 1963) показало археологам, что очевидность АФ может быть обманчивой. Пришлось разработать методику проверки подлинности и доброкачественности объектов археологии. И хотя эта методика была несомненным соответствием «внешней» критике письменых источников (Text-Kritik), у археологов она называется просто «критикой источников» (например, Jacob-Friesen 1928: 98; Круглов, Подгаецкий 1935, глава II «Критика источников»: 14-31) — явное свидетельство того, что какая-либо еще, иная критика источников не мыслилась потребной. По принятой тогда классификации исторических источников, письменные попадали в разряд «*предания*» и признавались намеренными, тенденциозными, а археологические угождали в категорию «*остатки*» и считались (за вычетом современных фальшивок) непроизвольными, объективными (обзор и критику этих взглядов см.: Пронштейн 1971: 17, 23-25).

«Но это ни в коем случае не так! — восклицает Г.Ю.Эггерс. — И археологические памятники могут лгать!» (Eggers 1950: 52). Он имеет в виду, что информация, содержащаяся даже в подлинных материальных древностях, не вполне адекватна отражаемым явлениям прошлого. Сохранились не все сведения, «ужимание» происходило непропорционально, металл «не пропускали» в культурный слой (шел в переплавку), в могилу клали специально отобранные вещи, чтобы достойно представить покойника на том свете (тенденциозность! субъективный фактор!) и т. д. Г.Ю.Эггерс отмечает три фазы в перестройке информации: живая культура — мертвая культура — давно умершая (музейная) культура (Eggers 1959). В общем, Г.Ю.Эггерс и другие археологи ФРГ (Э.Вале, Р.Гахман), выявляя «границы познавательных возможностей» археологии (Wahle 1941; Hachmann et al. 1962: 16-28), ссылаются на искажения информации в средней части ее пробега.

Американские и английские археологи усмотрели такую же ущербность в начале и в конце пробега, увидев и там фильтрующие шлюзы, через которые трудно, с потерями протискивается информация.

Какие шлюзы располагаются в начале пробега? С точки зрения У.Тэйлора, культура «состоит из идей», этнограф наблюдает их объективацию в поведении, а археологу достаются лишь вещественные результаты этого поведения (Taylor 1948: 97-115). Таким образом, АФ, по У.Тэйлору, — это третья ступень от сути культуры, а на каждой ступени возможны сдвиги значения и утечка информации. Другие авторы поясняют: ни язык, ни социальные отношения, ни идеология не откладываются в археологических материалах, «и это, — пишет Г.Даниел (Daniel 1962: 127-128), — есть фундаментальное ограничение преистории» (под преисторией он имел в виду первобытную археологию). Дж.Гриффин говаривал, что «никогда не видал кого-либо, кому бы удалось откопать систему родства» (Binford 1972: 8). Идеи же объективируются по-разному: многое зависит от субъективного фактора — свободной воли личностей, а она чужда регулярности.

Как у англичан и американцев обстоит дело с концом пробега информации? Здесь современные критики всячески выпячивают субъективный вклад исследователя. Не так давно Г.Чайлд полагал: «Культуры — это наблюдаемые факты» (Childe 1935: 3). А Г.Даниел возражает: «культуры современного археолога... — это всего лишь служебные понятия» (Daniel 1950: 319). А.Кригер и О.Сполдинг отстаивали идею, что типы открываются в материале и характеризуют состояние фактов (Krieger 1944; Spaulding 1953). Дж.Бру и Дж.Форд возражают: типы конструируются исследователем и налагаются на материал (Brew 1946; Ford 1954a; Форд 1962). Дж.Форд иронизирует над представлением О.Дж.Сполдинга о «мире, наполненном упакованными фактами и истинами, которые можно открыть и попробовать, как пасхальные яйца, спрятанные в траве на лужайке» (Ford 1954b).

Дэвид Кларк так резюмировал эти скептические взгляды: «В археологии единственные факты — это артефакты» (Clarke 1968: 41). Но и артефакты невозможно описать без подведения их под набор понятий, который держится в уме исследователя. Со своей стороны, Д.Кларк отмечает: «Эти факты оказываются наблюдениями, в которых природа наблюдателя и его намерения играют большую роль…» (Clarke 1968: 21). В таком случае в археологии вообще не остается фактов или... Или все ее факты надо признать в большой мере конструкциями исследователя и в этом смысле — артефактами. Только это будут не древние артефакты, а современные, наши артефакты (и, разумеется артефакты не в смысле рукодельностии, а в смысле искусственности).

Симпатии Д.Кларка к этим скептическим взглядам не случайны. Они отражают настроения, царившие в «новой археологии». Нео- и постпозитивистская философия «новой археологии» побуждала ее с самого начала выступить против эмпиризма и породила в ней некоторое пренебрежение к фактам — в пользу теории. «Факты сами за себя не говорят», учил Л.Бинфорд. Факты изначально нагружены теорией, они не существуют сами по себе, вне теоретического подхода, отбора, препарирования.

Надо подняться «над морем фактов», объяснять их, выявлять закономерности, строить теорию.

Главная же основа пренебрежения «новых археологов» к каждому отдельному факту — это их антропологическая и социологическая выучка, их погоня за универсальными законами культурно-исторического процесса. По этой причине для них факты часто взаимозаменяемы и важны лишь постольку, поскольку на основе их изучения можно вывести закон. Они важны лишь до тех пор, пока такой закон не выведен. Затем факты теряют значение. Они отбираются со специальной нацеленностью на решение некоторой проблемы — другие факты просто не нужны.

Предпочтением теории и нацеленностью на законы «новые археологи» отличаются в этом вопросе от прямых последователей У.Тэйлора, контекстуалистов. Те ведь тоже признают гносеологическую инертность фактов, их подвластность интерпретации, их «нагруженность теорией» и прочее, но каждый отдельный факт они почитают, а совокупность фактов образует для них не базу для универсального закона, а уникальный контекст.

Противник «новой археологии» П.Курбэн иронизирует: в противовес старой, традиционной археологии «новая археология» декларирует, что «нет “сырых”, “нейтральных”, “объективных” фактов, нет “основных данных”, нет “неструктурированных” сборов данных, нет данных, которые бы “говорили сами за себя”. (А разве кто-либо когда-либо считал, что говорят? — Л.К.). Факты появляются только в “системе увязки”, в системе подхода, эксплицитно заданной заранее... Каждый (исследователь) всегда имеет и всегда имел “систему увязки”...» (Courbin 1988: 119).

Ну, это несколько преувеличено. Как мы видели, были и другие установки. Да и сам же Курбэн, уличив «новых археологов» в тайном доверии к фактам, добытым традиционной археологией, заключает: «В сущности, хоть это и неправильно на деле, не проще ли признать (лишь из практических соображений), что факты существуют независимо от точного подхода к проблемам» (Courbin 1988: 119).

Тайное доверие «новых археологов» к фактам он усмотрел верно. Оно обусловлено тем, что отношение «новой археологии» к фактам зависит прежде всего от ее теоретической установки на системный подход. «Новая археология» представляет культуру системой, где все элементы тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Таким образом, для археолога, вооруженного методом системного анализа, не беда, что факты археологии нагружены теорией, содержат элементы трактовки. Благодаря корреляции фактов в системе эта трактовка прочна и потенциально однозначна. С самого начала Л.Бинфорд раскассировал артефакты на *технические, социотехнические* и *идеотехнические* — по их напрашивающейся трактовке, по их содержанию (Binford 1962). Впоследствии он сам признал эту разбивку «несколько глуповатой» — somewhat silly (Binford 1972: 17). Другие «новые археологи» занялись поисками более узко определенных «коррелятов» (Hill 1970: 63; Schiffer 1972: 12-13).

Глубина фактов здесь теоретически признана, но на практике лицо факта оказывается плоским. Факты по-прежнему говорят сами за себя, хотя и шепотом, на ушко исследователю.

Археологические системы, как они вырисовывались из прямой генерализации фактов, приравнивались в «новой археологии» к культурным системам прошлого — таким, какими они жили. Трассировка этих археологических систем (экстраполяцией и интерполяцией) через последовательные стратиграфические плоскости — через срезы времени — рассматривалась как действительное развитие. Любые изменения систем на этом пути принимались за изменения живых культур прошлого, изменения, которым надо подыскать причины в прошлой жизни — воздействия природной среды, соседних культур, действие внутренних факторов.

Между тем, какие-то из этих изменений в археологических системах были вовсе не отражением явлений прошлой жизни культурных систем, а всего лишь искажениями, внесенными в них, так сказать, посмертно — когда это уже были чисто археологические системы: выпадение целых фракций материала из-за неравномерного разрушения различных веществ, неровности исследования и т. п.

Однако в первой половине 70-х годов робко, а во второй — более уверенно на базе «новой археологии» («процессуальной археологии») сформировался иной подход, названный «бихевиорной археологией». Центр тяжести он перенес с изучения культурно-исторического процесса на изучение формирования археологического источника. Суть была именно в осознании глубины археологического факта, многостепенности преобразований информации. В первой же схеме М.Шиффер рисует путь материалов из *жизненного контекста* (он его называет «системным») в *археологический контекст*: обзаведение заготовкой — изготовление — употребление — выбрасывание — упокоение в отбросах (Schiffer 1972). Позже схема стала более детальной, развернутой на конкретных примерах (Schiffer 1976, fig. 4.3).

Наиболее многоступенчатую схему АФ предложил исследователь из Нигерии С.Г.Х.Даниелс (Daniels 1972: 201 — 209, fig. 5.1). Его «модель происхождения (или обусловленности) археологической информации», разработанная применительно к изолированному поселению, показывает 7 уровней:

1) потенциальная популяция артефактов,

предлагаемая культурной матрицей;

2) действительно отложившаяся популяция;
3) сохранившаяся ее фракция;
4) часть, попавшая в раскопаемый объем;
5) обнаруженные артефакты;
6) учтенные данные;
7) опубликованные данные.

Между уровнями (так сказать, на шлюзах) у него вклиниваются факторы, воздействующие на информацию. Они вклиниваются с двух сторон: слева на схеме показаны *контролируемые* исследователем факторы (например, выбор места раскопа), справа — *неконтролируемые* (например, переотложение). По расположению на трассе пробега информации эти факторы делятся на три ряда: *исторические, постдепозиционные* (от отложения в земле до раскопок) и *методические*. Только последние обозначены как контролируемые — расположенные слева. В статье детально рассмотрены основные виды ошибок на этих уровнях («шум», несистематические ошибки, предвзятость) и меры по их устранению (формализация процедур, введение избыточности, рандомизация). Постдепозиционные факторы расположены справа, и о них сказано: «Самое большее, что можно сделать, это оценить их эффекты и попытаться как-то отвести им место» (Daniels 1972: 202). Приведены примеры такой подправки (привлечение теоретических моделей с применением математического критерия Колмогорова — Смирнова). По-видимому, на схеме 5.3 у Дэниелса следовало бы поменять местами «формализацию процедур» и «рандомизацию»: последней больше подавляется «шум», чем «предвзятость».

Видимо, не без влияния этой работы, переданной для публикации Д.Кларку, и сам Д.Кларк разработал схему движения информации по уровням АФ от предепозиционной ситуации через депозиционную и постдепозиционную к ситуации открытия, а затем к анализу и интерпретации (Clarke 1973: 15-16).

В этой обстановке и Л.Бинфорд представляет в конце 80-х годов более сложную, чем раньше, схему соотношений, в которой он помещает «факт», «явление», «событие», «данное», не очень подробно уточняя каждое из этих понятий.

«В науке термин “факт” относится к аспектам актуального проявления события. Более важно, что ученые в общем придают статус факта “распознаваемому” одиночному событию, состоявшемуся в определеное время. Факт существует в событии..., которое состоялось однажды и затем ушло навечно, тогда как данные являются представлением фактов посредством относительно постоянной устоявшейся документации. ... Если мы признаем уравнение фактов с событиями, то должны заключить, что археологи никогда не могут работать с фактами прошлого. Однако археологи производят много данных как результат их изучения и наблюдений над археологическим источником... Какие же события археологи описывают, производя данные? Они фиксируют события наблюдения, в которых участвуют... Эти записи наблюдения, сообщаемые как данные археологии, относятся к современным фактам — современным событиям наблюдения. Никакие исторические факты (прошлые события) недоступны археологическому наблюдению. Археологи производят данные из фактов современных наблюдений над артефактами».

Наблюдения над одним черепком или наконечником стрелы трактуются как одно событие и, следовательно, «источник факта». «Когда археологическое явление открывается в археологическом контексте..., кажется вероятным, что артефакты должны принадлежать к прошлым событиям... Тем не менее, мы не можем путать импликации с фактами. ...Нет исторических фактов, оставшихся для нас, чтобы мы их увидели и зафиксировали» (Binford 1989b: 55-57).

Итак, в прошлом происходили *события*, ставшие достоянием истории (это *исторические факты*). От них сохранились *археологические остатки*, артефакты, источники. *Наблюдения* над этими источниками — тоже *события*, но современные (или современные факты). Фиксация этих наблюдений является *данными* — их производят археологи. По данным мы судим о давних событиях, но эти последние для нас не факты, а лишь импликации, выводы.

Стало быть, факт археологии у Л.Бинфорда расслоился на *исторический* (событие прошлого) и *современный* (нынешний акт археологического наблюдения). При этом есть еще две остановки в движении информации, две ступени факта, обе — отражающие, фиксирующие событие в материальной форме: *артефакт* (или *источник*) и *данные* (научная документация, протокольные записи о наблюдении над источником). Эти две последние ступени фактами не названы, поскольку, по Л.Бинфорду, статуса факта заслуживает только событие (хотя лат. *factum* — буквально «сделанное»). Так или иначе, в пробеге информации Л.Бинфорд отмечает четыре ступени.

Уравнение фактов с событиями позволяет Л.Бинфорду, учитывая, что события прошлого не существуют, придать статус факта *наблюдению* и возвысить его над реалиями — это неопозитивистская установка. А больше всего в теоретических рассуждениях «новых археологов» фигурирует последняя ступень — *данные*. Не факты, а данные — как единственная реальность, которая существует для нас. Факты же есть лишь *импликации из данных*. Данные — этот термин вынесен и в название цитированной статьи Л.Бинфорда.

Этот акцент не прошел незамеченным.

Р.Гулд, которого Л.Бинфорд уличал в эмпиризме, язвительно отозвался об «еще одной стимулирующей бинфордовской идее, которая повергнута в прах из-за того, что нуждается в надежной эмпирической базе» (Gould 1985: 641). Л.Бинфорд на это возразил так: «Гулду приходится придти к выводу, что утверждения о прошлом невозможны, раз для нас не осталось эмпирических данных, которые мы могли бы увидеть». И Л.Бинфорд наставительно замечает: «Прошлое ушло, Ричард. Есть только современные статистические данные. Наше дело так понять эти современные факты, чтобы надежно сконструировать (вывести, если угодно) “реальный мир” прошлого. Настаивать на том, что “реальный мир” прошлого — это тот же самый “реальный мир”, что присутствует в археологических источниках, — сущий нонсенс» (Binford 1989a: 116).

Тем не менее, благодаря вере в строгую системность культуры и в наличие законов культурного процесса и процессов археологизации материала, Л.Бинфорд убежден, что надежно вывести «реальный мир» прошлого из археологических источников вполне возможно. Разработанную им и другими «новыми археологами» методику он считает адекватным и надежным инструментом такого выведения.

В 80-е годы, однако, тон в археологии, по крайней мере, британской, стали задавать идеологи следующего поколения, утратившие веру в системный порядок, а с ней и неопозитивистский оптимизм. Главный теоретик этого направления Я.Ходдер суммировал в своей книге «Читая прошлое» все выводы «новых археологов» и их предшественников о «нагруженности фактов теорией» и их зависимости от нее, об отсутствии «чистых фактов» и т. п. «От всего этого, — резюмировал он, — только и осталось, что факты в реальном мире, которые мы никогда не сможем наблюдать» (Hodder 1986/ 1991: 16).

Он решительно отверг уверенность Л.Бинфорда в надежности его методики как независимого инструмента, способного измерять отношения между древним обществом и современным археологическим материалом. Это неверно, заявил Я.Ходдер, потому что многие измерения зависят от нашего восприятия и нашей категоризации, а они очень слабо связаны с материалом; к тому же в нашем распоряжении нет независимого инструмента измерений: методика сама зависит от теории. «Не может быть ни проверки теории данными, ни независимых измерительных приборов, ни достоверного знания о прошлом».

Я.Ходдер подчеркивает «разрушительный» эфект своих выводов: «Вся ткань археологии как научной дисциплины... под угрозой» (Hodder 1991: 18).

Если база фактов археологии столь ненадежна и недоступна, откуда же берет археолог свое знание о прошлом? «Как результат, теории, выдвигаемые кем-либо о прошлом, очень сильно зависят от его собственного общественного и культурного контекста... Другими словами, отношения между данными и теорией формируются в культурном и историческом контексте, и в этом же контексте ими манипулируют» (Hodder 1991: 17-18).

Эти выводы близки позиции презентистов.

Таким образом, если вначале АФ воспринимался как нечто еще более простое и самоочевидное, чем факт истории, то под конец АФ предстал перед исследователями как нечто, пожалуй, даже гораздо более сложное и глубокое, чем тот. И если археологи прошлого века, воспринимавшие АФ как нечто простое, по сути, абсолютизировали его объективную сторону, то современные западные археологи, распознав гносеологическую многоступенчатость АФ, абсолютизируют его субъективную сторону.

В обзорной статье для Шифферовского ежегодника А.Салливэн, сравнивая схемы Даниелса и Д.Кларка, отдает предпочтение Д.Кларку. У С.Г.Х.Даниелса ведется подсчет артефактов, а трактуется артефакт одновременно и как канал передачи информации археологу, и как само сообщение, которое надо проработать. У Д.Кларка же анализируются следы (в широком смысле), которые и есть сообщение, тогда как артефакты — это лишь канал, по которому сообщение доходит до археолога (Sullivan 1978: 193-194).

У самого А.Салливэна здесь нечеткое употребление терминов и, видимо, нечеткое различение понятий. В другом месте того же обзора он строго различает «*свидетельство*» (evidence) или «*данные*» (data) и «*материальные остатки*»: археологи добывают свидетельства (или данные) из материальных остатков (Sullivan 1978: 189). «Evidence» (свидетельство) — часто переводится как «*информация*», «*факт*», а термин «материальные остатки» использован здесь потому, что в английском неупотребителен более подходящий сюда термин «*источник*» (source) — вместо него там употребляют обычно термин «record» (запись, фиксация), и в самом деле не очень подходящий для обозначения канала или резервуара информации. ФАКТ и ИСТОЧНИКИ — более точное обозначение тех сторон соотношения, которые А.Салливэн представил как СЛЕДЫ и АРТЕФАКТЫ.

4. Термины и ступени

Рассмотрим теперь ситуацию в советской науке. Период наивного эмпиризма в России был естественен и соответствовал положению в западной науке. Однако в советское время он затянулся. Сначала он был искусственно удержан воздействием догматического марксизма, потом продлен подавлением теоретических исследований вообще.

В середине 70-х годов возобновившийся в СССР интерес к археологической теории сразу же поставил археологов перед сложностью и многозначностью АФ.

Первой окунулась в эту проблему В.Д.Викторова (1975). Она просто перенесла на археологию представления, выработанные к этому времени советскими философами. АФ у нее расщепился на два понятия: «*факт (археологической) действительности*» и отражающий его в понятиях «*факт (археологической) науки*» (Викторова 1975а: 17-18).

У каждого понятия есть варианты. По мнению В.Д.Викторовой, время сохраняет часть результатов предметной деятельности человека только (?!) в вещной форме, а если это была социальная деятельность, то эти результаты прошлой деятельности являются «*фактами исторической действительности*» (подразделение фактов археологической действительности — в противоположность «фактам природы»). Конкретизируя «факты археологической науки», В.Д.Викторова поясняет, что, отражая «факты археологической действительности» и фиксируя их в знаковой форме (отчеты, чертежи, фото — последние, конечно, не в знаковой форме!), они выступают как «эмпирические факты археологии» (Викторова 1975а: 22). Таким образом, «*эмпирический факт археологии*» является подразделением «факта археологической науки». Другим подразделением являются, по В.Д.Викторовой, «*статистические факты*» (по-видимому, эти она считает никак не эмпирическими).

Почти в то же время Я.А.Шер (1976: 74) предложил различать в археологии два понятия: «*исторический факт*», «в принципе ненаблюдаемый», и «*археологический факт*», «представленный в вещественных остатках». В таком противопоставлении «исторический факт» (он оказывается тем же, что у истории) близок к «факту исторической действительности» В.Д.Викторовой. Однако Я.А.Шер добавляет, что «исторический факт» «всегда фиксируем языковыми средствами в каком-то тексте» (но ведь это уже *факт письменного источниковедения* или исторической науки!). А об «археологическом факте» Я.А.Шер говорит, что, «зафиксированный средствами научного языка», он «может стать историческим фактом» (тут исторический факт — это результат интерпретации археологического факта). Ясно, что терминов у Я.А.Шера в этой работе меньше, чем понятий, то есть недостаточно. Понятий применительно к археологии минимум три.

Ю.Н.Захарук (1977) выступил с критикой обоих авторов. Обоим он пеняет на нечеткость формулировок. У самого Ю.Н.Захарука АФ расщеплен на 4 понятия, последовательно маркирующих ступени преобразования информации в процессе исследования: 1) «*факт прошлой исторической действительности*» — 2) «*факт ископаемой действительности*» — 3) «*эмпирический факт археологии*» — 4) «*реконструированный факт археологии*». Первые два — факты археологической действительности, два последних — факты археологической науки. За всеми этими понятиями он считает целесообразным сохранить термин «факт» — со спецификациями (и, на мой взгляд, это резонно).

Термин «исторический факт» Ю.Н.Захарук предлагает исключить из употребления ввиду многозначности слова «исторический», а вот термин «исторический источник» считает одной из конкретизаций понятия «факт». «Эмпирические факты археологии» — разновидность исторических источников. Термин «ископаемая действительность» применен неудачно: ископаемыми в русском языке принято называть виды вымершие, а археологические вещи и комплексы — погребенные, да и не только погребенные, но и попросту мертвые, но не обязательно вымерших видов (Захарук 1977).

Любопытно, что, хотя советский и американский авторы явно не читали друг друга, в работе Ю.Н.Захарука — примерно та же четырехчленная схема, что и у Л.Бинфорда, но изложенная на 10 лет раньше.

В специальной работе Я.А.Шер вернулся к вопросу об АФ. Он считает нецелесообразным именовать «фактом» любую стадию преобразования информации (Шер 1985). В этом он следует философу П.В.Копнину. Тот утверждал: «Нет никакого смысла сами явления, события, вещи объективной реальности называть фактами, ибо это будет только удвоение в номенклатуре понятий. Сами вещи — факты, и знание о них — тоже факты. Это порождает путаницу...» (Копнин 1966: 221). П.В.Копнин и Я.А.Шер предпочли оставить за термином «факт» только знание о чем-то, достоверное знание. Как будто знание не имеет собственных терминов (сведение, показание, сообщение и т. д.). Нет, в основе смены значения не чисто терминологические соображения, а эпохальный сдвиг в психологии оценок: что подчеркнуть в понятии — объективность или субъективность.

Между тем, традиционно в археологии вещи — артефакты (разновидность фактов по само-

му названию), а связи и условия нахождения вещей — это фрагменты объективной реальности, и это то, что археологи в своем обиходе всегда называют фактами. Уж во всяком случае, называть эти фрагменты фактами больше традиционных оснований, чем знание, отражающее их, сообщения о них.

Далее, «археологический памятник (объект)» рассматривается Я.А.Шером как нечто первичное, а «АФ» — как «его отражение, результат познания объекта». Но знания, полагает Я.А.Шер, могут быть не вполне достоверными, их лучше именовать «археологической гипотезой», а «археологическим фактом» именовать только фактическое знание, достоверное — как, например, массовое жертвоприношение и захоронение лошадей при погребении скифских царей (Шер 1985: 8). Но имелось ли захоронение царя в Костромском кургане, или там вообще не было покойника и то были остатки обряда ашвамедхи? Вполне ли достоверна трактовка наблюденного в Костромском кургане? Если пользоваться терминологией Я.А.Шера, его раскрытием терминов, вполне ли факт есть факт?

Я.А.Шер решительно (и правильно) возражает против отождествления АФ с археологическим источником. Факты отражены и закодированы в источниках (Шер 1985: 8-9) Под фактом он явно имеет в виду фрагмент действительности, а не знание о нем!). При этом Я.А.Шер ссылается на работы Л.С.Клейна (1978: 46-47) и А.И.Ракитова (1982: 101-102). В полном согласии с Л.С.Клейном Я.А.Шер (1985: 10) отмечает, что факт не содержится в источнике в готовом виде, а «образуется в результате определенных действий исследователя по отношению к источнику». Он повторяет формулировки Л.С.Клейна о «зашифрованности», «коде», «дешифровке» (цитируя их, впрочем, из А.И.Ракитова). Однако все эти констатации не отменяют основного: в источнике отражена именно действительность, а знания о ней не привнесены исследователем, а образуются из столкновения его тезауруса и методов с этим отражением.

Для Я.А.Шера эмпирические наблюдения — не факты, а «кирпичи» для построения фактов. Да нет же, наблюдения — это вообще понятие из другого ряда: это один из способов добывания информации, содержащей факты. Но почему «кирпичи»? У Я.А.Шера есть ответ. «Некий элемент археологического научного описания становится археологическим фактом тогда и только тогда, когда он поставлен в определенную связь с другим элементом иного или того же описания» (Шер 1985: 10). Стратиграфия, перечень и описания слоев — это эмпирические наблюдения, по Я.А.Шеру, а вот указание на керамику, аналогичную другой керамике, — это уже факт. Статус факта пожалован лишь «блестящей идее».

Странное суждение. Оно идет вразрез с терминологической традицией. Фактом мы привыкли обозначать нечто достоверное, надежное, реальное, на чем можно спокойно возводить исследовательские конструкции, строить выводы. Сведения о перечне слоев, добытые эмпирическими наблюдениями, несомненно, более надежны, чем суждения об аналогичности двух наборов керамики, добытые в ходе сравнительного анализа, обычно более субъективного.

Да, можно, конечно, и это тоже считать АФ и строить на нем дальнейшие выводы, но с большей оглядкой. А это значит, что одним термином традиционного употребления покрывается целый ряд понятий. Поскольку неудобно отказываться от традиционной терминологии, нужны спецификации, производные термины.

В позиции Я.А.Шера ощущается влияние неопозитивизма: увлечение фиксацией наблюдаемых явлений и операциями над ними в ущерб вниманию к самим явлениям. К чему это ведет? К ослаблению самостоятельности археологии. Сам же Я.А.Шер постулирует «необходимость независимого подхода» к изучению артефактов. В то же время он отмечает, что в работах археологов (подразумевается — в интерпретации, в установлении связей между явлениями) «постоянно присутствуют этнографические сопоставления и ассоциации». Археологические факты «легко теряют свою самостоятельность», и нарушается «чистота» их анализа. На практике «археологические факты, этнографические наблюдения и сведения письменных источников (а также и собственные предположения автора) излагаются в едином труднорасчленимом контексте» (Шер 1985: 13-14).

Естественно: ведь за факты приняты исключительно сопоставления, связи, трактовки, а их очень трудно «очистить», ибо они делаются со значительной опорой на внеархеологическое знание. «Действительно, — подтверждает Я.А.Шер, — в практической работе не всегда просто вычленить археологический факт в “чистом виде”» (Шер 1985: 14). Точнее было бы сказать, это всегда не просто. Но для этого прежде всего нужно повысить ранг наблюденных вещей, комплексов, связей и условий, придав им статус фактов, ибо на их констатацию этнографические и прочие коннотации не влияют или влияют гораздо меньше.

Впрочем, в оговорках Я.А.Шера можно почувствовать «сопротивление материала». В добавление к уже приведенным его оговоркам (насчет того, что отражается в источнике) укажу еще одну: Я.А.Шер отмечает, что если археолог ориентируется только на этнографические аналогии, «наблюдаемые им факты легко теряют свою самостоятельность» (Шер 1985: 14). Стало быть, археологические факты — это то, что археолог наблюдает, а не только результат

увязок и интерпретаций...

Хотя Я.А.Шер и ратовал за сужение числа понятий и ограничение АФ, на деле он не опроверг Захарука, а лишь добавил еще одну стадию АФ — *фиксацию эмпирических наблюдений*.

В большой монографии В.Ф.Генинга о структуре археологического познания одна из глав называется: «Научный факт в археологических исследованиях». У В.Ф.Генинга факт в археологии связан с прохождением информации из прошлого, а это прохождение оказывается многоступенным, в частности, четырехступенным, как у Ю.Н.Захарука. Предложена следующая система: 1) исторический факт в обществе (*факт исторической действительности*, фрагмент ее) — 2) факт прошлой действительности в природе или *факт действительности природы* (омертвленный социальный мир, потенциально археологический памятник) — 3) *археологический факт* (раскопанный археологический памятник) — 4) *научный факт (артефакт)* (Генинг 1989: 58-84).

В первой ступени у В.Ф.Генинга, судя по его описанию, объединены события социальной жизни, опредмечивание их и результаты этого опредмечивания — тут явно напрашивается дальнейшее расчленение, уже осуществленное ранее в моей работе (Клейн 1975). Вторая ступень состоит из опредмеченных остатков социального мира, которые несколько странно рассматриваются как «перешедшие в мир природы», как явления природы. Верно, в них происходят природные процессы (тление, гниение, коррозия и т. п.), но действуют и культурные факторы (перекопы, например), а в основном до полного распада эти предметы явно остаются чуждыми природе. Только за третьей ступенью В.Ф.Генинг закрепляет термин «АФ», оставляя при этом и за другими ступенями наименование «факт», но со спецификациями. «Археологическое» здесь понимается узко — как только то, что связано с памятниками и раскопками, не с археологической наукой вообще.

Наиболее странно выглядит трактовка четвертой ступени у В.Ф.Генинга. Статус научного факта он признает только за «суждением об объективном факте», если это суждение «включено в систему научного знания». С этой точки зрения раскопанный археологический памятник (АФ) — не научный факт (Генинг 1989: 61), а раскопки, стало быть, не наука. Ну, в этом В.Ф.Генинг, как можно было видеть, не одинок. Зато в конкретизации В.Ф.Генинг совершенно уникален. Такой «фиксированный, описанный археологический факт» он именует... артефактом! То есть артефакты для него — это не сами предметы, а «описания предметов» и «описания остатков различных сооружений древности». «Артефакты данного вида наиболее изменчивы, постоянно пополняясь новыми данными, отражающими движение научной мысли, все глубже проникающей в сущность изучаемых фактов» (Генинг 1989: 61-63). По сути В.Ф.Генинг, возможно, сам того не осознавая, сделал, наконец, последовательный вывод из суждений Д.Кларка об артефактах как «единственных фактах» археологии и об их выводной природе. Можно подумать, что В.Ф.Генингу совершенно неизвестно общепринятое стандартное значение слова «артефакт» в археологии, в основном равнозначное слову «вещь», «портативный памятник». Либо В.Ф.Генинг не считает нужным с этим считаться. Но ничего, кроме путаницы, такое изобретательство породить не может.

В остальном В.Ф.Генинг лишь повторил своей раскладкой довольно точно схему Захарука, но развернул ее более детально. В подразделениях каждой ступени В.Ф.Генинг повторяет мои схемы пробега археологической информации, представленные в виде рисунков в книге «Археологические источники» (Клейн 1978: 29, табл. II; там же: 42-44, табл. III-V), но у В.Ф.Генинга они выполнены как логические формулы. В этих подразделениях можно усмотреть потенции дальнейшего членения системы.

Главный итог пройденного развития — как раз в этих потенциях, в осознании многоступенности АФ, а вовсе не в поднадоевших прениях о том, к какой ступени лучше приурочить термин «факт», к какой — «научный факт» и т.п. Главное — что факт растянулся в глубину и предстал в динамике — как пробег информации о конечных целях исследования, что четыре ступени этого пробега осознаны, а дальнейшее членение напрашивается. В этом членении — выход к методике исследований.

В обзорную историографическую работу по теоретической археологии в СССР Е.М.Колпаков и Л.Б.Вишняцкий ввели небольшой раздел «Археологический факт» с нигилистическим заключением: «Подобные построения и терминологические хитрости лишь затемняют тривиальные для ученого положения теории познания: нетождественность эмпирических наблюдений фактам действительности и нетождественность описаний эмпирическим наблюдениям» (Колпаков, Вишняцкий 1993: 8).

Таким образом, у авторов своя концепция ступеней научной информации, предельно кратко изложенная, в которой три узловых понятия: *факты действительности — эмпирические наблюдения — описания*. Оставлено неразъясненным, достаточна ли эта общая концепция и для археологии. Во всяком случае, фактами названы лишь явления действительности, притом нерасчлененные во времени. Что ж, если прилагать эту схему к археологии, то это шаг назад по сравнению с Ю.Н.Захаруком. Значение прогрессирующего членения археологического факта в глубину авторы обзора не разглядели и не поняли.

III. Археологический факт и движение информации

5. Конверсия и реконверсия информации

В статье «Археология: потеря невинности» (1973) Дэвид Кларк рассматривает археологическое исследование как процесс «обработки (или переработки) информации», поступающей по «археологическим каналам». Это «информация, которую можно извлечь из сложных интеграционных отношений, заключенных в... памятниках», «из данных» (Clarke 1973: 13). Эту обработку информации он считает частью общей теории археологии — «именно эти... шаги лежат в основе критических скачков в археологическом рассуждении. Без такого корпуса теории эти критические скачки и впрямь оказываются прыжками и превращаются в свободный полет творческой фантазии — безответственный род искусства» (Clarke 1973: 16).

На Д.Кларка явно произвела впечатление статья С.Г.Х.Даниелса, отданная в сборник Д.Кларка «Модели в археологии» и напечатанная за год до «Потери невинности». Это сказалось у Д.Кларка в конкретизации уровней, выделяющихся «в любой археологической интерпретации», а именно:

1) деятельность гоминид, а также социальные и природные процессы, некогда происходившие;

2) выборка их (результатов) и следы их, отложившиеся в какое-то время;

3) та часть этой выборки, которая сохранилась до открытия;

4) та часть последней, которая была открыта раскопками и сборами.

Соответственно этому Д.Кларк предложил сформировать теоретические концепции, ведающие переходом от каждого из этих уровней к следующему: а) преддепозиционная и депозиционная теория (1 — 2), б) постдепозиционная теория (2 — 3), в) теория обнаружения (3 — 4), г) теория анализа того, что обнаружено и стало «данными» — соединение данных с помощью моделей, припасенных археологией. Он добавил к этому д) теорию интерпретации, которая от этих анализируемых данных заключает к ненаблюдаемым прямо древним структурам и процессам (Clarke 1973: 16-17).

Как видим, хоть Д.Кларк и использовал трактовку С.Г.Х.Даниелса, он остался при четырехуровневой структуре археологической информации (он не применяет здесь термина «факт»). Но пробег информации от процессов древней жизни через археологические памятники к письменному отчету археолога прослежен четко.

Итак, гносеологической основой и логическим стержнем полного археологического исследования оказывается процесс преобразования информации, ведущий от фактического материала (объектов археологии) к его истолкованию в понятиях истории. Вот тот единый сюжет, который лежит в основе нескольких фабул — процедур исследования: *индуктивистской, дедуктивистской* и *проблемной*.

Что выбор той или другой из этих фабул определяется философско-методологической позицией исследователя, вполне очевидно. Но чем обусловлена и как связана с философией науки структура самого сюжета — общее количество этапов, их состав и последовательность?

Можно показать, что эти характеристики обусловлены пониманием АФ. Если факт прост и сводится к тому, что лежит на поверхности, то нужны только сбор, описание и обобщение фактов. Если же факт сложен и содержит не только ту информацию, которую мы ищем, если, кроме нее, там намешано много иной, а та, которую мы ищем, искажена, то обработка много мудренее и объемистее. Нужны критика, очистка и восполнение.

Ведь археология изучает материальные древности (артефактные и не-артефактные) и соотношения между ними. Необходимым постулатом археологии является признание того, что ее объекты — это следы и остатки прошлого, то есть результаты исторических событий и социокультурных явлений. Эти следы и остатки рассматриваются нами как информация о прежних событиях и явлениях — информация, рожденная ими. Проходя через стереотипные и известные нам *шлюзы* (отмирание, тление, перемещение от перекопов и др.), она испытала ряд преобразований, пока не отложилась в виде фактов археологии. Стало быть в этих фактах не изначальная информация, а преобразованная. В ней появилось дополнительное измерение. Она теперь отражает не только события, процессы и явления прошлого, но и перипетии самого этого отражения. В ней не только отложилась история общества, но и ее собственная история. Так что АФ оказывается не простым, не плоским, он имеет глубину.

Эта вторая история — не просто лишнее осложнение. Ее познание необходимо для того, чтобы восстановить первую историю. Чтобы очистить изначальную информацию от наслоений, по возможности устранить искажения, нужно восстановить все перипетии преобразований, пройти от конца пробега информации к началу. В сущности, та обработка, которой мы подвергаем материал, и вся процедура истолкования фактов являются не прямым преобразованием информации, а обратным. Это не конверсия, а *реконверсия*, не отход от прошлой реальности, а возвращение к ней.

Говоря о «теории интерпретации», не привязанной у него к какому-либо одному уровню

или переходу, Д.Кларк указал, что она «связывает (уровни) 4 — 1» (Clarke 1973: 17), то есть прослеживает информацию в обратном порядке — в глубь археологического материала и в глубь времени.

Ставя перед собой целью познание событий и явлений, археолог неизбежно совершает реконверсию информации. Велико искушение сделать эту реконверсию одноактной — одним шагом перейти от АФ к историко-социологическому значению, полагая его лежащим где-то у самой поверхности АФ. Это было бы так просто, так удобно! И существуют факторы, которые толкают археологов на попытки такой упрощенной, или стяженной, реконверсии — то неизжитый диллетантизм, то догматическая приверженность к одной жесткой схеме однозначных толкований с готовым набором ярлычков. Но В.С.Бочкарев (1973: 59) прав: перескакивать через этапы процедуры нельзя. Почему?

Конверсия информации состояла из *фаз*, разделенных *шлюзами*. В каждом шлюзе очередное превращение изменяло облик информации и служило трамплином для следующего превращения. Только смежные фазы были связаны между собой непосредственно как исходное и производное. И нередко только в производном сохранились какие-то остатки, по которым можно судить об исходном облике. Если, составляя суждение по последнему облику о первоначальном, перескакивать через какие-то фазы, то, возможно, будут упущены существенные изменения в информации, стало быть, незамеченными окажутся искажения реальности прошлого. В итоге придем к неверной реконструкции. Отсюда важность учета всех фаз конверсии, всех шлюзов. Это и должно стать основой для разработки полной схемы процедуры археологического исследования.

Итак, почему же проводить такую реконверсию необходимо последовательно, без пропусков? Потому что в случае пропуска какого-либо шлюза те изменения, которыми информация обязана данному шлюзу, не удастся уловить и опознать, а следовательно, возникшие здесь особенности информации будут приписаны более ранним причинам. Неверно будет реконструирован исходный облик информации, будут предположены в первоначальной картине факторы, которых на деле не было. Вот почему так необходимо выявление всех шлюзов, прослеживание полного курса конверсии и соблюдение строгой последовательности в реконверсии обратным путем через все шлюзы.

6. Самые глубокие уровни АФ

В идеале исследователь стремится к тому, чтобы реконверсия была корректной, а размежевание субъективного и объективного в АФ — как можно более полным. Для этого необходимо, чтобы схема *гносеологической многоступенчатости* А*Ф*, лежащая в основе процедуры археологического исследования, учитывала уровни АФ (то есть этапы конверсии и их шлюзы) с максимальной полнотой, на полную глубину. Предлагавшиеся до сих пор схемы, как правило, учитывали только некоторые уровни — в том или ином наборе. Поскольку таких предложений было уже немало, даже простое их обобщение способно значительно продвинуть нас к обретению искомой полноты.

Большей частью весь свой исследовательский запал авторы этих схем тратили на то, чтобы от археологических остатков мысленно добраться до живой материальной культуры прошлого. И.Рауз и У.Тэйлор обратили внимание на более глубокую задачу — установить, *что же скрывается за вещами и их отношениями*. Как позже это сформулировал Р.Бредвуд, «увидеть индейца за артефактом». Но это слишком обобщенная формулировка. Эти археологи увидели за вещами и отношениями *обычаи, стереотипы и идиомы поведения*, а еще глубже, за теми — *социальные нормы и индивидуальные мотивы*, то есть *идеи* (Rouse 1939; Taylor 1948: 97-124). Дальше этого, глубже этого на Западе не пошел никто из теоретиков, занимавшихся понятием АФ и проблемой процедуры археологического исследования. И это понятно: объективный идеализм, лежащий в основе методологии наиболее авторитетных на Западе теоретиков, и сводится ведь к первичности идей.

В методологических основах современной археологии на Западе представлен не только идеализм, но и материализм. Советские марксисты обычно (и в общем резонно) считали этот материализм неглубоким, непоследовательным, поверхностным, поскольку он обильно пропитан неопозитивистскими идеями и, таким образом, смыкается с субъективным идеализмом.

В применении к познанию АФ это отчетливо выражено установкой «новой археологии» — ограничить понятие культуры поведением и его вещными результатами, изгнать из этого понятия идеи, поскольку они не наблюдаемы непосредственно (Binford 1965; Watson et al. 1971: 63-65). Но именно понятие культуры (в таком ограничении) оказывается фундаментальным для концепции «культурного процесса», а познание «культурного процесса» и его законов рассматривается как главная цель археологии (Binford 1968; Watson et al. 1971: 22-23). Иными словами, в реконверсии теоретики «новой археологии» предусматривают продвижение только до уровня поведенческих акций, не глубже. В их представлении АФ оказывается более

плоским, чем в представлении их идеалистически настроенных предшественников.

Ортодоксальный марксизм воздействовал на археологию в схожем направлении — отказа от видения идей в основе, — но несколько иначе. Он концентрировал внимание на орудиях, предметах, производстве. В начале 30-х годов Ф.В.Кипарисов (1933) и К.Р.Мегрелидзе (1935) предложили считать ведущим в марксистской археологии *принцип предметно-практической деятельности*, что в 70-е подхватила В.Д.Викторова (ее же1975б; ее же 1989: 16-17, 65-78). «Рассмотрение вещей через призму принципа предметной деятельности означает прежде всего выявление их природы как результата деятельности человека... Вещь и ее существенные признаки могут быть поняты только через процесс труда» (Викторова 1989: 125). В.Ф.Генинг рассматривает АФ как результат опредмечивания и выдвигает на первый план в археологии теорию опредмечивания. Опредмечивания чего? Конкретных идей? Нет, весьма абстрактных «сущностных сил человека», «социальной жизнедеятельности» вообще (Генинг 1989: 64-65). От «предметно-технологических реконструкций (ПТР)» он ведет исследователя (Генинг 1989: 224-270) к «социально-технологической теоретической модели (СТТМ)» и т. п., а оттуда прямиком к конечной цели — социально-экономическим формациям, *коих, как известно, ровно пять* (фразеология булгаковского Воланда здесь очень уместна).

На мой взгляд, быть материалистом — не значит отрицать роль идей в обусловленности поведения, не значит застревать на осязаемом, зримом поведении, не значит останавливаться перед выявлением идейных мотивов поведения. Наоборот, быть разумным и последовательным материалистом — это значит, пройдя все эти уровни познания, увидеть за идеями те стимулы, которыми порождены в сознании людей эти идеи. Не отступить на шаг от уровня идей, а продвинуться на шаг дальше.

Идеи же обусловлены бытием, всей общественной и личной практикой людей — производственной, экономической, политической, идеологической, бытовой и т. д. В ней возникают и коренятся стимулы к созданию социальных норм, стандартов, «мысленных шаблонов» («мысленных лекал»), вообще — к идеям. «Проблема сознания, — отмечает советский философ Э.С.Маркарян, — если рассматривать ее в генетическом плане, это прежде всего проблема стимулов его выработки, а они-то, эти стимулы, и были как раз заложены в материально-производственной практике» (Маркарян 1969: 43, см. также 37-42, 44-45); впрочем, последнее можно оспорить. За «матрицей идей» нужно увидеть «матрицу стимулов».

Вот эти-то стимулы и должны рассматриваться как последний, самый глубокий уровень АФ. Они обеспечивают переход к причинно-следственным механизмам и социокультурным или историческим закономерностям, то есть выход за пределы АФ — в теорию.

Трудности подступа к этим последним уровням АФ и их расчленению заключались в двойственности соотношений практической деятельности с идеями. Помещать ли эту деятельность уровнем выше или уровнем ниже идей? И на то, и на другое вроде были основания. Поэтому в тех теоретических работах советских археологов, где авторы вообще касались этой проблемы, проводился более общий подход: деятельность соотносилась не с идеями, а непосредственно с предметными результатами — уж эти-то несомненно оказываются ее производными (Захарук 1970: 13-14; 1973). Корень затруднения таился в двойственности самого понятия практической деятельности. Одно дело — частные действия, динамические акции людей, компоненты поведения. Они могут рассматриваться как реализация идей. А другое дело — вся совокупная практика общества, ситуации, в которые деятельность заводит людей, создаваемые характеры. Тут коренятся стимулы идей.

7. Полный курс конверсии

Исходя из этих соображений, мы можем представить полную схему гносеологической ступенчатости АФ в следующем виде (уровни перечисляются в порядке конверсии информации):

1. *Стимулы* — социальная и личная практика людей (производство, экономические и политические отношения, идеология, быт и проч.).

2. *Идеи* — социальные нормы, обычаи, стандарты, индивидуальные мотивы (уже здесь заложены планы поведения и потенциальная популяция вещей, то есть культурная матрица).

3. *Акции* — действия, поступки, события, то есть то, что реализует обычаи, стереотипы и идиомы поведения.

4. *Инкорпорации* (воплощения) — вещи, следы на них и т. п. материальные объекты, а также их соотношения в живой культуре. Налицо их полная популяция. Это объективация поведения, косвенным образом — опредмеченные идеи.

5. *Депозиты* — вещи, их фрагменты, следы на них и от них, а также соотношения их всех в мертвой культуре. Здесь уже не вся прежняя популяция, а только ее отложившаяся фракция.

6. *Остатки* — то же ко времени раскопок (или сборов, обследования и т.п.) в археологическом материале in situ в земле и на земле. Это сохранившаяся фракция.

7. *Деструкты* — то же после перемеще-

ния части материала непрофессиональными добытчиками (любителями, случайными находчиками, грабителями) в коллекции.

8. *Обсерваты* — то же в археологическом материале на участке, попавшем под исследование, в изучаемом пространстве (в раскопе, шурфе, в коллекциях и т. п.). Это то, на что археолог мог смотреть, что он мог видеть.

9. *Открытия* — вещи, следы и их соотношения, открытые, замеченные исследователями в поле или в коллекциях. Это увиденная фракция — то, что археолог реально сумел увидеть.

10. *Селекты* (выборки) — вещи, следы и их соотношения, учтенные исследователями и подлежащие регистрации (графической, письменной и т.п. фиксации) или взятые с поля. Это отобранная в поле или в коллекциях фракция.

11. *Фильтраты* — то же за вычетом отбракованных объектов, то есть объектов (и их соотношений), учтенных по ошибке: псевдо-артефактов, лже-следов, подделок, фальсификаций. Это очищенная фракция.

12. *Дескрипты* (описания) — отображение информации предшествующего уровня графически (средствами специального элементарного «алфавита») и сопоставлением с понятиями аналитической классификации.

13. *Компакты* (обобщения) — результат сжатия информации с выделением существенного посредством таксономической классификации, типизации и систематизации.

14. *Сведения* — информация одного из предшествующих двух уровней (или обоих), изложенная в публикации (в монографии, каталоге и т. п.) или в депонируемой работе (полевом отчете, диссертации и т. п.), в картотеке или в памяти компьютера, а также в личных архивах и (на худой конец) в естественной памяти самих исследователей.

Из этих 14 уровней АФ первые три имеют дело с *потенциями*, последующие восемь (с 4 по 11) — с *реалиями* и три последних — с *отображениями*.

8. Шлюзы на пути информации

Между этими уровнями располагаются шлюзы, в которых информация преобразуется: часть проходит хорошо, но что-то утрачивается, что-то искажается, а что-то загрязняющее примешивается (Sullivan 1978: 193). Какие же факторы воздействуют на информацию в этих шлюзах? (Daniels 1972; Collins 1975). М.Шиффер (Schiffer 1976: 14-15) делит их на *культурные* — трансформации К (C-transforms) и *природные* — трансформации П (N-transforms), но для целей изучения последовательности удобнее то направление, которое обозначили С.Г.Х.Даниелс и Д. Кларк, — по ступеням прохождения информации. Рассмотрим их в том же порядке конверсии (для удобства сопоставления порядковые обозначения шлюзов составлены далее из номеров соседних уровней).

0—1. *Кристаллизация стимулов.* К ней приводят социокультурно-исторические закономерности и причинно-следственные механизмы. Дело осложняется тем, что многие из этих закономерностей действует лишь как тенденции, обеспечивая только вероятностную (а не жестко динамическую) детерминацию, а некоторые из причинно-следственных механизмов не создают однозначных каузальных связей: одинаковые причины под действием разных условий, нередко случайных, могут приводить к разным следствиям, за одинаковыми следствиями могут стоять разные причины (*феномен плюрикаузальности*).

1—2. *Осознание стимулов.* Имеется в виду их осознание древними обществами и личностями. Процесс этот тоже детерминирован и поэтому обычаи народов, не имевших контакта, оказываются нередко схожими (*феномен конвергенции*), но доля вероятностной детерминации здесь гораздо больше. Даже ортодоксальные марксисты давно уже признают (по крайней мере, в теории) относительную самостоятельность идеологии. Индивидуальные особенности людей и даже целых популяций, а также и случайность весьма сказываются на конечном облике идей. Поэтому обычаи народов столь разнообразны.

2—3. *Реализация идей в поведении.* На пути этой реализации стоят различные препятствия: стихийные бедствия, нехватка опыта, противоречия между идеями, противоречия между людьми и между группами людей, между личностью и обществом. Социальная норма отличается от биологической программы поведения меньшей жесткостью. Свобода воли, свобода выбора, стоящего перед личностями и человеческими популяциями, правда, не безгранична, но и не фиктивна. Поэтому реализация идей в поведении, а вместе с тем и само поведение предсказуемы, но не строго предсказуемы. Скорее, предугадываемы.

3—4. *Опредмечивание поведенческих актов.* Как «новая археология», так и ортодоксальные марксисты здесь устанавливали жесткие соответствия. М.Шиффер сохранил это представление, помещая перед искажающими трансформациями К и П (C- and N-transforms) «*корреляты*» (Schiffer 1976: 12-14). Имелась в виду корреляция между предметами и идеями. В действительности же однозначных соответствий нет, есть лишь плохо реализуемые *идеалы*. Ясно, что между идеями и предметами лежит поведение, ведущее от первых ко вторым, а поведение, как уже сказано, не точно реализует идеи. Кроме того, и между поведением и его предметными результатами есть

зазор (Krause, Thorne 1971). Уже простое различие (разная сопротивляемость, неоднородность) материалов, на которые направлены одинаковые серии действий, обусловит различие результатов — получатся вещи разного облика. А ведь различны не только материалы, но и условия действий. А.Брейль ставил специальные эксперименты, чтобы показать, что в тепле и на морозе кремень раскалывается поразному и что это приводит к разным наборам кремневой индустрии. Поэтому идеалы идеальны, изделия не совпадают с эталонами, имитации — с оригиналами.

4—5. ***Первый акт археологизации*** — предепозиционный: умирание, выход из жизни и депозиция, упокоение на земле, а затем и в земле. При этом сказывается селекция (можно сказать, депозиционная селекция), проведенная самими носителями культуры с учетом особенностей ситуаций и вещей (Eggers 1959). Сами древние люди отбирали, что удалить из обращения (например, битую керамику), а что не допустить к изъятию (например, металлический лом — он идет в переплавку). Они определяли, в каких ситуациях предавать упокоению отработанные, испорченные, разбитые вещи в естественном порядке (например, на помойку), а в каких — свежие, целые, иной раз специально изготовленные вещи, непременно в искусственном наборе (например, для погребения).

По сравнению с живой культурой здесь изменены соотношения, пропорции, облик («*некротическая трансформация*»). Состав живого стада скота не повторен в суммарном распределении обломков костей по видам животных в культурном слое, возрастной состав живой общины не отражен, как в зеркале, на кладбище: за время жизни одного взрослого поколения могло смениться и попасть в могилы несколько поколений детей. Некоторые компоненты живой материальной культуры просто выпали (обычно органика), зато в мертвую культуру вошли компоненты, которых не было в живой (например, специально изготовленные украшения с золотой фольгой, глиняные модельки вещей).

Кроме того, сказалась открытость и, так сказать, «ажурность» многих субсистем в материальной культуре (они не образуют при отложении сплошного компактного депозита и не часто перекрываются стерильными прослойками. Из-за этого в ряде случаев совместились и смешались элементы, которые в живой культуре были разделены огромными интервалами времени. Это совмещение Ю.Н.Захарук удачно назвал «компрессией» (Захарук 1975).

5—6. ***Второй акт археологизации*** — постдепозиционный.

Первая группа факторов — фоссилизация, переход в ископаемое состояние. Под этим здесь имеются в виду радикальные изменения от долгого нахождения в земле, сделавшие невозможным употребление предметов по их первоначальному назначению (другой аспект ископаемости — принадлежность к вымершему виду). На конечном облике остатков сказывается разрушительное воздействие стихий и времени — *естественная деструкция*: истлевание органических материалов, корродирование металлов, окаменение костей, ирризация стекла, патинизирование кремня, руинизация, оплывание деревоземляных конструкций, занос землей и т. п. Позиция остатков изменяется переотложением под действием природных сил. Все это усиливает компрессию.

Вторая группа факторов — *древняя искусственная деструкция*. Она заключается в том, что после отложения (в пост-депозиционный период) последующие поколения людей (обычно местных жителей, но иногда и пришельцы, временные завоеватели) также воздействовали на депозиты (наращивание культурного слоя, ограбление могил, перекопы, разрушение памятников), нарушая структуру комплексов и изменяя состав материала. И это также усиливало компрессию.

Обе группы факторов действовали параллельно, без строгого чередования во времени.

6—7. ***Современная искусственная деструкция.*** Подразумевается вмешательство непрофессиональных искателей древностей. Это охотники за антиквитетами (грабители, любители, торговцы, коллекционеры), которые роются в культурных слоях и могилах, добывают вещи, не фиксируя условия находки, или фальсифицируют их, разрознивают комплексы, часть материала перемещают в коллекции. Это и просто случайные находчики, сдающие найденное профессионалам, но теряющие часть информации по неведению. Именно на этом этапе в материал включается большинство подделок.

7—8. ***Выбор участка для обследования.*** Приходится ограничить территорию сборов и картирования, определить расположение раскопов и наметить их размеры, лимитировать охват коллекций. Ясно, что это повлияет на объем и состав получаемой информации. А сами воздействующие факторы зависят от многих обстоятельств — целей исследования, ассигнований, оснащенности экспедиции, доступности участков и т. п.

8—9. ***Обнаружение носителей информации*** (вещей, следов, отношений) исследователями в намеченном пространстве, Мало смотреть на эти объекты — их нужно увидеть. Что удастся исследователям увидеть, будет зависеть от целого ряда факторов: компетентность и добросовестность исследователей, применяемая методика, оснащенность экспедиции техникой (в частности, приборами), уровень развития науки, условия работы.

9—10. ***Отбор нужной информации.*** Нужно отобрать все, что достойно учета и сохранения.

Вся сумма замеченной информации обычно слишком велика, зафиксировать ее всю практически непосильно, не говоря уже о том, чтобы взять в музей всех ее носителей — всю керамику, все кости, все заполнение могил и весь состав культурного слоя (монолитом?). А перенести в музей все отношения со средой вообще невозможно в принципе. Селекция неизбежна. На отборе скажутся конкретные технические возможности экспедиции и представления исследователей о сравнительной важности различных частей обнаруженной информации. Эти представления опираются на целевую установку данной экспедиции и на общие сведения о примерном наборе сведений, могущих иметь значение для науки. Конечно, здесь снова скажутся и компетенция исследователей, и общий уровень развития науки. А также субъективные намерения и взгляды исследователей.

10—11. *Отбор подлинной информации.* Имеется в виду очистка от подделок, фальсификаций и ошибок. Нужно избавиться от поздних, часто даже просто современных вещей, следов и отношений, принятых за древние, и от природных объектов, принятых за искусственные, за сделанные человеком, за артефакты (артефактоподобные конкреции, «каменные розы» и т. п.; ср. проблему эолитов). В этом деле возможны и опрометчивые решения: пильтдаунские находки долго принимались за подлинные, а пещерную живопись ученый мир несколько десятилетий не признавал. Иными словами, и в этом шлюзе возможны искажения: утеря какой-то части верной информации и подключение или пропуск лишней, загрязняющей информации.

11—12. *Фиксация обнаруженного и отобранного.* Письменная, графическая и прочая фиксация вещей, следов и отношений есть непреложное правило всякой профессиональной экспедиции. Это тем более важно, что исследование памятника раскопками сопряжено с его гибелью. Памятник исчезает, и раскопать его вторично будет невозможно. Фиксация должна спасти максимально возможное количество информации о памятнике и обеспечить адекватную передачу собранной информации всякому пользователю, отдаленному в пространстве и времени.

Письменная фиксация — это отображение реалий в тексте средствами не только естественного, но и специального условного языка с элементарным «алфавитом», «лексикой» и «грамматикой» (научная терминология, сокращения, формулы, таблицы, индексы, шифры, унифицированные правила расположения объектов и порядок описания и т. п.). Такая фиксация подразумевает сопоставление с понятиями аналитической классификации. Все эти средства призваны обеспечить максимально полную и точную передачу информации. Характер передачи зависит от набора понятий и терминов, в которых приходится описывать, от его богатства, гибкости и адекватности материалу, терминологической ясности.

Графическая передача также предполагает известную условность, передачу объемных реалий плоскостными проекциями, сведение тоновых отношений к линейным (штриховым) очертаниям, нередко отвлечение от цветности. Это тоже язык, правилами которого предусматривается количество и выбор проекций, степень обобщенности, набор и облик условных обозначений, масштаб. Все это тоже скажется на результатах передачи.

12—13. *Обобщение или минимизация.* Это сжатие информации для удобства хранения и пользования. В основе этого процесса — выделение существенного посредством таксономической классификации, типизации и систематизации. Выделяются типообразующие, комплексообразующие, культурообразующие и т. п. связи. Таксономическая классификация предполагает иерархию признаков, оценку сравнительной важности разных параметров объекта. У такой оценки есть объективные опорные пункты в материале. Но культура — сложная и многосторонняя система, а интересы наблюдателей широки и во многом не совпадают, поэтому выбор существенного, оценка важности параметров оказываются нежесткими. Некоторое расхождение решений определяется различием подходов — системами взглядов, интересами.

13—14. *Изложение.* Это оформление и объективация обработанной информации в специальных научных средствах хранения и распространения информации — в публикациях (печатных изданиях), депонируемых работах и в картотеках, в памяти компьютеров, а также в естественной памяти, конспектах, записях самих исследователей, в музейных экспозициях и т. п. Среди этих резервуаров и распространителей информации главное место занимают публикации. При подготовке к печати возможны последние искажения информации — сокращения, огрубление чертежей и фото, редакционные интерполяции и изменения акцентов, невыправленные в корректуре ошибки.

Таков полный курс преобразований археологической информации. Проследив его от начала до конца, удивляешься не ошибкам и разногласиям, а наличию общепризнанных и устойчивых истин в нашей науке. Сколь же сильны регулярности и смысловые связи между событиями и их следами, если после всего этого каскада преобразований они все еще пробиваются сквозь пеструю мозаику описаний и интерпретаций и поддаются установлению! И сколь изощрен ум исследователя, если способен их улавливать, выявлять и очищать, восстанавливать в близком к первоначальному виде!

9. Реконверсия, рефлексия и критика

Столь полно рассмотреть конверсию информации, придающую АФ многостепенность и глубину, необходимо было для того, чтобы ясно и обоснованно представить полный курс реконверсии. Ибо именно реконверсия лежит в основе процедуры археологического исследования.

Дело не в том, чтобы просто повторить в обратном порядке перечень этапов конверсии. Реконверсия — не просто зеркальное отражение конверсии, а особый процесс. Ее полный курс надо проследить заново. Все этапы реконверсии нужно рассмотреть полностью и по порядку, потому что на каждом этапе задача реконверсии — восстановить, реконструировать состояние информации на предшествующем уровне, всякий раз учитывая, что произошло в шлюзе — что утеряно, что добавлено, что искажено.

Если *конверсия* — это было продвижение информации при формировании археологического источника, при образовании археологических фактов, и здесь действовали объективные процессы, протекавшие в культуре, то *реконверсия* — это выявление информации, прослеживание ее хода, движение исследовательской мысли в глубину АФ. Поэтому исследование этого процесса есть *рефлексия*. Это самопроверка, самоконтроль и самокритика исследователя. Но не как индивида — данной конкретной личности, а как абстрактного персонажа — исследователя вообще. В отношении конкретных лиц это может быть и не самокритика вовсе, а просто критика. Ведь разные черты этого абстрактного персонажа могут быть воплощены в разных конкретных лицах.

И, конечно, это также (и даже в первую голову) критика получаемых порций информации на прослеживаемых отрезках реконверсии. Двигаясь обратным путем по сравнению с предшествующим обзором, как бы навстречу информации, обозначим этапы реконверсии или критики новой нумерацией, на сей раз — во избежание путаницы с прежней — римскими цифрами, соотнося их с прежними обозначениями (в скобках).

I (14—13). ***Текстологическая критика*** («критика слов»). Это проверка адекватности изложения. Осуществляется с опорой на внутреннюю логику (последовательность, связность, осмысленность) изложения, а также путем сопоставления разных реализаций и версий изложения и просто сверкой изложения с сохранившимися частями информации предшествующих уровней. Учитываются как внешняя характеристика изложения (подробность, техническое совершенство), так и общие сведения о личности автора и о процессе изложения.

II (13—12). ***Критика понятий.*** Это проверка основательности обобщения. Осуществляется двумя путями.

Первый состоит в повторении (хотя бы частичном — выборочно) проделанной работы и включает в себя выверку методологических оснований (критериев) классификации, опыты ее применения к тому же материалу и т. п. Этот путь удобен тем, что в плане фактуальном не требует выхода за пределы исследованного материала, но неприятен тем, что предлагает дублировать работу, нередко чрезвычайно трудоемкую.

Второй путь — убедиться «извне» в реалистичности данной системы обобщенных понятий. Это значит сравнить ее с другими аналогичными системами, приложить ее к более широкому кругу материалов и выяснить, «работает» ли она: вписываются ли в нее новые материалы, коррелируют ли ее суммарные понятия с другими суммарными понятиями (например, типы — с ареалами, с периодами, с другими типами). Этот путь интереснее, но оставляет неуверенность в том, что удалось выявить все частные погрешности.

III (12—11). ***Критика фиксации.*** Под критикой здесь имеется в виду прежде всего проверка полноты и точности фиксации. Эта проверка включает в себя оценку возможностей и лимитов каждого из примененных способов фиксации и выверку аккуратности их применения. Это позволяет если не восстановить незафиксированные детали, то, по крайней мере, установить, где и какого рода пропуски можно предполагать.

IV (11—10). ***Критика подлинности.*** Имеется в виду проверка отбора подлинной информации. Включает оценку примененных методов отбора, а в остальном сводится к повторению отбора, так как выверка применения методов совпадает с отбором в силу критического характера самой операции отбора.

V (10—9). ***Критика установки.*** Это проверка отбора нужной информации. Такая проверка затронет критерии и условия этого отбора, потребует охарактеризовать личность исследователя и уровень науки того времени, когда исследователь работал, а в остальном, как и на предшествующем этапе проверки, если сомнения не исчезли, остается лишь проделать отбор заново. Разумеется, это далеко не всегда возможно: то, что было отброшено в поле, большей частью утрачено безнадежно, и можно лишь установить, в каких случаях не исключается, что объекты определенного рода в изучаемом пространстве существовали.

VI (9—8). ***Критика наблюдения.*** В своей известной статье в «Советской археологии» А.А.Формозов (1977) под «критикой источников в археологии» имел в виду в основном эту часть работы. Это проверка полноты обнаружения объектов в изучаемом пространстве. В ходе та-

кой проверки надлежит оценить методику обследования, оснащенность экспедиции, компетентность и добросовестность исследователей, учесть уровень развития науки и условия работы, а если дело идет о больших территориях, то изученность местности. Провести для контроля повторное обнаружение, конечно, возможно, но если иметь в виду раскопки, то только пока раскопки данного объекта (или данной части объекта) еще идут. По их окончании остается лишь предполагать необнаруженные детали, исходя из указанных выше оценок и из сопоставления с аналогичными комплексами.

VII (8—7). ***Критика границ.*** Под этим имеется в виду проверка выбора и ограничения пространства, на котором производятся исследования. Для нее достаточно оценить размер участка и его богатство археологическими материалами сравнительно с другими территориями. Факторы, которые определяли этот выбор (ассигнования, доступность участка и проч.), рассматриваются историографией, а для критической проверки интересны лишь в том случае, если сведения о выборе и ограничении участка не сохранились и предположительную характеристику их остается произвести по косвенным данным.

VIII (7—6). ***Музейная критика.*** Оценка размаха и последствий современной деструкции и выделение той части информации, которая этой деструкцией не затронута. Очень существенно прикинуть, что за информация могла быть в утраченных частях. Главная опора в этой селекции — музейная и полевая документация, если полевая документация сохранилась. Сопоставление само собой напрашивается. Если полевой документации нет, остается надежда на аналогии и на разнородные сведения по истории коллекций.

IX (6—5). ***Критика остатков.*** Оценка размаха и последствий древней деструкции — естественной (*фоссилизация*) и искусственной. Но ведь, строго говоря, последствия разрушительных процессов можно оценить только тогда, когда известно, что существовало до разрушения. А это как раз неизвестно, и вся оценка нужна именно для того, чтобы это реконструировать. Положение, однако, не так безнадежно, как могло бы показаться на первый взгляд.

Во-первых, во многих случаях уцелевшие после разрушения остатки (следы и фрагменты) однозначны или немногозначны — допускают всего один или несколько определенных вариантов реконструкции. Во-вторых, в ряде случаев сами факторы разрушения известны, так что можно установить, какие депозиты должны были бы разрушиться (и, следовательно, возможно, существовали), а какие уцелели бы (и, коль скоро их нет, то значит, и не было).

В-третьих, аналогичные лучше сохранившиеся объекты, очень полно сохранившиеся (как, скажем, Помпеи, гробница Тутанхамона, Пазырыкские курганы, Толундский болотный труп), могут послужить моделями для такой реконструкции.

Критическая работа при реконструкции, таким образом, на этом этапе сводится к трем сериям операций. Эти три суть: а) подсчет степеней свободы в реконструкции из остатков различного рода, б) установление действовавших в данном случае разрушительных факторов с оценкой их эффективности, в) рассмотрение изучаемых объектов на фоне лучше сохранившихся объектов того же рода.

X (5—4). ***Критика отложений.*** Оценка изменений при переходе объектов из живой культуры в мертвую. Эта оценка должна охватывать «депозиционную» селекцию, проводившуюся носителями древней культуры (их «тенденциозность»), «некротическую» трансформацию (сдвиги элементов, изменения пропорций и т. п. в мертвой культуре по сравнению с живой), компрессию. Именно здесь, в этих операциях лежит центр тяжести так называемой «оценки познавательных возможностей» разных видов археологических источников — разных типов памятников, категорий инвентаря и т. д. Методы приведения параметров мертвой культуры к параметрам живой, связанные с пересчетом долей и разделением спрессованного, сложны, но достаточно строги.

XI (4—3). ***Критика вещей.*** Оценка сложностей опредмечивания поведенческих актов — связи между работой и артефактом, процессом и результатом, действиями и следами. Казалось бы, что за сложности? Установить закономерные соответствия, проследить регулярности, вычислить корреляции — и все тут. Появится сетка универсальных «коррелятов» и останется только сформулировать правила соответствия и применять их.

Но это, увы, не так (Клейн 1981). Культура полисемична. Устойчивых соответствий нет, есть лишь более или менее заметные предпочтения, обычно локальные, временные и конкретно обусловленные. Каждый случай нужно рассматривать особо. Предстоит обнаружить, в каких случаях одинаковые действия привели к разным результатам. Это важно сделать, чтобы не переоценить различия, не преувеличить их значение. Еще важнее, однако, обнаружить более редкую, к счастью, ситуацию — когда разные действия привели к одинаковым (или, точнее, трудноразличимым) результатам (Adams 1968; idem 1973). Ведь здесь мы оказываемся перед опасностью спутать совершенно различные явления и рискуем направить дальнейшее расследование по ложному пути.

Наложница, удушенная при погребении знатного господина, и супруга, умершая одновременно с мужем, могут возлежать в могиле очень схоже, но действия на похоронах были сугубо различны, и различны были социальные

явления, скрывающиеся за ними. Критическая оценка сложностей, осознание их, ориентирует исследователя на поиск решающих опознавательных деталей (например, стратиграфические следы прихоронения) и на рассмотрение изучаемого объекта в более широкой системе (например, сопоставление с аналогичными могилами, где подготовленная для второго трупа половина могильного пространства осталась незаполненной — Итина 1954).

Дальше этого уровня познания современная бихевиористическая археология идти не желает: ее пугает зыбкость почвы для дальнейшего пути. Но действительно ли дальнейшие участки непроходимы?

XII (3—2). ***Критика поведения.*** Здесь под этим разумеется оценка расхождения между идеями и их реализацией в поведении. В сущности, это психологическая задача — по поведению угадать идеи. Эта психологическая задача очень трудна даже в тех случаях, когда речь идет о живых людях, наших современниках и соотечественниках, чувства, мысли и намерения которых мы понимаем лучше, чем психологию людей, далеких по культуре и эпохе. Все же в этих случаях мы можем опереться в ее решении на множество мелких подробностей, привлечь словесные признания, вообразить себя в той же ситуации, сделать поправки на отличия Другого от Себя, от «Я»... Все это почти начисто отпадает, когда к идеям нужно идти от археологических остатков и восстановленных по ним поведенческих действий.

Чтобы восстановить индивидуальную идею в такой ситуации, нужно обнаружить более адекватную реализацию той же идеи — например, оригинал артефакта, подвергшийся имитации. Умеем ли мы это делать? Пожалуй, умеем. Методика определения направленности типологического ряда (по типологическим рудиментам) и направленности влияния (по изолированности модов) есть средство решения подобных задач.

Более надежно восстанавливаются «разделяемые идеи» (shared ideas) — социальные нормы: если отклонений от идеала много, но и они подчинены закону нормального распределения, то выявить идеал нетрудно. Здесь в нашем распоряжении статистическая методика усреднения, идеализации, типизации, обобщения. Еще Г. Чайлд рассматривал ручное рубило как первую идею. Возникает, однако, вопрос: всегда ли отклонения от идеала подчиняются закону нормального распределения? Не могут ли возникнуть систематические сдвиги под действием одинаковых векторных давлений? Это призвана установить критическая оценка всей ситуации.

XIII (2—1). ***Критика идей.*** Оценка адекватности, с которой в конкретных идеях древнего человека отражались явления бытия, стимулировавшие поведение. Критика идей лежит в сердцевине реконструкции исчезнувшей жизни по идеям, отложившимся в вещах, и, следовательно, вообще по археологическим фактам. Как древний человек реагировал на явления его бытия, как воспринимал их, и можно ли, восстановив по его реакциям его идеи, затем судить об этих явлениях? Эта оценка должна учесть не только проявления индивидуальных расхождений случайного характера, не только локальные различия, связанные с расой, этносом, полом, возрастом, классом, сословием, кастой, но и специфику первобытного и древнего сознания.

У нас много и усердно опровергали Л. Леви-Брюля, однако теперь становится все яснее, что, как бы ни объяснять природу постулированных им законов первобытного мышления, само наличие этих специфических законов он обнаружил верно. Не совпадало с современным и мышление античного человека, пронизанное мифологичностью. Даже поступки средневекового человека останутся нам совершенно непонятными, если мы будем воображать его себе сугубо рациональным деятелем, строго логически рассуждающим и здраво оценивающим свои интересы и историческую ситуацию. Да и позже сколь важное место в сознании личностей и общественных групп занимали иллюзии, мифы и предрассудки — религиозные, шовинистические, царистские, утопические, сословные, партийные и проч.! Приходится учитывать способность и готовность человека к абсурду.

Между тем мы часто склонны судить об обстановке в первобытном и древнем мире по идеям и поступкам древних людей, забывая об этих западнях и ловушках и подыскивая наивно-рационалистические объяснения древним идеям и поступкам с помощью сегодняшнего «здравого смысла» и обрывочных сведений о тогдашнем бытии. Эти объяснения активно участвуют в нашей системной организации сведений о тогдашнем бытии и таким образом способствуют формированию ложной исторической картины. Критика идей призвана предотвратить этот уклон.

Как первобытные люди мыслили и чувствовали, осознавали свое бытие и самих себя, мы узнаем по древним изобразительным и символическим памятникам, по этнографическому и психологическому изучению отсталых групп населения, по теоретической реконструкции. Симптоматично, что в последние десятилетия к этой тематике все больше обращаются исследователи первобытной экономики (производства, остального хозяйства и экономических отношений).

XIV (1—0). ***Критика стимулов.*** Оценка степени необходимости и неизбежности тех конкретных стимулов (исторических явлений, событий, ситуаций), которыми могло быть обусловлено (через идеи) отложившееся в археологи-

ческих остатках и выявленное по ним поведение древних людей. Это связано с выявлением регистра (границ и возможностей) вероятностной детерминации в каждом случае, где такая детерминация имела место; это связано также и с констатацией случаев плюрикаузальности.

Из этого определения видно, что если критика идей означает реконструкцию стимулов, то критика стимулов выводит на реконструкцию исторического процесса, причинно-следственной связи, и нуждается в анализе очень широких исторических перспектив. Такой анализ вряд ли осуществим на базе только археологических источников. Следовательно, критика стимулов выходит за пределы собственно археологии. Археологическое исследование в собственном смысле заканчивается на предшествующем этапе.

Археолог может, конечно, вторгаться в эту сферу, если образование позволяет ему ориентироваться в ней, но он должен быть в ней очень осторожен, сознавая, что это все-таки не его компетенция — он здесь не профессионал.

Представленный здесь перечень фаз конверсии (соответственно реконверсии) четко делится на две половины. Что касается конверсии, первые семь актов представляют образование (1-4) и умирание (5-7) материальной культуры. Результат — археологический источник. Семь последующих фаз представляют ее первичное, преимущественно эмпирическое познание (разведка, раскопки, фиксация и т. д.).

Процедура исследования, осуществляющего это познание, главным образом, следует реконверсии, но с некоторыми оговорками. Эта связь реализуется в двух вариантах.

Если исследователь строит свое исследование на первоисточниках, то ход процедуры совпадает с конверсией, охватывающей этапы 8-14 и включает в себя внешнюю критику археологических источников (этап П). Результатом исследования является перевод археологического источника из вещной формы в обобщенную понятийную, пригодную для оперирования в науке. Продолжением выступает интерпретационное исследование, процедура которого следует реконверсии по этапам 7-1. Основой этого исследования является внутренняя критика археологического источника (оценка изменений информации в каждом шлюзе), а результатом — создание нового источника, исторического (Лебедев 1973).

Когда же исследователь работает не по первоисточникам, а по литературным данным (используя «привлеченный материал»), вся процедура следует полному курсу реконверсии по этапам 14-1, а внешняя критика источника расширяется на все первые семь этапов (14-3), так как требуется проверка преобразований и в каждом из этих шлюзов. Только по окончании реконверсии (14-1) начинается исследование историческое, социологическое или культурологическое.

На деле реализация этой процедуры даже сложнее, поскольку эта прямая логическая схема обработки информации – только основа, на которой строятся разные подходы к материалу. Эти разные подходы связаны с разным пониманием взаимоотношений между фактом и выводами, с разным размещением обобщения, гипотезы и проблемы.

Но под всеми этими вариантами процедуры покоится общая база – процесс конверсии и реконверсии информации через эти 14 шлюзов.

IV. Заключение

Предпринятый анализ АФ отличается от предшествующих опытов одним обстоятельством. Все предшественники сосредоточивали внимание на философском аспекте темы — они выявляли соотношение между объективным и субъективным в АФ, и цель их была показать, сколь значительна доля субъективного фактора. Показать, дабы предостеречь от самонадеянного оптимизма. Они также много занимались терминологическими тонкостями, чтобы философские акценты были расставлены достаточно ясно. Мне же удалось выявить связь между *структурой АФ* и *процедурой археологического исследования*. Усложнение АФ, придание ему глубины для меня не повод для пессимизма, а побуждение к работе — к увеличению протяженности и объема процедуры, к разработке новых ее этапов и операций. Не к философским спекуляциям ведет это исследование, а к методам работы.

Современные исследователи как на Западе, так и в СССР пришли к выводам о четырехуровневой глубине АФ, что соответствовало бы четырехэтапной процедуре археологического исследования. Только С.Г.Х.Даниелс из Нигерии предложил в 1972 г. семиэтапную процедуру (без связи с АФ). Дэвид Кларк в 1973 г. писал, в сущности, о 4 уровнях факта и 5 этапах процедуры, когда делил общую теорию археологии на последовательные шаги в своей знаменитой статье «Археология: потеря невинности». В 1975 г. я предложил 14-этапную процедуру, а обоснованием этой процедуры было мое понимание многоступенности АФ, разработанное тогда же и печатаемое теперь.

В наши дни дробление процедуры и скрупулезное уточнение количества ее этапов приобретает особое значение в связи с перспективой разработки компьютерной интерпретации археологических фактов на базе так называемого «искусственного интеллекта» (Ennals, Brough 1982; Gardin et al. 1987; Stutt 1988; idem 1990; Stutt, Shennan 1992). Машина требует максимального дробления операций. Сегодня не-

достаточно знать, что АФ глубок, — нужно знать какова его глубина, сколько в нем ступеней.

Невинность археологии утрачена давно. Ныне вопрос не в том, чтобы высказывать по этому поводу сокрушение, сомнение или удовлетворение (все это было), а в том, чтобы это событие оказалось плодотворным — привело к рождению сильной и здоровой парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеев Н. 1925. О научной обработке источников по истории РКП(б) и Октябрьской революции // «Пролетарская революция», 1. С. 158.

Барг М.А. 1984. Категории и методы исторической науки. М.

Библер В.С. 1969. Исторический факт как фрагмент действительности (Логические заметки) // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М. С. 98-101.

Блок М. 1973. Апология истории. М.

Бочкарев В.С. 1973. К вопросу о структуре археологического исследования // Тезисы докладов сессии: посвященной итогам полевых археологических исследований в СССР. Ташкент. С. 56-60.

Быковский С.Н. 1931. Методика исторического исследования. Л. 1931. С. 29-31.

Викторова В.Д. 1975а. Археологический факт // Вопросы археологии Урала (Свердловск). Вып. 13. С. 17-26.

Викторова В.Д. 1975б. Принцип предметно-практической деятельности как основание для систематизации археологических фактов. // Новейшие открытия советских археологов. Киев. Ч. 3. С. 18-19.

Викторова В.Д. 1989. Научный поиск в археологии. Свердловск.

Генинг В.Ф. 1989. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. Киев.

Герасимов Л.Г. 1972. Научное исследование. М.

Городцов В.А. 1908. Первобытная археология. М.

Гуревич А.Я. 1969. Что такое исторический факт? // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М. С. 59 — 88.

Дорошенко Н.М. 1968. К вопросу о характере исторического знания // Проблемы философии и социологии. Л. С. 24 — 29.

Дорошенко Н.М. 1971. К проблеме факта в историческом познании // Методологические вопросы общественных наук. Вып. 2. Л. С. 34 — 41.

Захарук Ю.Н. 1970. Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М. С. 7-16.

Захарук Ю.Н. 1973. К вопросу о содержании и структуре археологической теории // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент. С. 44-45.

Захарук Ю.Н. 1975. К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л. С. 4-6.

Захарук Ю.Н. 1977. О понятии «факт» в археологической науке // СА. №4. С. 30 — 40;

Иванов Г.М. 1962. Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке // ВИ. №12. С. 73-87.

Ирибаджаков Н. 1972. Клио перед судом буржуазной философии. София.

Итина М.А. 1954. К вопросу об отражении общественного строя в погребальном обряде первобытных народов // СЭ. №3. С. 63-68.

Кипарисов Ф.В. 1933. Вещь — исторический источник // Известия ГАИМК. Вып. 100. С. 3-22.

Клейн Л.С. 1975. К разработке процедуры археологического исследования // Предмет и объект археологии. Л. С. 42-44.

Клейн Л.С. 1978. Археологические источники. Л. (2-е изд.: СПб., Фарн, 1995).

Клейн Л.С. 1981. О языке вещей // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск. С. 16-18.

Кон И.С. 1959. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. СОЦЭКГИЗ, с. 238.

Колпаков Е.М., Вишняцкий Л.Б. 1993. Современная советская теоретическая археология // Археологические вести. СПб.

Копнин П.В. 1966. Введение в марксистскую гносеологию. Киев.

Косолапов В.В. 1964. Гносеологична природа наукового факту. Київ.

Косолапов В.В. 1965. Факт как основание научного знания // Логика научного исследования. М.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. 1935. Родовое общество степей Восточной Европы. // ИГАИМК. Вып. 119. М. — Л.

Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. 1899. Введение в изучение истории. СПб.

Маркарян Э. С. 1969. Очерки теории культуры. Ереван.

Мегрелидзе К.Р. 1935. Н. Я. Марр и философия марксизма // Проблемы истории материальной культуры. №3-4.

Мейер Э. 1904. Теоретические и методологические вопросы истории. М.

Мерзон Л.С. 1968. К вопросу о гносеологической природе фактов науки // Ученые записки Ленинградского Педагогического института им. Герцена. Т. 365. Л.

Монтень М. Опыты. Кн. III, гл. VIII.

Нарский И.С. 1961. Современный позитивизм. М.

Пронштейн А.П. 1971. Методика исторического исследования. Ростов.

Ракитов А.И. 1982. Историческое познание. М.

Саар Г.П. 1930. Источники и методы исторического исследования. Баку.

Сеньобос Ш. 1902. Исторический метод в приложении к социальным наукам. М

Форд Д.А. 1962. Количественный метод установления археологической хронологии. // СЭ. Вып. 1. С. 32-43.

Формозов А.А 1977. О критике источников в археологии. // СА. №1. С. 5 — 14.

Французова Н.П. 1972. Исторический метод в научном познании. М.

Фюстель де Куланж Н.Д. 1907. История общественного строя древней Франции. СПб. Т. 3.

Шер Я.А. 1976. Методологические вопросы археологии. // Вопросы философии.

Шер Я.А. 1985 К характеристике понятия «археологический факт». // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск. С. 5 — 16.
Штофф В.А. 1972. Введение в методологию научного познания. Л.
Adams W.Y. 1968. Invasion, diffusion, evolution? // Antiquity. Vol. 42. P. 194-215.
Adams W.Y. 1973. The archaeologist as detective // D. W. Lathrap and J. Douglas (eds.). Variation in anthropology: Essays in honor of John C. McGregor. Ann Arbor, Mich., Braun-Brunfield. P. 17-29.
Arnau F. 1959. Kunst der Fälschung der Kunst.
Arnau F. 1961 (англ. пер.) 3 000 years of deception in art and antiquities. London.
Becker C.L. 1955. What are historical facts? // The Western Political Quarterly. Vol. VIII. No. 3.
Binford L.R. 1962. Archaeology as anthropology // American Antiquity. Vol.28, N 2. P.217-225.
Binford L.R. 1965. Archaeological systematics and the study ofculture process // American Antiquity. Vol.31. P. 203-210.
Binford L.R. 1968. Archaeological perspectives // Binfords S. R. and L. R. (eds.). New perspectives in archaeology. Chicago, Ill., Aldine, 1968. P. 5-32.
Binford L.R. 1972. An archaeological perspective. New York, London.
Binford L.R. 1989a. Debating archaeology. San Diego et al.
Binford L.R. 1989b. Data, relativism, and archaeological science (1987). // L.R.Binford. Debating archaeology. San Diego et al. P. 55-57.
Brew J.O. 1946. The use and abuse of taxonomy // The archaeology of Alkali Ridge, Southern Utah (Papers of the Peabody Museum, 21). Cambridge, Mass. P. 44-66.
Carr E.H. 1964. What is history? London.
Childe V.G. 1935. Changing methods and aims in prehistory // Proceedings of the Prehistoric Society, 1935, pt. 1. P. 3-16.
Clarke D.L. 1968. Analytical archaeology. London.
Clarke D.L. 1973. Archaeology: the loss of innocence // Antiquity. Vol.XLVII. P. 15-16.
Collingwood R.G. 1961. The idea of history. Oxford.
Collins M.B. 1975. Sources of bias in processual data: An appraisal. // J. W. Mueller (ed.). Sampling in archaeology. Tucson, University of Arizona Press: 26-32.
Courbin P. 1988. What is archaeology? An essay on the nature of archaeological research. Chicago, London, University of Chicago Press.
Croce B. Die Geschichte als Gedanke und als Tat. S. 404.
Daniel G.E. 1950. Hundred years of archaeology. London.
Daniel G.E. 1962. The idea of prehistory. London.
Daniel G.E. 1967. The origins and growth of archaeology. Baltimore.
Daniels S.G.H. 1972. Research design models // D.L.Clarke (ed.). Models in archaeology. London. P. 201-229.
Eggers H.-J. 1950. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte // Kirchner H. (Hrsg.). Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft (Wahle-Festschrift). Heidelberg. S. 49-59.
Eggers H.-J. 1959. Einführung in die Vorgeschichte. München.
Ennals J.R. and Brough D.R. 1982. Representing the knowledge of the expert archaeologist // Computer applications in archaeology. P. 132-144.
Ford J.A. 1954a. Comment on A. C. Spaulding «Statistical techniques for the discovery of artifact types» // American Antiquity. Vol. 19. P. 390-391.
Ford J.A. 1954b. The type concept revisited // American Anthropologist. Vol. 56. P. 42-54;
Fustel de Coulanges N.D. 1922. Histoire des institutions politiques de l'Ancienne France. Ed. 4-me. Vol. 4. Paris.
Gardin J.-C. et al. 1987. Systemes expertes et sciences humaines: le cas de l'archéologie. Paris.
Goodman N. 1951 Structure of appearance. Cambridge, Mass.
Goodman N. 1965. Fact, fiction and forecast. 2d ed. New York.
Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. 1962. Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster.
Hill J.N. 1970. Broken K Pueblo: Prehistoric social organization in the American Southwest // Anthropological Papers no. 18, Tucson, University of Arizona Press.
Hoare R.C. 1812. The Ancient history of South Wiltshire.
Hodder I. 1986/1991. Reading the past. Cambridge, Cambridge University Press (цит. по 2-му изд. 1991).
Jacob-Friesen K.-H. 1928. Grundlagen der Urgeschichtsforschung. Stand und Kritik der Forschung über rassen, Völker und Kulturen in urgeschichtlicher Zeit. Hannover.
Krause R.A. and Thorne R.M. 1971. Toward a theory of archaeological things. // Plains Anthropologist. Vol.16. S. 245-257.
Krieger A.D. 1944. The typological concept // American Antiquity. Vol. 9. N 3. P. 271-288.
Munro R. 1905. Archaeology and false antiquities. London.
Paul E. 1963. Studien der Antikenfälschungen. Leipzig.
Ranke L. von 1874. Sämtliche Werke. Bd. 33-34. Leipzig.
Rouse I. 1939. Prehistory in Haiti: a study in method // Yale University Publications in Anthropology, 21. New Haven, Con.
Schiffer M. B. 1972. Archaeological context and Systemic context. // American Antiquity. N 2. P. 156-165.
Schiffer M. B. 1976. Behavioral archaeology. New York et al.
Simon R. 1678. La histoire critique du Testament Vieux. Paris.
Spaulding A.C. 1953. Statistical techniques for the discovery of artifact types // American Antiquity. Vol. 18. N 4. P. 305-313.
Steward J. H. and Setzler F.M. 1938. Function and configuration in archaeology. // American Antiquity. Vol. 4 (1). P. 4-10.
Strong W.D. 1936. Anthropological theory and archaeological fact // R. H. Lowie (ed.). Essays in anthropology. Berkeley.
Stutt A. 1988. Second generation expert systems, explanations, arguments and archaeologists // Rahtz S.P.Q. (ed.). Computer and quantitative methods in archaeology. Oxford, BAR Internat. Ser. 446. P. 336-368.
Stutt A. and Shennan S. 1990. The nature of archaeological arguments // Antiquity. Vol. 64. N 245. P. 766-777.
Sullivan A. 1978. Inference and evidence in archaeology: A discussiion of the conceptual problems // Advances in archaeological method and theory. Vol.1. New York et al., Academic Press. P. 193-194.
Taylor W.W. 1948. A study of archaeology // American Anthropologist. Vol. 50. N 3, pt. 2, Memoir 69.

Menasha, American Anthropological Association.
Toynbee A.J. 1964. A study of history. Vol. 12. Reconsiderations. London et al.
Watson P. J., LeBlanc S.A. and Redman Ch.L. 1971. Explanation in archaeology. New York, London.
Wahle E. 1941. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlichen Kulturprovinzen. Grenzen frühgeschichtlichen Erkenntnis. I. Heidelberg (Sitzungsberichte der Hedelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, 1940/41, Abh. 2).

ИСТОРИЯ НАУКИ

Е.В.Власова

И.К.СУРУЧАН И ЕГО МУЗЕЙ

E.V.Vlasova. I.K.Suruchan and his museum.

In the last quarter of the 19th century I.K.Suruchan (1851-1897) created the Museum of antiquities in Kishinev where he lived. In his museum there were different antiquities. The major part of exhibits were found in the South of Russia. Some objects were found and bought by Suruchan in Egypt, in Greece, in Italy. I.K.Suruchan was interested in ancient history, in archaeology and he took part in archaeological excavations. He learned ancient Greek and studied inscriptions found in the South of Russia and ancient authors' records. Unfortunately, after his death his museum was liquidated by his widow and all collections were sold out.

Иван Кассианович Суручан — это сейчас почти забытое имя было хорошо известно в последней четверти XIX века всем исследователям античности в России, ведь этот человек был одним из крупнейших коллекционеров классических древностей. Этот бессарабский дворянин собрал богатейшую коллекцию антиков и в своем доме в Кишиневе создал музей, известный всем любителям древностей в России (Маркевич 1900: 49-51; Власова 1996: 53-56; Власова 1998: 61-64).

И.К.Суручан родился в декабре 1851 г. в Кишиневе. Его дед Иван и брат деда Тодор, сыновья Кассиана Суручана, имевшего молдавский чин «питаря», в 1813 г. купили землю в Оргеевском уезде; в 1821 г. его дед был признан дворянином и внесен в первую часть родословной книги дворянства по Оргеевскому уезду (РГИА, ф.1343, оп.29, д.8023). Отец умер, когда сын был ребенком. Его мать вышла замуж второй раз за Петра Михайловича Шумского, человека, который оказал огромное влияние на формирование личности И.К.Суручана. П.М.Шумский, человек всесторонне образованный, изучал историю, интересовался древностями и оказал большое влияние на увлечения и занятия своего пасынка. Уже в детстве И.К.Суручан стал коллекционером, начав собирать монеты. Первоначальное образование он получил сначала в Кишиневской гимназии, затем учился в частной гимназии в Одессе и, наконец, в Нежинском лицее князя Безбородко, который оставил по болезни.

И.К.Суручан жил в своем доме в Кишиневе. Он имел почетное звание члена попечительства детских приютов. Имея досуг и хорошее состояние, он использовал время и средства на приобретение древностей. В последней четверти XIX века, когда грабительские раскопки и торговля антиками на юге России достигли огромного размаха, И.К.Суручан, стремясь спасти южнорусские древности от попадания в случайные руки и от вывоза за границу, по мере возможностей покупал их у торговцев и «счастливчиков» (так называли раскопщиков-грабителей), стараясь получить при этом наиболее полную информацию о месте находки. Он знал обо всех значительных находках древностей, о чем сообщал в Археологическую Комиссию. Так, в 1891 г. он телеграфировал туда о «расхищении первоклассных ольвийских золотых вещей», среди которых «ожерелье, бусы, венок, серьги, бляхи квадратные с медузой»; он сообщил имена грабителей[1], в результате чего в Одессу из Археологической Комиссии поступил запрос с требованием «доставить вещи для доклада Государю Императору» (Архив ИИМК, ф.1/1891, д.66, л.1-17).

И.К.Суручан заботился также о сохранении и поддержании в должном состоянии памятников старины. Например, узнав, что власти Аккермана решили снести средневековую крепость, он начал борьбу за ее сохранение, отмечая, что «на юге России города являются большей частью разрушителями своих же памятников». В результате его усилий этот памятник архитектуры был передан в ведение Императорского Одесского общества истории и древностей, а сам И.К.Суручан получил благодарность от Председателя Императорской Археологической Комиссии графа А.А.Бобринского (Архив ИИМК, ф.1/1889, д.22, л.31-37).

Постоянно приобретая древности, И.К.Суручан постепенно создал музей, который занимал флигель и часть дома в Кишиневе. Музей включал в себя скульптуру, надгробия, око-

[1]Это были известные торговцы древностями жители Очакова братья Шапсель и Лейба Гохманы, у которых московский литейный заводчик Д.С.Посников купил эти вещи за 2500 руб.

© Е.В.Власова, 1999.

ло 200 надписей, золотые и серебряные украшения, изделия из бронзы, геммы, около 12 тысяч монет, брактеаты, терракоты, несколько сотен стеклянных сосудов, амфоры и другие керамические сосуды, клейма, бусы, изделия из дерева и кости. В основном это были античные древности, найденные на юге России: в древних городах Ольвии, Тире, Пантикапее, на острове Березань. Известно, что, помимо южнорусских древностей, в коллекции Суручана были вещи, найденные и купленные в Египте, Греции, Италии. Он поддерживал постоянные контакты с антикварами, российскими и иностранными, и сам выезжал несколько раз за границу. Иногда в его коллекцию попадали подделки (в то время на юге России их изготавливали в огромном количестве). И.К.Суручан даже пробовал несколько раз привлекать продавцов подделок к суду, но из этого, к сожалению, у него ничего не вышло.

У И.К.Суручана была также хорошая библиотека, содержавшая много книг, среди которых были и справочные издания, и много рукописей. Для их приобретения он вел обширную переписку с антикварами, букинистами российскими и зарубежными. Он много читал, изучал историю и сведения древних авторов, стараясь реально найти то, о чем они писали, а также эпиграфические памятники. Иногда он делал доклады. Так, ему принадлежит «Реферат об ольвийской псефизме в честь Харзоаза» (Суручан 1882: 101-105), а на VI Археологическом съезде в Одессе он прочитал реферат «Опыт доказательства местонахождения скифского укрепления Алектора и Золотого Берега Константина Багрянородного» (Суручан 1888: 129-134).

И.К.Суручан был истинный любитель античности. Ни светское общество, смотревшее на такое коллекционирование с усмешкой, ни какие-либо развлечения не занимали его, и он проводил в своем музее дни, а иногда работал там по ночам, причем самостоятельно изучил древнегреческий язык, необходимый ему для занятий.

Двери музея всегда были открыты для ученых. Часть богатейшего собрания И.К.Суручана была опубликована. Отдельные находки были изданы В.Н.Юргевичем в «Трудах VI Археологического съезда» (Одесса, 1888, т.2: 31-32), керамические клейма опубликованы П.В.Беккером (Беккер 1879).

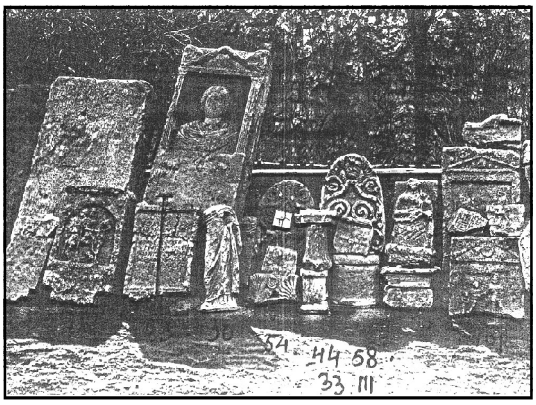
Он пробовал свои силы и как археолог. Например, в 1886 г. он сообщил в Императорскую Археологическую комиссию о грабительских раскопках курганов в районе древней Ольвии и предложил свои услуги, чтобы «заняться на средства Комиссии разрытием некоторых, близких к городу городищ, курганов и нетронутых еще частей бывшей городской площади, равно как определением направления городской стены». Получив разрешение и средства на раскопки, он в 1886 г. раскопал 10 курганов, которые, правда, оказались ограбленными (ОАК 1886: CIX-CXIV). Сделанные Суручаном находки были переданы в Археологическую Комиссию, которая их передала в Российский исторический музей. Среди находок были «амфорные горла и черепки с греческими клеймами, алабастр, глиняный флакон, 2 бронзовые стрелки, бронзовая пряжка, костяная буса, клык, бронзовый гвоздь, 3 бронзовые монеты, 2 точеных костяных вещицы, золотой перстень, часть амфорного горла с клеймом» (Архив ИИМК, ф.1/1886, д.7, л.21,25, 26). В материалах о производстве археологических исследований Суручаном в Ольвии и ольвийских окрестностях в 1886-1887 гг. (Архив ИИМК, ф.1/1886, д.22, л.1-45; ф.1/1886, д.67, л.13-20; ф.1/1886, д.68, л.11-17) имеется информация о расхищении Ольвии, есть опись сделанных Суручаном в Ольвии находок, есть подробнейший отчет Суручана о раскопках по дням и счет, сколько кому и за что уплатить[2] (для работ он нанимал 20 солдат).

Он также вел раскопки курганов в Бессарабии, и находки оттуда также пополняли его музей.

Часть надписей из коллекции Суручана были изданы отдельной книгой с помощью В.В.Латышева: «Inscriptiones Graecae et Latinae novissimis annis (1889-1894) museo Surutschaniano quod est Kischinevii inlatae. Ediderunt I.Surutschan (Acad.Rom.soc.hon.), B.Latyschev (Acad.Petrop.soc.ord.). Accedunt tabulae septem. Petropoli. Typis Academiae Caesareae Scientiarium. MDCCCXCIV». При подготовке к печати этой книги И.К.Суручан и В.В.Латышев вели в 1894 г. обширную переписку (Санкт-Петербургский архив Российской Академии Наук, ф.110, оп.2, д.53, л.1-11). По мнению Латышева, книга должна была иметь «местный, южно-русский характер, а потому две надписи из Рима и одну из Афин не следует в этом сборнике помещать» (там же, л.5). И.К.Суручан прислал В.В.Латышеву из Кишинева в Петербург фотоснимки, эстампажи, размеры и описания надписей и сам пытался трактовать надписи. Эта книга была опубликована в Петербурге в 1894 г. тиражом 350 экземпляров; 50 экземпляров книги Иван Кассианович отдал В.В.Латышеву, а 300 оставил себе.

Книга посвящена памяти Петра Михайловича Шумского. В нее вошло 37 надписей, найденных в Ольвии и на Боспоре; среди них 35 лапидарных памятников, а также свинцовое письмо и деревянный гребень с надписью. Надписи из собрания Суручана также вошли в тома I, II, IV собрания надписей Северного Причерноморья: «IOSPE (Inscriptiones Antiquae Graecae et Latinae Orae Septentrionalis Ponti Euxini)», изданного В.В.Латышевым. Эти издания и музей дали

[2] Среди расходов на зарплату дважды запись об угощении солдат водкой: 1.60 руб.

основание некоторым ученым обществам избрать Ивана Кассиановича Суручана своим членом. Он был почетным членом Румынской Академии в Бухаресте, действительным членом Одесского общества истории и древностей, Русского археологического общества и Киевского Церковно-Археологического Общества.

18 ноября 1897 г.[3] И.К.Суручан умер от скоротечной чахотки. Преждевременная кончина не позволила ему обработать свои коллекции полностью и принять меры для их сохранения в будущем. К сожалению, он не успел составить даже каталог своего музея, хотя всю жизнь собирался это сделать. После смерти коллекционера при принятии мер охраны судебный пристав не описал всего музея, а ограничился лишь общей описью по помещениям [4].

И в Археологической Комиссии, и в Академии Наук понимали, что крупнейшее собрание южнорусских древностей необходимо было сохранить для науки и передать в один из крупных музеев. «Было бы крайне жаль, — написал 2 декабря 1897 г. академик В.В.Латышев академику Н.И.Веселовскому, — если бы этот музей, для обогащения которого покойный не жалел ни средств, ни трудов, разошелся по рукам Гохманов и К°, и если бы Археологическая Комиссия упустила бы этот редкий случай к обогащению разных наших древлехранилищ. Поэтому я и спешу поделиться с Вами полученною мною печальною новостью, чтобы Вы, переговоривши с графом А.А.Бобринским, могли, в случае его согласия, принять меры к обеспечению приобретения Комиссией этого музея» (Архив ИИМК, ф.1/1897, д.272, л.1). Председатель Археологической Комиссии граф А.А.Бобринский 11 декабря 1897 г. написал Ольге Христофоровне Суручан-Горонович[5], вдове коллекционера, письмо с искренним соболезнованием и отметил рвение, с которым покойный муж ее «посвятил себя делу археологии» и предложил ей свои услуги, если она согласна уступить «собрания И.К.Суручана Правительству для помещения оных в правительственный музей». «В этом случае, — обратился он к ней, — покорнейше прошу почтить меня уведомлением, дабы я мог, насколько возможно, облегчить Вам дальнейшее ведение этого дела» (там же, л.2). Вскоре вдова ответила ему: «Эта коллекция принадлежит не мне, а моим детям. Я, как опекунша, могу изъявить свое согласие на продажу всего музея, что, конечно, всегда готова сделать в том случае, если он при продаже поступает в ведение одного из крупных музеев... Если кто-нибудь из археологов пожелал бы предварительно ознакомиться с музеем, то он помещается во флигеле нашего дома в Кишиневе и во всякое время доступен для осмотра, за исключением нумизматики, брактеатов, золотых вещей и некоторых гемм и интересных стеклянных экземпляров, которые пока хранятся в моей кассе» (там же, л.3-4).

17 ноября 1898 г. Эрмитаж отправил в Археологическую Комиссию бумагу следующего содержания: «Императорский Эрмитаж имеет честь уведомить Комиссию, что из находящейся в городе Кишиневе коллекции вдовы И.К.Суручана Эрмитаж желал бы приобрести все те предметы, которые, по личному осмотру и выбору Старшего Хранителя по Отделению древностей г. Кизерицкого, оказались бы интересными и нужными для пополнения коллекций Эрмитажа» (Архив ИИМК, ф.1/1897, д.272, л.7). Вскоре граф Бобринский отправил официальное письмо вдове: «Милостивая Государыня Ольга Христофоровна, Императорский Эрмитаж уведомил меня, что из коллекции покойного И.К.Суручана он желал бы приобрести все те предметы, которые, по личному осмотру и выбору Старшего Хранителя по Отделению древностей г. Кизерицкого, оказались бы интересными и нужными для пополнения коллекций Эрмитажа, о чем считаю долгом довести до сведения Вашего. Примите уверение в совершенном почтении и преданности» (там же, л.8).

По указу 20 января 1899 г. (там же л.11-12)[6], касающемуся судьбы вещей из музея покойного И.К.Суручана, вдове разрешалась продажа коллекции, но оговаривались различные детали продажи: «...Хотя обращение указанного музея в наличный капитал было бы весьма желательно в интересах малолетних детей покойного Ивана Суручана, но при этом нужно иметь в виду, что в числе предметов, составляющих музей, есть предметы, несомненно, принадлежащие к числу таких предметов, продажа которых... может быть произведена только с разрешения Правительствующего Сената, для

[3] Даты даются по старому летоисчислению.

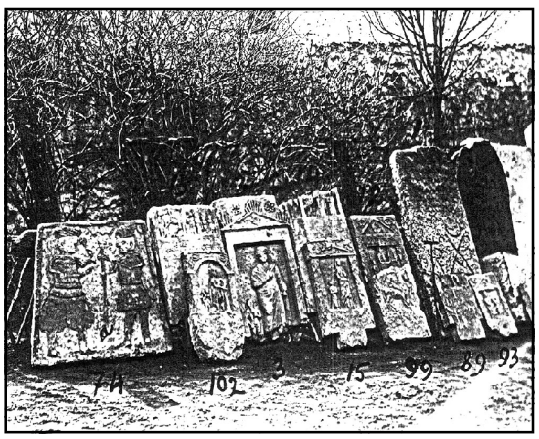
[4] Например, «витрина с вазами, ящик с монетами» и т.п.

[5] После смерти И.К.Суручана его вдова вскоре снова вышла замуж, и ее фамилия стала Горонович.

[6] Документ озаглавлен: «Указ Его Императорского Величества Самодержавца Всероссийского». Сбоку от заглавия написано: «Копия». Указ подписал член Кишиневско-Сергеевской Окружной Дворянской Опеки Ив.Домнико-Иордаческо.

чего, само собою, в установленном порядке (чрез Г. Бессарабского Губернатора) должна быть представлена подробная оценочная опись с описанием свойства каждого отдельного предмета и оценкою чрез специалистов, применительно к требованию закона... Интерес малолетних, по взгляду самой опекунши, требует одновременной продажи всего музея, со всеми, входящими в его состав, предметами без остатка. Между тем, из представленного при ее рапорте отношения на ее имя Императорской Археологической Комиссии видно, что покупка для Императорского Эрмитажа предметов музея покойного Ивана Суручана может последовать только по выбору командируемого специалиста, так что после этого все-таки может оставаться значительное количество предметов, в числе их, громоздких, требующих и помещения, и сбережения с неизбежными на то и другое расходами. Но в том или другом случае, то есть встретить ли возможность продать музей в целом его составе или окажется необходимым продать его часть, по выбору командируемого Императорской Археологической Комиссией чиновника, необходима подробная опись с оценкою каждого предмета отдельно, обязательно чрез специалистов, так как продажа музея в настоящем виде... без точного определения свойства каждого предмета и даже без оценки... была бы явным нарушением интересов малолетних детей умершего Ивана Суручана и при том невозможна для испрошения разрешения Правительствующего Сената». Вдове предписывалось «озаботиться скорейшим составлением подробной оценочной музея чрез специалистов и опись представить в Опеку вместе с указанием на нумера, которые будут намечены к приобретению для Императорского Эрмитажа. Причем присовокупить, что для избежания расходов на наем помещения с отоплением и надзором за сбережение было бы весьма желательно найти способ продажи всех предметов музея без остатка».

Но шло время, продолжалась переписка, а дело с места не двигалось, так как на покупку коллекции И.К.Суручана не было денег. И тогда вдова поручила известному торговцу древностями Ш.Д.Гохману продать вещи.

В письме из Одессы от 25 августа 1908 г. Э.Р.фон Штерн сообщил В.В.Латышеву следующее: «Коллекция покойного Суручана распродана во все части света (недавно видел интересный сосуд из этой коллекции в Берлине); имеются на лицо еще надписи. На днях явился ко мне известный торговец Шапсель Гохман и мне предложил купить камни и надписи из коллекции Суручана, ...и по его уверению надписи можно купить недорого. У нас вследствие переустройства музея нет средств, чтобы приобрести эти камни; с другой стороны, конечно, нежелательно, чтобы эти камни попали в частные руки или даже за границу; эти надписи Вам известны, но хранить оригиналы все-таки в интересах науки. Вот почему обращаюсь к Вам; может быть, Имп.Арх. Комиссия заинтересуется этим делом по приобретению для того или другого из наших музеев этих любопытных документов?» (Архив ИИМК, ф.1/1897, д.272, л.13-14).

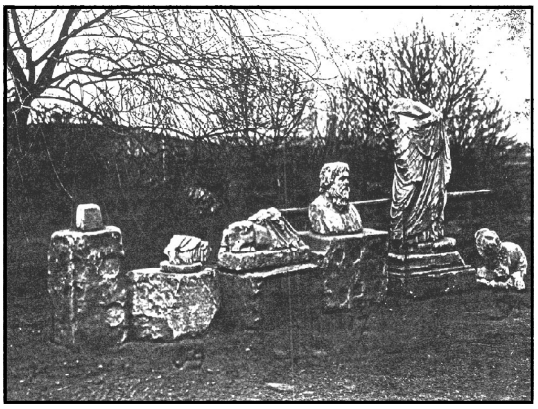
7 октября 1908 г. В.В.Латышев написал Гохману письмо с просьбой сообщить Императорской Археологической Комиссии список памятников, которые он собирается продавать, с указанием их цен (там же, л.15). В письме от 9 ноября 1908 г. Ш.Д.Гохман оповестил Археологическую Комиссию, что для продажи имеется около 50 эпиграфических и скульптурных памятников. «В число это входят большая прекрасная статуя, лев, торсы и проч.». Эти вещи торговец оценил в 8000 руб. и написал: «При продаже же их Комиссии, мы намерены довериться компетентной оценке Комиссии и ее авторитету. Подробного списка этих памятников я, к сожалению, составить не могу, так как я лишен возможности научного определения их названий и пр. Позволю себе рекомендовать Комиссии поручить кому-либо из ее членов осмотр этих памятников на месте, в имении г. Гороновича “Вадель-Воды” близ г.Кишинева» (там же, л.16). Он сообщил также о коллекции, что «порядочная часть ее как стекло, терракота и проч. мною продана известному коллекционеру наших древностей г. И.Л.Конельскому в Одессе» (там же, л.17).

Гохман продолжил контакты с Археологической Комиссией, из его письма от 7 июня 1909 г. мы узнаем, что 20 мая он «оставил на благоусмотрение Комиссии разноцветную амфору и стекло с двумя лицами», оцененные им в 275 руб. Он просил дать ему ответ относительно этих вещей и хотел узнать, «намерена ли Комиссия в ближайшем будущем осмотреть эпиграфические памятники Суручана и когда именно?». Он хотел, чтобы осматривать памятники приехал член Археологической Комиссии Б.В.Фармаковский (там же, л.19).[7]

[7] Приписано рукой вверху: «Б.Вл.»; внизу приписано: «Посылка отправлена обратно».

18 ноября 1909 г. граф А.А.Бобринский написал Министру Императорского Двора рапорт о продаже коллекции И.К.Суручана (Архив ИИМК, ф.1/1897, д.272, л.32-33), указывая, что это «замечательная коллекция южно-русских классических древностей», в которой «находится 200 больших мраморных и каменных предметов» и что нынешним летом в имение «Вадель-Воды» близ Кишинева, куда была перевезена оставшаяся часть коллекции, приезжал для ее осмотра по поручению Археологической Комиссии Б.В.Фармаковский, который по возращении доложил, что «памятники древности не вызывают сомнений в их подлинности и большею частью удовлетворительной сохранности. Настоящая владелица коллекции О.Х.Горонович продает коллекцию за 8000 рублей, с условием оплаты в 3 года (3000, 3000 и 2000 р.)». А.А.Бобринский сообщил об отсутствии у Императорского Российского Исторического Музея в Москве и Музея Императорского Одесского Общества Истории и Древностей, которым Археологическая Комиссия предложила купить коллекцию, средств на ее покупку и ходатайствовал об отпуске Императорской Археологической Комиссии «специального кредита, всего в 8.000 рублей (два первые года по 3.000 и последний год 2.000 р.) на предмет приобретения коллекции Суручана, присовокупляя, что оценка коллекции владелицей в 8000 руб. является, по ее мнению, крайне умеренной, а условия уплаты этой суммы в течение 3-х лет весьма выгодными». По возвращении Б.В.Фармаковский составил подробный рапорт об осмотре коллекции (там же, л.26-31).

Археологическая комиссия продолжала тянуть время. И потребовала, чтобы вдова составила опись и сделала фотографии всех вещей. Из письма вдовы Бобринскому от 17 марта 1911 г. (там же, л.44-45) мы узнаем, что она ездила в Петербург и пыталась получить конкретную информацию от Археологической Комиссии о покупке коллекции покойного мужа, пыталась через Б.В.Фармаковского переговорить с Бобринским и выяснить, какие конкретно фотографии требуются от нее Археологической Комиссии», но никаких результатов вдова не добилась и конкретной информации не получила. Она обещала сфотографировать каменные вещи группами и передать фотографии Б.В.Фармаковскому с помощью своего сына. Она сообщила также, что «желательно было бы продать коллекцию греческого стекла, которого имеется несколько сот штук. Терракоты, оловянные вещи, бронзовые и бусы, несколько хуже. Осталась большая археологическая библиотека, которую на вес предлагали купить... Если бы возможно было *все* сразу продать, то мы были бы очень довольны». Из письма вдовы видно, что количество вещей в коллекции продолжало уменьшаться; она писала,

что «их всего 136 штук» (в других, более ранних, бумагах упоминалось 200).

На ее письмо Бобринский ответил, что «Императорская Археологическая Комиссия ввиду сделанных ею за последнее время покупок древностей, затрудняется ныне возбудить новое ходатайство о значительном ассигновании денег на приобретение собрания покойного И.К.Суручана», но будет поддерживать предложение о приобретении этой коллекции для музеев, если будет «возбуждено в этом смысле соответствующее ходатайство прошением на ВЫСОЧАЙШЕЕ Имя, или чрез Министерство Народного Просвещения, или законодательным путем» (Архив ИИМК, ф.1/1897, д.272, л.46). Т.е. вопрос о покупке решен не был.

1 июня 1911 г. вдова написала в Археологическую Комиссию о том, что если Комисия хочет купить камни, то оплатить их можно в течение нескольких лет. Она сообщила также, что «...дней 10 тому назад отправила графу Бобринскому несколько фотографий, на которых группами сняты решительно все имеющиеся у меня камни и плиты. При них же выставлен красный аршин, чтобы дать более точное понятие об их величине. Очень надеюсь, что сыну моему передадите Ваше заключение насчет приобретения этих камней. Кстати, сняла я мерку ольвийского льва. От морды до основания хвоста 1 аршин 7 вершков длины. Одна лапа хранится у *нашего посредника Гохмана*» (там же, л.40-43).

17 сентября 1911 г. из письма Гохмана в Археологическую Комиссию стало известно, что вдова согласна получить оплату суммой 8000 руб. в течение восьми лет (первые два трехлетия по 3000 руб и затем 2000 руб.). Он просил упаковку и отправку принять на счет Археологической Комиссии, так как она пользуется льготной бесплатной перевозкой. «Если Археологическая Комиссия согласна, можно приступить к транспортировке камней» (там же, л.47). В конце сентября Б.В.Фармаковский пишет Гохману о денежных затруднениях и предлагает О.Х.Горонович ходатайствовать на Высочайшее Имя чрез Министерство Народного Просвещения или законодательным путем (там

же, л.48).

15 сентября 1912 г. Гохман пишет письмо в Археологическую Комиссию, спрашивая, какие условия рассрочки платежа Комиссия нашла бы удобными, и сообщает, что «владелица готова сделать все от нее возможное, чтобы богатое это собрание не ушло в чужие руки, а очутилось в Императорской Археологической Комиссии» (там же, л.49).

15 октября 1912 г. Гохман получил письмо, написанное рукою Фармаковского за подписью Латышева, где речь шла о доставленном в Археологическую Комиссию резном камне, который не может быть приобретен, и что вопрос о приобретении коллекции будет поставлен на обсуждение в Археологической Комиссии (там же, л.50).

6 января 1913 г. Гохман послал письмо Фармаковскому, прося «раз и навсегда прояснить вопрос» и сообщая: «Бертье-Делагард сказал мне, что Комиссия комбинирует покупку этих камней вместе с Одесским музеем» (там же, л.51). В письме из ИАК от 25 января 1913 г. Ш.Д.Гохману предлагали обратиться о приобретении камней к директору музея в Москве И.В.Цветаеву (там же, 52).

5 февраля 1914 г. хранитель Музея древностей Херсонского края В.И.Гошкевич послал письмо Б.В.Фармаковскому о том, что Херсонская городская дума отправила ходатайство «о приобретении на государственный счет для Музея древностей Херсонского края мраморов Сурчана», и что ходатайство было изложено в нескольких фразах, взятых из докладной записки Б.В.Фармаковского (там же, л.51а). Археологическая Комиссия отметила, что сейчас ей необходимо приобрести целый ряд дорогих коллекций, и она не может теперь ходатайствовать об отпуске средств на приобретение коллекции Суручана. «В виду того, что для Музея древностей Херсонского края коллекция г.Горонович представляет особенный и, можно сказать, исключительный интерес, было бы весьма желательным просить Херсонское Городское Общественное Управление возбудить ходатайство о приобретении коллекции г-жи Горонович на счет Государства для Херсонского Музея. Императорская Археологическая Комиссия с своей стороны, несомненно, поддержала бы такое ходатайство» (там же, л.55). Из ИАК было отправлено письмо к В.И.Гошкевичу, хранителю Музея древностей Херсонского края (там же, л.56).

В результате скульптура и надписи из коллекции И.К.Суручана были приобретены для Музея Древностей Херсонского края, но начавшаяся первая мировая война помешала перевозке вещей в Херсон, и это удалось сделать лишь в 1917 г.

Так, 8 января 1917 г. в Археологическую Комиссию пришло письмо от В.И.Гошкевича, хранителя Херсонского музея: «В виду изменившихся военных обстоятельств честь имею покорнейше просить Императорскую Археологическую Комиссию вновь возбудить ходатайство о предоставлении товарного вагона для транспортирования от ст. Кишинев до ст. Херсон классических скульптур, приобретенных Херсонским городским управлением от наследников И.К.Суручана, причем в виду важного значения означенной коллекции для отечественной науки, не найдет ли Императорская Археологическая Комиссия ходатайствовать о бесплатной перевозке. Прошу почтить меня извещением о последующем» (Архив ИИМК, ф.1/1896, д.229, л.98).

Из Археологической Комиссии 4 сентября 1917 г. Комиссару Временного правительства над бывшим Министерством Двора было отправлено следующее обращение: «Умерший лет 20 тому назад Бессарабский землевладелец И.К.Суручан, отличаясь при жизни горячей любовью к древности, собрал постепенно в Кишиневе богатую коллекцию вещественных памятников, преимущественно из греческих колоний, процветавших некогда в южной России (Ольвии, Пантикапея и др.). Значительную часть коллекции составляют памятники скульптурные и эпиграфические камни с древнегреческими и латинскими надписями. После смерти Суручана коллекция оставалась во владении его наследников и была перевезена из Кишинева в им.Салганы. Года два тому назад упомянутая скульптурная и эпиграфическая часть коллекции была приобретена для музея древностей Херсонского края, но по военным обстоятельствам по настоящее время не могла быть доставлена в Херсон.

Археологическая Комиссия, интересуясь судьбою этой коллекции и признавая в настоящее время, в виду угрожающего Бессарабии нашествия неприятеля, более чем когда-либо, необходимым скорейший вывоз коллекции (весящей до 1000 пудов) в Херсон и водворение в музее древностей, покорнейше просит Вас, Г.Комиссар, не признаете ли Вы возможным войти в сношение с Министерством путей сообщения о предоставлении хранителю музея Виктору Ивановичу Гошкевичу одного вагона от Кишинева или от Бендер до Херсона (из Салган до Кишинева коллекция могла бы быть доставлена на подводах, а до Бендер — водою по Днестру)» (Архив ИИМК, ф.1/1896, д.229, л.107).

Т.е. у Херсонского музея были трудности сначала с приобретением, а потом с доставкой приобретенной части коллекции Суручана.

По-видимому, часть вещей из музея И.К.Суручана попала в коллекцию Ф.Л.Ганса, которая сейчас хранится в Государственных музеях Берлина, но с вещами из коллекции И.К.Суручана можно отождествить только одну из них — деревянный гребень в футляре в надписью KURIAAI DWRON, который вошел под №37 в книгу «Inscriptiones Graecae et Latinae novissimis annis

(1889-1894) museo Surutschaniano quod est Kischinevii inlatae» (Сокольский 1971: 141-142, прим.479-482, ил. XVII 7-9).

В 1909 г. известными учеными Б.А.Тураевым, Н.П.Лихачевым и другими лицами были куплены египетские древности из коллекции И.К.Суручана, которые он приобрел в 1895 г. в Египте, в Каире, Файюме. Среди этих вещей каменные и деревянные статуи, каменные стелы, сосуды из алебастра и пасты, папирусы, бусы, фаюмские портреты (Тураев 1913: VII-IX).

Однако история коллекции на этом не закончилась. В 1938 г. в Эрмитаж поступило собрание академика Н.П.Лихачева, и в нем оказалось 8 фрагментированных надписей, некогда находившихся в музее И.К.Суручана в Кишиневе (инв.№№ А 1254-1256, 1261, 1262, 1265,1272, 1277; они изданы: IPE, I 60c, 157, 185a, 266, 284, 306, 307; BCH, XVIII, p.334-335, №2). Эти надписи были приобретены Н.П.Лихачевым перед 1-й мировой войной у антиквара в Петербурге. Как удалось выяснить в Санкт-Петербургском Архиве Российской Академии Наук в бумагах о происхождении, составе и определении предметов из коллекции академика Н.П.Лихачева (ф.246, оп.2, д.136) некоторые вещи из его коллекции раньше входили в коллекцию Суручана: «глиняная рукоятка с головой барана» (л.35), «мраморный обломок с курсивом» (л.112), «камень из коллекции Суручана с поддельными круглыми монограммами» (л.118), «сомнительная надпись», «обломки стойхедона», «обломок строительного посвящения III в.», «обломок с именами», «обломок декрета почетного», «обломок с цифрами (от пифоса), вероятно, из Ольвии», «обломок с именем Юлиана из Ольвии» (л.128,129).

К сожалению, до нас дошли лишь осколки богатого собрания И.К.Суручана, которое постигла печальная участь.

ЛИТЕРАТУРА

Беккер П.В. 1879. О надписях на ручках греческих амфор из собрания И.К.Суручана // ЗООИД, XI. Одесса. С. 13-50.

Власова Е.В. 1996. Эрмитаж и судьба коллекции И.К.Суручана // Эрмитажные чтения памяти В.Ф.Левинсона-Лессинга. Краткое содержание докладов. СПб.

Власова Е.В. 1998. Музей И.К.Суручана в Кишиневе (судьба коллекции) // Жебелевские чтения. I. Тезисы докладов. СПб.

Маркевич А.И. 1900. И.К.Суручан // ЗООИД XXII.

Суручан И.К. 1882. Реферат об ольвийской псефизме в честь Харзоаза (Транскрипция надписи с латинским переводом) // Труды Киевской Духовной Академии, май, №5. Киев.

Суручан И.К. 1888. Опыт доказательства местонахождения скифского укрепления Алектора и Золотого Берега Константина Багрянородного // Труды VI Одесского археологического съезда. Т. 2. Одесса.

Тураев Б.А. 1913. О некоторых египетских древностях из бывшей коллекции Суручана // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества. СПб.

Список сокращений

АДСВ — Античная древность и средние века
АИК — Археологические исследования в Крыму.
АИМ — Археологические исследования в Молдавии
АКМ — Археологическая карта Молдавской ССР, Кишинев.
АО — Археологические открытия
АП – Археологічні пам'ятки УРСР.
ВВ — Византийский временник. М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВСЯ — Вопросы славянского языкознания. М.
ГЭ — Государственный Эрмитаж. СПб
ДКМ — Древняя культура Молдавии.1974. Кишинев.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИАК — Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБН — Корпус Боспорских надписей.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института Истории Материальной Культуры АН СССР. М.
КСИС – Краткие сообщения Института славяноведения.
КСОАМ — Краткие сообщения Одесского археологического музея.
КФ ИА НАН Украины — Крымский филиал Института археологии национальной Академии наук Украины.
ЛОИА АН СССР — Ленинградское Отделение Института Археологии Академии Наук СССР
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь
МАПП — Матеріали з археології Північн. Причорномор'я.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М. — Л.
НИИ. 1990 — Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев.
НПЛ — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов.1950.М.-Л.
НС – Нумизматика и сфрагистика.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
ПАВ — Петербургский археологический вестник
ПВЛ — "Повесть временных лет".1950. М.-Л.
ПОДУ — Праці Одеського Державного університету
ПС – Палестинский сборник.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РА ИИМК РАН — рукописный архив ИИМК РАН
РГБ — Раннефеодальные государства на Балканах VI-XII вв. М.
СА — Советская Археология
САИ — Свод археологических источников, М.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
СМЛ. 1976 — Славяно-молдавские летописи. М.
ТрГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ТНК — Труды нумизматической комиссии
Тр.ГИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.
ТрОГУ — Труды Одесского Государственного университета.
УІЖ — Український. Історичн. Журнал.
ФА ИИМК РАН — Фотоархив ИИМК РАН
ЭВ — Эпиграфика Востока
AAH — Acta archeologica Hungarica. Budapest.
AARMSI — Analele Academiei Române, Memorile Secţiunii Istorice.
AIIA — Anual Institutului de istorie şi Arheologie «A.D.Xenopol». Iaşi.
AM — Arheologia Moldovei.
AZ — Archäologische Zeitschrift.
BS — Bizantinoslavica
BSNR — Buletunul Societăţii Numizmatice Române. Buc.
CMRS — Cahiers du monde Russe et Soviétique.
Costăchescu — Costăchescu M. 1943. Documentele moldoveneşti de la Ştefaniţă Voivod. Buc.
CSTR — Călători străini în Ţările Române.
IAF. 1895 — N.Iorga. Acte şi fragmente cu privire la istoria Românilor. Buc.
IM. 1962 — Istoria României. Buc.

IOSPE — Latyshev B. 1916. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. I. Petropoli.
Mem. Ant. — Memoria Antiquitatis Muzeul de Istorie. Piatra Neamți.
RIU — Românii în Istoria Universală. Buc.
RRH — Revue roumaine d'historie. Buc.
SCIV(A) — Studii si cercetarii de istoria veche (şi arheologie).Bucureşti.
SCN — Studii şi Cercetări de Numismatică.
SCŞI — Studii şi Cercetări Ştiințifice. Iaşi.
SMIM — Studii şi Materiale de Istorie Medie.
SNG — Sylloge Nummorum Graecorum.
SRI — Studii, Revistă de Istorie. Buc.

C O N T E N T S

AD MEMORIAM

I.B.Kleiman (*Odessa, Ukraine*). Professor Petr Osipovich Karyshkovski (12.03.1921 — 06.03.1988) 8

N.D.Russev (*Kishinev, Moldavia*). The Return of Icar the Happy. Subjective Notes 11

OUR ARCHIVE

Autobiography of P.O.Karyshkovski-Icar 19

P. O. Karyshkovski. Olbian Coins: Mint and Metrology. 20

List of Published Scientific Works by P.O.Karyshkovski 68

TALENTA AND LEPTAE OF THE ANCIENT WORLD

V.P. Alexeev (*Odessa, Ukraine*). About Olbia's Monetary Art in the Classical and Early Hellenistic Time 74

A.E. Tereshchenko (*S.-Petersburg, Russia*). The Coins with the Inscription ΣΙΝΔΩΝ ... 84

S.G. Demyanchuk (*Sevastopol, Ukraine*). Use of Temples for Coinage Purposes in the Northern Black Sea Towns 90

A.N. Levinski (*Kishinev, Moldavia*). Stolniceni Hoard: Cultural and Chronological Interpretation of Coins of Huşi-Vovrieşti Type 92

N.A. Alexeenko, E.Y. Turovskii (*Sevastopol, Ukraine*). A Coin Necklace from the Suburbs of Hersones 100

BYZANTIUM FROM SOLIDS TO NUMMIAE

P.V. Shuvalov (*S.-Petersburg, Russia*). Incidental Fluctuations or Deliberate Selection? (Three Hoards of Follis Coins of the Last Quarter of VI Century) 104

G. Atanasov (*Silistra, Bulgaria*). Anonymous Byzantine Follises of "B" Class and Pechenegs' Invasion in Dobrogea in 1036 111

V.L. Myts (*Simferopol, Ukraine*), S.B. Adaksina (*S.-Petersburg, Russia*). The Findings of Golden Byzantine Coins from Aluston Excavations 123

I. A.Baranov, V. V. Maiko (*Simferopol, Ukraine*). Byzantine Coins of Middle X c. from Sudak 128

HARD FLOWERS OF THE MIDDLE AGE

S.G. Bocharov (*Simferopol, Ukraine*). Caffa's Genoese—Tatar Copper Coins 130

V.P. Kirilko (*Simferopol, Ukraine*). Aspres with Capital T on the Obverse: the Experience of Interpretation 137

E. Nicolae (*Bucarest, Romania*). **Two Coins from the Late Period of the Golden Horde's Domination in the Western Side of the Dniester** 142

L.L. Polevoy (*New York, USA*). **Unknown Bulgarian Coins?** 147

G.A.Kozubowski (*Kiev, Ukraine*). **The Treasure of the Prague Groshes with Countermarks from Kiev** 153

A.P. Gorodenco (*Kishinev, Moldavia*). **Two Coins of Asprocastro Coinage** 156

V.L.Mytz (*Simferopol, Ukraine*), **S.B.Adaksina** (*S.-Petersburg, Russia*). **Treasure of Paying Capacity Silver Ignots of XV c. from Aluston** 159

N.A. Kukhar-Onishko (*Nikolaev, Ukraine*), **S.N. Travkin** (*S.-Petersburg, Russia*). **On One Hoard Found in Moldova** 170

MONOGRAPH INSIDE THE JOURNAL

P.P. Byrnja. N.D. Russev (*Kishinev, Moldavia*). **The Coins of the Medieval Moldavia. (Historical and Numismatic Sketches)** 176

COINS USED FOR HISTORICAL RESTORATIONS

R.A. Rabinovich (*Kishinev, Moldavia*). **Dirhams on the Territory of Moldova: Cultural and Historical Context** 263

J.E.Varvarovski. **"Mamay Horde" (Based on Written Records and Numismatics)** 276

DIGNITY SYMBOLS

Beletski S.V. (*S.-Petersburg, Russia*). **Ruriks' Symbols on the Drohiczyn's Leads (According to K.V. Bolsunowski's Code)** 288

I.E. Goncharova (*Kishinev, Moldavia*). **The Medal in the Memory of Poltava Battle** 331

J.A.Dobroliubskaia, A.O.Dobroliubski (*Odessa, Ukraine*). **"Save me, my talisman…"** 334

ARCHAEOLOGICAL THEOREMS

L.S.Klejn (*S.-Petersburg, Russia*). **The Depth of Archaeological Fact and the Problem of Reconversion** 337

HISTORY OF SCIENCE

E.V.Vlasova (*S.-Petersburg, Russia*). **I.K.Suruchan and his museum** 362

ABBREVIATIONS 369

CALL FOR PAPERS 373

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция журнала “Stratum plus” приглашает Вас принять участие в нашем издании.

Требования к материалам, представляемым в редакцию журнала “Stratum plus”

Текст

1. Материалы принимаются на русском языке с приложением краткого (до 2000 символов) резюме на английском языке.

2. Текст следует набирать на компьютере в программе Microsoft Word (версия не выше Word 7.0 — Word 97), либо в Word’овском формате *.rtf или в текстовом редакторе под DOS (формат *.txt). Допускается также PageMaker 6.0 или 6.5. Кроме компьютерного варианта, желательна чёткая распечатка. Если в тексте или в списке литературы имеются слова, содержащие буквы с диакритическими знаками, желательно приложить список, в котором эти слова были бы чётко и правильно прописаны.

3. Оформление сносок, списка литературы — как в уже вышедших номерах “Stratum plus”. Если в списке литературы приводится статья, опубликованная в сборнике статей, то необходимо указать фамилию ответственного редактора сборника и название издательства.

4. Необходим список используемых сокращений.

Иллюстрации

1. Иллюстрации принимаются либо в форматах, читаемых программами Adobe Photoshop (*.bmp, *.jpg, *.gif, *.pcx, *.tif, *.psd/ppd и др., предпочтительнее всего *.jpg) или Corel (*.cdr), либо на бумаге формата А4 (машинописный формат) в контрастном чёрно-белом варианте. Не принимаются иллюстрации на миллиметровой бумаге. Фотографии контрастные.

2. Диаграммы могут быть оформлены либо на бумаге (требования те же, что и к рисункам), либо в программах типа Excel версии 97 или ниже. В самом крайнем случае можно дать данные в виде таблицы с указанием, что на её основе следует построить диаграмму.

3. Если рисунок содержит номера, они должны быть впечатаны на компьютере. Если такой возможности нет, допускаются разборчивые карандашные номера.

4. В конце материала даётся список подписей к иллюстрациям.

Способ доставки

1. Электронная почта: E-mail: root@rm.moldova.su

2. Обычная почта: 2024 Республика Молдова, Кишинёв, ул. Зимбрулуй 10а, Высшая Антропологическая Школа, редакция журнала “Stratum plus”. Тел. 43-83-42.

3. На дискетах. В этом случае материалы следует присылать в ДВУХ экземплярах.

4. Если публикация требует специфического шрифта (для редких языков), необходимо также записать на эти же дискеты шрифт.

Периодичность издания

Журнал “Stratum plus” издаётся 6 раз в год объёмом от 300 до 450 страниц по единому издательскому плану:

1-й номер	Палеолит	январь-февраль
2-й номер	Неолит, энеолит, бронзовый век	март-апрель
3-й номер	Античная эпоха / Ранний железный век	май-июнь
4-й номер	Римское время / Эпоха Великого переселения народов	июль-август
5-й номер	Средние века	сентябрь-октябрь
6-й номер	Нумизматика и эпиграфика	ноябрь-декабрь

Сроки присылки рукописей — не позднее, чем за месяц до выхода очередного номера журнала.

После того, как статья свёрстана, принципиальные изменения в ней ***не допускаются***. На этом этапе возможна лишь грамматическая правка в пределах, не влияющих на размещение текста на странице.

Редакция журнала “Stratum plus” желает Вам успехов в Вашей научной деятельности.

Искренне ВАШ “Stratum plus”.

Stratum plus. ВАШ археологический журнал.
Кишинев. Высшая Антропологическая школа. 1999. — 374 стр.

Высшая Антропологическая школа.
MD 2024, Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.
Подписано к печати 18.12.1999. Формат 60×84 1/8. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «гельветика». Усл. печ. л. 42. Тираж 750 экз. Заказ 289.
Отпечатано АО «Бизнес-Элита». Кишинев, ул. Щусева 106, оф. 23.